ГЕНРИХЪ ИБСЕНЪ

Полное Собраніе Сочиненій

THE LIBRARY
BRIGHAM YOUNG UNIVERSITY
PROVO, UTAH

ПОЛНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ СОБРАНІЕ

ДРАМАТИЧЕСКИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ

Генриха Ибсена

ВЪ ТРЕХЪ ТОМАХЪ.

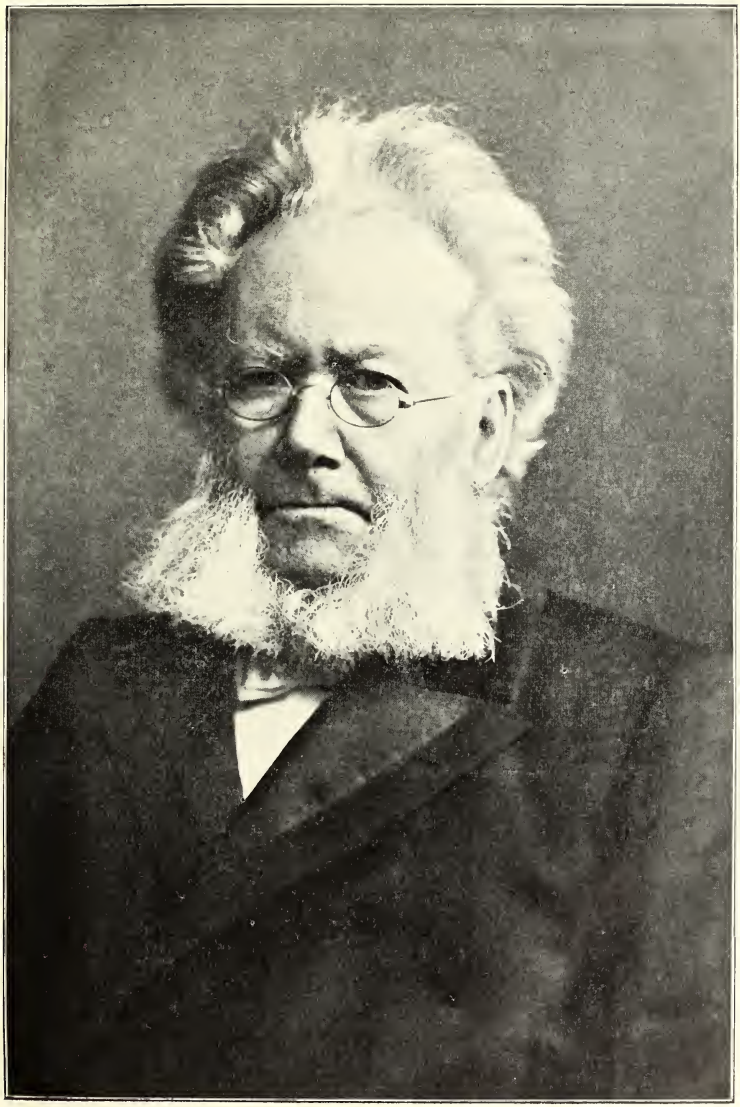
Томъ I.

Переводъ съ датскаго М. В. ЛУЧИЦКОЙ.

Южно-Русское Книгоиздательство „Ф. А. Іогансонъ“.
Владѣлецъ П. И. Бонадуреръ.
Кіевъ—С.-Петербургъ—Одесса.

КІЕВЪ.
Лито-Типографія „С. В. Кульженко", Пушкинская ул., соб. домъ, № 4.
1912.

THE LIBRARY
BRIGHAM YOUNG UNIVERSITY
PROVO, UTAH



Генрихъ Ибсенъ.

Digitized by the Internet Archive
in 2012 with funding from
Brigham Young University

http://archive.org/details/polnoeilliustrir01ibse

Генрихъ Ибсенъ.

I.

Богато одаренные, геніальные умы не только составляютъ гордость своего народа, но и идутъ впереди своего времени, способствуя развитію и процвѣтанію въ жизни благородныхъ зачатковъ, которые скрыты отъ взоровъ и таятся въ глубинѣ человѣческихъ сердецъ. И хотя все то великое и прекрасное, что они открываютъ, не можетъ быть сразу понято и оцѣнено по достоинству всѣми и каждымъ, но сдѣланный ими посѣвъ никогда не пропадаетъ безъ пользы. Наступаетъ рано или поздно время, когда ростокъ пробьется сквозь землю и дастъ плоды на благо всѣмъ. Это служитъ лучшею наградою великихъ умовъ и доставляетъ имъ вѣчную славу." Въ такихъ словахъ привѣтствовалъ шведскій король Оскаръ Генрика Ибсена, поздравляя его съ семидесятилѣтіемъ его рожденія.

И, дѣйствительно, ростокъ посѣяннаго Ибсеномъ сѣмени далъ богатые плоды, доставившіе маститому автору всемірную извѣстность и поставившіе его имя наряду съ именами величайшихъ поэтовъ—художниковъ прошлого и настоящаго. Въ наши дни Ибсенъ больше всѣхъ другихъ писателей, за исключеніемъ развѣ одного Толстого, останавливаетъ на себѣ вниманіе критики и читающаго міра. „Можно восхищаться имъ или спорить съ нимъ", говоритъ д-ръ Садгеръ въ Neue Freie Presse, „одно только невозможно: равнодушно и хладнокровно читать его." Многіе поклонники Ибсена учились норвежскому языку только для того, чтобы затѣмъ основательно изучить ибсеновскія произведенія, напр. Вернеръ, Пассаргъ и др. Полныя собранія его сочиненій изданы уже на испанскомъ, англійскомъ, французскомъ, итальянскомъ и русскомъ языкахъ, а отдѣльными піесами его сочиненія переводились на шведскій, финскій, англійскій, нѣмецкій, голландскій, французскій, фламандскій, испанскій, португальскій, польскій, русскій, малорусскій, венгерскій, сербскій, армянскій языки. Объ Ибсенѣ написаны цѣлыя книги, такъ что онѣ могутъ составить библіотеку томовъ въ 70. Нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій излагаютъ подробно біографію поэта, содержаніе его произведеній, истолковывая ихъ внутренній смыслъ; наиболѣе выдающіяся изъ нихъ вышли изъ подъ пера Брандеса, Іегера и Вернера; другія касаются разныхъ сторонъ его произведеній, отдѣльныхъ затронутыхъ имъ вопросовъ и идей. Историки литературы, эстетики, драматурги, философы, юристы, медики, психологи, протестантскіе и католическіе священники въ книгахъ, журналахъ и газетахъ Стараго и Новаго Свѣта подвергали обсужденію произведенія норвежскаго поэта, превозносили ихъ до небесъ или объявляли совершенно неудачными, видѣли въ проводимыхъ имъ идеяхъ спасительный для общества рычагъ или называли ихъ разрушительными, черпали изъ его піесъ темы для проповѣдей (пасторъ Вексель по поводу Бранда и многіе проповѣдники Англіи и Америки) или сюжеты для медицинскихъ и психологическихъ чтеній, придавали самое разнообразное толкованіе его поэзіи, признавая ее то идеальною, то реалистическою, то натуралистическою, то соціалистическою, или даже анархическою. Однимъ словомъ, каждое новое сочиненіе Ибсена признавалось цѣлымъ событіемъ и приводило въ движеніе перья и умы. Въ однихъ кругахъ общества это движеніе принимало характеръ настоящаго ибсеновскаго культа, въ другихъ возбуждало сильное раздраженіе. Но и тѣ, которые наиболѣе возставали противъ его

ученій, его теорій и его художественныхъ методовъ, признавали, что онъ обладаетъ особенною чарующею силою и возбуждаетъ въ высшей степени интересъ читателей. Въ нѣкоторыхъ германскихъ и австрійскихъ университетахъ въ послѣдніе годы читались студентамъ лекціи о поэзіи Ибсена: въ Берлинѣ въ 1893 г. доцентомъ Рехомъ, въ 1896 г. д-ромъ Вернеромъ, въ Боннѣ въ 1893—4 г. г. проф. Лицманомъ, въ Клермонъ-Ферранѣ проф. Эраромъ и т. д. Безчисленное количество популярныхъ лекцій для публики читались объ Ибсенѣ во всѣхъ странахъ свѣта, иногда, какъ напр. въ Парижѣ въ Théâtre libre, передъ постановкою на сценѣ его піесы, передъ поднятіемъ занавѣса.

Драмы Ибсена играли раньше всего въ Норвегіи и Даніи, но со времени появленія „Норы“ или „Кукольнаго Дома“ онѣ обошли всѣ сцены Стараго и Новаго Свѣта, пользуясь на нихъ грандіознымъ успѣхомъ. Многія геніальныя драматическія артистки пожинали въ роли Норы наиболѣе блестящіе лавры какъ у себя дома, такъ и во время своихъ артистическихъ поѣздокъ на сценахъ большихъ городовъ, напр. Элеонара Дузе, miss Archurch, Гедвига Нимannъ-Раабе, miss Janet. и др. Въ Въ Берлинѣ, Петербургѣ и Лондонѣ въ 1892—3 г.г. Элеонора Дузе возбуждала величайшій восторгъ своимъ изображеніемъ Норы. „Никогда еще въ Лондонѣ, пишутъ въ National Zeitung въ 1893 г., мы не видали такого взрыва энтузіазма, какъ при игрѣ Дузе въ роли Норы. Даже партеръ, флегматичные, изысканно одѣтые обладатели креселъ, и тѣ бросали вверхъ свои шляпы и кричали неистово браво“. Почти такимъ же успѣхомъ пользовались и многія другія драмы Ибсена: „Привидѣнія“, „Росмерсгольмъ“, „Врагъ Народа“и т. д.

Впрочемъ, воздавая должное игрѣ артистовъ, публика и критики не всегда одинаково благосклонно относились къ самому автору изображаемыхъ на сценѣ драмъ. Во время артистическихъ поѣздокъ miss Archurch въ Южной Америки и Австраліи „Кукольный Домъ“ былъ встрѣченъ въ Сиднеѣ градомъ насмѣшекъ, бранными возгласами и мяуканіемъ публики, а критикъ одной изъ крупныхъ газетъ въ Мельбурнѣ выразился такъ: „Шекспиръ 300 лѣтъ тому назадъ подвергъ глубокому изученію человѣческое сердце, а все же норвежскій писатель попалъ въ просакъ. Черезъ 300 лѣтъ не останется и слѣда созданнаго имъ вычурнаго образа, между тѣмъ какъ любовь Дездемоны будетъ по прежнему услаждать сердца зрителей.“ Въ Нью-Іоркѣ извѣстіе о постановкѣ на сценѣ той же піесы miss Archurch вызвало горячіе протесты со стороны печати. „Мы признаемъ, писала одна изъ крупныхъ мѣстныхъ газетъ, что трудно найти для представленія хорошую драму, но miss Archurch врядъ ли могла бы найти худшую“. А по поводу представленія въ Мейнингенѣ „Привидѣній“ рецензентъ „Berliner Tagblatt“, называя игру актеровъ въ высшей степени увлекательною, говоритъ о самой піесѣ, что она лишена „всякаго признака поэтическаго вдохновенія; эта драма дѣйствуетъ мучительно на нервы, но ничего не говоритъ ни сердцу ни чувству красоты“. „Поклоненіе Ибсену —истерическое явленіе, ибсенизмъ—безуміе, которымъ, къ счастью, заражены лишь немногіе“, писали въ Morning Advertiser въ 1891 г.“ Если „Нора“ истекаетъ желчью, писалъ въ томъ же году. Times, то изъ „Росмерсгольма“ сочится сѣрная кислота“. Его дѣйствующія лица—куча въ высшей степени непріятныхъ и загадочныхъ лицъ. Ибсенъ мѣстный или провинціальный драматургъ“, „Ибсенъ“, возвѣщаетъ Standard, „не драматургъ, не поэтъ, не философъ, не моралистъ, не учитель, не реформаторъ,— онъ только компиляторъ, въ высшей степени непріятныхъ эксцентричностей“. „Его піесы—утомительное изложеніе фантастической теоріи, съ которой ни одинъ здравый умъ не можетъ согласиться“. Тѣмъ не менѣе публика тысячами стекалась на представленіе ибсеновскихъ піесъ, а драма „Привидѣнія“, переведенная на нѣмецкій языкъ, выдержала нѣсколько изданій. Въ Англіи разошлось болѣе ста тысячъ произведеній Ибсена—фактъ, небывалый съ переводными сочиненіями. Во Франціи такъ называемое ибсеновское движеніе съ 1887 г., со времени перваго появленія „Привидѣній“ на Théâtre libre, все болѣе и болѣе усиливается, а въ парижской печати имя Ибсена ставится наравнѣ съ именами Софокла и Шекспира.

Все вышеизложенное свидѣтельствуетъ о томъ, что Генрикъ Ибсенъ, обладая и въ настоящее время полною рабочею силою, достигъ кульминаціоннаго пункта славы и популярности; его имя извѣстно во всѣхъ культурныхъ странахъ, его произведенія читаются, критикуются, комментируются и даются на сценахъ у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ міра; его фамилія послужила корнемъ для образованія техническихъ словъ на всевозможныхъ иностранныхъ языкахъ. Тотъ самый человѣкъ, который въ началѣ своей литературной

дѣятельности стоялъ одинокимъ, какъ д-ръ Штокманъ въ „Врагѣ Народа“, сознаетъ себя теперь творцомъ цѣлаго направленія, создателемъ новаго театра, „носящаго на себѣ особый отпечатокъ искренности, вдумчивости и угрюмой красоты“, поэтомъ-художникомъ, оригинальное міросозерцаніе котораго оставило неизгладимые слѣды на искусствѣ и литературѣ великихъ націй міра.

Посмотримъ теперь, при какихъ условіяхъ возникъ и развился талантъ Ибсена, подъ какими вліяніями росла и крѣпла эта богатая художественная натура.

II.

Хотя Ибсенъ считается норвежцемъ по происхожденію, но въ дѣйствительности четыре поколѣнія, предшествовавшія его рожденію, представляютъ смѣсь датской, шотландской, но главнымъ образомъ нѣмецкой крови. Можно было бы, по всей вѣроятности, найти и примѣсь норвежской крови, если бы изслѣдовать родословную съ материнской стороны, но по прямой линіи ни одна капля ея не досталась Ибсену. „Это происхожденіе“, говоритъ Іегеръ, „бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на его характеръ, на особенности его натуры, объясняя до извѣстной степени его одиночество и его космополитизмъ, а равно и то обстоятельство, что онъ могъ такъ легко разстаться съ родиною и провесть двадцать лѣтъ въ добровольномъ изгнаніи. Шотландскій идеализмъ и пуританизмъ невольно приходятъ на память при изученіи этого писателя, который предъявляетъ людямъ неумолимыя требованія идеалиста и мрачнымъ взглядомъ пуританина окидываетъ міръ. Въ то же время пристрастіе нѣмцевъ къ умозрѣніямъ, къ чистой отвлеченности и способность ихъ къ положительному и систематическому мышленію наложили рѣзкій отпечатокъ на личность Ибсена и его умственный складъ“.

Ибсенъ родился 20 марта 1828 г. въ Скіенѣ, въ одномъ изъ тѣхъ маленькихъ приморскихъ городовъ Норвегіи, гдѣ жизнь течетъ однообразно и тихо, и гдѣ снѣгъ въ теченіе десяти мѣсяцевъ въ году покрываетъ улицы. Отецъ его, жизнерадостный, веселый, живой человѣкъ, отличавшійся необыкновенно общительнымъ характеромъ и острымъ умомъ, не лишеннымъ подчасъ сатирической ѣдкости, велъ большую торговлю и обладалъ значительнымъ состояніемъ. Мать его была самоотверженная, тихая, сдержанная женщина, съ замкнутою, натурою, передавшейся по наслѣдству сыну; она посвящала всю свою жизнь дѣтямъ и мужу. Тихо и скромно протекало дѣтство Ибсена среди богобоязненной, сухой и строгой обстановки проникнутаго протестанскимъ духомъ дома. Первымъ зрѣлищемъ, представившимся его дѣтскому взору, какъ говоритъ самъ Ибсенъ, была прежде всего стоящая одиноко среди площади церковь, съ высокою лѣстницею и большою башнею, а затѣмъ, справа отъ церкви, лобное мѣсто, а слѣва—ратуша съ тюрьмою и отдѣленіемъ для сумасшедшихъ. Эти зданія производили большое впечатлѣніе на ребенка и ириковывали въ сильнѣйшей степени его вниманіе, накладывая мрачную тѣнь на его дѣтскія размышленія. Вообще все мрачное и грустное производило на него всегда наиболѣе сильное впечатлѣніе. Четвертая сторона площади занята была латинскою и реальною школами. „Только архитектура“, говоритъ Ибсенъ, „ничего зеленаго, ничего, носящаго на себѣ отпечатокъ свѣжаго сельскаго ландшафта! Надъ этимъ четвереугольнымъ пространствомъ изъ камня и дерева носился непрестанный шумъ водопадовъ, сквозь который проникалъ съ утра до вечера рѣжущій звукъ лѣсопиленъ, работавшихъ у водопадовъ; онъ походилъ на жалобный женскій стонъ. Когда мнѣ случилось читать потомъ о гильотинѣ, я всегда вспоминалъ этотъ звукъ“. Впослѣдствіи отецъ поэта купилъ себѣ другой домъ, болѣе комфортабельный и помѣстительный, куда семья и переселилась; но первыя впечатлѣнія оставили неизгладимые слѣды въ душѣ ребенка.

Населеніе Скіена отличалось издревле религіознымъ характеромъ, и сектантскія движенія всякаго рода имѣли среди него всегда большой успѣхъ. Въ дѣтствѣ Ибсена громаднымъ вліяніемъ пользовался въ Скіенѣ пасторъ Ламмерсъ, возбудившій движеніе, извѣстное подъ его именемъ. Изъ Скіена оно распространилось повсюду, вызывая большое броженіе въ умахъ. Его вліянію подчинились въ значительной степени нѣкоторые изъ близкихъ поэту лицъ, что не осталось безъ дѣйствія на него. Воспоминанія объ этомъ періодѣ его жизни доставили отчасти матеріалъ для Бранда.

Но не это одно явленіе характеризовало собою Скіенъ. Сословная замкнутость представляла также одну изъ его особенностей. Обыватели дѣлились на арпстократовъ и плебеевъ. Къ первымъ принадлежали чиновники, богатыя семьи города и окрестностей и учителя высшей школы, осталь-

ные были плебеи. Аристократы образовывали тѣсный, сплоченный кругъ, куда плебеи не допускались. Черезъ завѣтный порогъ трудно было проникнуть непосвященнымъ, и каждый, пробившій заколдованный кругъ, считался parvenu, какъ Монзенвъ въ „Союзѣ молодежи“. Такъ же легко выходилъ изъ священнаго круга каждый, какъ только его общественное положеніе измѣнялось къ худшему. Это испыталъ на себѣ Ибсенъ, когда, на восьмомъ году его жизни, Ибсенъ—отецъ вынужденъ былъ прекратить платежи, разорился, и счастью и благосостоянію семьи наступилъ конецъ. Единственное оставшееся у Кнуда Ибсена имущество заключалось въ небольшой дачѣ Венстобъ въ окрестностяхъ города, куда и переселились поэтъ и его родные. Жизнь, которую имъ пришлось здѣсь вести, представляла разительный контрастъ съ прежнею, когда радушное гостепріимство Ибсена—отца привлекало въ домъ массу посѣтителей, когда вокругъ него группировалось скіенское общество. Ибсенъ мастерски описываетъ происходящія въ такихъ случаяхъ измѣненія въ отношеніяхъ окружающихъ лицъ въ нѣсколькихъ своихъ драмахъ, въ „Союзѣ молодежи“, въ „Пеерѣ Гюнтѣ“, въ „Дикой Уткѣ“. „Ахъ, сколько народу толпилось у насъ тогда съ утра до вечера, говоритъ со слезами мать Пеера Гюнта, Озе, разсказывая о своемъ разореніи. И пасторъ, и капитанъ, и вся остальная ватага торчали у насъ по цѣлымъ днямъ, и ѣли, и пили, и напивались, такъ что дымъ стоялъ коромысломъ. А теперь, въ нуждѣ, никто на тебя и не посмотритъ. Пусто стало вокругъ и тихо съ того дня, какъ золото уплыло изъ нашихъ рукъ“. Сильное дѣйствіе произвело на ребенка это отчужденіе отъ общества. Свои впечатлѣнія онъ описываетъ, между прочимъ, въ одномъ стихотвореніи, написанномъ имъ въ 1856 г.

Либо гостемъ въ жизнь ты входишь,
На пиръ жизни приглашенный,
Либо, зритель посторонній,
Вѣтромъ сѣвернымъ гонимый,
Жадно въ свѣтлыя ты окна,
Съ улицы, бѣдняжка, смотришь“.

Съ дѣтства онъ обращалъ на себя вниманіе несвойственною его лѣтамъ серьезностью. Онъ никогда не игралъ, какъ другія дѣти. Когда его младшіе братья и сестры рѣзвились и бѣгали, приглашая его участвовать въ ихъ играхъ, онъ всегда упорно отказывался и удалялся въ уголъ корридора, ведущаго въ кухню, устраивая баррикады, чтобы защитить себя отъ непрошенныхъ вторженій. Здѣсь онъ проводилъ время не только лѣтомъ, но и зимою, несмотря на сильнѣйшій холодъ. Онъ занимался въ своемъ завѣтномъ уголку чтеніемъ, и продѣлываніемъ разнаго рода фокусовъ, въ которыхъ выказывалъ большое искусство, а также рисованіемъ. Его способности къ живописи возбуждали восхищеніе у его товарищей, когда онъ 14 лѣтъ поступилъ въ реальную школу Скіена, но надежды на развитіе художественнаго таланта, который онъ въ себѣ ощущалъ, должны были вскорѣ разсѣяться передъ неумолимою дѣйствительностью. Нечего было и думать о занятіи живописью, когда впереди всего ставился вопросъ о добываніи куска насущнаго хлѣба. Въ возрастѣ шестнадцати лѣтъ онъ долженъ былъ оставить родной городъ и семью, чтобы никогда больше не возвращаться въ него на продолжительное время. Тяжелыя воспоминанія уносилъ онъ съ собою. Тюрьма, домъ сумасшедшихъ, лобное мѣсто, гнетъ общественнаго мнѣнія, узкіе провинціальные предразсудки, сословная замкнутость, глубокое различіе, проводимое въ обществѣ между богатыми и бѣдными—все это оставило на немъ неизгладимый отпечатокъ и съ раннихъ лѣтъ внушило симпатію ко всѣмъ угнетеннымъ и обездоленнымъ и недовѣріе къ такъ называемымъ устоямъ общества. Замкнутымъ въ себѣ, молчаливымъ, серьезнымъ, погруженнымъ въ постоянныя размышленія и мечтанія—вотъ какимъ покидалъ онъ Скіенъ.

Онъ переѣхалъ въ Гемстадъ, небольшой городъ въ 800 обывателей, гдѣ, вмѣсто того, чтобы посвятить свои дни палитрѣ и краскамъ, долженъ былъ по цѣлымъ днямъ толочь разнаго рода медикаменты въ мѣстной аптекѣ, въ качествѣ аптекарскаго ученика. Въ такомъ положеніи провелъ онъ пять лѣтъ. „Между этимъ раннимъ занятіемъ, говоритъ г. Минскій заставившемъ его имѣть дѣло съ ядами и готовить пилюли для своихъ согражданъ, и его будущей дѣятельностью, какъ одного изъ самыхъ безпощадныхъ сатириковъ и самыхъ смѣлыхъ отрицателей нашего времени, нельзя не видѣть роковой символической связи. Работа въ аптекѣ пріучила его къ той систематической аккуратности и предусмотрительности, слѣды которыхъ мы видимъ въ планахъ всѣхъ его драмъ“. Но не довольствуясь своею скромною долею, онъ принялся за приготовленіе къ экза-

мену для вступленія въ университетъ на медицинскій факультетъ. Переживаемое имъ время было бурное. Февральская революція, возстанія въ Венгріи и въ другихъ мѣстахъ, шлезвигская война—всѣ эти событія оказывали могущественное вліяніе на развитіе поэта, возбуждали въ немъ новыя мысли, наталкивая его на новые взгляды, о которыхъ ему и не снилось въ Скіенѣ. Одновременно съ наплывомъ новыхъ идей начала пробуждаться и его муза, оттѣсняя на задній планъ увлеченіе живописью, которое сохранилось у Ибсена только въ видѣ страсти къ картинамъ,—единственное движимое имущество, которое онъ признаетъ. Онъ сочинялъ громкія возбуждающія стихотворенія, посвященныя мадьярамъ, убѣждая ихъ упорствовать въ справедливой борьбѣ; писалъ цѣлый рядъ сонетовъ, обращенныхъ къ королю Оскару, съ требованіемъ отбросить въ сторону всѣ мелочныя соображенія и во главѣ своихъ войскъ двинуться на помощь братьямъ въ Шлезвигѣ: „Пробуждайтесь, скандинавы“! возваніе къ шведскимъ и норвежскимъ братьямъ—таково заглавіе этихъ сонетовъ. Его произведеніямъ соотвѣтствовало вполнѣ и возбужденное настроеніе, вызывавшее, какъ говоритъ самъ Ибсенъ, „довольно сомнительное отношеніе къ нему какъ со стороны друзей, такъ и со сторороны враговъ: первые видѣли въ немъ наклонность къ юмористикѣ, выступающую невольно наружу,—вторые никакъ не могли примириться съ тѣмъ, что молодой человѣкъ въ подчиненномъ положеніи позволяетъ себѣ касаться такихъ вещей, о которыхъ они сами не рѣшались даже имѣть опредѣленнаго мнѣнія. И вотъ между молодымъ поэтомъ и маленькимъ обществомъ, среди котораго онъ жилъ, завязалась открытая борьба. Разъ ставши въ оппозицію къ окружающимъ, Ибсенъ неспособенъ былъ отступить. Съ робостью, свойственною сдержаннымъ натурамъ, онъ не любилъ выдвигаться впередъ, и, какъ всѣ застѣнчивые люди, опасался возбудить своими поступками смѣхъ и вызвать скандалъ,—но теперь, именно потому, что выраженныя имъ мнѣнія и убѣжденія, его сокровенныя думы возбуждали всеобщій смѣхъ, онъ немедленно занялъ наступательное положеніе, и на насмѣшки сталъ отвѣчать цѣлымъ градомъ эпиграммъ и каррикатуръ, задѣвая при этомъ много такихъ лицъ, которыя, какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи къ „Катилинѣ“, заслуживали лучшаго отношенія съ его стороны.

Таково было положеніе дѣлъ, когда во время приготовленій къ экзамену Ибсену пришлось изучать „Катилину“ Саллюстія и рѣчи Цицерона, касавшіяся перваго. Онъ жадно поглотилъ эти сочиненія, и человѣкъ, съ которымъ вліятельный и неугомонный предводитель большинства, Цицеронъ, не нашелъ возможнымъ вступить въ борьбу, пока дѣла не приняли такого оборота, что всякая опасность для нападающаго исчезла, сталъ рисоваться передъ мысленнымъ взоромъ молодого поэта совершенно въ иномъ видѣ, чѣмъ тотъ, въ какомъ его изображалъ римскій писатель. Саллюстій и Цицеронъ относятся къ нему какъ къ безпокойному искателю приключеній, у котораго вся суть дѣятельности заключается въ удовлетвореніи своихъ личныхъ страстей, и который съ отчаянною смѣлостью хватается за самыя крайнія средства, не брезгая ничѣмъ, чтобы, если не мытьемъ, такъ катаньемъ, достигнуть своей цѣли. Ибсену это представленіе казалось совершенно невѣрнымъ, тѣмъ болѣе, какъ онъ говоритъ, что „мало есть историческихъ личностей, память которыхъ была бы такъ всецѣло отдана во власть противниковъ, какъ то было съ Катилиной“. Ибсену Катилина рисовался въ образѣ негодующаго идеалиста, возмущающагося испорченностью своего времени, позоромъ, развратомъ и грязью, въ какіе погрузился нѣкогда столь гордый Римъ. Вотъ какъ самъ Катилина у Ибсена характеризуетъ себя: я „человѣкъ, горячо сочувствующій дѣлу свободы, врагъ всякаго неправеднаго насилія, другъ каждаго притѣсненнаго, каждаго слабаго, боецъ, горящій жаждою свергнуть неправеднаго сильнаго“. Онъ добивается возстановленія гражданской свободы „и пробужденія гражданскаго духа когда-то господствовавшаго въ Римѣ“. Онъ хочетъ „вернуть назадъ золотые дни, когда каждый римлянинъ съ радостью готовъ былъ отдать жизнь въ защиту чести своей родины и жертвовать всѣмъ своимъ имуществомъ для счастья народа“. Онъ жаждетъ „разрушить Римъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ въ его время, испепелить его“. „Тогда, говоритъ онъ, я брошу кличъ сильнымъ и звучнымъ голосомъ, вызывая изъ могилы друзей Катона, и тысячи духовъ откликнуться на мой зовъ,—оживутъ и возсоздадутъ вновь Римъ изъ пепла“. Но Катилина былъ слишкомъ сыномъ своего вѣка, чтобы успѣшно выступать въ роли реформатора. Мужественный, сострадательный, правдивый, онъ былъ въ тоже время надѣленъ самыми дикими, разнузданными страстями, съ кото-

рыми у него не хватало силъ справиться. Отсюда постоянныя противорѣчія, губительно дѣйствующія на него. Надъ нимъ, какъ онъ самъ говоритъ, „тяготѣетъ проклятье, которое является слѣдствіемъ соединенія могучей душевной силы, горячихъ стремленій, съ одной стороны, и пелѣной жизни и низменныхъ жизненныхъ условій, принижающихъ духъ, съ другой". Эти злосчастныя условія тяжелымъ гнетомъ ложатся на душу Катилины и дѣлаютъ его неспособнымъ къ великимъ дѣламъ. Если бы лучшіе зачатки могли получить иеревѣсъ въ душѣ Катилины, то и лучшіе союзники, и лучшія средства представились бы ему для спасенія государства. Но при существующихъ условіяхъ онъ не можетъ создать ничего прочнаго, ничего хорошаго, великаго, и, убѣдившись лично въ своей слабости и въ ничтожествѣ своихъ союзниковъ, рѣшается, по крайней мѣрѣ, разрушить все, уничтожить, отомстить за себя—удовлетворить свое честолюбіе; —онъ дѣлается, по выраженію Вернера, „преступникомъ вслѣдствіе утраченной добродѣтели". „Мщеніе, восклицаетъ Катилина. Да, это настоящее слово—мой лозунгъ, мой боевой кличъ! Кровавое мщеніе! Мщеніе за всѣ тѣ надежды и мечты, которыя разрушены были во мнѣ зловѣщимъ, враждебнымъ рокомъ! Мщеніе за всю мою погубленную жизнь"!

Увлекшись созданнымъ имъ идеаломъ, Ибсенъ немедленно иринимается за работу и въ одинъ мѣсяцъ сочиняетъ трехъ-актную драму: „Катилина". Драму свою онъ писалъ въ ночное время. У своего принципала онъ „долженъ былъ выкрадывать часы для ученья, а изъ этихъ украденныхъ часовъ не кралъ ни одной минуты для писанія, поэтому оставалось одно: посвящать поэзіи ночи". „Катилина, по словамъ Вазеніуса, въ ибсеновской драмѣ является вѣрнымъ изображеніемъ исторической личности, носящей это имя. Даръ интуиціи у молодого поэта доставилъ ему возможность понять основные мотивы характера Катилины совершенно вѣрно, согласно исторической иравдѣ". Мы не можемъ судить, насколько такое заявленіе соотвѣтствуетъ истинѣ, но если Ибсенъ даже ошибся въ характеристикѣ лица изображаемой имъ эпохи, онъ въ существенныхъ чертахъ воспроизвелъ въ драмѣ свой собственный внутренній міръ, и это его произведеніе, по его собственнымъ словамъ, является истолкованіемъ его, въ особенности, если смотрѣть на драму, какъ на первую его работу. „Многое и многое изъ того", говоритъ онъ, „что впослѣдствіи послужило темою для моего творчества, противорѣчіе между способностями и стремленіями, между волею и возможностью, трагедія и комедія, развивающіяся рука объ руку въ жизни человѣчества и отдѣльныхъ лицъ,—выступаютъ впередъ уже въ этомъ первомъ опытѣ въ неясныхъ намекахъ и указаніяхъ". Драма эта воплощаетъ въ себѣ чувства и стремленія Ибсена въ эту эпоху. Въ одно изъ своихъ посѣщеній родного дома въ этотъ періодъ его жизни, Ибсенъ, прогуливаясь съ сестрою, объявилъ ей о своемъ желаніи достигнуть самаго великаго и совершеннаго изъ всего, что можетъ быть достигнуто. „А если ты этого достигнешь, что же тогда"? спросила сестра. „Тогда хотя бы умереть", былъ отвѣтъ. Это идеальное, мечтательное и безкорыстное юношеское честолюбіе воспроизводится въ слѣдующихъ строкахъ „Катилины": „Если бы я могъ хоть на одно мгновеніе блеснуть и освѣтить мракъ, какъ звѣзда въ своемъ паденіи,—если бы я могъ хоть разъ прославиться славнымъ подвигомъ,—тогда я съ радостью, въ моментъ побѣды, проткнулъ бы мечомъ свою грудь и умеръ бы свободнымъ и счастливымъ, потому что тогда я могъ бы сказать: я жилъ.

Кромѣ героя драмы, вниманіе читателей иривковывается двумя женскими фигурами, Аврелій и Фуріей, которыя какъ бы олицетворяютъ въ себѣ противоиоложныя стороны его „я". Аврелія, жена Катилины, олицетворяетъ собою его лучшую сторону: все кроткое и нѣжное въ его характерѣ она умѣетъ въ извѣстныя минуты вызывать наружу; напротивъ того, весталка Фурія олицетворяетъ собою его дикія, разнузданныя страсти: она возбуждаетъ его къ разнаго рода дурнымъ дѣйствіямъ. Эти двѣ женскія фигуры, la blonde et la brune, какъ называетъ ихъ Тиссо, являются ирототипомъ женскихъ личностей, которыхъ изображалъ впослѣдствіи авторъ и которыя играютъ такую видную роль въ его произведеніяхъ. Аврелія представляетъ нѣжную кротость и любовь, которая всѣмъ жертвуетъ и все прощаетъ; но она является первымъ наброскомъ цѣлой галереи ибсеновскихъ женщинъ и, какъ первая, нарисована въ нѣсколько преувеличенномъ видѣ; ея доброта не имѣетъ границъ, она почти сверхъчеловѣческая. Такимъ же прототипомъ является и Фурія для другой значительной группы ибсеновскихъ героинь, съ демоническою натурою. Это страстная, необузданная валькирія, сильная и могущественная личность. Сколько такихъ жен-

скихъ типовъ нарисовалъ впослѣдствіи Ибсенъ: Іордисъ, Маргитъ, фру Ингеръ, Гедда Габлеръ и т. д.

Писалъ свое первое произведеніе Ибсенъ, конечно, въ тайнѣ, потому что такое занятіе, какъ писаніе драмъ, было для окружающихъ совершенно не понятно. Но двадцатилѣтнему поэту трудно было обойтись безъ повѣренныхъ своихъ завѣтныхъ думъ, и онъ открылъ свою тайну двумъ молодымъ пріятелямъ, одного возраста съ нимъ. Одинъ изъ нихъ переписалъ драму начисто, а другой отправился съ копіею ея въ Копенгагенъ, съ самыми радужными надеждами на скорую постановку драмы на сценѣ и на продажу ея какому-нибудь издателю. Но ни первое ожиданіе, ни второе не сбылись. Отъ театральной дирекціи драма была получена обратно съ вѣжливымъ, но рѣшительнымъ отказомъ, а книгопродавцы и издатели высказались въ томъ же духѣ, что и дирекція. Въ концѣ концовъ драму пришлось издать на собственный счетъ, и весною 1850 г. она появилась на полкахъ книжныхъ магазиновъ. Пьеса возбудила вниманіе и интересъ среди студенческаго міра, но критика отнеслась съ большою строгостью къ недостаткамъ стихосложенія и вообще нашла книгу незрѣлою. Изъ перваго изданія мало что было распродано. Часть изданія была сдана на храненіе пріятелю, и вотъ однажды вечеромъ, когда домашнія дѣла находились въ затруднительномъ положеніи, всѣ эти кучи печатнаго матеріала были преспокойно проданы старьевщику, что доставило молодымъ людямъ на нѣсколько дней все необходимое для удовлетворенія ихъ насущныхъ потребностей.

Кромѣ „Катилины“, отъ пребыванія Ибсена въ Гемстадѣ сохранилась цѣлая тетрадь лирическихъ произведеній, въ которыхъ можно уже разглядѣть будущее настроеніе драматурга. Тамъ напр. въ воспоминаніи о балѣ Ибсенъ разсказываетъ, что онъ долго искалъ идеальную красоту и, наконецъ, плѣнившись парою прекрасныхъ глазъ, былъ представленъ ихъ обладательницѣ. Онъ танцуетъ съ нею, и восклицаетъ съ восхищеніемъ: „Что значитъ борьба и обманъ цѣлой жизни передъ такимъ часомъ“; но тутъ же говоритъ: „о, судьба, отними у меня этотъ избытокъ счастья! Не дай этому часу осквернится продолженіемъ. Я нашелъ ее,—чего болѣе?“ Это исканіе въ любви не счастья, говоритъ г. Минскій, а лишь прекрасной возможности воспоминаній со временемъ ляжетъ въ основу такихъ драматическихъ перловъ, какъ „Комедія любви“ и „Женщина съ моря“.

Въ Христіаніи Ибсенъ занялся прежде всего приготовленіемъ къ экзамену. Для этой цѣли онъ поступилъ въ Гельтбергскую школу, извѣстную подъ прозвищемъ „студенческая фабрика“. Тамъ онъ подружился съ Осмундомъ Винье и Бьернстьерне Бьернсономъ, который, описывая въ стихотвореніи „Старый Гельтбергъ“ своихъ товарищей, между прочимъ говоритъ: „Возбужденный и сухой, блѣдный, какъ мѣлъ, притаясь за своей огромной черной, какъ смоль, бородой, сидѣлъ Генрикъ Ибсенъ“. Въ виду своего зрѣлаго возраста и своей бѣдности, Ибсенъ постарался по возможности сократить ученіе и уже черезъ пять мѣсяцевъ представился къ экзамену. Въ результатѣ получилось двѣ переэкзаменовки: по гречески и по ариѳметикѣ. Но онъ удовольствовался первою пробою, отбросилъ въ сторону науки (уже впослѣдствіи онъ получилъ титулъ доктора философіи honoris causa) и посвятилъ себя отнынѣ исключительно литературной дѣятельности. Къ этому его подстрекнуло отчасти слѣдующее событіе.

Еще во время приготовленій къ экзамену онъ сочинилъ одноактную драму: „Курганъ“, которая въ скорости была поставлена на сценѣ христіанскаго театра и выдержала два представленія, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ считалось уже успѣхомъ. Критика отнеслась благопріятнѣе къ новому произведенію, потому что Ибсенъ не пролагалъ на этотъ разъ новыхъ путей, а шелъ по стопамъ Эленшлегера. Скудно приходилось тогда молодому поэту въ экономическомъ отношеніи. Гонорара, полученнаго за поставленную въ театрѣ піесу, хватило не надолго, и Ибсену и его товарищу Шуleруду, жившему вмѣстѣ съ нимъ, нерѣдко приходилось положительно голодать. Чтобы не дать замѣтить окружающимъ свое положеніе, они въ часъ обѣда, исчезали изъ дома, а затѣмъ возвращались, какъ будто пообѣдавъ. Несмотря на испытываемыя лишенія, веселое и жизнерадостное настроеніе не покидало молодыхъ людей.

Съ 1851 г. три друга, Боттенъ-Іансенъ, Ибсенъ и Винье стали издавать совмѣстно еженедѣльную газету подъ названіемъ Mand (человѣкъ). Оба товарища были старше Ибсена: Боттену-Іансену было 26 лѣтъ, Винье—33 года. Первый обладалъ большими знаніями по иностранной литературѣ; въ особенности знакома ему была Молодая Германія, о писателяхъ ко-

торой онъ далъ въ газету рядъ статей. Винье былъ менѣе начитанъ, но обладалъ большими способностями и свѣтлымъ и яснымъ умомъ, изощрившимся во время тяжкой борьбы за существованіе. Постоянное общеніе съ этими писателями сильно способствовало умственному развитію Ибсена, который явился въ Христіанію, воодушевленный революціоннымъ и оппозиціоннымъ духомъ своего времени. Онъ ожидалъ встрѣтить въ столицѣ полное сочувствіе своимъ взглядамъ, но натолкнулся въ національномъ собраніи на сильнѣйшую реакцію, вызванную событіями 1848 г., и испыталъ сразу величайшее разочарованіе. Впервые пришлось ему замѣтить, что идеалы и дѣйствительность—двѣ различныя вещи, впервые пришлось ему стать лицомъ къ лицу съ „духомъ копромиса“, столь ненавистный ему. Онъ почувствовалъ презрѣніе къ оппозиціи стортинга, призналъ ея членовъ жалкими, ничтожными, и въ результатѣ получилось новое сочиненіе: „Норма или любовь политика“, музыкальная трагедія въ трехъ дѣйствіяхъ, въ которой оппозиція осмѣивалась за ея безхарактерность, а нѣкоторые изъ членовъ стортинга клеймились именемъ искателей приключеній. Его первое разочарованіе вызвало и его первую сатиру. Остальные его вклады въ Mand очень ничтожны: нѣсколько стихотвореній, нѣсколько статей. Газета не имѣла успѣха: пріобрѣвъ въ теченіе полугода всего сто подписчиковъ, она къ концу третьей четверти прекратила свое существованіе.

Опять Ибсенъ очутился ни съ чѣмъ послѣ полутора года пребыванія въ Христіаніи, испробовавъ свои силы въ качествѣ драматическаго писателя, лирическаго поэта, политическаго сатирика, критика и редактора. Но все же его дѣятельность доставила ему нѣкоторую извѣстность, и когда знаменитый скрипачъ Оле Буллъ основалъ въ Бергенѣ національный театръ, режиссеромъ въ него или такъ наз. инструкторомъ приглашенъ былъ въ ноябрѣ 1851 г. Ибсенъ. Въ слѣдующемъ году онъ на средства театра отправился для изученія сцены въ Копенгагенъ, обязавшись отслужить за это пять лѣтъ за жалованье въ годъ 300 далеровъ. Его дѣятельность режиссера норвежскихъ театровъ въ теченіе почти десяти лѣтъ доставила ему то техническое совершенство, которымъ отличаются его позднѣйшія піесы. Поставивъ на сценѣ сотни піесъ оригинальныхъ и переводныхъ, онъ прошелъ школу, которая рѣдко доставалась на долю другихъ драмаруговъ. Но въ занимаемомъ Ибсеномъ мѣстѣ были и свои дурныя стороны. Находясь постоянно въ умственномъ общеніи съ любимцами толпы, Эленшлегеромъ, Герцомъ, Скрибомъ, и остальными представителями вычурнаго романтическаго искусства, онъ невольно подчинялся ихъ вліянію. Правда, играли иногда и реалистическія комедіи Гольберга, и драмы Шекспира, но онѣ не пользовались такимъ успѣхомъ. Въ то же время господствовавшее вообще въ Норвегіи той эпохи національное направленіе особенно сильно давало себя чувствовать въ театрѣ. Не хотѣли датскихъ актеровъ, хотѣли непремѣнно норвежскихъ, требовали піесъ съ изображеніемъ норвежскихъ дѣятелей, норвежскихъ типовъ и т. д. Эти два направленія, романтическое и національное, захватили глубоко и космополитически-настроеннаго автора „Катилины“. Но, въ противоположность своимъ современникамъ, увлекавшимся узкими націоналистическими вопросами—народными костюмами, требованіями объ исключительномъ властвованіи на сценѣ норвежскаго языка и т. п., онъ относился иронически къ тому, что было односторонняго и поверхностнаго въ національномъ направленіи. „Національнымъ писателемъ, писалъ онъ въ одной критической статьѣ, можетъ быть названъ тотъ, кто умѣетъ сообщить своему произведенію основной тонъ, который звучитъ намъ на встрѣчу изъ долинъ и горъ, изъ лѣсовъ и съ морского берега, и который громче всего раздается въ нашемъ внутреннемъ я“. Его драмы этого періода написаны всѣ въ романтически—національномъ духѣ, и сюжеты для нихъ почерпнуты изъ народныхъ преданій и сказаній. Каждый годъ, въ день основанія бергенскаго театра, Ибсенъ ставилъ новую свою піесу, основанную на прошлыхъ событіяхъ норвежской жизни: въ 1853 г.—„Ночь подъ Ивана Купала“, написанную подъ впечатлѣніемъ піесы Шекспира „Сонъ въ лѣтнюю ночь“; въ 1854 г. — „Курганъ“ въ новой обработкѣ; въ 1855 г.—„Фру Ингеръ изъ Эстрота“, въ 1856 г.—„Празднество въ Сольгаугѣ“, и въ 1857 г. — „Олафъ Лиліекранцъ“. Въ 1858 г. написана была драма „Вожди на Гельголандѣ“. Изъ этихъ сочиненій только „Фру Ингеръ“, „Празднество въ Сольгаугѣ“ и „Вожди на Гельголандѣ“ были въ то время напечатаны, а позже исправлены и переизданы. Двѣ другія драмы не имѣли особеннаго успѣха на сцѣнѣ и остались въ рукописи. „Олифъ Лиліекранцъ“ былъ изданъ впослѣдствіи на нѣмецкомъ языкѣ, съ котораго мы и переводимъ его.

III.

Разсматривая эти произведенія берге́нскаго періода жизни Ибсена, Брандесъ находитъ, что онъ варьируетъ одни и тѣ же мотивы, все болѣе и болѣе углубляясь въ нихъ, но не съ тою же быстротою расширяя свое поле зрѣнія. Ибсенъ похожъ на тѣхъ художниковъ, говоритъ Брандесъ, „которые постоянно употребляютъ одну и ту же модель: сидя она изображаетъ Брута, стоя Христіана IV; въ хитонѣ „она— Ахиллесъ, въ обнаженномъ видѣ—Самсонъ. У такъ называемаго субъективнаго поэта при этомъ то преимущество, что его модель всегда у него подъ рукой“. Ибсенъ любитъ ставить сильную, богато одаренную, мощную мужскую фигуру между двумя женщинами, изъ которыхъ одна необузданная, другая кроткая, одна мужественная, страстная валькирія, а другая нѣжная, любящая, женственная. Такъ въ „Катилинѣ“ онъ противопоставляетъ Фуріи Аврелію, въ „Празднествѣ въ Сольгаугѣ“ Маргитъ—Сигне, въ „Вождяхъ на Гельголандѣ“ Іордисъ—Дагни. Позже въ „Брандѣ“ онъ ставитъ героя между его злымъ духомъ Гердою и его идеальною женою Агнесою. Подобнымъ же образомъ, лицомъ къ лицу со своимъ героемъ онъ ставитъ несравненно болѣе слабую и мало выдающуюся мужскую фигуру: ничтожнаго, глупаго, самодовольнаго Бенгта въ „Празднествѣ въ Сольгаугѣ“, добраго и мужественнаго Гуннара въ „Вождяхъ на Гельголандѣ“, а въ „Комедіи любви“—Гульдстада, благоразумнаго комерсанта. Что же означаетъ это упорное преслѣдованіе одного и того же мотива, какъ не углубленіе поэта въ самомъ себѣ? спрашиваетъ Брандесъ. „Чувствуешь, какъ онъ все болѣе и болѣе копается въ своемъ внутреннемъ я и, какъ искатель клада, все болѣе и болѣе утрачиваетъ интересъ ко всѣмъ другимъ сокровищамъ, кромѣ того, которое ищетъ“. Что же привлекаетъ Ибсена именно къ сюжетамъ изъ стародавней жизни? То величіе, та сила воли, та страстность, которыя характеризуютъ преданія старины и которыя поэтъ противопоставляетъ слабости и вялости нашего времени. Въ противоположность Бьернсону, Ибсенъ никогда не описывалъ сильнаго, радужнаго настоящаго. „Смотрите на этихъ гордыхъ, сильныхъ людей, скупыхъ на слова, которые молчатъ и страдаютъ, молчатъ и умираютъ, взгляните на эти желѣзныя воли, эти золотыя сердца, на этихъ энергичныхъ дѣятелей—и затѣмъ посмотрите на себя въ зеркало“, какъ бы говоритъ онъ современникамъ. Сила воли—вотъ его идеалъ, но онъ находитъ его только въ прошломъ; въ настоящемъ, какъ видно, напр., изъ „Бранда“, сила воли можетъ повлечь только къ гибели. Для такого рода ингредіентовъ нужны реторты покрѣпче, чѣмъ современная общественная среда. Другая идея, проступающая въ этихъ піесахъ, это вѣра въ призваніе, которое должно быть у каждаго человѣка, и которое ему надлежитъ выполнить, если только онъ не совершенный неудачникъ. Для выполненія этого призванія, онъ обязанъ жертвовать всѣмъ, отказываться отъ всѣхъ радостей, отъ всего счастья, которыя могли бы встрѣтиться ему на пути. Эта поэтическая, полурелигіозная вѣра въ призваніе проявляется и во всѣхъ дальнѣйшихъ произведеніяхъ Ибсена. Фру Ингеръ мѣшаетъ слѣдовать призванію материнская любовь: она прегрѣшила противъ него, родивъ на свѣтъ сына, существованіе котораго вынуждена скрывать. И вотъ все обращается противъ нея: всѣ ея предпріятія оканчиваются однѣми неудачами. „И у Алины также“, говоритъ зодчій Сольнесъ, „было свое призваніе. Такое же хорошее, какъ и мое. Но ея призваніе должно было быть подавлено, уничтожено, разбито въ дребезги, чтобы мое могло прорваться наружу и одержать большую побѣду“. Въ поэмѣ Пьеръ Гюнтъ“ этотъ мотивъ повторяется еще съ большею силою. Мы—мысли, которыя ты долженъ былъ продумать, говорятъ ему клубки, катящіеся по землѣ; мы лозунги, которые ты долженъ былъ провозгласить, шепчутъ засохшіе листья, гонимые вѣтромъ; мы пѣсни, которыя ты долженъ былъ пропѣть, раздается шелестъ въ воздухѣ; мы дѣла, которыя ты долженъ былъ совершить, упрекаютъ Пеера сломанныя соломенки и т. д. Увѣренность въ призваніи нерѣдко служила лучшею поддержкою и самому Ибсену во время разныхъ жизненныхъ превратностей. Обращаясь въ 1866 г. съ прошеніемъ къ королю Карлу, онъ употребляетъ выраженіе: „жизненная задача, которую, какъ я непоколебимо вѣрю и знаю, Богъ возложилъ на меня“,—вотъ въ какомъ видѣ онъ представлялъ себѣ свое поэтическое призваніе.

Тему для драмы „Фру Ингеръ изъ Эстрота“ Ибсенъ взялъ изъ времени глубокаго униженія Норвегіи. Послѣ основанія демократическаго королевства Сверре въ тринадцатомъ столѣтіи, говоритъ Сарсъ въ своемъ сочиненіи „Udsigt over den norske Historie“, норвежская аристократія

утратила свое политическое значеніе, а въ XII—XV в.в. дворянскіе норвежскіе роды падали все ниже и ниже. Ихъ имущества сосредоточивались все въ меньшемъ [количествѣ рукъ, но громадныя богатства, скопившіяся въ однихъ рукахъ, не могли остановить дѣла разрушенія. Процессъ этотъ, говоритъ Сарсъ, закончился какъ разъ въ то время, когда реформаторское движеніе приблизилось къ скандинавскимъ странамъ: тогда въ Норвегіи не осталось ни одного представителя свѣтскаго знатнаго класса: въ ней сохранилось лишь нѣсколько родовъ, которые принадлежали къ низшему дворянству и по своему состоянію и своему политическому положенію мало чѣмъ отличались отъ обыкновенныхъ зажиточныхъ крестьянъ, при чемъ интересы ихъ не переходили за предѣлы даннаго округа, въ которомъ они жили. А между тѣмъ въ то время дворянство было единственнымъ сословіемъ, которое могло служить представителемъ народа какъ въ политическомъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ. Вслѣдствіе этого вымираніе дворянства было равносильно обезлюдѣнію страны. Въ высшихъ слояхъ норвежскаго общества не замѣчалось никакого интереса къ дѣламъ страны, никакой любви къ родинѣ. Послѣдніе представители норвежскаго дворянства были либо сторонниками Швеціи, либо приверженцами Даніи,—среди нихъ не было ни одного убѣжденнаго защитника самостоятельности Норвегіи. Датское дворянство безпрепятственно хозяйничало въ чуждой ему странѣ, захватывало себѣ лучшіе лены, пріобрѣтало путемъ брака и разнаго рода сдѣлокъ всѣ наиболѣе крупныя помѣстья въ странѣ и распоряжалось всѣмъ по своему. Ригсрадъ, правда, существовалъ, но это было, по словамъ Сарса, „учрежденіе, почти лишенное всякой устойчивости, лишенное условій, необходимыхъ для самостоятельной дѣятельности“. Полное почти безправіе царило въ странѣ. Никогда еще норвежская жизнь не носила такого мрачнаго отпечатка. Это тяжелое время служитъ какъ нельзя болѣе подходящимъ фономъ для драмы Ибсена, которая разыгрывается вся въ ночную пору, при свѣтѣ пылающаго очага и свѣчей въ канделябрахъ, освѣщающихъ залу съ ея грозными портретами предковъ, развѣшанными по стѣнамъ. Дѣйствующія лица историческія, но Ибсенъ совершенно свободно распоряжается историческими фактами, подчиняя ихъ тому ходу событій, который сложился у него въ умѣ. Историческими данными онъ пользуется лишь настолько, насколько они необходимы для выясненія основной идеи піесы.

На первомъ планѣ стоитъ сильная, мощная, величественная фигура владѣтельницы Эстрота, мановенію руки которой повинуются всѣ окружающіе. Горячо преданная своей родинѣ, поклявшаяся въ юности пожертвовать для нея своею жизнью, она въ силу рокового стеченія обстоятельствъ оказывается не въ состояніи исполнить свою клятву и должна постоянно сидѣть между двухъ стульевъ, заискивая въ тѣхъ, кого ненавидитъ. Она создана стать во главѣ возмутившагося народа, создана сдѣлаться освободительницею своей родины. Святость задуманнаго ею дѣла, ея восторженное увлеченіе имъ, ея мужество, ея честь, ея клятва, все соединяется въ одно и повелѣваетъ ей дѣйствовать и побѣдить; но она не въ состояніи двинуться съ мѣста, не въ состояніи поднять руки, потому что ея сынъ, плодъ тайной незаконной связи, находится въ рукахъ враговъ въ качествѣ заложника. Боязнь за его жизнь парализуетъ всѣ ея дѣйствія и въ концѣ концовъ заставляетъ ее отдать приказъ убить его въ полной увѣренности, что она убиваетъ другого и этимъ очищаетъ своему сыну путь къ престолу. Не было цѣльной преданности одному дѣлу,—было раздвоеніе личности, получилась половинчатость, и сила и энергія не привели ни къ чему. Фру Ингеръ принесла только зло тѣмъ, кого больше всего любила.

Другая женская фигура въ этой драмѣ, Элине, дочь фру Ингеръ, является копіею своей матери, только въ періодъ ея молодости, такъ что передъ нами изображается въ яркихъ краскахъ два періода жизни какъ бы одной и той же женщины. Мы видимъ ту же страстную, порывистую, властную натуру, съ тою же непреклонною волею, съ тѣмъ же горячимъ стремленіемъ къ другой, лучшей жизни, къ жизни на пользу своей родины, своего народа. Только время, при которомъ начиналась жизнь матери, было иное; народъ и дворянство волновались вмѣстѣ съ нею и жаждали сбросить съ себя ненавистное иго. Элине же предоставлялось предаваться своимъ грезамъ и мечтаніямъ, за неимѣніемъ возможности приложить къ дѣлу свою энергію. Но, наконецъ, настаетъ желанная пора. Народъ встрепенулся. „Я пойду своею дорогою, говоритъ Элине матери; я сознаю въ себѣ силы рѣшиться на все ради нашего праваго дѣла“. Но тутъ и у нея, какъ и у матери, на сцену выступаетъ любовь, съ непобѣдимою силою охватив-

шая эту страстную натуру и сокрушившая и разбившая ея молодую, только что расцвѣтшую жизнь. Эти два женскіе типа взаимно дополняютъ и объясняютъ другъ друга, раскрывая всѣ изгибы души своихъ героинь. На нихъ сосредоточивается главнымъ образомъ интересъ піесы. Менѣе удачно изображены дѣйствующія лица-мужчины: Нильсъ Люкке, честолюбивый дипломатъ, умный интриганъ и, кромѣ того, побѣдитель женскихъ сердецъ, датскій донъ Жуанъ, о которомъ ходила молва, что ни одна женщина не могла взглянуть на него, не влюбившись; Олафъ Скактавль, вѣчный заговорщикъ, неугомонный изгнанникъ, энергію котораго ничто не въ силахъ сломить, Нильсъ Стенссонъ, молодой сынъ фру Ингеръ, безшабашная, разудалая головушка, для котораго море по колѣни. Въ разработкѣ драмы замѣчается ловкая рука инструктора, очень искусно управляющая эффектами и умѣющая возбуждать въ зрителяхъ, все въ большей и большей степени, интересъ къ ходу дѣйствія.

Занятія, вызванныя разработкою сюжета разсмотрѣнной нами драмы, заставили Ибсена приступить къ изученію среднихъ вѣковъ норвежской исторіи. Онъ пробовалъ, насколько могъ, сжиться съ нравами и обычаями того времени, съ жизнью чувствъ этихъ людей, съ ихъ образомъ мыслей и ихъ способомъ выраженій. Но этотъ періодъ норвежской исторіи показался поэту не настолько интереснымъ, чтобы надолго останавливаться на немъ. Притомъ онъ не находилъ здѣсь достаточно матеріаловъ, которые годились бы для драматической обработки. Поэтому Ибсенъ перенесся въ область сагъ. Но королевскія саги и въ особенности странныя историческія событія этой отдаленной эпохи показались ему такъ же мало увлекательными. При томъ настроеніи, въ какомъ онъ въ то время находился, онъ не могъ излагать въ драматической обработкѣ раздоры между королями и вождями, между партіями и народностями. Это должно было наступить позже. За то онъ нашелъ благодарный сюжетъ въ исландскихъ родовыхъ сагахъ, нашелъ въ нихъ то, что требовалось чтобы воплотить въ личности представленія и мысли, которыя въ то время наполняли его или во всякомъ случаѣ болѣе или менѣе ясно носились передъ нимъ. Изъ этихъ родовыхъ хроникъ съ ихъ измѣнчивыми столкновеніями вѣяло на него богатымъ жизненнымъ содержаніемъ, полнымъ силы и живого духа, и благодаря его совмѣстной жизни съ этими давно исчезнувшими отдѣльными личностями, мужчинами и женщинами, возникли въ его воображеніи первые контуры драмы „Вожди на Гельголандѣ“. Два лица, раньше всего возставшія передъ нимъ и воплотившіяся въ плоть и кровь, были Дагни и Іордисъ. Ему казалось необходимымъ включить въ драму большой пиръ, на которомъ колкіе, дразнящіе разговоры доведутъ пирующихъ до роковой схватки. Вообще онъ хотѣлъ изъ встрѣченныхъ имъ въ сагахъ характеровъ, страстей и отношеній воспринять все, что казалось ему наиболѣе типичнымъ для жизни героической эпохи, придать драматическую обработку всему, что было изложено эпически въ Вольсунга-сагѣ. Онъ не успѣлъ еще въ то время набросить связнаго цѣльнаго плана. Одно стояло ясно передъ нимъ: прежде всего надо написать именно такого рода піесу.

Но тутъ случилось много новаго и неожиданнаго. Среди стиховъ, написанныхъ въ то время Ибсеномъ, нѣкоторые бросаютъ свѣтъ на его настроеніе. „Къ чему, пишетъ онъ въ одномъ изъ нихъ, „всѣ мудрые доводы разсудка? Мнѣ противенъ его голосъ; потому что *она*—свободное дитя полей и ей шестнадцать лишь минуло лѣтъ“. „Я рисовалъ поэтическую картину“, говоритъ онъ въ другомъ стихотвореніи, „пестрыми красками, между тѣмъ какъ веселые карые глазки, смѣясь, слѣдили за моею работою“. Подъ вліяніемъ этихъ карыхъ глазомъ мрачная картина, воплотившаяся впослѣдствіи въ трагедію „Вожди на Гельголандѣ“, приняла болѣе радужныя, свѣтлыя и мягкія очертанія и получилась лирическая драма „Празднество въ Сольгауѣ“; ее можно назвать гимномъ торжествующей любви, передъ которой смягчается даже глубоко уязвленное сердце Маргиты. Не безъ значенія, говоритъ самъ Ибсенъ, было и то обстоятельство, что онъ какъ разъ въ это время занялся тщательнымъ изученіемъ „Норвежскихъ народныхъ пѣсенъ“ Линдстада, вышедшихъ въ свѣтъ за два года до того. Настроеніе, въ какомъ онъ въ то время находился, „согласовалось болѣе съ средневѣковою романтикою, чѣмъ съ повѣствованіемъ сагъ, болѣе съ стихотворною формою, чѣмъ съ прозаическою, съ музыкальнымъ языкомъ героическихъ сказаній, чѣмъ съ оригинальнымъ языкомъ сагъ“. И вотъ два женскихъ образа, пріемныя сестры Іордисъ и Дагни предполагаемой трагедіи обратились въ сестеръ Маргиту и Сигне дѣйствительно вышедшей въ свѣтъ лири-

ческой драмы. Смутно намѣченный въ то время герой трагедіи, много странствовавшій и хорошо принятый при дворахъ чужестранныхъ королей, викингъ Сигурдъ, превращается въ рыцаря и пѣвца Іудмунда Альфсона, который также много странствовалъ на чужбинѣ и подолгу гостилъ при дворѣ короля. Его положеніе между двумя сестрами нѣсколько видоизмѣнено сообразно съ измѣнившеюся обстановкою и обстоятельствами. Но отношеніе обѣихъ сестеръ къ нему продолжаетъ въ существенныхъ чертахъ оставаться тѣмъ же, какимъ оно было въ задуманной первоначально и изданной впослѣдствіи трагедіи. Роковой пиръ, который въ первомъ проектѣ занималъ такое выдающееся мѣсто, обратился въ драмѣ въ арену дѣйствій, на которой вполнѣ высказываются главныя дѣйствующія лица піесы. Онъ сдѣлался фономъ, на которомъ вырисовались дѣйствія, и онъ сообщилъ всей картинѣ въ совокупности то основное настроеніе, которое поэтъ желалъ выразить. Конецъ піесы былъ смягченъ сообразно съ тѣмъ, что она выливалась въ драму, а не въ трагедію.

Драма имѣла при постановкѣ на сценѣ большой успѣхъ. „Она была представлена публикѣ съ охотою и увлеченіемъ и такимъ же образомъ принята ею“. Представленіе кончилось многочисленными вызовами автора и актеровъ. Позже вечеромъ оркестръ, въ сопровожденіи значительной части публики, устроилъ Ибсену серенаду. Въ Бергенѣ піеса была сыграна въ первый сезонъ шесть разъ и нѣсколько разъ давалась и въ послѣдующіе сезоны. Она впервые сдѣлала имя Ибсена извѣстнымъ, такъ какъ впослѣдствіи была поставлена на сценахъ Христіаніи, Копенгагена и Стокгольма. „Первое представленіе ея въ Христіаніи вызвало самое сочувственное отношеніе въ публикѣ, и на другой же день Бьернсонъ написалъ самую восторженную, горячую, чисто юношескую статью въ „Morgenbladet“ по этому поводу, поэтическую импровизацію о піесѣ и ея представленіи. Но затѣмъ на сцену, выступила настоящая критика, сочиненная настоящими критиками“. Стали увѣрять, что это копія драмы Генриха Герца: „Домъ оруженосца Дюринга“, что это „не болѣе и не менѣе, какъ безцвѣтное подражаніе драмѣ Герца—плохое норвежское подражаніе хорошему датскому произведенію“ и т. д. Въ предисловіи ко второму изданію драмы Ибсенъ горячо опровергаетъ всѣ эти инсинуаціи, задѣвавшія, повидимому, его за живое, и подробно объясняетъ происхожденіе драмы.

„Красиво оформлена эта небольшая поэма“, говоритъ Брандесъ; „она вылилась изъ души автора, какъ одно гармоническое цѣлое; всѣ подробности тщательно обдуманы, всѣмъ явленіямъ предшествуетъ тщательная психологическая подготовка“. Съ увѣренностью опытнаго драматурга изображаетъ намъ Ибсенъ душевную муку, все болѣе и болѣе усиливающуюся и доводящую Маргитъ до края гибели, до преступленія. Властвовавшія надъ нею мрачныя силы ясно до поразительнаго представляются намъ. Сцена, въ которой Бенгтъ, возбужденный виномъ, ласкаетъ свою несчастную жертву и съ шутками и похвальбою выставляетъ ей на видъ всю горечь ея несчастной супружеской жизни и все жалкое будущее, предстоящее ей, пока, наконецъ, она, охваченная отвращеніемъ и отчаяніемъ, послѣ тяжкой душевной борьбы подноситъ ему кубокъ съ ядомъ, —одна ихъ самыхъ лучшихъ и художественныхъ сценъ, написанныхъ Ибсеномъ. Она показываетъ, какъ далеко шагнулъ впередъ авторъ „Фру Ингеръ“. „Другія дѣйствующія лица драмы, говоритъ Брандесъ, возстаютъ передъ нами точно прозрачныя изображенія людей, точно живопись на стеклѣ, написанная яркими, свѣтлыми красками, съ легко набросанными, но ясными очертаніями. Наиболѣе рѣзко выдѣляется фигура мужа Маргитъ, честнаго, глупаго, безтактнаго Бенгта; ей одной изъ всѣхъ приданъ комичный, слегка карикатурный характеръ. Въ немъ намѣчены черты будущаго героя Гедды Габлеръ, Іоргена Тесмана“.

Въ Христіанію Ибсенъ привезъ съ собою и неоконченную работу: „Вожди на Гельголандѣ“, которую онъ отложилъ въ сторону, увлекшись своимъ лирическимъ настроеніемъ. Здѣсь онъ ее написалъ. Въ этой піесѣ романтикъ дѣлаетъ могущественное усиліе, чтобы сбросить съ себя иго романтизма. Тема взята изъ сказаній Эдды, скандинавскаго пересказа поэмы о Нибелунгахъ. Но, создавая свою драму, поэтъ устраняетъ все сказочное въ повѣствованіи сагъ и сводитъ легендарныхъ людей съ ихъ піедестала неземнаго могущества и величія, рисуя обыкновенныхъ смертныхъ. Въ предисловіи ко второму изданію своей піесы онъ говоритъ: „я хотѣлъ изобразить не міръ нашихъ легендъ, а нашъ образъ жизни въ древнія времена“. Онъ хочетъ создать картину дѣйствительныхъ нравовъ, а не условные типы,

идеализованныя фигуры. Если описываемые имъ нравы не похожи на настоящіе, они во всякомъ случаѣ являются вѣрнымъ воспроизведеніемъ нравовъ той эпохи, которую онъ взялся изобразить. Правда, не весь романтизмъ исчезъ изъ драмы, но онъ заключается скорѣе въ мелочныхъ подробностяхъ, въ костюмахъ, въ декораціяхъ, чѣмъ въ основномъ настроеніи. Такъ Іордисъ является то весь въ черномъ, то въ пурпуровой мантіи; она слышитъ, какъ фантастическія видѣнія, „смѣлые мужи, павшіе въ бою, сильныя женщины“ мчатся по воздуху на воронихъ коняхъ, съ далеко звенящими колокольчиками. Эгиль видитъ въ воздухѣ поѣздъ мертвецовъ и среди нихъ свою мать и т. д. Но самая главная новость въ этой драмѣ—необыкновенная ясность и точность, опредѣленность рѣчи. Въ ней не осталось и слѣда романтической фразеологіи. Изображая могучія, сильныя страсти, Ибсенъ употребляетъ крайне малое количество словъ. Только героиня Іордисъ, поддаваясь своему увлеченію, не всегда умѣетъ совладать со своею рѣчью. За то ей и приходится выслушивать упреки. „По тебѣ видно, что ты женщина“, говоритъ ей Орнульфъ, „ты столько словъ выпускаешь даромъ“. Тотъ же Орнульфъ, научая своего сына-подростка, какъ вести себя въ людяхъ, говоритъ: „не держи безполезныхъ рѣчей; но то, что ты скажешь, должно попадать мѣтко въ цѣль, какъ ударъ меча“. „Ибсенъ, замѣчаетъ Эраръ, будетъ помнить объ этомъ совѣтѣ всю жизнь. Въ своихъ лучшихъ драмахъ онъ прибѣгнетъ къ тому же краткому стилю, style lapidaire, который онъ употребляетъ впервые въ „Вождяхъ на Гельголандѣ“ и который не является у него аффектированнымъ, такъ какъ Ибсенъ выдѣляется своею молчаливостью среди своихъ молчаливыхъ соотечественниковъ“.

Изъ всѣхъ женскихъ образовъ, написанныхъ Ибсеномъ, Іордисъ представляетъ самый ярко выраженный типъ сильной, могучей женщины. „Я изъ рода титановъ“, говоритъ она. „Твой духъ гордъ и силенъ“, говоритъ Гуннаръ, ея мужъ; изъ тебя исходитъ какая-то странная сила;—мнѣ кажется, что она можетъ довести до преступленія и что тогда все, чего бы ты не потребовала отъ меня, будетъ казаться мнѣ прекраснымъ“. Сама она рисуетъ себѣ идеальную жизнь, которую могла бы вести съ Сигурдомъ, слѣдующимъ образомъ: „Я хочу послѣдовать за тобою какъ тѣ храбрыя женщины, которыхъ зовутъ сестрами Гильды; я буду подстрекать тебя идти въ бой, совершать великіе подвиги, такъ, чтобы твое имя прогремѣло далеко по всѣмъ земнымъ странамъ; въ сраженіяхъ я буду стоять рядомъ съ тобою, въ непогоду и въ морскихъ походахъ я буду дѣлить опасности съ твоими воинами, и когда послѣ твоей смерти станутъ сочинять пѣснь о твоихъ подвигахъ, тогда молва разнесетъ повсюду вѣсть о Сигурдѣ и Іордисъ нераздѣльно“. И нарисованная ею картина идеальной совмѣстной жизни съ Сигурдомъ вполнѣ соотвѣтствуетъ тому представленію, которое Сигурдъ составилъ самъ нѣкогда о своей будущей невѣстѣ: „Жена съ возвышеннымъ духомъ нужна герою. Та дѣвушка, которую я выберу, не можетъ довольствоваться скромною долею; никакая почесть не можетъ казаться ей слишкомъ высокою; она должна добровольно слѣдовать за мною въ походы, носить бранныя одежды, возбуждать во мнѣ боевой духъ и не закрывать въ страхѣ глазъ при видѣ сверкающихъ мечей, потому что если она будетъ пугливаго нрава, то мало чести принесетъ мнѣ“. Какъ и у предыдущихъ героевъ и героинь ибсеновскихъ драмъ, предназначеніе, призваніе играетъ въ жизни Іордисъ большую роль. Она призвана сдѣлаться женою Сигурда. Таково велѣніе Норнъ, управляющихъ человѣческою судьбою. „Я вижу свое предназначеніе въ жизни“, говоритъ она Сигурду: „прославлять тебя на весь міръ“. Я родилась для того, чтобы своимъ сильнымъ духомъ ободрять тебя и поддерживать въ тяжкія времена, а ты былъ созданъ для того, чтобы я могла въ одномъ человѣкѣ найти то, что казалось мнѣ великимъ и славнымъ, потому что я знаю. Сигурдъ,—если бы мы соединились, ты сдѣлался бы самымъ доблестнымъ изъ всѣхъ мужей, а я самою счастливою изъ всѣхъ женщинъ“. Но не суждено имъ было соединиться, не суждено было сбыться идеальнымъ мечтамъ. Подчиняясь чувству дружбы и думая, что любимая дѣвушка не отвѣчаетъ ему любовью, Сигурдъ отдаетъ ее своему другу. Въ результатѣ получаются двѣ разбитыя жизни и двѣ полуразбитыя, счастье которыхъ поддерживается только обманомъ, при чемъ обманъ этотъ авторъ и въ концѣ драмы не рѣшается совсѣмъ разсѣять, потому что Гуннара вводитъ въ заблужденіе смерть Сигурда и Іордисъ: „убила его въ ночь передъ поединкомъ“, разсуждаетъ Гуннаръ, „значитъ она все же любила меня“. Сомнѣнія же Дагни Сигурдъ успокоиваетъ увѣреніемъ, что онъ считалъ ее всегда достойною быть его женою.

Глубокое негодованіе и горе возбуждаютъ въ Іордисъ слова Сигурда, объяснившаго ей, какъ пропсходило дѣло о передачѣ ея Гуннару. Всѣмъ можно жертвовать дружбѣ, только не любовью. Вообще дружба, къ которой самъ Ибсенъ относится настолько скептически, что говоритъ: „друзья слишкомъ дорого стоющее удовольствіе“, изображается въ идеальномъ свѣтѣ въ разсматриваемой нами драмѣ. Сигурдъ жертвуетъ жизнью сначала для счастья своего друга, а затѣмъ и въ защиту его чести. Такою же горячею, дружбою отвѣчаетъ ему и Гуннаръ. „Отъ моей руки не будетъ ему никогда вреда“, возражаетъ онъ на всѣ увѣщанія Іордисъ убить Сигурда

Въ „Вождяхъ на Гельголандѣ“ Ибсеномъ затронуты нѣкоторыя темы, развитыя впослѣдствіи подробно въ дальнѣйшихъ его произведеніяхъ и образующія въ нихъ центральную точку интереса и дѣйствія. Можно ли назвать настоящимъ бракомъ бракъ Сигурда и Дагни, когда онъ день за днемъ долженъ показывать ей видъ любви, которой въ глубинѣ сердца не чувствуетъ, или же бракъ Іордисъ и Гуннара о которомъ первая отзывается такъ: „пять безрадостныхъ лѣтъ провела я, сидя здѣсь“. Возможно ли жертвовать брачной клятвѣ своимъ собственнымъ я, своею жизненною цѣлью? Развѣ не выше признаннаго „права“ и „обязанности“ стоитъ вѣчное право личности на развитіе, на свободный ростъ всѣхъ силъ, и не обязанъ ли человѣкъ прислушиваться къ велѣніямъ, раздающимся въ немъ самомъ, въ глубинѣ его души? Эти вопросы еще не поставлены, но намеки, указанія на нихъ мѣстами уже проявляются. Индивидуалистъ сказывается.

„Вожди на Гельголандѣ“ представляли такое же важное и знаменательное произведеніе для норвежской драматургической литературы, какъ повѣсть Бьернсона „Сюнневе Сольбаккенъ“ для беллетретической. Въ новой драмѣ Ибсенъ сильно шагнулъ впередъ въ сравненіи съ Эленшлегеромъ въ дѣлѣ воспріятія и изображенія древней жизни. Но поколѣніе, глядѣвшее на древнюю жизнь глазами Эленшлегера, не могло примириться съ этимъ новымъ отношеніемъ къ дѣлу. „Грубость и дикость нравовъ, описываемыхъ въ драмѣ, писалъ въ своихъ критическихъ замѣткахъ Гейбергъ, смягчаются при эпической передачѣ,—но при драматизированіи ихъ остается только голый матеріалъ въ своей первоначальной грубости“. Писатель „такъ объективно относится къ своему матеріалу, что невольно возмущаешься при чтеніи, потому что въ драмѣ все выступаетъ гораздо рѣзче, чѣмъ въ эпической передачѣ“.—„Никогда ни одинъ норвежскій театръ не согласится служить лабораторіей для такого рода экспериментовъ“. Гейбергъ оказался правъ: въ Копенгагенѣ драма была отвергнута въ королевскомъ театрѣ, а въ Христіаніи она хотя и была сначала любезно принята, но затѣмъ ея постановка откладывалась со дня на день подъ разными предлогами. Взбѣшенный этими проволочками Ибсенъ напечаталъ громовую статью противъ дирекціи театра, обвиняя ее въ чисто датскомъ направленіи, во враждѣ къ норвежскому искусству и т. д. издалъ драму на свой счетъ и поставилъ ее на норвежскомъ театрѣ, которымъ руководилъ. Только съ 1861 г. піеса эта вошла въ репертауръ театра въ Христіаніи.

Время появленія новой драмы Ибсена совпало съ разгаромъ борьбы за національность театра. Театръ въ Христіаніи былъ чисто датскій, съ датскимъ репертуаромъ, датскими актерами и датскимъ директоромъ. Часть публики, въ особенности старшее поколѣніе, находило это въ порядкѣ вещей, и съ недовѣріемъ и презрѣніемъ смотрѣло на попытки создать норвежскую сцену. Въ оппозиціи къ этому театру и къ этой публикѣ стояли всѣ, находившіе, что театръ въ Норвегіи долженъ быть норвежскимъ, иначе онъ никогда не будетъ въ состояніи выполнить лежащую на немъ культурную миссію въ народной жизни. Нѣкоторыя изъ этихъ лицъ основали въ 1852 г. драматическую школу, спеціально съ цѣлью выработать норвежскихъ актеровъ для сцены. Впослѣдствіи изъ этой школы образовался „Норвежскій театръ“ и между обоими театрами, христіанскимъ и норвежскимъ, велась непрестанная борьба. Въ качествѣ инструктора въ норвежскомъ театрѣ Ибсенъ принялъ въ этой борьбѣ дѣятельное участіе, въ особенности послѣ провалки его піесы на христіанскомъ театрѣ возмутившей его до глубины души. До какой степени Ибсенъ увлекался въ то время національною идеею, доказательствомъ можетъ служить то, что онъ 22 ноября 1859 г. основалъ вмѣстѣ съ Бьернсономъ „Норвежское общество“. Предсѣдателемъ его былъ избранъ Бьернсонъ, вице-предсѣдателемъ Ибсенъ. Главною цѣлью новаго общества была борьба противъ всего датскаго въ области сцены, литературы, живописи и музыки, но главнымъ образомъ борьба противъ датскихъ представителей драматическаго искусства.

Черезъ нѣсколько лѣтъ національная партія одержала верхъ: датскіе актеры удалились и норвежскій и христіанскій театры слились въ одно.

Въ свободное время Ибсенъ отдыхалъ въ обществѣ своихъ старыхъ друзей по школѣ и литературѣ, Виньe, Сарса; они сходились въ кофейнѣ, гдѣ вели непрестанные споры объ интересовавшихъ ихъ вопросахъ. Тамъ то Ибсенъ въ 1860 г. прочелъ Terje Vinje и Paa Vidderne, двѣ небольшія поэмы, очень простыя по содержанію, но глубоко философскія. Послѣднее стихотвореніе лучше всего показываетъ, въ какомъ настроеніи находился онъ тогда, показываетъ, что новыя мысли начинали зарождаться въ немъ, не находя себѣ еще исхода. Поэтъ отправляется на горныя высоты, отказываясь отъ общества себѣ подобныхъ и отъ радостей домашняго очага; сверху яснѣе видно, что происходитъ въ долинахъ, но хотя привязанности манятъ его вернуться назадъ, онъ рѣшается остаться наверху. „Здѣсь я чувствую себя“, говоритъ онъ, „ближе къ себѣ и къ Богу... Здѣсь крѣпнутъ мои мысли; здѣсь только могу я жить.“ Когда его душа сдѣлается стальною, онъ вернется за тѣми, кого любитъ, и преподастъ имъ свою новую мудрость, такъ что они начнутъ смѣяться надъ своими прежними идеалами. „Прощай, моя жизнь въ долинѣ, говоритъ онъ: я повинуюсь своему призванію, которое велитъ мнѣ бродить на высотахъ. Здѣсь на горахъ свобода и Богъ; тамъ же внизу всѣ ощупью, въ темнотѣ, пробиваютъ себѣ дорогу“. Недовольство, какъ видно, все сильнѣе и сильнѣе охватываетъ поэта. Начинается война. Ибсенъ откладываетъ въ сторону патріотическую драму, которую онъ обдумывалъ съ 1858 г. „Претенденты на корону“. Не изъ отдаленнаго времени хотѣлось ему теперь черпать сюжетъ, а изъ настоящаго. Сатирикъ съ каждымъ днемъ все съ большею и большею силою говорилъ въ Ибсенѣ и передъ нимъ вырисовался планъ „Комедіи любви.“ При сочиненіи этой піесы ему представились техническія затрудненія. Современная комедія должна быть непремѣнно написана прозою, потому что разговоръ между дѣйствующими людьми долженъ быть естественнымъ,—таково было его мнѣніе. Но чѣмъ дальше подвигался онъ въ работѣ, тѣмъ больше затруднялся. Онъ такъ долго погружался въ изученіе сагъ, что ихъ слогъ, ихъ выраженія, ихъ обороты срослись съ нимъ, и онъ никакъ не могъ перейти на обыкновенный разговорный тонъ. И вотъ ему пришлось отказаться отъ прозы и написать свою піесу рифмованными ямбами. Только въ „Союзѣ молодежи“ Ибсенъ съумѣлъ справиться со своей задачей и усвоить современный прозаическій діалогъ.

Въ своей новой пьесѣ Ибсенъ старается показать, насколько въ жизни идеалъ мало соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Въ этой комедіи, по словамъ г. Минскаго, норвежскій поэтъ проводитъ слѣдующую идею: „того чувства, котораго зовутъ романтическою любовью, нѣтъ и быть не можетъ; нѣтъ вѣчной любви, и поэтому семьи, основанныя только на любви, неминуемо ведутъ къ страданіямъ и разрываютъ; ни любовь другъ къ другу, ни даже любовь къ дѣтямъ не въ силахъ надолго связать супруговъ, потому что оба эти чувства производныя, неглубокія, прозрачныя; страсть исчезаетъ въ первые мѣсяцы супружества; счастье дѣтей не можетъ замѣнить личнаго счастья. Есть только одно чувство, могучее и вѣчное —это любовь человѣка къ самому себѣ, страстная жажда быть самимъ собою, сохранить свою индивидуальность, свою свободу. Только взаимное уваженіе, призваніе другъ въ другѣ неприкосновенной личности, только это чувство вполнѣ удовлетворяетъ человѣка и даетъ ему счастье. Обаяніе молодости, красота, физическая страсть, привычка, семейный міръ, благо дѣтей,—все это прахомъ распадается при столкновеніи съ жаждой свободы, съ желаніемъ оградить свое „я“ отъ всякаго деспотизма, даже отъ деспотизма любви.—Идею эту Ибсенъ экспериментируетъ двоякимъ образомъ. Въ „Комедіи любви“ и одной изъ позднѣйшихъ драмъ. „Женщина съ моря“, онъ ставитъ чутко развитую женщину между двумя мужчинами,—однимъ молодымъ и страстно, деспотически влюбленнымъ, и другимъ, старымъ и уважающимъ ея нравственное „я“: женщина отдаетъ предпочтеніе второму. Въ другой изъ позднѣйшихъ драмъ, „Нора“, та же идея доказывается отрицательно. Чутко развитая женщина бросаетъ любимаго мужа и любимыхъ дѣтей, когда убѣдилась, что ее только любятъ, но не признаютъ ея духовной самостоятельности и свободы“.

Ибсенъ не нападаетъ собственно на бракъ,—онъ требуетъ только, чтобы не смѣшивали это прозаичное учрежденіе съ идеальнымъ союзомъ душъ. Онъ старается доказать, что бракъ и любовь—двѣ совершенно различныя вещи: брачная жизнь карикатура любви; идеальная любовь совершенно исчезаетъ въ бракѣ; онъ убиваетъ ее. Пьеса при чтеніи производитъ смут-

ное впечатлѣніе, въ которомъ очень трудно разобраться. Вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ думать, что поэтъ Ибсенъ рекомендуетъ бракъ по разсудку и считаетъ коммерсанта Гульдстада идеальнымъ супругомъ для Свангильдъ! А между тѣмъ, какъ будто выходитъ такъ. Ибсенъ критикуетъ не бракъ по разсудку, потому что, какъ онъ объясняетъ, заключающія его лица сами знаютъ, для чего они это дѣлаютъ и могутъ совершенно точно опредѣлить свои взаимныя отношенія. Всѣ стрѣлы остроумія Фалька, устами котораго говоритъ Ибсенъ, направлены противъ брака, заключаемаго по любви. Умерщвленіе любви бракомъ по любви составляетъ собственно тему пьесы. Въ ту минуту, когда любовь открываетъ всѣмъ свою тайну, дѣлается, такъ сказать, оффиціальною, она перестаетъ существовать. Прежде всего являются тетушки и пріятельницы и убиваютъ поэзію любви интересомъ, который выказывается имъ помолвленнымъ; празднество любви оканчивается опошленіемъ ея, и вмѣсто того, чтобы возвышать соединяющихся людей, бракъ обращаетъ ихъ близость въ пошлую, унизительную привычку. Это пережили и Стромандъ и его жена, старые супруги, женившіеся нѣкогда по страстной любви, и Стюверъ и фрекенъ Скере, женихъ и невѣста въ теченіе десяти съ лишнимъ лѣтъ, и молодая помовленная парочка, Линдъ и Анна. Любовь, воодушевлявшая ихъ, разгорѣлась было на время яркимъ пламенемъ, но отъ всего пламени остался только дымъ. „Sic transit gloria mundi“, восклицаетъ Фалькъ. Современные люди слишкомъ мелки, чтобы быть въ состояніи любить, и именно трагикомическое въ ихъ положеніи заключается въ томъ, что они воображаютъ себя любящими. Но Фалькъ и Свангильдъ все это прекрасно понимаютъ. Они слишкомъ дѣти своего вѣка, чтобы чувствовать увѣренность въ побѣдѣ своей любви надъ житейскою пошлостью. Нѣтъ, если они хотятъ, чтобы любовь ихъ сохранила свою непобѣдимую силу, она должна быть обращена въ воспоминаніе; она должна быть освобождена отъ внѣшнихъ формъ будничной жизни и превращена въ чисто духовное сокровище, хранящееся на днѣ ихъ души. „Мы на вѣки владѣемъ только тѣмъ, что теряемъ“! говоритъ Ибсенъ въ „Брандѣ“. Сообразно съ этимъ и дѣйствуютъ Свангильдъ и Фалькъ; они разстаются, какъ только узнаютъ другъ друга. При появленіи этой комедіи, вызвавшей самые бурные протесты и нападки какъ съ этической, такъ и съ эстететической стороны, раздавались даже догадки, что Ибсенъ, написавшій ее черезъ четыре года послѣ вступленія въ бракъ, описываетъ свои собственныя впечатлѣнія супружеской жизни, рисуетъ свою собственную печальную судьбу. Эти инсинуаціи опровергаются прекраснымъ стихотвореніемъ: „Благодарю“, которое поэтъ посвящаетъ женѣ, умѣвшей сглаживать для него всѣ житейскія затрудненія и дѣятельно помогавшей ему по мѣрѣ своихъ силъ. Но что взглядъ Ибсена на бракъ и помолвку отличается въ дѣйствительности пессимистическимъ характеромъ, доказательствомъ можетъ служить разговоръ съ нимъ, передаваемый Брандесомъ. Коснулись вопроса о любви между помолвленными вообще. Оспаривая мнѣніе поэта, Брандесъ замѣтилъ: „бываетъ больной картофель, но бываетъ и здоровый“. На это Ибсенъ возразилъ: „Боюсь, что мнѣ никогда въ жизни не случалось видѣть картофеля, который можно было бы назвать здоровымъ“.

Буря, возбужденная „Комедіею Любви“, была такъ велика, что о постановкѣ ея на сценѣ нечего было и думать. Ко всѣмъ испытаннымъ невзгодамъ присоединились и непріятности по театру, вѣчныя пререканія съ актерами, съ критиками, съ публикою. Наконецъ въ 1862 г. норвежскій театръ обанкротился, и Ибсенъ очутился опять на мели. Единственное, что онъ получалъ, это—1200 кронъ, уплачиваемыхъ ему, какъ эстетическому совѣтнику при христіанскомъ театрѣ, на обязанности котораго лежало подавать литературные совѣты, слѣдить за вѣрностью историческихъ костюмовъ и ставить, въ случаѣ нужды, пьесы. Въ Норвегіи существуетъ обычай давать извѣстнымъ писателямъ деньги на содержаніе; въ 1862 г. подобнаго рода стипендія была выдана Бьернсону. Ибсенъ подалъ прошеніе о предоставленіи и ему такой же стипедія, но получилъ отказъ. Одно оставалось ему теперь: жить доходами съ пера. Но на это невозможно было существовать въ Норвегіи въ виду скудости платы за литературный трудъ: такъ, напр., за „Комедію Любви“ Ибсенъ получилъ всего 100 далеровъ, и это считалось уже крупной суммой, за „Фру Ингеръ“ и „Вождей на Гельголандѣ“ вдвое меньше, по 50 далеровъ. Новая драма, изданная имъ въ 1864 г., „Претенденты на корону“, плодъ долгихъ работъ и усилій, мало чѣмъ поправила дѣла Ибсена. Не смотря на всѣ свои достоинства, она не могла реабилитировать въ глазахъ публики автора „Комедіи любви“. Едва двѣнадцать экземпля-

ровъ этой драмы было раскуплено въ Даніи, говоритъ Брандесъ. Норвежская критика отнеслась къ ней съ поразительною холодностью.

Какъ и во всѣхъ романтическихъ драмахъ, внѣшняя обстановка играетъ громадную роль въ „Претендентахъ на корону“. На сценѣ появляются духи, мертвые воскресаютъ и т. п. Первая сцена въ высшей степени грандіозна и драматична: обѣ партіи стоятъ другъ противъ друга, лицомъ къ лицу, устремивъ съ тревогою глаза на церковныя врата собора, которыхъ все еще не отворяютъ, между тѣмъ какъ извнутри раздается торжественное пѣніе монаховъ и монахинь, а Инга, мать Гокона, рѣшаетъ судьбу своего сына испытаніемъ желѣза. Съ первыхъ-же словъ опредѣляется взаимное положеніе Гокона и Скуле. Послѣдній безпокоится за результатъ испытанія и чувствуетъ недовѣріе къ себѣ, между тѣмъ какъ Гоконъ такъ увѣренъ въ успѣхѣ, что считаетъ даже излишнимъ обращаться съ молитвою къ Богу. Эти два лица являются центромъ, около котораго сосредоточивается весь интересъ драмы. Гоконъ—олицетвореніе счастья, побѣды, права. Онъ не умнѣе епископа Николаса, не смѣлѣе Скуле, но онъ величайшій человѣкъ. Кого-же можно назвать величайшимъ человѣкомъ? спрашиваетъ епископъ Николасъ. Вождь сказалъ бы „храбрѣйшаго“, священникъ „наиболѣе набожнаго“, „но это невѣрно“, продолжаетъ епископъ: „величайшій человѣкъ— счастливѣйшій. Это тотъ человѣкъ, въ которомъ яркимъ пламенемъ вспыхиваютъ требованія даннаго времени, въ которомъ зарождаются мысли, не вполнѣ понятныя для него, но указывающія ему путь, который поведетъ его неизвѣстно куда, но по которому онъ долженъ идти и идти, пока не услышитъ радостныхъ криковъ толпы и не замѣтитъ съ удивленіемъ, что онъ совершилъ „подвигъ“. Именно такимъ счастливцемъ является Гоконъ. Ему все удается, все складывается въ его пользу. Непоколебимая увѣренность въ себѣ, въ своемъ правѣ составляетъ его отличительную черту. Она окрыляетъ его духъ и придаетъ особую мощь всѣмъ его дѣйствіямъ. Онъ умѣетъ *хотѣть*, и ему же принадлежитъ великая королевская идея—объединеніе Норвегіи: „Норвегія была *королевствомъ*, теперь она должна сдѣлаться *народомъ*... Эту-то задачу возложилъ на мои плечи Богъ: это именно дѣло должно быть выполнено королемъ Норвегіи“. Гоконъ сознаетъ, что онъ возведетъ Норвегію на высшую ступень цивилизаціи. Останавливаясь съ любовью на обрисовкѣ этого типа, поэтъ возвеличиваетъ въ немъ прогрессъ, символизируетъ въ его лицѣ реформаторовъ, которые открываютъ человѣчеству новую эру, прекращающую многолѣтнюю рутину и на мѣсто варварскихъ распрей водворяющую благодѣтельный миръ. Совершенную противоположность Гокону представляетъ Скуле, олицетвореніе сомнѣнія въ себѣ, неувѣренности въ своемъ правѣ, въ своей способности осуществить полюбившуюся ему идею, а такого рода увѣренность является непремѣннымъ условіемъ всякаго энергическаго дѣйствія. Вмѣсто этого у него необузданное, непобѣдимое желаніе власти, непомѣрное честолюбіе, и въ то же время онъ заранѣе отчаивается достигнуть когда-либо желанной цѣли, и именно это сомнѣніе въ себѣ и обусловливаетъ его паденіе, несмотря на всѣ прекрасныя качества, внушающія къ нему уваженіе: умъ, чистосердечіе, гордость, мужество. Идея Гокона—объединеніе Норвегіи—поражаетъ Скуле какъ нѣчто дѣйствительно геніальное: онъ хочетъ усвоить эту идею, осуществить ее, но терпитъ неудачу, потому что, какъ говоритъ скальдъ Ятгейръ: „человѣкъ можетъ пасть въ защиту чужого дѣла, но жить онъ долженъ для своего дѣла“. Каждый долженъ имѣть въ виду цѣль, ради которой онъ живетъ и дѣйствуетъ. У Скуле не было своего дѣла, не было своей цѣли жизни, въ которую онъ бы вѣрилъ,—и онъ умираетъ неудачникомъ.

Въ противоположность другимъ драмамъ Ибсена женщина въ „Претендентахъ на корону“ не играетъ почти никакой роли. Она является въ видѣ смутныхъ набросковъ то въ образѣ Маргреты, нѣжной, преданной, любящей жены Гокона, то въ образѣ его самоотверженной матери Инги, то въ блѣдномъ образѣ жены Скуле, слабой, забитой, безсловесной, оживающей только подъ вліяніемъ страшнаго горя, постигшаго ея мужа, и тогда только выказывающей, что и въ глубинѣ ея души таятся сила и мужество и т. д. Такъ же мало мѣста занимаетъ въ драмѣ и любовь, играя въ ней совершенно второстепенную роль.

Хотя пьеса нѣсколько растянута, но въ ней много прекрасныхъ сценъ, увлекательно дѣйствующихъ на читателя, хотя бы, напр., бесѣда короля Скуле со скальдомъ въ 4 дѣйствіи, въ которой поэтъ высказываетъ мысль, что всякая поэзія

должна быть непремѣнно личной. Въ этой сценѣ цѣлое profesion de foi поэта, изложеніе его взглядовъ на творчество. Скальдъ заявляетъ, что любить всѣмъ сердцемъ чужого ребенка могутъ только безплодныя женщины, не имѣющія собственныхъ дѣтей, на которыхъ онѣ могли бы перенести эту любовь. Когда Скуле спрашиваетъ его, не случалось ли ему желать присвоить себѣ мысли, идеи другого поэта, Скальдъ гордо отвѣчаетъ ему: „государь, я не безплоденъ; у меня есть собственныя дѣти, я не чувствую потребности любить чужихъ дѣтей“. Въ этихъ словахъ высказывается поэтъ, жаждущій проводить новыя идеи, а не повторять старыя погудки на новый ладъ. Тутъ же выражается и мысль о томъ, что поэзію внушаетъ всегда горе, печаль, радость же большею частью безплодна. „Поэзіи нельзя научить, говоритъ Ятгейръ. Я получилъ даръ скорби, и онъ сдѣлалъ меня поэтомъ“. «Les plus désèsprés sont les chants les plus beaux“, говоритъ Мюссе. Но не одинъ только даръ скорби создаетъ поэтовъ. „Я нуждался въ скорби, говоритъ Ятгейръ, другіе чувствуютъ потребность въ вѣрѣ, или въ радости, или въ сомнѣніи: но тогда сомнѣвающійся долженъ быть силенъ и бодръ“. „Поэтическія мысли, говоритъ дальше Ибсенъ словами Ятгейра, взлетаютъ выше и растутъ лучше, когда вокругъ ночь и тишина. Никакая пѣснь не рождается при дневномъ свѣтѣ; она можетъ быть записана при солнечномъ сіяніи, но она сочиняется всегда среди ночной тиши“. Скуле предлагаетъ Ятгейру сдѣлать его своимъ наслѣдникомъ, только подъ однимъ условіемъ: „откажись отъ своего призванія, не сочиняй больше пѣсенъ“. Ятгейръ рѣшительно отказывается. „Это значило бы купить корону слишкомъ дорогою цѣною“. „Важнѣе быть королемъ, чѣмъ скальдомъ“, возражаетъ ему Скуле. „Не всегда“, отвѣчаетъ Ятгейръ. „Вѣдь тебѣ придется пожертвовать только своими несложившимися еще пѣснями“, говоритъ Скуле. „Несложившіяся пѣсни всегда самыя прекрасныя“, возражаетъ Ятгейръ. Въ этихъ словахъ выражается взглядъ Ибсена на искусство и недовольство, которое онъ всегда чувствовалъ при окончаніи какого-нибудь произведенія. Онъ постоянно мечталъ о болѣе совершенныхъ формахъ, о болѣе прекрасныхъ идеалахъ творчества, и настоящіе, добытые имъ результаты никогда не удовлетворяли его.

Къ частнымъ неудачамъ и разочарованіямъ, которыя испытывалъ Ибсенъ, присоединилось и горькое чувство печали, возбужденное въ немъ датско-прусскою войною. Поддаваясь своему поэтическому вдохновенію, онъ никакъ не могъ понять, какъ это норвежское національное собраніе не дѣлаетъ шага въ защиту Даніи, какъ это академическое юношество, съ бокалами въ рукахъ клявшееся на студенческихъ собраніяхъ жертвовать жизнью и кровью для спасенія Даніи, теперь спокойно остается дома. „Значитъ собравшіеся на пиръ сыновья Норвегіи посылали къ берегамъ Зунда одни только лживыя обѣщанія, одни только іудины поцѣлуи“? Эта слабость, это ничтожество, эта мелочность раздражали его, внушали ему самое печальное, самое горестное настроеніе, возбуждая въ немъ презрѣніе къ націи, къ которой онъ принадлежалъ. Уже и до того Ибсенъ началъ чувствовать къ ней недовѣріе. Въ „Комедіи любви“ онъ напалъ на пошлость и грубость въ области чувствъ; въ „Претендентахъ на корону“ онъ мѣстами позволяетъ себѣ нападать на возмущавшія его мелочность и безхарактерность. Вспомнимъ слова епископа Николаса въ пятомъ дѣйствіи: „Ахъ, безвольно когда всѣ норвежцы блуждать будутъ здѣсь на землѣ, не зная куда путь направить имъ свой, съ омраченнымъ умомъ, разнуздавши всѣ страсти, шатаясь по вѣтру,—когда между собой согласятся въ одномъ—все великое, славное забрасывать грязью, когда низости знамя всѣ они вверхъ подымутъ, отогнавъ далеко честь и совѣсть свою“ и т. д.

Эта вылазка является совершенно неумѣстной въ ходѣ драмы и, несомнѣнно, написана только потому, что негодованіе душило поэта. Но если онъ чувствовалъ такое раздраженіе уже лѣтомъ 1863 г., какія чувства должны были волновать его въ послѣдующую затѣмъ зиму! До сихъ поръ Ибсенъ жилъ традиціями старины, представлявшими ему норвежцевъ храбрыми и сильными, совершенно неузнаваемыми въ томъ видѣ, какой они имѣли теперь. При первомъ слухѣ о приближавшейся датско-прусской войнѣ воспоминанія о героическомъ прошломъ Норвегіи пробудились во всѣхъ сердцахъ. Король Норвегіи я Швеціи обязался честнымъ словомъ помочь королю Даніи, пылкій энтузіазмъ царилъ въ сердцахъ молодыхъ норвежцевъ, и датское дѣло казалось дѣломъ всей Скандинавіи. Но когда наступила рѣшительная минута, благоразуміе одержало верхъ надъ энтузіазмомъ. Король, къ своему величайшему горю, вынужденъ

былъ взять назадъ данное имъ слово. Швеція и Норвегія не приняли никакого участія въ борьбѣ. И толпа волонтеровъ также не двинулась на югъ. Норвежцы — бѣдная слабая нація. Что могли они сдѣлать противъ подавляющей силы врага? Ибсенъ сочинилъ громовую поэму, призывающую въ бой, которое старое поколѣніе датчанъ и въ наше время не можетъ читать безъ слезъ, говоритъ Уикстидъ въ своей лекціи объ Ибсенѣ. Но датчанамъ пришлось бороться и пасть однимъ. Теперь Ибсенъ не въ силахъ былъ заниматься прошлымъ Норвегіи, потому что все, напоминающее героическое прошлое, только увеличивало горечь настоящаго. Онъ желалъ только одного: спокойствія и независимости, чтобы уяснить себѣ и обработать новые взгляды и мысли, бродившіе въ немъ. Ему казалось необходимымъ уѣхать куда-нибудь подальше, созерцать все издали, „подняться на высоты“, чтобы лучше видѣть. Онъ чувствовалъ, что на родинѣ его талантъ погибнетъ. Христіанія представлялась ему глубокою могилою, въ которую онъ долженъ былъ погрузиться. Тогда Ибсенъ обратился опять съ просьбою о субсидіи. Одинъ профессоръ сдѣлалъ по этому поводу слѣдующее замѣчаніе: „лицу, написавшему „Комедію любви“ слѣдовало бы дать не субсидію, а розгъ“. Разрѣшена была только половинная субсидія и лишь послѣ долгихъ хлопотъ удалось добиться полной.

IV.

Съ болѣзненно сжатымъ сердцемъ двинулся Ибсенъ въ путь, на югъ. Въ цѣломъ рядѣ стихотвореній, посвященныхъ родинѣ и написанныхъ имъ въ эту пору, высказывается его негодующее настроеніе и постепенное смягченіе его. Въ поэмѣ „Хорошо обоснованная вѣра“ онъ говоритъ: „Я ударилъ въ набатъ своими стихами; далеко разнеслись по странѣ ихъ звуки,— но никто не испугался. Моя роль была сыграна; я сѣлъ на корабль, оставилъ позади себя „дорогой Сѣверъ“. А въ другомъ стихотвореніи, получившемъ громкую извѣстность, „Гагачій пухъ“, онъ говоритъ: „Гага живетъ на сѣверѣ; ея домъ —свинцово-сѣрый фіордъ. Она срываетъ съ своей груди мягкій пухъ и устраиваетъ себѣ теплое и мягкое гнѣздышко. Но у рыбака фіорда жестокое, стальное сердце: онъ грабитъ гнѣздо и уноситъ съ собою пухъ. Если рыбакъ жестокъ, за то любовь птицы сильна. Она опять вырываетъ весь пухъ изъ своей груди. И если ее и на этотъ разъ ограбятъ, она переноситъ свое гнѣздо въ укромное мѣстечко. Но если и третье сокровище, послѣднее, подвергается вновь грабежу, гага въ весеннюю ночь расправляетъ свои крылья и, разсѣкая воздухъ своею окровавленною грудью, улетаетъ на югъ, на югъ, въ страну солнца“. Ибсену казалось тогда, что онъ навсегда порвалъ съ родиною, но онъ принадлежалъ ей всѣми фибрами своего существа. „Къ хижинамъ снѣжной страны изъ долинъ юга каждую ночь выѣзжаетъ всадникъ, какъ только смеркается“, говоритъ онъ въ стихотвореніи. „Сожженные корабли“. Но еще болѣе ясно выражается онъ въ поэмѣ, написанной имъ въ 1872 г. по случаю празднованія тысячелѣтія объединенія Норвегіи: „Народъ мой, давшій мнѣ выпить до дна цѣлебный, горькій, укрѣпляющій напитокъ, оживившій поэта въ ту минуту, когда онъ стоялъ на краю могилы,—народъ мой, доставившій мнѣ посохъ изгнанника, возложившій на меня бремя горя и надѣвшій на мои ноги тяжелую обувь заботъ, грустное и торжественное снаряженіе для предстоящаго пути,—я посылаю тебѣ издали свой привѣтъ, посылаю его вмѣстѣ со своею благодарностью за всѣ твои дары, съ благодарностью за всѣ испытанныя муки. —Ночью и въ моихъ поэмахъ я принадлежу родинѣ“.

Повернувшись спиною къ „другому Сѣверу“, Ибсенъ отправился на югъ въ Италію. Здѣсь его мысли сосредоточились одно время на изученіи древняго міра, и онъ сталъ работать надъ сочиненіемъ двойной драмы, героемъ которой предполагался Юліанъ Отступникъ. Но Сѣверъ продолжалъ по прежнему занимать его умъ. Онъ не могъ отдѣлаться отъ него! Неоконченная работа была отложена въ сторону, и изъ подъ пера Ибсена вылились одна за другою двѣ поэмы, которыя штурмомъ взяли Норвегію, а съ нею и весь скандинавскій свѣтъ, распространивъ славу автора по всему міру. Это „Брандъ“ и „Пеэръ Гюнтъ“. Въ нихъ и въ, послѣдовавшей за ними, комедіи „Союзъ молодежи“ Ибсенъ излилъ потокъ своего гнѣва на норвежское общество.

„Пеэръ Гюнтъ“, „Брандъ“ и вышедшая въ 1873 г. двойная драма „Императоръ и галилеянинъ“ принадлежатъ къ числу философскихъ драмъ Ибсена, какъ называетъ ихъ и самъ поэтъ. Имъ онъ посвятилъ десять лѣтъ жизни. Изученіе ихъ представляетъ непреодолимыя трудности, такъ какъ онѣ отличаются большою слож-

ностью, смутностью и неопредѣленностью, и воплощенные въ нихъ символы могутъ быть подвергнуты разнообразнымъ толкованіямъ, при чемъ комментаторы приходятъ нерѣдко къ самымъ противоположнымъ заключеніямъ. Въ этихъ драмахъ Ибсенъ порываетъ съ традиціями романтизма, и мѣсто пышной декламаціи и внѣшнихъ декорацій и аттрибутовъ заступаетъ у него прежде всего умственный элементъ, составляющій, по мнѣнію самого автора, зерно всякой поэзіи, а затѣмъ тщательная психологическая разработка. Ибсенъ чутко прислушивается къ новымъ идеямъ и требованіямъ и старается воспроизвесть ихъ, истолковать. Гейне разсказываетъ, что когда онъ писалъ свои стихи, онъ слышалъ надъ собою взмахи могучихъ крыльевъ невидимой птицы. „Когда я разсказалъ объ этомъ своимъ друзьямъ, молодымъ берлинскимъ поэтамъ, продолжаетъ Гейне, они посмотрѣли недоумѣвающе другъ на друга и стали единогласно увѣрять меня, что ничего подобнаго никогда не случалось съ ними“. Взмахи крыльевъ, которые берлинскіе поэты никогда не слышали, это вдохновеніе новыми идеями, осѣняющее поэта. „Но тотъ человѣкъ, говоритъ Брандесъ, который написалъ знаменитую фразу: „для васъ это невозможно, потому что вы умѣете только повторять заново прежнее; но для меня это легко, какъ легко для сокола подняться къ облакамъ“, никогда не проходилъ равнодушно мимо идей своего времени. Онъ многимъ новымъ идеямъ придалъ кровь и жизнь и, воплотивъ ихъ, доставилъ имъ громадное распространеніе; кромѣ того онъ исчерпалъ до дна другія идеи и истолковалъ ихъ со всею мощью своего таланта“.

Современныя идеи, остановившія на себѣ вниманіе Ибсена, Брандесъ разбиваетъ на слѣдующія категоріи: во первыхъ, „тѣ идеи и идеалы, которые касаются религіи, т. е. почтительнаго отношенія людей къ идеямъ, воплощающимъ въ себѣ извѣстную силу,—для однихъ внѣшнюю, для другихъ внутреннюю,—и которые имѣютъ отношеніе къ борьбѣ между лицами, признающими эти силы внѣшними и лицами, считающими ихъ внутренними. Далѣе, тѣ идеалы и идеи, которые относятся къ противоположностямъ между двумя эпохами, между прошлымъ и настоящимъ, старымъ и молодымъ, старымъ и новымъ, въ особенности къ противоположности и борьбѣ между двумя слѣдующими другъ за другомъ поколѣніями; затѣмъ тѣ идеалы и идеи, которые относятся къ общественнымъ классамъ и ихъ взаимной борьбѣ, къ различіямъ между сословіями, въ особенности къ противоположности между богатыми и бѣдными, къ общественному вліянію и общественному безсилію. Наконецъ цѣлая группа идей, касающихся противоположностей между двумя полами, любовныхъ и общественныхъ взаимоотношеній мужчинъ и женщинъ, въ особенности освобожденія женщины въ экономическомъ, нравственномъ и духовномъ отношеніяхъ. Въ драмахъ, написанныхъ Ибсеномъ до восьмидесятыхъ годовъ, онъ разрабатываетъ главнымъ образомъ вопросы, касающіеся первыхъ двухъ категорій.

„Въ шестидесятыхъ годахъ, религіозные вопросы сильнѣйшимъ образомъ занимали общество, въ особенности въ Германіи, гдѣ на нихъ главнымъ образомъ сосредоточивалось вниманіе писателей и ученыхъ, Штрауса, Фейербаха и т. д. Шопенгауэръ изслѣдовалъ задачу воли; его книга о свободѣ воли произвела сильное впечатлѣніе въ Норвегіи и получила высшую награду отъ ученаго общества въ Трондьемѣ. Этимъ вопросомъ Ибсенъ наиболѣе заинтересовался. Въ скандинавскихъ странахъ Серенъ Киркегордъ возбудилъ сильное смятеніе въ умахъ различными своими сочиненіями, между прочимъ книгою. „*Или или.*“ (Enten-eller), въ которой обсужденію подвергались тысячи вопросовъ, нравственныхъ, соціальныхъ, религіозныхъ и эстетическихъ. „Новое христіанство“ Сенъ Симона вызвало также сильный откликъ на сѣверѣ Европы. Многія изъ этихъ системъ и теорій отразились въ драмахъ, сочиненныхъ Ибсеномъ въ Римѣ. Его пребываніе въ центрѣ католическаго міра не могло не способствовать развитію въ немъ склонности къ обсужденію религіозныхъ вопросовъ, возбужденной чтеніемъ философовъ. Наконецъ въ качествѣ норвежца онъ чувствовалъ стремленіе вложить въ свою поэзію нѣчто существенное и заставить ее служить не только для удовольствія публики, но и для поученія ея, для усиленія ея нравственнаго прогресса“.

Тѣмъ не менѣе, когда Ибсенъ создавалъ Бранда, онъ не думалъ изобразить его непремѣнно пасторомъ, вступающимъ въ борьбу съ религіознымъ формализмомъ своего времени. Онъ хотѣлъ символизировать въ создаваемомъ имъ поэтическомъ образѣ реформатора, проповѣдника, провозглашающаго новыя идеи и старающагося осуществить ихъ въ жизни. Въ письмѣ къ Брандесу отъ 26 іюня 1896 г. онъ пишетъ слѣдующее: „Брандъ былъ невѣрно

истолкованъ, во всякомъ случаѣ не такъ, какъ я его понималъ... Ошибка коренится несомнѣнно въ томъ, что Брандъ священникъ, и что задача представлена религіозная. Но я могъ ту же самую идею воплотить въ скульптурѣ или въ политикѣ такъ же удачно, какъ и въ священникѣ. Я могъ бы такъ же точно воспроизвесть настроеніе, побуждавшее меня работать, если бы я вмѣсто Бранда избралъ напр. Галилея, съ тѣмъ только обязательнымъ условіемъ, чтобы онъ упорно отстаивалъ мнѣніе, что земля вертится". Отсюда видно, что вся суть поэмы, по собственнымъ словамъ автора, въ самопожертвованіи и силѣ характера, а не въ ученіи, въ защитѣ самостоятельности индивидума противъ посягательствъ на него общества.

Въ поэмѣ „Брандъ" Ибсенъ мало касается вопроса о любви, семейной жизни и т. д., а если и касается, то въ идеализированномъ видѣ. Это, кажется, единственное произведеніе норвежскаго писателя, въ которомъ бракъ и любовь разсматриваются съ такой оптимистической точки зрѣнія какъ бы въ противовѣсъ „Комедіи любви". Агнеса—мягкій, примирительный элементъ въ противоположность непреклонной суровости, характеризующей героя драмы. Тихая домашняя жизнь, къ которой Ибсенъ отнесся такъ ѣдко въ „Комедіи любви", рисуется намъ въ самомъ поэтическомъ видѣ въ отношеніяхъ между Агнесою и Брандомъ. Полная преданность мужу, непоколебимая вѣра въ него, въ проповѣдуемое имъ ученіе, согласіе жертвовать собою и всѣмъ для достиженія тѣхъ высокихъ цѣлей, которыя ставятся впереди мужемъ, и въ то же время чуткая отзывчивость, мягкость, сердечность, горячее сочувствіе чужимъ горестямъ, чужимъ страданіямъ, глубокое горе отъ суровой жестокости Бранда, изнеможеніе подъ бременемъ тяжкихъ испытаній, взваленныхъ на ея плечи —вотъ каковы характеристическія черты нѣжнаго поэтическаго образа, нарисованнаго Ибсеномъ. Что изображается имъ наиболѣе мастерски, такъ это любовь матери къ мертвому ребенку. Всѣ тонкости ея, которыя кажутся непостижимыми для мужского ума, всю ея поэзію, всѣ ея порывы, доходящіе до безумія, до бреда, описаны имъ съ поразительною правдою, тѣмъ болѣе захватывающею читателя, что въ этой поэмѣ такъ мало мѣста отводится любви. Вспомнимъ сцену, когда Агнеса перебираетъ платья своего ребенка или когда она ставитъ свѣчу на окно, чтобы свѣтъ ея упалъ на снѣгъ могилы и доставилъ малюткѣ хоть немного рождественской радости. Брандесъ говоритъ: „Такъ и хочется спросить: не женщина ли ты, что такъ хорошо знаешь всѣ изгибы женскаго сердца?" Другіе женскіе образы, мать Бранда, холодная, скупая, прижимистая женщина, сосредоточившая всю прежнюю пылкость сердца на добываніи денегъ и скупку имѣній, и Герда, полусумасшедшая цыганка, очерчены въ поэмѣ слабыми контурами, главнымъ образомъ словами другихъ дѣйствующихъ лицъ. Вниманіе автора сосредоточивается преимущественно на героѣ поэмы, котораго онъ рисуетъ съ любовью и тщательностью, такъ что, не смотря на вычурность образа, на нелѣпость поступковъ Бранда, читатель невольно увлекается его настроеніемъ и подчиняется его вліянію. Посмотримъ же теперь, въ какую обстановку ставитъ Ибсенъ своего героя.

Другіе норвежскіе писатели, современные и предыдущіе, выставляли на видъ все наиболѣе мягкое, нѣжное въ норвежской природѣ: чудный солнечный свѣтъ, обращающій самое бѣдное мѣстечко въ сіяющую сказочную страну, восхитительныя лѣсныя чащи съ журчащими въ нихъ ручейками и т. д. Нигдѣ норвежская природа не рисуется суровою, бѣдною. Она описывалась либо мягкою и восхитительною, либо величественною, поражающею чудною красотою. Но у Бранда получается совершенно иное впечатлѣніе. Снѣгъ падаетъ густыми хлопьями, буря бушуетъ, снѣжная лавина нависла надъ отвѣсною скалою, а солнечные лучи никогда не доходятъ до обывателей глубокихъ ущелій. Въ срединѣ лѣта опъ видитъ мягкій свѣтъ солнца, но только въ теченіе трехъ недѣль, когда лучъ падаетъ на верхушку скалы. Все нѣжное погибаетъ тамъ, свертывается отъ мороза, хлѣбъ никогда не дозрѣваетъ... голодная нужда, какъ Дамокловъ мечъ, постоянно виситъ надъ головами несчастныхъ жителей. Такова горная долина въ „Брандѣ". Она выставляется у Ибсена типическимъ норвежскимъ ландшафтомъ. Подобную же противоположность предыдущимъ представленіямъ о норвежцахъ является и живущій въ этой горной долинѣ народъ. Послѣ 1814 г. поэты не уставали воспѣвать „сыновей горъ", маленькій, но непоколебимый, какъ его скалы, народъ скалъ, восторгались сначала свободными гордыми воинами, затѣмъ опоэтизировали идеальнаго крестьянина, распространялись о его вѣрности, его любви, глубокой серьезности, стойкости, мужествѣ и т. д. Ибсенъ все это читалъ, воспринималъ, осматривался, наблю-

далъ, сравнивалъ—и не находилъ въ дѣйствительности ничего, соотвѣтствующаго этимъ громкимъ словамъ. И вотъ, изображаемый Ибсеномъ,—народъ является полною противоположностью этимъ идеальнымъ представленіямъ. Это народъ, который работаетъ въ потѣ лица, чтобы вырвать жалкій кусокъ хлѣба у скудной природы, который трудится съ утра до ночи, сгибая до земли свою шею, котораго мысль не подымается въ высь, подобно птицѣ, а ползетъ внизу, подобно червю, по выраженію Іегера. „Во всей вашей молитвѣ „Отче нашъ“, говоритъ Брандъ, „нѣтъ ни одного мощнаго, сильнаго призыва—если не считать четвертаго прошенія. Это прошеніе—лозунгъ нашей страны, боевой кличъ нашего народа“. Но и тутъ норвежецъ не можетъ оставаться цѣльнымъ, самимъ собою; правый глазъ обращенъ у него на землю, а лѣвымъ онъ косится на небо; отсюда половинчатость, безхарактерность, отличающія норвежскую націю. На кого ни взглянешь, въ нашей странѣ, говоритъ Брандъ, видишь, что каждый норовитъ быть понемножку всѣмъ: у него есть немного серьезности для торжественныхъ праздниковъ, немного вѣрности обычаямъ предковъ, немного веселья для вечернихъ пировъ, немного теплоты въ сердцѣ всякій разъ, когда затягивается пѣснь о маленькомъ стойкомъ горномъ народѣ, немного хитрости, когда приходится приводить въ дѣйствіе слово, данное необдуманно среди винныхъ паровъ. Но все это понемногу. Ни хорошія, ни дурныя качества не принимаютъ у него большихъ размѣровъ. Такъ же мизерны, какъ и онъ самъ, его представленія о Богѣ. „Вы представляете себѣ Бога, говоритъ Брандъ, въ образѣ преклоннаго старика, близкаго къ дѣтству“. „Но этотъ богъ не мой“. „Мой—буря, въ то время какъ твой—вѣтеръ,—мой неумолимъ, въ то время какъ твой глухъ; вселюбящъ, въ то время какъ онъ твой равнодушенъ; и онъ молодъ, подобно Геркулесу, а не старецъ, какъ твой“. Если плохъ народъ, то не менѣе плохи и его оффиціальные представители. Они—главные виновники паденія его въ нравственномъ и религіозномъ отношеніи. Ярче всего изображенъ у Ибсена фогдъ. Онъ сдѣлался въ такой сильной степени чиновникомъ, что совершенно пересталъ быть человѣкомъ. Когда онъ видитъ кого-либо въ нуждѣ, онъ не спрашиваетъ о размѣрѣ этой нужды, а только о томъ, принадлежитъ ли онъ данному округу; а когда пожаръ вспыхиваетъ въ его квартирѣ, онъ продаетъ свою душу чорту, чтобы спасти казенный архивъ. Онъ человѣколюбивъ и работаетъ на пользу округа, но принимаетъ въ разсчетъ только одни матеріальные интересы. Умноженіе на селенія, продовольственный вопросъ, улучшеніе дорожныхъ сооруженій,—вотъ чего онъ достигъ, вотъ чѣмъ онъ похваляется. Его идеалъ—постройка народнаго дома, въ которомъ должны быть сосредоточены праздничная зала, могущая служить и для выборовъ, помѣщеніе и для умалишенныхъ, для арестантовъ и для бѣдныхъ. Не лучше фогда пробстъ, представитель религіозныхъ воззрѣній оффиціальнаго сословія. Онъ всю религію сосредоточиваетъ въ одномъ воскресеньи; только въ воскресенье можно позволить себѣ растрогаться, и въ этотъ только день пасторъ обязанъ указывать на идеалъ, но всѣ идеальныя стремленія должны заглохнуть, какъ только онъ сходитъ съ кафедры. Пасторъ—не пастырь душъ для каждаго отдѣльнаго члена общины; онъ прежде всего чиновникъ на службѣ государства, долженствующій охранять государственные интересы и свои собственные также. Въ лицѣ учителя и звонаря осмѣиваются и низшіе представители оффиціальнаго міра, рѣшающіеся дать волю своимъ чувствамъ только втихомолку, такъ, чтобы никто этого не видѣлъ. „Даже тотъ, кто этого хочетъ“, говоритъ Брандъ „не можетъ быть одновременно человѣкомъ и чиновникомъ.

Сатирѣ Ибсенъ подвергаетъ весь норвежскій народъ, его общественную дѣятельность, его государственный строй и орудіе этого строя, оффиціальную церковь, подчиняющую всѣхъ одинаковой дисциплинѣ, порабощающей умы. Но въ то же время Ибсенъ не указываетъ пути, по которому слѣдовало бы идти, чтобы сбросить съ себя вѣковые предразсудки, создать что-нибудь новое, прочное. „Я только спрашиваю, говоритъ онъ,—„не мое призваніе отвѣчать“.

Свои мнѣнія, свою горькую критику Ибсенъ излагаетъ словами Бранда, который является воплощеніемъ всего того, что недостаетъ норвежскому народу, воплощеніемъ воли и идеализма, силы и воодушевленія. Какъ цѣльная личность онъ провозглашаетъ „все или ничего“ противъ духа компромиса, и какъ ораторъ за право личности ведетъ борьбу противъ оффиціальныхъ представителей какъ въ свѣтской, такъ и въ духовной области. Онъ хочетъ пробудить и укрѣпить народъ, заставить отдѣльныхъ личностей сбросить съ себя свою лѣнь, свою вялость, и въ концѣ концовъ

объявляетъ оффиціальнымъ представителямъ войну, говоря фогду: „Народъ, который вы съумѣли усыпить, я заставлю пробудиться. Давно уже въ тѣсной клѣткѣ заглушали вы послѣдніе остатки вольнаго духа горцевъ... вы отняли у народа его лучшую кровь, разрушили послѣдніе остатки его мужества; вы раздробили на мелкіе куски каждую душу, готовую противостоять бурямъ,—но теперь и въ вашихъ ушахъ раздается громовой кликъ: „къ оружію“! Онъ возбуждаетъ вокругъ себя жизнь и движеніе, но чувствуетъ себя тѣмъ не менѣе не вполнѣ удовлетвореннымъ; онъ не въ силахъ осуществить свои идеалы при данныхъ отношеніяхъ, среди которыхъ ему приходится жить и дѣйствовать; церковь слишкомъ мала для Бога, въ защиту котораго онъ выступаетъ; онъ рѣшаетъ строить большую; церковь уже окончена, надо ее освящать, какъ вдругъ слова пробста объ отношеніи церкви къ государству показываютъ ему, что онъ вступилъ на путь компромиса. Возмущенный, онъ запираетъ врата церкви и бросаетъ ключъ ея въ потокъ, символизируя въ этомъ свой окончательный разрывъ съ нею. Онъ видитъ, что напрасно принесъ столько грандіозныхъ жертвъ, подпавши самъ подъ вліяніе того духа компромиса, который Ибсенъ изображаетъ въ видѣ искусителя. Слѣдовательно, какъ говоритъ Іегеръ, „Брандъ не идеальное существо въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова; это боецъ, развивающійся во время борьбы“... Съ художественной стороны Брандъ фантастическій образъ, а не дѣйствительная фигура; это происходитъ отъ того, что онъ представляетъ изъ себя антитезу — противоположность дѣйствительности, а не реальное изображеніе, хотя въ то же время лицо, съ котораго Ибсенъ написалъ Бранда, дѣйствительно существовало. Это пасторъ Ламмерсъ въ Скіенѣ, о которомъ мы говорили въ началѣ статьи, описывая дѣтскую жизнь Ибсена. Самъ поэтъ замѣтилъ однажды въ разговорѣ: „Киргегордъ, о которомъ говорили сначала, что онъ послужилъ образцомъ для Бранда, былъ комнатнымъ агитаторомъ, между тѣмъ какъ Ламмерсъ былъ такимъ же агитаторомъ на свободномъ воздухѣ, какъ и Брандъ“.

Послѣ продолжительной борьбы, проведенной въ осуществленіи своего девиза „все или ничего“, лишивъ свою мать послѣдняго причастія, осудивъ на смерть сына, жену, порвавъ наконецъ съ церковью, отъ которой онъ ожидалъ такъ много хорошаго, разрушивъ, однимъ словомъ, вокругъ себя все, что могъ, Брандъ увлекаетъ за собою толпу въ горы, заставляя ее подыматься все выше и выше, туда, „гдѣ воздухъ болѣе чистъ, гдѣ сердце бьется смѣлѣе, быстрѣе, гдѣ подъ яснымъ небеснымъ сводомъ, подальше отъ людей, человѣкъ чувствуетъ себя ближе къ Богу“. И толпа въ безуміи устремляется за нимъ. Но трудности, встрѣченныя ею на пути, быстро отрезвляютъ ее, а что и самъ авторъ не сочувствуетъ такому безоглядному стремленію впередъ, такому безжалостному попиранію человѣческой любви, всѣхъ сострадательныхъ чувствъ, доказательствомъ служатъ заключительныя слова піесы. Когда Брандъ, на половину засыпанный лавиною, обращается къ Богу съ вопросомъ, неужели quantum satis воли человѣка не можетъ заслужить частицы искупленія, сверху раздается голосъ: Онъ— Deus caritatis. „Получается, замѣчаетъ Вернеръ, какъ бы благополучное соглашеніе съ Богомъ любви въ концѣ сочиненія, направленнаго всецѣло противъ какого бы то ни было компромиса“. Оправдываются слова доктора, устами котораго глаголетъ народная мудрость: „quantum satis мужественной воли записано у тебя въ описи твоего богатства,—но, священникъ, твой conto caritatis образуетъ въ этой описи пустую бѣлую страницу“. Идеальная церковь можетъ быть построена, какъ бы говоритъ авторъ, но героизмъ строителя долженъ быть согрѣтъ и руководимъ любовью.

Великъ былъ успѣхъ поэмы „Брандъ“ въ Норвегіи и Даніи. Восемь изданій были быстро распроданы одно за другимъ. Имя гонимаго и не признаваемаго прежде поэта было теперь на устахъ у всѣхъ. Слава его еще болѣе увеличилась, когда въ 1867 г. вышелъ „Пееръ Гюнтъ“, фантастическая поэма, основанная на народныхъ сказаніяхъ и сильно всколыхнувшая норвежскій міръ.

Основные мотивы этого произведенія тѣ же, что и предыдущаго, но въ другихъ отношеніяхъ. „Брандъ“ и „Пееръ Гюнтъ“ представляютъ глубокій контрастъ. Торжественный тонъ и однообразіе „Бранда“ уступаетъ мѣсто поражающему разнообразію и игрѣ остроумія въ „Пеерѣ Гюнтѣ“. Только при повторномъ чтеніи читатель, пораженный чудовищными контрастами и, не останавливающемся ни передъ чѣмъ, воображеніемъ автора, можетъ выяснить себѣ основныя идеи поэмы. Если Брандъ былъ антитезою, то Пееръ является дѣйствительнымъ образомъ; первый воплощаетъ

въ себѣ то, что недоставало норвежскому народу, второй изображаетъ норвежскій народъ такимъ, какимъ онъ есть или во всякомъ случаѣ такимъ, какимъ онъ рисовался въ умѣ автора. Это какъ бы отвѣтъ на идеализированное представленіе о норвежскомъ крестьянинѣ, данное Бьернсономъ въ Сюнневе Сольбаккенъ,—отрицательный типъ, противоположный Торбьерну и, по мнѣнію Ибсена, болѣе соотвѣтствующій дѣйствительности. Въ лицѣ Пеера Гюнта изображается человѣкъ, одаренный отъ природы блестящею фантазіею, поэтическимъ творчествомъ, силою, способностью на великіе подвиги, но всѣ эти дары природы заглохли у него благодаря окружающей обстановкѣ. „Отецъ его былъ пьяница“, говорятъ о немъ сосѣди, „а мать не въ своемъ умѣ: что же удивительнаго, если изъ парня вышелъ болванъ“. Сынъ богатаго крестьянина, разорившагося вслѣдствіе бурно проведенной жизни, и жены его Озе, женщины съ такою же богатою фантазіею, какъ и онъ, но слабой, безвольной, безконечно любящей своего сына и не могущей оказывать ему какого бы то ни было противодѣйствія или руководить имъ, Пееръ все дѣтство проводитъ за слушаніемъ сказокъ, которыми мать старается скрасить горькую дѣйствительность, да за сидѣніемъ у печки и копаніемъ въ угольной сажѣ, какъ выражается его мать. Фантазія помогаетъ ему рисовать себѣ свою жизнь въ радужныхъ краскахъ. Брань матери онъ останавливаетъ быстрою импровизаціею о тѣхъ воображаемыхъ опасностяхъ, которымъ онъ подвергался во время своихъ странствованій по горамъ, импровизаціею до такой степени образною и неожиданною, что застигнутая врасплохъ мать сначала вѣритъ ему, но затѣмъ только вспоминаетъ, что версію того же разсказа она слышала еще дѣвушкою. Своихъ односельчанъ онъ забавляетъ постоянно пересказываніемъ на свой ладъ разнаго рода сказаній старины или сочиненіемъ новыхъ басенъ—и такъ дѣйствуетъ на ихъ воображеніе, что нѣсколько дѣсятковъ лѣтъ спустя, когда Пееръ Гюнтъ, послѣ долгихъ странствованій, возвращается на родину, онъ слышитъ, какъ его имя передается изъ устъ въ уста и какъ повторяются его разсказы, сохранившіеся въ устахъ народа. Мечты его постоянно уносятся вдаль, въ заоблачную высь; то ему кажется что онъ король, царь, обладающій властью и могуществомъ, то въ болѣе пожилые годы, получивъ уже нѣкоторое образованіе и умственное развитіе, онъ рисуетъ себѣ Сахару, обращенную его трудами въ плодородную страну и образующую царство Гюнтіану. Все, что онъ видитъ, что слышитъ, возбуждаетъ его пылкую фантазію; онъ рубитъ сосну, и сосна представляется ему въ видѣ могучаго борца, съ которымъ ему приходится сражаться; онъ смотритъ вверхъ на небо, и ему рисуется на немъ волшебные замки; наконецъ, голодный, обнищалый, онъ срываетъ оболочки съ луковицы чеснока, и каждая оболочка представляется ему одухотворенною, одушевленною, со всѣми особенностями, присущими живому существу.

Не направленное на плодотворную дѣятельность, воображеніе дѣлаетъ Пеера во всю первую половину его жизни неспособнымъ къ труду, заставляетъ его, сильнаго, здороваго малаго, бѣгать отъ всякой работы, не находя въ ней никакого удовольствія, гоняться все за новыми и новыми впечатлѣніями. Вмѣсто того, чтобы поступать такъ, какъ большинство норвежскихъ крестьянъ, „вести мелкую войну крестьянства“, Пееръ Гюнтъ предпочитаетъ по цѣлымъ днямъ бродить въ горахъ, гоняясь за оленемъ, возвращаться послѣ долгаго отсутствія въ изорванной одеждѣ, а дома проводить время въ лежаніи на печи, да въ дракахъ съ наиболѣе задорными парнями прихода или въ ухаживаніи за дѣвушками и въ сочиненіи разнаго рода басенъ, при чемъ то, что дѣлали когда то короли и великіе люди, онъ приписываетъ себѣ, чѣмъ заслуживаетъ названіе лгуна, хвастуна и т. д. Только иногда, подъ вліяніемъ минутнаго возбужденія, въ немъ пробуждается жажда дѣятельности, и ему кажется тогда, что дѣловая жизнь лучше, чѣмъ жизнь въ мечтахъ. „Ломать, переворачивать все по пути, восклицаетъ Пееръ: бороться съ водопадомъ! Разбивать! Выворачивать ель съ корнями! Вотъ это жизнь! Это закаляетъ и возвышаетъ. Къ чорту всѣ проклятыя бредни“! Но этотъ порывъ такъ же быстро потухаетъ, какъ и находитъ. У него появляется временами стремленіе къ лучшему, высшему существованію, напр., когда при видѣ орловъ, пролетающихъ мимо, онъ восклицаетъ: „Я хочу полетѣть съ вами. Я хочу омыть свою грязь въ волнахъ рѣзкаго вѣтра. Я хочу подняться высоко. Я хочу погрузиться въ сіяющую купель“! Но куда ему подыматься на высоту! Слабый, безвольный, неуравновѣшенный, онъ отправляется послѣ смерти матери въ страну долларовъ, и тамъ утра-

чиваетъ послѣднія нравственныя чувства. О существованіи же ихъ у него свидѣтельствуетъ хотя бы то, что онъ не смѣетъ прикоснуться къ Сольвейгъ, получивъ напоминаніе о своей прежней грязной жизни и, любя ее, бѣжитъ отъ нея, хотя она приходитъ, чтобы отдаться ему. Въ Америкѣ онъ забываетъ и о своемъ чистомъ юношескомъ увлеченіи, и о своихъ идеальныхъ порывахъ, и фантазеръ превращается въ искателя легкой наживы. Не различая между добромъ и зломъ, онъ предается самымъ разнообразнымъ занятіямъ совершенно не вникая въ ихъ внутренній смыслъ. Онъ торгуетъ неграми въ Америкѣ, не заботясь о порученіи человѣческаго достоинства, торгуетъ фетишами въ Китаѣ, ввозитъ въ него миссіонеровъ и т. д. и собираетъ громадное состояніе, которое такъ же быстро развѣваетъ по воздуху; онъ путешествуетъ по Африкѣ, играетъ роль пророка, занимается изученіемъ исторіи, археологіи, возвращается въ Америку, охотится у Гудсонова залива, копаетъ золото въ Калифорніи и, въ концѣ концовъ, утративъ все, что имѣлъ во время кораблекрушенія, нищимъ возвращается на родину. Это соединеніе въ одномъ лицѣ мечтателя и практика необходимо было, разъ Пееръ Гюнтъ долженъ былъ символизировать норвежскую націю, представляющую соединеніе двухъ контрастовъ — мечтательности и практичности. Разсказывается цѣлая эпопея человѣческой жизни, переносящая насъ въ самыя разнообразныя страны и обстановки. Оцѣнку ея авторъ даетъ въ отношеніи Пеера Гюнта въ томъ мѣстѣ, гдѣ шелестъ листьевъ, сломаныя соломенки и т. д говорятъ Гюнту, что онъ не исполнилъ своего призванія, оставилъ не высказанными лозунги, порученные ему, идеи, внушенныя ему, дѣла, возложенныя на него и т. д. За то ему и предстоитъ попасть въ плавильную ложку и быть переплавленнымъ вмѣстѣ съ другими половинчатыми людьми. Его спасаетъ только любовь Сольвейгъ, по какимъ образомъ, этого никакъ нельзя понять. Гдѣ находилось центральное зерно его жизни? „Въ моей вѣрѣ, въ моей надеждѣ и въ моей любви“, отвѣчаетъ Сольвейгъ. „Ты превратилъ мою жизнь въ чудную пѣснь“. Слѣдовательно, его существованіе не было лишено цѣльности; центромъ его являлось сердце возлюбленной. Въ этомъ сердцѣ Пееръ Гюнтъ остался цѣльнымъ, самимъ собою. Поэтому онъ можетъ спокойно заснуть въ объятіяхъ Сольвейгъ, увѣренный въ прощеніи Бога, потому что ея сердцѣ онъ сумѣлъ наполнить любовью къ себѣ и сдѣлать ее счастливою.

Изъ очерченнаго Ибсеномъ въ его поэмѣ образа крестьянина въ лицѣ Пеера, съ одной стороны, и покойника-крестьянина, съ другой, печальную исторію котораго разсказываетъ въ своей надгробной рѣчи пасторъ, а также изъ изображенія крестьянъ въ „Брандѣ“ видно, что Ибсенъ вступаетъ въ полное противорѣчіе съ группою норвежскихъ писателей, возвеличивающихъ крестьянъ. По его мнѣнію, крестьяне грубый матеріалъ, нуждающійся въ обработкѣ. Аристократъ по своему презрѣнью къ толпѣ, Ибсенъ является противникомъ всеобщаго равенства гражданъ, среди которыхъ существуютъ такія громадныя различія въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ и понятіяхъ.

Много разбросано въ поэмѣ сатирическихъ и юмористическихъ сценъ. Осмѣянію, между прочимъ, подвергаются царившія въ Норвегіи націоналистскія стремленія въ пзреченіи короля Доврe: „Корова даетъ намъ пирожное, а быкъ медъ. Не спрашивай, какой получается при этомъ вкусъ, сладкій или кислый. Главное, чего ты не долженъ забывать: все это приготовлено здѣсь дома“. Тотъ же смыслъ заключается въ сценѣ сумасшедшихъ въ Каирѣ, гдѣ Гугу говоритъ о языкѣ орангутанговъ. Другіе два сумасшедшихъ, выступающихъ тамъ, представляютъ также прямую сатиру на нѣкоторыя обстоятельства норвежской жизни. Феллахъ съ королевскою мумію на спинѣ, — намекъ на шведовъ и на ихъ короля Карла XII. Какъ и феллахъ, шведы страшно гордятся „героемъ“ королемъ, не дерзнувшихъ поднять оружіе въ защиту датчанъ. А министръ Гуссейнъ представляетъ сатиру на ноты и бумаги, которыми обмѣниваются государства, и спеціально на одного норвежскаго государственнаго дѣятеля, который во время прусско-датской войны написалъ груду всякаго рода нотъ и, повидимому, приписывалъ имъ громадное значеніе. Въ сценѣ съ Пееромъ Гюнтомъ на берегу Морокко осмѣяны представители разныхъ націй, французы, нѣмцы, англичане, при чемъ особенно ѣдко отзывается авторъ о нѣмцахъ, раздраженный противъ нихъ прусско-датскою войною. Нѣкоторыя отдѣльныя сцены въ поэмѣ высоко художественны, напр. смерть Озе, проповѣдь пастора надъ умершимъ крестьяниномъ и т д. Хотя типъ Пеера Гюнта нельзя назвать чисто норвежскимъ типомъ, а скорѣе общечеловѣческимъ, но для соотечественниковъ поэта это его произведеніе оста-

нется навсегда классическою поэмою, норвежскою по преимуществу. Музыка, сочиненная на нее Григомъ, сдѣлала ее еще болѣе популярною. „Ибсенъ“, говоритъ Эраръ, подарилъ своей родинѣ произведеніе, которое, подобно „Фаусту“ Гете, высказываетъ великія истины подъ національными и популярными формами“.

Но эти двѣ драмы не удовлетворили Ибсена. Оставалось еще разобрать норвежскую жизнь съ другой стороны, съ политической. Результатомъ этой работы была комедія „Союзъ молодежи“, вышедшая въ 1869 г., сатира на политическія партіи и политическую жизнь въ Норвегіи. И либералы, и радикалы изображены въ ней каррикатурно и получаютъ должную мзду отъ руки автора. Ибсенъ въ этой комедіи возобновляетъ нападки, возбужденныя имъ въ 1851 г. противъ партіи оппозиціи въ своей пародіи „Норма“. Онъ обвиняетъ либераловъ въ недостаткѣ характера и въ лицѣ камергера Братберга высказываетъ даже какъ будто предпочтеніе консерваторамъ, которые, по крайней мѣрѣ, твердо держатся за свои идеи. Но даже если бы либералы были вѣрны своей программѣ, какое значеніе представляли бы защищаемыя или реформы? Всѣ эти пререканія, распри, столкновенія партій кажутся ему страшно мелочными, ничтожными: обсуждаются второстепенные вопросы, трудятся надъ мелочными усовершенствованіями. Но само общество не претерпѣваетъ никакихъ измѣненій, никакихъ новыхъ идей не появляется на свѣтѣ. Въ письмѣ къ Брандесу отъ декабря 1870 г. Ибсенъ объясняетъ, на чемъ основывается его презрительное отношеніе къ представительному правленію въ „Союзѣ молодежи“. „Все, чѣмъ мы живемъ до сихъ поръ, это только крошки съ великаго пира революціи прошлаго вѣка, а эту пищу мы уже достаточно долго пережевывали... Свобода, равенство, братство не то теперь, чѣмъ они были въ эпоху гильотины. Вотъ чего политики не хотятъ понять и вотъ почему я ненавижу ихъ. Эти люди желаютъ только частичныхъ, внѣшнихъ политическихъ революцій. Но это все пустяки. Вся суть заключается въ возмущеніи человѣческаго ума (Menneskeandens Revoltering). Тотъ, говоритъ Брандесъ, кто въ „Брандѣ“ провозгласилъ лозунгъ „все или ничего“, не можетъ согласиться съ задачею практическаго политика: „каждый день по маленькому шагу впередъ“. „Ибсенъ въ силу всей своей природы, своего умственнаго строя питаетъ отвращеніе къ парламентаріямъ. Онъ вѣритъ въ отдѣльнаго индивидуума, въ единичную великую личность: единичный человѣкъ можетъ добиться всего, и только единичный человѣкъ. Такое учрежденіе, какъ парламентъ, представляется ему собраніемъ ораторовъ и дилетантовъ“. Нелѣпостью съ точки зрѣнія Ибсена является та свобода, которую Лундестадъ предлагаетъ передать въ неприкосновенности потомству. Вотъ что Ибсенъ говоритъ по этому поводу въ письмѣ Брандесу отъ 17 февраля 1871 г. „Борьба за свободу не иное что, какъ постоянное и живое усвоеніе идеи свободы. Тотъ, кто считаетъ себя овладѣвшимъ свободою, владѣетъ мертвою и бездушною фикціею, потому, что понятіе о свободѣ заключаетъ въ себѣ ту особенность, что оно постоянно развивается во время усвоенія его, и если кто во время борьбы остановится и скажетъ: я обладаю свободою, тотъ только докажетъ, что онъ утратилъ ее. Но именно эта отдающая мертвечиною остановка на какомъ либо пунктѣ свободы и представляетъ характеристичную черту для государства, а это именно и дурно“. Другая причина равнодушія Ибсена къ борьбѣ партій въ Норвегіи— это мѣстный интересъ. Они не встрѣчаютъ отраженія въ мірѣ. Это буря въ стаканѣ воды. Для всѣхъ норвежцевъ, какъ и для типографа Аслаксена, все сводится къ мѣстнымъ вопросамъ. Норвегія осталась совершенно въ сторонѣ отъ Европы въ дѣлѣ общей политики. Какое же значеніе имѣетъ для міра то обстоятельство, что тѣ, а не другія идеи восторжествуютъ въ этой изолированной странѣ? Избраніе въ Норвегіи консерватора или либерала представляетъ такъ же мало интереса для Европы, какъ и избраніе какого-нидудь сельскаго старосты въ деревнѣ.

Эти взгляды Ибсена объясняютъ появленіе на свѣтъ комедіи „Союзъ молодежи“, написанной въ водевильномъ тонѣ, со множествомъ внезапныхъ эффектовъ, и лишенной художественной обрисовки личностей, которыя служатъ только для воплощенія извѣстныхъ идей. Особенно рѣзко осмѣивается страсть основывать общества и союзы. Вообще Ибсенъ не можетъ безъ смѣха читать въ газетѣ заявленіе: затѣмъ основана была комиссія“ или „затѣмъ устроенъ былъ „союзъ“ и т. д. Піеса его возбудила большое негодованіе среди его соотечественниковъ. Первое представленіе ея въ Христіаніи 18 декабря 1869 г. вызвало шумныя сцены протеста. Борьба между апплодирующими и свистящими длилась нѣсколько минутъ; наконецъ вынуждены

были спустить занавѣсъ. режиссеръ вышелъ и спросилъ, желаетъ ли публика продолженія спектакля. Послѣ этого піеса шла безъ перерыва до реплики Бастіана Монзена въ IV актѣ: „слово нація значитъ простой народъ,—имъ обзначаются тѣ, у которыхъ нѣтъ ничего и которые сами ничего не представляютъ, которые лежатъ связанными“. Тутъ буря снова разразилась и продолжалась и на улицѣ. Такъ же бурно прошли и слѣдующіе два представленія комедіи. Только на четвертомъ піесу выслушали въ полномъ спокойствіи.

Извѣстіе объ этихъ инцидентахъ непріятно поразило Ибсена, находившагося въ то время въ Египтѣ при открытіи Суэзскаго канала. Его огорченіе нашло себѣ отголосокъ въ стихотвореніи, гдѣ онъ, описывая торжество открытія, говоритъ о ядовитой мухѣ, укусившей его и возбудившей въ немъ опять всю горечь воспоминаній. „Слава звѣздамъ,—моя родина осталась прежнею“! восклицаетъ онъ.

Послѣ появленія послѣднихъ трехъ работъ Ибсена въ его положеніи произошла значительная перемѣна. Популярность его сильно увеличилась, слава распространилась. Въ лицѣ Гюльдестадскаго книжнаго магазина онъ нашелъ себѣ хорошаго издателя. Въ то же время стортингъ въ 1866 г. пожаловалъ ему литературную стипендію, которой онъ тщетно добивался раньше. Такимъ образомъ его экономическое положеніе улучшилось. Это доставило ему возможность продлить свое пребываніе заграницею; онъ только переѣхалъ изъ Рима въ Дрезденъ. Лѣтомъ 1869 г. онъ посѣтилъ Стокгольмъ, а въ слѣдующее лѣто Копенгагенъ; въ обѣихъ столицахъ онъ встрѣтилъ самый блестящій пріемъ. Когда, наконецъ, въ 1874 г. Ибсенъ пріѣхалъ на родину въ Христіанію, оваціямъ не было конца. Студенты устроили факельное шествіе передъ его домомъ, и тронутый поэтъ благодарилъ ихъ въ большой рѣчи, въ которой обнаружилъ, какъ страстно желалъ не только всеобщаго признанія, но и любви не смотря на свое презрѣніе къ обществу и мнѣнію толпы. Между прочимъ онъ сказалъ: „Когда императоръ Юліанъ стоялъ въ концѣ жизненнаго пути и все вокругъ него рушилось, ничто не угнетало его такъ сильно, какъ мысль, что ему удалось добиться лишь почтительной памяти со стороны немногихъ ясныхъ и сильныхъ умовъ межу тѣмъ какъ его враги зажгли теплую живую любовь въ людскихъ сердцахъ. Эта мысль Юліана напоминаетъ и мнѣ нѣчто пережитое, коренящееся въ одномъ вопросѣ, который я часто задавалъ себѣ въ одиночествѣ тамъ, на югѣ. И вотъ сегодня вечеромъ норвежская молодежь пришла комнѣ и отвѣтила мнѣ на тотъ вопросъ словомъ и пѣсней, такъ тепло и отъ полноты сердца, какъ я не смѣлъ и ждать“. „Въ теченіе моего изгнанія, прибавилъ онъ, я старался все время быть хорошимъ студентомъ„ (т. е. учащимся). Въ театрѣ, гдѣ въ его присутствіи дана была освистанная прежде комедія „Союзъ молодежи“, всѣ шумно привѣтствовали его. Наконецъ то получилъ онъ признаніе, котораго заслуживалъ.

Но еще до перваго своего возвращенія на родину Ибсенъ написалъ ту драму, для которой онъ началъ собирать матеріалъ за 9 лѣтъ до того, тотчасъ по переѣздѣ за границу. Вотъ что говоритъ по этому поводу самъ Ибсенъ. „Когда я осенью 1868 г. выѣхалъ въ Италію и поселился въ Дрезденѣ, я привезъ съ собою изъ Рима планъ „Союзъ молодежи“ и въ ту же зиму написалъ эту піесу. Для „Императора и галилеянина„ я въ теченіе четырехлѣтняго своего пребыванія въ Римѣ изучилъ много сочиненій, много дѣлалъ выписокъ, но не составилъ еще себѣ яснаго плана работы... Мое міровоззрѣніе было въ то время національно-скандинавскимъ, и потому я не могъ справиться съ чуждымъ матеріаломъ. Затѣмъ я пережилъ великое для Германіи время, годъ войны и послѣдующее германское развитіе. Все это произвело во мнѣ во многихъ отношеніяхъ переворотъ. Мой взглядъ на міровую исторію и на человѣческую жизнь былъ до сихъ поръ національнымъ. Я расширилъ его на общечеловѣческій взглядъ, и поэтому могъ написать „Императора и галилеянина“. Весною 1873 г, драма моя была окончена.

Вначалѣ, говоритъ Вернеръ, поэтъ изслѣдовалъ дѣйствіе, оказываемое Провидѣніемъ только на судьбы родины, размышлялъ надъ его велѣніями только въ предѣлахъ этой незначительной частицы міра. Такимъ образомъ получался Богъ спеціально одного народа, на языческій или изральскій ладъ, который осмѣивается самимъ Ибсеномъ въ „Пеерѣ Гюнтѣ“. Расширивъ теперь это узкое воззрѣніе, поэтъ провозгласилъ признаніе исторической задачи каждаго отдѣльнаго народа. Но если побѣда одного народа была предопредѣлена то также точно должно было быть предопредѣлено и пораженіе другого. Поэтъ заинтересовался вопросомъ насколько часто происходили такія перемѣны милости въ прошломъ, какимъ образомъ дѣйствія лю-

дей направлялись къ достиженію возвышенныхъ цѣлей, при чемъ не обращалось вниманія на горе или благо отдѣльныхъ лицъ. Въ умѣ Ибсена начало такимъ образомъ создаваться понятіе о міровомъ управленіи, для котораго все служитъ только средствомъ для достиженія цѣли. Этотъ свой взглядъ на міровое управленіе, на предопредѣленіе Ибсенъ развиваетъ подробно въ своей драмѣ. Но почему онъ еще въ 1863 г. избралъ героемъ ея именно Юліана? А потому, что на это натолкнула его идея о призваніи, разработанная въ предыдущихъ піесахъ и послужившая основною темою его послѣдней исторической драмы: „Претенденты на корону". „Но здѣсь, говоритъ Іегеръ, призваніе разсматривается какъ счастливый даръ свыше, ниспадающій на избраннаго... Въ „Брандѣ" оно получаетъ характеръ категорическаго императива, поставленнаго свыше людямъ, которые должны изображать изъ себя скрижали, на которыхъ Богъ можетъ по своему усмотрѣнію чертить что ему угодно. Въ „Пеерѣ Гюнтѣ" призваніе заключается въ томъ, чтобы быть самимъ собою, но это объясненіе далеко не лишено мистическаго характера, потому что дальше говорится, что быть самимъ собою—это значитъ „повсюду носить какъ вывѣску мнѣніе хозяина".. Въ „Императорѣ и галилеянинѣ" призваніе не даръ и не категорическій императивъ; это необходимость; тутъ не говорится: „ты будешь", а „ты долженъ".

Исполнять свое призваніе можно всякимъ образомъ; прямымъ и отрицательнымъ, получая или прямыя изображенія или негативы, какъ въ „Пеерѣ Гюнтѣ" (стр. 61). Юліанъ призванъ упрочить царство, именно царство галилеянина; эта обязанность возложена на него міровою волею, вслѣдствіе чего онъ подчиненъ закону необходимости. Ибсенъ называетъ Юліана устами мистика Максима „жертвою необходимости" и говоритъ: міровая воля должна будетъ отвѣчать за душу Юліана". Юліанъ—не первая жертва, которою воспользовалась міровая воля для достиженія своихъ цѣлей. Каинъ послужилъ „первымъ жертвеннымъ агнцемъ избранія", а Іуда Искаріотскій, „жалкій рабъ", „двѣнадцатое колесо въ міровой колесницѣ", „помогъ совершиться ближайшему къ намъ міровому перевороту". Эти три лица: Каинъ, и Іуда и Юліанъ, названы у Ибсена „три угловые камня подъ гнѣвомъ необходимости". Ихъ преступленія были необходимы и потому предопредѣлены.

Юліанъ укрѣпляетъ царство, но только отрицательнымъ путемъ. Онъ еще ребенкомъ обладалъ рѣдкою силою убѣдительности и создавалъ прозелитовъ христіанства у гроба мученика. Но позже онъ пренебрегъ своимъ призваніемъ: онъ началъ видѣть въ царствѣ не духовное царство галилеянина, а міровое царство императора и сталъ всѣми силами бороться противъ того царства, которое обязанъ былъ упрочить. И не смотря на это свое призваніе Юліанъ выполняетъ: именно тѣ преслѣдованія, которымъ онъ подвергаетъ христіанъ, пробуждаютъ ихъ изъ состоянія отупѣнія и разслабленія, въ которомъ они обрѣтались, проводя время въ безкопечныхъ распряхъ и раздорахъ сектъ; даже равнодушные выступаютъ въ защиту попираемой религіи, и когда Юліанъ, наконецъ, падаетъ, побѣжденный галилеяниномъ, онъ оставляетъ по себѣ сильное и сплоченное общество тамъ, гдѣ до того царили вялость и раздоры.

Призваніе—одна сторона темы, привлекавшая Ибсена. Другою является противоположность между языческимъ и христіанскимъ міромъ, возбуждавшая въ сильнѣйшей степени интересъ и у многихъ германскихъ писателей до него, особенно у Шиллера, который даже собирался писать драму съ героемъ Юліаномъ Отступникомъ. Въ противоположность этимъ писателямъ, Гейне, Шиллеру, Гете и др., увлекавшимся красотою языческаго міра, Ибсенъ не увлекается ею. „Старая красота уже не красива", говоритъ онъ устами Юліана. Ибсенъ преклоняется передъ нравственною силою христіанства, проявлющейся во всемъ величіи благодаря преслѣдованіямъ. Христіанство псказилось, какъ только восторжествовало и стало пользоваться императорскимъ покровительствомъ. Начинается эра страданій и оно возстановляется въ своей первоначальной чистотѣ. Ибсенъ высказываетъ здѣсь тѣ же мысли, которыя онъ развивалъ въ „Претендентахъ на корону" по поводу благодѣтельнаго дѣйствія скорби и которыя онъ высказалъ въ своихъ разговорахъ съ Брандесомъ относительно прекрасныхъ сторонъ всякаго рода притѣсненій, потому что, по его мнѣнію, ничто не развиваетъ въ такой сильной степени любовь къ свободѣ, какъ гнетъ. Въ тѣхъ немногихъ странахъ, гдѣ сохранился еще деспотическій режимъ, говоритъ онъ, люди умѣютъ любить свободу и прилосить ей жертвы. Поэтому то и замѣчается въ такихъ странахъ высокое развитіе поэзіи и искусства."

Христіанство составляло необходимую ступень развитія міра, мірового прогресса.

Какъ таковое, оно должно было преодолѣть всѣ препятствія и утвердиться прочно. Потому что міровая воля у Ибсена не есть слѣпой рокъ, а воплощеніе необходимости, стремящейся къ извѣстной цѣли, именно къ постоянному прогрессу человѣчества. „Міровая воля, говоритъ Вернеръ, есть олицетворенная или въ крайнемъ случаѣ формулированная культурная необходимость".

Таковъ былъ бы основной тонъ всей драмы, если бы Ибсенъ окончилъ ее немедленно послѣ „Претендентовъ на корону". Но въ то время, какъ Ибсенъ откладывалъ въ долгій ящикъ свою работу, его религіозныя идеи претерпѣли измѣненіе. Указавъ на христіанство, какъ на прогрессъ сравнительно съ язычествомъ, какъ на шагъ впередъ въ развитіи человѣчества, онъ, адептъ безконечнаго прогресса, почувствовалъ желаніе изслѣдовать, какова будетъ дальнѣйшая ступень этого развитія. И вотъ въ далекомъ будущемъ возвѣщается появленіе новаго царства, долженствующаго прійти на смѣну существующаго. „Я вѣрю, говорилъ однажды Ибсенъ на банкетѣ въ Стокгольмѣ, что ученіе объ эволюціи можетъ быть примѣнено къ факторамъ умственной жизни. Я вѣрю, что скоро наступитъ время, когда политическая идея и соціальная прекратятъ свое существованіе въ теперешней ихъ формѣ и когда изъ обѣихъ создастся единичная идея, заключающая въ себѣ условія счастья людей. Я вѣрю, что поэзія, философія и религія сольются въ новую категорію, въ новый источникъ жизни, о которомъ мы въ настоящее время не можемъ составить себѣ яснаго понятія. Меня часто называли пессимистомъ. Да, я дѣйствительно пессимистъ въ томъ отношеніи, что не вѣрю въ вѣчность человѣческихъ идеаловъ. Но я также точно и оптимистъ, потому что я вѣрю въ возможность увѣковѣчивать и развивать идеалы. Выражаясь болѣе точно, я вѣрю, что идеалы нашего времени, улетучиваясь, выказываютъ стремленіе развиться въ то, что я обозначилъ въ своей драмѣ „Императоръ и галилеянинъ" именемъ „третьяго царства". Первоизвѣстникомъ этой религіи будущаго въ крайне смутныхъ, мистическихъ выраженіяхъ является мистикъ Максимъ.

„Существуютъ три царства, возвѣщаетъ Максимъ. Прежде всего царство, въ основѣ котораго лежитъ древо знанія, потомъ царство, основанное на древѣ креста. Третье царство - царство великой тайны, царство, основанное одновременно на древѣ знанія и древѣ креста, потому что оно любитъ и ненавидитъ обоихъ, и имѣетъ свои живые источники въ Адамовой рощѣ и подъ Голгофою. Это царство стоитъ у порога". „И императоръ, и галилеянинъ погибнутъ", отвѣчаетъ Максимъ на вопросъ Юліана, кто побѣдитъ, императоръ, представитель ученія, желающаго видѣть всѣхъ людей счастливыми на землѣ, или галилеянинъ, суровый законодатель, требующій отреченія и страданій. „Въ нашели время это случится или черезъ сотни лѣтъ, я не знаю, продолжаетъ Максимъ, но это случится тогда, когда придетъ настоящій... тотъ, кто побѣдитъ императора и галилеянина... Они оба падутъ, но не исчезнутъ... Развѣ дитя не обращается въ юношу, а юноша въ зрѣлаго человѣка? Но ни дитя, ни юноша не исчезаютъ... Царство плоти смѣнилось царствомъ духа. Но царство духа не можетъ считаться законченнымъ, какъ не можетъ юноша считать себя законченнымъ человѣкомъ. Ты хотѣлъ помѣшать росту юноши, воспрепятствовать ему обратиться въ зрѣлаго человѣка... Ты обнажилъ мечъ противъ того, что должно быть создано,—противъ третьяго царства, въ которомъ будетъ властвовать двухсторонній...Богъ-императоръ". Въ этихъ словахъ Максима вся причина гибели Юліана, какъ ее понимаетъ Ибсенъ. Препятствуя развитію христіанства, онъ препятствовалъ и появленію третьяго царства, дальнѣйшей степени прогресса.

Драма „Императоръ и галилеянинъ" составляетъ плодъ старательнаго изученія источниковъ, писаній отцевъ церкви, сочиненій церковныхъ историковъ, сочиненій самого Юліана, и въ особенности произведеній Амміана Марцеллина, у котораго Ибсенъ заимствовалъ цѣлыя тирады. Но къ этимъ историческимъ свѣдѣніямъ Ибсенъ присочинилъ событія, почерпнутыя имъ изъ собственной фантазіи, другіе факты онъ разсказалъ такъ, какъ они были нужны ему для хода дѣйствія. Такимъ образомъ онъ создаетъ роль Елены жены Юліана, которую изображаетъ женщиною честолюбивою, развращенною, любовницею Галла, брата Юліана. Но всѣ факты, сообщаемые Ибсеномъ, вполнѣ вѣрны нравамъ описываемой имъ эпохи. Даже складъ рѣчи Юліана, запутанный, съ массою вводныхъ словъ и предложеній, строго выдержанъ. За то въ художественномъ отношеніи эта драма занимаетъ далеко не выдающееся мѣсто среди произведеній Ибсена. Продолжительное время

ея обработки оставило на ней неизгладимые слѣды. Напр. Юліанъ первой части производитъ впечатлѣніе совершенно различное отъ Юліана второй. Девятнадцатилѣтній юноша съ искрящимися каримъ глазами, съ плохо сидящею на немъ придворною одеждою, съ застѣнчивымъ, порывистымъ и рѣзкимъ обращеніемъ, онъ совсѣмъ пыломъ нетронутой, неиспорченной натуры жаждетъ истины, искренно стремится къ высшей, болѣе богатой, лучшей жизни, но вмѣсто желанной жизни получаетъ книги, вмѣсто искомой истины—фразы. Онъ нерѣшителенъ не изъ слабости воли,—это доказываютъ его военные подвиги; онъ трусливъ не изъ сознанія вины, какъ Констанцій; онъ, по мнѣнію Ибсена, языческая душа, стѣсненная въ своемъ свободномъ, естественномъ развитіи, лишенная свободы воли благодаря узамъ, налагаемымъ правилами новой вѣры. Онъ ненавидитъ отъ души своихъ враговъ, а ему приказываютъ любить ихъ; естественныя потребности человѣческой природы необузданно заговариваютъ въ немъ,—а ему вмѣняютъ въ обязанность смирять свою плоть. Онъ, конечно, нѣсколько тщеславенъ и умѣетъ притворяться, но эти недостатки не возбуждаютъ непріязненнаго къ нему отношенія въ виду трудности его положенія. Въ качествѣ вождя въ Галліи Юліанъ высказываетъ необыкновенную быстроту дѣйствій, мужество и энергію. Но въ „Императорѣ Юліанѣ“ Юліанъ точно перерождается. Прежде онъ жаждалъ жизни, теперь онъ видитъ свѣтъ только въ книгахъ; прежде онъ былъ человѣкомъ дѣйствія, теперь онъ обращается въ тщеславнаго литературнаго педанта, въ буквоѣда, для котораго важны только внѣшнія формы. Весь трагическій отпечатокъ снимается съ него; онъ погружается въ цѣлое море пошлости. Онъ обнаруживаетъ полное непониманіе людей и жизни, дѣлается игрушкою въ рукахъ приближенныхъ; суровый, жестокій, несправедливый, онъ произноситъ громкія рѣчи о своей кротости и милосердіи и въ то же время подвергаетъ тяжкимъ преслѣдованіямъ христіанъ. Изъ стремящагося къ лучшей жизни, жаждущаго свѣта и истины юноши первой части получается полу-безумецъ, полуримскій самодержецъ съ ограниченнымъ умомъ, съ ожесточеннымъ сердцемъ, не дающій пощады никому, даже дорогимъ когда то товарищамъ юности. Онъ кончаетъ, какъ и Катилина, фру Ингеръ и Іордисъ, сумасшествіемъ, а затѣмъ смертью.

„Разсматривая Юліана, какъ представителя античной цивилизаціи, говоритъ Іегеръ, мы не можемъ не рисовать его себѣ болѣе значительнымъ, чѣмъ какимъ рисуетъ его Ибсенъ, и то же слѣдуетъ сказать, еще въ болѣе сильныхъ выраженіяхъ, относительно остальныхъ представителей старой культуры, Ливанія, Гекеболія и т. д. Пусть эта культура отжила, пусть она была на исходѣ, но все же она и при своемъ паденіи могла создать болѣе благородныхъ и великихъ личностей, чѣмъ Ливаній и т. п. Здѣсь, какъ и всегда, когда Ибсену приходится заниматься историческимъ столкновеніемъ между старымъ и новымъ, онъ всецѣло переходитъ на сторону новаго“.

Несмотря на свою непомѣрную длину (2 части въ 5 дѣйствіяхъ каждая), не смотря на недостатокъ въ ней мѣстами гармоніи, интереса и ясности, драма „Императоръ и галилеянинъ“ производитъ сильное впечатлѣніе на внимательнаго читателя, у котораго хватитъ настойчивости прочесть ее не одинъ только разъ. Такъ много въ ней красотъ, ускользающихъ при первомъ чтеніи. Читатель, по словамъ Эрара, не долженъ судить о драмѣ по первому впечатлѣнію и говорить вмѣстѣ съ Юліаномъ: „я прочелъ, понялъ и осудилъ“.

V.

Еще до появленія послѣдней разсмотренной нами драмы большія перемѣны произошли въ творчествѣ Ибсена. Вся система его, по словамъ Эрара, можетъ быть резюмирована въ слѣдующихъ словахъ: „возстаніе индивидуума противъ общества, —иначе сказать, Ибсенъ является проповѣдникомъ нравственной автономіи“. Но что же подразумѣваетъ Ибсенъ подъ словомъ индивидуумъ и что подъ словомъ общество?

Индивидуумъ—это личность, эмансипированная во всѣхъ отношеніяхъ, это человѣкъ, владѣющій полною свободою дѣйствій, полною волею, не задерживаемый въ своемъ развитіи и въ примѣненіи своихъ силъ никакими внѣшними вліяніями. Онъ любитъ то, что ему нравится; онъ дѣлаетъ то, что ему хочется. Онъ не принимаетъ никакихъ идей, никакихъ мнѣній на вѣру, а самъ провѣряетъ ихъ и затѣмъ или отвергаетъ, или усваиваетъ по своему усмотрѣнію. Общество—это люди, которые, соединившись, отказались отъ врожденныхъ правъ. Они дѣлаютъ другъ другу

уступки, которыя вытекаютъ изъ условій общей жизни. Они устанавливаютъ правила, опредѣляющія ихъ взаимныя отношенія, подчиняются извѣстнымъ обычаямъ, изобрѣтаютъ законы, которымъ обязаны повиноваться, отказываясь отъ своей личной волп. Часто законы являются обветшалыми, простыми пережитками страны, но пока они не отмѣнены, люди не смѣютъ нарушать ихъ явно, а должны смиренно преклоняться передъ ними. Подобно Руссо, Ибсенъ полагаетъ, что общество портитъ людей, развивая въ нихъ ложь и лицемѣріе, но въ то же время, въ противоположность женевскому философу, онъ находитъ, что человѣкъ не долженъ отказываться отъ всякой культуры и возвращаться къ первобытному состоянію. Природу слѣдуетъ исправлять воспитаніемъ, составляющимъ плодъ вѣковыхъ трудовъ, вѣковыхъ усилій цѣлаго ряда великихъ людей, благодѣтелей человѣчества, которые создаютъ прогрессъ, проповѣдуя примѣромъ и словомъ любовь къ красотѣ, величію и истинѣ.

Въ то же время, по мнѣнію Ибсена индивидуальная свобода не заключается въ правѣ человѣка дѣлать все, что ему вздумается. Она заключается въ свободѣ преслѣдовать безъ стѣсненія свою жизненную задачу, выполнять свое призваніе. Мы говорили объ этомъ призваніи выше, разбирая историческія драмы Ибсена. Туже идею развиваетъ онъ и въ своихъ философскихъ произведеніяхъ. „Хотѣть—значитъ долженствовать хотѣть“, говоритъ Максимъ въ „Императорѣ и галилеянинѣ“. Хотѣть значитъ слѣдовать внушеніямъ нашей природы, работать надъ дѣломъ, къ которому мы чувствуемъ склонность. И тогда этому дѣлу надо предаться цѣликомъ, „Все или ничего“ — излюбленная формула Бранда. Чего недостаетъ больше всего современному человѣчеству, это цѣльныхъ личностей. Нужны характеры для того, чтобы преобразовать міръ. Человѣчество представляетъ теперь сборище частичекъ душъ; ихъ необходимо перелить въ новыя формы, перелить частицы въ цѣльные индивидуумы, въ „новаго Адама, молодого и сильнаго“, какъ говоритъ Брандъ. Конечно, человѣкъ, желающій свободно развиваться, вступаетъ неизбѣжно въ столкновеніе съ обществомъ. Но тутъ есть границы, предѣлы, которые общество ставитъ свободному и естественному проявленію личности.

Главныя формы, подъ которыми общество оказываетъ свое вліяніе на личность, слѣдующія: семья, государство и церковь.

Семейныя отношенія Ибсенъ разбираетъ главнымъ образомъ въ цѣломъ рядѣ послѣдующихъ драмъ изъ современной жизни. Наши обязанности къ намъ самимъ общество заставляетъ подчиняться нашимъ обязанностямъ относительно семьи, замыкая ихъ въ крайне узкое и тираническое понятіе. Таковы обязанности брачныя, обязанности родителей по отношенію къ дѣтямъ, обязанности дѣтей по отношенію къ родителямъ. Мы уже видѣли какъ Ибсенъ осмѣиваетъ бракъ въ „Комедіи любви“. Въ послѣдующихъ своихъ пьесахъ онъ развиваетъ ту же мысль въ другихъ отношеніяхъ и протестуетъ противъ порабощенія женщины словами Норы: „я прежде всего человѣкъ, а потомъ мать и жена“. А въ „Привидѣніяхъ“, возставая противъ законовъ, освящающихъ бракъ и признающихъ его нерушимымъ, хотя бы вся жизнь и будущность одного изъ вступающихъ въ него и его дѣтей ставились на карту, онъ устами г-жи Альвингъ возмущается и противъ общепринятыхъ правилъ, признающихъ дѣтей обязанными уважать и любить своихъ родителей, каковы бы они не были.

Въ философскихъ драмахъ больше вниманія обращено на великую семью—государство, хотя въ „Брандѣ“ затрогивается довольно подробно и вопросъ о церкви.

Посмотримъ какъ относится нашъ авторъ къ государству.

Великая семья, государство, по его мнѣнію, также точно препятствуетъ свободному развитію личности, какъ и маленькая, брачная. Это относится и къ странамъ, гдѣ власть основывается на современныхъ началахъ свободы. На чемъ основана эта свобода? спрашиваетъ себя Ибсенъ и отвѣчаетъ: на господствѣ большинства. „Брандъ, говоритъ фогдъ, безнадежна борьба для одинокаго борца!—Мое войско сильно, возражаетъ Брандъ, за мною идутъ лучшіе люди. — Можетъ быть и такъ, но за мною большинство“, отвѣчаетъ торжествующій фогдъ. „Но развѣ можно руководиться мнѣніемъ большинства“? спрашиваетъ себя Ибсенъ и отвѣчаетъ въ одномъ письмѣ къ Брандесу: „Бьернсенъ говоритъ: большинство всегда право“. И какъ практическій политикъ онъ имѣетъ основаніе говорить это. Я же, напротивъ того, долженъ сказать: меньшинство всегда право“. Въ этихъ словахъ уже замѣчаются первые намеки на „Врага народа“. По мнѣнію Ибсена въ государствѣ условія нашего общественнаго положенія точно опредѣлены, а между тѣмъ ихъ нельзя назвать наилучшими, поэтому то законы, какъ и люди, постоянно, съ те-

ченіемъ вѣковъ, мѣняются: „Ни нравственные идеи, пишетъ Ибсенъ въ одномъ письмѣ къ Брандесу, ни художественные не могутъ существовать вѣчно. Сколько понятій можемъ мы считать окончательными? Кто гарантируетъ мнѣ, что тамъ наверху на Юпитерѣ дважды два не пять?“ „Все созданное“, говоритъ Ибсенъ въ Брандѣ, имѣетъ свой finis; оно искажается вслѣдствіе соприкосновенія съ землею и гадами и должно, согласно законамъ, уступить мѣсто не рожденнымъ еще формамъ“.

Понятенъ послѣ этого интересъ, который Ибсенъ обнаруживалъ въ парижской коммунѣ, которая, какъ ему казалось, должна была осуществить его идеалъ. Понятна также и глубокая антипатія, съ какой онъ относился къ Пруссіи, гдѣ теорія государства примѣнялась во всей строгости и гдѣ такъ мало свободы предоставлялось личной иниціативѣ. Вотъ что говоритъ онъ по поводу событій 1870 г. „Государство часто является проклятіемъ для отдѣльной личности. Какою цѣною купила Пруссія свою силу? Заставивъ индивидуумъ исчезнуть въ политическомъ и географическомъ понятіи... Побѣды Пруссіи—торжество ариѳметики. Слава ея эфемерна и разсѣется, какъ и чудеса Египта, засыпанные песками“.

Способъ дѣйствій парижской коммуны и послѣдовавшая затѣмъ реакція доставили Ибсену большое огорченіе и разочарованіе. Въ письмѣ къ Брандесу отъ 18 мая 1871 г. онъ говоритъ: „Не возмутительно ли со стороны парижской коммуны, что она такъ исказила мою государственную теорію или скорѣе мое отсутствіе государственной теоріи? Теперь идея моя дискредитирована на долго и у меня отнята даже возможность приличнымъ образомъ воспѣть ее въ стихахъ. Но все же я глубоко убѣжденъ въ томъ, что самое ядро здорово и что когда-нибудь, хотя бы, въ отдаленномъ времени, эта идея осуществится на практикѣ не въ карикатурномъ видѣ“.

Пока Ибсенъ вѣрилъ, что новое время близко, онъ занималъ выжидательное положеніе, ожидая грядущихъ событій. „До тѣхъ поръ я стою въ своей комнатѣ въ лайковыхъ перчаткахъ, до тѣхъ поръ я мирно проживаю и пишу аристократично на веленевой бумагѣ“, говоритъ онъ въ одномъ стихотвореніи. Но какъ только поэтъ убѣдился, что надежды на новое будущее рушились, онъ началъ подвергать тщательному діагнозу болѣзни современнаго ему общества. Чтобы создать живые образы изъ современной жизни, ему необходимо было вновь побывать на норвежской почвѣ и подышать норвежскимъ воздухомъ. Европейская жизнь оставалась для него слишкомъ далекою, слишкомъ чуждою, чтобы черпать изъ нея источникъ вдохновенія. Короткаго посѣщенія родины было достаточно. Затѣмъ Ибсенъ опять удалился заграницу, на этотъ разъ въ Мюнхенъ, такъ какъ воздухъ Дрездена казался ему слишкомъ пропитаннымъ духомъ милитаризма. Продолжая по книгамъ и газетамъ тщательно слѣдить за всѣми явленіями жизни на родинѣ, онъ началъ безпощадно изобличать язвы современной жизни и современнаго общества. „Ich schreibe nicht euch zu gefallen, Ihr sollt was lernen“, какъ бы говорилъ онъ читателямъ словами Гете.

VI.

Для каждаго писателя, говоритъ одинъ датскій авторъ, наступаетъ время, когда онъ находитъ нужнымъ сойти съ горныхъ высотъ, оставить свое уединеніе и спуститься къ людямъ. Для Ибсена это время наступило, когда онъ по окончаніи своей послѣдней философской драмы безъ малѣйшаго перехода сталъ писать самою обыденною прозою и изображать повседневныхъ, будничныхъ людей. Маленькое общество небольшого норвежскаго городка, знакомое ему съ дѣтства и юности, было подвергнуто имъ самому тщательному изученію и послужило краеугольнымъ камнемъ для его поэзіи, куда долетали только отдаленныя отраженія, мимолетные проблески болѣе широкихъ общественныхъ интересовъ и теченій и болѣе грандіозной сферы дѣятельности крупныхъ обществъ. „Всѣ пороки живутъ въ этомъ маленькомъ обществѣ, но въ тиши; только лицемѣріе и трусость, называемая скромностью, развиваются свободно и служатъ охраною для таящихся на днѣ пороковъ“. Такова типическая среда, въ которой дѣйствуютъ герои ибсеновскихъ драмъ. Въ ней ведется борьба за высшіе идеалы и рѣшается судьба людей, происходитъ смѣна побѣдъ или пораженій. Безпощадно разоблачаетъ Ибсенъ лицемѣріе, ложь, предразсудки, эгоизмъ благовоспитанныхъ гражданъ, т. наз. столповъ общества. Но онъ не довольствуется этимъ, онъ нападаетъ и на учрежденія, которыя еще больше, чѣмъ отдѣльныя личности, признаются основами нравственнаго и общественнаго благосостоянія.

Первая изъ современныхъ драмъ Ибсена „Столпы Общества“ представляетъ такую противоположность съ „Брандомъ“,

что можно подумать, будто эти два произведенія написаны двумя различными авторами. Первое по существу своему чисто мистическое, содержаніе второго—чистѣйшая проза. Первое поражаетъ своими крайностями, второе разбираетъ самыя обыкновенныя житейскія отношенія. Мольеръ далъ типъ Тартюфа-ханжи. Но въ настоящее время лицемѣріе приняло другія формы. Самая распространенная изъ нихъ—увѣреніе въ безкорыстномъ служеніи общественному благу въ то время, когда думаешь объ общественномъ пирогѣ. Общество таково, что только обманщики могутъ быть его опорами и защитниками. Люди таковы, что служеніе общему благу является въ ихъ рукахъ щитомъ для прикрытія собственнаго самолюбія и тщеславія. Въ „Союзѣ молодежи" Ибсенъ уже указалъ на Тартюфа въ политикѣ, который „соглашается принять на себя полномочіе депутата, если благо согражданъ потребуетъ этого отъ него. „Столпы общества" представляютъ яркое изображеніе лжецовъ, которые будто бы работаютъ на пользу общества, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности ищутъ только личной выгоды, „филантроповъ безъ щедрости, благодѣтелей, лишенныхъ безкорыстія". Они называютъ себя столпами общества, потому что даютъ въ немъ примѣръ нравственнаго и достойнаго поведенія и заставляютъ уважать принципы высокой нравственности, на которыхъ должна основываться жизнь націй. Но все это пустыя фразы и ложь, говоритъ Ибсенъ, и выводитъ цѣлый рядъ столповъ общества, высохшихъ и пустыхъ внутри.

Однимъ изъ такихъ видныхъ столповъ въ пьесѣ Ибсена является консулъ Берникъ. Это высоко нравственный человѣкъ, примѣрный отецъ семейства, образцовый и безкорыстный общественный дѣятель, жертвующій своимъ спокойствіемъ и досугомъ на пользу общества, открывающій новые источники общественныхъ доходовъ, которые обезпечиваютъ благосостояніе сотенъ семей и, наконецъ, превосходный хозяинъ верфи, на котораго всѣ рабочіе смотрятъ, какъ на родного отца. Такимъ его считаютъ. Но посмотримъ ближе, говоритъ Ибсенъ,—и высоко нравственный человѣкъ оказывается жалкимъ соблазнителемъ, заводившемъ интриги въ то время, когда былъ женихомъ, а затѣмъ взвалившемъ свою вину на чужія плечи, эгоистомъ, пожертвовавшимъ честью своего зятя, чтобы спасти свою собственную, пожертвовавшимъ жизнью нѣсколькихъ десятковъ людей, чтобы избавить себя отъ опасности разоблаченій;—безукоризненный въ семейной жизни человѣкъ оказывается мужемъ, женившимся по разсчету на нелюбимой дѣвушкѣ, измѣнившемъ своей любви ради богатаго приданнаго; нѣжный отецъ любитъ въ своемъ сынѣ только продолжателя своего рода, который долженъ продолжать его дѣятельность, и обнаруживаетъ полное отсутствіе безкорыстія и самозабвенія, составляющихъ основу родительскихъ чувствъ; образцовый общественный дѣятель покупаетъ выгодныя городу помѣстія для своей личной пользы, хлопочетъ о проведеніи желѣзной дороги въ томъ направленіи, которое оказывается для него наиболѣе выгоднымъ и т. д. и, наконецъ, отецъ рабочихъ угрозою отказать отъ мѣста заставляетъ рабочаго Ауне совершить завѣдомое преступленіе.

Если плохъ герой, то не-менѣе плохи и его окружающіе. Особенно типично изображены три товарища или скорѣе соучастника Берника, которые продаютъ ему свое содѣйствіе ради участія въ добычѣ. Такъ же мастерски нарисованъ дамскій кружокъ благотворительницъ, благодарящій Бога за то, что „все у нихъ такъ, какъ теперь". „И здѣсь между пшеницею растутъ иногда, къ сожалѣнію, плевела, но мы честно стремимся по мѣрѣ возможности уничтожить ихъ, говоритъ Рерлундъ; вся суть въ томъ, чтобы сохранить общество въ тишинѣ и спокойствіи, отдалять отъ него то непровѣренное, что желаетъ навязать ему нетерпѣливое настоящее время". Дамы поставили себѣ цѣлью защищать домашніе нравы отъ пагубныхъ внѣшнихъ вліяній, отъ зловредныхъ идей, растлѣвающихъ континентъ, начиная съ интернаціоналки и кончая парижскою коммуною, и наводившихъ ужасъ на скромныхъ обывателей отдаленной отъ центра Европы Норвегіи. Тишь и благодать должны были царить здѣсь, въ маленькихъ обществахъ, въ противоположность большимъ, испорченнымъ до основанія. Нравственное здоровье надо во что бы то ни стало сохранить и устроить духовный карантинъ противъ современныхъ движеній и идей. Дамы гордятся своею добродѣтелью; своею чистотою и сверху внизъ смотрятъ на молоденькую Дину, отецъ и мать которой отличались предосудительнымъ поведеніемъ. Не менѣе злостно описаны тщеславный и эгоистичный адъюнктъ Рерлундъ, снисходившій къ дѣвушкѣ, заранѣе осужденной за грѣхи родителей, Гіальмаръ, каррикатурное изображеніе борца за иде-

алъ, которому трусость стоитъ всегда поперекъ дороги и, наконецъ, мастеръ Ауне, представитель рабочаго сословія, который также считаетъ себя столпомъ общества въ своей болѣе скромной сферѣ, но на дѣлѣ оказывается ограниченнымъ, тупымъ человѣкомъ, не понимающимъ значенія новыхъ способовъ работы и вступающимъ въ преступную сдѣлку со своимъ принципаломъ ради того только, чтобы не лишиться своего мѣста.

Таково то общество, которое изображается Ибсеномъ. Житейская ложь, какъ общественная ложь, какъ сознательное, эгоистичное лицемѣріе, поддерживаемое и требуемое обществомъ—вотъ первая форма, подъ которою выступаетъ у Ибсена разногласіе между рѣчами и дѣйствіями людей. Христіанская мораль на устахъ и капиталистическая мораль въ сердцѣ—вотъ какимъ является на аренѣ жизни современный намъ человѣкъ. Онъ жертва общества; онъ чувствуетъ, какъ много неправды скрыто во всемъ его существованіи; онъ хотѣлъ бы сбросить съ себя проклятіе, тяготѣющее надъ нимъ, и кто знаетъ? какъ бы говоритъ Ибсенъ, можетъ быть возможно было бы нѣсколькими сказанными во время словами освободить его отъ житейской лжи. Ибсенъ не утратилъ еще всякой вѣры въ общество. Отсюда та странная смѣсь негодованія и оптимизма, которая поражаетъ насъ въ этомъ его произведеніи. Но, по мнѣнію Ибсена, всѣ эти люди могутъ сдѣлаться лучшими только помощью страданій. Это жалкое общество можетъ оздоровѣть только путемъ борьбы, пораженій, наказаній Ибсенъ самъ испыталъ на себѣ, какъ окрыляютъ духъ житейскія невзгоды, онъ вѣритъ въ пользу страданій, неудачъ, притѣсненій. Испытанныя тяжкія волненія перерождаютъ консула. Онъ исповѣдывается передъ изумленною толпою, открываетъ ей всѣ свои прегрѣшенія и, сбросивъ съ своихъ плечъ давившую его тяжесть лжи и обмана, чувствуетъ, какъ къ нему притекаютъ новыя силы и съ надеждою смотритъ на будущее. „Правда и свобода—вотъ столпы общества", восклицаетъ Лона Гессель. Такимъ образомъ еще до паденія занавѣса герой Ибсена обращается на путь истины. Ибсенъ, повидимому, еще вѣритъ, что стоитъ только подуть въ этой спертой атмосферѣ духу истины и свободы—и воздухъ можетъ очиститься.

Появленіе пьесы вызвало шумные протесты. Норвежскіе критики единодушно увѣряли, что картина, нарисованная Ибсеномъ, страшно далека отъ правды: онъ, говорили они, не знаетъ норвежскія общественныя отношенія: наше общество совсѣмъ не таково, какимъ онъ воображаетъ его себѣ, сидя въ Мюнхенѣ. „Теперь же, говоритъ Іегеръ, по истеченіи десяти лѣтъ (1888 г.), дѣйствительность высказалась такъ рѣшительно въ своемъ приговорѣ между авторами и критикою, что такого рода лицемѣрныя выходки не смѣютъ больше повторяться".

Женскіе типы въ драмѣ „Столпы общества" очерчены въ гораздо болѣе свѣтлыхъ краскахъ, чѣмъ мужскіе. Дѣятельная, энергичная Лона Гессель, одна изъ первыхъ сподвижницъ феминистскаго движенія въ Норвегіи, нѣжная самоотверженная Марта, отдающая любимому ею человѣку воспитанное ею дитя и кротко отступающая въ сторону, чтобы не мѣшать имъ, Дина Торнъ, порывистая, страстная, энергическая натура, задыхающаяся въ душной піетистской обстановкѣ, порывающаяся въ даль, въ чужія невѣдомыя страны, гдѣ она мечтаетъ работать наравнѣ съ мужчинами и завоевать себѣ самостоятельное положеніе, — приковываютъ вниманіе читателей. Въ то же время мы встрѣчаемъ здѣсь не тѣхъ женщинъ, которыя являлись героинями прежнихъ ибсеновскихъ драмъ, женщинъ, подчиненныхъ мужчинамъ, глядящихъ на нихъ снизу вверхъ и видѣвшихъ въ нихъ свѣтъ жизни, напр, Агнеса, Маргретъ, Сигне и даже Іорднсъ, потому что именно такою была бы и она, если бы ей удалось сдѣлаться женою Сигурда. На сцену выступаютъ женщины съ большою нравственною силою и энергіею, отстаивающія свою индивидуальность и защищающія свои человѣческія права. Съ этого момента вѣсы ибсеновскаго генія склоняются въ сторону женщины, и обрисовкѣ женскихъ типовъ Ибсенъ отдаетъ наибольше времени.

Такое отношеніе къ женщинѣ является новою чертою въ творчествѣ Ибсена. „Вначалѣ", говоритъ Брандесъ, „онъ не питалъ особенной симпатіи къ женщинамъ. Существуютъ писатели, которые находятся какъ бы въ родственныхъ отношеніяхъ съ женскою натурою, которые до извѣстной степени женственны. Ибсенъ не принадлежитъ къ числу ихъ. Какъ мнѣ кажется, онъ находитъ больше удовольствія въ разговорахъ съ мужчинами, чѣмъ въ разговорахъ съ женщинами и, несомнѣнно, меньше проводилъ времени въ обществѣ женщинъ, чѣмъ это дѣлаютъ обыкновенно поэты. Современныя статьи и сочиненія въ

пользу измѣненія общественнаго положенія женщины находили въ немъ сначала далеко не восторженнаго читателя. Книга Милля „О подчиненіи женщины“ при своемъ появленіи очень не понравилась ему, да и самая личность Милля, какъ писателя, не возбуждала въ немъ симпатіи. Именно увѣреніе или признаніе Милля, что онъ многимъ обязанъ своей женѣ, что онъ обязанъ ей самымъ лучшимъ въ своихъ произведеніяхъ, Ибсенъ находилъ смѣшнымъ. „Подумайте, говорилъ онъ, улыбаясь, читать Гегеля или Краузе и не быть увѣреннымъ, съ кѣмъ имѣешь дѣло, съ господиномъ или госпожею Гегель, съ господиномъ или госпожею Краузе“. Перемѣна, происшедшая во взглядахъ Ибсена, должна быть приписана вліянію двухъ женщинъ, стоящихъ ближе всего къ нему; его жены и ея пріятельницы г-жи Коллеттъ, извѣстной норвежской писательницы и защитницы женскаго движенія. „Для г-жи Ибсенъ встрѣча съ г-жею Коллеттъ, говоритъ Паульсенъ, имѣла рѣшающее значеніе. Несмотря на всѣ свои способности и на отсутствіе предразсудковъ, г-жа Ибсенъ была все же пасторскою дочерью норвежскаго маленькаго городка. Ея взгляды во многихъ отношеніяхъ отличались узкостью. Г-жѣ Коллеттъ удалось уяснить ей все безобразіе современнаго общественнаго положенія женщины и убѣдить въ необходимости его измѣненія. Г-жа Ибсенъ, въ свою очередь, подѣйствовала на мужа своего, не столько словами, сколько силою примѣра, силою характера, которыя напоминаютъ какъ древнихъ героинь сагъ, такъ и современные типы въ роли г-жи Альвингъ. Она понимала, какое отвѣтственное положеніе занимаетъ въ качествѣ жены знаменитаго поэта, и видѣла въ себѣ какъ бы защитницу женскаго дѣла передъ лицомъ человѣка, который силою своего поэтическаго таланта могъ оказать такъ много неоцѣнимыхъ услугъ женскому движенію. Сама она ежедневно въ своемъ лицѣ показывала ему безупречный, незапятнанный образецъ самостоятельной женщины съ великою душею“. „Ея цѣль—воспламенять мою мысль, такъ чтобы никто не могъ знать, откуда приходитъ мнѣ помощь“, говоритъ Ибсенъ въ своемъ благодарственномъ стихотвореніи, посвященномъ женѣ.

Разъ ставъ на сторону эмансипаціи женщины, Ибсенъ смѣло поднялъ знамя женскаго движенія и отдался ему со всею страстностью своей натуры. Онъ обратился въ убѣжденнаго почитателя женщины. „Ваше общество похоже на общество холостяковъ. Въ немъ не видно женщинъ“, говоритъ Лона Гессель въ „Столпахъ общества“, а обращенный консулъ Берникъ восклицаетъ: „Вы, женщины, столпы общества“. Ибсенъ видитъ въ женщинѣ не только равную по уму спутницу жизни мужчины, но считаетъ, что именно женщина ведетъ мужчину къ свободѣ и истинному счастью, и все его поэтическое творчество представляетъ одно сплошное восхваленіе женщины. Даже въ тѣхъ его драмахъ, гдѣ женщина является какъ бы злымъ духемъ мужчины, преступницею и убійцею, поэтъ вынуждаетъ насъ восхищаться ея демоническимъ величіемъ и ея зловѣщею силою надъ мужскою душею. Если кто имѣетъ право обижаться на дурное обращеніе со стороны поэта, такъ это именно мужчины, потому что, кромѣ д-ра Штокмана, герои всѣхъ современныхъ ибсеновскихъ драмъ разбитые, слабосильные люди.

Разоблачивъ ложь современной общественной жизни, Ибсенъ обращаетъ свой скальпель на анатомированіе супружеской жизни и посвящаетъ этому вопросу двѣ драмы: „Нора“ и „Привидѣніе“, быстро слѣдовавшія одна за другою.

Въ обѣихъ этихъ драмахъ разоблачается ложь супружеской жизни. Намеки на лживость отношеній между мужемъ и женою встрѣчаются еще въ „Союзѣ молодежи“, въ типѣ Зельмы, восклицавшей: „какъ я жаждала раздѣлить съ вами хоть каплю вашихъ заботъ! Вы немедленно шуткой отталкивали меня. Вы нарѣжали меня, какъ куклу. Вы играли со мною, какъ играютъ съ ребенкомъ. Ахъ, а мнѣ такъ хотѣлось взвалить заботы на свои плечи! Я всею душею рвалась къ тому, что волнуетъ, возвышаетъ, возбуждаетъ ..“ Этотъ типъ поразилъ Брандеса, посовѣтывавшаго Ибсену въ критической статьѣ написать драму, въ которой героинею была бы Зельма. Такою именно героинею является Нора. Изслѣдуя отношенія, существующія въ настоящее время между супругами, Ибсенъ высказывается всецѣло, во первыхъ, за полное равенство между ними: для того, чтобы доставить счастье, бракъ долженъ представлять свободно заключенный союзъ между двумя сознательными и равными другъ другу умами и сердцами, понимающими себя и другъ друга и знакомыми основательно съ жизнью. Выходить замужъ можно только по достиженіи умственной и нравственной зрѣлости, по окончаніи своего воспитанія въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Не мужъ

долженъ воспитывать жену — она должна раньше брака закончить свое воспитаніе. „Женщина, давшая себѣ отчетъ въ своихъ вкусахъ, потребностяхъ, въ своихъ взглядахъ на жизнь, на свѣтъ, составляющая, однимъ словомъ, сознательную и вполнѣ развитую индивидуальность, отдается тогда свободно, съ полнымъ пониманіемъ того, что дѣлаетъ, человѣку, характеръ котораго, умъ и философія вполнѣ гармонируютъ съ нею. Выдавать молодую дѣвушку замужъ раньше, чѣмъ она достаточно просвѣтится, чтобы располагать своею судьбою сознательно, это значитъ дарить мужу куклу. Можетъ прійти время, когда кукла научится думать, когда у нея пробудится желаніе сдѣлаться самостоятельною во всѣхъ отношеніяхъ личностью, не простою игрушкою, когда она можетъ почувствовать, что мужъ служитъ ей препятствіемъ для полнаго опредѣленія своей индивидуальности, и тогда она имѣетъ не только право, но прямо обязана покинуть супружескій домъ". Во вторыхъ, Ибсенъ въ „Норѣ", какъ и въ „Комедіи любви" доказываетъ, что стихійная, безсознательная любовь, та любовь, которую Дарвинъ называетъ слѣдствіемъ полового подбора, не въ силахъ устоять противъ высшихъ побужденій человѣческой природы. Чувство любви безсильно и ничтожно, когда въ душѣ просыпается чувство свободы и самостоятельности. Нора видитъ, что мужъ только любитъ ее,—и она уходитъ отъ него и бросаетъ дѣтей. Торжествуетъ стремленіе освободиться отъ рабства стихійной любви „Никто не можетъ быть чьимъ-нибудь, никто не можетъ принадлежать другому—ни по враждѣ, ни по любви. Пусть стихійная любовь дѣйствуетъ въ интересахъ генія рода, пусть она служитъ цѣлямъ будущихъ поколѣній,—намъ эти цѣли чужды, онѣ посягаютъ на нашу свободу, и мы, во имя свободы, должны бороться съ рабствомъ любви, какъ боремся со всѣми другими видами рабства и насилія".

Такова философія драмы „Кукольный домъ" или „Нора". „Мы уже восемь лѣтъ женаты, говоритъ Нора": ...а впервые говоримъ серьезно другъ съ другомъ... Со времени нашего перваго знакомства мы ни разу не обмѣнялись серьезнымъ словомъ о серьезныхъ вещахъ... не обсуждали съ тобою вдвоемъ ни одного серьезнаго вопроса". Поэтому личность мужа является совершенно незнакомою Норѣ. Она живетъ съ ложнымъ представленіемъ о немъ, созданнымъ въ силу стихійнаго увлеченія имъ, и преклоняется передъ воображаемымъ ею образцомъ совершенства, надѣляя его всевозможными несуществующими качествами. Онъ же въ свою очередь также „никогда не понималъ ея"... „Нашъ домъ былъ всегда кукольнымъ домомъ, говоритъ Нора. Я была здѣсь твоею кукольною женою, какъ была дома у папы его кукольною дочерью, а моя дѣти, тѣ въ свою очередь были моими куклами.. Вотъ въ чемъ состояло наше супружество". Нора чувствуетъ, что она никогда не была счастлива, „а только весела"... что она въ настоящемъ своемъ видѣ не годится ни быть хорошею женою, ни быть воспитательницею своихъ дѣтей.., что сначала надо разрѣшить другую задачу: воспитать самое себя. Но чтобы правильно судить о себѣ и другихъ, она должна быть совершенно одна. Поэтому она уѣзжаетъ отъ мужа. На возраженія Гельмера, что она попираетъ такимъ поступкомъ свои священныя обязанности относительно мужа и дѣтей, Нора отвѣчаетъ, что у нея есть болѣе важныя обязанности относительно себя: „Я думаю, что я прежде всего человѣкъ, такой же, какъ и ты,—или что я во всякомъ случаѣ попробую сдѣлаться имъ". Выясненіе личности ея мужа убило въ ней любовь къ нему. „Я тебя больше не люблю, говоритъ она мужу. Любовь моя исчезла, какъ только я увидала, что ты далеко не такой, какимъ я тебя до сихъ поръ считала". „Ты говоришь и разсуждаешь совсѣмъ не такъ, какъ долженъ говорить и разсуждать любимый мною человѣкъ"... „Я поняла, что я восемь лѣтъ прожила съ чужимъ для меня человѣкомъ и имѣла отъ него троихъ дѣтей. Я не могу безъ ужаса думать объ этомъ. Если бы я могла, я растерзала бы себя на части". „Нора, развѣ я никогда не могу сдѣлаться близкимъ для тебя человѣкомъ?" спрашиваетъ Гельмеръ. „Для этого мы должны были бы такъ сильно измѣниться, чтобы наше сожительство обратилось въ бракъ", отвѣчаетъ Нора и уходитъ. Ибсенъ заставляетъ свою героиню порвать унизительныя узы, налагаемыя на нее бракомъ,—совершенно такъ же, какъ онъ заставлялъ раньше своихъ идеальныхъ героевъ рвать узы, налагаемыя на нихъ обществомъ. Указавъ раньше на опасности для личности, заключающіяся въ понятіи объ обществѣ, онъ указалъ теперь на опасности, заключающіяся въ бракѣ, и безпощадно осудилъ тѣ многочисленные браки, гдѣ мужъ все, а жена ничто.

Въ то же время Ибсенъ безпощадно осуждаетъ ложь въ супружеской жизни.

Крогстадъ соглашается вернуть Норѣ росписку и такимъ образомъ отвратить бурю, собирающуюся надъ головами супруговъ, но г-жа Линдъ противится этимъ. „Гельмеръ долженъ все узнать, говоритъ она; эта несчастная тайна должна всплыть наружу. Нора и онъ должны хорошенько объясниться. Необходимо прекратить эти вѣчные обманы и тайны". Надо разрушить ложь, хотя бы отъ этого могло пострадать счастье. Роль разрушителя иллюзій представляется еще Ибсену въ оптимистическомъ свѣтѣ, въ противоположность дальнѣйшимъ его произведеніямъ.

Необыкновенная живость изложенія, художественная обрисовка не только главныхъ дѣйствующихъ лицъ, но и всѣхъ вводныхъ, сдѣлали эту драму одною изъ любимыхъ на сценическомъ репертуарѣ. Но окончаніе ея, развязка, возбудила самые сильные толки и вызвала самые бурные протесты и споры. Во всѣхъ гостиныхъ, отъ Стокгольма до Берлина, разговоръ непремѣнно переходилъ на новую драму Ибсена и сейчасъ же разгорячался. Дѣло дошло до того, что въ Стокгольмѣ, посылая приглашеніе на вечеръ, прибавляли въ концѣ: „просятъ не говорить о Кукольномъ домѣ". Спорный вопросъ заключался въ слѣдующемъ: возможно ли допустить, чтобы женщина бросала мужа и дѣтей только потому, что она убѣждается, что ея бракъ не соотвѣтствуетъ тому идеальному представленію о немъ, которое она составила себѣ? Много было писано и сказано за и противъ, но большинство склонялось въ пользу того, что подобный поступокъ жены безнравственный. Одной выдающейся актрисѣ удалось даже убѣдить Ибсена перемѣнить конецъ драмы: дѣти вторгаются въ комнату и Нора, уступая ихъ мольбамъ, остается дома. Но Ибсенъ никакъ не могъ примириться съ такимъ окончаніемъ и снова передѣлалъ драму по старому.

Вопросъ о томъ, что сдѣлалось съ Норою послѣ ухода изъ дома мужа, сильно занималъ умы. Публика все ожидала, что самъ Ибсенъ новою драмою отвѣтитъ на это. Но ибсеновской драмы все не появлялось на свѣтъ и вотъ нѣкоторые изъ писателей взялись за разработку этого сюжета. Еще въ 1881 г. въ Гельсингфорсѣ была представлена драма подъ заглавіемъ: „Невозможное сдѣлалось возможнымъ". Въ 1890 г. Вальтеръ Безантъ попробовалъ написать разсказъ, въ которомъ дочь Норы дѣлается невѣстою сына Крогстада. Гельмера авторъ обращаетъ въ пьяницу послѣ ухода Норы, но Крогстада исправляетъ и дѣлаетъ образцомъ всѣхъ добродѣтелей. Понятіе, составленное себѣ Безантомъ о характерѣ Гельмера и Норы, не понравилось американской писательницѣ Ченей, оставшейся недовольной и развязкой ибсеновской драмы. Она написала новую подъ заглавіемъ: „Возвращеніе Норы", Въ ней Нора обращается въ сестру милосердія; въ холерную эпидемію она ухаживаетъ за Гельмеромъ въ его собственномъ домѣ и во второй разъ спасаетъ ему жизнь. Во время выздоровленія онъ узнаетъ Нору, не смотря на ея одежду, выражаетъ ей въ письмѣ свою благодарность и умоляетъ вернуться къ нему и дѣтямъ; она соглашается, его экипажъ привозитъ Нору изъ госпиталя, и между тѣмъ какъ радостные возгласы дѣтей раздаются въ комнатѣ, новогоднее солнцѣ освѣщаетъ „чудо". Заключается настоящій бракъ „въ истинѣ и любви„.

Но если читающее большинство признало безнравственною и не оправдываемою обстоятельствами развязку „Норы", то Ибсену это дѣло представлялось совершенно въ противоположномъ свѣтѣ; онъ, напротивъ того, считалъ абсолютно невозможнымъ продолжать бракъ при существующихъ обстоятельствахъ. „Да, но дѣти? говорили ему. Что станется съ ними? развѣ можно извинять мать, покидающую своихъ дѣтей ради того, чтобы сдѣлаться сознательною личностью? „А развѣ для дѣтей лучше, если такого рода бракъ будетъ продолжаться" отвѣчалъ Ибсенъ новымъ вопросомъ. Этотъ новый вопросъ былъ олицетворенъ въ драмѣ „Привидѣнія".

Предположимъ, что мужъ Норы былъ не только пошлъ и низменъ въ своихъ взглядахъ, какимъ является Гельмеръ, а еще кутилою, ничего не дѣлающимъ развратникомъ, обладающимъ только внѣшнимъ лоскомъ, за который общество прощаетъ такъ много недостатковъ. Предположимъ, что Нора уѣхала отъ него, охваченная инстинктивнымъ отвращеніемъ, естественно возникающимъ у благородной натуры при близкихъ сношеніяхъ съ низменною, и, не обдумавъ еще хорошенько всей тяжести своего положенія, поддается убѣжденіямъ родныхъ и друзей и возвращается въ домъ мужа, къ нравственно и физически погибшему Альвингу. Предположимъ, что у нихъ не было дѣтей до ея возвращенія, но что у нея рождается

сынъ только послѣ этого—и получается судьба Елены Альвингъ. Жизнь обоихъ супруговъ продолжаетъ по виду быть тѣмъ, чѣмъ она была раньше, спокойною, счастливою, но въ дѣйствительности это адъ для жены. Тогда Нора начнетъ разсуждать, спрашивая себя, кто былъ правъ: она ли, когда бѣжала, или общество, когда оно вернуло ее подъ супружескій кровъ? Ея совѣсть и ея инстинктъ возбуждаютъ въ ней увѣренность, что права была она: первое движеніе ея было хорошо, ея честная и благородная натура возмутилась отъ сожительства съ такимъ глубоко павшимъ человѣкомъ. Но ея неудачная попытка освобожденія уничтожила въ ней чувство самостоятельности, она не рѣшается поступать такъ, какъ ей кажется справедливымъ, она опасается прійти въ столкновеніе съ мнѣніями и взглядами другихъ людей. И такъ какъ она видитъ, что эти люди всегда обвинятъ ее, бѣжавшую отъ мужа жену, за развратное, распущенное поведеніе ея мужа, если оно всплыветъ наружу, то она употребляетъ всѣ усилія, чтобы скрыть его передъ лицомъ свѣта. Она обращается въ жертву общественнаго лицемѣрія. Сына она вынуждена отправить изъ дому, какъ только онъ вырастаетъ, чтобы ея семейныя отношенія съ мужемъ не подѣйствовали дурно на его молодую душу. Альвингъ продолжаетъ вести свою безполезную жизнь, она же бросается въ потѣ лица, чтобы сохранить незапятнанною репутацію его, потому что, какъ говоритъ Іегеръ, „каждое пятно на его репутаціи оставило бы два на ея собственной“. Даже послѣ его смерти она продолжаетъ дѣйствовать въ томъ же духѣ и съ этою цѣлью строитъ пріютъ. Но будучи въ отношеніяхъ своихъ къ обществу его рабою, она продолжаетъ умственно работать и развиваться, изслѣдуя всѣ человѣческія отношенія, подвергая ихъ самому строгому анализу и критикѣ. Это общество, которое, вопреки естественной справедливости, повелѣвать ей оставаться вѣрною самому недостойному изъ супруговъ, не налагаетъ ли оно и другіе законы, столь же безумные и варварскіе? Отношенія между мужемъ и женою, между братьями и сестрами, между отцомъ и сыномъ кажутся ей, перенесшей всю тяжесть горькихъ испытаній, пустыми формами, громкими фразами, которыя окружены ореоломъ только вслѣдствіе человѣческой слабости и скудоумія. Дѣйствуя такъ, какъ она поступала, была ли г-жа Альвингъ достойной уваженія? Нѣтъ, отвѣчаетъ она себѣ, она была виновна и труслива. Ея жизнь, полная отреченія, была одною лишь сплошною трусливою ложью, ложью тѣмъ болѣе непростительною, что она сознавала ничтожество ходячей морали, рабыней которой сдѣлалась. Между ея убѣжденіями и ея поведеніемъ существовало полное противорѣчіе. „Вернувшись домой къ тому, что вы называли долгомъ и обязанностью, говоритъ г-жа Альвингъ, я начала критически относиться къ вашимъ поученіямъ. Я хотѣла разсмотрѣть одинъ лишь узелокъ, но какъ только онъ былъ развязанъ, все развязалось и рухнуло вмѣстѣ съ нимъ. И тогда-то я поняла, что это была машинная работа“. Такъ она думала, но ея поступки не соотвѣтствовали мыслямъ. Когда приходится прилагать теорію къ практикѣ, самые смѣлые умы останавливаются. Предразсудки обладаютъ необыкновенною жизненностью. Г-жа Альвингъ называетъ ихъ привидѣніями и говоритъ: „Я иногда думаю, что мы всѣ привидѣнія... Въ насъ воскресаетъ не только то, что мы унаслѣдовали отъ отца и матери. Въ насъ сильны разнаго рода устарѣлыя мнѣнія, разнаго рода старинныя повѣрья и т. д. Они не живутъ въ насъ, но хранятся гдѣ-то въ глубинѣ насъ, такъ что мы никакъ не можемъ избавиться отъ нихъ. Стоитъ мнѣ взять въ руки газету и читать ее, какъ между ея строками появляются точно привидѣнія. По всей странѣ должны находиться привидѣнія... Ихъ такъ много, какъ зеренъ въ песку. Вотъ почему мы всѣ такъ страшно боимся свѣта“. Эти именно привидѣнія и сдѣлали г-жу Альвингъ трусливою.

Возвращеніе сына производитъ рѣшительный переворотъ въ г-жѣ Альвингъ. Онъ пользуется своимъ жизненнымъ опытомъ, чтобы разоблачить отношенія между матерью и сыномъ, единственныя, которыхъ она до сихъ поръ не касалась. Онъ показываетъ ей, къ какимъ конечнымъ послѣдствіямъ привело примиреніе ея съ мужемъ. Въ разговорѣ съ матерью Освальдъ высказываетъ свои взгляды на жизнь и оказывается, что они вполнѣ сходятся съ материнскими; онъ объясняетъ ей въ то же время, какимъ образомъ могло создаться такое несчастное существо, какъ камергеръ Альвингъ. Жизнь, благодаря тиранническимъ правиламъ и стѣсненіямъ, обращается въ Норвегіи въ долину слезъ, между тѣмъ какъ истинная жизнь должна представлять свободное развитіе всѣхъ сторонъ человѣческаго суще-

ствованія и заключать въ себѣ право свободно дѣйствовать, напрягая всѣ свои способности. „А здѣсь, говоритъ Освальдъ, научаются смотрѣть на трудъ, какъ на нѣчто жалкое, отъ чего намъ чѣмъ раньше избавиться, тѣмъ лучше“. Такимъ же образомъ изъ семейной жизни создается нѣчто до невѣроятности скучное. Бракъ подчиненъ самымъ тираническимъ правиламъ: говорятъ вѣчно только о взаимныхъ обязанностяхъ супруговъ; домашній очагъ обращается въ тюрьму. Истинную семейную жизнь, истинные браки Освальдъ наблюдалъ во Франціи, въ Италіи, у артистовъ, которые не имѣли средствъ жениться; онъ наблюдалъ ихъ въ союзахъ, называемыхъ гражданскими браками, которые представляютъ въ дѣйствительности идеальные союзы, такъ какъ они не подчинены никакому принужденію и основываются на истинной страсти. „Ахъ, восклицаетъ Освальдъ, грязнить такимъ образомъ чудную свободную жизнь тамъ“! Слова Освальда о счастьи жить, о жизнерадости, поражаютъ г-жу Альвингъ, которая только теперь начинаетъ видѣть въ истинномъ свѣтѣ характеръ своего погибшаго мужа. „Жизнерадость“! говоритъ она Освальду. „Онъ казался олицетвореніемъ ея. Онъ сообщалъ веселость, распространялъ праздничный воздухъ повсюду, куда ни являлся.“ И вдругъ такому человѣку очутиться запертымъ въ сѣрой будничной жизни маленькаго захолустнаго городка, безъ возбуждающихъ душу идей, впечатлѣній, развлеченій, быть прикованнымъ къ женѣ, все существованіе которой могло резюмироваться въ словахъ: мои обязанности, его обязанности—это значило закрыть исходъ для всѣхъ кипучихъ въ немъ силъ для радости жизни, господствовавшей во всемъ его существѣ. Понятны отсюда его уклоненія, его излишества.

Какъ обухомъ по головѣ поражаетъ г-жу Альвингъ извѣстіе объ ужасномъ наслѣдствѣ, оставленномъ сыну отцомъ. Горе, доведенное до крайней степени, заставляетъ ее испытывать страшныя мученіе. Значитъ, обязанности, которыя ее заставили выполнить, привели къ преступленію. Тогда, говоритъ Эраръ, она съ какимъ-то бѣшенствомъ возстаетъ противъ всякихъ идей о долгѣ; съ судорожно сжатыми руками уничтожаетъ она всѣ ложныя идеи, передъ которыми преклоняется толпа. Освальдъ говоритъ, что онъ не можетъ выносить ничего грустнаго, льющій непрестанно дождь нагоняетъ на него тоску, онъ требуетъ, чтобы ему не противорѣчили. Мать ему ни въ чемъ не отказываетъ; она сама поднесетъ ему шампанское не препятствуетъ ему вступить въ сношенія или жениться на Регинѣ,—и когда онъ, наконецъ, требуетъ отъ нея, чтобы она подала ему ядъ и избавила отъ мученій, угрожающихъ ему, она и на это соглашается и даетъ ему слово исполнить его волю, подавляя въ себѣ материнскій инстинктъ, для котораго ничего не можетъ быть драгоцѣннѣе, какъ сохраненіе жизни родного ребенка.

Драма эта производитъ тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе, что въ ней замѣчается необыкновенно тонкая обрисовка всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, замѣчательная выдержка и простота въ драматизмѣ, которая, какъ говоритъ Брандесъ, напоминаетъ простоту Софокла въ Эдипѣ. Второстепенныхъ лицъ три: пасторъ Мамдерсъ, робкій и въ то же время дѣтски легковѣрный, Энгстрандъ, хитрый, лукавый пьяница. Тартюфъ въ рабочемъ платьѣ, умѣющій ловко эксплуатировать доброту и легковѣріе священника; Регина, плодъ тайной любви камергера Альвинга и его горничной, унаслѣдовавшая отъ своего отца жизнерадость, отъ матери пронырливость, а отъ обоихъ полное отсутствіе нравственныхъ правилъ; она считаетъ, что должна пользоваться своею молодостью для обезпеченія себѣ будущей жизни и не обнаруживаетъ никакого желанія возиться съ больнымъ братомъ. Сцена безумія издавна подготовляется и проводится съ большимъ мастерствомъ. Уже съ самаго начала дѣйствія мы узнаемъ, что Освальдъ страдаетъ усталостью и не можетъ работать. Затѣмъ Освальдъ передаетъ матери слова знаменитаго парижскаго доктора: за грѣхи отцовъ расплачиваются дѣти. Въ слѣдующемъ дѣйствіи мы узнаемъ, что у него былъ въ Парижѣ припадокъ безумія и что ему грозитъ новый, послѣ котораго онъ долженъ навсегда лишиться разсудка. Возвращаясь съ пожара, онъ произноситъ безсвязныя слова, Дамокловъ мечъ повисъ надъ головами дѣйствующихъ лицъ. Рядомъ съ этимъ увеличивается ужасъ несчастной матери и ея ненависть противъ общества, отвѣтственнаго за всѣ эти бѣдствія. Получается настоящая трагедія, центромъ которой является страдалица-мать борющаяся всѣми силами противъ роковой судьбы, погибающая, наконецъ, подъ ея ударами.

Ни въ одномъ еще произведеніи Ибсена общественная мораль не подвергалась

такому тщательному и глубокому анализу. На этотъ разъ Ибсенъ какъ будто погасилъ всѣ звѣзды, по выраженію Брандеса, не оставивъ ни одного свѣтлаго пункта. Драма его произвела ужасающее впечатлѣніе. Она, говоритъ Iегеръ, не только поражала читателя своимъ величественнымъ трагизмомъ, который дѣйствовалъ тѣмъ съ большею силою, что факты были взяты изъ современной жизни; но она пугала смѣлостью и рѣзкостью своихъ идей. Даже тѣ лица, которыя до спхъ поръ шагъ за шагомъ слѣдовали за Ибсеномъ, отъ одной драмы къ другой, въ первую минуту отступили въ страхѣ передъ бездною, открывающейся передъ ними, и пустились въ бѣгство; что же касается до большой публики и ея представителей въ печати, то они подняли такой вой, какого не слышали со времени появленія „Комедіи любви“ въ 1862 г. Въ Норвегіи либеральная печать соединилась съ консервативною въ своихъ нападеніяхъ на піесу и ея автора. Присланные въ Норвегію изъ Даніи экземпляры драмы вернулись непроданными. Въ Даніи органы правой также дружно возстали. Немногіе лишь голоса раздались въ защиту Ибсена. Среди нихъ наиболѣе видную роль играетъ Брандесъ, написавшій блестящую статью о „Привидѣніяхъ“, въ которой онъ во всѣхъ отношеніяхъ оправдывалъ скандинавскаго поэта, назвавъ новую его драму „наиболѣе благороднымъ поступкомъ въ литературной жизни Ибсена“.

Можно представить себѣ дѣйствіе, произведенное на Ибсена критикою. „Когда я подумаю, писалъ онъ Брандесу, какъ вялы, тяжелы и поворотливы умы у насъ дома, когда я подумаю, какъ низменна ихъ точка зрѣнія, я совершенно падаю духомъ и мнѣ иногда кажется, что я охотно закончилъ бы немедленно свою литературную дѣятельность. Дома не ощущаютъ никакой надобности въ поэтическихъ произведеніяхъ; тамъ прекрасно обходятся „Газетою стортинга“ и „Лютеранскимъ Еженедѣльникомъ“. А затѣмъ имѣются партійныя газеты. У меня нѣтъ способностей сдѣлаться гражданиномъ государства или послѣдователемъ господствующей церкви, а разъ у меня нѣтъ къ чему-либо способностей, я отъ этого отстраняюсь. Для меня свобода величайшее и первое условіе жизни. Дома слишкомъ мало заботятся о свободѣ, а только о вольностяхъ, о большемъ или меньшемъ количествѣ ихъ, смотря по обстоятельствамъ. Болѣзненно задѣваетъ меня также недоконченное, плебейское въ нашихъ общественныхъ преніяхъ. Вслѣдствіе постоянныхъ достойныхъ похвалъ усилій обратить нашъ народъ въ демократическое государство пришло въ концѣ концовъ къ созданію плебейскаго общества. Благородство духа находится въ сильномъ упадкѣ у насъ.“ Буря, поднявшаяся послѣ появленія „Привидѣній“, не могла не укрѣпить въ Ибсенѣ убѣжденіе въ ничтожествѣ большинства. Насколько сильно задѣло Ибсена поведеніе его соотечественниковъ, доказываетъ то обстоятельство, что между тѣмъ какъ онъ прежде выпускалъ по драмѣ только каждые два года,—обычай, къ которому онъ опять сейчасъ же вернулся назадъ—на этотъ разъ онъ по истеченіи года закончилъ новую драму: „Врагъ Народа“, которая въ символической формѣ описываетъ пріемъ, оказанный „Привидѣніямъ“. „Это, говоритъ г. Минскій, пьеса въ полномъ смыслѣ боевая, съ начала до конца откровенно реторическая, условная, несообразная по своимъ подробностямъ, но задуманная съ безпримѣрнымъ огнемъ и дерзостью“. Она изображаетъ дурное обращеніе, которому подвергаетъ врачъ курорта, честный, талантливый человѣкъ, когда онъ узнаетъ о зараженіи водъ курорта и сообщаетъ о своемъ открытіи согражданамъ. Врачъ вообразилъ, что это открытіе доставитъ ему всеобщую благодарность, и одно время дѣйствительно кажется, что оппозиція окажетъ ему поддержку противъ власть имущихъ людей. Но городъ боится утратить свою репутацію прекраснаго лечебнаго мѣста, опасается разогнать своихъ больныхъ; городъ отступаетъ въ ужасѣ передъ крупными расходами, неизбѣжными при переустройствѣ водопроводовъ и т. д. и единогласно предаетъ поруганію врача, самоотверженно работавшаго на его пользу, побиваетъ его камнями и даетъ ему прозвище: „врагъ народа“ Положеніе получается сходное съ тѣмъ, въ какое поставилъ себя Ибсенъ изданіемъ „Привидѣній“. Онъ сдѣлалъ открытіе, что общество низменно и испорчено, и устами Штокмана провозгласилъ истину. Общество отплатило ему единодушнымъ протестомъ. Но, по мнѣнію Ибсена, не только не стыдно подвергаться преслѣдованіямъ подобнаго общества, а даже почетно: это честь, которую навлекаетъ на себя всякій выдающійся человѣкъ; тотъ же человѣкъ, который пользуется благосклонностью общества, слабый, незначительный, связанный по рукамъ и ногамъ общепринятыми правами и обычаями, „Самый сильный чело-

вѣкъ", говоритъ Штокманъ, „тотъ, кто стоитъ совсѣмъ одинъ". Въ этомъ отношеніи Ибсенъ сошелся съ Киркегоромъ и Шиллеромъ, который сказалъ въ Вильгельмѣ Теллѣ: Der Starke ist am mächtigsten allein.

Въ драмѣ „Врагъ народа" впервые проявляются аристократическіе взгляды Ибсена высказанными открыто, прямо. Никогда прежде онъ не провозглашалъ съ такою энергіею и силою ученіе о томъ, что большинство всегда неправо. „Большинство никогда не имѣетъ права на своей сторонѣ, говоритъ Штокманъ въ своей рѣчи. Это одинъ изъ тѣхъ предразсудковъ противъ которыхъ долженъ возстать всякій свободомыслящій человѣкъ... Глупые люди составляютъ въ цѣломъ мірѣ страшно значительное большинство... но, чортъ побери, нельзя же назвать правильнымъ, если глупые люди властвуютъ надъ умными... Большинство имѣетъ за собою власть, но не право. Право принадлежитъ мнѣ и немногимъ другимъ, избраннымъ людямъ. Меньшинство всегда имѣетъ за собою право... то меньшинство, тѣ избранные, которые усвоили себѣ всѣ молодыя, передовыя истины. Эти люди стоятъ какъ бы впереди на аванпостахъ, такъ далеко впереди, что сплоченное большинство не въ состояніи добираться до нихъ,—и тамъ они борятся за истины, которыя слишкомъ новы, чтобы быть сознанными цѣлымъ свѣтомъ и обезпечить себѣ поддержку большинства". „Всякая нормальная истина", говоритъ Штокманъ, живетъ обыкновенно 17—18 лѣтъ, въ крайнемъ случаѣ 20 лѣтъ, рѣдко дольше. И подобнаго рода престарѣлыя истины обыкновенно страшно худы и тощи. А тѣмъ не менѣе большинство начинаетъ именно въ это время интересоваться ими и навязывать ихъ обществу въ качествѣ здравой духовной пищи... Всѣ эти истины, проповѣдуемыя большинствомъ, походятъ на старую прошлогоднюю селедку или на жесткій пересоленный окорокъ. Онѣ то и даютъ начало той нравственной цынгѣ, которая заражаетъ собою все общество... Большинство отравляетъ всѣ наши духовные источники и зачумляетъ почву подъ нашими ногами". Либеральныя газеты водятъ крестьяне, масса и толпа истинное ядро народа. „Крестьянство не болѣе, какъ грубый матеріалъ, изъ котораго создается народъ".

Штокманъ представляетъ индивидуума въ борьбѣ съ обществомъ, человѣка, въ которомъ всѣ способности развиваются свободно, безконечно, въ противоположность черни, порабощенной и ограниченной. Онъ олицетворяетъ собою независимость, прогрессъ лицомъ къ лицу съ рутиннымъ и покорнымъ большинствомъ. Онъ является борцомъ будущаго передъ лицами, довольными настоящимъ. Въ то же время это вполнѣ естественный человѣкъ. Это человѣкъ, сохранившій въ полной неприкосновенности чистоту своей души, несмотря на пережитыя невзгоды. Это человѣкъ, не привыкшій къ практической жизни, неспособный скрывать своихъ чувствъ, увлекающійся въ крайней степени, повинующійся всегда только внушеніямъ своей благородной натуры. „Онъ слушаетъ всегда больше своего сердца, чѣмъ своей головы", говоритъ о немъ Гофштадъ. Но именно потому что Штокманъ такъ наивенъ, открытіе, сдѣланное, имъ въ дѣлѣ общественныхъ отношеній, производитъ на него такое удручающее дѣйствіе, и именно потому онъ такъ смѣло выступаетъ впередъ, сжигая за собою всѣ корабли. Характеристическая его особенность, разсѣянность, составляетъ также весьма удачную у него черту: именно потому, что онъ забываетъ всегда всѣ мелочи, онъ умѣетъ возвыситься надъ мелочными соображеніями и сосредоточить все свое вниманіе на главномъ. Это, говоритъ Іегеръ, совершенно новая и оригинальная фигура въ галереѣ ибсеновскихъ типовъ.

Всѣ остальные мужскіе типы въ драмѣ служатъ предметами обличенія для Ибсена и подвергаются его сарказмамъ: братъ доктора, городской голова, чиновникъ до мозга костей, считающій, что должностное лицо не можетъ имѣть убѣжденій, а обязано слѣдовать во всемъ мнѣніямъ своего начальства,—представители печати, вступающіе на каждомъ шагу въ сдѣлки съ совѣстью и прикрывающіе либеральными убѣжденіями желаніе разжиться и пріобрѣсть вліяніе и силу помощью своей литературной дѣятельности,—наконецъ, Аслаксенъ, типографъ, описанный уже въ „Союзѣ молодежи", горькій пьяница, обратившійся съ лѣтами въ президента общества трезвости, въ человѣка вполнѣ благонамѣреннаго, стоящаго всегда за умѣренность, потому что „умѣренность—первая обязанность гражданина—таково мое мнѣніе". Единственныя свѣтлыя фигуры въ драмѣ Ибсена это женскія: жена Штокмана, Катрина, ограниченная, но глубоко преданная, съ самоотверженнымъ любящимъ сердцемъ, повтореніе такихъ личностей, какъ Рагнгильда въ „Претендентахъ на корону", или г-жа Рінсъ

въ „Системѣ общества“ Бьернсона. Петра, дочь доктора, является представительницею молодого, свободомыслящаго поколѣнія норвежскихъ женщинъ. Это дѣвушка самостоятельная, съ сильнымъ, энергическимъ характеромъ, способная къ упорному труду, раздѣляющая завѣтныя убѣжденія отца и готовая всегда оказывать ему самую дѣятельную, горячую поддержку. О такихъ-то дѣвушкахъ и говоритъ Ибсенъ, когда заставляетъ консула Берника произнесть свою знаменитую фразу: „Женщины—столпы общества“.

Въ художественномъ отношеніи, говоритъ Егеръ, эта драма не принадлежитъ къ числу лучшихъ произведеній Ибсена; получается довольно странное впечатлѣніе; когда аллегорія съ водопроводами ступевывается въ третьемъ дѣйствіи и уступаетъ мѣсто прямой полемикѣ противъ общества, такъ что получается какъ бы переходъ къ новой темѣ. Но это именно и служитъ мѣриломъ глубокаго негодованія, охватившаго автора и заставившаго его не довольствоваться предѣлами аллегоріи, а перешагнуть за нее.

Драма „Врагъ народа“ представляетъ оригинальное явленіе среди произведеній Ибсена въ томъ отношеніи, что въ ней скандинавскій поэтъ впервые выступилъ вновь символистомъ послѣ ряда реалистическихъ драмъ. Символъ этой драмы заключается въ аллегоріи, какъ мы уже говорили выше. „Съ внѣшней стороны, говоритъ Эраръ, драма представляетъ разсказъ о врачѣ, предпринявшемъ ассенизацію водъ города. Но въ дѣйствительности это трагедія реформаторовъ, которыхъ толпа предаетъ мукамъ“. Символическія фигуры являлись и раньше въ произведеніяхъ Ибсена. Вспомнимъ епископа Николаса въ „Претендентахъ на корону“, воплощавшаго въ себѣ клерикальный духъ, господствовавшій въ Норвегіи въ средніе вѣка, самого Бранда, символъ реформаторовъ, церковь въ „Брандѣ“, старую, полуразвалившуюся, служащую символомъ мало просвѣщенной и шатающейся вѣры, и новую церковь, построенную на ея мѣстѣ, сіяющую свѣтомъ, эмблему мысли, освободившейся отъ гнета, и энергичной воли. „Перъ Гюнтъ“ полонъ символовъ. Этотъ символизмъ еще съ большею силою проявляется въ послѣдующемъ произведеніи Ибсена, „Дикая утка“, появившемся въ 1884 г.

Въ „Врагѣ народа“ есть уже намекъ на отчаяніе, охватившее поэта послѣ изданія имъ „Привидѣній“. Были у Штокмана минуты, когда онъ помышлялъ о бѣгствѣ. „Если бы я только зналъ, говорилъ онъ, гдѣ можно купить за дешевую цѣну какой-нибудь островъ на южныхъ моряхъ“... „Поскорѣе укладывайся, Катерина, чѣмъ скорѣе мы уѣдемъ отсюда, тѣмъ лучше“. Но послѣ нѣкотораго размышленія Штокманъ отказывается отъ этого плана и рѣшаетъ продолжать борьбу. „Мы остаемся здѣсь, Катрина, говоритъ онъ: здѣсь поле битвы, здѣсь будетъ происходить сраженіе, и здѣсь я хочу побѣдить... Неужели я долженъ оставить поле битвы только потому что общественное мнѣніе, сплоченное большинство и т. п. чертовщина ополчилась противъ меня? Нѣтъ, покорно благодарю. То, чего я хочу, такъ просто, такъ понятно, такъ ясно. Я хочу только вбить въ головы простымъ людямъ, что либералы—злѣйшіе враги свободы, что партійныя программы убиваютъ всѣ молодыя, жизнеспособныя истины, что всякаго рода компромиссы разрушаютъ основанія нравственности и справедливости, такъ что въ концѣ концовъ страшно становится жить“. Въ этихъ словахъ Штокмана, говоритъ Егеръ, заключается программа, которую Ибсенъ составилъ себѣ немедленно послѣ появленія „Привидѣній“, немедленно послѣ того, какъ эта драма была отвергнута большою публикою въ скандинавскихъ странахъ. Это былъ сильный и опредѣленный отвѣтъ. Онъ, Ибсенъ, не дастъ себя запугать такъ легко.

Но охватившее его пессимистическое настроеніе не осталось безъ слѣда на его творчествѣ. Отраженіемъ его является „Дикая утка“, самое грустное и самое пессимистическое изъ всѣхъ произведеній Ибсена. „Я читалъ эту драму, говоритъ Эдмундъ Госсе, на борту корабля. Это было на Атлантическомъ океанѣ, въ годъ изданія пьесы, зимою, и эти страницы остались у меня навсегда отожествленными съ ревомъ океана, пришедшаго въ отчаяніе“. Къ чему ведетъ въ сущности вся эта борьба? какъ бы говоритъ Ибсенъ. Можетъ ли человѣчество воспринимать идеальныя воззрѣнія, которыя онъ развиваетъ въ своихъ произведеніяхъ? Существуютъ ли у насъ условія, необходимыя, чтобы жить въ истинѣ и свободѣ? Развѣ не однѣ только единицы обладаютъ этими условіями, и развѣ ложь не есть такая же необходимость для людей средняго уровня, какъ ѣда и воздухъ для насъ? Не безсмысленно ли ходить вокругъ съ неукоснительными требованіями въ карманѣ, когда ихъ приходится предъявлять въ крестьянскихъ хижинахъ?

И вотъ Ибсенъ выводитъ вновь на сцену идеальнаго борца, но разсматриваетъ его съ другихъ сторонъ, ставитъ его въ другія условія и противопоставляетъ ему коррективъ, прямую противоположность ему. Получаются Грегерсъ Верле и циникъ докторъ Реллингъ.

Въ Грегерсѣ Верле, говоритъ Іегеръ, нѣтъ ни силы Бранда, ни жажды борьбы Штокмана; это несчастный мечтатель, все предназначеніе котораго на свѣтѣ быть „тринатцатымъ за столомъ“. Онъ относится самымъ лучшимъ образомъ къ людямъ, самымъ честнымъ образомъ желаетъ помочь имъ, но во всемъ, за что онъ не берется, его постигаетъ неудача, почему что въ силу своего идеализма и оптимизма онъ всегда ошибается и въ средствахъ, и въ дѣляхъ. Болѣзнь его, говоритъ Реллингъ, заключается, во первыхъ въ томъ, что онъ страдаетъ „острою горячкою справедливости“, а во вторыхъ, въ томъ, что онъ находится вѣчно въ поискахъ за предметами поклоненія, которые оказываются всякій разъ никуда негодными. Онъ расхаживаетъ по крестьянскимъ избамъ и предъявляетъ въ нихъ идеальныя требованія, которыя никогда не пользуются успѣхомъ среди крестьянъ. Онъ хочетъ помочь своему другу дѣтства выпутаться изъ болота, въ которомъ онъ погрязъ, и вѣритъ, что этого можно достичь, стоитъ только обнаружить правду. И вотъ онъ открываетъ Гіальмару глаза на ложныя отношенія, существующія между нимъ и женою, и въ полной увѣренности, что теперь только супруги объяснятся настоящимъ образомъ и положатъ начало истинному браку, радостнымъ возвращается къ своему другу съ широко раскрытыми объятіями,—но единственное, чего онъ достигаетъ, это обнаруженіе во всей неприглядной наготѣ ничтожества этого друга. Онъ убѣждаетъ Гедвигу доказать свою готовность къ самопожертвованію и тѣмъ вернуть себѣ любовь отца, но доводитъ ее до самоубійства; тогда онъ отказывается отъ всего и уходитъ, чтобы лишить себя самого жизни, потому что если жизнь дѣйствительно такова, какою она представляется ему теперь, то не стоитъ и жить.

Совершенною противоположностью этому донъ-Кихоту истины является Реллингъ со своею теоріею жизненной лжи и ея примѣненіемъ. Міръ возмутителенъ, говоритъ онъ, всѣ почти люди больны; что за пользу можетъ принесть уничтоженіе лжи? Напротивъ, ее нужно поддерживать. Для заграничнаго слова „идеалъ“ есть норвежское слово „ложь“. Они имѣютъ между собою столько же общаго, сколько тифъ и горячка. „Отымите ложь у изстрадавшагося отъ жизни человѣка, и вы отымите у него все счастье“. Въ силу такого взгляда Реллингъ работаетъ въ направленіи, противоположномъ Грегерсу, придумывая жизненную ложь для тѣхъ, которые не могутъ сами создать ее себѣ. Онъ заставляетъ Мольвика вообразить себя „демоническою натурою“, потому что „иначе несчастный давнымъ давно уже погибъ бы подъ тяжестью презрѣнія къ самому себѣ и отчаянія“, а для Гіальмара онъ придумываетъ великое открытіе, которое должно современемъ обезсмертить его имя, а покамѣстъ доставляетъ ему поводъ для громкихъ декламаторскихъ фразъ. Въ сущности и онъ, и Грегерсъ добиваются одного и того же, а именно хотятъ водворить счастье и миръ, но относительно средствъ для достиженія этой цѣли они такъ сильно расходятся во взглядахъ, что вступаютъ въ открытую борьбу и ненавидятъ другъ друга. Грегерсъ представляется Реллингу непроходимымъ дуракомъ, а Грегерсъ считаетъ Реллинга циникомъ. Но самъ Ибсенъ чувствуетъ, повидимому, любовь къ этому пессимистическому превозносителю лжи; онъ показываетъ, какое теплое сердце скрывается за его грубыми выходками, а въ своихъ взглядахъ на Экдаля вполнѣ сходится съ нимъ.

Среди ибсеновской галереи пошлыхъ, ограниченныхъ людей Гіальмару Экдалю можно отвести первое мѣсто. Пееръ Гюнтъ честный человѣкъ, а Стенсгордъ славный малый сравнительно съ этимъ ничтожествомъ, вѣчно произносящимъ громкія фразы о трудѣ, объ отвѣтственности своей, какъ главы дома, о своихъ рыцарскихъ чувствахъ, и набивающимъ себѣ ротъ бутербродами и вкусными яствами, между тѣмъ какъ его жена и дочь, не покладая рукъ, трудятся для него, отказывая себѣ во всемъ. Нѣтъ такой вещи на свѣтѣ, которая не доставила бы ему темы для декламаціи; происходящія событія не затрогиваютъ его чувствъ; но онъ очень легко растрогивается, прислушиваясь къ собственнымъ разглагольствованіямъ на этотъ счетъ, и наслаждается собственнымъ волненіемъ, любуясь собою. Типъ его очерченъ ярко, большими, рѣзкими чертами; иногда онъ кажется даже нѣсколько утрированнымъ, такъ что сбивается на фарсъ но его ничтожество не возбуждаетъ смѣха, а презрѣніе и отвращеніе. Если бы средній уровень людей былъ такого плохого

сорта, то Реллингъ былъ бы абсолютно правъ, а Грегерсъ абсолютно неправъ; но тогда и борьба Ибсена противъ половинчатости и лжи была бы напрасна, потому что въ такомъ случаѣ духъ свободы и истины, двухъ столповъ общества, не находилъ бы себѣ пристанища среди людей.

Любовно обрисованы женскія фигуры, какъ вообще во всѣхъ послѣднихъ произведеніяхъ Ибсена, напр., Гина, бывшая любовница коммерсанта Верле, а теперь жена Гіальмара, любящая, преданная, до такой степени погруженная въ свою текущую жизнь и свои отношенія, что совершенно забываетъ о своемъ прошломъ. „Это было такъ давно“, говоритъ она. Особенно много нѣжности вложилъ Ибсенъ въ обрисовку Гедвиги, этой трогательной, любящей, великодушной дѣвочки, которая всегда забываетъ о себѣ и думаетъ только о другихъ, готова лишить себя куска хлѣба, чтобы получше накормить отца. Тяготѣющій надъ нею тяжелый рокъ, угрожающая ей слѣпота, о которой знаютъ всѣ, кромѣ нея, придаетъ еще болѣе поэтическій колоритъ этому полу-ребенку, мечтами и фантазіею умѣющему скрашивать свое неприглядное существованіе.

Символическую фигуру въ драмѣ играетъ дикая утка, которую коммерсантъ Верле подстрѣливаетъ на охотѣ; она упала на дно болота, какъ бываетъ обыкновенно съ дикими утками, говоритъ старикъ Экдаль: „онѣ сейчасъ же падаютъ на дно, возможно глубже;—крѣпко запутываются въ траву и водоросли —и во всякую дрянь, которая находится тамъ на днѣ. И послѣ того онѣ никогда больше не всплываютъ наружу“. Съ этою же уткою приключилось нѣчто иное. „У Верле была необыкновенно ловкая собака—и эта собака нырнула за уткою и вытащила ее“. Экдаль получаетъ утку отъ буфетчика Верле и воспитываетъ ее на чердакѣ, смежномъ съ мастерскою, гдѣ она живетъ въ обществѣ куръ, кроликовъ и голубей. Семья Экдалей относится къ этой уткѣ съ чисто религіознымъ благоговѣніемъ: ей оказываютъ преувеличенное вниманіе, о ней ведутъ непрестанные разговоры. Гіальмаръ говоритъ, что она потолстѣла и такъ долго прожила здѣсь, что забыла про свою прежнюю дикую жизнь —„а этого только одного недоставало ей“. „Ты совершенно правъ, отвѣчаетъ на это Грегерсъ. Пусть она только никогда не видитъ ни неба, ни моря“. Гедвига молится за нее и разсказываетъ о ней, какъ о чемъ-то необыкновенномъ. „Дикая утка самая важная птица тамъ, говоритъ она, потому что это настоящая дикая птица. И потомъ ей такъ тажело живется: ей не къ кому примкнуть, бѣдняжкѣ... У куръ столько товарищей, съ которыми онѣ играли еще цыплятами, а она оторвана отъ всѣхъ своихъ. И вотъ что еще удивительно у дикой утки: никто не знаетъ ея; и никто не знаетъ также, откуда она... И притомъ она побывала на днѣ морскомъ“. Гедвига настолько любитъ свою дикую утку, что не можетъ ничѣмъ другимъ доказать такъ сильно свою любовь къ отцу, какъ стрѣляніемъ въ нее. Грегерсъ хочетъ сдѣлаться собакою, „хорошею, необыкновенно быстроногою собакою, такою, которая ныряетъ за дикою уткою, когда утка падаетъ въ глубину, въ илъ, и запутывается въ траву и водоросли“. Все это такъ преувеличено, такъ tiré aux cheveux, что и при чтеніи смущаетъ читателя. Могу себѣ представить, какое непріятное дѣйствіе оно должно производить со сцены! Спрашиваешь себя, что хотѣлъ выразить Ибсенъ этою дикою уткою, этимъ морскимъ дномъ, о которомъ такъ много распространяется Гедвига и т. п. Въ этомъ отношеніи комментаторы расходятся. Леметръ находитъ все это крайне непонятнымъ. Эдмундъ Госсе символизируетъ въ лицѣ дикой утки „идеальный духъ добра“. Эраръ утверждаетъ, что утка символизируетъ все человѣчество, погруженное въ позоръ и ложь, собака Грегерса—всѣхъ моралистовъ, поэтовъ и идеалистовъ воображающихъ, что человѣкъ не созданъ, чтобы жить на грязномъ днѣ, что его необходимо вырвать оттуда и подняться въ высшую область истины, красоты и добра. Морское же дно—это вульгарная дѣйствительность, гдѣ живутъ въ свое удовольствіе люди, утратившіе силу подняться и возвыситься до пониманія истины и идеала. „Печальная фабула „Дикой утки“ говоритъ проф. Веселовскій въ своемъ введеніи къ русскому переводу Ибсена московскаго изданія, „сильно дѣйствуетъ сама по себѣ и ни на іоту не становится глубже отъ введеннаго въ нее символизма; точно блѣдныя тѣни или тусклыя мишурныя украшенія выступаютъ на ея фонѣ символическія затѣи“,—и съ этимъ нельзя не согласиться. Но насколько сильно шагнулъ впередъ въ художественномъ отношеніи авторъ „Дикой утки“ видно по сравненіи этой драмы съ „Столпами общества“. Тамъ мы видимъ мелодраматическое окончаніе, внезапное обращеніе главнаго лица, чудесное спасеніе

корабля и сбѣжавшаго мальчика, совершенно не вытекающіе изъ дѣйствія эффекты, ослабляющіе силу идеи,—здѣсь „одновременно прекрасная и горькая серьезность жизни, законченное строгое искусство и нѣжность красокъ“.

Мораль „Дикой утки“ представляетъ полную противоположность морали предыдущихъ драмъ. Бывшій апостолъ истины поддерживаетъ здѣсь необходимость лжи. Грегерсъ представляетъ, по мнѣнію Эрара, какъ бы карикатуру самого Ибсена. Ибсенъ также задался было цѣлью исправить людей, выяснить, между прочимъ, недостатки брачной жизни. Теперь онъ осмѣиваетъ собственное безумье, и пародируетъ апологію брака, основаннаго на полномъ довѣріи, стараго Верле и г-жи Сэрби, женщины съ сомнительнымъ прошлымъ. „Мнѣ представляется, какъ будто никакой справедливости на свѣтѣ нѣтъ“, восклицаетъ при этомъ Гіальмаръ. Поэтъ также могъ себя спросить, не поступилъ ли онъ во многихъ случаяхъ подобно Грегерсу, не открылъ ли онъ нѣкоторыми изъ своихъ пропзведеній глаза многимъ супругамъ, проживавшимъ до сихъ поръ въ тиши и покоѣ, не побудилъ ли онъ многихъ женщинъ къ отчаянному и безполезному возмущенію? Не вызвалъ ли онъ своими драмами разводовъ и разлученій супруговъ, отъ которыхъ больше всего должны были пострадать дѣти, ставшія спротами? А между тѣмъ добра въ результатѣ получился ноль. Все идетъ по прежнему, человѣчество продолжаетъ слѣдовать своимъ старымъ нравамъ и обычаямъ. Драма была написана въ минуту глубокаго отчаянія. Поэтъ выражаетъ въ ней разрушеніе всѣхъ своихъ мечтаній и грезъ, убѣжденіе, что надо отказаться отъ гордой мысли поднять людей, такъ какъ они осуждены во вѣки погрязать въ порокѣ и заблужденіяхъ.

VI.

На другой годъ по изданіи „Дикой утки, въ 1885 г., Ибсенъ послѣ одиннадцатилѣтняго отсутствія вернулся на родину, гдѣ провелъ нѣсколько недѣль. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ послѣдній разъ былъ дома, на политической аренѣ Норвегіи разыгралась крупная борьба, оставившая по себѣ такое озлобленіе, что маститый писатель пришелъ просто въ ужасъ. Его поразилъ тонъ непримиримости, царившій на родинѣ, озлобленіе, съ какимъ нападали другъ на друга члены партій, вмѣсто того, чтобы заботиться о дѣлѣ. Съ грустью взиралъ онъ на вражду, порожденною борьбою. Лица, находившіяся прежде въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, превратились теперь въ самыхъ ожесточенныхъ враговъ, хотя лично не причинили другъ другу никакого зла, а вся вражда основывалась на разницѣ въ убѣжденіяхъ. Онъ получилъ такое впечатлѣніе, какъ будто въ Норвегіи обитало не два милліона людей, а два милліона кошекъ и собакъ, какъ онъ выразился однажды. Въ Тронд̀емѣ, гдѣ рабочій союзъ устроилъ въ честь его факельцугъ, онъ произнесъ рѣчь, въ которой заявилъ, что увидалъ при возвращеніи въ Норвегію „громадный прогрессъ въ большинствѣ отношеній“, но все же нережилъ и много разочарованій, такъ какъ „самыя необходимыя индивидуальныя права“ оказались гораздо менѣе обезпеченными, чѣмъ онъ ожидалъ; „отдѣльнымъ лицамъ не предоставляли ни полной свободы вѣроисповѣданій“, ни полной свободы выраженій; всѣ должны были дѣйствовать въ произвольно устанавливаемыхъ границахъ. „Многое осталось здѣсь сдѣлать, говорилъ, онъ въ той же рѣчи, прежде чѣмъ можно будетъ сказать, что мы достигли истинной свободы. Но я боюсь, что наша теперешняя демократія окажется не въ силахъ справиться съ этими задачами. Надо чтобы благородный элементъ вступилъ въ нашу государственную жизнь, въ наши представительныя учрежденія и въ нашу печать. Конечно, я не имѣю въ виду благородство пронсхожденія или денежную аристократію, или даже аристократію знанія, способностей или талантовъ. Но я думаю о благородствѣ характера, о благородствѣ воли и ума“.

Въ новой драмѣ, изданной въ 1886 г., мы находимъ слѣды новопріобрѣтеннаго Ибсеномъ взгляда на партійныя отношенія въ Норвегіи, именно убѣжденія въ недостаткѣ благороднаго элемента въ политическихъ кругахъ его родины. Горькое ожесточеніе теряющей почву партіи прекрасно изображено въ лицѣ Кролля, а трусливая боязнь побѣждающей партіи выразить во всеуслышаніе свои убѣжденія не менѣе превосходно характеризована въ лицѣ свободнаго мыслителя и политика Мортенсгорда, яко бы либерала, который считаетъ необходимымъ вступать въ союзъ съ церковью и ея представителями. „Педеръ Мортенсгордъ вождь и властитель будущаго, говоритъ о немъ Брендель. Никогда еще я не видалъ передъ собою болѣе великаго человѣка. Педеръ Мортенсгордъ обладаетъ могущественными силами.

Онъ можетъ сдѣлать все, чего захочетъ... потому что онъ никогда не желаетъ больше того, чего можетъ достичь... и способенъ всю жизнь прожить безъ идеаловъ. А въ этомъ — видишь ли?—заключается великая тайна дѣйствія и побѣды. Это сумма всей житейской мудрости".

Герой драмы, Росмеръ, потомокъ цѣлаго рода благородныхъ предковъ съ развитымъ чувствомъ долга, потомокъ рода, въ которомъ дѣти никогда не плачутъ, а мужчины никогда не смѣются. Онъ уже давно покинулъ вѣру своихъ предковъ, убѣдившись въ ошибочности ея, и отказался отъ должности пастора. Его политическія убѣжденія перемѣнились такъ же точно, какъ и религіозныя, подъ вліяніемъ отчасти собственныхъ размышленій, отчасти полюбившейся ему дѣвушки. Но бывшія его вѣрованія пустили въ немъ слишкомъ глубокіе корни, чтобы дать ему возможность смѣло идти впередъ, сдѣлаться вполнѣ самостоятельнымъ, свободнымъ отъ предразсудковъ человѣковъ. „Потомокъ людей, взирающихъ на пасъ съ этихъ портретовъ, говоритъ Кроллъ, не можетъ освободиться отъ чувствъ, которыя передавались преемственно отъ одного поколѣнія къ другому", и Ребекка съ грустью соглашается съ нимъ: „Іоганнесъ Росмеръ тѣсно связанъ со своимъ родомъ", говоритъ она. Отсутствіе цѣльности, половинчатость даютъ себя знать во всей его дѣятельности. Онъ освободился отъ узкихъ обязательствъ ходячей морали, но сохранилъ уваженіе къ дисциплинѣ, завѣщанной предками, уваженіе инстинктивное. Въ глубинѣ его существа лежитъ то, что онъ называетъ инстинктомъ нравственности. Это совѣсть, чуткая, нѣжная, дѣлающая его въ высшей степени щепетильнымъ и строгимъ по отношенію къ самому себѣ.

Пришедши къ новымъ убѣжденіямъ, онъ задался цѣлью обратить всѣхъ жителей страны или въ крайнемъ случаѣ большинство ихъ въ гордыхъ, свободныхъ, благородныхъ людей. Благородство, по мнѣнію Ибсена, это воля, очищенная покорность закону, это обузданная, сдержанная страсть, это инстинктъ, доведенный до безмолвія, это повиновеніе чувству долга, это отреченіе. Люди нуждаются въ томъ, чтобы быть облагороженными. Борьба, которую они ведутъ теперь, озлобляетъ ихъ. Надо вновь водворить въ умахъ миръ, радость и примиреніе. „Если бы мнѣ удалось возбудить въ нихъ самосознаніе, говоритъ Росмеръ, - заставить ихъ раскаяться и устыдиться самихъ себя,—заставить ихъ сблизиться тѣснѣе другъ съ другомъ, проникнуться взаимною терпимостью и любовью! Ахъ, какъ пріятно было бы тогда жить! Не было бы больше ненавистной борьбы. Только одно соревнованіе. Всѣ глаза направлены къ одной цѣли. Всѣ воли, всѣ умы устремлены впередъ, вверхъ. Каждый согласно свойственному ему пути. Счастье для всѣхъ—созданное дружною работою всѣхъ". Но если самъ Росмеръ не въ силахъ достигнуть намѣченной имъ цѣли, такъ какъ, несмотря на врожденное благородство своей натуры, онъ отличается слабою волею и ему не хватаетъ именно тѣхъ достоинствъ, которыя необходимы для народнаго вождя, то все же сама задача выставлена впередъ драмою. Ибсенъ защищаетъ въ ней не только дѣло истины и свободы, но и дѣло терпимости и человѣчности.

Итакъ, облагородить массы Росмеръ не въ состояніи; онъ можетъ передать требуемое благородство только женщинѣ, любящей его. Но какой цѣной передаетъ онъ ей это благородство? Цѣною счастья. „Духъ Росмеровъ облагораживаетъ, говоритъ Ребекка, но онъ убиваетъ счастье"—и доводитъ и ее, и Росмера до самоубійства.

Ребекка главная фигура драмы и самый выдающійся и поражающій изъ всѣхъ женскихъ типовъ, созданныхъ Ибсеномъ. Никогда еще, говоритъ Брандесъ, Ибсенъ не выказывалъ такого возвышеннаго спокойствія, такой человѣчности, какъ при изображеніи и уясненіи этого женскаго типа и произнесеніи надъ нимъ косвеннаго приговора. До сихъ поръ характерная особенность Ибсена заключалась въ слѣдующемъ: онъ доказывалъ поддѣльность того, что считалось до того времени настоящимъ, и обнаруживалъ пустоту въ томъ, что считалось прочнымъ. Теперь онъ преодолѣваетъ свое прежнее недовѣріе, вѣритъ въ очищеніе этой дѣвушки съ запятнанной репутаціей и обнаруживаетъ прекрасные задатки, чистоту и даже величіе у преступницы, лгуньи и убійцы. Это онъ дѣлаетъ съ такою силою убѣдительности, что даже тотъ, кто никогда не встрѣчался съ какою-нибудь Ребеккою, —а она составляетъ исключеніе среди ибсеновскихъ норвежскихъ женщинъ,—ни одной минуты не сомнѣвается въ возможности существованія подобной дѣвушки. Это скорѣе общечеловѣческая, чѣмъ спеціально норвежская фигура: въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ она производитъ впечатлѣніе русской, добавляетъ Брандесъ.

Ребекка въ началѣ своей сознательной жизни не руководилась никакими нравственными принципами. Она—плодъ незаконнаго брака, дитя любви, сама нѣкоторое время шедшая по стопамъ своей матери. До пріѣзда въ Росмерсгольмъ ей казалось, что она можетъ добиться своего, чего захотѣла бы, потому что у нея была мужественная, свободная воля. Она не знала, что значитъ принимать во вниманіе интересы другого существа. Не было отношеній, передъ которыми она должна бы отступать. Для нея не существовало никакой пропасти между мыслью и исполненіемъ, между желаніемъ и дѣйствіемъ; она обладала могучею волею и рѣшимостью и потому получала громадную власть надъ людьми съ болѣе слабою волею, надъ людьми менѣе мужественными. Цѣльность натуры лицомъ къ лицу съ половинчатостью—вотъ въ чемъ заключалась тайна ея очарованія Кромѣ того она обладала свободнымъ міровоззрѣніемъ, отсутствіемъ всякихъ предразсудковъ, она хотѣла участвовать въ работѣ новаго времени, раздѣлять всѣ его интересы, усвоить себѣ всѣ новыя идеи, содѣйствовать ихъ развитію, работать для этого самой и заставлять работать и другихъ. Такою является Ребекка въ Росмерсгольмъ. Но здѣсь къ ея планамъ привлечь Росмера на сторону новыхъ идей и обратить его въ дѣятельнаго ихъ сторонника примѣшиваются чисто личные молитвы Ее тянуло въ Росмерсгольмъ: ей казалось, что тамъ она тѣмъ или инымъ способомъ добудетъ себѣ счастье. Но здѣсь случилось то, что сломило ея волю и страшно напугало ее на всю жизнь: на нее нашла дикая, непобѣдимая страсть къ Росмеру. „Со мною случилась точно буря на морѣ, говоритъ она, одна изъ тѣхъ бурь, что происходятъ въ зимнее время на сѣверѣ. Онѣ захватываютъ васъ и уносятъ подальше—подальше. Нѣтъ возможности противостоять имъ". Она знала, что къ Росмеру невозможно подступить раньше, чѣмъ онъ сдѣлается вполнѣ свободнымъ какъ въ своихъ воззрѣніяхъ, такъ и въ своихъ отношеніяхъ. Какое право имѣла его жена становиться между ними? Она дѣлала его жизнь печальною и несчастною; только въ случаѣ ея удаленія можетъ быть рѣчь о жизни въ свободѣ, счастьи и радости. И вотъ Ребекка заставляетъ Беату утопиться въ рѣчкѣ, а сама начинаетъ роботать надъ обращеніемъ Росмера, который и до того уже началъ колебаться въ своей вѣрѣ и консервативныхъ убѣжденіяхъ. Но тутъ съ нею случается полный переворотъ. Когда она осталась одна съ Росмеромъ, и онъ, освободившись отъ угнетающаго его вліянія полусумасшедшей Беаты, сдѣлался самимъ собою,—когда онъ началъ, не сдерживаясь, открывать ей всѣ свои мысли, дѣлиться съ нею всѣми своими настроеніями, — такими нѣжными, такими утонченными,—всѣми своими чувствами, тогда въ ней произошелъ великій переворотъ, который принялъ вскорѣ грандіозные размѣры и перевернулъ вверхъ дномъ все въ ея душѣ. Чувственная страсть отошла далеко отъ нея. Всѣ чувства, волновавшія ее до сихъ поръ, замолкли, затихли. Полное спокойствіе водворилось въ ея душѣ— и такимъ то образомъ любовь зародилась въ ней, – великая, самоотверженная любовь, довольствующаяся одною только совмѣстною жизнью, какую они вели до сихъ поръ. Когда цѣль ея желаній осуществляется, когда Росмеръ, наконецъ, предлагаетъ ей сдѣлаться его женою, у нея не хватаетъ смѣлости согласиться; она видитъ, что ея проступокъ навсегда отдѣлилъ ее отъ него, такого благороднаго, чистаго. Ея прежняя смѣлая воля хотѣла было вырваться наружу, но у нея не хватило на это силы. Міровоззрѣніе Росмеровъ, говоритъ она, заразило ея волю и сдѣлало ее больною. Но любовь придала ей мужество признаться въ своей винѣ и силу для принесенія жертвъ, и Ребекка спасаетъ Росмера, возвращаетъ ему утраченное чувство безвинности, утраченную вѣру въ ея любовь и въ свою собственную способность облагораживать людей, разсказавъ ему все и пожертвовавъ ему своею жизнью „Я нахожусь подъ вліяніемъ Росмеровскаго міровоззрѣнія, говоритъ Ребекка. Я совершила преступленіе и должна искупить его".

Но за индивидуальными судьбами, говоритъ Іегеръ, которыя разрѣшаются такимъ трагическимъ образомъ, скрываются два различныхъ жизненныхъ принципа. Въ лицѣ Росмера мы видимъ продуктъ старой изжитой культуры, которая ослабляетъ его воззрѣнія на жизнь и его волю. Его воззрѣнія можно еще измѣнить, но его воля останется навсегда обезсиленною. Въ лицѣ Ребекки мы имѣемъ продуктъ молодой нетронутой природы; она обладаетъ свободными воззрѣніями на жизнь, а воля ея сильная, но эта воля очистилась только тогда, когда было уже слишкомъ поздно. Поэтому оба эти представителя недоразвитыхъ жизненныхъ воззрѣній погибаютъ; но надъ ихъ трупами драма указываетъ

на великую, блестящую мечту о будущемъ Ибсена: на людей съ освобожденнымъ умомъ и очищенною волею. Это тѣ благородные люди которыхъ мечталъ создать Росмеръ, радостные благородные люди, которые проводятъ жизнь въ свободѣ, безвинности и радости. Это то третье царство, на которое указывалъ мистикъ Максимъ, и которому Генрикъ Ибсенъ никогда не переставалъ вѣрить.

Средствомъ для достиженія этой цѣли является, по указанію автора, противоположность эгоизму, великая самоотверженная любовь. „Росмерсгольмъ“ служитъ ея прославленію. Это credo драмы, но въ то же время и credo Ибсена. Во имя свободы и истины онъ бичевалъ половинчатость и ложь; теперь, вступая въ борьбу съ эгоизмомъ, онъ говоритъ отъ имени самоотверженной любви.

Въ то же время „Росмерсгольмъ“ представляетъ какъ бы послѣднее прости автора тому культу природы, который былъ такъ возвеличенъ имъ въ „Привидѣніяхъ“. Ибсенъ не отказывается отъ своего стараго ученія, онъ только констатируетъ фактъ, что примѣненіе его невозможно. Никогда больше возвращеніе къ природѣ не будетъ полнымъ. Мрачная мораль овладѣла міромъ, и никогда больше не озаритъ его языческое солнце. „Росмерсгольмъ“ выражаетъ, какъ и „Дикая утка“ горькое разочарованіе поэта. Оно сказывается не только въ цѣлой драмѣ, но символизируется въ фантастической фигурѣ Ульрика Бренделя, въ которой Ибсенъ изображаетъ самого себя. Сумасшедшій Брендель никто иной, говоритъ Эраръ, какъ самъ Ибсенъ, идеалистъ. Брендель пытался было водворить въ Росмерсгольмѣ либеральныя идеи, но былъ изгнанъ изъ него ударами плетки. Ибсенъ пожелалъ сдѣлаться въ Норвегіи реформаторомъ, но вынужденъ былъ отправиться въ изгнаніе. Брендель всю свою жизнь долженъ былъ бороться для поддержанія своего существованія. Ибсену также приходилось долгое время жить изо дня въ день. Публика восхищается сочиненіями Бренделя, но самъ онъ презираетъ то, что написалъ. Самыя прекрасныя его произведенія тѣ, которыя еще не написаны. Такъ говорилъ и самъ Ибсенъ въ „Претендентахъ на корону“. Брендель, какъ и Ибсенъ, аристократъ, какъ и Ибсенъ онъ номадъ: все свое онъ носитъ съ собою. Ибсенъ же помѣщается въ меблированныхъ комнатахъ, и единственное, что принадлежитъ ему изъ движимости, это нѣсколько картинъ. Брендель идетъ читать лекціи въ странѣ, проповѣдывать идеалъ въ полной увѣренности въ успѣхѣ. Но его постигаетъ та же судьба, что и Ибсена. Поэтъ слишкомъ понадѣялся на свои силы. Онъ былъ убѣжденъ, что чернь воспользуется преподанными имъ уроками, но ни чуть ни бывало. Его гордое ученіе оказалось слишкомъ возвышеннымъ для толпы. „Когда я входилъ въ послѣдній разъ въ этотъ залъ, говоритъ Брендель, передъ тобою стоялъ состоятельный человѣкъ... теперь ты видишь свергнутаго съ престола короля, сидящаго на грудѣ пепла своего сгорѣвшаго замка... Я голъ, мой дорогой мальчикъ, пустъ и голъ“.

Но отчаяніе, охватившее поэта, не могло долго продолжаться, потому что въ такомъ случаѣ ему бы пришлось навѣки замолкнуть, а между тѣмъ при своей дѣятельной натурѣ борца онъ чувствовалъ потребность не покидать поля битвы. Слава его все болѣе и болѣе увеличивалась, и это еще сильнѣе побуждало его творить. Въ результатѣ получились два произведенія, изданныя одно за другимъ: въ 1888 г. „Женщина съ моря“, а въ 1900 — „Гедда Габлеръ“, героинями которыхъ являются двѣ невропатическія женщины, продукты современной жизни съ ея напряженною нервностью, съ ея утонченнымъ извращеніемъ чувствъ. Въ то же время въ обѣихъ пьесахъ трактуется вопросъ о бракѣ, о бракѣ по разсудку. Мы видѣли Свангильдъ, дающую слово Гольстаду въ „Комедіи любви“. Теперь мы знакомимся, съ одной стороны, съ новымъ женихомъ и невѣстою, дающими другъ другу слово при такихъ же обстоятельствахъ, а съ другой, мы видимъ брачныя отношенія между молодою Эллидою старшимъ ея на многіе годы Вангелемъ, отцомъ двухъ взрослыхъ дочерей.

Эллида — дочь смотрителя маяка и сумасшедшей матери, причудливое существо, съ быстрыми, порывистыми движеніями переходящая постоянно отъ одного настроенія къ другому, чувствующая какую-то странную, непостижимую страсть къ морю. Купаться въ морѣ — ея жизнь; она сама думаетъ, что находится въ странныхъ отношеніяхъ съ моремъ и со всѣмъ, что принадлежитъ ему. „Ты сродни морю“, говоритъ ей мужъ, „ты такъ же, какъ и оно, и притягиваешь, и отталкиваешь“. Она находитъ, что люди не дома на твердой землѣ, что если бы они съ самаго начала пріучались проводить свою жизнь на морѣ — или, можетъ быть, въ морѣ — тогда они

были бы гораздо болѣе совершенными, чѣмъ теперь. И лучшими, и болѣе счастливыми.—„Но приходится примириться съ тѣмъ, что есть, возражаетъ ей учитель Арнгольмъ. Мы разъ навсегда вступили на ложный путь и обратились въ земныхъ животныхъ вмѣсто морскихъ. Принимая во вниманіе всѣ обстоятельства, я думаю, что теперь слишкомъ поздно исправлять сдѣланную ошибку“.—„Да, отвѣчаетъ Эллида, вы говорите печальную истину. Я думаю, что люди сами чувствуютъ это. Всѣ они носятъ въ себѣ втайнѣ эти чувства. Чувство раскаянія и печали. Повѣрьте мнѣ, въ этомъ-то и заключается причина меланхоліи людей“. Въ юности Эллида обручилась таинственно съ незнакомымъ ей человѣкомъ, получившимъ надъ нею особенную, точно гипнотическую власть, и казавшимся ей сродни съ тѣмъ моремъ, которое она такъ глубоко любила. Она почувствовала къ нему загадочное, таинственное влеченіе, стихійную любовь. Онъ обладалъ надъ нею деспотическою властью, подчиняя ее всецѣло своей волѣ. Но послѣ его отъѣзда таинственное очарованіе исчезло. Она отказала ему и вышла замужъ по разсчету за Вангеля, которому понравилась. „Ты пришелъ и купилъ меня, говоритъ Эллида, а я пошла и продала себя... Я была тогда такою безпомощною, совершенно одинокою, не у кого было мнѣ спросить совѣта. Совершенно естественно, что я ударила по рукамъ,—когда ты явился и предложилъ мнѣ на всю жизнь заботиться обо мнѣ“. Въ первые годы брака Эллида забыла о незнакомцѣ. Но роковая страсть вспыхнула въ ней вновь, угрожая ей безумiемъ или смертью, какъ разъ передъ рожденіемъ ребенка. Три года скрываетъ она это чувство, страдая отъ него, страдая непобѣдимымъ влеченіемъ къ незнакомцу, къ его любви. Когда же, послѣ десяти лѣтъ совмѣстной супружеской жизни съ мужемъ, такъ долго отсутствовавшій первый возлюбленный неожиданно является передъ нею и требуетъ исполненія даннаго ему слова слѣдовать за нимъ, Эллида, размышляя о своей супружеской жизни, находитъ, что не должна была принимать предложенія Вангеля. „Я не должна была продавать себя. Лучше было взяться за самую тяжелую работу—жить въ самыхъ нищенскихъ условіяхъ — но по своей волѣ—и по собственному выбору“. Чужестранецъ предложилъ ей добровольно слѣдовать за нимъ. Она находитъ, что ея бракъ никогда не былъ настоящимъ бракомъ, съ самаго начала, а что первый бракъ—обрученіе съ чужестранцемъ, былъ настоящимъ бракомъ, потому что добровольное обѣщаніе такъ же точно связываетъ людей, какъ и вѣнчаніе. Въ виду всего этого она проситъ мужа разрѣшить ей уѣхать, освободить ее навсегда отъ всякихъ отношеній къ нему и его дѣтямъ, возвратить ей свободу. Она хочетъ совершенно свободною стоять передъ чужестранцемъ и совершенно свободно сдѣлать выборъ между нимъ и мужемъ. Вангель сначала не соглашается. Онъ считаетъ своимъ правомъ и обязанностью защищать жену, хотя бы противъ нея самой. Но изъ разговора Эллиды съ иностранцемъ онъ убѣждается, что ему никогда не удастся удержать при себѣ ея душу. „Мою душу, всѣ мои мысли — всѣ мои желанья и стремленія—ихъ ты не можешь связать. Они будутъ стремиться и летѣть впередъ къ неизвѣстному,—для котораго я была создана,—и которое ты заперъ для меня“. Тогда онъ, по выраженію Эллиды, разторгаетъ торгъ, и предоставляетъ ей избрать себѣ путь „на полной—полной свободѣ“. „Теперь, говоритъ онъ, ты всецѣло освобождена отъ меня и всего моего. И отъ моихъ. Теперь твоя собственная настоящая жизнь можетъ идти по своему настоящему пути. Потому что теперь тебѣ предоставляется выбирать на свободѣ. И подъ своею собственною отвѣтственностью“. „На свободѣ и подъ собственною отвѣтственностью“! восклицаетъ Эллида; „теперь—произошелъ переворотъ“,—и она рѣшаетъ оставаться съ мужемъ. „Ваша воля“, говоритъ она чужестранцу, „не оказываетъ больше на меня никакого дѣйствія. Для меня вы мертвый человѣкъ, вернувшійся домой съ моря. И возвращающійся туда же. Но я больше не трепещу передъ вами. И меня никуда больше не влечетъ“. Всѣ таинственныя влеченія, всѣ голоса инстинкта, всѣ ужасы мгновенно теряютъ власть надъ сердцемъ Эллиды, лишь только было произнесено слово „свобода“, лишь только была признана неприкосновенность ея собственнаго „я“, котораго стихійная любовь не признавала, власть не покоряла себѣ.

Какимъ же образомъ произошелъ этотъ переворотъ? Что собственно скрывается подъ причудливою фабулою? Что это произведеніе символическое, доказательствомъ служатъ слова Вангеля, который говоритъ Эллидѣ: „Твое стремленіе и влеченіе къ морю,—твое увлеченіе имъ,—этимъ чужестранцемъ — составляли лишь проявленіе пробудившагося и развивающагося въ тебѣ

стремленія къ свободѣ". Море у Ибсена символизируетъ эту свободу. Человѣкъ, рожденный, чтобы жить въ морѣ или на морѣ, это человѣкъ, рожденный свободнымъ. Общественная жизнь уничтожила свободу. Земное существо сожалѣетъ объ элементѣ, изъ котораго оно было исторгнуто. Человѣкъ сожалѣетъ о золотомъ вѣкѣ, когда ему разрѣшалось дѣлать все, чего ему хотѣлось; онъ утратилъ жизнерадостность. Но не всѣ люди окончательно распростились съ моремъ. Существуютъ между ними единицы, отказывающіяся подчиниться общему порядку. Человѣкъ, оставшійся свободнымъ, представленъ въ драмѣ „чужестранцемъ". Мы не знаемъ его имени. Онъ говоритъ Эллидѣ, что его зовутъ Фриманомъ, что означаетъ свободный человѣкъ. Чужестранецъ живетъ внѣ общества. Онъ изгнанъ изъ него въ силу совершеннаго имъ преступленія,—убійства своего капитана. Но онъ не созданъ для того, чтобы влачить свою жизнь въ тюрьмѣ; ему необходимъ просторъ, онъ принадлежитъ морю. Подобно тому какъ сила волнъ преодолѣваетъ всѣ препятствія, воля у чужестранца не принимаетъ въ разсчетъ никакихъ соображеній. Онъ любитъ Эллиду и хочетъ, чтобы она сдѣлалась его женою. То, что она уже замужемъ, не представляетъ для него никакого значенія. Онъ говоритъ и дѣйствуетъ такъ, какъ будто никакого мужа у Эллиды нѣтъ. Онъ отказывается отъ своего намѣренія только тогда, когда наталкивается у Эллиды на силу, болѣе могучую, чѣмъ его—на свободную волю.

Эллидѣ, свободолюбивой гордой женщинѣ, невыносимо рабство, въ какое она стала, продавъ себя человѣку, нелюбимому ею. Она старается акклиматизироваться среди непривычныхъ ей условій жизни, но это ей не удается. Мысль о чужестранцѣ, о свободѣ, о морскомъ просторѣ, неотступно преслѣдуетъ ее. Вялая, теплая вода фіорда внушаетъ ей только отвращеніе. Но когда мужъ предоставляетъ ей полную свободу выбора, она выбираетъ долгъ, обязанности, налагаемыя имъ; добровольно подчиняется дисциплинѣ, устанавливаемой имъ, жизнью и общественными отношеніями, добровольно и сознательно надѣваетъ на себя цѣпи, отказывается отъ независимости и свободы. Чувственная любовная страсть побѣждена сознательною свободною волею. Эллида побѣдила свою природу. Она отреклась отъ того, что она называетъ истинною жизнью; она восторжествовала надъ своимъ стремленіемъ къ независимости и своимъ темпераментомъ, враждебнымъ установившимся правиламъ. Она соглашается жить такъ, какъ всѣ, согласно существующимъ законамъ и обычаямъ, но она не будетъ чувствовать униженія отъ этой покорности, разъ она свободно согласилась покориться. Люди могутъ акклиматизироваться, разъ они это дѣлаютъ вполнѣ свободно. Во всей этой морали чувствуются упавшія силы прежняго непреклоннаго борца, провозгласившаго: все или ничего, и устами г-жи Альвингъ сокрушавшаго всѣ устои общества.

Съ замѣчательнымъ мастерствомъ рисуетъ Ибсенъ двухъ дочерей доктора Вангеля, Болетту и Гильду. Послѣдняя—подростокъ съ бурнымъ страстнымъ темпераментомъ, порывистая, не знающая удержу. Это будущая героиня драмы „Зодчій Сольнесъ". Болетта уже взрослая дѣвушка, стремящаяся къ знанію, къ жизни. Ей хочется получить большее образованіе, расширить свой кругозоръ, увидѣть свѣтъ, увидѣть новыя страны, новыя жизненныя отношенія. Но у отца нѣтъ денегъ, чтобы послать ее учиться; она должна все время посвящать домашнему хозяйству, и можетъ только урывками предаваться любимому чтенію. Ей предстоитъ всю жизнь задыхаться въ карасьемъ пруду, какъ она выражается. И вотъ, послѣ непродолжительныхъ колебаній, она увлекается картиною заманчиваго будущаго, когда не имѣешь надобности тревожиться насчетъ будущаго, страшиться предстоящей бѣдности, и отдаетъ свою руку учителю Аргольму, о которомъ говоритъ сама раньше сестрѣ; развѣ возможно выходить замужъ за того, кто тебя училъ? Мы видимъ во-очію, какъ совершается торгъ, о которомъ упоминаетъ Эллида въ разговорѣ съ мужемъ. Перспективу будущихъ размолвокъ и разлада рисуетъ намъ обоюдящая фраза стараго жениха молодой невѣстѣ: „Какую хорошую, задушевную, *спокойную* жизнь мы будемъ вести съ вами"! „Онъ мятежный, проситъ бури", а ему предлагаютъ спокойствіе, покой, тотъ же карасій прудъ, только въ новомъ видѣ. Трагедія родителей повторяется въ жизни дѣтей. Мы видимъ передъ собою, говоритъ Брандесъ, безконечную перспективу земныхъ разочарованій.

Смутно написана драма „Женщина съ моря". Трудно, сквозь окутавшій ее символизмъ, разобрать ея основную идею—достиженіе счастья помощью добровольнаго отреченія. Съ „Геддою Габлеръ" Иб-

сенъ возвращается на реальную почву. Самъ авторъ сообщилъ своему французскому переводчику, что эта драма не задается никакими проблемами (ce n' est pas une pièce à problème). Ибсенъ, въ качествѣ великаго художника, даетъ интересную картину дѣйствительной жизни, создаетъ живыхъ лицъ и выводитъ драматическое дѣйствіе изъ дѣйствительныхъ положеній, не выказывая своихъ симпатій къ тому или другому изъ дѣйствующихъ лицъ. Пусть читатели выводятъ сами изъ драмы урокъ.—Ибсенъ не выражаетъ своего мнѣнія.

Въ драмѣ „Гедда Габлеръ“, говоритъ Брандесъ, Ибсенъ рисуетъ не фантастическій образъ. Это съ необыкновенною точностью проведенный анализъ и синтезъ молодой женщины, богато одаренной отъ природы, но съ низкимъ уровнемъ развитія, одновременно трусливой и сильной, восторженной и подчиняющейся условностямъ, стремящейся въ высь и погрязающей въ пошлости, властолюбивой и злобной, декадентки на старый и новый ладъ, какъ пишетъ одинъ англійскій критикъ, однимъ словомъ, это та молодая миссъ, которую мы въ пяти случаяхъ изъ десяти ведемъ къ столу на парадныхъ обѣдахъ“.

Рано потерявъ свою мать, Гедда осталась на попеченіи отца, стараго генерала, о пистолетахъ котораго весьма часто распространяется его дочь, хотя, какъ говоритъ Брандесъ, читателю прекрасно извѣстно, что норвежскіе генералы—кавалеристы, никогда не нюхавшіе пороху, и что ихъ пистолеты не проливали никогда ни единой капли крови. Отецъ не съумѣлъ ее воспитать. Онъ принималъ у себя молодыхъ людей, распущенные нравы которыхъ не могли не оказать дурного дѣйствія на молодую дѣвушку. Съ однимъ изъ нихъ, Левборгомъ, талантливымъ, остроумнымъ, блестящимъ человѣкомъ, но кутилою и пьяницею, она проводитъ цѣлые вечера за довольно рискованными разговорами, между тѣмъ какъ генералъ дремлетъ у камелька съ газетою въ рукахъ. Они были, какъ выражается Гедда, двумя настоящими, задушевными друзьями. Левборгъ разсказывалъ ей о себѣ то, чего никто другой не зналъ до той поры, „признавался въ томъ, что онъ выдѣлывалъ днемъ и ночью, какъ сумашествовалъ день за днемъ. Она же задавала ему такіе смѣлые вопросы, спрашивала о такихъ вещахъ, о которыхъ обыкновенно не говорятъ“, приподымала занавѣсу міра, который долженъ былъ оставаться для нея закрытымъ. Это было товарищество на почвѣ жажды жизни, остававшейся со стороны Гедды Габлеръ не удовлетворенной. Оно разстроилось, потому что Эйлертъ Левборгъ „покусился на своего смѣлаго товарища“, который отвѣтилъ ему на это угрозою выстрѣлить въ него изъ пистолета. Много веселилась на своемъ вѣку Гедда, вѣчно окруженная толпою ухаживающихъ за нею молодыхъ людей, съ которыми она носилась верхомъ на конѣ, въ длинной черной суконной амазонкѣ, съ перомъ на шляпѣ, много танцовала, „до-танцовалась до изнеможенія“, какъ она сама говоритъ: „мое время уже было на исходѣ“, но никто изъ бальныхъ кавалеровъ и поклонниковъ не рѣшался дѣлать ей предложенія. Отецъ ея умеръ, средствъ для жизни было мало. А тутъ является Тесманъ, недалекій, но трудолюбивый малый, прилежный собиратель архивныхъ документовъ, о которомъ ходила молва, будто изъ него выйдетъ современемъ необыкновенно выдающійся человѣкъ“. „Когда онъ сталъ ходить ко мнѣ, говоритъ Гедда, и наконецъ началъ добиваться всѣми силами позволенья заботиться обо мнѣ—я не знаю, почему мнѣ не слѣдовало принять его предложеніе“. Но кропотливый ученый, „спеціалистъ“, какъ она выражается, для котораго нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ ходить и копаться въ библіотекахъ, а затѣмъ сидѣть и списывать старые пергаменты, смертельно надоѣдаетъ ей за брачное путешествіе. Его научныхъ и умственныхъ интересовъ она не раздѣляетъ, они остаются совершенно чужды ей. „Слышать разсказы объ исторіи культуры и утромъ, и вечеромъ, говоритъ она,—побывали бы вы на моемъ мѣстѣ“. За то самая его личность, его фигура, мѣшковатая, полная, отсутствіе въ немъ свѣтскаго лоска, изящныхъ манеръ, его растерянность, повтореніе постоянно словъ; „а-а?“ „представьте!“, эта полная противоположность ей, блестящей свѣтской дамѣ, утонченной, остроумной, съ каждымъ днемъ внушаютъ ей все большее и большее отвращеніе. Они отталкиваются другъ отъ друга, какъ два различныхъ электричества. Умный человѣкъ, съумѣвшій пріобрѣсть ея симпатію, возбудилъ-бы, можетъ быть, добрые инстинкты, не совсѣмъ подавленные въ ней. Но лицомъ къ лицу съ мужемъ, котораго она презираетъ, какъ ограниченнаго человѣка, и ненавидитъ, потому что никого лучшаго себѣ не достала, ея дурныя чувства получаютъ перевѣсъ и доводятъ ее до неистовства. Она безъ ужаса не можетъ вспомнить о своей брачной поѣздкѣ, оста-

вившей въ немъ самыя пріятныя воспоминанія въ видѣ архивной пыли и массы списанныхъ документовъ. „Почти полгода ни разу не встрѣтить человѣка, принадлежащаго хоть сколько-нибудь къ нашему кругу,—человѣкъ, съ которымъ можно было-бы поговорить о собственныхъ дѣлахъ!.. Вѣчно и всегда быть съ однимъ и тѣмъ же“! Къ этому раздраженію, все болѣе и болѣе усиливающемуся въ ней, присоединяется еще беременность, которую она тщательно скрываетъ; она испытываетъ отвращеніе къ будущему материнству, къ ребенку, долженствующему родиться отъ нелюбимаго презираемаго мужа, сношенія съ которымъ невыразимо унижаютъ ее. Она стыдится мужа, стыдится его буржуазнаго происхожденія,—она, дочь генерала!—стыдится его родныхъ, его буржуазной обстановки, стыдится своего будущаго ребенка. Ея нервы натянуты до послѣдней степени. Малѣйшая непріятность выводитъ ее изъ себя. Изъ-за пустяка она бѣшенно стискиваетъ руки, готова разразиться слезами. На нее находитъ желаніе наносить непріятности окружающимъ, оскорблять ихъ, изводить ихъ своими насмѣшками. „Это выше моихъ силъ“, говоритъ она, „я ничего не могу съ этимъ подѣлать“. При этомъ она испытываетъ еще горькое разочарованіе, когда узнаетъ о плохомъ матеріальномъ положеніи мужа, объ опасности конкуренціи, угрожающей ему со стороны Эйлерта Левборга. Она считала мужа, во первыхъ, состоятельнымъ человѣкомъ, дающимъ ей возможность держать ливрейнаго лакея, верховую лошадь, устраивать пріемы и т. д., во вторыхъ, выдающимся человѣкомъ въ своей спеціальности. Теперь оказывается, что отъ всѣхъ этихъ затѣй: лакея и т. п., приходится отказываться; брачная поѣздка и безъ того слишкомъ истощила скудные финансы скромнаго ученаго, а конкурентъ грозитъ отнять у него и обѣщанную ему карьеру. Она сразу хочетъ устроить пропасть между собою и мужемъ. Всѣ грозящія ему бѣды не должны имѣть никакого отношенія къ ней, къ Геддѣ Габлеръ. Когда онъ говоритъ „насъ“, она всякій разъ останавливаетъ его словомъ „тебя“. Мысль о беременности тяжелымъ кошмаромъ гнететъ ее. Возвращеніе бывшаго „товарища“ подливаетъ масла въ огонь. Оказывается, что онъ за это время успѣлъ остепениться и написать замѣчательную книгу, доставившую ему славу и извѣстность. Другая, еще болѣе замѣчательная книга, находится въ рукописи. Объ книги онъ написалъ подъ вліяніемъ женщины, бывшей подруги по пансіону Гедды, къ которой она относилась всегда самымъ презрительнымъ образомъ, какъ къ ничтожному, глупенькому существу. И вдругъ это ничтожество руководитъ человѣкомъ, импонирующимъ самой Геддѣ своимъ умомъ и своимъ страстнымъ, увлекающимся темпераментомъ, не знающимъ препятствій. Она рѣшаетъ покорить его вновь и вырвать его изъ рукъ Теи, мечтающей о томъ, чтобы обратить Левборга въ корректнаго и порядочнаго человѣка, нѣсколько на буржуазный ладъ, способнаго совладать со своими дурными инстинктами, излеченнаго отъ двухъ своихъ главныхъ пороковъ: разврата и пьянства. Этому идеалу Гедда противопоставляетъ другой, представляющій символъ красоты особаго, низменнаго рода: олицетвореніе излишествъ, апофеозъ чувственности—Бахуса, увѣнчаннаго виноградною лозою, съ ярко сверкающими глазами, со смѣлою, рѣшительною походкою, человѣка, возвратившагося съ горъ дисциплинированнымъ, она хочетъ возстановить въ прежнемъ, необузданномъ видѣ, вернуть ему его пылкость, смѣлость, порывистость. Она достигаетъ отчасти своей цѣли: Левборгъ напивается пьянъ, но возвращается къ ней не въ видѣ увѣнчаннаго виноградною лозою Бахуса, а въ видѣ несчастнаго развѣнчаннаго автора, потерявшаго въ пьяномъ видѣ свою драгоцѣнную рукопись, копіи которой у него не имѣется. Случайно нашедшій рукопись Тесманъ передаетъ ее женѣ, которая сжигаетъ сочиненіе Левборга, повторяя про себя съ торжествомъ и бѣшенствомъ: „Теперь я сжигаю твое дитя, Теа! Ахъ ты, кудрявая! Твое дитя и Эйлерта Левборга!“ Левборгъ чувствуетъ свое глубокое униженіе. Въ отчаяніи онъ не смѣетъ больше взглянуть въ глаза своей чистой, вѣрной Теи. Ему остается только умереть. Гедда съ злорадствомъ даетъ ему пистолетъ. Пусть онъ лучше умираетъ, чѣмъ остается подъ чарами дурочки! Только онъ долженъ умереть красиво. Хотя бы однимъ разъ, да увидѣть, почувствовать „что-нибудь дѣйствительно красивое!“ Узнавъ о его смерти отъ пистолетнаго выстрѣла, она торжествуетъ: „Какое облегченіе, говоритъ она, доставляетъ это событіе съ Эйлертомъ Левборгомъ... облегченіе знать, что на свѣтѣ можетъ дѣйствительно произойти нѣчто добровольно мужественное, нѣчто, проникнутое сіяніемъ невольной красоты. У Эйлерта Левборга хватало мужества жить, какъ ему хотѣлось. А теперь—у него хватило силы и воли удалиться съ жезненнаго пира—такъ рано“. Но и тутъ Гедду по-

стигаетъ разочарованіе. Левборгъ погибъ самымъ плачевнымъ образомъ у проститутки, отъ случайнаго пистолетнаго выстрѣла. Пуля попала не въ чело, украшенное виноградною лозою, и не въ гурдь,—„въ грудь хорошо!“ восклицаетъ Гедда,—а въ животъ. „И это еще? Ахъ, ахъ, это смѣшное, пошлое, которое, точно проклятье, ложится на все, къ чему я ни прикасаюсь!“ Ей самой угрожаетъ быть вызванной къ слѣдователю, если брать, узнавшій пистолетъ, заявитъ, что онъ принадлежитъ ей. Она оказывается во власти ассессора, зависитъ вполнѣ отъ его доброй воли. „Я значитъ, не свободна. Этой мысли я не вынесу. Ни за что въ мірѣ!“ Но это не все. Отъ рукописи Левборга сохранились у Теи замѣтки, и Тесманъ берется возстановить рукопись вмѣстѣ съ прежнею подругою Левборга. Онъ усаживается за работу, а Браку предоставляетъ развлекать жену. Эта ничтожная дурочка, воодушевлявшая прежде Левборга, собирается теперь воодушевлять и связанное съ Геддою ничтожество, Тесмана; „Я начинаю уже чувствовать нѣчто въ родѣ воодушевленія“, говоритъ Тесманъ. Это превосходитъ силы Гедды. Она играетъ бурную мелодію танца на фортепіано и стрѣляется. На этотъ разъ красота эффекта сохранена: Гедда Габлеръ прострѣливаетъ себѣ високъ. „Темная сила тяготѣетъ надъ нею,—говоритъ проф. Веселовскій: прошлое, все изящное тунеядство женщины, погоня за блескомъ и эффектомъ, за всѣмъ острымъ и пряннымъ, вражда къ свободной мысли и женскому развитію, взглядъ на жизнь, какъ на безконечный спортъ, пріятно щекочущій нервы... Пистолетный выстрѣлъ вполнѣ послѣдовательно заканчиваетъ ея ненужное существованіе, полное эгоизма, бѣшеной зависти, злорадства и жажды трескучихъ наслажденій“. Гедда — типъ вырожденія, она умѣетъ только губить все вокругъ себя, разрушать и умирать. И все же, говоритъ Брандесъ, мы не съ холоднымъ чувствомъ сожалѣнія узнаемъ о ея смерти. Ибсенъ съумѣлъ, не смотря на все, заинтересовать насъ своею Геддою, сдѣлать ее симпатичною намъ тѣмъ или инымъ способомъ. Она, несмотря на все—сила.

Гедда обрисована съ замѣчательнымъ мастерствомъ, чрезвычайно объективно. Впечатлѣніе, производимое ею, образуется не изъ рѣчей и разъясненій ея или дѣйствующихъ лицъ, а изъ цѣлой массы мелкихъ чертъ, намековъ, указаній, мелочныхъ поступковъ, разбросанныхъ по всей драмѣ. Все это искусство Ибсенъ направилъ на изображеніе своей героини. Остальныя дѣйствующія лица далеко не въ такой степени пользовались вниманіемъ автора. Ибсенъ въ этой драмѣ поступалъ такъ, какъ онъ поступалъ въ своихъ болѣе раннихъ произведеніяхъ: Геддѣ онъ противопоставилъ мягкую, кроткую Тею, которая, впрочемъ, вышла у него нарисованною довольно блѣдно и даже неправдоподобно во многихъ отношеніяхъ. Когда она расхаживаетъ съ карманами, набитыми замѣтками изъ рукописи Левборга, или усаживается съ Тесманомъ разбирать рукопись своего покойнаго друга въ то самое время, когда трупъ его еще не успѣлъ остынуть, вы невольно поражаетесь неправдоподобностью положенія. Ограниченному Тесману противопоставленъ геній Левборгъ, но на счетъ его геніальности вы должны повѣрить на слово автору и остальнымъ дѣйствующимъ лицамъ, не устающимъ говорить о ней. Самъ онъ не обнаруживаетъ ее въ пьесѣ ни единымъ словомъ, ни единымъ разумнымъ поступкомъ, ни единымъ искреннимъ порывомъ чувствъ. За то необыкновенно художественно, нѣсколькими штрихами, обрисована добродушная, любящая тетушка Юлія, съ ея неизсякаемымъ кладеземъ доброты и неусыпною заботливостью о другихъ.

Когда драма вышла въ свѣтъ, критики нашли въ ней много несообразностей, которыя ставили на видъ автору. „Но съ подобнаго рода упреками, говоритъ Брандесъ, надо всегда быть осторожными, когда имѣешь дѣло съ такимъ великимъ поэтомъ. Особенно часто указывали на два обстоятельства: во-первыхъ, на то, что Левборгъ потерялъ свою рукопись—это никогда не дѣлается, говорили критики; во-вторыхъ на то, что Гедда сожгла рукопись;—это также никогда не дѣлается. Между тѣмъ здѣсь же на сѣверѣ многимъ извѣстенъ случай, когда жена одного композитора въ припадкѣ ревности сожгла симфонію, только что оконченную ея мужемъ, и другой случай, когда одинъ романистъ въ пьяномъ видѣ утерялъ рукопись только что оконченнаго романа. Надо прибавить, что оба, и композиторъ, и романистъ, принадлежали къ числу первокласныхъ художниковъ. Вообще нѣтъ предѣловъ, чего не можетъ сдѣлать мужчина въ опьяненіи, а женщина въ припадкѣ ревности“.

Въ 1891 г. Ибсенъ вернулся на родину и поселился окончательно въ ней. Въ противоположность его молодымъ годамъ, когда жизнь на родинѣ съ такимъ трудомъ давалась ему, теперь, на старости

лѣтъ, онъ пользовался громадною популярностью среди своихъ соотечественниковъ, которые преклонялись передъ нимъ, какъ передъ человѣкомъ, прославившимъ на весь міръ Норвегію. На родинѣ же, въ 1892 г. Ибсенъ издалъ драму „Зодчій Сольнесъ“, но такъ какъ это—чисто символическое произведеніе, похожее по настроенію на послѣднія его произведенія, то мы сначала скажемъ нѣсколько словъ о драмѣ „Маленькій Эйольфъ“, вышедшей въ 1894 г. Лозунгомъ этой пьесы, по мнѣнію Брандеса, могутъ быть слѣдующія слова: Рита. Мы земные люди. Альмерсъ. Но мы сродни также и небу, и морю, Рита.

Героиня „Маленькаго Эйольфа“, мать мальчика, Рита, такая же порывистая, страстная, необузданная женщина, какъ Іордисъ, Маргретъ, Гедда Габлеръ и другія ибсеновскія женщины демоническаго типа. Она описывается Ибсеномъ, какъ красивая, полная бѣлокурая дама, лѣтъ около 30. Вышла она замужъ по страстной любви за литератора и бывшаго учителя Альмерса, представлявшаго полную противоположность ей. Это человѣкъ лѣтъ 36—37, съ кроткими глазами и серьезнымъ, мыслящимъ выраженіемъ на лицѣ. Насколько жена принадлежитъ землѣ, насколько въ ней сильны всѣ земныя страсти, настолько онъ всецѣло погруженъ въ свой внутренній духовный міръ. Мы видимъ ее въ первомъ дѣйствіи послѣ встрѣчи съ мужемъ, послѣ его пріѣзда изъ шестинедѣльнаго путешествія. Отсутствіе мужа было страшно мучительно для Риты. „Какъ мнѣ недоставало Альмерса послѣ его отъѣзда, ты и представить себѣ не можешь! говоритъ она: я ощущала такую пустоту. Вѣдь я ни разу не разставалась съ нимъ за всѣ эти десять лѣтъ“. Она ужасно страдаетъ отъ равнодушія, сквозящаго во всѣхъ отношеніяхъ мужа къ пей, отъ усталости и пресыщенія, причиняемыхъ ему ея ласками. Получивъ телеграмму о его пріѣздѣ, она одѣвается во все бѣлое, распускаетъ свои роскошные бѣлокурые волосы, надѣваетъ на обѣ лампы розовые абажуры, ставитъ на столъ шампанское. Но—„шампанскаго чаша искрилась, а ты не коснулся ея“. Чувство мучительной злобы и ревности овладѣваетъ ею. Она ревнуетъ его къ сестрѣ Асгѣ, къ маленькому сыну, къ его книгѣ, которой онъ посвящаетъ всѣ дни. Она ненавидитъ его работу. Она хочетъ, чтобы мужъ принадлежалъ всецѣло ей. „Не нужно мнѣ твоей тихой задушевной любви, говоритъ она. Я хочу обладать тобой всецѣло, и одна. Я ни за что въ мірѣ не удовлетворюсь жалкими остатками и объѣдками“. Она грозитъ мужу отомстить ему за его равнодушіе, броситься въ объятія первому встрѣчному.

Альмерсъ женился на Ритѣ, увлекаясь отчасти ея красотою, отчасти ея „золотомъ и зелеными лѣсами“. До сихъ поръ Ибсенъ описывалъ браки по разсчету со стороны женщинъ, онъ впервые берется теперь за изображеніе брака, въ которомъ „продаетъ себя“ мужчина. Сначала Рита возбуждала въ Альмерсѣ только страхъ, страхъ изощреннаго умственно человѣка, жившаго до сихъ поръ исключительно умственною жизнью, передъ полнымъ жизни, земнымъ, чувственнымъ существомъ. Но затѣмъ ея чувство заражаетъ Альмерса. Ея пламенная красота увлекаетъ и его. Женитьба на богатой дѣвушкѣ доставляетъ ему возможность вести обезпеченное существованіе, работать и устраиваться, какъ ему того хотѣлось, предаваться исключительно литературнымъ занятіямъ. Онъ задумалъ еще въ молодости написать книгу о человѣческой отвѣтственности. Вотъ онъ и сидитъ теперь надъ нею изо дня въ день, наклонившись надъ столомъ, пишетъ иногда цѣлыя ночи напролетъ, пишетъ большую толстую книгу, которая должна сдѣлаться главнымъ дѣломъ его жизни. Но вдругъ на него начинаетъ находить раздумье. Его смущаетъ чувство, что онъ какъ будто злоупотребляетъ, пренебрегаетъ своими высшими обязанностями, даромъ тратитъ свое время. Онъ начинаетъ мучиться недовѣріемъ къ себѣ, начинаетъ сомнѣваться, есть ли у него призваніе, изъ за котораго стоитъ жить; онъ чувствуетъ стремленіе къ чему-либо новому, что могло-бы всецѣло завладѣть имъ. Въ немъ все съ большею и большею силою возникаетъ сознаніе обязанностей, возложенныхъ на него не относительно жены, не относительно другихъ людей, но относительно маленькаго Эйольфа, искалѣченнаго по винѣ родителей. Сфера дѣятельности его сразу съуживается. Въ силу своей природы онъ не можетъ раздваиваться между двумя задачами—писать книгу объ отвѣтственности и дѣйствовать сообразно съ выставленными ею правилами. Онъ хочетъ доказать всею своею жизнью, какъ велика человѣческая отвѣтственность. До сихъ поръ онъ относился къ сыну болѣе, чѣмъ равнодушно. Онъ никогда не любилъ его настоящею любовью. Онъ терпѣлъ его, чувствуя смутные укоры совѣсти при видѣ костыля... Теперь, побывавъ въ горахъ, на высотѣ, почувствовавъ себя ближе къ звѣздамъ,

онъ рѣшается внезапно совершенно отрѣшиться отъ себя, посвятить всю свою жизнь Эйольфу и сдѣлать изъ него счастливое и совершенное существо. Онъ предлагаетъ и женѣ трудиться вмѣстѣ съ нимъ надъ этою задачею и заставить замолкнуть свое пылающее любовью къ нему сердце. Онъ старается убѣдить ее, что „года дѣлаютъ свое, люди мѣняются,—такая же перемѣна должна произойти и въ нашей совмѣстной жизни—какъ и у всѣхъ“. Все на свѣтѣ подчиняется закону перемѣнъ, въ силу котораго человѣческія чувства образуются, измѣняются, исчезаютъ и появляются въ новомъ видѣ, перевоплощаются. Но Рита рѣшительно отвергаетъ всякія сдѣлки и примиренія. Она любитъ и хочетъ быть любимой, всецѣло, нераздѣльно. Смерть сына-калѣки производитъ оглушающее дѣйствіе. Она отымаетъ цѣль жизни у отца, а у матери энергію и способность бороться и отстаивать свои права.

„При всякомъ событіи, говоритъ Брандесъ, которое разражается надъ нашею жизнью въ видѣ внезапнаго несчастья, возникаетъ двойственный вопросъ. Прежде всего о причинѣ или винѣ—употребляя теологическое выраженіе,—или отвѣтственности, употребляя нравственно-юридическое;—затѣмъ о значеніи случившагося, объ употребленіи, которое можетъ быть сдѣлано изъ несчастья, о томъ, какую пользу оно можетъ принести, если вообще оно можетъ повести къ какимъ-нибудь другимъ послѣдствіямъ, а не только къ горю. Такимъ знаменательнымъ событіемъ въ жизни дѣйствующихъ въ драмѣ лицъ является смерть Эйольфа“.

„Размышленія о причинѣ, винѣ, отвѣтственности приводятъ къ слѣдующему выводу: источникъ всего несчастья—объятіе, во время котораго забытое на столѣ дитя упало и обратилось въ калѣку, и которое возбуждаетъ въ читателѣ почти толстовское негодованіе противъ „земныхъ людей“ и природныхъ влеченій при томъ свѣтѣ, какой набрасывается имъ на здоровыя, пылкія любовныя отношенія, существующія между мужемъ и женою. У Ибсена всегда замѣчалась двойственность въ этомъ отношеніи; онъ защищаетъ природу и въ то же время бичуетъ ее своею мистическою моралью, только такъ, что иногда первый голосъ принадлежитъ природѣ, а другой разъ морали и наоборотъ. Въ „Сольнесѣ“ и „Привидѣніяхъ“ поклонникъ природы преобладаетъ въ Ибсенѣ, въ „Брандѣ“ и „Дикой уткѣ“ преобладаетъ бичующій ее моралистъ“.

„Другимъ важнымъ вопросомъ является вопросъ о значеніи случившагося. Смерть маленькаго Эйольфа кажется такимъ мелкимъ событіемъ, которое не могло-бы, повидимому, привесть ни къ какимъ другимъ послѣдствіямъ, какъ только къ мученіямъ, обвиненіямъ и самобичеваніямъ со стороны родителей и къ ожесточенію ихъ другъ противъ друга. Но событія имѣютъ только тотъ смыслъ и значеніе, какіе мы сами придаемъ имъ, благодаря представленію, составленному нами о нихъ, и употребленію, которое мы изъ нихъ дѣлаемъ. И вотъ такимъ именно совершенно неожиданнымъ образомъ Ибсенъ къ концу пьесы придаетъ несчастью, случившемуся съ Эйольфомъ, совершенно особое значеніе и освѣщеніе, благодаря рѣшенію Риты. Оказывается, что маленькій Эйольфъ не напрасно жилъ и умеръ, разъ его смерть привела къ тому, что Рита и Альмерсъ посвящаютъ себя великому человѣколюбивому труду, заботѣ о чужихъ дѣтяхъ“.

Страстная, полная жизни Рита, еще наканунѣ упрекавшая мужа за то, что „шампанскаго чаша искрилась, но ты не коснулся ея“, совершенно покоряетъ свой чувственный темпераментъ, свою тяготѣющую къ землѣ натуру. Она рѣшаетъ во имя Эйольфа собрать къ себѣ всѣхъ бѣдныхъ, покинутыхъ дѣтишекъ деревни и воспитывать ихъ, какъ родныхъ дѣтей. Она перевоспитываетъ себя, будетъ съ этою цѣлью учиться и упражняться. Мужъ создалъ въ ея духовномъ мірѣ пустоту, и теперь она хочетъ наполнить ее чѣмъ-нибудь, хоть немного похожимъ на любовь. Она хочетъ, подобно своему мужу, отречься отъ себя и глядѣть вверхъ, на верхушки горъ, на звѣзды, идти на встрѣчу великой тишинѣ. Мужъ присоединяется къ ней, и они заключаютъ союзъ на новыхъ основаніяхъ—самоотреченія и жизни для другихъ. Эта неожиданная развязка поражаетъ неподготовленнаго къ ней читателя, и кажется тѣхъ болѣе неестественною, что до сихъ поръ въ Ритѣ не замѣчалось и тѣни человѣколюбія.

Изъ дѣйствующихъ лицъ наиболѣе ярко и естественно (кромѣ финала) изображена Рита. Только великій знатокъ человѣческаго сердца, говоритъ Брандесъ, могъ создать этотъ типъ ревниво-любящей женщины. Альмерсъ меньше заинтересовываетъ читателя. Онъ обладаетъ болѣе утонченными чувствами, чѣмъ Рита, но въ то же время слабѣе ея въ своей духовной безплодности, кромѣ того, менѣе великодушенъ, необуздан въ своей печали, недо-

стойно мелоченъ въ своихъ нападеніяхъ на подавленную горемъ женщину. Крысоловка производитъ какое-то дикое впечатлѣніе. Вѣроятно, Ибсенъ, выводя на сцену эту женщину, увлекся совершенными открытіями о странныхъ гипнотическихъ явленіяхъ. Брандесъ утверждаетъ, что въ образѣ Крысоловки олицетворяется смерть; Штейгеръ считаетъ, что она символизируетъ море.

VII.

Три слѣдующихъ произведенія: „Зодчій Сольнесъ“, „Джонъ Габріель Боркманъ“ и „Когда мы, мертвые, пробуждаемся“, посвящены поэтомъ изложенію трагедіи старости. Самоотреченіе, одухотвореніе, подавленіе плотскихъ желаній и страстей,— вотъ въ чемъ заключается теперь задача поэта. Первые проблески новаго лозунга проявились въ „Женщинѣ съ моря“; они громче звучатъ въ „Маленькомъ Эйольфѣ“, и еще сильнѣе раздаются въ двухъ предпослѣднихъ новыхъ пьесахъ. „Чувство молчитъ, бодрствуетъ только умъ, „говоритъ Штейгеръ“. Жизнь умерла, живо только одно воспоминаніе о быломъ, не только у поэта, но и у созданныхъ имъ людей Мы невольно улыбаемся, читая, какъ пѣвецъ Норы и Елены Альвингъ восхваляетъ подавленіе природы и торжество долга надъ страстью. Тѣмъ не менѣе это разоблаченіе самыхъ сокровенныхъ думъ и чувствъ приближающагося къ смерти поэта чаруютъ насъ своею внутреннею лирическою правдою. Что-то одновременно торжественное и утѣшительное носится надъ этими послѣдними произведеніями маститаго автора. Когда читаешь ихъ, кажется, будто смотришь на прекрасную, медленно погасающую вечернюю зарю“.

Всѣ герои послѣднихъ пьесъ Ибсена, люди выдающіеся, исключительныя натуры, приближаясь къ закату своихъ дней, испытываютъ горькое разочарованіе за прошлую, заканчивающуюся жизнь, принесшую имъ въ концѣ концовъ только тяжелое чувство неудовлетворенности. Силы оставляютъ, прежняя энергія и жизнедѣятельность покидаетъ ихъ, они мечутся изъ стороны въ сторону, ищутъ исхода, ищутъ жизненнаго элексира, который могъ-бы поддержать ихъ, обновить, хватаются за первую попавшуюся въ руки соломинку, Сольнесъ за Гильду, Боркманъ за убѣгающаго изъ семьи сына Эргардта, Рубекъ за Ирену, стремятся въ высь, на просторъ, на верхушки горъ, но соломенки ломаются, они скрываются и разбиваются въ прахъ. Никакого просвѣта! Слишкомъ поздно! Lasciate ogni speranza, voi chi entrate, вы, переступившіе за порогъ жизни и слишкомъ поздно замѣтившіе ея безплодность и пустоту, а также сдѣланныя по пути ошибки! „Pax vobiscum!“ восклицаетъ Ибсенъ вмѣстѣ съ діакониссою.

Драма „Зодчій Сольнесъ“ въ полуаллегорической, полуреальной формѣ описываетъ трагедію, переживаемую выдающимся, но старѣющимся художникомъ, со всѣми затаенными желаніями, мыслями, страхами и капризами, жестокостью и ребячествомъ старости. Эта старость воплощается въ лицѣ зодчаго Сольнеса, который въ то же время символизируетъ отчасти и Ибсена, его художественную дѣятельность.

Сольнесъ началъ жизнь бѣднымъ крестьянскимъ мальчикомъ. Счастье ему невѣроятно благопріятствовало, именно счастье, потому что геніальнымъ человѣкомъ Сольнеса нельзя назвать. Мы не можемъ судить о цѣнности его работъ, и въ то же время не замѣчаемъ въ немъ чисто художественныхъ стремленій, чисто умственнаго воодушевленія, которыя могли бы свидѣтельствовать передъ ними о его талантѣ. Единственныя слова съ глубокимъ смысломъ, которыя онъ произноситъ о своемъ искусствѣ, это что онъ можетъ строить дома только для тѣхъ людей, которыхъ знаетъ. Между тѣмъ, благопріятствуемый, какъ мы уже говорили, счастьемъ, онъ подавляетъ все и вся на своемъ пути. Съ самаго начала своей дѣятельности онъ отличался глубокимъ эгоизмомъ, и этотъ эгоизмъ, заставлявшій его устранять всѣ препятствія, мѣшавшія ему идти впередъ, все, болѣе сильное и могучее, чѣмъ онъ, побуждаетъ его въ старости бояться всякаго молодого человѣка, обнаруживающаго дарованіе, опасаться, что въ лицѣ его появится будущее свѣтило, которое заставитъ померкнуть его собственную звѣзду. Отношенія Сольнеса къ Рагнару тѣмъ болѣе недостойны, что онъ убѣжденъ въ превосходствѣ Рагнара надъ собою. Одновременно съ этою жестокостью, себялюбіемъ и т. д. въ Сольнесѣ замѣчается и щепетильность, сильно развитая наклонность къ самокритикѣ и болѣзненная чуткость совѣсти, заставляющая его вмѣнять себѣ въ вину и преступленіе свои эгоистическія желанія, свои неопредѣленныя надежды. Онъ безпощадно борется, защищая достигнутое имъ въ художественномъ мірѣ высокое положеніе и непрестанно мучаетъ себя угрызеніями совѣсти по поводу жертвы, обусловившей его успѣхъ, въ особенности по по-

воду несправедливости, оказанной имъ женѣ. Что семейное счастье рѣдко выпадаетъ на долю талантливыхъ людей, уже по тому одному, что избираемая ими въ молодости женщина съ трудомъ можетъ слѣдовать за ними въ ихъ духовномъ и умственномъ развитіи,—это испытываетъ Сольнесъ на себѣ и неоднократно высказывается въ этомъ смыслѣ: „Ни одного проблеска свѣта, ни одного яснаго луча въ своемъ собственномъ домѣ“, говоритъ Сольнесъ... „Чтобы доставить себѣ возможность строить дома для другихъ, я долженъ былъ отказаться навсегда отъ надежды создать себѣ собственный домъ. Все, что я достигъ, когда дѣйствовалъ, строилъ, создавалъ, вся та красота, уютность, весь тотъ спокойный комфортъ, все то возвышенное также—на все я долженъ былъ смотрѣть и все извѣшивать. За все платить. Не деньгами, нѣтъ. Но человѣческимъ счастьемъ. И не только моимъ счастьемъ, но и счастьемъ другихъ. Этою цѣною куплено было мое положеніе художника“. Ему кажется теперь, что именно потому, что онъ такъ дорого заплатилъ за свое мѣсто въ жизни, онъ имѣетъ право одинъ строить и сокрушать всѣхъ своихъ соперниковъ.

Ему не нужно было много напрягать свои силы, чтобы выдвинуться впередъ. Онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ не одинъ. Случайности—слуги и помощники, какъ онъ называетъ ихъ на своемъ языкѣ—повиновались ему и помогали, какъ то было раньше съ королемъ Гокономъ въ „Претендентахъ на корону“. Но по мѣрѣ того, какъ его душевная жизнь развивается все въ болѣе и болѣе болѣзненномъ направленіи, Сольнесу начинаетъ казаться, что стоитъ ему что-нибудь пожелать, и его желаніе исполняется, что онъ обладаетъ какою-то гипнотическою силою, дѣйствующею безъ гипноза, въ особенности на женщинъ. Онъ проявлялъ ее въ отношеніи къ Кайѣ, и, повидимому, и относительно Гильды. Сольнесъ углубляется въ эти мысли и страхи, и ему начинаетъ казаться, что окружающіе подозрѣваютъ въ немъ больного умственно человѣка; и дѣйствительно въ его умственномъ строѣ замѣчается болѣзненное настроеніе, переходящее мало по малу въ экзальтацію, во время которой онъ и совершаетъ свое безумное восхожденіе на верхушку башни.

Тотъ самый человѣкъ, который въ первыхъ сценахъ драмы далеко не выказываетъ душевнаго величія, показался именно въ ореолѣ такого величія десять лѣтъ тому назадъ Гильдѣ, когда она двѣнадцатилѣтнею дѣвочкою увидала его стоявшимъ свободно на самой верхушкѣ колокольни и возлагавшимъ на нее вѣнокъ. Это полученное впечатлѣніе и послѣдовавшее затѣмъ неожиданное сближеніе ихъ образовало между ними таинственный союзъ. Въ теченіе десяти послѣдующихъ лѣтъ она жила воспоминаніями о немъ и надеждою на полученіе отъ него обѣщаннаго королевства. Такъ какъ онъ все не давалъ знать о себѣ, она въ назначенный день является сама къ нему какъ разъ въ ту минуту, когда онъ со страхомъ ждетъ вторженія враждебной ему молодежи,—является передъ нимъ олицетвореніемъ молодежи, надѣющейся на него и вѣрующей въ него. Но за то время, какъ они не видѣлись, онъ очень измѣнился. Тогда онъ строилъ церкви и высокія колокольни, потомъ онъ сталъ строить дома для людей, для отцовъ, матерей и дѣтей, но въ концѣ концовъ извѣрился и въ это, и ничего больше не хочетъ строить. „Строить дома для людей—ровно ничего не стоитъ: люди не нуждаются въ домахъ, чтобы быть счастливыми“. Въ то же время онъ сталъ страдать головокруженіемъ. „Онъ не можетъ, онъ не смѣетъ подняться такъ высоко, какъ высоко онъ самъ строитъ“, говоритъ о немъ Рагнаръ. „Отнять у другихъ людей счастье жизни—этого онъ не боится, но подняться на какіенибудь жалкіе лѣса—Боже сохрани, на это онъ никогда не рѣшится!“

Гильда хочетъ восхищаться имъ по прежнему, хочетъ увидать его опять вверху надъ толпою, на высотѣ. Это ея желаніе символизируется въ требованіи, чтобы онъ поднялся на верхъ башни своего строющагося дома и возложилъ на ея шишъ вѣнокъ. Но прежде всего онъ долженъ очистить себя отъ всякихъ мірскихъ пошлыхъ вожделѣній, злобной мелочности и т. д. Онъ долженъ подняться вверхъ не только физически, но и духовно. Онъ долженъ дать Рагнару удостовѣреніе, что его чертежи составлены правильно и такимъ образомъ очистить молодому человѣку путь къ самостоятельной дѣятельности. „Мы напишемъ такъ хорошо, такъ искренно и тепло“, говоритъ Гильда Самъ онъ никогда не рѣшился-бы на это, но она побуждаетъ его. Она уничтожаетъ въ немъ боязнь высоты, боязнь головокруженія, и онъ, извѣровавшійся въ счастье, соглашается строить единственное, гдѣ можетъ найти себѣ пріютъ человѣческое счастье,—воздушный замокъ, потребованный отъ него

Гильдою. Этотъ замокъ долженъ стоять на очень возвышенномъ мѣстѣ, очень высоко. Съ него долженъ открываться видъ на всѣ стороны. Такъ, чтобы можно было смотрѣть далеко, далеко во всѣхъ направленіяхъ. И на этомъ замкѣ должна быть высокая башня, страшно высокая, а на самомъ верху башни слѣдуетъ устроить балконъ. На этомъ балконѣ собирается стоять Гильда; она хочетъ, что бы зодчій поднялся также на балконъ и смотрѣлъ съ него внизъ на тѣхъ, что строятъ церкви и дома для отцовъ, матерей и для дѣтворы. Сольнесъ рѣшаетъ подняться вверхъ, потому что рука объ руку съ Гильдою онъ ничего не боится. Побуждаемый ею, онъ съ вѣнкомъ въ рукѣ подымается на верхушку башни только что отстроеннаго своего дома и расшибается, падая съ лѣсовъ. „А все же онъ взошелъ на самую верхушку... Мой—мой зодчій!“ восклицаетъ съ восторженнымъ чувствомъ торжества Гильда и въ страстномъ порывѣ манетъ вверхъ шляпою.

Если смотрѣть на эту драму, какъ на обыкновенную фабулу, получается, конечно, верхъ нелѣпости. Что за странная оцѣнка таланта и значенія архитектора съ той точки зрѣнія, можетъ ли онъ подняться на верхъ строющагося по его плану зданія или нѣтъ! Что за сумасшедшая дѣвушка, примчавшаяся еще до назначеннаго срока къ человѣку, давшему ей обѣщаніе, когда ей было всего 12 лѣтъ! Что за дикое требованіе, предъявленное къ человѣку, страдающему головокруженіемъ, чтобы онъ поднялся на верхъ башни и затѣмъ ужъ вернулся и поцѣловалъ любящую его дѣвушку! Что за дикія фантазіи,—строить воздушные замки и т. д.! Но если представить себѣ, что Гильда является символомъ утраченной молодости, поднятіе на колокольню—символомъ возвышенныхъ чувствъ, замысловъ и цѣлей, которые воодушевляютъ души и умы людей въ молодости, и отъ которыхъ они быстро отрѣшаются въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, то вся драма представится намъ совершенно въ иномъ видѣ. Сольнесъ—это робкая, страдающая укорами совѣсти старость, горячо тоскующая объ утраченной молодости, опасающаяся, чтобы дѣятельная, энергичная молодежь, въ лицѣ Рагнара Бровика, не оттѣснила его на задній планъ. Нѣкоторое время эта молодежь сдерживается, благодаря пылкому поклоненію одного изъ ея членовъ, Кайи. Но тутъ внезапно нахлынуло воспоминаніе о собственной молодости, въ лицѣ Гильды; старости мерещится, что прежняя сила вернулась къ ней, она ослабляетъ узы, сдерживающія ея противниковъ, пускаетъ на волю своего конкурента, подымается вверхъ на башню, чтобы позорнымъ образомъ скатиться съ нея. Профессоръ Веселовскій приводитъ другое толкованіе, слышанное Гюгомъ Леру изъ устъ самаго маститаго автора. „Сольнесъ—это самъ Ибсенъ, Гильда—это молодое поколѣніе съ его требованіями отъ любимаго нѣкогда поэта; различные періоды въ творчествѣ зодчаго—это переходы въ ибсеновской драматургіи; отважное рѣшеніе взойти наверхъ лѣсовъ, хотя бы это стоило жизни—символъ новаго порыва къ идейной высотѣ, который долженъ достойно завершить многолѣтнюю работу, посвященную исканію истины“.

Символизмъ прекрасно ужившается въ Ибсенѣ съ натурализмомъ, потому что противоположности въ натурѣ самаго Ибсена приводятъ его одновременно къ реальному изображенію дѣйствительности и къ мистикѣ. Сольнесъ, разбираемый отдѣльно отъ его символическихъ дѣйствій и размышленій, совершенно реальное живое лицо. Окутывающій его символизмъ только рельефнѣе заставляетъ выступать впередъ овладѣвающее имъ настроеніе. При этомъ надо сказать, что Ибсенъ съ замѣчательнымъ искусствомъ развиваетъ свои символы, заставляя своего читателя жить все время въ символической атмосферѣ, и не давая проникать въ эту атмосферу ни одному дуновенію здраваго человѣческаго смысла, отъ чего вся символическая постройка мигомъ разлетѣлась бы въ пухъ и прахъ. Стоило бы, напр., хотя бы одному изъ дѣйствующихъ лицъ усумниться въ значеніи для архитектора обстоятельства, можетъ ли онъ подняться на верхушку лѣсовъ или нѣтъ, и все символическое настроеніе сразу было-бы нарушено.

Всѣ разсужденія о Сольнесѣ могутъ быть повторены и относительно Гильды. Это также вполнѣ живой типъ, съ которымъ мы познакомились раньше, въ драмѣ „Женщина съ моря“. Она походитъ на маленькую кошечку, которая играется съ людьми только для того, чтобы царапать ихъ. Чахоточнаго скульптора Люнгстранда она заставляетъ подыматься быстро на горы и смѣется надъ нимъ, когда у него не хватаетъ дыханія, и она же до тѣхъ поръ дразнитъ и возбуждаетъ стараго зодчаго Сольнеса, пока онъ изъ любви къ ней не подымается на башню и не

разбиваетъ себѣ голову. Жестокость—наиболѣе выдающаяся въ ней черта. О больномъ Люнгстрандѣ она говоритъ сестрѣ: „О, ему не долго жить. Такъ интересно представлять себѣ это!“ А разсказывая Сольнесу, какъ она видѣла его въ Люзангерѣ на верху колокольни, она опять прибавляетъ: „Это было такъ интересно, такъ прекрасно“. Все, что возбуждаетъ страхъ и ужасъ, неудержимо привлекаетъ ее. Если изъ Гедвиги Экдаль вышла-бы вторая г-жа Альвингъ, то Гильда разовьется, навѣрное, въ Гедду Габлеръ.

Боркманъ, герой драмы „Джонъ Габріель Боркманъ“, вышедшей въ 1896 г.,—это Сольнесъ, которому измѣнило счастье. Онъ самъ говоритъ, что чувствуетъ себя, точно Наполеонъ, который былъ превращенъ въ калѣку во первомъ своемъ сраженіи. Это въ то же время и Берникъ, безъ его низости и лицемѣрія, Берникъ, пожертвовавшій изъ за денегъ одною сестрою и женившійся на другой. Еще въ дѣтствѣ слышалъ онъ, сынъ рудокопа, какъ поетъ руда, когда удары молота освобождаютъ ее изъ заточенья, какъ она рвется на волю, потому что ей хочется выйти на свѣтъ Божій и служить людямъ. Пѣснь руды увлекла его. „Я слышалъ зовъ связанныхъ металловъ, я чувствовалъ, какъ жилы руды протягивали мнѣ свои скрюченныя, развѣтвленныя руки, призывая меня“. „Металлы лежали глубоко скованными въ горахъ и призывали меня къ себѣ, молили меня освободить ихъ“. Никто не слышалъ этого зова, только онъ одинъ. И онъ повиновался ему. Онъ хотѣлъ обогатить страну, открыть въ ней богатую промышленную жизнь, покрыть ее тысячью фабрикъ, дѣйствующихъ днемъ и ночью, заставить массы пароходовъ, служащихъ соединительными нитями между всей землей, сновать по фіорду, создавать свѣтъ и вносить тепло въ души многихъ, многихъ тысячъ. Онъ хотѣлъ завладѣть всѣми богатствами, накопленными моремъ, землею, горами и лѣсами, сосредоточить всю власть въ своихъ рукахъ и сдѣлаться благодѣтелемъ для многихъ, многихъ тысячъ. Боркманъ не первый попавшійся въ руки правосудія банковый мошенникъ, завладѣвающій чужими капиталами, отданными на храненіе,—это обладающій богатою фантазіею прожектеръ, котораго привлекаетъ не личная польза, не личный барышъ, а неудержимое стремленіе къ могуществу и власти, и вся романтика биржевой игры. Увлекаясь своими фантазіями, онъ совершаетъ преступленіе. Милліоны носились передъ нимъ,—точно живыя тѣни, въ ту ночь, когда онъ стоялъ въ подвалахъ банка съ свѣчею въ рукахъ. „Вы хотѣли тогда, чтобы я освободилъ васъ. И я попробовалъ сдѣлать это. Но не въ силахъ былъ исполнить своего желанія. И вотъ сокровище вновь погрузилось въ землю“. Измѣна грянула въ самый рѣшительный день, и Боркманъ погибъ. Послѣ выхода изъ тюрьмы онъ восемь лѣтъ прохаживается въ залѣ своего дома, въ глубокомъ уединеніи, надѣясь, что оставшіеся послѣ него дѣятели почувствуютъ нужду въ его помощи и придутъ къ нему. Тысячи новыхъ плановъ роятся у него въ головѣ. Все, что создано было до сихъ поръ, только передовые посты того царства, которое онъ намѣренъ былъ создать, и которое разстилается теперь беззащитное, оставленное своимъ господиномъ, открытое для нападеній и грабежей разбойниковъ. „Я люблю васъ, „восклицаетъ онъ въ экстазѣ“, васъ, лежащихъ какъ бы мертвыми въ нѣдрахъ земли, въ темнотѣ. Я люблю васъ, стремящіяся къ жизни сокровища—со всей вашей блестящей свитой властп и почестей. Я люблю, люблю, люблю васъ!“ Но никто не является. Тяжелое чувство сомнѣнія закрадывается въ него. Мысль о томъ, что онъ уже мертвъ, завладѣваетъ имъ. Тогда и у него, какъ у всѣхъ героевъ Ибсена съ разбитою жизнью, является неудержимое желаніе вырваться на свѣтъ, на просторъ, „идти впередъ, пока хватитъ силъ“. На верху горы его надежда пробудить дремлющихъ духовъ золота окончательно погибаетъ. Ледяная рука руды хватаетъ его за сердце, и онъ умираетъ.

Не говоритъ-ли въ образѣ этого околдованнаго золотомъ банковаго вора самъ капитализмъ? спрашиваетъ Штейгеръ, которому Элла Рентгеймъ представляется въ образѣ человѣчества, когда она, возмущенная, бросаетъ въ лицо умирающему упрекъ, что онъ убилъ въ ней жизнь любви. „Поэтому предсказываю тебѣ,—ты никогда не получишь той платы, которую потребовалъ за убійство. Ты никогда не совершишь побѣдоноснаго шествія въ свое холодное царство“.

„Убить жизнь любви“! Этотъ упрекъ часто повторяется героинями Ибсена, которыя становятся жертвами мужского чувства долга, мужского честолюбія, своекорыстія, увлеченія своею дѣятельностью и т. д. Вспомнимъ Іордисъ, Риту, Алину, Эллу, Ирену. „Въ Библіи говорится“, вос-

клицаетъ Элла Рентгеймъ, „о таинственномъ грѣхѣ, для котораго нѣтъ прощенія. Я раньше никакъ не могла понять, что это за грѣхъ. Теперь я понимаю. Великій грѣхъ, для котораго нѣтъ прощенія, это умертвить жизнь любви въ другомъ человѣкѣ“. И Ибсенъ, повидимому, вполнѣ согласенъ съ этими словами.

Какъ во многихъ другихъ своихъ пьесахъ, Ибсенъ въ „Джонъ Габріель Боркманъ“ сосредоточиваетъ всѣ свои усилія на обрисовкѣ главнаго дѣйствующаго лица; остальныя вышли у него довольно блѣдными. Интересна точка зрѣнія Ибсена на единственнаго представителя молодого поколѣнія, являющагося въ этой драмѣ, Эргарта, на которомъ сосредоточиваются всѣ надежды и любовь остальныхъ лицъ. Обѣ сестры ревниво борятся за него. Мать боготворитъ сына и считаетъ его призваннымъ „выполнить высокую миссію“, сдѣлаться великимъ человѣкомъ, прославить свое имя на всю страну и спасти честь рода, втоптанную въ грязь Боркманомъ. Гордая, великодушная пріемная мать, жизнь которой виснетъ на волоскѣ, пріѣзжаетъ доживать ее съ нимъ. Отецъ также обращается къ сыну съ просьбою пойти рука объ руку съ нимъ, приняться за дружную работу и помочь стать ему на ноги. Но оказывается, что ни мать, ни тетка, ни отецъ не обладаютъ имъ и никогда не обладали. Ихъ цѣли, ихъ желанія, ихъ жизнь чужды ему. Правда, мать распорядилась его судьбою, не спрашивая его согласія, но все же родители и въ особенности его пріемная мать оказываются болѣе возвышенными, сильными и глубокими натурами, чѣмъ сынъ. Всѣ требованія, предъявляемыя къ нему представителями стараго поколѣнія, отражаются безплодно отъ него въ виду его полной ничтожности, его жаждущаго наслажденія духа, его не знающаго привязанности сердца. „Я молодъ“, отвѣчаетъ онъ матери, „я не могу посвятить свою жизнь на искупленіе жизни другого“. Съ отцомъ онъ отказывается работать. „Я молодъ“, отвѣчаетъ онъ ему. „Я хочу жить, хочу жить собственною жизнью. Я не хочу работать. А только жить, жить, жить“. Наслажденіе жизнью и эгоизмъ возводятся у него въ идеалъ. Онъ отказывается также „озарить лучомъ счастья послѣднія минуты бѣднаго умирающаго существа“, своей благодѣтельницы, Эллы Рентгеймъ. Единственный отвѣтъ, который даетъ на всѣ просьбы 23-лѣтній человѣкъ: „я молодъ и хочу счастья“. Онъ сдѣлалъ свой выборъ, рѣшилъ свою судьбу: онъ хочетъ наслаждаться жизнью въ обществѣ хорошенькой соломенной вдовушки, такой же искательницы наслажденій, какъ и онъ самъ. Будущее не интересуетъ обоихъ: они не хотятъ о немъ и думать. Они хотятъ только насладиться жизнью. Г-жа Вильтонъ даже настолько предусмотрительна, что беретъ съ собою въ дорогу пятнадцатилѣтнюю молоденькую дѣвушку. „Мужчины такъ непостоянны“, говоритъ она. „И женщины также. Когда Эргартъ покончитъ со мною, а я съ нимъ,—тогда для насъ обоихъ будетъ хорошо, если онъ, бѣдняжка, будетъ имѣть въ запасѣ кого-нибудь для утѣшенья... А я также съумѣю устроиться“. Вотъ какими изображены представители молодого поколѣнія въ предпослѣдней драмѣ Ибсена.

Въ пьесѣ „Когда мы, мертвые, пробуждаемся“ Ибсенъ какъ бы выражаетъ протестъ противъ того подавленія плотскихъ желаній и стремленій, противъ того одухотворенія, которое онъ провозглашалъ во всѣхъ предыдущихъ своихъ произведеніяхъ, противъ того гоненія на стихійную любовь, которому онъ не переставалъ подвергать ее въ теченіе всей своей художественной жизни. Старѣющійся художникъ Рубекъ встрѣчается съ бывшею своею моделью Ирэною, въ которой онъ также убилъ жизнь любви, но не изъ за матеріальныхъ интересовъ, какъ Боркманъ, а изъ за художественныхъ цѣлей. „Ты сдѣлалась для меня свѣтлымъ, святымъ существомъ, къ которому можно было относиться только съ чувствомъ поклоненія“, говоритъ Рубекъ Ирэнѣ. „Я былъ глубоко убѣжденъ, что стоило мнѣ дотронуться до тебя, стоило мнѣ пожелать тебя чувственнымъ образомъ, и моя душа, мой умъ будутъ осквернены, и я не буду въ состояніи докончить произведеніе, которому посвящалъ всѣ свои силы!“ Произведеніе стояло у него выше человѣческой души. Онъ находился тогда всецѣло подъ вліяніемъ своей работы. Но Ирена не такъ смотрѣла на ихъ отношенія. Когда онъ спросилъ ее, согласна ли она послѣдовать за нимъ на чужбину, она поклялась, что послѣдуетъ за нимъ на край свѣта и до конца жизни будетъ служить ему во всемъ, во всемъ! И послѣдовала за нимъ, и дѣятельно служила ему, „такъ весело,—такъ радостно и беззавѣтно,—отъ всего сердца, всею своею молодою бьющеюся кровью“. Она его любила, и то, что онъ совсѣмъ не замѣчалъ въ ней женщины, а видѣлъ только модель, вещь, необходимую для

осуществленія его произведенія, глубоко оскорбляло его. „Ты грѣшилъ противъ того, что зарождалось въ самой глубинѣ моей души“, говорить она. „Я отдала тебѣ нѣчто невозвратимое, Арнольдъ,—такая расточительница, какою я была тогда!—я отдала тебѣ свою молодую, живую душу. И вотъ я осталась пустою внутри.—Безъ души... Вотъ отчего я умерла, Арнольдъ“... „Я должна была родить на свѣтъ дѣтей. Много дѣтей. Не тѣхъ, которыя скрываются въ музеяхъ, въ мрачныхъ погребахъ. Настоящихъ дѣтей. Вотъ къ чему у меня было призваніе. Никогда не должна была я служить тебѣ—поэту“. Когда статуя была окончена, она подошла къ нему. Онъ взялъ въ свои руки обѣ ея руки и крѣпко пожалъ. Она стояла передъ нимъ, затаивъ дыханіе, въ страстномъ ожиданіи. Тогда онъ сказалъ: „Отъ души благодарю тебя, Ирена. Это было счастливымъ эпизодомъ въ моей жизни“. Слово это оказалось каплею, переполнившею чашу. Въ ту же ночь она его оставила—исчезла изъ его жизни навсегда. Ненависть зародилась въ ней къ нему, къ художнику, „который такъ беззаботно, не задумываясь, бралъ молодую человѣческую жизнь, горячее, полное жизни, тѣло и вынималъ изъ него душу,—потому что она нужна была ему для созданія его произведенія“.

Онъ также любилъ ее, но сдерживалъ свои чувства ради идеи. „Развѣ ты не понимаешь, говоритъ онъ, что бывали дни, когда твоя красота совершенно сводила меня съ ума?“ Ея бѣгство создало невыразимую пустоту въ его душѣ. Онъ не могъ ничего больше творить. У него въ груди спрятанъ былъ маленькій несгораемый ящикъ. „А въ этомъ ящикѣ сохранялись всѣ планы моихъ будущихъ произведеній. Но когда она уѣхала, когда изчезла такъ безслѣдно, то оказалось, что ящикъ замкнутъ. У нея хранился ключъ отъ него, и его невозможно отомкнуть... Поэтому все лежитъ въ ящикѣ нетронутымъ, безъ употребленія. А годы идутъ. Нѣтъ у меня возможности добраться до сокровища“. Мало того, что онъ не творилъ. Онъ исказилъ произведеніе, созданное совмѣстно съ нею, „ихъ дѣтище“, „день Воскресенья“. Онъ расширилъ пьедесталъ, положилъ на него глыбу растрескавшейся земли. „А поверхъ этой земли изъ всѣхъ расщелинъ ея кишатъ люди, съ лицами, на которыхъ проглядываетъ сходство съ разными животными. Мужчины и женщины, такіе, какихъ онъ видѣлъ въ жизни“. Статую Ирены, которая должна была изображать молодую, чистую женщину съ сіяющимъ отъ радости лицомъ, онъ отодвинулъ назадъ для пѣльности впечатлѣнія, иначе она все подавила-бы собою. Онъ заставилъ померкнуть сіянье радости на ея лицѣ, такъ, какъ того требовала его измѣнившаяся мысль. Статуя изображала жизнь такою, какою онъ видѣлъ ее теперь. Себя-же самого художникъ изобразилъ въ видѣ человѣка, отягченнаго грѣхами, который никакъ не можетъ освободиться отъ своей земной оболочки; онъ назвалъ его грѣшникомъ, „раскаявшимся и тоскующимъ о погубленной жизни“. Мы видимъ здѣсь опять тѣ же періоды въ творчествѣ, которыя изображаются и въ „Зодчемъ Сольнесѣ“ и воплощаютъ въ себѣ художественную дѣятельность Ибсена.

Разочарованный, тоскующій Рубекъ встрѣчается опять съ Иреною, которая за это время успѣла испытать всѣ превратности жизни: она фигурировала въ видѣ голой статуи на сценахъ, кружила головы сотнямъ поклонниковъ, погубила многихъ изъ нихъ, не зная раскаянія, такъ какъ душу отнялъ у нея Рубекъ. Она побывала и въ домѣ умалишенныхъ и сдѣлалась совершенно равнодушною къ жизни, „умерла“, какъ она выражается. Единственное у нея желаніе—увидѣть хоть разъ свое „дѣтище“, произведеніе, созданное при ея посредствѣ Рубекомъ. Жажда жизни охватываетъ старѣющаго художника, горькое раскаяніе, тоска о прожитой даромъ молодости, о постепенномъ измельчаніи своихъ идеаловъ, о чашѣ наслажденій, которая не была испита имъ, а была принесена въ жертву искусству, оказавшемуся пуфомъ, такъ какъ звѣриныя рожи заняли мѣсто чистаго идеала, воплощавшагося въ „днѣ Воскресенія“. Къ чему же послужили всѣ порывы молодости, все самоотреченіе? „Лѣтняя ночь на горахъ! Да, это было бы жизнью“, говоритъ Рубекъ. Но эту жизнь они оба проглядѣли. „Невозвратное мы замѣчаемъ только тогда, когда мы, мертвые, пробуждаемся“, говоритъ Ирена. „Мы замѣчаемъ тогда, что никогда собственно не жили“. „Ахъ, какъ я былъ слѣпъ! говоритъ Рубекъ! я ставилъ мертвую статую выше жизни—выше счастья любви“. Онъ отправляется съ Иреною въ горы. Но оказывается, что „любовь, воплощающая въ себѣ земную жизнь,—чудесную, восхитительную земную жизнь, таинственную земную жизнь—умерла въ обоихъ“. Хотя жизнь вокругъ нихъ и въ нихъ самихъ кипитъ по прежнему,

но молодой „воскресшей женщинѣ вся эта жизнь представляется только гробомъ". „Такъ выпьемъ же хотя разъ до дна кубокъ жизни, — мы, мертвецы, — прежде чѣмъ сойдемъ въ наши могилы. Но не здѣсь, въ темнотѣ! Не здѣсь, гдѣ безобразный саванъ окружаетъ насъ... восклицаетъ Рубекъ,—а тамъ наверху! Идемъ вверхъ, на свѣтъ. Тамъ на вершинахъ отпразднуемъ мы свою свадьбу, Ирена, моя возлюбленная!" Они идутъ вверхъ, на верхушки горъ, освѣщенныя лучами восходящаго солнца, но обвалъ обрушивается на нихъ и погребаетъ ихъ подъ собою. Между тѣмъ какъ представители стараго поколѣнія погибаютъ подъ градомъ камней, жизнерадостная Майя, представительница молодого поколѣнія, и ея спутникъ Ульфгеймъ, олицетвореніе тяготѣнія къ землѣ, къ господству плоти, спускаются внизъ, къ людямъ, заглушая раскаты грома:

„Я свободна! Свободна! Свободна!
Конецъ моему заточенью!
Я свободна какъ птичка! Свободна!

Эта драма—вопль наболѣвшаго сердца, крикъ отчаянія уходящаго изъ жизни поэта, который въ тиши своего уединенія, послѣ десяти лѣтъ пребыванія на родинѣ, подводитъ итоги своей дѣятельности и сомнѣвается въ себѣ, въ томъ, не безполезно ли потратилъ онъ свои силы, служа однимъ только идеямъ, уединяясь отъ людей, предаваясь исключительно умственному труду, отрекаясь отъ жизни, отъ ея радостей и наслажденій.

„Когда мы мертвые пробуждаемся"— чисто символическая драма, произведеніе, въ которомъ реализмъ совершенно отступаетъ на задній планъ. При чтеніи ея на норвежскомъ языкѣ она производитъ чарующее впечатлѣніе, это точно стихотвореніе въ прозѣ. Двумя тремя словами, тонкими штрихами передается настроеніе, овладѣвшее поэтомъ: читатель всецѣло подчиняется вліянію Ибсена. Но при представленіи на сценѣ получается совершенно иное впечатлѣніе: символизмъ Ибсена не выдерживаетъ реальнаго воплощенія. Вы выходите изъ театра глубоко разочарованными, а тотъ, кто раньше не прочелъ пьесы, до такой степени поражается неправдоподобностью положеній, въ особенности въ послѣднемъ дѣйствіи, когда Рубекъ мчится впередъ. таща за руку Ирену, что въ концѣ концовъ выходитъ изъ театра въ полномъ недоумѣніи, ничего не понявъ.

Эта драма—послѣднее изъ произведеній Ибсена.

VIII.

Приступая теперь къ резюмированію дѣятельности Ибсена, мы не можемъ не вспомнить его сотоварища по перу, его соратника, Бьернстьерне Бьернсона, имя котораго постоянно повторяется рядомъ съ именемъ Ибсена при изученіи норвежской литературы. Ихъ произведенія, ихъ жизнь и дѣятельность, въ особенности въ началѣ, настолько тѣсно связаны другъ съ другомъ, что проведеніе между ними параллели только заставитъ рельефнѣе выступить впередъ обликъ маститаго писателя, которому посвящается настоящая статья.

Одна и та же маленькая бѣдная скалистая страна вскормила и вспоила Бьернсона и Ибсена, одни и тѣ же жизненныя условія окружали обоихъ писателей, одна и та же душная атмосфера угнетала ихъ, одни и тѣ же идеалы вдохновляли. Они начали свою дѣятельность почти въ одно и то же время и черпали содержаніе своихъ произведеній почти изъ однѣхъ и тѣхъ же источниковъ. Но Ибсенъ, принимавшій вначалѣ участіе въ политической жизни Норвегіи, рано оторвался отъ родной почвы и уѣхалъ далеко отъ родины, обратившись въ европейскаго художника и мыслителя, и отстранившись отъ политической борьбы. Онъ ранѣе Бьернсона отбросилъ древнеисторическіе и фантастическіе сюжеты сагъ. Оторванный отъ родины, онъ легче поддался вліянію современныхъ ему идей и теченій европейской жизни и рано утратилъ наивность и піететъ, отъ которыхъ Бьернсонъ долго не могъ избавиться. Бьернсонъ, оставшійся на родинѣ, работалъ въ обоихъ направленіяхъ, какъ художникъ и политическій дѣятель. Это сказалось въ его творчествѣ, которое всегда грѣшитъ излишкомъ тенденціозности и наклонностью къ проповѣдничеству и полемикѣ.

При имени Бьернсона передъ нами возникаетъ, рядомъ съ образомъ писателя, испытавшаго свои силы во всѣхъ областяхъ литературной дѣятельности, беллетристики, драмы, поэзіи, публицистики, и до преклонныхъ лѣтъ не переставшаго созидать все новыя и новыя произведенія,— образъ энергичнаго общественнаго дѣятеля, политическаго агитатора, въ теченіе полустолѣтія ведущаго непрестанную борь-

бу рѣчами и перомъ въ защиту свободы вообще и самостоятельности своей родины въ частности, дѣятельно принимавшаго участіе во всѣхъ вопросахъ, волновавшихъ современное ему общество. Напротивъ того, Ибсенъ представляется намъ кабинетнымъ писателемъ, исключительно литературнымъ дѣятелемъ, въ тиши, въ уединеніи, изъ спокойной дали слѣдящаго за современной ему жизненною борьбою и создающаго одно художественное произведеніе за другимъ, которыя всѣ отражаютъ эту борьбу, эти волнующія общество стремленія и идеи. Бьернсонъ для выраженія своихъ мыслей пускается часто въ реторику, въ проповѣдническій тонъ. Ибсенъ дѣйствуетъ на читателя образами, передачею ими извѣстнаго настроенія, овладѣвшаго имъ при обсужденіи той или иной идеи, того или иного жизненнаго факта.

Оба писателя вели непрестанную борьбу со своею средою и своимъ обществомъ, но Бьернсонъ родился при лучшихъ обстоятельствахъ и условіяхъ, и жизненная борьба складывалась для него болѣе благопріятно. Ибсену же жизнь въ юности на каждомъ шагу давала щелчки; суровую молодость провелъ онъ; только мрачныя стороны жизни рисовались ему въ юности — и это различіе въ жизненныхъ условіяхъ сказалось какъ на характерѣ, такъ и на произведеніяхъ обоихъ писателей. Такъ, напр., Ибсенъ изъ большого говоруна обратился въ самаго молчаливаго, самаго замкнутаго въ себѣ человѣка. „У несправедливости и связанной съ нею горечи, говоритъ Паульсенъ, ледяныя руки, которыя сумѣютъ задушить на губахъ человѣка всѣ теплыя, сердечныя слова“.

Бьернсонъ оптимистъ. Описывая мрачныя стороны жизни, онъ не упускаетъ изъ виду и свѣтлыя. Всѣ, самыя грустныя темы, вдохновляющія его музу, кончаются всегда надеждою на лучшее въ будущемъ, гармоническимъ аккордомъ, въ которомъ всѣ диссонансы сглаживаются и исчезаютъ. Ратуя за истину, добро, знаніе, за слабыхъ и угнетенныхъ, вступая въ борьбу съ мелкими условіями окружающей среды, онъ иногда, правда, опускаетъ руки и восклицаетъ вмѣстѣ съ однимъ изъ героевъ своей драмы по поводу смерти одного общественнаго дѣятеля: „онъ умираетъ, потому что онъ человѣкъ. Въ настоящее время политикою могутъ заниматься только окаменѣлые люди“. „Нужно сдѣлаться похожимъ на камень, восклицаетъ онъ дальше, чтобы выдержать ледяные шторы, тогда они повредить не могутъ“. „Вы должны подавить всѣ человѣческія чувства и въ себѣ и въ тѣхъ, кому вы дороги, иначе васъ не поймутъ и не послѣдуютъ за вами“. Эти самыя мысли онъ повторяетъ въ „Полѣ Лангѣ“ одной изъ своихъ позднѣйшихъ драмъ, все содержаніе которой служитъ иллюстраціей для нихъ. Въ драмѣ „Новая система“ мы читаемъ постоянно горькія замѣчанія по поводу маленькихъ обществъ, жизнь которыхъ сѣра и однообразна, точно рѣпа, растущая на грядахъ. „Такія общества“, говоритъ герой драмы, „не въ силахъ вынесть химическихъ процессовъ, которыя создаются крупными истинами: они разлетятся отъ нихъ въ дребезги. Эти общества пробавляются махонькими истинами, продающимися сотнями на фунтъ. Для процессовъ, вызываемыхъ крупными истинами, надо реторты покрѣпче“. Но въ тѣхъ же самыхъ драмахъ, гдѣ крикъ отчаянія вырывается изъ устъ автора, мы видимъ, какъ на смѣну павшихъ ратниковъ выступаютъ новыя силы. Одно поколѣніе борцовъ смѣняетъ другое и отважно становится въ ряды для битвы. „Не отчаяваться надо“, говоритъ одинъ изъ героевъ Бьернсона, „а надѣяться“. Даже вопросъ о наслѣдственности, который такъ сильно занимаетъ умъ Бьернсона, разрѣшается у него въ благопріятномъ смыслѣ въ романѣ „Новыя вѣянія“. „Наслѣдственность не рокъ, не фатумъ, а одно изъ условій существованія. Противъ нея нужно бороться съ увѣренностью, что изъ борьбы выйдешь побѣдителемъ“.

Не то мы видимъ у Ибсена. Онъ также указываетъ на разладъ, существующій въ обществѣ между тѣмъ, что должно быть, и тѣмъ, что есть. Но этотъ разладъ представляется ему настолько грандіознымъ, непреодолимымъ, что въ концѣ концовъ гибель лучшихъ силъ кажется ему неизбѣжною, всякая борьба безплодною. Общество такъ низко пало, что поднять его невозможно. Все прекрасное и истинное блекнетъ и погасаетъ, какъ только соприкасается съ землею. Одна только ложь можетъ торжествовать. Мелочность, пошлость, косность, низменность интересовъ, блѣдность идей грязнятъ и подавляютъ все самое лучшее вокругъ насъ. Мы знаемъ, какъ Ибсенъ относится къ любви. „Никогда, говоритъ онъ, не видѣлъ я здоровой любви“. Такъ-же мрачно смотритъ онъ и на всѣ другія явленія жизни. „Есть люди,“ признаетъ Ибсенъ, „одаренныя свѣтлымъ умомъ, пылкою душою и сильною

волею, которые стремятся восторжествовать надъ низменными бациллами, заражающими атмосферу, увлечь другихъ за собою, поднять высоко знамя идеи. Но побѣдить имъ не суждено. У однихъ не хватаетъ силъ, другіе сами недостаточно чисты и возвышенны для борьбы". Ибсенъ не жалѣетъ павшихъ, не скорбитъ о нихъ. Онъ негодуетъ, нападаетъ, обвиняетъ и бичуетъ. Идея наслѣдственности, напр., получаетъ у него значеніе грознаго рока, противъ котораго всякая борьба безсильна. Приходится складывать руки и покоряться. Въ противоположность Бьернсону, каждая почти пьеса Ибсена заканчивается диссонансомъ, оставляя въ душѣ читателя горькое чувство неудовлетворенности.

Несмотря на то, что однѣ и тѣ же идеи вдохновляли обоихъ писателей, и что они развивались почти параллельно, переходя отъ фантастическихъ мотивовъ сагъ къ реалистическому описанію жизни и, наконецъ, къ символизму (у Бьернсона въ неизданныхъ на русскомъ языкѣ драмахъ „Король" и „Сверхъ силъ", II часть), они представляютъ глубокое различіе. По мѣткому замѣчанію Брандеса, Бьернсона и Ибсена можно сравнить съ двумя древними норвежскими королями, Сигурдомъ и Ейстейномъ, которые въ драмѣ Бьернсона „Сигурдъ Крестоносецъ" восхваляютъ другъ передъ другомъ свои заслуги. Одинъ все время сидѣлъ дома и извнутри цивилизовалъ свою родину; другой уѣхалъ изъ родной земли, разъѣзжалъ по всему свѣту и прославилъ свою страну, высоко поднявъ свое знамя, оставивъ далеко позади себя своихъ какъ родныхъ, такъ и иностранныхъ соперниковъ, и пріобрѣвъ своему имени міровую славу. Талантъ Ибсена развивался въ логической послѣдовательности, которая рѣдко встрѣчается у другихъ писателей. Онъ никогда не обнаруживалъ быстрыхъ перемѣнъ, никогда не дѣлалъ скачковъ. Онъ медленно и стойко подвигался впередъ, расширяя постепенно свой кругозоръ, подымаясь все выше и выше въ области мысли. Его историческія произведенія стоятъ выше его романтическихъ, его современныя драмы написаны лучше его историческихъ и романтическихъ драмъ. Одно во всѣхъ его произведеніяхъ остается неизмѣннымъ,— тѣ краеугольные камни, на которыхъ они основываются: истина, свобода и любовь

КАТИЛИНА.

Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Люцій Катилина, благородный римлянинъ.
Аврелія, его жена.
Фурія, весталка.
Курій, родственникъ Катилины, юноша.
Манлій, старый воинъ.
Лентулъ, **Цепарій**, **Габиній**, **Статилій**, **Цетегъ** — молодые знатные римляне.
Амбіориксъ, **Олловико** — послы Аллоброговъ.
Старикъ.
Жрицы и прислужники въ храмѣ Весты
Гладіаторы и воины.
Проводники Аллоброговъ.
Привидѣніе Суллы.

(Первое и второе дѣйствія происходятъ около Рима и въ Римѣ, третье въ Этруріи).

Дѣйствіе первое.

(На фламинской дорогѣ передъ Римомъ. Поросшая травою гора у дороги. Въ глубинѣ сцены виднѣются высокія зданія города и его стѣны. Вечеръ).

(Катилина стоитъ на холмѣ между кустами, облокотившись о стволъ дерева).

Катилина. Я долженъ! Я долженъ, —такъ повелѣваетъ мнѣ голосъ въ глубинѣ моей души, — и я послѣдую его велѣнію. Силъ у меня довольно, довольно у меня и мужества на лучшую, высшую, чѣмъ здѣсь, жизнь. Одинъ лишь рядъ безсмысленныхъ радостей! Нѣтъ, нѣтъ, онѣ не удовлетворяютъ стремленій моего сердца.

Горячія, пылкія мечты проносятся у меня въ головѣ. Одно только забвеніе спасаетъ меня отъ гибели Все прошло! Жизнь утратила всякую цѣль.

(Послѣ минутнаго молчанія).

Что сталось съ моими юношескими мечтами? Онѣ разсѣялись, какъ легкія лѣтнія облака, оставивъ по себѣ только горе и разочарованіе; всѣ радужныя надежды судьба отняла у меня.

(Ударяетъ себя по лбу).

Презирай самого себя! Презирай себя, Катилина! Ты чувствуешь въ душѣ своей благородныя силы; но какая цѣль всѣхъ твоихъ стремленій? Одно лишь удовлетвореніе чувственныхъ страстей!

(Спокойнѣе).

А все же, иногда, какъ, напр., въ настоящее время, какая-то таинственная жажда чего-то другого, высшаго, зарождается въ

моей душѣ. Когда я стою здѣсь въ виду города, этого гордаго, роскошнаго Рима,— и когда та грязь, тотъ развратъ и позоръ, въ какіе онъ погрузился, выступаютъ ярко, какъ солнце, передъ моими мысленными взорами,—какой-то громкій голосъ вопіетъ внутри меня: пробудись, Катилина! — пробудись и сдѣлайся человѣкомъ!

(Прерывая себя).

Ахъ, это все чепуха, порожденіе ночныхъ сновъ и духовъ одиночества! При малѣйшемъ звукѣ изъ міра дѣйствительности они скрываются въ нѣмой глубинѣ души.

(Послы Аллеброговъ, Амбіориксъ и Олловико, со своими проводниками спускаются внизъ по большой дорогѣ, не замѣчая Катилины).

Амбіориксъ. Вотъ, наконецъ, показалась въ виду цѣль нашего путешествія. Посмотри на стѣны Рима. Къ небу возносится высокій Капитолій.

Олловико. Это Римъ? Властитель Италіи, а скоро и Германіи,—а, быть можетъ, и Галліи также.

Амбіориксъ. Къ несчастію, да;— это навѣрное должно случиться, а владычество Рима безпощадно; онъ пригнетаетъ къ землѣ покоренные имъ народы. Теперь посмотримъ, чего можетъ ждать отъ будущаго наша страна: можно ли найти защиту противъ притѣсненій, которымъ мы подвергаемся дома, и могутъ ли Аллеброги разсчитывать на воцареніе мира и правосудія.

Олловико. Миръ и правосудіе будутъ дарованы намъ.

Амбіориксъ. Будемъ надѣяться; потому что до сихъ поръ мы ничего навѣрное не знаемъ.

Олловико. Ты, какъ видно, боишься?

Амбіориксъ. И имѣю на то не мало причинъ. Римъ всегда ревниво оберегалъ свою власть. Вспомни, что это гордое государство управляется не вождями, какъ наше. У насъ дома управляетъ либо мудрецъ, либо воинъ, — въ совѣтѣ наиболѣе умный, на войнѣ наиболѣе великій; его мы ставимъ во главѣ своего племени, объявляемъ судьею и властителемъ нашего народа. Но здѣсь...

Катилина *(кричитъ имъ сверху внизъ).* Здѣсь властвуютъ насиліе и своекорыстіе; здѣсь власть добываютъ хитростью и коварствомъ.

Олловико. О, горе намъ, братья,— онъ насъ подслушалъ!

Амбіориксъ *(Катилинѣ).* Такъ вотъ каковъ обычай у благорожденныхъ римлянъ? Этимъ занимаются въ нашихъ долинахъ однѣ только старыя бабы.

Катилина *(спускается на дорогу).* Не бойтесь;—шпіонство не мое занятіе; я лишь случайно услышалъ вашу рѣчь.

Вы идете изъ страны Аллеброговъ? И думаете найти въ Римѣ правосудіе? Уходите назадъ! Отправляйтесь домой! Здѣсь властвуютъ больше, чѣмъ когда-либо, несправедливость и тиранія. Римъ—республика лишь по имени; на самомъ дѣлѣ каждый гражданинъ ея обращенъ въ влачащаго цѣпи раба, задолженнаго и находящагося въ полной власти у сената — раздавателя милостей и даровъ. Исчезъ безслѣдно прежній гражданскій духъ, духъ свободы, пользовавшійся нѣкогда такимъ почетомъ въ Римѣ;—жизнь, безопасность—милость, сосредоточенная въ рукахъ сената, милость, которую можно доставить себѣ лишь помощью денегъ. Здѣсь царитъ сила, а не правосудіе; благородный оттиснутъ на задній планъ сильнымъ.

Амбіориксъ. Но скажи же, кто же ты, отымающій всю почву у нашихъ надеждъ?

Катилина. Человѣкъ, горячо сочувствующій дѣлу свободы; врагъ всякаго неправеднаго насилія; другъ каждаго притѣсненнаго, каждаго слабаго,—боецъ, горящій жаждою свергнуть неправеднаго сильнаго.

Амбіориксъ. Гордый римскій народъ?—Ахъ, римлянинъ, отвѣчай мнѣ,—ты навѣрное хочешь обмануть насъ, чужестранцевъ. Неужели римскій народъ не тотъ, какимъ онъ былъ прежде: ужасомъ для тирановъ, охраною для слабыхъ?

Катилина *(указывая на городъ, говоритъ).* Посмотри, Аллеброгъ,—оттуда, съ высоты, мощно, грозно выступаетъ великій Капитолій. Посмотри, какъ отражается на немъ красноватымъ отблескомъ послѣдній лучъ заходящаго на западѣ солнца.—Такъ точно пламенѣетъ и вечерняя заря Рима; ея свобода погружается въ непроглядную тьму рабства. — А все же засіяетъ скоро лучезарное солнце и передъ его лучами исчезнетъ все мелкое и низкое! *(Уходитъ).*

(Колоннада въ Римѣ).

Лентулъ, Статилій, Цепарій и Цетегъ *(входятъ, занятые горячимъ разговоромъ).*

Цепарій. Да, ты правъ; съ каждымъ днемъ становится все хуже и хуже. Къ чему это, въ концѣ концовъ, приведетъ,— самъ не знаю.

Цетегъ. Ай! Я никогда еще не думалъ о концѣ концовъ. Всегда довольствуюсь данною минутою. Пользуюсь всякимъ мгновеніемъ радости и предоставляю цѣлому итти какъ ему хочется, по какому угодно пути.

Лентулъ. Благо тому, кто можетъ такъ жить! Я никакъ не могу съ такимъ глубокимъ равнодушіемъ ожидать дня, когда мы останемся на мели съ пустыми руками и окажемся не въ силахъ удовлетворить самымъ необходимымъ потребностямъ жизни.

Статилій. И никакой надежды на улучшеніе не видно впереди! Но правда,—при томъ образѣ жизни, какой мы ведемъ.

Цетегъ. О, замолчи, пожалуйста!

Лентулъ. Мое послѣднее наслѣдіе было сегодня утромъ отнято у меня за долги.

Цетегъ. Долой всѣ заботы и жалобы! Слѣдуйте за мною, друзья! Потопимъ всѣ свои печали за веселымъ столомъ, съ круговою чашею въ рукахъ!

Цепарій. Да, да, хорошо! Пойдемъ, веселые братья!

Лентулъ. Подождите немного, я вижу, сюда идетъ старый Манлій;—мнѣ кажется, онъ, какъ всегда, ищетъ насъ.

Манлій *(съ гнѣвомъ)*. Да будутъ прокляты эти бѣшеныя собаки! Имъ неизвѣстно даже, что такое правосудіе.

Лентулъ. Что случилось? Почему вы такъ разгнѣваны?

Статилій. Развѣ ростовщики обрушились и на тебя?

Манлій. Дѣло не въ этомъ! Послушайте. Какъ вы знаете, я съ честью служилъ въ войскѣ Суллы. Въ награду мнѣ былъ отведенъ участокъ земли. По окончаніи войны я жилъ доходомъ съ этой земли; того, что я получалъ, хватало на мое скромное пропитаніе. Теперь мою землю отняли у меня. Говорятъ, что государственныя владѣнія должны быть соединены въ одно для равнаго раздѣла между всѣми. Это чистое разбойничество! Одну только свою жадность хотятъ они насытить!

Цепарій. Вотъ какъ поступаютъ они съ нашими правами! Сильные міра сего могутъ смѣло дѣлать все, что имъ заблагоразсудится.

Цетегъ *(весело)*. Плохо стоитъ дѣло Манлія! Но со мною случилось нѣчто еще худшее. Вотъ я вамъ сейчасъ разскажу. Представьте себѣ, моя хорошенькая любовница, моя Ливія, коварно покинула меня какъ разъ теперь, когда я все, принадлежащее нѣкогда мнѣ, растратилъ по ея же винѣ.

Статилій. Виною твоего несчастья —твое собственное легкомысліе.

Цетегъ. Приписывай его чему хочешь; но я никогда не откажусь отъ исполненія своихъ желаній. Я буду удовлетворять ихъ, пока это будетъ въ моей власти.

Манлій. А я, такъ отважно боровшійся за ту честь и ту власть, которыми наши власти теперь кичатся! Вотъ постойте!—Ахъ, если бы мои доблестные товарищи по оружію были еще здѣсь! Но нѣтъ! Значительное большинство ихъ уже умерло, а остальные разсѣялись по всей странѣ.

Ахъ, что значите вы, молодое поколѣніе, сравнительно съ ними? Передъ власть имущими вы преклоняетесь въ прахъ; у васъ не хватаетъ мужества разбить ваши цѣпи; вы терпѣливо сносите эту рабскую жизнь!

Лентулъ. Клянусь, богами, хотя рѣчь его звучитъ для насъ оскорбительно, но въ томъ, что онъ сказалъ, много правды.

Цетегъ. О да, да, конечно;—надо отдать ему справедливость. Но за что прикажете ухватиться, гдѣ точка опоры? Вотъ въ чемъ суть.

Лентулъ. Да, это правда. Слишкомъ долго терпѣли мы тяготѣющее надъ нами иго. Теперь настало время сбросить цѣпи, наложенныя на насъ духомъ неправды и властолюбіемъ.

Статилій. Ахъ, я понимаю тебя, Лентулъ! Но видишь, для такого дѣла намъ надо имѣть выдающагося вождя,—мужественнаго и умнаго. Гдѣ его найти?

Лентулъ. Я знаю одного, который могъ бы стать во главѣ насъ.

Манлій. Ты говоришь о Катилинѣ?

Лентулъ. О немъ.

Цетегъ. Да, Кателина былъ бы, можетъ быть, подходящимъ человѣкомъ.

Манлій. Я знаю его. Я былъ другомъ его отца и во многихъ битвахъ сражался рядомъ съ нимъ. Маленькій сынокъ сопровождалъ всегда отца на войну; это былъ дикій, необузданный мальчикъ; но въ немъ проявлялись рѣдкія способности; онъ обладалъ благородною, возвышенною душею и непоколебимымъ мужествомъ.

Лентулъ. И я увѣренъ, что онъ весьма предупредительно отнесется къ нашему предложенію. Вчера вечеромъ, когда я встрѣтился съ нимъ, у него былъ крайне удрученный видъ. Онъ носится съ какими-

то таинственными проектами;—давно уже лелѣетъ онъ смѣлую мечту.

Статилій. Да, онъ давно уже добивается званія консула.

Лентулъ. А между тѣмъ ему никакъ не удается получить это званіе, потому что его враги вѣчно произносятъ громовыя рѣчи противъ него; въ послѣдній разъ онъ самъ присутствовалъ при этомъ и въ бѣшенствѣ вышелъ изъ сената, помышляя о мести.

Статилій. Въ такомъ случаѣ онъ навѣрное согласится на наше предложеніе.

Лентулъ. Надѣюсь. Но сначала надо хорошенько намъ самимъ обдумать планъ дѣйствій. Время теперь самое благопріятное.

(Уходятъ).

(Въ храмѣ Весты въ Ригѣ. На алтарѣ въ глубинѣ сцены горитъ лампа съ священнымъ огнемъ).

Катилина, въ сопровожденіи Курія *(осторожно пробирается между колоннами).*

Курій. Какъ, Катилина,—ты меня ведешь сюда? Въ храмъ Весты?

Катилина *(смѣясь).* Ну. да, какъ видишь.

Курій. О, боги!—какое легкомысліе! А сегодня еще Цицеронъ громилъ тебя въ совѣтѣ, а все же ты сегодня—можешь...

Катилина. Ахъ, забудемъ это!

Курій. Ты въ опасности, и забываешь о ней, очертя голову бросаясь въ другую.

Катилина *(весело).* Я люблю перемѣну. Я никогда еще не обладалъ любовью весталки,—запрещенною любовью;—вотъ я и пришелъ сюда попытать счастья.

Курій. Что ты говоришь? Невозможно! Ты шутишь!

Катилина. Шучу ли я? Да, конечно, въ томъ, что касается моей любви,—но все, только что сказанное мною, сказано совершенно серьезно. На послѣднемъ спектаклѣ я увидѣлъ жрицъ, стоявшихъ на площади, въ великолѣпныхъ праздничныхъ одѣяніяхъ. Случайно я бросилъ на нихъ взглядъ,—и мои глаза встрѣтились съ одною изъ нихъ. Взглядъ ея проникъ мнѣ въ душу. Ахъ, такого выраженія въ черныхъ очахъ я никогда еще не видѣлъ ни у одной женщины!

Курій. Охотно вѣрю. Но скажи,—что же затѣмъ послѣдовало?

Катилина. Я пробрался въ храмъ и нѣсколько разъ видѣлъ ее, а также бесѣдовалъ съ нею. Ахъ, какая разница между этою женщиною и моею Авреліею!

Курій. Ты любишь обѣихъ разомъ? Нѣтъ,—этого я никакъ не могу понять.

Катилина. Странно! Я самъ этого не понимаю. А все же—все же я люблю обѣихъ, какъ ты только что сказалъ. Но какъ различна эта любовь! Аврелія кротка и своими мягкими, нѣжными словами настраиваетъ меня на спокойствіе и кротость; напротивъ того, Фурія...—Пойдемъ, пойдемъ; кто-то идетъ сюда.

(Прячутся за колонны).

Фурія *(входитъ съ другой стороны).* Ненавистныя залы—свидѣтели моихъ страданій, очагъ тѣхъ мученій, на которыя я навѣки обречена! Всѣ свѣтлыя надежды, всѣ возникавшія во мнѣ мысли померкли въ моей душѣ,—я то дрожу какъ въ лихорадкѣ, то горю точно въ огнѣ,—въ сердцѣ моемъ больше огня и жары, чѣмъ въ пламени здѣсь.

Ахъ, что за судьба! И какое же преступленіе приковало меня къ этому храму, отнявшему у меня всю радость молодости —въ тенлую весну жизни, когда невинная радость такъ дозволительна?

Но долой слезы, омочающія мои глаза! Пусть только ненависть и жажда мести кипятъ въ моей груди!

Катилина *(выступаетъ впередъ).* И ко мнѣ ты также ничего другого не чувствуешь, Фурія,—только ненависть и жажду мести?

Фурія. О, боги!—Опять ты здѣсь, дерзновенный? Ты не боишься?

Катилина. Страхъ мнѣ неизвѣстенъ. Я всегда любилъ итти навстрѣчу опасности.

Фурія. Ахъ, какъ хорошо, какъ хорошо! И я также люблю это,—и тѣмъ сильнѣе ненавижу этотъ храмъ, что живу въ немъ въ полной безопасности и что за его стѣнами мнѣ ничего не угрожаетъ.

Ахъ, эти пустыя, безсмысленныя дѣйствія, жизнь, столь же вялая, какъ мерцающій огонекъ потухающей лампы! Какая тѣсная арена для той массы обширныхъ плановъ и горячихъ желаній, которыя наполняютъ мою душу! Но мой духъ стѣсненъ этими стѣнами;—здѣсь замираетъ жизнь: здѣсь потухаетъ надежда; здѣсь дни безсмысленно проходятъ одинъ за другимъ, и ни одна мысль не приводится въ дѣйствіе.

Катилина. Ахъ, Фурія, какъ странно звучитъ твоя рѣчь! Ты точно отголосокъ моей собственной души,—ты какъ бы пламенными письменами начертала ея стремленія, пылкія и могучія! И мое сердце находится подъ гнетомъ такъ же, какъ и

твое; ненависть ожесточила его и обратила въ сталь; у меня, какъ и у тебя, отняли, одну за другою, всѣ мои надежды; моя жизнь,—какъ и твоя,—лишена всякой цѣли.

И все же я молча скрываю свои мученія, свои страданія; и никто не знаетъ, что за буря бушуетъ во мнѣ! Они ненавидятъ и презираютъ меня, негодяи! Они не понимаютъ, какъ сильно бьется мое сердце за правосудіе и свободу, за все благородное, что еще находитъ себѣ откликъ въ нѣкоторыхъ римскихъ сердцахъ.

Фурія. Я знала это. Только *твоя* душа создана для моей, ничья другая,—громко говоритъ во мнѣ голосъ, который никогда не ошибается и никогда не обманываетъ. Пойдемъ же! Пойдемъ,—будемъ слѣдовать внушенію этого голоса!

Катилина. Что ты хочешь сказать, моя прекрасная мечтательница?

Фурія. Пойдемъ,—убѣжимъ далеко изъ этого мѣста, создадимъ себѣ новую родину. Здѣсь гордость духа попирается, полетъ его задерживается; здѣсь низость тушитъ всякую искру раньше чѣмъ она успѣетъ разгорѣться въ прекрасный пламень. Пойдемъ, убѣжимъ отсюда!—Для свободнаго духа вся вселенная служитъ родиною.

Катилина. О, какъ сильно притягиваешь ты меня къ себѣ!

Фурія. Такъ воспользуемся этою минутою! Высоко надъ горами, далеко за предѣлами моря,—далеко, далеко за предѣлами Рима остановимъ мы свой побѣгъ. За тобою послѣдуетъ навѣрное толпа изъ тысячи друзей; въ далекихъ странахъ поселимся мы; тамъ будемъ мы властвовать; тамъ мы покажемъ міру, что нигдѣ нельзя найти сердца, которое билось бы такъ, какъ наши два.

Катилина. Какъ прекрасна твоя рѣчь!—Но бѣжать? Почему намъ бѣжать? И здѣсь также можно поддерживать пламя свободы; здѣсь можно найти достаточно мѣста для подвиговъ и великихъ дѣйствій, какихъ требуетъ твоя душа.

Фурія. Ты говоришь, здѣсь? Здѣсь, въ мерзкомъ Римѣ, гдѣ царятъ безраздѣльно только рабскій духъ и насилія? Ахъ, Люцій, неужели и ты принадлежишь къ тѣмъ людямъ, которые безъ краски въ лицѣ вспоминаютъ о прошломъ Рима? Кто здѣсь когда-то властвовалъ? Кто теперь властвуетъ? Тогда царилъ геройскій народъ, — а теперь — шайка рабскихъ рабовъ.

Катилина. Смѣйся и ты надо мною! —но знай,—для того, чтобы сохранить свободу Рима, чтобы вновь лицезрѣть его въ блескѣ бывшаго величія, я бы съ радостью бросился, какъ Курцій, въ потокъ и...

Фурія. Тебѣ я вѣрю, тебѣ одному; твои глаза горятъ; ты говоришь правду. Но иди; сейчасъ сюда придутъ жрицы: въ это время онѣ обыкновенно собираются здѣсь.

Катилина. Я ухожу, но только затѣмъ, чтобы опять встрѣтиться съ тобою. Какая-то волшебная сила влечетъ меня неудержимо къ тебѣ;—такой гордой женщины я еще никогда не видѣлъ.

Фурія *(съ болѣзненною улыбкою)*. Тогда обѣщай мнѣ одно и клянись, что ты сдержишь свое обѣщаніе. Согласенъ, Люцій?

Катилина. Я согласенъ на все, чего потребуетъ моя Фурія; распоряжайся мною и скажи, что мнѣ обѣщать.

Фурія. Такъ слушай. Хотя я живу здѣсь плѣнницею, я знаю, въ Римѣ проживаетъ человѣкъ, которому я поклялась враждою до самой смерти,—а ненавистью даже за предѣлами мрачныхъ тѣней могилы.

Катилина. Ну, и что же?

Фурія. Такъ поклянись, что мой смертельный врагъ будетъ и твоимъ. Согласенъ, Люцій?

Катилина. Клянусь тебѣ всѣми великими богами! Клянусь именемъ моего отца и памятью моей матери!—Фурія,—что съ тобою? Твои глаза метаютъ молніи,— а твои щеки поблѣднѣли, какъ мраморъ.

Фурія. Я сама не знаю, что со мною. —Какой-то огненный потокъ какъ бы охватилъ меня. Клянись же! Договори до конца свою клятву!

Катилина. Безсмертные, могучіе, обратите на меня всю свою злобу, сокрушите меня силою своего гнѣва, если я нарушу свою клятву: какъ демонъ буду я преслѣдовать его.

Фурія. Довольно; я тебѣ вѣрю. Ахъ, мнѣ легче дышется теперь! Я передаю тебѣ свою ненависть и обязанность отмстить за меня.

Катилина. Я отомщу. Но скажи мнѣ только одно:—гдѣ твой врагъ? Въ чемъ заключается его преступленіе?

Фурія. У береговъ Тибра, далеко отъ городского шума, стояла моя колыбель, тамъ находился мой тихій домъ. Со мною жила любимая сестра, предназначенная съ дѣтства быть весталкою.—Но тутъ въ на-

ше уединенное жилище явился негодяй;—онъ увидѣлъ будущую молодую жрицу.

Катилина *(удивленный)*. Жрицу? Скажи мнѣ!—Говори!—

Фурія. Онъ опозорилъ ее. Она нашла себѣ могилу въ волнахъ Тибра.

Катилина *(тревожно)*. Ты знаешь его?

Фурія. Я никогда его не видѣла. Все было кончено, когда печальная вѣсть была сообщена мнѣ. Теперь я знаю его имя.

Катилина. Такъ назови его мнѣ.

Фурія. Его имя пользуется громкою извѣстностью. Зовутъ его Катилина.

Катилина *(отступая на шагъ назадъ)*. Что ты говоришь? О, ужасъ! Фурія!

Фурія. Приди въ себя. Что съ тобою?—Ты блѣднѣешь. Мой Люцій,—развѣ этотъ человѣкъ—твой другъ?

Катилина. Мой другъ? Нѣтъ, Фурія,—теперь онъ больше не другъ мнѣ. Я проклялъ—поклялся вѣчною ненавистью—себѣ самому.

Фурія. Себѣ самому?—Ты—ты Катилина?

Катилина. Я.

Фурія. Ты человѣкъ, опозорившій мою Сильвію? Ахъ, такъ Неземида, значитъ, услышала мой зовъ;—ты самъ накликалъ месть на свою голову. Горе тебѣ, злодѣй,—горе тебѣ!

Катилина. Какъ грозно глядятъ на меня твои глаза! При блѣдномъ свѣтѣ лампы, ты кажешься тѣнью Сильвіи.

(Убѣгаетъ; лампа съ священнымъ огнемъ потухаетъ).

Фурія (*послѣ краткаго молчанія*). Да, теперь я это понимаю. Завѣса упала съ моихъ глазъ,—я и вижу передъ собою мракъ ночи. Ненависть возгорѣлась въ моей груди при первомъ взглядѣ на него, когда я увидала его стоящимъ тамъ, на площади.—Странное это было чувство! Какое-то кроваво-красное пламя! О, онъ увидитъ, что значитъ такая ненависть, какъ моя, вѣчно гложущая, никогда не насыщающаяся! Онъ узнаетъ, какую месть она можетъ придумать на погибель ему!

Весталка *(входитъ)*. Иди, Фурія; твоя служба окончена; я пришла на смѣну къ тебѣ.—Но, святые боги,—что я вижу! Горе тебѣ! Горе тебѣ! Огонь потухъ.

Фурія *(въ ужасѣ)*. Потухъ, говоришь ты? Такъ ярко онъ еще никогда не разгорался,—нѣтъ, онъ не потухъ!

Весталка. Небесныя силы,—что это значитъ?

Фурія. Нѣтъ, огненное море ненависти не потухаетъ такъ легко. Знай же, любовь вспыхиваетъ—и замираетъ въ слѣдующую же минуту, но ненависть,..

Весталка. О, боги,—это сумасшествіе! *(Кричитъ)*. Сюда скорѣй! На помощь! на помощь!

(Весталки и прислужники входятъ поспѣшно).

Нѣкоторые. Что случилось?

Другіе. Огонь Весты потухъ!

Фурія. Но огонь ненависти горитъ; огонь мести разгорается бурнымъ пламенемъ.

Весталки. Вонъ, вонъ ее! На судъ и казнь! *(Уводятъ ее).*

Курій *(выступая впередъ)*. Ее ведутъ въ заточеніе. А потомъ на казнь!—Нѣтъ, нѣтъ, клянусь вѣчными богами, этому не бывать! Неужели она, самая гордая изъ всѣхъ женщинъ, окончитъ свою жизнь такимъ позорнымъ образомъ, будетъ заживо погребена?

Ахъ, я никогда еще не ощущалъ въ себѣ такихъ силъ. Что это, любовь? Да, такова несомнѣнно должна быть любовь.—Она будетъ спасена мною.—Но Катилина? Она хочетъ преслѣдовать его своею ненавистью и местью? Развѣ у него и безъ того не мало враговъ? Смѣю ли я увеличивать число его противниковъ? Онъ относился всегда ко мнѣ какъ старшій братъ; благодарность повелѣваетъ мнѣ охранять его.—Но любовь? Ахъ, что повелѣваетъ она?—И неужели онъ, смѣлый Катилина, испугается плановъ мести женщины? Нѣтъ; —сейчасъ же примусь за ея спасеніе. Подожди, Фурія;—изъ могилы я тебя выведу на праздникъ жизни,—хотя бы мнѣ самому пришлось поплатиться за это жизнью *(Быстро уходитъ)*.

(Зала въ домѣ Катилины).

Катилина *(входитъ быстро, въ волненіи)*. „Ахъ, такъ Немезида, значитъ, услышала мой зовъ; ты самъ накликалъ месть на свою голову!“ Вотъ какія слова произнесли губки мечтательницы! Удивительно! Можетъ быть, это было указаніемъ,—предостереженіемъ относительно будущаго.

Итакъ, я клятвенно обѣщалъ сдѣлаться мстителемъ за собственное преступленіе. Ахъ, Фурія, мнѣ все еще представляется твой пламенный взглядъ, грозный, точно у богини смерти! Громко звучатъ твои слова въ моихъ ушахъ; — и каж-

дый день будетъ напоминать мнѣ о моей клятвѣ!

(Во время послѣдующей рѣчи входитъ Аврелія *и приближается къ нему, не будучи замѣченною).*

Катилина. Но лучше не думать объ этомъ безуміи; — какъ его иначе назвать? Мои мысли должны направиться въ другую лучшую сторону; а мои силы — быть посвящены болѣе высокой цѣли. Настоящее тревожное время обращается ко мнѣ со своими требованіями; ему долженъ я посвятить всѣ свои мысли; надежда, сомнѣніе бушуютъ вокругъ меня, точно бурное море.

Аврелія *(беретъ его за руку).* А причину этого твоя Аврелія не можетъ узнать? Ты ей не скажешь, что такъ сильно волнуетъ твою грудь и борется въ ней? Ты не позволишь ей утѣшить тебя ласкою жены и разогнать морщины на твоемъ челѣ?

Катилина *(кротко).* О, моя Аврелія!—Какъ ты добра и нѣжна!—Но зачѣмъ стану я омрачать твою жизнь! Какъ могу я раздѣлить съ тобою мои заботы? Ты и такъ вынесла не мало страданій по моей винѣ. Теперь я самъ хочу переносить то дурное, что мнѣ уготовано судьбою, — все то проклятье, которое является слѣдствіемъ соединенія могучей душевной силы, горячихъ стремленій, съ одной стороны, и нелѣпой жизни и низменныхъ жизненныхъ условій, принижающихъ духъ, съ другой стороны.—Неужели и тебѣ большими глотками осушать до дна горькую чашу моей судьбы?

Аврелія. Принесть утѣшеніе—всегда дѣло женщины, если она не можетъ какъ, ты, мечтать о величіи. Когда мужчина борется за осуществленіе своихъ гордыхъ плановъ и получаетъ въ награду только горе и разочарованіе, — тогда кротко и нѣжно звучитъ ея рѣчь и погружаетъ его въ благодѣтельный покой; онъ начинаетъ тогда понимать, что и тихая жизнь имѣетъ свои радости, которыхъ недостаетъ шумной, бурной.

Катилина. Да, ты права, я это такъ хорошо чувствую. А все же, я не могу разстаться съ шумомъ. Вѣчное безпокойство гложетъ мою грудь;—только одна жизненная борьба можетъ утишить это чувство.

Аврелія. Но если твоей Аврелія тебѣ недостаточно, —если она не въ силахъ успокоить твою душу, — такъ открой свое сердце для дружескаго слова, для любовнаго утѣшенія изъ устъ твоей жены. Если она не въ силахъ удовлетворить этимъ горячимъ стремленіямъ, если она не можетъ слѣдовать за полетомъ твоихъ мыслей, то знай: она сумѣетъ раздѣлить всѣ твои горести и обладаетъ достаточнымъ мужествомъ и силою, чтобы облегчить твое бремя.

Катилина. Такъ выслушай же, Аврелія, я скажу тебѣ, что такъ сильно разстроило меня въ послѣдніе дни. Ты знаешь, я давно уже добиваюсь консульства, — но напрасно. Ты знаешь, какъ все это происходило: какъ я, съ цѣлью привлечь на свою сторону голоса, растратилъ...

Аврелія. О, замолчи, мой Катилина! Мнѣ больно.

Катилина. Ты также осуждаешь мой образъ дѣйствій? Что же другое мнѣ было дѣлать?—Я потратилъ свое состояніе безъ всякой пользы для дѣла, и получилъ въ награду только насмѣшки и позоръ. Недавно еще въ сенатѣ мой противникъ, коварный Цицеронъ, втопталъ меня въ грязь. Его рѣчь заключала въ себѣ описаніе моей жизни, описаніе такое ужасное, что дрожь пробрала и меня. Во всѣхъ взорахъ я читалъ ужасъ и негодованіе; имя Катилины упоминалось не иначе, какъ съ презрѣніемъ; къ потомкамъ оно перейдетъ, какъ напоминаніе о человѣкѣ, представляющемъ олицетвореніе всякаго рода пороковъ и безобразій, соединенныхъ съ бездѣліемъ, распущенностью, ненавистью ко всему благородному и борьбою съ нимъ.— И я никакимъ подвигомъ не могу очистить своего имени и доказать міру, что все сказанное было ложью. Всѣ повѣрятъ слухамъ.

Аврелія. Но я, мой супругъ, я не вѣрю этимъ слухамъ. Пусть весь свѣтъ осуждаетъ тебя; пусть осыпаетъ тебя ругательствами, — я знаю, что въ глубинѣ твоей души скрывается зародышъ, который долженъ современемъ расцвѣсти въ пышный цвѣтокъ и принесть плоды. Но здѣсь ему не распуститься; ядовитый бурьянъ скоро заглушитъ его. Оставимъ этотъ домъ порока;—что привязываетъ тебя къ нему? Развѣ намъ возможно оставаться здѣсь?

Катилина. Я долженъ уступить поле битвы,—уйти? Я долженъ отказаться отъ всѣхъ своихъ гордыхъ плановъ? Утопающій — лишенный всякой надежды — и тотъ хватается крѣпко за плавающія доски; и если влажная могила притягиваетъ его къ себѣ, и всякая надежда на спасеніе исчезаетъ,—онъ напрягаетъ послѣднія силы, обнимаетъ послѣднюю доску, попавшую ему

въ руки, и съ нею вмѣстѣ погружается въ пучину.

Аврелія. Но если ему улыбается гостепріимный берегъ съ зеленою рощею по ту сторону морскихъ волнъ, тогда надежда пробуждается вновь въ его душѣ, онъ плыветъ къ нему, къ свѣтлому лѣсу. Тамъ хорошо; тамъ царитъ мирный покой; тамъ волны безшумно набѣгаютъ на берегъ; тамъ онъ расправитъ свои усталые члены, и свѣжій вечерній вѣтерокъ будетъ обвѣвать его лобъ; — онъ разгонитъ всѣ мрачныя облака заботъ; въ его душу вернется утѣшительное спокойствіе;—тамъ поселится онъ и найдетъ себѣ пріятное убѣжище и забвеніе прошлыхъ тяжелыхъ дней. Только отдаленное отраженіе мірского шума проникаетъ въ его свѣтлую обитель. Оно не нарушаетъ міра, царящаго въ его душѣ, которая становится только болѣе спокойною и радостною; оно напоминаетъ ему о давно прошедшихъ временахъ, съ ихъ разрушенными планами и дикими радостями; онъ найдетъ эту тихую жизнь вдвойнѣ прекрасною—и не захочетъ промѣнять ее на почести, расточаемыя римлянами.

Катилина. Ты говоришь правду, и въ эту минуту я готовъ былъ бы послѣдовать за тобою, уйти подальше отъ этого шума и отъ этой борьбы. Но можешь ли ты указать мнѣ на мѣсто, столь скрытое отъ всѣхъ, чтобы мы могли жить въ немъ въ тишинѣ и спокойствіи?

Аврелія *(радостно)*. Ты согласенъ, Катилина? Что за радость!—Ахъ, она такъ велика, что моя грудь не въ силахъ, кажется, вмѣстить ее! Но хорошо! Еще этою ночью мы уѣдемъ.

Катилина. Куда мы уѣдемъ? Назови мнѣ такое мѣсто, гдѣ я могъ бы спокойно преклонить свою голову!

Аврелія. Какъ ты можешь это говорить? Ты забылъ нашъ маленькій сельской домъ, гдѣ протекало мое дѣтство, и гдѣ въ чудное время первой любви мы прожили вмѣстѣ столько пріятныхъ лѣтнихъ дней? Развѣ трава не была тамъ болѣе зеленою, чѣмъ здѣсь? А тѣнь лѣса не казалась намъ болѣе прохладною? Бѣлая вилла выступаетъ среди мрачныхъ деревьевъ, приглашая успокоиться въ ней. Туда мы убѣжимъ и посвятимъ свою жизнь сельскимъ занятіямъ и спокойнымъ наслажденіямъ;—тамъ тебя будетъ развеселять любящая жена; поцѣлуемъ разсѣютъ она твою печаль.

(Улыбаясь).

И когда, съ полевыми цвѣтами на груди, ты войдешь ко мнѣ,—своей властительницѣ, — тогда я громко провозглашу имя моего князя цвѣтовъ и обовью лавровымъ вѣнкомъ его чело.—Но почему ты блѣднѣешь? Ты крѣпко жмешь мою руку—и странно горятъ твои взоры.

Катилина. Горе мнѣ, Аврелія! твоя радость была напрасна; повезти тебя туда я не могу, ни теперь, ни когда бы то ни было!

Аврелія. Ты пугаешь меня! Но, скажи правду, — ты пошутилъ. Катилина?

Катилина. Я пошутилъ! Ахъ, если бы это была одна лишь шутка! Но всякое твое слово, подобно острой стрѣлѣ мести, пронзаетъ эту измученную грудь, которую судьба никогда больше не оставитъ въ покоѣ.

Аврелія. О, боги! говори. Что ты хочешь сказать?

Катилина. О, взгляни сюда! Вотъ твой сельской домикъ,—вотъ твоя будущая радость.

(Онъ вынимаетъ кошелекъ съ золотомъ и бросаетъ на столъ).

Аврелія. Ахъ, ты продалъ?

Катилина. Все продалъ я вчера;— и съ какою цѣлью? Ахъ, чтобы подкупать...

Аврелія. Ни слова больше. Перестанемъ думать объ этомъ, такъ какъ всѣ эти мысли принесутъ намъ только новое горе.

Катилина. Меня твое кроткое терпѣніе гнететъ гораздо больше, чѣмъ крикъ страданія изъ твоихъ устъ.

(Старый солдатъ входитъ и приближается къ Катилинѣ).

Солдатъ. Извини меня, господинъ, если я вхожу такъ поздно, безъ доклада, въ твое жилище. Не сердись.

Катилина. Чего тебѣ нужно?

Солдатъ. Я пришелъ сюда съ самою покорною просьбою. Ты навѣрное захочешь выслушать меня. Я бѣдный человѣкъ, потратившій всѣ свои силы на защиту чести Рима. Теперь я ослабѣлъ, не могу больше служить, и мое оружіе ржавѣетъ дома, повѣшенное на стѣнѣ. Вся надежда моей старости сосредоточена на моемъ сынѣ. Онъ кормилъ меня до сихъ поръ работою своихъ рукъ. Ахъ,—а теперь за долги его посадили въ тюрьму! И никакого спасенья ему нѣтъ.— Помоги мнѣ, помоги мнѣ, господинъ!

(Бросается на колѣни).

Дай мнѣ немного денегъ! Я ходилъ изъ дома въ домъ, но всѣ двери давнымъ давно заперты. Я не знаю больше, что дѣлать, куда обратиться.

Катилина. Какъ это похоже на нихъ. Вотъ образчикъ нужды, которую терпятъ многіе и многіе! Вотъ какъ вознаграждаютъ за трудъ храбрыхъ стариковъ! Въ Римѣ не найти больше благодарности. Было время, когда я, негодуя, каралъ ихъ всѣхъ мечомъ и краснымъ пламенемъ; но кроткія слова только что прозвучали въ моихъ ушахъ; я настроенъ теперь на мирный ладъ; наказывать я не хочу;—но смягчать горести—доброе дѣло.—Вотъ, старый воинъ,—уплати этими деньгами твой долгъ!

(Протягиваетъ ему кошелекъ съ деньгами).

Солдатъ *(встаетъ)*. О, добрый господинъ!—смѣю ли я вѣрить твоему слову?

Катилина. Да, иди скорѣй, старикъ; освободи надежду твоей старости.

(Солдатъ быстро удаляется).

Катилина. Это лучшее употребленіе—не правда ли, Аврелія? — чѣмъ если бы я потратилъ ихъ на подкупъ голосовъ. Правда, пріятно сокрушить силу могущественнаго человѣка, но утѣшить несчастнаго также приноситъ удовольствіе.

Аврелія *(бросаясь въ его объятія)*. О, твоя душа еще велика и благородна! я узнаю опять своего Катилину.

(Подземный склепъ съ недавно замурованнымъ отверстіемъ, высоко наверху у задней стѣнки. Лампа слабо горитъ).

(Фурія въ длинной черной одеждѣ стоитъ, прислушиваясь, внизу въ склепѣ).

Фурія. Какой то глухой гулъ. Наверху навѣрное гремитъ. Грохотаніе доносится ко мнѣ въ могилу. Но могила сама такъ тиха — такъ тиха! Неужели я осуждена на вѣчный покой! Я не уйду отсюда гулять по извилистымъ тропинкамъ лѣса,— какъ я любила когда то?

(Послѣ нѣкотораго молчанія).

Странная это была жизнь!—странная судьба! Какъ падающая звѣзда, все прошло—и исчезло! Онъ встрѣтился со мною. Какая то таинственная волшебная сила, какое то внутреннее созвучіе неудержимо влекло насъ другъ къ другу. Я была его богинею мести, онъ—моею жертвою, — но наказаніе настигло вскорѣ и мстительницу.

(Опять молчаніе).

Теперь наверху свѣтло!—Я буду—незамѣтно—удалена внизъ изъ жилища свѣта? Ахъ, хорошо, если такъ,—если это пребываніе въ глубинѣ могилы не болѣе, какъ полетъ на крыльяхъ молніи въ страну мрака, если я все больше и больше приближаюсь къ широкому Стиксу. Волны, тяжелыя, какъ свинецъ, набѣгаютъ на берегъ; Харонъ безшумно переѣзжаетъ черезъ потокъ на своей лодкѣ. Скоро и я буду тамъ. Я молча сяду у мѣста переправы—и буду спрашивать каждую душу, каждую легкокрылую тѣнь, которая изъ царства жизни, легко ступая, приблизится къ потоку смерти,—буду спрашивать ихъ, какъ проводитъ свое время Катилина среди живущихъ тамъ наверху, — буду спрашивать, какъ держитъ онъ свою клятву. При голубоватомъ свѣтѣ фонаря я буду смотрѣть въ очи всѣмъ мертвымъ, чтобы увидѣть, не Катилина ли это. А когда онъ явится, я послѣдую за нимъ,—мы оба совершимъ переѣздъ и разомъ вступимъ молча въ тихую залу Плутона. Я и тѣнью буду слѣдовать за его тѣнью;—гдѣ Катилина, тамъ должна быть и Фурія.

(Послѣ молчанія, слабѣе).

Ахъ, воздухъ становится такимъ тяжелымъ, душнымъ,—все труднѣе и труднѣе дышать! Я, значитъ, приближаюсь къ мрачному потоку, къ которому медленно стекаются ручьи подземнаго міра.

(Прислушивается: слышенъ глухой шумъ).

Какой то тихій шумъ! Онъ звучитъ, точно удары веселъ. Это перевозчикъ мертвецовъ, онъ ѣдетъ за мною. Нѣтъ, здѣсь—здѣсь буду я ждать его.

(Камни въ недавно замурованномъ отверстіи падаютъ на полъ склепа. У входа показывается Курій; онъ дѣлаетъ ей знакъ рукою).

Фурія. Добро пожаловать, Харонъ! Ты уже приготовился отвезти меня гостьею въ палаты смерти? *Здѣсь* буду я ждать.

Курій *(шепотомъ)*. Молчи;—я спасаю тебя!

Дѣйствіе второе.

(Залъ въ домѣ Катилины, съ открытою колоннадою въ глубинѣ. Лампа освѣщаетъ залу).

(Катилина ходитъ взадъ и впередъ. Лентулъ и Цетегъ разговариваютъ съ нимъ).

Катилина. Нѣтъ, нѣтъ. Я повторяю: вы сами не понимаете, чего требуете отъ меня. Неужели я долженъ измѣническимъ образомъ начать гражданскую войну, запятнать свои руки кровью римлянъ? Я никогда этого не сдѣлаю. Тогда весь городъ проклянетъ меня!

Лентулъ. Такъ ты не хочешь, Катилина?

Катилина. Нѣтъ, не хочу.

Цетегъ. Скажи мнѣ, — тебѣ не за что мстить—нѣтъ никого, противъ кого ты строилъ бы козни?

Катилина. Пусть кто хочетъ, мститъ, —я же не хочу! Но молчаливое презрѣнье —также месть; —я буду мстить презрѣніемъ.

Цетегъ. Ага, — мы пришли въ неудачное время! Но завтрашній день настроитъ тебя навѣрное на другія мысли.

Катилина. Почему именно завтрашній день?

Цетегъ. Распространились какіе то странные слухи. Сегодня одну весталку подвергли казни.

Катилина *(съ удивленіемъ)*. Весталку? Ахъ, что ты говоришь?

Лентулъ. Да, конечно, весталку. И вотъ многіе говорятъ...

Катилина. Что они говорятъ?

Цетегъ. Что ты не безъ вины въ этомъ мрачномъ дѣлѣ.

Катилина. И это думаютъ обо мнѣ?

Лентулъ. Гмъ!—такой распространился слухъ. Ну да,—для насъ, для твоихъ старыхъ друзей, это не имѣетъ никакого значенія.—Но народъ, Катилина, судитъ строже.

Катилина *(задумавшись)*. И она уже умерла?

Катилина. Безъ всякаго сомнѣнія. Провести одинъ часъ въ склепѣ преступниковъ больше чѣмъ достаточно.

Лентулъ. Этотъ вопросъ насъ не касается; не для того заговорили мы о ней. Но выслушай меня, Катилина. Подумай хорошенько. Ты добивался консульства. Все твое благосостояніе зависѣло отъ осуществленія этой надежды; теперь она навѣки погибла; теперь все кончено.

Катилина *(попрежнему)*. „Ты самъ накликалъ месть на твою голову!“

Цетегъ. Отбрось всѣ эти мысли; онѣ ничему не помогутъ. Выкажи себя мужчиною; еще есть возможность выиграть сраженіе, — у тебя достаточно друзей; мы послѣдуемъ за тобою при первомъ твоемъ знакѣ.—Тебя это не искушаетъ? Отвѣчай.

Катилина. Нѣтъ, повторяю я. И ради чего хотите вы вступать въ заговоръ? Говорите искренно, честно. Что васъ побуждаетъ, любовь къ свободѣ? Вы хотите разрушить все для того, чтобы обновить величіе Рима?

Лентулъ. Нѣтъ, конечно, нѣтъ; но надежда на собственное возвышеніе можетъ служить достаточною побудительною причиною, Катилина.

Цетегъ. А средствами для наслажденія жизнью не слѣдъ пренебрегать. *Это* заставляетъ меня домогаться перемѣнъ. Я вѣдь не честолюбивъ.

Катилина. Я это зналъ. Только мелкіе разсчеты собственной выгоды заставляютъ васъ желать борьбы. Нѣтъ-друзья, нѣтъ; я стремился къ болѣе высокимъ цѣлямъ. Правда, я старался подкупомъ обезпечить себѣ консульство; но въ то же время я строилъ болѣе возвышенные планы, чѣмъ какихъ можно было ожидать отъ такого рода средствъ. Цѣлью моихъ стремленій были гражданская свобода и благо государства. Мои намѣренія перетолковали въ дурную сторону; наружность была противъ меня. Моя судьба этого хотѣла. Такъ должно было быть!

Цетегъ. Ну, хорошо; но мысль о толпѣ друзей, которыхъ ты можешь спасти отъ гибели и позора? Ты знаешь, что еще не много пройдетъ времени, и мы будемъ доведены до нищеты нашею расточительною жизнью.

Катилина. Такъ остановитесь во время,—таково мое рѣшеніе.

Лентулъ. Какъ, Катилина,—ты хочешь измѣнить свой образъ жизни? Ха, ха, ха! Ты, конечно, шутишь?

Катилина. Напротивъ, я говорю совершенно серьезно, — клянусь великими богами!

Цетегъ. Ну, такъ на него нечего больше разсчитывать. Идемъ, Лентулъ, передадимъ товарищамъ данный имъ отвѣтъ. Мы найдемъ ихъ за веселымъ пиромъ у Бибула.

Катилина. У Бибула? Какъ много веселыхъ ночей провелъ я съ вами у Бибула! Теперь конецъ моей распутной жизни! Еще до разсвѣта я покину городъ.

Лентулъ. Что ты говоришь?

Цетегъ. Ты хочешь уѣхать отсюда?

Катилина. Сегодня же ночью, въ сопровожденіи моей жены, я распрощусь на вѣки съ Римомъ. Въ долинахъ Галліи построю я себѣ домъ;—и поле, которое я стану обрабатывать, будетъ кормить меня.

Цетегъ. Ты хочешь покинуть городъ, Катилина?

Катилина. Я хочу, я долженъ. Здѣсь меня гнететъ позоръ. Ахъ, у меня хватаетъ мужества переносить мою бѣдность, но во взорахъ всѣхъ римлянъ я читаю насмѣшку и дерзкое презрѣніе!—Нѣтъ, нѣтъ, это слишкомъ тяжело! Въ Галліи я буду жить въ одиночествѣ, вдали отъ всѣхъ и

всего; тамъ я забуду, чѣмъ былъ когда то, тамъ я заглушу въ себѣ стремленія къ высокимъ цѣлямъ и буду вспоминать о прошломъ, какъ о смутномъ сновидѣніи.

Лентулъ. Ну, въ такомъ случаѣ прощай; желаю тебѣ счастья!

Цетегъ. Вспоминай о насъ дружелюбно, какъ мы будемъ вспоминать о тебѣ, Катилина. Пойдемъ, разскажемъ братьямъ о новыхъ твоихъ замыслахъ.

Катилина. Передайте имъ также мое братское прощаніе.

(Лентулъ и Цетегъ уходятъ).

Аврелія *входитъ въ залу, но робко останавливается при видѣ уходящихъ; по уходѣ ихъ она приближается къ Катилинѣ).*

Аврелія *(съ кроткимъ упрекомъ).* Опять эти буйные пріятели пришли къ тебѣ въ твой домъ. О, Катилина!

Катилина. Это было въ послѣдній разъ. Теперь я распростился съ ними. Всѣ связи, соединяющія меня съ Римомъ, порвались навсегда.

Аврелія. Я сложила уже наше небольшое имущество. Оно не велико,—но его достаточно для незатѣйливой жизни, Катилина.

Катилина *(задумчиво).* Его больше чѣмъ нужно для меня, потерявшаго все.

Аврелія. Ахъ, не задумывайся надъ тѣмъ, чего нельзя измѣнить;— забудь, что ты...

Катилина. Хорошо тому, кто можетъ забыть! кто въ силахъ вырвать изъ своей души всѣ воспоминанія, всѣ надежды и желанія! Не мало надо времени, прежде чѣмъ я дойду до подобнаго состоянія; но я постараюсь.

Аврелія. Я помогу тебѣ, и твое горе будетъ смягчено. Но уѣхать отсюда мы должны возможно скорѣе. Здѣсь жизнь не перестаетъ искушать тебя.— Не правда ли,—мы уѣдемъ еще сегодня ночью?

Катилина. Да, да, — сегодня же ночью, Аврелія!

Аврелія. Я собрала то небольшое количество денегъ, которое у насъ осталось; его хватитъ на путешествіе.

Катилина. Хорошо, хорошо. А свой мечъ я продамъ. На что мнѣ теперь онъ?

Аврелія. Ты будешь пахать землю, а я буду помогать тебѣ. Скоро вокругъ нашего дома расцвѣтутъ розы и прелестныя незабудки, какъ предупрежденіе о томъ, что близко время когда ты будешь любовно привѣтствовать каждое воспоминаніе о прошломъ, пробуждающееся въ твоей душѣ.

Катилина. Это время, Аврелія? Я боюсь, дорогая, что оно скрывается еще въ отдаленной синевѣ будущаго.

(Менѣе печально).

Иди къ себѣ, жена моя; отдохни немного! Вскорѣ послѣ полуночи мы отправимся въ путь;—тогда городъ погрузится въ глубокій сонъ и никто не узнаетъ, куда мы направили свои шаги. Первый проблескъ утренней зари застанетъ насъ далеко, далеко отсюда; подъ сѣнью лавровыхъ деревьевъ мы отдохнемъ на мягкомъ травяномъ коврѣ.

Аврелія. Но новая жизнь обѣщаетъ намъ больше счастья, чѣмъ та, которую мы покидаемъ здѣсь. Теперь я уйду. Часа отдыха будетъ достаточно, чтобы укрѣпить мои силы.—Спокойной ночи, мой Катилина!

(Она обнимаетъ его и уходитъ).

Катилина *(глядя ей вслѣдъ).* Она ушла! Ахъ, какъ ея уходъ облегчилъ меня! Могу, наконецъ, сбросить съ себя это тягостное молчаніе, эту маску довольства, радости, которая не находитъ никакого отклика въ моемъ сердцѣ. Она—мой добрый геній. Она опечалится, замѣтивъ мои сомнѣнія. Я долженъ ихъ скрывать. Но эту минуту отдыха я посвящу разсмотрѣнію моей погубленной жизни.—Ахъ лампа разсѣеваетъ мои мысли; здѣсь должно быть темно,—темно, какъ въ моей душѣ!

(Тушитъ лампу; луна просвѣчиваетъ черезъ колоннаду въ глубинѣ сцены).

Снова свѣтъ,—снова свѣтъ! Ну, пусть! —лунный свѣтъ какъ разъ подходящій для того полумрака, который окружаетъ и всегда окружалъ мой путь.

Гмъ, Катилина,—значитъ, этотъ день —послѣдній для тебя? Завтра уже ты перестанешь быть тѣмъ Катилиною, какимъ былъ вчера. Далеко, въ пустынной Галліи будетъ протекать моя жизнь въ неизвѣстности, какъ ручей въ лѣсу.—Теперь я отогналъ прочь отъ себя всѣ свои мечты о власти, о величіи, богатой подвигами жизни;—онѣ разсѣялись какъ, туманъ; внутри моей души зарождались эти мечты: о нихъ никто не зналъ.

Меня пугаетъ не это тупое замираніе, не этотъ покой, эта отдаленность отъ свѣтскаго шума. Если бы хоть на одно мгновеніе я могъ блеснуть и освѣтить мракъ, какъ звѣзда въ своемъ паденіи,—если бы я хоть разъ могъ прославиться славнымъ подвигомъ и сдѣлать имя „Катилина“ предметомъ безсмертныхъ легендъ, покрывъ его неувядающею славою,—тогда я съ ра-

достью, въ моментъ побѣды, покинулъ бы все,—убѣжалъ бы къ отдаленному берегу, проткнулъ бы мечомъ свою грудь и умеръ бы свободнымъ и счастливымъ; — потому что тогда я могъ бы сказать: я жилъ.

Но эта судьба, предстоящая мнѣ — смерть безъ жизни — возможно ли примириться съ нею? Неужели мнѣ такъ суждено погибнуть?

(Съ распростертыми руками).

Дайте знакъ, разгнѣванные боги,— что такова именно моя участь—исчезнуть изъ жизни забытымъ, не оставивъ по себѣ и слѣда!

Фурія *(скрытая за колоннами).* Нѣтъ, она не такова, Катилина.

Катилина *(отступая на шагъ).* Кто заговорилъ? Чей голосъ сказалъ это? Голосъ духа изъ подземнаго міра тѣней?

Фурія *(выступая впередъ, освѣщенная луною).* Я твоя тѣнь.

Катилина *(въ ужасѣ).* Привидѣніе весталки!

Фурія. Глубоко ты, должно быть, палъ, если пугаешься меня.

Катилина. Говори. Ты поднялась изъ гроба, чтобы преслѣдовать меня своею ненавистью и местью?

Фурія. Ты говоришь: преслѣдовать? Я твоя тѣнь. Я должна сопровождать тебя, куда бы ты ни пошелъ *(Приближается къ нему).*

Катилина. Она жива. О боги,—это она сама, а не ея духъ!

Фурія. Духъ или нѣтъ — все равно: я сопровождаю отнынѣ тебя всюду.

Катилина. Съ кровавою местью.

Фурія. Въ гробу ненависть потухаетъ, какъ любовь и всѣ другія страсти, которыя гнѣздятся въ грудяхъ живыхъ. Только одно стоитъ непоколебимо въ жизни и смерти и не можетъ перемѣниться.

Катилина. Что же? Говори прямо.

Фурія. Твоя судьба, Катилина.

Катилина. Моя судьба извѣстна только мудрымъ богамъ,—а не людямъ.

Фурія. Я знаю ее.—Я твоя тѣнь;— таинственныя узы связываютъ насъ.

Катилина. Узы ненависти.

Фурія. Нѣтъ. Когда ты слышалъ, чтобы духъ возставалъ изъ душной глубины гроба съ ненавистью и жаждою мщенія? Послушай, Катилина! Я потушила въ волнахъ подземнаго потока весь земной огонь, бушевавшій въ моей груди. Теперь ты видишь передъ собою не прежнюю Фурію,—дикую, необузданную, — которую ты нѣкогда любилъ.

Катилина. Развѣ ты перестала ненавидѣть меня?

Фурія. Я тебя больше не ненавижу. Когда я стояла въ гробу,—на мѣстѣ раздѣла между жизнью и смертью, колеблясь между ними, готовая въ слѣдующую же минуту отправиться гостить въ подземный міръ, —какая то странная внезапная дрожь охватила меня; — я сама не знаю, что со мною сталось;—во мнѣ произошла удивительная перемѣна;—далеко куда то умчались моя ненависть, моя жажда мести, вся моя душа; исчезло всякое воспоминаніе о земныхъ страстяхъ и стремленіяхъ; только имя „Катилина“ осталось начертаннымъ, попрежнему, въ моей душѣ огненными, кроваво-красными письменами.

Катилина. Удивительно! Кто бы ты ни была,—человѣкъ или тѣнь подземнаго міра, — но въ твоихъ черныхъ очахъ заключается чародѣйская ужасная сила.

Фурія. Твой духъ также силенъ, какъ и мой, и тѣмъ не менѣе ты намѣренъ робко и трусливо отказаться отъ всякой надежды на побѣду и власть. Боязливо поворачиваешься ты спиной къ тому мѣсту, гдѣ твои скрытые планы могли бы развернуться и созрѣть при свѣтѣ дня.

Катилина. Я долженъ это сдѣлать. Меня принуждаетъ къ тому неумолимая судьба.

Фурія. Твоя судьба? Для чего же тебѣ даны геройскія силы если, не для борьбы съ тѣмъ, что ты называешь судьбою?

Катилина. Ахъ, я достаточно уже боролся. Развѣ моя жизнь не представляетъ одну лишь неустанную борьбу? И какую же пользу принесла эта борьба? Только одно презрѣніе и позоръ.

Фурія. Ты глубоко палъ. Ты стремишься къ смѣлой, выдающейся цѣли, желалъ бы отъ души достигнуть ея — и пугаешься перваго препятствія, которое становится у тебя на пути.

Катилина. Тутъ дѣло не въ боязни. Цѣль, которую я себѣ поставилъ, недостижима; — все это было лишь юношескою мечтою.

Фурія. Теперь ты самъ обманываешь себя, Катилина. Зачѣмъ отступаешь ты передъ поставленною тобою цѣлью? Твоя душа велика,—достойна властителя Рима, —и у тебя есть друзья.—Ахъ, зачѣмъ ты колеблешься?

Катилина *(раздумывая).* Я долженъ?—Что ты хочешь сказать?—Кровью моихъ согражданъ?

Фурія. Ты мужчина—или женщина? Ты забылъ ту римлянку, которая взошла на престолъ, переступая черезъ трупъ своего отца? Я чувствую себя Туллліею;—а ты? Презирай себя самого,—презирай себя, Катилина!

Катилина. Неужели я долженъ презирать себя, если я пересталъ подчиняться порывамъ дикаго честолюбія?

Фурія. Ты стоишь теперь на перекресткѣ своей жизни. На одной сторонѣ тебя ждетъ пустая жизнь, лишенная блеска, подвиговъ,—средина между смертью и тупою дремотою;—на другой сторонѣ выясняется вдали престолъ властителя. Выбирай, Катилина!

Катилина. Ты къ моей погибели меня влечешь и искушаешь!

Фурія. Перестань колебаться,—и въ твоихъ рукахъ будетъ благосостояніе гордаго Рима на всѣ времена. Блескъ и власть, могущество скрыты въ нѣдрахъ твоей судьбы,—а ты колеблешься,—ты не смѣешь дѣйствовать. Ты убѣгаешь въ лѣса, гдѣ поблекнутъ всѣ надежды, нѣкогда волновавшія тебя. Ахъ, Катилина, неужели въ твоемъ сердцѣ не осталось и слѣда честолюбивыхъ мечтаній? Неужели эта гордая душа, рожденная для власти и почета, исчезнетъ безвѣстно въ безъименной пустынѣ? Да, уѣзжай! Но знай—тогда погибло навсегда то, что ты еще могъ добыть себѣ смѣлымъ подвигомъ.

Катилина. Продолжай! Продолжай!

Фурія. Со страхомъ и ужасомъ будутъ вспоминать будущіе роды о твоемъ имени. Вся твоя жизнь—была одною лишь рискованною игрою;—а между тѣмъ, имя твое могло бы звучать въ свѣтѣ примиренія, передаваемое потомкамъ легендою, если бы ты могучею рукою пробилъ себѣ путь черезъ грозный потокъ,—если бы рабскія, ползучія облака, опутавшія твой гордый духъ, были разсѣяны новосозданнымъ небомъ свободы, если бы ты захотѣлъ опять...

Катилина. Довольно! Ты затронула струну, все еще звучащую въ глубинѣ моего сердца;—твоя рѣчь кажется мнѣ отраженіемъ того, что мое сердце шепчетъ днемъ и ночью.

Фурія. Я тебя опять узнаю, Катилина!

Катилина. Я не уѣду!—Ты во время пробудила вновь мужество моей юности и пылкія стремленія моего зрѣлаго возраста. Да, я буду озарять собою павшій Римъ,—наведу на римлянъ ужасъ, точно огонь, павшій съ небесъ. Вы, гордые бездѣльники,—вы узнаете, что вамъ не удалось сокрушить меня, если даже моя жажда борьбы и улеглась было на время!

Фурія. Послушай меня! Мы должны покоряться велѣніямъ рока,—исполнять то, къ чему насъ предназначили могучія силы мрака. Ну, хорошо! Моя ненависть исчезла безъ слѣда;—такъ повелѣла судьба,—такъ и должно быть.—Подай мнѣ руку для вѣчнаго союза!—Ахъ, почему ты колеблешься? Ты не хочешь?

Катилина. Хочу ли я?—Я смотрю въ твои глаза. Они горятъ, точно молнія среди ночной тьмы. Теперь ты улыбнулась. Ахъ, такою именно представлялъ я себѣ свою Немезиду.

Фурія. Какъ? Если ты хочешь видѣть ее, загляни въ глубь своей души. Развѣ ты забылъ свою клятву?

Катилина. Я помню ее,—а все же мстительницею казалась мнѣ всегда ты.

Фурія. Я только отраженіе твоей собственной души.

Катилина *(размышляя)*. Что ты сказала? Я смутно предчувствую то, что не могу понять: передо мною носятся какія-то таинственныя видѣнія,—я не могу объяснить ихъ себѣ. Здѣсь слишкомъ темно.

Фурія. Здѣсь и должно быть темно. Мракъ—наше царство; въ тьмѣ мы царимъ. Иди; подай мнѣ руку на вѣчный союзъ!

Катилина *(пылко)*. Прекрасная Немезида,—моя тѣнь,—отраженіе моей собственной души,—вотъ моя рука на мрачный и вѣчный союзъ.

(Онъ порывисто хватаетъ ее за руку; она смотритъ на него съ натянутою улыбкою).

Фурія. Теперь мы никогда больше не разстанемся!

Катилина. Ахъ, пожатіе твоей руки точно огнемъ опалило меня! Въ моихъ жилахъ течетъ теперь не кровь, а горячее пламя;—слишкомъ тѣсно становится для моей души; передъ моими очами темнѣетъ! Теперь огненное море засіяетъ и надъ Римомъ!

(Вынимаетъ мечъ и потрясаетъ имъ).

Мой мечъ! Мой мечъ! Ахъ, видишь, какъ онъ блеститъ! Скоро онъ окрасится въ кровь побѣжденныхъ. Что со мною? Мой лобъ горитъ, цѣлая масса видѣній гонитъ меня прочь отсюда.—Тутъ и ненависть, тутъ и побѣда и возрожденіе всѣхъ моихъ мечтаній о величіи, могуществѣ и вѣчной памяти среди потомства.

Мой боевой кличъ: смерть и красное пламя! На Капитолій! Теперь только чувствую я себя самимъ собою!

(Онъ выбѣгаетъ изъ залы; Фурія слѣдуетъ за нимъ).

(Внутренность слабо освѣщеннаго трактира).

(Статилій, Габиній, Цепарій *вмѣстѣ съ нѣсколькими* молодыми римлянами *входятъ).*

Статилій. Здѣсь, друзья, проведемъ мы ночь; здѣсь мы въ безопасности; никто не услышитъ насъ.

Габиній. Да, конечно; теперь мы будемъ пить, пировать, наслаждаться. Кто знаетъ, сколько времени предстоитъ намъ еще жить?

Цепарій. Нѣтъ, подождемъ сначала вѣсти, которую намъ должны принесть Лентулъ и Цетегъ.

Габиній. Ахъ, пусть себѣ приносятъ, что хотятъ! Вотъ вино: попробуемъ пока его. Скорѣе, братья,—затянемъ веселую пѣсню!

(Слуги входятъ съ виномъ и чашами).

Всѣ друзья *(поютъ):*

Бахусу слава!
Чашу подымемъ,
Выпьемъ до дна
Въ честь божества!
Сокъ виноградный
Въ чашу польется.
Всѣ мы съ восторгомъ
Пьемъ и смѣемся.

Лаской встрѣчаетъ насъ
Батюшка Либеръ!
Славно искрится
Въ чашахъ вино.
Выпьемъ же, други!
Радуетъ насъ
Крѣпкій напитокъ,
Духъ веселитъ.

Ты же всѣмъ больше
Бодрость вливаешь,
Чистый Фалернскій
Чудный напитокъ!
Духъ оживляешь,
Силъ придаешь,
Радость вселяешь
Въ наши сердца.

Бахусу слава!
Чашу подымемъ,
Выпьемъ до дна
Въ честь божества!
Сокъ виноградный
Въ чашу польется,
Всѣ мы съ восторгомъ
Пьемъ и смѣемся!

(Лентулъ и Цетегъ *входятъ).*

Лентулъ. Перестаньте пѣть и веселиться.

Статилій. Въ чемъ дѣло? Развѣ Катилина не съ вами?

Габиній. Онъ, надѣюсь, согласился?

Цепарій. Что онъ отвѣтилъ? Говори скорѣе. Разскажи намъ все, какъ было.

Цетеръ. Онъ далъ намъ совсѣмъ не такой отвѣтъ, какого мы ожидали отъ него.

Габиній. Что же онъ сказалъ?

Лентулъ. Онъ отказался отъ всѣхъ нашихъ предложеній, не хотѣлъ и слышать о нашихъ проектахъ.

Статилій. Неужели это правда?

Цепарій. Почему онъ отказался?

Лентулъ. Онъ не захотѣлъ, вотъ вамъ и весь сказъ. Онъ измѣняетъ намъ, покидаетъ друзей,—покидаетъ городъ.

Статилій. Ты говоришь: покидаетъ?

Цетегъ. Онъ уѣзжаетъ отсюда въ эту же ночь. Откладывать отъѣзда онъ не можетъ, — онъ приводилъ основательныя причины.

Лентулъ. Никакихъ основательныхъ причинъ у него не было, а только одна трусость. Въ минуту опасности онъ намъ коварно измѣняетъ.

Габиній. А-а, вотъ какова дружба Катилины!

Цепагій. Нѣтъ, Катилина не былъ никогда ни вѣроломнымъ, ни измѣнникомъ.

Лентулъ. А все же онъ уѣзжаетъ.

Статилій. А съ нимъ исчезаетъ и наша надежда. Гдѣ найти теперь человѣка, который могъ бы руководить нами?

Цепарій. Его намъ не найти. Всѣ наши планы рушатся.

Лентулъ. Подождите отчаяваться, друзья. Послушайте сначала, что я думаю объ этомъ дѣлѣ. Что мы рѣшили? Съ оружіемъ въ рукахъ добиться того, въ чемъ намъ отказываетъ несправедливая судьба. Насъ притѣсняютъ;—но мы хотимъ властвовать. Мы терпимъ нужду;—но наша цѣль—добыть себѣ богатство.

Много голосовъ. Да, власть и богатство! Мы хотимъ власти и богатства!

Лентулъ. Ну, хорошо!—Въ предводители мы избрали себѣ друга, на котораго могли, какъ мы думали, вполнѣ положиться. Онъ измѣнилъ нашему довѣрію, повернулся спиною къ опасности. Но, друзья мои, не отчаявайтесь! Онъ увидитъ, что мы можемъ обойтись и безъ него. Чего намъ надо? Только одного: человѣка мужественнаго и смѣлаго, который сталъ бы во главѣ насъ.

Нѣкоторые. Назови намъ такого человѣка!

Лентулъ. А если я назову его и онъ предстанетъ передъ вами, вы изберете его своимъ вождемъ?

Нѣкоторые. Да, изберемъ.

Другіе. Да, да, охотно.

Статилій. Назови же его, другъ.

Лентулъ. Что, если это я самъ?

Габиній. Ты самъ?

Цепарій. Ты, Лентулъ?

Многіе *(съ сомнѣніемъ)*. Ты хочешь предводительствовать нами?

Лентулъ. Да, хочу.

Цетегъ. А будешь ли ты въ состояніи справиться со своею задачею? Для этого требуется сила Катилины и его неукротимое мужество.

Лентулъ. Недостатка въ мужествѣ у меня нѣтъ, нѣтъ и недостатка въ силѣ. Только скорѣй возьмемся за дѣло. Или вы намѣрены отступить теперь, когда всякая минута дорога? Теперь или никогда. Все предвѣщаетъ счастливый исходъ.

Статилій. Хорошо,—мы послѣдуемъ за тобою!

Многіе. Мы послѣдуемъ за тобою!

Габиній. Ну, да,—разъ Катилина покинулъ насъ, ты скорѣе всѣхъ послѣ него можешь взять въ свои руки руководство нами.

Лентулъ. Такъ послушайте; я изложу вамъ сейчасъ, какой образъ дѣйствій придумалъ. Прежде всего...

(Катилина входитъ поспѣшно).

Катилина. Я здѣсь, друзья!

Всѣ. Катилина!

Лентулъ *(въ сторону)*. Онъ!—проклятье!

Катилина. Скажите прямо,—чего вы требуете отъ меня? Но нѣтъ! я знаю, въ чемъ дѣло. Я согласенъ стать во главѣ васъ. Хотите вы слѣдовать за мною?

Всѣ *(кромѣ Лентула)*. Да, Катилина, да,—мы послѣдуемъ за тобою.

Статилій. Насъ обманули.

Габиній. Намъ наклеветали на тебя.

Цепарій. Намъ сказали, что ты хочешь уѣхать и отказываешься руководить нашимъ дѣломъ.

Катилина. Я такъ и хотѣлъ. Но теперь я этого больше не хочу; теперь я живу только для одной великой цѣли.

Лентулъ. Но какая въ сущности твоя цѣль?

Катилина. Моя цѣль выше, чѣмъ ты,—а можетъ быть и другіе,—воображаете. Послушайте меня, друзья. Прежде всего я хочу склонить на сторону нашего дѣла всѣхъ свободолюбивыхъ гражданъ, которые выше всего ставятъ честь народа и благосостояніе родины. Старый духъ Рима еще живъ;—послѣдняя искра его, надѣюсь, еще не потухла. Теперь она разгорится вновь яркимъ пламенемъ, такимъ сильнымъ, какимъ она еще никогда не свѣтила. Ахъ, слишкомъ долго царила надъ Римомъ рабская тьма, мрачная, какъ ночь! Смотрите, это государство,—хотя и кажется по виду гордымъ и могущественнымъ,—колеблется и готово пасть. За него должна взяться сильная рука, чтобы поддержать его: многое здѣсь нужно очистить, многое искоренить съ самаго дна; надо пробудить отъ сна сонное общество, уничтожить власть негодяевъ, отравляющихъ умъ и уничтожающихъ всякую возможность создать новую жизнь. Видите, чего я добиваюсь—гражданской свободы и пробужденія гражданскаго духа, когда-то господствовавшаго здѣсь. Назадъ хочу вернуть я золотые дни, когда каждый римлянинъ съ радостью готовъ былъ отдать жизнь въ защиту чести своей родины и жертвовать всѣмъ своимъ имуществомъ для счастья народа.

Лентулъ. Все это мечты, Катилина! Мы вовсе не то имѣли въ виду.

Габиній. Какая намъ польза воскрешать эти старыя времена съ ихъ первобытною простотою?

Нѣкоторые. Нѣтъ, мы желаемъ добиться власти.

Другіе. И получить средства, чтобы вести вольную и беззаботную жизнь.

Многіе голоса. Да, вотъ въ чемъ наша цѣль.

Цепарій. Неужели мы должны рисковать жизнью изъ за свободы или счастья другихъ?

Вся толпа. *Мы сами* хотимъ пользоваться плодами побѣды.

Катилина. Негодное отродье! Неужели вы потомки великихъ отцевъ? Покрывать позоромъ отцовское имя—это *вашъ* способъ возвышать его блескъ?

Лентулъ. Ты смѣешь насмѣхаться надъ нами,—ты, который уже давно служишь пугаломъ,..

Катилина. Да, это правда; я служилъ пугаломъ для добрыхъ людей, но никогда не былъ я такимъ негодяемъ, какими являетесь вы.

Лентулъ. Придержи языкъ за зубами! Мы не потерпимъ твоего издѣвательства.

Многіе. Нѣтъ, нѣтъ,—мы не хотимъ.

Катилина *(спокойно)*. Да? Вы, трусливое отребье,—вы, наконецъ, рѣшаетесь чего нибудь хотѣть, —вы?

Лентулъ. Смерть ему!

Многіе голоса. Да, смерть Катилинѣ! *(Они вынимаютъ изъ ноженъ мечи и бросаются на него. Катилина спокойно растегиваетъ рубашку и обнажаетъ грудь; мечи опускаются).*

Катилина. Отчего вы не ударяете? Вы не смѣете? Ахъ, друзья, друзья,—я уважалъ бы васъ, если бы вы рѣшились пронзить обнаженную грудь, какъ вы только что грозили мнѣ. Неужели въ васъ потухла всякая искра смѣлости и мужества?

Нѣкоторые. Онъ хотѣлъ нашего блага.

Другіе. Мы заслужили его насмѣшки.

Катилина. Это вѣрно, вы ихъ заслужили.—Но—видите, наступило время, когда вы можете смыть свой позоръ. Ахъ, забудемъ все, что позади насъ;—насъ манитъ впередъ новая жизнь.

(Съ горечью).

Я безумецъ! Надѣяться,—вѣрить въ побѣду съ вами! Существуетъ ли хоть одинъ намекъ на возможность побѣды съ такою низко павшею толпою?

(Увлекаясь).

Сладко я мечталъ когда-то, и великія видѣнія проносились тогда передъ моимъ мысленнымъ взоромъ. Мнѣ казалось, что я, какъ Икарій, высоко вознесусь на крыльяхъ къ небесному своду. Я мечталъ, что боги надѣлятъ мою руку боевою силою и отдадутъ въ мое распоряженіе лучи молніи. Эта рука схватитъ тогда молнію во время ея полета и броситъ ее на городъ, разстилающійся глубоко внизу. И, когда красное пламя вспыхнетъ и разгорится и Римъ распадется въ развалины,—тогда я брошу кличъ сильнымъ и звучнымъ голосомъ, вызывая изъ могилъ друзей Катона, и тысячи духовъ откликнутся на мой зовъ,—оживутъ,—и возсоздадутъ вновь Римъ изъ пепла.

(Перемѣняя тонъ).

Это были однѣ лишь мечты! Прошлое не можетъ воскреснуть при свѣтѣ дня,—духи мертвыхъ никогда не возстаютъ изъ могилъ.

(Горячо).

Ну, хорошо, если старый Римъ не можетъ быть воскрешенъ этою вотъ рукою,—за то нашъ Римъ можетъ быть погубленъ ею. Скоро тамъ, гдѣ возвышались ряды мраморныхъ колоннъ, будутъ возноситься столбы дыма среди кучи обломковъ. Дворцы, храмы будутъ обращены въ развалины, а Капитолій свергнутъ съ высоты.

Поклянитесь, друзья, что вы посвятите себя этому дѣлу! Я стану во главѣ васъ. Скажите,—согласны вы слѣдовать за мною?

Статилій. Мы послѣдуемъ за тобою.

(Многіе изъ присутствующихъ какъ бы колеблятся и шепотомъ переговариваются другъ съ другомъ. Катилина разсматриваетъ ихъ съ насмѣшливою улыбкою).

Лентулъ *(вполголоса)*. Лучше послѣдовать за нимъ. Среди развалинъ намъ легче найти то, что служило для насъ цѣлью.

Всѣ *(кричатъ)*. Да, Катилина, мы послѣдуемъ за тобою.

Катилина. Такъ поклянитесь мнѣ богами нашихъ отцевъ, что вы будете повиноваться безпрекословно каждому моему приказу.

Вся толпа *(подымая руки)*. Да, да, клянемся, что мы будемъ слѣпо повиноваться тебѣ!

Катилина. Въ такомъ случаѣ проникните различными путями, каждый въ отдѣльности, въ мой домъ. Тамъ вы найдете необходимое оружіе. Я приду вслѣдъ за вами; тогда я вамъ разскажу, что я задумалъ, что намъ слѣдуетъ дальше дѣлать. Ступайте.

(Всѣ уходятъ).

Лентулъ *(удерживая Катилину)*. Одно слово только! Знаешь ли ты, что народъ Аллоброговъ отправилъ пословъ въ сенатъ съ жалобами и требованіями?

Катилина. Знаю. Они сегодня прибыли въ городъ.

Лентулъ. Совершенно вѣрно. Что если мы склонимъ ихъ на свою сторону? Съ ними подымется и вся Галлія и набросится на нашихъ враговъ.

Катилина *(съ неудовольствіемъ)*. Намъ искать союза съ варварами?

Лентулъ. Такой союзъ намъ необходимъ. Однѣми нашими силами мы не можемъ побѣдить—безъ помощи извнѣ.

Катилина *(горько улыбаясь)*. Ахъ, глубоко палъ Римъ! Въ его стѣнахъ не хватаетъ мужественныхъ людей, чтобы дать послѣдній толчекъ шатающейся развалинѣ.

(Уходитъ).

(Садъ за домомъ Катилины, который виднѣется изъ за деревьевъ. Налѣво флигель).

(Курій, Цетегъ и многіе изъ заговорщиковъ осторожно входятъ справа, разговаривая шепотомъ).

Курій. Неужели ты говоришь правду?

Цетегъ. Каждое мое слово вѣрно. Въ настоящую минуту это дѣло рѣшенное.

Курій. И всѣмъ руководитъ онъ?

Цетегъ. Его рука вездѣ. Переговори самъ съ нимъ.

(Входятъ всѣ въ домъ, за исключеніемъ Курія).

Курій. Странная ночь! Въ какомъ водоворотѣ кружатся всѣ мои мысли! Можетъ быть, все это мнѣ только приснилось? Приснилось ли это мнѣ или я дѣйствительно это пережилъ,—только, пробудившись, я вижу повсюду, куда ни обернусь, только ея образъ.

(Катилина входитъ справа).

Катилина *(постепенно подходитъ къ Курію)*. Ты здѣсь, мой Курій? Я такъ скучалъ по тебѣ!—Моя встрѣча съ весталкою привела къ совершенно неожиданному исходу.

Курій *(въ смущеніи)*. Да? Конечно, ты правъ.

Катилина. Я не хочу больше раздумывать объ этомъ. Это была для меня зловѣщая встрѣча.

(Раздумывая).

Вѣдь говорятъ, что фуріи подымаются вверхъ изъ подземнаго міра, чтобы преслѣдовать насъ всю нашу жизнь.—Ахъ, что если это правда!

Курій. Какъ? Развѣ ты встрѣтился?

Катилина. Она была сама здѣсь сегодня ночью. Но оставимъ это. Послушай, Курій,—готовится важное предпріятіе.

Курій. Я знаю. Цетегъ мнѣ разсказалъ.

Катилина. Кто знаетъ, что предопредѣлили мнѣ боги, какая участь постигнетъ мое дѣло? Можетъ быть, мнѣ предстоитъ быть раздавленнымъ по пути злобными силами,—и никогда не достигнуть цѣли. Ну, и пусть! Но ты, мой Курій, котораго я такъ горячо любилъ съ малаго дѣтства,—ты не долженъ быть вовлеченъ въ этотъ водоворотъ. Обѣщай мнѣ,—оставайся въ городѣ, если я предпочту произвесть нападеніе въ другомъ мѣстѣ,—что весьма возможно,—и не поддерживай насъ, пока счастье не улыбнется намъ.

Курій *(тронутый)*. Мой второй отецъ! Ахъ, эта заботливость!

Катилина. Ты обѣщаешь? Здѣсь мы простимся съ тобою; подожди минуту, я сейчасъ вернусь. *(Уходитъ въ домъ)*.

Курій *(глядя ему вслѣдъ)*. Онъ любитъ меня попрежнему. Онъ ничего не предчувствуетъ.

(Лентулъ и другіе заговорщики входятъ справа).

Лентулъ. Послушай, Курій, развѣ Катилина не прошелъ только что черезъ садъ?

Курій. Да, онъ тамъ.

(Они идутъ въ домъ).

Курій *(ходитъ тревожно взадъ и впередъ)*. Какъ мнѣ утишить это волненіе? Мучительная тревога кипитъ у меня въ крови. Ахъ, Фурія,—удивительная женщина! Гдѣ ты теперь? Когда я опять увижу тебя?

Куда она дѣлась? Она исчезла, какъ тѣнь, какъ только я освободилъ ее изъ могилы. А эти мрачныя таинственныя слова,—а глаза, одновременно и полузакрытые, и сіяющіе?—Что, если это безуміе? Можетъ быть, ужасъ могилы омрачилъ навѣки ея душу?

Фурія *(за нимъ, между деревьями)*. Нѣтъ, блѣдный юноша!

Курій *(вскрикиваетъ)*. Моя Фурія! Здѣсь?

Фурія *(приближается)*. Здѣсь Катилина. А гдѣ онъ,—тамъ должна быть и Фурія.

Курій. О, послѣдуй за мною, дорогая! Я доставлю тебя въ безопасное мѣсто. Что, если кто увидитъ тебя—подумай!

Фурія. Мертвые ничего не боятся. Развѣ ты забылъ? Ты поднялъ мой трупъ и вынесъ его изъ могилы.

Курій. Перестань произносить эти ужасныя слова. О, выслушай меня!—Приди въ себя—и слѣдуй за мною, Фурія!

(Хочетъ взять ее за руку).

Фурія *(съ негодованіемъ отстраняетъ его руку)*. Дерзкій безумецъ, неужели ты не чувствуешь ужаса передъ до-

черью смерти, которая на короткій мигъ явилась на землю изъ подземнаго міра?

Курій. Я дѣйствительно чувствую ужасъ передъ тобою. Но этотъ ужасъ, этотъ странный трепетъ, пробѣгающій по моимъ членамъ, доставляетъ мнѣ несказанную радость.

Фурія. Чего ты хочешь отъ меня? Напрасны всѣ твои рѣчи. Я принадлежу могилѣ; тамъ мой домъ; — я бѣглянка изъ долинъ смерти; съ наступленіемъ дня, я должна вернуться къ нимъ. Ты мнѣ не вѣришь? Не вѣришь, что я сидѣла въ залѣ Плутона среди блѣдныхъ тѣней? Говорю тебѣ,—я недавно была тамъ, —за потокомъ и черными болотами.

Курій. Такъ поведи и меня туда.

Фурія. Тебя?

Курій. Да;—я охотно послѣдую за тобою, хотя бы твоя дорога привела меня въ вѣчную тьму смерти!

Фурія. Этого не можетъ быть. Здѣсь мы должны разстаться!—Туда живой и мертвый не могутъ идти вмѣстѣ.

Зачѣмъ крадешь ты у меня время, которое и такъ дорого мнѣ? Я могу дѣйствовать только среди мрака ночи; мое дѣло—дѣло мрака; я сама—вѣстникъ мрака. —Но гдѣ Катилина?

Курій. Ты *его* ищешь?

Фурія. Его.

Курій. Ты все еще преслѣдуешь его?

Фурія. Ради чего возстала я сегодня ночью среди мертвыхъ, если не изъ за Катилины?

Курій. Ахъ, это безуміе, охватившее тебя!—Но какъ ты хороша со своими безумными рѣчами! О, перестань думать о Катилинѣ! Слѣдуй за мною! Повелѣвай мною: я буду служить тебѣ.

(Бросается на колѣни передъ нею).

Здѣсь я, какъ рабъ, молю у тебя одного только взгляда. О, выслушай меня, Фурія! Я люблю тебя. Сладкій ядовитый огонь истощаетъ меня, и только ты одна можешь смягчить мои страданія.

Фурія *(смотря на домъ)*. Тамъ свѣтъ,—и много людей. Что происходитъ теперь у Катилины?

Курій *(вскакивая)*. Опять это имя! Вокругъ него носятся всѣ твои мысли. Я могъ бы ненавидѣть его.

Фурія. Рѣшилъ ли онъ осуществить наконецъ смѣлый планъ, придуманный имъ?

Курій. Развѣ ты знаешь?

Фурія. Все.

Курій. Значитъ, ты знаешь и то, что онъ сталъ во главѣ отъ [illegible]

Но молю тебя, не разспрашивай меня больше о Катилинѣ.

Фурія. Отвѣчай мнѣ только на одинъ послѣдній вопросъ. Ты идешь съ нимъ?

Курій. Онъ для меня второй отецъ.

Фурія *(улыбаясь)*. Онъ? мой Катилина?

Курій. Ахъ!

Фурія. Тотъ человѣкъ, который приковалъ къ себѣ всѣ мои мысли?

Курій. Голова у меня кружится. Я ненавижу! О, я могъ бы убить его!

Фурія. Развѣ ты только что не поклялся мнѣ въ безпрекословномъ повиновеніи?

Курій. Требуй, чего хочешь. Я буду слѣпо повиноваться и служить тебѣ во всемъ. Единственная моя просьба къ тебѣ: забудь Катилину.

Фурія. Да,—я забуду его,—когда онъ сойдетъ въ могилу.

Курій *(отступая)*. Ахъ, неужели ты требуешь отъ меня, чтобы я...

Фурія. Тебѣ незачѣмъ пускать въ ходъ сталь: достаточно будетъ увѣдомить, кого слѣдуетъ, о его предпріятіи.

Курій. Одновременно измѣна и убійство. Вспомни, что онъ мой пріемный отецъ, и...

Фурія. Цѣль всѣхъ моихъ мыслей. Ахъ, слабый, трусливый безумецъ,—и ты смѣешь еще говорить о любви,—ты, не имѣющій мужества направляться туда, куда ведетъ тебя твой путь! Уходи отъ меня!

(Она оборачивается къ нему спиною).

Курій *(удерживая ее)*. Нѣтъ, не покидай меня. Я готовъ на все. —Какая-то загадка притягивала меня къ тебѣ; какой-то таинственный ужасъ отталкиваетъ меня отъ тебя; и все же я не могу перескочить черезъ сѣти, въ которыхъ ты запутала меня.

Фурія. Такъ ты согласенъ?

Курій. Зачѣмъ смѣешься ты надо мною, задавая такой вопросъ? Согласенъ ли я? Развѣ у меня есть воля? Твой взоръ похожъ на взоръ змѣи, когда она съ чарующею силою устремляетъ свои глаза на птичку, которая въ страхѣ кругами вьется вокругъ нея, все ближе и ближе подлетая къ страшному врагу.

Фурія. Такъ принимайся скорѣе за дѣло!

Курій. А когда я принесу въ жертву любви дружбу,—что тогда?

Фурія. Тогда я забуду, что Катилина существовалъ когда-либо на свѣтѣ. Тогда

моя задача будетъ исполнена. Не требуй ничего большаго!

Курій. И ради этого только я долженъ?

Фурія. Ты колеблешься? Развѣ твоя надежда такъ слаба, что ты даже не разсчитываешь на то, что можетъ подарить благодарная женщина, когда наступитъ время?

Курій. Кляпусь всѣми силами ночи, я не колеблюсь. Одинъ онъ раздѣляетъ насъ. Пусть же падетъ онъ. Потухла во мнѣ всякая искра нѣжности къ нему; всѣ узы порваны. Кто ты, прекрасное ночное видѣніе? Твоя близость одновременно заставляетъ каменѣть и истощаетъ меня. Мое волненіе леденитъ меня;—мой страхъ меня воспламеняетъ; моя любовь точно ненависть, смѣшанная съ чародѣйствомъ. Гдѣ я самъ? Я себя не узнаю. Одно только знаю я: я не тотъ, какимъ былъ, когда впервые увидѣлъ тебя. Радостно бросился бы я въ пучину, чтобы послѣдовать за тобою.—Катилина осужденъ. Я иду въ Капитолій. Сегодня въ немъ собирается сенатъ. Анонимная записка увѣдомитъ его о предпріятіи Катилины.—Прощай! *(Быстро уходитъ).*

Фурія *(про себя).* Тучи надвигаются. Скоро засверкаетъ молнія. Конецъ твой близокъ, Катилина;—большими шагами приближаешься ты къ могилѣ.

(Послы Аллоброговъ, Амбіорикъ и Олловико, выходятъ изъ дома, не замѣчая Фуріи, которая стоитъ, скрываясь въ тѣни деревьевъ).

Амбіорикъ. Значитъ, это рѣшено. Опасно было присоединяться къ этому союзу.

Олловико. Да, конечно; но отказъ совѣта во всѣхъ самыхъ умѣренныхъ нашихъ требованіяхъ не оставлялъ намъ никакого другого выхода; а награда въ случаѣ побѣды,—т. е. если наши друзья побѣдятъ,—такъ велика, что она превышаетъ страхъ опасности, который мы испытываемъ теперь.

Амбіорикъ. Вѣрно, братъ!

Олловико. Освобожденіе отъ владычества Рима, возстановленіе нашей утраченной свободы — достойная цѣль для борьбы.

Амбіорикъ. Слѣдуетъ по кратчайшему пути направиться домой, и въ цѣлой Галліи разжечь пламя мятежа. Возбудимъ тамъ всѣ племена, убѣдимъ ихъ возстать противъ притѣснителей, послѣдовать за ними и примкнуть къ воинамъ Катилины.

Олловико. Тяжела будетъ борьба! Римъ все еще могучъ.

Амбіорикъ. Смѣлымъ Богъ владѣетъ. Идемъ, Олловико.

Фурія *(кричитъ имъ).* Горе вамъ!

Амбіорикъ *(вздрагиваетъ).* О, боги!

Олловико *(въ ужасѣ).* Послушай! Чей то голосъ предостерегаетъ насъ во мракѣ ночи.

Фурія. Горе вашему народу!

Олловико. Вотъ тамъ стоитъ она, братъ;—блѣдное видѣніе;—посмотри!

Фурія. Горе тому, кто послѣдуетъ за Катилиною!

Амбіорикъ. Домой! Домой! Бѣжимъ! Нарушимъ всѣ клятвы!

Олловико. Невѣдомый голосъ предостерегъ насъ;—мы будемъ повиноваться голосу.

(Быстро уходятъ направо).

(Катилина выходитъ изъ дома въ глубинѣ сцены).

Катилина. Отчаянная надежда—разрушить Римъ съ этою толпою негодяевъ и трусовъ! Что побуждаетъ ихъ? Одна только нужда и хищническіе инстинкты заставляютъ ихъ дѣйствовать. Стоитъ ли для такихъ цѣлей проливать кровь? Что я выиграю этимъ? Что я добуду себѣ?

Фурія *(невидимая изъ за деревьевъ).* Мщеніе, Катилина!

Катилина *(вздрагиваетъ).* Кто говорилъ здѣсь? Кто вновь пробудилъ сіяющую жажду мести? Откуда исходилъ этотъ голосъ? Изъ меня самого? Мщеніе! Да, это настоящее слово—мой лозунгъ, мой боевой крикъ! Кровавое мщеніе! Мщеніе за всѣ тѣ надежды и мечты, которыя были разрушены во мнѣ зловѣщимъ, враждебнымъ рокомъ. Мщеніе за всю мою погубленную жизнь!

(Заговорщики выходятъ вооруженные изъ дома).

Лентулъ. Наконецъ то ночная тьма охватила городъ; пора взяться за дѣло.

Многіе *(шепчутъ).* Пора!

(Аврелія выходитъ изъ флигеля, не замѣчая заговорщиковъ).

Аврелія. Дорогой мой,—ты здѣсь?

Катилина *(вскрикивая).* Аврелія!

Аврелія. Скажи, — ты ожидалъ меня? *(Замѣчаетъ заговорщиковъ и быстро подбѣгаетъ къ нему).* О боги!

Катилина *(отстраняя ее).* Уйди отъ меня, женщина!

Аврелія. Катилина, — говори. Всѣ тѣ люди, вооруженные? — И ты также?— Ахъ, ты задумалъ.

Катилина *(горячо)*.—Отправиться въ веселый походъ съ силами тьмы, — да. Видишь, какъ сверкаетъ мой мечъ? Онъ жаждетъ крови; я иду, чтобы утолить ее.

Аврелія. Мои надежды! —Мои мечты! Счастливъ былъ мой сонъ. Теперь я пробудилась отъ сна.

Катилина. Молчи. Оставайся, —или слѣдуй за нами, какъ хочешь. Моя грудь недоступна теперь ни для слезъ, ни для жалобъ.—Друзья, видите, какъ весело исчезаетъ на горизонтѣ полная луна. Когда она въ слѣдующій разъ появится на востокѣ, бурный потокъ огня съ могучей силою распространится по всему городу и охватитъ его со всѣмъ его великолѣпіемъ. А когда черезъ тысячу лѣтъ она вновь засіяетъ, освѣщая пустыню Лаціума среди древнихъ развалинъ,—среди праха будетъ возвышаться только одинъ столбъ, говоря путнику: здѣсь стоялъ нѣкогда Римъ.

(Поспѣшно уходитъ направо; всѣ слѣдуютъ за нимъ).

Дѣйствіе третье.

Лагерь Катилины въ лѣсной чащѣ Этруріи. Справа видна палатка Катилины, а рядомъ съ нею старый дубъ. Около палатки горитъ сторожевой огонь. Много подобныхъ же палатокъ и огней виднѣются среди деревьевъ въ глубинѣ сцены. Ночь. Лунный свѣтъ временами прорывается сквозь тучи.

(Статилій лежитъ около огня и спитъ. Манлій ходитъ взадъ и впередъ передъ палаткою).

Манлій. Они похожи на маленькихъ легкокрылыхъ птичекъ. Они спятъ такимъ спокойнымъ, крѣпкимъ сномъ, какъ будто ихъ укрываетъ грудь матери, а не пустынная чаща лѣса. Они отдыхаютъ, точно въ ожиданіи, что ихъ разбудитъ призывъ къ веселой игрѣ, а не къ борьбѣ, — можетъ быть послѣдней, которую имъ придется вести.

Статилій *(пробуждается и встаетъ)*. Все еще на стражѣ? Ты, вѣрно, усталъ. Теперь я смѣню тебя.

Манлій. Спи лучше самъ. Молодые люди нуждаются въ укрѣпительномъ снѣ; для ихъ пылкихъ страстей необходимо подкрѣплять свои силы. Другое дѣло, когда волоса сѣдѣютъ, кровь слабо переливается въ жилахъ, и старость гнететъ наши плечи.

Статилій. Да, ты правъ; я также когда нибудь, какъ старый испытанный воинъ.

Манлій. Ты такъ увѣренъ, что судьба предопредѣлила тебѣ дожить до старости?

Статилій. Почему нѣтъ? Что навело тебя на эти мысли? Развѣ случилось какое нибудь несчастье?

Манлій. Ты хочешь сказать, что намъ нечего бояться, молодой безумецъ?

Статилій. Наше войско сильно увеличилось.

Манлій. Да, сильно,—бѣглыми рабами и преступниками.

Статилій. Ну, пусть и такъ! вмѣстѣ съ другими они окажутъ не мало пользы, а затѣмъ вся Галлія пришлетъ намъ помощь.

Манлій. Которая все не приходитъ.

Статилій. Ты сомнѣваешься, чтобы Аллоброги сдержали слово?

Манлій. Я уже давно знаю этотъ народъ. Но оставимъ ихъ въ покоѣ. Наступающій день откроетъ намъ рѣшеніе боговъ относительно насъ.

Но пойди, Статилій, и посмотри, всѣ ли наши стражи исполняютъ свои обязанности. Мы должны обезпечить себя отъ ночного нападенія; намъ неизвѣстно, гдѣ стоятъ наши враги.

(Статилій уходитъ въ лѣсъ).

Манлій *(одинъ у сторожевого огня)*. Теперь тучи все болѣе и болѣе надвигаются; наступаетъ мрачная, ненастная ночь;—влажный туманъ сдавливаетъ мнѣ грудь, точно предвѣщая несчастье всѣмъ намъ. Куда дѣлось то беззаботное настроеніе, съ какимъ я ринулся въ борьбу? Можетъ быть на мнѣ отражается только моя старость и только она одна гнететъ меня? Одно странно: — мнѣ казалось вчера вечеромъ, что и молодежь сильно пала духомъ.

(Послѣ нѣкотораго молчанія).

Извѣстно богамъ, что не месть заставила меня послѣдовать за ними, за Катилиною. Мой гнѣвъ вспыхнулъ лишь на минуту, когда я почувствовалъ себя оскорбленнымъ, лишеннымъ своихъ законныхъ правъ; старая кровь еще не совсѣмъ охладѣла; иногда она еще горячо переливается во мнѣ. Но оскорбленіе забыто. Я послѣдовалъ за нимъ, за моимъ Катилиною, ради него самого; и я буду заботливо охранять его. Онъ стоитъ одинокимъ среди толпы дикихъ друзей и мерзкихъ негодяевъ.

У нихъ не хватаетъ силъ, чтобы овладѣть имъ, а онъ слишкомъ гордъ, чтобы унизиться до нихъ. *(Подкладываетъ вѣтви въ огонь и стоитъ нѣсколько минутъ молча).*

(Катилина выходитъ изъ палатки).

Катилина *(про себя).* Уже около полночи. Всюду царитъ глубокое молчаніе; —сонъ бѣжитъ только монхъ очей. Дуетъ холодный вѣтеръ; онъ укрѣпитъ меня и подбодритъ.—Ахъ, мнѣ такъ много еще нужно силъ!

(Замѣчаетъ Манлія).

Это ты, старый Манлій? Ты одинъ бодрствуешь здѣсь среди ночной тьмы.

Манлій. Еще когда ты былъ маленькимъ, я всегда охранялъ тебя. Скажи, помнишь ты это?

Катилина. То время давно миновало; но съ нимъ исчезло и мое спокойствіе: и куда бы я теперь ни шелъ, повсюду меня преслѣдуютъ разнаго рода видѣнія. Все, Манлій,—все гнѣздится въ моей груди,—только не миръ, только его въ ней нѣтъ. Онъ отдалился куда-то далеко.

Манлій. Прогони печальныя мысли. Отдохни. Вспомни, что завтрашнее утро потребуетъ отъ тебя напряженія всѣхъ силъ для спасенія насъ.

Катилина. Я не могу отдыхать. Какъ только я закрою глаза, чтобы забыться въ мимолетномъ снѣ, меня сейчасъ посѣщаютъ страшные сны. Такъ, напримѣръ, я недавно лежалъ въ дремотѣ, какъ вдругъ передо мною появились опять эти видѣнія,—но яснѣе, чѣмъ когда бы то ни было,—еще болѣе странныя и таинственныя.—Ахъ, если бы я могъ понять, что они предвѣщаютъ мнѣ! Но нѣтъ!

Манлій. Повѣрь мнѣ свой сонъ; можетъ быть я могъ бы истолковать тебѣ его.

Катилина *(послѣ нѣкотораго молчанія).* Дремалъ ли я или бодрствовалъ, самъ не знаю; тысячи мыслей въ безпорядкѣ проносились тревожно въ моей головѣ. Вдругъ меня окружила ночь, все болѣе и болѣе сгущаясь; простирая свои широкія крылья, она погрузила мою душу въ мракъ, который только временами освѣщался блескомъ молніи; это была густая, ужасная тьма. Я увидѣлъ себя неожиданно подъ сводомъ, влажнымъ, точно стѣны могилы. Высоко подымался потолокъ, точно небо, отягченное тучами. Вокругъ меня носились въ водоворотѣ тѣни, дико гонялись другъ за другомъ; казалось, будто море волнуется бурною непогодою и разбиваетъ свои волны о каменистый берегъ. Но все же сквозь волнующійся водоворотъ вырисовывались украшенныя цвѣтами дѣти, поющія о полузабытомъ домѣ. Вокругъ нихъ мракъ мало по малу прояснился—и среди комнаты я различилъ одинокую парочку, двухъ женщинъ,—одну суровую и мрачную, какъ ночь,—а другую кроткую, какъ день, когда солнце клонится къ закату. Ахъ, какъ знакомы казались мнѣ онѣ обѣ! То улыбка одной укачивала меня, погружая въ безмятежный блаженный покой, то пылкіе глаза другой искрились точно молнія; страхъ охватилъ меня,—а между тѣмъ я съ удовольствіемъ слѣдилъ за видѣніемъ. Гордо, во весь ростъ стояла одна, между тѣмъ какъ другая опиралась о столъ, на которомъ обѣ играли въ шашки. Онѣ мѣнялись шашками и переставляли ихъ съ мѣста на мѣсто.—Игра была проиграна и выиграна, и въ землю погрузилась она, та, которая проиграла, женщина съ свѣтлою улыбкою; и украшенныя цвѣтами дѣти исчезли внезапно вмѣстѣ съ нею. Шумъ усилился; темнота увеличилась; но изъ глубины тьмы на меня устремилась пара глазъ, горящихъ радостью побѣды: голова у меня закружилась; я видѣлъ только одни черныя очи. Но что дальше снилось мнѣ въ моемъ лихорадочномъ забытьи—покрыто мракомъ неизвѣстности въ глубинѣ моего я. Если бы я могъ вспомнить окончаніе сна! Ахъ, я забылъ его!

Манлій. Страненъ этотъ сонъ, Катилина.

Катилина *(раздумывая).* Если бы я только могъ вспомнить!—Но нѣтъ, мнѣ это не удается...

Манлій. Не пугайся этихъ мыслей. Что такое сны? Фантазія, пустая игра спящей мысли. Они не имѣютъ рѣшительно никакого значенія, никакого смысла.

Катилина. Да, ты правъ; я не буду больше размышлять объ этомъ; теперь я спокоенъ. Иди же, Манлій, отдохни хоть немного. А я покамѣсть похожу здѣсь самъ-другъ со своими планами.

(Манлій уходитъ въ лѣсъ).

Катилина *(ходитъ взадъ и впередъ около сторожевого огня, готоваго потухнуть; зайдя останавливается и говоритъ задумчиво):* Если бы я только могъ!—Ахъ, трусливо, недостойно мужчины пугаться такихъ пустяковъ и такъ много думать о нихъ! А все же,—среди этого тихаго полуночнаго часа, въ этомъ одиночествѣ, передо мною оживаетъ вновь то, что мнѣ снилось.

(Привидѣніе, въ видѣ старика въ вооруженіи и тогѣ, подымается какъ бы изъ-подъ земли недалеко отъ него между деревьями).

Катилина *(отступаетъ передъ тѣнью).* О, боги!

Тѣнь. Здравствуй, Катилина!

Катилина. Чего тебѣ нужно отъ меня? Кто ты, блѣдная тѣнь?

Тѣнь. Подожди. Право спрашивать принадлежитъ здѣсь мнѣ,—а ты долженъ отвѣчать. Ты не узнаешь больше этотъ голосъ давно прошедшихъ временъ?

Катилина. Кажется, нѣтъ; но я въ этомъ не увѣренъ.—Но скажи, кого ищешь ты въ полуночный часъ?

Тѣнь. Тебя ищу я. Знай: только это время дано мнѣ на странствованіе здѣсь по землѣ.

Катилина. Ради всѣхъ боговъ, говори. Кто ты?

Тѣнь. Тише! Я пришелъ сюда, чтобы потребовать у тебя отчета. Зачѣмъ ты отымаешь у меня спокойствіе могилы? Зачѣмъ вызываешь меня изъ жилища смерти? Зачѣмъ нарушаешь мой покой, пробуждаешь меня изъ моего забытья, такъ что я долженъ приходить къ тебѣ съ угрозою и защищать свою честь, купленную дорогою цѣною?

Катилина. Ахъ, этотъ голосъ!—Мнѣ кажется, я начинаю припоминать.

Тѣнь. Что осталось отъ моей прежней власти? Такая же тѣнь, какъ и я самъ; да, даже почти не тѣнь. Мы оба погрузились въ могилу - и обратились въ ничто. Дорого была она куплена; дорогою цѣною добивалась. Она стоила мнѣ спокойствія при жизни; отъ мирнаго сна могилы я ради нея отказался. И теперь ты дерзновенною рукою хочешь отнять у меня то немногое, что еще осталось? Развѣ мало другихъ аренъ для великой дѣятельности? Зачѣмъ избралъ ты именно тотъ путь, который былъ избранъ и мною? Основаніе своей власти я положилъ при жизни. Мое имя, - такъ думалъ я,—сохранится навѣки въ памяти людей, не окруженное дружескимъ сіяніемъ, какъ глаза звѣздъ, нѣтъ, а прикрѣпленное къ ночному небу, точно молнія. Я не хотѣлъ, чтобы обо мнѣ вспоминали сотни лѣтъ, восторгаясь моимъ благородствомъ и кротостью;—я не хотѣлъ, чтобы мною восхищались;—это участь массы людей и будетъ ихъ участью на вѣки вѣчные. Нѣтъ, я рѣшилъ построить себѣ памятникъ изъ крови и ужаса. Въ нѣмомъ трепетѣ, какъ передъ воздушнымъ видѣніемъ, которое то показывается, то исчезаетъ, подобно загадкѣ, — должны были люди вспоминать мою дѣятельность здѣсь на землѣ и ужасаться передо мною, какъ передъ человѣкомъ, съ которымъ никто,— ни раньше, ни позже,—не могъ сравняться.—Такъ я мечталъ, такимъ я рисовалъ себѣ будущее, - и былъ обманутъ. Ты стоялъ близко ко мнѣ; какъ я не понялъ, что скрывалось въ глубинѣ твоей души? Но берегись, Катилина! Знай, я проникаю въ глубь будущаго и знаю, что скрывается въ немъ: я читаю твою судьбу,—написанную на звѣздахъ.

Катилина. Ты читаешь мою судьбу? Такъ повѣдай мнѣ ее.

Тѣнь. Нѣтъ, только за мрачными воротами смерти исчезаютъ сумерки, покрывающія то мрачное и ужасное, что окутано волнами будущаго. Изъ твоей судьбы духъ, просвѣтленный загробною жизнью, можетъ открыть тебѣ только слѣдующее: ты падешь отъ собственной руки,—но все же чужая рука убьетъ тебя.

(Привидѣніе исчезаетъ, какъ въ туманѣ).

Катилина *(послѣ краткаго молчанія).* Онъ исчезъ. Что это было? Только сонъ? Нѣтъ, нѣтъ; онъ стоялъ здѣсь; лунный свѣтъ озарялъ его блѣдное лицо. Ахъ, я узналъ его! Это диктаторъ, старый кровожадный человѣкъ, возсталъ изъ гроба, чтобы напугать меня. Онъ боялся, что ему придется потерять вѣнокъ побѣды,— не лавровый вѣнокъ, а ту репутацію ужаса, которою поддерживается его память? Неужели и безтѣлесныя тѣни одержимы честолюбіемъ?

(Ходитъ тревожно взадъ и впередъ).

Все наваливается на меня. То со мною говоритъ, кротко усовѣщивая, Аврелія,— то въ монахъ ушахъ раздается призывной возгласъ Фуріи. Болѣе того! Изъ гроба возстаютъ блѣдныя тѣни прошлыхъ временъ. Онѣ грозятъ мнѣ. Я долженъ здѣсь остановиться? Я долженъ отступать? Нѣтъ, я смѣло пойду впередъ къ своей цѣли— и скоро побѣдоносно достигну ея.

(Курій въ сильномъ волненіи идетъ черезъ лѣсъ).

Курій. О, Катилина!

Катилина *(съ удивленіемъ).* Ты,— ты здѣсь, другъ мой?

Курій. Я долженъ былъ.

Катилина. Почему ты не остался въ городѣ?

Курій. Страхъ погналъ меня сюда. Я долженъ былъ переговорить съ тобою.

Катилина. И ты изъ за меня очертя голову идешь на встрѣчу опасности? Легкомысленный! Иди въ мои объятія! *(Хочетъ обнять его).*

Курій *(отступая)*. Не дотрагивайся до меня. Не подходи ко мнѣ.

Катилина. Что съ тобою, мой Курій?

Курій. Скорѣе удались отсюда. Бѣги, куда можешь, пока еще есть время. Со всѣхъ сторонъ надвигаются полчища враговъ; они окружаютъ твой лагерь, Катилина.

Катилина. Опомнись. Ты говоришь чепуху. На тебя вѣрно подѣйствовала дорога?

Курій. О, нѣтъ; но спасайся, пока есть время. Тебѣ измѣнили *(Бросается ницъ передъ нимъ).*

Катилина *(дѣлаетъ шагъ назадъ)*. Измѣнили! Что ты говоришь?

Курій. Измѣнили подъ маскою дружбы.

Катилина. Теперь ты ошибаешься. Мои безпутные друзья такъ же вѣрны мнѣ, какъ и ты.

Курій. О, въ такомъ случаѣ берегись вѣрности своихъ друзей!

Катилина. Опомнись! Твоя любовь, твой страхъ за мою безопасность заставляютъ тебя видѣть опасности тамъ, гдѣ ихъ въ дѣйствительности нѣтъ.

Курій. О, знаешь ли ты, что этими словами ты убиваешь меня? Но бѣги. Умоляю тебя!

Катилина. Приди въ себя и поговоримъ разсудительно. Зачѣмъ долженъ я бѣжать? Вѣдь врагъ не знаетъ, гдѣ я нахожусь.

Курій. Онъ знаетъ,—онъ знакомъ со всѣми твоими планами.

Катилина. Ты съума сошелъ! Онъ знаетъ?—Это невозможно.

Курій. Ахъ, если бы это было такъ! Но пользуйся немногими минутами, оставшимися у тебя. Можетъ быть тебѣ удастся бѣгствомъ спасти свою жизнь.

Катилина. Мнѣ измѣнили? Нѣтъ, —тысячу разъ нѣтъ: это невозможно!

Курій *(вынимаетъ изъ ноженъ свой мечъ и протягиваетъ его Катилинѣ)*. Вотъ, Катилина. Погрузи его въ мою грудь;—пронзи имъ мое сердце, я измѣнилъ тебѣ.

Катилина. Ты? Что за безуміе!

Курій. Да, это было безуміе. Не спрашивай о причинѣ; я едва знаю ее самъ; но я открылъ всѣ твои планы.

Катилина *(съ болью въ голосѣ)*. Теперь ты убилъ мою непоколебимую вѣру въ дружбу.

Курій. Погрузи мечъ въ мою грудь, и не наказывай меня пощадою.

Катилина *(кротко)*. Живи, мой Курій! Встань. Ты согрѣшилъ;—я прощаю тебѣ.

Курій *(внѣ себя)*. О, Катилина, ты видишь меня совершенно подавленнымъ! Но спѣши, бѣги! Ты слышишь, что медлить нельзя. Скоро римское войско нагрянетъ на твой лагерь; оно на пути сюда: разсѣяно по всѣмъ дорогамъ.

Катилина. А друзья въ городѣ?

Курій. Они взяты,—часть ихъ заключена въ тюрьму, но большая часть перебита.

Катилина *(про себя)*. О, судьба,—судьба!

Курій *(опять подаетъ ему мечъ)*. Погрузи его въ мое сердце!

Катилина *(смотритъ спокойно на него)*. Ты служилъ лишь орудіемъ. Ты хорошо поступилъ.

Курій. О, дай мнѣ смертью искупить свое преступленіе!

Катилина. Я простилъ тебѣ *(Уходя)*, Теперь на выборъ остается одно.

Курій *(вскакивая)*. Бѣгство?

Катилина. Нѣтъ, геройская смерть. *(Уходитъ въ лѣсъ).*

Курій. Все напрасно. Гибель ожидаетъ его. Ахъ, эта кротость служитъ сторицею наказаніемъ! Я послѣдую за нимъ: —въ одномъ мнѣ нельзя отказать: пасть, сражаясь рядомъ съ героемъ *(Поспѣшно уходитъ).*

Лентулъ и два гладіатора *(входятъ, прокрадываясь между деревьями)*.

Лентулъ *(тихо)*. Здѣсь кто-то говорилъ.

Одинъ гладіаторъ. Теперь все замолкло.

Другой гладіаторъ. Можетъ быть одинъ ночной сторожъ смѣнилъ другого.

Лентулъ. Весьма вѣроятно. Вотъ мѣсто; здѣсь вы должны ждать. Вы наострили лезвіе вашего оружія?

Первый гладіаторъ. Оно блеститъ какъ молнія, господинъ.

Другой гладіаторъ. Мое хорошо дѣйствуетъ. На послѣднемъ празднествѣ въ Римѣ отъ этого меча пало двадцать человѣкъ.

Лентулъ. Такъ вы тихонько спрячетесь здѣсь; и когда человѣкъ, котораго я вамъ укажу, подойдетъ къ палаткѣ, вы наброситесь на него сзади и зарубите его.

Первый гладіаторъ. Будетъ исполнено. *(Оба гладіатора прячутся; Лентулъ ходитъ, оглядываясь, вокругъ).*

Лентулъ *(про себя).* Я рискую очень сильно,— игра опасная,— но надо нанести ударъ этою ночью, иначе пиши пропало навсегда! —Если Катилина падетъ, никто не въ силахъ будетъ стать во главѣ ихъ, кромѣ меня. Обѣщаніями грядущихъ благъ я куплю ихъ всѣхъ и безбоязненно пойду противъ города, гдѣ сенатъ въ смущеніи и не подумаетъ бороться съ опасностью *(Ходитъ взадъ и впередъ между деревьями).*

Первый гладіаторъ *(тихо другому).* Кто онъ, тотъ неизвѣстный, котораго мы должны зарубить?

Другой гладіаторъ. Зачѣмъ намъ допытываться, что это за человѣкъ? Разъ Лентулъ платитъ, то онъ и отвѣчаетъ за наши дѣйствія.

Лентулъ *(быстро возвращается).* Будьте наготовѣ; теперь онъ подходитъ, тотъ, кого мы ждемъ.

(Лентулъ и гладіаторы прячутся между кустами. Вскорѣ входитъ Катилина *черезъ лѣсъ и подходитъ къ палаткѣ).*

Лентулъ *(шепчетъ).* Впередъ! Зарубите его; нанесите ударъ прямо въ спину! *(Всѣ три набрасываются на Катилину).*

Катилина *(вынимаетъ мечъ и защищается).* Ахъ, вы, негодяи,—какъ вы смѣете?

Лентулъ *(гладіаторамъ).* Рубите!

Катилина *(узнаетъ его).* Какъ, Лентулъ, ты хочешь убить Катилину?

Первый гладіаторъ *(въ испугѣ).* Это онъ.

Другой гладіаторъ *(отступая).* Катилина! Противъ него я не хочу подымать меча. Бѣжимъ! *(Оба гладіатора убѣгаютъ).*

Лентулъ. Такъ я убью тебя. *(Они борятся; Катилина выбиваетъ мечъ изъ руки Лентула; послѣдній хочетъ бѣжать, но Катилина крѣпко держитъ его).*

Катилина. Измѣнникъ! Убійца!

Лентулъ *(умоляющимъ голосомъ).* Пощади, Катилина!

Катилина. Я читаю на твоемъ лбу твой планъ: ты хотѣлъ меня убить, чтобы самому стать во главѣ моихъ друзей? Не правда ли?

Лентулъ. Такъ оно было, Катилина.

Катилина *(смотритъ на него съ скрытою насмѣшкою).* Ну, и что жъ? Если власть тебя соблазняетъ, то пусть будетъ по твоему.

Лентулъ. Объясни,—что ты хочешь сказать?

Катилина. Я отступлю,—а ты станешь во главѣ нашего войска—на моемъ мѣстѣ.

Лентулъ *(въ ужасѣ).* И ты этого хочешь?

Катилина. Хочу. Но будь готовъ ко всему; знай,—наши планы раскрыты; сенатъ знаетъ ихъ; его войско окружаетъ насъ.

Лентулъ. Что ты говоришь?

Катилина. Теперь я созову нашихъ друзей. Пойдемъ, ты представишься имъ, какъ ихъ предводитель, а я подамъ въ отставку.

Лентулъ. Нѣтъ, подожди *(Удерживая его).*

Катилина. Время драгоцѣнно; еще до разсвѣта можетъ произойти нападеніе.

Лентулъ *(со страхомъ).* Выслушай меня, другъ. Ты вѣрно шутишь? Это невозможно.

Катилина. Намъ измѣнили, какъ я уже тебѣ сказалъ. Выкажи же теперь въ полномъ блескѣ твое мужество и твои способности.

Лентулъ. Измѣнили? Тогда горе всѣмъ намъ!

Катилина *(улыбаясь насмѣшливо).* Жалкій трусъ! Теперь ты дрожишь,—а *ты* хотѣлъ свергнуть *меня! Ты* считалъ себя призваннымъ играть роль вождя?!

Лентулъ. Прости мнѣ, Катилина!

Катилина. Ищи спасенія въ бѣгствѣ,—если оно еще возможно.

Лентулъ. Ахъ, ты разрѣшаешь?

Катилина. Неужели ты думалъ, что я серьезно намѣреваюсь покинуть свой постъ въ минуту опасности? Плохо же ты меня знаешь.

Лентулъ. О, Катилина!

Катилина *(холодно).* Не теряй минуты. Ищи спасенья;—я же предпочитаю умереть *(Отворачивается отъ него).*

Лентулъ *(про себя).* Благодарю тебя за эту важную новость,—я воспользуюсь ею возможно лучше. Хорошо, что меня здѣсь всѣ знаютъ. Я отыщу непріятельское войско и проведу его сюда по скрытымъ тропинкамъ для твоей гибели и

моего собственнаго спасенія. Ты тогда узнаешь, что червякъ, котораго ты такъ высокомѣрно раздушилъ въ пыли, еще не вполнѣ погибъ.

Катилина (*послѣ краткаго молчанія*). Вотъ та вѣрность, на которую я разсчитывалъ. Они измѣнили мнѣ, одинъ за другимъ. О, боги! Только измѣна и трусость свили себѣ гнѣзда въ этихъ рабскихъ душахъ. Ахъ, какимъ я былъ безумцемъ со всѣми моими грандіозными планами! Я хотѣлъ раздавить, уничтожить орлиное гнѣздо—Римъ,—а Римъ давно уже обратился въ кучу мусора.

(*Слышенъ шумъ оружія, который все приближается*).

Вотъ идутъ они. Все же между ними есть еще храбрые, смѣлые люди Какъ громко звучатъ удары стали! Какъ весело ударяютъ другъ о друга щиты! Мой упавшій духъ возстаетъ вновь! рѣшеніе близко, —близка великая минута, которая должна разсѣять всѣ сомнѣнія. Привѣтствую ее.

(*Манлій, Статилій, Габиній и толпа другихъ заговорщиковъ подходитъ черезъ лѣсъ*).

Манлій. Вотъ, Катилина, твои друзья; я поднялъ въ лагерѣ тревогу, какъ ты приказалъ.

Катилина. И ты имъ сказалъ?—

Манлій. Они знаютъ, въ какомъ положеніи мы находимся.

Статилій. Мы знаемъ, въ чемъ дѣло, и послѣдуемъ за тобою съ оружіемъ въ рукахъ для борьбы на жизнь и смерть.

Катилина. Благодарю васъ, храбрые братья по оружію. Но не надѣйтесь, что мы имѣемъ передъ собою выборъ между жизнью и смертью; намъ предстоитъ только выборъ между смертью въ геройскомъ бою съ превосходящими насъ силами непріятеля—и смертью подъ ударами бича, когда насъ будутъ преслѣдовать, точно стадо хищныхъ звѣрей. Что вы предпочитаете? Помощью бѣгства еще нѣкоторое время влачить жалкое существованіе—или же отважно, храбро, какъ ваши гордые отцы, умереть въ сраженіи съ мечемъ въ рукѣ?

Габиній. Мы избираемъ послѣднее.

Многіе голоса. Веди насъ на смерть!

Катилина. Въ такомъ случаѣ внередъ! Этою смертью мы пріобрѣтемъ себѣ безсмертную славу. О нашей смерти, на цихъ именахъ будутъ и въ отдаленныя будущія времена вспоминать громко, съ гордостью наши потомки.

Фурія (*кричитъ за нимъ, между деревьями*). Или съ ужасомъ!

Нѣсколько голосовъ. Ахъ, видишь,—женщина!

Катилина (*вздрагиваетъ*). Фурія! Ты здѣсь? Что привело тебя сюда?

Фурія. Я должна вести тебя къ цѣли.

Катилина. Но какая же моя цѣль? Говори.

Фурія. Каждый преслѣдуетъ цѣль по своему вкусу. Ты преслѣдуешь свою помощью безнадежной борьбы; борьба эта приведетъ къ гибели и смерти.

Катилина. Но также и къ почестямъ и безсмертной славѣ. Уходи, женщина! Настоящій часъ великъ и прекрасенъ; я не хочу слышать твоихъ зловѣщихъ возгласовъ.

(*Аврелія выходитъ изъ палатки*).

Аврелія. Мой Катилина! (*Останавливается въ испугѣ при видѣ толпы*).

Катилина (*печально*). Ахъ, Аврелія!

Аврелія. Что случилось? Этотъ шумъ въ лагерѣ—что все это значитъ?

Катилина. И я могъ забыть тебя! Что станется съ тобою?

Фурія (*шепчетъ насмѣшливо, не будучи замѣченною Аврелію*). Ты колеблешься передъ исполненіемъ своей великой задачи, Катилина? Такъ вотъ каково твое мужество передъ смертью!

Катилина (*выпрямляясь*). Нѣтъ, клянусь богами тьмы!

Аврелія (*приближается*). О, говори, мой возлюбленный, не мучь меня.— я боюсь.

Фурія (*вполголоса, за нимъ*). Убѣги съ женою,—пока друзья твои будутъ умирать.

Манлій. Не медли, веди насъ въ сраженіе.

Катилина. Ахъ, какой ужасный выборъ! А все же,—тутъ выбора—нѣтъ, я долженъ стремиться къ цѣли,—я не смѣю остановиться на полпути!

(*Кричитъ*).

Слѣдуйте за мною въ сраженіе!

Аврелія (*бросается въ его объятія*). Катилина!—Не уходи отъ меня — или возьми меня съ собою.

Катилина. Нѣтъ, останься, Аврелія!

Фурія (*попрежнему*). Бери ее съ собою! Ты получишь смерть, достойную твоего имени, твоей жизни, когда тебя зарубятъ—въ объятіяхъ женщины.

Катилина (*отстраняя Аврелію*). Уходи отъ меня, ты, желающая погубить мою репутацію!—Смерть должна настигнуть

меня среди воиновъ. Я долженъ искупить свою жизнь и смыть всѣ пятна съ своего имени.

Фурія. Вѣрно, вѣрно, мой гордый Катилина!

Катилина. Я вырву изъ своей души все, что привязываетъ меня къ прошлому и его пустымъ мечтамъ. Все, что лежитъ позади меня, какъ будто никогда не существовало для меня.

Аврелія. Ахъ, не отталкивай меня! Заклинаю тебя своею любовью,—позволь мнѣ не разставаться съ тобою.

Катилина. Молчи! Моя грудь умерла, мои глаза мертвы для любви. Я отворачиваю взоры отъ водоворота жизни и вижу передъ собою только большія блѣдныя звѣзды неба будущаго.

Аврелія. О, милостивые боги! *(Прислоняется въ изнеможеніи къ дереву возлѣ палатки).*

Катилина *(воинамъ)*. Впередъ!

Манлій. Слышенъ звонъ оружія.

Многіе голоса. Они приближаются.

Катилина. Хорошо! Мы отважно встрѣтимъ ихъ. Продолжительна была ночь, окружавшая насъ; теперь наступаетъ день. Пойдемъ купаться въ кровавой зарѣ утра. Слѣдуйте за мною. Отъ римскаго меча и съ римскимъ мужествомъ будетъ Римъ исходить послѣдній разъ кровью.

(Бѣгутъ черезъ лѣсъ; изъ лагеря доносится шумъ и боевые крики).

Фурія. Онъ ушелъ. Я достигла цѣли своей жизни. Первый лучъ солнца на равнинѣ застанетъ его холоднымъ, окоченѣлымъ.

Аврелія *(про себя)*. Въ его сердцѣ, полномъ гнѣва и печали, нѣтъ больше мѣста для любви? Не былъ ли это сонъ? Нѣтъ, эти именно слова произносили его разгнѣванныя уста.

Фурія. Мечи звучатъ; Катилина сѣетъ вокругъ себя смерть; скоро онъ самъ молчаливою тѣнью поспѣшитъ въ страну мертвыхъ.

Аврелія *(возрагиваетъ)*. Ахъ, кто ты, зловѣщій голосъ, который раздается здѣсь, подобно голосу совы, предостерегающей людей съ вѣтви дерева? Не возстала ли ты изъ страны тѣней, чтобы повести Катилину въ твой мрачный домъ?

Фурія. Вѣдь этотъ домъ—цѣль странствованій, а его путь въ жизни пролегалъ черезъ болота и грязь.

Аврелія. Только одно мгновеніе. Свободно и благородно было его сердце, велика и добра его душа, пока змѣя не околдовала его своимъ ядовитымъ жаломъ.

Фурія. Свѣжи и зелены также листья платана, пока стволъ его не замираетъ въ объятіяхъ душившихъ его ползучихъ растеній,

Аврелія. Ты открыла мнѣ свой замыселъ. Звукъ этого голоса отражался часто въ рѣчахъ Катилины. Ты змѣя, отравившая для меня радость жизни,—змѣя, закрывшая его сердце для моей любви. Я узнаю тебя по смутнымъ снамъ безсонныхъ ночей, —ты вѣчною угрозою становилась между нимъ и мною. Я такъ радостно рука объ руку съ моимъ возлюбленнымъ мужемъ стремилась къ жизни, полной тишины, въ жилище радости и мира; я утишила боль его измученнаго сердца, и лучшимъ украшеніемъ нашей будущей жизни считала нашу любовь. Ахъ, твоя ненавидящая рука вырвала съ корнемъ наше спокойствіе, и наше счастье лежитъ въ прахѣ тамъ, гдѣ оно начало такъ радостно расцвѣтать.

Фурія. Слабодушное существо, и ты думала руководить шагами Катилины? Развѣ ты не видишь, что его сердце никогда не принадлежало всецѣло тебѣ? Неужели ты думаешь, что твои цвѣты могли расцвѣсть на такой зыбкой почвѣ? Фіалка можетъ разцвѣсть только подъ мягкими лучами весенняго солнца, но другіе цвѣты цвѣтутъ обильнѣе всего въ пору осеннихъ тумановъ. Его душа давно уже походила на облачный осенній день. Все погибло для тебя. Скоро искра жизни замретъ въ его груди, и онъ, какъ жертва мести, будетъ лежать въ объятіяхъ смерти.

Аврелія *(съ возрастающимъ пыломъ)*. Нѣтъ, клянусь всѣми богами свѣта, этого не случится! Мои слезы пробьютъ путь къ его сердцу. Если я найду его блѣднымъ и окровавленнымъ послѣ жара битвы, я обовью своими руками его холодную грудь, вдохну въ его уста весь пылъ моей любви, смягчу его страданія, принесу ему миръ и утѣшеніе. Вѣстникъ мести, я вырву изъ твоихъ рукъ твою жертву, привяжу его къ странѣ свѣта узами любви; и если удары его сердца замрутъ, глаза потухнутъ, мы вмѣстѣ, въ объятіяхъ другъ друга, уйдемъ изъ жизни. Подарите мнѣ тогда, о милосердые боги, въ награду за мои страданія, великій покой могилы рядомъ съ моимъ возлюбленнымъ мужемъ *(Уходитъ)*.

Фурія *(глядитъ ей вслѣдъ)*. Ищи его, ослѣпленная;—я тебя не боюсь, побѣда въ моихъ рукахъ.

Шумъ битвы разростается: раздаются боевые крики, крики смерти и звонъ щи-

товъ, ударяющихся другъ о друга. Что, если онъ истекаетъ кровью? Что, если онъ еще живъ? Ахъ, какъ прекрасна эта минута! Такъ луна скрывается за густыя розовыя тучи, спускаясь за горизонтъ. Ночь продлится еще нѣкоторое время,—а затѣмъ наступитъ день,—а вмѣстѣ съ наступленіемъ его все будетъ кончено. Онъ испуститъ духъ въ мракѣ подобно тому, какъ онъ жилъ—въ мракѣ. Прекрасный часъ!

(Прислушивается).

Шумъ битвы раздается, точно осенняя буря, и мало по малу замираетъ вдали. Непріятель быстро очиститъ равнину. Непрестанно, безостановочно будетъ онъ проноситься надъ павшими, точно разгнѣванныя волны моря.

Я слышу бряцаніе оружія, крики, стонъ тамъ,—послѣ роноть волнъ,—они вскорѣ успокоятся вмѣстѣ со всѣми блѣдными ихъ братьями. А вотъ закричала сова. Она привѣтствуетъ ихъ въ мрачномъ царствѣ тѣней.

(Послѣ краткаго молчанія).

Какая глубокая тишина! Теперь онъ —только мой,—мой навсегда. Теперь мы можемъ отправиться съ нимъ къ потоку забвенія—и за потокомъ, гдѣ никогда не бываетъ дня. Но я сначала хочу отыскать его трупъ, хочу насладиться видомъ прекраснаго ненавистнаго лица раньше чѣмъ оно будетъ разрушено солнцемъ, сожигающимъ его, и воронами, поджидающими удобнаго случая.

(Хочетъ идти, но останавливается и отступаетъ назадъ).

Что это? Что скользитъ тамъ по лѣсной чащѣ? Волны ли это тумана, которыя сгущаются на утреннемъ холодѣ и собираются въ одинъ ясный образъ? Теперь оно приближается.—Тѣнь Катилины! Его привидѣніе!—Я могу различить его погасшіе глаза, его сломанный щитъ, его безмолвный мечъ; я вижу всего мертваго человѣка; только одного я не вижу, удивительно! я не вижу смертельной раны.

(Катилина проходитъ черезъ лѣсъ, блѣдный, изнеможенный, съ опущенною головою и блуждающими глазами).

Катилина *(про себя).* „Ты падешь отъ собственной руки,—и все же чужая рука будетъ причиною твоей смерти“.

Такъ звучало его предвѣщаніе. Теперь я палъ,—хотя ничья рука не поразила меня. Кто разрѣшитъ мнѣ эту загадку?

Фурія. Привѣтъ тебѣ послѣ боя, Катилина!

Катилина. Ахъ, кто ты?

Фурія. Я тѣнь тѣни.

Катилина. Это ты, Фурія? Ты привѣтствуешь меня?

Фурія. Добро пожаловать въ нашъ общій домъ. Теперь мы можемъ вмѣстѣ отправиться къ перевозчику Харону,—для перевоза. Только сначала—примп изъ моихъ рукъ вѣнокъ побѣды *(Срываетъ нѣсколько цвѣтовъ и въ теченіе послѣдующей сцены плететъ изъ нихъ вѣнокъ).*

Катилина. Что ты дѣлаешь?

Фурія. Я хочу украсить твое чело. Но почему ты пришелъ сюда одинъ? За тѣнью вождя должны слѣдовать десять тысячъ павшихъ воиновъ. Гдѣ твои друзья?

Катилина. Они спятъ, Фурія.

Фурія. Все еще спятъ?

Катилина. Все еще спятъ. и будутъ долго спать. Они всѣ спятъ. Пробернсь черезъ лѣсъ на лужайку,—всюду царитъ молчаніе; не нарушай ихъ покоя. Тамъ ты увидишь ихъ лежащими длинными рядами. Они заснули подъ колыбельную пѣснь мечей: они заснули, —и не проснулись, какъ я, когда пѣніе замерло вдали. Ты назвала меня привидѣніемъ. Да, я только привидѣніе самого себя. Но не думай, что ихъ сонъ такъ ужъ спокоенъ, безъ сновидѣній. Ахъ, не думай!

Фурія. Говори, что же снится твоимъ друзьямъ?

Катилина. Сейчасъ скажу. Я сражался во главѣ ихъ, съ отчаяніемъ въ душѣ, и искалъ смерти отъ удара меча. Вокругъ всѣ направо и налѣво валились, какъ снопы; Статилій палъ,—Габиній, Манлій; мой Курій былъ убитъ въ то время, когда прикрывалъ собою мою грудь; всѣ пали отъ ударовъ блестящихъ римскихъ мечей,—тѣхъ мечей, которые щадили меня одного. Да, римское оружіе щадило Катилину. Съ оружіемъ въ рукахъ стоялъ я въ полузабытьи и ничего не понималъ, пока волны битвы носились вокругъ меня. Я очнулся только тогда, когда все кругомъ затихло; тогда я оглядѣлся и увидѣлъ поле сраженія, разстилавшееся точно море далеко, далеко позади меня. Сколько временп я такъ стоялъ? Я самъ не знаю,—я стоялъ одинъ среди своихъ мертвецовъ. Но въ этихъ умершихъ глазахъ свѣтилась еще жизнь: уста улыбались, и улыбки и глаза устремлялись на меня, который одинъ стоялъ среди труповъ, на меня, который сражался за нихъ и Римъ,—на меня, который стоялъ опять, покрытый презрѣніемъ, пощаженный римскимъ мечемъ.—Тогда Катилина умеръ.

Фурія. Не понялъ ты, какъ слѣдуетъ, сновидѣній твоихъ мертвецовъ; ложно ты истолковалъ то, что убило тебя. Улыбками и взглядами они предлагали тебѣ уснуть такъ, какъ они сами.

Катилина. Да, если бы я могъ!

Фурія. Утѣшься,—привидѣніе бывшаго героя! Часъ твоего покоя приближается. Иди; наклони голову;—теперь я украшу тебя вѣнкомъ побѣды (*Протягиваетъ ему вѣнокъ*).

Катилина. Фуй!—что это?—Вѣнокъ изъ маку.

Фурія *(съ дикою веселостью)*. Ну, да,—развѣ макъ не красивъ? Онъ будетъ горѣть вокругъ твоего чела точно шлемъ изъ крови.

Катилина. Брось этотъ вѣнокъ. Я ненавижу красный цвѣтъ.

Фурія *(громко смѣясь)*. Ты любишь, можетъ быть, нѣжные, блѣдные цвѣта? Хорошо! Я тебѣ принесу вѣнокъ изъ зеленой лозы, которая украшала влажные локоны Сильвіи, когда ея трупъ носился по волнамъ Тибра, приближаясь къ его устью.

Катилина. Ахъ, что за ужасныя видѣнія!

Фурія. Или ты предпочитаешь, чтобы я принесла тебѣ пучки чертополоху съ римской площади, съ коричневыми пятнами на нихъ гражданской крови, пролитой твоими руками, мой Катилина?

Катилина. Остановись!

Фурія. Или тебя больше привлекаетъ лиственный вѣнокъ изъ дуба, растущаго рядомъ съ домомъ моей матери и поникшаго вѣтвями, когда молодая опозоренная дѣвушка съ громкимъ крикомъ бросилась, не помня себя, въ волны рѣки?

Катилина. Осыпай меня сразу всѣми насмѣшками, какія только можешь придумать,—издѣвайся надо мною сколько хочешь!

Фурія. Я—твои собственные глаза, —твои собственныя воспоминанія и твой собственный приговоръ.

Катилина. Но почему именно теперь?

Фурія. Достигнувъ цѣли, утомленный путникъ обыкновенно возвращается назадъ.

Катилина. О, развѣ я стою у цѣли? Развѣ это цѣль? Я не живъ, и въ то же время не погребенъ. Гдѣ же моя цѣль?

Фурія. Она близка—все зависитъ отъ тебя.

Катилина. У меня нѣтъ больше воли; моя воля умерла, когда проиграно все, чего я нѣкогда хотѣлъ.

(Всплескиваетъ руками).

Уходите подальше отъ меня, вы всѣ, блѣдныя тѣни! Чего вы требуете отъ меня, вы, мужчины и женщины? Я не могу подарить вамъ.—Ахъ, эта толпа!

Фурія. Твоя тѣнь еще привязана къ землѣ. Порви эту сѣть въ тысячи нитей. Подойди, позволь мнѣ возложить вѣнокъ на твою голову;—онъ обладаетъ могучею, цѣлительною силою; онъ усыпитъ тебя, убьетъ всѣ воспоминанія.

Катилина *(беззвучно)*. Убьетъ всѣ воспоминанія? Могу ли я вѣрить твоимъ словамъ? Такъ окружи хорошенько своимъ ядовитымъ вѣнкомъ мою голову, прижми его покрѣпче къ моему лбу.

Фурія *(украшаетъ вѣнкомъ его голову)*. Теперь ты украшенъ. Вотъ какимъ ты долженъ явиться передъ княземъ мрака, мой Катилина!

Катилина. Пойдемъ. Мнѣ хочется туда внизъ,—меня тянетъ въ страну тѣней. Пойдемъ туда вмѣстѣ.—Что держитъ меня здѣсь? Что связываетъ мои шаги? Я чувствую за собою на утреннемъ небесномъ сводѣ покрытую туманомъ звѣзду;—она удерживаетъ меня въ странѣ жизни; она притягиваетъ меня, какъ луна притягиваетъ море.

Фурія. Слѣдуй за мною, слѣдуй за мною!

Катилина. Она дѣлаетъ мнѣ знакъ и сіяетъ на встрѣчу мнѣ. Я не могу слѣдовать за тобою, пока этотъ свѣтъ не померкнетъ окончательно, теперь я вижу его. Это не звѣзда; это сердце, бьющееся и горячее; оно держитъ меня въ тискахъ, приковываетъ къ себѣ и привлекаетъ, какъ вечерняя звѣзда привлекаетъ дѣтскіе взоры.

Фурія. Останови біеніе этого сердца.

Катилина. Что ты хочешь сказать?

Фурія. У тебя на поясѣ кинжалъ. Только одинъ ударъ,—и звѣзда померкнетъ, разбито будетъ сердце, которое стоитъ враждебно между тобою и мною.

Катилина. Я долженъ погасить?—Блестящъ и остръ мой кинжалъ?

(Кричитъ).

Аврелія! Аврелія! гдѣ ты? Ахъ, если бы ты была близко!—Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу видѣть тебя!—А все же,—мнѣ кажется, что все стало бы опять хорошо, что миръ наступилъ бы для меня, если бы я могъ положить свою голову тебѣ на грудь, и раскаяться—раскаяться.

Фурія. Въ чемъ хочешь ты раскаяваться?

Катилина. Во всемъ, что я совершилъ. Въ томъ, что я существовалъ и жилъ.

Фурія. Слишкомъ поздно раскаяваться. Тамъ, гдѣ ты стоишь, нѣтъ дороги, ведущей назадъ.—Попробуй только, безумецъ! Теперь я иду домой. Положи твою голову ей на грудь и посмотри, найдешь ли ты въ ней то спокойствіе, котораго жаждетъ твоя измученная душа.

(Съ возрастающею страстностью).

Скоро они возстанутъ, эти тысячи мертвецовъ; обольщенныя женщины примкнутъ къ нимъ; и они всѣ, всѣ потребуютъ отъ тебя, кто жизни, кто крови, кто чести, отнятой тобою. Въ ужасѣ захочешь ты бѣжать въ мракъ ночи,—бѣжать отъ земли, подобно Актеону, гонимому собаками,—тѣнь, за которою гонятся тысячи тѣней!

Катилина. Я вижу это, Фурія. Здѣсь мнѣ не найти мира. Въ странѣ свѣта для меня теперь нѣтъ пристанища. Я послѣдую за тобою въ страну тѣней; —связывающія меня узы я порву.

Фурія. Кинжалъ не задрожитъ въ твоей рукѣ?

Катилина. Она умретъ.

(Молнія сверкаетъ и раздается ударъ грома).

Фурія. Великіе боги радуются твоему рѣшенію.—Смотри, Катилина,—вотъ идетъ и твоя жена.

(Аврелія входитъ, ища со страхомъ въ лѣсу).

Аврелія. Гдѣ мнѣ его найти? Куда онъ могъ дѣться? Его нѣтъ среди мертвыхъ.—*(Замѣчаетъ Катилину).* О, небо, мой Катилина! *(Бѣжитъ къ нему).*

Катилина *(въ ужасѣ).* Не называй этого имени!

Аврелія. Ты живъ?—да!

(Хочетъ броситься въ его объятія).

Катилина *(отстраняя ее).* Уходи. Я больше не живу.

Аврелія. О, послушай, возлюбленный!

Катилина. Молчи; я не хочу слушать тебя. Я ненавижу тебя. Я вижу всѣ твои козни: ты хочешь заставить меня вести полу-жизнь, полную ужаса. Не смотри такъ на меня. Твои глаза мучатъ меня,—они пронзаютъ мою душу, точно кинжалъ. Ахъ, кинжалъ! кинжалъ! Умри! Закрой свои глаза!

(Вытягиваетъ изъ-за пояса кинжалъ и хватаетъ ее за руку).

Аврелія. Защитите меня и его, вы, добрые боги!

Катилина. Закрой глаза, закрой ихъ, говорю я тебѣ:—въ нихъ сіяютъ звѣзды, свѣтится утреннее небо;—а я хочу навѣки погасить звѣзды утренняго неба. *(Громъ опять раздается).*

Кровь твоего сердца! Теперь боги жизни посылаютъ прощальное привѣтствіе.

(Хочетъ погрузить кинжалъ въ ея грудь; она убѣгаетъ въ палатку; онъ преслѣдуетъ ее).

Фурія *(прислушиваясь).* Она съ мольбою протягиваетъ къ нему руки. Она молитъ за свою жизнь. Онъ ничего не слышитъ. Онъ ударяетъ ее.—Она падаетъ, обливаясь кровью.

(Катилина медленно выходитъ изъ палатки, съ кинжаломъ въ рукѣ).

Катилина. Теперь я свободенъ. Скоро я перестану существовать. Моя душа все больше и больше погружается въ туманъ забвенія; мнѣ все представляется въ смутныхъ неясныхъ очертаніяхъ, точно черезъ водяную сѣтку. Знаешь ли, кого я убилъ этимъ маленькимъ кинжаломъ? Не только ее,—но всѣ сердца земли,—все живущее, все, что растетъ и зеленѣетъ,—всѣ звѣзды погасилъ я, и лучи луны, и огонь солнца. Посмотри сама;—оно больше не взойдетъ; оно никогда больше не придетъ; померкло солнце. Теперь весь обширный земной шаръ превращенъ въ холодную необъятную могилу съ свинцовымъ сводомъ; —и подъ этимъ сводомъ стонмъ мы съ тобою, покинутые свѣтомъ и мракомъ, смертью и жизнью,—двѣ не знающія покоя тѣни.

Фурія. Мы у цѣли, Катилина!

Катилина. Нѣтъ; надо сдѣлать еще одинъ шагъ, прежде чѣмъ я достигну цѣли. Освободи меня отъ моей ноши. Развѣ ты не видишь, что я хожу съ трупомъ Катилины на спинѣ? Ударь въ трупъ Катилины! *(Показываетъ ей кинжалъ).* Освободи меня, Фурія! Возьми этотъ кинжалъ, которымъ я погасилъ глаза утренней звѣзды,—возьми, возьми его—и пронзи имъ трупъ Катилины, чтобы онъ утратилъ свою власть надо мною—и чтобы я могъ освободиться.

Фурія *(хватая мечъ).* Пусть будетъ по твоему, душа, которую я ненавидѣла и въ то же время такъ сильно любила! Отряхни прахъ отъ своихъ ногъ и отправляйся со мною въ страну забвенія.

(Глубоко погружаетъ ему кинжалъ въ грудь; онъ падаетъ у ствола дерева).

Катилина *(послѣ нѣкотораго молчанія, приходитъ въ себя, прово-*

дитъ рукою по лбу и говоритъ слабымъ голосомъ).

Ахъ, теперь я понимаю твое предсказаніе, таинственный духъ! Я палъ отчасти отъ собственной руки, отчасти отъ чужой. Немезида совершила свое дѣло. Покрой меня, мракъ смерти! Мрачный Стиксъ, пусть твои волны подымутся высоко надъ моею головою! Перенеси меня отсюда; не давай тонуть лодкѣ; гони ее безъ устали въ молчаливое царство мертвыхъ, въ жилище всѣхъ тѣней. Два пути ведутъ туда; я молча пойду по лѣвому.

Аврелія (*выходитъ изъ палатки блѣдная и шатающаяся, съ окровавленною грудью*) Нѣтъ, по правому. Въ Елисейскія Поля.

Катилина *вздрагиваетъ*. Ахъ, какъ этотъ свѣтлый образъ наполняетъ меня страхомъ! Это она сама! Аврелія,—скажи мнѣ,—ты еще жива?

Аврелія (*становится на колѣни передъ нимъ*). Да, я живу, чтобы успокоить твои страданія, – живу, чтобы прильнуть грудью къ твоей груди и умереть.

Катилина. Ахъ, ты жива!

Аврелія. Обморокъ случился со мною, но мои ослабѣвшіе глаза слѣдили за тобою; я все слышала;—и моя любовь удвоила мои силы,—силы любящей жены:—грудь съ грудью съ тобою, о мой Катилина, ляжемъ мы въ могилу!

Катилина. Ахъ, и еще какъ охотно! Но напрасны твои радужныя надежды! Мы должны разстаться. Я долженъ повиноваться злобному призыву мести. Ты быстро и легко пойдешь, освобожденная отъ власти земли, къ свѣту и міру; я же долженъ переправиться черезъ потокъ забвенія, или спуститься внизъ въ мракъ.

(*Въ глубинѣ сцены разсвѣтаетъ*).

Аврелія (*указывая на разсвѣтъ*). Нѣтъ! Передъ любовью безсильны ужасъ и мракъ смерти. Видишь, грозовыя тучи разсѣиваются; утренняя звѣзда меркнетъ. (*Протягивая ему руки*). Свѣтъ побѣждаетъ. Видишь, наступаетъ день, великій и свѣтлый. Слѣдуй за мною, Катилина! Смерть охватываетъ мою грудь (*Падаетъ на него*).

Катилина (*крѣпко прижимаетъ ее къ себѣ и говоритъ, собравъ послѣднія силы*). Ахъ, какъ ясно, какъ живо представляю я себѣ мой забытый сонъ, когда мракъ разсѣялся отъ луча ворвавшагося свѣта и дѣтскіе голоса затянули пѣснь въ честь зарождающагося молодого дня! Ахъ, въ моихъ глазахъ темнѣетъ, и моя рука ослабѣла; но въ душѣ у меня свѣтло какъ никогда раньше, моя прошлая бурная жизнь ясно разстилается позади меня! Да, жизнь моя похожа была на бурю, бушевавшую при яркомъ пламени ночной молніи; но моя смерть похожа на окрашенную въ розоватый свѣтъ утреннюю зарю.

(*Наклоняясь надъ нею*). Ты изгнала мракъ изъ моей души; въ моей груди воцарился покой. Смотри, я слѣдую за тобою въ жилище свѣта и мира.

(*Онъ быстро вынимаетъ кинжалъ изъ своей груди и говоритъ умирающимъ голосомъ*).

Кроткія силы утра глядятъ на меня съ примиреніемъ во взорѣ; ты своею любовью побѣдила духовъ тьмы.

(*Во время послѣдней сцены Фурія все дальше и дальше уходитъ въ глубину сцены и исчезаетъ между деревьями. Катилина опускается на грудь Аврелію; оба умираютъ*).

Вожди на Гельголандѣ.

Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Орнульфъ изъ Фіордовъ, ландсманъ въ Исландіи.
Сигурдъ Могучій, викингъ.
Гуннаръ, богатый крестьянинъ на Гельголандѣ.
Торольфъ, младшій сынъ Орнульфа.
Дагни, дочь Орнульфа.
Іордисъ, его пріемная дочь.
Корэ, крестьянинъ, гельголандецъ.
Эгиль, сынъ Гуннара, четырехъ лѣтъ.
Шесть старшихъ сыновей Орнульфа.
Дружинники Орнульфа и Сигурда.
Гости, слуги, изгнанники и т. д.

Дѣйствіе происходитъ во времена Эрика Кровавой Сѣкиры, вблизи двора Гуннара, въ сѣверной Норвегіи.

Дѣйствіе первое.

(Высокій берегъ, который въ глубинѣ сцены круто спускается къ морю. Налѣво лодочный сарай, направо горы и хвойный лѣсъ. Внизу въ заливѣ видны мачты двухъ кораблей; далеко направо шхеры и скалистые островки: море сильно волнуется; зима: снѣжныя облака и буря).

(Сигурдъ приходитъ съ одного изъ кораблей; онъ одѣтъ въ бѣлый камзолъ съ серебрянымъ поясомъ, въ голубой плащъ, въ валенки и стальной шлемъ; на боку у него виситъ короткій мечъ. Орнульфъ появляется почти одновременно съ нимъ изъ-за скалъ; онъ одѣтъ въ камзолъ изъ темнаго бараньяго мѣха, въ панцырь и латы, въ кожаные штаны и въ валенки; на плечи накинутъ плащъ изъ коричневаго сукна съ капюшономъ, надвинутымъ такъ низко на шлемъ, что лица почти не видно. Онъ высокаго роста, богатырскаго сложенія, съ большою бѣлою бородою, старый, нѣсколько сгорбленный; вооруженъ круглымъ щитомъ, мечемъ и копьемъ).

Сигурдъ *(входитъ первый, осматривается, замѣчаетъ лодочный сарай, быстро подходитъ къ нему и пробуетъ открыть дверь).*

Орнульфъ *(появляется на скалѣ, останавливается въ удивленіи при видѣ Сигурда, очевидно узнаетъ его, спускается и кричитъ).* Уходи себѣ подальше, вождь!

Сигурдъ *(оборачивается, кладетъ руку на мечъ и отвѣчаетъ).* Мнѣ еще никогда не приходилось ни передъ кѣмъ отступать.

Орнульфъ. А теперь придется. Мнѣ сарай нуженъ для моихъ замерзшихъ отъ холода воиновъ.

Сигурдъ. А мнѣ для изнемогающей отъ усталости женщины.

Орнульфъ. Мои воины дороже твоихъ женщинъ.

Сигурдъ. Въ такомъ случаѣ лѣсные разбойники должны быть въ большой цѣнѣ въ Гельголандѣ.

Орнульфъ *(подымая копье)*. Дорого заплатишь ты мнѣ за эти слова!

Сигурдъ *(вынимаетъ изъ ноженъ мечъ)*. Плохо будетъ тебѣ, старикъ!

(Орнульфъ бросается на него. Сигурдъ защищается).

(Дагни и нѣкоторые изъ воиновъ Сигурда приближаются съ берега: шесть сыновей Орнульфа появляются на скалахъ справа).

Дагни *(идетъ немного впереди другихъ, одѣта въ красный камзолъ и голубой плащъ; на головѣ шлемъ; кричитъ по направленію къ кораблямъ)*. Воины Сигурда наверхъ! Мой мужъ сражается съ чужестранцемъ!

Сыновья Орнульфа. На помощь старику! *(Сбѣгаютъ внизъ).*

Сигурдъ *(своимъ воинамъ)*. Оставайтесь, гдѣ стоите; я одинъ справлюсь съ нимъ.

Орнульфъ *(сыновьямъ)*. Дайте мнѣ сразиться на свободѣ! *(Нападаетъ на Сигурда)*. Я хочу видѣть цвѣтъ твоей крови!

Сигурдъ. Сначала я увижу цвѣтъ твоей! *(Ранитъ его въ руку, такъ что копье старика падаетъ на землю).*

Орнульфъ, Хорошій ударъ нанесъ ты, вождь!

Славно мечемъ ты владѣешь,
Мѣтко ты имъ ударяешь!
Самъ бы Сигурдъ нашъ Могучій
Былъ бы тобой опозоренъ!

Сигурдъ *(улыбаясь)*. Въ такомъ случаѣ позоръ послужилъ бы ему въ честь.

Сыновья Орнульфа *(съ возгласомъ удивленія)*. Самъ Сигурдъ! Сигурдъ Могучій!

Орнульфъ. Но ты еще сильнѣе хватилъ меня въ тотъ день, когда похитилъ, Дагни, мою дочь. *(Отбрасываетъ шлемъ).*

Сигурдъ и его воины. Орнульфъ съ Фіордовъ!

Дагни *(радостно, но съ примѣсью тревоги)*. Мой отецъ и мои братья!

Сигурдъ. Стань за мною!

Орнульфъ. Въ этомъ нѣтъ надобности. *(Приближается къ Сигурду)*. Я узналъ тебя какъ только увидѣлъ, поэтому и возбудилъ споръ; мнѣ хотѣлось убѣдиться, справедлива ли молва, которая называетъ тебя храбрѣйшимъ витяземъ во всей Норвегіи. Да будутъ между нами миръ и дружба!

Сигурдъ. Я ничего лучшаго не желаю, если только это возможно.

Орнульфъ. Вотъ моя рука. Ты славный боецъ; такими добрыми ударами меча никогда еще не обмѣнивался ни съ кѣмъ старый Орнульфъ.

Сигурдъ *(пожимаетъ протянутую ему руку)*. Пусть это будетъ послѣдній ударъ меча, которымъ мы обмѣниваемся. Вмѣстѣ съ тѣмъ я предлагаю тебѣ быть третейскимъ судьей въ дѣлѣ, возстановившемъ насъ другъ противъ друга. Ты согласенъ назначить условія примиренія?

Орнульфъ. Согласенъ; мы быстро уладимъ споръ. *(Обращаясь къ остальнымъ)*. Я разскажу вамъ сейчасъ въ чемъ дѣло. Пять зимъ тому назадъ Сигурдъ и Гуннаръ, викинги, пріѣхали въ Исландію и прожили эту первую зиму, пользуясь миромъ, у меня, въ моемъ дворѣ. Но затѣмъ Гуннаръ совершилъ насиліе и укралъ мою пріемную дочь, Іордисъ; ты же, Сигурдъ, взялъ Дагни, мое родное дитя, и умчалъ ее на своемъ кораблѣ далеко отъ насъ. За это ты осуждаешься заплатить виру въ 300 серебряныхъ монетъ,—и тѣмъ твое преступленіе будетъ считаться искупленнымъ.

Сигурдъ. Я не могу себѣ и представить болѣе благопріятныхъ условій; 300 серебряныхъ монетъ я съ радостью уплачу и прибавлю къ нимъ вышитый шелковый плащъ; это даръ англійскаго короля Этельстана. Никогда еще никто не носилъ такого краснаго плаща въ Исландіи.

Дагни. Отлично, доблестный супругъ мой! Благодарю тебя, отецъ мой! Теперь только у меня легко на душѣ.

(Пожимаетъ руки отцу и братьямъ и говоритъ тихо съ ними).

Орнульфъ. Значитъ, договоръ между нами заключенъ, и съ этого времени Дагни будетъ пользоваться такимъ же почетомъ, какъ если-бы она была отдана тебѣ съ согласія своихъ родныхъ.

Сигурдъ. А на меня ты можешь теперь полагаться, какъ на членовъ твоего рода.

Орнульфъ. Я въ этомъ вполнѣ увѣренъ и хочу немедленно подвергнуть тебя испытанію и узнать на дѣлѣ, насколько ты преданъ мнѣ.

Сигурдъ. Готовъ служить тебѣ; скажи прямо,—чего тебѣ надо.

Орнульфъ. Твоей помощи совѣтомъ и дѣломъ. Я прибылъ сюда въ Гельголандъ, чтобы отыскать Гуннара и потребовать у него выкупа за Іордисъ.

Сигурдъ *(съ удивленіемъ)*. Гуннара?

Дагни *(тоже)*. И Іордисъ! Гдѣ же ихъ найти?

Орнульфъ. Конечно, дома, въ дворѣ Гуннара.

Сигурдъ. А онъ находится?

Орнульфъ. За нѣсколько выстрѣловъ отсюда; развѣ ты этого не зналъ?

Сигурдъ *(сдерживая волненіе)*. Не имѣлъ никакого понятія. Я много разспрашивалъ о Гуннарѣ съ тѣхъ поръ, какъ мы вмѣстѣ съ нимъ выѣхали изъ Исландіи. Долго странствовалъ я въ качествѣ викинга и служилъ многимъ чужестраннымъ королямъ въ то время, какъ Гуннаръ сидѣлъ у себя дома. Сюда я прибылъ сегодня на разсвѣтѣ, пригнанный бурею. Что родной домъ Гуннара расположенъ гдѣ-то здѣсь, на сѣверѣ, это я предполагалъ, но...

Дагни *(Орнульфу)*. И ради этого ты оставилъ свой домъ и пріѣхалъ сюда?

Орнульфъ. Да. *(Сигурду)*. Наша встрѣча здѣсь—предопредѣлена свыше богами; они такъ захотѣли. Если бы даже мнѣ хотѣлось искать тебя, я не зналъ бы, гдѣ тебя найти.

Сигурдъ *(задумчиво)*. Совершенно вѣрно, совершенно вѣрно!—Но это дѣло съ Гуннаромъ,—скажи мнѣ, Орнульфъ, ты думаешь рѣшительно взяться за него, добиться своего добромъ или зломъ?

Орнульфъ. Я долженъ это сдѣлать. Послушай, Сигурдъ, что я тебѣ скажу. Въ это лѣто я побѣжалъ на тингъ; тамъ засѣдало много почтенныхъ людей. Когда дни засѣданій пришли къ концу, я сѣлъ пить съ своими сотоварищами, и тутъ зашла рѣчь о женщинахъ; мнѣ пришлось услышать не мало насмѣшливыхъ словъ за то, что я такъ долго оставилъ не отомщеннымъ нанесенное мнѣ оскорбленіе. Тогда я разсердился, поклялся отправиться въ Норвегію, отыскать Гуннара и либо потребовать отъ него удовлетворенія за нанесенную мнѣ обиду, либо отомстить ему, и не возвращаться домой въ Исландію до тѣхъ поръ, пока задуманное мною дѣло не будетъ исполнено.

Сигурдъ. Да, да! Разъ дѣла обстоятъ такимъ образомъ, то я понимаю, что ты долженъ дѣйствовать напроломъ.

Орнульфъ. Конечно, конечно! Но я не хочу быть несправедливымъ, а о Гуннарѣ мнѣ разсказывали всегда, какъ о честномъ человѣкѣ. Я отъ души радуюсь, что затѣялъ этотъ походъ; скучно мнѣ было въ послѣднее время въ Исландіи; я состарился и посѣдѣлъ на голубыхъ волнахъ; мнѣ казалось, что я долженъ непремѣнно еще разъ прокатиться по нимъ, прежде чѣмъ—ну, да!—Бергтора, моя добрая жена, давно уже умерла, мои старшіе сыновья каждое лѣто ѣздятъ по морю викингами, а когда, наконецъ, и Торольфъ настолько вырослъ, чтобы...

Дагни *(съ радостью)*. Развѣ Торольфъ съ вами? Гдѣ онъ?

Орнульфъ. Тамъ, на кораблѣ. *(Указываетъ въ глубину сцены направо)*.

Вотъ посмотришь на мальчика, удивившься, какъ онъ выросъ и похорошѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ ты уѣхала изъ дому. Изъ него выростетъ славный воинъ. Сигурдъ; онъ современемъ будетъ походить на тебя.

Дагни *(Улыбаясь)*. Все попрежнему, какъ вижу; ты всегда больше всѣхъ любилъ Торольфа.

Орнульфъ. Онъ младшій и схожъ лицемъ съ своею матерью, поэтому я и...

Сигурдъ. Но скажи мнѣ теперь—твое дѣло съ Гуннаромъ,—ты думаешь уже сегодня?

Орнульфъ. Лучше сегодня, чѣмъ завтра. Я удовлетворюсь самымъ небольшимъ вознагражденіемъ; если-же Гуннаръ откажется пойти на примиреніе, пусть несетъ всѣ послѣдствія своего отказа.

(Крестьянинъ Корэ быстро входитъ справа; онъ одѣтъ въ сѣрый байковый кафтанъ и войлочную шляпу; въ рукахъ онъ держитъ сломанную пастушью палку.

Корэ. Счастливая встрѣча, викинги!

Орнульфъ. Встрѣча съ викингами рѣдко приноситъ счастье.

Корэ. Если вы честные люди, то вы окажете мнѣ покровительство: слуги Гуннара хотятъ меня убить.

Орнульфъ. Гуннара?!

Сигурдъ. Ты, должно быть, нанесъ ему какое-нибудь зло?

Корэ. Я только воспользовался своимъ правомъ. Мы пасли всѣ вмѣстѣ скотъ на островѣ около самаго берега; слуги Гуннара увели моихъ лучшихъ воловъ, а одинъ изъ нихъ выбранилъ меня, назвавъ рабомъ: тогда я поднялъ оружіе и убилъ его.

Орнульфъ. Ты поступилъ по закону.

Корэ. Но сегодня утромъ въ мой домъ явились его слуги, чтобы убить меня; счастье мнѣ благопріятствовало: меня предупредили, и я во время убѣжалъ; но я

жду каждую минуту, что они нападутъ на мой слѣдъ.

Сигурдъ. Я тебѣ не вѣрю, крестьянинъ. Въ прежнія времена я зналъ Гуннара такъ же хорошо, какъ самого себя, и я увѣренъ, что онъ никогда не сдѣлалъ бы зла мирному человѣку.

Корэ. Гуннаръ не принимаетъ никакого участія въ этомъ дѣлѣ: онъ уѣхалъ на югъ. Нѣтъ, это все Іордисъ, его жена...

Дагни. Іордисъ!

Орнульфъ (*шепотомъ*). Да, да, это похоже на нее.

Корэ. Я предложилъ Гуннару уплатить ему за убитаго раба, и онъ былъ готовъ принять мое предложеніе, но тутъ пришла Іордисъ, стала осыпать своего мужа насмѣшками, злить его и помѣшала намъ примириться; послѣ этого Гуннаръ отправился на югъ, а сегодня утромъ...

Сигурдъ (*смотритъ налѣво*). Вотъ тамъ идутъ какіе-то люди, направляясь на сѣверъ, не они ли?

Корэ. Это самъ Гуннаръ.

Орнульфъ. Будь спокоенъ. Я думаю, что мнѣ удастся примирить васъ.

(*Гуннаръ съ нѣсколькими воинами показывается слѣва. Онъ одѣтъ въ домашнее платье, коричневый камзолъ, голубой плащъ и широкополую шляпу; единственное оружіе у него—небольшой ручной топоръ*).

Куннаръ (*останавливается съ удивленіемъ и въ недоумѣніи при видѣ собравшихся*). Орнульфъ съ Фіордовъ! Неужели это!

Орнульфъ. Твои глаза тебя не обманываютъ.

Куннаръ (*подходитъ ближе*). Добро пожаловать на моей землѣ, если только ты пришелъ съ миромъ.

Орнульфъ. Если ты согласишься поступать по моему желанью, никакой вражды между нами не будетъ.

Сигурдъ (*приближается*). Здравствуй Куннаръ!

Куннаръ (*радостно*). Сигурдъ,— мой пріемный братъ! (*Пожимаетъ ему руку*). Да, разъ ты съ ними, я увѣренъ, что Орнульфъ пришелъ ко мнѣ съ миромъ. (*Орнульфу*). Подай мнѣ руку, старикъ! Какое дѣло привело тебя сюда на сѣверъ,— не трудно угадать; оно должно касаться Іордисъ, твоей пріемной дочери.

Орнульфъ. Ты сказалъ правду. Ты нанесъ мнѣ тяжкое оскорбленіе, когда увезъ ее изъ Исландіи, не спросивъ моего разрѣшенія.

Куннаръ. Ты въ своемъ правѣ, когда заявляешь мнѣ объ этомъ; что посѣешь въ молодости, то пожнешь въ зрѣлости. Давно уже поджидалъ я тебя, Орнульфъ,—все думалъ, что ты придешь ко мнѣ по этому дѣлу, и если выкупъ можетъ пособить нашему примиренію, то мы скоро примиримся съ тобою.

Сигурдъ. И я такого же мнѣнія. Орнульфъ не будетъ слишкомъ требователенъ.

Куннаръ (*тепло*). Нѣтъ, требовательнымъ ты долженъ быть, старикъ; если бы ты захотѣлъ получить за нее настоящую цѣну, то всего моего добра не хватило бы для уплаты выкупа.

Орнульфъ. Я буду соображаться съ закономъ и обычаемъ,—на это можешь положиться. Но теперь надо покончить еще съ другимъ дѣломъ. (*Указывая на Корэ*). Видишь ты этого человѣка?

Куннаръ. Крестьянинъ Корэ! (*Орнульфу*). Ты знаешь, что между нами ссора.

Орнульфъ. Твои слуги похитили его скотъ, а за похищеніе надо дать удовлетвореніе.

Куннаръ. Но его надо дать и за убійство; онъ убилъ моего раба.

Корэ. Потому что онъ оскорблялъ меня, смѣялся надо мною.

Куннаръ. Я сказалъ тебѣ, что готовъ пойти на примиреніе.

Корэ. Но Іордисъ этого не желала, и сегодня, пока ты былъ въ отсутствіи, она напала на меня и теперь преслѣдуетъ и хочетъ убить.

Куннаръ (*съ гнѣвомъ*). Неужели ты говоришь правду? Неужели она?

Корэ. Каждое мое слово—правда.

Орнульфъ. Поэтому крестьянинъ обратился ко мнѣ за помощью и она будетъ ему обезпечена.

Куннаръ (*послѣ минутнаго разсчета*). Ты честно поступилъ со мною, Орнульфъ; поэтому и я долженъ преклониться предъ твоею волею. Выслушай меня, крестьянинъ Корэ: я готовъ признать, что убійство моего раба служитъ искупленіемъ за принесенный тебѣ вредъ.

Корэ (*протягивая Гуннару руку*). Условія хороши, я принимаю ихъ.

Орнульфъ. И какъ тебя, такъ и твоихъ ему нечего больше бояться?

Куннаръ. Нечего бояться ни дома, ни куда бы ни занесла ихъ судьба,

Сигурдъ (*указывая направо*). Посмотри ка туда!

Куннаръ (*съ неудовольствіемъ*). Это Іордисъ!

Орнульфъ. Съ вооруженными слугами!

Корэ. Она ищетъ меня!

(*Іордисъ показывается съ толпою слугъ. Она одѣта въ черное, въ епанчу, плащъ и въ шлемъ; слуги вооружены мечемъ и секирами. У нея же въ рукахъ только легкое копье*).

Іордисъ (*останавливаясь у входа*). Много воиновъ сошлось здѣсь, какъ внижу.

Дагни (*спѣшитъ ей на встрѣчу*). Привѣтъ тебѣ, Іордисъ!

Іордисъ (*холодно*). Благодарю. Я была увѣрена, что ты здѣсь недалеко.

(*Подходитъ ближе, бросивъ быстрый взглядъ на присутствующихъ*).

Гуннаръ и—Корэ, мой врагъ,—Орнульфъ и его сыновья, и...

(*Взглядъ ея падаетъ на Сигурда, она слегка вздрагиваетъ, молчитъ минуту, но сейчасъ же овладѣваетъ собою и говоритъ*):

Ну, много внижу я здѣсь знакомыхъ лицъ,—но не знаю, кто изъ нихъ лучше всѣхъ расположенъ ко мнѣ.

Орнульфъ. Мы всѣ хорошо относимся къ тебѣ.

Іордисъ. Если такъ, ты не откажешься выдать Корэ моему мужу.

Орнульфъ. Въ этомъ нѣтъ надобности.

Гуннаръ. Между нами миръ и согласіе.

Іордисъ (*съ сдерживаемою насмѣшкою*). Согласіе? Ну, да, конечно, я знаю, что ты умный человѣкъ, Гуннаръ. Корэ встрѣтилъ могучихъ друзей, и я понимаю, что тебѣ показалось безопаснѣе...

Гуннаръ. Тебѣ не удастся раздражить меня своими насмѣшками. (*Властно*). Корэ въ мирѣ съ нами.

Іордисъ (*дѣлая надъ собою усиліе, чтобы сдержаться*). Прекрасно; разъ ты обѣщалъ ему миръ, то обѣщаніе должно быть сдержано.

Гуннаръ (*властно, но безъ гнѣва*). Такъ должно быть, и такъ и будетъ.

Орнульфъ (*Іордису*). А мы заключили еще другой договоръ раньше, чѣмъ ты пришла.

Іордисъ (*рѣзко*). Ты и Гуннаръ?

Орнульфъ (*киваетъ утвердительно головою*). Онъ касался тебя.

Іордисъ. Я не могу не догадаться, о чемъ идетъ рѣчь; но скажу тебѣ одно, мой пріемный отецъ: я не допущу, чтобы о Гуннарѣ говорили, будто онъ испугался увидѣвъ тебя на берегу съ вооруженною свитою; если бы ты пришелъ одинокимъ путникомъ въ нашъ домъ, тогда споръ уладился бы легче.

Куннаръ. Орнульфъ и его сыновья пришли съ миромъ.

Іордисъ. Очень можетъ быть, но люди будутъ толковать ихъ прибытіе иначе, и ты самъ, Гуннаръ, не былъ особенно увѣренъ въ мирѣ еще вчера вечеромъ, когда тотчасъ послѣ полученія извѣстія о въѣздѣ въ Фіордъ Орнульфа съ дружиною, отправилъ сына нашего Этиля на югъ.

Сигурдъ (*Гуннару*). Ты отправилъ своего сына на югъ?

Іордисъ. Да, чтобы онъ былъ въ безопасности на случай, если бы Орнульфъ вздумалъ напасть на насъ.

Орнульфъ. Не насмѣхайся надъ этимъ, Іордисъ. Гуннаръ поступилъ въ сущности очень благоразумно, потому что если ты будешь препятствовать нашему примиренію...

Іордисъ. Счастье управляетъ нашею жизнью. Чему быть, того не миновать, но я предпочитаю скорѣе умереть, чѣмъ спасти жизнь трусливымъ примиреніемъ.

Дагни. Сигурдъ далъ выкупъ и нисколько не уменьшилъ тѣмъ своей славы.

Іордисъ. Сигурдъ самъ знаетъ, чего требуетъ его честь.

Сигурдъ. И никому нѣтъ надобности напоминать мнѣ объ этомъ.

Іордисъ. Сигурдъ—знаменитый воинъ, но еще болѣе славный подвигъ совершилъ Гуннаръ, когда убилъ бѣлаго медвѣдя у порога моей опочивальни.

Гуннаръ (*бросая на Сигурда смущенный взоръ*). Да, да, не будемъ объ этомъ говорить!

Орнульфъ. Вѣрно, это самый смѣлый подвигъ, какой былъ когда-либо совершенъ въ Исландіи, и поэтому...

Сигурдъ. Ну, да, и поэтому Гуннаръ можетъ во всякое время уступить, не боясь подозрѣній въ трусости.

Іордисъ. Разъ надо давать выкупъ, то надо и требовать выкупъ. Гуннаръ, помни, что ты мнѣ когда то обѣщалъ.

Гуннаръ. Опрометчивое это было обѣщаніе! Неужели ты требуешь, чтобы я его сдержалъ?

Іордисъ. Ты долженъ его сдержать, если хочешь, чтобы мы и послѣ сегодняшняго дня продолжали жить вмѣстѣ подъ одною кровлею. Такъ знай же, Орнульфъ, что если ты требуешь выкупъ за похищеніе своей пріемной дочери, ты долженъ также уплатить выкупъ, потому что ты

убилъ Іокула, моего отца, и присвоилъ все его добро.

Орнульфъ. Іокулъ палъ въ честномъ бою; худшее оскорбленіе нанесли мнѣ твои родственники, когда прислали тебя ко мнѣ въ Исландію, не сказавъ, кто ты, и побудили меня усыновить тебя.

Іордисъ. Не оскорбленіе, а честь для тебя было воспитывать дочь Іокула.

Орнульфъ. Много тревоги и безпокойствъ пришлось мнѣ перенесть изъ за тебя.

Іордисъ. Еще больше предстоитъ тебѣ, если ты...

Орнульфъ. Я не пришелъ сюда, чтобы препираться съ женщинами. Гуннаръ, выслушай мое послѣднее слово: согласенъ ли ты дать выкупъ за похищеніе жены?

Іордисъ (*Гуннару*). Помни свое обѣщаніе!

Гуннаръ (*Орнульфу*). Ты слышалъ, я далъ обѣщаніе, и долженъ теперь...

Орнульфъ (*съ раздраженіемъ*), Довольно, довольно! Никто не посмѣетъ никогда сказать обо мнѣ, что я заплатилъ выкупъ за честное убійство въ открытомъ бою.

Іордисъ (*энергично*). Въ такомъ случаѣ мы бросаемъ вызовъ тебѣ и твоимъ.

Орнульфъ (*съ возрастающимъ гнѣвомъ*). И кто же имѣетъ право требовать выкупъ за Іокула? Гдѣ находятся его родственники? Ни одного изъ нихъ нѣтъ больше въ живыхъ. Гдѣ его законный мститель?

Іордисъ. Гуннаръ отъ моего имени.

Орнульфъ. Гуннаръ!.. Да, если бы ты сдѣлалась его женою съ согласія твоего пріемнаго отца, или если бы онъ уплатилъ выкупъ за похищеніе жены, тогда онъ былъ бы законнымъ мстителемъ, но...

Дагни (*со страхомъ, съ мольбою*). Отецъ, отецъ!

Сигурдъ (*быстро*). Не договаривай!

Орнульфъ (*возвышая голосъ*). Нѣтъ, это слѣдуетъ говорить громко. Похищенная женщина не имѣетъ законнаго мужа.

Гуннаръ (*вспыльчиво*). Орнульфъ!

Іордисъ (*въ дикомъ гнѣвѣ*). Осмѣянная! Опозоренная! (*Дрожащимъ голосомъ*). Въ этомъ—въ этомъ тебѣ придется раскаяться.

Орнульфъ (*продолжая*). Похищенная женщина по закону считается наложницею. Желая стать въ болѣе почетное положеніе, ты должна...

Іордисъ (*сдерживаясь*). Нѣтъ, Орнульфъ, я лучше знаю, что годится для меня, а что нѣтъ. Если я нахожусь въ положеніи наложницы Гуннара,—ну, хорошо, въ такомъ случаѣ онъ долженъ себя покрыть еще большею славою,—поставить себя своими подвигами такъ высоко, чтобы мое положеніе наложницы не позорило меня. И теперь берегись, Орнульфъ! Здѣсь наши пути расходятся; я, при первой возможности, выступлю съ оружіемъ въ рукахъ противъ тебя и твоихъ, не будетъ безопасности ни тебѣ, ни членамъ твоего дома, никому, кто... (*Бросая злобный взглядъ на Корэ*). Крестьянинъ Корэ! Ну, да, Орнульфъ выступилъ въ защиту твоего дѣла —и между нами миръ, но я не посовѣтую тебѣ возвращаться до поры до времени въ твой домъ: у убитаго тобой много мстителей, и легко могло бы случиться... да, теперь я предупредила тебя объ опасности,—поступай, какъ знаешь. Пойдемъ, Гуннаръ, пойдемъ снаряжаться! Славный подвигъ совершилъ ты въ Исландіи, но теперь надо совершить еще бо́льшій, чтобы твоей—твоей наложницѣ не пришлось стыдиться и тебя, и себя самой.

Гуннаръ. Успокойся, Іордисъ: неприлично вести себя такъ!

Дагни (*умоляющимъ голосомъ*). Останься сестра моя, останься; я примирю тебя съ отцемъ.

Іордисъ (*не слушая ее*). Домой, домой! Никогда не предсказывали мнѣ, что я буду влачить свою жизнь въ качествѣ презрѣнной наложницы; но разъ судьба повелѣла, чтобы я терпѣла эту жизнь и этотъ позоръ хотя бы одинъ лишній день, то мой мужъ долженъ совершить нѣчто—нѣчто такое, что прославитъ его имя больше именъ всѣхъ другихъ мужей!

(*Уходитъ направо*).

Гуннаръ (*тихо*). Сигурдъ, обѣщай мнѣ одно: переговорить со мною раньше, чѣмъ уѣдешь. (*Уходитъ со своими воинами направо*).

(*Буря тѣмъ временемъ улеглась; полуденное солнце показывается въ видѣ краснаго диска внизу, на краю моря*).

Орнульфъ (*съ угрозою*). Дорого поплатишься ты за свое поведеніе, пріемная дочка!

Дагни. Отецъ! Ты не можешь питать злыхъ замысловъ!

Орнульфъ. Оставь меня! Ну, Сигурдъ, теперь въ моемъ дѣлѣ съ Гуннаромъ одного выкупа будетъ недостаточно.

Сигурдъ. Что ты намѣренъ дѣлать?

Орнульфъ. Я еще не знаю. Но далеко разойдется молва о томъ, какъ Орнульфъ съ Фіорда гостилъ у Гуннара.

Сигурдъ *(съ спокойной твердостью)*. Очень можетъ быть; но я скажу тебѣ одно, Орнульфъ: подымать оружіе противъ него ты не будешь, пока я живъ!

Орнульфъ. Не буду? А если я этого хочу?

Сигурдъ. Этому не бывать, — какъ бы ты этого не хотѣлъ.

Орнульфъ *(гнѣвно)*. Хорошо; стань на сторону моихъ враговъ: я готовъ идти противъ васъ всѣхъ.

Сигурдъ.. Выслушай меня до конца, Орнульфъ. Тебѣ не придется никогда увидѣть меня своимъ противникомъ; между нами заключенъ честный миръ, Дагни дороже мнѣ оружія и золота, и я никогда не забуду, что ты — ея родной отецъ.

Орнульфъ. Я всегда ожидалъ этого отъ тебя, храбрый Сигурдъ!

Сигурдъ. Но Гуннаръ—мой пріемный братъ; мы поклялись другъ другу въ мирѣ и дружбѣ. И въ бою, и въ мирное время мы вмѣстѣ шли навстрѣчу счастью, и онъ дороже мнѣ всѣхъ остальныхъ людей; онъ не любитъ брани, несмотря на всю свою храбрость. Теперь послушайте: меня знаете вы всѣ, вы знаете, что я не боюсь борьбы; и все же я стою здѣсь передъ тобой, Орнульфъ, и прошу о примиренін съ Гуннаромъ. Уступи мнѣ въ этомъ дѣлѣ!

Орнульфъ. Я не могу; всѣ мои товарищи-воины будутъ смѣяться надо мною, если я съ пустыми руками вернусь въ Исландію.

Сигурдъ. Ты съ пустыми руками не вернешься. Здѣсь въ заливѣ стоятъ мои два корабля со всѣмъ добромъ, которое я пріобрѣлъ, когда ѣздилъ викингомъ; много у меня драгоцѣнныхъ королевскихъ даровъ, цѣлые сундуки добраго оружія и разныхъ другихъ драгоцѣнностей; бери себѣ одинъ изъ этихъ кораблей, выбирай любой, онъ будетъ твоимъ со всѣмъ находящимся на немъ грузомъ,—пусть это будетъ выкупъ за Іордисъ, и оставь Гуннаръ въ покоѣ.

Орнульфъ. Славный Сигурдъ, это ты хочешь сдѣлать для Гуннара?

Сигурдъ. Для преданнаго друга нельзя никогда сдѣлать слишкомъ много.

Орнульфъ. Отдать половину своего добра!

Сигурдъ *(съ мольбою)*. Возьми все, возьми мои оба корабля, все, что мнѣ принадлежитъ, и позволь мнѣ вернуться съ тобою въ Исландію бѣднѣйшимъ воиномъ въ твоей свитѣ; то, что я даю, я могу современемъ вновь пріобрѣсть; но если ты вступишь въ бой съ Гуннаромъ, я не могу больше знать радости на землѣ. Что ты мнѣ отвѣтишь на это, Орнульфъ?

Орнульфъ *(задумавшись)*. Два добрыхъ корабля, оружіе и драгоцѣнности —никогда у человѣка не бываетъ слишкомъ много добра, но — *(съ раздраженіемъ)* нѣтъ, нѣтъ,—Іордисъ грозила мнѣ; я не хочу! Безчестно было бы съ моей стороны брать у тебя твое добро!

Сигурдъ. Но выслушай меня!

Орнульфъ. Нѣтъ, говорю я! Я самъ долженъ настоять на своемъ правѣ. Пусть счастье рѣшитъ, кому изъ насъ остаться побѣдителемъ.

Корэ *(приближаясь)*. Дружескій совѣтъ даетъ тебѣ Сигурдъ, но коли ты твердо рѣшился добиться своего права, то мой совѣтъ будетъ получше. Никогда не разсчитывай на выкупъ, пока Іордисъ имѣетъ возможность замолвить слово; но я научу тебя, какъ отомстить, если ты согласенъ выслушать меня.

Орнульфъ. Отомстить? Что же ты мнѣ посовѣтуешь?

Сигурдъ. Что-нибудь дурное, это я вижу.

Дагни *(Орнульфу)*. Не слушай его.

Корэ. Іордисъ осудила меня на изгнаніе; она хитростью будетъ стараться лишить меня жизни; обѣщай мнѣ защитить меня, и я сегодня же ночью пойду подшалю дворъ Гуннара и сожгу его вмѣстѣ со всѣмъ спящимъ въ немъ народомъ. По твоему это вкусу?

Сигурдъ. Негодяй!

Орнульфъ *(спокойно)*. По моему ли вкусу? Знаешь, Корэ, что больше по моему вкусу? *(Громовымъ голосомъ)*. Отрубить у тебя носъ и уши, негодный рабъ! Плохо знаешь ты стараго Орнульфа, если считаешь его способнымъ на такія мерзости!

Корэ *(отступая на нѣсколько шаговъ)*. Если ты не нападешь на Гуннара, онъ нападетъ на тебя.

Орнульфъ. Чтобы помѣшать этому, у меня есть руки и оружіе.

Сигурдъ *(Корэ)*. А теперь убирайся вонъ отъ насъ! Честнымъ людямъ позорно дѣйствовать заодно съ тобою.

Корэ *(уходитъ)*. Ну, да, да, я, конечно, буду стараться теперь самъ защитить себя, но говорю прямо: вамъ придется раскаяться, если станете медлить: я знаю

Іордисъ,—и съумѣю справиться съ нею и самъ. (*Спускается къ морю*).

Дагни. Онъ думаетъ мстить. Сигурдъ, надо помѣшать ему!

Орнульфъ (*сердито*). Ахъ, пусть себѣ дѣлаетъ, что хочетъ; она большаго не стоитъ!

Дагни. Ты самъ этого не думаешь; вспомни, что ты воспиталъ ее.

Орнульфъ. Въ несчастный часъ взялъ я Іордисъ подъ свой кровъ; исполняется предсказаніе Іокула.

Сигурдъ. Іокула?

Орнульфъ. Іокула, ея отца. Когда я нанесъ ему смертельный ударъ, онъ упалъ на землю, взглянулъ на меня и заговорилъ:

Іокула родъ врагу Іокула
Зла много въ свѣтѣ нанесетъ:
Кто злато заберетъ Іокула
Тотъ счастья въ златѣ не найдетъ.

Произнесши эти слова, онъ помолчалъ минуту, затѣмъ захохоталъ и умеръ.

Сигурдъ. На слова эти не стоитъ обращать вниманія!

Орнульфъ. Да, да, кто знаетъ? Ходитъ молва, что Іокулъ далъ своимъ дѣтямъ поѣсть волчьяго сердца, чтобы закалить ихъ; Іордисъ навѣрное получила свою часть волчьяго сердца, это видно по ней. (*Останавливается и смотритъ направо*). Гуннаръ!—Неужели намъ опять приходится встрѣтиться съ тобою?

Гуннаръ (*подходитъ*). Да, Орнульфъ, думай обо мнѣ, что хочешь; но я не могу разстаться съ тобою врагомъ.

Орнульфъ. Что же ты задумамъ?

Гуннаръ. Подать тебѣ руку для примиренія, прежде чѣмъ ты уѣдешь отъ насъ. Выслушайте меня, вы всѣ: послѣдуйте за мною въ мой домъ и будьте моими гостями, пока вамъ это понравится. Въ оночивальняхъ и угощеньяхъ у насъ недостатка не будетъ, а о своемъ спорѣ мы не будемъ заговаривать ни сегодня, ни завтра.

Сигурдъ. Но Іордисъ?

Гуннаръ. Покоряется моей волѣ; она перемѣнила свое рѣшеніе по дорогѣ домой и думаетъ такъ же, какъ и я, что есть возможность для насъ примириться, если вы захотите погостить у насъ.

Дагни. Да, да, такъ должно быть!

Сигурдъ (*съ сомнѣніемъ*). Но я не знаю, право, будетъ ли...

Дагни. Гуннаръ — твой пріемный братъ: я увѣрена, что ты не откажешься.

Гуннаръ (*Сигурду*). Ты выказывалъ мнѣ дружбу все время, пока мы ѣздили съ тобою; неужели ты на этотъ разъ будешь дѣйствовать противъ меня?

Дагни. Уѣзжать теперь отсюда, оставляя Іордисъ съ ненавистью въ душѣ—нѣтъ, нѣтъ, мы не должны этого дѣлать!

Гуннаръ. Великое зло нанесъ я Орнульфу; пока оно не будетъ искуплено, я не буду знать ни минуты покоя.

Сигурдъ (*съ волненіемъ ръжо*). Все другое готовъ я сдѣлать для тебя, Гуннаръ,—только не оставаться здѣсь. (*Овладѣваетъ собою*). Я служу у короля Этельстана и долженъ еще въ эту зиму вернуться въ Англію.

Дагни. Но ты еще успѣешь.

Гуннаръ. Никто не знаетъ, что ждетъ его впереди; очень можетъ быть, Сигурдъ, что мы встрѣтились съ тобою въ послѣдній разъ; и тогда ты будешь раскаяваться, что не протянулъ мнѣ руку помощи въ минуту нужды.

Дагни. И ты не скоро увидишь меня веселою, если сегодня уѣдешь отсюда.

Сигурдъ (*рѣшительно*). Хорошо, пусть будетъ по твоему! Пусть будетъ по вашему желанію, если только... Но вопросъ уже рѣшенъ: вотъ тебѣ моя рука; я остаюсь здѣсь гостемъ у тебя и Іордисъ.

Гуннаръ (*пожимаетъ его руку*). Спасибо, Сигурдъ, я въ этомъ былъ заранѣе увѣренъ.—А ты, Орнульфъ, ты согласенъ съ нимъ?

Орнульфъ (*уклончиво*). Я еще подумаю. Глубоко оскорбила меня Іордисъ,—сегодня я не могу еще дать отвѣта.

Гуннаръ. Да, да, старый воинъ! Сигурдъ и Дагни съумѣютъ разгладить твое чело. Теперь я пойду приготовлю пиръ. Добро пожаловать въ мой домъ! (*Уходитъ направо*).

Сигурдъ (*про себя*). Іордисъ перемѣнила свое рѣшеніе, сказалъ онъ. Плохо онъ ее знаетъ въ такомъ случаѣ; я скорѣе повѣрю, что она замыслила... (*Прерываетъ себя и обращается къ своимъ воинамъ*). Слѣдуйте всѣ за мною на корабли; я хочу выбрать дары для Гуннара и его домочадцевъ.

Дагни. Наилучшіе дары, какіе у насъ есть. А ты, отецъ мой,—я не отстану отъ тебя, пока ты не дашь согласія на примиреніе. (*Уходитъ съ Сигурдомъ и воинами въ глубину сцены къ морю*).

Орнульфъ. Пока я не дамъ согласія на примиреніе? Да если бы у Гуннара въ домѣ не было женщины, тогда—га, какъ

бы мнѣ скрутить ее! Торольфъ, ты сюда идешь?

Торольфъ (*быстро подходитъ*). Какъ видишь. Правда ли, что говорятъ, будто ты встрѣтился съ Гуннаромъ?

Орнульфъ. Правда.

Торольфъ. И что ты разстался въ ссорѣ съ нимъ?

Орнульфъ. Гмъ! Во всякомъ случаѣ въ ссорѣ съ Іордисъ.

Торольфъ. Успокойся. Ты будешь отомщенъ.

Орнульфъ. Отомщенъ? Кто же отомститъ за меня?

Торольфъ. Выслушай меня; я стоялъ на кораблѣ, когда какой-то человѣкъ пробѣжалъ мимо меня съ палкою въ рукѣ и закричалъ: „Если ты принадлежишь къ воинамъ Орнульфа, то поклонись ему отъ крестьянина Корэ и скажи, что я отомщу за насъ обоихъ". Затѣмъ онъ сѣлъ на лодку и уѣхалъ, говоря: „Двадцать изгнанниковъ ждутъ меня въ фіордѣ; я съ ними отправлюсь на югъ, и еще до вечера у Іордисъ не будетъ потомства, которымъ она могла бы хвалиться".

Орнульфъ. Такъ вотъ что онъ сказалъ! Га, га, теперь я понимаю: Гуннаръ отослалъ своего сына изъ дому, Корэ во враждѣ съ нимъ...

Торольфъ. А теперь онъ отправился вслѣдъ мальчику, чтобы убить его.

Орнульфъ. (*съ внезапною рѣшительностью*). Вставайте всѣ; объ этой добычѣ мы еще поспоримъ.

Торольфъ. Что ты задумалъ?

Орнульфъ. Не спрашивай меня; месть возьму на себя я, а не Корэ.

Торольфъ. Я пойду съ тобой.

Орнульфъ. Нѣтъ, ты послѣдуешь за Сигурдомъ и своею сестрою въ домъ Гуннара.

Торольфъ. За Сигурдомъ? Развѣ онъ здѣсь?

Орнульфъ. Видишь тамъ его корабль? Мы примирились съ нимъ —ты пойдешь за Сигурдомъ.

Торольфъ. Къ твоимъ врагамъ?

Орнульфъ. Иди только на миръ. Пусть Іордисъ научится понимать стараго Орнульфа! Но послушай, Торольфъ, не говори ни слова никому о томъ, что я задумалъ,—слышишь, никому!

Торольфъ. Обѣщаю тебѣ.

Орнульфъ. (*беретъ сына за руку и съ любовью глядитъ на него*). Прощай же, мой дорогой мальчикъ, веди себя вѣжливо на пиру, чтобы я могъ гордиться тобою, не держи безполезныхъ рѣчей: но то, что ты скажешь, должно попадать мѣтко въ цѣль, какъ остріе меча. Будь дружелюбенъ, пока и тебѣ выказываютъ дружбу, но если кто станетъ издѣваться надъ тобою, не давайся въ обиду, а отвѣчай обидчику. Не пей слишкомъ много, но не отстраняй отъ себя кубка, когда онъ предлагается тебѣ въ мѣру,—иначе тебя могутъ назвать дѣвчонкой.

Торольфъ. Нѣтъ, будь покоенъ!

Орнульфъ. Ну, а теперь ступай на пиръ въ домъ Гуннара. Я также приду на пиръ, но такъ, какъ никто не ожидаетъ. (*Весело сыновьямъ*). Вставайте, волчата; поострите свои зубки: — скоро получите кровь для утоленія жажды. (*Уходитъ съ старшими сыновьями направо въ глубину сцены*).

(*Сигурдъ и Дагни показываются на берегу въ раскошныхъ празничныхъ нарядахъ, въ сопровожденіи двухъ людей, несущихъ ящикъ; послѣдніе немедленно уходятъ назадъ, поставивши на землю ящикъ*).

Торольфъ (*глядя вслѣдъ отцу*). Они отправляются въ бой, а мнѣ не позволяютъ идти съ ними. Какъ тяжело быть младшимъ въ роду!—Дагни, привѣтъ тебѣ, сестра моя!

Дагни. Торольфъ! Ахъ, добрые духи, какъ ты выросъ!

Торольфъ. Ну, да, въ пять лѣтъ я долженъ былъ...

Дагни. Да, да, ты правъ.

Сигурдъ (*подавая ему руку*). Если я не ошибаюсь, Орнульфъ имѣетъ въ твоемъ лицѣ храбраго оруженосца.

Торольфъ. Если бы онъ только захотѣлъ подвергнуть меня испытанію, я бы...

Дагни (*улыбаясь*). Но онъ щадитъ тебя больше, чѣмъ тебѣ это желательно: я помню, какъ онъ тебя всегда любилъ.

Сигурдъ. Куда онъ ушелъ?

Торольфъ. Впизъ на корабль; онъ скоро вернется.

Сигурдъ. Я жду своихъ людей; они сносятъ товаръ и ставятъ на якорь корабли.

Торольфъ. Такъ я пойду помогу имъ. (*Уходитъ къ морю*).

Сигурдъ (*послѣ нѣкотораго раздумья*). Дагни, жена моя, теперь мы наединѣ; я долженъ сказать тебѣ нѣчто, чего нельзя дольше скрывать.

Дагни (*съ удивленіемъ*). Что ты хочешь сказать?

Сигурдъ. Опаснымъ можетъ сдѣлаться это наше посѣщеніе двора Гуннара.

Дагни. Опаснымъ? Неужели ты думаешь, что Гуннаръ...

Сигурдъ. Гуннаръ смѣлъ и храбръ; нѣтъ, нѣтъ—но лучше было бы, если бы я уѣхалъ отсюда, не посѣтивъ его.

Дагни. Ты пугаешь меня, Сигурдъ,—въ чемъ дѣло?

Сигурдъ. Отвѣчай мнѣ сначала на одинъ вопросъ. Тотъ золотой обручъ, который я когда-то далъ тебѣ, гдѣ онъ?

Дагни. (*показывая его*). Здѣсь на рукѣ; ты подарилъ мнѣ только одинъ этотъ обручъ.

Сигурдъ. Брось его въ пучину морскую такъ глубоко, чтобы его невозможно было никогда найти, потому что онъ можетъ причинить гибель многимъ людямъ.

Дагни. Обручъ?

Сигурдъ (*тихо*). Въ тотъ день, когда произошло похищеніе дочерей у твоего отца,—ты помнишь—?

Дагни. Еще бы ни помнить!

Сигурдъ. Я объ этомъ хочу говорить.

Дагни (*съ напряженнымъ вниманіемъ*). Въ чемъ же дѣло? Говори.

Сигурдъ. Ты помнишь, что въ тотъ день шелъ пиръ; ты рано ушла въ опочивальню, но Іордисъ осталась сидѣть за столомъ съ мужчинами. Быстро кубокъ переходилъ отъ одного къ другому, и при этомъ произносилось много громкихъ клятвъ. Я поклялся,—когда тронусь въ путь,—увесть съ собою изъ Исландіи прекрасную дѣвушку; Гуннаръ произнесъ такую же точно клятву и передалъ кубокъ Іордисъ. Тогда она взяла кубокъ, встала и поклялась, что никто никогда не овладѣетъ ею, кромѣ одного, того, кто пойдетъ къ дверямъ ея опочивальни, убьетъ бѣлаго медвѣдя, прикованнаго на цѣпи у дверей ея и вынесетъ ее оттуда на рукахъ.

Дагни. Да, да, это я знаю!

Сигурдъ. Но всѣ тогда сказали, что сдѣлать это невозможно, потому, что медвѣдь былъ необыкновенно золъ; никто, кромѣ Іордисъ, не смѣлъ приближаться къ нему, и онъ обладалъ силою двадцати людей.

Дагни. Но Гуннаръ убилъ его, и этимъ подвигомъ прославилъ свое имя во всѣхъ странахъ.

Сигурдъ (*тихо*). Имя его было прославлено, но—подвигъ совершилъ я.

Дагни (*вскрикиваетъ*). Ты!

Сигурдъ. Когда мужчины покинули залу пиршествъ, Гуннаръ попросилъ меня послѣдовать за нимъ въ его комнату, чтобы переговорить наединѣ. Тутъ онъ сказалъ мнѣ: „Іордисъ дороже для меня всѣхъ женщинъ въ мірѣ, я не могу жить безъ нея“. Я отвѣтилъ ему: „Иди въ такомъ случаѣ къ дверямъ ея опочивальни; ты знаешь, вѣдь, какое условіе она поставила“. Но онъ сказалъ: „Влюбленные люди дорого цѣнятъ жизнь; исходъ неизвѣстенъ, если я вступлю въ борьбу съ медвѣдемъ; а между тѣмъ я страшусь покидать теперь жизнь, потому что тогда я потеряю вмѣстѣ съ нею и Іордисъ“. Долго разговаривали мы, и кончился разговоръ тѣмъ, что Гуннаръ отправился снаряжать корабль, а я вынулъ мечъ, одѣлся въ доспѣхи Гуннара и отправился въ опочивальню Іордисъ.

Дагни (*съ гордою радостью*). И ты,—ты сразился съ медвѣдемъ?

Сигурдъ. Да, я. Въ спальнѣ было темно, точно подъ крылами ворона; Іордисъ рѣшила, что рядомъ съ нею сидитъ Гуннаръ,—она была разгорячена отъ выпитаго ею меда; снявъ съ руки золотой обручъ, она отдала его мнѣ;—это именно тотъ, который ты носишь.

Дагни (*нерѣшительно*). И ты провелъ всю ночь въ спальнѣ Іордисъ?

Сигурдъ. Мой мечъ, вынутый изъ ноженъ, раздѣлялъ насъ (*Краткое молчаніе*). Еще до разсвѣта я на рукахъ снесъ Іордисъ на корабль Гуннара; нашей хитрости она не замѣтила; и онъ отплылъ въ море съ нею. Тогда я отправился въ твою опочивальню и засталъ тебя среди твоихъ женщинъ;—ну, что затѣмъ послѣдовало, ты знаешь; я уѣхалъ изъ Исландіи съ прекрасною дѣвушкою, какъ поклялся, и ты съ тѣхъ поръ преданно слѣдовала за мною, повсюду, куда бы я ни отправлялся.

Дагни (*съ волненіемъ*). Мой храбрый мужъ! Ты совершилъ великій подвигъ!—О, я должна была раньше догадаться! Никто, кромѣ тебя, не былъ способенъ на это! Іордисъ! Ты могъ бы овладѣть Іордисъ, этою гордою красавицею, и все же предпочелъ меня! Еще дороже сталъ бы ты мнѣ теперь, если бы ужъ не былъ дороже всего въ мірѣ.

Сигурдъ. Дагни, дорогая жена моя, теперь ты знаешь все,—что нужно тебѣ знать. Я счелъ своимъ долгомъ предупредить тебя, потому что обручъ не долженъ ни за что попасть на глаза Іордисъ. Послушай меня, брось его въ морскую пучину!

Дагни. Нѣтъ, Сигурдъ, онъ слишкомъ дорогъ для меня; это вѣдь твой подарокъ. Но будь спокоенъ, я съумѣю скрыть его отъ всѣхъ взоровъ и никому не открою то, что ты довѣрилъ мнѣ.

(*Торольфъ возвращается съ корабля съ воинами Сигурда*).

Торольфъ. Все готово для пира!

Дагни. Пойдемъ, Сигурдъ,—благородный, храбрый воинъ!

Сигурдъ. Тише, Дагни, успокойся! Въ твоей теперь власти, чтобы наша поѣздка окончилась миромъ или рѣзнею. (*Весело остальнымъ*). Пойдемъ всѣ на пиръ въ дворъ Гуннара!

(*Уходитъ съ Дагни направо; другіе слѣдуютъ за ними*).

Дѣйствіе второе.

(Зала пиршествъ у Гуннара. Выходная дверь въ глубинѣ сцены: меньшія двери по бокамъ. На авансценѣ слѣва высокое почетное сидѣніе, прямо противъ него, направо, меньшее. Среди залы горитъ огонь въ очагѣ. Въ глубинѣ сцены, по обѣимъ сторонамъ двери, возвышенія для женщинъ дома. По обѣ стороны отъ обоихъ почетныхъ сидѣній вдоль стѣнъ идутъ два длинные стола съ скамьями около нихъ. На дворѣ темно; огонь очага освѣщаетъ залу).

(Іордисъ и Дагни входятъ справа).

Дагни. Нѣтъ, Іордисъ, я не могу понять тебя. Ты показала мнѣ весь дворъ; я не знаю, чего тебѣ еще нужно: все, что принадлежитъ тебѣ, такъ прекрасно и богато;—какъ ты можешь такъ жаловаться на судьбу?

Іордисъ. Гмъ! Посади орла въ клѣтку и онъ будетъ кусать ея прутья все равно, будь они желѣзные или золотыя.

Дагни. Въ одномъ ты во всякомъ случаѣ богаче меня,—у тебя есть Эгиль, твой маленькій мальчикъ.

Іордисъ. Лучше не имѣть вовсе дѣтей, чѣмъ имѣть сына незаконнорожденнаго.

Дагни. Незаконнорожденнаго?

Іордисъ. Развѣ ты забыла, что сказалъ твой отецъ? Эгиль—сынъ наложницы: таковы были его слова.

Дагни. Слова, произнесенныя въ гнѣвѣ,—неужели ты будешь обращать на нихъ вниманіе?

Іордисъ. Да, да, Орнульфъ правъ; Эгиль слабъ;—по немъ можно сейчасъ узнать, что онъ рожденъ въ позорѣ.

Дагни. Іордисъ, какъ ты можешь!

Іордисъ (*не обращая вниманія на ея слова*). Такимъ образомъ позоръ всасывается въ кровь, точно ядъ послѣ укуса змѣи. Не таковы свободорожденные сыны героевъ; я слышала объ одной королевѣ, которая взяла своего сына и пришила ему рубашку къ тѣлу, но мальчикъ ни разу не моргнулъ. (*Съ злымъ выраженіемъ лица*). Дагни, я хочу сдѣлать эту пробу съ Эгилемъ.

Дагни (*возмущенная*). Іордисъ, Іордисъ!

Іордисъ (*смѣясь*). Ха, ха, ха! Неужели ты думаешь, что я говорю правду? (*Измѣняетъ тонъ*). Но, вѣрь мнѣ или нѣтъ, на меня находитъ по временамъ такое настроеніе, что я чувствую неудержимое желаніе сдѣлать что-нибудь подобное; это, должно быть, у меня въ крови;—я, вѣдь, изъ рода титановъ, какъ говорятъ.—Ну, садись, Дагни; много ты странствовала въ эти пять долгихъ лѣтъ;—скажи мнѣ, ты не разъ бывала въ гостяхъ и у королей?

Дагни. Да,—именно у Этельстана въ Англіи.

Іордисъ. И тебѣ повсюду оказывали большой почетъ; повсюду садили на первыя мѣста за столомъ?

Дагни. Конечно! Какъ жену Сигурда.

Іордисъ. Да, понятно,—такой знаменитый воинъ, какъ Сигурдъ,—хотя Гуннаръ стоитъ выше его.

Дагни. Гуннаръ?

Іордисъ. Одинъ подвигъ совершилъ Гуннаръ, на который Сигурдъ не рѣшился;—но оставимъ это.—Скажи мнѣ, когда Сигурдъ отправлялся въ морской походъ и ты сопутствовала ему, когда ты слышала звонъ мечей во время боя, когда кровь орошала палубу корабля, окрашивая ее въ алый цвѣтъ,—тебя не охватывало неудержимое желаніе ринуться въ бой рядомъ съ воинами? ты не переодѣвалась въ боевую одежду и не брала оружія въ руки?

Дагни. Никогда! Что это тебѣ вздумалось? Я, вѣдь, женщина.

Іордисъ. Женщина, женщина,—гмъ! никто не знаетъ, на что можетъ быть способна женщина!—Ну, одно ты мнѣ можешь сказать, Дагни, потому что это ты должна, конечно, знать: когда мужчина обнимаетъ женщину, которую онъ любитъ,—правда ли, что тогда ея кровь загорается, а сердце учащенно бьется въ груди,—и она въ блаженствѣ замираетъ?

Дагни (*краснѣя*). Іордисъ, какъ ты можешь!

Іордисъ. Ну, скажи же мнѣ...

Дагни. Конечно, и ты это испытала.

Іордисъ. Да, однажды, только однажды; это было въ ту ночь, когда Гуннаръ сидѣлъ у меня въ опочивальнѣ: онъ

схватилъ меня въ объятія, такъ что я чуть не задохнулась, и тогда, тогда...

Дагни (*прерывая ее*). Какъ, Сигурдъ?

Іордисъ. Сигурдъ! Кто говоритъ о Сигурдѣ? Я говорю о Гуннарѣ,—въ ту ночь, когда произошло похищеніе женъ...

Дагни (*приходя въ себя*). Да, да, помню,—знаю...

Іордисъ. Это былъ единственный разъ, и никогда, никогда больше!.. Мнѣ казалось, что кто-то навелъ на меня чары, потому что представить себѣ, что Гуннаръ могъ такимъ образомъ обнять женщину—это—(*Останавливается и смотритъ на Дагни*). Ты больна? Ты то краснѣешь, то блѣднѣешь.

Дагни. Нѣтъ, нѣтъ!

Іордисъ (*не обращая на нее вниманія*). Нѣтъ, я должна была бы участвовать въ веселыхъ морскихъ походахъ; это было бы лучше для меня и—можетъ быть и для всѣхъ насъ. Тогда моя жизнь была бы полна и богата. Ты не удивляешься, Дагни, что нашла меня живущею здѣсь? Ты не боишься остаться въ одной комнатѣ со мною теперь, когда здѣсь такъ темно? Тебѣ не приходитъ на мысль, что я уже давнымъ давно умерла и что теперь передъ тобою стоитъ привидѣніе?

Дагни (*съ тревогою*). Пойдемъ—пойдемъ—къ нимъ.

Іордисъ (*беретъ ее за руку*). Нѣтъ, оставайся. Можешь ли ты представить себѣ, Дагни, чтобы возможно было жить, проспдѣвши здѣсь пять ночей?

Дагни. Пять ночей?

Іордисъ. Здѣсь на сѣверѣ каждая ночь длиною въ зиму. (*Быстро, съ изнкнвшимся выраженіемъ*). А все же нельзя не сказать, что здѣсь хорошо! Ты увидишь такія вещи у насъ, какихъ никогда не видала при королевскомъ дворѣ Англіи. Мы будемъ точно сестры въ теченіе того времени, пока ты прогостишь у меня; мы будемъ сходить къ морю, когда начнется на немъ непогода; ты увидишь, какъ волны будутъ нестись впхремъ къ берегу, точно дикіе кони съ бѣлою гривою,—а вокругъ будутъ нырять киты. Они вступаютъ другъ съ другомъ въ борьбу, точно воины въ стальной бронп. Ахъ, какъ весело было бы сидѣть волшебницею на спинѣ кита, ѣхать впереди корабля, возбуждать непогоду и привлекать путниковъ въ пучину волшебными пѣснями!

Дагни. Фу, Іордисъ, какъ можешь ты говорить такъ!

Іордисъ. Ты умѣешь сочинять волшебныя пѣсни, Дагни?

Дагни (*съ отвращеніемъ*). Я?

Іордисъ. Да, я и думала, что ты умѣешь; чѣмъ же ты привлекла къ себѣ Сигурда?

Дагни. Ты глумишься надо мною; я лучше уйду.

Іордисъ (*удерживая ее*). Я только шучу. Нѣтъ, послушай дальше. Представь себѣ, Дагни: сидѣть здѣсь вечеромъ у окна и прислушиваться къ плачу привидѣній въ лодочныхъ сараяхъ; сидѣть и ожидать и слушать, какъ несутся домой мертвецы, потому что путь ихъ на сѣверъ пролегаетъ мимо насъ. Это все смѣлые мужи, павшіе въ бою, сильныя женщины, не проводившія жизнь такъ безцѣльно, какъ я съ тобою; среди бури и непогоды мчатся онѣ по воздуху на черныхъ коняхъ, съ далеко звенящими колокольчиками. (*Обнимаетъ ее и дико прижимаетъ къ себѣ*). Представь себѣ, Дагни, совершить послѣдній свой путь на такомъ славномъ скакунѣ!

Дагни (*освобождаясь изъ ея объятій*). Іордисъ, Іордисъ. Выпусти меня! Я не хочу слушать тебя.

Іордисъ (*смѣясь*). Слабодушна ты и пуглива!

(*Гуннаръ входитъ изъ глубины сцены въ сопровожденіи Сигурда и Торольфа*).

Гуннаръ. Да, клянусь, я не могу и вообразить болѣе счастливаго для себя дня: я нашелъ тебя, Сигурдъ, моего дорогого храбраго брата, такимъ же преданнымъ мнѣ другомъ, какъ и раньше; я принимаю подъ своимъ кровомъ сына Орнульфа, а старикъ самъ вскорѣ послѣдуетъ за тобою, не правда ли?

Торольфъ. Это онъ обѣщалъ.

Гуннаръ. Теперь недостаетъ только одного: чтобы маленькій Эгиль былъ дома съ нами.

Торольфъ. Ты, должно быть, очень любишь своего сына, потому что такъ часто вспоминаешь о немъ.

Гуннаръ. Это вѣрно; онъ единственный сынъ у меня и обѣщаетъ сдѣлаться современемъ красивымъ и добрымъ.

Іордисъ. Но не воиномъ.

Гуннаръ. Ну, ну,—этого не говори!

Сигурдъ. Но зачѣмъ ты отослалъ его?

Гуннаръ. Ахъ, какъ я жалѣю, что сдѣлалъ это! (*Вполголоса*). Но ты знаешь, Сигурдъ, какъ слабодушно можетъ поступить человѣкъ, у котораго слишкомъ силь-

ная любовь въ сердцѣ. (*Громко*). У меня въ дворѣ было мало людей, и никто изъ насъ не могъ считать свою жизнь въ безопасности, когда получено было извѣстіе, что Орнульфъ высадился на берегъ со своею воинственною дружиною.

Іордисъ. Я знаю, что нужно спасать раньше, чѣмъ жизнь.

Торольфъ. Что же?

Іордисъ. Честь и добрую славу.

Гуннаръ. Іордисъ!

Сигурдъ. Никто не скажетъ о Гуннарѣ, что онъ этимъ поступкомъ запятналъ свою честь.

Гуннаръ (*строго*). Никому не удастся раздражить меня противъ родныхъ Орнульфа.

Іордисъ (*улыбаясь*). Гмъ! Скажи мнѣ, Сигурдъ,—можетъ ли твой корабль плыть при всякомъ вѣтрѣ?

Сигурдъ. Да, если имъ искусно править.

Іордисъ. Хорошо, и я также буду искусно управлять своимъ кораблемъ и приведу его, куда хочу. (*Отходитъ въ сторону*).

Дагни (*тихо, тревожно*). Сигурдъ, уѣдемъ отсюда,—еще сегодня вечеромъ.

Сигурдъ. Теперь уже слишкомъ поздно; ты сама хотѣла...

Дагни. Тогда я еще любила Іордисъ, но теперь;—я услышала отъ нея такія слова, о которыхъ боюсь даже думать.

(*Изъ глубины сцены входятъ воины Сигурда и другіе гости, мужчины и женщины, домашніе слуги и служанки*).

Гуннаръ (*послѣ короткой паузы, которая служитъ для обоюдныхъ поклоновъ и т. п.*). Теперь милости просимъ за столъ! Мой главный гость, Орнульфъ съ Фіордовъ, пріѣдетъ позднѣе: Торольфъ обѣщалъ мнѣ это.

Іордисъ (*домашнимъ слугамъ*). Принесите медъ и пиво, чтобы языки нашихъ гостей развязались, а на душѣ у нихъ сдѣлалось веселѣе.

(*Гуннаръ подводитъ Сигурда къ почетному сидѣнію направо. Данги садится по правую руку Сигурда, Іордисъ противъ него на противоположной сторонѣ того же стола. Торольфу такимъ образомъ указываютъ мѣсто за другимъ столомъ; онъ садится противъ Гуннара, сѣвшаго на главное почетное мѣсто. Другіе гости размѣщаются дальше, въ глубинѣ сцены*).

Іордисъ *послѣ нѣкотораго перерыва, въ теченіе котораго всѣ пьютъ за здоровье другъ друга и разговариваютъ тихо между собою*). Рѣдко случается, чтобы столько доблестныхъ мужей возсѣдало рядомъ, какъ сегодня вечеромъ, за этими столами! Хорошо было бы поэтому позабавиться и вспомнить старый обычай: пусть каждый изъ воиновъ разскажетъ свои подвиги, чтобы всѣ могли разсудить, который изъ присутствующихъ можетъ похвалиться наибольшею доблестью.

Гуннаръ. Этотъ обычай не годится за пиромъ; онъ можетъ легко возбудить недовольство и нарушить миръ.

Іордисъ. Никогда я не думала, чтобы Гуннаръ былъ такъ пугливъ!

Сигурдъ. Этого, конечно, никто не подумаетъ. Но насъ такъ много здѣсь, что мы не скоро кончимъ, если начнемъ повѣствовать о всѣхъ своихъ подвигахъ. Разскажи намъ лучше, Гуннаръ, о своей поѣздкѣ въ Біармландъ; большой это былъ подвигъ ѣздить такъ далеко на сѣверъ, и мы съ удовольствіемъ послушаемъ тебя.

Іордисъ. Поѣздка въ Біармландъ—дѣло торговца: о ней среди воиновъ не стоитъ упоминать. Нѣтъ, начинай ты, Сигурдъ. Если ты не хочешь, чтобы я подумала, что ты съ неудовольствіемъ будешь выслушивать восхваленіе моего мужа, то начинай. Говори прямо. Назови тотъ изъ твоихъ подвиговъ, который ты признаешь славнѣйшимъ.

Сигурдъ. Ну, разъ ты меня принуждаешь, пусть будетъ по твоему. Я разскажу, какъ мнѣ пришлось пристать однажды къ Оркнейскимъ островамъ; на насъ напали враги; тогда мы сошли съ кораблей, и я сражался одинъ противъ восьми.

Іордисъ. Славный это былъ подвигъ! Но ты былъ, конечно, во всеоружіи?

Сигурдъ. Во всеоружіи: съ сѣкирою, копьемъ и щитомъ.

Іордисъ. Все же подвигъ былъ славный. Теперь и ты, мужъ мой, заяви, который изъ своихъ подвиговъ ты считаешь наиболѣе славнымъ.

Гуннаръ (*неохотно*). Я убилъ двухъ морскихъ разбойниковъ, ограбившихъ купеческій корабль; затѣмъ отправилъ плѣнныхъ купцовъ домой и отдалъ имъ ихъ корабль, не взявши съ нихъ выкупа.—Англійскій король похвалилъ мой поступокъ, сказалъ, что я поступилъ честно, и прислалъ мнѣ за это свою благодарность и богатые дары.

Іордисъ. Клянусь, Гуннаръ, ты могъ бы упомянуть о болѣе славныхъ подвигахъ!

Гуннаръ (*съ раздраженіемъ*). Я не хвалюсь никакими другими подвигами. Съ тѣхъ поръ, какъ я въ послѣдній разъ выѣхалъ изъ Исландіи, я жилъ мирно и занимался торговлей. Ни о какихъ другихъ моихъ подвигахъ не можетъ быть и рѣчи.

Іордисъ. Если ты скрываешь свою доблесть, то говорить о ней будетъ твоя жена.

Гуннаръ. Іордисъ, замолчи,—молю тебя!

Іордисъ. Сигурдъ сражался противъ восьми воиновъ въ полномъ вооруженіи; Гуннаръ отправился къ двери моей опочивальни въ глубокую ночь, вооруженный только короткимъ мечемъ, и напалъ на медвѣдя, обладавшаго силою двадцати человѣкъ.

Гуннаръ (*въ сильномъ волненіи*). Жена, ни слова больше!

Дагни (*тихо*). Сигурдъ, неужели ты ничего не скажешь?

Сигурдъ (*тихо*). Успокойся!

Іордисъ (*окружающимъ*). А теперь скажите же, славные воины,—кто изъ нихъ смѣлѣе, Сигурдъ или Гуннаръ?

Гуннаръ. Тише!

Іордисъ (*повышеннымъ голосомъ*). Скажите же, я требую этого отъ васъ.

Старый воинъ (*изъ гостей*). Правду говоря, подвигъ Гуннара превосходитъ всѣ другіе, совершенные людьми; Гуннаръ самый смѣлый герой, а за нимъ Сигурдъ.

Гуннаръ (*бросая на него черезъ столъ взглядъ*). Ахъ, Сигурдъ, Сигурдъ, если бы ты зналъ...

Дагни (*тихо*). Это слишкомъ много—даже для друга.

Сигурдъ. Тише, жена! (*Громко присутствующимъ*). Да, конечно, Гуннаръ самый доблестный изъ всѣхъ воиновъ; и я ставилъ бы его такъ же высоко до послѣдняго дня моей жизни, если бы онъ даже не совершилъ этого подвига, потому что я этому подвигу придаю меньше значенія, чѣмъ вы.

Іордисъ. Въ тебѣ говоритъ зависть, викингъ Сигурдъ!

Сигурдъ (*улыбаясь*). Сильно ты ошибаешься, говоря это! (*Дружески Гуннару, за здоровье котораго онъ пьетъ черезъ столъ*). За твое здоровье, благородный Гуннаръ! Будемъ отстаивать свою дружбу, кто бы ни пробовалъ разрушить ее.

Іордисъ. Этого не требуетъ никто, насколько я знаю.

Сигурдъ. Не говори этого; мнѣ по временамъ приходитъ въ голову мысль, что ты пригласила насъ сюда на пиръ только затѣмъ, чтобы возбудить между нами распрю.

Іордисъ. Это похоже на тебя, Сигурдъ; теперь ты разгнѣвался потому, что не тебя признали славнѣйшимъ воиномъ за этою трапезою.

Сигурдъ. Я всегда ставилъ Гуннара выше себя.

Іордисъ. Но, да,—быть вторымъ послѣ Гуннара также почетно, и—(*бросаетъ искоса взглядъ на Торольфа*), если бы Орнульфъ былъ здѣсь, онъ могъ бы получить третье мѣсто.

Торольфъ. Въ такомъ случаѣ Іокулу, твоему отцу, пришлось бы сидѣть гораздо ниже, такъ какъ онъ былъ повергнутъ наземь Орнульфомъ.

(*Послѣдующій обмѣнъ словъ ведется обѣими сторонами съ возрастающимъ, но сдерживаемымъ раздраженіемъ.*

Іордисъ. Ты этого не говори. Вѣдь Орнульфъ скальдъ, и молва говоритъ, что онъ приписалъ себѣ бо́льшіе подвиги, чѣмъ какіе въ дѣйствительности совершилъ.

Торольфъ. Горе тому, кто скажетъ это такъ громко, что слова его дойдутъ до моего слуха!

Іордисъ (*съ вызывающей улыбкою*). Ты отомстишь?

Торольфъ. Да, и такъ сильно, что молва о моей мести далеко разнесется.

Іордисъ. Такъ я спачала опорожню кубокъ за то, чтобы у тебя скорѣе выросла борода.

Торольфъ. И безбородые юноши слишкомъ хороши, чтобы препираться съ женщинами.

Іордисъ. Но слишкомъ слабы, чтобы вступать въ бой съ воинами; поэтому то твой отецъ оставлялъ тебя у очага въ Исландіи, пока твои братья отправлялись въ походы.

Торольфъ. Плохо было, что онъ не такъ же хорошо сторожилъ и тебя, иначе ты не уѣхала бы изъ родины похищенною женщиною.

Гуннаръ и Сигурдъ. Торольфъ!

Дагни (*одновременно*). Братъ мой!

Іордисъ (*тихо, дрожа отъ злости*). Берегись, берегись!

Торольфъ (*протягиваетъ Гуннару руку*). Не сердись, Гуннаръ; злыя слова произнесъ я: но твоя жена раздразнила меня.

Дагни (*тихо, съ мольбою*). Сестра моя, если ты когда-нибудь любила меня, не возбуждай ссоръ.

Іордисъ (*смѣясь*). За пиромъ нужны шутки, если желательно возбуждать веселость.

Гуннаръ (*говорившій тихо съ Торольфомъ*). Ты славный мальчикъ! (*Подаетъ ему мечъ, висѣвшій на почетномъ сидѣніи*). Вотъ тебѣ, Торольфъ, славный даръ! Употребляй его во славу, и будемъ друзьями!

Іордисъ. Не раздавай своего оружія, Гуннаръ, иначе люди скажутъ, что ты освобождаешь себя отъ того, что сдѣлалось для тебя плпшнимъ.

Торольфъ (*осмотрѣвшій тѣмъ временемъ мечъ*). Благодарю за даръ, Гуннаръ; онъ никогда не будетъ поднятъ за нечестное дѣло.

Іордисъ. Если хочешь сдержать свое обѣщаніе, никогда не давай этотъ мечъ взаймы своимъ братьямъ.

Гуннаръ. Іордисъ!

Іордисъ (*продолжая*). Но не вѣшай его также и на стѣнахъ дома твоего отца, потому что онъ будетъ висѣть тамъ между оружіемъ нечестныхъ людей.

Торольфъ. Вѣрно сказано, Іордисъ! —Сѣкира и щитъ твоего отца висѣли тамъ много лѣтъ.

Іордисъ (*сдерживая себя*). Что Орнульфъ убилъ моего отца—этотъ его подвигъ у тебя вѣчно на устахъ; но если вѣрить слухамъ, то онъ былъ далеко не такъ славенъ, какъ ты воображаешь.

Торольфъ. Что же говорятъ слухи?

Іордисъ (*улыбаясь*). Я не смѣю сказать тебѣ, потому что ты придешь въ гнѣвъ.

Торольфъ. Въ такомъ случаѣ молчи,—это будетъ лучше! (*Отворачивается отъ нея*).

Іордисъ. Ну, что же, я могу и сказать! Правда ли, Торольфъ, что твой отецъ три ночи сряду сидѣлъ подъ женскою кровлею у колдуньи въ Смальзергорнѣ и варилъ съ нею кашу, прежде чѣмъ рѣшился вступить въ бой съ Іокуломъ?

(*Всѣ встаютъ; сильное волненіе среди гостей*).

Гуннаръ, Сигурдъ и Дагни. Іордисъ!

Торольфъ (*въ сильнѣйшемъ раздраженіи*). Такой мерзкой лжи никто никогда не разсказывалъ объ Орнульфѣ съ Фіордовъ. Ты сама сочинила ее, потому что надо быть именно такою ядовитою змѣей, какъ ты, чтобы придумать такую гадость. Самое безобразное дѣйствіе, какое только можетъ сдѣлать человѣкъ, ты приписала моему отцу! (*Отбрасываетъ подаренный мечъ*). Вотъ, Гуннаръ, возвращаю тебѣ твой даръ; я не могу ничего принимать отъ хозяевъ дома, въ которомъ надъ моимъ отцомъ глумятся.

Гуннаръ. Торольфъ, выслушай же меня!

Торольфъ. Пусти меня! дай мнѣ уйти! Но сначала хорошенько осмотритесь вы оба, и ты, и Іордисъ, потому что въ настоящую минуту мой отецъ имѣетъ въ своей власти того, кто дороже всѣхъ для васъ.

Іордисъ (*останавливаясь*). Твой отецъ имѣетъ въ своей власти...

Гуннаръ (*вскрикиваетъ*). Что ты говоришь?

Сигурдъ (*горячо*). Гдѣ Орнульфъ?

Торольфъ (*съ насмѣшливымъ хохотомъ*). На югѣ,—съ моими братьями.

Гуннаръ. На югѣ?

Іордисъ (*прерывая его*). Гуннаръ! Орнульфъ убилъ нашего сына, Эгиля.

Гуннаръ. Убилъ! Эгиль убитъ! Горе тогда Орнульфу и его роду! Торольфъ, скажи, это правда?

Сигурдъ. Гуннаръ, Гуннаръ,—выслушай меня!

Гуннаръ. Говори, если дорожишь своею жизнью!

Торольфъ. Ты меня не напугаешь. Подожди пріѣзда моего отца; онъ подыметъ знамя мести противъ твоего двора. Но ты, Іордисъ, радуйся словамъ, которыя я услышалъ сегодня: „Еще до вечера у Гуннара и его жены не будетъ потомства, которымъ они могли бы гордиться“.

(*Уходитъ въ глубину сцены*).

Гуннаръ (*въ глубочайшемъ горѣ*). Убитъ, — убитъ! Мой маленькій Эгиль убитъ!

Іордисъ (*дико*). А ты,—ты позволяешь ему уходить? Оставляешь Эгиля, своего сына, неотмщеннымъ? Негодяй ты, а не воинъ послѣ этого!

Гуннаръ (*выходя изъ себя*). Мечъ, —сѣкиру! Это будетъ послѣднею вѣстью, принесенною имъ. (*Хватаетъ сѣкиру у одного изъ близь стоящихъ и спѣшитъ вонъ изъ комнаты*).

Сигурдъ (*хочетъ слѣдовать за нимъ*). Гуннаръ, опомнись!

Іордисъ (*удерживая его*). Останься, останься! Воины разлучатъ ихъ; я знаю Гуннара.

(*Слышенъ крикъ въ толпѣ, собравшейся у выхода*).

Сигурдъ и Дагни. Что это?

Голосъ изъ толпы. Торольфъ палъ.

Сигурдъ. Торольфъ! Ахъ, пустите!

Дагни. Мой братъ! О, мой братъ!

(*Сигурдъ хочетъ броситься впередъ, толпа разступается. Гуннаръ входитъ и бросаетъ съкиру у двери*).

Гуннаръ. Теперь свершилось. Эгиль отомщенъ.

Сигурдъ. Хорошо, если ты не былъ слишкомъ быстръ въ своей мести!

Гуннаръ. Весьма возможно, весьма возможно. Но Эгиль, Эгиль, мой прекрасный сынъ!

Іордисъ. Теперь мы должны вооружиться и просить помощи у нашихъ друзей, потому что за Торольфа есть кому мстить.

Гуннаръ (*мрачно*). Самъ онъ будетъ злѣйшимъ своимъ мстителемъ; онъ вѣчно будетъ стоять передъ моими глазами, и днемъ, и ночью.

Іордисъ. Торольфъ получилъ то, что заслужилъ. За грѣхи родныхъ отвѣчаютъ близкіе.

Гуннаръ. Это правда; но одно я знаю: у меня было веселѣе на душѣ, пока я его не убивалъ.

Іордисъ. Кровавая месть всегда тяжела своими послѣдствіями; она продолжается и тогда, когда совершилась. Постыдною хитростью Орнульфъ добился мести; онъ не хотѣлъ идти въ открытый бой противъ насъ, сдѣлалъ видъ, будто примирился съ нами, а самъ напалъ на наше беззащитное дитя. Вотъ видите, я была проницательнѣе васъ; я всегда думала, что Орнульфъ золъ и коваренъ; я была права, когда возбуждала тебя противъ него и его лживаго рода.

Гуннаръ (*въ сильнѣйшемъ возбужденіи*). Да, ты была права! Ничтожна моя месть по сравненію съ преступленіемъ Орнульфа. Онъ потерялъ Торольфа, но у него осталось еще шесть сыновей, а у меня никого не осталось,—никого!

Слуга (*быстро входитъ изъ глубины сцены*). Орнульфъ съ Фіордовъ идетъ сюда.

Гуннаръ. Орнульфъ!

Іордисъ и многіе. Къ оружію! Къ оружію!

Дагни (*одновременно*). Мой отецъ!

Сигурдъ (*какъ бы начиная понимать*). Орнульфъ!—Ахъ, Гуннаръ, Гуннаръ!

Гуннаръ (*вынимая изъ ноженъ мечъ*). Ко мнѣ, всѣ мои воины! Месть за смерть Эгиля!

(*Орнульфъ входитъ, неся Эгиля на рукахъ*).

Гуннаръ (*вскрикиваетъ*). Эгиль!

Орнульфъ. Вотъ вамъ вашъ маленькій Эгиль.

Всѣ (*разомъ*). Эгиль! Эгиль живъ!

Гуннаръ (*выпускаетъ изъ рукъ мечъ*). Горе мнѣ! Что я сдѣлалъ!

Дагни. О, Торольфъ, братъ мой!

Сигурдъ. Я такъ и думалъ.

Орнульфъ (*ставитъ Эгиля на полъ*). Получай назадъ, Гуннаръ, своего славнаго сынка.

Эгиль. Отецъ! Старый Орнульфъ не хотѣлъ мнѣ дѣлать зла, какъ ты говорилъ, когда я уѣзжалъ.

Орнульфъ (*Іордисъ*). Теперь я далъ тебѣ выкупъ за твоего отца: теперь мы, кажется, можемъ примириться.

Іордисъ (*съ подавленнымъ волненіемъ*). Можетъ быть!

Гуннаръ (*какъ бы пробуждаясь отъ сна*). Не безобразный ли это сонъ смущаетъ меня? Ты—ты привезъ къ намъ домой Эгиля!

Орнульфъ. Какъ видишь; но ты долженъ знать, что онъ былъ близокъ къ смерти.

Гуннаръ. Это я знаю.

Орнульфъ. А между тѣмъ какъ будто не радъ его возвращенію?

Гуннаръ. Если бы онъ пріѣхалъ раньше, я обрадовался бы больше. Но разскажи мнѣ все,—что случилось.

Орнульфъ. Разсказывать не долго. Крестьянинъ Корэ замыслилъ противъ васъ злое дѣло; онъ съ разными другими изгнанниками отправился на югъ за Эгилемъ.

Гуннаръ. Корэ! (*Тихо*). Теперь я понимаю слова Торольфа.

Орнульфъ. Я случайно узналъ о его замыслѣ; такого преступленія я никакъ не могъ допустить. Я не хотѣлъ давать выкупа за Іокула, и охотно сразился бы съ тобою, Гуннаръ, въ поединкѣ,—но твой родъ я обязанъ былъ спасти; и вотъ я съ своими сынами отправился вслѣдъ за Корэ.

Сигурдъ (*тихо*). Какое ужасное дѣло свершилось здѣсь!

Орнульфъ. Когда я прибылъ туда, защитники Эгиля лежали связанными, и

жизнь его уже висѣла на волоскѣ. Тогда между нами возгорѣлась страшная борьба, не на жизнь, а на смерть. Я рѣдко видѣлъ болѣе горячій бой: Корэ и два человѣка съ нимъ убѣжали на берегъ; другіе спятъ крѣпкимъ сномъ и ихъ никто больше не разбудитъ.

Гуннаръ (*напряженно*). Но ты—ты, Орнульфъ?

Орнульфъ (*мрачно*). Шесть сыновъ послѣдовали за мною въ бой.

Гуннаръ (*задерживая дыханіе*). А домой?

Орнульфъ. Ни одинъ.

Гуннаръ (*въ ужасѣ*). Ни одинъ! (*тихо*). И Торольфъ, Торольфъ!

(*Глубокое волненіе среди толпы. Іордисъ какъ бы борется съ сильнымъ волненіемъ; Дагни тихо плачетъ у почетнаго сидѣнія справа. Сигурдъ стоитъ возлѣ нея въ глубокой печали.*

Орнульфъ (*послѣ краткаго молчанія*). Тяжело красоваться пышною сосною и въ одну единственную бурю потерять всѣ свои вѣтки! Но все же, одни умираютъ, другіе живутъ:—подайте мнѣ кубокъ, чтобы я могъ выпить въ память моихъ сыновъ! (*Одинъ изъ слугъ Сигурда подаетъ ему кубокъ*). Шлю вамъ привѣтъ туда, гдѣ вы теперь ѣдете, мои смѣлые сыны! Мѣдныя врата не скоро запрутся за вами, потому что васъ сопровождаетъ на тризну большая свита воиновъ! (*Пьетъ и отдаетъ кубокъ*). А теперь домой въ Исландію! Геройскіе походы Орнульфа пришли къ концу; на старомъ стволѣ зеленѣетъ только одна вѣтка, и ее надо окружить миромъ. Гдѣ Торольфъ?

Эгиль (*обращаясь къ отцу*). Да, покажи мнѣ Торольфа. Орнульфъ говорилъ, что онъ вырѣжетъ мнѣ корабль и много, много воиновъ на кораблѣ.

Орнульфъ. Благодарю всѣхъ добрыхъ боговъ, что не взялъ съ собой Торольфа, потому что если бы и онъ—нѣтъ, какъ я ни силенъ,—этого перенесть я былъ бы не въ силахъ! Но почему онъ не идетъ? Онъ всегда первымъ встрѣчалъ отца: намъ обоимъ казалось, что мы не можемъ и дня прожить другъ безъ друга.

Гуннаръ. Орнульфъ! Орнульфъ!

Орнульфъ (*съ возрастающей тревогой*). Молча стоите вы всѣ вокругъ меня, это я теперь замѣчаю:—что случилось?—гдѣ Торольфъ?

Дагни. Сигурдъ! Сигурдъ,—это будетъ тяжелѣе всего для него!

Гуннаръ (*борясь самъ съ собой*). Стариkъ!—Нѣтъ,—а все же, я этого не могу скрыть.

Орнульфъ (*горячо*). Мой сынъ! Гдѣ онъ?

Гуннаръ. Торольфъ убитъ.

Орнульфъ. Убитъ? Торольфъ? Торольфъ? Ты лжешь.

Гуннаръ. Я отдалъ бы кровь моего сердца, чтобы увидѣть его живымъ.

Іордисъ (*Орнульфу*). Самъ Торольфъ виновенъ въ томъ, что случилось; онъ мрачными намеками далъ понять, что ты напалъ на Эгиля и убилъ его;—мы разстались съ тобою въ полуссорѣ; ты и раньше убивалъ членовъ моего рода; и, кромѣ того,—Торольфъ держалъ себя за нашею транезою какъ дерзкій мальчишка: онъ раздражался отъ каждой шутки и отвѣчалъ на шутки грубо и рѣзко.—Тогда только Гуннаръ разсердился: тогда только поднялъ онъ оружіе на твоего сына; я нахожу, что у него было на это не мало причинъ.

Орнульфъ (*спокойно*). Но тебѣ видно, что ты женщина: ты столько словъ выпускаешь напрасно. Къ чему это? Разъ Торольфъ убитъ,—его пѣсня спѣта.

Эгиль. Если Торольфъ убитъ, то у меня не будетъ и воиновъ.

Орнульфъ. Нѣтъ, Эгиль,—мы лишились нашихъ воиновъ, и ты, и я. (*Іордисъ*). Твой отецъ пѣлъ:

Іокула родъ врагу Іокула
Зла много въ свѣтѣ нанесетъ.

Ты позаботилась, чтобы его предсказаніе свершилось. (*Молчитъ немного и обращается къ одному изъ воиновъ*). Въ какое мѣсто попалъ ударъ?

Воинъ. Прямо въ лобъ.

Орнульфъ (*съ удовольствіемъ*). Гмъ! почетное мѣсто; онъ, значитъ, не обращался къ врагу спиною. Но какъ онъ палъ, бокомъ или къ ногамъ Гуннара?

Воинъ. Бокомъ лицомъ къ Гуннару.

Орнульфъ. Значитъ, месть на половину; да, да,—увидимъ.

Гуннаръ (*приближаясь къ нему*). Орнульфъ, я, конечно, знаю, что ничѣмъ не возможно вознаградить понесенную тобою утрату; но требуй отъ меня, чего хочешь.

Орнульфъ (*спрого, прерывая его*). Отдай мнѣ тѣло Торольфа и дай мнѣ уйти. Гдѣ онъ лежитъ?

Гуннаръ (*молча указываетъ въ глубину сцены*).

Орнульфъ (*дѣлаетъ два шага, затѣмъ оборачивается и говоритъ грознымъ голосомъ Сигурду, Дагни и другимъ, которые съ участіемъ слѣдуютъ за нимъ*). Оставайтесь! Неужели вы думаете, что за Орнульфомъ долженъ слѣдовать хоръ плакальщиковъ, какъ за рыдающею женщиною? Оставайтесь, говорю я вамъ. Я одинъ справлюсь съ Торольфомъ.

(*Съ спокойною силою*). Я ухожу отсюда безъ сыновъ; но никто не скажетъ обо мнѣ, что ему удалось сокрушить меня. (*Медленно выходитъ*).

Іордисъ (*съ вынужденнымъ смѣхомъ*). Да, пусть уходитъ себѣ, какъ хочетъ; намъ незачѣмъ собирать много воиновъ, если онъ теперь вздумаетъ напасть на насъ. Теперь, Дагни,—теперь и я думаю, что твой отецъ въ послѣдній разъ выѣзжалъ изъ Исландіи по такому дѣлу.

Сигурдъ (*возмущенный*). Это возмутительно!

Дагни (*также*). И ты можешь еще смѣяться надъ нимъ! Смѣяться надъ нимъ —послѣ того, что случилось здѣсь!

Іордисъ. Разъ дѣло совершилось, надо его восхвалять. Сегодня утромъ я поклялась отомстить Орнульфу;—убійство Іокула я могла забыть и все другое,—я не могла забыть одного,—какъ онъ позорилъ меня: наложницею онъ назвалъ меня; если такъ, для меня нѣтъ больше позора называться ею, потому что Гуннаръ могущественнѣе теперь, чѣмъ твой отецъ; онъ болѣе доблестенъ и болѣе знаменитъ, чѣмъ Сигурдъ, твой собственный супругъ.

Дагни (*въ сильнѣйшимъ негодованіи*). Въ этомъ ты ошибаешься, Іордисъ,—и теперь всѣ должны узнать, что ты живешь подъ кровлею труса.

Сигурдъ (*рѣзко*). Дагни, что ты дѣлаешь?

Гуннаръ. Труса!

Іордисъ (*съ насмѣшливымъ хохотомъ*). Глупости ты говоришь!

Дагни. Этого не слѣдуетъ дольше скрывать; я молчала, пока ты осмѣивала моего отца и моихъ павшихъ братьевъ; я молчала, пока Орнульфъ былъ здѣсь, потому что ему не слѣдовало знать, что Торольфъ палъ отъ руки негодяя; но теперь никогда не восхваляй Гуннара за его подвигъ въ Исландіи, потому что Гуннаръ трусъ. Мечъ, который лежалъ вынутымъ изъ ноженъ между тобою и похитителемъ виситъ теперь на боку у моего мужа,—а обручъ, который ты сняла съ своей руки, былъ подаренъ тобою Сигурду. (*Снимаетъ его и высоко подымаетъ надъ головою*). Вотъ онъ!

Іордисъ (*дико*). Сигурдъ!

Толпа. Сигурдъ! Сигурдъ совершилъ подвигъ!

Іордисъ (*дрожа отъ волненія*). Онъ! Онъ!—Гуннаръ, неужели это правда?

Гуннаръ (*съ благороднымъ спокойствіемъ*). Все правда; неправда только одно—что я трусъ;—я не трусъ и не негодяй.

Сигурдъ (*съ волненіемъ*). Нѣтъ, ты не трусъ, Гуннаръ! Ты никогда не былъ имъ! (*Присутствующимъ*). Пойдемъ, мои воины, пойдемъ отсюда!

Дагни (*у выхода, обращаясь къ Іордисъ*). Кто же самый доблестный воинъ здѣсь, мой мужъ или твой? (*Уходитъ съ Сигурдомъ и его свитою*).

Іордисъ (*про себя*). Теперь у меня осталось еще одно дѣло впереди,—только одно, о которомъ я должна думать: либо я, либо Сигурдъ долженъ умереть.

Дѣйствіе третье.

(Зала у Гуннара. День).

(Іордисъ сидитъ на скамейкѣ противъ меньшаго почетнаго сидѣнія; занята плетеніемъ тетивы. На столѣ лежатъ лукъ и нѣсколько стрѣлъ).

Іордисъ (*натягивая тетиву*). Крѣпкая тетива! (*бросая взглядъ на стрѣлы*). Стрѣла также острая и тяжелая!—(*опускаетъ руки*). Но гдѣ найти руку, которая могла бы... (*гнѣвно*). Осмѣяна, осмѣяна имъ—Сигурдомъ! Я должна ненавидѣть его больше, чѣмъ другихъ, это я отлично знаю, а между тѣмъ не пройдетъ и нѣсколько дней, какъ я... (*задумавшись*). Да, но рука, рука, которая должна свершить это дѣло?

(*Гуннаръ входитъ, задумавшись, изъ глубины сцены*).

Іордисъ (*послѣ краткаго молчанія*). Какъ ты чувствуешь себя, мужъ мой?

Гуннаръ. Плохо, Іордисъ; я не могу никакъ отогнать отъ себя мысль о томъ, что случилось вчера; тяжелымъ гнетомъ лежитъ она у меня на сердцѣ.

Іордисъ. Поступай такъ, какъ я: старайся заняться чѣмъ-нибудь.

Гуннаръ. Это я и хочу.

(*Молчаніе; Гуннаръ расхаживаетъ взадъ и впередъ, обращаетъ вниманіе на ея работу и подходитъ къ ней*).

Гуннаръ. Что ты дѣлаешь?

Іордисъ (*не подымая глазъ*). Плету тетиву: развѣ ты не видишь?

Гуннаръ. Тетиву—изъ своихъ собственныхъ волосъ?

Іордисъ (*улыбаясь*). Великія дѣла совершаются въ наше время ежечасно; ты убилъ моего пріемнаго брата, и вотъ я съ разсвѣта занялась плетеніемъ тетивы.

Гуннаръ. Іордисъ! Іордисъ!

Іордисъ (*подымая глаза*). Что?

Гуннаръ. Гдѣ ты была сегодня ночью?

Іордисъ. Сегодня ночью?

Гуннаръ. Тебя не было въ спальнѣ.

Іордисъ. Ты это знаешь?

Гуннаръ. Я не могъ спать; меня посѣщали тревожные сны, вспоминалось то, что случилось съ Торольфомъ,—мнѣ казалось, какъ будто я вижу его передъ собою—ну, и я проснулся; тутъ я услышалъ какое-то прекрасное, странное пѣніе, которое какъ бы неслось надъ нашимъ домомъ; я всталъ, выглянулъ за дверь—туда, ты сидѣла у очага,—огонь вспыхивалъ въ немъ краснымъ и голубымъ пламенемъ,—ты острила стрѣлы и пѣла надъ ними волшебныя пѣсни.

Іордисъ. Полезно было мое занятіе, потому что крѣпка грудь, которая должна быть пронзена сегодня.

Гуннаръ. Я догадываюсь, въ чемъ дѣло: ты хочешь смерти Сигурда.

Іордисъ. Гмъ! весьма можетъ быть!

Гуннаръ. Этому никогда не бывать, какъ бы ты ни хотѣла. Я буду жить въ мирѣ съ Сигурдомъ, какъ бы ты ни старалась раздражить меня противъ него.

Іордисъ (*улыбаясь*). Въ самомъ дѣлѣ?

Гуннаръ. Я въ этомъ увѣренъ.

Іордисъ (*подаетъ ему тетиву*). Скажи мнѣ, Гуннаръ, можешь ты развязать этотъ узелъ?

Гуннаръ (*пробуетъ*). Нѣтъ, онъ связанъ слишкомъ крѣпко и искусно.

Іордисъ (*встаетъ*). Пряжа Норнъ сплетена еще искуснѣе; тебѣ было бы еще труднѣе распутать ее.

Гуннаръ. Извилисты бываютъ пути могучихъ силъ;—но они неизвѣстны никому изъ насъ.

Іордисъ. Одно только извѣстно мнѣ навѣрное: что Сигурдъ готовитъ намъ обоимъ много горя.

(*Молчаніе. Гуннаръ стоитъ, погруженный въ размышленія*).

Іордисъ (*молча наблюдавшая за нимъ*). О чемъ ты задумался?

Гуннаръ. Объ одномъ снѣ, который мнѣ недавно привидѣлся. Мнѣ приснилось, будто я совершилъ то, чего ты требуешь отъ меня; Сигурдъ лежалъ убитымъ у моихъ ногъ; ты стояла около насъ и была страшно блѣдна. Тогда я спросилъ: „Рада ты теперь, что все совершилось по твоему желанью?“ Но ты засмѣялась и отвѣтила мнѣ: „Я была бы болѣе рада, если бы ты, Гуннаръ, лежалъ на мѣстѣ Сигурда“.

Іордисъ (*съ принужденнымъ смѣхомъ*). Плохо ты меня знаешь, если такіе нелѣпые сны могутъ оказать тебѣ препятствіе!

Гуннаръ. Гмъ!—Скажи мнѣ, Іордисъ, какъ тебѣ нравится нашъ домъ?

Іордисъ. Сказать тебѣ по правдѣ, Гуннаръ,—мнѣ онъ кажется по временамъ слишкомъ тѣсенъ.

Гуннаръ. Да, да, я такъ и думалъ; одинъ изъ насъ здѣсь лишній.

Іордисъ. Можетъ быть и два.

Гуннаръ (*не разслышавшій ея словъ*). Но это можно исправить.

Іордисъ (*глядитъ вопросительно на него*). Исправить? Ты намѣреваешься?—

Гуннаръ. Снарядить мои корабли и уѣхать въ море; тамъ я снова возстановлю свою честь, которую потерялъ, потому что ты была мнѣ дороже всего.

Іордисъ (*задумавшись*). Ты хочешь уѣхать отсюда? Да, да, я думаю, что это будетъ лучше для насъ обоихъ.

Гуннаръ. Съ перваго дня, когда мы выѣхали изъ Исландіи, я замѣтилъ, что намъ не будетъ житься хорошо другъ съ другомъ. Твой духъ гордъ и силенъ; бываютъ времена, когда мнѣ кажется, что я тебя боюсь, но странно,—именно въ эти мгновенья я тебя нанбольше люблю; изъ тебя исходитъ какая-то страшная сила;—мнѣ кажется, что она можетъ довести до преступленья и что тогда все, чего бы ты ни потребовала отъ меня, будетъ казаться мнѣ прекраснымъ. (*Тихо качая головою*). Неисповѣдимы пути Норнъ: Сигурдъ долженъ былъ сдѣлаться твоимъ мужемъ.

Іордисъ (*прерывая его*). Сигурдъ?

Гуннаръ. Да, Сигурдъ. Ненависть и жажда мести ослѣпляютъ тебя, иначе ты больше бы цѣнила его. Я долженъ былъ быть такимъ, какъ Сигурдъ; тогда мнѣ удалось бы лучше устроить твою жизнь.

Іордисъ (*съ сильнымъ, но сдержаннымъ волненіемъ*). И ты думаешь,—

ты думешь, что Сигурдъ могъ бы сдѣлать это?

Гуннаръ. Онъ силенъ духомъ и гордъ, какъ и ты.

Іордисъ (*горячо*). Если такъ... (*Овладѣваетъ собою*). Все равно! все равно! (*Съ дикимъ взрывомъ*). Гуннаръ, убей Сигурда!

Гуннаръ. Никогда!

Іордисъ. Я сдѣлалась твоею женою только благодаря хитрости и обману;—это будетъ позабыто. Пять безрадостныхъ лѣтъ провела я, сидя здѣсь,—все будетъ позабыто съ того дня, когда Сигурдъ разстанется съ жизнью!

Гуннаръ. Отъ моей руки не будетъ ему никогда вреда! (*Невольно отступаетъ*). Іордисъ, Іордисъ, не искушай меня!

Іордисъ. Въ такомъ случаѣ я должна найти себѣ другого мстителя. Никогда больше не долженъ Сигурдъ издѣваться надъ тобою и надо мною! (*Ломаетъ руки въ сильнѣйшемъ раздраженіи*). У нея—у этой глупой женщины — у нея сидитъ онъ, и, быть можетъ, они теперь наединѣ болтаютъ и смѣются надъ нами; онъ разсказываетъ ей о томъ, какое оскорбленіе нанесъ мнѣ, похитивъ меня вмѣсто тебя; разсказываетъ, какъ коварно смѣялся, стоя въ темнотѣ въ моей спальнѣ, когда я не узнала его.

Гуннаръ. Этого онъ не дѣлаетъ,—никогда, никогда!

Іордисъ (*громко*). Сигурдъ и Дагни должны умереть. Я не буду знать ни минуты покоя, пока они оба не уйдутъ въ другой міръ! (*Подходитъ близко къ нему съ блестящими глазами и говоритъ дико, шепотомъ*). Если бы ты могъ помочь мнѣ въ этомъ, Гуннаръ,—я полюбила бы тебя всею душею. Тогда я сжала бы тебя въ своихъ объятіяхъ такъ страстно и такъ сильно, какъ тебѣ никогда и не снилось.

Гуннаръ (*колеблясь*). Іордисъ! Ты могла бы...

Іордисъ. Возьмись за это дѣло, Гуннаръ, — и тяжелые дни минуютъ навсегда; я не буду больше уходить изъ дому, когда ты входишь; не буду произносить рѣзкихъ словъ и уничтожать улыбку на твоихъ устахъ, когда ты веселъ; я буду наряжаться въ мѣха и дорогія шелковыя ткани; если ты выступишь въ походъ, я послѣдую за тобою;—если ты отправишься въ мирное путешествіе верхомъ на конѣ, я буду ѣхать рядомъ съ тобою; на пиру я буду сидѣть возлѣ тебя, наполнять твой кубокъ, пить за твое здоровье и сочинять чудныя пѣсни, которыя будутъ веселить твое сердце.

Гуннаръ (*наполовину убѣждаясь ея словами*). Неужели это правда? ты захотѣла бы?—

Іордисъ. Больше, чѣмъ это сдѣлаю я, въ десять разъ больше, увѣряю тебя. Только отомсти за меня, отомсти Сигурду и Дагни, тогда я — (*Останавливается при видѣ открывающейся двери*). Дагни, —ты пришла сюда?

Дагни (*изъ глубины сцены*). Поспѣши, Гуннаръ; прикажи своимъ воинамъ вооружаться.

Гуннаръ. Вооружаться? противъ кого?

Дагни. Крестьянинъ Корэ спѣшитъ сюда съ толпой изгнанниковъ; онъ хочетъ тебѣ зла; Сигурдъ не далъ ему теперь напасть на тебя, но кто знаетъ...

Гуннаръ (*тронутый*). И это сдѣлалъ для меня Сигурдъ!

Дагни. Сигурдъ, конечно, преданный тебѣ другъ.

Гуннаръ. А мы, Іордисъ—а мы думали было—да, вѣрно я говорю: какіе-то чары исходятъ изъ твоихъ рѣчей; каждый поступокъ кажется мнѣ прекраснымъ, какъ только ты желаешь его.

Дагни (*съ удивленіемъ*). Что ты хочешь сказать?

Гуннаръ. Ничего! Ничего! Спасибо за вѣсть, Дагни; теперь я иду собрать своихъ слугъ. (*Оборачивается къ выходу, но останавливается и опять подходитъ къ Дагни*). Скажи мнѣ, что съ Орнульфомъ?

Дагни (*опуская голову*). Не спрашивай. Вчера онъ отнесъ тѣло Торольфа на корабль; теперь онъ устраиваетъ могильную насыпь на берегу,—туда думаетъ онъ положить своихъ сыновей.

(*Гуннаръ молча уходитъ въ глубину сцены*).

Дагни. До вечера опасности быть не можетъ. (*Приближается къ Іордисъ*). Іордисъ, у меня есть еще другое дѣло; я пришла собственно къ тебѣ.

Іордисъ. Ко мнѣ? послѣ всего, что произошло вчера?

Дагни. Главнымъ образомъ поэтому. Іордисъ, сестра моя, перестань ненавидѣть меня; забудь слова, внушенныя мнѣ горемъ и злыми духами; прости мнѣ все зло, причиненное тебѣ, потому что, повѣрь мнѣ, я въ десять разъ несчастнѣе тебя.

Іордисъ. Несчастна, — ты — жена Сигурда?

Дагни. Все, что случилось, сдѣлано мною,—и то, что между вами возгорѣлась

ссора, и то, что Торольфъ былъ убитъ, и то, что оскорбленія посыпались на Гуннара и тебя. Во всемъ виновата я! Горе мнѣ!—Какъ счастливо жилось мнѣ до сей поры! Теперь я никогда больше не буду знать радости.

Іордисъ (*какъ бы охваченная внезапной мыслью*). Но раньше — въ эти долгія пять лѣтъ—счастье всегда сопутствовало тебѣ?

Дагни. Можешь ли ты въ этомъ сомнѣваться?

Іордисъ. Гмъ! вчера еще я не сомнѣвалась, но...

Дагни. Что ты хочешь сказать?

Іордисъ. Ахъ, пустяки! будемъ говорить о чемъ-нибудь другомъ.

Дагни. Нѣтъ, конечно, нѣтъ! Іордисъ, скажи мнѣ!...

Іордисъ. Это мало принесетъ тебѣ пользы, но если хочешь—(*Съ злымъ выраженіемъ лица*). Помнишь, однажды, въ Исландіи, мы были на тингѣ вмѣстѣ съ Орнульфомъ, твоимъ отцемъ, и сидѣли въ палатѣ по обычаю вмѣстѣ съ нашими подругами, когда вдругъ два чужестранца вошли въ палату.

Дагни. Сигурдъ и Гуннаръ.

Іордисъ. Они любезно привѣтствовали насъ, сѣли рядомъ съ нами на скамью и между нами началась шутливая бесѣда. Многіе захотѣли узнать, зачѣмъ оба воина прибыли въ нашу страну, и спрашивали ихъ, не затѣмъ ли, чтобы найти себѣ на островѣ женъ. Тогда Сигурдъ сказалъ: „Трудно будетъ мнѣ найти жену, которой я могъ бы отдаться всею душею“. Орнульфъ засмѣялся и замѣтилъ, что въ Исландіи не мало высокорожденныхъ дѣвушекъ и также не мало и богатыхъ; но Сигурдъ на это возразилъ: „Жена съ возвышеннымъ духомъ нужна герою. Та дѣвушка, которую я изберу, не можетъ довольствоваться скромною долею; никакая почесть не будетъ казаться ей слишкомъ высокою: она должна добровольно слѣдовать за мною въ походы, носить бранныя одежды, возбуждать во мнѣ бранный духъ и не закрывать въ страхѣ глазъ при видѣ сверкающихъ мечей, потому что, если она будетъ пугливаго нрава, то мало чести принесетъ мнѣ“. Не правда ли, такъ говорилъ Сигурдъ?

Дагни (*неувѣренно*). Вѣрно, это онъ говорилъ,—но...

Іордисъ. Вотъ какою должна была быть женщина, которая могла бы скрасить ему жизнь, и вотъ—(*съ презрительною усмѣшкою*) онъ выбралъ тебя.

Дагни (*пораженная, съ горестью*). Ахъ, неужели ты думаешь?

Іордисъ. Потому что ты выказала себя женщиною гордою, съ возвышенною душею, требовала отъ всѣхъ почета, чтобы Сигурдъ могъ гордиться тобою;—не правда ли?

Дагни. Нѣтъ, Іордисъ, но...

Іордисъ. Ты его побуждала совершать великіе подвиги, слѣдовала за нимъ въ походы въ бранныхъ одеждахъ и любила бывать тамъ, гдѣ сильнѣе разгорался бой;—не правда ли?

Дагни (*съ глубокимъ волненіемъ*). Нѣтъ, нѣтъ!

Іордисъ. Неужели ты тогда пугалась такъ, что Сигурду дѣлалось стыдно?

Дагни (*внѣ себя*). Іордисъ! Іордисъ!

Іордисъ (*насмѣшливо улыбаясь*). Во всякомъ случаѣ, хорошо жилось тебѣ все это время. Можешь ли ты сказать то же самое и о Сигурдѣ?

Дагни. Оставь меня. Горе мнѣ! ты заставила меня понять, кто я.

Іордисъ. Стоитъ сказать тебѣ шутливое слово, и ты сейчасъ же плачешь. Не думай больше объ этомъ. Смотри, что я сдѣлала за сегодняшній день (*подымаетъ нѣсколько стрѣлъ съ пола*).—Видишь, какія онѣ острыя и крѣпкія! Не правда ли, я умѣю заострять стрѣлы?

Дагни. Ты умѣешь и пользоваться ими; ты вѣрно цѣлишь, Іордисъ! Все, что ты мнѣ только что сказала,—я никогда не думала объ этомъ раньше. (*Горячо*). Но чтобы Сигурдъ... Чтобы я все это время дѣлала ему жизнь тяжелою и позорною—нѣтъ, нѣтъ этого быть не можетъ!

Іордисъ. Ну, ну, утѣшься, Дагни; это, конечно, неправда. Да, если бы Сигурдъ былъ похожъ на прежняго, тогда еще можно было бы это думать; въ то время онъ всею душею мечталъ о томъ, чтобы сдѣлаться величайшимъ воиномъ въ родной странѣ,—теперь онъ довольствуется болѣе скромною участью.

Дагни. Ты ошибаешься, Іордисъ: Сигурдъ такъ же великъ душею, какъ и раньше. Я понимаю теперь, что я совсѣмъ непригодная для него жена; онъ до сихъ поръ скрывалъ это отъ меня, но теперь всему конецъ!

Іордисъ. Что ты задумала?

Дагни. Я не хочу тяжелымъ камнемъ висѣть у него на шеѣ; я не хочу больше стоять ему на пути.

Іордисъ. Неужели ты думаешь?..

Дагни. Тише, сюда идутъ.

(*Входитъ слуга изъ глубины сцены*).

Слуга. Викингъ Сигурдъ идетъ сюда.

Іордисъ. Сигурдъ! Такъ позови Гуннара!

Слуга. Гуннаръ выѣхалъ изъ дому созывать на помощь сосѣдей, потому что крестьянинъ Корэ собирается...

Іордисъ. Хорошо, хорошо, это я знаю; ступай! *(Слуга уходитъ; обращается къ Дагни, которая также поворачивается, чтобы уходить).* Куда ты?

Дагни. Куда-нибудь подальше, чтобы не встрѣтить Сигурда. Для насъ необходимо разстаться, это я понимаю; но встрѣтиться съ нимъ лицомъ къ лицу именно теперь,—нѣтъ, нѣтъ, это выше моихъ силъ! *(Уходитъ налѣво).*

Іордисъ *(молча глядитъ ей вслѣдъ).* И ее я хотѣла... *(доканчиваетъ свою мысль, взглядывая на тетиву).* Жалкая была бы этоместь!—Нѣтъ, теперь я стремлюсь къ бо́льшему. Гмъ! тяжело умирать, но иногда бываетъ тяжелѣе жить.

(Сигурдъ входитъ изъ глубины сцены).

Іордисъ. Ты, должно быть, ищешь Гуннара; носили, пока онъ вернется. *(Хочетъ уйти).*

Сигурдъ. Нѣтъ, останься, я тебя ищу больше, чѣмъ его.

Іордисъ. Меня?

Сигурдъ. И хорошо, что я нашелъ тебя одну.

Іордисъ. Если ты пришелъ, чтобы издѣваться надо мною, то тебѣ должно быть все равно, полна ли комната мужчинъ и женщинъ, или пуста.

Сигурдъ. Ахъ, да, я отлично понимаю, что ты думаешь обо мнѣ!

Іордисъ *(съ горечью).* Я, можетъ быть, несправедлива къ тебѣ. Нѣтъ, нѣтъ, Сигурдъ, отравою былъ ты для всей моей жизни! Вспомни, какую постыдную хитрость позволилъ ты себѣ со мною; это ты проникъ ко мнѣ въ опочивальню, ты клялся мнѣ въ любви, коварно смѣясь надо мною, ты же затѣмъ потащилъ меня къ Гуннару, потому что для него я была достаточно хороша,—и затѣмъ уѣхалъ съ острова съ тою женщиною, которая была дорога тебѣ.

Сигурдъ. Много подвиговъ можетъ совершить человѣческая воля; но великими дѣлами управляетъ судьба; — это именно случилось съ нами двумя.

Іордисъ. Совершенно вѣрно: злыя Норны руководятъ міромъ; но ихъ власть ничтожна, если онѣ не встрѣчаютъ опоры въ нашей собственной груди. Счастье сопровождаетъ того, кто достаточно силенъ, чтобы вступить въ борьбу съ Норнами;— это именно намѣреваюсь сдѣлать теперь я.

Сигурдъ. Что ты говоришь?

Іордисъ. Я хочу помѣряться силами съ тѣмъ,—съ тѣмъ, кто сильнѣе меня. Но не будемъ говорить объ этомъ; у меня сегодня очень много дѣла. *(Садится у стола).*

Сигурдъ *(послѣ краткаго перерыва).* Ты приготовляешь хорошее оружіе для Гуннара!

Іордисъ *(спокойно улыбаясь).* Не для Гуннара, а противъ тебя.

Сигурдъ. Къ этому, конечно, должно все сводиться.

Іордисъ. Ахъ, да, конечно; потому что если я съумѣю справиться съ Норнами, ты и Гуннаръ должны будете раньше или позже... *(останавливается, опирается о столъ, глядитъ, улыбаясь, на него и говоритъ съ измѣнившимся выраженіемъ въ голосѣ).* Гмъ! Знаешь ли, что мнѣ иногда кажется? По временамъ я забавляюсь тѣмъ, что рисую себѣ въ умѣ разнаго рода радужныя видѣнія будущаго; я закрываю тогда глаза и начинаю думать: вотъ придетъ сюда къ намъ Сигурдъ Могучій,—съ намѣреніемъ сжечь насъ въ нашемъ домѣ, меня и моего мужа. Всѣ воины Гуннара пали; остались въ живыхъ только онъ да я;—крыша надъ нами загорается извнѣ. „Только одинъ выстрѣлъ изъ лука!“ кричитъ Гуннаръ. „Одинъ только выстрѣлъ можетъ спасти насъ!“ — но тетива рвется. „Іордисъ, отрѣжь прядь своихъ волосъ и сплети изъ нея тетиву,—вопросъ идетъ о нашей жизни“. Но я смѣюсь. „Пусть горитъ! пусть горитъ!—жизнь для меня не стоитъ и пряди волосъ“.

Сигурдъ. Странная сила звучитъ во всѣхъ твоихъ рѣчахъ. *(Садится).*

Іордисъ *(холодно глядитъ на него).* Ты садишься у меня въ домѣ?

Сигурдъ. Ты думаешь, что я врагъ тебѣ? Іордисъ, послѣдній разъ приходится намъ разговаривать; что-то, точно червь, гложетъ меня, и я не въ силахъ разстаться съ тобою такъ: ты должна лучше узнать меня.

Іордисъ. Чего ты хочешь?

Сигурдъ. Разсказать тебѣ одну сагу.

Іордисъ. Эта сага печальна?

Сигурдъ. Печальна, какъ сама жизнь.

Іордисъ *(съ горечью).* Неужели и ты знаешь, что жизнь можетъ быть тяжела?

Сигурдъ. Суди сама, когда я кончу свою сагу.

Іордисъ. Разсказывай; а я буду покамѣстъ работать.

(*Онъ садится на небольшую скамейку по правую ея руку*).

Сигурдъ. Жили себѣ нѣкогда два молодые витязя, которые выѣхали по морю изъ Норвегіи на поиски богатства и славы; они поклялись другъ другу въ вѣчной дружбѣ и крѣпко стояли другъ за друга повсюду, куда имъ ни приходилось ѣздить.

Іордисъ. И эти два витязя назывались Сигурдъ и Гуннаръ?

Сигурдъ. Ахъ, да, мы можемъ называть ихъ и такъ! Въ концѣ концовъ, послѣ долгихъ странствованій, они прибыли въ Исландію; тамъ проживалъ старый вождь, выѣхавшій изъ Норвегіи въ дни короля Гаральда. Въ его домѣ жили двѣ прекрасныя дѣвы, но одна изъ нихъ, его пріемная дочь, была самою прекрасною, потому что она была умна и сильна духомъ; витязи много разговаривали о ней между собою и говорили: никто изъ нихъ не видалъ никогда болѣе прекрасной женщины,—въ этомъ они были оба согласны.

Іордисъ (*пораженная*). Оба? Ты смѣешься надо мною.

Сигурдъ. Гуннаръ мечталъ о ней днемъ и ночью, тоже дѣлалъ и Сигурдъ: но оба молчали, а по ней нельзя было узнать, нравится ли ей Гуннаръ; по что она враждебно относилась къ Сигурду—это было легче разобрать.

Іордисъ (*съ трудомъ произнося слова*). Продолжай, молю тебя...

Сигурдъ. Но тѣмъ болѣе мечталъ о ней Сигурдъ, хотя никто этого не подозрѣвалъ. Но вотъ однажды вечеромъ, на пиру, эта гордая дѣвушка поклялась, что никогда никто не будетъ обладать ею, кромѣ того, кто совершитъ великій подвигъ, указанный ею. Сильно забилось отъ радости сердце въ груди у Сигурда, потому что онъ сознавалъ въ себѣ силу совершить этотъ подвигъ; но Гуннаръ позвалъ его въ свою комнату и сознался ему въ своей любви,—Сигурдъ умолчалъ о своей и отправился.

Іордисъ (*прерывая его*). Сигурдъ, Сигурдъ! (*Овладѣвъ собою*). И эта сага—правдива?

Сигурдъ. До единаго слова. Одинъ изъ насъ долженъ былъ уступить. Гуннаръ былъ моимъ другомъ: поступить иначе я не могъ. И вотъ ты сдѣлалась женою Гуннара, а я взялъ себѣ другую жену.

Іордисъ. И полюбилъ ее?

Сигурдъ. Я научился цѣнить ее; но существуетъ только одна женщина въ цѣломъ мірѣ, которую Сигурдъ любилъ,—именно та, которая возненавидѣла его съ перваго дня встрѣчи. (*Встаетъ*). Этимъ кончается моя сага. Теперь мы должны разстаться.—Прощай, жена Гуннара; мы никогда больше не встрѣтимся.

Іордисъ (*вскакиваетъ съ мѣста*). Нѣтъ, останься. Горе намъ обоимъ! Сигурдъ, что ты сдѣлалъ!

Сигурдъ (*пораженный*). Что я сдѣлалъ? Что съ тобою?

Іордисъ И все это ты сказалъ мнѣ только теперь! Но нѣтъ,—это не можетъ быть правда.

Сигурдъ. Мы въ послѣдній разъ бесѣдуемъ съ тобою; каждое слово—правда; я хотѣлъ, чтобы ты не такъ строго судила обо мнѣ, и поэтому покаялся тебѣ во всемъ.

Іордисъ (*невольно складываетъ руки и глядитъ на него въ нѣмомъ изумленіи*). Любилъ—любилъ меня—ты!.. (*Порывисто, близко подходя къ нему*). Я тебѣ не вѣрю. (*Глядитъ проницательно на него и затѣмъ восклицаетъ въ бурномъ отчаяніи*). Да, это правда—горе намъ обоимъ! (*Закрываетъ лицо руками и отдаляется отъ него*).

Сигурдъ (*съ ужасомъ*). Іордисъ!

Іордисъ (*тихо, борясь между плачемъ и смѣхомъ*). Не обращай на меня вниманія. Я только хотѣла сказать, что... (*Кладетъ руку на его плечо*). Сигурдъ, ты не довелъ до конца своей саги; та гордая женщина, о которой ты говорилъ,—она также любила тебя.

Сигурдъ (*отступая назадъ*). Ты?

Іордисъ (*твердо*). Да, Сигурдъ, я любила тебя,—теперь я это вижу. Ты говорилъ, что я была съ тобою молчалива, но развѣ дѣвушкѣ легко поступать иначе? Если бы я открыто предлагала тебѣ мою любовь, я была бы мало достойна тебя. Ты казался мнѣ всегда самымъ доблестнымъ изъ всѣхъ мужей, и вѣсть о томъ, что ты сдѣлался мужемъ другой—доставила мнѣ величайшее горе, которое я никакъ не могла понять.

Сигурдъ (*потрясенный*). Зловѣщею паутиною опутали насъ обоихъ Норны.

Іордисъ. Ты самъ въ этомъ виноватъ; смѣло и храбро долженъ всегда дѣйствовать мужчина. Когда я поставила это тяжелое условіе для того, кто захочетъ обладать мною, я все время думала о тебѣ,—а ты могъ...

Сигурдъ. Я зналъ о сердечныхъ мукахъ Гуннара; я одинъ могъ излечить его,—между чѣмъ же мнѣ было выбирать? И все же, если бы я зналъ тогда

то, что теперь знаю, я не посмѣлъ бы отвѣчать за себя,—потому что любовь обладаетъ могучею силою.

Іордисъ (*быстро*). Ну, хорошо, Сигурдъ,—несчастная игра судьбы разлучила насъ на долгіе годы: теперь узелъ развязанъ, будущее вознаградитъ за горести прошлаго.

Сигурдъ. (*качая отрицательно головой*). Этого не можетъ быть; мы, вѣдь, должны опять разстаться.

Іордисъ. Нѣтъ, этого не должно быть: я люблю тебя, это я говорю теперь смѣло, не краснѣя, потому что моя любовь не похожа на прихоть, какъ любовь слабодушныхъ женщинъ; если бы я была мужчиною, то, клянусь могучими богами, я и тогда не могла бы любить тебя иначе, чѣмъ теперь. Воспрянь же духомъ, Сигурдъ! Счастье стоитъ, надѣюсь, великаго подвига. Мы оба свободны,—только пожелаемъ, и побѣда будетъ наша.

Сигурдъ. Свободны? Что ты говоришь?

Іордисъ. Что для тебя Дагни? Чѣмъ она можетъ быть для тебя? Не больше, чѣмъ Гуннаръ для меня во время моихъ унылыхъ размышленій. Какой вредъ будетъ для свѣта отъ того, если двѣ незначущія жизни погибнутъ?

Сигурдъ. Іордисъ! Іордисъ!

Іордисъ. Пусть Гуннаръ остается здѣсь; пусть Дагни вернется въ Исландію вмѣстѣ со своимъ отцомъ: я же послѣдую за тобою въ брони, съ оружіемъ въ рукахъ, повсюду, куда ни направишь ты свой корабль. (*Волненіе на лицѣ Сигурда*). Я послѣдую за тобою не какъ твоя жена, потому что я принадлежала другому и жива еще та женщина, которая покоилась рядомъ съ тобою,—нѣтъ, Сигурдъ, не какъ твоя жена хочу я послѣдовать за тобою, а какъ тѣ храбрыя женщины, которыхъ зовутъ сестрами Гильды; я буду подстрекать тебя идти въ бой, совершать великіе подвиги такъ, чтобы твое имя прогремѣло далеко по всѣмъ земнымъ странамъ; въ сраженіяхъ я буду стоять рядомъ съ тобою, въ непогоду и въ морскихъ походахъ я буду дѣлить опасность съ твоими воинами, и когда послѣ твоей смерти станутъ сочинять пѣснь о твоихъ подвигахъ, тогда молва разнесетъ повсюду вѣсть о Сигурдѣ и Іордисъ нераздѣльно!

Сигурдъ. Это было когда-то моею завѣтною мечтою, но теперь слишкомъ поздно; Гуннаръ и Дагни стоятъ между нами, и имѣютъ право стоять. Я пожертвовалъ своею молодою любовью ради счастья Гуннара; какъ мнѣ ни тяжело, но я не могу допустить, чтобы эта жертва была принесена напрасно. А Дагни!—Довѣрчиво, преданно послѣдовала она за мною, покинувъ родныхъ и друзей; никогда не должна она думать, что я съ самой первой минуты нашей совмѣстной жизни только и думалъ, что о Іордисъ, и всею душею стремился къ ней!

Іордисъ. И ради всѣхъ этихъ пустяковъ ты хочешь наложить тяжкое бремя на всю твою жизнь! На что тебѣ въ такомъ случаѣ твоя сила, твое мужество, всѣ богатые дары, данные тебѣ природою? И неужели ты думаешь, что я въ состояніи теперь сидѣть спокойно въ домѣ Гуннара? Нѣтъ, Сигурдъ, повѣрь мнѣ, много есть дѣлъ, за которыя слѣдуетъ взяться такому человѣку, какъ ты. Эрикъ управляетъ королевствомъ Норвегіи, возстань противъ него! Много доблестныхъ воиновъ согласятся содѣйствовать тебѣ и станутъ подъ твои знамена; съ непобѣдимою силою двинемся мы впередъ, будемъ бороться, сражаться и не успокоимся, пока ты не возсядешь на королевскомъ престолѣ Гарфагера.

Сигурдъ. Іордисъ, Іордисъ, такъ мечталъ я во время буйной юности моей; забудемъ объ этомъ,—не искушай меня!

Іордисъ (*съ радостью*). Норны рѣшили, чтобы мы шли вмѣстѣ; этого измѣнить нельзя; я ясно вижу теперь свое предназначеніе въ жизни: прославить тебя на весь міръ. Ты стоялъ передъ моими глазами ежечасно, ежедневно съ тѣхъ поръ, какъ я переѣхала сюда; я хотѣла вырвать тебя изъ своихъ мыслей, но не въ силахъ была это сдѣлать: теперь этого больше не нужно,—теперь, когда я знаю, что и ты любишь меня!

Сигурдъ (*съ притворною холодностью*). Если такъ—тогда знай—я любилъ тебя, теперь это чувство прошло:—я забылъ о тѣхъ дняхъ.

Іордисъ. Сигурдъ, ты лжешь! Я знаю цѣну себѣ: разъ ты полюбилъ меня, ты забыть этого не могъ.

Сигурдъ (*горячо*). Я долженъ былъ забыть и я хочу забыть!

Іордисъ. Пусть!—но ты не будешь въ силахъ забыть. Ты хочешь мнѣ помѣшать; это тебѣ не удастся; потому что еще сегодня вечеромъ Гуннаръ и Дагни узнаютъ обо всемъ.

Сигурдъ. Нѣтъ, ты этого не сдѣлаешь!

Іордисъ. Нѣтъ, сдѣлаю.

Сигурдъ. Въ такомъ случаѣ я тебя плохо знаю; я считалъ тебя женщиною съ возвышенною душею.

Іордисъ. Злыя времена порождаютъ и злыя мысли! Слишкомъ велико было твое довѣріе ко мнѣ. Я хочу, я должна послѣдовать за тобою, и въ жизни, и въ бой. Мнѣ слишкомъ тѣсно подъ кровлею Гуннара.

Сигурдъ *(напирая на каждое слово)*. Но ты когда то высоко цѣнила честь. Есть много основательныхъ поводовъ для ссоры между мною и Гуннаромъ. Если бы онъ палъ теперь отъ моей руки,—ты, узнавъ объ этомъ, согласилась бы послѣдовать за мною?

Іордисъ *(пораженная)*. Зачѣмъ ты это спрашиваешь?

Сигурдъ. Отвѣчай мнѣ сначала: какъ поступишь ты, если я сдѣлаюсь убійцею твоего мужа?

Іордисъ *(смотритъ проницательно на него)*. Тогда я наложу печать молчанія на свои уста, и не буду знать покоя, пока не увижу тебя убитымъ.

Сигурдъ. Хорошо сказано, Іордисъ; —это я всегда зналъ.

Іордисъ. Но этого быть не можетъ.

Сигурдъ. Это будетъ: сама ты рѣшила мою судьбу и судьбу Гуннара.

(Гуннаръ входитъ съ нѣсколькими слугами изъ глубины сцены).

Гуннаръ *(мрачно)*. Іордисъ! Посмотри-ка теперь; всходитъ сѣмя, посѣянное тобою.

Сигурдъ *(приближается къ нему)*. Что тебя раздражило?

Гуннаръ. Сигурдъ, это ты! Что меня раздражило? А то, чего я ожидалъ. Какъ только Дагни, жена твоя, принесла мнѣ вѣсть о замыслахъ крестьянина Корэ, я сѣлъ на коня и отправился за помощью къ своимъ сосѣдямъ.

Іордисъ *(съ волненіемъ)*. Ну, и что жъ?

Гуннаръ. Къ кому я ни обращался, повсюду меня встрѣчали недружелюбными рѣчами; говорили, что я нехорошо поступилъ съ Корэ; гмъ! говорили еще и многое другое, чего я не хочу повторять.—Я вѣдь осмѣянный человѣкъ; на меня взводятъ обвиненіе въ безславномъ поступкѣ; считается безчестьемъ идти рука объ руку со мною.

Сигурдъ. Нельзя терпѣть дольше такого позора. Вечеръ еще не наступитъ, какъ ты получишь достаточно воиновъ, чтобы сразиться съ Корэ.

Гуннаръ. Сигурдъ!

Іордисъ *(тихо, съ торжествомъ)*. Ха, я это знала!

Сигурдъ *(съ вынужденною рѣшительностью)*. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и между нами нарушенъ миръ: выслушай меня, Гуннаръ,—ты убилъ Торольфа, родственника моей жены, и потому я вызываю тебя на поединокъ на завтрашнее утро, тотчасъ послѣ восхода солнца.

Іордисъ *(подъ вліяніемъ сильнаго внутренняго волненія дѣлаетъ шагъ впередъ къ Сигурду, но овладѣваетъ собою и стоитъ неподвижно во все время слѣдующаго разговора)*.

Гуннаръ *(въ величайшемъ удивленіи)*. На поединокъ?—Меня?—Ты шутишь, Сигурдъ?

Сигурдъ. Ты законнымъ образомъ вызванъ на поединокъ; между нами будетъ борьба на жизнь и смерть; одинъ изъ насъ долженъ пасть.

Гуннаръ *(съ горечью)*. Ахъ, я понимаю, въ чемъ дѣло! Ты говорилъ съ Іордисъ наединѣ, когда я вошелъ; она опять раздражила тебя.

Сигурдъ. Очень можетъ быть. *(Обращаясь на половину къ Іордисъ)*. Женщина съ возвышенною душею должна всегда охранять честь своего мужа. *(Людямъ въ глубинѣ сцены)*. А вы, слуги, отправляйтесь къ сосѣдямъ Гуннара и скажите имъ, что завтра по утру онъ выходитъ на поединокъ со мною; нельзя называть трусомъ человѣка, который подымаетъ оружіе противъ викинга Сигурда.

(Слуги уходятъ).

Гуннаръ *(быстро подходитъ къ Сигурду и въ глубокомъ волненіи пожимаетъ ему руку)*. Сигурдъ, мой храбрый братъ, теперь только понимаю я тебя! Ты жертвуешь жизнью для моей чести, какъ прежде жертвовалъ ею для моего счастья.

Сигурдъ. Поблагодари за это свою жену: ей главнымъ образомъ принадлежитъ честь моего поступка. Завтра утромъ, прежде чѣмъ взойдетъ солнце...

Гуннаръ. Я встрѣчусь съ тобою. *(Нѣжно)*. Пріемный братъ мой, хочешь получить отъ меня добрый мечъ? Это драгоцѣнный даръ.

Сигурдъ. Благодарю; но пусть онъ лучше виситъ на старомъ мѣстѣ; кто знаетъ, понадобится ли онъ мнѣ завтра вечеромъ.

Гуннаръ *(пожимаетъ ему руку)*. Прощай, Сигурдъ!

Сигурдъ. Прощай и будь счастливъ!

(*Они разстаются, Гуннаръ уходитъ налѣво, Сигурдъ бросаетъ взглядъ на Іорднсъ и уходитъ въ глубину сцены*).

Іорднсъ (*послѣ нѣкотораго молчанія, говоритъ тихо, въ раздумьи*. Завтра утромъ поединокъ? Кто изъ нихъ падетъ? (*Стоитъ нѣкоторое время молча, затѣмъ восклицаетъ, какъ будто принявъ внезапно твердое рѣшеніе*). Пусть падетъ, кто хочетъ,—я и Сигурдъ мы будемъ вмѣстѣ.

Дѣйствіе четвертое.

(У берега моря. Вечеръ; луна выглядываетъ по временамъ изъ разсѣянныхъ по небу грозовыхъ тучъ. Въ глубинѣ сцены черная свѣжая могильная насыпь).

(Орнульфъ сидитъ на авансценѣ на камнѣ справа съ обнаженною головою, опираясь руками на колѣни и опустивъ на руки голову. Одни изъ его воиновъ работаютъ надъ насыпью, другіе присвѣчиваютъ имъ факелами. Послѣ краткаго промежутка времени, входятъ Сигурдъ и Дагни изъ лодочнаго сарая, въ которомъ горитъ костеръ).

Дагни (*тихимъ голосомъ*). Онъ все еще сидитъ тамъ! (*Удерживаетъ Сигурда*). Нѣтъ, не заговаривай съ нимъ!

Сигурдъ. Ты права: слишкомъ рано теперь; пусть онъ лучше посидитъ одинъ.

Дагни (*переходитъ на правую сторону и съ горестью глядитъ на отца*). Какъ силенъ былъ онъ вчера, когда взвалилъ себѣ на плечи Торольфа! Силенъ онъ былъ и до сихъ поръ, пока они рыли могилу; но когда всѣ сыны его были положены въ нее, и когда на нихъ посыпались камни и земля, тогда печаль овладѣла имъ; онъ лишился силъ. (*Вытираетъ глаза*). Скажи мнѣ, Сигурдъ, когда думаешь ты вернуться домой въ Исландію?

Сигурдъ. Какъ только уляжется буря и я покончу свои счеты съ Гуннаромъ.

Дагни. Тогда ты купишь землю, построишь себѣ дворъ и никогда больше не будешь выѣзжать въ морскіе походы?

Сигурдъ. Да, да,—я это обѣщалъ тебѣ.

Дагни. И это правда, что Іорднсъ обманула меня, сказавъ, что я недостойна быть твоею женою?

Сигурдъ. Да, да, повѣрь моему слову.

Дагни. Теперь у меня опять радостно на душѣ, и я постараюсь забыть все зло, что совершилось здѣсь. Въ долгіе зимніе вечера мы будемъ бесѣдовать о Гуннарѣ и Іорднсъ, п...

Сигурдъ. Нѣтъ, Дагни, если ты хочешь намъ обоимъ добра, то никогда не упоминай о Іорднсъ, когда будешь сидѣть со мною дома въ Исландіи.

Дагни (*съ кроткимъ упрекомъ*). Нехорошо такъ ненавидѣть ее! Сигурдъ, Сигурдъ, это на тебя не похоже.

Одинъ изъ воиновъ (*подходитъ*). Вотъ, теперь насыпь окончена.

Орнульфъ (*какъ бы пробуждаясь*). Насыпь? Развѣ она—ну. да...

Сигурдъ. Поговори съ нимъ теперь, Дагни!

Дагни (*подходитъ къ отцу*). Отецъ, здѣсь холодно; готовится на ночь буря.

Орнульфъ. Гмъ! не заботься объ этомъ; насыпь твердая, хорошая; они будутъ спокойно лежать подъ ней.

Дагнн. Да, но ты...

Орнульфъ. Я? Мнѣ не холодно.

Дагни. Ты сегодня ничего не ѣлъ. Пойдемъ со мной. Уже накрытъ столъ для ужина.

Орнульфъ. Пусть себѣ будетъ накрытъ, мнѣ ѣсть не хочется.

Дагни. Но сидѣть здѣсь такъ неподвижно, повѣрь мнѣ, не годится тебѣ; ты къ этому не привыкъ.

Орнульфъ. Это правда: что то какъ будто гнететъ меня; у меня не хватаетъ воздуха. (*Закрываетъ опять лицо руками. Молчаніе. Дагни садится рядомъ съ нимъ*).

Дагни. Завтра ты, конечно, снарядишь свой корабль и отправишься въ Исландію?

Орнульфъ (*не подымая головы*). Что мнѣ тамъ дѣлать? Нѣтъ, я хочу къ своимъ сынамъ.

Дагни (*печально*). Отецъ!

Орнульфъ (*подымая голову*). Иди въ домъ, оставь меня здѣсь; стоитъ бурѣ поиграть вокругъ меня ночь или двѣ, и нѣсенка моя будетъ спѣта.

Сигурдъ. Какъ можешь ты думать объ этомъ!

Орнульфъ. Тебя удивляетъ, что я жажду покоя? Мой трудъ покончень, я похоронилъ своихъ сыновей. (*Рѣзко*). Уходите отъ меня!—Уходите! Уходите! (*Опять прячетъ лицо*).

Сигурдъ (*тихо Дагни, которая встаетъ*). Оставь его сидѣть!

Дагни. Нѣтъ, я хочу сдѣлать еще одну пробу;—я знаю его. (*Орнульфу*). Ты говоришь, что твое дѣло кончено; но это

неправда. Ты похоронилъ уже своихъ сыновей:—но, вѣдь, ты скальдъ, ты долженъ теперь сочинить пѣснь въ честь ихъ.

Орнульфъ (*качая головою*). Пѣснь? Нѣтъ, нѣтъ; вчера я еще могъ, но сегодня я слишкомъ старъ.

Дагни. Нѣтъ, ты долженъ: доблестными были у тебя всѣ сыны; надо сложить пѣснь о нихъ, а кто изъ нашего рода можетъ сдѣлать это, кромѣ тебя?

Орнульфъ (*глядитъ вопросительно на Сигурда*). Пѣснь? что ты думаешь на этотъ счетъ, Сигурдъ?

Сигурдъ. Я думаю, что она говоритъ правду: ты долженъ поступать по ея совѣту.

Дагни. Когда твои сосѣди въ Исландіи будутъ пить въ честь потомковъ Орнульфа, что они скажутъ, когда узнаютъ, что во славу имъ не было сочинено ни одной пѣсни? У тебя достаточно времени впереди, чтобы послѣдовать за своими сынами.

Орнульфъ. Ну, да, я попробую; а ты, Дагни, слушай, чтобы повторить потомъ то, что я говорю.

(*Воины съ факелами приближаются, такъ что вокругъ Орнульфа образуется группа; онъ нѣсколько минутъ молчитъ, раздумывая, затѣмъ начинаетъ пѣть*):

Духъ, печалью удрученный,
Радости не знаетъ.
Грустно скальдъ поникъ главою,
Пѣсню сочиняетъ.

Даръ чудесный пѣснопѣнья
Скальдовъ боги мнѣ внушили.
Громко жъ, пѣснь моя, раздайся,
О моей тяжелой долѣ!

(*Встаетъ*).

Ахъ, тернистый злая Норна
Сдѣлала Орнульфа путь!
Счастія лишила старца,
Отняла всей жизни суть.

Семь сыновъ дали Орнульфу
Боги, но то былъ лишь сонъ.
Безъ сыновъ теперь, одинъ,
Грустно дни проводитъ онъ.

Семь сыновъ отважныхъ, славныхъ
Воспиталъ онъ средь мечей.
Домъ его они хранили
Лучше всякихъ сторожей.

Нѣтъ теперь могучей стражи!
Опустѣлъ и отчій домъ!
Радости не знаетъ старецъ:
Палъ его сыновъ весь сонмъ!

Ахъ, Торольфъ, ахъ, сынъ мой младшій!
Ты вступилъ въ жизнь такъ отважно!
Если бъ живъ хоть ты остался,
Я не плакалъ бы такъ страшно!

Какъ весна, ты былъ прекрасенъ
И привѣтливъ, другъ съ отцомъ,
Витяземъ могучимъ сталъ бы,
Скрасилъ отчій домъ.

Но сулилъ намъ рокъ иное:
Горе грянуло; звѣзда
Ясная Орнульфа—старца
Закатилась навсегда.

На мое богатство, счастье
Съ злобою глядѣла Норна
Поклялась мнѣ жизнь испортить,
Завистью коварной полна.

Слабъ, увы! я противъ Норенъ!
Ахъ, если бы силы дали
Богп, чтобъ сразиться съ ними,
Скоро бъ поднялъ мечъ изъ стали.

И тогда одной лишь мыслью
Я послалъ бы, чтобы силы
Противъ Норенъ всѣхъ направить,
Что меня дѣтей лишили.

Но всего лишить Орнульфа
Злая Норна не могла
И изъ чаши пѣснопѣнья
Пить вождю она дала.

(*Съ возрастающимъ одушевленіемъ*).

Сыновей отняла Норна,
Но за то она дала мнѣ
Горе въ пѣсняхъ прославлять
Свыше чудное умѣнье:

Мнѣ въ уста она вложила
Даръ чудесный пѣснопѣнья.
Да звучитъ же громко пѣсня
Въ честь сыновъ моихъ—героевъ!

Слава, вамъ, сыны мои!
Слава вамъ, куда вы мчитесь!
Божій даръ смягчаетъ горе
Ослабляетъ ядъ печали.

(*Онъ глубоко вздыхаетъ, откидываетъ волосы со лба и говоритъ спокойно*). Такъ; теперь Орнульфъ опять здоровъ и силенъ! (*Обращаясь къ воинамъ*). Пойдемъ ужинать, долго мы трудились сегодня! (*Уходитъ со слугами въ лодочный сарай*).

Дагни. Слава небеснымъ силамъ, внушившимъ мнѣ эту мысль! (*Сигурду*). Развѣ ты не войдешь?

Сигурдъ. Нѣтъ, у меня нѣтъ никакого желанья. Скажи мнѣ, все ли готово на завра?

Дагни. Все; обитый шелкомъ покровъ лежитъ тамъ на скамейкѣ; но я такъ увѣрена, что ты устоишь противъ Гуннара, что даже не плакала, работая надъ нимъ.

Сигурдъ. Молю всѣхъ небесныхъ силъ, чтобы тебѣ никогда не пришлось плакать по моей винѣ. (*Останавливается и осматривается*).

Дагни. Къ чему ты прислушиваешься?

Сигурдъ. Развѣ ты не слышишь—*тамъ?* (*Указываетъ налѣво*).

Дагни. Да, сильная буря разразилась надъ моремъ.

Сигурдъ (*отходитъ нѣсколько въ глубину сцены*). Гмъ! эта буря приведетъ и къ сильному граду. (*Кричитъ*). Кто идетъ?

Крестьянинъ Корэ (*за сценою слѣва*). Люди, знакомые тебѣ, викингъ Сигурдъ!

(*Корэ входитъ съ толпою вооруженныхъ людей*).

Сигурдъ. Куда вы направляетесь?

Корэ. Во дворецъ Гуннара.

Сигурдъ. Съ враждебными цѣлями?

Корэ. О да, на этотъ счетъ можешь быть спокоенъ. Ты раньше помѣшалъ мнѣ; но теперь я думаю, у тебя другое на умѣ.

Сигурдъ. Очень можетъ быть.

Корэ. Я слышалъ о твоемъ столкновеніи съ Гуннаромъ; но если случится по моему, съ плохимъ оружіемъ выйдетъ онъ на встрѣчу тебѣ.

Сигурдъ. Ты задумалъ опасное дѣло, берегись, крестьянинъ!

Корэ (*съ насмѣшливымъ хохотомъ*). Это ужъ предоставь мнѣ; если будешь сегодня ночью снаряжать свой корабль, мы посвѣтимъ тебѣ.—За мною, воины! пойдемъ этою дорогою! (*Уходятъ всѣ направо въ глубину сцены*).

Дагни. Сигурдъ, Сигурдъ, ты долженъ помѣшать этому безобразному дѣлу.

Сигурдъ (*быстро подходитъ къ двери сарая и открываетъ ее*). Вставай, Орнульфъ, изъ за стола! Отомсти крестьянину Корэ!

Орнульфъ (*выходитъ со своими воинами*). Крестьянину Корэ — гдѣ же онъ?

Сигурдъ. Онъ отправился во дворъ Гуннара, чтобы сжечь его со всѣмъ народомъ.

Орнульфъ. Ха, ха,—пусть себѣ дѣлаетъ, что хочетъ, этимъ я сразу отомщу и Гуннару, и Іордисъ; затѣмъ настанетъ очередь и Корэ.

Сигурдъ. Нѣтъ, ты разсуждаешь невѣрно; Корэ ты долженъ искать сегодня же ночью, если хочешь настигнуть его, потому что послѣ своего злодѣянія онъ сейчасъ же убѣжитъ въ горы. Гуннара я вызвалъ на поединокъ; месть противъ Гуннара обезпечена тебѣ, если только я самъ... но дѣло не въ этомъ, все равно—сегодня его слѣдуетъ защищать противъ его враговъ; не годится такимъ злодѣямъ, какъ Корэ, отымать у меня право на месть.

Орнульфъ. Правду ты говоришь. Сегодня ночью я выступлю въ защиту убійцы Торольфа; но завтра утромъ онъ долженъ пасть.

Сигурдъ. Либо *онъ*, либо *я*!—въ этомъ будь увѣренъ,

Орнульфъ. Пойдемъ, отомстимъ за родъ Орнульфа! (*Уходитъ съ воинами направо въ глубину сцены*).

Сигурдъ. Дагни, иди за ними;—я долженъ остаться; потому что слухъ о нашемъ поединкѣ распространился среди народа, и я не могу встрѣчаться съ Гуннаромъ до наступленія срока. Но ты—пойди и руководи своимъ отцемъ; онъ долженъ дѣйствовать съ честью; много женщинъ въ дворѣ Гуннара; не допусти, чтобы кто позволилъ себѣ насиліе надъ Іордисъ или кѣмъ-либо другимъ!

Дагни. Да, да, я пойду. Ты подумалъ даже о Іордисъ! Благадарю!

Сигурдъ. Иди, иди, Дагни.

Дагни. Я пду; но относительно Іордисъ можешь быть спокоенъ: у нея золотыя бранныя одежды въ опочивальнѣ и она съумѣетъ защитить себя.

Сигурдъ. Я тоже думаю; но иди же, иди; наблюдай за своимъ отцемъ, и окажи защиту всѣмъ—и женѣ Гуннара.

Дагни. Будь покоенъ. До свиданья! (*Уходитъ за предыдущими*).

Сигурдъ. Впервые, пріемный братъ мой, стою я безоружнымъ въ то время, когда жизнь твоя въ опасности. (*Прислушивается*). Слышу крики и звонъ мечей; —они всѣ во дворѣ. (*Хочетъ уйти направо, но останавливается и съ ужасомъ отступаетъ*). Іордисъ! Она идетъ сюда.

(*Іордисъ, одѣтая въ короткую красную эпанчу, въ золотыхъ доспѣхахъ, въ шлемѣ, панцырѣ, наручникахъ и т. д. Ея волосы распущены; за спиной виситъ колчанъ съ стрѣлами, а у пояса маленькій щитъ, въ рукахъ она держитъ лукъ съ натянутою тетивою изъ волосъ*).

Іордисъ (*поспѣшно входитъ, осматриваясь во всѣ стороны, точно въ страхѣ передъ чѣмъ-то, слѣдующимъ за нею; она подходитъ близко къ Сигурду, беретъ его за руку и говоритъ шепотомъ*). Сигурдъ, Сигурдъ, ты видишь его?

Сигурдъ. Кого? Гдѣ?

Іордисъ. Тамъ—волка—прямо передъ нами; онъ стоитъ неподвижно; онъ смотритъ на меня своими красными глазами:—это мой проводникъ, Сигурдъ! Три раза являлся онъ мнѣ; это значитъ, что я должна сегодня ночью умереть.

Сигурдъ. Іордисъ! Іордисъ!

Іордисъ. Смотри, онъ провалился сквозь землю. Да, да, онъ меня предостерегаетъ!

Сигурдъ. Ты больна; войди въ домъ сюда.

Іордисъ. Нѣтъ, здѣсь хочу я ждать; немного времени осталось мнѣ жить.

Сигурдъ. Что случилось съ тобою?

Іордисъ. Что случилось? Я сама не знаю, но вѣрно одно: ты говорилъ сегодня, что Гуннаръ и Дагни стоятъ между нами; мы должны уйти отъ нихъ, уйти изъ жизни, тогда только можемъ мы жить вмѣстѣ.

Сигурдъ. Мы? Га, ты хочешь..,

Іордисъ (*съ достоинствомъ*). Я очутилась бездомною на свѣтѣ въ тотъ день, когда ты взялъ себѣ другую въ жены. Дурно поступилъ ты тогда! Все можетъ отдать мужчина своему вѣрному другу,—все, только не ту женщину, которую любитъ; потому что, дѣлая это, онъ разрываетъ таинственную ткань Норны и губитъ двѣ жизни. Громко звучитъ во мнѣ голосъ, говорящій, что я родилась для того, чтобы своимъ сильнымъ духомъ ободрять тебя и поддерживать въ тяжкія времена, а что ты былъ созданъ для того, чтобы я могла въ *одномъ* человѣкѣ найти все, что казалось мнѣ великимъ и славнымъ, потому что я знаю, Сигурдъ,—если бы мы соединились, ты сдѣлался бы самымъ доблестнымъ изъ всѣхъ мужей, а я самою счастливою изъ всѣхъ женщинъ.

Сигурдъ. Безполезно теперь жаловаться на судьбу. Неужели ты думаешь, что мнѣ весело живется на свѣтѣ? Что мнѣ радостною представляется жизнь, ожидающая меня? Постоянно быть вмѣстѣ съ Дагни и притворяться въ любви, которая не находитъ отклика въ сердцѣ? А все же такъ должно быть;—измѣнить этого нельзя!

Іордисъ. Это должно измѣниться: (*Съ возрастающею горячностью*). Мы должны оба уйти изъ жизни. Видишь эту тетиву? Съ нею я съумѣю попасть вѣрно въ цѣль, потому что я пѣла надъ нею много волшебныхъ пѣсенъ. (*Кладетъ стрѣлу на натянутую тетиву*). Послушай! Слышишь, какъ гудитъ тамъ наверху? Это поѣздъ мертвецовъ; я призвала ихъ сюда;—мы поѣдемъ вмѣстѣ съ ними на пиръ.

Сигурдъ (*отступая назадъ*). Іордисъ, Іордисъ,—я боюсь тебя!

Іордисъ (*не обращая на него вниманія*). Никакая сила не можетъ измѣнить теперь нашей судьбы. Но все же лучше такъ, чѣмъ если бы ты соединился со мною здѣсь въ жизни, если бы я сидѣла у твоего очага, ткала и пряла и рождала тебѣ дѣтей—фуй, фуй!

Сигурдъ. Остановись! Твоя сила чародѣйства одержала надъ тобою верхъ; она омрачила твой умъ. (*Въ ужасѣ*). Ахъ, смотри,—смотри. Дворъ Гуннара—горитъ.

Іордисъ. Пусть горитъ, пусть горитъ. Заоблачная зала тамъ наверху прекраснѣе сводчатой палаты Гуннара.

Сигурдъ. Но Эгиль, твой сынъ,—они могутъ убить его!

Іордисъ. Пусть убиваютъ.—Вмѣстѣ съ нимъ исчезнетъ и мой позоръ!

Сигурдъ. А Гуннаръ,—они отымутъ жизнь и у твоего мужа!

Іордисъ. Какое мнѣ до этого дѣло? За лучшимъ супругомъ послѣдую я сегодня ночью. Да, Сигурдъ, такъ должно быть; здѣсь на землѣ нѣтъ счастья для меня; бѣлый богъ идетъ на сѣверъ; съ нимъ я не хочу встрѣчаться: старые боги не такъ сильны, какъ прежде;—они спятъ, или бродятъ точно тѣни.—Съ ними мы вступимъ въ бой. Вонъ изъ жизни, Сигурдъ! Я посажу тебя на небесный престолъ и сама сяду рядомъ съ тобою. (*Буря разражается все съ большею и большею силою*). Слышишь?

Слышишь? Вотъ ѣдетъ наша свита. Видишь черныхъ коней, какъ они бѣшено мчатся? Одинъ для меня, а другой для тебя. (*Прикладываетъ лукъ къ щекѣ и стрѣляетъ*). Отправляйся въ послѣдній путь!

Сигурдъ. Мѣтко попала, Іордисъ! (*Падаетъ*).

Іордисъ (*съ громкимъ взрывомъ радости бѣжитъ къ нему*). О Сигурдъ! О мой братъ!—теперь мы принадлежимъ другъ другу.

Сигурдъ. Теперь меньше, чѣмъ когда-либо раньше. Здѣсь расходятся наши пути, потому что я христіанинъ.

Іордисъ (*въ ужасѣ*). Ты?—Ахъ, нѣтъ! нѣтъ!

Сигурдъ. Бѣлый богъ—мой Богъ; король Этельстанъ научилъ меня понимать его—туда, къ Нему я иду!

Іордисъ (*въ отчаяніи*). А я!—(*Выпускаетъ изъ рукъ лукъ*). Горе, горе мнѣ!

Сигурдъ. Тяжела была моя жизнь съ того времени, когда я вырвалъ тебя изъ своего сердца и отдалъ Гуннару. Благодарю, Іордисъ; — теперь мнѣ легко—я свободенъ! (*Умираетъ*).

Іордисъ (*тихо*). Умеръ! Я погубила свою душу! (*Буря усиливается. Она громко кричитъ*) Они ѣдутъ! Я привлекла ихъ сюда своими чарами. Но нѣтъ, нѣтъ! Я не послѣдую за вами; я не хочу ѣхать безъ Сигурда. Это не поможетъ;—они увидѣли меня, они смѣются и машутъ мнѣ, они пришпориваютъ своихъ коней. (*Бѣжитъ къ выступу скалы въ глубинѣ сцены*). Они надо мною—и мнѣ некуда, некуда скрыться! Можетъ быть они не найдутъ меня въ морской глубинѣ. (*Она бросается въ море*).

(*Орнульфъ, Дагни, Гуннаръ съ Эгилемъ и воины Сигурда входятъ одинъ за другимъ справа*).

Орнульфъ (*обращаясь къ могильной насыпи*). Теперь можете спать спокойно, такъ какъ вы отомщены.

Дагни. Отецъ, — страхъ убиваетъ меня; этотъ ужасный кровавый бой — и буря—слышишь, слышишь?

Гуннаръ (*съ Эгилемъ на рукахъ*). Дайте миръ и пріютъ моему ребенку!

Орнульфъ. Гуннаръ!

Гуннаръ. Да, Орнульфъ, мой дворъ сожженъ, а мои слуги пали; я въ твоей власти; дѣлай со мною, что хочешь.

Орнульфъ. Это дѣло Сигурда. Но пойдемъ туда, подъ кровлю; здѣсь опасно.

Дагни. Да, пойдемъ, пойдемъ! (*Идетъ къ сараю, видитъ тѣло Сигурда. испускаетъ громкій крикъ*). Сигурдъ, мой мужъ!—Они убили его! (*Бросается на его тѣло*).

Орнульфъ (*спѣшитъ къ ней*). Сигурдъ!

Гуннаръ (*спускаетъ съ рукъ Эгиля*). Сигурдъ убитъ.

Дагни (*смотритъ съ отчаяніемъ на воиновъ, окружившихъ тѣло*). Нѣтъ, нѣтъ,—онъ, должно быть, еще живъ! (*Замѣчаетъ лукъ*). Га, что это такое? (*Встаетъ*).

Орнульфъ. Правду сказала ты сначала, дочь моя!—Сигурдъ убитъ.

Гуннаръ (*какъ бы охваченный внезапною мыслью*). А Іордисъ? — Не была ли здѣсь Іордисъ?

Дагни (*тихо овладѣвая собою*). Я не знаю; но я знаю, что ея лукъ былъ здѣсь.

Гуннаръ. Да, я такъ и думалъ.

Дагни. Молчи! Молчи! (*Про себя*). Такъ сильно она ненавидѣла его!

Гуннаръ (*тихо*). Убила его—въ ночь передъ поединкомъ! Значитъ, она все же любила меня!

(*Всѣ сходятся въ ужасѣ; по воздуху проноситься поѣздъ мертвецовъ въ Валгаллу*).

Эгиль (*въ ужасѣ*). Отецъ, видишь? Видишь?

Гуннаръ. Что это?

Эгиль. Тамъ наверху—всѣ эти черные конп...

Гуннаръ. Это облака, которыя—

Орнульфъ. Нѣтъ, это поѣздъ мертвецовъ!

Эгиль (*съ крикомъ*). Между ними и мама.

Дагни. Ахъ, силы небесныя!

Гуннаръ. Дитя, что ты говоришь?

Эгиль. Тамъ—впереди—на ворономъ конѣ. Отецъ! Отецъ!

(*Эгиль въ ужасѣ жмется къ отцу; пауза; буря замираетъ; тучи разсѣеваются; луна мирно выглядываетъ изъ за нихъ, освѣщая картину*).

Гуннаръ (*тихо, съ горемъ*). Теперь Іордисъ навѣрное умерла.

Орнульфъ. Ты правъ, Гуннаръ;—а ей я долженъ былъ мстить гораздо больше, чѣмъ тебѣ. Тяжка была встрѣча для насъ обоихъ;—вотъ тебѣ моя рука; миръ и примиреніе!

Гуннаръ. Благодарю, Орнульфъ. А теперь пойдемъ, сядемъ на корабль. Я ѣду съ вами въ Исландію.

Орнульфъ. Да, въ Исландію. Но долго еще будетъ ходить молва о нашемъ походѣ:

Пѣснь въ Исландіи прекрасной
Прозвучитъ въ народѣ
О дѣяньяхъ нашихъ славныхъ
Въ сѣверномъ походѣ.

Претенденты на престолъ.

Историческая драма въ 5-ти дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Гононъ Гоконссонъ, избранный королемъ биркебейнцами.
Инга фра Вартейгъ, его мать.
Снуле, ярлъ.
Фру Рагнгильдъ, его жена.
Зигридъ, его сестра.
Маргретъ, его дочь.
Гуттормъ Ингессонъ.
Сигурдъ Риббунгъ.
Николасъ Арнессонъ, епископъ въ Асло.
Дагфиннъ Бонде, начальникъ войскъ Гокона.
Иваръ Бодде, его духовникъ.
Вегардъ Верадаль, одинъ изъ его свиты.
Грегоріусъ Іонссонъ, лендермандъ.
Поль Флида, лендермандъ.
Ингеборгъ, жена Андреса Скіальдарбанда.
Петеръ, ея сынъ, молодой священникъ.
Сира Вильямъ, домашній капелланъ у епископа Николаса.
Местеръ Сигардъ изъ Брабанта, врачъ.
Ятгейръ, скальдъ, исландецъ.
Бордъ Братте, вождь трондьемцевъ.
Крестьяне и горожане въ Бергенѣ, Осло и Нидаросѣ.
Крестоносцы, священники, монахи и монахини.
Гости, придворные и женщины.
Воины и т. д.

Дѣйствіе происходитъ въ первой половинѣ тринадцатаго столѣтія.

Дѣйствіе первое.

(Христіанское кладбище въ Бергенѣ. Въ глубинѣ сцены церковь, главная входная дверь которой обращена къ зрителямъ. Слѣва на авансценѣ стоятъ Гоконъ Гоконссонъ, Дагфиннъ Бонде, Вегардъ Верадаль, Иваръ Бодде и нѣсколько лендермандовъ и придворныхъ. За ними на другой сторонѣ стоятъ ярлъ Скуле, Грегоріусъ Іонссонъ, Поль Флида и другіе воины ярла. Еще дальше въ глубинѣ сцены съ той же стороны видны Сигурдъ Риббунгъ и его свита, а рядомъ съ ними Гуттормъ Ингессонъ со многими вождями. У входа въ церковь стоитъ стража; все кладбище полно народа; многіе сидятъ на деревьяхъ и на церковной оградѣ; всѣ въ большомъ волненіи, какъ будто ждутъ чего-то, что должно произойти. Съ городскихъ колоколенъ, какъ близкихъ, такъ и отдаленныхъ, доносится звонъ колоколовъ).

Ярлъ Скуле (*шепотомъ, съ нетерпѣніемъ Грегоріусу Іонссону*). Что они дѣлаютъ тамъ такъ долго?

Грегоріусъ Іонссонъ. Тише! начинаютъ пѣть псаломъ.

(*Изнутри церкви раздаются звуки пѣнія.*

Хоръ монаховъ и монахинь. Domine coeli и т. д., и т. д.

(*Во время пѣнія дверь церкви отворяется; въ притворѣ показывается епископъ Николасъ, окруженный священниками и монахами*).

Епископъ Николасъ (*выходитъ изъ двери и провозглашаетъ, поднимая жезлъ*). Теперь Инга фра Вартейгъ подвергнется испытанію желѣзомъ, въ доказательство правъ Гокона на королевскій престолъ.

(*Церковь опять закрывается; пѣніе слышится попрежнему внутри церкви*).

Грегоріусъ Іонссонъ (*шепотомъ ярлу*). Помолись святому королю Олафу, чтобы онъ выступилъ въ защиту справедливости.

Ярлъ Скуле (*быстро отстраняя его*). Не теперь. Лучше не напоминать ему обо мнѣ.

Иваръ Бодде (*хватаетъ Гокона за руку*). Молись твоему Господу Богу, Гоконъ Гоконссонъ.

Гоконъ. Не зачѣмъ; я увѣренъ въ немъ.

(*Пѣніе въ церкви раздается все громче и громче; всѣ обнажаютъ головы, многіе становятся на колѣни и молятся*).

Грегоріусъ Іонссонъ (*ярлу*). Это важный часъ для тебя и для многихъ.

Ярлъ Скуле (*глядитъ, не сводя глазъ, на церковь*). Великій часъ для Норвегіи.

Поль Флида (*около ярла*). Теперь она держитъ въ рукахъ желѣзо.

Дагфиннъ Бонде (*около Гокона*). Они спускаются внизъ.

Иваръ Бодде. Да укрѣпитъ Христосъ твои чистыя руки, Инга, королевская мать!

Гоконъ. За этотъ часъ я, конечно, постараюсь всею своею жизнью вознаградить ее!

Ярлъ Скуле (*внимательно прислушивавшійся, внезапно вскрикиваетъ*). Она закричала? Она выпустила изъ рукъ желѣзо?

Поль Флида (*идетъ къ церкви*). Я не знаю, что это было.

Грегоріусъ Іонссонъ. Женщины громко плачутъ въ притворѣ.

Хоръ изъ церкви (*радостно поетъ*). Gloria in excelsis deo!

(*Церковныя врата раскрываются; Инга выходитъ въ сопровожденіи монахинь, священниковъ и монаховъ*.

Инга (*на паперти*). Богъ разсудилъ насъ. Посмотрите на эти руки: ими я несла желѣзо.

Голоса изъ толпы. Онѣ бѣлы и чисты, какъ раньше.

Другіе голоса. Онѣ еще краснѣе прежняго.

Всѣ присутствующіе. Онъ несомнѣнно сынъ Гокона Сверрессона.

Гоконъ (*обнимая ее*). Благодарю, благодарю, ты, благословенная свыше!

Епископъ Николасъ (*проходитъ мимо ярла*). Нелѣпо было требовать испытанія желѣзомъ.

Ярлъ Скуле. Нѣтъ, г. епископъ, Богъ долженъ былъ изречь свой приговоръ въ этомъ дѣлѣ.

Гоконъ (*глубоко взволнованный, держитъ Ингу за руку*). Совершилось, значитъ, то, противъ чего громко возставало все мое существо,—то, противъ чего возмущалось мое сердце, страдая и терзаясь...

Дагфиннъ Бодде (*къ толпѣ*). Да, взгляните на эту женщину, подумайте хорошенько, вы всѣ, здѣсь присутствующіе. Кто сомнѣвался въ ея словахъ, пока кому-то не понадобилось усомниться въ нихъ?

Поль Флида. Сомнѣніе возникло у всѣхъ съ тѣхъ поръ, какъ Гокона внесли ребенкомъ въ королевскій дворъ Инги и оповѣстили народъ о его правахъ на престолъ.

Грегоріусъ Іонссонъ. А въ послѣднюю зиму оно охватило всѣхъ и стало громко высказываться по всей странѣ, на сѣверѣ и югѣ; я думаю, что всѣ могутъ засвидѣтельствовать это.

Гоконъ. Я лучше всѣхъ могу свидѣтельствовать объ этомъ. Поэтому то я и уступилъ совѣтамъ многихъ вѣрныхъ друзей, и такъ глубоко унизился, какъ не дѣлалъ этого уже давно ни одинъ изъ мужей, избранныхъ въ короли. Я доказалъ свое рожденіе испытаніемъ желѣзомъ, доказалъ свое право, въ качествѣ сына Гокона Сверрессона, получить въ наслѣдство престолъ и царство. Я не хочу узнавать точнѣе, кто именно распространялъ сомнѣніе и кто придалъ ему такіе громадные размѣры, какіе указываются сторонниками ярла; но я знаю одно, что мнѣ горько приходилось страдать подъ гнетомъ его. Я былъ избранъ преемникомъ короля еще съ дѣтства, но мало королевскихъ почестей оказывали мнѣ, даже *тамъ*, гдѣ, казалось, я могъ больше всего надѣяться получить ихъ. Напомню лишь послѣднее вербное воскресенье въ Нидаросѣ, когда я подошелъ къ алтарю, чтобы помолиться, а архіепископъ обратился ко мнѣ спиною и сдѣлалъ видъ, что не видитъ меня, чтобы избѣжать необходимости поклониться мнѣ такъ, какъ принято кланяться королямъ. Все это я еще могъ бы легко перенесть, но открытая война готова была

разразиться, и я долженъ былъ воспрепятствовать ей.

Дагфиннъ Бонде. Хорошо поступаютъ короли, прислушиваясь къ добрымъ совѣтамъ; но если бы въ этомъ дѣлѣ спросили моего совѣта, то не раскаленнымъ желѣзомъ, а холодною сталью доказалъ бы Гоконъ Гоконссонъ свое право на престолъ въ борьбѣ со своими врагами.

Гоконъ. Сдержись, Дагфиннъ; сдерживаться долженъ человѣкъ, которому надлежитъ управлять страною.

Ярлъ Скуле (*съ легкою улыбкою*). Королевскимъ врагомъ принято называть всякаго, противящагося волѣ короля. Я же нахожу теперь, что наихудшій врагъ короля тотъ, кто станетъ совѣтывать ему не доказывать своихъ правъ на королевскій престолъ.

Гоконъ. Кто знаетъ! Если бы вопросъ шелъ только о моемъ правѣ, то я, можетъ быть, и не захотѣлъ бы покупать его такою дорогою цѣною; но мы должны смотрѣть выше: вопросъ идетъ здѣсь о призваніи и долгѣ. Я глубоко и горячо чувствую ихъ въ себѣ, и, не краснѣя, могу сказать:—я одинъ только въ состояніи въ эти времена вести страну впередъ къ лучшему будущему;—королевское рожденіе налагаетъ и королевскія обязанности...

Ярлъ Скуле. Многіе изъ здѣсь стоящихъ готовы выставлять такія же прекрасныя причины для оправданія своего поведенія.

Сигурдъ Риббунгъ. Я дѣлаю это, и съ такимъ же самымъ основаніемъ: мой дѣдъ—король Магнусъ Эрлингссонъ.

Гоконъ. Да, если бы твой отецъ, Эрлингъ Стейнвегъ, былъ сыномъ короля Магнуса; но большинство отрицаетъ это, и до сихъ поръ еще по этому дѣлу не было произведено испытаніе желѣзомъ.

Сигурдъ Риббунгъ. Риббунги выбрали меня въ короли и сдѣлали это добровольно, между тѣмъ какъ Дагфиннъ Бонде и другіе биркебейнцы угрозами доставили себѣ королевское имя.

Гоконъ. Да, такъ распоряжались вы Норвегіею, что потомокъ Сверре долженъ былъ угрозами пробивать себѣ путь.

Грегоріусъ Іонссонъ. Я такой же потомокъ Сверре, какъ и ты.

Дагфиннъ Бонде. Но не по прямой мужской линіи.

Епископъ Николасъ. Между тобою и предкомъ женское колѣно, Гуттормъ.

Гуттормъ Ингессонъ. Но я знаю, что мой отецъ, Инге Бордссонъ, былъ по закону признанъ королемъ Норвегіи.

Гоконъ. Потому что никто не зналъ, что внукъ Сверре еще живъ. Какъ только это узнали, онъ сталъ управлять царствомъ въ качествѣ моего опекуна—не иначе.

Ярлъ Скуле. Этого никто не можетъ сказать поистинѣ; Инге былъ все время королемъ и пользовался безраздѣльно законною властью, безъ всякихъ ограниченій. Что Гуттормъ имѣетъ нѣкоторыя права, весьма вѣроятно; потому что онъ незаконнорожденный; но я законный братъ короля Инге, и законъ окажется на моей сторонѣ, когда я выступлю впередъ съ требованіемъ на безраздѣльное наслѣдство послѣ него.

Дагфиннъ Бонде. Ахъ, господинъ ярлъ, вы уже получили полное наслѣдство и унаслѣдовали притомъ не только имущество, оставленное вашимъ покойнымъ отцемъ, но и все добро, остав шееся послѣ Гокона Сверрессона.

Епископъ Николасъ. Не все, добрый мой Дагфиннъ. Уважай правду: король Гоконъ оставилъ у себя серебряную застежку и золотой обручъ, который онъ носитъ на рукѣ.

Гоконъ. Пусть будетъ, что будетъ: съ Божіею помощью я вновь пріобрѣту себѣ богатство. А теперь, лейдерманды и лагманды, монахи, вожди и воины, теперь наступило время открыть, по обычаю, сеймъ. Съ связанными руками сидѣлъ я до сей поры; я думаю, никто не осудитъ меня за то, что я жажду поскорѣе развязать ихъ.

Ярлъ Скуле. Этого желаютъ и многіе другіе, кромѣ васъ, Гоконъ Гоконссонъ.

Гоконъ (*дѣлается внимательнѣе*). Что вы хотите сказать, г. ярлъ?

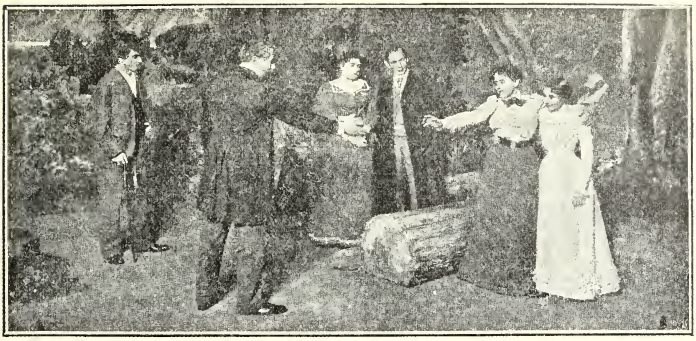
Ярлъ Скуле. Я хочу сказать, что мы всѣ претенденты на королевскій престолъ, жаждемъ того же. Всѣ мы были до сихъ поръ точно связаны, потому что никто изъ насъ не зналъ, какъ далеко простираются его права.

Епископъ Николасъ. Неувѣренность царила и въ церковныхъ дѣлахъ, и въ земскихъ; но теперь да разсудитъ насъ святой король Олафъ!

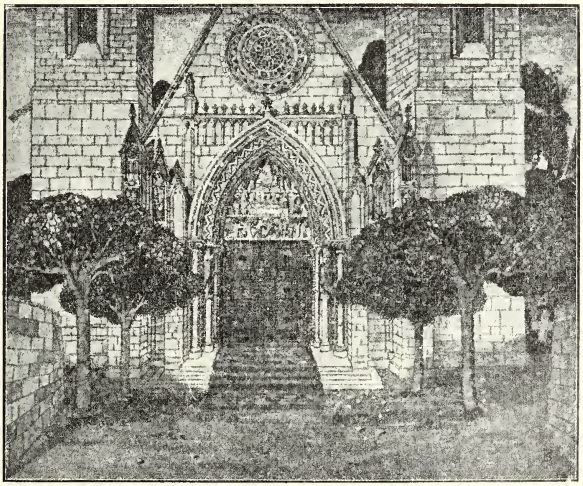
Дагфиннъ Бонде (*вполголоса*. Новая загвоздка!

(*Воины Гокона сходятся въ болѣе тѣсный кружокъ*).

Гоконъ (*овладѣваетъ собою и дѣлаетъ шагъ впередъ къ ярлу*). Я позволяю себѣ думать, что нехорошо уразумѣлъ смыслъ вашихъ словъ. Испытаніе желѣзомъ доказало мое наслѣдственное право на царство, поэтому я нахожу, что сеймъ можетъ только придать законную силу



Ибсенъ. „Женщина съ моря“ (заключит. сцена).
(Д-ръ Вангель, Болетта, Арнгольмъ, Эллида, Гильда и Лингстрандъ).



Ибсенъ. „Претенденты на престолъ (1 актъ).
Кладбище при церкви Христа Спасителя въ Бергенѣ.

моему избранію въ короли, происшедшему шесть лѣтъ тому назадъ на оретингѣ.

Многіе изъ воиновъ ярла и Сигурда. Нѣтъ, нѣтъ, — это мы отрицаемъ!

Ярлъ Скуле. Мы никогда не представляли себѣ этого такимъ образомъ, когда рѣшено было созвать здѣсь сеймъ. Испытаніе желѣзомъ еще не доставило вамъ царства, а только доказало ваше происхожденіе, и ваше право сегодня на собраніи заявлять, вмѣстѣ съ ними, другими претендентами на престолъ, тѣ права, которыя, по вашему мнѣнію, принадлежатъ вамъ.

Гоконъ (*овладѣваетъ собою и заставляетъ себя говорить спокойно*). Отсюда выходитъ, коротко и ясно, что я въ теченіе шести лѣтъ незаконно носилъ званіе короля, и что вы, г. ярлъ, въ теченіе шести лѣтъ незаконно управляли страною въ качествѣ моего опекуна.

Ярлъ Скуле. Нисколько. Долженъ же былъ кто-нибудь носить званіе короля послѣ смерти моего брата. Биркебейнцы и больше всѣхъ Дагфиннъ Бонде дѣятельно работали въ пользу вашего дѣла и устроили вашъ выборъ раньше, чѣмъ кто-либо изъ насъ успѣлъ предъявить свои права.

Епископъ Николасъ (*Гокону*). Ярлъ хочетъ сказать, что этотъ выборъ доставилъ вамъ только право временнаго пользованія королевскою властью, а не право собственности на нее.

Ярлъ Скуле. Вы имѣли до сихъ поръ всѣ права; но и Сигурдъ Риббунгъ и Гуттормъ Ингессонъ, и я—мы всѣ такіе же полноправные наслѣдники, какъ и вы, и теперь законъ долженъ разсудить насъ и рѣшить, кто изъ насъ навсегда овладѣетъ наслѣдствомъ.

Епископъ Николасъ. Правду говоря, ярлъ имѣетъ основаніе высказывать такое мнѣніе.

Ярлъ Скуле. Во всѣ эти годы не разъ говорилось и объ испытаніи желѣзомъ, и о созывѣ сейма, но всегда что-нибудь становилось имъ на пути. И если вы, господинъ Гоконъ, считали, что ваше право стоитъ непоколебимо со времени вашего перваго избранія въ короли, зачѣмъ вы изъявили сегодня согласіе на испытаніе желѣзомъ?

Дагфиннъ Бонде (*съ раздраженіемъ*). Подымите оружіе, королевскіе дружинники, пусть оно разсудитъ насъ!

Многіе изъ дружины (*бросаясь впередъ*). Подымите оружіе противъ королевскихъ враговъ!

Ярлъ Скуле (*кричитъ своимъ*). Не убивайте никого. Не наносите никому ранъ! Только защищайте себя!

Гоконъ (*удерживаетъ своихъ*). Вложите въ ножны оружіе, вы всѣ, поднявшіе его!—Въ ножны оружіе, говорю я вамъ!(*Спокойно*).Вы губите этимъ мое дѣло.

Ярлъ Скуле. Видите, въ какую рукопашную вступаютъ теперь норвежцы по всей странѣ. Понимаете, Гоконъ Гоконссонъ? Теперь, я думаю, вамъ лучше видно, чего вы достигли, если только миръ страны и жизнь ея обывателей дороги вашему сердцу.

Гоконъ (*послѣ краткаго раздумья*). Да,—я это вижу. (*Беретъ Ингу за руки и обращается къ окружающимъ его*). Торкелль, ты былъ вѣрнымъ слугою въ домѣ моего отца; отвези эту женщину домой и будь добръ къ ней;—она такъ безконечно дорога Гокону Гоконссону.—Да благословитъ тебя Богъ, мать моя, — теперь я пойду на сеймъ. (*Инга пожимаетъ его руку и уходитъ съ Торкеллемъ. Гоконъ молчитъ нѣсколько минутъ, затѣмъ выступаетъ впередъ и говоритъ громко и ясно*). Законъ долженъ насъ разсудить, одинъ только законъ. Вы, биркебейнцы, присутствовавшіе на оретингѣ и избравшіе меня королемъ, вы освобождаетесь теперь отъ присяги, принесенной мнѣ тамъ. Ты, Дагфиннъ, больше не мой военачальникъ; я не хочу выступать впередъ съ военачальникомъ или съ дружиною, съ воинами или присяжными бойцами; я бѣдный человѣкъ; все мое наслѣдство состоитъ изъ серебряной застежки и этого золотого обруча;—жалкое это имущество, чтобы вознаградить за услуги столькихъ добрыхъ воиновъ! Теперь вы всѣ, претенденты на престолъ, слушайте! Я стою передъ вами, равный всѣмъ вамъ; я не хочу имѣть никакого преимущества, кромѣ того, которое вытекаетъ изъ права, даннаго мнѣ свыше,—этимъ правомъ я не хочу дѣлиться ни съ кѣмъ. — Трубите созывъ къ сейму, и да разсудитъ насъ Богъ и законъ святого короля Олафа.

(*Уходитъ со своими воинами налѣво; раздается звукъ рога, онъ слышится все дальше и дальше*).

Грегоріусъ Іонссонъ (*ярлу, между тѣмъ, какъ толпа начинаетъ расходиться*). При испытаніи желѣзомъ ты казался испуганнымъ, а теперь имѣешь такой довольный радостный видъ.

Ярлъ Скуле (*довольный*). Ты замѣтилъ, какъ похожи были его глаза на глаза Сверре, когда онъ говорилъ? Хорошій будетъ выборъ, все равно, кого бы они ни избрали, его или меня!

Грегоріусъ Іонссонъ (*съ безпокойствомъ*). Но не уступай. Вспомни о всѣхъ, которые погибнутъ вмѣстѣ съ твоимъ дѣломъ.

Ярлъ Скуле. Здѣсь я стою на почвѣ права: я не стану прятаться передъ святымъ (*Уходитъ налѣво со своею свитою*).

Епископъ Николасъ (*спѣшитъ вслѣдъ Дагфинну Бонде*). Наше дѣло подвигается, добрѣйшій Дагфиннъ; подвигается;—только старайся держать ярла подальше отъ короля, когда начнутся выборы, —держи его подальше.

(*Всѣ уходятъ налѣво за церковь*).

(Палата въ королевскомъ замкѣ. Слѣва на авансценѣ низкое окно; въ глубинѣ сцены большая дверь, которая ведетъ въ королевскій залъ. У окна стоитъ столъ; остальная мебель состоитъ изъ стульевъ и скамеекъ).

(Фру Рагнгильдъ и Маргретъ входятъ черезъ меньшую дверь; за ними немедленно показывается и Зигридъ.

Фру Рагнгильдъ. Сюда.

Маргретъ Да, здѣсь виднѣе всего.

Фру Рагнгильдъ (*подходитъ къ окну*). И отсюда мы можемъ смотрѣть внизъ на мѣсто собранія.

Маргретъ (*осторожно выглядывая*). Да, тамъ внизу за церковью они всѣ собраны. (*Отворачивается и разражается слезами*). Тамъ внизу должно произойти то, что рѣшитъ и нашу судьбу, и повлечетъ за собою такъ много важнаго для страны.

Фру Рагнгильдъ. Но кто будетъ завтра властвовать въ этой залѣ?

Маргретъ. О замолчи! Я никогда не думала, что мнѣ придется переживать такой тяжелый день.

Фру Рагнгильдъ. Онъ долженъ былъ наступить: считаться опекуномъ короля было для него не достаточно.

Маргретъ. Да, онъ долженъ былъ наступить; ему недостаточно было имени короля.

Фру Рагнгильдъ. О комъ ты говоришь?

Маргретъ. О Гоконѣ.

Фру Рагнгильдъ. А я говорю о ярлѣ.

Маргретъ. Нѣтъ мужей, доблестнѣе ихъ двухъ.

Фру Рагнгильдъ. Видишь Сигурда Риббунга? Какой у него лукавый, коварный видъ, совершенно какъ у волка въ сѣтяхъ.

Маргретъ. Да, вижу. Смотри. Онъ складываетъ передъ собою руки на рукоятку меча и кладетъ на нихъ подбородокъ.

Фру Рагнгильдъ. Онъ кусаетъ усы и смѣется.

Маргретъ. Какъ зло онъ смѣется!

Фру Рагнгильдъ. Онъ знаетъ, что никто не выступитъ въ защиту его дѣла,—вотъ что злитъ его. Кто теперь говоритъ?

Маргретъ. Гуннаръ Гріонбакъ.

Фру Рагнгильдъ. Онъ за ярла.

Маргретъ. Нѣтъ онъ за короля...

Фру Рагнгильдъ (*глядя на нее*). За кого онъ, какъ ты сказала?

Маргретъ. За Гокона Гоконссона.

Фру Рагнгильдъ (*выглядываетъ, послѣ краткаго молчанія*). Гдѣ сидитъ Гуттормъ Ингессонъ?—Я его не вижу.

Маргретъ. За своими воинами, тамъ, ниже всѣхъ,—въ мантіи до полу.

Фру Рагнгильдъ. Да, тамъ.

Маргретъ. У него такой видъ, какъ будто онъ стыдится.

Фру Рагнгильдъ Это онъ изъ-за матери.

Маргретъ. Гоконъ не стыдился.

Фру Рагнгильдъ. Кто теперь говоритъ?

Маргретъ (*выглядывая*). Тордъ Сколле, лагмандъ въ Ранафюльке.

Фру Рагнгильдъ. Онъ за ярла?

Маргретъ. Нѣтъ, за Гокона.

Фру Рагнгильдъ. Какъ неподвижно сидитъ ярлъ, слушая рѣчи!

Маргретъ. Гоконъ кажется спокойнымъ—и въ то же время твердымъ (*Оживленно*). Если бы какой-либо странникъ изъ отдаленной страны явился сюда, онъ тотчасъ узналъ бы этихъ двухъ среди тысячи другихъ.

Фру Рагнгильдъ. Посмотри, Маргретъ: Дагфиннъ Бонде ставитъ передъ Гокономъ позолоченный стулъ.

Маргретъ. Поль Флида ставитъ совершенно такой же передъ ярломъ.

Фру Рагнгильдъ. Воины Гокона хотятъ помѣшать этому.

Маргретъ. Ярлъ крѣпко держитъ стулъ.

Фру Рагнгильдъ. Гоконъ говоритъ ему что то съ гнѣвомъ... (*Отбѣгаетъ съ крикомъ отъ окна*). О, Іисусе Христе:

Видѣла ты его глаза—и улыбку?—Нѣтъ, это былъ не ярлъ.

Маргретъ (*въ ужасѣ послѣдовавшая за нею*). И также не Гоконъ. Не ярлъ и не Гоконъ.

Зигридъ. (*у окна*). О позоръ, позоръ!

Маргретъ. Зигридъ!

Фру Рагнгильдъ. Ты здѣсь?

Зигридъ. Какъ низки пути, ведущіе къ королевскому престолу!

Маргретъ. О, молись съ нами, чтобы все обратилось къ лучшему!

Фру Рагнгильдъ (*блѣдная, въ ужасѣ, обращаясь къ Зигридъ*). Ты видѣла его?—Ты видѣла моего мужа?—Глаза и улыбка—я съ трудомъ узнала его.

Зигридъ. Какъ онъ былъ похожъ на Сигурда Риббунга!

Фру Рагнгильдъ. Да, онъ былъ похожъ на Сигурда Риббунга.

Зигридъ. Онъ смѣялся какъ Сигурдъ?

Фру Рагнгильдъ. Да, да.

Зигридъ. Такъ будемъ всѣ молиться.

Фру Рагнгильдъ (*съ отчаяніемъ*). Ярлъ долженъ быть выбранъ въ короли. Онъ погубитъ свою душу, если не сдѣлается первымъ человѣкомъ въ странѣ.

Зигридъ. (*еще громче*). Такъ будемъ всѣ молиться.

Фру Рагнгильдъ. Тише, что тамъ? (*У окна*). Какіе крики! Всѣ встали; всѣ знамена и флаги развѣваются по вѣтру.

Зигридъ. (*хватая ее за руку*). Молись, женщина! Молись за своего мужа.

Фру Рагнгильдъ. Да, святой Олафъ, доставь ему власть надъ этою страною.

Зигридъ. Не доставляй ему власти—не доставляй! Иначе онъ не будетъ спасенъ.

Фру Рагнгильдъ. Онъ долженъ получить власть. Если онъ ее получитъ, все доброе въ немъ разовьется и зацвѣтетъ.—Выгляни, Маргретъ. Послушай. (*Отступаетъ на шагъ назадъ*). Всѣ руки подымаются для клятвы.

Маргретъ (*выглядываетъ изъ окна*).

Фру Рагнгильдъ. О Боже и святой Олафъ, къ кому это относится?

Зигридъ. Молись!

Маргретъ (*прислушивается и подымаетъ руку въ знакъ молчанія*).

Фру Рагнгильдъ (*немного спустя*). Говори.

(*Съ мѣста собранія доносятся звуки трубъ и роги*).

Фру Рагнгильдъ. О Боже и святой Олафъ, къ кому это относится?

(*Краткое молчаніе*).

Маргретъ (*поворачиваетъ голову и говоритъ*). Они признали королемъ Гокона Гоконссона.

(*Музыка, играющая въ процессіи, раздается, сначала слабо, затѣмъ все ближе и ближе. Фру Рагнгильдъ, плача, прижимается къ Зигридъ, которая уводитъ ее направо; Маргретъ остается стоять неподвижно, прислоненная къ подоконнику. Слуги короля отворяютъ высокія двери; виденъ залъ, который мало по малу наполняется процессіей, идущей съ мѣста собранія*).

Гоконъ (*оборачивается у двери, къ Ивару Бодде*). Принеси мнѣ перо, воскъ и шелкъ,—пергаментъ у меня здѣсь. (*Подходитъ въ сильномъ волненіи къ столу и кладетъ на него нѣсколько кусковъ пергамента*). Маргретъ, теперь я король.

Маргретъ. Привѣтствую своего господина и короля.

Гоконъ. Благодарю!—(*Смотритъ на нее и беретъ ее за руку*). Простите; я не подумалъ о томъ, что это можетъ огорчить васъ.

Маргретъ (*отымая руку*). Это меня не огорчило;—вы, конечно, рождены быть королемъ.

Гоконъ (*горячо*). Да, да, развѣ всѣ, кто это знаетъ, не скажутъ, что Господь Богъ и его святые оказывали мнѣ всегда защиту отъ всякаго зла? Мнѣ былъ всего годъ, когда биркебейнцы унесли меня черезъ горы въ морозъ и въ бурю отъ тѣхъ, кто жаждалъ моей смерти. Въ Нидаросѣ я счастливо ушелъ отъ баглерцевъ въ то самое время, когда они сожгли городъ и убили такое множество нашихъ приверженцевъ, и когда самъ король Ингъ съ трудомъ спасся на корабль, поднявшись на него по якорю.

Маргретъ. Тяжелая юность досталась вамъ на долю!

Гоконъ (*глядя на нее*). Теперь мнѣ остается желать одного, чтобы вы смягчили ее.

Маргретъ. Я?

Гоконъ. Вы могли бы сдѣлаться такою хорошею пріемною сестрою для меня за всѣ эти годы, когда мы росли вмѣстѣ.

Маргретъ. Но этого не случилось.

Гоконъ. Нѣтъ—этого не случилось; мы глядѣли другъ на друга, каждый изъ своего угла, но рѣдко разговаривали—

(*съ нетерпѣніемъ*). Куда онъ дѣлся? (*Иваръ Бодде входитъ съ письменными принадлежностями*). Ты здѣсь? Давай сюда.

(*Гоконъ садится у стола и пишетъ. Вскорѣ послѣ этого является ярлъ Скуле; за нимъ подходятъ Даггиннъ Бонде, епископъ Николасъ и Вегардъ Верадаль*).

Гоконъ (*подымаетъ глаза и обмакиваетъ перо въ чернило*). Г. ярлъ, знаете ли вы, что я теперь пишу? (*Ярлъ подходитъ*). Это письмо моей матери; я благодарю ее за все добро, которое она мнѣ сдѣлала, и цѣлую ее тысячи разъ,—здѣсь въ шпсьмѣ, понимаете? Я ее отсылаю на востокъ въ Боргасюссель, гдѣ она будетъ жить, окруженная королевскими почестями.

Ярлъ Скуле. Вы не хотите, чтобы она жила съ вами въ королевскомъ дворцѣ?

Гоконъ. Она слишкомъ дорога мнѣ, ярлъ; король не долженъ имѣть возлѣ себя слишкомъ дорогихъ для него людей; руки у короля должны быть свободны; онъ долженъ стоять одинъ, чтобы никто не руководилъ имъ, не отвлекалъ его въ сторону. Столько дѣла здѣсь, въ Норвегіи! (*Продолжаетъ писать*).

Вегардъ Верадаль (*тихо епископу*). Я посовѣтывалъ ему поступить такимъ образомъ съ Ингою, королевскою матерью.

Епископъ Николасъ. Я тотчасъ узналъ васъ по совѣту.

Вегардъ Верадаль. Но теперь вы должны отплатить мнѣ тѣмъ же.

Епископъ Николасъ. Подождите. Свое обѣщаніе я сдержу.

Гоконъ (*подаетъ пергаментъ Ивару Бодде*). Запечатай его и отнеси ей съ самыми горячими отъ меня привѣтствіями.

Иваръ Бодде (*бросивъ взглядъ на пергаментъ*). Государь—уже сегодня вы пишете?

Гоконъ. Теперь вѣтеръ попутный, судно быстро поплыветъ.

Даггиннъ Бонде (*медленно*). Вспомните, государь что она провела всю ночь у подножья алтаря въ молитвѣ и постѣ.

Иваръ Бодде. И что она страшно устала послѣ испытанія желѣзомъ.

Гоконъ. Правда, правда,—моя добрая, дорогая матушка!—(*Передумываетъ*). Да, если она слишкомъ устала, то пусть подождетъ до завтра.

Иваръ Бодде. Ваша воля будетъ исполнена. (*Подаетъ новый пергаментъ*). А теперь другое, государь.

Гоконъ. Другое?—Иваръ Бодде, я не могу.

Даггиннъ Бонде (*указывая на письмо къ Ингѣ*). А это вы могли.

Иваръ Бодде. Все грѣховное должно быть удалено.

Епископъ Николасъ. Свяжи ярлу руки именно теперь, король Гоконъ.

Гоконъ (*шепотомъ*). Неужели вы думаете, что это необходимо?

Епископъ Николасъ. Иначе вамъ не удастся умиротворить страну.

Гоконъ. Я сдѣлаю такъ, какъ ты желаешь. Давай сюда перо. (*Пишетъ*).

Ярлъ Скуле (*епископу, который переходитъ направо*). Повидимому, вы можете повліять на короля.

Епископъ Николасъ. Для вашей же выгоды.

Ярлъ Скуле. Неужели?

Епископъ. Вечеръ еще не наступитъ, какъ вы будете благодарить меня. (*Удаляется*).

Гоконъ (*подаетъ пергаментъ*). Прочтите это, ярлъ.

Ярлъ Скуле (*читаетъ, въ удивленіи глядитъ на короля и говоритъ вполголоса*). Какъ, вы порвали всѣ отношенія съ молодой Кангою?

Гоконъ. Съ Кангою, которую я любилъ больше всего въ мірѣ. Съ сегодняшняго дня она никогда больше не должна становиться на пути, по которому шествуетъ король.

Ярлъ Скуле. На великое дѣло рѣшаетесь вы, Гоконъ;—я знаю по себѣ, чего это стоитъ.

Гоконъ. Уйти далеко должны всѣ, слишкомъ дорогіе для короля!—Запечатайте письмо. (*Отдаетъ его Ивару Бодде*).

Епископъ Николасъ (*наклоняясь надъ столомъ*). Господинъ король, теперь вы обезпечили себѣ надолго дружбу ярла.

Гоконъ (*подавая ему руку*). Благодарю, епископъ Николасъ; вы дали мнѣ наилучшій совѣтъ. Просите меня теперь о любой милости, и я окажу ее вамъ.

Епископъ Николасъ. Окажете?

Гоконъ. Даю вамъ свое королевское слово.

Епископъ Николасъ. Въ такомъ случаѣ, пусть Вегардъ Верадаль отправляется управлять Гологоландомъ.

Гоконъ. Вегардъ? Онъ самый преданный изъ всѣхъ моихъ друзей; я не имѣю

никакого желанія отсылать его такъ далеко отъ себя.

Епископъ Николасъ. Другъ короля долженъ быть по королевски награжденъ. Свяжите руки ярлу именно такъ, какъ я вамъ совѣтывалъ, и вамъ нечего будетъ страшиться будущаго.

Гоконъ (*беретъ пергаментъ*). Вегардъ будетъ управлять Гологоландомъ. (*Пишетъ*). Я ему пишу на это королевскую грамоту. (*Епископъ удаляется*).

Ярлъ Скуле (*приближаясь къ столу*). Что же вы теперь пишете?

Гоконъ (*подаетъ ему листъ*). Читайте.

Ярлъ Скуле (*читаетъ и смотритъ пристально на короля*). Вегардъ Верадаль? Въ Гологоландъ?

Гоконъ. Въ сѣверный, гдѣ мѣсто правителя теперь вакантно.

Ярлъ Скуле. А вы не забыли, что Андресъ Скіальдарбандъ также отправленъ правителемъ на сѣверъ? Они оба—ожесточенные противники;—Андресъ Скіальдарбандъ держитъ мою сторону...

Гоконъ (*улыбаясь, встаетъ*). А Вегардъ Верадаль—мою. Поэтому они должны примириться, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Никакихъ раздоровъ не должно больше быть между воинами ярла и моими.

Епископъ Николасъ. Гмъ, дѣло можетъ принять плохой оборотъ! (*Подходитъ съ безпокойствомъ*).

Ярлъ Скуле. Вы разсудили мудро, Гоконъ.

Гоконъ (*горячо*). Ярлъ Скуле, я съ сегодняшняго дня беру у васъ королевство, —но прошу вашу дочь раздѣлить со мною престолъ.

Ярлъ Скуле. Мою дочь?

Маргретъ. Боже!

Гоконъ. Маргретъ, хотите быть королевою?

Маргретъ (*молчитъ*).

Гоконъ (*беретъ ее за руку*). Отвѣчайте мнѣ.

Маргретъ. Я съ радостью согласна быть вашей женою.

Ярлъ Скуле (*ударяя по рукамъ*). Миръ и примиреніе отъ всего сердца!

Гоконъ. Благодарю.

Иваръ Бодде (*Дагфинну*). Да благословенно будетъ небо; наконецъ то свѣтлѣетъ вокругъ.

Дагфиннъ Бонде. Я начинаю вѣрить въ это. Я никогда еще не любилъ ярла такъ, какъ теперь.

Епископъ Николасъ (*сзади*). Постоянно на стражѣ, добрѣйшій Дагфиннъ, —постоянно на стражѣ!

Иваръ Бодде (*Вегарду*). Теперь вы —правитель Гологоланда; вотъ вамъ королевская грамота. (*Подаетъ ему грамоту*).

Вегардъ Верадаль. Я потомъ поблагодарю короля за его милость. (*Хочетъ уйти*).

Епископъ Николасъ (*останавливаетъ его*). Андресъ Скіальдарбандъ человѣкъ упорный,—не позволяйте ему стать себѣ на голову.

Вегардъ Верадаль. Это никому еще не удавалось. (*Уходитъ*).

Епископъ Николасъ (*слѣдуя за нимъ*). Будьте непоколебимы какъ скала, и хитры, какъ лисица, съ Андресомъ Скіальдарбандомъ,—и возмите съ собою въ дальній путь мое благословеніе.

Иваръ Бодде (*идетъ за королемъ съ пергаментами въ рукахъ*). Вотъ письма, государь...

Гоконъ. Хорошо, отдайте ихъ ярлу.

Иваръ Бодде. Ярлу? Развѣ вы не хотите запечатать ихъ сами?

Гоконъ. Это обыкновенно дѣлаетъ ярлъ;—у него печать.

Иваръ Бодде (*вполголоса*). Да, до сихъ поръ;—пока онъ былъ вашимъ опекуномъ;—но теперь?

Гоконъ. Теперь какъ прежде,—печать у ярла. (*Удаляется*).

Ярлъ Скуле. Дайте мнѣ письма, Иваръ Бодде. (*Подходитъ съ ними къ столу, вынимаетъ государственную печать, которую носитъ спрятанною въ поясѣ, и во время слѣдующей сцены прикладываетъ печати къ грамотамъ*).

Епископъ Николасъ (*вполголоса*). Гоконъ Гоконссонъ король,—а у ярла печать короля;—дѣло идетъ на ладъ, идетъ.

Гоконъ. Что вы сказали, господинъ епископъ?

Епископъ Николасъ. Я говорю, что Богъ и святой Олафъ охраняютъ свою святую церковь. (*Идетъ въ королевскій залъ*).

Гоконъ (*приближается къ Маргретъ*). Мудрая королева можетъ много великаго сдѣлать для своей страны; вамъ я могъ спокойно ввѣриться, такъ какъ я знаю, что вы умны.

Маргретъ. Только это?

Гоконъ. Что вы хотите сказать?

Маргретъ. Ничего, ничего, государь.

Гоконъ. И вы не сердитесь, отказываясь отъ болѣе радужныхъ надеждъ ради меня?

Маргретъ. Я не отказалась ни отъ какихъ радужныхъ надеждъ ради васъ.

Гоконъ. И вы будете жить душа въ душу со мною и подавать мнѣ добрые совѣты?

Маргретъ. Я такъ хотѣла бы жить душа въ душу съ вами.

Гоконъ. И подавать мнѣ добрые совѣты. Благодарю; въ женскомъ совѣтѣ нуждается каждый мужчина, а мнѣ некому совѣтовать, кромѣ васъ;—мать свою я долженъ былъ отослать далеко...

Маргретъ. Да, она была вамъ слишкомъ дорога.

Гоконъ. А я король. Прощайте же, Маргретъ. Вы еще такъ молоды; но слѣдующимъ лѣтомъ будетъ наша свадьба,— и съ этого часа я обѣщаю вамъ дѣлить съ вами всѣ почести и быть вѣрнымъ вамъ.

Маргретъ (*улыбаясь печально*). Да я знаю, много времени пройдетъ, прежде чѣмъ вы отошлете меня.

Гоконъ (*съ оживленіемъ*). Отошлю васъ? Этого я никогда не сдѣлаю.

Маргретъ (*съ глазами полными слезъ*). Нѣтъ, Гоконъ поступаетъ такъ только съ тѣми, кто слишкомъ для него дорогъ. (*Уходитъ къ парадной двери. Гоконъ въ раздумьи глядитъ ей вслѣдъ*).

Фру Рагнгильдъ (*справа*). Король и ярлъ такъ долго здѣсь вдвоемъ. Страхъ убиваетъ меня. Маргретъ, что дѣлалъ король? Что онъ говорилъ?

Маргретъ. О, очень, очень много! Въ концѣ концовъ онъ выбралъ себѣ правителя и королеву.

Фру Рагнгильдъ. Тебя, Маргретъ?

Маргретъ (*бросаясь на шею матери*). Да.

Фру Рагнгильдъ. Ты будешь королевою?

Маргретъ. Только королевой;—но, кажется, я и этому рада. (*Уходитъ съ матерью направо*).

Ярлъ Скуле (*Ивару Бодде*). Вотъ ваши письма; отвезите ихъ къ королевской матери и Кангѣ. (*Иваръ Бодде кланяется и уходитъ*).

Дагфиннъ Бонде. (*въ дверяхъ залы*). Архіепископъ Нидаросскій проситъ разрѣшенія принесть свои поздравленія королю Гокону Гоконссону.

Гоконъ (*дышетъ полной грудью*). Наконецъ-то я король Норвегіи! (*Уходитъ въ залъ*).

Ярлъ Скуле (*прячетъ королевскую печать въ поясъ*). Но я управляю страною и государствомъ.

(Занавѣсъ падаетъ).

Дѣйствіе второе.

(Пріемный залъ въ бергенскомъ королевскомъ дворцѣ. Большое окно аркою на задней стѣнѣ. Вдоль его возвышеніе съ сидѣніями для женщинъ. Нагѣво вдоль стѣны стоитъ кресло короля на возвышеніи въ нѣсколько ступеней; посрединѣ противоположной стѣны большая входная дверь. Знамена, флаги, щиты и оружіе, а также вышитые ковры развѣшаны по стѣнамъ и свѣшиваются съ деревяннаго рѣзного потолка. Вокругъ всей залы разставлены накрытые столы съ чашами, рогами и кубками).

(Король Гоконъ сидитъ на возвышеніи рядомъ съ Маргретою. Зигридою, Рагнгильдою и многими другими знатными женщинами. Иваръ Бодде стоитъ за королевскимъ кресломъ. За столами пируютъ воины ярла и короля, а также гости. У ближайшаго къ зрителямъ стола сидятъ между другими пирующими Дагфиннъ Бонде, Грегоріусъ Іонссонъ и Поль Флида. Ярлъ Скуле и епископъ Николасъ играютъ въ шахматы на столѣ слѣва. Слуги ярла ходятъ по залѣ и разносятъ напитки. Изъ сосѣдней комнаты доносится въ теченіе послѣдующей сцены музыка).

Дагфиннъ Бонде. Пиръ длится ужъ пятый день, а слуги съ одинаковою готовностью подносятъ гостямъ полныя чаши.

Поль Флида. У ярла никогда не было въ обычаѣ морить жаждою своихъ гостей.

Дагфиннъ. Повидимому, нѣтъ. Такой блестящей королевской свадьбы никогда еще не справлялось въ Норвегіи.

Поль Флида. Да и ярлу еще никогда не приходилось выдавать дочери замужъ.

Дагфиннъ. Вѣрно: ярлъ могущественный человѣкъ.

Одинъ изъ придворныхъ. Ему принадлежитъ треть королевства. Никогда еще ни одинъ ярлъ не былъ такъ богатъ.

Поль Флида. У короля имущества еще больше.

Дагфиннъ. Объ этомъ не стоитъ теперь и говорить; теперь мы друзья, между нами миръ и согласіе. (*Протягиваетъ чашу Полю*). Пусть король будетъ королемъ, а ярлъ—ярломъ!

Поль Фрида (*смѣясь*). Сейчасъ видно но тебѣ, что ты королевскій воинъ.

Дагфиннъ. Воины ярла также королевскіе воины.

Поль Фрида. Никогда! Мы приносили присягу *ярлу*, а не королю.

Дагфиннъ Бонде. Это можетъ еще случиться.

Епископъ Николасъ (*тихо ярлу во время игры*). Вы слышите, что говоритъ Дагфиннъ Бонде?

Ярлъ Скуле (*не подымая глазъ*). Слышу.

Грегоріусъ Іонссонъ (*глядя пристально на Дагфинна*). Такъ думаетъ и король?

Дагфиннъ Бонде. Ну, ну,—оставьте это!—не надо сегодня никакихъ раздоровъ.

Епископъ Николасъ. Король хочетъ заставить и вашихъ людей принести ему присягу, ярлъ.

Грегоріусъ Іонссонъ (*громче*). Такъ думаетъ и король, спрашиваю я?

Дагфиннъ Бонде. А я не отвѣчаю. Выпьемъ за миръ и дружбу между королемъ и ярломъ. Пиво прекрасно.

Поль Фрида. У него было достаточно времени, чтобы вылежаться.

Грегоріусъ Іонссонъ. Три раза уже готовился ярлъ къ свадьбѣ, три раза обѣщалъ король прійти—и три раза нарушалъ свое обѣщаніе.

Дагфиннъ Бонде. Вините за это ярла; онъ далъ намъ достаточно работы въ заливѣ.

Поль Фрида. Сигурдъ Риббунгъ задалъ вамъ еще большую работу въ Бермеландѣ, судя по слухамъ.

Дагфиннъ Бонде (*раздражаясь*). Да, а кто выпустилъ изъ рукъ Сигурда Риббунга?

Грегоріусъ Іонссонъ. Сигурдъ Риббунгъ убѣжалъ отъ насъ въ Нидаросѣ, это всѣмъ извѣстно.

Дагфиннъ Бонде. Но никому не извѣстно, что вы помѣшали ему бѣжать.

Епископъ Николасъ (*ярлу, который обдумываетъ ходъ*). Слышите, ярлъ,—это вы выпустили Сигурда Риббунга?

Ярлъ Скуле (*двигаетъ впередъ пѣшку*). Шутка стара.

Грегоріусъ Іонссонъ (*Дагфинну*). Я думалъ, что ты уже слышалъ объ исландцѣ, Андресѣ Торстеймссонѣ, другѣ Сигурда Риббунга.

Дагфиннъ. Да; когда Сигурдъ бѣжалъ, вы повѣсили исландца,—это я знаю.

Епископъ Николасъ (*дѣлаетъ ходъ и говоритъ, улыбаясь, ярлу*). Теперь я бью пѣшку, г. ярлъ.

Ярлъ Скуле (*громко*). Бейте ее; пѣшка немногаго стоитъ. (*Подвигаетъ впередъ фигуру*).

Дагфиннъ Бонде. Да, конечно, исландецъ получилъ по заслугамъ, когда Сигурдъ Риббунгъ убѣжалъ въ Вермеландъ.

(*Сдержанный смѣхъ среди дружины короля; разговоръ продолжается вполголоса; черезъ нѣсколько минутъ входитъ слуга и что-то шепчетъ Грегоріусу Іонссону*).

Епископъ Николасъ. Вотъ какъ я пойду теперь: вы проиграли, ярлъ.

Ярлъ Скуле. Какъ будто бы—да.

Епископъ Николасъ (*отклоняется на спинку стула*). Вы подъ конецъ недостаточно хорошо охраняли короля.

Ярлъ Скуле (*смѣшиваетъ шашки и подымается*). Мнѣ уже давно надоѣло охранять короля.

Грегоріусъ Іонссонъ (*подходитъ и говоритъ вполголоса*). Господинъ ярлъ, Іостейнъ Тамбъ докладываетъ, что судно готово поднять паруса.

Ярлъ Скуле (*тихо*). Хорошо! (*Вынимаетъ запечатанный пергаментъ*). Вотъ письмо.

Грегоріусъ Іонссонъ (*качая головою*). Ярлъ, ярлъ,—развѣ это благоразумно?

Ярлъ Скуле. Что?

Грегоріусъ Іонссонъ. На письмѣ королевская печать.

Ярлъ Скуле. Я дѣйствую для блага короля.

Грегоріусъ Іонссонъ. Такъ пусть самъ король отклонитъ предложеніе.

Ярлъ Скуле. Онъ этого не сдѣлаетъ, если отдать дѣло на его усмотрѣніе. Всѣ его помыслы обращены теперь лишь на то, чтобы разбить Риббунговъ, поэтому онъ желаетъ обезпечить себѣ помощь въ другихъ мѣстахъ.

Грегоріусъ Іонссонъ. Можетъ быть, вы поступаете мудро,—не стану спорить,—но все же это опасно.

Ярлъ Скуле. Это ужъ мое дѣло. Отнеси письмо и скажи Іостейну, чтобы онъ немедленно пускался въ путь.

Грегоріусъ Іонссонъ. Ваше приказаніе будетъ исполнено. (*Уходитъ направо и черезъ нѣсколько времени возвращается*).

Епископъ Николасъ (*ярлу*). У васъ, какъ видно, много заботъ.

Ярлъ Скуле. Но мало благодарности получаешь за нихъ.

Епископъ Николасъ. Король всталъ.

(*Гоконъ спускается съ своего возвышенія; всѣ встаютъ изъ-за столовъ*).

Гоконъ (*епископу*). Насъ отъ души радуетъ, что вы такъ бодро и хорошо перенесли всѣ эти веселые дни.

Епископъ Николасъ. По временамъ во мнѣ разгорается снова жизнь, государь, но такія минуты мимолетны. Я пролежалъ больнымъ всю эту зиму.

Гоконъ. Да, да,—вы прожили славную жизнь, богатую блестящими дѣяніями.

Епископъ Николасъ (*качая головою*). Ну, ихъ то немного, но за то много оставляется мною неоконченнымъ. Счастливъ тотъ, кто находитъ время для всего!

Гоконъ. Живущіе должны принимать наслѣдство отъ уходящихъ, ваше преосвященство; вѣдь мы всѣ желаемъ блага страны и народа. (*Обращаясь къ ярлу*). Одно меня сильно удивляетъ: ни одинъ изъ нашихъ правителей на Гологоландѣ не явился на свадьбу.

Ярлъ Скуле. Совершенно вѣрно; я былъ такъ увѣренъ въ пріѣздѣ Андреса Скіальдарбанда.

Гоконъ (*улыбаясь*). А также Вегарда Верадаля.

Ярлъ Скуле. Также и Вегарда Верадаля.

Гоконъ (*шутя*). И я надѣюсь, теперь вы оказали бы моему старому другу лучшій пріемъ, чѣмъ семь лѣтъ тому назадъ на Ословскомъ мосту, когда вы нанесли ему такой сильный ударъ въ щеку, что мечъ пронзилъ ее насквозь.

Ярлъ Скуле (*смѣется принужденно*). Да, тогда Гуннульфъ, братъ вашей матери, отрубилъ правую руку Сирѣ Ейлифу, моему лучшему другу и совѣтнику.

Епископъ Николасъ (*весело*). И тогда Дагфиннъ Бонде и дружинники усилили ночную стражу на королевскомъ кораблѣ и сказали, что король не безопасенъ подъ охраною ярла.

Гоконъ (*серьезно*). Дѣла давно минувшихъ и забытыхъ дней!

Дагфиннъ Бонде (*приближаясь*). Теперь можно подать знакъ къ состязаніямъ, если вамъ угодно, государь.

Гоконъ. Хорошо. Сегодня мы будемъ веселиться со всѣми, а завтра начнемъ опять думать о Риббунгахъ и объ Оркнэйскомъ ярлѣ.

Епископъ Николасъ. Да, онъ опять отказывается платить дань?

Гоконъ. Вотъ только бы отдѣлаться отъ Риббунговъ, и я самъ отправился бы на западъ.

(*Гоконъ подходитъ къ возвышенію, подаетъ Маргретъ руку и уводитъ ее направо; мало по малу остальные слѣдуютъ за ними*).

Епископъ Николасъ (*Иварy Бодде*). Послушайте-ка. Что это за человѣкъ, котораго зовутъ Іостейномъ Тамбомъ?

Иваръ Бодде. Такъ зовутъ одного пріѣзжаго изъ Оркнэ.

Епископъ Николасъ. Изъ Оркнэ? Ахъ, вотъ что! И онъ уѣзжаетъ домой?

Иваръ Бодде. Да, уѣзжаетъ.

Епископъ Николасъ (*тише*). Съ дорогимъ грузомъ, Иваръ Бодде.

Иваръ Бодде. Съ хлѣбомъ и одеждою, кажется.

Епископъ Николасъ. И съ письмомъ отъ ярла Скуле.

Иваръ Бодде (*останавливается*). Къ кому?

Епископъ Николасъ. Не знаю;—на немъ была королевская печать.

Иваръ Бодде (*хватая его за руку*). Господинъ епископъ,—неужели вы говорите правду?

Епископъ Николасъ. Тише,—не впутывайте меня въ это дѣло. (*Удаляется*).

Иваръ Бодде. Тогда я долженъ немедленно—Дагфиннъ Бонде! Дагфиннъ Бонде! (*Протискивается сквозь толпу къ выходу*).

Епископъ Николасъ (*съ участіемъ Грегоріусу Іонссону*). Ни одного дня не проходитъ, чтобы кто-нибудь не поплатился имуществомъ и свободою.

Грегоріусъ Іонссонъ. Кому же теперь грозитъ бѣда?

Епископъ Николасъ. Какому-то бѣдному путнику,—кажется, они называли его Іостейномъ Тамбомъ.

Грегоріусъ Іонссонъ. Іостейномъ?

Епископъ Николасъ. Дагфиннъ Бонде хочетъ помѣшать ему отплыть.

Грегоріусъ Іонссонъ. Вы говорите, что Дагфиннъ Бонде хочетъ помѣшать ему?

Епископъ Николасъ. За этимъ-то онъ и вышелъ.

Грегоріусъ Іонссонъ. Извините, ваше преосвященство, я долженъ спѣшить.

Епископъ Николасъ. Да поспѣшите, доблестный витязь; — Дагфиннъ Бонде замыслилъ—что-то дурное.

(*Грегоріусъ Іонссонъ спѣшитъ направо сквозь толпу оставшейся въ залѣ публики; только ярлъ Скуле и епископъ Николасъ остаются въ залѣ*).

Ярлъ Скуле (*задумчиво расхаживаетъ взадъ и впередъ; затѣмъ внезапно какъ-бы пробуждается, осматривается и говоритъ*). Какъ все вдругъ затихло!

Епископъ Николасъ. Король ушелъ.

Ярлъ Скуле. И всѣ воины послѣдовали за нимъ.

Епископъ Николасъ. Всѣ, кромѣ насъ.

Ярлъ Скуле. Есть нѣчто великое въ томъ, чтобы быть королемъ.

Епископъ Николасъ (*осторожно*). А вы хотѣли бы попробовать этого, ярлъ?

Ярлъ Скуле (*улыбается, серьезно*). Я уже пробовалъ этого: каждую ночь мнѣ снится, будто я король Норвегіи.

Епископъ Николасъ. Сны предвѣщаютъ будущее.

Ярлъ Скуле. Они также искушаютъ.

Епископъ Николасъ. Врядъ-ли они могутъ искушать васъ. Въ прежнее время—куда бы еще ни шло—но теперь, когда вы обладаете третью частью королевства, когда вы занимаете первое мѣсто въ странѣ, когда вы отецъ королевы...

Ярлъ Скуле. Больше всего теперь, —больше всего теперь.

Епископъ Николасъ. Не скрывайте ничего, исповѣдайтесь передо мною; потому что вы навѣрное испытываете сильныя муки.

Ярлъ Скуле. Больше всего теперь, говорю я вамъ. Величайшее проклятье моей жизни — то, что я стою такъ близко къ высшей власти—между нами одна только пропасть — одинъ прыжокъ — а на другой сторонѣ ея королевскій санъ, и пурпурная мантія, и престолъ, и власть, все, все! Эти картины ежедневно носятся передъ моими взорами—нельзя никакъ отогнать ихъ.

Епископъ Николасъ. Вѣрно, вѣрно, ярлъ!

Ярлъ Скуле. Когда избранъ былъ королемъ Гуттормъ Сигурдссонъ, я стоялъ въ полномъ расцвѣтѣ юношескихъ силъ; какой-то невѣдомый голосъ говорилъ во мнѣ: долой ребенка; — я взрослый, сильный человѣкъ! — но Гуттормъ былъ королевскимъ сыномъ; между мною и престоломъ лежала пропасть.

Епископъ Николасъ. И вы не рѣшились?

Ярлъ Скуле. Затѣмъ Ерлингъ Стейнвэгъ былъ избранъ слиттунгами. Тогда во мнѣ опять закричалъ внутренній голосъ: Скуле болѣе великій вождь, чѣмъ Ерлингъ Стейнвэгъ. Но въ такомъ случаѣ я долженъ былъ порвать свою связь съ биркебейнцами;—опять передо мною стояла пропасть.

Епископъ Николасъ. И Ерлингъ сдѣлался королемъ слиттунговъ, а затѣмъ и риббунговъ,—а вы все ждали.

Ярлъ Скуле. Я ждалъ смерти Гутторма.

Епископъ Николасъ. И Гуттормъ умеръ, и Инге Бордссонъ, вашъ братъ, сдѣлался королемъ.

Ярлъ Скуле. Тогда я сталъ ждать смерти моего брата. Онъ заболѣлъ съ самаго начала царствованія; и вотъ каждое утро, когда мы встрѣчались у святой обѣдни, я сидѣлъ и наблюдалъ за нимъ, стараясь опредѣлить, насколько подвинулась болѣзнь. Каждая болѣзненная черта, появляющаяся на его лицѣ, была для меня какъ бы дуновеніемъ вѣтра, раздувавшимъ мои паруса и приближавшимъ меня къ престолу. Каждый вздохъ, которымъ онъ старался облегчить свои страданія, звучалъ для меня, точно рогъ изъ отдаленныхъ мѣстностей, точно вѣсть, принесшая ко мнѣ издали съ сообщеніемъ, что мнѣ придется скоро взять въ свои руки бразды правленія. Такимъ образомъ я подавлялъ въ себѣ съ усиліемъ всякія братскія чувства; но Инге умеръ, а Гоконъ появился, —и биркебейнцы избрали его своимъ королемъ.

Епископъ Николасъ. А вы все ждали.

Ярлъ Скуле. Мнѣ казалось, что помощь должна быть прислана мнѣ свыше. Я сознавалъ въ себѣ королевскія силы, а между тѣмъ я старѣлся; каждый уходившій день уносилъ съ собою часть моей жизненной задачи. Каждый вечеръ я думалъ: завтра утромъ нанесенъ будетъ ударъ, который заставитъ его пасть и возведетъ меня на его опустѣвшее мѣсто.

Епископъ Николасъ. Мала была въ то время власть Гокона; онъ былъ еще ребенкомъ; вамъ достаточно было сдѣлать одинъ шагъ,—но вы его не сдѣлали.

Ярлъ Скуле. Этотъ шагъ трудно было сдѣлать; онъ отдалилъ бы меня отъ всѣхъ моихъ родныхъ и друзей.

Епископъ Николасъ. Да, въ этомъ вся суть, ярлъ Скуле, — въ этомъ

заключается проклятье, тяготѣвшее надъ всею вашею жизнью. Вы хотите, чтобы всѣ пути передъ вами были открыты,—вы не рѣшаетесь разрушить всѣ мосты, оставивъ себѣ только одинъ, и затѣмъ защищать этотъ одинъ мостъ и побѣдить или пасть на немъ. Вы устраиваете западни для вашего врага, разставляете сѣти у его ногъ и вѣшаете острый мечъ надъ его головою: вы льете ядъ во всѣ сосуды и строите повсюду сотни ловушекъ; но какъ только онъ попадаетъ въ одну изъ нихъ. вы никакъ не рѣшаетесь потянуть за веревочку; если онъ хочетъ выпить ядъ, вы находите безопаснѣе, чтобы онъ палъ отъ меча; если онъ готовъ попасть въ западню утромъ, вы находите удобнѣе, чтобы онъ попадалъ въ нее вечеромъ.

Ярлъ Скуле (*глядя серьезно на него*). А что бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ, г. епископъ?

Епископъ Николасъ. Не говорите обо мнѣ; моя задача воздвигать въ этой странѣ королевскіе престолы, а не садиться на нихъ и править народомъ и государствомъ.

Ярлъ Скуле (*послѣ краткаго перерыва*). Отвѣчайте мнѣ, ваше преосвященство, но отвѣчайте вполнѣ искренно. Почему Гоконъ идетъ всегда такъ непоколебимо впередъ по прямому пути? Вѣдь онъ не умнѣе и не смѣлѣе меня.

Епископъ Николасъ. Кто совершаетъ величайшія дѣянія въ свѣтѣ?

Ярлъ Скуле. Величайшій человѣкъ.

Епископъ Николасъ. Но кто же величайшій человѣкъ?

Ярлъ Скуле. Самый мужественный изъ всѣхъ.

Епископъ Николасъ. Такъ говоритъ вождь. Священникъ сказалъ бы наиболѣе вѣрующій, а ученый — наиболѣе знающій. Но и то, и другое, и третье невѣрно, ярлъ. Величайшій человѣкъ — *счастливѣйшій*. Счастливѣйшій человѣкъ совершаетъ наиболѣе великія дѣянія, *тотъ* человѣкъ, въ которомъ яркимъ пламенемъ вспыхиваютъ требованія даннаго времени, въ которомъ зарождаются мысли, не вполнѣ понятныя для него, но указывающія ему путь, который поведетъ его неизвѣстно куда, но ио которому онъ долженъ идти и идти, пока не услышитъ радостные крики толпы и, оглянувшись съ широко раскрытыми глазами, не замѣтитъ съ удивленіемъ, что онъ совершилъ подвигъ.

Ярлъ Скуле. Да, въ Гоконѣ какая то непоколебимая увѣренность.

Епископъ Николасъ. Въ немъ то, что римляне называли ingenium. — Я не вполнѣ твердъ въ своей латыни, но это называлось ingenium.

Ярлъ Скуле (*сначала задумавшись, затѣмъ съ возрастающимъ волненіемъ*). Гоконъ сдѣланъ изъ другого матеріала, чѣмъ я. Онъ принадлежитъ къ числу „счастливцевъ“.—Да, развѣ не все удается ему? Развѣ не все улаживается къ лучшему, какъ только дѣло касается его? Даже крестьяне замѣчаютъ это; они говорятъ, что деревья приносятъ двойные урожаи, а птицы несутъ дважды яйца съ тѣхъ поръ, какъ Гоконъ король. Села въ Вермеландѣ, которыя онъ сжегъ и опустошилъ, застроились вновь, а поля усѣяны тяжелыми колосьями, гнущимися отъ дуновенія вѣтра. Какъ будто кровь и пепелъ оплодотворяютъ тѣ мѣста, по которымъ Гоконъ проходитъ со своимъ войскомъ; Господь точно сѣетъ на поляхъ, попираемыхъ Гокономъ, точно небесныя силы сглаживаютъ всякій вредъ, приносимый имъ. И какъ ему легко было сдѣлаться королемъ! Для этого нужно было только, чтобы Инге рано умеръ, и Инге умеръ; онъ нуждался въ охранѣ и защитѣ, и его воины охраняли и защищали его; ему понадобилось испытаніе желѣзомъ, и его мать пришла и понесла за него желѣзо.

Епископъ Нилоласъ (*невольно прерывая его*). Но мы—мы оба.

Ярлъ Скуле. Мы?

Епископъ Николасъ. Да, вы—вы.

Ярлъ Скуле. На сторонѣ Гокона право, епископъ.

Епископъ Николасъ. На его сторонѣ право, потому что онъ счастливецъ —величайшее счастье имѣть на своей сторонѣ право. Но почему право стало на сторонѣ Гокона, а не на вашей?

Ярлъ Скуле (*послѣ краткаго раздумья*). Есть вещи, о которыхъ я стараюсь не думать, и молю Бога отогнать отъ меня мысли о нихъ.

Епископъ Николасъ. Видѣли-ли вы когда нибудь въ церкви Нидароса старую картину? Она изображаетъ потопъ, который все растетъ и подымается надъ всѣми горами, такъ что сухимъ остается одна только верхушка. На эту верхушку взбирается цѣлый родъ, отецъ и мать, сынъ, жена сына и дѣти;—и сынъ бросаетъ въ въ водяную глубь отца, чтобы обезопасить себѣ мѣсто на верхушкѣ, чтобы укрѣпиться самому, и хочетъ бросить съ нимъ въ воду и мать, и жену, и всѣхъ дѣтей, чтобы владѣть одному верхушкою:—потому что тамъ,

наверху, есть крошечный кусокъ земли, на которомъ онъ можетъ нѣкоторое время продержаться.—Это, ярлъ, сага о мудрости, сага каждаго мудреца.

Ярлъ Скуле. Но право?

Епископъ Николасъ. Право было за сыномъ. Онъ обладалъ силою и жаждою жизни;—слѣдуй своимъ желаніямъ и пользуйся своими способностями—это право каждаго человѣка.

Ярлъ Скуле. Къ хорошему—да.

Епископъ Николасъ. Все это пустяки, игра словъ. Нѣтъ ни добра, ни зла, нѣтъ ни верха, ни низа, ни возвышеннаго, ни низменнаго. Всѣ эти слова вы должны забыть, иначе вамъ никогда не удастся сдѣлать послѣдняго шага, никогда не прійдется перешагнуть черезъ пропасть. (*Вполголоса, убѣдительно*). Вы не должны ненавидѣть ни толпы, ни дѣла, потому что толпа и дѣло хотятъ того, а не другого; но вы должны ненавидѣть каждаго человѣка въ толпѣ, который стоитъ противъ васъ, и вы должны также ненавидѣть каждаго человѣка, который стоитъ за дѣло, не соотвѣтствующее исполненію вашихъ желаній. Все, чѣмъ вы можете пользоваться, хорошо,—все, что стоитъ препятствіемъ на вашемъ пути,—дурно.

Ярлъ Скуле (*глядитъ задумчиво передъ собою*). Чего только не приносилъ я въ жертву для королевскаго престола, котораго мнѣ все же не удалось достигнуть;—и чѣмъ пожертвовалъ для него Гоконъ, такъ увѣренно возсѣдающій на немъ? Я былъ молодъ и отказался отъ своей чудной, прекрасной любви, чтобы жениться на женщинѣ изъ могущественнаго рода. Я молилъ святыхъ подарить мнѣ сына,—и получилъ только дочь.

Епископъ Николасъ. А у Гокона будутъ сыновья,—вотъ увидите!

Ярлъ Скуле (*подходитъ къ окну направо*). Да,—все устраивается къ лучшему для Гокона.

Епископъ Николасъ (*слѣдуя за нимъ*). И вы соглашаетесь отказаться отъ счастья на всю жизнь? Ослѣпли вы, что-ли? Развѣ вы не видите, что болѣе могучая сила, чѣмъ сила толпы биркебейнцевъ, стоитъ позади Гокона и содѣйствуетъ исполненію его желаній? Онъ получаетъ помощь свыше, отъ того,—отъ того, который противодѣйствуетъ вамъ,—отъ того, кто былъ вашимъ врагомъ съ самаго вашего рожденія. И передъ этимъ врагомъ вы складываете оружіе преклоняетесь? Встаньте же, витязь, воспряньте духомъ! Зачѣмъ же вамъ данъ былъ неукротимый духъ? Вспомните, что величайшее дѣло въ мірѣ было сдѣлано тѣмъ, кто возсталъ противъ могучаго царства.

Ярлъ Скуле. Кѣмъ?

Епископъ Николасъ. Ангеломъ, который возсталъ противъ свѣта.

Ярлъ Скуле. И былъ сброшенъ въ бездну...

Епископъ Николасъ (*горячо*). И создалъ тамъ царство и сдѣлался въ немъ королемъ, могущественнымъ королемъ, —болѣе могущественнымъ, чѣмъ любой изъ десяти тысячъ—ярловъ наверху. (*Опускается на скамью у стола*).

Ярлъ Скуле (*долго смотритъ на него и говоритъ*) Епископъ Николасъ, вы нѣчто большее или нѣчто меньшее, чѣмъ человѣкъ?

Епископъ Николасъ (*улыбаясь*). Я нахожусь въ состояніи невинности: не знаю различія между добромъ и зломъ.

Ярлъ Скуле (*наполовину обращаясь къ самому себѣ*). Зачѣмъ Господь заставилъ меня родиться на свѣтъ Божій, если не хотѣлъ дать мнѣ въ удѣлъ лучшую долю? У Гокона такая твердая непоколебимая вѣра въ самого себя,—а у всѣхъ его воиновъ такая твердая непоколебимая вѣра въ него.

Епископъ Николасъ. Скрывайте, что у васъ нѣтъ такой же вѣры въ себя. Говорите такъ, какъ будто у васъ эта вѣра есть; клянитесь всѣми святыми, что вы обладаете ею,—и всѣ повѣрятъ вамъ.

Ярлъ Скуле. Если бы у меня былъ сынъ! Если бы у меня былъ сынъ, который могъ бы взять на себя послѣ меня великое наслѣдство.

Епископъ Николасъ (*съ оживленіемъ*). Ярлъ,—а если у васъ есть сынъ?

Ярлъ Скуле. У меня сына нѣтъ.

Епископъ Николасъ. А у Гокона будутъ сыновья.

Ярлъ Скуле (*сжимая руки*). И онъ сынъ короля.

Епископъ Николасъ (*вставая*). Ярлъ, а если бы онъ не былъ имъ?

Ярлъ Скуле. Онъ, вѣдь, доказалъ это; испытаніе желѣзомъ...

Епископъ Николасъ. А если бы онъ не былъ имъ,—несмотря на испытаніе желѣзомъ?

Ярлъ Скуле. Вы хотите сказать, что Богъ обманулъ насъ, когда дозволилъ довести благополучно до конца испытаніе желѣзомъ?

Епископъ Николасъ. Что утверждала Инга фра Вартейгъ передъ Божьимъ судомъ?

Ярлъ Скуле. Что ребенокъ, котораго она родила на востокѣ, въ Боргасюсселѣ, сынъ Гокона Сверрессона.

Епископъ Николасъ (*живетъ утвердительно головою, оглядывается и говоритъ тихо*). А если король Гоконъ не это дитя?

Ярлъ Скуле (*отступая на шагъ назадъ*). Боже Всемогущій! (*Оглядываетъ собою*). Это немыслимо.

Епископъ Николасъ. Выслушайте меня, ярлъ. Мнѣ семьдесятъ шесть лѣтъ; приближается мой послѣдній часъ, и я не смѣю унести съ собою въ могилу эту тайну.

Ярлъ Скуле. Говорите, говорите, Онъ не сынъ Гокона Сверрессона?

Епископъ Николасъ. Выслушайте меня. Никто не зналъ въ то время, что Инга беременна. Гоконъ Сверрессонъ только что умеръ, а она вполнѣ основательно боялась Инге Бордссона, который былъ въ то время королемъ, и васъ,—ну да, а также, конечно, и баглеренцевъ. Она родила тайкомъ въ домѣ священника Тронда, на востокѣ въ Гетгенѣ, и девять дней спустя уѣхала домой; но королевское дитя цѣлый годъ жило у священника, и она не осмѣливалась навѣщать его, и никто не зналъ объ этомъ, кромѣ Тронда и его двухъ сыновей.

Ярлъ Скуле. Да, да,—далѣе?

Епископъ Николасъ. Когда ребенку исполнился годъ, скрывать дольше тайну оказалось опаснымъ. Инга повѣрила ее Ерленду изъ Гусеби,—старому биркебейнцу временъ Сверре,—вы знаете его?

Ярлъ Скуле. Ну?

Епископъ Николасъ. Онъ и другіе вожди изъ Опланда взяли ребенка, среди зимы перевезли его черезъ горы и принесли королю, находившемуся въ то время въ Нидаросѣ.

Ярлъ Скуле. И все же вы утверждаете, что...

Епископъ Николасъ. Вы понимаете, что простому священнику опасно было воспитывать у себя королевскаго ребенка. Какъ только дитя родилось, онъ исповѣдался передъ однимъ изъ высшихъ духовныхъ лицъ и спросилъ у него совѣта. Этотъ его начальникъ приказалъ ему обмѣнять тайкомъ дитя, отправить королевскаго сына въ вѣрное мѣсто, а Ингѣ отдать подставное, если она или биркебейнцы потребуютъ королевскаго сына.

Ярлъ Скуле (*въ негодованіи*). Какая собака дала такой совѣтъ?

Епископъ Николасъ. Я.

Ярлъ Скуле. Вы? Да, вы всегда ненавидѣли родъ Сверре.

Епископъ Николасъ. Мнѣ казалось, что королевскому сыну опасно попадать къ вамъ въ руки.

Ярлъ Скуле. Но что же сказалъ священникъ?

Епископъ Николасъ. Обѣщалъ исполнить мое приказаніе.

Ярлъ Скуле (*хватая его за руку*). Такъ что Гоконъ поддѣльный, не настоящій?

Епископъ Николасъ. Если священникъ сдержалъ свое обѣщаніе.

Ярлъ Скуле. *Если* онъ сдержалъ его?

Епископъ Николасъ. Священникъ Тронддъ уѣхалъ изъ страны въ ту самую зиму, когда дитя было перевезено къ королю Инге. Онъ отправился на могилу Томаса Беккетта и поселился въ Англіи, гдѣ и жилъ до самой смерти.

Ярлъ Скуле. Вы говорите, что онъ уѣхалъ изъ страны. Значитъ, онъ обмѣнялъ ребенка и боялся мести биркебейнцевъ.

Епископъ Николасъ. Или онъ не обмѣнялъ его и боялся моей мести.

Ярлъ Скуле. Чему же изъ двухъ вы вѣрите?

Епископъ Николасъ. Оба предположенія одинаково вѣроятны.

Ярлъ Скуле. Ну, а сыновья священника, о которыхъ вы упоминали?

Епископъ Николасъ. Они отправились съ крестоносцами въ святую землю.

Ярлъ Скуле. И никто съ тѣхъ поръ не спрашивалъ о нихъ?

Епископъ Николасъ. Нѣтъ.

Ярлъ Скуле. Гдѣ же они?

Епископъ Николасъ. Они утонули въ греческихъ моряхъ.

Ярлъ Скуле. А Инга?

Епископъ Николасъ. Не знаетъ ничего ни объ исповѣди священника, ни о моемъ совѣтѣ.

Ярлъ Скуле. Ея ребенку было всего девять дней, когда она уѣхала отъ него, не правда ли?

Епископъ Николасъ. Да; а дитяти, котораго она увидала опять, было уже больше года...

Ярлъ Скуле. Значитъ, никто въ мірѣ не можетъ выяснить намъ правду. (*Ходитъ въ волненіи взадъ и впередъ*).

Боже Всемогущій, неужели это правда? Гоконъ король—онъ, который властвуетъ надъ всѣмъ царствомъ, онъ не настоящій наслѣдникъ.—А почему бы не такъ? Счастье такъ удивительно сопутствовало ему,—почему бы ему и въ этомъ отношеніи не могло быть удачи? Почему онъ не могъ быть ребенкомъ взятъ изъ хижины бѣднаго крестьянина и положенъ въ колыбель королевскаго сына.

Епископъ Николасъ. Но всѣ вѣрятъ, что онъ сынъ короля.

Ярлъ Скуле. Пока *онъ самъ* этому вѣритъ, епископъ,—въ этомъ заключается величайшее счастье, вотъ на чемъ зиждется его сила. (*Подходитъ къ окну*). Посмотрите, какъ красиво сидитъ онъ на конѣ! Никто не сидитъ такъ, какъ онъ. Глаза его искрятся и играютъ, точно солнечный лучъ, у него сегодня такой видъ, какъ будто онъ сознаетъ себя созданнымъ идти далеко, далеко впередъ. (*Обращаясь къ епископу*). Я королевская рука, быть можетъ также королевская голова, но онъ —весь король...

Епископъ Николасъ. Нѣтъ,—можетъ быть и вовсе не король.

Ярлъ Скуле. Да, быть можетъ, и вовсе не король.

Епископъ Николасъ (*кладетъ руки на его плечо*). Послушайте, ярлъ.

Ярлъ Скуле (*продолжаетъ смотрѣть въ окно*). Вотъ сидитъ королева. Гоконъ любезно говоритъ съ нею; она краснѣетъ и блѣднѣетъ отъ радости. Онъ взялъ ее въ жены, потому что считалъ брагоразумнымъ жениться на дочери самаго могущественнаго человѣка въ странѣ. Въ то время въ его сердцѣ не было и тѣни теплаго чувства къ ней;—но это пробудится со временемъ; Гоконъ приноситъ съ собою счастье. Она будетъ солнцемъ, озаряющимъ его жизнь. (*Останавливается и восклицаетъ съ удивленіемъ*). Что это?

Епископъ Николасъ. Что?

Ярлъ Скуле. Дагфиннъ Бонде расталкиваетъ толпу, окружающую короля. Онъ что то докладываетъ королю.

Епископъ Николасъ (*глядитъ изъ спины ярла*). Гоконъ какъ будто приходитъ въ гнѣвъ,—не правда ли? Онъ сжимаетъ руки.

Ярлъ Скуле. Онъ глядитъ сюда вверхъ,—что бы это было? (*Хочетъ идти*).

Епископъ Николасъ (*удерживая его*). Ярлъ, послушайте, что я вамъ скажу.—Есть средство удостовѣриться въ правѣ Гокона.

Ярлъ Скуле. Вы говорите, есть средство?

Епископъ Николасъ. Священникъ Трондъ передъ смертью изложилъ все въ письмѣ и поклялся, что все написанное имъ—истина.

Ярлъ Скуле. И это письмо—ради Бога—гдѣ оно?

Епископъ Николасъ. Вы должны знать, что... (*Глядитъ на дверь*). Тише, король идетъ.

Ярлъ Скуле. Письмо, епископъ,—письмо.

Епископъ Николасъ. Вотъ и король.

(*Гоконъ входитъ въ сопровожденіи своей дружины и многихъ гостей. Немедленно вслѣдъ за ними показывается и Маргретъ; она въ страхѣ, въ волненіи и хочетъ подойти къ королю, но ей мѣшаетъ фру Рагнильдъ, которая со многими другими женщинами послѣдовала за нею. Зигридъ стоитъ нѣсколько въ сторонѣ въ глубинѣ сцены. Воины ярла имѣютъ встревоженный видъ и собираются толпою на правой сторонѣ, гдѣ стоитъ Скуле, но нѣсколько позади его*).

Гоконъ (*въ сильномъ волненіи*). Ярлъ Скуле, кто король въ этой странѣ?

Ярлъ Скуле. Кто король?

Гоконъ. Я васъ спрашиваю. Я ношу имя короля, но кто обладаетъ королевскою властью?

Ярлъ Скуле. Королевскою властью долженъ обладать тотъ, кто обладаетъ королевскимъ правомъ.

Гоконъ. Да такъ должно было бы быть: но такъ ли оно на самомъ дѣлѣ?

Ярлъ Скуле. Вы призываете меня на судъ?

Гоконъ. Да, я васъ призываю, потому это право принадлежитъ мнѣ относительно каждаго человѣка въ королевствѣ.

Ярлъ Скуле. Я утѣшаю себя мыслью, что съумѣю отвѣтить за всякій свой поступокъ.

Гоконъ. Благо намъ всѣмъ, если такъ! (*Подымается на первую ступеньку эстрады, на которой стоитъ королевскій тронъ, и опирается рукою о его ручку*). Здѣсь стою я, вашъ король и спрашиваю: знаете ли вы, что Іонъ, ярлъ на Оркнэйскихъ островахъ, возсталъ противъ меня?

Ярлъ Скуле. Да.

Гоконъ. Что онъ отказывается платить мнѣ дань?

Ярлъ Скуле. Да.

Гоконъ. А правда ли, что вы, г. ярлъ, отправили сегодня къ нему письмо?

Ярлъ Скуле. Кто это говоритъ?

Иваръ Бодде. Я говорю это.

Дагфиннъ Бонде. Іостейнъ Тамбъ не могъ отказаться взять его съ собою, такъ какъ на немъ была королевская печать.

Гоконъ. Вы пишете врагамъ короля и запечатываете письмо королевскою печатью, хотя король не знаетъ, что написано въ письмѣ?

Ярлъ Скуле. Это я дѣлалъ въ теченіе многихъ лѣтъ съ вашего разрѣшенія.

Гоконъ. Да, тогда, когда вы были моимъ опекуномъ.

Ярлъ Скуле. Никогда вы отъ этого не терпѣли убытка. Ярлъ Іонъ написалъ мнѣ и просилъ посредничества; онъ предлагалъ примиреніе, но на невыгодныхъ для короля условіяхъ. Походъ въ Вермеландъ сильно безпокоилъ и тревожилъ васъ; если бы вы должны были дѣйствовать сами, ярлъ Іонъ отдѣлался бы слишкомъ легко,—я лучше могу устроить это дѣло.

Гоконъ. Мы желали сами уладить его.—Что же вы отвѣтили?

Ярлъ Скуле. Прочитайте мое письмо.

Гоконъ. Давайте его сюда.

Ярлъ Скуле. Я думалъ, что оно у васъ?

Дагфиннъ Бонде. Вамъ это лучше знать. Грегоріусъ Іонссонъ опередилъ насъ: когда мы взошли на палубу, оказалось, что письмо уже взято.

Ярлъ Скуле (*обращаясь къ Грегоріусу Іонссону*). Г. лендермандъ, передайте письмо королю.

Грегоріусъ Іонссонъ (*приближаясь, съ безпокойствомъ*). Выслушайте меня.

Ярлъ Скуле. Въ чемъ дѣло?

Грегоріусъ Іонссонъ (*вполголоса*). Помните, что въ письмѣ были рѣзкія выраженія о королѣ.

Ярлъ Скуле. Я съумѣю отвѣтить за нихъ. Письмо!

Грегоріусъ Іонссонъ. У меня его нѣтъ.

Ярлъ Скуле. У васъ его нѣтъ?

Грегоріусъ Іонссонъ. Дагфиннъ Бонде преслѣдовалъ насъ по пятамъ. Я выхватилъ письмо у Іостейна Тамба, при вязалъ къ нему камень.

Ярлъ Скуле. Ну?

Грегоріусъ Іонссонъ. Оно лежитъ на днѣ фіорда.

Ярлъ Скуле. Плохо, плохо вы поступили.

Гоконъ. Я ожидаю письма, г. ярлъ!

Ярлъ Скуле. Я не могу вамъ его дать.

Гоконъ. Не можете?

Ярлъ Скуле (*дѣлаетъ шагъ къ королю*). Я слишкомъ гордъ, чтобы защищать себя тѣмъ, въ чемъ вы и ваши воины можете заподозрить отговорки.

Гоконъ (*сдерживая готовый разразиться гнѣвъ*). Итакъ?

Ярлъ Скуле. Однимъ словомъ,—я его не дамъ;—я не хочу его давать.

Гоконъ. Вы, значитъ, идете мнѣ наперекоръ?

Ярлъ Скуле. Разъ я не могу поступать иначе,—ну, да, я иду вамъ наперекоръ.

Иваръ Бодде (*громкимъ голосомъ*). Ну, государь, теперь, я думаю, никто не нуждается въ бо́льшихъ доказательствахъ.

Дагфиннъ Бонде. Мнѣ кажется, что теперь мы достаточно узнали образъ мыслей ярла.

Гоконъ (*холодно ярлу*). Прошу передать королевскую печать Ивару Бодде.

Маргретъ (*бѣжитъ со сложенными руками къ возвышенію, на которомъ стоитъ король*). Гоконъ, будь мнѣ кроткимъ и милостивымъ супругомъ!

Гоконъ (*дѣлаетъ повелительное движеніе рукою по направленію къ ней; она закрываетъ лицо покрываломъ и возвращается назадъ къ матери*).

Ярлъ Скуле (*Ивару Бодде*). Вотъ королевская печать.

Иваръ Бодде. Это долженъ былъ быть послѣдній вечеръ празднества. Онъ закончился тяжкимъ огорченіемъ для короля, но такъ должно было когда-нибудь случиться, и я думаю, что каждый преданный королю человѣкъ обрадуется, узнавъ, что такъ именно случилось.

Ярлъ Скуле. А я думаю, что каждый преданный королю человѣкъ глубоко огорчится, узнавъ, что священникъ становится такимъ образомъ между нами, биркебейнцами;—да, я говорю „биркебейнцами“, потому что и я такой же биркебейнеръ, какъ король и его воины. Я изъ того же рода, изъ рода Сверре, изъ королевскаго рода,—но вы священникъ и возвели стѣну недовѣрія вокругъ короля и оттѣснили меня отъ него; вы работали надъ этимъ уже много лѣтъ.

Поль Флида (*съ гнѣвомъ окружающимъ*). Воины ярла! Долго ли мы будемъ это выносить?

Грегоріусъ Іонссонъ (*выступая впередъ*). Нѣтъ, мы не можемъ и не

желаемъ выносить этого дольше. Я заявляю во всеуслышаніе:—никто изъ воиновъ ярла не можетъ съ полною преданностью и любовью служить королю, пока Иваръ Бодде расхаживаетъ по королевскому замку и строитъ противъ насъ козни.

Поль Флида. Священникъ! Объявляю тебѣ войну на жизнь и смерть, гдѣ тебя ни встрѣчу, на открытомъ ли полѣ, на кораблѣ или въ неосвященномъ домѣ.

Многіе воины ярла. И я! И я! Ты для насъ человѣкъ, лишенный мира.

Иваръ Бодде. Да хранитъ меня Богъ отъ того, чтобы я сталъ между королемъ и столькими могущественными вождями!—Гоконъ, мой высокій господинъ, я лично убѣжденъ, что всегда вѣрою и правдою служилъ вамъ. Ярлу я противодѣйствовалъ, это правда; но если я когда-нибудь поступалъ несправедливо относительно его, то да проститъ меня Богъ! Теперь мнѣ нечего больше дѣлать въ королевскомъ дворѣ. Вотъ ваша печать; возьмите ее въ собственныя руки; потому что она давно уже должна была храниться у васъ.

Гоконъ (*спустившійся съ возвышенія*). Вы остаетесь.

Иваръ Бодде. Я не могу. Совѣсть мучила бы меня и днемъ, и ночью, если бы я остался! Въ такія времена, какъ настоящія, нельзя придумать большаго несчастья, какъ стать между королемъ и ярломъ.

Гоконъ. Иваръ Бодде, я приказываю тебѣ остаться.

Иваръ Бодде. Если бы самъ святой король Олафъ возсталъ теперь изъ своего серебрянаго гроба и приказалъ мнѣ остаться, я и тогда долженъ былъ бы уйти. (*Кладетъ печать въ руку короля*). Прощайте, мой благородный повелитель. Да благословитъ Богъ ваши дѣйствія! (*Уходитъ черезъ толпу направо*).

Гоконъ (*мрачно ярлу и его воинамъ*). Теперь я изъ за васъ лишился преданнаго друга; теперь вы должны многое дать мнѣ, чтобы вознаградить потерю.

Ярлъ Скуле. Предлагаю себя и всѣхъ моихъ.

Гоконъ. Боюсь, что и этого будетъ недостаточно. Теперь я долженъ собрать вокругъ себя всѣхъ, на кого могу вполнѣ положиться. Дагфиннъ, отправь немедленно посла на сѣверъ въ Гологоландъ; надо призвать сюда Вегарда Верадала.

Дагфиннъ Бонде (*стоялъ нѣсколько позади, разговаривая съ человѣкомъ въ дорожномъ платьѣ; теперь онъ приближается и говоритъ взволнованнымъ голосомъ*). Вегардъ не можетъ прибыть, государь.

Гоконъ. Откуда ты это знаешь?

Дагфиннъ Бонде. Вотъ вѣстникъ отъ него.

Гоконъ. Какія вѣсти принесъ онъ?

Дагфиннъ Бонде. Что Вегардъ Верадаль убитъ.

Много голосовъ. Убитъ?

Гоконъ. Кто убилъ его?

Дагфиннъ Бонде. Андресъ Скіальдарбандъ, другъ ярла.

(*Минута молчанія; воины съ тревогою шепчутся*).

Гоконъ. Гдѣ вѣстникъ?

Дагфиннъ Бонде (*приводитъ человѣка въ дорожномъ платьѣ*). Здѣсь, государь.

Гоконъ. Какая причина убійства?

Вѣстникъ. Никто этого не знаетъ. Они разговаривали о финнской податн, какъ вдругъ Андресъ вскочилъ и убилъ Вегарда на смерть.

Гоконъ. А прежде ссорились они между собою?

Вѣстникъ. Иногда. Андресъ часто говорилъ, что одинъ мудрый совѣтникъ съ юга писалъ ему, что онъ долженъ возможно осторожнѣе держать себя, быть какъ скала и кремень по отношенію къ Вегарду Верадалю.

Дагфиннъ Бонде. Странно!—а передъ своимъ отъѣздомъ Верадаль разсказывалъ мнѣ, что одинъ мудрый совѣтникъ говорилъ ему, что онъ долженъ держать себя какъ скала и кремень относительно Андреса Скіальдарбанда.

Епископъ Николасъ (*плюетъ*). Фу, какіе совѣтники!

Гоконъ. Не будемъ ближе изслѣдовать, откуда раздавались эти голоса. Сегодня я истерялъ двухъ преданныхъ мнѣ людей. Я готовъ былъ бы плакать о Вегардѣ; но здѣсь необходимо нѣчто большее, чѣмъ плачъ; за жизнь нужно отплатить жизнью. Г. ярлъ, Андресъ Скіальдарбандъ былъ однимъ изъ вашихъ воиновъ; вы предложили мнѣ свою помощь въ возмездіе за Ивара Бодде. Я ловлю васъ на словѣ и надѣюсь, что вы постараетесь достойнымъ образомъ наказать виновника этого преступленія.

Ярлъ Скуле. Должно быть злые духи становятся сегодня между нами. Относительно всякаго изъ своихъ воиновъ я былъ бы согласенъ, чтобы вы отомстили за убійство...

Гоконъ (*съ напряженнымъ вниманіемъ*). Ну?

Ярлъ Скуле. Но не относительно Андреса Скіальдарбанда.

Гоконъ (*вспыхивая*). Какъ, вы хотите защищать убійцу?

Ярлъ Скуле. Этого убійцу я долженъ защищать.

Гоконъ. А причина?

Ярлъ Скуле. Никто не знаетъ ее, кромѣ Бога на небеси.

Епископъ Николасъ (*тихо Дагфинну*). Я ее знаю.

Дагфиннъ Бонде. А я догадываюсь, въ чемъ дѣло.

Епископъ Николасъ. Не говорите ничего, добрый Дагфиннъ.

Гоконъ. Ярлъ, я стараюсь думать, что вы не серьезно говорите мнѣ это.

Ярлъ Скуле. Если бы Андресъ Скіальдарбандъ убилъ моего собственнаго отца,—онъ и тогда долженъ былъ бы остаться безнаказаннымъ. Не спрашивайте меня больше.

Гоконъ. Хорошо. Такъ мы сами настоимъ на своемъ правѣ.

Ярлъ Скуле (*съ выраженіемъ страха на лицѣ*). Государь, съ обѣихъ сторонъ будетъ литься кровь.

Гоконъ. Пусть! Преступника все же слѣдуетъ наказать.

Ярлъ Скуле. Его не надо наказывать.—Его нельзя наказать.

Епископъ Николасъ. Да, ярлъ правъ.

Гоконъ. И это говорите вы, ваше преосвященство?

Епископъ Николасъ. Андресъ Скіальдарбандъ сдѣлался крестоносцемъ.

Гоконъ и Ярлъ Скуле. Сдѣлался крестоносцемъ!

Епископъ Николасъ. И уѣхалъ уже изъ страны.

Ярлъ Скуле. Хорошо это для насъ всѣхъ!

Гоконъ. Разсвѣтаетъ; брачный пиръ долженъ быть покончень. Благодарю васъ, г. ярлъ, за услуги, которыя вы мнѣ оказывали все это время,—теперь вы, по всей вѣроятности, отправляетесь въ Нидаросъ?

Ярлъ Скуле. Таково мое намѣреніе.

Гоконъ. А я въ Викенъ.—Если ты, Маргретъ, предпочитаешь остаться здѣсь въ Бергенѣ, то я ничего не имѣю противъ.

Маргретъ. Я послѣдую за тобою, куда бы ты ни поѣхалъ, пока ты самъ не запретишь мнѣ этого.

Гоконъ. Хорошо, такъ слѣдуй за мною!

Зигридъ. Далеко разсѣевается теперь родъ. (*Бросается на колѣни передъ Гокономъ*). Окажите мнѣ милость, государь!

Гоконъ. Встаньте, фру Зигридъ; ваша просьба будетъ исполнена,

Зигридъ. Я не могу слѣдовать за ярломъ въ Нидаросъ. На Рейнѣ готовится освященіе женскаго монастыря; напишите архіепископу,—устройте, чтобы меня назначили въ него настоятельницею.

Ярлъ Скуле. Тебя, сестра?

Гоконъ. Вы хотите поступить въ монастырь?

Зигридъ (*встаетъ*). Со времени кровавой ночи въ Нидаросѣ, когда праздновалась моя свадьба, а баглерцы пришли и убили моего жениха, и много сотенъ людей съ нимъ, между тѣмъ какъ городъ горѣлъ со всѣхъ концовъ,—кровь и пожаръ какъ бы усыпили мой духъ и закрыли доступъ къ нему для всѣхъ мірскихъ дѣлъ. Но за то мнѣ была дана сила предвидѣть то, что никому неизвѣстно,—и я вижу теперь одно: наступаетъ страшно тяжелое время для родной страны.

Ярлъ Скуле (*рѣзко*). Она больна. Не обращайте вниманія на ея слова.

Зигридъ. Богатая жатва созрѣетъ для него, для того, кто дѣйствуетъ во тьмѣ. Всѣ женщины въ Норвегіи должны были бы дѣлать теперь одно—колѣнопреклоняться въ монастыряхъ и церквахъ и молиться,—молиться днемъ и ночью.

Гоконъ (*потрясенный*). Что говоритъ въ ней, даръ пророчества или душевная болѣзнь?

Зигридъ. Прощай, братъ мой,—мы еще встрѣтимся съ тобою.

Ярлъ Скуле (*невольно*). Когда?

Зигридъ (*тихо*). Когда ты завладѣешь короною; когда тебѣ будетъ грозить отовсюду опасность; когда ты въ сердечной тоскѣ будешь взывать ко мнѣ.

(*Уходитъ направо съ Маргретъ, фру Рагнгильдъ и женщинами*).

Гоконъ (*послѣ краткаго молчанья вынимаетъ изъ ноженъ мечъ и говоритъ спокойно, съ твердой рѣшимостью*). Всѣ воины ярла должны принесть присягу.

Ярлъ Скуле (*гнѣвно*). Неужели вы говорите это серьезно? (*Почти умоляющимъ голосомъ*). Король Гоконъ, не дѣлайте этого.

Гоконъ. Ни одинъ изъ воиновъ ярла не уйдетъ изъ Бергена, прежде чѣмъ не принесетъ присяги въ вѣрности королю.

(*Уходитъ со своею дружиною. Всѣ слѣдуютъ за нимъ, кромѣ епископа и ярла*).

Епископъ Николасъ. Онъ сегодня хорошо отдѣлалъ васъ.

Ярлъ Скуле *(молчитъ и глядитъ вслѣдъ королю)*.

Епископъ Николасъ *(громче)*. И въ то же время онъ, можетъ быть, не королевскаго происхожденія.

Ярлъ Скуле *(внезапно поворачивается въ сильнѣйшемъ волненіи и хватаетъ епископа за руку)*. Исповѣдь священника Тронда—гдѣ она?

Епископъ Николасъ. Онъ прислалъ ее мнѣ изъ Англіи, передъ смертью, не знаю съ кѣмъ,—но я ея не получилъ.

Ярлъ Скуле. Но ее надо найти.

Епископъ Николасъ. Я глубоко увѣренъ, что она найдется.

Ярлъ Скуле. А если вы найдете исповѣдь, вы передадите ее въ мои руки?

Епископъ Николасъ. Обѣщаю вамъ.

Ярлъ Скуле. Вы клянетесь мнѣ въ этомъ, спасеніемъ души?

Епископъ Николасъ. Клянусь спасеніемъ души.

Ярлъ Скуле. Хорошо; а до того времени я буду противодѣйствовать Гокону, гдѣ только возможно будетъ дѣйствовать тайкомъ. Надо помѣшать ему сдѣлаться могущественнѣе меня, когда начнется борьба.

Епископъ Николасъ. А если окажется, что онъ дѣйствительно королевскій сынъ?

Ярлъ Скуле. Тогда я попробую молиться—молиться о ниспосланіи мнѣ смиреннаго духа, чтобы служить ему всѣми моими силами, какъ обязанъ это дѣлать всякій честный вождь.

Епископъ Николасъ. А если онъ не королевскій сынъ?

Ярлъ Скуле. Тогда онъ долженъ будетъ уступить мнѣ королевское имя и королевскій престолъ, дружину и войско, казну и флотъ, города и крѣпости,—всѣмъ хочу я владѣть.

Епископъ Николасъ. Онъ отправится въ Викенъ.

Ярлъ Скуле. Я прогоню его изъ Викена.

Епископъ Николасъ. Тогда онъ укрѣпится въ Нидаросѣ.

Ярлъ Скуле. Я возьму штурмомъ Нидаросъ.

Епископъ Николасъ. Онъ запрется въ церкви св. Олафа.

Ярлъ Скуле. Я нарушу миръ церкви.

Епископъ Николасъ. Онъ убѣжитъ къ алтарю и крѣпко прижмется къ гробницѣ Олафа—

Ярлъ Скуле. Я сброшу его съ алтаря, хотя бы мнѣ пришлось опрокинуть вмѣстѣ съ нимъ и святую гробницу—

Епископъ Николасъ. А все же корона еще на его головѣ, Ярлъ.

Ярлъ Скуле. Я собью съ него корону мечемъ.

Епископъ Николасъ. А если она будетъ сидѣть слишкомъ крѣпко.

Ярлъ Скуле. Ну, тогда, во имя Бога или сатаны,—я собью съ нею вмѣстѣ и голову. *(Уходитъ направо)*.

Епископъ Николасъ *(глядитъ ему вслѣдъ, киваетъ головою и говоритъ)*. Да,—да,—вотъ какимъ я люблю ярла.

(Занавѣсъ падаетъ).

Дѣйствіе третье.

(Комната во дворцѣ епископа Осло По правую сторону— входная дверь. Въ глубинѣ сцены—маленькая открытая дверь ведетъ въ часовню, которая освѣщена. Дверь, съ занавѣсью передъ нею, на лѣвой стѣнѣ, ведетъ въ спальню епископа. Спереди, съ той же стороны—диванъ. Справа—письменный столъ съ письмами, документами, освѣщенный зажженною лампою).

(Комната вначалѣ пуста; за занавѣсью, слѣва, слышно пѣніе монаховъ. Входитъ: справа—Поль Флида, одѣтый по дорожному, останавливается передъ дверью, ожидаетъ, оглядывается и три раза стучитъ по полу своимъ посохомъ).

Сира Вильямъ. *(входитъ слѣва и восклицаетъ, сдерживая голосъ)*. Поль Флида! Слава Богу, значитъ, и ярлъ недалеко?

Поль Флида. Корабли плывутъ у Говедо; я ѣду впереди ихъ. Какъ пожиаетъ епископъ?

Сира Вильямъ. Надъ нимъ совершили сегодня послѣднее муропомазаніе.

Поль Флида. Значитъ положеніе его очень опасно?

Сира Вильямъ. Местеръ Сигардъ изъ Брабанта заявилъ, что онъ не переживетъ этой ночи.

Поль Флида. Тогда я думаю, что онъ слишкомъ поздно прислалъ за нами.

Сира Вильямъ. Нѣтъ, нѣтъ!—Епископъ въ полномъ умѣ и кой-какія силы у него еще сохранились.—Онъ каждую минуту спрашиваетъ, скоро-ли пріѣдетъ ярлъ.

Поль Флида. Вы продолжаете называть его по прежнему *ярломъ*? Развѣ

вы не знаете, что король пожаловалъ ему титулъ герцога?

Сира Вильямъ. Да, да,—конечно; —это все старая привычка. Тише!—*(Онъ и Поль Флида крестятся и кланяются. Изъ спальни епископа выходятъ два мальчика-пѣвчіе съ свѣтильниками, за ними—два другіе; потомъ—священникъ, который несетъ дискосъ, чашу, крестъ и хоругви; затѣмъ показывается длинная процессія священниковъ и монаховъ; пѣвчіе со свѣтильниками замыкаютъ шествіе, которое медленно движется, направляясь въ часовню; дверь ея запирается за ними).*

Поль Флида. Теперь старый епископъ покончилъ свои разсчеты съ этимъ міромъ.

Сира Вильямъ. Я могу ему сказать, что герцогъ Скуле пріѣдетъ въ самомъ скоромъ времени?

Поль Флида. Онъ прямо съ пристани прідетъ сюда, въ епископскій дворецъ. Прощайте! *(Уходитъ).*

(Много священниковъ, между ними Петеръ *и нѣсколько слугъ епископа выходятъ изъ комнаты влѣво, съ коврами, подушками и большою грѣлкою).*

Сира Вильямъ. Зачѣмъ это?

Одинъ священникъ *(устраиваетъ постель на диванѣ).* Епископъ хочетъ перейти сюда.

Сира Вильямъ. Но развѣ это можно дѣлать?

Священникъ. Местеръ Сигардъ сказалъ, что мы должны исполнять его желанія. Вотъ и онъ.

(Входитъ епископъ Николасъ, *поддерживаемый местеромъ Сигардомъ и священникомъ. Онъ въ епископскомъ одѣяніи, но безъ посоха и митры).*

Епископъ Николасъ. Зажгите побольше свѣта. *(Его подводятъ къ дивану съ грѣлкою и покрываютъ одѣялами).* Вильямъ! Теперь я получилъ отпущеніе за всѣ свои грѣхи. Они забрали ихъ отъ меня,—теперь у меня такъ легко на душѣ!

Сира Вильямъ. Герцогъ прислалъ къ вамъ гонца, ваше преосвященство; онъ уже около Говедо.

Епископъ Николасъ. Это хорошо, очень хорошо. Король, должно быть, также скоро прибудетъ сюда. Я былъ большимъ грѣшникомъ въ прежніе дни, Вильямъ; я также прегрѣшилъ передъ королемъ. Священники говорили, будто всѣ мои грѣхи будутъ мнѣ отпущены; да очень можетъ быть; но имъ легко обѣщать отпущеніе грѣховъ; вѣдь я прегрѣшилъ не противъ нихъ. Нѣтъ, нѣтъ,—лучше всего будетъ услышать слова прощенія изъ устъ самого короля. *(Рѣзко прерываетъ свою рѣчь).* Свѣта, говорю я вамъ! Здѣсь такъ темно.

Сиръ Вильямъ. Здѣсь все зажжено.

Местеръ Сигардъ. *(останавливаетъ его жестомъ и приближается къ епископу).* Какъ вы себя чувствуете, ваше преосвященство?

Епископъ Николасъ. Ахъ, такъ себѣ,—такъ себѣ,—только что-то холодно въ руки и ноги.

Местеръ Сигардъ *(вполголоса, придвигая грѣлку).* Гм!—Это начало конца.

Епископъ Николасъ *(со страхомъ Вильяму).* Я говорилъ, чтобы восемь монаховъ пѣли и молились за меня сегодня ночью, въ часовнѣ. Наблюдай за ними; среди нихъ не мало лѣнтяевъ.

Сира Вильямъ *(указываетъ молча на часовню, откуда раздается пѣніе, продолжающееся въ теченіе всей послѣдующей сцены).*

Епископъ Николасъ. Столько осталось еще не сдѣланнымъ, и уходить отъ всего! Столько осталось не сдѣланнымъ, Вильямъ!

Сира Вильямъ. Ваше преосвященство,—думайте о небесномъ.

Епископъ Николасъ. У меня есть еще время:—до завтрашняго утра, по словамъ местера Сигарда—

Сира Вильямъ. Ахъ, ваше преосвященство!

Епископъ Николасъ. Подай мнѣ митру и посохъ.—Тебѣ хорошо говорить, что я долженъ думать—*(одинъ изъ священниковъ приноситъ требуемыя вещи).*—Вотъ, положите митру здѣсь, она слишкомъ тяжела для меня; дайте мнѣ въ руки посохъ; такъ, теперь я готовъ. Епископъ!—Діаволъ не посмѣетъ теперь отымать у меня жизнь.

Сира Вильямъ. Вамъ ничего больше не нужно?

Епископъ Николасъ. Нѣтъ. Да, вотъ что, скажи мнѣ:—Петеръ, сынъ Андреса Скіальдарбанда,—всѣ такъ хорошо говорятъ о немъ.

Сира Вильямъ. Онъ несомнѣнно чистѣйшей души человѣкъ.

Епископъ Николасъ. Петеръ, побудь возлѣ меня, пока не пріѣдетъ король или герцогъ. А вы, остальные, можете удалиться; оставайтесь только поблизу. *(Всѣ уходятъ направо, кромѣ Петера).*

Епископъ Николасъ *(послѣ краткаго молчанія)*. Петеръ!

Петеръ *(приближается)*. Ваше преосвященство?

Епископъ Николасъ. Видалъ ты, когда либо, какъ умираютъ старые люди?

Петеръ. Нѣтъ.

Епископъ Николасъ. Они всѣ боятся; готовъ поклясться, что это такъ. Тамъ, на столѣ, лежитъ большое запечатанное письмо; дай мнѣ его. *(Петеръ приноситъ письмо)*. Это письмо къ твоей матери.

Петеръ. Къ моей матери?

Епископъ Николасъ. Ты долженъ отправиться, съ этимъ письмомъ, на сѣверъ, въ Гологоландъ. Я написалъ ей объ одномъ очень большомъ и важномъ дѣлѣ; получены извѣстія о твоемъ отцѣ.

Петеръ. Онъ сражается въ рядахъ крестоносцевъ на святой землѣ. Если онъ падетъ, то падетъ на освященной почвѣ, потому, что тамъ каждая пядь земли освящена. Я напомнаю Богу о немъ, во всѣхъ своихъ молитвахъ.

Епископъ Николасъ. Андресъ Скіальдарбандъ дорогъ тебѣ?

Петеръ. Онъ честный человѣкъ; но на свѣтѣ живетъ другой человѣкъ, передъ величіемъ котораго я преклоняюсь и уваженіе къ которому мать воспитывала во мнѣ съ ранняго дѣтства.

Епископъ Николасъ. *(быстро, съ интересомъ)*. Это герцогъ Скуле?

Петеръ. Да, герцогъ Скуле Бордсонъ.

Моя мать знала его въ молодые годы. Герцогъ, должно быть, величайшій человѣкъ въ странѣ.

Епископъ Николасъ. Вотъ письмо; отправляйся съ нимъ немедленно на сѣверъ.—Поютъ они тамъ?

Петеръ. Да, ваше преосвященство.

Епископъ Николасъ. Восемь добрыхъ молодцовъ съ глотками, точно трубы,—это должно помочь, не правда ли?

Петеръ. Ваше преосвященство, ваше превосвященство,—я самъ буду молиться.

Епископъ Николасъ. Я слишкомъ много не окончилъ, Петеръ. Жизнь слишкомъ коротка;—кромѣ того, король проститъ мнѣ, когда пріѣдетъ.—*(Содрогается отъ боли)*.

Петеръ. Вы страдаете?

Епископъ Николасъ. Я не страдаю; но у меня звенитъ въ ушахъ; передъ глазами проносятся искры.—

Петеръ. Васъ зовутъ къ себѣ, домой, небесные колокола;—а искры—это свѣчи у алтаря, зажженные для васъ Божьими ангелами.

Епископъ Николасъ. Я знаю, что это такъ;—нѣтъ никакой опасности, если только будутъ продолжать хорошо молиться за меня тамъ.—Прощай, отвези немедленно мое письмо.

Петеръ. Развѣ не надо сначала—

Епископъ Николасъ. Нѣтъ уходи: я не боюсь остаться одинъ.

Петеръ. Такъ до свиданья тогда. Когда небесные колокола прозвучатъ также и для меня? *(Уходитъ направо)*.

Епископъ Николасъ. Небесные колокола,—да, такъ легко говорить это, когда ходишь на здоровыхъ ногахъ!—Столько остается несдѣланнымъ! Но многое переживетъ меня. Я обѣщалъ герцогу спасеніемъ своей души передать ему исповѣдь священника Тронда, какъ только ее получу;—хорошо, что я ее еще не получилъ. Разъ онъ пріобрѣлъ-бы увѣренность,—онъ или побѣдилъ бы, или погибъ; тогда одинъ изъ нихъ сдѣлался бы могущественнѣйшимъ человѣкомъ, какой когда либо жилъ въ Норвегіи. Нѣтъ, нѣтъ,—чего я не могъ достичь, того никто не долженъ достигнуть! Лучше всего, въ такихъ случаяхъ—неизвѣстность; пока герцогъ находится подъ гнетомъ ея, оба они будутъ губить другъ друга, гдѣ только могутъ; города будутъ опустошаться пожаромъ, мѣстечки—грабежемъ, никто изъ нихъ не выиграетъ отъ пораженія другого.—*(Съ ужасомъ)*. Милости, состраданія! Вѣдь я одинъ виновенъ во всемъ этомъ,—я, съ самаго начала давшій толчекъ всему! *(Успокаивая себя)*. Да, да, да! но сейчасъ пріѣдетъ король,—хуже всего достанется, конечно, ему!—онъ проститъ меня;—затѣмъ будутъ читать молитвы, служить обѣдни; нечего бояться;—я вѣдь епископъ и никогда не убивалъ никого собственною рукою.—Хорошо, что исповѣдь священника Тронда не получена; святые стоятъ за меня, они не хотятъ подвергать меня искушенію нарушить данную клятву.—Кто стучитъ въ дверь? Это, должно быть, герцогъ. *(Съ удовольствіемъ потираетъ руки)*. Онъ будетъ требовать, чтобы я доставилъ ему доказательства его королевскихъ правъ,—а я не могу доставить ему никакихъ доказательствъ.

(Инга фра Вартейгъ входитъ; она одѣта въ черное, въ плащъ и шляпу).

Епископъ Николасъ *(вздрагиваетъ)*. Кто это?

Инга. Женщина изъ Вартейга, въ Боргассюсселѣ, ваше преосвященство.

Епископъ Николасъ. Королева-мать!

Инга. Такъ называли меня когда-то.

Епископъ Николасъ. Уходите! уходите! Я не совѣтывалъ Гокону разлучаться съ вами.

Инга. Все, что король дѣлаетъ, хорошо. Я пришла не изъ за этого.

Епископъ Николасъ. А изъ за чего?

Инга. Гуннульфъ, мой братъ, вернулся изъ поѣздки въ Англію.

Епископъ Николасъ. Изъ поѣздки въ Англію?

Инга. Онъ, какъ вы знаете, былъ въ отсутствіи много лѣтъ и ѣздилъ въ отдаленныя путешествія; теперь онъ привезъ домой письмо—

Епископъ Николасъ *(съ трудомъ переводя дыханіе)*. Письмо?

Инга. Отъ священника Тронда. Вотъ оно, владыко. *(Подаетъ письмо)*.

Епископъ Николасъ. Такъ-то—и *вы* привезли его мнѣ?

Инга. Таково было желаніе Тронда. Великою благодарностью обязана я ему съ того времени, какъ онъ воспитывалъ Гокона. Я услышала, что вы больны, и немедленно отправилась въ путь; я пришла сюда пѣшкомъ—

Епископъ Николасъ. Вамъ незачѣмъ было спѣшить, Инга.

Дагфиннъ Бонде *(входитъ справа)* Миръ вамъ, владыка!

Епископъ Николасъ. Король ѣдетъ?

Дагфиннъ Бонде. Онъ спускается съ Ріесскихъ горъ съ королевою, сыномъ и большою свитою.

Инга *(бросается къ Дагфинну)*. Король, король! Онъ идетъ сюда?

Дагфиннъ Бонде. Инга! Вы здѣсь, многострадальная женщина?

Инга. Та женщина не можетъ быть названа многострадальною, у которой такой великій сынъ,

Дагфиннъ Бонде. Теперь его суровое сердце смягчится,

Инга. Ни слова королю обо мнѣ. О, но увидѣть его—непремѣнно хочу;—послушайте,—онъ идетъ сюда?

Дагфиннъ Бонде. Да, сейчасъ.

Инга. А теперь темный вечеръ. Королю будутъ свѣтить факелами?

Дагфиннъ Бонде. Да.

Инга. Такъ я стану на крыльцѣ, по которому онъ будетъ подниматься, — а затѣмъ отправляюсь домой въ Вартейгъ. Но сначала пойду въ Гальвардскую церковь: она сегодня ночью будетъ освѣщена: я помолюсь тамъ за короля, за моего прекраснаго сына! *(Уходитъ направо)*.

Дагфиннъ Бонде. Я исполнилъ свое порученіе,—теперь иду на встрѣчу королю.

Епископъ Николасъ. Поклонитесь ему хорошенько отъ меня, добрый Дагфиннъ!

Дагфиннъ Бонде *(идя направо, къ выходу)*. Не хотѣлъ бы я быть завтра на мѣстѣ епископа Николаса.

Епископъ Николасъ. Исповѣдь священника. Тронда!—Она все таки получена, — вотъ она въ моихъ рукахъ! *(Раздумываетъ, вперивъ взглядъ въ пространство)*.—Тотъ, кто такъ старъ, какъ я, никогда не долженъ ничего обѣщать спасеніемъ своей души. Если бы передо мною былъ впереди годъ, я всегда бы могъ выпутаться кое-какъ изъ такого обѣщанія; но сегодня вечеромъ, въ мой послѣдній вечеръ, нѣтъ, – это было бы неразумно! Но могу ли я его сдержать? Не значитъ ли это поставить на карту все, надъ чѣмъ я работалъ всю свою жизнь?—*(Шепчетъ)*. О если бы я могъ перехитрить діавола,—только этотъ единственный разъ! *(Прислушивается)*. Что это? *(Кричитъ)*. Вильямъ! Вильямъ!

Сира Вильямъ *(входитъ справа)*.

Епископъ Николасъ. Что это такъ ужасно свиститъ и шумитъ?

Сира Вильямъ. Это начинается буря.

Епископъ Николасъ. Начинается буря! – Конечно, я сдержу свое обѣщаніе. Ты говоришь, буря? — Они поютъ тамъ?

Сира Вильямъ. Да, владыка

Епископъ Николасъ. Скажи, чтобы они старались: — въ особенности братъ Аслакъ; онъ всегда читаетъ такія короткія молитвы; онъ сокращаетъ ихъ гдѣ только можно; онъ пропускаетъ цѣлыя прошенія, эта собака! *(Ударяетъ по полу епископскимъ жезломъ)*. Пойди къ нему и скажи, что это послѣдняя моя ночь на землѣ; пусть онъ хорошенько старается, не то я буду навѣщать его привидѣніемъ.

Сира Вильямъ. Владыка, не позвать ли къ вамъ мастера Сигарда?

Епископъ Николасъ. Пойди туда, говорю я тебѣ. *(Вильямъ уходитъ въ часовню)*. Должно быть небо хочетъ, чтобы

я примирилъ короля съ герцогомъ, такъ какъ присылаетъ мнѣ письмо священника Тронда именно теперь. Трудно соглашаться на это, Николасъ; уничтожать однимъ мановеніемъ руки все зданіе, надъ возведеніемъ котораго ты трудился всю жизнь! Но другого нечего дѣлать, исполню на этотъ разъ волю неба.—Если бы я могъ прочесть, по крайней мѣрѣ, что написано въ письмѣ, но я не могу разобрать ни единаго слова. Мой взоръ затуманивается, я вижу какое-то сіяніе, искры;—а никому другому я не смѣю предложить прочесть это письмо. И какъ я могъ дать такое обѣщаніе!—Неужели разумъ человѣческій такъ ничтоженъ, что не можетъ вліять на вторую и третью часть своихъ собственныхъ дѣйствій? Я такъ долго и такъ убѣдительно бесѣдовалъ съ Вегардомъ Веградалемъ, требуя отъ него, чтобы онъ уговорилъ короля отослать отъ себя Ингу, что случилось по моему. Это дѣйствіе было въ первой своей части разумно; но если бы я не подалъ этого совѣта, Инга не была бы теперь въ Вартейгѣ, письмо не пришло бы во время ко мнѣ, и я не долженъ былъ бы сдержать даннаго мною обѣщанія, — слѣдовательно, это дѣйствіе оказалось неразумнымъ во второй своей части. Если бы у меня было время впереди! Но осталась только эта одна ночь, да и та не вся. Я долженъ, я хочу еще жить? *(Стучитъ посохомъ; справа входитъ одинъ священникъ).* Позови мастера Сигарда *(Священникъ уходитъ; епископъ сжимаетъ письмо въ рукахъ).* Здѣсь, за этою тяжелою печатью, скрывается судьба Норвегіи на сотни лѣтъ. Она лежитъ здѣсь и дремлетъ, точно птенчикъ въ яйцѣ. О, счастливъ тотъ, кто имѣлъ бы теперь нѣсколько душъ,—или *ни одной! (Горячо прижимаетъ письмо къ груди).* О, если бы мой конецъ не былъ такъ близокъ,— если бы не такъ близки были судъ и наказаніе, — я выковалъ бы изъ тебя ястреба, который навелъ бы омрачающій ужасъ на всю страну и вонзилъ бы свои острые когти въ сердце каждаго человѣка. *(Вздрагиваетъ).* Но послѣдній часъ близокъ. *(Кричитъ).* Нѣтъ, нѣтъ,—ты обратишься въ лебедя, въ бѣлаго лебедя! *(Бросаетъ письмо на полъ и кричитъ).* Мастеръ Сигардъ! мастеръ Сигардъ!

Мастеръ Сигардъ *(справа).* Какъ вы себя чувствуете, ваше преосвященство?

Епископъ Николасъ. Мастеръ Сигардъ,—продайте мнѣ три дня жизни.

Мастеръ Сигардъ. Я уже говорилъ вамъ—

Епископъ Николасъ. Да, да, но это не было серьезно сказано вами; это было какъ бы маленькое наказаніе. Я былъ несправедливымъ, относительно васъ, господиномъ, поэтому вы захотѣли напугать меня. Фу, это было гадко съ вашей стороны, —нѣтъ, нѣтъ,—я это заслужилъ. Но будьте теперь добры и милосердны. Я хорошо заплачу вамъ;—три дня жизни, мастеръ Сигардъ,—всего три дня жизни!

Мастеръ Сигардъ. Если-бы даже я долженъ былъ умереть въ тотъ же часъ, какъ и вы, я не могъ бы продлить вашу жизнь на три дня.

Епископъ Николасъ. Тогда одинъ, только одинъ день! Пусть будетъ свѣтъ, пусть солне сіяетъ, когда я буду отходить! Послушайте, Сигардъ! *(Знакомъ призываетъ его къ себѣ и заставляетъ сѣсть на диванъ).* Я оставилъ почти все свое добро церкви, все свое золото и серебро, чтобы за мою душу читали обѣдни. Но я теперь передѣлаю это: вы получите все. Понимаете, Сигардъ, мы вдвоемъ надуемъ ихъ. Хе, хе хе! Вы сдѣлаетесь богаты, Сигардъ, и уѣдете изъ этой страны; я получу отсрочку, могу обдѣлать свои дѣла, и тогда мнѣ достаточно будетъ и немногихъ молитвъ. Ну что, Сигардъ, — согласны? *(Сигардъ щупаетъ его пульсъ; епископъ вскрикиваетъ испуганнымъ голосомъ:)* Ну почему вы мнѣ не отвѣчаете?

Мастеръ Сигардъ *(встаетъ).* У меня нѣтъ времени, владыка. Я пойду приготовлю вамъ лекарство, которое нѣсколько облегчитъ вамъ послѣдній часъ.

Епископъ Николасъ. Нѣтъ, подождите съ нимъ. Подождите.

Мастеръ Сигардъ. У меня нѣтъ времени ждать. Лекарство должно быть готово не позже, какъ черезъ часъ. *(Уходитъ направо).*

Епископъ Николасъ. Черезъ часъ! *(Стучитъ въ сильнѣйшемъ волненіи).* Вильямъ! Вильямъ!

Сира Вильямъ *(входитъ изъ часовни)*

Епископъ Николасъ. Возьми еще другихъ къ нимъ на помощь. Тѣхъ восьми недостаточно.

Сира Вильямъ. Владыка—?

Епископъ Николасъ. Позови еще больше на помощь имъ, говорю я тебѣ. Крестоносецъ Колбейнъ пролежалъ больнымъ пять недѣль,—онъ не могъ много прегрѣшить за это время—

Сира Вильямъ. Онъ ходилъ вчера на исповѣдь.

Епископъ Николасъ *(горячо)*. Да, вотъ онъ какъ разъ подходитъ: бери его. *(Вильямъ опять уходитъ въ часовню)*. Черезъ часъ! *(Вытираетъ потъ со лба)*. Фу, какъ здѣсь жарко!—Проклятая собака! —Къ чему годна вся его ученость, если онъ не можетъ прибавить и часа жизни! Сидитъ себѣ по цѣлымъ часамъ въ своей комнатѣ и устраиваетъ какія-то искусственныя колеса, и вѣсы и рычаги; хочетъ создать такую машину, которая все двигалась бы и двигалась, не переставая, —онъ называетъ это perpetuum mobile. Почему бы ему не изощряться лучше въ своемъ искусствѣ и свой умъ надъ тѣмъ, чтобы обратить человѣка въ такого рода perpetuum mobile? *(Останавливается и раздумываетъ; глаза его оживляются)*. Perpetuum mobile,—я не силенъ въ латыни—но это означаетъ нѣчто, что можетъ дѣйствовать вѣчно, во всѣ времена. Если бы я самъ могъ?—Это былъ бы хорошій конецъ. Это значило бы совершить величайшій подвигъ въ свой послѣдній часъ! Заставитъ двигаться колеса, вѣсы и рычаги въ душахъ короля и герцога; завести ихъ такъ, чтобы ни одна сила въ мірѣ не могла остановить ихъ; если мнѣ это удастся, я буду продолжать жить, жить въ своемъ дѣлѣ—и въ сущности, быть можетъ, это именно и называется безсмертіемъ. — Ахъ вы, утѣшительныя, чудныя мысли, вы точно бальзамъ дѣйствуете на душу старика! *(Вздыхаетъ и протягивается на диванѣ)*. Діаволъ сильно мучилъ меня сегодня вечеромъ. Вотъ что значитъ проводить время въ бездѣйствіи; otium est pulvis — pulveris. Ну, довольно латыни! — Діаволъ не получитъ больше власти надо мною; я буду работать до конца; — я хочу — какъ они орутъ тамъ! *(Стучитъ; входитъ Вильямъ)*. Скажи имъ чтобы они замолчали; они мѣшаютъ мнѣ. Король и герцогъ сейчасъ пріѣдутъ, а мнѣ многое еще надо обдумать.

Сира Вильямъ. Владыка, такъ я долженъ—?

Епископъ Николасъ. Прикажи имъ помолчать съ часъ, чтобы я могъ спокойно думать. Возьми письмо, что лежитъ тамъ, на полу.—Хорошо! Дай мнѣ сюда бумаги—

Сира Вильямъ *(подходитъ къ письменному столу)*. Какія бумаги, владыка?

Епископъ Николасъ. Все равно; —тѣ съ печатью; тѣ, которыя лежатъ наверху.—Такъ; иди же теперь туда и скажи, чтобы они замолчали. *(Вильямъ уходитъ)*. Умереть и все же властвовать въ Норвегіи! Умереть, но устроить такъ, чтобы никто не возвышался головою надъ другими! Тысячи путей ведутъ къ этой цѣли; но только одинъ можетъ оказаться пригоднымъ; —вопросъ въ томъ, чтобы найти его;—и чтобы вступить на него. Ха! Путь этотъ такъ близокъ отъ меня, такъ близокъ! Да, такъ оно и будетъ. Я сдержу свое обѣщаніе; герцогъ получитъ въ руки желанное письмо;—но король—жало сомнѣнія вонзится въ его сердце. Гоконъ, какъ говорятъ, честный человѣкъ; стоитъ ему утратить вѣру въ себя и въ свое право, —и многое въ немъ погибнетъ. Оба будутъ вѣрить и сомнѣваться, то падать, то подыматься, и никогда не найдутъ твердой почвы подъ ногами,—perpetuum mobile! —Но развѣ Гоконъ повѣритъ моимъ словамъ? Онъ повѣритъ; я, вѣдь, умирающій человѣкъ; я сначала огорошу его правдою. —Силы измѣняютъ мнѣ, но душа крѣпнетъ; я не лежу больше на одрѣ болѣзни; я сижу вновь въ своей рабочей комнатѣ, я хочу проработать въ ней послѣднюю ночь; проработать—пока свѣтъ не погаснетъ—

Герцогъ Скуле *(входитъ справа и подходитъ къ епископу)*. Привѣтъ и миръ вамъ, ваше преосвященство! Мнѣ говорили, что вамъ приходится плохо.

Епископъ Николасъ. Я точно трупъ въ зародышѣ, добрѣшій герцогъ; сегодня ночью мой расцвѣтъ; завтра вы узнаете мой запахъ.

Герцогъ Скуле. Вы говорите сегодня ночью?.

Епископъ Николасъ. Местеръ Сигардъ говоритъ: черезъ часъ.

Герцогъ Скуле. А письмо священника Тронда?

Епископъ Николасъ. Вы все еще думаете о немъ?

Герцогъ Скуле. Оно не выходитъ никогда у меня изъ головы.

Епископъ Николасъ. Король возвелъ васъ въ санъ герцога; ни одинъ человѣкъ до васъ не носилъ въ Норвегіи титулъ герцога.

Герцогъ Скуле. Этого мнѣ недостаточно. Если Гоконъ не королевскій сынъ—я долженъ получить все.

Епископъ Николасъ. Уфъ, какъ здѣсь холодно! Мои члены просто леденѣютъ.

Герцогъ Скуле. Письмо священника Тронда, владыка! Ради Бога Всемогущаго—оно у васъ?

Епископъ Николасъ. Во всякомъ случаѣ—я знаю, гдѣ его найти.

Герцогъ Скуле .Такъ говорите же, говорите.

Епископъ Николасъ. Подождите!

Герцогъ Скуле. Нѣтъ, нѣтъ,—пользуйтесь даннымъ вамъ временемъ; вижу, что послѣдній вашъ часъ приближается,—а мнѣ говорили, что король сейчасъ явится сюда.

Епископъ Николасъ. Да, король сейчасъ придетъ; отсюда можете видѣть, что я забочусь о вашемъ дѣлѣ—даже *теперь*.

Герцогъ Скуле. Въ чемъ-же выражается ваша забота?

Епископъ Николасъ. Помните, на свадьбѣ короля,—вы сказали, что Гокона дѣлаетъ сильнымъ, главнымъ образомъ, его непоколебимая вѣра въ себя.

Герцогъ Скуле. Ну?

Епископъ Николасъ Если я исповѣдаюсь передъ нимъ и внушу ему сомнѣніе, тогда падетъ и вѣра его, и сила.

Герцогъ Скуле. Это грѣшно, владыка,—грѣшно, если онъ настоящій Гоконъ.

Епископъ Николасъ. Въ вашей власти будетъ сдѣлать его опять вѣрующимъ. Потому что прежде чѣмъ я уйду, то вамъ скажу, гдѣ найти письмо священника Тронда.

Спра Вильямъ *(справа)*. По улицѣ, вверхъ, идетъ король, съ факелами и свитою.

Епископъ Николасъ. Добро пожаловать! *(Вильямъ уходитъ)*. Герцогъ, я прошу у васъ о послѣдней услугѣ. Будьте моимъ мстителемъ по отношенію ко всѣмъ моимъ врагамъ. *(Вынимаетъ письмо)*. Я здѣсь записалъ ихъ. Тѣхъ, которые стоятъ наверху, я охотно повѣсилъ бы, если возможно.

Герцогъ Скуле. Не думайте теперь о мести; вамъ осталось не много уже времени—

Епископъ Николасъ. Не о мести говорю я, а о наказаніи. Обѣщайте мнѣ наказать всѣхъ моихъ враговъ, когда я закрою глаза. Они вашп враги столько же, сколько и мои.

Когда вы сдѣлаетесь королемъ, вы должны взять ихъ хорошенько въ руки; обѣщайте мнѣ это.

Герцогъ Скуле. Обѣщаю и клянусь:—но письмо священника Тронда—

Епископъ Николасъ. Вы узнаете, гдѣ оно находится; но посмотрите,—король уже идетъ; — спрячьте списокъ нашихъ враговъ.

(Герцогъ прячетъ документы; въ эту минуту въ комнату входитъ справа Гоконъ).

Епископъ Николасъ. Добро пожаловать на похоронный пиръ, государь!

Гоконъ. Сильно противодѣйствовали вы мнѣ, все это время, но теперь все забыто и прощено; смерть стираетъ безслѣдно величайшіе счеты.

Епископъ Николасъ. Это облегчаетъ. О, какъ велико милосердіе короля! Государь! то, что вы сдѣлали сегодня относительно стараго грѣшника, воздастся вамъ сторицею—

Гоконъ. Оставьте это; но я долженъ вамъ сказать, что вы страшно удивленъ. Я спѣшу сюда, чтобы дать вамъ прощеніе, а вы подготовляете мнѣ такую встрѣчу.

Епископъ Николасъ. Встрѣчу, государь?

Герцогъ Скуле. Король намекаетъ на меня. Пожалуйста, ваше преосвященство, увѣрьте короля Гокона, что я, клянусь честью, не имѣлъ никакого понятія о пріѣздѣ короля, пока не вступилъ на Ословскій мостъ.

Епископъ Николасъ. Ахъ, ахъ! Вся вина лежитъ на мнѣ. Я былъ боленъ и лежалъ въ постели весь послѣдній годъ; и почти что не разспрашивалъ о дѣлахъ страны; я думалъ, что между высокими родственниками царятъ миръ и дружба.

Гоконъ. Я замѣтилъ, что дружба между мною и герцогомъ бываетъ наиболѣе прочною тогда, когда мы держимся вдали другъ отъ друга. Поэтому—прощайте, епископъ Николасъ, и да будетъ Господь съ вами тамъ, куда вы уходите! *(Поворачивается, чтобы уходить)*.

Герцогъ Скуле *(тихо, съ тревогою)*. Епископъ, епископъ! онъ уходитъ!

Епископъ Николасъ *(внезапно съ энергіею)*. Останьтесь, король Гоконъ.

Гоконъ *(останавливается)*. Зачѣмъ?

Епископъ Николасъ. Вы не выйдете изъ этой комнаты, пока старый епископъ Николасъ не скажетъ своего послѣдняго слова.

Гоконъ *(невольно кладетъ руку на рукоятку меча)*. Вы, можетъ быть, прибыли въ Викенъ съ большимъ войскомъ, г. герцогъ?

Герцогъ Скуле. Я не принимаю въ этомъ никакого участія.

Епископъ Николасъ. Я постараюсь удержать васъ силою слова. Когда въ домѣ похороны, тогда первое лицо — мертвецъ; онъ можетъ дѣлать все, что хочетъ, если только можетъ — пока у него хватаетъ силъ. Поэтому я рѣшилъ сказать сегодня себѣ самъ надгробную рѣчь, такъ

какъ въ прежнее время я всегда боялся, чтобы король Сверре не пришелъ держать ее—

Гоконъ. Не говорите такъ горячо, владыка!

Герцогъ Скуле. Вы сокращаете немногія дорогія минуты, оставшіяся вамъ.

Гоконъ. Ваши глаза уже тускнѣютъ.

Епископъ Николасъ. Да, мой взоръ уже погасаетъ; я съ трудомъ вижу васъ тамъ, гдѣ вы стоите; а внутри меня съ поразительною ясностью проносится вся моя жизнь. Я вижу образы прошлаго.—Слушайте и поучайтесь, король.—Мой родъ былъ самымъ могущественнымъ въ странѣ; много славныхъ вождей выходило изъ него; мнѣ хотѣлось быть величайшимъ изъ нихъ. Я былъ еще мальчикомъ, когда началъ жаждать великаго дѣла; мнѣ казалось невозможнымъ ждать, пока я выросту.—На престолъ садились короли, обладавшіе гораздо меньшими правами, чѣмъ я,—Магнусъ Ерлингссонъ, священникъ Сверре.—Я также хотѣлъ сдѣлаться королемъ, но надо было сначала сдѣлаться вождемъ,—это было необходимо. Началась битва при Илевольденахъ,—это была первая битва, на которой я присутствовалъ. — Солнце ярко свѣтило и отражалось тысячами искръ на блестящихъ оружіяхъ. Магнусъ и всѣ его воины шли въ бой, точно на игру; у одного меня только сжималось сердце. Долго и отважно стражался нашъ отрядъ, но я не могъ побѣдить съ ними—я испугался. Всѣ другіе вожди Магнуса—мужественно сражались и многіе пали тамъ, гдѣ боролись; но я побѣжалъ черезъ каменистыя горы, и бѣжалъ, бѣжалъ, не останавливаясь, пока не дошелъ до фіорда, далеко оттуда. Много воиновъ обмывало въ этотъ вечеръ свои кровавыя одежды въ трондьемскомъ фіордѣ,—я долженъ былъ также обмыть свои,—но не изъ за прилипшей къ нимъ крови. Да, король, я былъ испуганъ; созданъ быть вождемъ—и испуганъ. Это поразило меня, точно ударъ грома; съ тѣхъ поръ я возненавидѣлъ всѣхъ людей; я тайкомъ молился въ церквяхъ, я плакалъ коленопреклоненный передъ алтарями, я давалъ богатые дары, давалъ священные обѣты; я искушалъ себя и испытывалъ въ цѣломъ рядѣ битвъ, при Сальтосундѣ, при Іонсвольденѣ, въ то лѣто, когда баглерницы стояли въ Бергенѣ—всякій разъ напрасно. Сверре первый замѣтилъ мою трусость, онъ сталъ громко говорить о ней, съ насмѣшкой, и съ этого дня всѣ воины стали хохотать, когда Николасъ Арнессонъ проходилъ мимо нихъ въ бранныхъ одеждахъ.—Трусъ, трусъ,—и тѣмъ не менѣе мнѣ хотѣлось быть вождемъ, быть королемъ; я чувствовалъ себя созданнымъ быть королемъ, утвердить царство Божіе на землѣ; но сами святые какъ бы вступали въ заговоръ и закрывали передо мною путь.

Гоконъ. Не жалуйтесь на небо, епископъ. Вы слишкомъ много ненавидѣли.

Епископъ Николасъ. Да, я много ненавидѣлъ; ненавидѣлъ всѣхъ въ этой странѣ, возвышающихся надъ другими, надъ толпою. Но я ненавидѣлъ потому, что не могъ любить. Прекрасныя женщины,—о, я и теперь могъ бы пожирать ихъ жадными взорами! Мнѣ восемьдесятъ лѣтъ, а мнѣ все еще хочется убивать мужчинъ и обнимать женщинъ;—но и въ этомъ отношеніи мнѣ везло не больше, чѣмъ въ сраженіяхъ; только желаніе и страсть, но безсиліе съ самаго рожденія;—кипящая жажда наслажденій,—и уродство. Тогда я сдѣлался священникомъ. Человѣкъ, жаждущій власти, долженъ сдѣлаться либо священникомъ, либо—королемъ *(Смѣется)*. Я—священникъ. Я—служитель церкви. Да, для одного церковнаго дѣйствія небо спеціально создало меня—брать высокій тонъ,—пѣть женскимъ голосомъ на большихъ церковныхъ празднествахъ. И тѣмъ не менѣе одни требуютъ отъ меня—получеловѣка—то, что они имѣютъ право требовать отъ того, который получилъ всѣ необходимыя способности для жизненной дѣятельности. Бывали времена, когда мнѣ казалось, что такого рода требованія справедливы; я лежалъ здѣсь на одрѣ болѣзни, пораженный ужасомъ передъ будущимъ судомъ и наказаніемъ. Теперь это прошло: я опять оживился духомъ. Я ни въ чемъ не прегрѣшилъ: относительно меня поступили несправедливо. Я обвинитель.

Герцогъ Скуле *(вполголоса)*. Владыка—письмо! Вамъ не долго уже осталось тянуть.

Гоконъ. Вспомните о своей душѣ и смиритесь!

Епископъ Николасъ. Душа человѣка заключается въ его дѣлахъ, а мое дѣло будетъ продолжать жить на свѣтѣ. Но вы, король Гоконъ, вы берегитесь; ибо подобно тому, какъ небо шло мнѣ наперекоръ и получило въ награду преступленія, такъ вы стоите теперь лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, который держитъ въ своихъ рукахъ счастье страны—

Гоконъ. Ага, герцогъ, герцогъ! Теперь я понимаю, зачѣмъ мы встрѣтились здѣсь.

Герцогъ Скуле *(рѣзко епископу)*. Ни слова больше объ этомъ!

Епископъ Николасъ. *(Гокону)*. Онъ будетъ противодѣйствовать вамъ, пока голова сидитъ у него твердо на плечахъ. Подѣлитесь съ нимъ. Я не обрѣту себѣ покоя въ гробу, я вернусь на землю, если вы не раздѣлитесь. Ни одинъ изъ васъ не долженъ прибавить къ своему собственному росту ростъ своего противника; потому что въ такомъ случаѣ въ странѣ появится гигантъ, а гигантовъ въ ней быть не должно: потому что я никогда не былъ гигантомъ. *(Устало опускается на подушки дивана)*.

Герцогъ Скуле *(бросается на колѣни передъ диваномъ и кричитъ Гокону)*. Достаньте помощь! Ради Бога милосерднаго, епископу нельзя давать умереть!

Епископъ Николасъ. Какъ начинаетъ темнѣть у меня передъ глазами! — Король, въ послѣдній разъ,—вы подѣлитесь съ герцогомъ?

Гоконъ. Я не уступлю ни одной іоты изъ того, что мнѣ было даровано Богомъ.

Епископъ Николасъ. Ну такъ, хорошо! *(Вполголоса)*. Вѣру въ себя и вы во всякомъ случаѣ потеряете. *(Кричитъ)*. Вильямъ!

Герцогъ Скуле *(вполголоса)*. Письмо! Письмо!

Епископъ Николасъ *(не слушая его)*. Вильямъ! *(Вильямъ входитъ: епископъ притягиваетъ его къ себѣ и шепчетъ)*. Когда меня послѣдній разъ мазали муромъ, всѣ мои грѣхи были прощены?

Сира Вильямъ. Всѣ грѣхи, съ вашего рожденія до того часа, когда васъ муропомазали.

Епископъ Николасъ. А не далѣе? Не до самой моей смерти?

Сира Вильямъ. Владыка, вы, вѣдь, не можете согрѣшить сегодня ночью.

Епископъ Николасъ. Гмъ! никто не можетъ знать; — возьми золотой кубокъ, который я получилъ отъ епископа Авессалома, — отдай его церкви — и прочти еще семь длинныхъ молитвъ.

Сира Вильямъ. Господь сжалится надъ вами, владыка!

Епископъ Николасъ. Семь молитвъ, говорю я тебѣ,—за то, въ чемъ я прегрѣшилъ сегодня ночью. Идти, иди! *(Вильямъ уходитъ; епископъ обращается къ Скуле)*. Герцогъ, если вы когда-нибудь прочтете исповѣдь священника Тронда и окажется, что Гоконъ королевскій сынъ,— какъ вы поступите?

Герцогъ Скуле. Во имя Божіе,— пусть онъ тогда остается королемъ!

Епископъ Николасъ. Подумайте хорошенько; вопросъ этотъ имѣетъ большое значеніе. Изслѣдуйте свое сердце; отвѣчайте мнѣ такъ, какъ будто вы стоите передъ страшнымъ судомъ. Что вы сдѣлаете, если Гоконъ окажется настоящимъ?

Герцогъ Скуле. Я преклонюсь и буду служить ему.

Епископъ Николасъ *(бормочетъ)*. Да, да, въ такомъ случаѣ неси и послѣдствія. *(Обращаясь къ Скуле)*. Герцогъ, я слабъ и утомленъ; на меня нашло такое мягкое примирительное настроеніе.

Герцогъ Скуле. Это смерть. Письмо священника Тронда! Гдѣ оно?

Епископъ Николасъ. Сначала другое дѣло: я далъ вамъ списокъ моихъ враговъ—

Герцогъ Скуле *(нетерпѣливо)*. Да, да; я отомщу имъ за все—

Епископъ Николасъ. Нѣтъ, теперь я такъ мягко настроенъ: я прощу имъ, какъ сказано въ писаніи. Подобно тому, какъ вы отказываетесь отъ власти, я отказываюсь отъ мести. Сожгите списокъ.

Герцогъ Скуле. Хорошо, хорошо, какъ хотите.

Епископъ Николасъ. Здѣсь на грѣлкѣ; такъ, чтобы я могъ видѣть—

Герцогъ Скуле *(бросаетъ бумагу)*. Вотъ, вотъ, онъ горитъ! А теперь говорите, говорите! Жизнь тысячъ зависитъ отъ того, чтобы вы теперь заговорили.

Епископъ Николасъ *(съ блестящими глазами)*. Жизнь тысячъ! *(Кричитъ)*. Воздуха, воздуха!

Гоконъ *(бѣжитъ къ двери и кричитъ)*. На помощь! Епископъ умираетъ!

(Сира Вильямъ и многіе епископскіе слуги вбѣгаютъ въ комнату).

Герцогъ Скуле *(трясетъ епископа за руку)*. Счастье Норвеціи въ теченіе сотенъ лѣтъ, ея величіе, быть можетъ, на вѣчныя времена!

Епископъ Николасъ. На вѣчныя времена! *(Торжествуя)*. Perpetuum mobile!

Герцогъ Скуле. Заклинаю васъ спасеніемъ вашей души — гдѣ письмо священника Тронда?

Епископъ Николасъ *(кричитъ)*. Еще семь молитвъ, Вильямъ!

Герцогъ Скуле *(внѣ себя)*. Письмо! Письмо!

Епископъ Николасъ. *(улыбаясь средь предсмертной агоніи).* Вы его то и сожгли, добрѣйшій герцогъ! *(Падаетъ навзничь на диванъ и умираетъ).*

Герцогъ Скуле *(испускаетъ невольный крикъ, отступая на шагъ и закрывая лицо обѣими руками).* Боже всемогущій!

Монахи *(убѣгаютъ изъ часовни).* Спасайся, кто можетъ.

Отдѣльные голоса. Всѣ злые духи на свободѣ сегодня ночью.

Другіе. Въ углу раздался громкій смѣхъ.—Кто-то закричалъ: „онъ у насъ въ рукахъ".—Всѣ свѣчи погасили.

Гоконъ. Епископъ Николасъ умеръ.

Монахи *(убѣгая направо).* Pater noster! Pater noster! Pater noster!

Гоконъ. *(подходитъ къ Скуле и говоритъ вполголоса).* Герцогъ, я не намѣренъ допрашивать васъ, въ чемъ заключалось ваше таинственное совѣщаніе съ епископомъ передъ его смертью;—но съ завтрашняго дня вы должны опять передать въ мои руки вашу власть; я это ясно вижу теперь,—мы оба не можемъ идти дальше вмѣстѣ.

Герцогъ Скуле *(глядитъ на него, какъ бы не понимая).* Идти дальше вмѣстѣ—?

Гоконъ. На завтра я созвалъ въ королевскомъ дворѣ совѣтъ; все должно быть выяснено между нами. *(Уходитъ направо).*

Герцогъ Скуле. Епископъ умеръ, а письмо сожжено. Впереди жизнь, полная сомнѣнія, борьбы и ужаса. О, если бы я могъ молиться!—Но нѣтъ! Я долженъ дѣйствовать;—сегодня надо сдѣлать рѣшительный шагъ. *(Вильяму).* Куда ушелъ король?

Сира Вильямъ *(испуганно).* Господи Іисусе Христе,—что вы хотите сдѣлать ему?

Герцогъ Скуле. Неужели вы думаете, что я намѣреваюсь убить его сегодня ночью? *(Уходитъ направо).*

Сира Вильямъ *(глядитъ ему вслѣдъ, качая головою; между тѣмъ, какъ слуги уносятъ тѣло епископа налѣво).* Епископъ сказалъ: еще семь молитвъ;—я думаю, безопаснѣе было бы прочесть ихъ четырнадцать. *(Слѣдуетъ за другими).*

КОМНАТА ВЪ КОРОЛЕВСКОМЪ ДВОРЦѢ.

(Въ глубинѣ сцены—входная дверь; у обѣихъ боковыхъ стѣнъ—меньшія двери; впереди, справа—окно. У потолка горитъ лампа. Около двери, налѣво, стоитъ скамья, а немного дальше—колыбель, въ которой лежитъ королевскій сынъ: Маргретъ стоитъ на колѣняхъ около колыбели).

Маргретъ *(качаетъ и поетъ).*

Сіяетъ звѣздами все небо
Несется вверхъ съ земли дымокъ.
На крыльяхъ сна вверхъ полетитъ
Гоконъ, мой маленькій сынокъ.

На землю спущена съ небесъ
Златая лѣстница, сіяя.
Взойдетъ Гоконъ нашъ на нее,
Взойдетъ, рѣзвяся и играя.

А надъ колыбелью младенца
Посланцы Божіи витаютъ,
Гоконъ, дитя мое, а мать
Твой сонъ бережно охраняетъ.

(Краткое молчаніе. Входитъ изъ глубины сцены герцогъ Скуле).

Маргретъ *(вскакиваетъ съ крикомъ радости и бросается на встрѣчу ему).* Отецъ мой!—Ахъ, какъ давно ждала я твоей встрѣчи, какъ тосковала по тебѣ!

Герцогъ Скуле. Да пошлетъ тебѣ Богъ счастья, Маргретъ! Гдѣ король?

Маргретъ. У епископа Николаса.

Герцогъ Скуле. Гмъ!—въ такомъ случаѣ онъ долженъ скоро прійти сюда.

Маргретъ. И вы переговорите другъ съ другомъ и примиритесь, и будете опять друзьями, какъ въ добрые старые дни?

Герцогъ Скуле. Очень буду радъ!

Маргретъ. Гоконъ также хочетъ мира; и я каждый день молю Бога, чтобы вы помирились. Ахъ, иди сюда и посмотри! *(Хватаетъ его за руку и подводитъ къ колыбели).*

Герцогъ Скуле. Твое дитя?

Маргретъ. Да, это восхитительное дитя мое;—развѣ это не удивительно? Его зовутъ Гокономъ, какъ короля. Посмотри сюда, его глаза,—нѣтъ, ты не можешь увидѣть ихъ теперь, когда онъ спитъ,—но у него такіе большіе голубые глаза; и онъ такъ мило улыбается, смѣется, протягиваетъ мнѣ ручки и хватается за меня,—и всегда меня узнаетъ. *(Тщательно оправляетъ одѣяло въ колыбели).*

Герцогъ Скуле. Епископъ всегда предсказывалъ, что у Гокона будутъ сыновья.

Маргретъ. Это маленькое дитя мнѣ въ тысячу разъ дороже, чѣмъ всѣ царства въ

мірѣ,—и такъ же дорогъ онъ и для Гокона.—Но я какъ будто не могу повѣрить своему счастью; колыбель всегда стоитъ около моей кровати; каждую ночь, когда я просыпаюсь, я смотрю тутъ ли она,—я какъ будто боюсь, что все это не болѣе, какъ сонъ.

Герцогъ Скуле *(прислушивается и подходитъ къ окну)*. Это не король?

Маргретъ. Нѣтъ, онъ подымается всегда по другой лѣстницѣ, я пойду и приведу его. *(Беретъ отца за руку и подводитъ его, шутя, къ колыбели)*. Герцогъ Скуле! Стой пока на стражѣ у колыбели королевскаго сына,—да, потому что онъ королевскій сынъ,—я этого никогда не забываю. А если онъ проснется, то поклонись ему низко и привѣтствуй его такъ, какъ привѣтствуютъ королей. Теперь я пойду позову Гокона; о Боже, Боже! Наконецъ-то надъ нашимъ родомъ засіяетъ счастье и миръ! *(Уходитъ направо)*.

Герцогъ Скуле *(послѣ кратковременнаго мрачнаго молчанія)*. У Гокона сынъ. Его родъ будетъ жить и послѣ него. Если онъ умретъ, то вотъ этотъ претендентъ на корону стоитъ ближе всѣхъ другихъ къ престолу. Все удается Гокону. Быть можетъ, онъ не настоящій; но его вѣра въ себя такъ же непоколебима, какъ и прежде; епископъ хотѣлъ уничтожить ее, но умеръ слишкомъ скоро. Богъ не далъ ему докончить начатое дѣло. Богъ охранилъ Гокона; онъ оставилъ непоколебленною его увѣренность въ себѣ. Она—сила. Что, если даже я скажу ему теперь это? Если я поклянусь, что епископъ это говорилъ? Какую пользу принесутъ мои слова? Никто мнѣ не повѣритъ, ни Гоконъ, ни другіе. Епископу онъ повѣрилъ бы въ минуту предсмертной агоніи; сомнѣніе отравило бы его; но этого не случилось. И насколько непоколебима увѣренность въ своемъ правѣ у Гокона, настолько непоколебимо сомнѣніе во мнѣ; какой человѣкъ въ мірѣ можетъ разсѣять его? Никто, никто. Испытаніе желѣзомъ—произведено; Богъ сказалъ свое слово, и все же Гоконъ можетъ быть не настоящій, а я безъ всякой пользы провожу свою жизнь. *(Садится, погруженный въ размышленія, у стола направо)*. Если бы даже я теперь покорилъ себѣ страну и завоевалъ власть, развѣ сомнѣніе не будетъ такъ же сильно говорить во мнѣ и мучить, и терзать меня вѣчно съ такою же силою, какъ и теперь?—Нѣтъ, нѣтъ; все же лучше возсѣдать на королевскомъ престолѣ и сомнѣваться въ себѣ, чѣмъ стоять внизу въ толпѣ и сомнѣваться въ немъ, сидящемъ наверху.—Между мною и Гокономъ долженъ наступить конецъ. Конецъ? Но какимъ образомъ? *(Встаетъ)*. Боже всемогущій! Ты, который поставилъ меня въ такое положеніе, ты долженъ взять на себя и послѣдствія его! *(Расхаживаетъ взадъ и впередъ, останавливается и раздумываетъ)*. Слѣдуетъ разрушить всѣ мосты, кромѣ одного, и побѣдить или пасть на немъ,—говорилъ епископъ на королевской свадьбѣ въ Бергенѣ. Но наступилъ уже третій годъ, а я продолжаю тратить всѣ свои силы, чтобы защитить всѣ мосты.—*(Быстро)*. Теперь я послѣдую совѣту епископа; *теперь* или никогда. Мы оба здѣсь въ Осло; у меня болѣе многочисленное войско, чѣмъ у Гокона; почему не воспользоваться своимъ превосходствомъ сплъ,—оно такъ рѣдко бываетъ на моей сторонѣ. *(Колеблется)*. Но сегодня ночью—сейчасъ—? Нѣтъ, нѣтъ! Не сегодня ночью!—Ха, ха, ха, вотъ оно опять, раздумье,—колебаніе! Гоконъ ничего подобнаго не знаетъ, онъ смѣло идетъ впередъ и побѣждаетъ. *(Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ назадъ и наталкивается на колыбель)*. Королевскій сынъ!—Какой красивый лобъ! Онъ спитъ. *(Оправляетъ одѣяло и внимательно разсматриваетъ ребенка)*. Такое дитя, какъ ты, можетъ оказать громадное дѣйствіе на душу мужчины. У меня нѣтъ сына. *(Наклоняется надъ колыбелью)*. Королевское дитя, сказала королева. Поклонись низко ему и привѣтствуй его такъ, какъ привѣтствуютъ королей.—Если Гоконъ умретъ раньше меня, этотъ ребенокъ взойдетъ на королевскій престолъ, а я—я буду стоять внизу и кланяться низко и привѣтствовать его, какъ короля. *(Все болѣе и болѣе возмущаясь)*. Это дитя, сынъ Гокона, будетъ сидѣть наверху на престолѣ, къ которому я, быть можетъ, ближе его,—а я буду стоять у его ногъ, съ сѣдыми волосами, сгорбленный отъ старости, съ неисполненною задачею жизни,—умру, не бывши королемъ.—У меня больше войска, чѣмъ у Гокона.—Сегодня вечеромъ бушуетъ буря, вѣтеръ разгуливаетъ по фіорду.—Что если бы я захватилъ королевскаго ребенка? На тронденмцевъ я могу положиться.—На что не согласится Гоконъ, разъ ребенокъ будетъ въ моей власти! Мои воины послѣдуютъ за мною, будутъ сражаться за меня и побѣдятъ. Я награжу ихъ по королевски и они это сдѣлаютъ.—Пусть такъ и будетъ! Сдѣлаю рѣшительный шагъ; въ первый разъ переступлю черезъ пропасть.—Если бы я

только могъ видѣть, какіе у тебя глаза, глаза или Сверре, или глаза Гокона Сверрессона.—Онъ спитъ. Я не могу этого видѣть. *(Пауза).* Сонъ—охрана. Сни съ миромъ, маленькій претендентъ на престолъ! *(Подходитъ къ столу).* Гоконъ рѣшитъ; я разъ навсегда переговорю съ нимъ.

Маргретъ *(входитъ съ королемъ изъ комнаты справа).* Епископъ умеръ. О, повѣрь мнѣ, съ нимъ исчезнутъ и всѣ раздоры!

Гоконъ. Иди спать, Маргреть; ты, должно быть, сильно устала послѣ дороги.

Маргретъ. Да, да! *(Герцогу).* Отецъ, будь кротокъ и уступчивъ!—Гоконъ обѣщалъ мнѣ быть мягкимъ. Тысячу разъ—спокойной ночи вамъ обоимъ *(Дѣлаетъ знакъ въ дверь налѣво и уходитъ. Двѣ дѣвушки вкатываютъ за нею колыбель).*

Герцогъ Скуле. Король Гоконъ, мы не должны на этотъ разъ разстаться врагами. Страшное зло грозитъ въ этомъ случаѣ странѣ. Наступитъ время ужаса.

Гоконъ. Страна наша привыкла къ этому въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній; но вы видите, что на моей сторонѣ Богъ; всѣ враги, противодѣйствовавшіе мнѣ, пали. Нѣтъ больше ни Баглерщевъ, ни блиттунцевъ, ни Риббунговъ; ярлъ Іонъ убитъ, Гуттормъ Ингессонъ умеръ, Сигурдъ Риббунгъ также,—всѣ претенденты на престолъ, заявившіе свои права на сеймѣ въ Бергенѣ, оказались безсильными,—кто же можетъ возбудить теперь ужасы, о которыхъ вы говорите?

Герцогъ Скуле. Гоконъ, я боюсь, что этотъ человѣкъ—я.

Гоконъ. Сдѣлавшись королемъ, я уступилъ вамъ третью часть своего королевства.—

Герцогъ Скуле. Удержавъ за собою двѣ трети.

Гоконъ. Вы всегда жаждали большаго: я увеличилъ вашу часть; теперь вамъ принадлежитъ половина королевства.

Герцогъ Скуле. Не хватаетъ десяти пристаней.

Гоконъ. Я сдѣлалъ васъ герцогомъ; этого титула не носилъ до васъ ни одинъ человѣкъ въ Норвегіи.

Герцогъ Скуле. Но вы—король. Надо мною не должно быть короля. Я не созданъ для того, чтобы служить вамъ; я долженъ самостоятельно управлять своимъ государствомъ.

Гоконъ *(глядитъ минуту пристально на него и говоритъ холодно).* Да хранитъ Богъ вашъ разсудокъ, герцогъ! Спокойной ночи! *(Хочетъ уйти).*

Герцогъ Скуле *(заступая ему дорогу).* Вы не такъ легко уйдете отъ меня. Берегитесь, иначе я отдѣлюсь совсѣмъ отъ васъ; я не хочу оставаться по прежнему подвластнымъ вамъ; мы должны оба подѣлить между собою королевство.

Гоконъ. И вы смѣете говорить это мнѣ!

Герцогъ Скуле. Я пришелъ сюда въ Осло съ болѣе многочисленнымъ войскомъ, чѣмъ вы, Гоконъ Гокоссонъ.

Гоконъ. Оченъ можетъ быть, что вы намѣрены—

Герцогъ Скуле. Выслушайте меня, вспомните слова епископа. Подѣлимъ страну; прибавьте къ моимъ владѣніямъ десять пристаней: позвольте мнѣ владѣть моею долею какъ свободнымъ королевствомъ, безъ уплаты вамъ дани, безъ повинностей. Норвегія и раньше была раздѣлена на два королевства:—мы будемъ всегда вѣрными союзниками

Гоконъ. Герцогъ, вы, должно быть, душевно-больной, если предъявляете ко мнѣ такія требованія.

Герцогъ Скуле. Да, я душевно-больной, и я не могу вылечиться инымъ способомъ. Мы оба должны быть равны; никто не долженъ стоять выше меня.

Гоконъ. Каждый лишенный растительности островокъ составляетъ камень въ зданіи, возведенномъ Гаральдомъ Гарфагеромъ и святымъ королемъ Олафомъ, и вы хотите, чтобы я разрушилъ то, что было создано ими? Никогда!

Герцогъ Скуле. Ну, въ такомъ случаѣ будемъ попеременно пользоваться властью; каждый будетъ править по три года. Вы долго управляли страною; теперь наступаетъ мой черед. Увѣжайте изъ страны на три года;—я покамѣстъ буду королемъ; я сглажу передъ вами пути къ вашему возвращенію, я буду самымъ лучшимъ образомъ управлять и руководить всѣмъ;—такъ утомительно и тягостно стоять вѣчно на сторожѣ. Гоконъ, слышите?—по три года каждый; будемъ попеременно носить корону.

Гоконъ. Неужели вы думаете, что моя корона прійдется къ вашей головѣ?

Герцогъ Скуле. Нѣтъ короны, слишкомъ большой для меня.

Гоконъ. Необходимо получить отъ Бога право носить корону и быть призваннымъ для этого Богомъ.

Герцогъ Скуле. А вы такъ увѣренны, что Богъ не даровалъ мнѣ этого права?

Гоконъ. Ссылаюсь на Божій судъ.

Герцогъ Скуле. Не ссылайтесь на него съ такою увѣренностью. Если бы епископу было дано время говорить,—нѣтъ, это было бы напрасно, вы все равно не повѣрили бы мнѣ. Да, конечно, у васъ есть тамъ на небѣ могущественные союзники; но, тѣмъ не менѣе, я съумѣю противостоять вамъ—Вы не хотите попеременно со мною пользоваться властью? Да, да,—въ такомъ случаѣ изберемъ послѣдній исходъ.—Гоконъ, поборемся другъ съ другомъ, самъ на самъ, съ тяжелымъ оружіемъ въ рукахъ, на жизнь и смерть.

Гоконъ. Вы говорите это серьезно, герцогъ?

Герцогъ Скуле. Клянусь моею жизненной задачей и спасеніемъ моей души.

Гоконъ. Мало надежды на спасеніе вашей души!

Герцогъ Скуле. Вы не хотите бороться со мною? Вы должны, должны.

Гоконъ. Ослѣпленный человѣкъ! Я могу только сожалѣть о васъ. Вы думаете, что Богъ призываетъ васъ сѣсть на королевскій престолъ. Вы не видите, что къ этому призываетъ васъ только ваше собственное высокомѣріе. Что такъ сильно привлекаетъ васъ? Королевская корона, пурпуровая мантія, право сидѣть на пиру тремя ступеньками выше другихъ,—какія глупости! какая мелочь! —Если бы это значило быть королемъ, я давно бы бросилъ королевскую власть въ вашу шляпу, какъ бросаю нищему копѣйку.

Герцогъ Скуле. Вы знали меня съ дѣтства и можете судить обо мнѣ такимъ образомъ!

Гоконъ, Вамъ даны природою богатые дары. Вы умны, мужественны, вы созданы стоять ближе всѣхъ къ королю,—но вы не созданы быть королемъ.

Герцогъ Скуле. Это мы увидимъ теперь.

Гоконъ. Назовите мнѣ хотя бы одно королевское дѣяніе, совершенное вами въ то время. когда вы управляли королевствомъ отъ моего имени. Пользовались ли баглерцы и риббунги когда-либо большимъ могуществомъ, чѣмъ именно тогда? Вы были человѣкомъ зрѣлаго возраста, но въ странѣ кишѣли мятежныя полчища;—съумѣли ли вы справиться хотя бы съ одними изъ нихъ? Я былъ молодъ и неопытенъ, когда взялъ на себя бразды правленія,—посмотрите на меня: все пало къ моимъ ногамъ, когда я сдѣлался королемъ. Нѣтъ больше ни баглерцевъ, ни риббунговъ въ Норвегіи.

Герцогъ Скуле. Вы этимъ должны были бы меньше всего гордиться, потому что въ этомъ-то и заключается наибольшая опасность. Одно полчище должно стоять противъ другого, одно требованіе отражать другое, одна часть страны ополчаться противъ другой, если король хочетъ быть дѣйствительно могущественнымъ. Каждый поселокъ въ странѣ, каждый родъ должны либо нуждаться въ немъ, либо бояться его. Разъ вы заглушите въ странѣ всѣ раздоры, вы тѣмъ самимъ уничтожите и свою власть.

Гоконъ. И вы хотите быть королемъ,—и разсуждаете такимъ образомъ! Вы могли бы быть достойнымъ полководцемъ во времена Эрлинга Скакка; но теперь—время переросло васъ, а вы этого не замѣчаете. Развѣ вы не видите, что норвежское королевство—такое, какимъ его создали Гаральдъ и Олафъ,—можно сравнить только съ церковью, не получившею еще освященія? Стѣны, опираясь на крѣпкіе столбы, высоко подымаются вверхъ; надъ ними высоко разстилаются церковные своды, церковный шпицъ указываетъ вверхъ, подобно соснѣ въ лѣсу; но жизнь, бьющееся сердце, свѣжая струя крови—еще не находятся въ дѣйствіи; всеоживляющій Божій духъ еще не вдунутъ въ нее; она не получила освященія.—Я хочу принесть ей это освященіе. Норвегія была *королевствомъ*,—она должна сдѣлаться *народомъ*. Трондъемцы стояли противъ викверингцевъ, агдеверинги противъ гардалендингоръ, гоголэндинги противъ согндалингцевъ; всѣ должны образовать теперь—одинъ народъ и чувствовать себя—однимъ народомъ и дѣйствовать—какъ одно цѣлое. Эту-то задачу Богъ возложилъ на мои плечи; это именно дѣло должно быть выполнено теперь королемъ Норвегіи. А это дѣло, герцогъ, смѣю думать, вамъ не выполнить: вы для этого, говорю совершенно искренно, не годитесь.

Герцогъ Скуле *(пораженный)*. Собрать—? Собрать въ одно и трондъемцевъ, и викверингцевъ—всю Норвегію—? *(Недовѣрчиво)*. Это невозможно! Объ этомъ никогда не упоминалось въ исторіи Норвегіи прошлаго времени!

Гоконъ. Для *васъ* это невозможно; потому что вы можете только повторять заново прежнюю исторію; но для меня это

легко, какъ легко для сокола подняться къ облакамъ.

Герцогъ Скуле *(продолжая волноваться)*. Объединить весь народъ,—пробудить его такъ, чтобы онъ почувствовалъ себя однимъ цѣлымъ! Откуда вамъ пришла въ голову такая странная мысль? Она меня ввергаетъ въ жаръ и холодъ. *(Съ гнѣвомъ)*. Вамъ внушилъ ее діаволъ, Гоконъ; вамъ никогда не удастся выполнить ее, пока у меня хватитъ силъ носить на головѣ каску!

Гоконъ. Мысль эта внушена мнѣ Богомъ и я не откажусь отъ нея, пока ношу на головѣ корону святого Олафа.

Герцогъ Скуле. Такъ пусть падетъ съ вашей головы корона святого Олафа!

Гоконъ. Кто же сброситъ ее?

Герцогъ Скуле. Я, если никто другой этого не сдѣлаетъ.

Гоконъ. Васъ, Скуле, народное собраніе сдѣлаетъ завтра безвреднымъ.

Герцогъ Скуле. Гоконъ! Не искушайте Бога. Не доводите меня до послѣднихъ предѣловъ.

Гоконъ *(указывая на дверь)*. Уходите, герцогъ,—и забудемъ, что мы сегодня вечеромъ такъ рѣзко говорили другъ съ другомъ.

Герцогъ Скуле *(глядитъ молча на него одну минуту, затѣмъ говоритъ тихо)*. Намъ придется слѣдующій разъ говорить еще болѣе рѣзко *(Уходитъ въ глубину сцены)*.

Гоконъ *(послѣ краткаго молчанія)*. Онъ грозитъ.—Нѣтъ, нѣтъ! такъ далеко это не зайдетъ. Онъ долженъ обязательно преклониться и пасть къ моимъ ногамъ; я нуждаюсь въ этой сильной рукѣ, въ этой умной головѣ.—Если въ нашей странѣ встрѣчаются мужество и умъ, то все это способности, дарованныя Богомъ на мою пользу;—герцогъ Скуле получилъ всѣ эти дарованія только для того, чтобы служить мнѣ; противясь мнѣ, онъ противится небу; моя обязанность наказывать каждаго, который возстаетъ противъ воли неба,—потому что небо такъ много сдѣлало для меня.

Дагфиннъ Бонде *(входитъ изъ глубины сцены)*. Государь, будьте сегодня ночью осторожны; герцогъ замыслилъ что-то дурное.

Гоконъ. Что ты говоришь?

Дагфиннъ Бонде. Что онъ задумалъ—я не знаю; но что онъ задумалъ что то недоброе—это вѣрно.

Гоконъ. Неужели онъ намѣревается напасть на насъ? Невозможно! невозможно!

Дагфиннъ Бонде. Нѣтъ, это нѣчто другое. Его корабли готовы къ отплытію; на нихъ созвано народное собраніе.

Гоконъ. Ты ошибаешься.—Иди, Дагфиннъ, и принеси мнѣ вѣрныя вѣсти.

Дагфиннъ Бонде. Да, да, можете положиться на меня. *(Уходитъ)*.

Гоконъ. Нѣтъ,—это было бы немыслимо! Герцогъ не осмѣлится возстать противъ меня. Богъ не разрѣшитъ ему этого. —Богъ, сдѣлавшій такъ удивительно много добра мнѣ, до сихъ поръ! Теперь мнѣ необходимъ миръ, теперь только могу я начать дѣйствовать.—Я такъ мало исполнилъ еще; но я слышу, какъ голосъ Господа непрестанно взываетъ во мнѣ: ты свершишь великое королевское дѣло въ Норвегіи.

Грегоріусъ Іонссонъ *(входитъ изъ глубины сцены)*. Мой государь и король!

Гоконъ. Грегоріусъ Іонссонъ! Вы пришли сюда?

Грегоріусъ Іонссонъ. Я предлагаю вамъ себя въ слуги; *до сихъ поръ* я слѣдовалъ за герцогомъ; но *теперь* я не могу больше слѣдовать за нимъ.

Гоконъ. Что же случилось?

Грегоріусъ Іонссонъ. То, чему всѣ откажутся вѣрить, когда слухъ о совершившемся распространится по странѣ.

Гоконъ. Говорите! говорите!

Грегоріусъ Іонссонъ. Я страшусь услышать звукъ моихъ собственныхъ словъ.—Знайте же—*(хватаетъ его за руку и шепчетъ)*.

Гоконъ *(дѣлаетъ шагъ назадъ и восклицаетъ)*. Га, вы съ ума сошли!

Грегоріусъ Іонссонъ. Ахъ, если бы это было такъ!

Гоконъ. Неслыханно! Это не можетъ быть!

Грегоріусъ Іонссонъ. Клянусь дорогою кровью Христа, что я сказалъ правду!

Гоконъ. Идите, идите, прикажите протрубить въ рогъ; всѣ мои воины должны собраться. *(Грегоріусъ Іонссонъ уходитъ)*.

Гоконъ *(дѣлаетъ нѣсколько шаговъ взадъ и впередъ, затѣмъ быстро приближается къ двери Маргретъ, стучитъ, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ взадъ и впередъ, опять подходитъ къ двери, стучитъ и кричитъ:)* Маргретъ! *(Продолжаетъ ходить взадъ и впередъ)*.

Маргретъ *(въ дверяхъ, въ ночной одеждѣ, съ распущенными волосами; на плечахъ у нея красная мантія, которую она крѣпко сдерживаетъ у груди)*. Гоконъ! Это ты?

Гоконъ. Да, да: иди сюда.

Маргретъ. Но ты не смотри на меня; я была уже въ постели.

Гоконъ. Другія мысли теперь занимаютъ меня.

Маргретъ. Что случилось?

Гоконъ. Дай мнѣ добрый совѣтъ. Мнѣ только что принесли самое ужасное извѣстіе.

Маргретъ *(со страхомъ)*. Какое извѣстіе, Гоконъ?

Гоконъ. Что теперь въ Норвегіи два короля.

Маргретъ. Два короля въ Норвегіи! —Гоконъ, гдѣ мой отецъ?

Гоконъ. Онъ принялъ, на борту своего корабля, званіе короля—и отплылъ въ Нидаросъ, чтобы короноваться.

Маргретъ. О Боже всемогущій!— *(Опускается на скамью, закрываетъ лицо руками и плачетъ)*.

Гоконъ. Два короля въ странѣ!

Маргретъ. Одинъ изъ нихъ мой супругъ,—а другой—мой отецъ!

Гоконъ *(ходитъ тревожно взадъ и впередъ)*. Дай мнѣ добрый совѣтъ, Маргретъ. Долженъ ли я идти въ Опландъ, опередить его въ Трондьемѣ и помѣшать коронованію? Нѣтъ, это невозможно; у меня собрано слишкомъ мало войска; на сѣверѣ онъ сильнѣе меня.—Дай мнѣ совѣтъ,—какимъ образомъ убить мнѣ герцога раньше чѣмъ онъ доберется до Нидароса?

Маргретъ *(умоляющимъ голосомъ, складывая руки)*. Гоконъ, Гоконъ!

Гоконъ. Неужели ты не можешь дать мнѣ мудраго совѣта, какимъ образомъ мнѣ убить герцога?

Маргретъ *(въ отчаяніи падаетъ на колѣни со скамьи)*. Ахъ, неужели ты совсѣмъ забылъ, что онъ мой отецъ?

Гоконъ. Твой отецъ—да, да, это правда; я забылъ это! *(Подымаетъ ее)*. Садись, Маргретъ; утѣшься: не плачь ты не виновата въ этомъ. *(Подходитъ къ окну)*. Герцогъ Скуле хуже для меня, чѣмъ всѣ другіе враги. Боже, Боже,—зачѣмъ наказываешь меня такъ жестоко, когда я ни въ чемъ не прегрѣшилъ противъ тебя? *(Раздается стукъ въ дверь въ глубинѣ сцены; онъ вздрагиваетъ, прислушивается и кричитъ)*. Кто стучитъ такъ поздно вечеромъ?

Голосъ Инги *(за дверью)*. Тотъ, кто дрожитъ отъ холода, Гоконъ.

Маргретъ *(вскакивая)*. Инга!

Гоконъ *(спѣшитъ къ двери и открываетъ ее; Инга сидитъ на порогѣ)*. Матушка! Сидитъ, точно собака, передъ дверью собственнаго сына! И я спрашиваю, почему Богъ наказываетъ меня!

Инга *(протягивая ему руки)*. Гоконъ, дитя мое! Да благословитъ тебя Богъ!

Гоконъ *(подымая ее)*. Иди,—иди сюда: здѣсь свѣтло и тепло.

Инга. Я могу войти къ тебѣ?

Гоконъ. Мы никогда больше не разстанемся.

Инга. Мой сынъ,—король,—о, какъ ты добръ и милъ! Я стояла въ углу и смотрѣла на тебя, когда ты уходилъ изъ епископскаго двора; у тебя былъ такой озабоченный и грустный видъ; я не могла разстаться съ тобою такимъ образомъ.

Гоконъ. Отъ души благодарю за это Бога! Никто не могъ явиться теперь такъ кстати, какъ ты. Маргретъ,—моя мать,—я тяжко прегрѣшилъ; я закрылъ свое сердце для васъ обѣихъ, полныхъ любви ко мнѣ.

Маргретъ *(бросаясь ему на шею)*. О, Гоконъ, мой возлюбленный супругъ, такъ я дѣйствительно близка тебѣ теперь?

Гоконъ. Да, да; ты близка мнѣ; не потому, что ты можешь давать мнѣ добрые совѣты, а потому, что ты освѣщаешь и услаждаешь мой путь. Пусть будетъ, что будетъ, я ощущаю въ себѣ божественную силу.

Дагфиннъ Бонде *(быстро входитъ изъ глубины сцены)*. Государь, государь! Теперь случилось нанхудшее.

Гоконъ *(улыбается увѣренно, крѣпко прижимая къ себѣ Ингу и Маргретъ)*. Я это знаю. Но бояться нечего, старый Дагфиннъ! Если въ Норвегіи два короля, надъ нею одно только небо,—на небѣ одинъ только Господь,—и Онъ все устроитъ къ лучшему.

(Занавѣсъ падаетъ).

Дѣйствіе четвертое.

(Большая зала въ королевскомъ дворцѣ въ Осло. Король Скуле пируетъ со своею дружиною и своими вождями. На авансценѣ слѣва стоитъ тронъ, на которомъ сидитъ Скуле въ богатыхъ одеждахъ, въ пурпуровой мантіи и съ короною на головѣ. Столъ, за которымъ пируютъ гости, простирается отъ трона къ глубинѣ сцены. Прямо, противъ Скуле, сидятъ Поль Флида и Бордъ Братте. Нѣсколько менѣе почетныхъ гостей ѣдятъ стоя, съ правой стороны. Поздній вечеръ; зала сильно освѣщена. Пиръ приходитъ къ концу; многіе воины навеселѣ, нѣкоторые нѣсколько пьяны; они пьютъ, смѣются и разго варниваютъ).

Поль Флида *(встаетъ и кричитъ, заглушая шумъ)*. Тише въ залѣ;

Ятгейръ хочетъ пропѣть пѣснь въ честь короля Скуле.

Ятгейръ *(становится посреди залы).*

Весь народъ зоветъ въ Нидаросъ
Герцогъ Скуле на совѣтъ.
Королемъ себя вѣнчаетъ
Съ колокольнымъ звономъ онъ.

Черезъ Доврескардъ проходитъ
Съ тысячнымъ отрядомъ Скуле.
Гудбрансдалерницы со страху,
Откупились серебромъ —златомъ.

Черезъ Мьезенъ король Скуле.
Направляется; всѣ стонутъ;
Черезъ Раумарикъ къ Лаку
Быстро войско наступаетъ.

Это было на Святой;
Биркебейнцы ихъ встрѣчали;
Мечъ рѣшить былъ долженъ споръ.

Никогда со временъ Сверре
Битва такъ не разгоралась.
Бѣлые цвѣты въ томъ мѣстѣ,
Гдѣ шелъ бой, всѣ заалѣли.

Биркебейнцы въ бѣгъ пустились,
Щитъ и мечъ свой покидая,
Хоть на полѣ много сотенъ
Распростертыхъ ихъ осталось.

Гдѣ король Гоконъ—не знаемъ;
Скуле вести всѣ покорны.
Слава, государь, тебѣ!
Царствуй долго ты въ Норвегіи!

Воины Скуле *(вскакиваютъ съ громкими криками радости, подымаютъ кубки и бокалы, потрясаютъ своимъ оружіемъ и кричатъ):*

Слава, государь, тебѣ!
Царствуй долго ты въ Норвегіи!

Король Скуле. Спасибо за пѣснь, скальдъ Ятгейръ. Такъ я именно и люблю: потому что пѣснь восхваляетъ моихъ воиновъ столько же, сколько и меня.

Ятгейръ. Честь королю, если его воиновъ можно восхвалять!

Король Скуле. Возьми въ награду этотъ обручъ, оставайся у менѣ и слѣдуй за мною; я хочу собрать вокругъ себя много скальдовъ.

Ятгейръ. Это необходимо, государь, если вы желаете, чтобы всѣ ваши подвиги были воспѣты.

Король Скуле. Я буду втрое щедрѣе Гокона; пока я король, скальдовъ будутъ чтить и награждать наравнѣ съ другими доблестными людьми. Садись; ты принадлежишь теперь къ дружинѣ; все, чего ты пожелаешь, будетъ тебѣ дано.

Ятгейръ *(садится).* То, чего мнѣ больше всего надо, будетъ скоро не хватать у васъ, государь.

Король Скуле. Чего именно?

Ятгейръ. Королевскихъ враговъ, гибель и бѣгство которыхъ я могъ бы воспѣть.

Многіе изъ воиновъ *(со смѣхомъ и одобреніемъ).* Хорошо сказано, исландецъ!

Поль Флида *(Ятгейру).* Пѣснь была хороша; но немного лжи всегда прицутывается ко всякой пѣсни, — такъ было и въ твоей.

Ятгейръ. Лжи, господинъ военачальникъ?

Поль Флида. Да; ты сказалъ, что никто не знаетъ, гдѣ король Гоконъ находится; это неправда; насъ извѣстили навѣрняка, что Гоконъ въ Нидаросѣ.

Король Скуле *(улыбаясь).* Да, онъ заставилъ присягнуть своему сыну и далъ ему королевскій титулъ.

Ятгейръ. Я это слышалъ; но я не зналъ, что можно надѣлять другого тѣмъ, чего самъ не имѣешь.

Король Скуле. Легче всего дарить другому то, чего самъ не имѣешь.

Бордъ Братте. Но тяжело должно быть ѣхать среди зимы изъ Бергена въ Нидаросъ, въ особенности когда приходится пробираться тайкомъ

Ятгейръ. Биркебейнцы попали точно въ заколдованный кругъ: они начали холодомъ и голодомъ и кончаютъ такимъ же образомъ.

Поль Флида. Въ Бергенѣ ходитъ слухъ, что Гоконъ отрекся отъ церкви и всего святого; онъ не слушалъ обѣдни подъ новый годъ.

Бордъ Братте. Для этого у него была законная причина; онъ стоялъ цѣлый день и билъ на куски свои серебряные сосуды и блюда,—иначе онъ не могъ бы вознаградить свою дружину.

(Смѣхъ и громкіе разговоры среди гостей).

Король Скуле *(подымая кубокъ).* Теперь я пью за твое здоровье, Бордъ Братте, и благодарю тебя и всѣхъ моихъ новыхъ воиновъ. Вы мужественно сражались за меня при Локѣ и вамъ принадлежитъ значительная доля въ побѣдѣ.

Бордъ Братте. Въ этотъ день я впервые сражался подъ вашими знаменами, государь; но я тотчасъ замѣтилъ, что легко побѣждать, когда такой вождь, какъ вы, ѣдетъ верхомъ впереди своего войска. Плохо было одно: что мы убили такъ много народу и такъ долго преслѣдовали врага; теперь пройдетъ много времени, прежде чѣмъ они рѣшатся вновь выступить противъ насъ, — я этого боюсь.

Король Скуле. Подожди,--придетъ весна, и мы опять сразимся съ ними. Теперь ярлъ Кнутъ засѣлъ съ тѣми, кто спасся подъ горою у Тунсберга, а Арнбьорнъ Іонссонъ собралъ народъ на востокѣ въ Викенѣ; когда они увидятъ что войско ихъ усилилось, они сейчасъ дадутъ знать о себѣ.

Бордъ Братте. На это они не рѣшатся послѣ того страшнаго урока, какой понесли при Локѣ.

Король Скуле. Тогда мы хитростью выманимъ ихъ оттуда.

Много голосовъ. Да, да — сдѣлайте это, государь!

Бордъ Братте. Хитрости вамъ не занимать—стать, король Скуле. Ваши враги никогда не знаютъ, гдѣ вы, пока вы не покажетесь имъ; и вы всегда тамъ, гдѣ васъ меньше всего можно ожидать.

Поль Флида. Поэтому биркебейнцы и называютъ насъ весеннимп шкурами.

Король Скуле. А другіе называютъ волчьими шкурами; но клянусь, въ первый разъ, когда мы встрѣтимся, биркебейнцы узнаютъ, какъ трудно сдирать шкуру съ такихъ волковъ.

Бордъ Братте. Доброю волею они съ нами не встрѣтятся;—придется охотиться за ними по всей странѣ.

Король Скуле. И будемъ охотиться. Сначала мы очистимъ Викенъ и подчинимъ себѣ страну на востокѣ; затѣмъ сядемъ на корабли, обогнемъ мысъ и поѣдемъ вдоль всего берега въ Нидаросъ.

Бордъ Братте. И когда вы такимъ образомъ прибудете въ Нидаросъ, какъ вы думаете, откажутся и теперь монахи принести на собраніе гробъ святого Олафа, какъ они это сдѣлали весною, когда вамъ присягали?

Король Скуле. Рака должна быть вынесена; я хочу, чтобы королевскій титулъ принадлежалъ мнѣ по всѣмъ правиламъ.

Ятгейръ. А я обѣщаю вамъ сочинить большую пѣснь, когда вы убьете спящаго человѣка.

(Взрывъ смѣха среди воиновъ).

Король Скуле. Спящаго человѣка?

Ятгейръ. Развѣ вы не знаете, государь, что короля Гокона называютъ „спящій Гоконъ“, потому что онъ сидитъ точно парализованный, съ тѣхъ поръ, какъ овладѣлъ властью?

Дагфиннъ Бонде. Говорятъ, что онъ лежитъ съ закрытыми глазами. Ему снится все, что онъ еще король.

Король Скуле. Пусть ему снится; все равно королевской власти ему не видать.

Ятгейръ. Пусть онъ спитъ долго, безъ сновъ, и я получу матеріалъ для пѣсни.

Воины. Да, дѣлайте такъ, какъ говоритъ скальдъ.

Король Скуле. Когда столько доблестныхъ людей даютъ одинъ и тотъ же совѣтъ—совѣтъ долженъ быть хорошъ; но объ этомъ дѣлѣ рано еще говорить. Я только дамъ одно обѣщаніе:—каждый изъ моихъ воиновъ получитъ оружіе, одежды, золото и серебро убитаго имъ врага въ полную собственность, и каждый унаслѣдуетъ званіе убитаго имъ. Тотъ, кто убьетъ линдермапда, будетъ линдермандомъ; тотъ, кто убьетъ судью, сдѣлается самъ судьей, а всѣ тѣ, которые уже обладаютъ равносильными званіями, будутъ инымъ образомъ вознаграждены королемъ.

Воины *(вскакиваютъ съ бурною радостью)*. Да здравствуетъ король Скуле! Веди насъ противъ биркебейнцевъ!

Бордъ Братте. Теперь я увѣренъ въ побѣдѣ въ любомъ сраженіи.

Поль Флида. Я желаю сразиться съ Дагфинномъ Бонде; у него славный мечъ, какого я давно уже желаю.

Бордъ Братте. А я желаю имѣть панцырь Борда Торстейнссона; онъ защитилъ его отъ смерти при Локѣ, такъ какъ онъ уцѣлѣлъ, несмотря на всѣ удары.

Ятгейръ. Нѣтъ, уступи его лучше мнѣ; онъ больше подходитъ ко мнѣ; я дамъ тебѣ за него пять марокъ золотомъ.

Бордъ Братте. Откуда ты возьмешь пять марокъ золота, скальдъ?

Ятгейръ. Я возьму ихъ у Грегоріуса Іонссона, когда мы придемъ на сѣверъ.

Воины *(другъ другу)*. А я возьму—а я хочу—*(Остальныя слова заглушаются шумомъ)*.

Поль Флида. Довольно, отправимся всѣ по домамъ; вспомните, что вы въ гостяхъ у короля.

Воины. Да, да, — да здравствуетъ король, да здравствуетъ король Скуле!

Король Скуле. Отправляйтесь спать, добрые воины! Мы долго засидѣлись за пиромъ сегодня ночью.

Одинъ изъ дружинниковъ. *(въ то время, какъ то та начинаетъ расходиться).* Завтра мы будемъ бросать жребій на имущество биркебейнцевъ.

Другой. Пусть лучше рѣшитъ случай.

Нѣкоторые. Нѣтъ, нѣтъ.

Другіе. Да, да.

Бордъ Братте. Теперь волчьи шкуры подерутся изъ-за медвѣжьяго мѣха.

Поль Флида. А потомъ только убьютъ медвѣдя.

(Всѣ уходятъ въ глубину сцены).

Король Скуле. *(ждетъ пока его воины расходятся. Напряженіе на чертахъ его лица исчезаетъ, онъ опускается на одну изъ скамей).* Какъ я усталъ, смертельно усталъ! День за днемъ стоять среди этой толпы, смотрѣть весело впередъ, точно я непоколебимо увѣренъ въ своемъ правѣ, увѣренъ въ побѣдѣ и счастьи. Не имѣть возлѣ себя ни одного человѣка, съ которымъ я могъ бы поговорить о томъ, что такъ сильно мучитъ меня. *(Встаетъ съ выраженіемъ испуга на лицѣ).* И потомъ битва при Локѣ! Я побѣдилъ въ ней. Гоконъ отправилъ противъ меня свое войско; Богъ долженъ былъ сдѣлать выборъ между двумя королями и подѣлить ихъ,—и я побѣдилъ, побѣдилъ, какъ никто еще не побѣждалъ биркебейнцевъ. Щиты были вбиты въ снѣгъ, но за ними никого не было: биркебейнцы пустились бѣжать въ лѣсъ, черезъ равнины, и болота, и горы, со всею быстротою своихъ ногъ. Невѣроятное случилось: Гоконъ потерялъ битву, а я выигралъ. Въ этой побѣдѣ скрывается какой-то таинственный ужасъ. О, Царю Небесный!—значитъ, нѣтъ наверху непоколебимаго закона, по которому все должно идти? Значитъ, право не придаетъ побѣдоносной силы? *(Горячо).* Я боленъ, я боленъ! —Почему право не можетъ быть на моей сторонѣ? Развѣ самъ Богъ не желаетъ увѣрить меня въ немъ, даруя мнѣ побѣду? *(Размышляетъ).* — Возможность одинаково велика съ обѣихъ сторонъ;—нѣтъ на одной сторонѣ ни одного перышка больше, чѣмъ на другой, а между тѣмъ—*(качаетъ головою).* Между тѣмъ вѣсы склоняются въ пользу Гокона. Какъ только мысль о королевскомъ правѣ приходитъ неожиданно мнѣ въ голову, я бросаю на свою чашку и ненависть, и страстныя желанія, но вѣсы продолжаютъ склоняться въ пользу Гокона. Какъ только мысль о королевскомъ правѣ возникаетъ неожиданно въ моей головѣ, мнѣ всегда кажется, что истинный король онъ, а не я. Чтобы представить себя истиннымъ королемъ, я долженъ пустить въ ходъ ухищренія, воздвигать хитросплетенное зданіе, сотканное изъ натяжекъ; долженъ отгонять отъ себя воспоминанія и силою внушать себѣ вѣру. Этого прежде никогда не было. Что же случилось такого, что заставило меня сомнѣваться? То, что епископъ сжегъ письмо? Нѣтъ, —этимъ неизвѣстность увѣковѣчивалась, но не увеличивалась. Совершилъ ли Гоконъ въ послѣднее время какое-либо великое дѣло? Нѣтъ, свои величайшіе подвиги онъ совершалъ тогда, когда я меньше всего вѣрилъ въ него. *(Садится съ правой стороны).* Что это такое? Га, какъ это странно! Оно является и исчезаетъ, какъ блуждающій огонекъ, оно танцуетъ на кончикѣ языка, точно я забылъ слово и никакъ не могу его вспомнить. *(Вскакиваетъ).* Га! Наконецъ-то вспомнилъ. Нѣтъ!—Да, да вспомнилъ! —„Норвегія была королевствомъ; она должна сдѣлаться *народомъ*. Всѣ должны образовать одинъ народъ и чувствовать себя однимъ народомъ, однимъ цѣлымъ“. Съ тѣхъ поръ, какъ Гоконъ произнесъ эти безумныя слова, онъ стоитъ всегда передо мною какъ истинный король.—*(Глядитъ боязливо впередъ и шепчетъ).* Но если въ этихъ странныхъ словахъ слышалось божественное призваніе? Что если Богъ до сихъ поръ хранитъ эту мысль, а теперь захотѣлось дать ей ходъ —и избралъ своимъ исполнителемъ Гокона?

Поль Флида *(входитъ изъ глубины сцены).* Государь, у меня есть новости.

Король Скуле. Новости?

Поль Флида. Одинъ человѣкъ, пришедшій съ сѣвера отъ фіорда, разсказываетъ, что биркебейнцы въ Тунсбергѣ спустили на воду свои корабли и собрали въ послѣдніе дни въ городѣ большое количество народа.

Король Скуле. Хорошо, мы пойдемъ имъ на встрѣчу—завтра или позже.

Поль Флида. Государь, но можетъ быть, что биркебейнцы намѣреваются раньше напасть на насъ.

Король Скуле. Для этого у нихъ не хватаетъ ни кораблей, ни людей.

Поль Флида. Но Арнбьорнъ Іонсонъ стягиваетъ въ Викенъ и корабли, и войска.

Король Скуле. Тѣмъ лучше; такъ мы разобьемъ ихъ всѣ разомъ, какъ при Локѣ.

Поль Флида. Государь, не такъ-то легко два раза сряду разбить биркебейнцевъ!

Король Скуле. Почему такъ?

Поль Флида. Потому что въ норвежской исторіи не упоминается ни разу ни о чемъ подобномъ.—Не послать ли мнѣ развѣдчиковъ въ Говедо?

Король Скуле. Не зачѣмъ; теперь темная ночь и притомъ облачно.

Поль Флида. Да, да, королю лучше знать; но вспомните, государь, что всѣ здѣсь, въ Викенѣ, противъ васъ. Горожане въ Осло—ненавидятъ васъ, и если биркебейнцы придутъ, они будутъ дѣйствовать за одно съ ними.

Король Скуле *(съ оживленіемъ)*. Поль Флида, возможно ли мнѣ перетянуть на свою сторону викенцевъ?

Поль Флида. Нѣтъ, государь, это немыслимо.

Король Скуле. Почему?

Поль Флида. Потому что на вашей сторонѣ тронд'емцы.

Король Скуле. Я хочу, чтобы за меня стояли и викенцы, и тронд'емцы.

Поль Флида. Нѣтъ, государь, это невозможно.

Король Скуле. Немыслимо, невозможно! Но почему? почему?

Поль Флида. Потому что викенцы—викенцы, а тронд'емцы—тронд'емцы, и потому что въ исторіи ничего подобнаго не разсказывается, и потому что такъ было во всѣ времена.

Король Скуле. Да,—да. Ты правъ. Уходи.

Поль Флида. И вы не приказываете посылать развѣдчиковъ?

Король Скуле. Подожди до разсвѣта. *(Поль Флида уходитъ)*. Въ норвежской исторіи не говорится ни о чемъ подобномъ, такъ какъ было во всѣ времена. Поль Флида отвѣчаетъ мнѣ такъ, какъ я отвѣтилъ Гокону. Существуютъ ли ступеньки и вверху и внизу? Не возвышается ли надо мною Гоконъ совершенно такъ же, какъ я возвышаюсь надъ Полемъ Флида? Не прозрѣлъ ли Гоконъ еще не появившіяся на свѣтъ мысли, между тѣмъ, какъ мнѣ не дано было ихъ прозрѣть? Кто былъ равенъ по величію Гаральду Гарфагеру, сказавшему въ то время, когда на каждой скалѣ сидѣло по одному королю: они должны всѣ пасть, и впредь долженъ быть только одинъ король. Онъ перевернулъ вверхъ дномъ всю старую исторію и создалъ новую. *(Пауза; онъ ходитъ взадъ и впередъ, погруженный въ размышленія, затѣмъ останавливается)*. Возможно ли человѣку отнять у другого его божественное призваніе, подобно тому, какъ можно отнять оружіе и золото у павшаго врага? Можетъ ли претендентъ на престолъ присвоить и способность совершать королевскія дѣла, подобно тому, какъ онъ присваиваетъ королевскую мантію? Дубъ, срубленный для того, чтобы служить остовомъ корабля, можетъ ли онъ сказать: я хочу быть мачтою; я хочу исполнять задачу, возложенную на сосну, подыматься стройно, сіяя бѣлизною, носить на верхушкѣ золотой флагъ, блистать на солнцѣ своими бѣлыми изгибающимися парусами и далеко впереди виднѣться людямъ, ѣдущимъ по морю?—Нѣтъ, нѣтъ, ты тяжелый, узловатый дубовый стволъ, твое мѣсто подъ килемъ; тамъ ты будешь лежать и приносить пользу,—приносить ее тихо, невидимо для всѣхъ наверху; на тебѣ лежитъ обязанность спасать корабль отъ крушенія и непогоды; мачта съ золотымъ флюгеромъ и изгибающимися парусами должна вести его впередъ къ новому, непзвѣстному, къ чужимъ берегамъ, къ исторіи будущаго. *(Рѣзко)*. Съ тѣхъ поръ, какъ Гоконъ высказалъ свою великую королевскую мысль, я не вижу никакой другой идеи въ мірѣ, кромѣ этой одной. Не могу ли я взять ее себѣ и обратить въ истину? У меня не будетъ никакой другой идеи, за которую я могъ бы бороться... *(Размышляя)*. Развѣ я не могу этого сдѣлать? А если я не могу, почему я такъ полюбилъ идею Гокона?

Ятгейръ *(входитъ изъ глубины сцены)*. Извините, государь, если я прихожу—

Король Скуле. Хорошо, что ты пришелъ, скальдъ!

Ятгейръ. Я слышалъ, какъ горожане разговаривали какъ-то загадочно въ трактирѣ о—

Король Скуле. Подожди съ этимъ. Скажи мнѣ, скальдъ: ты, столько странствующій по чужимъ землямъ, видѣлъ ты когда-нибудь, чтобы женщина любила всѣмъ сердцемъ чужого ребенка? Не просто была привязана къ нему,—я не это хочу сказать; а *любила* его, любила всѣмъ сердцемъ, горячо?

Ятгейръ. Это бываетъ только съ женщинами, непмѣющими собственныхъ дѣтей, которыхъ онѣ могли бы любить.

Король Скуле. Только эти женщины—?

Ятгейръ. А чаще всего женщины безплодныя.

Король Скуле. Чаще всего безплодныя? Онѣ любятъ чужихъ дѣтей со всѣмъ пыломъ сердца?

Ятгейръ. Это часто случается.

Король. А не бываетъ ли иногда такъ, что такого рода безплодная женщина убиваетъ чужого ребенка, потому что у нея нѣтъ своего?

Ятгейръ. Бываетъ иногда, но она поступаетъ въ этомъ случаѣ неразумно.

Король Скуле. Неразумно?

Ятгейръ. Нѣтъ, потому что она передаетъ даръ скорби той, чье дитя убиваетъ.

Король Скуле. А ты думаешь, что даръ скорби такая хорошая вещь?

Ятгейръ. Да, государь.

Король Скуле *(глядитъ пристально на него)*. Въ тебѣ какъ бы два человѣка, исландецъ. Когда ты сидишь среди дружины на веселомъ пиру, ты точно мантіею окутываешь каждую свою мысль: но если остаться съ тобою наединѣ, ты бываешь похожъ на человѣка, котораго желательно избрать себѣ въ друзья. Откуда это у тебя.

Ятгейръ. Если вы хотите плавать по рѣкѣ, вы не раздѣваетесь тамъ, гдѣ долженъ проходить народъ, идущій изъ церкви, но ищете укромный уголокъ.

Король Скуле. Понятно.

Ятгейръ. Я обладаю душевною скромностью; поэтому я никогда не раздѣваюсь при столькихъ людяхъ въ залѣ.

Король Скуле. Гмъ! *(Краткая пауза)*. Скажи мнѣ, Ятгейръ, какимъ образомъ сдѣлался ты скальдомъ? Кто научилъ тебя искусству пѣснопѣнія.

Ятгейръ. Искусству пѣснопѣнія нельзя научиться, государь.

Король Скуле. Нельзя научиться? А какъ же ты съумѣлъ?

Ятгейръ. Я получилъ даръ скорби и сдѣлался скальдомъ.

Король Скуле. Значитъ, для скальда необходимъ даръ скорби?

Ятгейръ. Я нуждался въ скорби; другіе чувствуютъ потребность въ вѣрѣ, или радости,—или въ сомнѣніи—

Король Скуле. И въ сомнѣніи также?

Ятгейръ. Да; но тогда сомнѣвающійся долженъ быть силенъ и бодръ.

Король Скуле. А кого называешь ты не бодрымъ, сомнѣвающимся?

Ятгейръ. Того, кто сомнѣвается въ собственномъ сомнѣніи.

Король Скуле *(медленно)*. Это мнѣ кажется смертью.

Ятгейръ. Хуже: это мракъ.

Король Скуле *(быстро, точно отгоняя отъ себя мысль)*. Гдѣ мое оружіе? Я хочу сражатся и дѣйствовать,—но не думать. Что ты хотѣлъ сообщить мнѣ, когда пришелъ сюда?

Ятгейръ. Я хотѣлъ разсказать вамъ то, что замѣтилъ въ трактирѣ. Горожане о чемъ-то таинственно переговаривались; они смѣялись насмѣшливо и спрашивали, знаемъ ли мы навѣрняка, что король Гоконъ на западѣ; есть что-то новое, чему они радуются.

Король Скуле. Это все викенцы, а викенцы противъ меня.

Ятгейръ. Они насмѣхаются, говоря, что раку короля Олафа не могли принести на собраніе, когда вы присягали, и утверждаютъ, что это плохое предзнаменованіе.

Король Скуле. Въ слѣдующій-же разъ, когда я пріѣду въ Нидаросъ, рака будетъ вынесена; она будетъ стоять подъ открытымъ небомъ, хотя бы мнѣ пришлось обратить въ пепелъ церковь святого Олафа и расширить мѣсто собранія и на то пространство, на которомъ она нѣкогда стояла,

Ятгейръ. Великій это будетъ подвигъ, но я сочиню на это пѣснь, столь же могучую, какъ и подвигъ.

Король Скуле. Такъ у тебя много еще не сложенныхъ пѣсенъ, Ятгейръ?

Ятгейръ. Нѣтъ,—но у меня много еще не народившихся; онѣ зарождаются одна за другою, оживляются и рождаются.

Король Скуле. И если-бы я, король, имѣющій власть, приказалъ тебя убить, съ тобою умерли бы и всѣ не народившіяся еще поэтическія мысли, которыя ты носишь въ груди?

Ятгейръ. Государь, великій грѣхъ убивать прекрасную мысль!

Король Скуле. Я не спрашиваю, *грѣхъ* ли это; но я спрашиваю *возможно* ли это?

Ятгейръ. Я не знаю.

Король Скуле. Тебѣ никогда не случалось имѣть другомъ другого скальда, и не случилось ли ему излагать тебѣ могучую, чудную пѣснь, которую онъ собирался сложить?

Ятгейръ. Случалось, государь.

Король Скуле. А въ тебѣ не зарождалось тогда желаніе убить его, чтобы отнять у него его идею и самому сочинить эту пѣснь?

Ятгейръ. Государь, я не безплоденъ; у меня есть собственныя дѣти; я не чувствую потребности любить чужихъ дѣтей. *(Уходитъ).*

Король Скуле *(послѣ краткаго молчанія).* Исландецъ истинный скальдъ. Онъ высказываетъ глубокую божественную правду, не сознавая этого.—Я точно безплодная женщина. Поэтому то я люблю королевскую мысль Гокона, люблю ее со всѣмъ пыломъ моего сердца. Ахъ, если бы я могъ усыновить ее! Она умерла бы въ моихъ рукахъ. — Что лучше, чтобы она умерла въ моихъ рукахъ или выросла могучею, сильною въ его? Буду ли я знать душевный покой, если это случится? Могу ли я отречься отъ своего будущаго? Могу ли я спокойно созерцать, какъ Гоконъ станетъ преслѣдовать подобную цѣль?—Какъ все мертво и пусто во мнѣ — и вокругъ меня. Ни одного друга. Исландецъ! *(Подходитъ къ двери и кричитъ):* Скальдъ ушелъ изъ дворца?

Одинъ изъ дружинниковъ *(за дверью).* Нѣтъ, государь, онъ стоитъ въ передней и разговариваетъ со стражей.

Король Скуле. Скажи ему, чтобы онъ пришелъ ко мнѣ. *(Подходитъ къ столу: нѣсколько времени спустя входитъ Ятгейръ).* Я не могу спать, Ятгейръ; великія королевскія мысли, — понимаешь?—не даютъ мнѣ уснуть.

Ятгейръ. Я думаю, что съ мыслями короля происходитъ тоже, что и съ мыслями скальда. Онѣ взлетаютъ выше и растутъ лучше, когда вокругъ ночь и тишина.

Король Скуле. Развѣ тоже происходитъ и съ мыслями скальда?

Ятгейръ. Да, государь; никакая пѣснь не рождается при дневномъ свѣтѣ; она можетъ быть записана при солнечномъ сіяніи; но она сочиняется всегда среди ночной тишины.

Король Скуле. Кто передалъ тебѣ даръ скорби, Ятгейръ?

Ятгейръ. Та, которую я любилъ.

Король Скуле. Она, значитъ, умерла?

Ятгейръ. Нѣтъ, она мнѣ измѣнила.

Король Скуле. И тогда ты сдѣлался скальдомъ?

Ятгейръ. Да, тогда я сдѣлался скальдомъ.

Король Скуле *(хватаетъ его за руку).* Какой даръ нуженъ мнѣ для того, чтобы сдѣлаться королемъ?

Ятгейръ. Только не даръ сомнѣнія, потому что тогда вы не задавали бы мнѣ такого вопроса.

Король Скуле. Какой даръ нуженъ мнѣ?

Ятгейръ. Государь, вы, вѣдь, король.

Король Скуле. А ты всегда увѣренъ, что ты скальдъ?

Ятгейръ *(смотритъ на него минуту молча и спрашиваетъ).* Вы никогда не любили?

Король Скуле. Да, однажды,—горячо, всею душею и въ грѣхѣ.

Ятгейръ. У васъ есть жена.

Король Скуле. Ее я взялъ въ жены, чтобы рождать мнѣ сыновей.

Ятгейръ. Но у васъ есть дочь, — государь, славная, прекрасная дочь.

Король Скуле. Если бы у меня былъ сынъ, я бы не спрашивалъ тебя, чего мнѣ нужно. *(Приходя въ возбужденіе).* Мнѣ нужно имѣть около себя человѣка, который отрекся бы отъ собственной воли и слушалъ меня,—который вѣрилъ бы непоколебимо въ меня, который крѣпко держался бы меня и въ добрѣ, и въ злѣ, который жилъ бы только для того, чтобы освѣщать и согрѣвать мою жизнь, который умеръ бы, если бы я палъ. Дай мнѣ совѣтъ, скальдъ Ятгейръ!

Ятгейръ. Купите себѣ собаку, государь.

Король Скуле. Развѣ человѣка для этого недостаточно?

Ятгейръ. Такого человѣка слишкомъ долго пришлось бы вамъ искать.

Король Скуле *(внезапно).* Хочешь ты быть для меня такимъ человѣкомъ, Ятгейръ? Хочешь быть мнѣ сыномъ? Ты получишь въ наслѣдство норвежскую корону,—получишь власть и царство, если будешь мнѣ сыномъ, будешь жить для выполненія моей жизненной задачи и вѣрить въ меня.

Ятгейръ. А какая увѣренность можетъ быть у васъ, что я не представляюсь, что я не лицемѣрю—?

Король Скуле. Откажись отъ своего жизненнаго призванія: не сочиняй больше пѣсенъ,—и я повѣрю тебѣ.

Ятгейръ. Нѣтъ, государь,—это значило бы купить корону слишкомъ дорогою цѣною.

Король Скуле. Подумай хорошенько. Важнѣе быть королемъ, чѣмъ быть скальдомъ.

Ятгейръ. Не всегда,

Король Скуле. Ты, вѣдь, пожертвуешь только своими несложившимися еще пѣснями.

Ятгейръ. Несложившіяся пѣсни всегда самыя прекрасныя.

Король Скуле. Я *долженъ* — я *долженъ* имѣть возлѣ себя человѣка, который вѣрилъ въ меня. Одного только человѣка! Я это чувствую,—если бы у меня былъ такой человѣкъ, я былъ бы спасенъ.

Ятгейръ. Вѣрьте въ самого себя и вы будете спасены.

Поль Флида *(быстро вбѣгаетъ)*. Король Скуле, защищайтесь теперь. Гоконъ Гоконссонъ стоитъ у Ельгіарнесса со всѣмъ своимъ флотомъ.

Король Скуле. У Ельгіарнесса.— Онъ, значитъ, недалеко?

Ятгейръ. Теперь облечемся въ сталь и броню. Если здѣсь ночью будетъ сраженіе, я первый съ радостью паду въ защиту вашего дѣла.

Король Скуле. А между тѣмъ ты не хотѣлъ жить для меня?

Ятгейръ. Человѣкъ можетъ пасть въ защиту чужого дѣла, но если ему суждено жить, то жить онъ долженъ для своего дѣла. *(Уходитъ)*.

Поль Флида *(нетерпѣливо)*. Что вы прикажете дѣлать, государь? Биркебейнцы могутъ прибыть въ Осло черезъ часъ.

Король Скуле. Лучше всего для насъ было бы отправиться къ гробу святого Томаса Беккета: онъ помогъ уже столькимъ скорбящимъ и раскаивающимся душамъ.

Поль Флида *(громче)*. Государь, не говорите такихъ несообразностей теперь. Биркебейнцы настигаютъ насъ, повторяю вамъ.

Король Скуле. Прикажи отпереть всѣ церкви, чтобы мы могли укрыться въ нихъ.

Поль Флида. Вы можете однимъ ударомъ разбить всѣхъ вашихъ враговъ, а вы хотите укрыться въ церквяхъ!

Король Скуле. Да, да, прикажи открыть всѣ церкви.

Поль Флида. Будьте увѣрены, что Гоконъ нарушитъ церковный миръ, когда вопросъ идетъ о волчьихъ шкурахъ.

Король Скуле. Онъ этого не сдѣлаетъ. Богъ не допуститъ его до такого преступленія;—Богъ всегда охраняетъ Гокона.

Поль Флида *(съ глубокимъ, горестнымъ гнѣвомъ)*. Всякій, кто услышалъ бы васъ, говорящимъ такъ, имѣлъ бы право задать вамъ вопросъ: кто король въ этой странѣ?

Король Скуле *(съ грустною улыбкою)*. Да, Поль Флида, въ этомъ то и заключается великій вопросъ: *кто* король въ этой странѣ?

Поль Флида *(умоляющимъ голосомъ)*. Вы сегодня душевно-больной, государь; позвольте мнѣ распоряжаться вмѣсто васъ.

Король Скуле. Да, да. Иди, распоряжайся.

Поль Флида *(уходя)*. Прежде всего я велю снесть всѣ мосты.

Король Скуле. Сумашедшій человѣкъ, останься!—Снесть всѣ мосты! Знаешь, что *это* значитъ? Я испробовалъ это на себѣ,—берегись этого!

Поль Флида. Такъ что же прикажете дѣлать, государь?

Король Суле. Я хочу переговорить съ Гономъ.

Поль Флида. Онъ отвѣтитъ вамъ остріемъ своего меча.

Король Скуле. Уходи, уходи;—ты позже узнаешь мою волю.

Поль Флида. Каждая минута теперь дорога. *(Хватаетъ его за руку)*. Король Скуле, разрѣшите намъ снесть всѣ мосты, сражаться какъ волки и возложить всѣ упованія на небо.

Король Скуле *(вполголоса)*. Небо не полагается на меня, и я не могу также положиться на небо.

Поль Флида. Коротка сага о волчьихъ шкурахъ! *(Уходитъ въ глубину сцены)*.

Король Скуле. Я властвую надъ сотнями умныхъ головъ, надъ тысячью вооруженныхъ рукъ; но нѣтъ возлѣ меня ни одного любящаго, вѣрящаго въ меня сердца. Въ этомъ заключается королевская нищета,— не больше, не меньше.

Бордъ Братте *(изъ глубины сцены)*. Внизу стоятъ какіе то путники, которые просятъ позволенія переговорить съ вами, государь.

Король Скуле. Кто это?

Бордъ Братте. Какая то женщина и священникъ.

Король Скуле. Пусть войдутъ.

(Бордъ уходитъ; король Скуле садится въ раздумьи направо; немного времени спустя въ залъ входитъ одѣтая въ черное женщина; на ней плащъ, шляпа и густое покрывало, закрывающее ея лицо; священникъ слѣдуетъ за нею и остается стоять у двери).

Король Скуле. Кто ты?

Женщина. Та, которую ты любилъ.

Король Скуле *(качая головой)*. Нѣтъ женщины, которая могла бы мнѣ объ этомъ напомнить. Кто ты, спрашиваю я тебя?

Женщина. Та, которая любитъ тебя.

Король Скуле. Такъ ты, навѣрное, пришла съ того свѣта.

Женщина *(приближается и говоритъ задушевнымъ тономъ)*. Скуле Бордсонъ!

Король Скуле *(подымается съ крикомъ)*. Ингебьоргъ!

Ингебьоргъ. Узнаешь меня теперь, Скуле?

Король Скуле. Ингебьоргъ! Ингебьоргъ!

Ингебьоргъ. О, дай мнѣ посмотрѣть на тебя,—взглянуть на тебя долгимъ, долгимъ взглядомъ! *(Хватаетъ его за руку. Пауза)*. Ты, прекрасный, любимый, вѣроломный человѣкъ!

Король Скуле. Сбрось покрывало; взгляни на меня опять глазами, которые были нѣкогда такіе же голубые и чистые, какъ небо.

Ингебьоргъ. Мои глаза двадцать лѣтъ походили на дождливое небо; ты ихъ не узналъ бы теперь и никогда ихъ не увидишь.

Король Скуле. Но твой голосъ свѣжъ, мягокъ и молодъ, какъ и тогда.

Ингебьоргъ. Я употребляла свой голосъ только для того, чтобы шептать твое имя, превозносить твое величіе, и внушать вѣру въ него молодому сердцу, и чтобы молить Бога грѣшниковъ спасти насъ обоихъ, любившихъ другъ друга въ грѣхѣ.

Король Скуле. Ты это дѣлала?

Ингебьоргъ. Я молчала во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда мнѣ не приходилось восхвалять тебя; — поэтому то мой голосъ сохранилъ всю свою молодость и свѣжесть.

Король Скуле. Цѣлая жизнь лежитъ между тѣмъ временемъ и теперешнимъ. Всѣ прекрасныя воспоминанія того времени разсѣялись у меня — я все позабылъ—.

Ингебьоргъ. Это было твое право.

Король Скуле. А между тѣмъ ты, Ингебьоргъ, ты,—любящая, преданная женщина,—сидѣла тамъ, на сѣверѣ, въ леденящемъ душу одиночествѣ, сохранила эти воспоминанія и ничего не позабыла.

Ингебьоргъ. Въ этомъ заключалось мое счастье.

Королъ Скуле. И я могъ отказаться отъ тебя, чтобы пріобрѣсть власть и богатство! Если бы ты стояла рядомъ со мною, какъ моя жена, мнѣ легче было бы сдѣлаться королемъ.

Ингебьоргъ. Благодаря Богу, этого не случилось. Такой духъ, какъ мой, нуждался въ большомъ грѣхѣ, чтобы пробудиться къ раскаянію и молитвѣ.

Король Скуле. А теперь ты пришла—?

Ингебьоргъ. Какъ вдова Андреса Скіальдарбанда.

Король Скуле. Твой мужъ умеръ?

Ингебьоргъ. По дорогѣ въ Іерусалимъ.

Король Скуле. Такъ онъ искупилъ, значитъ, смертью убійство Вегарда?

Ингебьоргъ. Не для этого мой благородный мужъ надѣлъ крестъ.

Король Скуле. Не для этого?

Ингебьоргъ. Нѣтъ: онъ *мой* грѣхъ взвалилъ на свои сильныя и крѣпкія плечи, *его* хотѣлъ онъ смыть въ водахъ Іордана; за *него* и умеръ онъ.

Король Скуле *(тихо)*. Онъ зналъ все?

Ингебьоргъ. Съ первой минуты. И епископъ Николасъ зналъ объ этомъ; потому что я ему исповѣдалась въ своемъ грѣхѣ; былъ еще одинъ человѣкъ, который узналъ объ этомъ, но какимъ образомъ — я никакъ не могу понять.

Король Скуле. Кто?

Ингебьоргъ. Вегардъ Вэрадаль.

Король Скуле. Вегардъ!

Ингебьоргъ. Онъ шепнулъ моему мужу какую то насмѣшку на мой счетъ; тогда Андресъ Скіальдарбандъ вынулъ свой мечъ и убилъ его на мѣстѣ.

Король Скуле. *Онъ* защитилъ ту, которой *Я* измѣнилъ и которую позабылъ.— Зачѣмъ же ты теперь пришла ко мнѣ?

Ингебьоргъ. Чтобы пожертвовать тебѣ послѣднимъ.

Король Скуле. Что ты хочешь сказать?

Ингебьоргъ *(указывая на священника, стоящаго у двери)*. Посмотри на него.—Петеръ, сынъ мой, подойди.

Король Скуле. Твой сынъ—?

Ингебьоргъ. И *твой*, король Скуле.

Король Скуле *(какъ бы не понимая)*. Ингебьоргъ!

Петеръ *(подходитъ въ молчаливомъ волненіи и становится на колѣни передъ Скуле)*.

Ингебьоргъ. Бери его. Онъ былъ свѣточемъ моей жизни, моимъ единственнымъ утѣшеніемъ, всѣ эти двадцать лѣтъ, но теперь — ты король Норвегіи. Королевскій сынъ долженъ вступить въ свои права наслѣдства: я не имѣю больше правъ на него.

Король Скуле *(подымаетъ его съ бурною радостью)*. Сюда, къ моему сердцу, ты, котораго я такъ страстно желалъ! *(Обнимаетъ его, выпускаетъ изъ объятій, смотритъ на него и опять прижимаетъ къ своему сердцу)*. Мой сынъ! Мой сынъ! У меня сынъ! Ха, ха, ха! кто осмѣлится теперь противостоять мнѣ? *(Подходитъ къ Ингебьоргъ и беретъ ее за руку)*. И ты даешь его мнѣ, Ингебьоргъ? Ты, вѣдь, не берешь назадъ своего слова? Ты отдаешь мнѣ его?

Ингебьоргъ. Тяжела жертва, и врядъ ли я смогла бы ее принести, если бы епископъ Николасъ не отправилъ его ко мнѣ съ письмомъ и съ вѣстью о смерти Андреса Скіальдарбанда. Епископъ приказалъ мнѣ принесть эту жертву въ видѣ искупленія за мой грѣхъ.

Король Скуле. Значитъ, грѣхъ теперь заглаженъ; и теперь онъ принадлежитъ только мнѣ одному, не правда ли, мнѣ одному?

Ингебьоргъ. Да; но одно обѣщаніе требую я отъ тебя взамѣнъ.

Король Скуле. Беру въ свидѣтели небо и землю, требуй отъ меня всего, чего хочешь.

Ингебьоргъ. Онъ чистъ, какъ Божій агнецъ, теперь, когда я отдаю его въ твои руки. Опасный путь ведетъ къ королевскому престолу; смотри, чтобы онъ не погубилъ своей души. Слышишь, король Скуле, смотри, чтобы мой сынъ не погубилъ своей души.

Король Скуле. Обѣщаю и клянусь тебѣ въ этомъ!

Ингебьоргъ *(хватая его за руку)*. Какъ только ты замѣтишь, что душа его въ опасности, дай ему лучше умереть.

Король Скуле. Лучше умереть! Обѣщаю и клянусь тебѣ въ этомъ.

Ингебьоргъ. Такъ я спокойно отправляюсь на сѣверъ въ Гологоландъ.

Король Скуле. Да, можешь отправляться спокойно.

Ингебьоргъ. Тамъ я буду каяться и молиться, пока Господь не призоветъ меня къ себѣ. И когда мы встрѣтимся съ нимъ у Бога, онъ чистымъ и безгрѣшнымъ явится передъ своею матерью.

Король Скуле. Чистымъ и безгрѣшнымъ! *(Оборачивается къ Петеру)*. Дай мнѣ посмотрѣть на тебя. Да, у тебя черты матери и мои; ты тотъ, кого я такъ страстно желалъ имѣть.

Петеръ. Отецъ мой, мой великій, прекрасный отецъ! Дай мнѣ жить и бороться за тебя! Пусть твое дѣло сдѣлается моимъ, и каково бы ни было твое дѣло,— я знаю одно: что я сражаюсь за правое.

Король Скуле *(съ крикомъ радости)*. Ты вѣришь въ меня! Ты вѣришь въ меня!

Петеръ. Непоколебимо.

Король Скуле. Тогда все будетъ хорошо; тогда я навѣрное спасусь. Послушай, ты долженъ сбросить съ себя священническую одежду; архіепископъ освободитъ тебя отъ церковнаго обѣта; королевскій сынъ долженъ носить мечъ, непрестанно стремиться къ власти и почестямъ.

Петеръ. Вмѣстѣ съ тобою, мой великій отецъ! Рука объ руку будемъ мы идти впередъ.

Король Скуле *(прижимая его къ себѣ)*. Да, рука объ руку, мы вдвоемъ.

Ингебьоргъ. Любить, всѣмъ жертвовать и быть забытой—таковъ мой удѣлъ. *(Тихо уходитъ въ глубину сцены)*.

Король Скуле. Великое королевское дѣло должно быть теперь выполнено въ Норвегіи. Петеръ, сынъ мой, слушай! Мы пробудимъ и соединимъ въ одно весь народъ: викенцевъ и трондъемцевъ, гологоландцевъ и агдевернцевъ, опландцевъ и согндалицевъ,—всѣ должны образовать какъ бы одинъ великій родъ,—можешь ты представить себѣ, какою могучею сдѣлается тогда наша страна?

Петеръ. Какая великая, возвышенная идея!

Король Скуле. Ты ее понимаешь?

Петеръ. Да,—да.—Ясно.

Король Скуле. И вѣришь въ нее?

Петеръ. Да, да: потому что я вѣрю въ тебя.

Король Скуле *(горячо)*. Гоконъ Гоконссонъ долженъ пасть.

Петеръ. Если ты находишь, что такъ слѣдуетъ, такъ пусть онъ падетъ!

Король Скуле. Это будетъ стоить много крови: но ничего другого нельзя придумать.

Петеръ. Кровь, льющаяся изъ за твоего дѣла, льется не напрасно.

Король Скуле. Твоею будетъ вся власть, когда я укрѣплю королевство на

прочныхъ началахъ. Ты возсядешь на королевскій престолъ, съ короною на головѣ, въ пурпурной мантіи, развѣвающейся вокругъ твоихъ плечъ: всѣ жители страны преклонятся передъ тобою—*(Звуки трубъ доносятся издали).* Га, что это? *(Вскрикиваетъ).* Биркебейнцы! Что говорилъ мнѣ Поль Флида—? *(Бѣжитъ въ глубину сцены).*

Поль Флида *(входитъ и кричитъ).* Теперь наступилъ нашъ послѣдній часъ, король Скуле!

Король Скуле *(въ ужасѣ).* Биркебейнцы! Войско короля Гокона! Гдѣ они?

Поль Флида. Они тысячами двигаются черезъ Екебергъ.

Король Скуле. Трубите къ оружію! Трубите! трубите! Посовѣтуй мнѣ, гдѣ намъ лучше всего встрѣтить ихъ.

Поль Флида. Всѣ церкви открыты для насъ.

Король Скуле. Я говорю о биркебейнцахъ.

Поль Флида. Для нихъ открыты всѣ мосты.

Король Скуле. Несчастный человѣкъ, что ты надѣлалъ?

Поль Флида. Я только повиновался своему королю.

Король Скуле. Сынъ мой! Сынъ мой! Горе мнѣ! Я проигралъ твое королевство.

Петеръ. Нѣтъ, ты побѣдишь. Такая великая королевская мысль не можетъ умереть.

Король Скуле. Молчи! молчи! *(Звуки трубъ и крики приближаются).* На коней! Къ оружію! Здѣсь болѣе важный вопросъ на картѣ, чѣмъ вопросъ о жизни и смерти нѣсколькихъ людей! *(Бѣжитъ въ глубину сцены, остальные слѣдуютъ за нимъ).*

УЛИЦА ВЪ ОСЛО.

(Низкіе деревянные дома съ крыльцами по обѣимъ сторонамъ. Въ глубинѣ сцены—кладбище св. Гальварда, окруженное высокою стѣною съ воротами. На лѣвой сторонѣ у конца стѣны виднѣется церковь; главныя врата ея стоятъ открытыми. Еще ночь; мало по малу начинаетъ свѣтать. Слышатся звуки набата; далеко направо доносятся отдаленные воинственные крики и смутный шумъ).

Трубачъ короля Скуле *(входитъ справа, трубитъ и кричитъ).* Къ оружію! Къ оружію, всѣ воины короля Скуле! *(Опять трубитъ и идетъ дальше; нѣсколько времени спустя слышно, какъ онъ трубитъ и кричитъ на сосѣдней улицѣ).*

Женщина *(выходитъ на порогъ дома, направо).* Боже милосердный, что это такое?

Горожанинъ *(выходитъ полуодѣтый изъ дома на противоположной сторонѣ улицы).* Биркебейнцы въ городѣ. Теперь Скуле получитъ должное возмездіе за всѣ свои беззаконія.

Одинъ изъ воиновъ Скуле *(вбѣгаетъ съ нѣкоторыми другими изъ боковой улицы налѣво, съ плащемъ и оружіемъ въ рукахъ).* Гдѣ биркебейнцы?

Другой изъ воиновъ Скуле *(изъ дома направо).* Не знаю.

Первый. Тише! тише!—Они, должно быть, внизу у Гейтскаго моста.

Другой. Побѣжимъ же туда, къ Гейтскому мосту. *(Всѣ бѣгутъ направо; одинъ горожанинъ вбѣгаетъ съ той же стороны).*

Первый горожанинъ. Эй, сосѣдъ, откуда вы?

Другой горожанинъ. Снизу, изъ Лоельвена: тамъ уже заварилась каша.

Женщина. Святой Олафъ и святой Гальвардъ! Это биркебейнцы, или кто-нибудь другой?

Второй горожанинъ. Конечно, это биркебейнцы; съ ними и король Гоконъ; весь флотъ стоитъ внизу у мостовъ; самъ же онъ вышелъ на берегъ съ лучшими воинами внизу у Екебергстуена.

Первый горожанинъ. Значитъ, онъ отомститъ за своихъ воиновъ, павшихъ при Локѣ!

Второй горожанинъ. Да, на это можете положиться.

Первый горожанинъ. Посмотрите-ка сюда.—Всѣ волчьи шкуры бѣгутъ.

(Толпа воиновъ Скуле спасается бѣгствомъ справа).

Одинъ изъ воиновъ. Въ церковь! Никто не въ силахъ устоять противъ биркебейнцевъ, такъ, какъ они ведутъ себя сегодня ночью.

(Толпа бѣжитъ въ церковь и запираетъ извнутри дверь).

Второй горожанинъ *(выглядываетъ справа).* Я замѣчаю знамя внизу улицы; это должно быть знамя короля Гокона.

Первый горожанинъ. Видишь, какъ волчьи шкуры бѣгутъ.

(Новая толпа вбѣгаетъ справа).

Одинъ изъ толпы. Спрячемся въ церковь и будемъ просить помилованія. *(Бросаются къ двери).*

Многіе изъ волчьихъ шкуръ. Заперта! заперта!

Первый. Значитъ, вверхъ къ Мартестокку.

Второй. Гдѣ король Скуле?

Первый. Не знаю. Впередъ, я вижу уже знамя биркебейнцевъ.

(Бѣгутъ мимо церкви налѣво).

Гоконъ *(входитъ справа съ своимъ знаменосцемъ, Грегоріусомъ Іонссономъ, Дагфинномъ Бонде и многими другими воинами).*

Дагфиннъ Бонде. Слышите воинственные клики? Скуле стягиваетъ своихъ воиновъ за кладбищемъ.

Старый горожанинъ *(кричитъ со своего крыльца Гокону).* Берегитесь, дорогой государь. Волчьи шкуры злы, теперь они будутъ сражаться за свою жизнь.

Гоконъ. Это ты, старый Гуттормъ Ерлендссонъ? Ты сражался и за моего отца, и за моего дѣда.

Горожанинъ. Далъ бы Богъ, чтобы я могъ сражаться также и за васъ!

Гоконъ. Ты для этого слишкомъ старъ, да въ этомъ и нѣтъ надобности; ко мнѣ отовсюду стекается народъ.

Дагфиннъ Бонде. *(указываетъ на верхушку стѣны справа).* Вотъ знамя герцога.

Грегоріусъ Іонссонъ. Вотъ и самъ герцогъ! Онъ ѣдетъ верхомъ на бѣломъ боевомъ конѣ.

Дагфиннъ Бонде. Надо помѣшать ему выѣхать черезъ эти ворота.

Гоконъ. Трубите! трубите! *(Трубачъ трубитъ).* Лучше трубилъ ты, собачье отродье, когда трубилъ за деньги на Бергенскомъ мосту.

(Трубачъ трубитъ опять, на этотъ разъ громче, чѣмъ въ первый разъ; вбѣгаетъ много народа).

Волчья шкура *(справа, бѣжитъ къ церкви, преслѣдуемый биркебейнцемъ).* Пощадите жизнь! Пощадите жизнь!

Биркебейнецъ. Нѣтъ, хотя бы ты сѣлъ на алтарь. *(Зарубливаетъ его).* Драгоцѣнный плащъ у тебя; онъ мнѣ пригодится. *(Хочетъ снять плащъ, но испускаетъ крикъ и отбрасываетъ отъ себя мечъ).* Господинъ король! ни одного удара больше не нанесу я за васъ!

Дагфиннъ Бонде. И ты говоришь это въ такую минуту?

Биркебейнецъ. Ни одного удара больше!

Дагфиннъ Бонде. *(зарубливаетъ его).* Нѣтъ, теперь ты можешь больше не трудиться.

Биркебейнецъ. *(указывая на убитаго имъ воина).* Мнѣ казалось, что я сдѣлалъ достаточно, убивши собственнаго брата. *(Умираетъ).*

Гоконъ. Собственнаго брата.

Дагфиннъ Бонде. Какъ? *(Подходитъ къ трупу волчьей шкуры).*

Гоконъ. Это правда?

Дагфиннъ Бонде. Правда.

Гоконъ. *(потрясенный).* Это ясно показываетъ, до чего доводитъ насъ война. Братъ противъ брата, отецъ противъ сына, — клянусь Богомъ всемогущимъ, надо положить этому конецъ.

Грегоріусъ Іонссонъ. Вотъ идетъ герцогъ, сражаясь съ соратниками ярла Кнута.

Дагфиннъ Бонде. Заприте передъ нимъ ворота, королевскіе воины.

(За стѣною показываются сражающіеся. Волчьи шкуры прокладываютъ себѣ путь на лѣво, оттискивая биркебейнцевъ шагъ за шагомъ. Король Скуле ѣдетъ верхомъ на своемъ бѣломъ конѣ, съ вынутымъ изъ ноженъ мечемъ. Теперь идетъ рядомъ съ нимъ, держа коня подъ уздцы правою рукою, а въ лѣвой поднимая вверхъ распятіе. Поль Флида несетъ знамя короля Скуле, голубое съ стоящимъ золотымъ львомъ).

Король Скуле. Рубите ихъ направо и налѣво! Не щадите никого! Новый претендентъ на престолъ появился въ Норвегіи.

Биркебейнецъ. Онъ говоритъ: новый претендентъ на престолъ.

Гоконъ. Скуле Бордссонъ, раздѣлимъ между собою королевство.

Король Скуле. Все или ничего.

Гоконъ. Подумайте о королевѣ, вашей дочери.

Король Скуле. У меня сынъ, у меня сынъ! Я думаю только о немъ одномъ.

Гоконъ. У меня также сынъ;—если я погибну, то королевство достанется ему.

Король Скуле. Убейте королевское дитя, гдѣ бы вы его ни нашли. Убейте его на королевскомъ престолѣ: убейте

его передъ алтаремъ; убейте его, убейте его на рукахъ самой королевы!

Гоконъ. Ты самъ произнесъ приговоръ себѣ.

Король Скуле (*рубитъ направо и налѣво*). Убивайте, убивайте всѣхъ! У короля Скуле сынъ. Убивайте, убивайте! (*Борьба переходитъ налѣво*).

Грегоріусъ Іонссонъ. Волчьи шкуры прокладываютъ себѣ путь.

Дагфиннъ Бонде. Да, но только для того, чтобы бѣжать.

Грегоріусъ Іонссонъ. Да, клянусь небомъ,—другія ворота открыты,—они всѣ убѣгутъ.

Дагфиннъ Бонде (*кричитъ*). За ними, къ Мартестокку, за ними, ярлъ Кнутъ! Отомстите за бойню при Локѣ!

Гоконъ. Вы слышали; онъ объявилъ моего сына внѣ закона,—моего невиннаго ребенка, законнаго короля Норвегіи послѣ меня!

Воины короля. Да, да, мы это слышали.

Гоконъ. Чего заслуживаетъ онъ въ наказаніе за такое преступленіе?

Воины. Смерти.

Гоконъ, Такъ пусть же онъ умретъ! (*Подымаетъ руку для присяги*). Здѣсь я клянусь въ этомъ: Скуле Бордссонъ долженъ быть убитъ, гдѣ бы вы его ни встрѣтили, на неосвященной землѣ.

Дагфиннъ Бонде. Долгъ каждаго вѣрноподданнаго убить его.

Одинъ биркебейнецъ (*слѣва*). Герцогъ Скуле бѣжитъ.

Горожане. Биркебейнцы побѣдили.

Гоконъ. Куда онъ убѣжалъ?

Биркебейнецъ. Мимо Мартестокка вверхъ къ Ейдсвольду. У большинства были лошади, которыя стояли готовыми на улицахъ, иначе имъ бы не сдобровать,—ни одинъ бы не спасся.

Гоконъ. Благодареніе Богу за помощь, оказанную намъ и на этотъ разъ! Теперь королева можетъ безопасно сойти на берегъ съ корабля.

Грегоріусъ Іонссонъ (*указывая направо*). Она уже на берегу, государь; она идетъ сюда.

Гоконъ (*лицамъ, стоящимъ ближе всего къ нему*). Самое тяжелое впереди; она любящая дочь,—слушайте,—ни слова ей объ опасности, угрожающей ея ребенку! Обѣщайте мнѣ всѣ, въ одинъ голосъ, защищать сына вашего короля; но не доводите ничего до ея свѣдѣнія.

Воины (*вполголоса*). Обѣщаемъ.

Маргретъ (*входитъ съ женщинами и свитою справа*). Гокопъ, мой супругъ! Небо охранило тебя: ты побѣдилъ и остался невреднмъ.

Гокопъ. Да, я побѣдилъ. Гдѣ дитя?

Маргретъ. На королевскомъ кораблѣ, въ рукахъ вѣрныхъ людей.

Гоконъ. И вы идите туда. (*Нѣсколько воиновъ уходятъ*).

Маргретъ. Гдѣ—гдѣ герцогъ Скуле?

Гоконъ. Онъ направился въ Опландъ.

Маргретъ. Такъ онъ остался живъ? —Супругъ мой, могу ли я благодарить Бога за то, что онъ остался живъ?

Гоконъ (*послѣ тяжелой борьбы*). Выслушай меня, Маргретъ; ты была мнѣ вѣрною женою, слѣдовала за мною повсюду, раздѣляя и горе, и счастье; ты выказывала мнѣ все время самую нѣжную любовь; — я же теперь долженъ нанесть тебѣ тяжелое горе; я обязанъ это сдѣлать, какъ мнѣ ни тяжело; я король, поэтому—

Маргретъ (*напряженно*). Это касается герцога?

Гоконъ. Да. Для меня не можетъ быть болѣе тяжкой участи, какъ проводить свою жизнь вдали отъ тебя: но если ты найдешь, что такъ необходимо послѣ того, что я скажу тебѣ,—если ты найдешь, что не можешь больше идти рука объ руку со мною, не можешь глядѣть на меня, не блѣднѣя—ну, въ такомъ случаѣ мы разстанемся,—чтобы жить каждый для себя,— и я не стану обвинять тебя за это.

Маргретъ. Разстаться съ тобою! Какъ ты можешь допускать такую мысль! Дай мнѣ твою руку—

Гоконъ. Не дотрагивайся до нея.— Она только что подымалась для клятвы—

Маргретъ. Для клятвы?

Гоконъ. — наложившей нерушимую печать на смертный приговоръ.

Маргретъ (*вскрикиваетъ*). Мой отецъ! О, мой отецъ! (*Шатается; нѣсколько женщинъ спѣшатъ къ ней на помощь и поддерживаютъ ее*).

Гокопъ. Да, Маргретъ, — какъ король я присудилъ твоего отца къ смерти.

Маргретъ. Значитъ, онъ теперь прегрѣшилъ больше, чѣмъ тогда, когда принялъ званіе короля.

Гоконъ. Да,—и если ты находишь теперь, что мы должны разстаться, такъ разстанемся.

Маргретъ (*приближаясь къ нему, съ энергіею*). Мы никогда не разстанемся. Я твоя жена, ничто больше въ мірѣ, какъ только твоя жена.

Гоконъ. Достаточно ли ты сильна? Все ли ты разслышала? Все ли ты поняла? Я осудилъ на смерть твоего отца.

Маргретъ. Я все разслышала и все поняла. Ты осудилъ на смерть моего отца.

Гоконъ. И ты не требуешь у меня разъясненія, въ чемъ заключалось его преступленіе?

Маргретъ. Достаточно, если *ты* знаешь его.

Гоконъ. Но, вѣдь, я присудилъ его къ *смерти*.

Маргретъ *(падаетъ на колѣни передъ королемъ и цѣлуетъ его руку)*. Мой супругъ и властелинъ, ты разсудилъ правильно.

(Занавѣсъ падаетъ).

Дѣйствіе пятое.

(Комната въ королевскомъ дворцѣ въ Нидаросѣ. Входная дверь направо; впереди на той же сторонѣ окно. Налѣво меньшая дверь. Темно; Поль Флида, Бордъ Братте и многіе изъ наиболѣе выдающихся воиновъ Скуле стоятъ у окна и глядятъ изъ него вверхъ).

Одинъ дружинникъ. Какъ горитъ небо!

Другой. Зарево обняло половину неба, точно пылающій мечъ.

Бордъ Братте. Святой король Олафъ, что предвѣщаетъ это ужасное знаменіе?

Старый воинъ. Оно предвѣщаетъ навѣрное смерть великаго вождя.

Поль Флида. Смерть Гокона, добрые воины. Онъ стоитъ тамъ въ фіордѣ съ флотомъ; мы каждую минуту ждемъ его; онъ можетъ еще къ вечеру нагрянуть въ городъ;—на этотъ разъ наша очередь побѣдить.

Бордъ Братте. Не разсчитывайте на побѣду: наше войско не отличается теперь мужествомъ.

Старый воинъ. Это, положимъ, правда; со времени бѣгства изъ Осло король Скуле заперся и не хочетъ ни видѣться со своими воинами, ни говорить съ ними.

Первый дружинникъ. Въ городѣ не знаютъ, что думать—живъ ли онъ или мертвъ.

Поль Флида. Король долженъ выйти, какъ бы боленъ онъ ни былъ. Пойди, переговори съ нимъ, Бордъ Братте,—вопросъ идетъ о жизни всѣхъ насъ.

Бордъ Братте. Ничего не помогаетъ; я уже нѣсколько разъ заговаривалъ съ нимъ.

Поль Флида. Такъ я пойду попробую. *(Подходитъ къ двери налѣво и стучитъ)*. Господинъ король, вы должны взять управленіе въ ваши руки; дальше дѣла идти такимъ образомъ не могутъ.

Король Скуле *(за дверью)*. Я боленъ, Поль Флида.

Поль Флида. Какъ же можетъ быть иначе? Вы уже два дня ничего не ѣли; вы должны подкрѣпить себя, полечиться—

Король Скуле. Я боленъ.

Поль Флида. Клянусь Всемогущимъ, это не поможетъ. Король Гоконъ прибылъ уже въ фіордъ и мы его съ минуты на минуту ждемъ въ Нидаросъ.

Король Скуле. Сразитесь съ нимъ вмѣсто меня. Убейте его и королевскаго ребенка.

Поль Флида. Вы должны лично присутствовать при этомъ, государь.

Король Скуле. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,—счастье и побѣда будутъ скорѣе на вашей сторонѣ, когда *меня* не будетъ съ вами.

Петеръ *(выходитъ справа; онъ въ бранной одеждѣ)*. Какое-то безпокойство царитъ среди горожанъ; они собираются большими толпами передъ королевскимъ дворцомъ.

Бордъ Братте. Если король не выйдетъ къ нимъ и не успокоитъ ихъ, они измѣнятъ ему въ самую опасную для него минуту.

Петеръ. Такъ онъ долженъ переговорить съ нимъ. *(У двери слѣва)*. Отецъ! Трондьемцы, твои вѣрнѣйшіе воины, отпадутъ отъ тебя, если ты не подстрекнешь ихъ мужества.

Королъ Скуле. Что говоритъ скальдъ?

Петеръ. Скальдъ?

Король Скуле. Скальдъ, который палъ, сражаясь за меня при Осло. „Нельзя дать того, чего самъ не имѣешь“, сказалъ онъ.

Петеръ. Значитъ, ты не можешь отдать и королевства, потому что оно мое послѣ тебя.

Король Скуле. Я иду.

Поль Флида. Слава Богу!

Король Скуле *(выходитъ изъ двери; онъ имѣетъ блѣдный и изнуренный видъ; волоса его сильно посѣдѣли)*. Не

смотрите на меня. Я не хочу, чтобы вы смотрѣли на меня теперь, когда я боленъ. *(Подходитъ къ Петеру).* Отнять у тебя королевство, сказалъ ты? О, Царю Небесный, что я чуть было не сдѣлалъ!

Петеръ. О, прости мнѣ; я знаю, что ты дѣлаешь все къ лучшему.

Король Скуле. Нѣтъ, нѣтъ, не теперь;—но я хочу теперь быть опять здоровымъ и сильнымъ;—я хочу дѣйствовать.

Громкіе крики *(за дверью направо).* Король Скуле! Король Скуле!

Король Скуле. Что это?

Бордъ Братте *(у окна).* Горожане идутъ всѣ сюда; весь королевскій дворъ полонъ народа;—вы должны переговорить съ ними.

Король Скуле. Развѣ я имѣю видъ короля? Развѣ я могу теперь говорить?

Петеръ. Ты долженъ, мой благородный отецъ.

Король Скуле. Хорошо, пусть будетъ по вашему. *(Подходитъ къ окну и отдергиваетъ занавѣсъ, но быстро выпускаетъ ее изъ рукъ и съ крикомъ отступаетъ).* Огненный мечъ опять поднять надо мною.

Петеръ. Онъ предвѣщаетъ, что мечъ побѣды вынутъ изъ ноженъ для тебя.

Король Скуле. Да, можетъ быть и такъ. *(Подходитъ къ окну и говоритъ).* Трондьемцы, чего вы хотите? — Здѣсь стоитъ вашъ король.

Одинъ горожанинъ *(за дверью).* Уѣзжайте изъ города. Биркебейнцы всѣхъ убьютъ и все сожгутъ, если застанутъ васъ здѣсь.

Король Скуле. Мы должны всѣ держаться вмѣстѣ. Я былъ для васъ милостивымъ королемъ; я требовалъ только небольшихъ военныхъ налоговъ.

Мужской голосъ *(изъ толпы).* А вся та кровь, которая текла при Локѣ и Осло?

Одна женщина. Отдай мнѣ моего жениха!

Мальчикъ. Отдай мнѣ моего отца и моего брата.

Другая женщина. Отдай мнѣ моихъ трехъ сыновей, король Слуле!

Одинъ человѣкъ. Онъ не король, потому что ему не присягали у раки святого Олафа.

Много голосовъ. Нѣтъ, нѣтъ, — ему не присягали у раки святого Олафа. Онъ не король.

Король Скуле *(отступаетъ за занавѣсъ).* Не присягали!—Не король!

Поль Флида. Къ несчастію, гробъ святого не былъ вынесенъ тогда, когда васъ избрали.

Бордъ Братте. Если горожане измѣнятъ намъ, мы не можемъ оставаться въ Нидаросѣ и ждать здѣсь прихода биркебейнцевъ.

Король Скуле. А они измѣнятъ мнѣ, если не будетъ принесена присяга у раки святого.

Петеръ. Такъ прикажи вынести гробъ и пусть тебѣ немедленно присягнутъ надъ гробомъ.

Поль Флида *(качая головою).* Какъ это возможно сдѣлать?

Петеръ. Развѣ есть что-нибудь невозможное, когда вопросъ идетъ о *немъ?* Прикажите трубить призывъ на собраніе и вынесите гробъ.

Нѣкоторые изъ воиновъ *(отступая).* Оскорбленіе святыни!

Петеръ. Какое тамъ оскорбленіе святыни!—идите, идите! Монахи держатъ сторону короля Скуле; они дадутъ свое согласіе.—

Поль Флида. Они его не дадутъ; они не посмѣютъ дать согласіе безъ архіепископа.

Петеръ. Вы, королевскіе воины и не хотите помочь, когда на картѣ стоитъ такое важное дѣло. Хорошо, тамъ внизу есть другіе, которые будутъ дѣйствовать получше васъ. Мой отецъ и король,—монахи уступятъ; я буду молить ихъ, я буду настаивать; велите трубить призывъ на собраніе; ты по праву будешь носить имя короля. *(Спѣшитъ направо),*

Король Скуле *(сіяя отъ радости).* Вы видѣли его? Вы видѣли моего чуднаго сына? Какъ его глаза блестѣли! Да мы всѣ будемъ бороться и побѣдимъ. Сколько войска у биркебейнцевъ?

Поль Флида. Они не настолько сильны, чтобы мы не одолѣли ихъ, лишь бы горожане не измѣнили намъ.

Король Скуле. *Они* намъ не измѣнятъ. Мы всѣ должны дѣйствовать теперь единодушно и разъ навсегда покончить съ этою ужасною борьбою. Развѣ вы не видите, что само небо приказываетъ намъ положить ей конецъ? Небо гнѣвается на всю Норвегію за безобразія, которыя въ ней такъ давно совершаются. Пылающій мечъ виднѣется высоко надъ

нами цѣлую ночь; женщины падаютъ и рождаютъ въ церквяхъ; душевная болѣзнь овладѣваетъ священниками и монахами; они бѣгутъ по улицамъ и кричатъ, что наступаетъ день страшнаго суда. Да, клянусь Богомъ, это должно, наконецъ, прекратиться однимъ ударомъ.

Поль Флида. Что-же прикажете сдѣлать для того, чтобы прекратить это?

Король Скуле. Всѣ мосты должны быть разрушены.

Поль Флида. Ступай и прикажи разрушить всѣ мосты.

(Одинъ изъ воиновъ уходитъ направо).

Король Скуле. Пусть всѣ воины соберутся внизу на лугу; ни одинъ биркебейнецъ не долженъ быть допущенъ въ Нидаросъ.

Поль Флида. Хорошо сказано, государь!

Король Скуле. Когда рака святого будетъ вынесена, велите трубить призывъ на собраніе. Надо будетъ созвать войско и горожанъ.

Поль Флида *(къ одному изъ воиновъ)*. Иди и прикажи трубачамъ трубить на улицахъ. *(Воинъ уходитъ).*

Король Скуле *(говоритъ, обращаясь къ толпѣ изъ окна)*. Крѣпко стойте за меня, вы всѣ, что скорбите и плачете тамъ. Въ странѣ вновь воцарятся миръ и счастье, какъ въ прекрасные дни Гокона перваго, когда посѣвъ два раза въ лѣто давалъ жатву. Крѣпко держитесь меня; положитесь на меня. Вѣрьте мнѣ; я такъ невѣроятно сильно нуждаюсь въ этомъ. Я буду идти впередъ и сражаться за васъ; я буду проливать свою кровь и погибну за васъ, если это будетъ нужно; но не измѣняйте мнѣ и не сомнѣвайтесь во мнѣ. — *(Громкій крикъ, какъ бы ужаса, раздается въ толпѣ).* Что это такое?

Дикій голосъ. Молитесь, молитесь!

Бордъ Братте *(выглядываетъ изъ окна)*. Діаволъ вселился въ священника.

Поль Флида. Онъ рветъ на себѣ свою рясу и бичуетъ себя плетью.

Голосъ. Молитесь, молитесь; насталъ день страшнаго суда.

Много голосовъ. Бѣгите, бѣгите; Горе Нидаросу! Такое ужасное преступленіе!

Король Скуле. Что случилось?

Бордъ Братте. Всѣ бѣгутъ, всѣ отступаютъ, точно среди нихъ появился дикій звѣрь.

Король Скуле. Да, всѣ бѣгутъ — *(съ крикомъ радости)*. Га, все равно!— мы спасены: посмотрите, посмотрите, — гробъ короля Олафа стоитъ среди двора.

Поль Флида. Гробъ святого Олафа!

Бордъ Братте. Да, клянусь небомъ, онъ стоитъ на дворѣ.

Король Скуле. Монахи остались вѣрны мнѣ; никогда еще они такъ хорошо не поступали.

Поль Флида. Слышите? Трубятъ на собраніе.

Король Скуле. Наконецъ-то мнѣ принесутъ присягу по закону.

Петеръ *(возвращается)*. Надѣнь королевскую мантію; святой гробъ стоитъ тамъ.

Король Скуле. Ты спасъ такимъ образомъ королевство для себя и для меня; мы вдесятеро вознаградимъ славныхъ монаховъ за сдѣланную ими уступку.

Петеръ. Монаховъ, мой отецъ?—ихъ тебѣ не за что благодарить.

Король Скуле. Развѣ не *они* помогли тебѣ?

Петеръ. Отъ имени церкви прокляли всякаго, кто рѣшится дотронуться до святыни.

Король Скуле. Такъ это архіепископъ—? Значитъ, онъ уступилъ, наконецъ?

Петеръ. Архіепископъ произнесъ еще болѣе сильное проклятіе, чѣмъ монахи.

Король Скуле. Отсюда я вижу, что у меня все еще есть преданные воины. Вы толпились здѣсь со страхомъ и колебались, вы, стоящіе ближе всѣхъ ко мнѣ,— а тамъ въ толпѣ у меня были люди которые рѣшили взять на себя такой страшный грѣхъ изъ-за меня.

Петеръ. У тебя нѣтъ ни одного преданнаго человѣка, который рѣшился бы взять на свою душу такой грѣхъ.

Король Скуле. Боже всемогущій, неужели случилось знаменіе,—кто вынесъ святыню?

Петеръ. Я, мой отецъ.

Король Скуле *(съ крикомъ)*. Ты?

Воины *(отступаютъ)*. Онъ совершилъ святотатство.

(Поль Флида, Бордъ Братте и нѣсколько другихъ выходятъ).

Петеръ. Это необходимо было сдѣлать. Ты не можешь положиться ни на чью вѣрность, пока тебѣ не принесутъ присяги по закону. Я просилъ, я молилъ монаховъ,— все напрасно. Тогда я взломалъ церковныя врата: никто не рѣшился послѣдовать за мною. Я вскочилъ на алтарь, крѣпко схва-

тился за ручку и уперся колѣнями: какая-то таинственная власть надѣлила меня сверхчеловѣческими силами. Гробъ двинулся, я стащилъ его внизъ на полъ церкви, между тѣмъ какъ проклятія точно буря проносились наверху подъ сводами; вынесъ гробъ изъ церкви; всѣ бѣжали передо мною, уступая мнѣ дорогу; когда я дошелъ до средины королевскаго двора, ручка сломилась: вотъ она. *(Показываетъ ее).*

Король Скуле *(тихо, пораженный ужасомъ).* Ты совершилъ святотатство.

Петеръ. Ради тебя, ради твоей великой королевской идеи. Но ты загладишь мой грѣхъ; все дурное ты загладишь. Съ тобою воцарятся въ странѣ счастье и миръ; настанетъ для народа радостный день; что за бѣда, если ему одну ночь предшествовало ненастье?

Король Скуле. Твоя голова была окружена точно святымъ сіяніемъ, когда твоя мать привела тебя ко мнѣ;—а теперь мнѣ кажется, что вокругъ нея видно сіяніе проклятья.

Петеръ. Отецъ, отецъ, не думай обо мнѣ; не бойся за меня! Я вѣдь только исполнилъ твою волю,—какъ же это можетъ быть поставлено мнѣ въ вину?

Король Скуле. Я хотѣлъ, чтобы ты вѣрилъ въ мена, а твоя вѣра обратилась въ грѣхъ.

Петеръ *(дико).* Ради тебя! Ради тебя! Поэтому Богъ не можетъ не смыть его.

Король Скуле. Я обѣщалъ Ингебьоргъ, что ты останешься чистымъ и безгрѣшнымъ,—а ты издѣваешься надъ небомъ!

Поль Флида *(входитъ).* Всѣ возмущены. Страшное преступленіе Петера поразило ужасомъ твоихъ воиновъ,—и они бѣгутъ въ церкви.

Король Скуле. Они должны выйти изъ нихъ, должны.

Бордъ Братте *(входитъ).* Горожане возстали противъ васъ. Они убиваютъ волчьихъ шкуръ на улицахъ и въ домахъ, гдѣ только могутъ настигнуть ихъ.

Дружинникъ *(входитъ).* Биркебейнцы подымаются вверхъ по рѣкѣ.

Король Скуле. Трубите, созывайте моихъ воиновъ! Никто не долженъ оставлять меня теперь!

Поль Флида. Невозможно! страхъ совершенно обезсилилъ ихъ.

Король Скуле *(въ отчаяніи).* Но я не могу теперь пасть. Мой сынъ не можетъ умереть съ смертельнымъ грѣхомъ на душѣ.

Петеръ. Не думай обо мнѣ: ты единственный, котораго надо теперь принимать въ разсчетъ. Ѣдемъ вверхъ въ Индгерредъ; тамъ всѣ воины вѣрны тебѣ.

Король Скуле. Да, бѣжимъ! Слѣдуйте за мною всѣ желающіе спасти жизнь!

Бордъ Братте. Какимъ путемъ?

Король Скуле. Черезъ мостъ.

Поль Флида. Всѣ мосты разрушены, государь.

Король Скуле. Разрушены! Ты говоришь, что всѣ мосты разрушены?

Поль Флида. Вамъ слѣдовало разрушить ихъ въ Осло, тогда не зачѣмъ было бы срывать ихъ въ Нидаросѣ.

Король Скуле. Значитъ, все же черезъ рѣку;—вопросъ идетъ о жизни и смерти, о спасеніи души. Бѣжимъ! Бѣжимъ! *(Онъ и Петеръ бѣгутъ налѣво).*

Бордъ Братте. Да, уже лучше это, чѣмъ пасть отъ рукъ горожанъ и биркебейнцевъ.

Поль Флида. Во имя Бога, бѣжимъ! *(Всѣ слѣдуютъ за Скуле).*

(Комната стоитъ нѣкоторое время пустою: съ улицы доносится отдаленный и смутный шумъ; толпа вооруженныхъ горожанъ вторгается въ дверь справа)

Горожанинъ. Сюда! Онъ долженъ быть здѣсь.

Другой. Смерть ему!

Многіе. Смерть и святотатцу!

Одинъ голосъ. Осторожнѣй, а то они будутъ защищаться!

Первый горожанинъ. Нѣтъ надобности: биркебейнцы уже на улицѣ.

Горожанинъ *(входитъ).* Слишкомъ поздно,—король Скуле бѣжалъ.

Многіе. Куда? Куда?

Пришедшій. Я полагаю. что въ одну изъ церквей: онѣ всѣ переполнены волчьими шкурами.

Первый горожанинъ. Такъ поищемъ его; великую благодарность и щедрую награду заслужитъ отъ короля Гокона человѣкъ, который убьетъ Скуле.

Другой. Вотъ идутъ биркебейнцы.

Третій. И самъ король Гоконъ.

Многіе въ толпѣ *(кричатъ).* Да здравствуетъ Гоконъ Гоконссонъ!

Гоконъ *(входитъ справа въ сопровожденіи Грегоріуса Іонссона, Дагфинна Бонде и многихъ другихъ).* Да, теперь вы, трондьемцы, смирились. Долго вы противодѣйствовали мнѣ.

Первый горожанинъ *(падая на колѣни).* Сжалься надъ нами, государь!

Скуле Бордсонъ былъ такъ жестокъ съ нами.

Другой (*такъ же падая на колѣни*). Онъ дѣйствовалъ насиліемъ, принуждалъ насъ, иначе мы никогда не согласились бы слѣдовать за нимъ.

Первый. Онъ отымалъ у насъ наше имущество и заставлялъ сражаться за свое неправое дѣло.

Второй. Ахъ, великій государь онъ былъ бичемъ какъ для своихъ друзей, такъ и для своихъ враговъ.

Многіе голоса. Да, да,—Скуле Бордсонъ былъ бичемъ для всей страны.

Дагфиннъ Бонде. Вѣрно сказано!

Гоконъ. Хорошо; съ вами, горожанами, я буду говорить потомъ; на моей обязанности строго наказать за всякое преступленіе, совершенное здѣсь; но теперь надо подумать о другомъ. Знаетъ ли кто, гдѣ находится въ настоящее время Скуле Бордсонъ?

Многіе. Въ одной изъ церквей, государь.

Гоконъ. Вы въ этомъ увѣрены?

Горожане. Да, тамъ собрались всѣ волчьи шкуры.

Гоконъ (*тихо Дагфинну Бонде*). Его необходимо найти; поставь стражу передъ всѣми церквями въ городѣ.

Дагфиннъ Бонде. А когда его найдутъ, пусть его немедленно убьютъ.

Гоконъ (*вполголоса*). Убьютъ? Дагфинъ, Дагфиннъ, какъ тяжело мнѣ это!

Дагфиннъ Бонде. Государь! вы присягнули въ Осло.

Гоконъ. И всѣ жители страны единодушно требуютъ его смерти. (*Обращается къ Грегоріусу Іонссону и говоритъ ему неслышно для другихъ*). Иди; ты былъ когда-то его другомъ; отыщи его и помоги ему бѣжать изъ страны.

Грегоріусъ Іонссонъ (*радостно*). Вы этого хотите, государь?

Гоконъ. Ради моей дорогой, кроткой жены.

Грегоріусъ Іонссонъ. Но, если онъ не убѣжитъ? Если онъ не захочетъ или окажется не въ силахъ?

Гоконъ. Тогда клянусь Богомъ, я не могу щадить его; тогда мое королевское слово остается въ силѣ. Ступай!

Грегоріусъ Іонссонъ. Я пойду и постараюсь устроить все къ лучшему. Бай Богъ, чтобы мнѣ это удалось! (*Уходитъ направо*).

Гоконъ. А ты, Дагфиннъ Бонде, ступай съ нѣсколькими вѣрными воинами на королевскій корабль; отведите королеву и ея свиту въ Ельгезэттскій монастырь.

Дагфиннъ Бонде. Государь, неужели вы думаете, что она будетъ тамъ въ безопасности?

Гоконъ. Она нигдѣ не можетъ быть въ большей безопасности. Волчьи шкуры заперлись въ церквяхъ, а она такъ просила объ этомъ: ея мать въ Ельгезэттерѣ.

Дагфиннъ Бонде. Да, да, я знаю.

Гоконъ. Поклонись королевѣ хорошенько отъ меня, поклонитесь также и фру Рагнгильдъ. Можешь сказать имъ, что лишь только волчьи шкуры будутъ побѣждены и попросятъ пощады, во всѣхъ колоколахъ Нидароса будутъ звонить въ знакъ того, что надъ страною воцарился миръ.—А вы, горожане, вы завтра предстанете предо мною и понесете заслуженное наказаніе, каждый по своимъ заслугамъ. (*Уходитъ со своими воинами*).

Первый горожанинъ. Горе намъ завтра!

Другой. Намъ придется здорово поплатиться!

Первый. Мы столько времени противодѣйствовали королю Гокону,—мы привѣтствовали Скуле, когда онъ принялъ титулъ короля.

Второй. Мы доставили Скуле корабли и оружіе,—мы покупали все, что онъ грабилъ у правителей Гокона.

Первый. Да, горе намъ завтра!

Горожанинъ (*вбѣгаетъ быстро слѣва*). Гдѣ Гоконъ? Гдѣ король.

Первый горожанинъ. Чего тебѣ нужно отъ него?

Пришедшій. Принесъ ему важную новость.

Многіе. Какую?

Пришедшій. Я могу передать ее только одному королю,

Многіе. Нѣтъ, говори, говори!

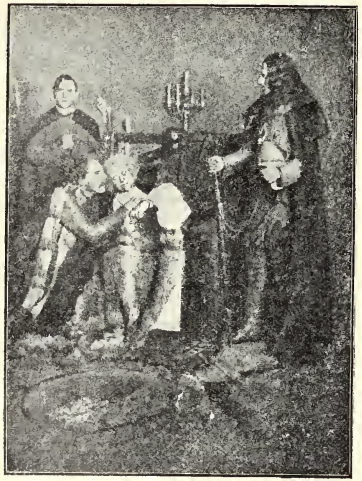
Пришедшій. Скуле Бордсонъ убѣжалъ въ Ельгезэттеръ.

Первый горожанинъ. Нѣтъ, нѣтъ! Невозможно! Онъ въ одной изъ церквей.

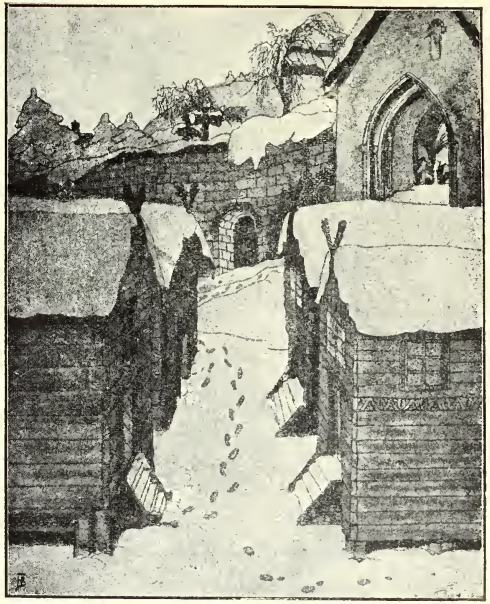
Пришедшій. Нѣтъ, нѣтъ. онъ и его сынъ сѣли на судно и поплыли вверхъ по рѣкѣ.

Первый горожанинъ. Ага, теперь мы можемъ отвратить отъ себя гнѣвъ Гокона.

Второй горожанинъ. Да, пойдемъ и извѣстимъ его, гдѣ находится Скуле.



Претенденты на престолъ
(3-й актъ).
Скуле и Гоконъ возлѣ умирающаго епископа Николаса.



Претенденты на престолъ
(4-й актъ, 2-ая сцена)
Улица въ Осло.

Первый. Нѣтъ, я предложу лучшее; не скажемъ ничего, но отправимся сами въ Ельгезэттеръ и убьемъ Скуле.

Второй. Да, да,—отправимся.

Третій. Но развѣ за ними не послѣдовало много волчьихъ шкуръ?

Пришедшій. Нѣтъ, на лодкѣ было всего нѣсколько человѣкъ.

Первый горожанинъ. Мы вооружимся возможно лучше. О, теперь горожане спасены! Не говорите никому ни слова о томъ, что мы предприняли. Насъ и такъ довольно. Итакъ, пойдемъ въ Ельгезэттеръ!

Всѣ (*вполголоса*). Да, въ Ельгезэттеръ! (*Идутъ поспѣшно, но осторожно налѣво*).

Хвойный лѣсъ въ горахъ надъ Нидаросомъ. (Лунная ночь; но небо облачно и глубь сцены виднѣется неясно, а по временамъ совершенно исчезаетъ изъ виду. Вокругъ лежатъ пни и большіе камни. Король Скуле, Петеръ, Поль Флида, Бордъ Братте и многіе волчьи шкуры проходятъ черезъ лѣсъ, слѣва).

Петеръ. Иди сюда, одохни, отецъ мой!

Король Скуле. Да, дай мнѣ отдохнуть! (*Опускается на камень*).

Петеръ. Какъ ты себя чувствуешь?

Король Скуле. Я голоденъ! Боленъ, боленъ! Я вижу передъ собою тѣнь мертвецовъ.

Петеръ (*вскакивая на ноги*). Достаньте помощь,—хлѣба королю.

Бордъ Братте. Здѣсь мы всѣ короли; потому что тутъ идетъ вопросъ о жизни. Встань, Скуле Бордсонъ! Если ты король, то не лежи здѣсь, а управляй страною.

Петеръ. Попробуй только издѣваться надъ моимъ отцомъ, и я убью тебя.

Бордъ Братте. Меня все равно убьютъ; король Гоконъ никогда не помилуетъ меня, потому что я былъ его правителемъ и измѣнилъ ему ради Скуле. Придумай намъ какое-нибудь убѣжище. Нѣтъ такого отчаяннаго поступка, на который я не рѣшился бы теперь.

Одинъ изъ воиновъ. Если бы намъ удалось пробраться въ Голмскій монастырь!

Поль Флида. Лучше ужъ въ Ельгезэттеръ.

Бордъ Братте (*внезапно*). Лучше идти на корабль Гокона и захватить королевскаго сына.

Поль Флида. Ты спятилъ съ ума.

Бордъ Братте. Нѣтъ, нѣтъ, это наше единственное спасеніе и устроить это не трудно. Биркебейнцы обыскиваютъ каждый домъ и поставили стражу передъ церквями; они и не воображаютъ, что кому нибудь изъ насъ удалось спастись, разъ всѣ мосты разрушены. На корабляхъ не могли оставить много войска; если намъ удастся захватить маленькаго претендента, то Гоконъ либо пощадитъ насъ, либо его сынъ умретъ вмѣстѣ съ нами. Кто хочетъ идти со мной для спасенія своей жизни?

Поль Флида. Не я, если ее приходится спасать такимъ образомъ.

Многіе. Не я. Не я.

Петеръ. Га, но если вопросъ идетъ о спасеніи жизни моего отца—

Бордъ Братте. Если ты согласенъ идти со мной, пойдемъ. Мы спустимся внизъ въ Гладегаммеръ; тамъ лежатъ тѣ, которыхъ мы встрѣтили внизу, подъ горою; это самые отчаянные головорѣзы изъ всѣхъ волчьихъ шкуръ; они переплыли рѣку; потому что знали, что не найти имъ пощады и въ церквяхъ. Эти малые рѣшатся навѣрное навѣстить королевскій корабль. Кто изъ васъ соглашается идти за мной?

Нѣкоторые. Я. Я.

Петтеръ. Я, можетъ быть, также пойду; но сначала я хочу провести отца въ безопасное мѣсто.

Бордъ Братте. Еще до разсвѣта мы поплывемъ вверхъ по рѣкѣ. Пойдемъ,—здѣсь есть боковая тропинка, которая приведетъ насъ прямо въ Гладе. (*Онъ уходитъ направо съ нѣкоторыми другими*).

Петеръ (*Полю Флида*). Не говоря ни слова моему отцу объ этомъ; онъ сегодня душевно боленъ, мы должны дѣйствовать за него. Бордъ Братте можетъ спасти насъ; еще до разсвѣта королевское дитя будетъ въ нашихъ рукахъ.

Поль Флида. Конечно, для того, чтобы быть убитымъ. Развѣ вы не понимаете, какой это грѣхъ—

Петеръ. Въ этомъ не можетъ быть грѣха, потому что мой отецъ присудилъ его къ смерти въ Осло. Онъ долженъ быть во всякомъ случаѣ устраненъ, потому что онъ мѣшаетъ моему отцу;—мой отецъ долженъ осуществить великую королевскую идею; все равно, кто бы или сколько бы головъ не пало изъ-за нея.

Поль Флида. Несчастенъ для васъ былъ тотъ день, когда вамъ сказали, что вы сынъ короля Скуле! (*Прислушиваясь*).

Тише; —бросьтесь плашмя на землю; сюда кто-то идетъ.

(*Всѣ бросаются за камни и пни; между деревьями среди тумана показывается поѣздъ отчасти ѣдущихъ верхомъ, отчасти идущихъ пѣшкомъ людей; они идутъ слѣва и уходятъ направо*).

Петеръ. Это королева.

Поль Флида. Да, она разговариваетъ съ Дагфинномъ Бонде. Тише!

Петеръ. Они направляются въ Ельгезэттеръ. Съ ними и королевичъ.

Поль Флида. И женщины королевы.

Петеръ. Но только четыре воина сопровождаютъ ихъ. Вставай, вставай, король Скуле, —теперь твое царство спасено.

Король Скуле. Мое царство? Оно такъ же мрачно, какъ и царство ангела, возставшаго противъ Бога.

(*Толпа монаховъ входитъ справа*).

Одинъ монахъ. Кто говоритъ здѣсь? Не воины ли это короля Скуле?

Поль Флида. Это самъ король Скуле.

Монахъ (*Обращаясь къ Скуле*). Слава Богу, что мы, наконецъ, встрѣтили васъ, дорогой государь! Мы узнали отъ горожанъ, что вы направились сюда вверхъ, а сами чувствовали себя въ такой же опасности въ Нидаросѣ, какъ и вы —

Петеръ. Вы заслуживаете смерти, вы, не выдавшіе гроба святого Олафа.

Монахъ. Архіепископъ запретилъ намъ; но мы охотно окажемъ помощь королю Скуле, мы всегда держали его сторону. Мы захватили съ собою монашескія рясы для васъ и вашихъ воиновъ. Надѣньте ихъ и вамъ не трудно будетъ пробраться въ монастырь, а тамъ уже вамъ, можетъ быть, удастся получить помилованіе отъ Гокона.

Король Скуле. Да, дайте мнѣ монашескую рясу; я и мой сынъ мы должны стоять на освященной почвѣ. Я хочу идти въ Ельгезэттеръ.

Петеръ (*тихо Полю Флида*). Позаботьтесь, чтобы мой отецъ благополучно дошелъ до монастыря—

Поль Флида. Развѣ вы забыли, что въ Ельгезэттерѣ есть биркебейнцы?

Петеръ. Всего четыре человѣка; съ ними вы легко справитесь, а внутри монастырскихъ стѣнъ они не осмѣлятся тронуть васъ. Я пойду вощу Борда Братте.

Поль Флида. Одумайтесь!

Петеръ. Не на королевскомъ кораблѣ, а въ Ельгезэттерѣ должны изгнанники спасать царство для моего отца. (*Быстро уходитъ направо*).

Одинъ изъ воиновъ (*шепчетъ другому*). Ты пойдешь въ Ельгезэттеръ съ Скуле?

Другой. Тише, нѣтъ! Тамъ, вѣдь, биркебейнцы.

Первый. И я также не пойду; но не говори ничего другимъ.

Монахъ. А теперь пойдемъ—по два, —воинъ и монахъ.

Другой монахъ (*сидѣвшій на пнѣ позади остальныхъ*). Я беру съ собою короля Скуле.

Король Скуле. Ты знаешь дорогу?

Монахъ. Большую дорогу я знаю.

Первый монахъ. Скорѣе; разбредемся по различнымъ тропинкамъ и соберемся всѣ у монастырскихъ воротъ.

(*Уходятъ между деревьями направо; туманъ разсѣивается и на прояснившемся небѣ показывается красная, блестящая комета*).

Король Скуле. Петеръ, сынъ мой! —(*Отступаетъ назадъ*). Ахъ, что это за пылающій мечъ на небѣ?

Монахъ (*сидя за нимъ на пнѣ*). А здѣсь *я*.

Король Скуле. Кто ты?

Монахъ. Старый знакомый.

Король Скуле. Я никогда не видѣлъ болѣе блѣднаго человѣка.

Монахъ. Ты меня не узнаешь?

Король Скуле. Ты вызвался провести меня въ Ельгезэттеръ.

Монахъ. Я хочу повести тебя къ королевскому престолу.

Король Скуле. Ты это можешь?

Монахъ. Могу, если ты хочешь.

Король Скуле. А какое для этого понадобится средство?

Монахъ. То самое, которымъ я и раньше пользовался:—я заставлю тебя подняться вверхъ на высокую гору и покажу тебѣ оттуда все земное величіе.

Король Скуле. Все земное величіе и раньше проносилось передо мной въ искусительныхъ снахъ.

Монахъ. Это я насылалъ на тебя эти сны.

Король Скуле. Кто же ты?

Монахъ. Посолъ отъ самаго древняго въ мірѣ претендента на престолъ.

Король. Отъ самаго древняго въ мірѣ претендента на престолъ?

Монахъ. Отъ перваго ярла, возставшаго противъ высочайшаго царства и основавшаго собственное царство, которое будетъ существовать и послѣ страшнаго суда.

Король Скуле (*съ крикомъ*). Епископъ Николасъ!

Монахъ *(встаетъ)*.

Узнаешь ты меня? Мы знакомы вѣдь были:
Для тебя я вернулся на землю.
Одну школу прошли, одного мы желали.
Въ одной лодкѣ день за днемъ плыли.
Какъ мнѣ страшно было въ день разлуки съ тобой!
Бушевала гроза. Ястребъ когтями вцился мнѣ въ грудь!
Страстно жаждалъ я мессъ, колокольнаго звона,
О молитвахъ молилъ я, о пѣньи псалмовъ.—
Я купилъ семь молитвъ,—а прочли ихъ пятнадцать,—
Но отъ адскихъ мнѣ вратъ ускользнуть не удалось.

Король Скуле. И ты теперь пришелъ изъ подъ земли?—

Монахъ.

Я пришелъ изъ подъ земнаго царства къ тебѣ,
Я изъ царства пришелъ, что столь страшнымъ рисуютъ;
Но повѣрь мнѣ, что тамъ не такъ больно ужъ плохо,
И что адскій огонь не такъ сильно ужъ жжетъ.

Король Скуле. Ты, какъ я слышу, научился тамъ стихотворству, старый вождь баглерицевъ.

Монахъ.

Стихотворству? О, да, но и также латыни.
Вѣдь въ латыни всегда я немного хромалъ;
Теперь врядъ ли найдется сильнѣе меня.
Чтобы тамъ на ступень повышаться скорѣй,
Чтобы внизъ очертя головой не спускаться,
Надо знать основательно, твердо латынь.
Пробиваться жъ впередъ надлежитъ, коль сидишь,
За столомъ ежедневно съ ученымъ народомъ,
Съ полусотнею лицъ, что здѣсь папами звались,
Съ семью тысячью скальдовъ, съ толпой кардиналовъ.

Король Скуле. Поклонись своему повелителю и поблагодари его за добрую дружбу. Передай ему, что онъ единственный король, приславшій помощь Скуле I Норвежскому.

Монахъ.

Для чего я былъ посланъ сюда—ты послушай.
Много слугъ у него, у царя силъ подземныхъ,
И у каждаго есть свой участокъ на свѣтѣ.
Мнѣ Норвегья дана, такъ какъ здѣсь я извѣстенъ;
Не годится для насъ царь Гоконъ, сынъ Гокона:
Мы не любимъ его, не покоренъ онъ намъ;
Мы погубимъ его и тебя мы посадимъ,
И тебѣ одному мы корону дадимъ.

Король Скуле. Да, дайте мнѣ корону! Стоитъ мнѣ получить ее, и я буду такъ управлять страною, что съумѣю себя выкупить.

Монахъ.

Да, объ этомъ всегда сговоримся потомъ.
Теперь дорого время; порѣшимъ мы скорѣй!
Въ Ельгезэттерѣ спитъ сынъ-младенецъ Гокона;—
Коль удастся тебѣ предать смерти его—
Всѣ враги предъ тобой разбѣгутся, какъ вихрь,
Будешь ты королемъ, побѣдишь навсегда.

Король Скуле. Неужели ты такъ увѣренъ, что я тогда побѣжду?

Монахъ.

Всѣ желаютъ въ странѣ одного только—мира;
Королю надлежитъ имѣть сына рожденного,
Чтобъ передать ему королевскую власть;

Вѣдь народъ утомленъ многолѣтней
войною.
Ты воспрянь, Скуле, встань! Ночь рѣ-
шитъ это все:
Иль погубишь врага, иль оставь всѣ
надежды.
Посмотри, какъ яснѣетъ на сѣверѣ
небо,
Посмотри, какъ расходятся по небу
тучи,—
Какъ одно облачко примыкаетъ къ
другому,—
Ты послушай, какъ грозно гремитъ
подъ землею.
Все получишь однимъ разрѣшающимъ
словомъ,
Ты: и воиновъ тысячи храбрыхъ, мо-
гучихъ,
И судовъ столько же быстролетныхъ
на фіордѣ.

Король Скуле. Такъ назови это слово.

Монахъ.

Чтобы могъ вознестись выше всѣхъ
на землѣ,
Одного я хочу: ты настой на своемъ:
Всю страну съ городами ты всѣми
получишь,
Если сыну престолъ завѣщаешь ты
свой.

Король Скуле (*подымая руку точно для присяги*). Мой сынъ долженъ— (*Внезапно останавливается и въ ужасѣ восклицаетъ:*) Свѣтотатецъ! Отдать всю власть ему! Ахъ теперь я помню тебя; —ты хочешь погубить его душу. Вонъ отъ меня, вонъ отъ меня! (*Поднимая руку къ небу*). Сжалься надо мною, ты, которому я молюсь теперь изъ глубины моей души, умоляя о помощи! (*Бросается на землю*).

Монахъ.

О проклятье! Какъ гладко шло все
до сихъ поръ!
Былъ увѣренъ я такъ, что въ рукахъ
онъ моихъ!
Вдругъ внезапно прозрѣлъ онъ и я
проигралъ!
Все пропало теперь,—профершпилилъ
игру!
Пусть и такъ! Вѣдь спѣшить не имѣю
нужды;
Вѣдь pergetuum мой заведенъ на-
всегда;
Власть дана надъ родами грядущими
мнѣ,
Власть надъ всѣми, кто свѣтъ отвер-
гаетъ святой.
Буду всѣхъ ихъ вести, направлять я
въ странѣ,
Хоть меня понимать не по силамъ
имъ будетъ!

(*Отходитъ дальше*).

Безвольно когда всѣ норвежцы блу-
дить
Будутъ здѣсь на землѣ, не зная куда
Путь направить имъ свой, съ омра-
ченнымъ умомъ,
Разнуздавши всѣ страсти, шатаясь по
вѣтру,
Когда между собой согласятся въ од-
номъ—
Все великое, славное забрасывать
грязью,
Когда низости знамя всѣ они вверхъ
подымутъ,
Отогнавъ далеко честь и совѣсть
свою,
Тогда скажутъ въ одно всѣ: побываль
Николасъ;
Здѣсь прошелъ вождь—епископъ баг-
лернцевъ!

(*Исчезаетъ въ туманѣ между деревьевъ*).

Король Скуле (*встаетъ послѣ нѣкотораго времени и осматривается*). Куда онъ дѣвался, этотъ монахъ? (*Вскакиваетъ на ноги*). Проводникъ проводникъ, гдѣ ты? Ушелъ!—Все равно теперь и я самъ найду путь, и въ Ельгезэтъ-теръ, и еще дальше. (*Уходитъ направо*).

МОНАСТЫРСКІЙ ДВОРЪ ВЪ ЕЛЬГЕЗЭТТЕРѢ.

(На лѣвой сторонѣ—часовня, со входомъ со двора; окна освѣщены. Вдоль противоположной стороны монастырскаго двора виднѣется нѣсколько болѣе низкихъ строеній; въ глубинѣ—монастырская стѣна, съ большими воротами, въ настоящее время запертыми. Ясный лунный свѣтъ. Три вождя биркебейнцевъ стоятъ у воротъ; Маргретъ, фру Рагильдъ и Дагфиннъ Бонде выходятъ изъ часовни).

Фру Рагнильдъ (*въ волненіи*). Король Скуле долженъ былъ бѣжать въ церковь, говоришь ты? Онъ, онъ, бѣгущій, умоляющій о пощадѣ передъ алтаремъ,— можетъ быть умоляющій о своей жизни,— о нѣтъ, нѣтъ, онъ этого не сдѣлалъ; но Богъ

накажетъ васъ за то, что вы осмѣлились довести его до этого.

Маргретъ. Моя добрая, дорогая мама, успокойся; ты сама не знаешь, что говоришь; въ тебѣ говоритъ скорбь.

Фру Рагнгильдъ. Послушайте, биркебейнцы! Гоконъ Гоконссомъ долженъ былъ лежать передъ алтаремъ и молить о пощадѣ его жизни короля Скуле.

Биркебейнецъ. Не прилично вѣрнымъ воинамъ выслушивать такія рѣчи!

Маргретъ. Шапку долой передъ горемъ жены!

Фру Рагнгильдъ. Король Скуле осужденъ. Берегитесь! Берегитесь вы всѣ, когда онъ вернетъ себѣ власть!

Дагфиннъ Бонде. Онъ никогда ее не вернетъ, фру Рагнгильдъ.

Мергретъ. Молчи, молчи!

Фру Рагнгильдъ. Неужели ты думаешь, что Гоконъ Гоконссонъ осмѣлится привесть проговоръ въ исполненіе, если ему удастся поймать короля?

Дагфиннъ Бонде. Король Гоконъ лучше меня знаетъ, возможно ли нарушить королевскую клятву.

Фру Рагнгильдъ. (*Маргретъ*). И за такимъ разбойникомъ ты слѣдовала? Ему ты вѣрила и его любила? Дочь ли ты своего отца? Пусть накажетъ Богъ—! Уходи отъ меня, уходи отъ меня!

Маргретъ. Да благословенны будутъ уста твои, хотя ты теперь проклинаешь меня!

Фру Рагнгильдъ. Я пойду въ Нидаросъ, пойду въ церковь и найду короля Скуле. Онъ отослалъ меня отъ себя, когда счастье улыбалось ему; тогда онъ не нуждался во мнѣ;—теперь онъ не разсердится, если я приду. Откройте мнѣ ворота, пустите меня въ Нидаросъ!

Маргретъ. Мама, ради милосердnаго Бога—

(*Сильный стукъ въ монастырскія ворота*).

Дагфиннъ Бонде. Кто стучитъ?

Король Скуле. (*за воротами*). Король.

Дагфиннъ Бонде. Скуле Бордссонъ?

Фру Рагнгильдъ. Король Скуле.

Маргретъ. Мой отецъ!

Король Скуле. Отворите, отворите!

Дагфиннъ Бонде. Мы не отворяемъ для изгнанниковъ.

Король Скуле. Здѣсь стучитъ король, говорю я вамъ, король, не имѣющій крова надъ головой; король, которому нужна святая земля, чтобы не дрожать за свою жизнь.

Маргретъ. Дагфиннъ, Дагфиннъ,— это мой отецъ.

Дагфиннъ Бонде (*подходитъ къ двери и отворяетъ маленькое окно*). Сколько воиновъ привели вы съ собой въ монастырь?

Король Скуле. Всѣхъ, оставшихся вѣрными мнѣ въ нуждѣ.

Дагфиннъ Бонде. А сколько ихъ?

Король Скуле. Меньше чѣмъ одинъ.

Маргретъ. Онъ одинъ, Дагфиннъ.

Фру Рагнгильдъ. Божій гнѣвъ разразится надъ тобой, если ты откажешь ему въ освященномъ кровѣ.

Дагфиннъ Бонде. Въ такомъ случаѣ во имя Божіе! (*Отворяетъ ворота; биркебейнцы почтительно обнажаютъ головы; король Скуле входитъ въ монастырскій дворъ*).

Маргретъ (*бросаясь ему на шею*). Мой отецъ! Мой дорогой, несчастный отецъ!

Фру Рагнгильдъ (*въ ярости становится между нимъ и биркебейнцами*). Вы почтительно кланяетесь ему и въ то же время намѣреваетесь измѣнить ему, какъ Іуда! Не смѣйте подходить къ нему! Вы не дотронетесь до него, пока я жива.

Дагфиннъ Бонде. Онъ въ безопасности, вѣдь онъ стоитъ на освященной землѣ.

Маргретъ. И ни у одного изъ твоихъ воиновъ не хватило мужества слѣдовать за тобой сегодня ночью!

Король Скуле. И монахи, и воины слѣдовали сначала за мною; но затѣмъ они убѣжали одинъ за другимъ, когда узнали, что въ Ельгезэттерѣ биркебейнцы. Послѣднимъ покинулъ меня Поль Флида; онъ довелъ меня до монастырскихъ воротъ; тутъ онъ послѣдній разъ пожалъ мнѣ руку и поблагодарилъ за то время, когда въ Норвегіи существовали волчьи шкуры.

Дагфиннъ Бонде (*биркебейнцамъ*). Идите въ домъ, воины, и станьте стражею передъ королевскимъ сыномъ; я пойду въ Нидаросъ сообщитъ королю, что Скуле Бордссонъ въ Ельгезэттерѣ; въ такомъ важномъ дѣлѣ онъ долженъ дѣйствовать самъ.

Маргретъ. О, Дагфиннъ, Дагфиннъ,— неужели ты этого хочешь?

Дагфиннъ Бонде. Плохо служилъ бы я иначе королю и странѣ! (*Воинамъ*).

Заприте за мной ворота, охраняйте ребенка и не открывайте ни передъ кѣмъ воротъ до прибытія короля! (*Вполголоса Скуле*). Прощайте, Скуле Бордсонъ!—Да даруетъ вамъ Богъ хорошій конецъ!

(*Уходитъ въ ворота; биркебейнцы запираютъ ихъ за нимъ и уходятъ въ часовню*).

Фру Рагнгильдъ. Да, пусть придетъ Гоконъ! Я тебя не выпущу; я крѣпко обниму тебя и прижму къ себѣ, какъ никогда не дѣлала этого раньше.

Маргретъ. Ахъ, какъ ты блѣденъ! —И какъ постарѣлъ! Ты дрожишь.

Король Скуле. Я не дрожу,—но я такъ усталъ, такъ усталъ!

Маргретъ. Такъ войди въ домъ и отдохни—

Король Скуле. Да, да; мнѣ скоро пора будетъ отдохнуть.

Зигридъ (*изъ часовни*). Наконецъ-то ты пришелъ, братъ мой.

Король Скуле. Зигридъ, это ты?

Зигридъ. Я обѣщала встрѣтиться съ тобою, когда настанетъ для тебя часъ величайшей нужды, и ты пожелаешь увидѣть меня.

Король Скуле. Гдѣ твое дитя, Маргретъ?

Маргретъ. Оно спитъ въ ризницѣ.

Король Скуле. Значитъ, весь нашъ родъ собрался сегодня ночью въ Ельгезэтерѣ.

Зигридъ. Да, собрался послѣ долгихъ бурныхъ дней.

Король Скуле. Недостаетъ только Гокона Гоконссона.

Маргретъ и Фру Рагнгильдъ (*съ горестнымъ восклицаніемъ крѣпко обнимаютъ его*). Мой отецъ!—Мой мужъ!

Король Скуле (*глядя на нихъ съ волненіемъ*). Такъ вы такъ сильно любили меня, вы обѣ? Я искалъ счастья среди чужихъ и на думалъ никогда о томъ, что у меня есть домъ, гдѣ я могъ бы найти его. Я искалъ любви въ грѣхѣ и преступленіи, и никогда не думалъ, что мнѣ она была дана въ силу Божескаго и человѣческаго закона.—А ты, Рагнгильдъ, моя жена, ты, противъ которой я такъ тяжко согрѣшилъ, ты горячо прижимаешься ко мнѣ въ минуту величайшаго бѣдствія, ты дрожишь и страшишься за жизнь человѣка, который никогда ни однимъ свѣтлымъ лучемъ не согрѣлъ твой жизненный путь.

Фру Рагнгильдъ. Ты согрѣшилъ! О, Скуле, не говори этого! Неужели ты думаешь, что я когда-нибудь смѣла считаться съ тобой? Я была всегда слишкомъ ничтожна для тебя, мой высокій супругъ: нѣтъ грѣха ни въ одномъ изъ твоихъ поступковъ.

Король Скуле. Неужели ты такъ глубоко вѣрила въ меня, Рагнгильдъ?

Фру Рагнгильдъ. Съ перваго дня, какъ увидала тебя.

Король Скуле (*съ оживленіемъ*). Когда Гоконъ придетъ, я буду молить его о пощадѣ. О, вы, милыя, дорогія женщины, —ахъ, какъ прекрасна можетъ быть жизнь!

Зигридъ (*съ выраженіемъ ужаса*). Скуле, братъ мой! Горе тебѣ, если ты согрѣшишь сегодня ночью!

(*Шумъ снаружи; вскорѣ раздается стукъ въ ворота*).

Маргретъ. Слушайте, слушайте, кто это врывается сюда?

Фру Рагнгильдъ. Кто стучитъ въ ворота?

Голоса (*снаружи*). Горожане изъ Нидароса. Отворите! Мы знаемъ, что Скуле Бордсонъ здѣсь.

Король Скуле. Да, онъ здѣсь;— но чего вамъ нужно отъ него?

Громкіе голоса. (*снаружи*). Выходи, выходи! Ты долженъ умереть, злодѣй!

Маргретъ. Какъ вы смѣете, горожане, грозить смертью?

Одинъ голосъ. Король Гоконъ осудилъ его въ Осло.

Другой. Каждый человѣкъ обязанъ убить его.

Маргретъ. Я королева,—и приказываю вамъ удалиться.

Одинъ голосъ. Такъ говоритъ дочь Скуле Бордсона, а не королева.

Другой. Не вамъ принадлежитъ право надъ жизнью и смертью; король осудилъ его.

Фру Рагнгильдъ. Въ церковь, Скуле! Ради Бога милосерднаго, не позволяй злодѣямъ приблизится къ тебѣ!

Король Скуле. Да, въ церковь! Я не хочу пасть отъ ихъ рукъ. Моя жена, моя дочь! Я какъ будто опять обрѣлъ свѣтъ и жизнь! Ахъ, не отымайте ихъ у меня. (*Хочетъ войти въ часовню*).

Петеръ. (*за сценою направо*). Мой отецъ! Мой король! Теперь ты скоро побѣдишь.

Король Скуле (*съ крикомъ*). Онъ! Онъ! (*Опускается на церковную паперть*).

Фру Рагнгильдъ. Кто это?

Горожанинъ (*за сценою*). Смотри, смотри, святотатецъ лѣзетъ на монастырскую крышу.

Другіе. Забросайте его камнями! Забросайте его камнями!

Петеръ (*показывается на крышѣ справа и прыгаетъ во дворъ*). Радуйся, мой отецъ!

Король Скуле (*смотритъ на него съ ужасомъ*). Тебя,—тебя я позабылъ!—Откуда ты пришелъ?

Петеръ (*дико*). Гдѣ королевскій сынъ?

Маргретъ. Королевскій сынъ!

Король Скуле (*вскакиваетъ*). Откуда ты пришелъ, спрашиваю я тебя?

Петеръ. Изъ Гладегаммера; я предупредилъ Борда Братте и волчьихъ шкуръ, что королевскій сынъ сегодня ночью въ Ельгезэттерѣ.

Маргретъ. Боже!

Король Скуле. Ты это сдѣлалъ? И теперь?

Петеръ. Онъ собираетъ народъ, и они всѣ отправляются сюда въ монастырь. — Гдѣ королевскій сынъ, женщина?

Маргретъ (*ставшая передъ входомъ въ церковь*). Онъ спитъ въ ризницѣ.

Петеръ. Все равно, хотя бы онъ спалъ на алтарѣ. Я вынесъ святилище святаго Олафа,—я не побоюсь унесть и королевскаго сына.

Фру Рагнильдъ (*кричитъ Скуле*). Ты *его* любилъ такъ сильно?

Маргретъ. Отецъ, отецъ! Какъ могъ ты забыть всѣхъ насъ изъ за него!

Король Скуле. Онъ былъ чистъ, какъ Божій агнецъ, когда кающаяся женщина отдала его мнѣ;—эта вѣра въ меня сдѣлала его *такимъ*, каковъ онъ теперь.

Петеръ (*не слушая его*). Дитя *надо* вынести. Убить его, убить на рукахъ королевы!—таковъ былъ приказъ короля Скуле въ Осло.

Маргретъ. Какой грѣхъ, какой грѣхъ!

Петеръ. И святой могъ бы это сдѣлать по приказу моего отца. Мой отецъ король, потому что ему принадлежитъ великая королевская идея.

Горожане (*стучатъ въ дверь*). Отворите! Выходите, ты и святотатецъ! Иначе мы сожжемъ монастырь.

Король Скуле (*какъ бы охваченный внезапнымъ рѣшеніемъ*). Великая королевская идея! Да, это она отравила твою молодую любящую душу. Я обязался вернуть тебя чистымъ и безгрѣшнымъ; но вѣра въ меня ведетъ тебя отъ одного преступленія къ другому, отъ одной смертельной вины къ другой. А-а, но я могу еще спасти тебя: я могу спасти всѣхъ насъ. (*кричитъ стучащимъ*). Подождите, подождите тамъ, горожане, я сейчасъ выйду.

Маргретъ (*съ ужасомъ хватаетъ его за руку*). Отецъ мой, что ты задумалъ?

Фру Рагнильдъ (*съ крикомъ прижимается къ нему*). Скуле!

Зигридъ (*отрываетъ ихъ отъ него и восклицаетъ съ сіяющимъ отъ радости лицомъ*). Пустите его, пустите его, женщины,—у его мысли выростаютъ теперь крылья.

Король Скуле (*громко и твердо Петеру*). Ты видѣлъ во мнѣ небеснаго избранника,—того, кому надлежало выполнить на землѣ великое королевское дѣло.

Присмотрись лучше ко мнѣ, ослѣпленный! Королевскія лохмотья, которыми я украсилъ себя,—они были взяты взаймы и украдены,—теперь я снимаю ихъ одно за другимъ.

Петеръ (*со страхомъ*). Мой высокій, чудный отецъ, не говори такъ!

Король Скуле. Королевская идея задумана Гокономъ, не мною; онъ одинъ получилъ отъ Бога силу вонлотить ее въ истину. Ты повѣрилъ лжи—отвернись отъ меня и спаси твою душу!

Петеръ (*упавшимъ голосомъ*). Королевская идея задумана Гокономъ!

Король Скуле. Я хотѣлъ быть первымъ человѣкомъ въ странѣ. Боже! Боже! Смотри я преклоняюсь передъ тобой и стою, какъ послѣдній изъ людей.

Петеръ. Возьми меня отсюда, Господи! Накажи меня за всѣ мои преступленія, но отыми у меня и жизнь, потому что у меня на землѣ нѣтъ убѣжища. (*Опускается на церковную паперть*).

Король Скуле. У меня былъ другъ, павшій за меня при Осло. Онъ говорилъ: можно умереть за дѣло другого, но жить можно только для своего тѣла.—У меня нѣтъ дѣла, за которое я могъ бы жить, я не могу жить для дѣла Гокона,—но я могу пасть за него.

Маргретъ. Нѣтъ, нѣтъ, ты этого не сдѣлаешь!

Король Скуле (*беретъ ее за руку нѣжно смотритъ на нее*). Ты любишь своего мужа, Маргретъ?

Маргретъ. Больше всего на свѣтѣ.

Король Скуле. Ты могла вынести, что онъ произнесъ надо мною смертный приговоръ; но могла ли бы ты вынести, если бы онъ былъ вынужденъ привесть его въ исполненіе?

Маргретъ. Царю небесный, укрѣпи меня!

Король Скуле. Могла ли бы ты, Маргретъ?

Маргретъ (*тихо, дрожа*). Нѣтъ, нѣтъ,—мы должны были бы разстаться,—я не могла бы больше смотрѣть на него.

Король Скуле. Ты отняла бы всю радость изъ *его* жизни и своей. Будь спокойна, Маргретъ,—этого тебѣ не придется дѣлать.

Фру Рагнгильдъ. Уѣзжай изъ Норвегіи, Скуле; я послѣдую за тобой, куда бы ты ни поѣхалъ.

Король Скуле (*качая головою*). Съ издѣвающейся тѣнью между нами?—Я въ эту ночь впервые нашелъ тебя; никакой тѣни не должно быть между мною и тобою, моя кроткая вѣрная жена;—поэтому не должно быть у насъ на землѣ и совмѣстной жизни.

Зигридъ. Мой великій братъ! Я вижу, ты не нуждаешься и во мнѣ; я вижу, ты самъ знаешь, по какому пути долженъ идти.

Король Скуле. Есть люди, рожденные для того, чтобы жить; но есть другіе, рожденные для того, чтобы умереть. Моя воля никакъ не соглашалась идти по пути, указываемому ей Богомъ, поэтому мой путь никогда до настоящаго времени не лежалъ ясно передо мною. Свою тихую семейную жизнь я потерялъ и не могу вернуть ее обратно; то, въ чемъ я погрѣшилъ противъ Гокона, я могу искупить, освободивъ его отъ королевской обязанности, которая разлучила бы его съ самымъ дорогимъ для него существомъ. Горожане стоятъ тамъ за воротами: я не хочу ждать короля Гокона. Волчьи шкуры вблизи: пока я живъ, они не откажутся отъ своего намѣренья; если они найдутъ меня здѣсь, я не въ силахъ буду спасти твоего ребенка, Маргретъ.—Посмотрите, посмотрите туда вверхъ! Видите, какъ блѣднѣетъ и исчезаетъ пылающій мечъ, протянутый надо мною?—Да, да.—Богъ изрекъ свой приговоръ, я понялъ его и его гнѣвъ смягчился. Не здѣсь, на освященной землѣ Ельгезэттера, брошусь я на колѣни и буду молить о пощадѣ земному королю,—я долженъ войти въ высокую церковь съ звѣзднымъ сводомъ, тамъ возсѣдаетъ на престолѣ король королей. Его-то я стану молить о пощадѣ и прощеніи за все, что я содѣялъ въ жизни.

Зигридъ. Не противьтесь ему! Не противьтесь волѣ Божіей! Свѣтаетъ. Занимается заря Норвегіи и заря его мятежной души. Развѣ мы трепещущія женщины, мало прятались по тайникамъ, по самымъ темнымъ угламъ, прислушиваясь къ ужаснымъ дѣяніямъ, совершавшимся около насъ, прислушиваясь къ кровавому шествію отъ одного конца страны до другого? Развѣ мы не лежали блѣдныя, окаменѣлыя, въ церквяхъ, не рѣшаясь показаться на порогѣ, подобно ученикамъ Христовымъ, возлежавшимъ въ Іерусалимѣ въ великую пятницу, когда шествіе двигалось на Голгофу? Воспользуйся своими крыльями, и горе тому, кто захочетъ связать ихъ теперь!

Фру Рагнгильдъ. Ступай съ миромъ, мой супругъ! Иди туда, гдѣ никакая издѣвающаяся тѣнь не станетъ между нами, когда мы опять встрѣтимся! (*Уходитъ въ часовню*).

Маргретъ. Отецъ мой, прощай, прощай,—тысячу разъ прощай! (*Слѣдуетъ за фру Рагнгильдъ*).

Зигридъ (*отворяетъ церковную дверь и кричитъ*). Выходите, выходите, вы всѣ, женщины! Собирайтесь на молитву; пошлите съ пѣснью молитву Господу и извѣстите его, что Скуле Бордссонъ возвращается кающимся домой изъ своего злосчастнаго скитанія по землѣ.

Король Скуле. Зигридъ, моя вѣрная сестра, поклонись отъ меня королю Гокону; скажи ему, что я даже въ мой послѣдній предсмертный часъ не знаю, дѣйствительно ли онъ королевскій сынъ, но что я непоколебимо вѣрю въ одно: онъ тотъ, кого избралъ Богъ.

Зигридъ. Я передамъ ему твой поклонъ.

Король Скуле. Ты должна передать еще одинъ поклонъ. На сѣверѣ въ Гологоландѣ живетъ кающаяся женщина; скажи ей, что сынъ опередилъ ее; онъ послѣдовалъ за мною, когда его душѣ грозила опасность.

Зигридъ. Я скажу ей.

Король Скуле. Скажи ей, что онъ согрѣшилъ не сердцемъ! Она встрѣтитъ его вновь такимъ же чистымъ и безгрѣшнымъ, какъ прежде.

Зигридъ. Я скажу ей.—(*Указывая на глубину сцены*). Послушай, они ломаютъ замокъ.

Король Скуле (*указывая на часовню*). А тамъ громко поютъ, моля Бога о спасеніи и мирѣ.

Зигридъ. Послушай, послушай, всѣ колокола въ Нидаросѣ звонятъ!—

Король Скуле (*улыбаясь, грустно*). Они провожаютъ въ могилу короля.

Зигридъ. Нѣтъ, они звонятъ въ честь твоего истиннаго коронованія. Прощай, мой братъ; пусть пурпуровая мантія

крови широко окутаетъ твои плечи; всѣ грѣхи прикроетъ она собою. Выходи, отправляйся въ великую церковь и прими вѣнецъ жизни! (*Спѣшитъ въ часовню*).

(*Пѣніе и колокольный звонъ продолжается во все время послѣдующей сцены*).

Голоса (*за воротами*). Теперь замокъ сломанъ! Не вынуждай насъ нарушить церковный миръ.

Король Скуле. Я иду.

Горожане. И святотатецъ долженъ также выйти.

Король Скуле. И святотатецъ долженъ также выйти, да! (*Подходитъ къ Петеру*). Сынъ мой, ты готовъ?

Петеръ. Да, отецъ мой, я готовъ.

Король Скуле (*подымаетъ глаза вверхъ*). Боже, я бѣдный человѣкъ, я могу отдать только свою жизнь; бери ее и спаси великую королевскую идею Гокона.—Вотъ такъ, подай мнѣ руку.

Петеръ. Вотъ моя рука, отецъ.

Король Скуле. Не бойся того, что наступитъ.

Петеръ. Нѣтъ, отецъ, я не боюсь, когда иду рядомъ съ тобою.

Король Скуле. По болѣе вѣрному пути мы никогда еще не шли вмѣстѣ съ тобою. (*Открываетъ ворота; горожане стоятъ толпою впереди съ поднятымъ оружіемъ*). Вотъ мы; мы пришли добровольно;—но не рубите его въ лицо. (*Они выходятъ, рука въ руку; ворота за ними закрываются*).

Голосъ. Бей, не щади; —руби куда попало.

Голосъ короля Скуле. Нечестно поступать такъ съ воинами! (*Шумъ оружія; затѣмъ кто-то тяжело падаетъ на землю; все на минуту замолкаетъ*).

Голосъ. Они оба мертвы.

(*Слышенъ звукъ королевскаго рога*).

Второй голосъ. Идетъ король Гоконъ со своею дружиною.

Толпа. Да здравствуетъ Гоконъ Гоконссонъ! Теперь у васъ нѣтъ болѣе враговъ.

Грегоріусъ Іонссонъ (*останавливается при видѣ мертвыхъ*). Значитъ, я пришелъ слишкомъ поздно. (*Уходитъ въ монастырскій дворъ*).

Дагфиннъ Бонде. Несчастье было бы для Норвегіи, если бы вы пришли раньше. (*Кричитъ*). Войдите, король Гоконъ!

Гоконъ (*останавливаясь*). Трупъ загораживаютъ мнѣ путь.

Дагфиннъ Бонде. Если Гоконъ Гоконссонъ хочетъ идти впередъ, онъ долженъ перешагнуть черезъ трупъ Скуле Бордссона.

Гоконъ. Итакъ во имя Божіе! (*Входитъ въ дверь, перешагнувъ черезъ трупъ*).

Дагфиннъ Бонде. Наконецъ то руки у васъ развязаны и вы можете приняться за выполненіе своей королевской задачи! Здѣсь находятся всѣ, кого вы любите; въ Нидаросѣ колокола звонятъ въ честь мира, а тамъ лежитъ онъ, тотъ кто былъ самымъ злымъ изъ вашихъ враговъ.

Гоконъ. Всѣ ошиблись на его счетъ. Какая-то загадка скрывалася въ немъ.

Дагфиннъ Бонде. Загадка?

Гоконъ. (*беретъ его за руку и говоритъ вполголоса*). Скуле Бордссонъ былъ пасынкомъ Божіимъ на землѣ,—вотъ въ чемъ заключалась загадка.

(*Пѣніе женщинъ громче доносится изъ часовни; всѣ колокола начинаютъ звонить въ Нидаросѣ*).

(Занавѣсъ падаетъ).

Фру Ингеръ изъ Эстрота.

Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Фру Ингеръ Оттисдаттеръ Ромеръ, вдова гофмейстера Нильса Гюльденлэве.
Элина Гюльденлэве, ея дочь.
Совѣтникъ **Нильсъ Люнне,** датскій рыцарь.
Олафъ Скантавль, изгнанный норвежскій дворянинъ.
Нильсъ Стенссонъ,
Іенсъ Бьельке, шведскій полководецъ.
Бьорнъ, дворецкій въ Эстротѣ,
Финнъ, слуга.
Эйнаръ Гукъ, судья.
Домашніе, слуги, крестьяне и шведскіе воины.

(Дѣйствіе происходитъ въ замкѣ Эстротѣ у Трондьемскаго фіорда въ 1528 г.).

Дѣйствіе первое.

(Комната въ Эстротѣ. Черезъ открытую дверь, въ глубинѣ сцены, виднѣется рыцарская зала, при слабомъ лунномъ освѣщеніи; такъ какъ луна то показывается, то исчезаетъ, свѣтя черезъ глубокое сводчатое окно на противоположной стѣнѣ. Направо—входная дверь; ближе къ авансценѣ окно съ опущенною занавѣсью. На лѣвой сторонѣ дверь, которая ведетъ во внутренніе апартаменты; ближе къ авансценѣ большой открытый очагъ, освѣщающій комнату. Бурная ненастная погода; вечеръ).

(Дворецкій Бьорнъ и слуга Финнъ сидятъ у очага. Послѣдній занятъ чисткою шлема. Разнаго рода оружія, мечъ и щитъ лежатъ около нихъ).

Финнъ (*послѣ нѣкотораго молчанія*). Кто былъ Кнутъ Альфсонъ?

Бьорнъ. Госпожа говоритъ, что онъ былъ послѣднимъ рыцаремъ въ Норвегіи.

Финнъ. И датчане убили его при Осло-фіордѣ?

Бьорнъ. Спроси каждаго пятилѣтняго мальчика, если ты этого не знаешь.

Финнъ. Значитъ, Кнутъ Альфсонъ былъ послѣднимъ нашимъ рыцаремъ? А теперь онъ умеръ, исчезъ! (*Подымая щитъ*). Да, нечего дѣлать, теперь придется висѣть тебѣ блестящимъ и вычищеннымъ въ рыцарской залѣ, ибо что же ты такое теперь, какъ не пустая орѣховая скорлупа? Зерно—съѣли черви, много-много зимъ тому назадъ.

Послушай, Бьорнъ,—развѣ нельзя сказать, что и сама Норвегія похожа на пустую орѣховую скорлупу, подобно вотъ этому шлему, снаружи блестящую, а внутри источенную червями?

Бьорнъ. Держи языкъ за зубами и дѣлай свое дѣло.—Шлемъ готовъ?

Финнъ. Онъ блеститъ какъ серебро при лунномъ свѣтѣ.

Бьорнъ. Такъ положи его на мѣсто. —Посмотри сюда: очищи ржавчину съ меча.

Финнъ (*поварчиваетъ во всѣ сторны мечъ*). Но развѣ стоитъ?

Бьорнъ. Что ты хочешь сказать?

Финнъ. Лезвія уже нѣтъ.

Бьорнъ. Не твое дѣло разсуждать. Дай мнѣ его.—Возьми щитъ.

Финнъ (*по прежнему*). Въ щитѣ недостаетъ ручки.

Бьорнъ (*бормочетъ*). Да, задалъ бы я тебѣ хорошую трепку, вотъ только—

Финнъ (*напѣваетъ что-то про себя*).

Бьорнъ. Что тамъ такое еще?

Финнъ. Пустой шлемъ, мечъ безъ лезвія, щитъ безъ ручки,—нечего сказать, славное величіе! Я думаю, никто не станетъ винить фру Ингеръ, если она велитъ чистить это оружіе и развѣшивать его по стѣнамъ своей залы вмѣсто того, чтобы дать ему ржавѣть въ датской крови.

Бьорнъ. Пустяки ты мелешь! У насъ въ странѣ миръ.

Финнъ. Миръ? Да, когда крестьянинъ выстрѣливаетъ свою послѣднюю стрѣлу, а волкъ съѣдаетъ послѣднюю овцу въ овчарнѣ, тогда они также заключаютъ между собою миръ. Но эта дружба страннаго рода. Ну, ну,—пусть дѣла идутъ своимъ чередомъ. Какъ я уже говорилъ, оружію приличнѣе всего висѣть теперь въ залѣ; ты вѣдь знаешь старую поговорку: „только рыцарь—мужчина“;—и такъ какъ у насъ нѣтъ больше рыцарей въ странѣ, то, значитъ, нѣтъ у насъ и мужчинъ; а тамъ, гдѣ нѣтъ мужчинъ, управляютъ женщины; вотъ видишь,—поэтому—

Бьорнъ. Поэтому—поэтому совѣтую тебѣ перестать молоть всю эту чепуху! (*Встаетъ*).

Уже поздно. Возьми шлемъ и щитъ и повѣсь ихъ на прежнія мѣста въ залѣ.

Финнъ (*вполголоса*). Нѣтъ, я лучше сдѣлаю это завтра утромъ.

Бьорнъ. Что съ тобою? Неужели ты боишься темноты.

Финнъ. Не днемъ. Но если я боюсь темноты вечеромъ,—то надо тебѣ сказать, что я не одинъ такъ трусливъ. Да, ты съ удивленіемъ смотришь на меня. Ну, такъ я тебѣ скажу, что тамъ внизу въ людской столько ходитъ разныхъ разсказовъ! (*Тише*). Многіе увѣряютъ, что каждую ночь тамъ въ залѣ появляется такой то большой призракъ весь въ черномъ.

Бьорнъ. Бабская болтовня!

Финнъ. Да, но они всѣ въ одинъ голосъ клянутся, что это правда!

Бьорнъ. Охотно вѣрю.

Финнъ. удивительнѣе всего то, что и фру Ингеръ тоже думаетъ.

Бьорнъ (*пораженный*). Фру Ингеръ? Ну, что же она думаетъ?

Финнъ. Что думаетъ фру Ингеръ?—Да, видишь ли, немногимъ это извѣстно. Но вѣрно одно, что она покоя не знаетъ. Развѣ ты не замѣчаешь, какъ она день ото дня все болѣе и болѣе блѣднѣетъ и сохнетъ? (*Бросая на собесѣдника проницательный взглядъ*). Люди говорятъ, что она никогда не спитъ,—и все изъ за привидѣнія—

(*При послѣднихъ словахъ Элине Гюльденлэве входитъ въ полуоткрытую дверь слѣва. Она останавливается и прислушивается, не будучи замѣченною*).

Бьорнъ. И ты вѣришь этимъ глупостямъ?

Финнъ. Да, вѣрю, но только вполовину. Другіе разсказываютъ все это въ иномъ видѣ. Но, конечно, это они говорятъ по злобѣ.—Послушай, Бьорнъ,—знаешь ты пѣснь, которая поется по всей странѣ?

Бьорнъ. Пѣснь?

Финнъ. Да, она поется всѣми. Понятно, что это все выдумки, сложено въ шутку. Но пѣснь сама по себѣ недурна. Вотъ послушай. (*Поетъ вполголоса*).

Въ Эстротскомъ дворцѣ фру Ингеръ живетъ.
Одѣта она въ мѣха дорогіе,
И въ бархатъ, и въ соболь, въ шелки и въ парчу,
Монисто златое вплетаетъ въ косу.
Одно у ней горе: покоя не знаетъ.
Датчанамъ себя продала госпожа.
Подъ иго народъ свой, въ рабство отдала.

За то ей дано—

(*Бьорнъ въ негодованіи схватываетъ его за воротъ. Элине Гюльденлэве незамѣтно удаляется*).

Бьорнъ. Я тебя отправлю къ чорту на кулички, если ты осмѣлишься сказать еще одно непочтительное слово о фру Ингеръ.

Финнъ (*вырываясь*). Ну, ну,—развѣ я сочинилъ эту пѣсню?

(*Слышенъ звукъ рога направо за сценою*).

Бьорнъ. Тише,—что это?

Финнъ. Рогъ. Значитъ, къ намъ сегодня вечеромъ прибыли гости.

Бьорнъ (*у окна*). Они отворяютъ ворота. Я слышу топотъ коня во дворѣ. Это, должно быть, какой-нибудь рыцарь.

Финнъ. Рыцарь? Да вѣдь ихъ больше нѣтъ.

Бьорнъ. Какъ это нѣтъ?

Финнъ. А ты самъ сказалъ: нашъ послѣдній рыцарь умеръ и исчезъ. (*Уходитъ направо*).

Бьорнъ. Проклятая шельма,—онъ все видитъ! Какъ мало помогли всѣ мои усилія скрыть правду, прикрыть ее. Она въ устахъ у всѣхъ: еще немного времени пройдетъ, и всѣ станутъ кричать, что—

Элине Гюльденлэве (*опять входитъ въ дверь на лѣво; она оглядывается и спрашиваетъ съ затаеннымъ волненіемъ*). Ты одинъ, Бьорнъ?

Бьорнъ. Это вы, іомфру Элине?

Элине. Послушай,—разскажи мнѣ одну изъ своихъ сказокъ,—я знаю, тебѣ извѣстны и другія сказки, а не только тѣ, что ты—

Бьорнъ. Разсказывать сказки? Теперь—когда уже такъ поздно—?

Элине. Если ты счетъ ведешь съ того времени, какъ здѣсь, въ Эстротѣ, потемнѣло, то конечно, уже очень поздно.

Бьорнъ. Что съ вами? Развѣ что-нибудь случилось? У васъ такой встревоженный видъ.

Элине. Очень можетъ быть.

Бьорнъ. Что-нибудь особенное, навѣрное, случилось Въ послѣдніе полгода я съ трудомъ узнаю васъ.

Элине. Вспомни: уже полгода Лючія, моя любимая сестра, спитъ вѣчнымъ сномъ тамъ въ склепѣ.

Бьорнъ. Не это причина, іомфру Элине,—не поэтому только бродите вы по дому, то задумчивая, блѣдная и тихая. то безпокойная, встревоженная, какъ сегодня вечеромъ.

Элине. Ты такъ думаешь?.. А почему бы нѣтъ? Развѣ она не была такъ же кротка, ясна и прекрасна, какъ лѣтняя ночь? Бьорнъ, скажу тебѣ, я любила Лючію какъ собственную жизнь. Развѣ ты забылъ, какъ часто сидѣли мы подолгу у тебя на колѣняхъ въ зимніе вечера? Ты пѣлъ намъ пѣсни и разсказывалъ—

Бьорнъ. Да, тогда вы были веселы и счастливы.

Элине. Да, тогда, тогда! Тогда я вела чудесную жизнь, погруженная въ міръ сказокъ и въ свои собственныя мысли. Неужели и въ то время морской берегъ былъ такой же пустынный, какъ теперь? Если это такъ, то я этого не замѣчала. Туда я чаще всего ходила, сочиняя сотнями волшебные разсказы; мои герои проходили тамъ мимо меня, сходя на берегъ съ моря и опять отправляясь за море; я же сама жила среди нихъ и слѣдовала за ними, когда они покидали страну. (*Опускается на стулъ*). Теперь я чувствую себя такою слабою, усталою; мои фантастическіе грезы не развлекаютъ меня больше;—все это —не болѣе, какъ сказки. (*Быстро встаетъ*). Бьорнъ,—знаешь ли, что меня дѣлаетъ больною? Одна правда, одна злая, злая правда, которая терзаетъ меня днемъ и ночью.

Бьорнъ. Что вы говорите?

Элине. Помнишь, ты иногда давалъ намъ добрые совѣты и разсказывалъ, какъ слѣдуетъ вести себя въ жизни? Сестра Лючія слѣдовала имъ, но я—О, Господи Боже!

Бьорнъ (*утѣшая ее*). Ну, ну!

Элине. Я знаю это—я была всегда горда, высокомѣрна. Когда мы играли вмѣстѣ, я всегда хотѣла быть королевою, потому что я чувствовала себя самою большою, самою красивою, самою умною.—Я это знаю.

Бьорнъ. Да это и правда.

Элине. Однажды ты взялъ меня за руку, посмотрѣлъ на меня серьезно и сказалъ: „не гордись своимъ умомъ и своею красотою; но гордись, подобно орлу, царящему надъ скалами, каждый разъ, когда подумаешь, что ты дочь Ингеръ Гюльденлэве“.

Бьорнъ. Вы имѣли полное основаніе гордиться этимъ.

Элине. Да, ты рано началъ говорить мнѣ это, Бьорнъ. О, ты въ то время разсказывалъ мнѣ столько сказокъ! (*Пожимая его руку*). Благодарю тебя за нихъ.—Разскажи мнѣ еще одну; можетъ быть, она облегчитъ мое сердце и я стану опять прежнею.

Бьорнъ. Вы больше не дитя.

Элине. Конечно. Но дай мнѣ вообразить, что я еще ребенокъ.—Ну, разсказывай. (*Бросается на стулъ; Бьорнъ садится на край очага*).

Бьорнъ. Жилъ былъ однажды высокорожденный рыцарь—

Элине (*тревожно прислушиваясь по направленію залы, хватаетъ его за руку и рѣзко прерываетъ его слова, шепча ему*). Тише! Не кричи такъ, —я не глуха.

Бьорнъ (*понижая голосъ*). Жилъ былъ однажды высокорожденный рыцарь, о которомъ ходила странная молва—

Элине (*привстаетъ и въ страхѣ прислушивается по направленію къ залѣ*).

Бьорнъ. Іомфру Элине,—что съвами?

Элине *(опять садится)*. Со мной? Ничего, продолжай свой разсказъ.

Бьорнъ. Ну, какъ я уже говорилъ, —стоило ему посмотрѣть женщинѣ въ очи, и она никогда ужъ больше не могла забыть его, а слѣдовала за нимъ мысленно, куда бы ни шелъ и гдѣ бы ни стоялъ, и умирала отъ тоски.

Элине. Это я уже слышала.—Да это, впрочемъ, и не сказка, то, что ты теперь разсказываешь. Потому что рыцарь, о которомъ ты говоришь, Нильсъ Люкке, засѣдающій теперь въ датскомъ государственномъ совѣтѣ.

Бьорнъ. Очень можетъ быть.

Элине. Ну, да, —все равно,—продолжай.

Бьорнъ. И вотъ случилось однажды—

Элине *(внезапно встаетъ)*. Тише, замолчи.

Бьорнъ. Что такое? Что съ вами?

Элине *(прислушиваясь)*. Ты слышишь?

Бьорнъ. Что?

Элине. Это тамъ. Да, клянусь Христомъ Спасителемъ, это тамъ.

Бьорнъ *(встаетъ)*. Что тамъ? Гдѣ?

Элине. Она сама — въ рыцарской залѣ—*(Бѣжитъ въ глубину сцены)*.

Бьорнъ *(слѣдуя за нею)*. Какъ вы можете думать?—Іомфру Элине,—уходите въ свою комнату.

Элине. Тише, молчи! Не двигайся; не показывайся! Подожди,—сейчасъ покажется луна.—Видишь черный призракъ?—

Бьорнъ. Всѣ святые—!

Элине. Видишь,—она оборачиваетъ къ стѣнѣ портретъ Кнута Альфссона. Ха, ха, ха! онъ колетъ ей глаза.

Бьорнъ. Іомфру Элине, выслушайте меня!

Элине *(подходя къ очагу)*. Теперь я знаю то, что знаю.

Бьорнъ *(про себя)*. Такъ это, значитъ, правда?

Элине. Кто это былъ, Бьорнъ? Кто это былъ?

Бьорнъ. Вы это видѣли такъ же хорошо, какъ и я.

Элине. Ну хорошо? Кого же я видѣла?

Бьорнъ. Вы видѣли вашу мать.

Элине *(про себя)*. Каждую ночь слышала я ея шаги тамъ. Я слышала, какъ она что-то шептала про себя и вертѣлась на своей постели, точно душа безъ покаянія. А въ пѣснѣ говорится, — ахъ, теперь я понимаю! Теперь я знаю, что—

Бьорнъ. Тише!

(Фру Ингеръ Гюльденлэве быстро выходитъ изъ залы, не обращая вниманія на присутствующихъ, подходитъ къ окну, раздвигаетъ занавѣсы и глядитъ нѣсколько времени черезъ окно, точно высматривая кого-то на дорогѣ; затѣмъ оборачивается и медленно входитъ опять въ залъ.)

Элине *(тихо, слѣдя за нею глазами)*. Она блѣдная, какъ смерть—

(Слышенъ шумъ многихъ голосовъ за дверью направо).

Бьорнъ. Что тамъ еще?

Элине. Выйди и посмотри, въ чемъ дѣло.

(Судья Эйнаръ Гукъ и большая толпа домашнихъ слугъ и крестьянъ показываются въ передней).

Эйнаръ Гукъ *(у двери)*. Прямо къ ней! И не бойтесь!

Бьорнъ. Чего вамъ нужно?

Эйнаръ Гукъ. Фру Ингеръ.

Бьорнъ. Фру Ингеръ? Такъ поздно вечеромъ?

Эйнаръ. Хоть поздно, но еще во время, какъ мнѣ кажется.

Крестьяне. Да, да, — теперь она должна выслушать насъ.

(Вся толпа вторгается въ комнату. Въ это время въ дверяхъ рыцарской залы показывается фру Ингеръ Гюльденлэве. Всѣ внезапно замолкаютъ).

Фру Ингеръ. Чего вамъ нужно отъ меня?

Эйнаръ Гукъ. Мы искали васъ, благородная госпожа, чтобы—

Фру Ингеръ. Ну хорошо,—говорите скорѣе.

Эйнаръ Гукъ. Ну что жъ, дѣло правое. Однимъ словомъ,—мы пришли просить у васъ позволенія и оружія—

Фру Ингеръ. Позволенія и оружія? Зачѣмъ?

Эйнаръ Гукъ. Изъ Швеціи идетъ слухъ, будто крестьяне возстали въ Далекарліи и поднялись противъ короля Густава—

Ингеръ. Крестьяне въ Далекарліи?

Эйнаръ Гукъ. Да, такъ говорятъ, и слухъ, кажется, совершенно вѣренъ.

Фру Ингеръ. Ну,—а если и такъ, —какое вамъ дѣло до возстанія далекарлійцевъ?

Крестьяне. Мы хотимъ дѣйствовать за одно съ ними. Мы хотимъ идти имъ на помощь. Освободиться!

Фру Ингеръ (*тихо*). Ахъ, неужели уже наступило время?

Эйнаръ Гукъ. Изъ всѣхъ сѣверныхъ пограничныхъ селъ устремляются крестьяне въ Далекарлію. Даже изгнанники, изъ года въ годъ бродившіе безъ пристанища по скаламъ, и тѣ смѣло возвращаются теперь къ своимъ очагамъ, и тѣ присоединяются къ возставшимъ и точатъ лезвія своихъ заржавѣлыхъ мечей.

Фру Ингеръ (*послѣ краткаго молчанія*). Послушайте, — скажите мнѣ, хорошо ли вы все обдумали? Разсчитали ли вы, что потеряте въ случаѣ, если воины короля Густава окажутся побѣдителями?

Бьорнъ (*тихо, умоляющимъ голосомъ фру Ингеръ*). Разсчитайте, что потеряетъ Данія, если воины короля Густава будутъ побѣждены.

Фру Ингеръ (*отстраняя его*). До этого разсчета мнѣ нѣтъ дѣла. (*Обращаясь къ толпѣ*). Вы знаете, что король Густавъ можетъ разсчитывать навѣрняка на помощь Даніи. Король Фредерикъ его другъ, и, конечно, не захочетъ оставить его въ бѣдѣ—

Эйнаръ Гукъ. Но если крестьяне возстанутъ во всей Норвегіи? Если мы возстанемъ всѣ—какъ крестьяне, такъ и господа, всѣ дружно?—Да, фру Ингеръ Гюльденлэве, я почти вѣрю теперь, что наступило, наконецъ, время, котораго мы такъ долго ждали. Если возстаніе дѣйствительно охватитъ всю страну, то чужеземцамъ придется убраться вонъ изъ нея.

Крестьяне. Да, долой датскихъ фогтовъ! Долой чужестранныхъ властителей! Долой слугъ королевскаго совѣта!

Фру Ингеръ (*тихо*). Ахъ, кричать они умѣютъ! Но все же, все же—!

Бьорнъ (*про себя*). Она колеблется. (*Элинѣ*). Вотъ видите, Іомфру Элине,—вы ошиблись, осуждая вашу мать.

Элине. Бьорнъ,—я готова была бы вырвать у себя глаза изъ головы, если бы они солгали мнѣ.

Эйнаръ Гукъ. Вы видите, благородная госпожа, что надо прежде всего обратить свои силы противъ Густава; стоитъ сдѣлать его безсильнымъ, и датчане не будутъ больше въ состояніи продержаться здѣсь въ странѣ—

Фру Ингеръ. И тогда?

Эйнаръ Гукъ. И тогда мы освободимся. У насъ не будетъ больше чужеземныхъ властителей и мы можемъ играть себѣ короля, какъ это дѣлали шведы до насъ.

Фру Ингеръ (*съ оживленіемъ*). Избрать себѣ короля! Ты думаешь о родѣ Стуре?

Эйнаръ Гукъ. Король Христіанъ, и другіе послѣ него, похозяйничали не мало въ старинныхъ замкахъ нашихъ знатныхъ родовъ. Лучшіе изъ нашихъ господъ блуждаютъ изгнанниками въ родныхъ скалахъ, если только они еще живы. Но весьма можетъ быть, что между ними найдется потомокъ стариннаго рода, который—

Фру Ингеръ (*быстро*). Найдется, Эйнаръ Гукъ, найдется! (*Про себя*). Ахъ, самая дорогая моя надежда! (*Обращаясь къ крестьянамъ и слугамъ*). Я убѣждала васъ, насколько могла. Я сказала вамъ, какъ сильно вы рискуете, какая громадная опасность предстоитъ вамъ. Но разъ вы такъ крѣпко держитесь своего намѣренія, то было бы слишкомъ смѣло съ моей стороны воспрещать вамъ то, чему я собственными силами не въ состояніи противодѣйствовать.

Эйнаръ Гукъ. Вы значитъ, разрѣшаете намъ?

Фру Ингеръ. У васъ собственная твердая воля,—считайтесь съ нею. Если вѣрно то, что вы говорите, что васъ постоянно угнетаютъ и мучатъ.—Я такъ мало знаю объ этихъ вещахъ. И знать не хочу. Что могу сдѣлать я, одинокая женщина? Даже если бы вы захотѣли ограбить рыцарскую залу;—а въ ней много годнаго для боя оружія,—вы сегодня властвуете въ Этротѣ. Можете дѣлать, что хотите. Спокойной ночи!

(*Толпа разражается громкими кликами радости. Зажигаются свѣчи и слуги вносятъ всякаго рода оружіе изъ залы*).

Бьорнъ (*хватаетъ руку фру Ингеръ въ то время, какъ она уходитъ*). Благодарю, моя благородная, великодушная госпожа! Я, знавшій васъ съ дѣтства, я никогда не сомнѣвался въ васъ.

Фру Ингеръ. Тише, Бьорнъ,—я сегодня вечеромъ рѣшилась начать опасную игру.—Другіе ставятъ на карту только свою жизнь; я же ставлю—нѣчто въ тысячу разъ больше, повѣрь мнѣ.

Бьорнъ. Какимъ образомъ? Вы боитесь за вашу власть и за ваше доброе согласіе съ—

Фру Ингеръ. За свою власть! О, Царю небесный!

Слуга (*выходитъ изъ залы съ большимъ мечемъ въ рукахъ*). Смотрите,

вотъ гдѣ настоящій волчій зубъ! съ нимъ я разгоню приспѣшниковъ кровопіецъ.

Эйнаръ Гукъ (*другому слугѣ*). Что ты тамъ нашелъ?

Слуга. Панцырь, который носилъ, какъ говорятъ, Герлофъ Гюттефадъ.

Эйнаръ Гукъ. Онъ слишкомъ хорошъ для тебя;—посмотри сюда, у меня рукоятка шпаги Стена Стуре; повѣсь на нее панцырь, и у насъ будетъ прекраснѣйшее боевое знамя. какое только можно себѣ представить.

Слуга Финнъ (*съ письмомъ въ рукѣ, входитъ изъ двери слѣва и подходитъ къ фру Ингеръ*). Я искалъ васъ во всѣхъ комнатахъ—

Фру Ингеръ. Чего тебѣ?

Финнъ (*подаетъ ей письмо*). Гонецъ изъ Трондьема привезъ вамъ письмо и порученіе.

Фру Ингеръ. Посмотримъ. (*Открывая письмо*). Изъ Трондьема. Что бы это было? (*Пробѣгаетъ письмо*). Господи Іисусе Христе, спаси насъ и помилуй! Отъ него! Онъ здѣсь въ Норвегіи!—(*Она читаетъ дальше въ сильномъ волненіи, между тѣмъ какъ толпа продолжаетъ выносить изъ залы оружіе*).

Фру Ингеръ (*про себя*). Онъ, значитъ, пріѣдетъ сюда. Онъ пріѣдетъ сюда сегодня же ночью.—Да, въ такомъ случаѣ надо вооружаться умомъ, а не мечемъ.

Эйнаръ Гукъ. Довольно, довольно, добрые люди; теперь, какъ мнѣ кажется, мы достаточно вооружены. Можемъ отправиться въ путь.

Фру Ингеръ (*внезапно перемѣняя тонъ*). Никто не оставитъ сегодня ночью моего двора.

Эйнаръ Гукъ. Но, благородная госпожа, теперь у насъ попутный вѣтеръ; мы переплывемъ фіордъ и—

Фру Ингеръ. Все должно быть такъ, какъ я сказала.

Эйнаръ Гукъ. Такъ мы должны ждать до утра?

Фру Ингеръ. До утра, а можетъ быть еще и дольше. Ни одинъ вооруженный человѣкъ не имѣетъ права покидать до моего разрѣшенія Эстротъ. (*Въ толпѣ раздаются крики недовольства*).

Нѣкоторые изъ крестьянъ. А мы все же уйдемъ, фру Ингеръ!

Многіе. Да, да, мы уйдемъ!

Фру Ингеръ (*подходя на шагъ къ нимъ*). Кто смѣетъ разсуждать?

(*Всѣ молчатъ; послѣ минутнаго молчанія она продолжаетъ*).

Я обдумала все за васъ. Что понимаете вы, крестьяне, простой народъ, въ дѣлахъ страны? Какъ можете вы брать на себя трудную задачу судить о нихъ? Вы должны еще нѣкоторое время сносить весь гнетъ и всѣ тягости, лежащія на васъ. Вы должны примириться съ этимъ мыслью, что и мы, потомки нѣкогда великихъ родовъ, терпимъ не меньше, чѣмъ вы.—Отнесите опять свое оружіе въ залу. Вскорѣ вы узнаете мою волю. А теперь уходите!

(*Слуги уносятъ все оружіе, послѣ чего вся толпа удаляется въ дверь направо*).

Элине (*тихо Бьорну*). Ты все еще думаешь, что я ошиблась, осуждая—владѣтельницу Эстрота?

Фру Ингеръ (*жестомъ подзываетъ къ себѣ Бьорна и говоритъ ему*). Приготовь комнату для гостей.

Бьорнъ. Слушаю, фру Ингеръ.

Фру Ингеръ. И прикажи открывать ворота всѣмъ, кто будетъ стучаться въ нихъ.

Бьорнъ. Какъ?

Фру Ингеръ. Пусть ворота будутъ открыты для всѣхъ.

Бьорнъ. Слушаю. (*Уходитъ направо*).

Фру Ингеръ. (*Элине, уже подошедшей налѣво къ двери*). Останься здѣсь, Элина, дитя мое,—я должна сказать тебѣ что-то наединѣ.

Элине. Я слушая васъ.

Фру Ингеръ. Элине,—ты дурно думаешь о своей марери.

Элине. Я думаю такъ, какъ меня заставляетъ думать ваше поведеніе.

Фру Ингеръ. И ты отвѣчаешь мнѣ такъ, какъ подсказываетъ тебѣ твое ожесточенное сердце?

Элине. Кто ожесточилъ мое сердце? Съ самаго нѣжнаго дѣтства я привыкла видѣть въ васъ великодушную женщину съ возвышенною душою! Въ вашемъ образѣ представляла я себѣ тѣхъ женщинъ, которыя изображаются въ древнихъ хроникахъ и въ жизнеописаніяхъ героевъ. Мнѣ казалось, какъ будто самъ Господь наложилъ печать на ваше чело и отмѣтилъ васъ какъ женщину, которая должна руководить всѣми трепещущими и ищущими совѣта людьми. Въ пріемной залѣ рыцари и вельможи пѣли хвалу вамъ; и даже крестьяне, какъ близкіе къ намъ, такъ и отдаленные, называли васъ надеждою и опорою страны. И всѣ они думали, что благодаря вамъ настанетъ вновь счаст-

ливое для Норвегіи, время. Всѣ надѣялись, что при вашей помощи займется надъ нами заря новыхъ дней. Но теперь все еще ночь; и я ужъ не знаю, можно ли еще надѣяться, что утро засіяетъ надъ нами при вашей помощи.

Фру Ингеръ. Легко понять, на что ты намекаешь своими ядовитыми словами. Тебѣ разсказали, что безсмысленная толпа шепчетъ и бормочетъ о вещахъ, о которыхъ не въ силахъ судить.

Элине. Гласъ народа—гласъ Божій, говорили вы тогда, когда хвала вамъ была на устахъ у всѣхъ, какъ въ пѣсняхъ, такъ и въ рѣчахъ.

Фру Ингеръ. Пусть такъ! Но если бы даже я предпочла проживать здѣсь въ бездѣйствіи, въ то время, когда мнѣ надлежало дѣйствовать,—не ужели ты не понимаешь, что жизнь при такихъ условіяхъ достаточно тяжела для меня, и что тебѣ не зачѣмъ усиливать ея тяжесть, подбрасывая къ моей ношѣ новые камни?

Элине. Камни, которыми я увеличиваю тяжесть вашей ноши, тяготятъ меня не менѣе чѣмъ васъ. Легко и свободно жилось мнѣ на свѣтѣ, пока у меня была вѣра въ васъ. Чтобы жить, я должна чувствовать, что у меня есть чѣмъ гордиться; и я это чувствовала бы, если бы вы остались такою, какой были раньше.

Фру Ингеръ. А что служитъ тебѣ порукою, что я не такая же, какъ прежде? Элине, почему ты такъ увѣрена, что не оказываешь своей матери несправедливости?

Элине (*горячо*). Ахъ, если бы это была правда!

Фру Ингеръ. Тише! Ты не имѣешь права требовать у своей матери отчета.—Однимъ единымъ словомъ я могла бы—но тебѣ не слѣдуетъ слышать это!—Жди, что принесетъ съ собою время; очень можетъ быть, что—

Элине (*хочетъ уходить*). Спокойной ночи, матушка!

Фру Ингеръ (*колеблясь*). Нѣтъ,—останься со мною. Есть кое-что—Подойди ближе,—выслушай меня, Элине. (*Садится за столомъ передъ окномъ*).

Элине. Я слушаю васъ.

Фру Ингеръ. Какъ ты ни молчишь, но я знаю прекрасно, что ты всею душею стремишься вонъ отсюда. Ты чувствуешь себя слишкомъ одинокою въ Эстротѣ, здѣсь слишкомъ пустынно для тебя.

Элине. И это васъ удивляетъ, матушка?

Фру Ингеръ. Отъ тебя одной зависитъ, чтобы въ будущемъ все стало иначе.

Элине. Какимъ образомъ?

Фру Ингеръ. Выслушай меня.—Сегодня ночью я жду въ замокъ гостя.

Элине (*подходитъ ближе*). Гостя?

Фру Ингеръ. Гостя, который долженъ остаться неизвѣстнымъ для всѣхъ. Никто не долженъ знать, откуда онъ пришелъ и куда ѣдетъ.

Элине (*съ радостнымъ крикомъ бросается передъ нею на колѣни и хватаетъ ее за руки*). Матушка! Матушка! Простите меня, если можете, за всю мою несправедливость по отношенію къ вамъ.

Фру Ингеръ. Что ты говоришь?—Элине, я тебя не понимаю.

Элине. Такъ они, значитъ, всѣ ошиблись? Вы по прежнему вѣрны своимъ?

Фру Ингеръ. Встань, встань,—и скажи мнѣ—

Элине. И вы думаете, я не знаю, кто ожидаемый вами гость?

Фру Ингеръ. Ты знаешь это? И все же—?

Элине. Неужели вы думуете, что ворота Эстрота были такъ плотно заперты, что ни одинъ жалобный крикъ извнѣ не проникалъ черезъ щели? Вы думаете, я не знаю, что многіе потомки старыхъ родовъ бродятъ изгнанниками по бѣлому свѣту, безъ крова и пристанища, между тѣмъ какъ датскіе правители распоряжаются безнаказанно въ ихъ родовыхъ замкахъ?

Фру Ингеръ. Ну и что жъ? Что же дальше?

Элине. Я прекрасно знаю, что многіе знатные рыцари блуждаютъ теперь въ лѣсу, какъ голодные волки, не имѣя гдѣ приткнуть голову. Безъ куска хлѣба—

Фру Ингеръ (*холодно*). Довольно. Теперь я тебя понимаю.

Элине (*продолжая*). И поэтому вы открываете сегодня ночью ворота Эстрота! Поэтому онъ долженъ остаться неизвѣстнымъ для всѣхъ,—онъ, тотъ гость, о которомъ никто не долженъ знать откуда онъ пришелъ и куда ѣдетъ. Вы нарушаете строгое предписаніе, воспрещающее вамъ оказывать пріютъ преслѣдуемымъ и помогать имъ—

Фру Ингеръ. Довольно, говорю я тебѣ!

(*Молчитъ нѣкоторое время, затѣмъ прибавляетъ съ усиліемъ*).

Ты ошибаешься, Элине;—я не жду никакого изгнанника.

Элине (*встаетъ*). Въ такомъ случаѣ я плохо поняла васъ.

Фру Ингеръ. Выслушай меня, дитя мое. Но только будь при этомъ благоразумна и обуздай хоть на время свои порывы.

Элине. Я буду сдерживать себя.

Фру Ингеръ. Такъ выслушай, что мнѣ нужно сказать тебѣ. — Я старалась, насколько могла, скрыть отъ тебя все горе и всѣ заботы, окружающія насъ. Потому, что какая польза была бы, если бы я возбудила горе и печаль и въ твоей юной душѣ? Не женскія слезы и не женскія жалобы могутъ освободить насъ изъ неволи... Для этого нужна мужская сила.

Элине. Кто вамъ сказалъ, что у меня не хватитъ мужества и мужской силы, когда въ нихъ окажется надобность?

Фру Ингеръ. Тише, дитя,—я могла бы поймать тебя на словѣ.

Элине. Какимъ образомъ, матушка?

Фру Ингеръ. Я могла бы потребовать отъ тебя и того, и другого; я могла бы—но сначала договоримъ до конца.

Ты должна знать, что приближается то время, къ которому подготовлялся въ теченіе многихъ лѣтъ датскій государственный совѣтъ,—то время, говорю я, когда нашимъ правамъ и вольностямъ нанесенъ будетъ послѣдній ударъ. Видишь, поэтому крайне важно—

Элине (*съ оживленіемъ*). Возстать, матушка?

Фру Ингеръ. Нѣтъ, выиграть время, чтобы хорошенько обдумать данное положеніе дѣлъ. Въ Копенгагенѣ собрался совѣтъ для рѣшенія, какъ лучше взяться за это дѣло. Большинство держится мнѣнія, что раздоры не прекратятся, пока Данія и Норвегія не сольются въ одно. Потому что если мы сохранимъ свои права, какъ свободное королевство, то при всякомъ новомъ выборѣ короля борьба можетъ всегда вспыхнуть вновь. И вотъ наши датскіе властители хотятъ помѣшать этому—

Элине. Да, они хотятъ помѣшать этому,—да. Но развѣ мы можемъ терпѣть это? Развѣ мы будемъ спокойно смотрѣть, какъ—?

Фру Ингеръ. Нѣтъ, мы не должны этого терпѣть. Но хвататься за оружіе,—выступать впередъ въ открытый бой, —къ чему это приведетъ насъ, пока мы не сплотились въ одно? А развѣ между нами было когда-либо меньшее единеніе, чѣмъ именно теперь?—Нѣтъ, если мы хотимъ добиться чего-нибудь, то добиваться этого слѣдуетъ въ тиши, тайкомъ. Мы должны, какъ я уже сказала тебѣ, выиграть время, чтобы хорошенько раскинуть умомъ. Въ южной Норвегіи значительная часть дворянства стоитъ на сторонѣ датчанъ; здѣсь же, на сѣверѣ, ничего рѣшительнаго сказать нельзя. Поэтому король Фредерикъ прислалъ одного изъ своихъ наиболѣе довѣренныхъ лицъ, чтобы разузнать наше настроеніе.

Элине (*тревожно*). Ну,—и что жъ?

Фру Ингеръ. Этотъ посланный пріѣдетъ сегодня ночью въ Эстротъ.

Элине. Сюда? И сегодня ночью?

Фру Ингеръ. Онъ вчера пріѣхалъ на купеческомъ кораблѣ въ Трондьемъ. Я только что получила отъ него вѣсть, что онъ намѣренъ остановиться у меня. Черезъ часъ онъ будетъ здѣсь.

Элине. А вы подумали, матушка, какой опасности подвергаете вы свою репутацію, оказывая датскому послу такой пріемъ? Развѣ окрестные крестьяне и безъ того не относятся къ вамъ недовѣрчиво? Какъ вы можете надѣяться, что вамъ удастся руководить имп и вліять на нихъ послѣ того, какъ они узнаютъ, что —

Фру Ингеръ. Не безпокойся. Все это я хорошенько обдумала; опасности никакой нѣтъ. Его посольство сюда къ намъ —тайна, поэтому-то онъ пріѣхалъ въ Трондьемъ, и хочетъ прогостить въ Эстротѣ какъ неизвѣстный, никому невѣдомый гость.

Элине. Какъ же фамилія этого датскаго вельможи?

Фру Ингеръ. Она хорошо звучитъ, эта фамилія, Элине. У датскаго дворянства нельзя встрѣтить болѣе благозвучной.

Элине. Но что же вы задумали? Я все еще никакъ не могу понять вашихъ намѣреній.

Фру Ингеръ. Ты скоро поймешь меня.—Разъ мы не можемъ раздавить змія, мы должны связать его.

Элине. Смотрите, чтобы веревки не порвались.

Фру Ингеръ. Все завитъ отъ тебя, насколько ты съумѣешь укрѣпить ихъ.

Элине. Отъ меня?

Фру Ингеръ. Я давно уже замѣтила, что Эстротъ—точно тюрьма для тебя. Молодому соколу не годится сидѣть за желѣзными рѣшетками.

Элине. Мои крылья подрѣзаны. Если даже вы освободите меня,—это мало чему поможетъ.

Фру Ингеръ. Твои крылья вовсе не подрѣзаны.—Они подрѣзаны лишь настолько, насколько ты сама этого хочешь.

Элине. Насколько я хочу? Моя воля въ вашихъ рукахъ. — Будьте такою, какъ прежде, и я также —

Фру Ингеръ. Дѣло не въ этомъ. Слушай меня дальше.—Уѣхать изъ Эстрота вряд ли было бы для тебя тяжело.

Элине. Очень можетъ быть, матушка.

Фру Ингеръ. Ты однажды говорила мнѣ, что никогда не жила такъ счастливо, какъ въ мірѣ сказокъ и хроникъ. Эта жизнь могла бы возродиться вновь для тебя.

Элине. Что вы хотите сказать?

Фру Ингеръ. Элине,—что если бы могущественный рыцарь пришелъ и увезъ тебя въ свой замокъ, гдѣ ты застала бы ждущихъ тебя служанокъ и слугъ, шелковыя платья и высокія залы?

Элине. Вы сказали, рыцарь?

Фру Ингеръ. Рыцарь.

Элине (*тише*). А датскій носолъ пріѣзжаетъ сегодня ночью?

Фру Ингеръ. Сегодня ночью.

Элине. Если такъ, я боюсь разгадать смыслъ вашихъ словъ.

Фру Ингеръ. Тебѣ нечего бояться, если только ты не захочешь истолковать ихъ въ дурную сторону. Конечно, я не имѣю вовсе намѣренія принуждать тебя. Ты должна по собственному усмотрѣнію рѣшать и дѣйствовать въ этомъ дѣлѣ.

Элине (*подходитъ на шагъ ближе*). Вы слышали о матери, которая перебѣжала ночью въ саняхъ черезъ скалы со своими маленькими дѣтьми? Стая волковъ погналась по ея слѣдамъ; вопросъ шелъ о жизни и смерти;—и она выбросила изъ саней, одного за другимъ, своихъ маленькихъ дѣтей, чтобы только выиграть время и спасти свою жизнь.

Фру Ингеръ. Сказка это! Мать вырветъ изъ груди сердце скорѣе, чѣмъ выбросить свое дитя волкамъ.

Элине. Если бы я не была дочерью своей матери, я сказала бы, конечно, что вы правы. Но вы похожи на эту мать; и своихъ дочерей вы выбрасываете волкамъ, одну за другою. Сначала вы выбросили старшую. Пять лѣтъ тому назадъ Мерете выѣхала изъ Эстрота; теперь она живетъ въ Бергенѣ женою Винцента Лунге. Но неужели вы думаете, что она счастлива, сдѣлавшись женою датскаго рыцаря? Винцентъ Лунге—могущественный человѣкъ, почти король. У Мерете много слугъ и служанокъ, у нея есть шелковыя платья и высокія залы, но днемъ солнце не свѣтитъ для нея, а ночью она не знаетъ покоя—потому, что она никогда не любила. Онъ пришелъ сюда, попросилъ ея руки потому, что она была богатѣйшею наслѣдницею Норвегіи и потому что въ то время было выгодно стать твердою ногою у насъ, въ странѣ. Я это знаю, я это отлично знаю. Мерете слушалась васъ; она послѣдовала за чужестранцемъ. Но что это стоило ей! Больше слезъ, чѣмъ за сколько ея мать можетъ дать отвѣтъ въ день страшнаго суда.

Фру Ингеръ. Я знаю свою отвѣтственность и не боюсь ея.

Элине. Ваша отвѣтственность этимъ не кончается. Гдѣ Лючія, ваша вторая дочь?

Фру Ингеръ. Спроси Бога, призвавшаго ее къ себѣ.

Элине. Я спрашиваю *васъ*, потому что вы дадите отчетъ за то, почему она должна была такъ рано разстаться съ жизнью. Она была весела какъ птичка весною, когда отправлялась изъ Эстрота въ гости къ Мерете въ Бергенъ. А черезъ годъ она стояла опять въ этой комнатѣ, но тогда ея щеки были блѣдны, какъ полотно, а смерть проникла въ ея грудь. Да, вы удивляетесь, матушка. Вы воображали, что возмутительная тайна похоронена вмѣстѣ съ нею; но она мнѣ все разсказала. Одинъ придворный рыцарь побѣдилъ ея сердце. Онъ хотѣлъ на ней жениться. Вы знали, что вопросъ идетъ о ея чести. Но вы остались непреклонны,—и ваша дочь должна была умереть. Вы видите, я все знаю.

Фру Ингеръ. Все? Такъ она, значитъ, назвала тебѣ и его имя?

Элине. Его имя? Нѣтъ; его имени она мнѣ не назвала. Она испытывала какой-то необъяснимый ужасъ передъ его именемъ,—она никогда не произносила его.

Фру Ингеръ (*съ облегченіемъ про себя*). Ахъ, значитъ, ты не все знаешь!—

Элине! То, о чемъ ты только что говорила, было мнѣ дѣйствительно извѣстно. Но есть одна вещь, на которую ты не обратила вниманія. Тотъ рыцарь, о которомъ разсказывала тебѣ Лючія, былъ датчанинъ.

Элине. И это я знаю.

Фру Ингеръ. Его любовь была лжива. Хитростью и вкрадчивыми словами онъ одурачилъ ее.

Элине. Я знаю и это; но она все же любила его; и если бы въ вашей груди билось материнское сердце, то честь вашей дочери была бы для васъ дороже всего.

Фру Ингеръ. Но не дороже ея счастья. Ты хотѣла бы, чтобы я, имѣя передъ глазами судьбу Мерете, пожертвовала

своимъ ребенкомъ человѣку, не любящему ее?

Элине. Хитрыми словами можно многимъ отвести глаза, но не мнѣ! Меня они не одурачатъ.

Не воображайте, что я ужъ такъ чужда всему, что происходитъ вокругъ насъ въ странѣ. Я отлично понимаю ваше поведеніе. Я знаю прекрасно, что датскіе властители не имѣютъ въ вашемъ лицѣ вѣрнаго друга. Вы, можетъ быть, ненавидите ихъ, но вы ихъ въ то же время боитесь. Тогда, когда вы отдали Мерете Винценту Лунге, датчане пользовались преобладаніемъ во всей странѣ. Три года спустя, когда вы запретили Лючіи выйти замужъ за того, кому она отдала свою жизнь навсегда, запретили, несмотря на то, что онъ соблазнилъ ее,—дѣла находились совершенно въ иномъ положеніи. Датскіе фогды короля позволяли себѣ самыя возмутительныя дѣйствія относительно норвежскихъ крестьянъ, и вы нашли неполитичнымъ тѣснѣе связать себя съ чужеземными деспотами.

И что же вы сдѣлали, чтобы отомстить за нее,—за ту, которая должна была умереть такъ рано? Вы нечего не сдѣлали. Ну хорошо; я буду дѣйствовать за васъ; я отомщу за все униженіе, которому подвергли нашъ народъ и нашъ родъ.

Фру Ингеръ. Ты? Что ты задумала?

Элине. Я пойду *своею* дорогою, подобно тому, *какъ вы идете вашею*. Что у меня въ мысляхъ, я сама не знаю; но я сознаю въ себѣ силу рѣшиться на все, ради нашего праваго дѣла.

Фру Ингеръ. Тяжелая борьба предстоитъ въ такомъ случаѣ тебѣ. Я когда-то давала тотъ же обѣтъ,—и мои волосы посѣдѣли подъ тяжестью его.

Элине. Спокойной ночи! Вашъ гость можетъ прибыть съ минуты на минуту, а при вашей встрѣчѣ я буду лишнею.

Можетъ быть у васъ еще есть время одуматься. —Да укрѣпитъ васъ Господь и да направитъ васъ! Не забывайте, что взоры тысячъ слѣдятъ за вами. Подумайте о Мерете, которая денно и нощно плачетъ о своей погибшей жизни. Подумайте о Лючіи, которая спитъ тамъ въ черномъ гробу.

И еще одно. Не забывайте, что вы въ эту ночь ставите на карту и жизнь своего послѣдняго ребенка. (*Уходитъ налѣво*).

Фру Ингеръ (*смотритъ минуту ей вслѣдъ*). Моего послѣдняго ребенка? Ты сама не знаешь, сколько правды было въ твоихъ словахъ!—Но вопросъ не объ одномъ только моемъ ребенкѣ. Помоги мнѣ, Боже! Сегодня ночью рѣшится судьба всего норвежскаго королевства.

Ахъ!—не въѣзжаетъ ли кто въ ворота? (*Прислушивается у окна*). Нѣтъ, еще нѣтъ! Это только вѣтеръ. Онъ вѣетъ холодомъ могилы.

Имѣетъ ли Господь Богъ право на это?—Создать изъ меня женщину—и возложить на мои плечи обязанности мужчины!

Потому что въ моихъ рукахъ благосостояніе страны. Въ моей власти заставить возстать ихъ всѣхъ, какъ одинъ человѣкъ. *Отъ меня* ждутъ они знака; если я теперь не дамъ его,—возстанія, быть можетъ, никогда не будетъ.

Повременить еще? Пожертвовать многими ради одного? Не лучше ли было бы для меня—? Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!—я этого не *хочу*. Я этого не *могу*.

(*Бросаетъ украдкою взглядъ въ рыцарскую залу, отворачивается какъ бы въ страхѣ и шепчетъ*).

Вотъ они опять тамъ! Блѣдные призраки,—умершіе предки,—навшіе родственники.—Уфъ, эти пронизывающія взоры со всѣхъ сторонъ!

(*Закидываетъ назадъ руку и кричитъ*).

Стенъ Стуре! Кнутъ Альфсонъ! Олафъ Скактавль! Уходите, — уходите!

Я *не могу* этого сдѣлать.

(*Незнакомецъ, крѣпко сложенный человѣкъ съ посѣдѣвшими волосами и бородою, одѣтый въ изорванную куртку изъ овчины и съ заржавѣлымъ оружіемъ у пояса. выходитъ изъ рыцарской залы*)

Незнакомецъ (*останавливается у двери и говоритъ вполголоса*) Привѣтъ вамъ, фру Ингеръ Гюльденлэве!

Фру Ингеръ (*съ крикомъ оборачивается*). Ахъ, Господи, спаси меня и помилуй! (*Падаетъ на стулъ Незнакомецъ продолжаетъ смотрѣть на нее, стоя неподвижно и опираясь на свой мечъ*).

Дѣйствіе второе.

(Комната въ Эстротѣ, та же, что и въ первомъ дѣйствіи).

(Фру Ингеръ Гюльденлэве сидитъ у стола, направо передъ окномъ Олафъ Скактавль стоитъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нея. По лицамъ обоихъ видно, что между ними, передъ открытіемъ занавѣса, шелъ горячій споръ).

Олафъ Скактавль. Въ послѣдній разъ, Ингеръ Гюльденлэве,—вы продолжаете стоять непоколебимо на своемъ?

Фру Ингеръ. Я не могу иначе. И мой совѣтъ вамъ: поступайте и вы также. Если Провидѣніе рѣшило, что Норвегія должна погибнуть, то она погибнетъ, будемъ ли мы стараться ее поддерживать или нѣтъ.

Олафъ Скактавль. И вы думаете, что я могу примириться съ такими взглядами? Я долженъ спокойно сидѣть на мѣстѣ, не двигаясь, теперь, какъ разъ теперь, когда наступило удобное время? Развѣ вы забыли, за что я долженъ отомстить? Они отняли у меня мое имѣніе и раздѣлили его между собою. Моего сына, моего единственнаго ребенка, послѣдняго представителя моего рода, они убили на моихъ глазахъ какъ собаку. Меня самого они двадцать лѣтъ гоняли по лѣсамъ и скаламъ, не давая мнѣ ни минуты покоя.—Не разъ распространялся слухъ, что я умеръ; но я твердо вѣрю, что не сойду въ могилу, пока не отомщу.

Фру Ингеръ. Въ такомъ случаѣ вамъ долго придется жить. Что же вы хотите дѣлать?

Олафъ Скактавль. Дѣлать? Почемъ я знаю, что мнѣ дѣлать? Я никогда не могъ ни до чего додуматься самъ. *Вы* должны помочь мнѣ изобрѣсть что-нибудь. Вы достаточно умны для этого. У меня же —только двѣ руки и оружіе.

Фру Ингеръ. Ваше оружіе заржавѣло. Олафъ Скактавль. Все оружіе въ Норвегіи заржавѣло.

Олафъ Скактавль. Поэтому хорошо, что нѣкоторые люди борятся языкомъ.—Ингеръ Гюльденлэве, — вы сильно измѣнились. Было время, когда въ вашей груди билось мужское сердце.

Фру Ингеръ. Не напоминайте мнѣ о томъ, что *было*.

Олафъ Скактавль. А я именно за этимъ и пришелъ къ вамъ. Вы должны выслушать, какъ—

Фру Ингеръ. Ну хорошо; только будьте кратки; потому, что—да, я это должна сказать—вы не безопасны здѣсь, у меня въ замкѣ.

Олафъ Скактавль. Въ Эстротскомъ замкѣ не безопасно для изгнанника? Это я давно зналъ. Но вы знаете, что изгнаннику опасность грозить вездѣ, куда бы онъ ни пошелъ.

Фру Ингеръ. Въ такомъ случаѣ говорите, я вамъ не мѣшаю.

Олафъ Скактавль. Скоро исполнится тридцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я въ первый разъ увидѣлъ васъ. Это было въ Акерсгузѣ, у Кнута Альфсона и его жены. Въ то время вы были еще почти ребенокъ,—но смѣлы, какъ соколъ, гоняющійся за добычею, а иногда веселы и необузданы. Многіе поклонялись вамъ. И мнѣ также вы были дороги,—такъ дороги, какъ ни одна женщина до того, или съ тѣхъ поръ. Но вы видѣли передъ собою только *одну* цѣль, только *одна* мысль занимала васъ: мысль о несчастьи и горѣ королевства.

Фру Ингеръ. Мнѣ тогда было всего пятнадцать лѣтъ,—не забывайте этого. И развѣ вы не находите, что какое-то дикое безуміе охватило въ то время всѣхъ насъ?

Олафъ Скактавль. Называйте это, какъ хотите. Но я знаю одно: даже старые и опытные люди среди насъ думали, что именно *вы* были предназначены небомъ разрушить цѣпи рабства и вернуть намъ наши вольности. И я знаю также, что и вы думали то же въ то время.

Фру Ингеръ. Эта была грѣховная мысль. Олафъ Скактавль. Во мнѣ говорило высокомѣріе, а не призваніе свыше.

Олафъ Скактавль. Вы *могли бы* быть избранной, если бы сами хотѣли этого. Вы происходили изъ древнѣйшаго рода въ Норвегіи, у васъ было достаточно власти и богатства; и если бы вы прислушались къ жалобамъ, раздававшимся вокругъ,--тогда—

Помните вы тотъ вечеръ, когда Гендрикъ Круммедикъ появился передъ Акерсгузомъ съ датскимъ флотомъ? Кораблевладѣльцы предложили вступить съ нами въ соглашеніе; довѣрившись охранной грамотѣ, Кнутъ Альфсонъ отправился на датскій корабль. Три часа спустя мы внесли его въ ворота—

Фру Ингеръ. Мертвымъ, мертвымъ!

Олафъ Скактавль. Благороднѣйшее сердце Норвегіи перестало биться, когда наемники Круммедика, убили его. Мнѣ и теперь кажется, что я вижу передъ собою длинную процессію, какъ она входила въ рыцарскую залу, пара за парою. Онъ лежалъ на носилкахъ, съ раною отъ удара топора на лбу, блѣдный, какъ весеннее облако. Самые выдающіеся люди Норвегіи собрались въ замкѣ въ эту ночь. Фру Маргреть стояла у изголовья своего умершаго супруга, и мы всѣ, всѣ поклялись пожертвовать жизнью и имуществомъ, что-бы отметить за это послѣднее злодѣяніе и за всѣ предыдущія. Ингеръ Гюльденлэве,—скажите, кто ворвался тогда въ кружокъ воиновъ: молодая дѣвушка,—еще дитя,—

съ пылающими глазами и съ голосомъ, полнымъ слезъ?—Въ чемъ она поклялась? Долженъ ли я повторить ваши слова?

Фру Ингеръ. Я поклялась въ томъ же, въ чемъ и вы, ни больше, ни меньше.

Олафъ Скактавль. Вы помните вашу клятву,—и все же забыли о ней!

Фру Ингеръ. А какъ сдержали свою клятву тѣ другіе, принесшіе ее одновременно со мною? Я не говорю о васъ, Олафъ Скактавль, но о вашихъ друзьяхъ, о всемъ норвежскомъ дворянствѣ. Ни у одного изъ нихъ, во всѣ эти долгіе годы, не хватило мужества выказать себя истиннымъ мужчиною, а меня упрекаютъ въ томъ, что я женщина!

Олафъ Скактавль. Я понимаю, что вы хотите сказать. Почему они покорились вмѣсто того, чтобы до послѣдней капли крови отстаивать свою родину? Совершенно вѣрно; подлый духъ вселился теперь въ наши дворянскіе роды,—но если бы они продолжали крѣпко держаться другъ за друга,—кто знаетъ, не случилось ли бы иначе? А *вы* могли сплотить ихъ, потому что передъ вами они всѣ преклонились бы.

Фру Ингеръ. Мнѣ не трудно было бы отвѣтить вамъ, но вы врядъ ли удовлетворились бы моимъ отвѣтомъ. Не будемъ лучше говорить о томъ, что невозможно измѣнить. Разскажите лучше, что послужило причиною вашего пріѣзда въ Эстротъ. Нуждаетесь ли вы въ пристанищѣ? Хорошо, я постараюсь спрятать васъ. Если вы нуждаетесь въ чемъ-нибудь другомъ, скажите; вы найдете меня всегда готовою—

Олафъ Скактавль. Двадцать лѣтъ бродилъ я, не имѣя крова. На іемтеландской скалѣ мои волоса посѣдѣли. Я искалъ убѣжища въ логовищахъ волковъ и медвѣдей.—Вы видите, фру Ингеръ,—*я* не нуждаюсь въ васъ, но въ васъ нуждаются какъ дворянство, такъ и крестьянство.

Фру Ингеръ. Старая пѣсня!

Олафъ Скактавль. Да, она непріятно звучитъ въ вашихъ ушахъ, это я знаю; но все же вы выслушаете меня. Однимъ словомъ: я пріѣхалъ изъ Швеціи. Готовятся безпорядки. Въ Далекарліи со дня на день ждутъ возстанія.

Фру Ингеръ. Знаю.

Олафъ Скактавль. Педеръ Канцлеръ съ ними—но, конечно, въ тайнѣ, вы понимаете?

Фру Ингеръ *(пораженная)*. Неужели?

Олафъ Скактавль. Это онъ послалъ меня въ Эстротъ.

Фру Ингеръ *(вставая)*. Вы говорите, васъ послалъ Педеръ Канцлеръ?

Олафъ Скактавль. Онъ самъ,—или вы его, можетъ быть, уже забыли?

Фру Ингеръ *(про себя)*. Я его слишкомъ хорошо помню.—

Но скажите мнѣ, прошу васъ,—съ какими вѣстями пришли вы?

Олафъ Скактавль. Когда слухъ о волненіяхъ распространился въ пограничныхъ горахъ, гдѣ я проживалъ, я немедленно отправился въ Швецію. Я всегда думалъ, что Педеръ Канцлеръ поддерживаетъ это дѣло. Вотъ я и отыскалъ его и предложилъ свое содѣйствіе;—онъ хорошо зналъ меня въ доброе старое время, какъ вамъ извѣстно. Онъ зналъ, что на меня можно положиться, поэтому-то и прислалъ меня сюда.

Фру Ингеръ *(нетерпѣливо)*. Да, конечно, да, конечно,—онъ прислалъ васъ сюда, чтобы—

Олафъ Скактавль *(таинственно)*. Фру Ингеръ,—сегодня ночью въ Эстротъ пріѣдетъ чужестранецъ.

Фру Ингеръ *(съ удивленіемъ)*. Какъ? Вы знаете, что—?

Олафъ Скактавль. Конечно знаю. Я знаю все. Вѣдь Педеръ Канцлеръ послалъ меня сюда именно для того, чтобы свидѣться съ нимъ.

Фру Ингеръ. Съ нимъ? Невозможно, Олафъ Скактавль,—невозможно.

Олафъ Скактавль. Но это такъ. Если онъ еще не пріѣхалъ, то во всякомъ случаѣ его не долго придется намъ ждать.

Фру Ингеръ. Нѣтъ, конечно, но—

Олафъ Скактавль. Такъ вы были приготовлены къ его прибытію?

Фру Ингеръ. Да, конечно. Онъ меня извѣстилъ о своемъ пріѣздѣ. Поэтому-то васъ такъ быстро впустили, какъ только вы постучались.

Олафъ Скактавль *(прислушиваясь)*. Тише,—кто-то ѣдетъ по дорогѣ. *(Подходитъ къ окну)*. Ворота открываются.

Фру Ингеръ *(выглядываетъ)*. Это рыцарь съ слугою. Они во дворѣ сходятъ съ коней.

Олафъ Скактавль. Такъ это, зна читъ, онъ. Его имя?

Фру Ингеръ. Вы не знаете его имени?

Олафъ Скактавль. Педеръ Канцлеръ не захотѣлъ назвать его. Онъ сказалъ только, что я встрѣчусь съ нимъ въ Эстротѣ на третій вечеръ послѣ дня святого Мартина.

Фру Ингеръ. Вѣрно; это какъ разъ сегодня вечеромъ.

Олафъ Скактавль. Онъ долженъ былъ привезть съ собою письма. Отъ него и отъ васъ я долженъ былъ узнать, кто онъ.

Фру Ингеръ. Такъ позвольте мнѣ проводить васъ въ вашу комнату. Вамъ надо привести себя немного въ порядокъ. Съ чужестранцемъ вы скоро встрѣтитесь.

Олафъ Скактавль. Хорошо, какъ угодно. (*Уходятъ оба налѣво*).

(*Черезъ нѣкоторое время слуга Финнъ входитъ осторожно черезъ дверь направо, оглядывается, заглядываетъ и въ рыцарскую залу, возвращается обратно къ двери и даетъ знакъ кому-то, стоящему за дверью. Входятъ членъ государственнаго совѣта: Нильсъ Люкке и шведскій военачальникъ герръ Іенсъ Бьелке*).

Нильсъ Люкке (*вполголоса*). Нѣтъ никого?

Финнъ (*такъ же*). Никого, сударь.

Нильсъ Люкке. И мы можемъ смѣло положиться на тебя во всемъ?

Финнъ. Военачальникъ въ Трондьемѣ всегда хвалилъ меня и говорилъ, что на меня можно положиться.

Нильсъ Люкке. Хорошо, хорошо; это онъ говорилъ и мнѣ. Итакъ, прежде всего,—не пріѣхалъ ли въ Эстротъ передъ нами сегодня вечеромъ какой-нибудь чужестранецъ?

Финнъ. Да, съ часъ тому назадъ пріѣхалъ какой-то чужестранецъ.

Нильсъ Люкке (*вполголоса Іенсу Бьелке*). Онъ здѣсь. (*Обращаясь опять къ Финну*). Ты могъ бы узнать его? Ты его видѣлъ?

Финнъ. Нѣтъ, его видѣлъ, насколько я знаю, только одинъ привратникъ. Онъ затѣмъ тотчасъ прошелъ къ фру Ингеръ, а она—

Нильсъ Люкке. Ну что же она? Онъ, вѣдь, еще не уѣхалъ?

Финнъ. Нѣтъ, но она держитъ его спрятаннымъ въ одной изъ ея собственныхъ комнатъ, чтобы —

Нильсъ Люкке. Это хорошо.

Іенсъ Бьелке (*шепотомъ*). Значитъ, прежде всего надо охранять ворота, тогда онъ будетъ въ нашихъ рукахъ.

Нильсъ Люкке (*улыбаясь*). Гмъ!

(*Обращаясь къ Финну*). Послушай, скажи мнѣ,—есть ли еще какой-либо другой выходъ изъ замка, кромѣ воротъ? Не смотри такъ глупо на меня. Я хочу сказать,—возможно ли ускользнуть изъ Эстрота, хотя бы ворота были заперты?

Финнъ. Этого я не знаю. Поговариваютъ о разнаго рода потайныхъ ходахъ, внизъ подъ сводами, но никто ихъ не знаетъ, кромѣ самой фру Ингеръ, да и еще, кажется, іомфру Элине.

Іенсъ Бьелке. Вотъ тебѣ и разъ!

Нильсъ Люкке. Хорошо. Можешь идти!

Финнъ. Слушаю. Если я вамъ понадоблюсь, то вы только загляните въ другую дверь направо тамъ въ рыцарскій залъ; я буду у васъ сейчасъ же подъ рукою.

Нильсъ Люкке. Хорошо. (*Указываетъ на выходную дверь. Финнъ уходитъ*).

Іенсъ Бьелке. Послушайте, знаете ли что, дорогой другъ и братъ?—Это кончится большою неудачою для насъ обоихъ.

Нильсъ Люкке (*улыбаясь*). Ахъ,—надѣюсь, не для меня!

Іенсъ Бьелке. Да? Во первыхъ, нѣтъ никакой чести въ томъ, чтобы устраивать погоню за такимъ ничтожнымъ мальчишкою, какъ этотъ Нильсъ Стуре. Какимъ прикажете считать его —сумасшедшимъ или въ здравомъ умѣ, послѣ всѣхъ его продѣлокъ? Прежде всего онъ возмущаетъ крестьянъ, обѣщаетъ имъ и помощь, и золото, и зеленые лѣса,—а когда дѣло загорается, онъ бѣжитъ и прячется у юбокъ женщины.

Говоря правду, я раскаиваюсь, что послѣдовалъ вашему совѣту, а не поступилъ по своему.

Нильсъ Люкке (*тихо*). Раскаяніе пришло слишкомъ поздно, братъ мой.

Іенсъ Бьелке. Потому что, видите ли вы, гоняться за барсуками никогда не было въ моемъ вкусѣ. Я представлялъ себѣ нашу задачу совершенно въ другомъ свѣтѣ. Теперь я проѣхалъ всю дорогу изъ Іемтланда съ моими всадниками, получилъ отъ Трондьемскаго коменданта разрѣшеніе искать мятежника повсюду, гдѣ захочу. Всѣ слѣды указываютъ, что онъ спрятался здѣсь въ Эстротѣ.

Нильсъ Люкке. Онъ здѣсь. Онъ здѣсь, говорю я вамъ.

Іенсъ Бьелке. Да, но тогда мы скорѣе всего нашли бы ворота запертыми и охраняемыми стражею. Если бы случилось такъ, я могъ бы пустить въ ходъ своихъ воиновъ—

Нильсъ Люкке. А вмѣсто этого намъ самымъ вѣжливымъ образомъ открываютъ ворота. Обратите вниманіе еще на

одно обстоятельство;—если молва объ Ингеръ Гюльденлэве справедлива. то она не допуститъ, чтобы ея гости терпѣли недостатокъ въ ѣдѣ или питьѣ.

Іенсъ Бьелькe. Что заставитъ насъ забыть о возложенномъ на насъ порученіи, да.—И какъ это вамъ пришла въ голову блажная мысль, убѣждать меня оставить своихъ воиновъ на разстояніи цѣлой четверти мили отъ замка? Если бы мы пришли сюда съ цѣлымъ отрядомъ—

Нильсъ Люкке. Она и тогда встрѣтила бы насъ, какъ дорогихъ гостей. Но не забывайте, что въ такомъ случаѣ наше посѣщеніе возбудило бы всеобщее вниманіе. Сосѣдніе крестьяне усмотрѣли бы въ немъ насильственное дѣйствіе противъ фру Ингеръ; она пріобрѣла бы еще большую популярность среди крестьянъ, а это, видите ли вы, было бы невыгодно для насъ.

Іенсъ Бьелькe. Очень можетъ быть. Но что же теперь дѣлать? Вы говорите, что графъ Стуре въ Эстротѣ. Да, но какой прокъ мнѣ отъ этого? Говорятъ что у Ингеръ Гюльденлэве, какъ у лисицы, много норъ и не мало выходовъ. Мы съ вами вдвоемъ можемъ сколько угодно бродить по замку, но пользы отъ этого для дѣла не будетъ. Къ чорту все!

Нильсъ Люкке. Ну, хорошо,—если вамъ не нравится оборотъ, принятый вашимъ посольствомъ, такъ уступите поле битвы мнѣ.

Іенсъ Бьелькe. Вамъ? Что же вы будете дѣлать?

Нильсъ Люкке. Умомъ и хитростью возможно, быть можетъ, достигнуть здѣсь того, чего никакъ нельзя добиться вооруженною силою.—Говоря правду, господинъ Іенсъ Бьелькe, я уже давно подумывалъ объ этомъ, съ тѣхъ поръ, какъ мы встрѣтились съ вами въ Трондьемѣ вчера.

Іенсъ Бьелькe. Поэтому-то вы и убѣдили меня оставить своихъ воиновъ позади?

Нильсъ Люкке. Какъ свое дѣло въ Эстротѣ, такъ и ваше, мнѣ легче устроить безъ нихъ и такъ—

Іенсъ Бьелькe. Къ чорту васъ,—чуть было не сказалъ я!—и меня съ вами! Долженъ же я былъ заранѣе знать, что у васъ всегда есть какая-нибудь задняя мысль, и что вы хитры какъ лисица.

Нильсъ Люкке. Да, но вотъ видите, теперь, когда оружіе оказывается равнымъ по силѣ съ обѣихъ сторонъ, лисица можетъ и пригодиться. И я скажу вамъ, что для меня въ высшей степени важно исполнить свое порученіе хорошо и втайнѣ. Вы должны знать, что мой государь, король, былъ далеко не милостивъ ко мнѣ, когда я уѣзжалъ. У него, какъ онъ говорилъ, были на то свои причины, хотя мнѣ кажется, не мало было трудныхъ дѣлъ, въ которыхъ я оказывался полезнѣе для него, чѣмъ всѣ другіе его слуги.

Іенсъ Бьелькe. Въ этомъ и я готовъ всегда поклясться. И Богъ, и всѣ знаютъ, что вы—самый большой пройдоха во всѣхъ трехъ королевствахъ.

Нильсъ Люкке. Покорно благодарю. Это еще не такъ трудно. Но то, что я предпринялъ теперь, это дѣйствительно мастерская штука; потому что здѣсь вопросъ идетъ о томъ, чтобы одурачить женщину—

Іенсъ Бьелькe. Ха, ха, ха! Въ этомъ дѣлѣ вы уже давно выказали себя мастеромъ, дорогой братъ. Вы думаете, намъ въ Швеціи неизвѣстна пѣсенка:

Вздыхаетъ и тужитъ красавицъ толпа:
„Ахъ дай Богъ, чтобы Нильсъ Люккъ замѣтилъ меня! Замѣтилъ меня“!

Нильсъ Люкке. Ахъ, эта пѣсенка относится только къ женщинамъ въ двадцатилѣтнемъ возрастѣ, или около того. Но Ингеръ Гюльденлэве уже лѣтъ пятьдесятъ и она страшно хитра и ловка. Съ нею будетъ трудно справиться. Но я справлюсь и съ нею,—во что бы то ни стало. Если мнѣ удастся заставить ее оказать королю нѣкоторыя услуги, которыхъ онъ уже давно желаетъ получить отъ нея,—то я могу разсчитывать на постъ посла во Францію, этою весною. Вы знаете, что я провелъ три года въ университетѣ въ Парижѣ? Я всею душою стремлюсь въ него, съ особенности было бы пріятно поѣхать въ Парижъ, занимая высокое положеніе королевскаго посла.—Ну,—не правда ли,—вы предоставите фру Ингеръ мнѣ? Вспомните,—когда вы послѣдній разъ посѣщали дворъ въ Копенгагенѣ, я уступилъ вамъ свое мѣсто не у одной прекрасной дамы—

Іенсъ Бьелькe. Ахъ, знаете ли что,—ваше великодушіе въ этомъ случаѣ обошлось вамъ не дорого, потому что онѣ всѣ были въ вашей власти. Но все равно. Разъ я уже сдѣлалъ такую глупость, то можете брать на себя все дѣло. Одно только условіе:—если вы найдете въ Эстротѣ молодого графа Стуре, вы его доставите мнѣ живымъ или мертвымъ.

Нильсъ Люкке. Получите его живымъ. Я во всякомъ случаѣ не имѣю никакого намѣренія убивать его. Но теперь и вы должны отправиться назадъ къ своимъ воинамъ. Охраняйте дорогу. Какъ только я замѣчу что-нибудь подозрительное, я немедленно извѣщу васъ.

Іенсъ Бьелькe. Хорошо, хорошо! Но какъ мнѣ выйти отсюда?

Нильсъ Люкке. Слуга, который былъ здѣсь, поможетъ вамъ выйти. Но надо выбраться возможно тише—

Іенсъ Бьелькe. Понятно. Ну,—желаю вамъ удачи.

Нильсъ Люкке. Счастье никогда не измѣняло мнѣ въ борьбѣ съ женщинами. Идите скорѣе. (*Іенсъ Бьелькe уходитъ направо*).

Нильсъ Люкке (*стоитъ нѣкоторое время тихо, ходитъ по комнатѣ, оглядывается; затѣмъ говоритъ вполголоса*). Такъ я наконецъ въ Эстротѣ. Въ этомъ старинномъ замкѣ, о которомъ моя милая дѣвочка разсказывала мнѣ такъ много, два года тому назадъ.

Лючія! Да, два года тому назадъ она была еще совсѣмъ дѣвочкою. А теперь,—теперь она умерла. (*Натягиваетъ съ полуулыбкою*).

Поблѣднѣлъ цвѣтокъ, сломала
Буря грозная его--(*Оглядывается*).

Эстротъ! Мнѣ кажется, какъ будто я раньше видѣлъ его, какъ будто я здѣсь дома. Вотъ тамъ рыцарская зала. А внизу—склепъ. Тамъ лежитъ и Лючія (*Тише полусерьезно, полушутя, принужденно*).

Если бы я былъ трусомъ, я могъ бы вообразить себѣ, что она повернулась въ гробу, когда я переступилъ за ворота Эстрота, что она подняла голову, когда я шелъ по двору. И когда я только что упомянулъ ея имя, мнѣ показалось, какъ будто чей-то голосъ вызвалъ ее изъ подземелья.—Можетъ быть она какъ разъ теперь подымается на лѣстницу. Саванъ мѣшаетъ ей, но все же она прокладываетъ себѣ путь впередъ.

Вотъ она наверху въ рыцарской залѣ. Она стоитъ и смотритъ на меня изъ-за дверп.

(*Онъ вскидываетъ голову, киваетъ ею и говоритъ громко*):

Подойди ближе, Лючія. Поговори немного со мною. Твоя мать заставляетъ себя ждать. Скучно ждать;—а ты помогала мнѣ разсѣивать много скучныхъ часовъ.—(*Онъ проводитъ рукою по лбу и дѣлаетъ нѣсколько шаговъ взадъ и впередъ*).

Такъ—то! Ахъ правда, вотъ и глубокое окно, закрытое занавѣсью. Тамъ любитъ стоять Ингеръ Гюльденлэве, глядя на большую дорогу, точно ожидая тщетно кого то, кто никогда не появляется.—Тамъ—(*Глядитъ на дверь слѣва*):—Тамъ комната сестры Элине. Элине? Да, она называла ее Элине.

Неужели это правда, что она такая выдающаяся дѣвушка,—такая умная, и смѣлая. какъ говорила Лючія? Она должна быть также и красивою. Но взять ее себѣ въ жены?—Этого я не долженъ былъ писать—

(*Онъ садится, задумавшись у стола, но опять встаетъ*).

Какъ приметъ меня фру Ингеръ?—Она не сожжетъ замокъ со всѣми нами. Она не заставитъ меня попасть въ западню. Подойти ко мнѣ съ ножемъ въ рукѣ—она также не рѣшится—(*Прислушивается по направленію залы*). Ахъ!

Фру Ингеръ (*входитъ черезъ дверь залы и говоритъ холодно*). Привѣтъ вамъ, господинъ совѣтникъ—

Нильсъ Люкке (*отвѣшиваетъ низкій поклонъ*). Ахъ,—владѣтельница Эстрота!

Фру Ингеръ. Благодарю, что предупредили меня о своемъ прибытіи.

Нильсъ Люкке. Это была моя обязанность. Я имѣлъ полное основаніе думать. что мой пріѣздъ удивитъ васъ—

Фру Ингеръ. И вы не ошиблись, господинъ совѣтникъ. Я, конечно, меньше всего ожидала увидѣть у себя въ Эстротѣ гостемъ Нильса Люкке.

Нильсъ Люкке. И еще меньше ожидали вы, что онъ пріѣдетъ къ вамъ какъ другъ.

Фру Ингеръ. Какъ другъ? Вы насмѣхаетесь надъ всѣмъ тѣмъ горемъ и тѣмъ позоромъ, которые вы навлекли на мой домъ. Уложивши въ могилу моего ребенка, вы еще осмѣливаетесь—

Нильсъ Люкке. Извините, фру Ингеръ Гюльденлэве,—въ этомъ отношеніи мы никогда не придемъ съ вами къ соглашенію, потому что вы не принимаете въ разсчетъ того, что я самъ потерялъ вслѣдствіе этого. У меня были самыя честныя намѣренія. Мнѣ надоѣла безпорядочная жизнь, которую я велъ;—мнѣ было уже болѣе тридцати лѣтъ и я желалъ получить добрую и кроткую жену. Прибавьте къ этому—честь, быть вашимъ зятемъ—

Фру Ингеръ. Берегитесь, господинъ совѣтникъ. То, что случилось съ моею до-

черью, я съумѣла скрыть. Но не думайте, будто что скрыто, то и позабыто. Можетъ еще встрѣтиться случай, когда—

Нильсъ Люкке. Вы мнѣ грозите, фру Ингеръ? Я вамъ протянулъ руку примиренія. Вы отказываетесь принять ее.

Значитъ, съ настоящаго времени между нами открытая война?

Фру Ингеръ. Я не слышала, чтобы между нами существовали когда-либо другія отношенія.

Нильсъ Люкке. Съ *вашей* стороны—можетъ статься. Но *я* не былъ никогда вашимъ врагомъ,—хотя, какъ подданный датскаго короля, я могъ имѣть не мало поводовъ для вражды.

Фру Ингеръ. Я понимаю васъ. Я все еще не была достаточно податлива. Не все ило такъ гладко, какъ желалось господамъ, перетянувшимъ меня въ ванъ лагерь.—А мнѣ кажется, что вамъ не на что жаловаться. Мужъ моей дочери Мерете вашъ соотечественникъ. Дальше идти я не могу. Мое положеніе крайне затруднительно, Нильсъ Люкке!

Нильсъ Люкке. Я это отлично понимаю. И дворяне, и крестьяне здѣсь въ Норвегіи думаютъ, что имѣютъ на васъ какія-то старыя права,—права, которыя вы, какъ говорятъ, признаете только на половину.

Фру Ингеръ. Извините, господинъ совѣтникъ, — за свое поведеніе я отвѣтственна только передъ собою и Богомъ. Если вамъ угодно, сообщите мнѣ, пожалуйста, что васъ привело сюда.

Нильсъ Люкке. Сейчасъ, фру Ингеръ. Цѣль моего посольства въ Норвегіи должна быть не безъизвѣстна вамъ?

Фру Ингеръ. Мнѣ извѣстно вообще, какого рода обязанности возлагаются обыкновенно на васъ. Нашему королю желательно знать, какое настроеніе господствуетъ въ настоящее время среди норвежскаго дворянства.

Нильсъ Люкке. Совершенно вѣрно.

Фру Ингеръ. Такъ вотъ почему вы присланы въ Эстротъ?

Нильсъ Люкке. Отчасти ради этого. Но я пріѣхалъ сюда вовсе не для того, чтобы потребовать отъ васъ какихъ-либо устныхъ увѣреній—

Фру Ингеръ. А чего же вамъ нужно?

Нильсъ Люкке. Выслушайте меня, фру Ингеръ. Вы только что говорили мнѣ, что ваше положеніе затруднительно. Вы стоите посреди двухъ враждебныхъ лагерей, которые лишь на половину рѣшаются довѣриться вамъ. Ваша собственная выгода должна, естественно, привлекать васъ на *нашу* сторону. Но съ недовольными васъ связываютъ узы національности, и—кто знаетъ?— можетъ быть также и какія-либо другія тайныя узы.

Фру Ингеръ (*тихо*). Тайныя узы! Господи Іисусе Христе, неужели онъ—?

Нильсъ Люкке (*замѣчаетъ ея волненіе, но продолжаетъ, какъ ни въ чемъ не бывало*). Вы сами понимаете, что оставаться долго въ такомъ положеніи совершенно немыслимо. — Предположимъ, что въ моей власти вывести васъ изъ затрудненій, которыя—

Фру Ингеръ. Вы говорите, въ вашей власти?

Нильсъ Люкке. Прежде всего, фру Ингеръ, прошу васъ не придавать значенія тѣмъ легкомысленнымъ словамъ, въ какихъ я выражался о томъ, что было между нами. Не думайте, чтобы я хотя на минуту забылъ о моей винѣ передъ вами. Предположимъ, что я давно уже задумалъ, насколько возможно, искупить свой грѣхъ. Предположимъ, что именно за этимъ я и взялъ на себя посольство къ вамъ?

Фру Ингеръ. Выражайтесь яснѣе, господинъ совѣтникъ,—теперь я васъ не понимаю.

Нильсъ Люкке. Я, можетъ быть, не ошибаюсь, предполагая, что вы, подобно мнѣ, знаете, какія волненія готовятся разразиться въ Швеціи. Вы знаете, или по крайней мѣрѣ предчувствуете, что эти волненія преслѣдуютъ гораздо болѣе широкую цѣль, а не только ту, которая предполагается, и вы поэтому поймете, что нашъ король не можетъ спокойно ждать исхода этихъ событій, ничего не предпринимая самъ. Не правда ли?

Фру Ингеръ. Продолжайте.

Нильсъ Люкке (*пытливо, послѣ краткой паузы*). Есть только *одно* обстоятельство, которое можетъ подвергнуть опасности престолъ Густава Вазы—

Фру Ингеръ (*тихо*). Куда онъ мѣтитъ?

Нильсъ Люкке —Именно, въ Швеціи можетъ найтись человѣкъ, который въ силу своего рожденія имѣетъ право быть избраннымъ народомъ и возсѣсть на престолъ.

Фру Ингеръ (*уклончиво*). Шведское дворянство было такъ же безжалостно истреблено, какъ и наше, господинъ совѣтникъ. Гдѣ вы могли бы искать—

Нильсъ Люкке (*улыбаясь*). Искать? Этотъ человѣкъ уже найденъ.

Фру Ингеръ (*вздрагиваетъ*). Ахъ! Онъ уже пайденъ?

Нильсъ Люкке.—и онъ слишкомъ близокъ вамъ, сударыня, чтобы вы не помышляли никогда о немъ. (*Глядитъ ей прямо въ глаза*). Покойный графъ Стуре оставилъ по себѣ сына—

Фру Ингеръ (*съ крикомъ*). Господи Боже, откуда вы знаете—?

Нильсъ Люкке (*удивленный*). Успокойтесь, сударыня, и дайте мнѣ договорить до конца.—Этотъ молодой человѣкъ проживалъ до сихъ поръ тихо и безмятежно у своей матери, вдовы Стена Стуре.

Фру Ингеръ (*вздыхаетъ съ облегченіемъ*). У—? Ахъ да;—да, конечно.

Нильсъ Люкке. Теперь же онъ открыто выступилъ впередъ. Въ Далекарліи онъ сталъ дѣйствовать какъ вождь крестьянъ. Число возставшихъ съ каждымъ днемъ растетъ, и— какъ вы, можетъ быть, знаете— они находятъ поддержку и среди крестьянъ, живущихъ по нашу сторону пограничныхъ скалъ.

Фру Ингеръ (*овладѣвшая вполнѣ собою*). Господинъ совѣтникъ,—вы упомнаете о всѣхъ этихъ событіяхъ съ глубокою увѣренностью, будто мнѣ все это извѣстно. Какое основаніе у васъ думать такъ? Я ничего не знаю, и ничего не желаю знать. Я стремлюсь только къ одному: жить спокойно въ предѣлахъ своихъ владѣній; я не буду оказывать поддержки мятежниками, но не разсчитывайте на мою помощь и въ томъ случаѣ, если вы намѣреваетесь поработить ихъ.

Нильсъ Люкке (*вполголоса*). Вы и тогда будете такъ же бездѣятельны, когда я предложу вамъ свою помощь?

Фру Ингеръ. Какъ мнѣ васъ понимать?

Нильсъ Люкке. Значитъ, вы не поняли, что я все время говорилъ, на что я намекалъ?—Ну хорошо; я честно и безпристрастно разскажу вамъ обо всемъ. Знайте же, что король и его совѣтъ рѣшили, что имъ трудно окончательно утвердиться въ Норвегіи, пока дворянство и крестьянство будутъ, какъ теперь, считать себя ограбленными, угнетенными. Мы отлично поняли, что добровольные союзники лучше подданныхъ, которыхъ заставляютъ покориться силою. Поэтому мы ничего такъ сердечно не желаемъ, какъ ослабить узы, которыя, въ сущности, стѣсняютъ *насъ* и не менѣе сильно, чѣмъ *васъ*. Но вы должны признать, что враждебное къ намъ настроеніе норвежцевъ дѣлаетъ такой шагъ слишкомъ опаснымъ,—пока мы не имѣемъ за собою твердой опоры.

Фру Ингеръ. И эта опора—?

Нильсъ Люкке. Эту опору надо прежде всего искать въ Швеціи. Но замѣтьте, не тогда, когда въ ней царствуетъ Густавъ Ваза; потому что *его* счеты съ Даніею еще не покончены и вѣроятно никогда не будутъ окончательно сведены. Напротивъ, новый шведскій король, на сторонѣ котораго былъ бы народъ и который обязанъ былъ бы Даніи своею короною— Ну, теперь вы начинаете понимать меня? Тогда мы могли бы съ полною увѣренностью сказать норвежцамъ: „возьмите назадъ свои старыя наслѣдственныя права; изберите себѣ правителя по собственному вкусу; будьте нашими друзьями въ случаѣ нужды, подобно тому, какъ мы будемъ вашими».—Замѣтьте вдобавокъ, фру Ингеръ, такого рода великодушіе, въ сущности, не такъ велико, какъ кажется съ перваго взгляда. Вы понимаете, что мы не только не ослабѣемъ отъ такого оборота дѣлъ, а напротивъ, окрѣпнемъ.

Я откровенно переговорилъ съ вами, теперь и вы должны отбросить далеко всякія подозрѣнія. Итакъ,—(*рѣшительно*) тотъ рыцарь изъ Швеціи, который пріѣхалъ сюда за часъ до меня—

Фру Ингеръ. Вы это уже знаете?

Нильсъ Люкке. Конечно. Я его-то и ищу.

Фру Ингеръ (*про себя*). Удивительно! Значитъ Олафъ Скактавль сказалъ правду. (*Обращаясь къ Нильсу Люкке*). Прошу васъ подождать здѣсь, господинъ совѣтникъ. Я пойду, приведу его къ вамъ. (*Уходитъ черезъ рыцарскую залу*).

Нильсъ Люкке (*глядитъ нѣсколько времени ей вслѣдъ съ возрастающимъ удивленіемъ*). Она приведетъ его. Да, дѣйствительно,—она приведетъ его. Побѣда на половину одержана. Я никакъ не думалъ, что это окажется такъ легко.

Она находится въ самыхъ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ мятежниками. Она вздрогнула отъ страха, когда я упомянулъ о сынѣ Стена Стуре.

Ну и что же? Гмъ! Если фру Ингеръ въ самомъ дѣлѣ попала въ западню, то съ Нильсомъ Стуре справиться будетъ легко. Юноша, безъ всякой выдержки, горячій:— Получивъ мое обѣщаніе о помощи, онъ немедленно удалится. Къ несчастью, Іенсъ Бьелькe перехватитъ его по пути—и весь мятежъ будетъ мигомъ подавленъ.

Что же дальше? Дальше одинъ еще шагъ впередъ, который принесетъ намъ

большую пользу. Распространится слухъ, что молодой графъ Стенъ пріѣзжалъ въ Эстротъ,—что сюда же пріѣзжалъ и датскій посолъ, который велъ переговоры съ фру Ингеръ,—и что вслѣдствіе этого молодой Стенъ былъ схваченъ воинами короля Густава, за четверть мили отъ замка.— Какъ не велика популярность Ингеръ Гюльденлэве среди крестьянъ,—но противъ такого удара она врядъ ли устоитъ.

(*Внезапно тревожно пробуждается изъ хорошаго расположенія духа*).

Чертъ побери! —А что, если фру Ингеръ почуяла что-то нечистое? Быть можетъ, онъ какъ разъ въ эту минуту ускользаетъ изъ нашихъ рукъ. — (*Прислушивается, успокоенный, по направленію залы*). Нѣтъ, безпокоиться нечего. Вотъ и они.

(*Фру Ингеръ входитъ въ залу въ сопровожденіи Олафа Скактавля*).

Фру Ингеръ (*Нильсу Люкке*). Вотъ тотъ, кого вы ожидали.

Нильсъ Люкке (*тихо*). Чертъ побери!— что это значитъ?

Фру Ингеръ. Я сообщила этому рыцарю ваше имя и все, что вы передали мнѣ —

Нильсъ Люкке (*въ недоумѣніи*). Да? Такъ-то? Ну, значитъ—

Фру Ингеръ.—И я не скрою отъ васъ, что онъ не вѣритъ ни на іоту вашей помощи.

Нильсъ Люкке. Не вѣритъ?

Фру Ингеръ. И это васъ удивляетъ? Вы вѣдь хорошо знаете какъ его образъ мыслей, такъ и его несчастную судьбу —

Нильсъ Люкке. Этого человѣка? Ну да, да, конечно—

Олафъ Скактавль (*Нильсу Люкке*). Но такъ какъ самъ Педеръ Канцлеръ устроилъ намъ это свиданіе—

Нильсъ Люкке. Педеръ Канцлеръ? — (*Быстро овладѣваетъ собой*). Да, совершенно вѣрно—у меня есть порученіе отъ Педера Канцлера—

Олафъ Скактавль. А ему лучше знать, на кого можно положиться. Поэтому я не буду больше ломать себѣ головы, раздумывая—какимъ образомъ—

Нильсъ Люкке. Вы совершенно правы,—не будемъ лучше разсуждать объ этомъ.

Олафъ Скактавль. Лучше ужъ сразу перейти къ дѣлу—

Нильсъ Люкке. Сразу, безъ всякихъ околичностей. — Таково всегда мое правило.

Олафъ Скактавль. Скажите же мнѣ, пожалуйста, что привело васъ сюда?

Нильсъ Люкке. Мнѣ кажется, что вы должны приблизительно догадываться, въ чемъ заключается мое дѣло—

Олафъ Скактавль. Педеръ Канцлеръ упоминалъ о какихъ-то бумагахъ— которыя—

Нильсъ Люкке. О бумагахъ? Ну да, конечно, бумаги.

Олафъ Скактавль. Онѣ при васъ?

Нильсъ Люкке. Понятно; въ полной сохранности; можетъ быть слишкомъ хорошо запрятаны, чтобы такъ вдругъ,— скоро—(*Дѣлаетъ видъ, будто ищетъ въ своемъ жилетѣ и говоритъ тихо*). Кто онъ такой? Что мнѣ придумать? Я на порогѣ важныхъ разоблаченій—(*Замѣчаетъ, что слуги накрываютъ столъ и зажигаютъ лампы въ рыцарской залѣ и говоритъ Олафу Скактавлю*). Ахъ, видите ли, фру Ингеръ велѣла приготовить столъ для ужина. За столомъ намъ будетъ удобнѣе разговориться о нашихъ дѣлахъ.

Олафъ Скактавль. Хорошо, какъ вамъ угодно!

Нильсъ Люкке (*тихо*). Лишь бы выиграть время,—а тамъ все пойдетъ какъ по маслу.

(*Дружелюбно, обращаясь къ фру Ингеръ*).

А покамѣсть нельзя ли узнать, какое участіе намѣрена фру Ингеръ Гюльденлэве принять въ нашемъ предпріятіи?

Фру Ингеръ. Я? Никакого.

Нильсъ Люкке и Олафъ Скактавль. Никакого?

Фру Ингеръ. Неужели васъ удивляетъ, господа, если я не соглашаюсь броситься очертя голову въ игру, гдѣ все ставится на карту? Тѣмъ болѣе, что никто изъ моихъ союзниковъ не рѣшается вполнѣ довѣриться мнѣ.

Нильсъ Люкке. Этотъ упрекъ не можетъ, никоимъ образомъ, относиться ко мнѣ. Я слѣпо вѣрю вамъ; въ этомъ можете быть увѣрены.

Олафъ Скактавль. Кто же другой можетъ довѣрить вамъ, какъ не вашъ соотечественникъ?

Фру Ингеръ. Право,—это довѣріе радуетъ меня. (*Подходитъ къ шкафу въ глубинѣ сцены и наполняетъ два кубка виномъ*).

Нильсъ Люкке. (*про себя*). Проклятіе! Что, если она выпутается изъ западни?

Фру Ингеръ (*подаетъ каждому изъ нихъ по кубку*). Разъ это такъ, то

позвольте мнѣ привѣтствовать васъ въ Эстротѣ. Пейте, благородные рыцари. Выпейте чашу до дна.

(*Разсматриваетъ ихъ попеременно, послѣ того, какъ они выпили, и говоритъ серьезно*). А теперь знайте,—въ одномъ бокалѣ заключался привѣтъ моему союзнику, въ другомъ—смерть моему врагу.

Нильсъ Люкке (*бросая кубокъ*). Ахъ, я отравленъ!

Олафъ Скактавль (*одновременно, хватаясь за мечъ*). Всѣ черти ада! Вы отравили меня!

Фру Ингеръ (*улыбаясь Олафу Скактавлю и указывая ему на Нильса Люкке*). Вотъ каково довѣріе датчанина къ Ингеръ Гюльденлэве!—(*Нильсу Люкке, указывая на Олафа Скактавля*): И каково также довѣріе ко мнѣ моего соотечественника!

(*Обоимъ*);

И вы хотѣли, чтобы я отдала себя въ ваши руки? Потише, господа,—потише, благородные рыцари! Владѣтельница Эстрота еще въ своемъ умѣ.

Элине Гюльденлэве (*входитъ черезъ дверь налѣво*). Какой шумъ!—Что случилось?

Фру Ингеръ (*Нильсу Люкке*). Моя дочь Элине.

Нильсъ Люкке (*тихо*). Элине! Такою я себѣ не представлялъ ее.

Элине (*замѣчаетъ Нильса Люкке и въ изумленіи останавливается, разсматривая его*).

Фру Ингеръ (*трогая ее за руку*). Дитя мое—этотъ рыцарь—

Элине (*дѣлаетъ отстраняющій жестъ рукою, глядя пристально на него, и говоритъ*). Не за чѣмъ! Я знаю, какъ его зовутъ. Это Нильсъ Люкке.

Нильсъ Люкке (*тихо фру Ингеръ*) Какимъ образомъ она меня узнала? Неужели Лючія—? Неужели она знаетъ—

Фру Ингеръ. Тише. Она ничего не знаетъ.

Элине (*про себя*). Я знала это;—такимъ долженъ быть Нильсъ Люкке.

Нильсъ Люкке (*приближаясь къ ней*). Ну хорошо, Элине Гюльденлэве,—вы вѣрно отгадали. И такъ какъ я нѣкоторымъ образомъ извѣстенъ вамъ—и такъ какъ я, кромѣ того, гость вашей матушки,—то, надѣюсь, вы не откажите подарить мнѣ цвѣтокъ, что у васъ на груди. Пока онъ свѣжъ и душистъ, я буду видѣть въ немъ образъ васъ самой.

Элине (*гордо, продолжая пристально смотрѣть на него*). Извините меня, господинъ рыцарь,—этотъ цвѣтокъ сорванъ въ моей собственной комнатѣ, а *въ ней* не растетъ цвѣтовъ для васъ.

Нильсъ Люкке (*вынимая цвѣты, которые онъ самъ носитъ въ бутоньеркѣ своего камзола*). Ахъ, но я надѣюсь, вы не отвергнете этотъ скромный даръ. Одна придворная дама поднесла мнѣ ихъ на прощаніе, когда я утромъ уѣзжалъ изъ Трондьема. Замѣтьте, благородная іомфру,—если бы я захотѣлъ преподнесть вамъ даръ, вполнѣ достойный васъ, то это должна была быть княжеская корона.

Элине (*машинально беретъ цвѣты*). Если бы вы предлагали мнѣ корону Даніи,—съ условіемъ, чтобы я раздѣлила ее съ *вами*, я порвала бы ее своими собственными руками на клочки и эти куски бросила бы къ вашимъ ногамъ. (*Она бросаетъ цвѣты къ его ногамъ и уходитъ въ рыцарскую залу*).

Олафъ Скактавль (*бормочетъ про себя*). Смѣло,—какъ Ингеръ Оттпсдатеръ съ Кнутомъ Альфсономъ!

Фру Ингеръ (*тихо, взглядывая попеременно на Элине и Нильса Люкке*). Волка можно приручить. Надо скорѣе ковать оковы.

Нильсъ Люкке (*подымая цвѣты и съ восхищеніемъ глядя вслѣдъ Элине*). Господи Боже, какъ она горда и прекрасна!

Дѣйствіе третье.

(Рыцарская зала. Высокое сводчатое окно въ глубинѣ сцены; меньшее окно—на авансценѣ, слѣва. Много дверей съ обѣихъ сторонъ. Потолокъ поддерживается массивными, отдѣльно стоящими, деревянными колоннами, которыя, подобно стѣнамъ, увѣшаны всевозможнымъ оружіемъ. Изображенія святыхъ, рыцарей и дамъ висятъ длинными рядами. Съ потолка спускается большая зажженная лампа со многими бра. На авансценѣ справа—старинное рѣзное высокое сидѣніе. Посреди́нѣ залы стоитъ накрытый столъ съ остатками ужина).

Элине Гюльденлэве (*медленно и задумчиво входитъ въ комнату слѣва. Выраженіе ея лица показываетъ, что она въ воспоминаніи переживаетъ вспять съ Нильсомъ Люкке. Наконецъ она дѣлаетъ движеніе, точно бросая на полъ цвѣты, и говоритъ вполголоса*).

—и онъ собралъ куски королевской короны Даніи,—это были цвѣты,—и

„Господи Боже, какъ она горда и прекрасна!“

Если бы онъ шепнулъ эти слова въ самомъ укромномъ уголкѣ, за нѣсколько миль отъ Эстрота, я и тогда разслышала бы ихъ!

Какъ я ненавижу его! Какъ я всегда ненавидѣла его, этого Нильса Люкке! Говорятъ—нѣтъ никого, похожаго на него. Съ женщинами онъ играетъ—и попираетъ ихъ ногами.

И ему-то мать хотѣла принесть меня въ жертву!—Какъ я ненавижу его!

Говорятъ, что Нильсъ Люкке не похожъ на другихъ людей. Это неправда. Въ немъ нѣтъ ничего необыкновеннаго. Много, множество есть такихъ людей, какъ онъ. Когда Бьорнъ разсказывалъ мнѣ сказки, всѣ принцы походили на Нильса Люкке. Когда я сидѣла одна въ залѣ и сочиняла хроники, и мои рыцари то приходили, то уходили,—они всѣ были похожи на Нильса Люкке.

Какъ странно и въ то же время какъ пріятно ненавидѣть! Я никогда не думала, что это такъ сладко,—до вчерашняго вечера! Нѣтъ,—я и за тысячу лѣтъ жизни не продала бы тѣ минуты, которыя пережила съ тѣхъ поръ, какъ увидала его—

„Господи Боже, какъ она—“

(*Идетъ медленно въ глубину сцены, открываетъ окно и глядитъ изъ него*).

(*Нильсъ Люкке входитъ черезъ первую дверь направо*).

Нильсъ Люкке (*про себя*). „Спокойной ночи въ Эстротѣ, господинъ рыцарь!“ сказала, уходя, фру Ингеръ. Спокойной ночи? Да, это легко сказать, но—тамъ, снаружи, буря на небѣ и на морѣ; внизу въ склепѣ молодая дѣвушка въ гробу; судьба двухъ королевствъ въ моихъ рукахъ,—а на груди завядшіе цвѣты, брошенные мнѣ подъ ноги женщиною. Боюсь, право, что сонъ слишкомъ поздно сомкнетъ мои вѣжды. (*Замѣчаетъ Элине, которая отходитъ отъ окна и направляется налѣво*). Это она. Гордые глаза затуманены мечтою.—Ахъ, если бы только я могъ рѣшиться!—(*Громко*). Іомфру Элине!

Элине (*остановившись у двери*). Что вамъ нужно? Зачѣмъ вы преслѣдуете меня?

Нильсъ Люкке. Вы ошибаетесь; я васъ не преслѣдую. Меня самого преслѣдуютъ.

Элине. Васъ?

Нильсъ Люкке. Самыя разнообразныя мысли. Поэтому сонъ мой поступаетъ такъ же, какъ и вы,—онъ убѣгаетъ отъ меня.

Элине. Подойдите къ окну,—и часы промелькнутъ быстрѣе для васъ,—на морѣ буря—

Нильсъ Люкке (*улыбаясь*). На морѣ буря? Я ею могу полюбоваться и у васъ.

Элине. У меня?

Нильсъ Люкке. Наша первая встрѣча убѣдила меня въ этомъ.

Элине. И вы на это жалуетесь?

Нильсъ Люкке. Нѣтъ, нисколько; но я желалъ бы увидѣть васъ настроенною болѣе кротко.

Элине (*гордо*). И вы думаете, вамъ это удастся?

Нильсъ Люкке. Я въ этомъ увѣренъ, потому что я приношу вамъ радостную вѣсть.

Элине. Какую?

Нильсъ Люкке. Вѣсть о моемъ отъѣздѣ.

Элине (*дѣлая шагъ впередъ*). О вашемъ отъѣздѣ? Вы покидаете Эстротъ,—такъ скоро?

Нильсъ Люкке. Еще сегодня ночью.

Элине (*стоитъ одну минуту какъ будто въ нерѣшимости, затѣмъ говоритъ холодно*). Пріймите мой прощальный привѣтъ, господинъ рыцарь! (*Кланяется и хочетъ уходить*).

Нильсъ Люкке. Элине Гюльденлэве,—я не имѣю права удерживать васъ; но неблагородно съ вашей стороны отказываться выслушать то, что я долженъ вамъ сказать.

Элине. Я слушаю васъ, господинъ рыцарь.

Нильсъ Люкке. Я знаю, вы ненавидите меня.

Элине. Ваша проницательность не обманула васъ.

Нильсъ Люкке. Но я знаю также, что вполнѣ заслужилъ эту ненависть. Неприличны и оскорбительны были слова, которыми я намекалъ на васъ въ своемъ письмѣ къ фру Ингеръ.

Элине. Весьма возможно, но я ихъ не читала.

Нильсъ Люкке. Но содержаніе письма во всякомъ случаѣ извѣстно вамъ: я знаю, ваша мать не оставила васъ въ неизвѣстности на этотъ счетъ; она во всякомъ случаѣ сказала вамъ, что я называлъ счастливымъ того человѣка, который—да, вы знаете, какую надежду я лелѣялъ—

Элине. Господинъ рыцарь,—если вы объ этомъ хотите говорить—

Нильсъ Люкке. Я хочу говорить объ этомъ только для того, чтобы извинить

свое поведеніе. Другихъ причинъ у меня нѣтъ,—клянусь честью! Если слухи обо мнѣ — чего я, къ сожалѣнію, опасаюсь,—достигли до васъ прежде, чѣмъ я пріѣхалъ въ Эстротъ, тогда вы должны знать мою жизнь достаточно, чтобы не удивляться, что я въ подобнаго рода дѣлахъ смѣло иду впередъ. Я встрѣчалъ много женщинъ, Элине Гюльденлэве. Я не нашелъ ни одной непреклонной. При такихъ обстоятельствахъ, видите ли, становишься дерзкимъ. Отвыкаешь прибѣгать къ окольнымъ путямъ—

Элине. Очень можетъ быть. Я не знаю, какого рода были тѣ женщины.

Вы вообще ошибаетесь, предполагая, что именно письмо ваше къ моей матери пробудило въ моемъ сердцѣ ненависть къ вамъ и ожесточило его противъ васъ. У меня были другія, болѣе раннія причины.

Нильсъ Люкке (*съ тревогою*). Болѣе раннія причины? Что вы хотите этимъ сказать?

Элине. Ваше предположеніе совершенно вѣрно:—ваша слава опередила васъ въ Эстротѣ, какъ и по всей странѣ. Когда упоминаютъ имя Нильса Люкке, то всегда рядомъ съ нимъ упоминаютъ и о женщинѣ, которую онъ одурачилъ и покинулъ. Одни говорятъ объ этомъ со злобою, другіе со смѣхомъ, издѣваясь надъ слабодушными, легкомысленными созданіями. Но сквозь злобу, смѣхъ и шутку сквозитъ всегда пѣснь о васъ, пѣснь дразнящая и смѣлая, точно побѣдоносная пѣснь врага.

Все это вмѣстѣ возбудило мою ненависть къ вамъ. Вы часто стояли у меня передъ глазами, и мнѣ всегда страшно хотѣлось встрѣтиться съ вами лицомъ къ лицу, чтобы вы узнали, что бываютъ на свѣтѣ женщины, у которыхъ ваши льстивыя рѣчи не могутъ имѣть успѣха,—какъ бы вы ни старались побѣдить.

Нильсъ Люкке. Вы несправедливо судите обо мнѣ на основаніи слуховъ. Можетъ быть, есть и доля правды въ томъ, что вы слышали;—но причины всего этого вамъ неизвѣстны.—Я началъ вести веселую жизнь съ семнадцатилѣтняго возраста. Съ тѣхъ поръ я прожилъ цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ. Легкомысленныя женщины дарили мнѣ то, чего я желалъ,—еще раньше, чѣмъ желаніе обращалось въ мольбу; и все, что я предлагалъ имъ, онѣ принимали съ радостною душою. Вы—первая женщина, презрительно швырнувшая мнѣ подъ ноги мой даръ.

Не думайте, что я жалуюсь. Нѣтъ, напротивъ того,—я уважаю васъ за это больше, чѣмъ сколько я уважалъ когда-либо другихъ женщинъ. Но на что я жалуюсь, и что меня терзаетъ теперь, это—что судьба не свела насъ раньше.—

Элине Гюльденлэве! Ваша мать разсказала мнѣ много о васъ. Между тѣмъ какъ жизнь шла бурно, своимъ чередомъ, тамъ, вдали, вы бродили одиноко въ Эстротѣ, тихо, молча, погруженная въ свои мечты и свои грезы. Вотъ почему вы поймете, что я хочу вамъ сказать.—Знайте же, что и я также жилъ нѣкогда такою же жизнью, какъ вы. Я воображалъ, что стоитъ мнѣ выйти на широкій свѣтъ Божій, и навстрѣчу мнѣ выйдетъ благородная, чудная женщина, которая призоветъ меня къ себѣ и укажетъ путь къ славной цѣли.—Я ошибался, Элине Гюльденлэве. Женщины дѣйствительно шли на встрѣчу мнѣ, но *ея* между ними не было. Я не успѣлъ сдѣлаться взрослымъ, какъ научился презирать ихъ всѣхъ вмѣстѣ.

Моя ли это вина? Почему тѣ другія не были похожи на васъ?—Я знаю, что судьба вашего отечества сильно гнететъ васъ. Вы знаете, какую роль играю я въ этихъ дѣлахъ.—Говорятъ обо мнѣ, что я лживъ, какъ морская пѣна. Весьма возможно; но если я таковъ, то меня имъ сдѣлали женщины. Если бы я раньше нашелъ то, что искалъ,—если бы я встрѣтилъ женщину, такую же гордую, благородную, какъ вы, съ такою же возвышенною душою, тогда я навѣрное сталъ бы инымъ. Весьма можетъ быть, что я тогда стоялъ бы теперь рядомъ съ вами въ качествѣ заступника за всѣхъ угнетенныхъ въ норвежскомъ королевствѣ. Потому, что этому я вѣрю: женщина самое могущественное въ мірѣ существо, и отъ нея зависитъ направлять мужчину туда, куда его хочетъ повести Господь Богъ.

Элине *(про себя)*. Правду ли онъ говоритъ? Нѣтъ, нѣтъ, ложь у него въ глазахъ и обманъ на устахъ. А все же—нѣтъ пѣсни, которая звучала-бы лучше его словъ.

Нильсъ Люкке (*приближаясь къ ней, вполголоса, задушевно*). Какъ часто должны были вы сидѣть одинокою въ Эстротѣ съ вашими вѣчно мѣняющимися мыслями! Вамъ дѣлалось тѣсно въ груди. Потолокъ и стѣны какъ будто наклонялись надъ вами и угнетали вашу душу. Тогда вы мечтали вырваться отсюда: вы чувствовали страстное желаніе полетѣть куда-нибудь далеко,—куда, вы и сами не знали.—Какъ часто гуляли вы одинокою на берегу фіорда! Красивый корабль, съ рыцарями и дамами на борту, съ пѣснями и музыкою проплывалъ мимо васъ далеко вдали:—къ вамъ доносились смутные слухи о великихъ событіяхъ;—тогда вы чувствовали

рыданіе въ груди, неудержимое стремленіе узнать, что дѣлается по ту сторону моря. Но вы не понимали, чего вамъ недоставало. Иногда вамъ казалось, что судьба вашей родины внушаетъ вамъ эти тревожныя мысли. Вы обманывали самое себя: дѣвушкѣ въ вашемъ возрастѣ приходится мечтать о другомъ. — Элине Гюльденлэве! Вы никогда не размышляли о таинственныхъ силахъ, — грандіозной таинственной силѣ, которая связываетъ въ одно судьбы смертныхъ? Когда вы мечтали о шумной жизни тамъ, вдали, въ широкомъ Божьемъ свѣтѣ, когда вы мечтали о рыцарскихъ играхъ и блестящихъ празднествахъ не видали ли вы тогда всегда въ своихъ мечтахъ рыцаря, который съ улыбкою на устахъ и горечью въ сердцѣ стоитъ среди шумной толпы, — рыцаря, который нѣкогда мечталъ такъ же сладко, какъ и вы, о женщинѣ, чудной и благородной, и напрасно искалъ ее среди тѣхъ, которыя окружали его?

Элине. Кто вы, умѣющій облекать въ слова мои самыя задушевныя мысли? Почемъ вы знаете? Какъ вы можете говорить мнѣ то, что я носила въ глубинѣ своей души, не сознавая этого? Откуда вы знаете — ?

Нильсъ Люкке. Я вамъ сказалъ то, что прочелъ въ вашихъ глазахъ.

Элине. Никогда еще никто не говорилъ со мною такъ, какъ вы. Я лишь смутно понимала васъ, а между тѣмъ все кажется мнѣ инымъ, съ тѣхъ поръ, какъ — (*про себя*). Теперь я понимаю, почему говорили, что Нильсъ Люкке не похожъ на другихъ людей.

Нильсъ Люкке. Есть въ мірѣ нѣчто смущающее не одинъ человѣческій умъ, именно: мысль о томъ, что бы сталось, если бы случилось такъ, а не иначе. Если бы я встрѣтилъ васъ на своемъ пути въ то время, когда дерево моей жизни было зеленымъ и цвѣтущимъ, тогда вы, можетъ быть, не сидѣли бы теперь какъ

Но простите, благородная іомфру. Этотъ непродолжительный разговоръ заставилъ меня забыть о нашихъ отношеніяхъ другъ къ другу. Мнѣ казалось, будто какой-то тайный голосъ шепчетъ мнѣ: съ нею ты можешь говорить откровенно, безъ лести и умолчаній.

Элине. Это вы можете.

Нильсъ Люкке. Ну хорошо: и эта откровенность, быть можетъ, наполовину уже примирила насъ. Да, я начинаю питать еще болѣе смѣлыя надежды. Можетъ быть, наступитъ еще время, когда вы будете вспоминать о чужестранномъ рыцарѣ безъ ненависти и озлобленія. Ну, ну, — не перетолковывайте въ дурную сторону монхъ словъ. Я не говорю, чтобы это сдѣлалось сейчасъ, *сразу*, — но когда-нибудь позже, со временемъ. И, чтобы облегчить это вамъ, — разъ я ужъ началъ такъ откровенно и прямо говорить съ вами, позвольте мнѣ сказать —

Элине. Господинъ рыцарь!

Нильсъ Люкке (*улыбаясь*). Ахъ, я замѣчаю, что мое письмо продолжаетъ возбуждать въ васъ страхъ. Но успокойтесь, ради Бога! Я многое далъ бы, чтобы оно не было написано, потому что — да, я знаю, что вамъ безразлично это выслушать, поэтому высказываюсь чистосердечно, я васъ не люблю и никогда не полюблю. Поэтому, повторяю, будьте совершенно спокойны: я никогда не буду дѣлать попытки —

Но что съ вами — ?

Элине. Со мною? Ничего, ничего! — Скажите только одно: зачѣмъ вы не бросили этихъ цвѣтовъ? Что вы хотите съ ними дѣлать?

Нильсъ Люкке, Этихъ цвѣтовъ? Развѣ это не была боевая перчатка, которую вы бросили въ лицо злому Нильсу Люкке отъ имени всѣхъ женщинъ? Какъ же мнѣ было не поднять ее?

Вы спрашиваете, что хочу я съ ними дѣлать? (*Вполголоса*). Когда я опять войду въ кругъ прекрасныхъ дамъ Даніи, — когда музыка замолкнетъ и въ залѣ воцарится тишина, - тогда я покажу эти цвѣты и разскажу повѣсть о молодой женщинѣ, которая сидитъ одинокою въ мрачной сводчатой залѣ, далеко наверху въ Норвегіи

(*Останавливается и почтительно кланяется*).

Но я боюсь, что слишкомъ долго задержалъ благородную дочь хозяйки дома. Мы больше не увидимся, потому что я уѣду до разсвѣта. Поэтому позвольте мнѣ проститься съ вами.

Элине. Прощайте, господинъ рыцарь! (*Краткое молчаніе*).

Нильсъ Люкке. Вы вновь такъ глубоко задумались, Элине Гюльденлэве. Не озабочиваетъ ли васъ опять судьба вашего отечества?

Элине (*качая головою и разстянно глядя передъ собою*). Моего отечества? — Я не думаю о своемъ отечествѣ.

Нильсъ Люкке. Значитъ васъ пугаетъ настоящее время, полное горя и борьбы.

Элине. Настоящее время?—Я забыла о немъ.—Вы уѣзжаете въ Данію? Вы такъ, кажется, сказали?

Нильсъ Люкке. Я уѣзжаю въ Данію.

Элине. Могу ли я видѣть Данію изъ нашей залы?

Нильсъ Люкке (*указывая на окно слѣва*). Да, изъ этого окна. Здѣсь, по направленію къ югу, лежитъ Данія.

Элине. И она далеко отсюда? Дальше чѣмъ за сто миль?

Нильсъ Люкке. Гораздо дальше. Море отдѣляетъ васъ отъ Даніи.

Элине (*про себя*). Море? У мысли крылья чайки. Море не можетъ остановить полета ихъ. (*Уходитъ налѣво*).

Нильсъ Люкке (*глядитъ минуту ей во слѣдъ, затѣмъ говоритъ*). Если бы я могъ потратить на это два дня—или даже *одинъ*,—она очутилась бы въ моей власти, подобно всѣмъ другимъ.

Странно создана эта молодая дѣвушка! Она горда! Неужели я въ самомъ дѣлѣ могъ бы рѣшиться?—Нѣтъ, ужъ лучше унизить ее.—

(*Ходитъ взадъ и впередъ по залѣ*).

Право, мнѣ кажется, какъ будто она зажгла во мнѣ кровь. Кто могъ бы это подумать, послѣ случившагося?—Долой эту мысль! Я долженъ поскорѣе выбраться изъ этого логовища, куда я такъ некстати попалъ.

(*Садится на стулъ справа*).

Какъ мнѣ объяснить это себѣ? И Олафъ Скактавль, и Ингеръ Гюльденлэве точно не понимаютъ, какое недовѣріе они навлекутъ на себя, когда узнаютъ, что я нахожусь въ союзѣ съ ними.—Или фру Ингеръ въ самомъ дѣлѣ проникла въ мои настоящія намѣренія? Можетъ быть она догадалась, что всѣ обѣщанія была разсчитаны па то, чтобы выманить Нильса Стуре изъ его убѣжища?

(*Вскакиваетъ на ноги*).

Проклятіе! Неужели я самъ былъ одураченъ? Весьма возможно, что никакого графа Стуре въ Эстротѣ не имѣется. Можетъ быть слухъ о его бѣгствѣ былъ не больше, какъ военною хитростью. По всей вѣроятности онъ сидитъ теперь въ полной безопасности у своихъ друзей въ Швеціи, между тѣмъ какъ я—

(*Ходитъ тревожно взадъ и впередъ*).

А я былъ такъ увѣренъ въ своей побѣдѣ. Что если не удастся ничего устроить? Если фру Ингеръ узнаетъ о моихъ намѣреніяхъ—и не скроетъ и отъ другихъ, какъ я былъ одураченъ?—Подвергнуться всеобщимъ насмѣшкамъ какъ здѣсь, такъ и въ Даніи! Хотѣть поймать фру Ингеръ въ западню,—и вмѣсто того помочь ея дѣлу,—усилить ея популярность среди крестьянъ!—Ахъ, я готовъ былъ бы отдать свою душу діаволу, лишь бы онъ помогъ мнѣ овладѣть графомъ Стуре!

(*Окно въ глубинѣ сцены отворяется. Нильсъ Стенссонъ показывается въ окнѣ*).

Нильсъ Люкке (*хватается за мечъ*). Что это такое?

Нильсъ Стенссонъ (*впрыгивая въ комнату*). Ну, наконецъ-то я здѣсь.

Нильсъ Люкке (*тихо*). Что это значитъ?

Нильсъ Стенссонъ. Миръ Божій вамъ, господинъ!

Нильсъ Люкке. Благодарю, сударь! Странный входъ избрали вы себѣ.

Нильсъ Стенссонъ. Да, а что же прикажете, чортъ возьми, дѣлать? Ворота были заперты. Здѣсь въ замкѣ люди спятъ точно медвѣдь на Рождество.

Нильсъ Люкке. И слава Богу! Чистая совѣсть самая лучшая подушка, насколько я знаю.

Нильсъ Стенссонъ. Да, очень можетъ быть, потому что сколько я ни звалъ и ни стучалъ—

Нильсъ Люкке. Вамъ не удалось проникнуть?

Нильсъ Стенссонъ. Я ни на шагъ не подвигался впередъ. Тогда я сказалъ себѣ: разъ тебѣ необходимо быть сегодня вечеромъ въ Эстротѣ, хотя бы пришлось идти черезъ огонь и холодную воду, то можешь проникнуть въ замокъ и черезъ окно.

Нильсъ Люкке (*тихо*). Что, если это—? (*Подходитъ къ нему ближе*). Вамъ было такъ важно попасть въ Эстротъ именно сегодня вечеромъ?

Нильсъ Стенссонъ. Важно ли это для меня? Конечно, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Я не люблю заставлять себя ждать, скажу я вамъ по правдѣ.

Нильсъ Люкке. Ага,—значитъ фру Ингеръ Гюльденлэве ждетъ васъ?

Нильсъ Стенссонъ. Фру Ингеръ Гюльденлэве? Да, этого я не могу сказать

съ увѣренностью; (*съ хитрою улыбкою*). но здѣсь кто-то другой—

Нильсъ Люкке (*тоже улыбаясь*). А-а, значитъ кто-то другой—

Нильсъ Стенссонъ. Скажите мнѣ, —вы изъ здѣшнихъ?

Нильсъ Люкке. Я? Да, такъ какъ я со вчерашняго вечера гость фру Ингеръ.

Нильсъ Стенссонъ. Такъ-то?— Кажется, у насъ сегодня вечеромъ третій вечеръ послѣ дня св. Мартина?

Нильсъ Люкке. Третій вечеръ послѣ—? Да, это правда.—Можетъ быть вамъ угодно, чтобы я немедленно призвалъ къ вамъ хозяйку дома? Насколько я знаю, она еще не пошла спать. Но не лучше ли вамъ сѣсть и немного отдохнуть, мой милый юный другъ? Посмотрите, здѣсь еще не мало вина на столѣ. Вы найдете также и кое-что поѣсть. Берите же и закусывайте; вамъ необходимо подкрѣпиться.

Нильсъ Стенссонъ. Вы правы, господинъ; это будетъ, право, недурно.

(*Садится у стола, пьетъ и ѣстъ во время послѣдующей сцены*).

Жаркое, сладкій пирогъ! Вы, значитъ, ведете здѣсь роскошную жизнь! Когда приходится, какъ, напримѣръ, мнѣ, спать на голой землѣ и питаться только хлѣбомъ и водой цѣлые четыре-пять дней—

Нильсъ Люкке. (*улыбаясь, глядитъ на него*). Да, трудно это должно быть для того, кто привыкъ обѣдать за столомъ въ графской залѣ.

Нильсъ Стенссонъ. Въ графской залѣ?

Нильсъ Люкке. Но теперь вы можете отдохнуть въ Эстротѣ, сколько вамъ понадобится.

Нильсъ Стенссонъ (*радостно*) Да? Могу? Въ самомъ дѣлѣ? Мнѣ не надо скоро уѣзжать отсюда?

Нильсъ Люкке. Этого я не знаю. Вы сами лучше можете отвѣтить на вашъ вопросъ.

Нильсъ Стенссонъ (*тихо*). Ахъ, чортъ возьми! — (*Облокачивается на стулъ*). Да, видите-ли,—это еще далеко не рѣшенный вопросъ. Я лично ничего не имѣлъ бы противъ того, чтобы остаться здѣсь, но—

Нильсъ Люкке. Но вы не вправѣ располагать собой? Существуютъ разнаго рода обязанности и обстоятельства—?

Нильсъ Стенссонъ. Да, въ этомъ-то и загвоздка! Если бы это зависѣло только отъ меня, я съ удовольствіемъ провелъ бы зиму здѣсь въ Эстротѣ; мнѣ пришлось большую часть жизни прожить на походномъ положеніи, и тогда, понимаете? —(*Онъ внезапно останавливается, наливаетъ и пьетъ*). За ваше здоровье, господинъ!

Нильсъ Люкке. На походномъ положеніи? Гмъ!

Нильсъ Стенссонъ. Нѣтъ, вотъ что я хотѣлъ сказать; я давно уже желалъ посмотрѣть на Ингеръ Гюльденлэве, о которой такъ много говорятъ по всей странѣ. Это должно быть чудная женщина. Не правда ли?—Единственное, съ чѣмъ я никакъ не могу примириться, это что она ни за что не хочетъ вступать въ открытую борьбу.

Нильсъ Люкке. Въ открытую борьбу?

Нильсъ Стенссонъ. Ну, да, вы меня, конечно, понимаете; я хочу сказать, что она отказываетъ намъ въ своей помощи, чтобы вытѣснить чужестранцевъ изъ родной страны.

Нильсъ Люкке. Да, въ этомъ вы правы. Но примитесь теперь хорошенько за нее, и дѣло можно будетъ уладить.

Нильсъ Стенссонъ. Чтобы я принялся? Да, нечего сказать, много было бы отъ этого пользы, если бы я—

Нильсъ Люкке. Странно, право, что вы приходите къ ней, имѣя такъ мало надежды на успѣхъ.

Нильсъ Стенссонъ. Что вы хотите этимъ сказать?—Послушайте, вы знаете фру Ингеръ?

Нильсъ Люкке. Конечно, разъ я ея гость—

Нильсъ Стенссонъ. Ну, изъ того, что вы ея гость, ничего не слѣдуетъ. Я тоже ея гость, а между тѣмъ я и тѣни ея никогда не видалъ.

Нильсъ Люкке. А вѣдь вы разсказываете—

Нильсъ Стенссонъ.—то, что у всѣхъ на устахъ. Да, это вѣрно. Кромѣ того, мнѣ часто приходилось слышать отъ Педера Канцлера—(*Онъ останавливается въ смущеніи и начинаетъ усердно ѣсть*).

Нильсъ Люкке. Вы хотѣли еще что-то сказать?

Нильсъ Стенссонъ (*продолжая ѣсть*). Я? Ахъ нѣтъ, все это пустяки!

Нильсъ Люкке (*смѣется*).

Нильсъ Стенссонъ. Отчего вы смѣетесь?

Нильсъ Люкке. Такъ себѣ.

Нильсъ Стенссонъ (*пьетъ*). Славное вино у васъ въ замкѣ!

Нильсъ Люкке (*подходитъ, дружескимъ тономъ*). Послушайте,—не пора ли сбросить маску?

Нильсъ Стенссонъ (*улыбаясь*). Маску? Да, это уже ваше дѣло.

Нильсъ Люкке. Такъ къ чорту притворство! Вы узнаны, графъ Стуре.

Нильсъ Стенссонъ (*хохочетъ*). Графъ Стуре? Такъ и вы думаете, что я графъ Стуре? (*Встаетъ изъ за стола*). Вы ошибаетесь, господинъ, я не графъ Стуре.

Нильсъ Люкке. Въ самомъ дѣлѣ нѣтъ? Кто же вы такой?

Нильсъ Стенссонъ. Мое имя—Нильсъ Стенссонъ.

Нильсъ Люкке (*съ улыбкою смотритъ на него*). Гмъ! Нильсъ Стенссонъ! Но развѣ не Нильсомъ зовутъ сына Стуре? Имя что-то похоже.

Нильсъ Стенссонъ. Совершенно вѣрно. Но одинъ Богъ знаетъ, почему я его ношу. Моего отца я никогда не зналъ; моя мать бѣдная крестьянка, которая была убита и ограблена въ одно изъ сраженій. Въ это время тамъ какъ разъ очутился Педеръ Канцлеръ; онъ взялъ меня къ себѣ, воспиталъ и научилъ военному искусству. Какъ вы знаете, король Густавъ долгое время преслѣдовалъ его, и я всюду слѣдовалъ за нимъ.

Нильсъ Люкке. Педеръ Канцлеръ, какъ я вижу, научилъ васъ не одному военному искусству.—Ну хорошо, вы, значитъ, не Нильсъ Стуре. Но все же вы пріѣхали изъ Швеціи. Педеръ Канцлеръ прислалъ васъ сюда на свиданіе съ однимъ чужестранцемъ, который—

Нильсъ Стенссонъ (*кивая хитро головой*).—который уже найденъ.

Нильсъ Люкке (*нѣсколько нерѣшительно*). И котораго вы не знаете?

Нильсъ Стенссонъ. Столько же, сколько вы знаете меня; потому что, клянусь вамъ Господомъ Богомъ, я не графъ Стуре.

Нильсъ Люкке. Вы говорите серьезно?

Нильсъ Стенссонъ. Какъ вѣрно то, что я живъ и здоровъ. Зачѣмъ бы я сталъ отрицать, если бы это была правда?

Нильсъ Люкке. Но гдѣ же въ такомъ случаѣ графъ Стуре?

Нильсъ Стенссонъ (*вполголоса*). Да, вотъ *въ этомъ*-то и тайна.

Нильсъ Люкке (*шепотомъ*). Которая извѣстна вамъ? Не правда-ли?

Нильсъ Стенссонъ (*киваетъ головою*). И которую я долженъ сообщить вамъ.

Нильсъ Люкке. Мнѣ? Ну хорошо,—гдѣ же онъ?

Нильсъ Стенссонъ (*показываетъ вверхъ*).

Нильсъ Люкке. Наверху? Фру Ингеръ держитъ его спрятаннымъ на чердакѣ?

Нильсъ Стенссонъ. Нѣтъ, конечно, нѣтъ; вы меня не поняли. (*Осторожно оглядывается*).

Нильсъ Стуре на небѣ.

Нильсъ Люкке. Умеръ? Какъ? Гдѣ?

Нильсъ Стенссонъ. Въ замкѣ своей матери,—три недѣли тому назадъ.

Нильсъ Люкке. Ахъ, вы обманываете меня. Пять шесть дней тому назадъ онъ перешелъ черезъ норвежскую границу.

Нильсъ Стенссонъ. Ахъ, это былъ я.

Нильсъ Люкке. Но за нѣсколько дней до того графъ показался въ Далекарліи... Крестьяне, среди которыхъ и такъ царило волненіе, открыто возстали и хотѣли избрать его королемъ.

Нильсъ Стенссонъ. Ха, ха, ха! это былъ опять я!

Нильсъ Люкке. Вы?

Нильсъ Стенссонъ. Вотъ послушайте, какъ все это случилось. Однажды меня призвалъ къ себѣ Педеръ Канцлеръ и сообщилъ мнѣ, что готовятся великія событія. Онъ приказалъ мнѣ отправиться въ Норвегію, въ Эстротъ, куда я долженъ былъ явиться въ назначенное время—

Нильсъ Люкке (*киваетъ головою*). Въ третій вечеръ послѣ дня св. Мартина.

Нильсъ Стенссонъ. Тамъ я долженъ былъ встрѣтить незнакомца—

Нильсъ Люкке. Вѣрно, меня.

Нильсъ Стенссонъ. Отъ него я долженъ былъ узнать, что мнѣ слѣдуетъ дѣлать дальше. Но, кромѣ того, я долженъ былъ сообщить ему, что графъ внезапно умеръ, но что объ этомъ не знаетъ еще никто, кромѣ графини, Педера Канцлера и нѣсколькихъ старыхъ слугъ у Стуровъ.

Нильсъ Люкке. Я понимаю. Графъ былъ главою крестьянъ. Какъ только распространится вѣсть о его смерти,—они ра-

зойдутся—и все возстаніе обратится въ пуфъ.

Нильсъ Стенссонъ. Очень можетъ быть; я мало посвященъ въ это дѣло.

Нильсъ Люкке. Но какъ же вамъ пришло въ голову выдавать себя за графа.

Нильсъ Стенссонъ. Какъ мнѣ пришло это въ голову? Я и самъ не знаю. Столько глупостей дѣлалъ я на своемъ вѣку! Да это, впрочемъ, была не *моя* выдумка; куда бы я ни появлялся въ Далекарліи, повсюду крестьяне привѣтствовали меня единогласно, какъ графа Стуре. Что бы я ни говорилъ имъ, какъ ни отрицалъ,—ничего не помогало. Графъ пріѣзжалъ къ нимъ за два года до того,—разсказывали они,—и всѣ дѣти до одного узнавали меня. Ну, и пусть, думалъ я; тебѣ никогда больше не придется быть графомъ въ твоей жизни; можешь хоть разъ попробовать, пріятно ли быть имъ.

Нильсъ Люкке. Ну,—что же вы дѣлали еще?

Нильсъ Стенссонъ. Я? Я пилъ и ѣлъ и славно проводилъ время. Жалко было только одного—что мнѣ такъ скоро пришлось уйти. Но когда я переѣхалъ границу—ха, ха, ха!—я обѣщалъ имъ вернуться съ тремя-четырьмя тысячами человѣкъ,—а можетъ быть и больше,—и тогда-то должна была начаться настоящая потѣха.

Нильсъ Люкке. И вамъ не приходило въ голову, что вы поступаете безразсудно?

Нильсъ Стенссонъ. Да, мнѣ это приходило въ голову, только позже, но тогда было уже слишкомъ поздно исправлять сдѣланную ошибку.

Нильсъ Люкке. Мнѣ жаль васъ, мой дорогой другъ; но вамъ скоро придется нести послѣдствія своего безразсудства. Могу сообщить вамъ, что за вами погоня. Отрядъ шведскихъ рыцарей отправился искать васъ.

Нильсъ Стенссонъ. Меня? Ха, ха, ха! нѣтъ, это право, чудесно! И когда они меня поймаютъ, они вообразятъ, что захватили въ свои лапы графа Стуре!—Ха, ха, ха!

Нильсъ Люкке (*серьезно*).—И наступитъ конецъ вашей жизни.

Нильсъ Стенссонъ. Моей?—Но вѣдь я не графъ Стуре.

Нильсъ Люкке. Но вы призывали крестьянъ къ оружію. Вы давали обѣщанія, побуждавшія къ мятежу, и возбуждали волненія во всей странѣ.

Нильсъ Стенссонъ. Ну, это было все лишь шутка.

Нильсъ Люкке. Король Густавъ посмотритъ на это иначе.

Нильсъ Стенссонъ. Да, въ самомъ дѣлѣ, въ словахъ вашихъ есть правда. И какъ я могъ быть такимъ безумцемъ!—Ну, можетъ быть, намъ еще удастся выпутаться изъ бѣды. Вы навѣрное позаботитесь обо мнѣ,—а рыцари еще не настигли меня.

Нильсъ Люкке. Но что же еще имѣли вы сообщить мнѣ?

Нильсъ Стенссонъ. Я?—ничего. Я долженъ былъ только передать вамъ пакетъ—

Нильсъ Люкке (*необдуманно*). Пакетъ?

Нильсъ Стенсонъ. Да, конечно, вы вѣдь знаете—

Нильсъ Люкке. Ахъ, да, конечно, бумаги отъ Педера Канцлера—

Нильсъ Стенссонъ. Вотъ они всѣ, получайте. (*Подаетъ ему пакетъ, который вынимаетъ изъ подъ своего жилета*).

Нильсъ Люкке (*тихо*). Письма и бумаги, адресованныя Олафу Скактавлю. (*Обращаясь къ Нильсу Стенссону*) Пакетъ открытъ, какъ я вижу. Такъ вы, значитъ, знакомы съ его содержаніемъ?

Нпльсъ Стенссонъ. Нѣтъ, господинъ, я не охотно читаю писанное; на это существуютъ свои причины.

Нильсъ Люкке. Понятно! вы больше вниманія обращали на военное искусство.

(*Садится у стола направо и начинаетъ разсматривать бумаги*).

Ага! Разъясненія, болѣе чѣмъ достаточныя, чтобы понять, что здѣсь происходитъ.

Это маленькое письмо, перевязанное шелковымъ шнуромъ—(*Читаетъ надпись*). Адресовано также Олафу Скактавлю. (*Открываетъ письмо и пробѣгаетъ его содержаніе*). Отъ Педера Канцлера. Я такъ и думалъ. (*Читаетъ про себя*). „Я въ большомъ затрудненіи, потому что—“ Да, совершенно вѣрно; вотъ и оно: „молодой графъ Стуре отправился къ предкамъ какъ разъ въ ту минуту, когда мятежъ долженъ былъ разразиться,—но все еще поправимо—“. Что это? (*Онъ останавливается и читаетъ дальше*). Вы

должны знать, господинъ Олафъ Скактавль, что молодой человѣкъ, податель настоящаго письма, сынъ—“ —Небо и адъ! неужели такъ сказано? (*Бросая взглядъ на Нильса Стенссона*). Онъ сынъ—А-а, если такъ!—(*Читаетъ дальше*).—„Я воспитывалъ мальчика съ годового возраста; до настоящаго дня я упорно отказывался вернуть его, въ полной увѣренности, что имѣю въ немъ вѣрный залогъ въ преданности Ингеръ Гюльденлэве намъ и нашимъ друзьямъ. Но до сихъ поръ онъ мало принесъ намъ пользы. Вы, конечно, удивитесь, зачѣмъ я не сообщилъ вамъ этой тайны тогда, когда вы пріѣзжали ко мнѣ; признаюсь вамъ чистосердечно, что я побоялся, чтобы вы не задержали его съ тою же цѣлью, что и я. Теперь же,когда вы увидались съ фру Ингеръ и, конечно, убѣдились, какъ неохотно приметъ она участіе въ нашемъ дѣлѣ, вы, можетъ быть, найдете болѣе благоразумнымъ вернуть ей то, что принадлежитъ ей. Весьма возможно, что сознаніе безопасности и чувство благодарности“—„это наша послѣдняя надежда“.

(*Онъ сидитъ нѣкоторое время, какъ бы пораженный удивленіемъ; затѣмъ восклицаетъ про себя*).

Ахъ,—что за письмо! Оно можетъ быть оцѣнено на вѣсъ золота.

Нильсъ Стенссонъ. Я привезъ вамъ важныя вѣсти, какъ вижу. Да,—у Педера Канцлера много желѣза въ огнѣ какъ говорятъ.

Нильсъ Люкке (*про себя*). Что мнѣ дѣлать со всѣмъ этимъ? Тысячи есть дорогъ, по которымъ можно было бы пойти.—Что если я?—Нѣтъ, это было бы слишкомъ рисковано. А все же—? Ахъ, если я все же—? Попробую.

(*Рветъ письмо на клочки, сжимаетъ въ комокъ и прячетъ въ карманъ камзола; остальныя бумаги складываетъ въ пакетъ, прячетъ въ своемъ поясѣ, встаетъ и говоритъ*):

На пару словъ, мой молодой другъ!

Нильсъ Стенссонъ (*подходитъ*). Ну,—по васъ видно, что игра складывается хорошо.

Нильсъ Люкке. Да, я тоже думаю. Вы мнѣ дали въ руки прекрасныя карты. —все дамы, валеты и—

Нильсъ Стенссонъ. Ну, а я, принесшій вамъ всѣ эти хорошія вѣсти,— что мнѣ прикажете дѣлать?

Нильсъ Люкке. Вы, Да, говоря о прекрасной игрѣ, я говорю и о васъ. Вы принадлежите къ игрѣ. Вы—король, да вдобавокъ—козырной.

Нильсъ Стенссонъ. Я? Ахъ, да теперь я понимаю васъ; вы желаете возвыситься—

Нильсъ Люкке. Возвыситься?

Нильсъ Стенссонъ. Да; вы сами говорили, что если воины короля Густава схватятъ меня—(*Дѣлаетъ знакъ, что его вѣшаютъ*).

Нильсъ Люкке. Совершенно вѣрно,—но пусть это васъ больше не безпокоитъ. Все завпсить теперь отъ васъ; вамъ рѣшать, носить ли вамъ черезъ мѣсяцъ конопляную веревку на шеѣ, пли золотую цѣпь на груди.

Нильсъ Стенссонъ. Золотую цѣпь? И все это завититъ отъ меня?

Нильсъ Люкке (*киваетъ утвердительно головою*).

Нильсъ Стенссонъ. Чортъ побери, долго раздумывать тутъ нечего. Скажите мнѣ только, что мнѣ дѣлать.

Нильсъ Люкке. Скажу. Но сначала вы должны мнѣ поклясться, что ни одна живая душа, въ цѣломъ свѣтѣ, не узнаетъ того, что я сообщу вамъ.

Нильсъ Стенссонъ. И больше ничего? Вы получите десять клятвъ, если хотите.

Нильсъ Люкке. Будьте серьезны, милостивый государъ. Я не шучу съ вами.

Нильсъ Стенссонъ. Ну, да, да, я серьезенъ.

Нильсъ Люкке. Въ Далекаріи вы называли себя графскимъ сыномъ — не правда ли?

Нильсъ Стенссонъ. Что это?— вы опять начинаете сначала? Я же вамъ честно признался—

Нильсъ Люкке. Вы меня не понимаете. То, что вы тогда сказали, была правда.

Нильсъ Стенссонъ. Правда? Куда вы мѣтите? Но скажите же мнѣ, наконецъ—

Нильсъ Люкке. Сначала поклянитесь, дайте мнѣ самую священную, самую нерушимую клятву—

Нильсъ Стенссонъ. Вы получите ее. Здѣсь на стѣнѣ виситъ образъ святой Дѣвы Маріи—

Нильсъ Люкке. Дѣва Марія въ послѣднее время не въ почетѣ. Вы слышали, что говоритъ монахъ въ Виттенбергѣ?

Нильсъ Стенссонъ. Глупости! буду я обращать вниманіе на какого-то виттенбергскаго монаха! Педеръ Канцлеръ увѣрялъ меня, что онъ еретикъ.

Нильсъ Люкке. Не будемъ объ этомъ спорить. Но я покажу вамъ другого святого, передъ которымъ вы должны принесть свою клятву.

(*Указываетъ на картину, висящую на одномъ изъ столбовъ стѣны*).

Идите сюда, и поклянитесь мнѣ молчать, пока я не развяжу вамъ языка,—молчать, ради спасенія своей души и спасенія того, чей портретъ виситъ передъ вами.

Нильсъ Стенссонъ (*приближаясь къ портрету*). Клянусь вамъ!—Клянусь святымъ словомъ Божіимъ. (*Въ изумленіи отступаетъ*. Но Христосъ, мой Спаситель—!

Нильсъ Люкке. Что съ вами?

Нильсъ Стенссонъ. Этотъ портретъ!—Но вѣдь это я самъ.

Нильсъ Люкке. Это старый Стенъ Стуре—такимъ, онъ былъ въ молодые годы.

Нильсъ Стенссонъ. Стенъ Стуре!—А сходство?—И—я говорилъ правду, когда называлъ себя графскимъ сыномъ, говорили вы? Не правда ли?

Нильсъ Люкке. Правда.

Нильсъ Стенссонъ. А-а, теперь я понимаю: я понимаю. Я—

Нильсъ Люкке. Вы сынъ Стена Стуре...

Нильсъ Стенссонъ (*пораженный изумленіемъ*). Я сынъ Стена Стуре!

Нильсъ Люкке. Вы дворянскаго рода и по матери. Педеръ Канцлеръ говорилъ неправду, когда увѣрялъ васъ, что вашею матерью была бѣдная крестьянка.

Нильсъ Стенссонъ. Вотъ странно. Просто удивительно!—Но долженъ ли я вѣрить—!

Нильсъ Люкке. Ахъ словамъ моимъ вы можете смѣло вѣрить. Но помните, что все это послужитъ на гибель вамъ, если вы забудете, что обѣщали мнѣ спасеніемъ своего отца.

Нильсъ Стенссонъ. Если я забуду? О нѣтъ, будьте увѣрены, что я не забуду.—Но вы, кому я далъ клятву,—скажите мнѣ,—кто вы?

Нильсъ Люкке. Меня зовутъ Нильсъ Люкке.

Нильсъ Стенссонъ (*пораженный*). Но вы, конечно не датскій совѣтникъ?

Нильсъ Люкке. Онъ самый.

Нильсъ Стенссонъ. И вы вдругъ—? Вотъ странно! Какимъ образомъ вы—?

Нильсъ Люкке—получаю посланія отъ Педера Канцлера? Васъ удивляетъ?

Нильсъ Стенссонъ. Да, я не стану отрицать этого. Онъ всегда называлъ васъ своимъ злѣйшимъ врагомъ.—

Нильсъ Люкке. И поэтому вы не довѣряете мнѣ?

Нильсъ Стенссонъ. Не по этому именно, но.—Ну, тутъ самъ чортъ сломаетъ ногу!

Нильсъ Люкке. Вы правы. Если вы поступите по своему, то получите въ концѣ концовъ конопляную веревку, такъ же вѣрно какъ и то, что получите графскій титулъ и золотую цѣпь, если положитесь на меня.

Нильсъ Стенссонъ. Во всемъ! Вотъ вамъ моя рука, дорогой господинъ. Помогите мнѣ добрымъ совѣтомъ, пока возможно. Когда же дѣло дойдетъ до рукопашной, я самъ съумѣю постоять за себя.

Нильсъ Люкке. Вотъ и прекрасно. Пойдемъ теперь за мной въ мою комнату, и я вамъ разскажу, какъ одно съ другимъ связано и что вамъ дальше дѣлать. (*Уходитъ направо*).

Нильсъ Стенссонъ (*бросая взглядъ на портретъ*). Я сынъ Стена Стуре. О, какъ это странно! Чистый сонъ! —(*Слѣдуетъ за Нильсомъ Люкке*).

Дѣйствіе четвертое.

(Рыцарская зала, та же, что и прежде, только обѣденный столъ вынесенъ).

(Дворецкій Бьорнъ свѣтитъ съ зажженными канделябрами въ рукахъ Ингеръ Гюльденлэве и Олафу Скактавлю, которые входятъ въ дверь слѣва; у фру Ингеръ въ рукахъ бумаги).

Фру Ингеръ (*Бьорну*). И ты увѣренъ, что моя дочь говорила съ рыцаремъ здѣсь въ залѣ?

Бьорнъ (*ставитъ канделябры на столъ слѣва*). Конечно, увѣренъ. Я встрѣ-

тилъ ее какъ разъ въ то время, когда она выходила.

Фру Ингеръ. И она имѣла взволнованный видъ? Не правда ли?

Бьорнъ. Она показалась мнѣ блѣдною и разстроенною. Я спросилъ, не больна ли она; но вмѣсто того, чтобы отвѣтить на мой вопросъ, она сказала; „пойди къ моей матери и скажи, что рыцарь уѣзжаетъ отъ насъ до разсвѣта. Если у нея есть къ нему письма или порученіе, то попроси ее не задерживать его здѣсь напрасно". И затѣмъ она прибавила еще что-то, я не совсѣмъ разслышалъ.

Фру Ингеръ. Не совсѣмъ разслышалъ?

Бьорнъ. Мнѣ показалось, будто она сказала: „мнѣ кажется, что онъ и такъ слишкомъ долго пробылъ въ Эстротѣ".

Фру Ингеръ. А рыцарь? Гдѣ онъ?

Бьорнъ. Онъ должно быть въ своей комнатѣ во флигелѣ.

Фру Ингеръ. Хорошо. Я уже приготовила все, что хотѣла передать ему. Пойди къ нему и скажи, что я жду его въ залѣ.

(*Бьорнъ уходитъ направо*).

Олафъ Скактавль. Знаете ли что, — фру Ингеръ, — правда, что я въ такихъ дѣлахъ слѣпъ, какъ кротъ, но все же мнѣ кажется, какъ будто онъ — гмъ!

Фру Ингеръ. Ну?

Олафъ Скактавль. — какъ будто Нильсъ Люкке неравнодушенъ къ вашей дочери.

Фру Ингеръ. Вы значитъ, не такъ ужъ слѣпы, потому, что если вы неправы, то я, значитъ, сильно ошибаюсь. Вы не замѣтили, какъ онъ жадно прислушивался за ужиномъ ко всему, что я разсказывала объ Элине?

Олафъ Скактавль. Онъ забывалъ и ѣсть, и пить.

Фру Ингеръ. Забывалъ и о нашемъ тайномъ дѣлѣ.

Олафъ Скактавль. Да, — и что еще важнѣе — о бумагахъ Педера Канцлера.

Фру Ингеръ. И изъ всего этого вы заключаете —?

Олафъ Скактавль. Изъ всего этого я заключаю, прежде всего, что, такъ какъ вы знаете Нильса Люкке и вамъ извѣстно, какою репутаціею онъ пользуется, особенно у женщинъ, то —

Фру Ингеръ. То мнѣ будетъ пріятно увидѣть его подальше отъ моего дома?

Олафъ Скактавль. Да, — и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Фру Ингеръ *(улыбаясь)*. Нѣтъ, — а я именно думаю какъ разъ наоборотъ, Олафъ Скактавль.

Олафъ Скактавль. Что вы хотите сказать?

Фру Ингеръ. Если предположеніе насъ обоихъ вѣрно, то, прежде всего, Нильсъ Люкке не долженъ никоимъ образомъ уѣзжать изъ Эстрота.

Олафъ Скактавль *(глядитъ не одобрительно на нее)*. Вы опять вступаете на окольный путь, фру Ингеръ? Что вы задумали? Можетъ быть, что нибудь, что увеличитъ ваше могущество въ ущербъ нашему —?

Фру Ингеръ. Ахъ, это недомысліе, которое дѣлаетъ всѣхъ васъ несправедливыми относительно меня! Я вижу по васъ, вы воображаете, что я задалась мыслью женить Нильса Люкке на моей дочери. Если бы я дѣйствительно хотѣла этого, тогда почему я отказывалась бы принять участіе въ дѣлѣ, которое подготовляется, повидимому, Нильсомъ Люкке и цѣлымъ рядомъ датчанъ?

Олафъ Скактавль. Но разъ вы не желаете связать его и склонить въ вашу пользу, — чего же вамъ нужно отъ него?

Фру Ингеръ. Я вамъ объясню это вкратцѣ. Въ одномъ письмѣ ко мнѣ Нильсъ Люкке заявилъ, что онъ считалъ бы для себя счастьемъ вступить въ родство съ нами; и я должна сказать правду; одно время я дѣйствительно увлеклась было этою мыслью.

Олафъ Скактавль. Ну, вотъ видите!

Фру Ингеръ. Привязать Нильса Люкке къ моему роду было бы могучимъ средствомъ для примиренія многихъ враждующихъ здѣсь лицъ.

Олафъ Скактавль. Замужество вашей дочери Марете за Винцентомъ Лунге должно было показать вамъ, какъ мало дѣйствительны такого рода средства. Какъ только герръ Лунге сталъ у насъ твердою ногою, онъ началъ немедленно посягать на наши права и наши владѣнія. —

Фру Ингеръ. Ахъ, я это прекрасно знаю, Олафъ Скактавль! Но иногда у меня въ головѣ проносится столько мыслей разомъ. Я не могу довѣриться вполнѣ ни вамъ, ни кому бы то ни было. По временамъ я не знаю, на чемъ лучше остановиться. И все же, — вновь получить въ зятья датчанина, — это исходъ, на какой я

рѣшилась бы только въ крайней нуждѣ,— а до такой крайности я, слава Богу, еще не дошла.

Олафъ Скактавль. Но я попрежнему ничего не понимаю, фру Ингеръ,— почему вы желаете обязательно удержать Нильса Люкке въ Эстротѣ?

Фру Ингеръ (*вполголоса*). Потому что у меня къ нему особенное пристрастіе. Нильсъ Люкке нанесъ мнѣ такое кровавое оскорбленіе, какое мнѣ не приходилось ни отъ кого еще получать. Я не могу сказать вамъ, въ чемъ оно заключается. Но я не успокоюсь, пока не отомщу ему. Вы меня не понимаете? Предположите, что Нильсъ Люкке неравнодушенъ къ моей дочери. Это легко себѣ представить. Я уговорю его остаться. Онъ долженъ лучше познакомиться съ Элине. Она умна и хороша.—Ахъ, если бы онъ съ горячею любовью въ сердцѣ пришелъ ко мнѣ просить ея руки! Тогда—прогнать его какъ собаку, прогнать его съ насмѣшкою, съ издѣвательствомъ, съ презрѣніемъ, объявить во всей странѣ: Нильсъ Люкке тщетно предлагалъ свою руку и сердце въ Эстротѣ—! Говорю вамъ,—я готова была бы отдать десять лѣтъ жизни, чтобы пережить такую минуту.

Олафъ Скактавль. Положа руку на сердце, Ингеръ Гюльденлэве, такъ это дѣйствительно ваше намѣреніе относительно его.

Фру Ингеръ. Клянусь Богомъ, что я говорю вамъ правду. Можете повѣрить мнѣ, Олафъ Скактавль, я въ душѣ отношусь самымъ честнымъ образомъ къ своимъ соотечественникамъ. Но я не могу всегда располагать собою. Есть такія вещи, которыя я вынуждена скрывать, иначе мнѣ придется погибнуть. Но какъ только я въ *одномъ* отношеніи успокоюсь, вы немедленно убѣдитесь, что я не забыла клятвы, данной надъ трупомъ Кнута Альфсона.

Олафъ Скактавль (*пожимая ей руку*). Благодарю васъ за ваши слова. Мнѣ такъ не хотѣлось думать дурно о васъ.—Но что касается рыцаря, то мнѣ кажется вы играете въ опасную игру. Что если вы невѣрно разсчитали? Что если ваша дочь—? Потому что всѣ говорятъ въ одно: ни одна женщина не можетъ устоять противъ этого хитраго дьявола.

Фру Ингеръ. Моя дочь? Вы опасаетесь, чтобы она—? Нѣтъ, будьте спокойны, я лучше знаю Элине. Все, что она слышала о немъ, сдѣлало его еще болѣе ненавистнымъ въ ея глазахъ. Вы сами собственными глазами видѣли—

Олафъ Скактавль. Да, да,—женскій умъ—неустойчивая почва, на которой трудно основаться. Вы хорошенько присмотритесь сначала.

Фру Ингеръ. Я такъ и сдѣлаю. Я буду зорко слѣдить за ними. Но если даже ему удастся поймать ее въ свои сѣти, мнѣ достаточно будетъ только шепнуть ей въ ухо два слова, и она—

Олафъ Скактавль. Что же она?

Фру Ингеръ. Она будетъ избѣгать его, точно посланнаго отъ самаго искусителя-дьявола.

Тише, Олафъ Скактавль! Вотъ идетъ онъ. Будьте осторожны.

(*Нильсъ Люкке входитъ въ ближайшую дверь справа*).

Нильсъ Люкке (*вѣжливо подходитъ къ фру Ингеръ*). Вы изволили меня звать?

Фру Ингеръ. Моя дочь мнѣ передала, что вы еще сегодня ночью намѣреваетесь выѣхать изъ Эстрота.

Нильсъ Люкке. Къ несчастью, да! —мое порученіе въ Эстротѣ уже исполнено.

Олафъ Скактавль. Но не прежде, чѣмъ я получу свои бумаги.

Нильсъ Люкке. Совершенно вѣрно. Я чуть было не забылъ самую важную часть своего порученія. Но это все по винѣ нашей любезной хозяйки. За столомъ она такъ умно и такъ оживленно бесѣдовала со своими гостями—

Фру Ингеръ. Что вы забыли, что привело васъ сюда? Отъ души рада этому, потому что такова именно была моя цѣль. Я думала, что если мой гость, Нильсъ Люкке, чувствуетъ себя хорошо въ Эстротѣ, онъ забудетъ—

Нильсъ Люкке. О чемъ?

Фру Ингеръ. Прежде всего о своемъ порученіи,—а затѣмъ обо всемъ, что происходило до его пріѣзда.

Нильсъ Люкке (*Олафу Скактавлю, вынимая изъ кармана пакетъ и протягивая его ему*). Бумаги отъ Педера Канцлера. Вы найдете въ нихъ самыя подробныя разъясненія о нашихъ приверженцахъ въ Швеціи.

Олафъ Скактавль. Отлично! (*Садится у стола налѣво, открываетъ и просматриваетъ пакетъ*).

Нильсъ Люкке. А теперь, Фру Ингеръ Гюнденлэве,—теперь я не знаю, что мнѣ дальше дѣлать у васъ.

Фру Ингеръ. Насколько вашъ вопросъ касается государственныхъ дѣлъ, если

бы только одни они соединяли насъ,—вы были бы правы. Но этого я и не думаю.

Нильсъ Люкке. Вы хотите сказать—?

Фру Ингеръ. Я хочу сказать, что Нильсъ Люкке пріѣхалъ ко мнѣ въ гости не только какъ датскій совѣтникъ или союзникъ Педера Канцлера.—Я врядъ ли ошибусь если скажу, что вы тамъ, въ Даніи, слышали много такого, что возбуждало въ васъ любопытство и заставляло желать поближе познакомиться съ владѣтельницею Эстрота.

Нильсъ Люкке. Я далекъ о мысли отрицать—

Олафъ Скактавль (*перелистывая бумаги*). Вотъ странно! Никакого письма!

Нильсъ Люкке. Слава о фру Ингеръ Гюльденвэле разнеслась слишкомъ далеко, чтобы мнѣ не хотѣлось стать лицомъ къ лицу съ нею.

Фру Ингеръ. Я такъ и думала. Но какое значеніе имѣетъ въ такомъ случаѣ тотъ часъ который мы провели вмѣстѣ за ужиномъ въ шутливой бесѣдѣ? Мы постараемся забыть все, что стояло прежде между нами. Весьма можетъ быть, что тотъ Нильсъ Люкке, котораго я узнала, ослабилъ мое недоброжелательство къ тому, котораго я не знала. Продлите еще на нѣсколько дней ваше пребываніе здѣсь, господинъ совѣтникъ. Олафа Скактавля я не смѣю задерживать. У него свои тайныя дѣла въ Швеціи. Что же касается васъ, то вы наверное, настолько хорошо распорядились со своими дѣлами, что ваше быстрое возвращеніе не такъ ужъ необходимо. Поверьте, часы не могутъ идти для васъ слишкомъ долго среди насъ; по крайней мѣрѣ и я, и моя дочь, мы употребимъ всѣ усилія, чтобы вы чувствовали себя хорошо у меня въ домѣ.

Нильсъ Люкке. Я не сомнѣваюсь въ расположеніи ко мнѣ васъ и вашей дочери. На это у меня есть прекрасныя доказательства. Но вы, конечно, повѣрите, что мое присутствіе въ другомъ мѣстѣ обязательно, если я несмотря на все заявлю, что не имѣю никакой возможности продлить свое пребываніе въ Эстротѣ.

Фру Ингеръ. Неужели?—Знаете ли что, господинъ совѣтникъ?—если бы я была зла на васъ, я подумала бы, что вы пріѣхали въ Эстротъ нарочно для того, чтобы попытаться вступить въ борьбу со мною. Но въ этой борьбѣ вы потерпѣли пораженіе, и поэтому вамъ непріятно оставаться на полѣ битвы среди свидѣтелей вашей неудачи.

Нильсъ Люкке (*улыбаясь*). Много было бы поводовъ для такого рода толкованія; но вѣрно одно: что *я* все еще не считаю сраженіе проиграннымъ.

Фру Ингеръ. Считайте, какъ знаете; но все же, если вы пробудете у насъ еще нѣсколько дней, все можетъ быть еще поправлено. Да, вы сами видите, въ какой нерѣшительности нахожусь я, не зная, по какой дорогѣ итти,—какъ я убѣждаю самаго опаснаго изъ своихъ противниковъ не покидать поля битвы.—Говоря правду, дѣло вотъ въ чемъ: вашъ союзъ съ недовольными въ Швеціи кажется мнѣ нѣсколько—да, какъ бы выразиться?—нѣсколько страннымъ, господинъ совѣтникъ. Говорю вамъ это прямо. Я нахожу, что королевскій совѣтъ поступилъ въ этомъ случаѣ весьма благоразумно, но такой образъ дѣйствій противорѣчитъ рѣшительно поведенію его во всѣ предыдущіе годы. Поэтому не обижайтесь, если мое довѣріе къ вашимъ обѣщаніямъ нуждается въ подкрѣпленіи, прежде чѣмъ я рѣшусь отдать вамъ въ руки все свое благосостояніе и все свое имущество.

Нильсъ Люкке. Этому мало могло бы помочь болѣе продолжительное пребываніе въ Эстротѣ, такъ какъ я не предполагаю дѣлать никакихъ дальнѣйшихъ попытокъ для того, чтобы поколебать ваше рѣшеніе.

Фру Ингеръ. Въ такомъ случаѣ я отъ души сожалѣю васъ. Да, господинъ совѣтникъ,—правда, я стою передъ вами беззащитною вдовою, но повѣрьте моему слову, на вашемъ пути изъ Эстрота вырастетъ не мало терній.

Нильсъ Люкке (*улыбаясь*). Вы это предвидите, фру Ингеръ?

Фру Ингеръ. Я въ этомъ увѣрена. Что скажутъ о васъ, мой дорогой господинъ? Люди такъ любятъ злословить въ настоящее время. Не одинъ насмѣшникъ сочинитъ на вашъ счетъ стихи. Черезъ полгода ваше имя будетъ на устахъ всего народа; будутъ останавливаться и смотрѣть вамъ вслѣдъ, когда вы будете ѣхать; скажутъ: смотрите, вотъ рыцарь Нильсъ Люкке, который поѣхалъ въ Эстротъ, чтобы поймать Ингеръ Гюльденвэле, и вмѣсто того самъ попалъ въ разставленныя ему сѣти. Это не мое мнѣніе, но такъ будутъ разсуждать всѣ злые языки. А ихъ, къ несчастью, достаточно!—Да, это вѣрно!—

надъ вами всѣ станутъ смѣяться,—таковъ уже вашъ удѣлъ,—смѣяться за то, что женщина перехитрила васъ.—„Онъ такъ хитро, какъ лиса, проникъ въ Эстротъ,“—скажутъ люди,—„но бѣжалъ со двора такъ же позорно, какъ собака“.—А вотъ еще одно: какъ вы думаете, не откажутся ли отъ вашей помощи Педеръ Канцлеръ и его друзья, когда распространится слухъ, что я не рѣшилась выступить въ борьбу подъ вашимъ знаменемъ?

Нильсъ Люкке. Вы говорите очень умно, фру. И чтобы не подвергаться насмѣшкамъ,—а также чтобы не уничтожить союза со всѣми дорогими друзьями въ Швеціи, я оказываюсь вынужденнымъ—

Фру Ингеръ (*быстро*).—продолжить ваше пребываніе въ Эстротѣ?

Олафъ Скактавль (*слушавшій разговоръ*). Попался въ сѣти!

Нильсъ Люкке. Нѣтъ, благородная госпожа,—оказываюсь вынужденнымъ немедленно прійти къ соглашенію съ вами.

Фру Ингеръ. А если вамъ это не удастся?

Нильсъ Люкке. Удастся навѣрное.

Фру Ингеръ. Вы какъ будто увѣрены въ успѣхѣ?

Нильсъ Люкке. Хотите побиться о закладъ, что вы согласитесь на предложеніе Педера Канцлера и мое? На что идете?

Фру Ингеръ. На замокъ Эстротъ противъ вашихъ штрипокъ.

Нильсъ Люкке (*бьетъ себя въ грудь и восклицаетъ*). Олафъ Скактавль,—вы видите передъ собою владѣтеля Эстрота.

Фру Ингеръ. Господинъ совѣтникъ—!

Олафъ Скактавль (*встаетъ изъ за стола*). Что же это такое?

Нильсъ Люкке (*обращаясь къ фру Ингеръ*). Вашего заклада я не принимаю; потому что не пройдетъ и одной минуты, какъ вы готовы будете отдать мнѣ Эстротъ и еще многое въ придачу, лишь бы я освободилъ васъ изъ петли, въ которую попали вы, а не *я*.

Фру Ингеръ. Ваши шутки дѣлаются забавными.

Нильсъ Люкке. Они будутъ скоро еще забавнѣе—по крайней мѣрѣ для меня. Вы воображаете, что перехитрили меня. Вы грозите навлечь на меня издѣвательство и смѣхъ всѣхъ людей. Ахъ, берегитесь возбуждать во мнѣ духъ мести, потому что я двумя словами могу заставить васъ пасть на колѣни къ моимъ ногамъ!

Фру Ингеръ. Ха, ха!—

(*Внезапно останавливается, какъ бы охваченная предчувствіемъ*). И эти два слова, Нильсъ Люкке? Эти два слова—?

Нильсъ Люкке. Тайна о вашемъ сынѣ и графа Стена Стуре.

Фру Ингеръ (*вскрикиваетъ*). Ахъ, Іисусе Христе—!

Олафъ Скактавль. Сынъ Ингеръ Гюльденлэве! Что вы говорите?

Фру Ингеръ (*падаетъ на колѣни передъ Нильсомъ Люкке*). Сжальтесь! О, будьте милосердны—!

Нильсъ Люкке (*помогая ей встать*). Прійдите въ себя и будемъ говорить хладнокровно.

Фру Ингеръ (*вполголоса, въ полномъ отчаяніи*). Вы это слышали, Олафъ Скактавль? Или то былъ только сонъ? Вы слышали, что онъ сказалъ?

Олафъ Скактавль. Это былъ не сонъ, фру Ингеръ.

Фру Ингеръ (*сжимая руки*). И вы это знаете? Вы—вы?—Но куда же вы его дѣли? Что вы хотите сдѣлать съ нимъ? (*Вскрикиваетъ*) Не убивайте его, Нильсъ Люкке! Отдайте его мнѣ! Не убивайте его раньше меня!

Олафъ Скактавль. Ахъ, я начинаю понимать—!

Фру Ингеръ. Ахъ, этотъ страхъ.—этотъ угнетающій меня ужасъ!—Я много ужъ лѣтъ переносила его,—а теперь все разомъ рушилось, и я должна терпѣть такія ужасныя муки!—Господи Боже, справедливо ли это? Неужели ты только для этого далъ мнѣ его?

(*Овладѣваетъ собою и говоритъ болѣе сдержанно*):

Нильсъ Люкке,—скажите мнѣ одно слово. Гдѣ онъ? Гдѣ онъ?

Нильсъ Люкке. У своего пріемнаго отца.

Фру Ингеръ. Все еще у пріемнаго отца? Ахъ, этотъ неумолимый человѣкъ!—Онъ всегда отказывался исполнить.—Но этому надо положить конецъ. Помогите мнѣ, Олафъ Скактавль.

Олафъ Скактавль. Я?

Нильсъ Люкке. Все будетъ напрасно, пока вы не—

Фру Ингеръ. Выслушайте меня, господинъ совѣтникъ. Что вы знаете отчасти, вы узнаете теперь вполнѣ. И вы также, мой старый вѣрный другъ.—

Ну, хорошо! Вы мнѣ напомнили тотъ ужасный день, когда Кнутъ Альфсонъ былъ

убитъ въ Осло. Вы напомнили мнѣ обѣщаніе, данное мною тогда, когда я стояла у его гроба среди храбрѣйшихъ воиновъ Норвегіи. Я была въ то время еще полу-ребенкомъ, но я сознавала въ себѣ присутствіе силы Божіей и думала то, что многіе приписывали мнѣ впослѣдствіи, а именно, что самъ Господь наложилъ на меня свою печать и избралъ меня, чтобы бороться за свою родину и за наше государство.

Было ли это высокомѣріе? Или откровеніе свыше? Я никогда не могла разобраться въ этомъ. Но горе тому, на кого возлагается выполненіе великой задачи!

Могу сказать, что шесть лѣтъ я была вѣрна данному мною слову. Я шла объ руку со своими соотечественниками въ горѣ и нуждѣ. Всѣ подруги моего дѣтства сдѣлались уже женами и матерями. Одна я не смѣла прислушиваться къ голосу своихъ поклонниковъ, не смѣла внимать *никому* изъ нихъ. Вамъ это хорошо извѣстно, Олафъ Скактавль.

И вотъ я впервые увидала Стена Стуре. Болѣе прекрасный человѣкъ никогда еще не представалъ передъ моими взорами.

Нильсъ Люкке. Ахъ, теперь все становится понятно для меня! Стенъ Стуре пріѣзжалъ тогда въ Норвегію съ тайнымъ порученіемъ. Мы, датчане, не имѣли никакого понятія, что онъ на сторонѣ вашихъ друзей.

Фру Ингеръ. Переодѣтый простымъ слугою онъ цѣлую зиму прожилъ подъ однимъ кровомъ со мной.

Въ эту зиму я стала все меньше и меньше заботиться о благосостояніи своей родины.—Такого краснаго человѣка я никогда еще не видѣла. А мнѣ шелъ уже двадцать пятый годъ—

Въ слѣдующую осень Стенъ Стуре пріѣхалъ опять. И когда онъ уѣзжалъ, онъ увезъ съ собою тайкомъ и новорожденнаго ребенка. Я боялась не злыхъ явыковъ, я опасалась повредить своему дѣлу, если бы распространился слухъ, что Стенъ Стуре такъ близокъ мнѣ.

Дитя было отдано на воспитаніе Педеру Канцлеру. Я ждала лучшихъ дней, которые должны были вскорѣ наступить. Но они все не наступали. Два года спустя Стенъ Стуре женился въ Швеціи, а когда онъ умеръ, послѣ него осталась вдова—

Олафъ Скактавль.—и законный наслѣдникъ его имени и его правъ.

Фру Ингеръ. Я много разъ писала Педеру Канцлеру, умоляя его вернуть мнѣ моего ребенка. Но онъ постоянно отказывался. „Примкните непоколебимо къ намъ“,—отвѣчалъ онъ,—„и я отправлю вамъ въ Норвегію вашего сына, иначе нѣтъ“. Какъ же могла я рѣшиться на это? На насъ, недовольныхъ, смотрѣли въ то время косо, многіе трусливые люди здѣсь въ странѣ. Если бы они узнали, въ чѣмъ дѣло,—о, я это знаю! Чтобы поразить мать, они уготовили бы ему охотно ту же судьбу, которая постигла бы и короля Христіана, если бы онъ не спасся бѣгствомъ.

Но, кромѣ того, и датчане дѣйствовали усердно. Они не щадили ни угрозъ, ни обѣщаній, чтобы привлечь меня на свою сторону.

Олафъ Скактавль. Понятно! Всѣ взоры слѣдили за вами, какъ за вѣтромъ, который долженъ надуть паруса.

Фру Ингеръ. Въ это время произошло возстаніе Герлуфа Гюдефада. Помните вы это время, Олафъ Скактавль? Вамъ не казалось, что солнечная весна засіяла надъ всею страною? Могущественные голоса манили меня выступить впередъ,—но я не смѣла. Я стояла, колеблясь,—далеко отъ борьбы,—одинокою въ своемъ замкѣ. Иногда мнѣ представлялось, будто самъ Господь призываетъ меня, но тогда этотъ ужасный, гнетущій страхъ вновь охватывалъ меня и парализовалъ мою волю. „Кто побѣдитъ“?—этотъ вопросъ непрестанно раздавался въ моихъ ушахъ.

Кратковременна была весна, охватившая въ то время всю Норвегію! Герлуфъ Гюдефадъ и многіе съ нимъ были колесованы въ послѣдовавшіе за тѣмъ мѣсяцы. Меня никто не могъ призвать къ отчету. А между тѣмъ мнѣ не мало пришлось выслушать замаскированныхъ угрозъ изъ Даніи. Что если бы они узнали мою тайну? Наконецъ я начала даже подозрѣвать, что эта тайна извѣстна имъ.

Въ такое именно мучительное время королевскій гофмейстеръ Гюльденлэве пріѣхалъ ко мнѣ просить моей руки. Представьте себѣ испуганную мать въ моемъ положеніи. Мѣсяцъ спустя я была женою королевскаго гофмейстера—и утратила всю любовь своихъ соотечественниковъ.

Наступили годы затишья. Никто не возставалъ больше. Наши властители могли угнетать и притѣснять насъ, сколько душѣ ихъ было угодно. Бывали минуты, когда я становилась отвратительною самой себѣ. Ибо что мнѣ было дѣлать?—Ничего. Я могла только бояться, презирать себя и производить на свѣтъ дочерей. Мои дочери! Да простить мнѣ Богъ, если у меня не бьется

для нихъ материнское сердце! Мои обязанности жены были для меня тяжелымъ игомъ, какъ же могла я послѣ этого любить своихъ дочерей? Ахъ, сынъ!—это было нѣчто совершенно другое. Онъ былъ дитятей моей души. Онъ былъ единственный, напоминавшій мнѣ о томъ времени, когда я была женщиною,—только женщиною.—И его они отняли у меня. Онъ росъ среди чужихъ, которые, можетъ быть, сѣяли въ его душѣ сѣмена зла. Олафъ Скактавль,—если бы я, подобно вамъ, странствовала преслѣдуемою и покинутою всѣми по горнымъ скаламъ, среди зимы и непогоды,—если бы я держала въ своихъ объятіяхъ своего ребенка, —повѣрьте мнѣ, я никогда не горевала и не плакала бы такъ много, какъ я горевала и плакала со времени его рожденія и до настоящаго дня.

Олафъ Скактавль. Вотъ моя рука. Я слишкомъ жестоко судилъ васъ, фру Ингеръ. Приказывайте мнѣ и располагайте мною, какъ прежде. Я буду повиноваться, —Да, клянусь всѣми святыми,—я знаю. что значитъ горевать о своемъ ребенкѣ.

Фру Ингеръ. Злые люди убили вашего сына. Но что значитъ смерть сравнительно съ постояннымъ страхомъ въ теченіи всѣхъ этихъ долгихъ годовъ?

Нильсъ Люкке. Ну хорошо, теперь въ вашей власти положить конецъ этому страху. Примирите враждующія партіи, тогда никому изъ нихъ не придетъ въ голову захватывать вашего сына въ видѣ залога вашей вѣрности.

Фру Ингеръ *(про себя)*. Это месть неба.—(*Глядитъ на небо*). Скажите однимъ словомъ, чего вы требуете?

Нильсъ Люкке. Я требую прежде всего, чтобы вы призвали недовольныхъ крестьянъ сѣвера Норвегіи подъ оружіе, чтобы поддержать недовольныхъ въ Швеціи.

Фру Ингеръ. А затѣмъ—?

Нильсъ Люкке.—чтобы вы дѣйствовали въ томъ смыслѣ, чтобы возстановить молодого графа Стуре въ его наслѣдственныхъ правахъ на шведскій престолъ.

Фру Ингеръ. Его? Вы требуйте, чтобы я—?

Олафъ Скактавль (*тихо*). Таково желаніе многихъ шведовъ. И намъ это послужило бы на пользу.

Нильсъ Люкке. Вы задумались, фру Ингеръ? Вы дрожите за безопастность своего сына? Чего же вамъ лучшаго желать, какъ не возведенія на престолъ его своднаго родного брата?

Фру Ингеръ (*задумчиво*). Совершенно вѣрно,—совершенно вѣрно.

Нильсъ Люкке (*глядитъ проницательно на нее*). Если только у васъ нѣтъ другихъ замысловъ—

Фру Ингеръ. Что вы хотите сказать?

Нильсъ Люкке. А то что Ингеръ Гюльденвэле мечтаетъ сдѣлаться королевскою матерью.

Фру Ингеръ. Нѣтъ, нѣтъ, верните мнѣ моего ребенка, тогда можете отдать корону кому хотите.

Но развѣ вы увѣрены, что графъ Стуре согласится—?

Нильсъ Люкке. Это онъ можетъ заявить вамъ лично.

Фру Ингеръ. Онъ? Когда же?

Нильсъ Лукке. Теперь.

Олафъ Скактавль. Какимъ образомъ?

Фру Ингеръ. Что вы говорите?

Нильсъ Люкке. Однимъ словомъ: графъ Стуре находится въ Эстротѣ.

Олафъ Скактавль. Здѣсь?

Нильсъ Люкке (*фру Ингеръ*). Вамъ можетъ быть докладывали, что я съ кѣмъ то вдвоемъ въѣхалъ въ замокъ. Моимъ оруженосцемъ былъ графъ.

Фру Ингеръ (*тихо*). Я въ его власти. Выбора другого нѣтъ. (*Смотритъ на него и говоритъ*).

Хорошо, господинъ совѣтникъ,—я обѣщаю вамъ свою поддержку.

Нильсъ Люкке. Письменно?

Фру Ингеръ. Какъ угодно.

(Она подходитъ къ столу налѣво, садится и вынимаетъ изъ ящика письменныя принадлежности).

Нильсъ Люкке *(въ сторону, у стола направо)*. Наконецъ то я побѣдилъ!

Фру Ингеръ (*послѣ минуты раздумья обращается внезапно къ Олафу Скактавлю и шепчетъ ему*). Олафъ Скактавль,—теперь я убѣдилась,— Нильсъ Люкке измѣнникъ.

Олафъ Скактавль (*тихо*). Какъ? Вы думаете—?

Фру Ингеръ. Онъ задумалъ измѣну. (*Приводитъ бумаги въ порядокъ и обмакиваетъ перо въ чернило*).

Олафъ Скактавль. И все же вы хотите дать ему подписку, которая несомнѣнно погубитъ васъ?

Фру Ингеръ. Тише, —дайте мнѣ подумать. Нѣтъ, подождите, сначала выслушайте—(*говоритъ ему что-то шепотомъ*).

Нильсъ Люкке (*тихо, не спуская съ нихъ глазъ*). Ахъ, можете совѣщаться, сколько вашей душѣ угодно. Теперь

всякая опасность миновала. Съ ея письменнымъ обязательствомъ въ карманѣ я могу во всякую минуту обвинить ее. Еще этою ночью дамъ я тайкомъ знать Іенсу Бьелькe.—Я скажу ему чистую правду, когда заявлю, что графа Стуре нѣтъ въ Эстротѣ. А завтра утромъ, когда дорога будетъ очищена,—въ Трондьемъ съ юношею! А потомъ на корабль и въ Копенгагенъ съ плѣнникомъ! Лишь бы только посадить его тамъ подъ замокъ, и мы будемъ предписывать фру Ингеръ, что намъ угодно.—А я—? Послѣ этого я увѣренъ, что король не отправитъ во Францію никого другого, кромѣ меня.

Фру Ингеръ (*продолжая шептать Олафу Скактавлю*). Вы поняли меня?

Олафъ Скактавль. Вполнѣ. Пусть будетъ по вашему! (*Уходитъ направо въ глубину сцены*).

(*Нильсъ Стенссонъ показывается въ ближайшей двери справа; фру Ингеръ, начавшая писать, не замѣчаетъ его*).

Нильсъ Стенссонъ (*вполголоса*). Господинъ рыцарь,—господинъ рыцарь!

Нильсъ Люкке (*идетъ на встрѣчу ему*). Несторожный! Чего вамъ нужно здѣсь? Вѣдь я вамъ говорилъ ждать, пока я васъ не позову?

Нильсъ Стенссонъ. Какъ же я могъ ждать? Теперь, когда вы признались мнѣ, что Ингеръ Гюльденвэле моя мать, теперь мнѣ больше, чѣмъ когда-либо, хотѣлось встрѣтиться съ нею лицомъ къ лицу—

Ахъ, вотъ она! Какъ она горда и величественна! Такою я всегда представлялъ ее себѣ. Не бойтесь, дорогой господинъ,—я не выдамъ себя. Съ тѣхъ поръ, какъ вы мнѣ повѣдали эту тайну, я сталъ какъ будто старше и разумнѣе. Я не хочу больше быть необузданнымъ и легкомысленнымъ. Я хочу быть такимъ, какъ другіе благородные юноши.—Послушайте, скажите мнѣ:—знаетъ ли она, что я здѣсь? Вы приготовили ее?

Нильсъ Люкке. Да, конечно, я ее приготовилъ, но—

Нильсъ Стенссонъ. Ну?

Нильсъ Люкке. Она не хочетъ признать васъ своимъ сыномъ.

Нильсъ Стенссонъ. Она не хочетъ признать меня? Но вѣдь она моя мать.—А-а, разъ нѣтъ другого средства.—*Вынимаетъ кольцо, которое носитъ на шеѣ на шнуркѣ*)—такъ покажите ей это кольцо. Я носилъ его съ раннихъ лѣтъ. Она должна узнать его.

Нильсъ Люкке. Спрячьте кольцо, безумецъ. Спрячьте его, говорю я вамъ.

Вы меня не понимаете. Фру Ингеръ нисколько не сомнѣвается, что вы ея сынъ, но,—да, оглянитесь; посмотрите на все это богатство; посмотрите на всѣхъ этихъ могущественныхъ предковъ и родственниковъ, портреты которыхъ украшаютъ эти стѣны сверху до низу, и, наконецъ, посмотрите на нее, на эту гордую женщину, которая привыкла повелѣвать, какъ самая знатная женщина въ государствѣ. Подумайте, пріятно ли ей показывать людямъ бѣднаго, невѣжественнаго юношу и говорить имъ: взгляните сюда, это мой сынъ.

Нильсъ Стенссонъ. Да, вы совершенно правы. Я бѣденъ и невѣжественъ. Я ничего не могу предложить ей взамѣнъ того, что требую. Ахъ, никогда еще моя бѣдность не угнетала меня такъ сильно, какъ въ настоящую минуту! Но скажите мнѣ,—какъ вы думаете, что мнѣ дѣлать, чтобы заслужить ея расположеніе? Скажите мнѣ это, дорогой господинъ, вы должны это знать.

Нильсъ Люкке. Вы должны завладѣть престоломъ и государствомъ. Но пока этого нѣтъ, вы должны стараться не оскорблять ея слуха намекомъ на родство съ нею или что-нибудь подобное. Она будетъ дѣлать видъ, что считаетъ васъ настоящимъ графомъ Стуре, пока вы не сдѣлаетесь достойнымъ называться ея сыномъ.

Нильсъ Стенссонъ. Ахъ, но скажите же мнѣ—!

Нильсъ Люкке. Тише, тише!

Фру Ингенръ (*встаетъ и подаетъ ему бумаги*). Господинъ рыцарь,—вотъ вамъ мое обѣщаніе.

Нильсъ Люкке. Благодарю васъ.

Фру Ингеръ (*замѣчая Нильса Стенссона*). Ахъ,—этотъ молодой человѣкъ—?

Нильсъ Люкке. Да, фру Ингеръ, это графъ Стуре.

Фру Ингеръ (*въ сторону, поглядывая украдкою на него*). Всѣ черты схожи.—Да, это несомнѣнно сынъ графа Стена Стуре.

(*Подходитъ ближе и говоритъ съ холодною вѣжливостью*).

Привѣтъ вамъ, господинъ графъ, рада видѣть васъ у себя! Отъ васъ зависитъ, будемъ ли мы черезъ годъ благословлять эту встрѣчу или нѣтъ?

Нильсъ Стенссонъ. Отъ меня зависитъ? О, приказывайте мнѣ, что хотите.

Повѣрьте, у меня хватитъ и мужества и воли—

Нильсъ Люкке (*прислушивается съ безпокойствомъ*). Что это за шумъ и гамъ, фру Ингеръ? Кто-то хочетъ ворваться сюда. Что это значитъ?

Фру Ингеръ (*громкимъ голосомъ*). Духи пробудились.

(*Олафъ Скактавль, Ейнаръ Гукъ, Бьорнъ, Финнъ и многіе крестьяне и слуги входятъ справа изъ глубины сцены*).

Крестьяне и слуги. Да здравствуетъ Ингеръ Гюльденлэве!

Фру Ингеръ (*Олафу Скактавлю*). Вы сказали, что здѣсь готовится?

Олафъ Скактавль. Я сказалъ все, что имъ надо знать.

Фру Ингеръ (*народу*). А теперь, мои вѣрные крестьяне и слуги, теперь вы должны возможно лучше вооружиться. Я вамъ разрѣшаю то, чему противилась раньше. Позвольте вамъ представить молодого графа Стуре, будущаго правителя Швеціи,—и Норвегіи также, если на то будетъ воля Божія!

Вся толпа. Да здравствуетъ онъ! Да здравствуетъ графъ Стуре!

(*Всеобщее волненіе. Крестьяне и слуги выбираютъ себѣ оружіе и украшаютъ себя панцырями и шлемами, при сильнѣйшемъ шумѣ*).

Нильсъ Люкке (*вполголоса, тревожно*). Духи пробудились, сказала она? Я сдѣлалъ видъ, что призываю духъ мятежа. Чортъ бы его побралъ, если онъ вырастетъ выше моей головы!

Фру Ингеръ (*Нильсу Стенссону*). Отъ меня получаете вы здѣсь первый боевой отрядъ—тридцать конныхъ ратниковъ, которые послѣдуютъ за вами и будутъ охранять васъ. Повѣрьте мнѣ,—не успѣете вы дойти до границы, какъ многія сотни стекутся подъ ваши знамена и подъ мои. А теперь отправляйтесь съ Богомъ!

Нильсъ Стенссонъ. Благодарю,—Ингеръ Гюльденлэве! Благодарю,—и будьте увѣрены, что вамъ никогда не придется стыдиться—графа Стуре. Когда вы меня увидите опять, я возвращу себѣ свое государство.

Нильсъ Люкке (*про себя*). Да, *если* ты ее опять увидишь.

Олафъ Скактавль. Лошади ждутъ, добрые люди! Вы готовы?

Крестьяне. Да, да, да!

Нильсъ Люкке (*тревожно, фру Ингеръ*). Что это? Неужели вы въ самомъ дѣлѣ думаете уже сегодня ночью—?

Фру Ингеръ. Сію минуту, господинъ рыцарь.

Нильсъ Люкке. Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно.

Фру Ингеръ. Будетъ такъ, какъ я сказала.

Нильсъ Люкке (*тихо Нильсу Стенссону*). Не слушайтесь ея.

Нильсъ Стенссонъ. Какъ я могу не слушаться! Я *хочу*, я *буду*.

Нильсъ Люкке. Но это погубитъ васъ.

Нильсъ Стенссонъ. Ну и пусть погибну! *Она* имѣетъ всѣ права надо мною—

Нильсъ Люкке (*повелительно*). А *я*?

Нильсъ Стенссонъ. Свое слово я сдержу, на это можете положиться. Тайны не выдадутъ мои уста, пока вы сами не развяжете ихъ. Но она моя мать.

Нильсъ Люкке (*въ сторону*). А Іенсъ Бьелке, который сторожитъ на дорогѣ! Проклятье! Онъ выхватитъ добычу изъ моихъ рукъ—(*Обращаясь къ фру Ингеръ*). Подождите до завтра.

Фру Ингеръ (*Нильсу Стенссону*). Графъ Стуре,—вы будете повиноваться мнѣ или нѣтъ?

Нильсъ Стенссонъ. На коней! (*Уходитъ въ глубину сцены*).

Нильсъ Люкке (*въ сторону*). Несчастный! Онъ не знаетъ, на что идетъ! (*Фру Ингеръ*). Ну, разъ это такъ,—прощайте! (*Быстро кланяется и хочетъ уйти*).

Фру Ингеръ (*удерживая его*). Нѣтъ, остановитесь. Не такъ, господинъ рыцарь,—не такъ!

Нильсъ Люкке. Что вы хотите сказать?

Фру Ингеръ (*вполголоса*). Нильсъ Люкке,—вы измѣнникъ. Тише! Пусть никто не знаетъ, что въ лагерѣ вождей не все идетъ такъ, какъ слѣдуетъ. Довѣріе Педера Канцлера вы пріобрѣли какою-то дьявольскою хитростью, которую я никакъ не могу понять. Вы принудили меня возбудить открытое возстаніе—не для того, чтобы поддержать наше дѣло, а чтобы добиться своихъ личныхъ цѣлей, каковы бы онѣ ни были. Я не могу теперь отступить. Но все же не воображайте, что вы побѣдили. Я съумѣю сдѣлать васъ безвреднымъ—

Нильсъ Люкке (*положа невольно руку на мечъ*). Фру Ингеръ!

Фру Ингеръ. Успокойтесь господинъ совѣтникъ! Вопросъ не въ жизни. Но за ворота Эстрота вы не выйдете, пока побѣда не будетъ на нашей сторонѣ.

Нильсъ Люкке. Вотъ проклятье!

Фру Ингеръ. Всякое сопротивленіе будетъ безполезно, вы не выйдете отсюда. Держитесь смирно, это самое умное, что вы можете сдѣлать.

Нильсъ Люкке (*про себя*). Ахъ, — она меня перехитрила! Она оказалась болѣе ловкою, чѣмъ я! (*Внезапная мысль осѣняетъ его*). Что если я все же—?

Фру Ингеръ (*тихо Олафу Скактавлю*). Проведите графа Стуре до границы. Затѣмъ отправляйтесь безъ остановки къ Педеру Канцлеру и привезите мнѣ моего ребенка. Теперь у него не можетъ быть больше причины удерживать то, что принадлежитъ мнѣ. (*Прибавляетъ, когда Олафъ Скактавль поворачивается, чтобы уходить*). Подождите, я скажу вамъ примѣту. Тотъ, у кого на шеѣ окажется кольцо Стена Стуре, дѣйствительно мой сынъ.

Олафъ Скактавль. Клянусь всѣми святыми, я вамъ его привезу!

Фру Ингеръ. Благодарю, — благодарю, мой вѣрный другъ!

Нильсъ Люкке (*Финну, котораго онъ незамѣтно призвалъ къ себѣ и съ которымъ шепчется*). Итакъ,—постарайся пробраться незамѣтно. За четверть мили отсюда стоятъ въ засадѣ шведы. Передай начальнику ихъ, что графъ Стуре умеръ. Молодого человѣка, вышеднаго отсюда, они не должны трогать. Скажи это начальнику. Скажи ему, что жизнь этого юноши страшно дорога мнѣ.

Финнъ. Слушаю!

Фру Ингеръ (*обратившая вниманія на Нильса Люкке*). Отправляйтесь же теперь съ Богомъ! (*Указывая на Нильса Люкке*). Вотъ этотъ благородный рыцарь не такъ еще скоро покинетъ своихъ друзей въ Эстротѣ. Онъ подождетъ у меня, пока не принесутъ вѣсти о побѣдѣ.

Нильсъ Люкке (*про себя*) Дьяволъ!

Нильсъ Стенсенсонъ (*хватаетъ его за руку*). Повѣрьте,—вамъ не придется долго ждать!

Нильсъ Люкке. Хорошо, хорошо! (*Въ сторону*). Все еще можно исправить. Если только мой посланный во время доберется до Іенса Бьельке —

Фру Ингеръ (*Ейнару Гуку, указывая на Финна*). А его отведите въ темницу подъ вѣрною стражею.

Финнъ. Меня?

Ейнаръ и слуги. Финна!

Нильсъ Люкке (*тихо*). Мой послѣдній якорь сломался.

Фру Ингеръ (*повелительно*). Въ темницу его!

(*Ейнаръ Гукъ, Бьорнъ и двое слугъ уводятъ Финна налѣво*).

Остальные (*кромѣ Нильса, убѣгаютъ направо*). Впередъ! На коней—на коней! Да здравствуетъ Ингеръ Гюльденлэве!

Фру Ингеръ (*проходя мимо Нильса Люкке и слѣдуя за нимъ*). Кто побѣдилъ?

Нильсъ Люкке (*остается одинъ*). Кто? Да, но горе тебѣ!—побѣда твоя будетъ куплена дорогою цѣною. Я умываю рукп. Не я его убиваю.

Но все же моя добыча ускользнула изъ моихъ рукъ. А мятежъ все увеличивается и распространяется.— Ахъ, въ какую глупую, безумную игру далъ я себя вовлечь!

(*Прислушивается у окна*).

Они быстро въ галопъ выѣзжаютъ изъ воротъ.—Теперь ворота запираются за ними;—а я сижу здѣсь плѣннымъ.

Нѣтъ никакой возможности выскользнуть. Черезъ полчаса шведы нападутъ на него. Съ нимъ всего тридцать вооруженныхъ всадниковъ. Борьба будетъ не на жизнь, а на смерть.

Но если они захватятъ его живымъ? Если бы я былъ свободенъ, я могъ бы нагнать шведовъ раньше, чѣмъ они достигнутъ границы, и заставить ихъ выдать мнѣ его. (*Ходитъ взадъ и впередъ около окна въ глубинѣ сцены и выглядываетъ изъ него*). Проклятье! Повсюду стражи! Развѣ отсюда нѣтъ никакого тайнаго хода? (*Быстро идетъ къ авансценѣ, внезапно останавливается и прислушивается*).

Что это? Пѣніе и звуки струнъ! Они идутъ какъ будто изъ комнаты іомфру Элине. Да, это она поетъ. Значитъ, она еще не легла—

(*Внезапная мысль приходитъ ему въ голову*).

Элине!—Ахъ, если бы мнѣ удалось! Если бы возможно было —! А почему нѣтъ? Развѣ я еще не я? Въ пѣснѣ, вѣдь, сказано;

Вздыхаетъ и молитъ красавицъ толпа:
Ахъ, если бъ Нильсъ Люкке замѣтилъ меня!

А *она?*—Элине Гюльденлэве спасетъ меня.

(*Идетъ быстро, прислушиваясь, къ первой двери налѣво*).

Дѣйствіе пятое.

(Рыцарская зала. Уже ночь. Зала слабо освѣщается канделябрами, которые стоятъ на столѣ, направо, на авансценѣ).

(Фру Ингеръ сидитъ у стола, погруженная въ размышленія).

Фру Ингеръ (*послѣ нѣкотораго молчанія*). Они называютъ меня самою умною въ странѣ. Думаю, что они правы. Умнѣйшая!—Никто не знаетъ, почему я умнѣйшая. Больше чѣмъ двадцать лѣтъ боролась я за спасеніе своего ребенка. Вотъ ключъ къ загадкѣ. Съ нимъ легко понять все.

Легко? Что сталось съ моимъ умомъ сегодня ночью? Куда дѣлись всѣ мои колебанія? Въ ушахъ моихъ звенитъ и шумитъ. Я вижу передъ собою привидѣнія, такія живыя, что я могла бы схватить ихъ рукою. (*Вскакиваетъ съ мѣста*).

Господи Іисусе,—что это? Развѣ я не владѣю больше своимъ разсудкомъ? Неужели дошло до того, что я—?

(*Она прижимаетъ руку къ головѣ, затѣмъ садится и говоритъ спокойнѣе*):

О, это ничего! Это пройдетъ! Безпокоиться нечего;—это пройдетъ!

Какъ тихо сегодня ночью въ залѣ! Ни предки, ни родственники не глядятъ больше грозно на меня. Теперь не зачѣмъ оборачивать ихъ лицомъ къ стѣнѣ.

(*Она опять встаетъ*).

Да, хорошо, что я, наконецъ, собралась съ духомъ. Мы побѣдимъ;—и я буду у цѣли. Я получу обратно своего сына.

(*Беретъ свѣчу, чтобы идти, но останавливается и говоритъ про себя*):

У цѣли? У цѣли? Получивъ его обратно? Только это—и ничего больше?

(*Опять ставитъ канделябръ на столъ*).

Мимолетныя слова, которыя Нильсъ Люкке какъ бы бросилъ на вѣтеръ!—Какъ могъ онъ уловить мою еще не зародившуюся мысль?

(*Тише*).

Королевская мать,—королевская мать,—сказалъ онъ.—А почему нѣтъ? Развѣ мои предки не управляли страною, какъ короли, хотя и не носили королевскаго титула? Развѣ *мой* сынъ не имѣетъ такихъ же правъ потомка рода Стуре, какъ и тотъ, другой? Клянусь Богомъ, онъ ихъ имѣетъ,—если только есть справедливость на небѣ.

И этихъ правъ я въ минуту страха лишила его! Я расточительною рукою отдала ихъ въ видѣ выкупа за его свободу!

Что если бы была возможность возвратить ихъ?—Развѣ небо накажетъ меня, если я—? Неужели надо думать, что меня настигнутъ новыя несчастья, если—? Кто знаетъ:—кто знаетъ! Конечно, благоразумнѣе было бы отказаться. (*Она опять беретъ свѣчу*). Я получу назадъ своего ребенка. Мнѣ этого должно быть достаточно. Я хочу покоя. Всѣ эти смутныя мысли—я ихъ отстраню отъ себя.

(*Идетъ въ глубину сцены, но останавливается и говоритъ задумчиво*).

Королевская мать?

(*Медленно уходитъ налѣво въ глубину сцены*).

(*Послѣ короткой паузы входятъ тихонько изъ первой двери налѣво Нильсъ Люкке и Элине Гюльденлэве. Въ рукахъ у Нильса Люкке небольшой фонарь*).

Нильсъ Люкке (*свѣтитъ осторожно вокругъ и шепчетъ*). Все тихо. Я долженъ уйти.

Элине. О, дай мнѣ еще разъ взглянуть тебѣ въ глаза, прежде чѣмъ ты покинешь меня!

Нильсъ Люкке. (*Обнимая ее*). Элине!

Элине (*послѣ краткаго молчанія*). Ты никогда больше не пріѣдешь въ Эстротъ?

Нильсъ Люкке. Какъ ты можешь сомнѣваться въ этомъ? Развѣ ты съ этой минуты не моя невѣста?—Но,—а ты останешься вѣрна мнѣ, Элине? Ты не забудешь меня до моего пріѣзда?

Элине. Останусь ли я вѣрна тебѣ? Развѣ у меня есть воля? Могла ли бы я измѣнить тебѣ, даже если бы желала?—Ты припелъ ночью; постучалъ въ мою дверь,—и я отворила тебѣ. Ты заговорилъ со мною. Что ты говорилъ мнѣ? Ты по-

смотрѣлъ мнѣ въ глаза. Какая-то таинственная сила какъ бы отуманила меня и вовлекла меня точно въ заколдованную сѣть. (*Быстро прячетъ свое лицо на его плечѣ*). О, не гляди на меня, Нильсъ Люкке! Ты не долженъ смотрѣть на меня послѣ того какъ... Буду ли я вѣрна тебѣ, спрашиваешь ты? Ты вѣдь обладаешь мною. Я вѣдь твоя, —и должна быть твоей—на вѣки.

Нильсъ Люкке. Ну, клянусь честью рыцаря, не пройдетъ года, и ты поселишься какъ моя жена въ замкѣ моихъ предковъ.

Элине. Никакихъ клятвъ не надо, Нильсъ Люкке! Не клянись мнѣ!

Нильсъ Люкке. Что съ тобою? Почему ты такъ грустно качаешь головою?

Элине. Потому, что я знаю: тѣ обольстительныя слова, которыя отуманили мой разсудокъ, ты шепталъ ихъ много разъ до меня. Нѣтъ, нѣтъ, не сердись, мой любимый! Я не упрекаю тебя, какъ это дѣлала, пока не знала тебя. Теперь я понимаю, насколько ты выше всѣхъ другихъ. Какъ же можетъ любовь быть для тебя чѣмъ-нибудь инымъ, какъ не простою игрою, а женщина—простою игрушкою?

Нильсъ Люкке. Элине,—выслушай меня!

Элине. Я выросла при звукѣ твоего имени. Я ненавидѣла это имя, потому что мнѣ казалось, что твоимъ поведеніемъ ты оскорбляешь всѣхъ женщинъ. А все же,—какъ странно!—когда я мечтала о своей будущей жизни, героемъ ея представлялся мнѣ всегда ты! Теперь я понимаю все. Я понимаю, что чувствовала тогда. Это было таинственное предчувствіе тебя, тебя, единственнаго,—тебя, который долженъ былъ прійти ко мнѣ и показать мнѣ всю прелесть жизни.

Нильсъ Люкке (*въ сторону, ставя фонарь на столъ*). Что это со мною дѣлается? Эта чудная, чарующая сила!—Если это значитъ чувствовать любовь, то я никогда еще не испытывалъ ея до этой минуты.—Не пора ли было бы теперь—? Ахъ, весь этотъ ужасъ съ Лючіей!

(*Опускается на стулъ*).

Элине. Что это значитъ? Такой глубокій вздохъ—!

Нильсъ Люкке. О ничего, ничего! Элине, теперь я самымъ честнымъ образомъ исповѣдуюсь передъ тобою. Я обманывалъ и глазами, и словами, и многимъ повторялъ то, что шепталъ тебѣ въ эту ночь. Но повѣрь мнѣ—

Элине. Тише! Ни слова больше объ этомъ! Моя любовь не можетъ служить вознагражденіемъ за то, что ты подарилъ мнѣ. О нѣтъ; я люблю тебя, потому что каждый изъ твоихъ взглядовъ—царственный приказъ, повелѣвающій мнѣ любить тебя.

(*Опускается на колѣни передъ нимъ*).

О, дай мнѣ еще разъ запечатлѣть этотъ царственный приказъ глубоко въ своей душѣ, хотя я и такъ знаю, что онъ запечатлѣлся въ ней навѣки!

Ахъ, Господи Боже,—какъ я была до сихъ поръ слѣпа! Еще сегодня вечеромъ я говорила своей матери: „чтобы жить я должна сохранить свою гордость“. Куда дѣвалась теперь моя гордость? Заключается ли она въ томъ, чтобы увидѣть своихъ соотечественниковъ свободными, или мой родъ возвеличеннымъ выше всѣхъ въ странѣ? О нѣтъ, нѣтъ! Моя гордость заключается въ моей любви. Маленькая собаченка гордится, когда можетъ сидѣть у ногъ своего господина и питаться крохами изъ его рукъ. Такъ и я горда до тѣхъ поръ, пока могу сидѣть у твоихъ ногъ, между тѣмъ какъ твои слова и твои глаза питаютъ меня хлѣбомъ жизни. Поэтому-то я и говорю тебѣ то, что говорила недавно матери: „чтобы жить, я должна сохранить свою любовь“; потому что въ ней заключается моя гордость теперь и навсегда.

Нильсъ Люкке (*притягивая ее въ свои объятія*). Нѣтъ, нѣтъ!—твое мѣсто не у моихъ ногъ, но рядомъ со мною,—какъ бы высоко ни подняла меня судьба. Да, Элине!—Ты наставила меня на лучшій путь; если мнѣ когда-нибудь удастся искупить великимъ подвигомъ то, въ чемъ я прегрѣшилъ въ дни своей бурной молодости, то честь этого будетъ принадлежать тебѣ столько же, сколько и мнѣ.

Элине. О, ты говоришь такъ, какъ будто я все еще та Элине, которая сегодня вечеромъ бросила тебѣ подъ ноги цвѣты!

Въ своихъ книгахъ мнѣ случалось читать о богатой жизни въ чуждыхъ странахъ. Подъ звуки рога выѣзжаетъ рыцарь въ зеленый лѣсъ съ соколомъ въ рукѣ. Такъ и ты въѣзжаешь въ жизнь;—твое имя звучитъ передъ тобою, куда бы ты ни поѣхалъ.—Все, чего *я* желаю себѣ теперь въ жизни хорошаго,—это—какъ соколъ покоиться на твоей рукѣ. Какъ и *онъ*, *я* была слѣпа для свѣта и жизни, пока ты не снялъ повязки съ моихъ глазъ и не заставилъ меня подняться высоко надъ верхушками деревьевъ. Но, повѣрь мнѣ,—какъ смѣло я ни распускаю свои крылья, мнѣ все же придется вернуться назадъ въ свою, клѣтку.

Нильсъ Люкке *(встаетъ)*. Такъ я буду дѣйствовать наперекоръ прошлому.—Бери мое кольцо, оно было *моимъ*, передъ Богомъ и людьми,—*моимъ*,—даже еслибы сонъ мертвыхъ отъ этого смутился.

Элине. Ты меня пугаешь. Что ты хочешь сказать этими словами—?

Нильсъ Люкке. Ничего. Иди: дай, я надѣну кольцо на твой палецъ.—Вотъ такъ,—теперь я обручился съ тобою.

Элине. Невѣста Нильса Люкке! Мнѣ представляется сномъ все, что случилось въ эту ночь. Ахъ, но какой это прекрасный сонъ! Мнѣ такъ легко дышать теперь. Нѣтъ и слѣда прежней горечи, ненависти. Я хочу исправить все, что дѣлала до сихъ поръ дурного. Я была неласкова съ матерью. Завтра я пойду къ ней; она должна простить меня.

Нильсъ Люкке. И согласиться на нашъ союзъ.

Элине. Она согласится. О, я въ этомъ увѣрена! Моя мать добра; всѣ люди добры;—я ни къ кому больше не чувствую ненависти,—исключая *одного*.

Нильсъ Люкке. Исключая *одного?*

Элине. Ахъ, это грустная повѣсть! У меня была сестра—

Нильсъ Люкке. Лючія?

Элине. Ты зналъ Лючію?

Нильсъ Люкке. Нѣтъ, нѣтъ, я только слышалъ, какъ говорили о ней.

Элине. Она также отдала свое сердце рыцарю. Онъ обманулъ ее;—теперь она на небѣ—

Нильсъ Люкке. А ты?

Элине. Я ненавижу его.

Нильсъ Люкке. Ты не должна его ненавидѣть. Если у тебя есть состраданіе въ душѣ—прости ему его грѣхъ. Повѣрь мнѣ, онъ носитъ наказаніе въ своей душѣ.

Элине. Ему я никогда не прощу. Я *не могу*, даже если бы хотѣла; потому, что я дала такую страшную клятву—

(*Прислушивается*).

Тише! Слышишь—?

Нильсъ Люкке. Гдѣ? Что?

Элине. Тамъ, далеко! На большой дорогѣ ѣдетъ много воиновъ.

Нильсъ Люкке. Ахъ, это *они!* А я—я забылъ!—Они ѣдутъ сюда. Грозитъ большая опасность. Я долженъ уйти.

Элине. Но куда? Ахъ, Нильсъ, Люкке, что ты скрываешь—?

Нильсъ Люкке. Завтра, Элине,—видитъ Богъ, я вернусь.—Теперь скорѣе, гдѣ тайный проходъ, о которомъ ты говорила?

Элине. Онъ идетъ черезъ склепъ. Вотъ видишь, здѣсь тайная дверь.

Нильсъ Люкке. Склепъ! (*Про себя*). Все равно; его надо спасти.

Элине (*у окна*). Всадники уже передъ воротами.—(*Она подаетъ ему фонарь*).

Нильсъ Люкке. Ну хорошо! (*Начинаетъ спускаться*).

Элине. Иди черезъ корридоръ, пока не дойдешь до гроба съ мертвою головою и чернымъ крестомъ: это гробъ Лючіи—

Нильсъ Люкке (*быстро бросается назадъ и захлопываетъ потайную дверь*). Лючіи! Уфъ!—

Элине. Что ты сказалъ?

Нильсъ Люкке. Ничего. У меня закружилась голова отъ могильнаго воздуха.

Элине. Слышишь, теперь они стучатъ въ ворота.

Нильсъ Люкке (*выпускаетъ изъ рукъ фонарь*). Ахъ, теперь слишкомъ поздно!—

(*Дворецкій Бьорнъ входитъ поспѣшно со свѣчей въ рукѣ изъ двери справа*).

Элине (*на встрѣчу ему*). Что случилось? Бьорнъ, что случилось?

Бьорнъ. Нападеніе. Графъ Стуре—

Элине. Графъ Стуре? Что съ нимъ?

Нильсъ Люкке. Они его убили?

Бьорнъ (*Элине*). Гдѣ ваша мать?

Двое слугъ (*вбѣгая справа*). Фру Ингеръ! Фру Ингеръ!

Фру Ингеръ (*съ зажженнымъ канделябромъ въ рукѣ входитъ черезъ ближайшую дверь налѣво и говоритъ поспѣшно*). Я знаю все. Ступай внизъ на дворъ замка. Откройте ворота для нашихъ друзей, но заприте ихъ для всѣхъ другихъ.

(*Она ставитъ канделябръ на столъ слѣва. Бьорнъ и слуги уходятъ направо*).

Фру Ингеръ (*Нильсу Люкке*). Такъ это была западня, господинъ совѣтникъ?

Нильсъ Люкке. Ингеръ Гюльденлэве, повѣрьте мнѣ—

Фру Ингеръ. Западня, въ которую долженъ былъ попасть онъ, какъ только вамъ удалось получить обѣщаніе, которое должно было погубить меня.

Нильсъ Люкке (*вынимая бумагу и разрывая ее на куски*). Вотъвамъ

ваше обѣщаніе. Я не оставлю у себя ничего, что могло бы свидѣтельствовать противъ васъ.

Фру Ингеръ. Что вы дѣлаете?

Нильсъ Люкке. Съ этой минуты я охраняю васъ. Если я прегрѣшилъ противъ васъ—то, клянусь небомъ, я постараюсь теперь загладить свой грѣхъ. Но я долженъ выйти, хотя бы мнѣ пришлось *пробиться* черезъ ворота.—Элине,—скажи твоей матери все.—А вы, Фру Ингеръ, забудьте наши счеты. Будьте великодушны—и молчите. Повѣрьте, еще не разсвѣтетъ, какъ вы принесете мнѣ глубокую благодарность. (*Быстро уходитъ направо*).

Фру Ингеръ (*глядитъ съ торжествующимъ видомъ ему вслѣдъ*). Отлично! Я понимаю его.

(*Обращаясь къ Элине*).

Нильсъ Люкке—? Ну—?

Элине. Онъ постучалъ въ мою дверь и надѣлъ мнѣ на палецъ это кольцо.

Фру Ингеръ. И онъ любитъ тебя отъ всего сердца?

Элине. Онъ сказалъ, что любитъ, и я ему вѣрю.

Фру Ингеръ. Умно сдѣлано, Элине! Ха, ха, ха! Господинъ рыцарь, теперь очередь за мною!

Элине. Матушка—вы такая странная! О, да, я понимаю,—васъ раздражило мое неласковое обхожденіе съ вами.

Фру Ингеръ. Конечно нѣтъ, дорогая Элине. Ты послушная дочь. Ты отворила ему дверь; ты выслушала его обольстительныя слова. Я понимаю вполнѣ, чего это стоило тебѣ; потому что я знаю твою ненависть—

Элине. Но, матушка—

Фру Ингеръ. Тише! Мы преслѣдуемъ одну и ту же цѣль. Какъ ты повела себя, мое умное дитё? Я видѣла, какъ любовь сіяла изъ его взоровъ. Смотри, крѣпко держи его. Вовлекай его въ свои сѣти все больше и больше, а затѣмъ.—Ахъ, Элине, если бы мы могли разбить клятвопреступное сердце въ его груди!

Элине. Горе мнѣ,—что вы говорите?

Фру Ингеръ. Не падай духомъ. Выслушай меня. Я знаю слово, которое придастъ тебѣ новыя силы. Такъ знай-же—(*Прислушиваясь*).—Теперь они сражаются передъ воротами. Осторожно! скоро надо будетъ—(*Обращаясь къ Элине*). Такъ знай же, что твою сестру уложилъ въ могилу Нильсъ Люкке.

Элине (*съ крикомъ*). Лючіо!

Фру Ингеръ. Это сдѣлалъ онъ, какъ вѣрно то, что надъ нами есть мститель.

Элине. Тогда—да поможетъ мнѣ небо!

Фру Ингеръ (*въ ужасѣ*). Элине—?

Элине. Я его жена передъ Богомъ.

Фру Ингеръ. Несчастное дитя,—что ты сдѣлала?

Элине (*глухимъ голосомъ*). Погубила навсегда свой сердечный покой.—Спокойной ночи, матушка! (*Уходитъ налѣво*).

Фру Ингеръ. Ха, ха, ха!—Что-то начинаетъ катиться по покатости родъ Ингеръ Гюльденлэве! Это была послѣдняя изъ моихъ дочерей.

Но могла ли я сохранить эту тайну? Если бы она ничего не знала, она могла бы быть еще счастлива—по своему.

Чему быть, того не миновать! Въ звѣздахъ наверху было написано, что я сломаю одну зеленую вѣтвь за другою, пока останется одинъ лишь безлиственный стволъ.

Пусть! Пусть! Теперь я получу назадъ своего сына. О другихъ—о моихъ дочеряхъ—я не буду больше думать.

Отчетъ? Дать отчетъ?—Ахъ, его нужно будетъ дать еще въ великій, страшный день.—Много времени пройдетъ, прежде чѣмъ этотъ день наступитъ.

Нильсъ Стенссонъ (*кричитъ за дверью справа*). Ей, заприте дверь!

Фру Ингеръ. Голосъ графа Стуре!

Нильсъ Стенссонъ (*безъ оружія, въ разорванной одеждѣ, вбѣгаетъ и кричитъ съ отчаяннымъ хохотомъ*). Доброй встрѣчи опять, Ингеръ Гюльденлэве!

Фру Ингеръ. Что вы потеряли?

Нильсъ Стенссонъ. Мое царство и мою жизнь.

Фру Ингеръ. А крестьяне? Мои слуги?—гдѣ вы ихъ оставили?

Нильсъ Стенссонъ. Тѣла многихъ вы найдете по большой дорогѣ. Куда дѣлись остальные, я не могу вамъ сказать.

Олафъ Скактавль (*за сценою направо*). Графъ Стуре! Гдѣ вы?

Нильсъ Стенссонъ Здѣсь, здѣсь!

Олафъ Скактавль (*входитъ съ повязкою на правой рукѣ*).

Фру Ингеръ. Ахъ, Олафъ Скактавль! и вы также—

Олафъ Скактавль Невозможно было пробиться.

Фру Ингеръ. Вы, какъ я вижу, ранены.

Олафъ Скактавль. Ахъ, у меня однимъ пальцемъ меньше,—вотъ и все!

Нильсъ Стенссонъ. Гдѣ шведы?

Олафъ Скактавль. Они слѣдуютъ за нами по пятамъ. Они ломаютъ ворота.

Нильсъ Стенссонъ. Ахъ, господи Іисусе! Но нѣтъ, нѣтъ! Я не *могу*,—я не *хочу* умирать.

Олафъ Скактавль. Тайникъ, фру Ингеръ! Нѣтъ ли у васъ какого-нибудь тайника, гдѣ бы могли мы его спрятать?

Фру Ингеръ. Но если они будутъ обыскивать дворъ?

Нильсъ Стенссонъ. Да, да; тогда они найдутъ меня. Меня увезутъ отсюда, бросятъ въ темницу, запрутъ навѣки. —Ахъ, нѣтъ Ингеръ Гюльденлэве!—я увѣренъ,—что вы этого ни за что не допустите.

Олафъ Скактавль (*прислушиваясь*). Теперь они сломали замокъ.

Фру Ингеръ (*у окна*). Множество людей вторгаются въ ворота.

Нильсъ Стенссонъ. Теперь именно разстаться съ жизнью! Теперь, когда она только что начинается настоящимъ образомъ! Теперь, когда я узналъ, что у меня есть, для чего жить! Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ.—Не думайте, что я трусъ, Ингеръ Гюльденвэве. Если бы мнѣ дано было лишь столько дней жизни, чтобы я могъ—

Фру Ингеръ. Я слышу ихъ внизу въ людской.

(*Обращаясь рѣшительно къ Олафу Скактавлю*) Его надо спасти во что бы то ни стало.

Нильсъ Стенссонъ (*хватая ее за руку*). Ахъ, я такъ и зналъ!—Вы благородны и добры.

Олафъ Скактавль. Но куда его дѣть? Какъ его спасти? Если мы не можемъ его спрятать—

Нильсъ Стенссонъ. Ахъ, я придумалъ, придумалъ! Тайна—!

Фру Ингеръ. Тайна?

Нильсъ Стенссонъ. Да, конечно, ваша и моя.

Фру Ингеръ. Съ нами крестная сила!—Вы ее знаете?

Нильсъ Стенссонъ. Я зналъ ее съ самаго начала.—И теперь, когда жизнь стоитъ на картѣ—Гдѣ Нильсъ Люкке?

Фру Ингеръ. Убѣжалъ.

Нильсъ Стенссонъ. Убѣжалъ? Да поможетъ мнѣ Богъ! Вѣдь онъ одинъ могъ развязать мнѣ языкъ.—Но жизнь стоитъ клятвы. Когда шведскій военачальникъ явится сюда—

Фру Ингеръ. Что же? Что вы тогда сдѣлаете?

Нильсъ Стенссонъ. Куплю жизнь и свободу, скажу ему всю правду.

Фру Ингеръ. О нѣтъ, нѣтъ,—будьте милосердны!

Нильсъ Стенссонъ. Другого исхода нѣтъ! Когда я разскажу ему то, что знаю—

Фру Ингеръ (*глядитъ на него съ подавленнымъ волненіемъ*). Тогда вы будете спасены?

Нильсъ Стенссонъ. Да, да. Нильсъ Люкке замолвитъ за меня слово. Я вижу, что это крайнее средство спасенія.

Фру Ингеръ (*приходитъ съ себя и говоритъ, напирая на каждое слово*). Крайнее средство? Вы правы: крайнее средство можетъ каждаго искусить. (*Указываетъ налѣво*). Идти туда, тамъ вы можете покамѣстъ спрятаться.

Нильсъ Стенссонъ (*вполголоса*). Повѣрьте,—никогда не придется вамъ раскаяться въ томъ, что вы сдѣлали,

Фру Ингеръ (*вполголоса, про себя*). Дай Богъ, чтобы вашими устами говорила правда!

(*Нильсъ Стенссонъ быстро уходитъ черезъ первую дверь налѣво; Олафъ Скактавль хочетъ послѣдовать за нимъ, но фру Ингеръ удерживаетъ его*).

Фру Ингеръ. Вы поняли, что онъ сказалъ?

Олафъ Скактавль. Негодяй! Онъ откроетъ вашу тайну. Онъ хочетъ пожертвовать вашимъ сыномъ, чтобы спасти свою жизнь.

Фру Ингеръ. Когда вопросъ идетъ о жизни, сказалъ онъ, слѣдуетъ испробовать и крайнее средство.—Хорошо же, Олафъ Скактавль, пусть будетъ по его словамъ.

Олафъ Скактавль. Что вы хотите сказать?

Фру Ингеръ. Жизнь противъ жизни. Одинъ изъ нихъ долженъ погибнуть.

Олафъ Скактавль. Ахъ,—вы хотите—?

Фру Ингеръ. Если мы не сомкнемъ ему на вѣки уста прежде чѣмъ онъ вступитъ въ переговоры съ шведскимъ военачальникомъ—мой сынъ погибнетъ для меня навсегда. Если же его отстранить, я получу возможность предъявить требованія на всѣ его права для своего родного ребенка. Тогда вы увидите, что духъ силенъ

у Ингеръ Оттедаттеръ. Положитесь на меня,—вамъ, въ такомъ случаѣ, не долго придется ждать мщенія, котораго вы добиваетесь уже двадцать лѣтъ.—Вы слышите? Они подымаются на лѣстницу. Олафъ Скактавль,—отъ васъ зависитъ, буду ли я завтра бездѣтною женщиною или—

Олафъ Скактавль. Пусть будетъ по вашему! Одна рука у меня еще цѣла. (*Протягиваетъ ей руку*). Ингеръ Гюльденлэве,—не я буду виноватъ, если ваше имя умретъ вмѣстѣ съ вами. (*Уходитъ въ комнату, въ которую скрылся Нильсъ Стенссонъ*).

Фру Ингеръ (*блѣдная, дрожащая*). Рѣшиться ли и мнѣ—?

(*Слышенъ шумъ въ комнатѣ; она бѣжитъ и кричитъ передъ дверью:*) Нѣтъ, нѣтъ,—этого не должно быть!

(*Слышно внутри паденіе чего-то тяжелаго; она закрываетъ уши обѣими руками и убѣгаетъ съ отчаяніемъ во взорѣ. Черезъ нѣсколько минутъ она осторожно раскрываетъ лицо, прислушивается и говоритъ тихо:*)

Теперь все кончено! Тамъ полная тишина!—Ты видѣлъ, о Боже,—я одумалась! Но Олафъ Скактавль дѣйствовалъ слишкомъ быстро.

Олафъ Скактавль (*молча входитъ въ комнату*).

Фру Ингеръ (*немного спустя, не глядя на него*). Свершилось?

Олафъ Скактавль. Его вамъ нечего бояться.—Онъ никому больше не измѣнитъ.

Фру Ингеръ (*по прежнему*). Онъ, значитъ, нѣмъ?

Олафъ Скактавль. Шесть дюймовъ стали въ груди. Я сразилъ его лѣвою рукою.

Фру Ингеръ. Да, да,—правая слишкомъ хороша для такого дѣла.

Олафъ Скактавль. Это ужъ ваше дѣло,—это была ваша мысль.—А теперь—скорѣе въ Швецію! Прощайте! Когда мы другой разъ встрѣтимся въ Эстротѣ, я приду не одинъ. (*Уходитъ черезъ крайнюю дверь направо*).

Фру Ингеръ. Кровь на моихъ рукахъ! Такъ вотъ до чего дошло!—Я заплатила за него слишкомъ дорогою цѣною.

(*Дворецкій Бьорнъ входитъ съ нѣсколькими шведскими воинами черезъ первую дверь направо*).

Одинъ изъ воиновъ. Извините, если вы здѣшняя владѣтельница—

Фру Ингеръ. Кого вы ищите? Графа Стуре?

Воинъ. Его.

Фру Ингеръ. Вы не попали на ложный слѣдъ. Графъ искалъ убѣжища у меня.

Воинъ. Убѣжища? Извините, благородная госпожа,—но этого убѣжища вы не имѣете права давать ему, потому что—

Фру Ингеръ. Графъ самъ это понялъ, и поэтому онъ,—да, посмотрите сами;—поэтому онъ убилъ себя.

Воинъ. Убилъ себя?

Фру Ингеръ. Я уже вамъ сказала, посмотрите сами. Вотъ тамъ вы найдете его тѣло. И такъ какъ онъ уже предсталъ передъ другимъ судьею, то я обращаюсь къ вамъ съ просьбою вынести его отсюда со всѣми почестями, подобающими его знатному происхожденію.—Бьорнъ, ты знаешь, тамъ, въ комнатѣ, стоитъ уже много лѣтъ готовымъ мой собственный гробъ. (*Воинамъ*). Въ него прошу васъ положить тѣло графа Стуре и отвезть его въ Швецію.

Первый воинъ. Ваше желаніе будетъ исполнено. (*Товарищамъ*). Побѣги съ этою вѣстью къ герру Іенсу Бьельке. Онъ стоитъ съ остальными всадниками тамъ на большой дорогѣ. Мы же пойдемъ туда и—(*Одинъ изъ воиновъ уходитъ направо; остальные отправляются съ Бьорномъ въ комнату налѣво*).

Фру Ингеръ (*нѣсколько времени молча и тревожно ходитъ по комнатѣ*). Если бы графъ Стуре не распростился такъ внезапно съ жизнью, онъ все рарно черезъ мѣсяцъ висѣлъ бы на висѣлицѣ или былъ бы на всю жизнь заключенъ въ темницу. Неужели такая судьба была бы лучше?

Или же онъ выкупилъ бы свою свободу тѣмъ, что отдалъ бы моего сына въ руки моихъ враговъ. Развѣ я его убила? Развѣ даже волчица не защищаетъ своихъ дѣтенышей? Кто посмѣетъ осудить меня за то, что я поразила того, кто хотѣлъ убить мою кровь и плоть?—Такъ *должно* было случиться. Всякая мать поступила бы на моемъ мѣстѣ такъ же, какъ и я.

Но теперь не время предаваться праздными размышленіямъ. Я должна дѣйствовать.

(*Садится у стола налѣво,*).

Я напишу всѣмъ друзьямъ въ странѣ. Вы должны возстать въ защиту великаго дѣла. Новый король,—сначала правитель государства, а потомъ и король—

(*Она начинаетъ писать, но вдругъ останавливается и говоритъ тихо:*)

Кого изберутъ они на мѣсто умершаго? —Королевская мать?—Какое прекрасное слово! Одинъ только въ немъ недостатокъ;—

это безобразное сходство съ другимъ словомъ.—Королевская мать и королевскій убійца.—Королевскій убійца—это тотъ, который лишилъ короля жизни. Королевская мать,—это та, которая дала жизнь королю *).

(Она встаетъ).

Ну хорошо; я хочу вознаградить страну за то, что уничтожила.—Мой сынъ будетъ королемъ.

(Опять садится и берется за работу, но вновь кладетъ ее въ сторону и откидывается на спинку кресла).

Всегда непріятно на душѣ, когда въ домѣ мертвецъ. Поэтому-то я и чувствую себя такъ нехорошо. *(Быстро поворачиваетъ голову въ сторону, какъ будто разговаривая съ кѣмъ-то).* Не правда ли? Иначе почему бы это было?

(Раздумывая).

Неужели существуетъ такая уже большая разница въ томъ, чтобы напасть на врага открыто или просто убить его? Кнутъ Альфсонъ своимъ мечемъ разсѣкъ не одну голову,—а между тѣмъ у него на душѣ было такъ же спокойно, какъ у ребенка. Почему же я постоянно вижу этотъ—*(дѣлаетъ движеніе, какъ будто пронзая кого-то мечемъ)*—этотъ ударъ въ сердце—и красный потокъ крови, хлынувшій изъ раны?

(Она звонитъ и продолжаетъ говорить, перебирая бумаги).

Впослѣдствіи не будетъ и помину о всѣхъ этихъ ужасныхъ видѣніяхъ. Я буду работать, не покладая рукъ, и днемъ и ночью. И черезъ мѣсяцъ—черезъ мѣсяцъ сынъ мой пріѣдетъ ко мнѣ—

Бьорнъ (*входитъ*). Вы звонили, сударыня?

Фру Ингеръ (*пишетъ*). Принеси сюда побольше свѣчей. Я приказываю всегда зажигать въ комнатѣ много свѣчей.

(*Бьорнъ уходитъ налѣво*).

Фру Ингеръ (*черезъ минуту встаетъ и говоритъ съ раздраженіемъ*). Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!—я не въ силахъ сегодня держать перо въ рукахъ. Въ головѣ горитъ, стучитъ—

(*Въ испугѣ, прислушиваясь*). Что это? А—а, они заколачиваютъ крышку гроба тамъ въ комнатѣ!

Когда я была ребенкомъ, мнѣ разсказывали сказку о рыцарѣ Огѣ, который явился со своимъ гробомъ на плечахъ.—Что если и ему придетъ фантазія явиться съ гробомъ на спинѣ, въ благодарность за заемъ? (*Смѣется тихо*). Гмъ! у насъ, взрослыхъ, нѣтъ ничего общаго съ дѣтскими суевѣріями. (*Съ раздраженіемъ*). Но все же такія сказки никуда не годны. Онѣ нагоняютъ тревожные сны. Когда мой сынъ будетъ королемъ, ихъ надо будетъ запретить.

(*Ходитъ нѣсколько разъ взадъ и впередъ, затѣмъ закрываетъ окно*). Много ли проходитъ времени, прежде чѣмъ мертвое тѣло начинаетъ гнить? Надо провѣтрить всѣ комнаты. Пока мы этого не сдѣлаемъ, здѣсь вредно жить.

(*Бьорнъ входитъ съ двумя зажженными канделябрами, которые онъ ставитъ на столы*).

Фру Ингеръ (*опять принявшаяся за свои бумаги*). Хорошо. Смотри, не забывай, что я тебѣ сказала. Побольше свѣчей на столѣ! —Что они тамъ дѣлаютъ?

Бьорнъ. Они заколачиваютъ гробъ.

Фру Ингеръ (*пишетъ*). Хорошо ли они его заколачиваютъ?

Бьорнъ. Такъ, какъ слѣдуетъ.

Фру Ингеръ. Да, да,—но они не могутъ знать, какъ слѣдуетъ это дѣлать. Смотри, чтобы они хорошо это сдѣлали. (*Подходитъ къ нему съ руками, полными бумагъ, и говоритъ таинственно*). Бьорнъ, ты старый человѣкъ; но я хочу дать тебѣ одинъ совѣтъ. Будь всегда на сторожѣ относительно всѣхъ людей,—какъ относительно тѣхъ, которые *умерли* такъ и относительно тѣхъ, которые *должны* умереть,—Иди теперь туда и посмотри, чтобы крышка гроба была хорошо заколочена.

Бьорнъ (*говоритъ, качая головою*). Я никакъ не могу понять ее. (*Уходитъ въ комнату налѣво*).

Фру Ингеръ (*начинаетъ запечатывать письмо, но, не кончивъ, бросаетъ его, ходитъ нѣсколько времени взадъ и впередъ по комнатѣ, затѣмъ говоритъ съ раздраженіемъ*).

Если бы я была трусливаго десятка, я ни за что въ мірѣ не сдѣлала бы этого. Если бы я была труслива, я приказала бы себѣ: остановись, пока ты еще хоть немного можешь надѣяться на спасеніе своей души.

(*Ея взоръ падаетъ на портретъ Стена Стуре; она отводитъ отъ него глаза и говоритъ тихо*):

Онъ, какъ живой, смѣется надо мной.

(*Оборачиваетъ портретъ лицомъ къ стѣнѣ, не глядя на него*).

Чему ты смѣешься? Не тому ли, что я дурно поступила съ твоимъ сыномъ? А

*) По норвежски королевская мать—Kongemoder; королевскій убійца—Kongemorder.

развѣ тотъ, другой,—развѣ онъ также не сынъ тебѣ? Но онъ въ то же время и *мой* сынъ,—помни это!

(*Она украдкою смотритъ на рядъ портретовъ*).

Никогда еще не видѣла я ихъ такими злыми, какъ сегодня почью. Они слѣдятъ за мною глазами повсюду, куда бы я ни пошла и гдѣ бы ни стала. (*Топаетъ ногою*). Но я не хочу знать этого. Я хочу, чтобы у меня въ домѣ царилъ миръ. (*Начинаетъ оборачивать всѣ портреты лицомъ къ стѣнѣ*). Да, хотя бы сама Дѣва Богородица...—Ты думаешь, *теперь* наступило время?—Почему ты ни разу не склонялась къ моимъ мольбамъ, когда я такъ страстно просила вернуть мнѣ моего ребенка? Почему? Потому что Виттенбергскій монахъ правъ, Никто не долженъ стоять между Богомъ и людьми.

(*Она дышетъ тяжело и продолжаетъ со все болѣе и болѣе возрастающимъ волненіемъ*).

Хорошо, что все такъ удачно устроилось! Никто не видѣлъ, что происходило въ той комнатѣ! Никто не можетъ свидѣтельствовать противъ меня.

(*Открываетъ, внезапно объятія и шепчетъ*):

Сынъ мой! Дитя мое возлюбленное! Приди ко мнѣ! Я здѣсь!—Тише! Я хочу тебѣ что-то сказать. Меня ненавидятъ тамъ, —за звѣздами, потому что я родила тебя на свѣтъ. Говорили, что я предназначена Богомъ носить его знамя въ нашей странѣ. Но я пошла собственною дорогою. Поэтому-то мнѣ пришлось такъ много и такъ долго страдать.

Бьорнъ (*выходитъ изъ комнаты налѣво*). Госпожа, я пришелъ доложить—Христосъ съ вами,—что это значитъ?

Фру Ингеръ (*подымается на высокое сидѣніе, стоящее у стѣны направо*). Тише, Тише! Я королевская мать! Они избрали моего сына королемъ. Трудно было бороться, пока, наконецъ, побѣда не была одержана, потому что мнѣ пришлось бороться съ самимъ Всемогущимъ—

Нильсъ Люкке (*вбѣгаетъ справа, съ трудомъ переводя дыханіе*). Онъ спасенъ. Я получилъ обѣщаніе отъ Іенса Бьелке. Фру Ингеръ,—знайте же—

Фру Ингеръ. Тише, говорю я. Посмотрите, какъ тамъ кишитъ людьми.

(*Изъ комнаты налѣво доносится пѣніе похоронnаго псалма*).

Теперь сейчасъ появится королевская процессія. Какая толпа! Всѣ преклоняются передъ королевскою матерью. Да, да, она не мало боролась за своего сына—пока руки ея не покраснѣли.—Гдѣ мои дочери? Я ихъ не вижу.

Нильсъ Люкке. Господи Боже,—что случилось?

Фру Ингеръ. Мои дочери! — мои прекрасныя дочери! У меня ни одной больше не осталось. У меня была одна, и ее я потеряла въ ту минуту, когда она всходила на брачное ложе. (*Шепотомъ*). Тамъ лежитъ тѣло Лючіи! Тамъ нѣтъ мѣста для двухъ.

Нильсъ Люкке. Ахъ, такъ вотъ до чего дошло! Кара Господня настигла и меня.

Фру Ингеръ. Можете ли вы его видѣть? Посмотрите, посмотрите. Это король. Это сынъ Ингеръ Гюльденлэве. Я узнаю его по коронѣ и по кольцу Стена Стуре, которое онъ носитъ на шеѣ.—Слышите, какъ пѣсня радостно звучитъ? Онъ приближается. Я скоро заключу его въ свои объятія. Ха, ха, ха!—Кто побѣдилъ, Богъ или я?

(*Воины выходятъ съ гробомъ*).

Фру Ингеръ (*хватается за голову и кричитъ*). Трупъ!—(*Шепчетъ*). Уфъ, какой безобразный сонъ! (*Она опускается на сидѣніе*).

Іенсъ Бьелке (*выходитъ справа, останавливается и кричитъ въ изумленіе*). Умеръ! Значитъ—

Одинъ изъ воиновъ. Онъ самъ—

Іенсъ Бьелке (*бросая взглядъ на Нильса Люкке*). Онъ самъ—?

Нильсъ Люкке. Тише!

Фру Ингеръ (*устало, приходя въ себя*). Да, это вѣрно;—теперь только я припомнаю все.

Іенсъ Бьелке (*воинамъ*). Поставьте гробъ на полъ. Это не графъ Стуре.

Одинъ изъ воиновъ. Извините, господинъ рыцарь,—но это кольцо, которое онъ носилъ на шеѣ—

Нильсъ Люкке (*хватая его за руку*). Молчи, молчи!

Фру Ингеръ (*вздрагиваетъ*). Кольцо? Кольцо?

(*Бѣжитъ и хватаетъ кольцо*).

Кольцо Стена Стуре! (*Громко вскрикивая*). О Господи Іисусе,—мой сынъ!

(*Бросается на колѣни передъ гробомъ*).

Воины. Ея сынъ?

Іенсъ Бьелке (*въ тоже время*). Сынъ Ингеръ Гюльденлэве?

Нильсъ Люкке. Да.

Іенсъ Бьелькe. Но почему вы мнѣ не сказали—?

Бьорнъ *(стараясь поднять ее)*. Помогите, помогите! Госпожа,—что съ вами?

Фру Ингеръ *(усталымъ голосомъ, подымаясь наполовину)*. Что со мною?—Надо еще одинъ гробъ,—еще одну могилу,—рядомъ съ моимъ сыномъ—

(Она опять безъ чувствъ падаетъ на гробъ. Нильсъ Люкке быстро выходитъ направо. Волненіе среди остальныхъ присутствующихъ).

Одинъ. Надо еще одинъ гробъ.

Празднество въ Сольгаугѣ.

Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ.

Предисловіе ко 2-му изданію.

„Празднество въ Сольгаугѣ“ я написалъ въ Бергенѣ лѣтомъ 1885 г., слѣдовательно 28 лѣтъ тому назадъ.

Пьеса эта была разыграна въ томъ же городѣ впервые 2 января 1856 г. въ видѣ юбилейнаго представленія для напоминанія о днѣ основанія норвежской сцены.

Я въ то же время получилъ мѣсто режиссера въ бергенскомъ театрѣ и самъ руководилъ постановкою моей пьесы. Разыграна она была необыкновенно дружно и хорошо. Она представлена была публикѣ съ охотою и увлеченіемъ и такимъ же образомъ была принята ею. „Лирическое чувство бергенцевъ“, оказавшее впослѣдствіи такое вліяніе на политическіе выборы, подогрѣло въ тотъ вечеръ въ значительной степени театральную атмосферу въ зданіи, наполненномъ сверху до низу публикой. Представленіе кончилось многочисленными вызовами автора и актеровъ. Позже, вечеромъ, оркестръ, въ сопровожденіи значительной части публики, задалъ мнѣ подъ окнами серенаду. Помнится, что я тогда такъ сильно увлекся, что произнесъ даже цѣлую рѣчь передъ собравшеюся толпою; я знаю во всякомъ случаѣ, что я чувствовалъ себя чрезвычайно счастливымъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя „Празднество въ Сольгаугѣ“ давалось въ Христіаніи. И тамъ также оно вызвало въ публикѣ самое сочувственное отношеніе и на другой день послѣ перваго представленія Бьернсонъ напечаталъ въ Morgenbladet горячую, восторженную, чисто юношескую статью по этому поводу. Эту статью нельзя было собственно назвать ни повѣствованіемъ, ни критикою; это была скорѣе восторженная, поэтическая импровизація о пьесѣ и представленіи.

Но затѣмъ на очередь выступила настоящая критика, сочиненная настоящими критиками.

Какимъ образомъ въ то время,—я говорю о годахъ съ 1850 по 1860,—могъ образоваться настоящій литературный критикъ, и въ особенности критикъ драмъ въ Христіаніи?

Въ большинствѣ случаевъ дѣло происходило слѣдующимъ образомъ: послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ упражненій въ Samfundsbladet и послѣ выслушанія цѣлаго ряда преній, которыя вечеромъ, послѣ окончанія представленій, велись обыкновенно въ кафе Трешова и у „Нигебрета“, будущій критикъ отправлялся въ книжный магазинъ Іоганна Даля и выписывалъ изъ Копенгагена экземпляръ Гейберга „Прозаическія произведенія“, въ которыхъ, какъ ему говорили, заключается одна интересная статья подъ именемъ „О водевилѣ“. Эту статью онъ тщательно прочитывалъ, много надъ нею размышлялъ и по временамъ коечто усваивалъ. Благодаря этимъ произведеніямъ онъ получалъ понятіе о полемикѣ, которую Гейбергъ велъ въ свое время противъ профессора Оленшлегера и поэта Гауха, въ Соро. При этомъ онъ мимоходомъ узнавалъ, что І. Баггезенъ, авторъ „Письма Привидѣній“, еще до того времени открылъ такой же походъ противъ великихъ поэтовъ, написавшихъ „Аксель и Бальборгъ“ и „Ярлъ Гоконъ“.

Еще много другихъ полезныхъ для критики знаній можно было почерпнуть изъ этихъ произведеній. Изъ нихъ можно было, напр., узнать, что истинный критикъ долженъ, согласно принятымъ правиламъ, чувствовать раздраженіе противъ всякаго рода неправильностей стихосложенія. Если въ томъ или иномъ стихѣ встрѣчалась такого рода чудовищная штука, можно было быть заранѣе увѣреннымъ, что молодой христіанизированный критикующій Іеронимъ, подобно Іерониму Гольберга, обязательно воскликнетъ: Гиллемэндъ, міръ не устоитъ до Пасхи!

Кромѣ того, у тогдашняго норвежскаго столичнаго критика была еще одна, свойственная лишь ему, особенность, происхожденіе которой я никакъ не могу отгадать. У нашихъ критиковъ существовало слѣдующее обыкновеніе: каждый разъ, когда начинающій авторъ издавалъ книгу или ставилъ на сценѣ небольшую театральную пьесу, они приходили въ неистовый гнѣвъ и вели себя такъ, какъ будто благодаря изданію книги или постановкѣ пьесы, имъ самимъ, и газетамъ, въ которыхъ они писали, нанесена кровная обида. Какъ уже сказано выше, я долго раздумывалъ надъ этою особенностью. Наконецъ-то мнѣ удалось разобрать, въ чемъ дѣло. Именно читая датскій „Мѣсячный Вѣстникъ Литературы“, я замѣтилъ, что старый статскій совѣтникъ Мольбехъ въ свое время предавался такому же неистовому гнѣву каждый разъ, когда какой-либо молодой писатель издавалъ книгу или ставилъ пьесу въ Копенгагенѣ.

Такимъ-то или приблизительно такимъ образомъ созданъ былъ судебный трибуналъ, который въ ежедневной прессѣ предпринялъ трудъ подвергнуть суду критики „Празднество въ Сольгаугѣ“. Онъ былъ составленъ большею частью изъ молодыхъ людей, которые въ дѣлѣ критики жили заимствованіями изъ различныхъ сторонъ. Ихъ критическія мысли были уже давнымъ давно продуманы и высказаны другими; ихъ мнѣнія были уже давнымъ-давно формулированы въ другихъ мѣстахъ. Заимствованною была вся ихъ эстетическая теорія; заимствованъ былъ ихъ критическій методъ; заимствована была, въ малыхъ и большихъ размѣрахъ, полемическая тактика, которую они пускали въ ходъ. Да, до настроенія включительно, все рѣшительно было заимствовано. Заимствовано, заимствовано было все! Единственное оригинальное у нихъ было то, что они постоянно и всегда пользовались заимствованнымъ некстати и въ исковерканомъ видѣ.

Что такого рода коллегія, члены которой въ дѣлѣ критики питались исключительно займами, предположила и у меня такую же наклонность, въ поэтическомъ отношеніи.—удивляться нечего. Нѣсколько мѣстныхъ газетъ, а можетъ быть и многія, нашли и высказали совершенно откровенно, что я то одно, то другое мѣсто заимствовалъ изъ драмы Генрика Герца: „Домъ оруженосца Дюринга“.

Это увѣреніе критиковъ совершенно неосновательно и невѣрно. Очевидно, что поводомъ къ такого рода утвержденію является употребленіе героическаго стиля въ обоихъ произведеніяхъ. Но у меня тонъ рѣчи совершенно иной, чѣмъ у Герца; дикція звучитъ у меня совершенно иначе, чѣмъ у него; отъ ритма въ моей пьесѣ вѣетъ легкимъ лѣтнимъ воздухомъ; отъ ритма въ пьесѣ Герца—осеннею непогодою.

Подобнымъ же образомъ во всемъ, что касается характеровъ, дѣйствій и въ особенности фактическаго содержанія, между обѣими пьесами встрѣчается не болѣе сходства, чѣмъ сколько можетъ быть его, принимая во вниманіе необходимость въ обѣихъ втискивать сюжетъ въ узкій кругъ представленій героическаго времени.

Съ такимъ же основаніемъ, или даже съ большимъ, можно было бы увѣрять, что Герцъ въ своемъ „Домъ оруженосца Дюринга“, заимствовалъ то или иное, и притомъ не мало, изъ сочиненія Гейнриха Ф. Клейста: „Кэтхенъ фонъ Гейлброннъ“, написаннаго въ началѣ текущаго столѣтія. Отношенія Кэтхенъ къ графу Ветгеръ-Штралю въ сущности тѣ же, что и отношенія Рагнильдъ къ рыцарю Стигъ Виде. Какъ и Рагнильдъ, такъ и Кэтхенъ побуждаются загадочною, непонятною силою слѣдовать за человѣкомъ, котораго онѣ любятъ, куда бы онъ ни пошелъ, тайкомъ слѣдить за нимъ, безвольно ложиться и спать поблизу его, возвращаться къ нему, сколько бы разъ не отгоняли ее отъ него. Какъ у Клейста, такъ и у Герца, мы видимъ и въ другихъ мѣстахъ вмѣшательство сверхъестественныхъ силъ.

Но можетъ ли кто сомнѣваться, что при наличности небольшого количества доброй или злой воли возможно и въ болѣе старинной драматической литературѣ найти пьесу, дающую много основаній для утвержденія, будто Клейстъ заимствовалъ тотъ или иной сюжетъ для своей „Кэтхенъ фонъ Гейлброннъ?“ Я ни минуты не сомнѣваюсь въ этомъ. Но всѣ такого рода доказательства были бы совершенно безполезны. Художественное произведеніе дѣлается духовною собственностью своего автора въ томъ

только случаѣ, если онъ наложилъ на него печать своей собственной личности. По. этому я утверждаю, что, несмотря на всѣ указанные пункты сходства, „Домъ оруженосца Дюринга“ является такимъ же безспорно исключительнымъ и оригинальнымъ произведеніемъ Генрика Герца, какъ „Кэтхенъ фонъ Гейлброннъ“ — оригинальное произведеніе Гейнриха Клейста.

Тѣ же самыя права я лично предъявляю и относительно „Празднества въ Сольгаугѣ“. Я надѣюсь также, что въ будущемъ каждый изъ трехъ упомянутыхъ писателей будутъ признаваться обладающимъ, какъ неотъемлемою собственностью, тѣмъ, что принадлежитъ ему по праву.

Въ этомъ случаѣ Георгъ Брандесъ, упоминая объ отношеніи „Празднества въ Сольгаугѣ“ къ „Дому оруженосца Дюринга“, заявилъ, что оно не основано на заимствованіи, а сохранило слѣды вліянія, оказаннаго старшимъ писателемъ на младшаго. Все, высказанное имъ относительно моего произведенія, проникнуто, притомъ, такимъ доброжелательствомъ, что я имѣю полное основаніе быть благодарнымъ ему за это, какъ и за многое другое.

Но тѣмъ не менѣе я долженъ утверждать, что дѣло въ дѣйствительности обстоитъ далеко не такъ, какъ оно представилось Брандесу. Генрикъ Герцъ никогда ни въ малѣйшей степени, не нравился мнѣ, какъ драматургъ. Поэтому я никакъ не могу согласиться съ тѣмъ, чтобы онъ когда бы то ни было, безвѣстно для меня, оказалъ какое-либо вліяніе на мое драматическое творчество.

Въ этомъ отношеніи я могъ бы довольствоваться указаніемъ на д-ра Вальфрида Везеніуса, доцента эстетики въ Гельсингфорскомъ университетѣ. Въ своей диссертаціи для полученія докторской степени: „Драматическое творчество Генриха Ибсена на первыхъ стадіяхъ его развитія“ (1879 г.) и въ своемъ сочиненіи „Генрихъ Ибсенъ“, біографія поэта, (1882 г.) онъ излагаетъ свой основной взглядъ на упомянутую мною драму,—при чемъ въ послѣднемъ сочиненіи опирается и на то, что я вкратцѣ разсказывалъ ему во время нашего совмѣстнаго пребыванія въ Мюнхенѣ три года тому назадъ. Я могъ бы сослаться на него.

Но считаю болѣе удобнымъ самому разсказать на слѣдующихъ страницахъ, какимъ образомъ возникла драма „Празднество въ Сольгаугѣ“.

Вотъ какъ дѣло было.

Я прежде всего скажу, что драма написана лѣтомъ 1855 г.

За годъ до того я написалъ „Фру Ингеръ изъ Эстрота“. Занятія, вызванныя этою драмою, заставили меня посвятить себя литературному и историческому изученію среднихъ вѣковъ Норвегіи, углубиться въ нихъ, въ особенности въ послѣднюю ихъ часть. Я пробовалъ, насколько могъ, сжиться съ нравами и обычаями того времени, съ жизнью чувствъ этихъ людей, съ ихъ образомъ мыслей и ихъ способомъ выраженія.

Между тѣмъ, этотъ періодъ времени не настолько интересенъ, чтобы можно было долго останавливаться на немъ. Онъ также не доставляетъ достаточно матеріала, который годился бы для драматической обработки.

Поэтому я быстро перенесся въ область сагъ. Но королевскіе саги и въ особенности странныя историческія событія этой отдаленной эпохи оказались для меня также мало увлекательнымъ. Я въ то время, при данномъ своемъ поэтическомъ настроеніи, не могъ излагать въ драматической обработкѣ раздоры между королями и вождями, между партіями и народностями. Это должно было наступить позже.

Напротивъ того, я нашелъ благодарный сюжетъ въ исландскихъ родовыхъ сагахъ; я нашелъ въ нихъ то, что требовалось, чтобы воплотить въ личности тѣ настроенія, представленія и мысли, которыя въ то время наполняли меня или во всякомъ случаѣ болѣе или менѣе ясно носились передо мной. Этотъ древне-норвежскій литературный вкладъ въ нашу личную исторію эпохи сагъ былъ едва знакомъ мнѣ до того; я даже почти ничего о немъ не слышалъ. Но мнѣ случайно попался въ руки превосходный переводъ Петерсона,— по крайней мѣрѣ въ отношеніи тона рѣчи. Изъ этихъ родовыхъ хроникъ съ ихъ измѣнчивымъ отношеніями и столкновеніями между мужчинами, женщинами и людьми вѣяло на меня богатымъ жизненнымъ содержаніемъ, полнымъ силы и живого духа, и благодаря этой моей совмѣстной жизни съ этими давно исчезнувшими отдѣльными личностями, мужчинами и женщинами, возникли въ моемъ воображеніи первые контуры драмы „Вожди на Гельголандѣ“.

Какія изъ особенностей раньше всего начали выясняться передо мною,—я не могу передать. Но я помню хорошо, что два лица, раньше всего возставшія передо мною и воплотившіяся въ плоть и кровь, были Іорднсъ и Дагни. Мнѣ казалось, что необ-

ходимо въ драму включить большой пиръ, на которомъ колкіе, дразнящіе разговоры доведутъ пирующихъ до роковой схватки. Вообще я хотѣлъ изъ встрѣченныхъ мною въ сагахъ характеровъ, страстей и отношеній воспринять все, что казалось мнѣ наиболѣе типичнымъ для жизни героической эпохи. Однимъ словомъ,—мнѣ хотѣлось придать драматическую обработку всему, что было изложено эпически въ Вольсунга-сагѣ.

Я въ то время еще не набросилъ связнаго, цѣльнаго плана. Одно стояло ясно передо мною: прежде всего надо написать именно такого рода пьесу.

Но тутъ случилось много новаго, неожиданнаго. Все это было большею частью личнаго характера, сильно дѣйствовало на меня и затрагивало мою личную жизнь. Но я думаю также, не безъ значенія было и то обстоятельство, что я какъ разъ въ это время занялся тщательнымъ изученіемъ „Норвежскихъ народныхъ пѣсенъ“ Ландстада,—вышедшихъ въ свѣтъ за два года до того. Настроеніе, въ какомъ я въ то время находился, согласовалось болѣе съ средневѣковою литературною романтикою, чѣмъ съ повѣствованіемъ сагъ, болѣе съ стихотворною формою, чѣмъ прозаическою, съ музыкальнымъ языкомъ героическихъ сказаній, чѣмъ съ оригинальнымъ языкомъ сагъ.

Это привело къ слѣдующему: безформенный смутный набросокъ „Вождей на Гельголандѣ“ обратился мало по малу въ лирическую драму „Празднество въ Сольгаугѣ“.

Два женскихъ образа—пріемныя сестры Іордисъ и Дагни—предполагаемой трагедіи, обратились въ сестеръ Маргитъ и Сигне, въ дѣйствительно вышедшей въ свѣтъ лирической драмѣ. Въ происхожденіи послѣднихъ двухъ сестеръ изъ двухъ героинь сагъ легко убѣдится всякій, кто только захочетъ подумать объ этомъ. Родство можно опредѣлить безошибочно. Смутно намѣченный въ то время герой трагедіи, много странствовавшій и хорошо принятый при дворахъ чужестранныхъ королей, викингъ Сигурдъ превращается въ рыцаря и пѣвца Гудмунда Альфсона, который также много странствовалъ на чужбинѣ и подолгу гостилъ при дворѣ короля. Его положеніе между двумя сестрами нѣсколько видоизмѣняется сообразно съ измѣнившимися обстоятельствами и отношеніями; но отношеніе обѣихъ сестеръ къ нему продолжаетъ, въ существенныхъ чертахъ, оставаться тѣмъ же, какимъ оно являлось въ задуманной первоначально и изданной впослѣдствіи трагедіи. Роковой пиръ, который въ первомъ проектѣ занималъ такое выдающееся мѣсто, обратился въ драмѣ въ арену дѣйствій, на которой вполнѣ высказались главныя дѣйствующія лица пьесы. Онъ сдѣлался фономъ, на которомъ вырисовались дѣйствія, и онъ сообщилъ всей картинѣ въ совокупности то основное настроеніе, которое и желалъ выразить. Конецъ пьесы былъ смягченъ сообразно съ тѣмъ, что она вылилалась въ драму, а не въ трагедію, но правовѣрные эстетики могли бы усомниться: не сохранились ли при такого рода окончанія и въ драмѣ характеристическія черты несмягченнаго трагизма, какъ бы въ доказательство ея происхожденія.

Но относительно этого я не буду больше распространяться. Я хотѣлъ только выставить на видъ, что настоящая драма, подобно всѣмъ моимъ другимъ драматическимъ работамъ, является естественнымъ послѣдствіемъ развитія моей жизни, на опредѣленномъ пунктѣ ея. Она возникла силою работы моего внутренняго я, а не благодаря какимъ-либо внѣйшимъ дѣйствіямъ, или вліяніямъ.

Таково, а не иное, происхожденіе „Празднества въ Сольгаугѣ“.

Римъ, 1 апрѣля 1883 г.

Генрихъ Ибсенъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Бенгтъ Гаутесонъ, владѣлецъ Сольгауга.
Маргитъ, его жена,
Сигне, ея сестра.
Гудмундъ Альфсонъ, ихъ родственникъ.
Кнутъ Гэслингъ, королевскій фогдъ.
Ерикъ фра Гэгге, его другъ.
Слуга.
Другой слуга.
Королевскій посолъ.
Старикъ.
Дѣвушка.
Гости, мужчины и дамы.
Воины въ свитѣ Кнута Гэслинга.
Молодые люди и молодыя дѣвушки въ Сольгаугѣ.

Дѣйствіе происходитъ въ Сольгаугѣ въ XIV столѣтіи.

Дѣйствіе первое.

(Большая зала съ дверью въ глубинѣ сцены и съ дверьми на боковыхъ стѣнахъ. Спереди направо окно съ небольшими, круглыми рамами, а у окна столъ съ разнаго рода женскими украшеніями. Вдоль стѣны налѣво,—большой столъ съ серебряными кружками, бокалами и рогомъ. Дворъ въ глубинѣ сцены ведетъ на открытую галлерею, черезъ которую виднѣется обширный пейзажъ съ видомъ на фіордъ).

(Бенгтъ Гаутесонъ, фру Маргитъ, Кнутъ Гэслингъ и Эрикъ фра Гэгге сидятъ вокругъ стола налѣво. Въ глубинѣ сцены частью сидятъ, частью стоятъ воины Кнута; двѣ чаши съ пивомъ ходятъ по рукамъ. Издали доносится звонъ церковнаго колокола, призывающаго къ обѣднѣ).

Эрикъ *(встаетъ изъ за стола)*. А теперь скажите мнѣ прямо, какой отвѣтъ дадите вы на предложеніе, сдѣланное мною отъ имени Кнута Гэслинга?

Бенгтъ *(глядя съ безпокойствомъ на жену)*. Да, я—я думаю теперь—*(Такъ какъ она молчитъ)*. Гмъ, Маргитъ, выслушаемъ сначала, что ты скажешь.

Маргитъ *(встаетъ)*. Господинъ Кнутъ Гэслингъ,—мнѣ давно было извѣстно то, что Эрикъ фра Гэгге только что разсказалъ о васъ. Я знаю прекрасно, что вы потомокъ знаменитаго рода; вы богаты деньгами и помѣстіями, а нашъ государь выказываетъ вамъ особенную благосклонность.

Бенгтъ *(Кнуту)*. Особенную благосклонность,—это говорю и я.

Маргитъ. И, конечно, моя сестра не можетъ надѣяться получить болѣе знатнаго мужа—

Бенгтъ. Не можетъ получить болѣе знатнаго,—это именно то, что я думалъ.

Маргитъ. И потому, если вамъ удастся пріобрѣсть ея расположеніе—

Бенгтъ *(испуганно, вполголоса)*. Но—но, моя дорогая супруга—

Кнутъ *(вскакивая)*. А, вотъ что, фру Маргитъ! Вы хотите сказать, что ваша сестра—

Бенгтъ *(стараясь успокоить его)*. Нѣтъ, подождите, Кнутъ Гэслингъ. Подождите. Сначала поймите насъ хорошенько.

Маргитъ. Мои слова не должны оскорблять васъ. Моя сестра, вѣдь, знаетъ васъ только по пѣснямъ, которыя распѣваются о васъ народомъ,—а онѣ далеко не пріятно звучатъ въ ушахъ молодой дѣвушки.

Замокъ отцовскій—веселый пріютъ
Цѣлой ватаги удалыхъ друзей.

Дни всѣ и ночи пируетъ Кнутъ
съ ними.
Горе той дѣвѣ, что Кнутъ изберетъ!
Горе той дѣвѣ, что златомъ прельстившись,
Въ замокъ женою захочетъ войти!
„Какъ бы скорѣе быть въ землю
зарытой“!
Вотъ что желать она будетъ себѣ.

Эрикъ. Ну да,—совершенно вѣрно,—Кнутъ Гэслингъ велъ до сихъ поръ бурную, разнузданную жизнь. Но все это перемѣнится, какъ только въ его замкѣ поселится жена.

Кнутъ. И вотъ еще на что я долженъ обратить ваше вниманіе, фру Маргитъ. Недѣлю тому назадъ я сидѣлъ за пиромъ въ Гэгге у Эрика, стоящаго здѣсь передъ вами. Пиво было крѣпкое: и когда дѣло шло къ вечеру, я далъ клятву, что Сигне, ваша прекрасная сестра, не позже какъ черезъ годъ сдѣлается моею женою. Никогда еще никто не могъ сказать о Кнутѣ Гэслингѣ, что онъ нарушалъ когда-либо свою клятву. Отсюда вы сами видите, что вы должны устроить мою свадьбу съ вашею сестрою,—добромъ или зломъ, а я буду ея мужемъ.

Маргитъ. Не скрою отъ васъ, что для того, чтобы это случилось, вы должны разстаться съ вашею разбойничьею свитою. Вы должны перестать съ крикомъ и гикомъ объѣзжать верхомъ наши мирныя селенья. Вы должны разсѣять ужасъ, возбуждаемый при одной мысли, что Кнутъ Гэслингъ можетъ пожаловать на чью-нибудь свадьбу; вы должны держать себя вѣжливо, отправляясь на пиръ; топоръ свой вы должны тихонько повѣсить дома за дверью;—вы знаете, что онъ ненадеженъ въ вашахъ рукахъ, когда медъ и пиво заставляютъ краснѣть вашъ лобъ и притупляетъ вашъ мозгъ. Честныхъ женщинъ вы должны оставить въ покоѣ; пусть каждый мужъ обладаетъ спокойно своею женою; вы не должны больше никому посылать дерзкаго заявленія, что если онъ уменъ, то пусть запасается савано̀мъ при встрѣчѣ съ вами. Если вы въ теченіе цѣлаго года будете поступать такимъ образомъ, то можете разсчитывать получить въ жены мою сестру.

Кнутъ (*съ плохо скрываемымъ раздраженіемъ*). Вы гладко умѣете говорить, фру Маргитъ! Право,—вамъ бы слѣдовало сдѣлаться священникомъ, а никакъ не женою вашего мужа.

Бенгтъ. А, что касается до этого, то я могъ бы также—

Кнутъ (*не обращая на него вниманія*). Но замѣтьте, если бы мужчина, способный носить оружіе, заговорилъ со мною такимъ тономъ, какъ вы—

Бенгтъ. Нѣтъ, но послушайте, Кнутъ Гэслингъ,—вы должны понять насъ.

Кнутъ (*по прежнему*). Ну, однимъ словомъ, тогда онъ быстро узналъ бы, что топоръ ненадеженъ въ монхъ рукахъ, какъ вы изволили только что выразиться.

Бенгтъ (*тихо*). Вотъ и получили! Маргитъ, Маргитъ, изъ этого не выйдетъ ничего хорошаго!

Маргитъ (*Кнуту*). Вы просили дать вамъ чистосердечный отвѣтъ, я только исполнила вашу просьбу.

Кнутъ. Хорошо, хорошо: я не буду такъ ужъ сильно считаться съ вашими словами, фру Маргитъ. У васъ больше ума, чѣмъ у насъ всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ. Вотъ вамъ моя рука;—быть можетъ, у васъ и было нѣкоторое основаніе произносить всѣ тѣ злыя слова, которыя мы только что слышали.

Маргитъ. Это мнѣ нравится: вы на хорошемъ пути къ исправленію. Послушайте еще, что я вамъ скажу. У насъ сегодня въ Сольгаугѣ—празднество.

Кнутъ. Празднество?

Бенгтъ. Да, господинъ Гэслингъ. Нужно вамъ сказать, что сегодня день нашей свадьбы. Три года тому назадъ я сдѣлался мужемъ фру Маргитъ.

Маргитъ (*съ нетерпѣніемъ прерывая его*). Какъ я уже сказала, у насъ сегодня празднество. Когда вы вернетесь изъ церкви и исполните всѣ свои дѣла, тогда милости просимъ возвращайтесь сюда и примите участіе въ нашемъ пирѣ. Вы получите такимъ образомъ возможность ближе познакомиться съ моею сестрою.

Кнутъ. Хорошо, фру Маргитъ; благодарю васъ. Но я пріѣхалъ сюда вчера вовсе не для того, чтобы побывать въ церкви. Я пріѣхалъ повидаться съ вашимъ родственникомъ, Гудмундомъ Альфсономъ.

Маргитъ (*пораженная*). Съ нимъ? Съ моимъ родственникомъ? Гдѣ же вы думаете найти его?

Кнутъ. Вѣдь его замокъ стоитъ за мысомъ, по другую сторону фіорда.

Маргитъ. Но самъ онъ странствуетъ гдѣ-то далеко.

Эрикъ. Не говорите этого; онъ, быть можетъ, ближе къ намъ, чѣмъ вы думаете.

Кнутъ (*шепотомъ*). Молчи!

Маргитъ. Ближе? Что вы хотите сказать?

Кнутъ. Развѣ вы не слышали, что Гудмундъ Альфсонъ возвратился на родину? Онъ вернулся въ свитѣ канцлера Аудуна Гэгранэса, который былъ отправленъ во Францію за нашею новою королевою.

Маргитъ. Это вѣрно; но свадьба короля празднуется на этихъ дняхъ съ большою пышностью въ Бергенѣ, и Гудмундъ Альфсонъ долженъ на ней присутствовать.

Бенгтъ. Да. И мы могли бы присутствовать на ней, если бы моя супруга пожелала.

Эрикъ (*тихо Кнуту*). Значитъ, фру Маргитъ не знаетъ, что—?

Кнутъ (*тихо*). Кажется. Но смотри, чтобы она ничего не замѣтила. Ну да, фру Маргитъ, такъ я поѣду наудачу и къ вечеру вернусь.

Маргитъ. И тогда вы докажете, что умѣете обуздывать свой бурный нравъ.

Бенгтъ. Да, смотрите, намотайте себѣ это на усъ.

Маргитъ. Вы оставите въ покоѣ вашъ топоръ, слышите, Кнутъ Гэслингъ?

Бенгтъ. Вы не дотронетесь ни до своего топора, ни до своего ножа, ни до какого бы то ни было оружія, висящаго у васъ на поясѣ.

Маргитъ. Потому что иначе вамъ придется оставить всякую надежду сдѣлаться моимъ зятемъ.

Бенгтъ. Да, мы это рѣшили.

Кнутъ (*Маргитъ*). Да, будьте спокойны.

Бенгтъ. А разъ мы что-нибудь рѣшили, наше рѣшеніе непоколебимо.

Кнутъ. Вполнѣ вѣрю вамъ, господинъ Бенгтъ Гаутесонъ. Я въ этомъ отношеніи похожъ на васъ, а между тѣмъ поклялся съ кубкомъ въ рукѣ сдержать свое слово.—Миръ вамъ до вечера!

(*Онъ и Эрикъ уходятъ со своими воинами въ глубину сцены. Бенгтъ провожаетъ ихъ до дверей. Колокольный звонъ тѣмъ временемъ прекращается*).

Бенгтъ (*возвращается*). Мнѣ казалось, что онъ грозилъ уходя.

Маргитъ (*разстянно*). Да, въ его словахъ, кажется, была угроза.

Бенгтъ. Нехорошо имѣть дѣло съ Кнутомъ Гэслингомъ! И поразмысливъ хорошенько, я вижу, что мы слишкомъ рѣзко говорили съ нимъ. Но не будемъ вспоминать объ этомъ, Маргитъ. Сегодня, у насъ должно быть весело, Маргитъ. На это есть много причинъ.

Маргитъ (*грустно улыбаясь*). Да, конечно.

Бенгтъ. Я былъ уже не очень молодъ, когда посватался за тебя, это правда,—но въ тоже время я считался самымъ богатымъ человѣкомъ на много-много миль въ окружности,—это также вѣрно. Ты была красивою дѣвушкою, благороднаго происхожденія, но твое приданное не могло соблазнить жениховъ.

Маргитъ (*про себя*). А между тѣмъ я была тогда такъ богата!

Бенгтъ. Что ты сказала, жена моя?

Маргитъ. Ахъ, ничего! (*Идетъ направо*). Я хочу нарядиться, надѣть побольше жемчуга и колецъ. Вѣдь сегодня вечеромъ у насъ веселый пиръ.

Бенгтъ. Вотъ такія рѣчи мнѣ нравятся. Нарядись, пожалуйста, въ лучшія свои платья, въ лучшія свои украшенія, чтобы наши гости могли сказать: счастлива та, которая получила въ мужья Бенгта Гаутесона!—Но мнѣ надо пойти въ кладовую; придется сегодня много выдать изъ нея!

(*Уходитъ налѣво*).

Маргитъ (*Опускается на стулъ у стола направо*). Хорошо, что онъ ушелъ! Когда я увижу его здѣсь, у меня вся кровь точно стынетъ въ жилахъ, какой-то холодъ, какая то гнетущая сила охватываетъ мое сердце.

(*Разражаясь слезами*).

Онъ—мой мужъ. Я—его жена. Какъ долго можетъ длиться человѣческая жизнь? Господи, спаси и помилуй,—можетъ быть полстолѣтія,—а мнѣ—мнѣ всего двадцать третій годъ.

(*Спокойнѣе, послѣ краткаго молчанія*).

Тяжело вздыхать за золотою стѣною, тяжело томиться такъ долго въ клѣткѣ! (*Выбираетъ разсѣянно украшенія и начинаетъ надѣвать ихъ на себя*). Онъ просилъ, чтобы я нарядилась въ лучшіе свои браслеты, кольца и ожерелья. Мнѣ было бы пріятнѣе лежать спокойно подъ сырою землею, чѣмъ возсѣдать на веселомъ свадебномъ пиру. (*Прерывая свою рѣчь*). Но я не хочу больше думать объ этомъ; я знаю пѣсенку, которая можетъ разогнать мою печаль. (*Поетъ*).

Горный король отъѣздъ свой готовить.
— Грустно влачу свои дни!—
Дѣву младую онъ въ жены избралъ.
— Ахъ, никогда не вернешься назадъ!—

Горный король въ дворъ къ Гокону пѣхалъ.
— Грустно влачу свои дни!—
Кристенъ въ кудряхъ золотистыхъ увидѣлъ.
— Ахъ, никогда не вернешься назадъ!

Горный король, восхитился онъ ею.
— Грустно влачу свои дни!—
Поясъ златой вокругъ стана обвилъ.
— Ахъ, никогда не вернешься назадъ!

Горный король онъ украсилъ ей ручки.
— Грустно влачу свои дни!—
Цѣлою кучею колецъ блестящихъ.
— Ахъ, никогда не вернешься назадъ!

Годы идутъ, уже три миновало,
— Грустно влачу свои дни!—
Кристенъ сидитъ, все тоскуя, и въ горѣ.
— Ахъ, никогда не вернешься назадъ.

Пять уже лѣтъ, ужъ девятый проходитъ,
— Грустно влачу свои дни! —
Солнце не видитъ Кристиночка, нѣтъ!
— Ахъ, никогда не вернешься назадъ!

Весело птички въ долинѣ поютъ,
— Грустно влачу свои дни!—
Ярко цвѣты тамъ въ долинѣ цвѣтутъ.
— Ахъ, никогда не вернешься назадъ!—

Здѣсь же лишь горе, и ночь непроглядная.
— Грустно влачу свои дни!—
Да одно злато лишь видишь ты въ ней!
— Ахъ, никогда не вернешься назадъ!

(*Она встаетъ и начинаетъ ходить по комнатѣ взадъ и впередъ*).

Эту пѣсню пѣлъ Гудмундъ такъ часто вечеромъ, сидя дома у моего отца. Въ ней было всегда что-то,—я сама не знаю,—что-то, что я никакъ не могу забыть; что-то, какъ бы приковавшее меня къ ней,—чего я никакъ не могла понять,—надъ чѣмъ я до сихъ поръ еще задумываюсь. (*Въ ужасѣ останавливается*). Золотыя кольца! Золотой поясъ вокругъ стана!—(*Въ отчаяніи опускается на скамью у стола слѣва*). Горе мнѣ! Вѣдь я сама—невѣста горнаго духа. И никто—никто не приходитъ освободить меня отсюда!

(*Сигне, сіяя радостью, выбѣгаетъ изъ глубины сцены*).

Сигне (*кричитъ*). Маргитъ, Маргитъ,—онъ идетъ!

Маргитъ (*вскакивая*). Идетъ? Кто идетъ?

Сигне. Гудмундъ, нашъ родственникъ.

Маргитъ. Гудмундъ Альфсонъ! Здѣсь? Какъ ты можешь думать—?

Сигне. Я въ этомъ увѣрена.

Маргитъ (*идетъ направо*). Гудмундъ Альфсонъ на свадьбѣ въ королевскомъ дворцѣ,—это ты знаешь такъ же хорошо, какъ и я.

Сигне. Можетъ быть; но все же я увѣрена, что это онъ.

Маргитъ. Развѣ ты видѣла его?

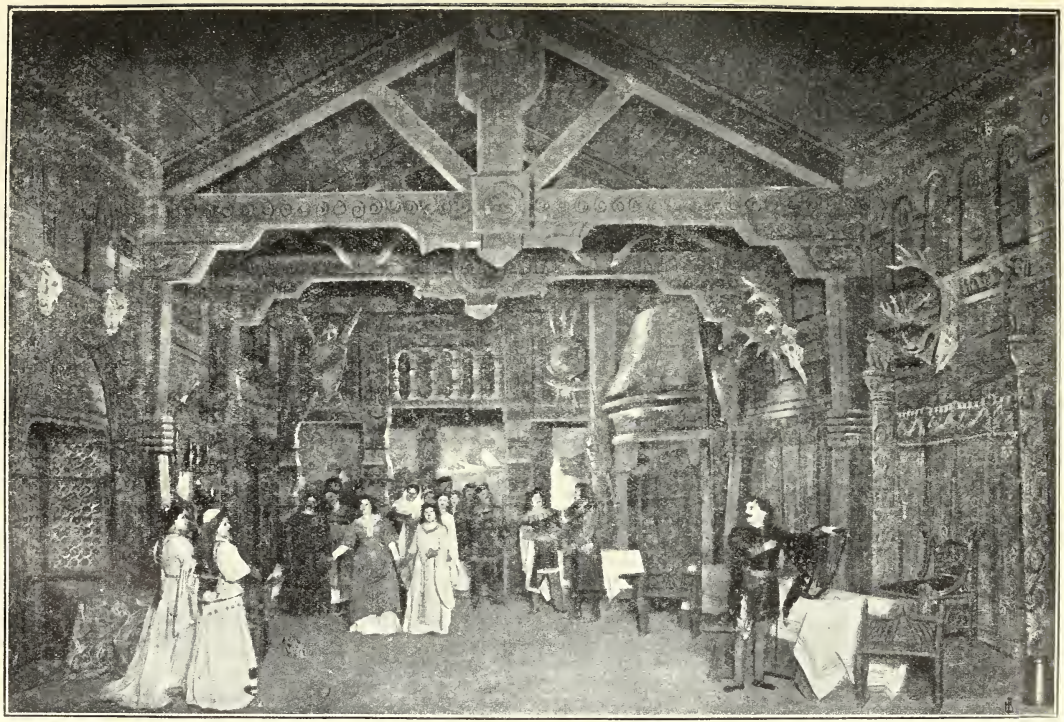
Сигне. Ахъ, нѣтъ, нѣтъ,—но вотъ послушай—

Маргитъ. Говори скорѣе,—разскажи, въ чемъ дѣло.

Сигне. Колокола такъ славно звучали, мнѣ захотѣлось поѣхать въ церковь; веселыя птички щебетали и пѣли въ вѣтвяхъ кустарниковъ и березъ. Какое-то особенное благоуханіе носилось въ воздухѣ. —Церковная служба уже давно началась. Когда я ѣхала по тѣнистой дорожкѣ, каждая роза, казалось, кивала мнѣ навстрѣчу. Я тихонько вошла въ церковь: священникъ стоялъ высоко на хорахъ; онъ пѣлъ и читалъ; съ глубокимъ благоговѣніемъ внимали его словамъ мужчины и женщины. Вдругъ изъ голубого фіорда раздался голосъ; мнѣ показалось, что всѣ обернулись, чтобы послушать его.

Маргитъ. Что же дальше? Сигне,—говори же, говори!

Сигне. Точно какой-то глубокій, невѣдомый голосъ манилъ меня выйти за церковную ограду, идти куда-то далеко, за лѣса и горы. Я начала бродить между бѣлыми березами, прислушиваясь; я ходила точно во снѣ. Опустѣлъ за мною и Божій храмъ, потому что и священникъ, и прихожане также ушли изъ него, между тѣмъ, какъ чудная пѣснь неслась имъ на встрѣчу. Тихо было на ведущей въ церковь тропинкѣ; мнѣ казалось, что птички прислушивались въ кустахъ, что жаворонокъ оста-



Празднество въ Сольгаугѣ (Заключительная сцѣна 1-го акта).
Гости (поютъ). Со звономъ струнъ и пѣснями
Мы входимъ весело въ залъ пира.

новился, кукушка замолчала, а отвѣчали пѣснѣ только горы и холмы.

Маргитъ. Продолжай!

Сигне. Мужчины и женщины перекрестились (*складывая руки на груди*), но странныя мысли возникли въ ихъ умѣ. Я же узнала чудную пѣснь; много разъ пѣлъ ее Гудмундъ; много разъ пѣлъ онъ ее по вечерамъ,—а все, что онъ пѣлъ, я хорошо помню.

Маргитъ. И ты думаешь, что это—?

Сигне. Я знаю навѣрное. Повѣрь мнѣ, что я не ошиблась. (*Смѣясь*). Развѣ маленькія, самыя маленькія пѣвчія птички не возвращаются обратно домой изъ чужихъ странъ? Я сама не знаю почему,—но я такъ рада—! Мнѣ пришло въ голову —Маргитъ, знаешь что? Его арфа такъ долго висѣла тамъ, на стѣнѣ. Я хочу снять ее; вычистить хорошенько, приготовить и настроить ея золотыя струны.

Маргитъ (*разсѣянно*). Дѣлай, какъ хочешь.

Сигне (*съ упрекомъ*). Это не хорошо съ твоей стороны. (*Обнимая ее*). Когда Гудмундъ вернется, у тебя опять станетъ легко на душѣ, какъ прежде, когда Сигне была маленькою.

Маргитъ (*про себя*). Столько перемѣнилось съ тѣхъ поръ—

Сигне. Маргитъ, ты должна быть опять весела и счастлива. Развѣ у тебя мало слугъ и служанокъ? Въ твоей комнатѣ шкафы набиты дорогими платьями. О, Господи Боже, какое безконечное богатство! Днемъ ты можешь скакать на конѣ въ рощѣ, въ погонѣ за дикимъ оленемъ; ночью—можешь спать въ опочивальнѣ на голубыхъ шелковыхъ подушкахъ.

Маргитъ (*глядитъ въ окно*). И онъ долженъ прійти въ Сольгаугъ гостемъ.

Сигне. Что ты говоришь?

Маргитъ (*оборачивается*). Ничего!—Иди, нарядись получше. Мое счастье, которымъ ты такъ восхищаешься, можетъ достаться и на твою долю.

Сигне. Что ты говоришь?

Маргитъ (*гладя ее по головѣ*). Я говорю—ну да, это само собою выяснится; я говорю,—что если сегодня вечеромъ тебѣ представится женихъ?

Сигне. Женихъ? Кому?

Маргитъ. Тебѣ.

Сигне (*съ хохотомъ*). Мнѣ? Ахъ, онъ попалъ бы въ просакъ!

Маргитъ. Что ты отвѣтишь, если онъ любезно предложитъ тебѣ руку и сердце?

Сигне. Я отвѣчу, что я слишкомъ счастлива здѣсь, чтобы думать о женихахъ и т. п.

Маргитъ. Но если бы онъ былъ знатенъ? Если бы его домъ былъ богатъ?

Сигне. Ахъ, если бы это былъ самъ король, если бы дворецъ его былъ наполненъ дорогими платьями и червонымъ золотомъ, я и тогда не соблазнилась бы. Я чувствую, что богата сама собою. Мое богатство—лѣто, и солнце, и журчащая рѣка, и ты, и птички, поющія на вѣткахъ!.. Дорогая сестра моя,—здѣсь хочу я безвыѣздно жить. Отдать какому-нибудь жениху свою руку и сердце—на это у меня нѣтъ времени; для этого мнѣ слишкомъ весело на душѣ! (*Бѣжитъ съ пѣснью налѣво*).

Маргитъ (*послѣ краткаго молчанія*). Неужели Гудмундъ Альфсонъ придетъ сюда? Сюда,—въ Сольгаугъ? нѣтъ, нѣтъ, этого не можетъ быть!—Сигне слышала, какъ онъ пѣлъ,—такъ говорила она. Когда я слышала, какъ ели шептались тихо въ дубравѣ лѣсной, когда я слышала, какъ водопадъ шумѣлъ и какъ птички щебетали въ верхушкахъ деревьевъ, мнѣ часто казалось, будто ко всему этому примѣшивается пѣснь Гудмунда. А между тѣмъ онъ былъ далеко на чужбинѣ.—Сигне ошиблась. Гудмундъ не придетъ.

Бенгтъ (*поспѣшно входитъ изъ глубины сцены и кричитъ*). Жена, неожиданный гость!

Маргитъ Кто?

Бенгтъ. Гудмундъ Альфсонъ, твой родственникъ! (*Кричитъ въ дверь направо*). Приготовьте лучшую комнату для гостя,—и поскорѣе.

Маргитъ. Онъ уже во дворѣ?

Бенгтъ (*смотритъ черезъ галлерею*). Покамѣстъ нѣтъ, но за этимъ дѣло не станетъ. (*Бѣжитъ опять направо*). Рѣзную дубовую кровать съ драконовыми головами. (*Подходитъ къ Маргитъ*). Его оруженосецъ принесъ отъ него привѣтъ и поклонъ; онъ самъ слѣдуетъ за нимъ.

Маргитъ. Его оруженосецъ? Развѣ онъ пріѣхалъ сюда съ оруженосцемъ?

Бенгтъ. Да, конечно. Съ нимъ оруженосецъ и шесть вооруженныхъ воиновъ. Ну да, Гудмундъ Альфсонъ теперь совсѣмъ другой человѣкъ, чѣмъ тогда, когда онъ уѣзжалъ на чужбину. Но я долженъ спуститься на встрѣчу ему. (*Кричитъ въ дверь*). Надѣнь на мою лошадь сѣдло изъ золоченой кожи! И не забудь уздечки съ змѣиными головами! (*Глядитъ въ глубину сцены*). Ахъ, вотъ и онъ! Ну, давай скорѣе трость, съ серебрянымъ набалдани-

никомъ. Такой вельможа,—Христосъ съ нами!—его нужно принять съ почестями, съ великими почестями! (*Быстро уходитъ въ глубину сцены*).

Маргитъ (*въ раздумьи*). Онъ ушелъ отъ насъ бѣднякомъ, а вернулся съ оруженосцемъ и вооруженными воинами... Чего ему нужно? Не хочетъ ли онъ увидѣть своихъ родственниковъ, узнать, не погибаю ли я отъ горя и тоски? Не хочется ли ему посмотрѣть, что я въ силахъ переносить, прежде чѣмъ дать разбиться своему сердцу? Не думаетъ ли онъ—? Ахъ, пусть себѣ смотритъ! Мало радости будетъ тебѣ отъ этого! (*Она дѣлаетъ знакъ черезъ дверь направо*).

(*Три служанки входятъ въ комнату*).

Маргитъ. Послушайте, что я вамъ скажу, дѣвушки! Приготовьте мнѣ мою голубую шелковую мантію. Мы сейчасъ отправимся въ опочивальню, и вы должны нарядить меня въ бархатъ и мѣха. Двѣ изъ васъ будутъ одѣвать меня въ пурпуръ и горностай, третья вплететъ въ мои волоса жемчугъ. Принесите мнѣ туда всѣ мои украшенія.

(*Дѣвушки уходятъ налѣво съ шкатулками, полными украшеній*).

Маргитъ. *Такъ* я хочу. Вѣдь Маргитъ—жена горнаго короля. Хорошо! Мпѣ, значитъ, подобаетъ носить царскія одежды. (*Уходитъ налѣво*).

(*Бенгтъ вводитъ Гудмунда Альфсона черезъ галлерею, въ глубинѣ сцены*).

Бенгтъ. Еще разъ привѣтствую васъ въ Сольгаутѣ, родственникъ моей супруги!

Гудмундъ. Благодарю васъ. Какъ же поживаетъ она? Надѣюсь, что ей живется хорошо, во всѣхъ отношеніяхъ.

Бенгтъ. Да, въ этомъ можете быть увѣрены. Она ни въ чемъ не терпитъ недостатка. У нея пять служанокъ, которыя находятся въ полномъ ея распоряженіи; осѣдланная лошадь всегда къ ея услугамъ, какъ только ей захочется выѣзжать. Однимъ словомъ, у нея есть все, чего только можетъ пожелать знатная женщина, чтобы быть довольною своей судьбою.

Гудмундъ. И Маргитъ—довольна?

Бенгтъ. По законамъ Божескимъ и человѣческимъ, она должна была бы быть довольною, а между тѣмъ—странно сказать—!...

Гудмундъ. Что вы говорите?

Бенгтъ. Да, вѣрьте мнѣ или нѣтъ, но мнѣ кажется, что Маргитъ была веселѣе, когда жила въ бѣдности, въ родномъ домѣ, чѣмъ теперь, когда сдѣлалась владѣтельницею Сольгауга.

Гудмундъ (*про себя*). Я такъ и зналъ; такъ оно должно было быть.

Бенгтъ. Что вы говорите?

Гудмундъ. Я говорю, что страшно удивленъ вашими словами о вашей женѣ.

Бенгтъ. Да, а вы думаете, я не удивленъ? Пусть меня перестанутъ считать честнымъ человѣкомъ, если я понимаю, чего ей еще нужно! Я ухаживаю за нею съ утра до вечера; и никто не скажетъ, чтобы я держалъ ее въ строгости; весь надзоръ за домомъ и дворомъ я взялъ на себя, и тѣмъ не менѣе...—Ну, вы были всегда веселымъ малымъ; я надѣюсь, что вы и къ намъ принесете съ собою солнечное сіяніе. Тише, вотъ идетъ фру Маргитъ! Смотрите, не выдайте меня, что я—

(*Маргитъ входитъ, въ богатой одеждѣ, слѣва*).

Гудмундъ (*спѣшитъ на встрѣчу ей*). Маргитъ,—дорогая Маргитъ!

Маргитъ (*останавливается и смотритъ на него, какъ бы не узнавая*). Извините меня, господинъ рыцарь; но—? (*Какъ будто внезапно узнаетъ его*). Право, если я не ошибаюсь, это Гудмундъ Альфсонъ. (*протягиваетъ ему руку*).

Гудмундъ (*не принимая ея*). И ты меня не сейчасъ узнала?

Бенгтъ (*смѣясь*). Но, нѣтъ, Маргитъ, что ты говоришь? Я Вѣдь тебѣ только что разсказывалъ, что твой родственникъ—

Маргитъ (*подходитъ къ столу направо*). Двѣнадцать лѣтъ—долгое время, Гудмундъ. Самый здоровый человѣкъ можетъ десять разъ умереть въ такой долгій срокъ—

Гудмундъ. Прошло всего семь лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ мы не видались.

Маргитъ. О, конечно, больше!

Гудмундъ (*глядя на нее*). Хотѣлось бы мнѣ вѣрить этому, но все же это такъ, какъ я говорю.

Маргитъ. Какъ странно! Я была тогда еще совсѣмъ дитя, а между тѣмъ мнѣ кажется, что прошло безконечно много лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я перестала быть имъ. (*Садится на стулъ*). Ну садитесь же. Отдохните! Сегодня вечеромъ вы потанцуете и повеселите насъ своими пѣснями.

(*Съ вынужденною улыбкою* Да, вы, вѣдь знаете, мы сегодня веселимся въ Сульгаугѣ, —у насъ пиръ.

Гудмундъ. Мнѣ это сказали, когда я входилъ.

Бенгтъ. Да, сегодня ровно три года, какъ я—

Маргитъ (*прерывая его*). Мой родственникъ уже слышалъ это. (*Гудмунду*). Развѣ вы не хотите снять своего плаща?

Гудмундъ. Благодарю васъ, фру Маргитъ; но, мнѣ кажется, здѣсь очень холодно,—холоднѣе, чѣмъ я ожидалъ.

Бенгтъ. А я, напротивъ весь въ поту. Но правда, у меня много сегодня хлопотъ. (*Маргитъ*). Постарайся развлечь нашего гостя, пока я уйду. Вы можете поговорить другъ съ другомъ о добромъ старомъ времени. (*Хочетъ уходить*)

Маргитъ. (*тревожно*). Ты уходишь. Не лучше ли будетъ, если я—

Бенгтъ (*смѣясь, Гудмунду, возвращаясь назадъ*). Вотъ видите! Бенгтъ изъ Сольгауга умѣетъ хорошо обращаться съ женщинами. Моя жена и минуты не можетъ обойтись безъ меня. (*Маргитъ, беря ее за подбородокъ.*) Будь спокойна; я сейчасъ же вернусь! (*Уходитъ въ глубину сцены.*

Маргитъ (*про себя*). Ахъ, какое мученье терпѣть все это!

(*Краткое молчаніе*).

Гудмундъ. Какъ поживаетъ ваша прелестная сестра?

Маргитъ. Благодарю; очень хорошо.

Гудмундъ. Мнѣ говорили, что она живетъ у васъ.

Маргитъ. Она здѣсь съ тѣхъ поръ, какъ и я: она пріѣхала въ Сольгаугъ три года тому назадъ. (*Немного спустя*). Она, вѣрно, скоро пріѣдетъ сюда.

Гудмундъ. У Сигне былъ прежде такой прелестный нравъ; она не знала ни хитрости, ни злобы; когда я вспоминаю ея голубые глаза, мнѣ кажется, что въ нихъ глядѣла душа ангела. Но въ семь лѣтъ много новаго можетъ произойти. Скажите мнѣ: —пока я странствовалъ далеко по свѣту, и она также сильно измѣнилась?

Маргитъ (*вынужденно—шутливымъ тономъ*). И она также? Вы при королевскомъ дворѣ научились произносить такія любезныя рѣчи? Вы постоянно напоминаете мнѣ о томъ, что время бѣжитъ—

Гудмундъ. Маргитъ, вы отлично понимаете смыслъ моихъ словъ. Когда-то вы обѣ были мнѣ такъ близки! Я плакалъ, когда уѣзжалъ отсюда. Мы обѣщали быть постоянно братски вѣрными другъ другу и въ радости, и въ горѣ, и въ нуждѣ, и въ печали. Вы, какъ солнце, сіяли между другими молодыми дѣвушками; слухи о васъ разносились по всей странѣ; и теперь, замужней женщиной, вы прекрасны. Но госпожа Сольгауга, какъ я вижу, забыла своего бѣднаго родственника. Вы теперь такъ суровы, а между тѣмъ были когда-то такъ добры, такъ ласковы!

Маргитъ (*съ трудомъ сдерживая слезы*) Да, когда-то!..

Гудмундъ (*глядитъ на нее съ участіемъ, молчитъ минуту, затѣмъ говоритъ вполголоса*). Вашъ супругъ приказалъ намъ коротать время, разговаривая о добромъ старомъ времени.

Маргитъ (*рѣзко*). Нѣтъ, нѣтъ, только не о немъ. (*Спокойнѣе*). Мнѣ такъ тяжело вспомнить; этому я никакъ не могла научиться. Разскажите лучше вы о тѣхъ годахъ, которые провели на чужбинѣ;—это время, должно быть, богато у васъ событіями: много есть у васъ, о чемъ разсказать; тотъ свѣтъ и обширенъ, и тепелъ; а мыслямъ такъ легко тамъ, чувствамъ такъ просторно!..

Гудмундъ. Я никогда не бывалъ такъ веселъ въ королевскихъ палатахъ, какъ тогда, когда жилъ бѣднымъ юношею, въ своей скромной хижинѣ.

Маргитъ (*не глядя на него*). А я —каждый день, съ тѣхъ поръ, какъ живу въ Сольгаугѣ, благодарю небо, что оно послало мнѣ такую счастливую долю.

Гудмундъ. Благо вамъ, если вы можете благодарить за —

Маргитъ (*вспыльчиво*). Развѣ я не въ почетѣ? Развѣ я не свободна? Развѣ я не могу повелѣвать всѣмъ, какъ хочу? Развѣ я не могу распоряжаться здѣсь, какъ мнѣ угодно? Здѣсь я первая; никто не возвышается надо мною. А вы знаете, что такая жизнь была мнѣ по вкусу. Вы ожидали увидать меня печальною и унылою; но вы видите, что я, напротивъ того, весела; на сердцѣ у меня легко. Видите, поэтому вы могли бы не трудиться пріѣзжать въ Сольгаугъ; это мало вамъ поможетъ.

Гудмундъ. Что вы хотите сказать, фру Маргитъ?

Маргитъ (*встаетъ*). Я прекрасно знаю, что привело васъ сюда—въ нашъ уединенный домъ.

Гудмундъ. Вы знаете, почему я пріѣхалъ? И желаете, чтобы я ушелъ? (*Кланяется и хочетъ уходить*). Прощайте же, миръ съ вами, благородная госпожа!

Маргитъ. Вамъ досталось бы больше почести, если бы вы остались, гдѣ были, въ королевскихъ палатахъ.

Гудмундъ (*останавливаясь.*) Въ королевскихъ палатахъ? Вы насмѣхаетесь надъ моимъ несчастіемъ?

Маргитъ. Надъ вашимъ несчастіемъ? Ну, высоко, должно быть, мѣтите вы! Хотѣлось бы мнѣ знать, чего вамъ надо? Вы можете рядиться въ красный бархатъ, вы служите у короля, у васъ помѣстья и деньги.—

Гудмундъ. Вамъ лучше знать, благосклонна ли ко мнѣ судьба. Вы только что сказали, что знаете цѣль моего посѣщенія Сольгауга—

Маргитъ. Конечно, знаю.

Гудмундъ. Вы, значитъ, знаете, что мнѣ пришлось испытать; вы знаете, что я опальный изгнанникъ.

Маргитъ (*въ страхѣ*). Изгнанникъ! Ты Гудмундъ!

Гудмундъ. Да, это вѣрно. Но, клянусь Богомъ и Іисусомъ Христомъ, если бы я зналъ ваши мысли и ваше отношеніе ко мнѣ, моя нога никогда не переступила бы за порогъ Сольгауга. Я думалъ, что вы попрежнему кротки и добры, какъ тогда, когда я разстался съ вами. Но я не хочу дольше утруждать васъ; лѣсъ великъ, а моя рука и мой лукъ не знаютъ промаха. —Пусть лучше горный камень служитъ мнѣ столомъ, а медвѣжье логовище—спальнею! (*Хочетъ уходить*).

Маргитъ (*удерживая его.*) Изгнанникъ! Нѣтъ, останься! Клянусь тебѣ, что я ничего объ этомъ не знала.

Гудмундъ. Я тебѣ сказалъ правду. Моя жизнь въ опасности, а жизнь дорога каждому. Три ночи провелъ я безъ крова, какъ собака. На скалѣ отдыхали мои усталыя ноги, а изголовьемъ для меня служилъ голый камень. Просить о кровѣ, о постели и подушкѣ у чужихъ было слишкомъ тяжело для меня; я былъ такъ спокоенъ душею; меня окрыляла надежда: я думалъ: стоитъ тебѣ дойти до Сольгауга и ты будешь спасенъ отъ всѣхъ твоихъ заботъ: тамъ найдешь ты друзей; на нихъ ты можешь положиться.—Но надежды такъ же непрочны, какъ и цвѣты полей. Вашъ супругъ, правда, встрѣтилъ меня съ рогомъ и кубкомъ; онъ широко открылъ передо мною двери и ворота своего дома: но вашъ домъ показался мнѣ пустъ—а зала темна; мои друзья удалились. Ну, хорошо, я вновь пойду бродить въ скалахъ.

Маргитъ (*умоляющимъ голосомъ*). Ахъ, выслушай меня!

Гудмундъ. Рабскій духъ мнѣ не свойственъ. Теперь жизнь кажется мнѣ безполезнымъ даромъ; я ее считаю ни почемъ. Вы разбили все, что было дорого мнѣ: я долженъ похоронить самую свѣтлую мою надежду. Прощайте же, фру Маргитъ!

Маргитъ. Нѣтъ, Гудмундъ, выслушай! Заклинаю тебя Богомъ.—

Гудмундъ. Веселись по прежнему! Наслаждайся богатствомъ и почетомъ; Гудмундъ никогда больше не омрачитъ твой день,—можешь быть въ этомъ увѣрена.

Маргитъ. Теперьдовольно, перестань! Тебѣ придется раскаяться въ своихъ словахъ! Если-бы я знала, что ты изгнанникомъ блуждаешь по широкому морскому берегу, то, повѣрь, самымъ дорогимъ для меня днемъ былъ бы день твоего пріѣзда въ Сольгаугъ. Не было бы для меня большей радости, какъ если бы изгнанникъ попросилъ у меня гостепріимства.

Гудмундъ. Ты говоришь?...—Что мнѣ думать? Чему вѣрить?

Маргитъ (*протягивая ему руку*). Что въ Сольгаугѣ живутъ друзья и родственники.

Гудмундъ. Но то, что тымнѣ недавно?—

Маргитъ. Не обращай на это вниманія. Выслушай меня, тогда все будетъ тебѣ понятнѣе. Для меня жизнь—безпросвѣтная ночь, и нѣтъ въ ней ни солнца, ни звѣздъ. О, никто не въ силахъ разсѣять моей печали! Свое молодое веселье я продала за золото; я сама надѣла на себя блестящія оковы. Повѣрь! жалкое вознагражденіе доставляетъ богатство, когда душа полна скорбью. Когда мы были дѣтьми—какъ я была тогда весела! Мы были стѣснены, нуждались, нашъ домъ былъ бѣденъ но богата была моя грудь свѣтлыми надеждами!

Гудмундъ (*который, не переставая , разсматривалъ ее*). А между тѣмъ ты стала такой прекрасной женщиной!

Маргитъ. Очень можетъ быть; но всѣ хвалы, которыя я выслушивала, послужили лишь къ моей гибели. Ты долженъ былъ уѣхать въ чужія страны, но всѣ твои пѣсни глубко запали въ мое сердце, въ мою душу, и зародили тщеславныя мысли въ моемъ умѣ. Ты пѣлъ о весельи, которое можетъ наполнить человѣческую грудь; ты пѣлъ о веселой, блестящей жизни среди знатныхъ мужчинъ и женщинъ. Ты уѣхалъ,—а съ востока и съ запада явились женихи, и я—я сдѣлалась женою своего мужа.

Гудмундъ. Ахъ, Маргитъ!

Маргитъ. Но скоро, ахъ! какъ скоро наступило время, когда я начала горь-

ко оплакивать свою долю! Единственною радостью моею было думать о тебѣ—моемъ родственникѣ, моемъ другѣ. Какъ мнѣ казалось пусто въ залѣ Сольгауга и во всѣхъ его большихъ палатахъ! Здѣсь собиралось множество гостей, рыцарей и дамъ; здѣсь скальды распѣвали пѣсни въ честь мою; но среди нихъ не было ни одного, кто бы, какъ слѣдуетъ, понялъ меня, кто бы проникся моимъ горемъ.—Я дрожала и зябла, точно сидя въ нѣдрахъ горы, а между тѣмъ моя мысль непрестанно работала, моя кровь кипѣла.

Гудмундъ. Но твой мужъ?

Маргитъ. Я никогда его не любила. Меня привлекло къ нему только его золото. Стоило ему заговорить со мною, стоило ему сѣсть близко возлѣ меня—и я чуть не сходила съ ума отъ тоски. (*Ломаетъ руки*). И вотъ такимъ-то образомъ я прожила цѣлыхъ три года. Моя жизнь обратилась въ вѣчное, безконечное горе. Мнѣ принесли вѣсть о твоемъ приходѣ.—Ты знаешь, какъ велика гордость, глубоко внѣдрившаяся въ мое сердце? Я скрыла свое горе, скрыла свою тоску, потому что тебѣ меньше всѣхъ надлежало знать о ней.

Гудмундъ (*тронутый*). И поэтому-то ты отвернулась отъ меня—

Маргитъ (*не глядя на него*). Я думала, ты пришелъ, чтобы насмѣяться надъ моимъ горемъ.

Гудмундъ. Маргитъ, какъ ты могла подумать—?

Маргитъ. Однимъ словомъ, тебѣ было бы надъ чѣмъ поиздѣваться! Но, слава Богу, теперь все прошло; я перестала чувствовать себя одинокою. Груди дышется такъ свободно, такъ легко, точно ребенку въ колыбели. (*Вздрагиваетъ отъ ужаса*). Ахъ, что это со мною! Какъ я могла забыть! Смилуйтесь, всѣ святые! Ты говоришь, что ты въ опалѣ—?

Гудмундъ (*улыбаясь*). Теперь я дома; здѣсь королевскіе слуги оставятъ меня въ покоѣ.

Маргитъ. Но еще недавно ты пользовался такимъ почетомъ?—Скажи же мнѣ, какимъ образомъ—?

Гудмундъ. О, разсказать это не долго! Ты знаешь, я ѣздилъ во Францію, когда канцлеръ, Аудунъ фра Гэгранэсъ, отправился изъ Бергена съ княжескою свитою, чтобы вывезть оттуда принцессу и проводить ее въ Норвегію въ качествѣ королевской невѣсты. Герръ Аудунъ былъ такъ красивъ и гордъ, а принцесса оказалась самою очаровательною женщиною, какую только можно себѣ представить. Ея глаза были замѣчательно хороши и въ нихъ проявлялось по временамъ необыкновенно нѣжное выраженіе. Они много разговаривали другъ съ другомъ, часто шептались о чемъ-то тайкомъ. О чемъ?—трудно было узнать!—Вотъ однажды наступила ночь; я стоялъ молча на палубѣ, прислонившись къ борту корабля; мои мысли блуждали у береговъ Норвегіи, носились надъ ея бѣлоснѣжными вершинами. Вдругъ я услышалъ, у себя за спиною, шепотъ двухъ голосовъ;—я обернулся,—это были онъ и она; они меня не замѣтили; я такъ тихо сидѣлъ; но я узналъ обоихъ. Она глядѣла на него умоляющимъ взоромъ и шептала: „ахъ, если бы этотъ корабль увезъ насъ на югъ въ чудныя южныя страны, и если бы мы были одни съ тобою на борту, вдвоемъ, неразлучно,—тогда, я увѣрена, мое сердце обрѣло бы покой, тогда мой лобъ не горѣлъ бы огнемъ!“ Герръ Аудунъ что-то возразилъ; она отвѣтила смѣло, страстно, такими пылкими, необузданными словами! Я увидѣлъ, какъ глаза ея загорѣлись, заискрились, точно звѣзды; она просила его—(*Останавливаясь*). Тогда на меня напали страхъ и ужасъ.

Маргитъ. Она просила—?

Гудмундъ. Я вскочилъ; они быстро убѣжали; одинъ остался я стоять на палубѣ корабля;—(*вынимаетъ небольшую стклянку*). Но тамъ, гдѣ они сидѣли, я нашелъ вотъ это—

Маргитъ. И это—?

Гудмундъ (*вполголоса*). Въ немъ скрывается таинственное зелье, стоитъ влить каплю его въ чашу твоего врага,—и жизненная сила начинаетъ покидать его, и ничто въ мірѣ не спасетъ его и не вылѣчитъ.

Маргитъ. Но скажи мнѣ—

Гудмундъ (*шепотомъ*). Оно было предназначено королю.

Маргитъ. Всѣ святые съ нами!

Гудмундъ (*пряча стклянку*). Хорошо, что я подобралъ ее.—Три дня спустя наступилъ конецъ нашему путешествію. Я тайкомъ убѣжалъ со своими слугами.—Я зналъ навѣрное, что Аудунъ будетъ готовить мнѣ гибель и хитрыми словами постарается обвинить меня передъ королемъ—

Маргитъ. Теперь худшее позади; скоро все будетъ такъ же хорошо, какъ и въ былое время.

Гудмундъ. Все? Нѣтъ, Маргитъ,—тогда ты была свободна.

Маргитъ. Ты говоришь—?

Гудмундъ. Я? Ничего! Ахъ, дай мнѣ собраться съ мыслями; я такъ радъ,

такъ веселъ, что нахожусь по прежнему у васъ обѣихъ. Но скажи мнѣ,—Сигне—?

Маргитъ *(указывая, улыбаясь на дверь слѣва)*. Она сейчасъ придетъ. Надо же было ей немного принарядиться для встрѣчи своего родственника, — а этого нельзя сдѣлать въ одну минуту.

Гудмундъ. Посмотрю, узнаетъ ли она меня. *(Уходитъ налѣво)*.

Маргитъ *(глядитъ ему вслѣдъ)*. Какой онъ красивый, мужественный! *(Вздыхаетъ)*. Нѣтъ и тѣни сходства между нимъ и—*(Приводитъ въ порядокъ обѣденный столъ, но опять останавливается)*. Тогда ты была свободна, сказалъ онъ. Да, тогда! *(Краткое молчаніе)*. Странный это былъ разсказъ о принцессѣ, которая...—Она полюбила другого, и потому...—Да, эти женщины въ чужихъ странахъ,—я это и раньше слышала,—онѣ не такія слабыя, какъ мы; онѣ не боятся воплотить мысль въ дѣйствіе. *(Беретъ одну изъ чашъ, стоящихъ на столѣ)*. Изъ этой чаши я и Гудмундъ выпили за счастливое возвращеніе, когда онъ уѣзжалъ. Это почти единственная наслѣдственная вещь, увезенная мною изъ дому въ Сольгаугъ. *(Ставитъ чашу въ шкафъ)*. Какъ прекрасенъ сегодняшній лѣтній день! Здѣсь такъ свѣтло. Никогда еще во всѣ эти три года солнце не свѣтило такъ ярко.

(Сигне, а за нею Гудмундъ, входятъ слѣва).

Сигне *(бѣжитъ къ Маргитъ)*. Ха, ха, ха! Онъ не вѣритъ, что это я.

Маргитъ *(улыбаясь, Гудмунду)*. Видишь, пока ты странствовалъ гдѣ-то вдали отъ насъ, измѣнилась сильно и *она*.

Гудмундъ. Конечно! Но чтобы она могла—? Нѣтъ, нѣтъ! это никогда не приходило мнѣ въ голову. *(Беретъ Сигне за руку и смотритъ на нее)*. А все же я и теперь вижу въ твоихъ голубыхъ глазахъ твою невинную дѣтскую душу;—я не могу больше сомнѣваться. Не могу не смѣяться, вспоминая, какъ я все еще воображалъ тебя такою, какою носилъ на рукахъ. Тогда ты была еще ребенкомъ; теперь ты русалка, рѣзвая и игривая.

Сигне *(грозитъ пальцемъ)*. Да, берегись. Стоитъ тебѣ разсердить русалку,—и берегись!—она быстро поймаетъ тебя въ свои сѣти.

Гудмундъ *(про себя)*. Мнѣ кажется, какъ будто я уже пойманъ.

Сигне. Но подожди; ты еще не видѣлъ, въ какомъ почетѣ я держала твою арфу. *(Уходитъ налѣво)*. Теперь ты долженъ научить меня всѣмъ твоимъ пѣснямъ.

Гудмундъ *(тихо, глядя ей вслѣдъ)*. Она расцвѣла прекраснѣйшею розою, едва распустившеюся изъ бутона.

Сигне *(приноситъ арфу)*. Вотъ, посмотри.

Гудмундъ *(беретъ арфу)*. Моя арфа! Такая же блестящая, какъ и прежде! *(Беретъ нѣсколько аккордовъ)*. Струны все еще звучатъ; ты не будешь больше висѣть безъ дѣла на стѣнѣ.

Маргитъ *(смотритъ въ глубину сцены)*. Наши гости идутъ сюда.

Сигне *(между тѣмъ какъ Гудмундъ играетъ прелюдію къ своей пѣснѣ)*, Тише,—тише! Ахъ, послушайте!

Гудмундъ *(поетъ)*.

Въ лѣсу одиноко блуждалъ грустно я.
А птички вокругъ щебетали въ вѣтвяхъ.
(Хотѣлось имъ пѣсней разсѣять меня):
Послушай, какъ страсть возникаетъ въ сердцахъ?!.

Годами, какъ дубъ выростаетъ она.
Питается пѣсней и скорбью, тоской,
И крѣпко свой корень пускаетъ въ сердца,
Витая вокругъ легкокрылой мечтой.

(Идетъ, во время пѣнія, въ глубину сцены и прислоняетъ арфу къ стѣнкѣ).

Сигне *(задумываясь, повторяетъ про себя)*.

И крѣпко свой корень пускаетъ въ сердца,
Витая вокругъ легкокрылой мечтой.

Маргитъ *(разсѣянно)*. Ты что-то сказала мнѣ?—я не разслышала.

Сигне. Я? нѣтъ, конечно нѣтъ. Я только думала.—*(Опять погружается въ раздумье)*.

Маргитъ *(вполголоса, глядя разсѣянно передъ собою)*.

Годами, какъ дубъ выростаетъ она.
Питается пѣсней и скорбью, тоской.

Сигне *(пробуждаясь изъ забытья)*. Ты что-то сказала?

Маргитъ *(проводя рукою по лбу)* Ахъ, нѣтъ, ничего! Иди; надо пойти на встрѣчу гостямъ.

(*Бенгтъ входитъ со многими гостями, мужчинами и женщинами, изъ галлереи).*

Гости *(поютъ.)*

Со звономъ струнъ и пѣснями
Мы входимъ весело въ залъ пира.
Желаемъ счастья госпожѣ,
Обоимъ радости и мира,
Пусть небо имъ всегда сіяетъ
И горя никогда не знаетъ,
Сольгаугъ!

Дѣйствіе второе.

(Березовая роща, примыкающая къ замку, часть котораго виднѣется слѣва. Въ глубинѣ сцены, къ рощѣ ведетъ тропинка. Направо отъ тропинки протекаетъ рѣка, падаетъ внизъ водопадомъ и теряется среди скалъ и камней. Свѣтлая лѣтняя ночь; дверь въ домъ открыта; окна освѣщены. Изнутри дома слышна музыка.

Гости *(поютъ въ залѣ пира.)*

Звучи ты скорѣе, смычекъ удалой!
Всю ночь напролетъ будемъ мы
танцовать.
Ахъ, какъ весело, здѣсь съ красоткой молодой,
Кружиться, плясать, ей душу отдать!
Красотка горитъ вся и льнетъ къ
молодцу,
А онъ ее къ сердцу прижметъ
своему.

(Кнутъ Гэслингъ и Эрикъ фра Гэгге выходятъ изъ дома. Музыка, танцы и веселый говоръ продолжаются во время послѣдующей сцены).

Эрикъ. Лишь бы это не повредило тебѣ, Кнутъ!

Кнутъ. Ахъ, перестань, пожалуйста!

Эрикъ. Да, да, право, это опасно! Ты, вѣдь, фогдъ короля. Тебѣ присланъ приказъ арестовать Гудмунда Альфсона, гдѣ бы ты его ни нашелъ; и теперь, когда онъ у тебя тутъ подъ рукою, ты обѣщаешь ему свою дружбу и позволяешь ему идти, куда ему будетъ угодно.

Кнутъ. Я знаю, что дѣлаю. Я его искалъ въ его собственномъ домѣ, но тамъ никого не нашелъ. А если бы я попробовалъ схватить его здѣсь,—какъ ты думаешь, фру Маргитъ согласится послѣ того отдать мнѣ Сигне въ жены?

Эрикъ *(протяжно)*. Нѣтъ,—добромъ тутъ трудно что-нибудь подѣлать, но—

Кнутъ. А употреблять насиліе мнѣ не хотѣлось бы, когда можно обойтись и безъ него. Гудмундъ—мой старый пріятель и онъ можетъ принесть мнѣ теперь не мало пользы. *(Рѣшительно.)* Поэтому все будетъ такъ, какъ я сказалъ. Сегодня вечеромъ никто здѣсь не узнаетъ, что Гудмундъ Альфсонъ—опальный,—завтра пускай, какъ знаетъ, выпутывается изъ бѣды.

Эрикъ. Да, а королевскій приказъ?

Кнутъ. Ахъ, королевскій приказъ! Ты знаешь такъ же хорошо, какъ и я, что на королевскіе приказы въ этой странѣ обращается мало вниманія. Если бы королевскіе законы соблюдались, то не одному доброму молодцу изъ насъ приходилось бы поплатиться за похищеніе невѣсты и человѣкоубійство.—Иди сюда, Хотѣлось бы мнѣ знать—гдѣ Сигне?—*(Уходятъ направо)*

(Гудмундъ и Сигне спускаются по тропинкѣ изъ глубины сцены).

Сигне. Ахъ, говори! Продолжай свою рѣчь. Дай мнѣ прислушаться къ твоимъ словамъ; они походятъ на чудныя звуки струнъ—

Гудмундъ. Сигне, моя красавица, моя прелестная бѣлоснѣжная лилія!

Сигне (*съ радостнымъ тихимъ удивленіемъ*). Я—я любима имъ!

Гудмундъ. Я никого не люблю такъ, какъ тебя.

Сигне. Мнѣ хотѣлось бы связать твою волю, наполнить собою твое сердце навѣки, навѣки! Ахъ, неужели я могу вѣрить тебѣ?

Гудмундъ. Можешь смѣло вѣрить. Выслушай меня, Сигне. Пока шли годы, я не переставалъ и лѣтомъ, и зимою, думать непрестанно о васъ обѣихъ, моихъ прекрасныхъ цвѣткахъ, оставленныхъ на родинѣ. Но я не могъ вполнѣ понять своихъ мыслей;—когда я уѣзжалъ, ты была еще совсѣмъ крошкою, точно маленькіе лѣсные эльфы, которые носятся по лѣсу и играютъ, пока мы спимъ и мечтаемъ. Но сегодня, когда я вошелъ въ залу Сольгауга, я вполнѣ понялъ свои чувства,—понялъ, что Маргитъ—гордая, прекрасная женщина, но что ты—самая восхитительная изъ всѣхъ юныхъ чародѣекъ.

Сигне (*разсѣянно прислушиваясь къ его словамъ.*) Я помню, мы сидѣли у огня очага въ одинъ зимній вечеръ,—это было давно, очень давно!—ты пѣлъ мнѣ о маленькой дѣвочкѣ, которую водяной увлекъ въ свои объятія. Въ нихъ она забыла и о матери и отцѣ, забыла и о братьяхъ и сестрахъ, забыла и о небѣ и землѣ, забыла и о Богѣ и о своей вѣрѣ. Но у самой рѣки, на берегу, стоялъ юноша; онъ былъ такой сильный, мужественный; онъ настроилъ свою арфу и заигралъ на ней такъ, что звукъ его пѣсни разнесся далеко, далеко. Долго игралъ онъ. Дѣвочка въ морской пучинѣ пробудилась изъ своего тяжелаго сна; водяной долженъ былъ выпустить ее изъ своихъ объятій; она пробралась среди лилій и поплыла обратно къ берегу;—и тутъ она опять вспомнила и о небѣ, и о землѣ, познала и Бога, и его вѣщія слова.

Гудмундъ. Сигне, мой восхитительный цвѣтокъ!

Сигне. И я, подобно ей, была погружена въ глубокій сонъ; таинственныя слова, сказанныя тобою вчера вечеромъ о силѣ любви, пробудили меня изъ забытья. Никогда еще небо не казалось мнѣ такимъ голубымъ, никогда еще широкій свѣтъ не представлялся мнѣ такимъ прекраснымъ,—мнѣ казалось, что я начинаю понимать пѣніе птичекъ, когда я ухожу съ тобой гулять въ рощу.

Гудмундъ. Такъ могущественна сила любви; —въ человѣческой груди она пробуждаетъ новыя мысли, новыя стремленія и радости.—Но иди, пойдемъ оба къ твоей сестрѣ.

Сигне (*застѣнчиво*). Ты хочешь ей сказать?

Гудмундъ. Она должна все знать.

Сигне (*по прежнему*). Ахъ, иди одинъ!—Я знаю, мнѣ кажется, мои щеки сгорятъ отъ смущенія.

Гудмундъ. Ну хорошо, я пойду одинъ.

Сигне. А я подожду тебя здѣсь; (*Указывая направо*). Или лучше внизу у рѣки,—тамъ я слышу голосъ Кнута Гэслинга; тамъ много народа.

Гудмундъ. Ты будешь тамъ?

Сигне. Пока ты не переговоришь съ нею. (*Уходитъ направо. Гудмундъ входитъ въ домъ*)

Маргитъ (*выходитъ слѣва изъ за дома*).

Маргитъ. Въ залѣ шумъ и веселье; танцы въ самомъ разгарѣ. Мнѣ стало такъ грустно, что-то стѣснило грудь; Гудмунда тамъ нѣтъ. (*Вздыхаетъ глубоко*). Здѣсь хорошо; тишина вокругъ; прохладою обвѣваетъ лѣтній ночной вѣтерокъ (*Погружается въ размышленія*). Эта безобразная мысль—я не могу никакъ понять;—она преслѣдуетъ меня, куда бы я ни шла. Стклянка—въ ней таинственное зелье—Капля этого зелья—въ чашу врага—и жизненная сила начнетъ покидать его, и ничто въ мірѣ не спасетъ его и не вылѣчитъ (*Опять молчаніе*). Если бы я знала, что Гудмундъ —если бы онъ меня любилъ,—я бы не обратила вниманія—

(*Гудмундъ выходитъ изъ двери дома*)

Гудмундъ. Маргитъ, ты здѣсь? Почему ты ходишь въ одиночествѣ? Я тебя повсюду искалъ.

Маргитъ. Тамъ такъ душно, здѣсь такъ прохладно. Видишь, какъ бѣлый туманъ ползетъ вверхъ по стѣнѣ? Здѣсь ни темно, ни свѣтло; средина между тьмою и свѣтомъ—(*про себя*)—какъ и въ моей груди. (*Глядитъ на него*). Не правда ли —когда тебѣ приходится гулять въ такую ночь, ты самъ не понимаешь, что съ тобою дѣлается, но тебѣ кажется, будто какая-то таинственная жизнь копошится въ кустахъ и листвѣ, въ цвѣтахъ и травѣ? (*Внезапно обрывая разговоръ*). Знаешь, чего я желаю?

Гудмундъ. Чего?

Маргитъ. Быть тою чародѣйкою, которая живетъ тамъ въ дубравѣ. Какъ я умѣла бы тогда искусно пользоваться своими чарами! Повѣрь!

Гудмундъ. Чего тебѣ недостаетъ, Маргитъ! Скажи же мнѣ.

Маргитъ (*не слушая его*) Какъ я пѣла бы тогда, въ какихъ чудныхъ пѣсняхъ изливала бы свою тоску! Жаловаться и пѣть цѣлые дни и ночи напролетъ!... (*Съ возрастающимъ увлеченіемъ*). Какъ я съумѣла бы увлечь удалого, смѣлаго юношу черезъ лѣса и рощи въ свое горное жилище,—тамъ я забыла бы все горе міра,—тамъ я могла бы любить и жить со своимъ другомъ.

Гудмундъ. Маргитъ! Маргитъ!

Маргитъ (*все съ большею страстностью*). Въ полночь мы заснули бы сладкимъ сномъ—и если бы даже смерть настигла насъ при восходѣ солнца! Ахъ!—какъ пріятно было бы умереть такимъ образомъ! —не правда ли?

Гудмундъ. Ты больна?

Маргитъ (*разражается хохотомъ*). Ха, ха, ха! Ахъ, позволь мнѣ

смѣяться. Смѣхъ дѣйствуетъ на меня такъ хорошо.

Гудмундъ. Я вижу, у тебя тотъ же необузданный духъ, что и прежде—

Маргитъ *(становясь внезапно серьезною)*. Не удивляйся! Это бываетъ со мною только въ полночь, когда всѣ спятъ. Днемъ я пуглива, какъ серна. И что же изъ этого? Вспомни женщинъ чуждыхъ странъ—вспомни... прекрасную принцессу, —какъ она сильна, смѣла,—въ сравненіи съ нею я кроткій агнецъ. Она рѣшилась не только стремиться и мечтать; она свои мысли обращала въ дѣйствія; и видишь—

Гудмундъ. Хорошо, что ты напомнила мнѣ объ этомъ; я не хочу больше прятать то, что для меня совершенно излишне. *(Вынимаетъ стклянку)*.

Маргитъ. Стклянка! Ты хочешь?—

Гудмундъ. Я снялъ ее на тотъ случай, если бы королевскіе слуги слишкомъ близко подошли ко мнѣ; это избавило бы меня отъ излишнихъ страданій. Но съ вчерашняго дня зелье это утратило для меня всякое значеніе. Теперь я намѣренъ всѣми силами бороться за свою свободу и жизнь, и надѣюсь съ помощью своихъ друзей и родныхъ одержать верхъ надъ судьбою. *(Хочетъ разбить стклянку о скалу)*.

Маргитъ *(хватая его за руку)*. Нѣтъ, подожди! Дай мнѣ ее. Вотъ такъ!

Гудмундъ. Ты хочешь—?

Маргитъ. Подарить ее водяному. Онъ меня такъ часто утѣшалъ своею игрою и развлекалъ своими чудными пѣснями. Давай сюда! *(Беретъ стклянку у него изъ рукъ)*. Вотъ такъ! *(Дѣлаетъ видъ, будто бросаетъ ее въ рѣку)*.

Гудмундъ *(идетъ направо и смотритъ въ воду)*. Ты ее выбросила?

Маргитъ *(пряча стклянку)*. Конечно, ты же видѣлъ—*(шепотомъ, направляясь къ дому)*. Да поможетъ мнѣ Богъ! Или панъ, или пропалъ! *(Громче)*. Послушай, Гудмундъ!

Гудмундъ *(подходитъ)*. Чего тебѣ надо?

Маргитъ. Ты долженъ растолковать мнѣ хорошенько старое преданіе о церкви, стоящей тамъ, подъ горой. Жили-были замужняя женщина и юноша; они крѣпко любили другъ друга. Въ тотъ день, когда они снесли ее внизъ и передали землѣ, онъ убилъ себя своимъ мечемъ. Ее похоронили на югѣ, у церковной стѣны, его—на сѣверѣ; съ тѣхъ поръ ни трава, ни кустарники не росли на освященной землѣ;—но слѣдующею весною на обѣихъ могилахъ расцвѣли прекраснѣйшія лиліи; онѣ выросли до самой церковной крыши и зеленѣли и зимою, и лѣтомъ. Можешь ты объяснить мнѣ смыслъ этой пѣсни?

Гудмундъ *(глядитъ на нее проницательно)*. Я не знаю, право—

Маргитъ. Это правда, ее можно толковать различно, но я думаю, что вотъ каково ея настоящее значеніе: церковь не можетъ разлучить двухъ сердецъ, дѣйствительно любящихъ другъ друга.

Гудмундъ *(тихо)*. Всѣ святые! Такъ вотъ почему!—Тогда время разсказать ей все. *(Громко)*. Отвѣчай мнѣ, Маргитъ,—хочешь ты моего счастья?

Маргитъ *(радостно взволнованная)*. Хочу ли я?

Гудмундъ. Да, я хочу сказать—

Маргитъ Говори смѣло.

Гудмундъ. Ну, хорошо,—ты могла бы сдѣлать меня такимъ богатымъ и счастливымъ—

Маргитъ *(радостно)*. Гудмундъ!

Гудмундъ. Выслушай меня; я хочу повѣрить тебѣ свою—*(Внезапно останавливается. У берега рѣки слышатся голоса и смѣхъ)*.

(Сигне и нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ выходятъ справа. Кнутъ Эрикъ и нѣсколько молодыхъ людей слѣдуютъ за ними).

Кнутъ *(еще издали)*. Гудмундъ Альфсонъ! Подожди; мнѣ надо сказать тебѣ пару словъ. *(Останавливается и разговариваетъ съ Эрикомъ. Остальные гости входятъ въ домъ)*.

Маргитъ *(про себя)*. Сдѣлать его такимъ богатымъ и счастливымъ!—Что же можетъ онъ подразумѣвать подъ этимъ другое,—какъ не—*(Вполголоса)*. Сигне—дорогая, дорогая моя сестра! *(Обнимаетъ Сигне за талію и идетъ, разговаривая съ нею, въ глубину сцены)*.

Гудмундъ *(тихо, слѣдя глазами за ними)*. Да такъ будетъ лучше всего. И Сигне, и мнѣ слѣдуетъ поскорѣе уѣхать изъ Сольгауга. Кнутъ Гэслингъ выказалъ себя моимъ другомъ: онъ поможетъ мнѣ.

Кнутъ *(тихо Эрику)*. Нѣтъ, нѣтъ, говорю я тебѣ; Гудмундъ ея родственникъ; онъ лучше всего можетъ помочь мнѣ.

Эрикъ. Дѣлай, какъ хочешь! *(Уходитъ въ домъ)*.

Кнутъ *(подходитъ ближе)*. Послушай, Гудмундъ—!

Гудмундъ *(улыбаясь)*. Ты пришелъ сказать мнѣ, что не смѣешь оставлять меня дольше на свободѣ?

Кнутъ. Не смѣю? Будь покоенъ; Кнутъ Гэслингъ смѣетъ дѣлать все, что хочетъ. Нѣтъ, тутъ дѣло совсѣмъ другого рода.—Ты знаешь,—меня считаютъ здѣсь дикимъ, необузданнымъ малымъ—

Гудмундъ. Да, если слухи вѣрны, то—

Кнутъ. Ахъ, нѣтъ, конечно, въ нихъ есть и доля правды, но выслушай—(*Уходятъ, разговаривая, въ глубину сцены*).

Сигне (*Маргитъ, спускаясь къ дому*). Я тебя не понимаю. Ты говоришь такъ, какъ будто неожиданная радость приключилась съ тобою. Что ты хочешь этимъ сказать?

Маргитъ. Сигне,—ты еще дитя; ты не знаешь, что значитъ вѣчно мучиться ужаснымъ страхомъ за—(*Внезапно прерываетъ свою рѣчь*). Представь себѣ, Сигне, какъ тяжело должно быть поблекнуть и умереть, не живши.

Сигне (*глядитъ на нее, качая головою, съ удивленіемъ*). Но, Маргитъ, что ты—?

Маргитъ. Да, да, ты этого не въ силахъ понять; все равно—(*Уходятъ, разговаривая, опять въ глубину сцены*).

(*Гудмундъ и Кнутъ спускаются съ другой стороны*).

Гудмундъ. Ну, если такъ,—если эта дикая, разнузданная жизнь тебѣ больше не нравится, то я дамъ тебѣ наилучшій совѣтъ, какой можетъ дать въ такомъ случаѣ другъ: возьми себѣ въ жены хорошую дѣвушку.

Кнутъ. Вѣрно, вѣрно. А если я тебѣ скажу, что я объ этомъ и самъ подумывалъ?

Гудмундъ. Въ такомъ случаѣ желаю тебѣ отъ души счастья, Кнутъ Гэслингъ. А теперь знай, что и также—

Кнутъ. Ты? И ты также думаешь объ этомъ—?

Гудмундъ. Да, я думаю;—но королевскій гнѣвъ,—я, вѣдь, опальный человѣкъ—

Кнутъ. Пустяки, на это не стоитъ обращать вниманія. Объ этомъ здѣсь до сихъ поръ никто, кромѣ фру Маргитъ, не знаетъ, а пока я тебѣ другъ, у тебя есть на кого положиться. Послушай только—(*Продолжаетъ разговаривать шепотомъ, подымаясь вверхъ*).

Сигне (*возвращаясь съ Маргитъ*). Но скажи же мнѣ Маргитъ—

Маргитъ. Ничего больше я не смѣю тебѣ сказать.

Сигне. Тогда я буду откровеннѣй съ тобою. Но отвѣть мнѣ сначала на одинъ вопросъ. (*Застѣнчиво колеблясь*). Не говорилъ ли съ тобою кто-нибудь—кто-нибудь обо мнѣ?

Маргитъ. О тебѣ? Нѣтъ; что же мнѣ могли бы сказать?

Сигне (*по прежнему, опустивъ глаза*). Ты спрашивала меня сегодня утромъ: что еслибы женихъ представился мнѣ?

Маргитъ. Это правда. (*Тихо*). Кнутъ Гэслингъ!—Неужели онъ уже—? (*Напряженно*). Ну? И что же?

Сигне (*радостно, тихо*). Женихъ представился. Онъ явился мнѣ, Маргитъ. Тогда я не знала, о комъ ты говоришь, но теперь—

Маргитъ. Что же ты отвѣтила ему?

Сигне. Ахъ, я сама не знаю! (*Обвиваетъ шею руками*). Но міръ показался мнѣ такимъ прекраснымъ и богатымъ съ той минуты, какъ онъ сказалъ мнѣ, что любитъ меня.

Маргитъ. Но, Сигне, Сигне, я не понимаю, какъ ты могла такъ скоро.—Ты почти не знала до сегодняшняго дня.

Сигне. Ахъ, я все еще такъ мало знакома съ любовью, но я знаю одно; пѣсня говоритъ правду:

И крѣпко свой корень пускаетъ въ груди,
Витая вокругъ легкокрылой мечтой.

Маргитъ. Пусть такъ! Но въ такомъ случаѣ мнѣ не зачѣмъ дольше скрывать что-либо отъ тебя. Ахъ!—(*Она внезапно останавливается, замѣтивъ, что Кнутъ и Гудмундъ подходятъ къ нимъ*).

Кнутъ (*довольный*). Такъ, это мнѣ очень пріятно, Гудмундъ. Вотъ моя рука.

Маргитъ (*тихо*). Что это значитъ?

Гудмундъ (*Кнуту*). А вотъ моя. (*Жмутъ другъ другу руки*).

Кнутъ. Но теперь мы оба скажемъ, кто она—

Гудмундъ. Хорошо. Здѣсь въ Сольгаугѣ, среди всѣхъ прекрасныхъ женщинъ, я нашелъ одну, которая—

Кнутъ. Я также. И я увезу ее еще сегодня ночью, если мнѣ удастся.

Маргитъ (*незамѣтно приблизившаяся*). Всѣ святые!

Гудмундъ (*кивая головою Кнуту*). То же задумалъ и я.

Сигне (*также прислушивавшаяся*). Гудмундъ!

Гудмундъ и Кнутъ *(разомъ, шепчутъ другъ другу, указывая на Сигне)*. Вотъ она!

Гудмундъ *(пораженный)*. Да, это моя!

Кнутъ *(такъ же)*. Нѣтъ, моя!

Маргитъ *(тихо, въ отчаяніи)*. Сигне!

Гудмундъ *(по прежнему, Кнуту)*. Что ты хочешь сказать?

Кнутъ. Я хочу жениться на Сигне—

Гудмундъ. На Сигне? Она моя невѣста передъ Богомъ.

Маргитъ *(вскрикиваетъ)*. Она? Нѣтъ, нѣтъ!

Гудмундъ *(тихо, замѣтивъ ее)*. Маргитъ! Она все слышала.

Кнутъ. Ай-ай-ай! Такъ вотъ какъ? Послушайте, фру Маргитъ, вамъ не за чѣмъ принимать такой изумленный видъ; я теперь все понимаю.

Маргитъ *(Сигне)*. Но ты только что говорила—? *(Внезапно понимаетъ, въ чемъ дѣло)*. Ты думала о Гудмундѣ?

Сигне *(съ удивленіемъ)*. А развѣ ты этого не знала? Но что съ тобою, Маргитъ?

Маргитъ *(беззвучнымъ голосомъ)*. Ахъ, ничего! ничего!

Кнутъ *(Маргитъ)*. И сегодня, утромъ, когда вы взяли съ меня слово, что я не нарушу вечеромъ миръ,—вы знали, что Гудмундъ Альфсонъ ожидается сюда? Ха, ха, ха! Вы воображаете, что можете позволить себѣ издѣваться надъ Кнутомъ Гэслингомъ! Я полюбилъ Синге. Утромъ я просилъ ея руки только въ силу своей необдуманной клятвы, но теперь—

Сигне *(Маргитъ)*. Онъ? Такъ это тотъ женихъ, о которомъ ты думала?

Маргитъ. Тише, тише!

Кнутъ *(сурово и рѣшительно)*. Фру Маргитъ,—вы старшая сестра ея; вы должны дать мнѣ отвѣтъ.

Маргитъ *(борясь съ собою)*. Сигне уже выбрала себѣ жениха;—я не могу ничего отвѣчать.

Кнутъ. Хорошо; въ такомъ случаѣ мнѣ нечего больше дѣлать въ Сольгаугѣ. Но послѣ полуночи,—замѣтьте,—кончается день; тогда вы меня опять увидите здѣсь, и тогда пусть судьба рѣшитъ, кому увезти Сигне въ свой домъ—Гудмудну или мнѣ?

Гудмундъ. Да, попробовать можешь. Но это будетъ стоить тебѣ головы!

Сигне *(со страхомъ)*. Гудмундъ! Ради всѣхъ святыхъ!—

Кнутъ. Берегись, берегись, Гудмундъ Альфсонъ! Солнце еще не взойдетъ, какъ ты будешь въ моей власти. А она—твоя невѣста—*(Подходитъ къ двери, дѣлаетъ знакъ и говоритъ вполголоса)*. Эрикъ! Эрикъ, иди сюда! Ѣдемъ къ нашимъ. *(Съ угрозою, между тѣмъ какъ Эрикъ показывается въ дверяхъ)*. Да, горе вамъ всѣмъ, когда я вернусь! *(Онъ и Эрикъ уходятъ налѣво, въ глубину сцены)*.

Сигне *(тихо Гудмунду)*. Ахъ, но скажи же мнѣ, что все это значитъ?

Гудмундъ *(шопотомъ)*. Мы должны еще сегодня уѣхать оба изъ Сольгауга.

Сигне. Господь съ нами!—Ты хочешь—?

Гудмундъ. Молчи объ этомъ. Ни слова никому, даже сестрѣ.

Маргитъ *(про себя)*. Она — это она! Она, о которой до сегодняшняго вечера онъ никогда не думалъ! Если бы я была свободна, я знаю, кого бы онъ избралъ.—Свободна!

(Бенгтъ и гости, мужчины и женщины выходятъ изъ дома).

Молодыя дѣвушки и молодые люди (поютъ).

Сюда вы на пиръ
Спѣшите скорѣй,
Пока спятъ всѣ птички
Въ гнѣздахъ, средь вѣтвей.
Какъ весело намъ
Играть средь цвѣтовъ
И пѣснь распѣвать
Средь пышныхъ луговъ!

Сюда всѣ, сюда,
Спѣшите скорѣй!
Пусть смѣхъ нашъ и шутки
Звучатъ средь полей!

Пусть намъ удалой
Смычекъ заиграетъ
И танецъ веселый
Печаль разгоняетъ!

Бенгтъ. Да, такъ должно быть. Это въ моемъ вкусѣ. Я веселъ сегодня, и моя жена также; и поэтому и вы всѣ должны быть веселы.

Одинъ изъ гостей. Устроимъ состязаніе.

Многіе *(кричатъ)*. Да, да, состязаніе!

Другой гость. Нѣтъ, оставьте! Это возбудитъ только неудовольствіе. *(Вполголоса)*.

голоса). Не забывайте, что сегодня здѣсь въ гостяхъ и Кнутъ Гэслингъ.

Многіе (*шепчутъ другъ другу*). Да, да, это правда. Помните, какъ онъ въ послѣдній разъ—? Лучше быть на сторожѣ, а то—чего добраго—

Старикъ. Но вы, фру Маргитъ,—я знаю, въ вашей семьѣ разсказывалось всегда много чудныхъ преданій, и вы еще ребенкомъ такъ искусно умѣли передавать ихъ—

Маргитъ. Ахъ, я ихъ всѣ позабыла. Но спросите моего родственника—Гудмунда Альфсона,—онъ знаетъ одну сказку, довольно веселую.

Гудмундъ (*вполголоса, умоляющимъ тономъ*). Маргитъ!—

Маргитъ. Ахъ, какое жалобное лицо ты сдѣлалъ! Развеселись, Гудмундъ, развеселись! Да, да, тебѣ это не такъ легко, охотно вѣрю. (*Смѣясь гостямъ*). Онъ сегодня видѣлъ русалку. Она хотѣла увлечь его, но у Гудмунда вѣрная душа. (*Опять оборачивается къ Гудмунду*). Ну, ну, сказка еще не кончена. Когда ты будешь везти свою милую черезъ лѣсъ и горы,—берегись, не оглядывайся;—русалка слѣдитъ за каждымъ кустомъ и смѣется, и въ концѣ концовъ—(*вполголоса, близко подходя къ нему*)—тебѣ не зайти далѣе, чѣмъ она позволитъ! (*Уходитъ направо*).

Сигне (*тихо*). О Боже, Боже!

Бенгтъ (*ходитъ съ довольнымъ видомъ среди гостей*). Фру Маргитъ умѣетъ придумывать сказки. Стоитъ ей только захотѣть, и она это дѣлаетъ лучше меня.

Гудмундъ (*про себя*). Она грозитъ; я долженъ отнять у нея послѣднюю надежду, иначе она не успокоится. (*Обращается къ гостямъ*). Я знаю маленькую пѣсенку. Если вамъ угодно слушать, я могу—

Многіе изъ гостей. Спойте, пожалуйста, спойте, Гудмундъ Альфсонъ!

(*Всѣ становятся въ кружокъ около него, одни сидя, другіе стоя. Маргитъ стоитъ, опершись о дерево, на авансценѣ—справа. Сигне стоитъ налѣво около дома*).

Гудмундъ (*поетъ*).

Блуждалъ я на чужбинѣ,
По морю ѣздилъ я,
Но дома лишь нашлася
Невѣсточка моя!

Провѣдала русалка,
Что въ сердцѣ у меня:
Той дѣвѣ не идти
Съ нимъ въ церковь никогда!

Русалка, ахъ, оставь,
Свой замыселъ лихой!
Тебѣ не разлучить
Красавицы со мной!

Старикъ. Хорошая пѣсня! Посмотри, какъ наши юноши переглядываются съ ними! (*Указываетъ на дѣвушекъ*). Да, да, у каждаго навѣрное—своя зазнобушка.

Бенгтъ (*дѣлая знакъ Маргитъ*). Да, да, а у меня своя,—это я навѣрное знаю. Ха, ха, ха!

Маргитъ (*тихо, дрожа отъ злости*). Ахъ, выносить все это издѣвательство, всю эту пытку! Нѣтъ, нѣтъ, надо испытать послѣднее средство!

Бенгтъ. Что съ тобою? Ты какъ будто поблѣднѣла.

Маргитъ. Это сейчасъ пройдетъ. (*Обращаясь къ гостямъ*). Мнѣ недавно казалось, что я забыла всѣ свои сказки. Но теперь, кажется, я припомнила одну.

Бенгтъ. Вотъ и отлично. Выкладывай ее передъ нами, жена!

Молодыя дѣвушки (*умоляющимъ голосомъ*). Ахъ, разскажите, разскажите, фру Маргитъ!

Маргитъ. Я боюсь, что она вамъ не особенно понравится, но что же дѣлать?

Гудмундъ (*тихо*). Всѣ святые, неужели она—?

Маргитъ. Жила на свѣтѣ дѣвушка красивая и молодая; жила она во дворѣ у своего отца. Она вышивала нитками, она вышивала шелками,—чтобы чѣмъ нибудь разсѣять свою грусть. Тяжело было у нея на сердцѣ; пусто было въ залѣ и во всемъ домѣ,—а дѣвушка была гордая и тщеславная; хотѣлось ей сдѣлаться знатною и богатою.—Далеко на сѣверѣ жилъ горный король; онъ пріѣхалъ съ золотомъ и богатою свитою къ дѣвушкѣ во дворъ. Тридцать дней и тридцать ночей ѣхалъ онъ съ ней на конѣ домой, въ свои горныя палаты. Много лѣтъ, и много зимъ провела она въ горѣ, пила медъ изъ золотого рога, но въ долинѣ росли прелестные цвѣты,—а ихъ она могла видѣть только во снѣ.—Жилъ-былъ юноша красивый и смѣлый: хорошо игралъ онъ на золотыхъ струнахъ. Звукъ его пѣсенъ доносился до глубины подземелья, въ которомъ дѣвушка такъ давно уже коротала свои дни. У нея, наконецъ, такъ странно сдѣлалось на душѣ; ворота

горныхъ палатъ мгновенно раскрылись; тишью долинъ повѣяло на нее и она могла опять созерцать чудный Божій міръ. Казалось, какъ будто она только теперь впервые пробудилась къ жизни при звукѣ его арфы, будто она теперь только поняла все богатство и всю прелесть вселенной. Ахъ, вы знаете: тотъ, кто прикованъ къ горной скалѣ, не можетъ быть такъ легко освобожденъ игрою на арфѣ; Юноша увидѣлъ ее связанною, услышалъ ея отчаянный крикъ,—тогда онъ откинулъ свою арфу далеко отъ себя, быстро поднялъ шелковые паруса и черезъ соленое море отплылъ со своею возлюбленною въ далекія, чуждыя страны. *(Съ возрастающею страстностью).* Ты такъ сладко игралъ на золотыхъ струнахъ, моя грудь дышала такъ смѣло, мое сердце такъ упоительно билось! Я должна выйти, я должна убѣжать въ зеленую долину! Я умру здѣсь среди горнаго мрака! А онъ только издѣвается надо мной! Онъ обнимаетъ свою возлюбленную и переплываетъ съ нею соленое море! *(Кричитъ).* Конецъ мнѣ! Заперлись ворота подземелья! Солнце больше не свѣтитъ; всѣ звѣзды померкли! *(Шатается и падаетъ безъ чувствъ на дерево)*

Сигне *(съ плачемъ спѣшитъ къ сестрѣ и охватываетъ ее руками).* Маргитъ! Сестра моя!

Гудмундъ *(одновременно, поддерживая ее).* На помощь, на помощь! Она умираетъ!

(Бенгтъ и гости окружаютъ ихъ, съ восклицаніями ужаса).

Дѣйствіе третье.

(Зала въ Сольгаугѣ, та же, что и въ первомъ дѣйствіи, только со слѣдами безпорядка послѣ пира. Мягкій свѣтъ сумерекъ въ комнатѣ и надъ всѣмъ пейзажемъ).

(Бенгтъ стоитъ на открытой галереѣ, съ бутылкою пива въ рукѣ. Толпа гостей готовится уходить. Въ залѣ ходитъ дѣвушка и прибираетъ).

Бенгтъ *(кричитъ уходящимъ).* Да будетъ миръ съ вами и добро пожаловать опять въ Сольгаугъ! Вы могли бы превосходно остаться здѣсь и переночевать у насъ, какъ и другіе. Ну да, да,—нѣтъ, подождите, я провожу васъ; я долженъ еще разъ выпить за ваше здоровье. *(Уходитъ).*

Гости *(поютъ въ отдаленіи).*

Да будетъ съ вами миръ!
Благодаримъ за миръ!
Впередъ мы весело
На горы вверхъ пойдемъ,
И чтобы силъ набраться
Мы пѣсню запоемъ.
Дороженьку свою
Веселью сократимъ,
Смѣлѣе всѣ впередъ!
Скорѣй домой хотимъ.

(Пѣніе все больше и больше теряется вдали).

(Маргитъ входитъ въ залъ изъ двери налѣво).

Дѣвушка. Господи Боже, госпожа, вы уже встали?

Маргитъ. Я уже совсѣмъ здорова; можешь идти внизъ и ложиться спать. Подожди: скажи мнѣ, всѣ ли гости разъѣхались?

Дѣвушка. Нѣтъ, не всѣ; часть осталась до завтрашняго дня; они уже навѣрное спятъ.

Маргитъ. А Гудмундъ Альфсонъ—?

Дѣвушка. Онъ также спитъ. *(Указываетъ направо).* Онъ недавно только ушелъ въ свою комнату, туда, надъ входомъ.

Маргитъ. Хорошо; можешь идти.

(Дѣвушка уходитъ налѣво).

(Маргитъ медленно ходитъ взадъ и впередъ, садится у стола направо и глядитъ въ открытое окно).

Маргитъ. Завтра Гудмундъ уѣдетъ отсюда, уѣдетъ далеко, далеко; а я опять останусь одна со своимъ мужемъ и тогда—тотъ же удѣлъ мнѣ предстоитъ, что и маленькимъ цвѣточкамъ на лугу, что и травкѣ въ кустахъ, что и соломинкѣ на поляхъ,—я завяну и поблекну, какъ и онѣ.

(Краткое молчаніе; она откидывается на кресло).

Мнѣ когда-то разсказывали о маленькомъ слѣпорожденномъ ребенкѣ, который весело росъ, играя и радуясь. Но мать соткала волшебную ткань, которая должна была вернуть слѣпымъ очамъ зрѣніе. И ребенокъ съ восхищеніемъ и удивленіемъ сталъ глядѣть на горы и море, на долины и берега. Но волшебная сила внезапно исчезла и ребенокъ опять погрузился въ мракъ. Куда дѣвалась его прежняя радость, куда дѣвались его веселыя игры! Отъ тоски и горя его щечки поблѣднѣли; онъ сталъ хворать, и всѣ дни и ночи, не переставая,

жаловался и плакалъ.—Ахъ, мои глаза также были слѣпы! Они не замѣчали ни радостей жизни, ни свѣта веселья—

(Она вскакиваетъ).

Но теперь—! Чувствовать себя запертою въ клѣткѣ! Нѣтъ, нѣтъ, моя молодость стоитъ дороже! Тремя годами своей жизни я пожертвовала ему, моему мужу; но теперь—довольно! Чтобы терпѣть дольше такую жизнь, я должна была обладать кротостью голубки. Я сдѣсь смертельно скучаю отъ мелкой, будничной жизни. Тамъ въ свѣтѣ жизнь кипитъ ключемъ. Я послѣдую за Гудмундомъ со щитомъ и лукомъ, буду раздѣлять его радости и смягчать его печали, оберегать его отъ опасности и охранять его сонъ. Всѣ будутъ восхищаться при видѣ храбраго рыцаря и Маргитъ, его жены.—Его жена! *(Всплеснувъ руками).* Ахъ Боже, прости меня, прости, я сама не знаю, что говорю! Ниспошли мнѣ свой миръ, успокаивающій и услаждающій душу! *(Нѣсколько минутъ стоитъ въ раздумьи).*

Сигне, сестра моя—? Такъ ее-то я должна раньше времени свести въ могилу? А все же—? Кто знаетъ? Она еще молода. Можетъ быть она не такъ уже сильно любитъ его! *(Опять молчаніе. Она вынимаетъ маленькую стклянку, долго смотритъ на нее и говоритъ тихо).* Въ этой стклянкѣ—съ нею я могла бы—мой мужъ заснулъ бы навѣки!—*(Въ страхѣ).* Нѣтъ, нѣтъ, я заброшу ее въ глубину рѣки! *(Хочетъ выбросить ее изъ окна, но останавливается).* А все же,—я могла бы когда-нибудь—*(Шепчетъ съ смѣшаннымъ выраженіемъ ужаса и восторга).* Какая искусительная, плѣнительная сила въ грѣхѣ! Мнѣ кажется, что то счастье выигрываетъ въ цѣнѣ, которое должно покупаться кровью, гибелью души—

(Бенгтъ входитъ изъ галлереи съ пустою бутылкою въ рукѣ; его лицо красно; поступь шатающаяся).

Бенгтъ *(ставитъ бутылку на столъ, слѣва).* Такъ-то! объ этомъ пирѣ долго будетъ ходить молва во всемъ околоткѣ. *(Видитъ Маргитъ).* Какъ, ты здѣсь? Ты, наконецъ, пришла въ себя? Вотъ это хорошо!

Маргитъ *(прячетъ стклянку).* Двери заперты?

Бенгтъ *(садится у стола налѣво).* Я обо всемъ позаботился и проводилъ послѣднихъ гостей. Но куда дѣлся сегодня вечеромъ Кнутъ Гэслингъ? Дай мнѣ еще меду, Маргитъ! Страшно хочется пить. Наполни этотъ вотъ кубокъ.

(Маргитъ беретъ изъ шкафа кувшинъ съ медомъ и наполняетъ кубокъ, стоящій передъ нимъ на столѣ).

Маргитъ *(переходитъ, съ кувшиномъ въ рукѣ, направо).* Ты спрашивалъ о Кнутѣ Гэслингѣ?

Бенгтъ. Конечно, спрашивалъ. Крикунъ!—хвастунъ! Я отлично помню, какъ онъ грозилъ мнѣ вчера утромъ.

Маргитъ *(ставитъ кувшинъ на столъ справа).* Онъ еще хуже того говорилъ, когда уѣзжалъ.

Бенгтъ. Въ самомъ дѣлѣ? Вотъ это хорошо! Я убью его.

Маргитъ *(улыбаясь презрительно).* Гмъ!—

Бенгтъ. Убью его на смерть, говорю тебѣ. Я вовсе не боюсь вступать въ рукопашную съ такими молодцами, какъ онъ. Тамъ виситъ сѣкира моихъ предковъ; рукоятка отдѣлана серебромъ, и стоитъ мнѣ взять ее въ руки и—*(Стучитъ кулакомъ по столу и пьетъ).* Завтра я вооружусь, возьму съ собой всѣхъ моихъ людей и убью на смерть Кнута Гэслинга. *(Выпиваетъ кубокъ до дна).*

Маргитъ. Ахъ,—и жить съ такимъ человѣкомъ! *(Хочетъ уйти)*

Бенгтъ. Маргитъ, иди сюда! Наполни опять мой кубокъ. *(Она подходитъ, онъ хочетъ посадить ее къ себѣ на колѣни).* Ха, ха, ха! какъ ты хороша, Маргитъ! Я люблю тебя.

Маргитъ *(Освобождается изъ его объятій).* Ахъ, оставь меня! *(Уходитъ съ кубкомъ направо).*

Бенгтъ. Какая ты сегодня вечеромъ недотрога! Ха, ха. ха! а на умѣ у тебя совсѣмъ другое!

Маргитъ, *(тихо наполняя опять кубокъ).* Ахъ, если бы это былъ послѣдній кубокъ, налитый мною тебѣ! *(Она ставитъ кубокъ и хочетъ уйти налѣво)*

Бенгтъ. Послушай, Маргитъ. За одно ты должна возблагодарить небо—за то, что я женился на тебѣ раньше, чѣмъ Гудмундъ Альфсонъ вернулся домой.

Маргитъ (*останавливаясь у дверей).* Это почему?

Бенгтъ. Да, потому, что все его имущество не составляетъ и десятой доли моего. А я увѣренъ, что онъ просилъ бы твоей руки, если бы ты не была госпожею въ Сольгаугѣ.

Маргитъ (*приближается, глядя на кубокъ*). Ты это думаешь?

Бенгтъ. Я готовъ былъ въ этомъ поклясться, Маргитъ. У Бенгта Гаутесона

два умныхъ глаза во лбу. Но теперь онъ можетъ жениться на Сигне.

Маргитъ. И ты думаешь, что онъ согласится?

Бенгтъ. Жениться на ней? Ну да, конечно, разъ онъ не можетъ жениться на тебѣ. Но если бы ты была свободна, то— Ха, ха, ха! Гудмундъ похожъ на всѣхъ остальныхъ; онъ завидуетъ мнѣ, что я твой мужъ. Поэтому-то я такъ люблю тебя, Маргитъ! Дай сюда кубокъ. Наполни его до края.

Маргитъ *(идетъ, колеблясь, направо)*. Хорошо, наполню!

Бенгтъ. Кнутъ Геслингъ также сватался къ Сигне; но его я убью. Гудмундъ славный малый; онъ получитъ ее. Подумай только, Маргитъ, какъ славно заживемъ мы сосѣдями. Мы будемъ ходить другъ къ другу въ гости и будемъ сидѣть по цѣлымъ днямъ, держа каждый свою жену на колѣняхъ, и будемъ болтать вмѣстѣ и пить сколько душѣ угодно.

Маргитъ *(борется съ собою и невольно вынимаетъ изъ кармана стклянку, говоря)*. Да, да!

Бенгтъ. Ха, ха, ха! Сначала Гудмундъ, конечно, будетъ съ неудовольствіемъ смотрѣть на меня, когда я обниму тебя; но мало по малу онъ обойдется,—я въ этомъ увѣренъ.

Маргитъ *(тихо)*. Нѣтъ, это превышаетъ человѣческія силы! *(Выливаетъ содержимое стклянки въ кубокъ, подходитъ къ окну, выбрасываетъ стклянку и говоритъ, не глядя на него)*. Твой кубокъ налитъ.

Бенгтъ. Такъ дай мнѣ его сюда.

Маргитъ *(борется съ собою въ страхѣ и сомнѣніи, наконецъ говоритъ)*. Не пей больше сегодня ночью!

Бенгтъ *(смѣясь, откидывается на стулъ)*. А—а! ты, можетъ быть, ожидаешь меня? *(Подмигиваетъ ей)*. Иди, я сейчасъ приду.

Маргитъ *(съ внезапною рѣшимостью)*. Твой кубокъ наполненъ. *(Указывая на кубокъ)*. Вотъ онъ. *(Быстро уходитъ налѣво)*.

Бенгтъ *(встаетъ)*. Я ее, право, очень люблю, и нисколько не раскаиваюсь, что женился на ней, хотя единственнымъ ея приданнымъ были вотъ этотъ кубокъ и одежда, надѣтая на нее, когда она стояла подъ вѣнцомъ.

(Подходитъ къ столу—направо и беретъ кубокъ).

(Слуга быстро сбѣгаетъ въ испугѣ изъ глубины сцены).

Слуга *(кричитъ)*. Господинъ Бенгтъ, господинъ Бенгтъ! Спѣшите поскорѣй! Кнутъ скачетъ сюда въ дворъ съ толпою вооруженныхъ людей.

Бенгтъ *(ставитъ кубокъ на столъ)*. Кнутъ Гэслингъ? Кто это говоритъ?

Слуга. Нѣкоторые изъ вашихъ гостей увидали его внизу на дорогѣ и поспѣшили назадъ, чтобы предупредить васъ.

Бенгтъ. Хорошо; такъ и я также.— Подай мнѣ сѣкиру моего дѣда.

(Быстро уходитъ со слугою въ глубину сцены).

Нѣсколько времени спустя входятъ тихо и осторожно Гудмундъ и Сигне черезъ дверь направо).

Сигне *(шепотомъ)*. Такъ это необходимо!

Гудмундъ *(также)*. Крайняя нужда заставляетъ насъ.

Сигне. Ахъ, убѣгать тайкомъ изъ этой мѣстности, гдѣ я родилась—! *(Вытираетъ глаза)*. А между тѣмъ я не хочу жаловаться; я ухожу отсюда изъ за тебя, Гудмундъ: если бы ты не былъ въ опалѣ, я могла бы остаться у моей сестры.

Гудмундъ. А на слѣдующій день пришелъ бы съ вооруженною свитою Кнутъ Гэслингъ, посадилъ бы тебя на коня и отвезъ бы къ себѣ и сдѣлалъ бы своею женою.

Сигне. Ахъ, бѣжимъ поскорѣе! Но куда намъ бѣжать?

Гудмундъ. Тамъ, за фіордомъ, живетъ одинъ изъ моихъ друзей. Онъ доставитъ намъ корабль. Мы по соленой водѣ переплываемъ съ тобою на датскій берегъ. Въ Даніи, повѣрь, славно живется. Тебѣ будетъ пріятно поселиться тамъ. Прекраснѣйшіе цвѣты расцвѣтаютъ въ Даніи подъ тѣнью буковъ.

Сигне *(плачетъ)*. Бѣдная моя сестра!—прощай, прощай! Ты, точно мать, воспитывала меня и лелѣяла, руководила первыми моими шагами, возносила къ небу самыя горячія молитвы за мое здоровье. — Постой, Гудмундъ, — выпьемъ изъ этого кубка за ея здоровье! Пожелаемъ, чтобы она вновь обрѣла радость и покой и чтобы печали ея и горести разлетѣлись прахомъ. *(Беретъ кубокъ)*.

Гудмундъ. Выпьемъ, осушимъ до дна ея кубокъ, за ея здоровье! *(Останавливается)*. Нѣтъ, постой! *(Отнимаетъ у нея кубокъ)*. Этотъ кубокъ я узнаю.

Сигне. Это кубокъ Маргитъ.

Гудмундъ *(смотритъ на него)*. Царю небесный,—теперь я вспоминаю.— Когда я уѣзжалъ отсюда, въ немъ искри-

лось вино; она выпила его за радостную встрѣчу; но эта встрѣча принесла ей только горе и страданья. Нѣтъ, Сигне, не ней никогда ни вина, ни меда изъ этого кубка. *(Выливаетъ его содержимое за окно).* Намъ пора идти. *(Крикъ и шумъ за сценою).*

Сигне. Тише!—Гудмундъ, я слышу крики и шумъ.

Гудмундъ *(прислушиваясь).* Это голосъ Кнута Гэслинга.

Сигне. Ахъ, господи, спаси насъ и помилуй!

Гудмундъ *(становясь передъ нею).* Не бойся, я съумѣю защитить мою невѣсту. *(Маргитъ быстро вбѣгаетъ слѣва).*

Маргитъ *(прислушиваясь къ шуму).* Что это значитъ? Развѣ мой мужъ—?

Гудмундъ и Сигне. Маргитъ!

Маргитъ *(замѣчая ихъ).* Гудмундъ и Сигне! Вы здѣсь?

Сигне *(бросаясь къ ней).* Маргитъ, —дорогая сестра!

Маргитъ *(въ ужасѣ, замѣчая кубокъ, который Гудмундъ продолжаетъ держать въ рукѣ)* Кубокъ! Кто его осушилъ?

Гудмундъ. Я и Сигне—мы хотѣли—

Маргитъ *(кричитъ).* Помилуй! Боже, помилуй! На помощь! Они умрутъ!

Гудмундъ *(ставитъ кубокъ на столъ).* Маргитъ!—

Сигне. Ахъ, Боже, что съ тобой?

Маргитъ *(въ глубину сцены)* Помогите! помогите! Неужели никто не придетъ на помощь?

(Слуга вбѣгаетъ поспѣшно изъ галлереи).

Слуга *(кричитъ въ испугѣ).* Фру Маргитъ! Вашъ мужъ—

Маргитъ. Онъ! Онъ также пилъ!

Гудмундъ *(тихо).* Ахъ, теперь я понимаю!

Слуга. Кнутъ Гэслингъ убилъ его.

Сигне. Убилъ?

Гудмундъ *(вынимая изъ ноженъ мечъ).* Еще нѣтъ, надѣюсь. *(Шепчетъ Маргитъ).* Успокойся; никто не пилъ изъ этого кубка.

Маргитъ. Хвала Богу, спасшему насъ всѣхъ! *(Она падаетъ на стулъ, Гудмундъ бросается въ глубину сцены).*

Другой слуга *(въ дверяхъ, останавливаетъ его).* Вы придете слишкомъ поздно. Господинъ Бенгтъ умеръ.

Гудмундъ. Значитъ, онъ его убилъ.

Слуга. Гости и ваши люди одержали верхъ надъ злоумышленниками. Кнутъ Гэслингъ и его свита связаны. Вотъ они идутъ.

(Слуги Гудмунда, гости и слуги Бенгта вводятъ Кнута Гэслинга. Эрикъ фра Гэгге и нѣсколько воиновъ Кнута входятъ также связанными).

Кнутъ *(блѣдный, но спокойный).* Я—убійца, Гудмундъ. Что скажешь ты на это?

Гудмундъ. Кнутъ, Кнутъ, что ты сдѣлалъ?

Эрикъ. Это случилось нечаянно, клянусь.

Кнутъ. Онъ набросился на меня съ поднятою сѣкирою; я хотѣлъ защитить себя и совершенно неумышленно зарубилъ его.

Эрикъ. Многіе это видѣли.

Кнутъ Фру Маргитъ, требуйте отъ меня какого угодно вознагражденія, я готовъ выплатить вамъ его.

Маргитъ. Я ничего не требую. Пусть Богъ самъ разсудитъ насъ. Ахъ нѣтъ,—я требую одного: откажитесь отъ вашихъ злыхъ замысловъ противъ моей сестры.

Кнутъ. Никогда больше не буду я стараться выполнять свою злосчастную клятву. Повѣрьте мнѣ, я исправлюсь. Лишь бы мнѣ не пришлось нести позорной кары за свой поступокъ. *(Гудмунду).* Если ты вернешь опять себѣ прежнія почести, я попрошу тебя замолвить за меня словечко передъ королемъ.

Гудмундъ. Я? Заря еще не займется, какъ я уѣду отсюда.

Маргитъ *(Гудмунду).* Ты уѣзжаешь? И Сигне хочетъ ѣхать съ тобой?

Сигне *(умоляющимъ голосомъ).* Маргитъ!

Маргитъ. Будьте счастливы,—вы оба!

Сигне *(бросаясь ей на шею).* Дорогая сестра!

Гудмундъ. Благодарю, Маргитъ. А теперь прощай. *(Прислушиваясь).* Тише! Я слышу конскій топотъ на дворѣ.

Сигне *(пугливо).* Какіе-то чужіе люди пріѣхали къ намъ.

Слуга *(изъ дверей въ глубинѣ сцены).* Прибыли посланные короля. Они ищутъ Гудмунда Альфсона.

Сигне. Ахъ, Царю Небесный!

Маргитъ *(вздрагивая отъ ужаса).* Посланные отъ короля!

Гудмундъ. Значитъ, всему конецъ. Ахъ, Сигне, терять тебя какъ разъ те-

Празднество въ Сольгаугѣ (2-й актъ).

(Маргитъ, Сигне, Гудмундъ и Кнутъ Геслингъ).

Кнутъ. Берегись, берегись, Гудмундъ Альфсонъ! Солнце еще не взойдетъ, какъ ты будешь въ моей власти. А она—твоя невѣста... Да, горе вамъ всѣмъ, когда я вернусь!

перь!—никогда еще мнѣ не было такъ тяжело на сердцѣ!

Кнутъ. Нѣтъ, Гудмундъ, ты долженъ дорого продать свою жизнь. Развяжи насъ; мы всѣ готовы сразиться за тебя.

Эрикъ (*выглядывая изъ окна*). Это не поможетъ. Ихъ слишкомъ много.

Сигне. Они идутъ сюда. Ахъ, Гудмундъ, Гудмундъ!

(*Королевскій посланный входитъ со свитою изъ глубины сцены*).

Посланный. Именемъ короля, я ищу васъ, Гудмундъ Альфсонъ.

Гудмундъ. Хорошо. Но я ни въ чемъ не виновенъ, клянусь всѣмъ святымъ для меня.

Посланный. Это мы всѣ знаемъ.

Гудмундъ. Какъ?

(*Движеніе среди присутствующихъ*).

Посланный. Мнѣ данъ приказъ пригласить васъ въ гости въ королевскій дворъ. Король возвращаетъ вамъ свою дружбу и всѣ прежнія милости и присоединяетъ къ этому богатые дары—

Гудмундъ. Сигне!

Сигне. Гудмундъ!

Гудмундъ. Но скажите же мнѣ—

Посланный. Вашъ врагъ, канцлеръ Аудунъ Гуклейсонъ, палъ.

Гудмундъ. Канцлеръ?

Гости (*вполголоса другъ другу*). Палъ!

Посланный. Три дня тому назадъ ему снесли голову въ Бергенѣ. (*Вполголоса*). Онъ оскорбилъ королеву Норвегіи.

Маргитъ (*становится между Гудмундомъ и Сигне*). За преступленіемъ всегда слѣдуетъ наказаніе. Ангелы хранители, любящіе, нѣжные, ниспосланы были мнѣ сегодня ночью Богомъ и спасли меня отъ грѣха. Теперь я знаю, что жизнь важнѣе, чѣмъ земныя радости и мірское богатство. Я почувствовала, какое страшное раскаяніе, какой ужасъ постигаетъ насъ, когда душа ставится на карту!—Я поступлю въ монастырь св. Сюнниве—(*Гудмундъ и Сигне хотятъ заговорить*). Тише! Никто не можетъ поколебать моего рѣшенія! (*Соединяетъ ихъ руки*). Гудмундъ, введи ее въ свой домъ, пусть она будетъ твоею женою! Вы дали другъ другу обѣтъ. Да охраняетъ Господь вашъ союзъ!

(*Она киваетъ головою на прощаніе и уходитъ налѣво. Гудмундъ и Сигне хотятъ слѣдовать за нею. Маргитъ жестомъ останавливаетъ ихъ, идетъ и запираетъ за собою дверь. Въ ту же минуту входитъ солнце и озаряетъ залъ*).

Гудмундъ. Сигне!—Жена моя!—Видишь, занимается день,—это день нашей молодой любви.

Сигне. Моими лучшими мечтами, моими самыми сладкими воспоминаніями я обязана тебѣ и звукамъ твоей арфы,—мой благородный пѣвецъ. Въ горѣ и веселье ударь лишь по струнамъ своей арфы и, повѣрь мнѣ, глубоко въ моей груди скрыты струны, готовыя откликнуться тебѣ въ радости и горѣ.

Хоръ. (*Мужчинъ и женщинъ*)

Съ высоты небесъ на землю
Свѣта лучъ Богъ посылаетъ,
Утѣшаетъ онъ насъ въ горѣ,
Ярко путь намъ озаряетъ!

НОРА.

Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Гельмеръ, адвокатъ.
Нора, его жена.
Донторъ Раннъ.
Г-жа Линде.
Крогштадъ, повѣренный по дѣламъ.
Трое маленькихъ дѣтей Гельмера.
Маріанна, няня у Гельмеровъ.
Горничная, у нихъ же.
Посыльный.

(Дѣйствіе происходитъ въ квартирѣ Гельмера).

Дѣйствіе первое.

(Комфортабельная комната, со вкусомъ, но не дорого меблированная. Въ глубинѣ дверь справа, ведущая въ переднюю; другая дверь слѣва открывается въ кабинетъ Гельмера. Между этими двумя дверьми—фортепіано. Посреди лѣвой стѣны—дверь, а нѣсколько далѣе—окно. У окна круглый столъ—съ креслами вокругъ него и небольшимъ диваномъ. У боковой стѣны, справа въ глубинѣ сцены, дверь, а ближе къ авансценѣ—каминъ; передъ каминомъ два кресла и качалка. Между дверью и каминомъ маленькій столъ. На стѣнахъ—гравюры. Этажерка съ фарфоровыми вещицами и другими мелкими украшеніями; небольшой книжный шкафъ съ книгами въ дорогихъ переплетахъ. На полу—коверъ, въ каминѣ—огонь. Зимній день).

(Звонокъ въ передней; слышно, какъ отворяется дверь. *Нора* входитъ въ комнату съ веселымъ лицомъ, напѣвая; она одѣта въ пальто и нагружена множествомъ пакетовъ, которые выкладываетъ на столъ справа. Дверь въ переднюю она оставляетъ открытою и на порогѣ показывается *посыльный*, съ елкою въ рукахъ и корзиною, которыя онъ отдаетъ горничной, открывшей ему дверь).

Нора. Смотрите, Елена, хорошенько спрячьте дерево. Дѣти не должны видѣть елки до вечера, когда мы украсимъ ее. (*Посыльному, вынимая портмонэ*). Сколько вамъ слѣдуетъ?

Посыльный. Пятнадцать орэ.

Нора. Вотъ вамъ крона. Нѣтъ, сдачи не нужно. (*Посыльный благодаритъ и уходитъ. Нора затворяетъ за нимъ дверь. Она улыбается съ довольнымъ видомъ, снимаетъ пальто, вынимаетъ изъ кармана миндальное пирожное и начинаетъ его грызть, затѣмъ подходитъ осторожно къ двери кабинета и прислушивается*). Да, онъ дома. (*Начинаетъ напѣвать, подходя къ столу направо*).

Гельмеръ (*изъ кабинета*). Не жаворонокъ ли мой тамъ щебечетъ?

Нора (*открывая пакеты*). Онъ самый.

Гельмеръ. Не бѣлочка ли моя тамъ хозяйничаетъ?

Нора. Да.

Гельмеръ. А когда же бѣлочка моя вернулась?

Нора. Только что. (*Прячетъ пирожное въ карманъ и вытираетъ ротъ*). Иди сюда, Торвальдъ, посмотри что я накупила.

Гельмеръ. Не мѣшай! (*Нѣсколько времени спустя, открывая дверь и заглядывая съ перомъ въ рукѣ*). Накупила, говоришь ты? Все это? Стало быть, моя птичечка опять выѣзжала изъ дому и истратила кучу денегъ?

Нора. Да, но, видишь ли, Торвальдъ, въ этомъ году мы можемъ позволить себѣ кое-что лишнее. Это первое Рождество, когда мы не обязаны разсчитывать каждый грошъ.

Гельмеръ. Да, но мы не должны и сорить деньгами.

Нора. Право, Торвальдъ, чуточку расточительности мы можемъ себѣ позволить. Не правда ли? Только самую чуточку. Ты получаешь теперь большое жалованье и будешь зарабатывать много, много денегъ.

Гельмеръ. Да, но только съ Новаго года; нужно ждать еще цѣлыхъ три мѣсяца до перваго полученія жалованья.

Нора. Пустяки, покамѣстъ можно призанять.

Гельмеръ. О, нѣтъ! (*Подходитъ къ ней и смотритъ ей прямо въ глаза*). Мы опять становимся легкомысленными? Предположимъ, что я возьму сегодня взаймы тысячу кронъ, а ты истратишь ихъ всѣ на Рождество, и потомъ, на новый годъ, вечеромъ меня хватитъ ударъ, и я буду лежать—

Нора (*Зажимая ротъ рукою*). Что ты? Не говори такихъ ужасовъ.

Гельмеръ. А если что-нибудь подобное случится, что тогда?

Нора. Ну, если бы ужъ случился такой ужасъ, то было бы рѣшительно все равно, есть ли у меня деньги, или нѣтъ.

Гельмеръ. Да, для тебя, а для тѣхъ кто далъ намъ взаймы?

Нора. Для нихъ? А какое мнѣ дѣло до нихъ? Это чужіе.

Гельмеръ. Нора, Нора, ты настоящая женщина. Но будемъ говорить серьезно, Нора; ты знаешь, какой у меня взглядъ на этотъ счетъ. Никогда не брать взаймы! Никогда не дѣлать долговъ! Разъ семья связалась съ кредиторами, она носитъ на себѣ печать чего-то некрасиваго, рабскаго. Мы молодцами держались до сегодняшняго дня; будемъ же продолжать жить по прежнему то небольшое время, которое намъ остается еще потерпѣть.

Нора (*идетъ къ камину*). Хорошо, какъ хочешь, Торвальдъ.

Гельмеръ (*идетъ за ней*). Ну, ну, не зачѣмъ моей маленькой птичечкѣ сейчасъ опускать крылышки. Чего же это моя бѣлочка отвернулась отъ меня и дуется? (*Вынимаетъ портмоне*). Нора, какъ ты думаешь, что у меня здѣсь въ портмоне?

Нора (*быстро оборачивается*). Деньги!

Гельмеръ. А посмотри ка сюда. (*Протягиваетъ ей нѣсколько кредитокъ*). О, Боже, я знаю, что передъ Рождествомъ всегда много расходовъ по дому.

Нора (*считаетъ*). Десять — двадцать—тридцать—сорокъ. Благодарю, благодарю, Торвальдъ, теперь мнѣ надолго хватитъ.

Гельмеръ. Да, дорогая, постарайся, чтобы хватило.

Нора. О, да, конечно, постараюсь. Но иди сюда, я покажу тебѣ все, что купила. И такъ дешево! Смотри, вотъ новый костюмъ для Ивара—и сабля, вотъ лошадь и труба для Боба, а вотъ кукла и кукольная постель для Эммы; онѣ очень простенькія, но Эмми портитъ все, что попадается ей въ руки. А здѣсь у меня матеріи на платья и платки для служанокъ; старой Маріаннѣ слѣдовало бы, впрочемъ, сдѣлать теперь лучшій подарокъ.

Гельмеръ. А что въ этомъ пакетѣ?

Нора (*вскрикиваетъ*). Нѣтъ, Торвальдъ, ты не долженъ трогать его до вечера!

Гельмеръ. Ну, хорошо, хорошо. Но скажи теперь, моя маленькая мотовка, что же ты купила для себя?

Нора. Я, для себя? Мнѣ ничего не нужно.

Гельмеръ. Всегда одна и та же пѣсенка! Но ты скажи мнѣ хоть разъ какое нибудь разумное желаніе лично для себя,—скажи, чего бы тебѣ хотѣлось?

Нора. Да ничего. Или послушай, Торвальдъ—

Гельмеръ. Ну?

Нора (*беретъ его за пуговицу, не глядя на него*). Если бы ты захотѣлъ сдѣлать мнѣ подарокъ, ты могъ бы—ты могъ бы —

Гельмеръ. Ну, говори же скорѣе.

Нора (*быстро*). Ты могъ бы дать мнѣ денегъ, Торвальдъ, много денегъ, сколько ты въ состояніи дать, не стѣсняя себя; а я когда-нибудь потомъ купила бы себѣ что-нибудь.

Гельмеръ. Но, Нора—

Нора. Сдѣлай это, Торвальдъ, милый прошу тебя. А я повѣшу деньги на елку

въ золотыхъ бумажкахъ. Это будетъ такъ забавно, не правда ли?

Гельмеръ. Какъ называются тѣ нахлѣбники, которые все расточаютъ и никогда не заботятся о завтрашнемъ днѣ?

Нора. Стрекозы, я это знаю. Но сдѣлай такъ, какъ я тебя прошу, Торвальдъ; у меня будетъ время хорошенько подумать, что мнѣ купить за твои деньги, въ чемъ я больше всего нуждаюсь. Развѣ это не разумно? Какъ ты находишь?

Гельмеръ *(улыбаясь)*. Разумно то оно разумно, конечно, но только въ томъ случаѣ, если бы ты дѣйствительно съумѣла сохранить деньги, которыя я дамъ, и дѣйствительно купила себѣ что-нибудь потомъ. А то я тебя знаю: ты сейчасъ же истратишь эти деньги на что-нибудь нужное, по твоему мнѣнію, для дома, или на какіе-нибудь пустяки, а мнѣ опять придется отдуваться своимъ карманомъ.

Нора. Нѣтъ, право, Торвальдъ—

Гельмеръ. Нечего отнѣкиваться, моя дорогая, милая Нора. *(Обнимаетъ ее за талію)*. Стрекозы очень милы, но на нихъ идетъ страшно много денегъ. Трудно даже повѣрить, какъ онѣ дорого стоятъ своимъ мужьямъ.

Нора. Ахъ, фи, какъ ты можешь это говорить? Я стараюсь сберечь все, что могу.

Гельмеръ *(улыбаясь)*. Вотъ это умно сказано. Все, что можешь. Но дѣло въ томъ, что ты ничего не можешь сберечь.

Нора *(напѣваетъ, улыбаясь съ довольнымъ видомъ)*. Гмъ, если бы ты зналъ, сколько у насъ, у жаворонокъ и бѣлокъ, расходовъ, Торвальдъ!

Гельмеръ. Странное ты существо! Совершенно такая, какъ твой отецъ. Ты тянешься изо всѣхъ силъ, чтобы заработать возможно больше денегъ, но затѣмъ ты такъ же точно прилагаешь всѣ старанія, чтобы спустить ихъ возможно скорѣе; ты даже сама никогда не знаешь, куда ты ихъ всѣ дѣвала. Ну, что жъ, приходится мириться съ тобой, такою, какъ ты есть. Это у тебя въ крови. Да, да, да, такія качества наслѣдственны, Нора.

Нора. Такъ что же? Я отъ души желала бы унаслѣдовать многія изъ папиныхъ качествъ.

Гельмеръ. А я ни за что не желалъ бы, чтобы ты была иною, чѣмъ теперь, моя милая, дорогая пѣвчая пташечка. Но слушай, мнѣ кое-что пришло въ голову. Ты кажешься мнѣ сегодня такою—такою—какъ бы выразиться?—такою подозрительною.

Нора. Неужели?

Гельмеръ. Да, конечно. Посмотрика мнѣ въ глаза.

Нора *(смотритъ на него)*. Ну?

Гельмеръ *(грозитъ пальцемъ)*. Эти маленькіе зубки уже грызли сегодня что-нибудь въ городѣ?

Нора. Нѣтъ, что это за глупости пришли тебѣ въ голову!

Гельмеръ. Неужели моя лакомка не заворачивала ни въ одну кондиторскую?

Нора. Нѣтъ, Торвальдъ, увѣряю тебя.

Гельмеръ. И не пробовала варенья?

Нора. Нѣтъ.

Гельмеръ. И не скушала ни одного пирожнаго?

Нора. Нѣтъ, Торвальдъ, я серьезно увѣряю тебя—

Гельмеръ Ну, ну, ну, я говорю, конечно, только въ шутку.

Нора *(идетъ къ столу направо)*. Съ какой стати дѣлала бы я тебѣ непріятное?

Гельмеръ. Да, конечно, въ особенности послѣ того, какъ ты дала мнѣ слово. —*(Идетъ за ней)*. Нѣтъ, нѣтъ, я не дотронусь до твоихъ таинственныхъ сверточковъ, дорогая моя Нора, будь покойна. Надѣюсь, что сегодня вечеромъ всѣ тайны разоблачатся, какъ только зажгутъ елку.

Нора. А ты не забылъ пригласить доктора Ранка?

Гельмеръ. Нѣтъ, я ему еще ничего не говорилъ. Да это и не нужно. Само собою разумѣется, что онъ сегодня ужинаетъ съ нами. Я его приглашу, впрочемъ, когда онъ зайдетъ къ намъ сегодня утромъ? Я уже купилъ хорошаго вина. Ты не повѣришь, Нора, какъ я радъ сегодняшнему вечеру.

Нора. И я также. А какъ дѣти обрадуются, Торвальдъ!

Гельмеръ. Ахъ, какъ пріятно знать, что ты, наконецъ, добился прочнаго, хорошаго положенія и будешь получать прочный, вѣрный доходъ. Не правда ли, эта мысль доставляетъ большое удовольствіе?

Нора. Несказанное!

Гельмеръ. А помнишь прошлое Рождество? Ты цѣлыя три недѣли до Рождества запиралась каждый вечеръ въ своей комнатѣ далеко за полночь, чтобы приготовить на елку цвѣты и разные другіе предметы, которыми хотѣла поразить насъ. Уфъ, это было самое скучное время, какое я когда-либо переживалъ въ жизни!

Нора. А я совсѣмъ не скучала.

Гельмеръ *(улыбаясь)*. А все же елка вышла очень и очень плачевною.

Нора. Ахъ, ты опять меня дразнишь этимъ! Чѣмъ же я была виновата, если кошка пришла и порвала въ клочки все, что я наготовила.

Гельмеръ. Конечно, это была не твоя вина, моя бѣдная маленькая Нора. Ты желала отъ души доставить намъ удовольствіе, а это было главное Тѣмъ не менѣе хорошо, что это скучное время у насъ за плечами.

Нора. О, да!

Гельмеръ. Теперь тебѣ незачѣмъ утруждать твои милые глаза и твои маленькія дорогія хорошенькія ручки.

Нора (*хлопаетъ въ ладоши*). Да, не правда ли, Торвальдъ, теперь уже это лишнее? Ахъ, какъ пріятно слышать это! (*Беретъ его подъ руку*). Теперь я скажу тебѣ, Торвальдъ, какъ я мечтаю устроиться. Какъ только пройдетъ Рождество —(*Звонокъ въ передней*). Ахъ, звонятъ! (*Начинаетъ прибирать въ комнатѣ*). Кто-то пришелъ. Какъ это скучно!

Гельмеръ. Помни, что меня для гостей нѣтъ дома.

Горничная (*отворяя входную дверь*). Незнакомая дама спрашиваетъ васъ, барыня.

Нора. Просите.

Горничная (*Гельмеру*). Господинъ докторъ также пришелъ.

Гельмеръ. Онъ прошелъ прямо ко мнѣ?

Горничная. Точно такъ.

(*Гельмеръ идетъ въ свой кабинетъ. Горничная вводитъ г-жу Линде, въ пальто, и запираетъ за нею дверь*).

Г-жа Линде (*нѣсколько сконфуженная, смущеннымъ тономъ*). Здравствуй, Нора.

Нора (*неувѣреннымъ голосомъ*). Здравствуйте.

Г-жа Линде. Ты меня не узнаешь?

Нора. Нѣтъ; я не знаю;—да, конечно, мнѣ кажется—(*вскрикивая*). Какъ! Кристина! Неужели это ты?

Г-жа Линде. Да, это я.

Нора. Кристина! А я тебя не узнала. Но кто же могъ подумать! —(*Тише*). Какъ ты измѣнилась, Кристина!

Г-жа Линде. О, да, конечно. За девять—десять лѣтъ—

Нора. Неужели прошло уже столько времени? Да, это правда. О, послѣдніе восемь лѣтъ были для меня счастливыми годами, очень счастливыми. А теперь и ты пріѣхала сюда въ городъ? Сдѣлала такое длинное путешествіе зимою? Это очень храбро!

Г-жа Линде. Я пріѣхала пароходомъ.

Нора. Чтобы повеселиться на Рождество, конечно! Ахъ, какъ это пріятно! Да, мы повеселимся въ волю, увидишь... Но почему ты не снимаешь пальто? Развѣ тебѣ холодно? (*Помогаетъ ей раздѣваться*). Вотъ такъ; теперь сядемъ поболтать у камина. Нѣтъ, не туда, сюда, въ кресло! А я сяду на качалку. (*Беретъ ее за руки*). Теперь у тебя твое прежнее лицо; только въ первую минуту мнѣ показалось—ты, правда, нѣсколько поблѣднѣла, Кристина,—и нѣсколько похудѣла.

Г-жа Линде. И очень и очень постарѣла, Нора.

Нора. Нѣтъ, немножко, самую, самую чуточку; далеко не очень. (*Вдругъ останавливается и продолжаетъ серьезнымъ тономъ*). Ахъ я, безпамятное существо, сижу здѣсь и болтаю! Милая, дорогая моя Кристина, прости!

Г-жа Линде. За что, Нора? я тебя не понимаю.

Нора (*тихо*). Бѣдная моя Кристина, ты же вѣдь овдовѣла.

Г-жа Линде. Да, вотъ уже три года.

Нора. Да, я знала объ этомъ, я прочла въ газетахъ. Кристина, увѣряю тебя, я много разъ собиралась писать тебѣ послѣ того, но все откладывала со дня на день, вѣчно что-нибудь мѣшало мнѣ.

Г-жа Линде. Дорогая моя, я это очень хорошо понимаю.

Нора. Нѣтъ, это было дурно съ моей стороны, Кристина, очень дурно. Ахъ ты, бѣдняжка, какъ много пришлось тебѣ перенесть! И онъ не оставилъ тебѣ никакихъ средствъ къ жизни?

Г-жа Линде. Нѣтъ.

Нора. Не оставилъ и ребенка?

Г-жа Линде. Нѣтъ.

Нора. Значитъ ничего?

Г-жа Линде. Ничего, даже горя по себѣ не оставилъ.

Нора (*смотритъ на нее недовѣрчиво*). Возможно ли это, Кристина?

Г-жа Линде (*съ грустною улыбкою гладитъ ее по волосамъ*). Да, такія вещи случаются иногда въ жизни, Нора.

Нора. И ты теперь совсѣмъ одинокая. Какъ это должно быть тяжело для тебя! У меня трое восхитительныхъ дѣтокъ. Жаль, что я не могу показать ихъ тебѣ: они гуляютъ. Но ты должна мнѣ разсказать о себѣ все.

Г-жа Линде. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, разскажи лучше ты.

Нора. Нѣтъ, сперва ты. Я сегодня не хочу быть эгоисткою. Я хочу думать только о твоихъ дѣлахъ. Но объ одномъ я должна сказать тебѣ. Знаешь ли, какое большое счастье случилось съ нами на этихъ дняхъ?

Г-жа Линде. Нѣтъ. Въ чемъ же дѣло?

Нора. Мой мужъ избранъ директоромъ акціонернаго банка!

Г-жа Линде. Твой мужъ? это дѣйствительно большое счастье.

Нора. О, да, громадное! Положеніе адвоката такое необезпеченное, особенно, когда берешься только за чистыя, хорошія дѣла. А Торвальдъ, конечно, отъ всѣхъ другихъ отказывается, и въ этомъ я совершенно согласна съ нимъ. Ахъ, ты можешь себѣ представить, какъ мы оба рады! Онъ вступитъ въ банкъ тотчасъ послѣ Новаго Года и будетъ получать большое жалованье и, вдобавокъ, большіе проценты. Мы заживемъ теперь совершенно иначе, чѣмъ прежде,—можемъ дѣлать все, что пожелаемъ. Ахъ, Кристина, какъ я счастлива, какъ у меня легко на душѣ! Какъ пріятно имѣть много, много денегъ и жить безъ заботъ! Не правда ли?

Г-жа Линде. Да, должно быть пріятно имѣть все необходимое!

Нора. Да, а какъ пріятно имѣть не только необходимое, но еще много, много денегъ въ придачу!

Г-жа Линде (*улыбается*). Нора, Нора, ты, кажется, до сихъ поръ еще не образумилась? Въ школѣ, помнится, ты была большою мотовкою.

Нора (*улыбаясь*). Да, это говоритъ и Торвальдъ. (*Грозитъ пальцемъ*). Но „Нора, Нора“ вовсе не такая безумная, какъ вы воображаете.—Да, до сихъ поръ намъ нечего было и мотать. Мы должны были оба работать.

Г-жа Линде. И ты также?

Нора. Да, я занималась разнаго рода мелкою ручною работою, вязаніемъ, вышиваніемъ и т. п. (*быстро*) и еще коечѣмъ другимъ. Ты знаешь, что вскорѣ послѣ нашей свадьбы Торвальдъ бросилъ свое мѣсто въ департаментѣ. Онъ не могъ надѣяться на повышеніе въ своей конторѣ, а денегъ нужно было зарабатывать больше, чѣмъ прежде. И вотъ въ первый годъ онъ страшно напрягалъ свои силы. Ему приходилось брать много работы на сторонѣ и трудиться съ утра до поздняго вечера. Онъ не вынесъ и опасно заболѣлъ. Доктора объявили, что ему необходимо ѣхать на югъ.

Г-жа Линге. Да, я слышала, вы цѣлый годъ прожили въ Италіи.

Нора. Да. Ты можешь представить себѣ, что намъ не легко было выѣхать. Иваръ только что родился. Но ѣхать заграницу было необходимо. Ахъ, какое это было чудное путешествіе! И оно спасло Торвальду жизнь. Но мы потратили на него много денегъ, Кристина.

Г-жа Линде. Воображаю.

Нора. Путешествіе стоило намъ тысячу двѣсти спецій. Четыре тысячи восемьсотъ кронъ. Это много денегъ.

Г-жа Линде. Да, но въ такихъ случаяхъ большое счастье имѣть ихъ въ рукахъ.

Нора. Конечно. Намъ далъ ихъ мой отецъ.

Г-жа Линде. А, вотъ какъ! Это было, помнится, какъ разъ передъ его смертью.

Нора. Да, Кристина, именно тогда. И подумай только, я не могла поѣхать къ папѣ и ухаживать за нимъ во время болѣзни. Я со дня на день ожидала рожденія маленькаго Ивара. При этомъ я не отходила отъ постели бѣднаго Торвальда, который лежалъ при смерти, больной. Мой милый, бѣдный, дорогой папа! Мнѣ не пришлось больше увидаться съ нимъ, Кристина. Это было самое большое горе, какое я когда-либо переживала со временъ моего замужества.

Г-жа Линде. Я знаю, что ты очень любила отца. Но затѣмъ вы поѣхали въ Италію?

Нора. Да; у насъ были деньги; а доктора торопили. Мы и отправились мѣсяцъ спустя.

Г-жа Линде. И твой мужъ вернулся совершенно здоровый?

Нора. Здоровый какъ рыба.

Г-жа Линде. Но—докторъ?

Нора. Что ты хочешь сказать?

Г-жа Линде. Мнѣ казалось, что горничная твоя сказала, будто какой-то докторъ вошелъ одновременно со мной.

Нора. О, это докторъ Ранкъ; онъ приходитъ къ намъ вовсе не какъ врачъ. Это нашъ ближайшій другъ. Рѣдко проходитъ день, чтобы его не было. Нѣтъ, Торвальдъ съ тѣхъ поръ ни разу не былъ боленъ. А дѣти также здоровы и веселы; обо мнѣ и говорить нечего. (*Вскакиваетъ и хлопаетъ въ ладоши*). О, Боже, Боже, Кристина, какъ восхитительно жить и быть счастливою!—Но это, право, возмутительно

съ моей стороны;—я говорю, не переставая, только о своихъ дѣлахъ. *(Садится на скамейкѣ у ея ногъ и обнимаетъ ея колѣни).* Не сердись на меня, милая моя, дорогая!—Скажи мнѣ, правда ли, что ты не любила твоего мужа? Зачѣмъ же ты вышла за него?

Г-жа Линде. Моя мать въ то время еще жила. Она не вставала съ постели и была совершенно безпомощна. А мнѣ приходилось заботиться еще о двухъ младшихъ братьяхъ. Я сочла своею обязанностью принять его предложеніе.

Нора. Да, ты, можетъ быть, была и права. Значитъ въ то время онъ былъ очень богатъ?

Г-жа Линде. Да, онъ былъ довольно состоятеленъ. Но онъ очень неосторожно велъ свои дѣла. Когда онъ умеръ, все пошло прахомъ и я осталась ни съ чѣмъ.

Нора. И тогда?

Г-жа Линде. Я занималась торговлею, потомъ открыла маленькую школу, а затѣмъ принималась за все, что попало. Послѣдніе три года кажутся мнѣ однимъ безпрерывнымъ рабочимъ днемъ. Теперь моимъ усиленнымъ трудамъ наступилъ конецъ. Моя бѣдная мать не нуждается больше во мнѣ: она умерла. Мальчики также: они оба стали на ноги и могутъ сами заботиться о себѣ.

Нора. Ты должна чувствовать теперь большое облегченіе.

Г-жа Линде. О, нѣтъ, только страшную пустоту! Не для кого больше жить! *(Встаетъ порывисто).* Поэтому я не въ силахъ была оставаться дольше въ своемъ захолустьи. Здѣсь легче найти какое-нибудь занятіе, которое можетъ цѣликомъ захватить человѣка и заставить его забыться. Если бы мнѣ только посчастливилось добиться прочнаго положенія, получить какое-нибудь мѣсто въ конторѣ.

Нора. Но, Кристина, это такая трудная работа, а ты кажешься такою усталою, больною. Для тебя было бы лучше всего поѣхать куда-нибудь на воды.

Г-жа Линде *(стоитъ, отвернувшись у окна).* У меня нѣтъ папы, который могъ бы дать мнѣ нужныя для этого деньги, Нора.

Нора *(встаетъ).* Не сердись на меня, Кристина.

Г-жа Линде *(поворачиваясь къ ней).* Нѣтъ, Нора, это *я* должна просить тебя, чтобы ты не сердилась на меня. Худшее въ моемъ положеніи то, что оно въ концѣ концовъ ожесточаетъ человѣка. Работать не для кого, а между тѣмъ нельзя ни минуту отдыхать. Жить нужно,—и вотъ дѣлаешься эгоисткою. Когда ты разсказывала о счастливой перемѣнѣ въ твоемъ положеніи, я радовалась—повѣришь ли?—не столько за тебя, сколько за себя.

Нора. Это какимъ образомъ? А—понимаю. Ты думаешь, что Торвальдъ можетъ сдѣлать что-нибудь для тебя.

Г-жа Линде. Да.

Нора. Онъ навѣрное, навѣрное сдѣлаетъ это, Кристина. Предоставь только мнѣ; я поведу дѣло такъ тонко,—пущу все въ ходъ, чтобы заставить его оказать тебѣ услугу. Мнѣ такъ хотѣлось бы быть тебѣ полезной.

Г-жа Линде. Какъ мило съ твоей стороны, Нора, такъ горячо принимать къ сердцу мои дѣла,—тѣмъ болѣе мило, что ты сама лично не имѣешь никакого понятія о жизненныхъ невзгодахъ и непріятностяхъ.

Нора. Я?—Я не имѣю?

Г-жа Линде. Ахъ да, правда, Господи Боже, разнаго рода мелкія ручныя работы и т. п.—Ты настоящее дитя, Нора.

Нора *(подымаетъ голову съ вызывающимъ видомъ и начинаетъ прохаживаться по комнатѣ взадъ и впередъ).* Ты могла бы не говорить этого такимъ тономъ глубокаго превосходства.

Г-жа Линде. Да?

Нора. Ты совершенно такая же, какъ и другіе. Вы всѣ думаете, что я не гожусь ни для чего серьезнаго—

Г-жа Линде. Ну, ну—

Нора. Что я ничего дурного не испытала въ жизни.

Г-жа Линде. Дорогая Нора, ты мнѣ только что разсказала всѣ свои злоключенія.

Нора. Фу—мелочи! *(Тихо.)* Самаго главнаго я тебѣ не сказала.

Г-жа Линде. Самаго главнаго? Что ты хочешь сказать?

Нора. Ты на меня смотришь такъ свысока, Кристина; но ты не должна была бы этого дѣлать. Ты гордишься тѣмъ, что такъ долго и упорно работала для своей матери.

Г-жа Линде. Положимъ, я ни на кого не смотрю свысока. Но *это* правда. Я горжусь и радуюсь при мысли, что мнѣ удалось хоть немного облегчить послѣдніе дни моей матери.

Нора. И ты гордишься, когда думаешь, сколько добра ты сдѣлала своимъ братьямъ.

Г-жа Линде. Я полагаю, что имѣю на это право.

Нора. Я тоже это думаю. Но теперь послушай, Кристина, я тебѣ кое-что скажу. И у меня есть чѣмъ гордиться и чему радоваться.

Г-жа Линде. Я не сомнѣваюсь въ этомъ. Но въ чемъ же дѣло?

Нора. Говори тише. Что если бы Торвальдъ услышалъ насъ! Онъ ни за что въ мірѣ не долженъ,—никто не долженъ объ этомъ знать, Кристина; никто, кромѣ тебя.

Г-жа Линде. Но о чемъ же ты говоришь?

Нора. Иди сюда. *(Беретъ ее за руку и усаживаетъ рядомъ съ собою на диванъ).* Да, послушай,—у меня также есть чему радоваться и чѣмъ гордиться. Это я спасла жизнь Торвальду, я.

Г-жа Линде. Спасла? Какъ спасла?

Нора. Я уже разсказала тебѣ о поѣздкѣ въ Италію. Торвальдъ навѣрное бы умеръ, если бы не переѣхалъ на югъ.

Г-жа Линде. Ну да; и отецъ твой далъ вамъ нужныя деньги.

Нора *(улыбается)*. Да, въ этомъ увѣрены и Торвальдъ, и всѣ другіе; а между тѣмъ—

Г-жа Линде. Между тѣмъ?

Нора. Папа не далъ намъ ни одной полушки. Деньги достала я.

Г-жа Линде. Ты? всю эту крупную сумму?

Нора. Тысячу двѣсти спецій. Четыре тысячи восемьсотъ кронъ. Что ты на это скажешь?

Г-жа Линде. Но какъ же это было возможно, Нора? Ты, можетъ быть, выиграла въ лоттерею?

Нора *(съ пренебреженіемъ)*. Въ лоттерею? Въ чемъ же была бы тогда моя заслуга?

Г-жа Линде. Но какимъ же образомъ ты ихъ добыла?

Нора *(съ таинственною улыбкою)*. Гмъ; тра-ла-ла!

Г-жа Линде. Вѣдь ты не могла нигдѣ взять ихъ въ займы.

Нора. Да? Это почему?

Г-жа Линде. Жена не можетъ брать денегъ взаймы безъ согласія мужа.

Нора *(гордо поднимая голову)*. Да, но когда у жены есть кое-какія дѣловыя способности—когда жена умѣетъ взяться за дѣло, тогда—

Г-жа Линде. Но я рѣшительно ничего не понимаю, Нора.

Нора. Тебѣ не зачѣмъ понимать. Я тебѣ вовсе не говорила, что я *взяла деньги взаймы*. Я могла получить ихъ какимъ нибудь другимъ образомъ. *(Садится вновь на диванъ)*. Мнѣ могъ дать ихъ какой-нибудь поклонникъ. При такой привлекательной наружности, какъ у меня—

Г-жа Линде. Какія глупости говоришь ты!

Нора. А твое любопытство сильно возбуждено, не правда ли, Кристина?

Г-жа Линде. Но послушай, Нора, моя милая,—не поступила ли ты опрометчиво?

Нора *(вскакивая съ дивана)*. Развѣ опрометчиво—спасать жизнь своего мужа?

Г-жа Линде. Я нахожу опрометчивымъ то, что ты безъ вѣдома...

Нора. Да онъ не долженъ же былъ ничего знать! Господи Боже, развѣ ты этого не понимаешь? Онъ не долженъ былъ ни за что знать, какъ опасно его положеніе. Доктора пришли ко мнѣ и сказали, что жизнь его въ опасности, что только поѣздка на югъ можетъ спасти его. Конечно, я разными способами пробовала сначала устроить это дѣло. Я говорила ему, какъ пріятно было бы для меня проѣхаться заграницу; какъ другія молодыя жены счастливы, что могутъ доставить себѣ это удовольствіе; я плакала и просила; я убѣждала его, что при томъ положеніи, въ какомъ я нахожусь, онъ долженъ быть предупредительнымъ относительно меня и исполнить мое желаніе и, наконецъ, я предложила ему взять взаймы нужныя для путешествія деньги. Тогда онъ страшно разсердился, Кристина. Онъ назвалъ меня легкомысленной и сказалъ, что его обязанность, какъ мужа, не исполнять моихъ фантазій и капризовъ,—онъ, кажется, такъ ихъ назвалъ. Да, да, рѣшила я, но ты долженъ быть во что бы то ни стало спасенъ, и придумала тогда новый способъ дѣйствій.

Г-жа Линде. А мужъ твой не узналъ отъ твоего отца, что деньги были не отъ него?

Нора. Нѣтъ, никогда. Папа умеръ около того же времени. Я хотѣла посвятить его въ свою тайну и просить никому не разсказывать о ней Но онъ былъ такъ сильно боленъ. Къ несчастію, мнѣ ничего не пришлось разсказать ему.

Г-жа Линде. И ты никогда ничего не сказала объ этомъ своему мужу?

Нора. Конечно нѣтъ, какъ ты можешь даже подумать это? Ему, который былъ всегда такъ строгъ на этотъ счетъ!

И кромѣ того—Торвальдъ съ его чувствомъ мужского превосходства - какъ мучительно было бы для него узнать, что онъ обязанъ мнѣ чѣмъ-нибудь! Это совершенно испортило бы наши отношенія; наша счастливая жизнь совершенно измѣнилась бы.

Г-жа Линде. И ты ему никогда не скажешь?

Нора *(задумчиво, слегка улыбаясь)*. Почемъ знать—можетъ быть когда-нибудь—черезъ нѣсколько лѣтъ, когда я перестану быть такою хорошенькою, какъ теперь. Не смѣйся! Я говорю чистую правду; когда Торвальдъ перестанетъ любить меня такъ, какъ теперь, когда онъ не будетъ больше находить удовольствіе въ томъ, что я танцую для него, и наряжаюсь, и декламирую,—хорошо имѣть тогда что-нибудь про запасъ. *(Быстро мѣняя тонъ)*. Глупости! *Это* время никогда не придетъ.—Ну, что ты скажешь о моей великой тайнѣ, Кристина? Гожусь ли я на что-нибудь?—Впрочемъ, ты можешь себѣ представить, что это дѣло стоило мнѣ не мало заботъ. Мнѣ не всегда было легко выполнять въ назначенное время мои обязательства. Нужно сказать тебѣ, что въ денежныхъ дѣлахъ существуетъ то, что называется срокомъ и то, что называется платежемъ, и вотъ всегда ужасно трудно примирить одно съ другимъ. Я должна была урывать отовсюду, гдѣ могла. Изъ тѣхъ денегъ, которыя я получала на хозяйство, я ничего не могла сберечь потому, что Торвальдъ долженъ же былъ имѣть хорошій столъ. Дѣтей я также не могла водить дурно одѣтыми: приходилось тратить на нихъ все, что получалось на это. Мои милыя, дорогія дѣточки!

Г-жа Линде. Слѣдовательно, вся тягость сбереженій ложилась на одну тебя, моя бѣдная Нора?

Нора. Да, конечно. Оно и естественно, такъ какъ я ближе всего стояла къ дѣлу. Каждый разъ, когда Торвальдъ давалъ мнѣ деньги на платья и т. п., я употребляла на нихъ едва половину, и покупала всегда самыя простыя и дешевыя матеріи. Счастье еще, что все мнѣ такъ хорошо идетъ и что Торвальдъ ничего не замѣчалъ. Но иногда мнѣ приходилось трудно, Кристина, потому что вообще очень пріятно быть хорошо одѣтой, не правда ли?

Г-жа Линде. Да, конечно.

Нора. Но у меня были еще и кое-какіе другіе доходы. Прошлую зиму мнѣ посчастливилось достать переводъ для одного журнала. Я запиралась въ своей комнатѣ и писала долго за полночь. Ахъ, иногда я чувствовала такую сильную, сильную усталость! Но въ тоже время такъ пріятно было сидѣть и трудиться и зарабатывать деньги! Мнѣ казалось, какъ будто я мужчина!

Г-жа Линде. Но сколько же ты выплатила такимъ образомъ?

Нора. Я не могу сказать тебѣ въ точности. Въ такого рода дѣлахъ, видишь ли, трудно разобраться. Я знаю одно, что я всегда отдавала все, что могла собрать. Иногда я совершенно теряла голову и не знала, что дѣлать. *(Улыбается)*. Тогда я, сидя здѣсь, въ уголку, представляла себѣ, что старый богатый господинъ влюбился въ меня.

Г-жа Линде. Что? Какой господинъ?

Нора. Да такъ, шутка!—Что онъ умеръ и оставилъ по себѣ завѣщаніе, и когда его завѣщаніе открыли, въ немъ оказалось слѣдующее: „Всѣ мои деньги должны быть переданы немедленно восхитительной г-жѣ Норѣ Гельмеръ".

Г-жа Линде. Но что же это былъ за господинъ, милая Нора?

Нора. Господи Боже, какъ ты этого не понимаешь? Этого стараго господина никогда не существовало; я только фантазировала такимъ образомъ всякій разъ, когда не могла выдумать способа добыть нужныя мнѣ деньги. Но оставимъ въ покоѣ скучнаго стараго господина, онъ можетъ, по мнѣ, оставаться себѣ, гдѣ онъ есть: мнѣ нѣтъ никакого дѣла ни до него, ни до его завѣщанія, потому что теперь я свободна отъ всякихъ заботъ. *(Вскакиваетъ)*. О, Боже, какое несказанное удовольствіе доставляетъ эта мысль, Кристина! Безъ заботъ! Быть совершенно, совершенно безъ заботъ: имѣть возможность играть и возиться съ дѣтьми, когда пожелаешь;—устраивать прелестнымъ образомъ свою квартиру, такъ, какъ Торвальдъ это любитъ! —И подумай только, скоро придетъ весна, со своимъ чуднымъ теплымъ воздухомъ, И, мы, можетъ-быть, поѣдемъ немного путешествовать! И я, быть можетъ, опять увижу море! Ахъ да, да, какъ восхитительно жить и чувствовать себя счастливою! *(Звонокъ въ передней)*.

Г-жа Линде *(встаетъ)*. Звонятъ, мнѣ лучше уйти.

Нора. Нѣтъ, оставайся; никто не можетъ придти ко мнѣ; это вѣрно къ Торвальду.

Горничная *(въ дверяхъ передней)*. Извините,—здѣсь какой-то господинъ, который желаетъ переговорить съ г. адвокатомъ.

Нора. Т. е. съ г. директоромъ банка?

Горничная. Да, съ г. директоромъ; но я не знаю, право,—тамъ въ кибинетѣ докторъ.

Нора. Кто этотъ господинъ?

Повѣренный подѣламъ Крогштадъ. Это я.

Г-жа Линде *(пораженная, вздрагиваетъ и оборачивается къ окну)*.

Нора *(дѣлаетъ шагъ къ нему на встрѣчу; испуганно, вполголоса)*. Вы? Что это значитъ? О чемъ хотите вы переговорить съ моимъ мужемъ?

Крогштадъ. О банковыхъ дѣлахъ.—Я занимаю небольшое мѣсто въ акціонерномъ банкѣ, а вашъ мужъ назначенъ, какъ я слышалъ, директоромъ этого банка.

Нора. Значитъ...

Крогштадъ. Только скучныя дѣла, больше ничего.

Нора. Такъ будьте такъ добры, пожалуйте въ кабинетъ, вотъ черезъ ту дверь. *(Кланяется равнодушно, затворяя дверь въ переднюю; затѣмъ подходитъ къ камину и смотритъ задумчиво на огонь)*.

Г-жа Линде. Нора, кто этотъ человѣкъ?

Нора. Повѣренный по дѣламъ Крогштадъ.

Г-жа Линде. Такъ, значитъ, это былъ дѣйствительно онъ.

Нора. Ты знаешь его?

Г-жа Линде. Я знала его—много лѣтъ тому назадъ. Онъ занималъ одно время въ нашихъ мѣстахъ должность товарища прокурора

Нора. Да, это вѣрно.

Г-жа Линде. Какъ онъ измѣнился!

Нора. Онъ былъ женатъ очень несчастливо.

Г-жа Линде. А развѣ теперь онъ вдовъ?

Нора. Да, и притомъ у него много дѣтей. Посмотри, какъ ярко пылаетъ огонь. *(Закрываетъ дверцы камина и придвигаетъ къ нему качалку)*.

Г-жа Линде. Говорятъ, что онъ занимается теперь адвокатурою?

Нора. Да? Очень можетъ быть; я ничего не знаю.—Но не будемъ говорить о дѣлахъ; это такъ скучно.

(Д-ръ Ранкъ выходитъ изъ кабинета Гельмера).

Д-ръ Ранкъ *(еще въ дверяхъ)*. Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу мѣшать: я зайду лучше къ твоей женѣ. *(Затворяетъ дверь и замѣчаетъ г-жу Линде)*. Прошу извинить меня, я, можетъ быть, и здѣсь мѣшаю.

Нора. О нѣтъ, нисколько! *(Представляетъ)*. Д-ръ Ранкъ—Г-жа Линде.

Ранкъ. А-а, я часто слышалъ здѣсь ваше имя. Мнѣ казалось, что я прошелъ мимо васъ, когда подымался на лѣстницу.

Г-жа Линде. Да, я очень медленно всхожу на лѣстницу, мнѣ очень трудно.

Ранкъ Вы, должно быть, не совсѣмъ здоровы.

Г-жа Линде. Нѣтъ, я только нѣсколько переутомлена.

Ранкъ. Да. И вы пріѣхали въ городъ, чтобы повеселиться и отдохнуть?

Г-жа Линде. Я пріѣхала, чтобы поискать работы.

Ранкъ. Это у васъ испытанное средство противъ переутомленія?

Г-жа Линде. Нужно жить, г. докторъ.

Ранкъ. Да, это всеобщее мнѣніе; всѣ находятъ, что это необходимо.

Нора. Ахъ, знаете ли что, докторъ Ранкъ,—и вы также желаете жить.

Ранкъ. Конечно, желаю. Какимъ бы несчастнымъ я себя ни чувствовалъ, мнѣ все же хочется возможно дольше длить свои мученія. Это говорятъ и всѣ мои паціенты, даже тѣ, которые больны нравственно. Въ настоящую минуту такого рода нравственно-больной субъектъ сидитъ у Гельмера.

Г-жа Линде *(подавленнымъ голосомъ)*. Ахъ!

Нора. О комъ вы говорите?

Ранкъ. Я говорю о нѣкоемъ Крогштадѣ, повѣренномъ по дѣламъ, который вамъ совершенно незнакомъ. Онъ испорченъ въ нравственномъ отношеніи до мозга костей. Но и онъ началъ разглагольствовать о необходимости *жить*, какъ о чемъ-то, имѣющемъ первостепенное значеніе.

Нора. Да? Ради чего явился онъ къ Торвальду?

Ранкъ. Я, право, хорошо не понялъ; я слышалъ только, что дѣло идетъ объ акціонерномъ банкѣ.

Нора. Я не знала, что Крог... что этотъ повѣренный Крогштадъ имѣетъ что-нибудь общее съ акціонернымъ банкомъ.

Ранкъ. Онъ занимаетъ тамъ какое-то мѣсто. *(Г-жѣ Линде)*. Я не знаю, существуютъ ли и въ вашихъ мѣстахъ такого рода люди, которые рыщутъ повсюду въ погонѣ за нравственно-больными субъектами и затѣмъ даютъ имъ выгодныя мѣста, чтобы имѣть возможность наблюдать за ними. А здоровые люди должны стоять въ сторонѣ и любоваться.

Г-жа Линде. Но я нахожу, что именно больные-то и нуждаются въ уходѣ.

Ранкъ *(пожимая плечами)*. Да, и вы такого-же мнѣнія? Вотъ именно такого рода разсужденія и превращаютъ общество въ госпиталь.

Нора *(погруженная въ размышленіе, разражается вдругъ сдержаннымъ смѣхомъ и хлопаетъ въ ладоши)*.

Ранкъ. Чему вы смѣетесь? Вы даже не знаете, что такое общество.

Нора. Какое мнѣ дѣло до вашего скучнаго общества? Меня заставило разсмѣяться нѣчто совершенно другое,—нѣчто невѣроятно смѣшное.—Скажите мнѣ, докторъ,—всѣ служащіе въ акціонерномъ банкѣ подчинены теперь Торвальду?

Ранкъ. Вы *это* находите невѣроятно смѣшнымъ?

Нора. Оставьте! Оставьте! *(Ходитъ по комнатѣ взадъ и впередъ)*. Да, чрезвычайно пріятно думать, что мы—что Торвальдъ имѣетъ такое большое вліяніе на столькихъ людей. *(Вынимаетъ пакетъ изъ кармана)*. Докторъ Ранкъ, не хотите ли миндальнаго пирожнаго?

Ранкъ. Смотрите-ка, смотрите, сласти! Я думалъ, что они здѣсь воспрещены.

Нора. Да, но эти были даны мнѣ Кристиною.

Г-жа Линде. Какъ? мною?

Нора. Ну, ну, ну, не пугайся. Ты же могла не знать, что Торвальдъ запретилъ мнѣ ѣсть ихъ. Онъ боится за мои зубы,—думаетъ, что они испортятся. Но это пустяки,—изъ-за одного раза!—Не правда ли, докторъ Ранкъ? Будьте такъ добры *(кладетъ ему пирожное въ ротъ)*. И ты также, Кристина. И я возьму одно; только одно маленькое—въ крайнемъ случаѣ—два. *(Начинаетъ расхаживать по комнатѣ)*. Теперь я чувствую себя невѣроятно счастливою. Есть, впрочемъ, еще одна вещь на свѣтѣ, которой мнѣ ужасно хочется.

Ранкъ. Да? Что же это такое?

Нора. Есть одно слово, которое мнѣ ужасно хочется сказать, но только такъ, чтобы Торвальдъ не услышалъ его.

Ранкъ. Но почему же вы не говорите?

Нора. Нѣтъ, я не смѣю. Это такое гадкое слово.

Г-жа Линде. Гадкое?

Ранкъ. Такъ это дѣйствительно неудобно. Но намъ вы могли бы.—Что это за слово, которое вамъ такъ хочется сказать, а Гельмеръ не долженъ его слышать?

Нора. Мнѣ ужасно хочется сказать: чортъ побери!

Ранкъ. Вы съ ума сошли!

Г-жа Линде. Нора!

Ранкъ. Говорите теперь. Вотъ онъ.

Нора *(прячетъ коробку съ пирожными)*. Тссъ, тссъ, тссъ! *(Гельмеръ выходитъ изъ кабинета съ накинутымъ на руку пальто и съ шляпою въ рукѣ)*. Ну что же, милый Торвальдъ, ты отдѣлался отъ него, наконецъ?

Гельмеръ. Да, онъ ушелъ.

Нора. Позволь, я тебя представлю:—вотъ это Кристина, она только что пріѣхала въ городъ.

Гельмеръ. Кристина? — Извините, пожалуйста, но я не знаю...

Нора. Г-жа Линде, дорогой Торвальдъ; г-жа Кристина Линде.

Гельмеръ. Ахъ, да! По всей вѣроятности, подруга дѣтства моей жены?

Г-жа Линде. Да, мы знали другъ друга съ юныхъ лѣтъ.

Нора. И подумай только: она совершила все это длинное путешествіе сюда, съ единственною цѣлью переговорить съ тобой.

Гельмеръ. Переговорить?

Г-жа Линде. Да нѣтъ, собственно не...

Нора. Кристина необыкновенно искусна въ конторскихъ работахъ и у нея сильнѣйшее желаніе стать подъ руководство опытнаго человѣка, который могъ бы научить ее тому, чего она не знаетъ.

Гельмеръ. Это очень благоразумно съ вашей стороны, г-жа Линде.

Нора. И вотъ она услышала, что ты назначенъ директоромъ банка—прочла телеграмму о твоемъ назначеніи—и сейчасъ же пріѣхала сюда.—Не правда ли Торвальдъ, ты съ удовольствіемъ сдѣлаешь что-нибудь для Кристины?

Гельмеръ. Да, устроить кое-что можно. Вы, вѣроятно, вдова?

Г-жа Линде. Да.

Гельмеръ. Вотъ и отлично. Я, по всей вѣроятности, буду въ состояніи доставить вамъ мѣсто.

Нора *(хлопаетъ въ ладоши)*. Вотъ видишь, вотъ видишь!

Гельмеръ. Вы пріѣхали какъ разъ во время.

Г-жа Линде. Какъ мнѣ благодарить васъ?

Гельмеръ. Не за что. *(Надѣвая пальто)*. Но теперь прошу меня извинить.

Ранкъ. Подожди, я иду съ тобою. *(Беретъ свою шубу и греѣтъ ее у камина)*.

Нора. Приходи поскорѣе, Торвальдъ милый.

Гельмеръ. Черезъ часъ, не болѣе.

Нора. И ты также уходишь, Кристина?

Г-жа Линде (*надѣвая пальто*). Да, мнѣ нужно пойти поискать квартиру.

Нора (*помогая ей*). Какъ жаль, что у насъ такое тѣсное помѣщеніе, мы никакъ не можемъ...

Г-жа Линде. Что это ты говоришь, Нора! Прощай, дорогая; благодарю за все.

Нора. До свиданья. Сегодня вечеромъ ты, конечно, придешь. И вы также, докторъ Ранкъ. Что? Если здоровье вамъ позволитъ? Оно навѣрное позволитъ. Только хорошенько закутайтесь. (*Всѣ выходятъ въ переднюю, оживленно разговаривая. На лѣстницѣ слышатся дѣтскіе голоса*). Это они! Это они! (*Нора бѣжитъ и открываетъ дверь. Маріанна входитъ съ дѣтьми*). Идите, идите скорѣе! (*Наклоняется и цѣлуетъ дѣтей*). Ахъ вы милые, дорогіе!—Посмотри-ка на нихъ, Кристина! Не правда ли, какіе они прелестные!

Ранкъ. Не стойте здѣсь на сквозникѣ.

Гельмеръ. Пойдемте, г-жа Линде; теперь здѣсь невыносимо оставаться для всѣхъ, кромѣ матерей. (*Д-ръ Ранкъ, Гельмеръ и г-жа Линде спускаются съ лѣстницы. Няня входитъ въ комнату съ дѣтьми, Нора также. Она закрываетъ дверь въ переднюю*)

Нора. Какіе вы свѣженькіе и хорошенькіе! Что за красныя щечки у васъ! Совершенно какъ яблочки или розы. (*Дѣти говорятъ, не умолкая, съ ней въ теченіе всей послѣдующей сцены*). Такъ вы хорошо гуляли? вамъ было весело? вотъ и чудесно. Такъ вотъ какъ! Ты каталъ на салазкахъ Эмми и Боба? Неужели, обоихъ вмѣстѣ! Какой же ты ловкій мальчикъ! Ахъ, дай мнѣ подержать ее немножко, Маріанна. Моя дорогая маленькая куколка! (*Беретъ меньшее изъ дѣтей и танцуетъ съ нимъ*). Да, да, мама потанцуетъ и съ Бобомъ. Какъ? Вы играли въ снѣжки? Ахъ, какъ жалко, что меня не было съ вами! Нѣтъ, нѣтъ, не трогай, я сама хочу раздѣть ихъ, Маріанна. Оставь, это такъ интересно. Иди въ другую комнату, ты, видно, сильно прозябла. Тамъ на каминѣ стоитъ горячій кофе, приготовленный для тебя. (*Няня уходитъ въ дверь слѣва. Нора снимаетъ съ дѣтей теплую одежду и бросаетъ на полъ, не переставая оживленно болтать съ ними*). Такъ то? Такъ это большая собака бѣжала за вами. Но она васъ не укусила? Нѣтъ, собаки никогда не кусаютъ такихъ маленькихъ славненькихъ дѣтокъ. Не трогай пакетовъ, Иваръ! Что тамъ такое? Это вы скоро узнаете. Ахъ нѣтъ, нѣтъ, это не хорошо! Да? Вы хотите играть? Во что же намъ играть? Въ прятки? Хорошо будемъ играть въ прятки. Бобъ прячется первый. Вы хотите, чтобы я спряталась? Хорошо, я спрячусь первая. (*Она и дѣти начинаютъ играть въ гостиной и сосѣдней комнатѣ, при громкихъ и радостныхъ возгласахъ малютокъ. Наконецъ Нора прячется подъ столъ, дѣти съ шумомъ вбѣгаютъ въ комнату, ищутъ, но не могутъ найти ее, слышатъ ея сдержанный смѣхъ. Она выползаетъ изъ подъ стола и пугаетъ ихъ. Новые радостные возгласы. Между тѣмъ у входной двери раздается стукъ; никто не слышитъ. Дверь отворяется и въ нее входитъ повѣренный Крогштадъ; онъ ждетъ съ минуту; игра продолжается*).

Крогштадъ. Прошу извиненія г-жа Гельмеръ.

Нора (*сдерживая крикъ, оборачивается и подымается съ полу*). Ахъ! Что вамъ нужно?

Крогштадъ. Извините, наружная дверь была открыта; ее, вѣроятно, забыли запереть.

Нора (*вставая*). Моего мужа нѣтъ дома, г-нъ Крогштадъ.

Крогштадъ. Я знаю это.

Нора. Да? Чего же вамъ нужно?

Крогштадъ. Переговорить кое о чемъ съ вами.

Нора. Со мной?—(*Дѣтямъ, тихо*). Идите къ Маріаннѣ. Что? Нѣтъ, чужой человѣкъ не сдѣлаетъ мнѣ ничего дурного. Когда онъ уйдетъ, мы будемъ опять играть. (*Ведетъ дѣтей къ двери слѣва, выпроваживаетъ ихъ и затворяетъ за ними дверь. Оборачивается затѣмъ къ Крогштаду и говоритъ съ безпокойствомъ въ голосѣ*). Вы хотѣли переговорить со мною?

Крогштадъ. Да.

Нора Сегодня?—Но сегодня еще не первое число.

Крогштадъ. Нѣтъ, сегодня сочельникъ. Теперь отъ васъ зависитъ, какъ вы проведете праздники—весело или нѣтъ.

Нора. Что вамъ отъ меня нужно? Я сегодня не могу никоимъ образомъ...

Крогштадъ. Я вовсе не объ этомъ хочу говорить съ вами. Меня привело со-

всѣмъ другое дѣло. Есть ли у васъ минута свободнаго времени?

Нора. Да, конечно, но...

Крогштадъ. Хорошо; я сидѣлъ въ ресторанѣ Ользена и видѣлъ, какъ вашъ мужъ проходилъ по улицѣ.

Нора. Ну, хорошо.

Крогштадъ. Съ дамою.

Нора. Ну такъ что-жъ?

Крогштадъ. Могу ли я задать вамъ вопросъ: эта дама, не г-жа ли Линде?

Нора. Это она.

Крогштадъ. Она только что пріѣхала въ городъ?

Нора. Да, сегодня утромъ.

Крогштадъ. Это ваша пріятельница?

Нора. Да. Но я не понимаю...

Крогштадъ. Я когда-то зналъ ее.

Нора. Мнѣ это извѣстно.

Крогштадъ. А! вамъ это уже извѣстно! Я такъ и думалъ. Теперь я спрошу васъ коротко и ясно: не должна ли г-жа Линде получить мѣсто въ акціонерномъ банкѣ?

Нора. Какое право имѣете вы допрашивать меня, г. Крогштадъ, вы подчиненный моего мужа? Но я вамъ, ужъ такъ и быть, отвѣчу на этотъ разъ: да, г-жа Линде получитъ мѣсто въ акціонерномъ банкѣ. И это я доставила ей это мѣсто, г. Крогштадъ, я. Теперь вамъ все извѣстно.

Крогштадъ. Я, значитъ, сразу попалъ на вѣрный слѣдъ.

Нора (*прохаживается по комнатѣ взадъ и впередъ*). Да, нѣкоторое вліяніе мы имѣемъ. Потому только, что мы женщины, нельзя ужъ сказать—когда находишься въ подчиненномъ положеніи, г. Крогштадъ, нужно остерегаться, чтобы не обидѣть людей, которые—гм...

Крогштадъ. Которые имѣютъ вліяніе.

Нора. Именно.

Крогштадъ (*мѣняетъ тонъ*). Г-жа Гельмеръ, будьте такъ добры, употребите свое вліяніе въ мою пользу.

Нора. Какъ? Что вы хотите сказать?

Крогштадъ. Будьте такъ добры, помогите мнѣ сохранить мое подчиненное положеніе въ банкѣ.

Нора. Что это значитъ? Кто хочетъ отнять у васъ это положеніе?

Крогштадъ. Ахъ, незачѣмъ вамъ играть передо мною роль ничего незнающей невинности! Вы отлично знаете, что вашей пріятельницѣ должно быть непріятно сталкиваться ежедневно со мною, и я понимаю теперь, кому обязанъ своею отставкою.

Нора. Но увѣряю васъ...

Крогштадъ. Довольно, довольно. Коротко и ясно: теперъ есть еще время, и я совѣтую вамъ употребить все свое вліяніе, чтобы помѣшать этой отставкѣ.

Нора. Но, г. Крогштадъ, у меня нѣтъ такого вліянія.

Крогштадъ. Нѣтъ? А мнѣ казалось, что всего нѣсколько минутъ тому назадъ...

Нора. Мои слова не нужно было понимать въ такомъ точномъ смыслѣ.—Я!—вліяніе! Какъ вы могли подумать, что *я* могу имѣть такое сильное вліяніе на моего мужа?

Крогштадъ. О, я знаю вашего мужа съ университетской скамьи. Я не думаю, чтобы г. директоръ банка былъ въ этомъ отношеніи непоколебимѣе другихъ мужей.

Нора. Если вы позволите себѣ еще разъ въ моемъ присутствіи такъ пренебрежительно отозваться о моемъ мужѣ, я попрошу васъ выйти вонъ.

Крогштадъ. Это очень смѣло.

Нора. Я больше васъ не боюсь. Дайте только пройти Новому году, и я съ вами совсѣмъ раздѣлаюсь.

Крогштадъ (*болѣе сдержаннымъ тономъ*). Послушайте, г-жа Гельмеръ. Въ случаѣ надобности, я буду бороться на жизнь и смерть, чтобы сохранить свое маленькое мѣсто въ банкѣ.

Нора. Это видно.

Крогштадъ. Я не говорю о содержаніи,—это все пустяки. Тутъ есть другая причина,—ну такъ и быть, я вамъ ее скажу. Дѣло вотъ въ чемъ: вы, конечно, такъ же, какъ и другіе, знаете, что я однажды, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, сдѣлалъ одинъ неосмотрительный поступокъ.

Нора. Да, я кое-что объ этомъ слышала.

Крогштадъ. Дѣло не дошло до суда, но послѣ этого всѣ пути были какъ бы закрыты для меня. Тогда я занялся дѣлами, которыя вы знаете. Нужно же было чѣмъ-нибудь жить; смѣю сказать, что я былъ еще не изъ худшихъ. Но теперь я долженъ во что бы то ни стало выкарабкаться изъ этого положенія. Мои сыновья подростаютъ; ради нихъ мнѣ необходимо возстановить свою репутацію. Это мѣсто въ банкѣ было первою ступенью для завоеванія себѣ общественнаго положенія. А теперь мужъ вашъ хочетъ опять столкнуть меня внизъ, втоптать меня въ грязь!

Нора. Но клянусь вамъ Богомъ, г. Крогштадъ, я рѣшительно не могу помочь вамъ.

Крогштадъ. Это потому, что вы не хотите. Но у меня есть средство принудить васъ къ этому.

Нора. Вы не вздумаете ли разсказать моему мужу, что я должна вамъ деньги?

Крогштадъ. Гмъ,—а если я разскажу ему?

Нора. Это было бы безсовѣстно съ вашей стороны. (*Со слезами въ голосѣ*). Эта тайна—моя гордость, моя радость, а онъ узнаетъ о ней такимъ грубымъ, безобразнымъ образомъ,—узнаетъ о ней отъ *васъ!* Это доставитъ мнѣ массу самыхъ ужасныхъ непріятностей.

Крогштадъ. Только непріятностей?

Нора (*вспыльчиво*). Но только попробуйте сдѣлать это; хуже будетъ для васъ; мужъ мой узнаетъ, что вы за гадкій человѣкъ, и вы тогда непремѣнно потеряете свое мѣсто.

Крогштадъ. Я спрашиваю, чего вы боитесь въ случаѣ открытія вашей тайны? одинъхъ только домашнихъ непріятностей?

Нора. Какъ только мой мужъ узнаетъ объ этомъ, онъ конечно, немедленно заплатитъ по моему векселю и мы навсегда раздѣлаемся съ вами.

Крогштадъ (*дѣлаетъ шагъ впередъ*). Послушайте, г-жа Гельмеръ:—или у васъ очень плохая память, или вы ничего не смыслите въ дѣлахъ. Я вамъ сейчасъ разъясню ваше положеніе.

Нора. Въ чемъ дѣло?

Крогштадъ. Когда вашъ мужъ заболѣлъ, вы пришли ко мнѣ съ просьбою одолжить вамъ тысячу двѣсти спецій.

Нора. Я не знала къ кому другому обратиться.

Крогштадъ. Я обѣщалъ доставить ихъ вамъ подъ условіемъ...

Нора. Вы мнѣ ихъ и доставили.

Крогштадъ. Я обѣщалъ доставить ихъ вамъ подъ условіемъ нѣкоторыхъ обязательствъ съ вашей стороны. Вы были въ то время такъ разстроены болѣзнью вашего мужа и такъ заняты мыслью достать во что-бы то ни стало нужныя для дороги деньги, что могли не обратить вниманія на нѣкоторыя побочныя обстоятельства. Поэтому считаю не лишнимъ напомнить вамъ о нихъ. Итакъ, я обѣщалъ дать вамъ деньги взамѣнъ векселя, который я тутъ же написалъ для васъ.

Нора. Да, и который я тотчасъ подписала.

Крогштадъ. Хорошо. Но внизу я прибавилъ нѣсколько строкъ, въ которыхъ было сказано, что вашъ отецъ ручается за васъ. Эти строки должны были быть подписаны вашимъ отцомъ.

Нора. Должны были быть?—Они и были подписаны имъ.

Крогштадъ. Внизу я оставилъ пробѣлъ для числа, т. е. отецъ вашъ долженъ былъ самъ означить день и число, когда онъ подписалъ векселъ. Вы помните это, г-жа Гельмеръ?

Нора. Да.

Крогштадъ. Я затѣмъ передалъ вамъ векселъ, а вы должны были послать его по почтѣ вашему отцу. Такъ?

Нора. Да.

Крогштадъ. И вы, конечно, немедленно исполнили это, потому что уже черезъ пять—шесть дней вы принесли мнѣ обратно векселъ съ подписью вашего отца. Затѣмъ я вамъ передалъ требуемую сумму.

Нора. Ну и что жъ? Развѣ я не уплачивала вамъ въ срокъ?

Крогштадъ. Да, довольно аккуратно. Но—возвратимся опять къ предмету нашего разговора—это было тяжелое время для васъ, не правда ли?

Нора. О, да.

Крогштадъ. Отецъ вашъ былъ, кажется, очень боленъ?

Нора. Онъ лежалъ на смертномъ одрѣ.

Крогштадъ. И умеръ вскорѣ послѣ того?

Нора. Да.

Крогштадъ. Скажите мнѣ, г-жа Гельмеръ, не помните ли вы дня смерти вашего отца? Т. е. какого это было числа?

Нора. Папа умеръ 29 сентября.

Крогштадъ. Совершенно вѣрно; я наводилъ справки. Поэтому есть одно странное обстоятельство, которое я никакъ не могу (*вынимаетъ бумагу изъ кармана*) объяснить себѣ.

Нора. Какое обстоятельство? Я не знаю...

Крогштадъ. Дѣло въ томъ, что отецъ вашъ подписалъ этотъ векселъ черезъ три дня послѣ своей смерти.

Нора. Какъ это? Я не понимаю...

Крогштадъ. Отецъ вашъ умеръ 29 сентября. Но взгляните-ка сюда. Отецъ вашъ помѣтилъ здѣсь свою подпись 2 октябремъ, Развѣ это не странно?

Нора (*молчитъ*).

Крогштадъ. Не можете ли вы мнѣ объяснить этого?

Нора (*продолжаетъ молчать*).

Крогштадъ. Другая странность заключается въ томъ, что слова 2 октября и годъ написаны не почеркомъ вашего отца, а другимъ почеркомъ, который мнѣ кажется знакомымъ. Но это можно объяснить тѣмъ, что отецъ вашъ забылъ датировать свою подпись, а кто-нибудь, подражая его почерку, вписалъ затѣмъ число вмѣсто него, не зная еще о его смерти. Въ этомъ еще нѣтъ ничего дурного. Вся суть въ подписи. А *она*-то дѣйствительна, г-жа Гельмеръ, не правда ли? Это вашъ отецъ подписалъ здѣсь собственноручно свое имя?

Нора (*послѣ нѣкотораго молчанія подымаетъ голову и съ вызывающимъ видомъ смотритъ на него*). Нѣтъ, это не онъ. Это я подписала папино имя.

Крогштадъ. Послушайте, г-жа Гельмеръ,—знаете ли вы, что это опасное признаніе?

Нора. Это почему? Вы скоро получите ваши деньги.

Крогштадъ. Могу ли я задать вамъ еще вопросъ:—почему вы не послали векселя для подписи своему отцу?

Нора. Это было невозможно. Папа былъ слишкомъ боленъ. Если бы я попросила у него подписи, я должна была бы признаться, для чего мнѣ нужны деньги. Но при томъ состояніи здоровья, въ какомъ онъ находился, я никакъ не могла сказать ему, что жизнь моего мужа въ опасности. Это было невозможно.

Крогштадъ. Въ такомъ случаѣ, вамъ лучше было отказаться отъ заграничнаго путешествія.

Нора. Нѣтъ, это было невозможно. Это путешествіе спасло моему мужу жизнь. Я не могла отказаться отъ него.

Крогштадъ. Но развѣ вамъ не приходило въ голову, что, поступая такимъ образомъ, вы обманываете меня?

Нора. Конечно, я объ этомъ и не думала. Какое мнѣ было дѣло до васъ? Я васъ не могла выносить въ то время, съ вашею холодностью, съ тою массою затрудненій, которыя вы измышляли, хотя знали отлично, что жизнь моего мужа виситъ на волоскѣ.

Крогштадъ. Г-жа Гельмеръ, вы, очевидно, не имѣете ни малѣйшаго понятія о преступленіи, которое совершили. Но, смѣю васъ увѣрить, я ничего другого не сдѣлалъ, а между тѣмъ погубилъ себя навсегда, уничтожилъ всю свою будущность.

Нора. Вы? Вы хотите увѣрить меня что *вы* совершили мужественный поступокъ для спасенія жизни вашей жены?

Крогштадъ. Законамъ нѣтъ дѣла до побудительныхъ причинъ.

Нора. Въ такомъ случаѣ у насъ очень дурные законы.

Крогштадъ. Дурные или нѣтъ—но стоитъ мнѣ предъявить эту бумагу въ судъ, и васъ осудятъ по закону.

Нора. Я этому не вѣру. Дочь не имѣетъ права избавить отъ безпокойствъ и заботъ послѣдніе дни жизни своего бѣднаго больного отца? Жена не имѣетъ права спасать жизнь своего мужа? Я, конечно, не знаю въ точности законовъ, но я увѣрена, что гдѣ-нибудь тамъ написано, что такого рода вещи разрѣшаются. И вы этого не знаете, вы, повѣренный по дѣламъ? Да, должно быть вы очень плохой юристъ, г. Крогштадъ!

Крогштадъ. Весьма можетъ быть. Но дѣла—такого рода дѣла, какія были между нами,—такія дѣла я понимаю, можете быть въ этомъ увѣрены. Ну, такъ хорошо. Дѣлайте, что угодно. Но *я* говорю вамъ *одно:* если меня опять вышвырнуть за бортъ, то не иначе, какъ въ вашемъ обществѣ. (*Кланяется и уходитъ въ переднюю*).

Нора (*стоитъ нѣкоторое время, погруженная въ размышленія, затѣмъ гордо поднимаетъ голову*). Пустяки!—Онъ хочетъ напугать меня! Но я не такъ глупа. (*Начинаетъ собирать дѣтскія пальто; вдругъ останавливается*). А если—? Нѣтъ, это невозможно! Я сдѣлала это только изъ любви.

Дѣти (*въ дверяхъ слѣва*). Мама, чужой человѣкъ уже ушелъ въ парадную дверь.

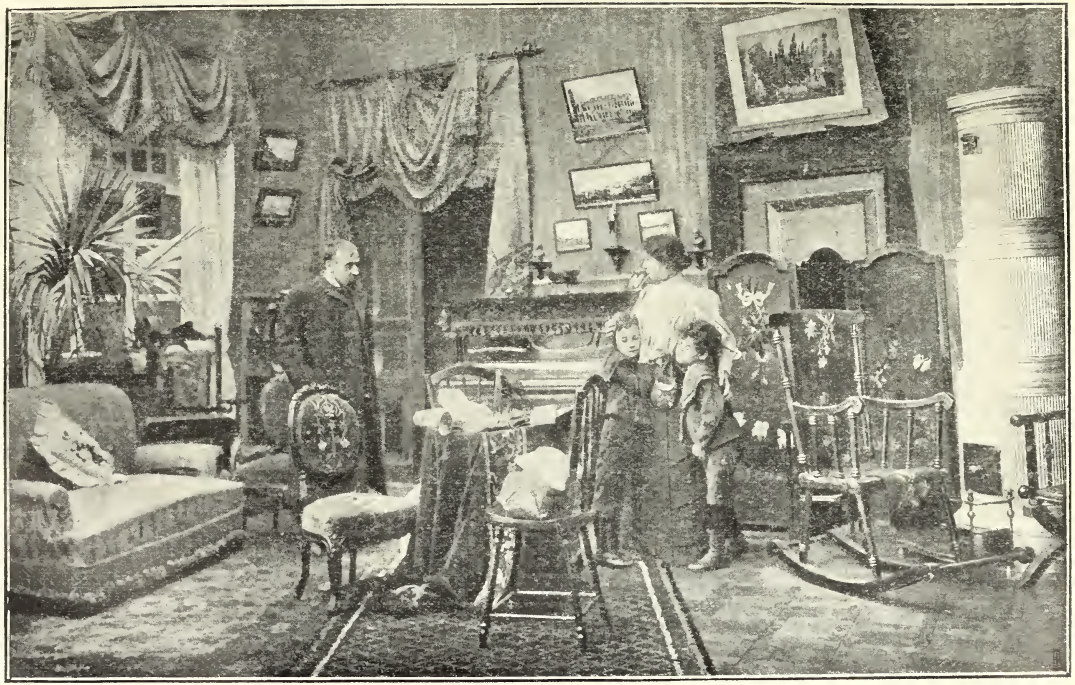
Нора. Да, да, я знаю. Но не говорите никому о чужомъ человѣкѣ. Слышите? Никому ни слова, даже папѣ.

Дѣти. Хорошо, мама. А теперь ты будешь играть съ нами?

Нора. Нѣтъ, нѣтъ, не теперь.

Дѣти. Но, мама, ты намъ обѣщала.

Нора. Право, дѣти, я теперь не могу. Идите, милые, къ себѣ, у меня еще столько дѣла, идите, мои дорогія, милыя дѣточки. (*Выпроваживаетъ ихъ, цѣлуя, въ дверь и запираетъ ее за ними, затѣмъ садится на диванъ, беретъ работу и дѣлаетъ нѣсколько стежковъ, но скоро останавливается*). Нѣтъ! (*Бросаетъ работу, встаетъ, подходитъ къ двери передней и зоветъ*). Елена! внесите елку. (*Подходитъ къ столу налѣво и открываетъ ящикъ; опять останавливается*). Нѣтъ, это совершенно, совершенно невозможно!



„Нора“, д. I.

Нора... Мужа нѣтъ дома, г. Крогстадъ.

Крогстадъ. Я знаю.

Горничная (*вноситъ елку*). Гдѣ прикажете поставить ее?

Нора. Здѣсь, посреди комнаты.

Горничная. Прикажете еще что-нибудь принесть?

Нора. Нѣтъ, благодарю, у меня есть все, что нужно. (*Горничная, поставивши елку, уходитъ. Нора начинаетъ украшать дерево*). Здѣсь нужно прикрѣпить свѣчу,—а здѣсь—цвѣты. —Отвратительный человѣкъ! Пустяки, пустяки, пустяки! Это все выдумки. Елка будетъ восхитительна. Я устрою все это такъ, какъ ты любишь, Торвальдъ;—я буду пѣть для тебя, и танцовать для тебя—(*Гельмеръ входитъ съ пачкою бумагъ подъ мышкою*). Ахъ, ты уже вернулся?

Гельмеръ. Да Кто нибудь приходилъ безъ меня?

Нора. Сюда? Нѣтъ.

Гельмеръ. Какъ это странно! Я видѣлъ, какъ Крогштадъ выходилъ изъ дверей.

Нора. Да? Ахъ да, правда, Крогштадъ заходилъ сюда на минуту.

Гельмеръ. Нора! я вижу по твоему лицу,—онъ приходилъ просить, чтобы ты заступилась за него.

Нора. Да.

Гельмеръ. И ты должна была это сдѣлать какъ бы по собственному побужденію? Ты должна была скрыть отъ меня, что онъ приходилъ къ тебѣ съ этою просьбою? Онъ просилъ тебя и объ этомъ?

Нора. Да, Торвальдъ, но...

Гельмеръ. Нора, Нора, и ты могла унизиться до этого? Разговаривать съ такимъ человѣкомъ и еще давать ему обѣщаніе! И вдобавокъ ко всему, говорить мнѣ неправду!

Нора. Неправду?

Гельмеръ. А развѣ ты мнѣ не сказала, что никто сюда не приходилъ? (*Грозитъ пальцемъ*). Моя маленькая пташечка не должна никогда этого дѣлать. У пташекъ всегда чистыя перышки и онѣ никогда не должны пѣть фальшиво. (*Беретъ ее за талію*). Не правда ли, ты съ этимъ согласна? Да? Вотъ и хорошо! (*Отходитъ отъ нея*). А теперь ни слова больше! (*Садится передъ каминомъ*). Ахъ, какъ здѣсь спокойно и хорошо! (*Перелистываетъ свои бумаги*).

Нора (*занята украшеніемъ елки; черезъ нѣсколько минутъ*). Торвальдъ!

Гельмеръ. Что?

Нора. Я ужасно радуюсь костюмированному балу у Стенборговъ, назначенному на послѣ завтра.

Гельмеръ. А я очень интересуюсь узнать, чѣмъ ты меня поразишь въ этотъ день.

Нора. Ахъ, такая досада!

Гельмеръ. Въ чемъ дѣло?

Нора. Я никакъ не могу придумать костюма, который бы мнѣ шелъ. Все такъ избито, безсмысленно...

Гельмеръ. Какъ это моя маленькая Нора пришла къ такому заключенію?

Нора (*за его кресломъ, опираясь на спинку*). Много у тебя теперь занятій, Торвальдъ?

Гельмеръ. Достаточно.

Нора. Что это за бумаги?

Гельмеръ. Банковыя дѣла.

Нора. Все это?

Гельмеръ. Я получилъ отъ бывшей дирекціи полномочіе сдѣлать всѣ измѣненія въ служебномъ персоналѣ и въ способѣ веденія дѣлъ, какія я найду нужными. Вотъ я и думаю употребить на это праздничную недѣлю.

Нора. Поэтому-то бѣдный Крогштадъ...

Гельмеръ. Гмъ!

Нора (*продолжаетъ опираться на его кресло и проводитъ рукою по его волосамъ*). Если бы ты не былъ такъ занятъ, я попросила бы у тебя одной ужасно, ужасно большой услуги, Торвальдъ.

Гельмеръ. Скажи, въ чемъ дѣло?

Нора. Ни у кого нѣтъ такого изящнаго вкуса, какъ у тебя. А мнѣ бы очень хотѣлось быть хорошенькой и красиво одѣтой на костюмированномъ балу. Торвальдъ, если бы ты могъ заняться немного мною и придумать, какой мнѣ костюмъ надѣть и какъ его устроить, чтобы онъ мнѣ шелъ?

Гельмеръ. Что это съ моею маленькой упрямицей? Неужели она сѣла на мель и не знаетъ, какъ ей оттуда выбраться?

Нора. Да, Торвальдъ, я ничего не придумаю безъ твоей помощи.

Гельмеръ. Хорошо, хорошо, я займусь твоимъ дѣломъ, мы ужъ изобрѣтемъ что-нибудь.

Нора. Ахъ, какъ это мило съ твоей стороны! (*Возвращается къ елкѣ*). Какъ красивы эти красные цвѣты!—Но скажи мнѣ, развѣ то, что сдѣлалъ Крогштадъ, очень, очень дурно?

Гельмеръ. Онъ поддѣлалъ чужую подпись. Имѣешь ли ты представленіе о томъ, что это значитъ?

Нора. Онъ можетъ быть сдѣлалъ это по нуждѣ?

Гельмеръ. Или, какъ многіе другіе, по безразсудству. Я вовсе не настолько безсердеченъ, чтобы осуждать человѣка за такой единичный проступокъ.

Нора. Да, не правда ли, Торвальдъ?

Гельмеръ. Я не отрицаю, что многіе могутъ послѣ этого вновь ожить нравственно и исправиться, но только въ такомъ случаѣ, если они открыто признаются въ своемъ преступленіи и понесутъ должное наказаніе.

Нора. Наказаніе?...

Гельмеръ. Но Крогштадъ поступилъ совершенно наоборотъ; онъ пустилъ въ ходъ всевозможные подвохи и хитрости, и это именно и погубило его въ нравственномъ отношеніи.

Нора. Что же, по твоему, онъ долженъ былъ—?

Гельмеръ. Подумай только, сколько такой человѣкъ, сознающій свою вину, долженъ лицемѣрить и лгать, и обманывать, какъ онъ долженъ вѣчно скрывать свои мысли передъ своими близкими, даже передъ женою и дѣтьми! Въ особенности—передъ дѣтьми,—это самое ужасное, Нора.

Нора. Почему?

Гельмеръ. Потому что такого рода атмосфера лжи вноситъ ядъ и растлѣніе въ домашнюю жизнь. Въ такомъ домѣ ребенокъ при каждомъ вздохѣ вдыхаетъ отраву.

Нора (*подходитъ ближе къ нему*). Что ты говоришь?

Гельмеръ. Я убѣдился въ этомъ, какъ адвокатъ. Почти всѣ нравственно испорченные люди имѣли лживыхъ матерей.

Нора. Почему именно—матерей?

Гельмеръ. Чаще всего виноваты въ этомъ матери; но, конечно, иногда и отцы бывали не менѣе виновны; это скажетъ тебѣ каждый адвокатъ. А между тѣмъ этотъ Крогштадъ цѣлый годъ скрывалъ тайну и своею лживостью и лицемѣріемъ отравлялъ своихъ собственныхъ дѣтей; поэтому я его и называю нравственно испорченнымъ человѣкомъ. (*Протягиваетъ ей руки*). Вотъ отчего моя милая маленькая Нора должна обѣщать мнѣ никогда больше не защищать его. Твою руку въ знакъ обѣщанія! Ну, ну, что же это такое? Давай руку! Вотъ такъ! Инцидентъ, слѣдовательно, исчерпанъ! Увѣряю тебя; что мнѣ было бы невыносимо работать вмѣстѣ съ нимъ: я испытываю чисто физическое отвращеніе къ такого рода людямъ.

Нора (*отнимаетъ руку и становится по другую сторону елки*). Какъ жарко здѣсь! А у меня еще столько дѣла!

Гельмеръ (*встаетъ и собираетъ свои бумаги*). Да, и мнѣ не мѣшаетъ почитать немного передъ обѣдомъ. Я подумаю и о твоемъ платьѣ. Я приготовилъ уже кое-что, чтобы повѣсить въ золотой бумажкѣ на елку. (*Гладитъ ее по головѣ*). Ахъ ты, моя милая, дорогая птичечка! (*Идетъ въ кабинетъ и затворяетъ за собою дверь*).

Нора (*тихо послѣ минутнаго молчанія*). Ахъ, пустяки! это пустяки! Это невозможно! Это должно быть невозможно!

Няня (*въ двери, слѣва*). Дѣти просятся очень къ мамѣ.

Нора. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ; не пускай ихъ ко мнѣ! Побудь съ ними, Маріанна.

Няня. Слушаю! (*Затворяетъ дверь*).

Нора (*блѣдная отъ ужаса*). Испортить моихъ дорогихъ малютокъ! Отравить домашнюю атмосферу? *Останавливается и поднимаетъ голову*). Это неправда. Это не можетъ быть правда.

(Занавѣсъ).

Дѣйствіе второе.

(Та же комната. Въ углу, возлѣ фортепіано, елка, лишенная своихъ украшеній, помятая, съ огарками свѣчей. Пальто Норы лежитъ на диванѣ).

Нора (*одна въ комнатѣ, ходитъ съ безпокойствомъ взадъ и впередъ; наконецъ останавливается, беретъ пальто, но черезъ минуту опять бросаетъ его на диванъ*). Кто-то идетъ! (*Подходитъ къ двери и прислушивается*). Нѣтъ никого. Да, конечно,—никто не придетъ сегодня, первый день Рождества,—и завтра также.—А вдругъ! (*Отворяетъ и выглядываетъ*). Нѣтъ, въ ящикѣ для писемъ нѣтъ ничего, пусто!—(*Опять начинаетъ ходить взадъ и впередъ*). Ахъ глупости! Это была, навѣрное, только пустая угроза съ его стороны. Такого рода вещи не дѣлаются на свѣтѣ! Это невозможно. У меня вѣдь трое маленькихъ дѣтей.

Няня (*входитъ изъ комнаты слѣва, съ большою картонкою въ рукахъ*). Наконецъ-то я нашла коробку съ маскарадными костюмомъ.

Нора. Спасибо, положи на столъ.

Няня (*исполняетъ приказаніе*). Но онъ въ большомъ безпорядкѣ.

Нора. Ахъ, если бы я могла разорвать его на сто тысячъ кусковъ!

Няня. Боже сохрани! его можно еще исправить; только немного терпѣнья.

Нора. Да, я пойду и попрошу г-жу Линде помочь мнѣ.

Няня. Вы хотите выйти теперь? Въ такую погоду? Вы, навѣрное, простудитесь, заболѣете.

Нора Это было-бы еще ничего, сравнительно.—Что дѣлаютъ дѣти?

Няня. Бѣдныя малютки играютъ елочными подарками.

Нора. Спрашиваютъ они обо мнѣ?

Няня. Они такъ привыкли видѣть маму всегда возлѣ себя.

Нора. Но видишь ли, Маріанна, при теперешнихъ обстоятельствахъ я не могу быть съ ними такъ часто, какъ прежде.

Няня. Ну что-жъ, дѣти ко всему привыкаютъ.

Нора. Ты думаешь? Такъ что они скоро забыли бы свою маму, еслибы ея не стало на свѣтѣ?

Няня. О, Боже сохрани,—не стало на свѣтѣ!

Нора. Слушай, скажи мнѣ, Маріанна,—я часто думала объ этомъ,—какъ ты могла рѣшиться отдать свое дитя на чужихъ?

Няня. Но я не могла сдѣлать иначе, когда взялась кормить маленькую Нору.

Нора. Но какъ ты согласилась на это?

Няня. Мнѣ представлялось такое хорошее мѣсто... А бѣдная дѣвушка, съ которою приключилось несчастье, не могла не обрадоваться этому... потому что негодяй и пальцемъ не пошевельнулъ для меня.

Нора. Но твоя дочь, вѣроятно, совершенно забыла тебя.

Няня. О, нѣтъ! Она писала мнѣ и когда конфирмовалась, и когда вышла замужъ.

Нора (*цѣлуетъ ее*). Ахъ ты милая моя старушка, Маріанна, ты была для меня доброю матерью, когда я была маленькой.

Няня. Да вѣдь у бѣдной маленькой Норы не было другой матери, кромѣ меня.

Нора. И если у монхъ маленькихъ не станетъ матери, я знаю, что ты—пустяки, пустяки, пустяки! (*Открываетъ картонку*). Иди къ нимъ. Теперь я—Завтра ты увидишь, какою я буду восхитительною.

Няня. Да, навѣрное на всемъ балу не будетъ ни одной такой красавицы, какъ Нора Гельмеръ! (*Уходитъ въ комнату налѣво*).

Нора (*начинаетъ вынимать костюмъ изъ картонки, но вскорѣ бросаетъ ее на столъ*). Ахъ, если бы я могла выйти! Если бы никто не пришелъ! Если бы здѣсь ничего не случилось! Глупости!—никто не придетъ. Какъ бы только не думать объ этомъ! Вычистимъ муфту. А вотъ перчатки. Какія прелестныя перчатки! Выбросить это изъ головы, выбросить! Одинъ, два, три, четыре, пять, шесть —(*Вскрикиваетъ*). Ахъ, кто-то идетъ—(*Подходитъ къ двери, но останавливается въ нерѣшительности. Входитъ г-жа Линде изъ передней, гдѣ она сняла пальто*). Ахъ, это ты, Кристина! Никого другого нѣтъ съ тобою?—Какъ хорошо, что ты пришла!

Г-жа Линде. Я слышала, что ты заходила ко мнѣ на квартиру и спрашивала меня.

Нора. Да, я проходила мимо. Ты должна мнѣ помочь. Сядемъ здѣсь, на диванѣ. Вотъ такъ. Завтра вечеромъ будетъ костюмированный балъ у консула Стенборга и Торвальдъ желаетъ, чтобы я надѣла костюмъ неаполитанской рыбачки и танцовала тарантеллу; я научилась ей на Капри.

Г-жа Линде. Ого, такъ ты хочешь дать цѣлое представленіе?

Нора. Да, Торвальдъ желаетъ чтобы я танцовала. Смотри, вотъ платье. Торвальдъ заказалъ мнѣ его, когда мы были на Капри; но оно такъ испортилось, что я, право, не знаю—

Г-жа Линде. О, мы скоро это исправимъ; порвана одна только складка. Давай сюда иголку и нитку. Ну, теперь у насъ все, что нужно.

Нора. Какъ это мило съ твоей стороны!

Г-жа Линде (*шьетъ*). Значитъ, ты завтра будешь костюмироваться? Знаешь что! я приду сюда на минуту, чтобы посмотрѣть на тебя въ костюмѣ. Но я совершенно забыла поблагодарить тебя за вчерашній пріятный вечеръ.

Нора (*встаетъ и начинаетъ ходить по комнатѣ взадъ и впередъ*). О, вчера, по моему, было у насъ не такъ весело, какъ всегда.—Тебѣ слѣдовало пріѣхать въ городъ немного раньше, Кристина.—Да, Торвальдъ умѣетъ устраивать уютную и пріятную домашнюю жизнь.

Г-жа Линде. Да, но и ты не отстаешь отъ него, въ этомъ отношеніи. Не даромъ ты—дочь своего отца. Но скажи мнѣ, докторъ Ранкъ всегда такой мрачный?

Нора. Нѣтъ, вчера онъ былъ особенно грустный. Онъ страдаетъ очень опасной и тяжкой болѣзнью. У него, бѣдняжки, спинной мозгъ не въ порядкѣ. Нужно тебѣ сказать, что отецъ его былъ очень развратный человѣкъ, держалъ много любовницъ и т. п.; потому-то сынъ его съ дѣтства былъ болѣзненный, понимаешь?

Г-жа Линде. И откуда у тебя такія обширныя свѣдѣнія, моя милая Нора?

Нора. Что-жъ тутъ удивительнаго? Когда имѣешь троихъ дѣтей, приходится иногда принимать женщинъ полу-врачей: вотъ онѣ то и болтаютъ о томъ и другомъ.

Г-жа Линде (*опять начинаетъ шить; послѣ нѣкоторой паузы*). Докторъ Ранкъ приходитъ сюда каждый день?

Нора. Каждый, каждый день. Это лучшій другъ дѣтства Торвальда, да и мой пріятель также. Докторъ какъ бы принадлежитъ къ нашей семьѣ.

Г-жа Линде. Но скажи мнѣ: вполнѣ ли искренній это человѣкъ? Т. е. не можетъ ли онъ сказать неправды, чтобы польстить своему собесѣднику?

Нора. Нѣтъ, напротивъ того. Отчего ты это спрашиваешь?

Г-жа Линде. Когда ты вчера знакомила насъ, онъ сказалъ, что часто слышалъ мое имя въ этомъ домѣ; но потомъ я замѣтила, что твой мужъ не имѣлъ никакого понятія о томъ, кто я. Какимъ образомъ докторъ Ранкъ—?

Нора. Это совершенная правда, Кристина. Торвальдъ страшно любитъ меня; онъ хочетъ обладать мною одинъ, нераздѣльно, какъ онъ выражается. Въ первое время моего замужества онъ ревновалъ меня, какъ только я упомянала имена дорогихъ мнѣ людей. Поэтому я, конечно, перестала говорить о нихъ. Напротивъ того, съ докторомъ Ранкомъ я часто бесѣдовала о моей прошлой жизни, потому что онъ любилъ слушать объ этомъ, понимаешь?

Г-жа Линде. Послушай, Нора; ты до сихъ поръ еще совершенное дитя во многихъ отношеніяхъ; я гораздо старше тебя и несравненно опытнѣе. Я позволю себѣ подать тебѣ одинъ совѣтъ: поспѣши развязаться съ докторомъ Ранкомъ.

Нора. Въ какомъ это смыслѣ развязаться?

Г-жа Линде. Во многихъ, многихъ смыслахъ. Ты вчера болтала мнѣ объ одномъ богатомъ поклонникѣ, который долженъ былъ доставить себѣ деньги.

Нора. Да, но его до сихъ поръ нѣтъ, —къ сожалѣнію. Что же ты хочешь сказать?

Г-жа Линде. Есть ли состояніе у доктора Ранка?

Нора. Да, онъ состоятельный человѣкъ.

Г-жа Линде. И ему не о комъ заботиться?

Нора. Не о комъ.

Г-жа Линде. И онъ каждый день приходитъ сюда?

Нора. Да, я тебѣ уже говорила.

Г-жа Линде. Но какъ же такой воспитанный человѣкъ можетъ быть настолько не деликатнымъ!

Нора. Я тебя совсѣмъ не понимаю.

Г-жа Линде. Пожалуйста, не притворяйся, Нора. Ты думаешь, я не догадываюсь, у кого ты заняла четыре тысячи восемьсотъ кронъ?

Нора. Ты съ ума сошла? Вообразить такую вещь! У друга, который каждый день приходитъ сюда! Какое бы это было страшно мучительное положеніе!

Г-жа Линде. Значитъ, дѣйствительно не у него?

Нора. О, конечно нѣтъ, увѣряю тебя! Мнѣ это даже и на минуту не приходило въ голову! Да, притомъ, въ то время у него не было и денегъ; онъ только недавно разбогатѣлъ, получилъ наслѣдство.

Г-жа Линде. Это случилось къ твоему счастью, моя милая Нора.

Нора. Да нѣтъ, я ни за что въ мірѣ не заняла бы денегъ у доктора Ранка.—Впрочемъ, я вполнѣ увѣрена, что стоило бы мнѣ только заикнуться...

Г-жа Линде. Но ты этого, конечно, не сдѣлаешь.

Нора. Конечно. Я, впрочемъ, не думаю, чтобы мнѣ это было когда-нибудь нужно. Но я увѣрена, что если бы я сказала доктору Ранку –

Г-жа Линде. За спиною твоего мужа?

Нора. Изъ того—другого—дѣла я должна во что бы то ни стало выпутаться; и оно также случилось за его спиною. Мнѣ необходимо покончить съ нимъ.

Г-жа Линде. Да, да, это ты говорила и вчера.

Нора (*прохаживается взадъ и впередъ*). Мужчинѣ легче привести въ порядокъ такого рода дѣла, чѣмъ женщинѣ—

Г-жа Линде. Мужу—да.

Нора. Глупости! *(Останавливается).* Когда кто-либо уплатитъ все, что онъ долженъ, онъ получаетъ обратно свой вексель?

Г-жа Линде. Понятно.

Нора. И можетъ разорвать его на сто тысячъ кусковъ и сжечь—эту отвратительную грязную бумагу!

Г-жа Линде *(смотритъ на нее сбоку, кладетъ въ сторону шитье и медленно приподымается).* Нора, ты что-то скрываешь отъ меня.

Нора. Развѣ ты это видишь по мнѣ?

Г-жа Линде. Что-то случилось съ тобою со вчерашняго дня. Нора, что это такое?

Нора *(идетъ къ ней).* Кристина! *(Останавливается).* Тише! Торвальдъ возвращается домой. Здѣсь—иди лучше къ дѣтямъ, пока. Торвальдъ не выноситъ, что-бы при немъ шили. Маріанна поможетъ тебѣ.

Г-жа Линде *(собираетъ все въ кучу).* Да, да, но я не двинусь изъ твоего дома, пока мы откровенно не переговоримъ другъ съ другомъ. *(Идетъ въ дверь налѣво; въ ту же минуту Гельмеръ входитъ изъ передней).*

Нора *(идетъ навстрѣчу ему).* Ахъ, какъ я ждала тебя, дорогой Торвальдъ?

Гельмеръ. Швея приходила?

Нора. Нѣтъ, вмѣсто нея пришла Кристина; она поможетъ мнѣ привести мое платье въ порядокъ. Увидишь, какъ оно будетъ мнѣ идти!

Гельмедъ. Не правда ли, это была блестящая идея?

Нора. Восхитительная! Но развѣ и я была не мила, что послушалась тебя?

Гельмеръ *(беретъ ее за подбородокъ).* Мила—потому что слушаешься своего мужа? Ну, ну, ты маленькая плутовка, я знаю, что у тебя другое было на умѣ! Но я не стану тебѣ мѣшать; ты, вѣрно, будешь примѣривать свой костюмъ?

Нора. А ты—работать?

Гельмеръ. Да *(показываетъ пачку бумагъ).* Смотри-ка сюда. Я только что изъ банка.

Нора. Торвальдъ!

Гельмеръ *(останавливается).* Что?

Нора. Что, если бы твоя маленькая бѣлочка крѣпко, крѣпко попросила тебя объ одной вещи?

Гельмеръ. О чемъ же?

Нора. Исполнилъ ли бы ты ея просьбу?

Гельмеръ. Сначала я, конечно, долженъ знать, въ чемъ дѣло.

Нора. Бѣлочка бѣгала бы вокругъ и прыгала, если бы ты былъ настолько милъ, чтобы послушаться ея.

Гельмеръ. Говори же скорѣе!

Нора. Пташечка распѣвала бы во всѣхъ углахъ и громко, и тихо.

Гельмеръ. Это пташечка и безъ того постоянно дѣлаетъ.

Нора. Я представляла бы русалку и танцовала бы для тебя при лунномъ сіяніи, Торвальдъ.

Гельмеръ. Это не то ли, о чемъ ты просила вчера?

Нора *(подходитъ ближе).* О, Торвальдъ, я тебя такъ прошу, такъ прошу!

Гельмеръ. И у тебя хватаетъ духа начинать съизнова этотъ разговоръ?

Нора. Да, да, послушай меня; оставь Крогштада на его мѣстѣ въ банкѣ.

Гельмеръ. Моя дорогая Нора, его мѣсто предназначалось для г-жи Линде.

Нора. Да, это чрезвычайно мило съ твоей стороны; но ты можешь заставить подать въ отставку какого-либо другого изъ твоихъ чиновниковъ.

Гельмеръ. Но это какое-то невѣроятное упрямство съ твоей стороны! Потому только, что ты имѣла неосмотрительность обѣщать ему вчера поговорить за него, я долженъ теперь...

Нора. Вовсе не потому, Торвальдъ, а исключительно ради самаго тебя. Онъ можетъ сдѣлать тебѣ страшно много зла. Я такъ боюсь его—

Гельмеръ. Ага, теперь я понимаю; тебя пугаютъ старыя воспоминанія.

Нора. Что ты хочешь этимъ сказать?

Гельмеръ. Ты, конечно, думаешь о своемъ отцѣ?

Нора. Да, да, конечно. Подумай только, какъ много злые люди писали въ газетахъ о папѣ, какъ они клеветали на него! Я увѣрена, что они добились бы его отставки, если бы департаментъ не прислалъ тебя для ревизіи и если бы ты не былъ такъ добръ и не помогъ ему.

Гельмеръ. Моя маленькая Нора, между твоимъ отцомъ и мною большая разница. Твой отецъ былъ далеко не безупречнымъ чиновникомъ. Но я безупреченъ во всѣхъ отношеніяхъ и намѣренъ оставаться такимъ до конца, такъ что съ меня взятки гладки.

Нора. Ахъ, кто знаетъ, что могутъ придумать злые люди! Теперь намъ такъ хорошо, счастливо и спокойно живется въ

нашемъ мирномъ домѣ:—тебѣ, и мнѣ, и дѣтямъ. Торвальдъ! Я прошу, прошу тебя, прошу отъ всего сердца.

Гельмеръ. Именно теперь, когда мнѣ совершенно невозможно оставить его на мѣстѣ. Въ банкѣ уже извѣстно мое намѣреніе отставить Крогштада. И вдругъ всѣ узнаютъ, что новый директоръ банка далъ себя переубѣдить своей женѣ.

Нора. Ну такъ что жъ?

Гельмеръ. Только потому, что маленькой упрямицѣ непремѣнно захотѣлось поставить на своемъ!—Я сдѣлался бы посмѣшищемъ всего банка,—всѣ заговорили бы, что я состою подъ башмакомъ у своей жены. Можешь быть увѣрена, что я скоро почувствовалъ бы печальныя послѣдствія такого поступка! И кромѣ того— есть одно обстоятельство, которое дѣлаетъ совершенно невозможнымъ присутствіе въ банкѣ Крогштада, пока я нахожусь въ немъ.

Нора. Что именно?

Гельмеръ. Я могъ бы еще оставить безъ вниманія его нравственные недостатки.

Нора. Да, не правда ли, Торвальдъ?

Гельмеръ. И я слышалъ, что онъ, какъ служащій, ничего себѣ, сносный. Но это—одинъ изъ моихъ знакомыхъ юности, знаешь, изъ тѣхъ необдуманныхъ знакомствъ, которыя затѣмъ часто стѣсняютъ людей въ жизни. Я скажу тебѣ всю правду:—мы-на ты. И этотъ безтактный человѣкъ вовсе не старается скрыть этого въ присутствіи другихъ. Напротивъ того,—онъ воображаетъ, что это дастъ ему право на фамильярное обращеніе со мною, и онъ каждую минуту старается выставить это на показъ: ты, Гельмеръ, ты. Увѣряю тебя, что это мнѣ страшно непріятно. Онъ дѣлаетъ невыносимымъ мое положеніе въ банкѣ.

Нора. Торвальдъ, ты этого не говоришь серьезно.

Гельмеръ. Ты думаешь? Это почему?

Нора. Конечно, потому, что это страшно мелочно.

Гельмеръ. Какъ ты говоришь? Мелочно? Развѣ ты меня считаешь мелочнымъ?

Нора. Нѣтъ, напротивъ того, дорогой Торвальдъ, и именно поэтому—

Гельмеръ. Какъ бы то ни было—ты называешь это мелочнымъ!—пусть будетъ такъ! мелочно! Ну хорошо! Необходимо разъ навсегда покончить съ этимъ! *(Идетъ въ переднюю и зоветъ).* Елена!

Нора. Что ты хочешь сдѣлать?

Гельмеръ *(ищетъ между бумагами).* Положить конецъ этому дѣлу. *(Горничная входитъ).* Вотъ, возьмите это письмо и немедленно отдайте его посыльному, только скорѣе. Адресъ на конвертѣ. вотъ деньги.

Горничная. Хорошо. *(Уходитъ съ письмомъ).*

Гельмеръ *(складываетъ бумаги).*

Нора *(въ сильной тревогѣ).* Торвальдъ,—что это было за письмо?

Гельмеръ. Распоряженіе объ отставкѣ Крогштада.

Нора. Возьми его назадъ, Торвальдъ! Еще время. Ахъ, Торвальдъ, возьми его назадъ! Сдѣлай это для меня,— для тебя, для дѣтей! Слышишь, Торвальдъ, сдѣлай это! Ты не знаешь, какое несчастье оно можетъ навлечь на всѣхъ насъ.

Гельмеръ. Слишкомъ поздно!

Нора. Да, слишкомъ поздно!

Гельмеръ. Дорогая моя Нора, прощаю тебѣ этотъ страхъ, хотя онъ въ сущности оскорбителенъ для меня. Да, именно оскорбителенъ! Развѣ не оскорбленіе для меня думать, что я могу испугаться мести какого-нибудь негоднаго писаки? Но я прощаю тебя, потому что этотъ страхъ доказываетъ только твою сильную любовь ко мнѣ. *(Обнимаетъ ее).* Чему быть, того не миновать, моя милая, дорогая Нора. Пусть будетъ, что будетъ. Если надъ нами стрясется бѣда, у меня, повѣрь, хватитъ силъ и храбрости, чтобы выдержать ее. Ты увидишь, я достаточно мужественъ, чтобы взять все на себя.

Нора *(съ ужасомъ).* Что ты хочешь сказать?

Гельмеръ. Все, говорю я.

Нора *(взволнованно).* Никогда въ жизни этого не будетъ.

Гельмеръ. Хорошо; такъ мы подѣлимся съ тобою, дорогая Нора,— какъ и слѣдуетъ мужу и женѣ. Пусть будетъ, что будетъ! *(Гладитъ ее по головѣ).* Теперь ты довольна? Ну, ну, ну, не дѣлай такихъ испуганныхъ глазъ, моя голубка! Это все одно только воображеніе. Теперь поиграйка тарантеллу и поупражняйся на тамбуринѣ. Я сяду въ крайней комнатѣ и затворю дверь, такъ что ничего не буду слышать; ты можешь шумѣть, сколько пожелаешь. *(Идетъ къ двери).* А когда Ранкъ придетъ, ты ему скажи, гдѣ онъ можетъ меня найти. *(Киваетъ ей головой и идетъ со своими бумагами въ кабинетъ, затворяя за собою дверь).*

Нора *(обезумѣвъ отъ ужаса, стоитъ, какъ вкопанная, и шепчетъ).* Онъ

въ состояніи сдѣлать это. Онъ сдѣлаетъ это во что бы то ни стало.—Нѣтъ, ни за что въ мірѣ! Лучше все, чѣмъ это! Спасеніе!—Исходъ!—(*Звонокъ въ передней*). Докторъ Ранкъ!—Лучше все, чѣмъ это! Лучше все, что бы это ни было! (*Проводитъ рукою по лицу и приводитъ его въ болѣе спокойное состояніе, затѣмъ подходитъ къ двери въ переднюю и отворяетъ ее. Докторъ Ранкъ стоитъ въ передней и вѣшаетъ пальто. Во время разговора наступаютъ сумерки*). Здравствуйте, докторъ Ранкъ. Я узнала васъ по звонку. Но вы не должны идти сейчасъ къ Торвальду: онъ, кажется, занятъ.

Ранкъ. А вы?

Нора. (*Онъ входитъ въ комнату, она запираетъ за нимъ дверь*). Вы знаете, что для васъ у меня всегда найдется свободное время.

Ранкъ. Благодарю! Постараюсь пользоваться этимъ, пока возможно.

Нора. Что вы хотите сказать? Пока возможно—?

Ранкъ. Это васъ пугаетъ?

Нора. Да, вы такъ странно выразились. Развѣ что-нибудь должно случиться?

Ранкъ. Да, нѣчто, къ чему я давно готовился. Но я никогда не думалъ, что оно наступитъ такъ скоро.

Нора (*хватаетъ его за руку*). Что это такое? Что вы узнали? Докторъ Ранкъ, говорите же скорѣе.

Ранкъ (*садится у камина*). Жизнь моя приходитъ къ концу. И ничего подѣлать нельзя.

Нора (*со вздохомъ облегченія*). Такъ вы говорите о себѣ?

Ранкъ. А то о комъ же? Мнѣ незачѣмъ притворяться передъ самимъ собою. Я самый несчастный изъ всѣхъ монхъ паціентовъ. На дняхъ я подвергъ себя генеральному осмотру. Банкротъ, чистый банкротъ. Черезъ мѣсяцъ я буду лежать, вытянувшись на кладбищѣ, добычею для червей.

Нора. Фу, какіе вы ужасы говорите!

Ранкъ. Что же дѣлать, когда положеніе дѣлъ ужасно. Но хуже всего то, что этому ужасному концу будетъ предшествовать еще столько безобразнаго, отвратительнаго!... Я намѣренъ еще разъ дать себя тщательно осмотрѣть; тогда я узнаю навѣрное, когда должно наступить начало конца. И вотъ что я вамъ скажу. Гельмеръ съ его утонченною натурою не выноситъ ничего безобразнаго. Я не хочу, чтобы онъ входилъ въ мою комнату, когда я буду лежать на смертномъ одрѣ.

Нора. Но, докторъ Ранкъ—!

Ранкъ. Слышите, я не хочу, ни за что не хочу. Я велю его не принимать. Какъ только я получу убѣжденіе въ самомъ худшемъ, я пришлю вамъ свою визитную карточку съ траурною каймою, тогда вы знайте, что дѣло разрушенія уже началось.

Нора. Нѣтъ, сегодня вы, право, совершенно невозможны. А я такъ хотѣла, чтобы вы были въ хорошемъ расположеніи духа!

Ранкъ. Со смертью у порога?—И при этомъ въ видѣ козла отпущенія за чужіе грѣхи! Гдѣ тутъ справедливость? И въ каждой семьѣ, въ той или иной формѣ, гнѣздится такого рода неумолимый рокъ возмездія.

Нора (*затыкаетъ уши*). Глупости! Я хочу чтобы вы были веселы, слышите, веселы!

Ранкъ. Да и правда, вся эта исторія, въ сущности, въ высшей степени комична. Мой бѣдный, ни въ чемъ неповинный спинной хребетъ долженъ отвѣчать за веселое времяпрепровожденіе моего отца въ бытность его лейтенантомъ.

Нора (*у стола слѣва*). Онъ такъ любилъ спаржу и страсбургскіе паштеты, неправда ли?

Ранкъ. Да, и трюфели.

Нора. Да, конечно, и трюфели. И устрицы также, не правда ли?

Ранкъ. Да, и устрицы, устрицы; это само собою разумѣется.

Нора. И затѣмъ также портвейнъ и шампанское? Какъ жаль, что всѣ эти прекрасныя вещи отзываются потомъ на нѣкоторыхъ членахъ тѣла!

Ранкъ. Въ особенности на такомъ несчастномъ членѣ, который не вкусилъ ничего отъ всѣхъ этихъ благъ.

Нора. Да, это именно и есть самое печальное.

Ранкъ (*смотритъ на нее испытующимъ взоромъ*). Г-мъ!

Нора (*немного времени спустя*). Почему вы улыбнулись?

Ранкъ. Нѣтъ, это вы смѣялись.

Нора. Неправда, это вы улыбались, докторъ Ранкъ.

Ранкъ. Вы еще бо́льшая плутовка, чѣмъ я когда-либо воображалъ.

Нора. Мнѣ сегодня ужасно хочется шалить.

Ранкъ. Это видно.

Нора *(кладя ему обѣ руки на плечо)*. Милый, дорогой докторъ Ранкъ, смерть не отыметъ васъ у Торвальда и меня.

Ранкъ. О, вы скоро утѣшитесь. Тотъ, кто уходитъ, быстро забывается.

Нора (*глядя на него съ испугомъ*). Вы думаете?

Ранкъ. Заключаются новыя связи, и тогда—

Нора. Кто же это заключаетъ новыя связи?

Ранкъ. Заключите вы и Гельмеръ, когда я уйду. Я вижу уже и начало ихъ. Чего ради была здѣсь вчера вечеромъ эта г-жа Линде?

Нора. Ага!—Вы, надѣюсь, не ревнуете къ бѣдной Кристинѣ?

Ранкъ. Нѣтъ, ревную. Она будетъ моею преемницею здѣсь въ домѣ. Когда я умру, эта женщина, вѣроятно—

Нора. Шшъ! не говорите такъ громко; она здѣсь.

Ранкъ. И сегодня также? Вотъ видите.

Нора. Она пришла только, чтобы привести въ порядокъ мое платье. О, Господи Боже, какой вы невозможный! (*Садится на диванъ*). Будьте разсудительны, докторъ Ранкъ, не говорите глупостей. Завтра вы увидите, какъ красиво я танцую. Можете вообразить себѣ, что я это дѣлаю ради васъ, да, и ради Торвальда также, конечно,—это само собою разумѣется. (*Беретъ разныя вещи изъ шкатулки*). Садитесь-ка сюда, докторъ Ранкъ, я вамъ кое-что покажу.

Ранкъ (*садится*). Что же именно?

Нора. Вотъ, посмотрите. Видите?

Ранкъ. А, шелковые чулки!

Нора. Тѣлеснаго цвѣта. Развѣ они не восхитительны? Да, теперь очень темно, но завтра—! Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ; я вамъ покажу только ступню. А впрочемъ, что-жъ, можете смотрѣть выше.

Ранкъ. Гмъ!

Нора. Почему вы такимъ критическимъ взоромъ оглядываете ихъ? Вы думаете, они не придутся по ногѣ?

Ранкъ. Мнѣ невозможно дѣлать по поводу этого какія-либо основательныя заключенія.

Нора (*смотритъ минуту на него*). Фи, стыдитесь! (*Бьетъ его слегка по ушамъ чулками*). Вотъ вамъ за это! (*Кладетъ ихъ обратно въ шкатулку*).

Ранкъ. А какія еще другія прелести хотѣли вы мнѣ показать?

Нора. Вы ничего рѣшительно не увидите, потому что вы неприличны. (*Она напѣваетъ про себя и перебираетъ вещи*).

Ранкъ (*послѣ нѣкотораго молчанія*). Когда я снижу здѣсь такъ уютно съ вами, я не могу вообразить себѣ—нѣтъ, я не могу понять—что бы сталось со мною, если-бы я не приходилъ къ вамъ въ домъ.

Нора (*улыбается*). Да, мнѣ кажется, что вы себя въ сущности не дурно чувствуете у насъ.

Ранкъ (*тихимъ голосомъ, смотря на нее*). А теперь уйти отъ всего этого—

Нора. Глупости; вы не уйдете!

Ранкъ (*прежнимъ голосомъ*).—и ничего не оставить по себѣ, даже самаго ничтожнаго знака благодарности, а лишь одно мимолетное сожалѣніе; ничего, кромѣ пустого мѣста, которое можетъ быть немедленно занято первымъ встрѣчнымъ!

Нора. А если бы я попросила васъ—?

Нѣтъ.

Ранкъ. О чемъ?

Нора. О большомъ доказательствѣ вашей дружбы?

Ранкъ. Да, да?

Нора. Нѣтъ, я хочу сказать,—о невѣроятно большой услугѣ?

Ранкъ. Неужели вы захотѣли бы доставить мнѣ такое большое счастье?

Нора. Ахъ, вы не знаете, въ чемъ дѣло!

Ранкъ. Ну хорошо, такъ скажите же мнѣ.

Нора. Но я не хочу, докторъ Ранкъ; это нѣчто такое несообразное:—одновременно и совѣтъ, и помощь, и услуга.

Ранкъ. Чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Я никакъ не могу понять, что вы хотите сказать. Но говорите же наконецъ. Развѣ вы не имѣете ко мнѣ довѣрія?

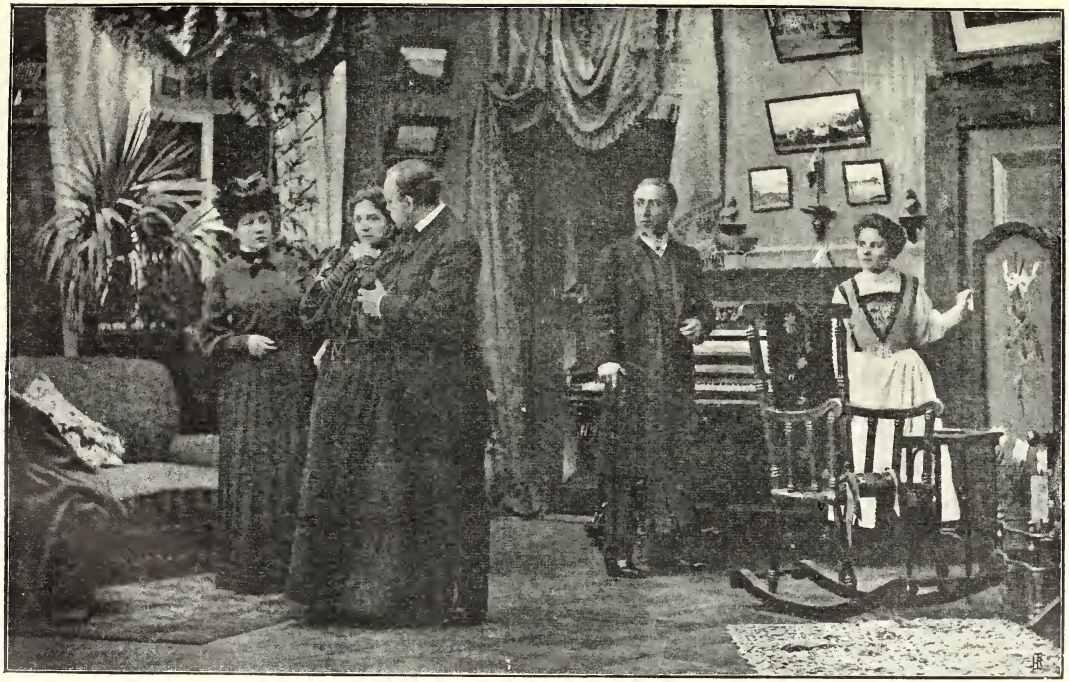
Нора. Я вамъ довѣряю больше, чѣмъ кому другому. Вы мой самый лучшій, самый вѣрный другъ. Поэтому я вамъ и скажу свою тайну. Ну такъ хорошо, докторъ Ранкъ! Вы должны помочь мнѣ сдѣлать такъ, чтобы одна вещь не случилась. Вы знаете, какъ сильно, какъ горячо любитъ меня Торвальдъ; онъ ни одной минуты не поколеблется отдать за меня свою жизнь.

Ранкъ (*наклоняясь къ ней*). Нора,—вы думаете, онъ единственный?

Нора (*вздрагивая*). Единственный, который—?

Ранкъ. Который съ радостью отдалъ бы за васъ свою жизнь?

Нора (*съ усиліемъ*). Такъ вотъ что!



Нора, д. 2.

Гельмеръ... И не надо этой дикой пугливости.

Ранкъ. Я поклялся себѣ, что вы узнаете все, прежде чѣмъ я умру. Трудно было найти болѣе удобный случай.—Да, Нора, теперь вамъ все извѣстно. И теперь вы знаете также, что вы можете довѣриться мнѣ больше, чѣмъ кому-либо другому.

Нора (*встаетъ просто и спокойно*). Позвольте мнѣ пройти!

Ранкъ (*уступаетъ ей дорогу, но остается на мѣстѣ*). Нора!

Нора (*въ дверяхъ передней*). Елена, принесите лампу! (*Подходитъ къ камину*). Ахъ, милый докторъ Ранкъ, это было очень дурно съ вашей стороны!

Ранкъ (*встаетъ*). Что я любилъ васъ такъ сильно, какъ никто другой? Это было дурно?

Нора. Нѣтъ, но что вы сказали мнѣ это. Это было совсѣмъ лишнее.

Ранкъ. Что вы хотите сказать? Развѣ вы знали—? (*Горничная входитъ съ лампой, ставитъ ее на столъ и уходитъ*). Нора—г-жа Гельмеръ—я спрашиваю васъ, знали вы это?

Нора. А Богъ его знаетъ, знала ли я это или нѣтъ! Я вамъ не могу сказать навѣрное.—Какъ вы могли сдѣлать такую неловкость, докторъ Ранкъ! До сихъ поръ все шло такъ хорошо.

Ранкъ. Ну такъ что жъ, теперь вы по крайней мѣрѣ можете быть увѣрены въ томъ, что моя жизнь и душа въ вашемъ распоряженіи. Говорите же скорѣе, чего вы отъ меня хотѣли?

Нора (*смотритъ на него*). Послѣ того, что случилось?

Ранкъ. Умоляю васъ, скажите мнѣ, въ чемъ дѣло.

Нора. Ничего вы не узнаете теперь.

Ранкъ. Да нѣтъ же, нѣтъ. Вы не должны меня такъ жестоко наказывать. Дайте мнѣ возможность сдѣлать для васъ все, что въ человѣческихъ силахъ!

Нора. Теперь вы ничего не можете сдѣлать. Да, впрочемъ, я конечно, и не буду нуждаться въ помощи. Все это не болѣе, какъ воображеніе. Навѣрное такъ! Конечно! (*Садится на качалку и смотритъ на него, улыбаясь*). Да, нечего сказать, хорошій вы пріятель, докторъ Ранкъ! И вамъ не стыдно, теперь, когда въ комнату внесли лампу?

Ранкъ. Нѣтъ, совершенно не стыдно. Но вы находите, можетъ быть, что мнѣ нужно уйти, уйти навсегда?

Нора. Нѣтъ, это было бы совершенно лишнее. Вы должны, конечно, приходить по прежнему. Вы отлично знаете, что Торвальдъ не можетъ обходиться безъ васъ.

Ранкъ. Да, а вы?

Нора. О, я всегда такъ рада, когда вы приходите!

Ранкъ. Вотъ это именно и наводило меня иногда на ложныя заключенія. Вы для меня настоящая загадка. Много разъ мнѣ казалось, что вы почти такъ-же любите бывать съ мною, какъ и съ Гельмеромъ.

Нора. Да, видите ли, есть люди, которыхъ больше любишь, а другіе, съ которыми пріятно проводишь время.

Ранкъ. Да, это, можетъ быть и правда.

Нора. Когда я жила дома, я, конечно, больше всѣхъ любила папу. А между тѣмъ я всегда была очень рада, когда могла пробраться въ комнату горничныхъ. Во первыхъ, онѣ мнѣ никогда не читали нотацій, а во вторыхъ, онѣ всегда такъ весело разговаривали.

Ранкъ. Ага, такъ это *ихъ* я замѣнилъ вамъ теперь.

Нора (*вскакиваетъ и подходитъ къ нему*). О, милый, дорогой докторъ Ранкъ, я вовсе не то хотѣла сказать. Но вы можете понять, что положеніе Торвальда относительно меня можно сравнить съ положеніемъ моего отца.

Горничная (*входя изъ передней*). Барыня! (*Шепчетъ и подаетъ ей карточку*).

Нора (*бросаетъ взглядъ на карточку*). Ахъ!

Ранкъ. Что-нибудь непріятное?

Нора. О, нѣтъ, нѣтъ, ничего подобнаго; это только—это мое новое платье.

Ранкъ. Какъ это такъ? Ваше новое платье вѣдь тамъ?

Нора. Ахъ, не то, другое, я его заказала;—Торвальдъ не долженъ знать.

Ранкъ. Ахъ, такъ вотъ въ чемъ великая тайна!

Нора. Да, конечно; а вы думали что? Идите къ нему; онъ сидитъ въ крайней комнатѣ; удержите его пока.

Ранкъ. Будьте спокойны, я его не выпущу. (*Идетъ въ кабинетъ Гельмера*).

Нора (*горничной*). Онъ ждетъ въ кухнѣ?

Горничная. Да, онъ взошелъ по черной лѣстницѣ.

Нора. Но развѣ вы не сказали ему, что у меня гости?

Горничная. Говорила, но онъ не обратилъ на это вниманія!

Нора. Онъ не хочетъ уходить?

Горничная. Да, пока не переговоритъ съ вами.

Нора. Такъ введите его, но потихонько. Слушайте, Елена, никому не говорите о немъ; это сюрпризъ для моего мужа.

Горничная. Хорошо, барыня, будьте спокойны. *(Уходитъ).*

Нора. Ужасное приближается. Оно все больше и больше надвигается на меня. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, это не можетъ случиться; это ни за что не случится! *(Подходитъ къ двери Гельмера и затворяетъ ее. Горничная отворяетъ дверь передней и впускаетъ Крогштада, послѣ чего опять затворяетъ дверь. Онъ одѣтъ въ дорожную шубу, въ высокихъ сапогахъ, въ рукахъ у него мѣховая шапка. Нора идетъ навстрѣчу ему).* Говорите тише, мой мужъ дома.

Крогштадъ. Ну и пусть его!

Нора. Чего вамъ нужно отъ меня?

Крогштадъ. Получить отъ васъ нѣкоторыя свѣдѣнія.

Нора. Такъ говорите скорѣе. Что вамъ угодно?

Крогштадъ. Вы знаете, что я получилъ отставку?

Нора. Я не могла помѣшать этому. г. Крогштадъ. Я защищала васъ всѣми силами; но ничего не могла подѣлать.

Крогштадъ. Развѣ вашъ мужъ такъ мало васъ любитъ? Онъ знаетъ, чему вы подвергаетесь, и тѣмъ не менѣе рѣшается —

Нора. Неужели вы думаете, что я ему сказала что-нибудь?

Крогштадъ. Нѣтъ, я этого вовсе не думалъ. Выказывать столько мужества вовсе не въ духѣ моего добраго пріятеля Торвальда Гельмера.

Нора. Г. Крогштадъ, я требую уваженія къ моему мужу.

Крогштадъ. О, понятно, величайшаго уваженія, Но разъ вы такъ тщательно скрываете отъ него свою тайну, то я смѣю надѣяться, что вы получили болѣе точныя свѣдѣнія относительно послѣдствій вашего поступка?

Нора. Болѣе точныя, во всякомъ случаѣ, чѣмъ тѣ, какія *вы* могли мнѣ дать.

Крогштадъ. О, конечно, такой плохой юристъ, какъ я!

Нора. Скажите же, наконецъ. чего вы отъ меня хотите?

Крогштадъ. Мнѣ хотѣлось только увидѣть, въ какомъ состояніи духа вы находитесь, г-жа Гельмеръ. Я весь день только и думалъ объ этомъ. Видите ли, и мы, денежные люди, адвокаты и, однимъ словомъ, такіе люди, какъ я, имѣемъ также частичку того, что называется сердцемъ.

Нора. Докажите же это. Подумайте о моихъ малюткахъ.

Крогштадъ. А вы и вашъ мужъ думали когда-либо о моихъ? Но оставимъ это. Я только хочу сказать вамъ одно: не принимайте этого дѣла такъ близко къ сердцу. Во первыхъ, благопріятный для васъ исходъ его будетъ зависѣть вовсе не отъ меня.

Нора. Что вы говорите?

Крогштадъ. Все можетъ окончиться самымъ благополучнымъ образомъ; никому ничего говорить не нужно; вашъ секретъ останется между нами троими.

Нора. Но мой мужъ ничего не долженъ знать.

Крогштадъ. Какъ же вы помѣшаете этому? Быть можетъ, вы въ состояніи уплатить немедленно остатокъ должной мнѣ суммы?

Нора. Нѣтъ, я не могу уплатить вамъ сейчасъ.

Крогштадъ. Или у васъ есть источникъ, изъ котораго вы могли бы достать требуемыя деньги на этихъ дняхъ?

Нора. Нѣтъ у меня такого источника, какимъ я захотѣла бы воспользоваться.

Крогштадъ. Впрочемъ, и это вамъ нисколько не помогло бы. Хотя бы у васъ было въ десять разъ больше денегъ въ рукахъ, чѣмъ сколько вы мнѣ должны, вы и тогда не получили бы обратно своего векселя.

Нора. Такъ объясните же мнѣ, наконецъ, что вы хотите изъ него сдѣлать.

Крогштадъ. Я хочу только сохранить его—въ своихъ рукахъ. Никто объ этомъ ничего не узнаетъ. Если вы хватаетесь теперь за то или другое отчаянное рѣшеніе—

Нора. Это я и дѣлаю.

Крогштадъ.—если вы думаете о томъ, чтобы бѣжать изъ дому—

Нора. Это я и дѣлаю.

Крогштадъ.—или замышляете нѣчто худшее—

Нора. Какъ вы могли догадаться?

Крогштадъ.—то бросьте все это.

Нора. Какъ вы могли узнать, что я *объ этомъ* думаю?

Крогштадъ. Большинство изъ насъ думаетъ прежде всего объ этомъ. Эти мысли приходили въ голову и мнѣ; но у меня не хватило мужества—

Нора *(беззвучно).* И у меня тоже.

Крогштадъ *(съ облегченіемъ).* Да, не правда ли, и у васъ не хватаетъ мужества?

Нора. У меня нѣтъ его, нѣтъ.

Крогштадъ. Да это была бы и слишкомъ большая глупость съ вашей стороны. Когда пройдетъ первая домашняя гроза.—У меня здѣсь въ карманѣ письмо къ вашему мужу.

Нора. И тамъ все написано?

Крогштадъ. Въ самыхъ смягченныхъ выраженіяхъ.

Нора *(быстро)*. Онъ не долженъ получить этого письма. Порвите его на клочки. Я достану средства для уплаты вамъ.

Крогштадъ. Прошу извиненія, г-жа Гельмеръ, но мнѣ казалось, я вамъ только что сказалъ—

Нора. Да я вовсе не говорю о тѣхъ деньгахъ, которыя я вамъ должна. Скажите мнѣ только, какую сумму требуете вы отъ моего мужа, и я вамъ немедленно доставлю эти деньги.

Крогштадъ. Я вовсе не требую денегъ отъ вашего мужа.

Нора. Чего же вы требуете?

Крогштадъ. Я вамъ сейчасъ скажу. Я хочу вновь стать на ноги, милостивая государыня, я хочу возстановить свою репутацію, и это должно произойти не иначе, какъ съ помощью вашего мужа. Я полтора года работалъ въ банкѣ и ни въ чемъ не провинился; мнѣ все это время приходилось бороться съ самою тяжкою нуждою, но я былъ радъ возможности работать и честно подвигаться впередъ. Теперь меня прогнали, и на этотъ разъ я не удовольствуюсь тѣмъ, чтобы вернуться на прежнее мѣсто. Я хочу подняться, понимаете? Я хочу вернуться въ банкъ,—но только на высшую должность, и вашъ мужъ долженъ очистить мнѣ такое мѣсто.

Нора. Никогда онъ этого не сдѣлаетъ!

Крогштадъ. Онъ сдѣлаетъ это; я его знаю; онъ не осмѣлится и пикнуть. А стоитъ мнѣ только послужить тамъ вмѣстѣ съ нимъ,—и вы увидите! Не пройдетъ и года, какъ я буду правою рукою директора. Не Торвальдъ Гельмеръ будетъ управлять акціонернымъ банкомъ, а Нильсъ Крогштадъ.

Нора. Этого никогда не будетъ.

Крогштадъ. Вы, быть можетъ, предпочтете—

Нора. Теперь у меня хватитъ мужества.

Крогштадъ. О, вы меня не испугаете! Такія избалованныя дамы, какъ вы!

Нора. Вотъ увидите!—увидите!

Крогштадъ. И еще, быть можетъ, подъ ледъ? Головою внизъ въ холодную, мрачную воду? А весною всплыть на поверхность, безобразною, неузнаваемою, безъ волосъ—

Нора. Вы меня не испугаете.

Крогштадъ. И вы меня также. Такихъ вещей не дѣлаютъ, г-жа Гельмеръ. И какая, вдобавокъ, будетъ отъ этого польза? Векселъ все же останется у меня въ карманѣ.

Нора. Послѣ того... когда меня не станетъ?

Крогштадъ. Развѣ вы забыли, что отъ меня зависитъ ваше доброе имя?

Нора *(стоитъ молча и смотритъ на него, пораженная)*.

Крогштадъ. Ну, теперь я подготовилъ все. Не дѣлайте глупостей. Когда Гельмеръ получитъ мое письмо, я буду ждать отъ него извѣстій. И помните хорошенько, что это мужъ вашъ самъ заставилъ меня дѣйствовать такимъ образомъ. Я ему этого никогда не прощу. Прощайте! *(Уходитъ въ переднюю)*.

Нора *(подходитъ къ двери передней, открываетъ ее и прислушивается)*. Ушелъ! Не отдалъ письма! Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, это было бы невозможно. *(Больше и больше открываетъ дверь)*. Что же это такое? Онъ останавливается, Не спускается съ лѣстницы. Онъ, видно, раздумываетъ? —Неужели онъ — *(Письмо падаетъ въ ящикъ для писемъ; слышны шаги Крогштада, спускающагося съ лѣстницы. Нора вскрикиваетъ, бѣжитъ черезъ комнату и бросается на диванъ; пауза)*. Въ ящикѣ! *(Подходитъ быстро на цыпочкахъ къ двери передней)*. Оно лежитъ тамъ, тамъ.—Торвальдъ, Торвальдъ,— теперь мы погибли!

Г-жа Линде *(выходитъ изъ комнаты налѣво, съ костюмомъ въ рукахъ)*. Кажется, уже все исправила. Не хочешь ли примѣрить?

Нора *(хриплымъ шепотомъ)*. Кристина, иди сюда.

Г-жа Линде *(бросаетъ платье на диванъ)*. Что съ тобою? Ты кажешься такою разстроенною.

Нора. Иди сюда. Видишь это письмо? Вотъ это, здѣсь, смотри,—черезъ рѣшетку въ ящикѣ.

Г-жа Линде. Да, да, я его вижу.

Нора. Это письмо отъ Крогштада.

Г-жа Линде. Нора,—такъ это Крогштадъ далъ тебѣ деньги взаймы?

Нора. Да, и теперь Торвальдъ узнаетъ все.

Г-жа Линде. Ахъ, повѣрь мнѣ, Нора, это будетъ лучше для васъ обоихъ!

Нора. Но ты не все знаешь. Я поддѣлала чужую подпись.

Г-жа Линде. Нора, Господь съ тобою, что ты говоришь?

Нора. И теперь, Кристина, я буду просить тебя объ одномъ: будь моей свидѣтельницей.

Г-жа Линде. Свидѣтельницей? Что же я должна—?

Нора. Если я сойду съ ума—а это легко можетъ статься—

Г-жа Линде. Нора!

Нора. Или что-нибудь другое случится со мною,—что-нибудь, что помѣшаетъ мнѣ присутствовать при—

Г-жа Линде. Нора, Нора, ты сама не знаешь, что говоришь!

Нора. И если кто захочетъ взять на себя всю вину, понимаешь—?

Г-жа Линде. Да, да, но какъ ты можешь думать—?

Нора.—То ты утверждай подъ присягой, что это неправда, Кристина, слышишь? Я знаю отлично, что говорю; я еще въ полномъ разсудкѣ; и я повторяю тебѣ: никто объ этомъ не зналъ, кромѣ меня; я одна виновна. Помни же это.

Г-жа Линде. Я, конечно, буду помнить. Но я рѣшительно ничего не понимаю.

Нора. Ахъ, какъ тебѣ и понять это? Теперь должно случиться нѣчто чудесное, необыкновенное.

Г-жа Линде. Чудесное?

Нора. Да, чудесное. Но оно такъ ужасно! Кристина,—этого не должно быть, ни за что, ни за что въ мірѣ!

Г-жа Линде. Я пойду переговорю съ Крогштадомъ.

Нора. Не иди къ нему; онъ еще сдѣлаетъ тебѣ какую-нибудь пакость!

Г-жа Линде. Было время, когда онъ всѣмъ готовъ былъ пожертвовать для меня.

Нора. Онъ?

Г-жа Линде. Гдѣ онъ живетъ?

Нора. Ахъ, почемъ я знаю!—Впрочемъ *(хватается за карманъ)*, у меня здѣсь его карточка. Но письмо, письмо;

Гельмеръ *(стучитъ изъ своего кабинета въ дверь)*. Нора!

Нора *(вскрикивая въ ужасѣ)*. Ахъ, что такое? Чего тебѣ нужно?

Гельмеръ. Ну, ну, не пугайся: мы не можемъ войти; ты, вѣдь, заперла дверь. Ты, вѣрно, примѣриваешь платье?

Нора. Да, да, примѣриваю. Я такая хорошенькая въ немъ, Торвальдъ.

Г-жа Линде, *(посмотрѣвъ на карточку)*. Онъ живетъ здѣсь за угломъ.

Нора. Да. Но это ни къ чему не приведетъ. Мы погибли. Письмо въ ящикѣ.

Г-жа Линде. А ключъ у твоего мужа?

Нора. Да, всегда.

Г-жа Линде. Крогштадъ можетъ потребовать свое письмо назадъ нераспечатаннымъ: онъ можетъ придумать предлогъ—

Нора. Но именно въ это время Торвальдъ всегда—

Г-жа Линде. Помѣшай этому; задержи его. Я употреблю всѣ усилія, чтобы вернуться возможно скорѣе. *(Идетъ быстро въ переднюю)*.

Нора *(подходитъ къ двери Гельмера, отворяетъ ее и заглядываетъ)*. Торвальдъ!

Гельмеръ *(изъ крайней комнаты)*. Что же, можно, наконецъ, вернуться въ собственную комнату? Иди, Ранкъ, теперь мы увидимъ—*(въ дверяхъ)*. Что это?

Нора. Что?

Гельмеръ. Ранкъ увѣрялъ, что я увижу цѣлый маскарадъ.

Ранкъ *(въ дверяхъ)*. Я такъ понялъ, но оказывается, что и я былъ введенъ въ заблужденіе.

Нора. Да, никто не увидитъ меня во всемъ блескѣ до завтрашняго дня.

Гельмеръ. Но какое у тебя утомленное лицо, милая Нора! Ты, вѣроятно, слишкомъ долго упражнялась?

Нора. Нѣтъ, я еще и не начинала.

Гельмеръ. Но,однако, необходимо—

Нора. Да, это, конечно, необходимо, Торвальдъ. Но я не могу сдѣлать и шагу безъ твоей помощи; я рѣшительно все забыла.

Гельмеръ. О, мы это скоро припомнимъ!

Нора. Да, возьмись же, наконецъ, за меня, Торвальдъ. Обѣщай мнѣ это. Ахъ, мнѣ такъ страшно! Громадное общество... Ты весь сегодняшній вечеръ долженъ посвятить исключительно мнѣ. Никакихъ дѣлъ; не смѣть брать пера въ руки! Хорошо, обѣщаешь, Торвальдъ, дорогой?

Гельмеръ. Обѣщаю; сегодня вечеромъ я буду всецѣло къ твоимъ услугамъ. —Ахъ ты, маленькое безпомощное созданіе! — Гмъ; правда, я сначала хочу — *(Идетъ въ переднюю)*.

Нора. Чего тебѣ тамъ надо?

Гельмеръ. Я хочу только посмотрѣть, нѣтъ ли писемъ?

Нора. Нѣтъ, нѣтъ, не дѣлай этого, Торвальдъ.

Гельмеръ. Это почему?

Нора. Торвальдъ, прошу тебя; тамъ нѣтъ ничего.

Гельмеръ. Дай же мнѣ посмотрѣть. *(Хочетъ идти).*

Нора *(садится къ фортепіано и играетъ первые такты тарантеллы).*

Гельмеръ *(останавливается у двери).* Ага!

Нора. Я не могу танцовать завтра, если не сдѣлаю пробы при тебѣ.

Гельмеръ. Развѣ ты въ самомъ дѣлѣ такъ боишься, моя милая Нора?

Нора. Да, я боюсь невѣроятно, Дай я попробую сейчасъ; еще есть время до обѣда. Садись и поиграй для меня, дорогой Торвальдъ; поправляй меня и руководи мной такъ, какъ всегда.

Гельмеръ. Хорошо, съ удовольствіемъ, если ты этого желаешь *(садится за фортепіано).*

Нора *(вынимаетъ изъ ящика тамбуринъ и беретъ большую шаль, которою драпируется, затѣмъ дѣлаетъ прыжокъ на авансцену).* Играй же, я хочу танцовать. *(Гельмеръ играетъ, Нора танцуетъ; докторъ Ранкъ стоитъ за Гельмеромъ и смотритъ на нее).*

Гельмеръ *(играя).* Медленнѣе,— медленнѣе!

Нора, Не могу иначе.

Гельмеръ. Не такъ порывисто, Нора!

Нора. Именно такъ и нужно.

Гельмеръ *(останавливается).* Нѣтъ, нѣтъ, такъ тонцовать нельзя!

Нора *(смѣется и машетъ тамбуриномъ).* Развѣ я тебѣ этого не говорила?

Ранкъ. Дай, я буду играть за тебя.

Гельмеръ *(встаетъ).* Хорошо; мнѣ будетъ удобнѣе ей показывать. *(Ранкъ садится за фортепіано и играетъ; Нора танцуетъ съ возрастающею страстностью. Гельмеръ стоитъ возлѣ камина и дѣлаетъ ей отъ времени до времени спокойныя замѣчанія; она точно не слышитъ ихъ; волосы ея разсыпаются и падаютъ на плечи; она не обращаетъ на это вниманія и продолжаетъ танцовать. Въ это время входитъ г-жа Линде).*

Г-жа Линде *(останавливаясь, какъ вкопанная, у двери).* А—а!

Нора *(танцуя).* У насъ здѣсь веселье, Кристина!

Гельмеръ. Милая моя, дорогая Нора, ты танцуешь такъ, какъ будто вопросъ идетъ о жизни и смерти.

Нора. Оно такъ и есть.

Гельмеръ. Ранкъ, остановись; это вѣдь чистое безуміе. Остановись, говорю я тебѣ. *(Ранкъ перестаетъ играть, и Нора вдругъ останавливается. Гельмеръ, обращаясь къ ней).* Этому я никакъ не могъ бы повѣрить. Ты забыла все, чему я тебя училъ.

Нора *(бросаетъ тамбуринъ).* Видишь?

Гельмеръ. Да, тебя нужно еще хорошенько подучить.

Нора. Да, ты видишь, какъ это необходимо. Ты долженъ руководить мною до конца. Обѣщаешь мнѣ, Торвальлъ?

Гельмеръ. Конечно.

Нора. Ни сегодня, ни завтра ты не долженъ думать ни о чемъ другомъ, кромѣ меня; ты не раскроешь ни одного письма, —ты не тронешь ящика съ письмами —

Гельмеръ. Ахъ, опять страхъ передъ этимъ человѣкомъ!

Нора. Ахъ, да, да, и это также!

Гельмеръ. Нора, я вижу по тебѣ, тамъ лежитъ письмо отъ него.

Нора. Я не знаю, я думаю; но ты не долженъ читать его теперь; я не хочу, чтобы что-нибудь дурное возникло между нами, прежде чѣмъ все это не кончится.

Ранкъ *(тихо Гельмеру).* Не противорѣчь ей.

Гельмеръ *(обнимая ее).* Пусть будетъ по твоему. Но завтра ночью, послѣ танцевъ—

Нора. Ты будешь свободенъ.

Горничная *(у двери справа).* Пожалуйте кушать.

Нора. Подайте намъ шампанскаго, Елена.

Горничная. Слушаю *(уходитъ).*

Гельмеръ. Ай—ай, значитъ, пиръ во всей формѣ?

Нора. Пиръ съ шампанскимъ до самаго утра. *(Кричитъ вслѣдъ горничной):* И также миндальныхъ пирожныхъ, Елена, побольше—только на этотъ разъ.

Гельмеръ *(беретъ ее за руку).* Ну, ну, ну, успокойся, дитя мое, не будь такой порывистой. Будь опять моей милой единственной, такой, какъ всегда.

Нора. Подожди немного, я еще буду ею. Но иди пока въ столовую, и вы также, докторъ Ранкъ. Кристина, останься ты должна помочь мнѣ приподнять мои волосы.

Ранкъ *(выходя, тихо).* Ты ничего не ждешь? Ничего... я хочу сказать...

Гельмеръ. О нѣтъ, нѣтъ, рѣшительнаго ничего! Это только дѣтскій страхъ, о

которомъ я тебѣ разсказывалъ раньше. *(Уходятъ направо).*

Нора. Ну?

Г-жа Линде. Уѣхалъ въ деревню.

Нора. Я видѣла это по тебѣ.

Г-жа Линде. Онъ вернется завтра вечеромъ. Я оставила ему записку.

Нора. Ты могла бы это и не дѣлать. Ты ничему не можешь помѣшать. Въ сущности глубокая радость охватываетъ меня всю при мысли о чудесномъ.

Г-жа Линде. Чего же ты ожидаешь?

Нора. Ахъ, ты этого не можешь понять! Иди къ нимъ; я сейчасъ приду. *(Г-жа Линде уходитъ въ столовую. Нора стоитъ нѣкоторое время молча, какъ бы собираясь съ мыслями; затѣмъ смотритъ на часы).* Пять. Семь часовъ до полуночи. Затѣмъ двадцать четыре часа до слѣдующей полуночи. И тарантеллѣ конецъ. Двадцать четыре и семь? Осталось жить тридцать одинъ часъ.

Гельмеръ *(въ двери справа).* Но гдѣ же моя маленькая пташечка?

Нора *(бѣжитъ къ нему съ распростертыми объятіями).* Вотъ твоя пташечка!

(Занавѣсъ).

Дѣйствіе третье.

(Та же комната. Столъ, бывшій прежде передъ диваномъ, стоитъ теперь среди комнаты, со стульями вокругъ. На столѣ горитъ лампа. Дверь въ переднюю открыта. Слышится бальная музыка изъ верхняго этажа).

(Г-жа Линде сидитъ у стола и перелистываетъ книгу; пробуетъ читать, но не можетъ собраться съ мыслями; нѣсколько разъ напряженно взглядываетъ на дверь).

Г-жа Линде *(смотритъ на часы).* Еще нѣтъ! А между тѣмъ скоро будетъ поздно. Если онъ только не—*(вновь прислушивается).* А, вотъ онъ! *(Идетъ въ переднюю и осторожно открываетъ наружную дверь. Слышатся тихіе шаги по лѣстницѣ; она шепчетъ).* Входите. Здѣсь никого нѣтъ.

Крогштадъ *(въ дверяхъ).* Я засталъ дома записку отъ васъ. Что это значитъ?

Г-жа Линде. Мнѣ было необходимо переговорить съ вами.

Крогштадъ. Да? И переговорить непремѣнно здѣсь, въ этомъ домѣ?

Г-жа Линде. Дома у меня было невозможно: моя комната не имѣетъ отдѣльнаго хода. Войдите, мы совершенно одни; горничная спитъ, а Гельмеры на балу наверху.

Крогштадъ *(входитъ въ комнату).* Ого, такъ Гельмеры сегодня танцуютъ? Неужели?

Г-жа Линде. Да, почему же нѣтъ?

Крогштадъ. Конечно. Почему нѣтъ?

Г-жа Линде. Да, Крогштадъ, я должна переговорить съ вами.

Крогштадъ. Неужели у насъ съ вами есть о чемъ говорить?

Г-жа Линде. Мы должны о многомъ переговорить.

Крогштадъ. Я этого не думалъ.

Г-жа Линде. Да, потому что вы меня никогда не понимали.

Крогштадъ. А что же тутъ было понимать другого, кромѣ того, что было ясно для всѣхъ на свѣтѣ? Безсердечная женщина дала отставку своему поклоннику, когда представился другой, болѣе выгодный.

Г-жа Линде. Неужели вы думаете, что я настолько безсердечна? Неужели вы думаете, что я съ легкимъ сердцемъ порвала съ вами?

Крогштадъ. А то какъ же?

Г-жа Линде. Крогштадъ, вы дѣйствительно думаете это?

Крогштадъ. А какъ же иначе прикажете объяснить ваше письмо?

Г-жа Линде. Я не могла поступить иначе. Разъ я рѣшила порвать съ вами, я должна была вырвать съ корнемъ то чувство, которое у васъ было ко мнѣ.

Крогштадъ *(сжимаетъ судорожно руки).* А—такъ вотъ что! И все—все это ради денегъ!

Г-жа Линде. Вы не должны забывать, что у меня на рукахъ была безпомощная мать и двое маленькихъ дѣтей. Мы не могли ждать васъ, Крогштадъ,—вы не имѣли никакихъ шансовъ на карьеру.

Крогштадъ. Пусть такъ, но вы тѣмъ не менѣе не имѣли права оттолкнуть меня, ради другого.

Г-жа Линде. Право, не знаю. Я много разъ спрашивала себя, имѣла ли я на это право?

Крогштадъ *(тише).* Когда я васъ потерялъ, мнѣ казалось, что почва уходитъ изъ подъ моихъ ногъ. Посмотрите на меня: теперь я жалкій человѣкъ, потерпѣвшій крушеніе.

Г-жа Линде. Помощь, можетъ быть, близка.

Крогштадъ. Она и была близка, но вы стали между нею и мною.

Г-жа Линде. Везъ моего вѣдома, Крогштадъ. Мнѣ только сегодня сказали, что я должна занять ваше мѣсто.

Крогштадъ. Я вамъ вѣрю. Но теперь, когда вы это знаете, вы, конечно, откажетесь?

Г-жа Линде. Нѣтъ, потому что это вамъ не принесетъ ни малѣйшей пользы.

Крогштадъ. Ахъ!—пользы, пользы!—а я бы это всегда сдѣлалъ.

Г-жа Линде. Я научилась поступать разсудительно. Меня научили этому жизнь и горькая необходимость.

Крогштадъ. А меня жизнь научила не вѣрить краснорѣчивымъ фразамъ.

Г-жа Линде. Это и отлично. Но въ дѣйствія вы вѣрите?.

Крогштадъ. Что вы хотите этимъ сказать?.

Г-жа Линде. Вы говорили, что вы—человѣкъ, потерпѣвшій крушеніе.

Крогштадъ. Я имѣю полное основаніе говорить такъ.

Г-жа Линде. А я—женщина, потерпѣвшая крушеніе. Мнѣ не о комъ заботиться, не для кого жать.

Крогштадъ. Вы сами распорядились своею судьбою.

Г-жа Линде. У меня не было другого выбора.

Крогштадъ. Хорошо, но что же дальше?

Г-жа Линде. Крогштадъ! что, если мы сойдемся теперь;—мы, два человѣка, потерпѣвшіе крушеніе?

Крогштадъ. Что вы говорите?

Г-жа Линде. При кораблекрушеніяхъ лучше быть вдвоемъ, чѣмъ одному.

Крогштадъ. Кристина!

Г-жа Линде. Какъ вы думаете, для чего я пріѣхала сюда въ городъ?

Крогштадъ. Неужели вы подумали обо мнѣ?

Г-жа Линде. Я должна работать, что-бы жить. Всю свою жизнь, сколько я себя помню, я работала, и это было моею лучшею и единственною радостью. Но теперь я осталась одна на свѣтѣ. Все вокругъ такъ пусто, я точно покинута всѣми. Работать для себя одной—въ этомъ нѣтъ ничего пріятнаго. Крогштадъ, дайте мнѣ возможность работать для другихъ.

Крогштадъ. Я этому не вѣрю. Это ничто иное, какъ экзальтированное женское высокомѣріе; это оно побуждаетъ васъ жертвовать собою.

Г-жа Линде. Развѣ вы когда-нибудь замѣчали, чтобы я была экзальтирована?

Крогштадъ. Неужели вы дѣйствительно могли бы рѣшаться на это? Скажите мнѣ,—имѣете вы понятіе о моемъ прошломъ?

Г-жа Линде. Да.

Крогштадъ. И вы знаете, что я сдѣлалъ и что искупаю?

Г-жа Линде. Вы говорили, что со мною вы были бы другимъ.

Крогштадъ. Я въ этомъ увѣренъ.

Г-жа Линде. Почему же вамъ не измѣниться теперь?

Крогштадъ. Кристина,—вы говорите, повидимому, совершенно хладнокровно, обдуманно,—да, я вижу это по вашему лицу. Неужели у васъ дѣйствительно хватитъ мужества?

Г-жа Линде. Я желала бы замѣнить для кого-нибудь мать, а ваши дѣти нуждаются въ матери. Мы оба нуждаемся другъ въ другѣ, Крогштадъ. Я вѣрю въ васъ;—я на все рѣшусь съ вами.

Крогштадъ *(беретъ ее за руки)*. Благодарю, благодарю, Кристина;—теперь я съумѣю возвыситься въ глазахъ другихъ. —Ахъ, но я забылъ—

Г-жа Линде *(прислушивается)*. Шшъ! Тарантелла! Идите, идите.

Крогштадъ. Почему, что это значитъ?

Г-жа Линде. Слышите ли вы тарантеллу тамъ, наверху? Когда она кончится, они сейчасъ войдутъ.

Крогштадъ. Ахъ да, я долженъ идти. Да теперь было бы и поздно. Вы, конечно, не знаете, что я сдѣлалъ относительно Гельмеровъ.

Г-жа Линде. Да, Крогштадъ, я знаю все.

Крогштадъ. И тѣмъ не менѣе вы рѣшились—?

Г-жа Линде. Я отлично понимаю, до чего отчаяніе можетъ довести такого человѣка, какъ вы.

Крогштадъ. Ахъ, если бы можно было вернуть это назадъ!

Г-жа Линде. Еще не поздно: ваше письмо до сихъ поръ лежитъ въ ящикѣ нераспечатаннымъ.

Крогштадъ. Вы увѣрены въ этомъ?

Г-жа Линде. Совершенно увѣрена; но—

Крогштадъ *(смотритъ на нее испытующимъ взглядомъ)*. Нѣтъ ли другого объясненія для вашего поведенія? Вы

желаете во что бы то ни стало спасти вашу пріятельницу. Говорите сейчасъ правду. Я угадалъ!

Г-жа Линде. Крогштадъ! кто разъ продалъ себя для другихъ, тотъ не продаетъ себя во второй.

Крогштадъ. Я намѣренъ потребовать назадъ свое письмо.

Г-жа Линде. Нѣтъ, нѣтъ.

Крогштадъ. Да, конечно; я останусь здѣсь, пока Гельмеры не придутъ, и тогда скажу, чтобы онъ отдалъ мнѣ назадъ мое письмо,—что въ немъ говорится только о моей отставкѣ,—что онъ не долженъ читать его—

Г-жа Линде. Нѣтъ, Крогштадъ, вы не должны брать письма назадъ.

Крогштадъ. Но скажите же мнѣ, развѣ не это собственно было причиною того, что вы заставили меня прійти сюда?

Г-жа Линде. Да, въ первую минуту испуга; но съ тѣхъ поръ прошло много времени, и я была свидѣтельницей невѣроятныхъ вещей здѣсь, въ этомъ домѣ. Гельмеръ долженъ все узнать; эта несчастная тайна должна всплыть наружу. Нора и онъ должны хорошенько объясниться. Необходимо прекратить эти вѣчные обманы и тайны.

Крогштадъ. Ну хорошо, разъ вы этого желаете.—Но одно я хочу сдѣлать, и сдѣлать сейчасъ же —

Г-жа Линде *(прислушивается)*. Поспѣшите. Уходите скорѣй, уходите. Тарантелла окончилась; каждая минута дорога для васъ.

Крогштадъ. Я буду ждать васъ внизу.

Г-жа Линде. Хорошо; вы проводите меня.

Крогштадъ. Я никогда еще въ жизни не былъ такъ невѣроятно счастливъ. *(Идетъ черезъ парадную дверь; дверь между передней и гостиной остается все время открытою).*

Г-жа Линде *(приводитъ все въ порядокъ и приготовляетъ свое пальто)*. Какая перемѣна! Да, какая перемѣна! Есть для кого работать—для кого жить! Есть семья, о которой нужно заботиться! Да, да, это я буду дѣлать.—Если бы она скорѣе пришла! — *(Прислушивается)*. Ага, вотъ и она! Скорѣе мои вещи! *(Беретъ шляпу и пальто.—Слышны на лѣстницѣ голоса Норы и Гельмера; ключъ поворачивается въ замкѣ, и Гельмеръ почти силою вводитъ Нору въ переднюю. Она одѣта въ итальянскій костюмъ и закутана въ большую черную шаль; онъ во фракѣ, поверхъ котораго надѣто домино).*

Нора *(сопротивляясь еще въ дверяхъ)*. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, не сюда! Я хочу опять наверхъ. Я не хочу уходить такъ рано.

Гельмеръ. Нора, дорогая Нора —!

Нора. Ахъ, я тебя такъ прошу, Торвальдъ; я тебя такъ сильно прошу,—только на одинъ часъ!

Гельмеръ. Ни на одну минуту, моя милая Нора. Ты помнишь, вѣдь, мы такъ рѣшили. Иди скорѣе въ комнату; здѣсь ты можешь простудиться. *(Онъ вводитъ ее въ гостиную, несмотря на ея сопротивленіе).*

Г-жа Линде. Добрый вечеръ!

Нора. Кристина!

Гельмеръ. Какъ, г-жа Линде, вы здѣсь, такъ поздно?

Г-жа Линде. Да, извините; мнѣ такъ хотѣлось видѣть Нору въ костюмѣ.

Нора. Неужели ты сидѣла здѣсь все время и ждала меня?

Г-жа Линде. Да, я къ сожалѣнію, пришла слишкомъ поздно; ты была уже наверху, а я рѣшила не уходить, пока тебя не увижу.

Гельмеръ *(снимая съ Норы шаль)*. Да, посмотрите-ка на нее. Я нахожу, что на нее стоитъ посмотрѣть. Развѣ она не восхитительна, г-жа Линде?

Г-жа Линде. Да, съ этимъ нельзя не согласиться.

Гельмеръ. Развѣ она не поразительно хороша? Всѣ сегодня были единодушны въ этомъ. Но она страшно упряма —это милое маленькое существо. Что съ этимъ подѣлать? Повѣрите ли, я долженъ былъ почти употребить насиліе, чтобы заставить ее уйти.

Нора. Ахъ, Торвальдъ, ты будешь раскаиваться, что не позволилъ мнѣ дольше остаться на балу, хотя бы на полчаса.

Гельмеръ. Вы слышите, что она говоритъ? Она танцуетъ свою тарантеллу — раздаются бурные аплодисменты—вполнѣ заслуженные,—хотя, быть можетъ, въ ея манерѣ танцевать было слишкомъ много реализма, т. е., нѣсколько больше, чѣмъ сколько согласовалось съ требованіями искусства. Но это все равно! Суть въ томъ, что она вызвала бурные аплодисменты, произвела фуроръ. Развѣ я могъ оставить ее послѣ этого въ залѣ? изгладить впечатлѣніе? Нѣтъ, спасибо. Я взялъ свою восхитительную итальяночку подъ руку; быстрый обходъ залы, поклоны на всѣ стороны и—какъ говорится въ романахъ,—

„Нора“. д. II.
Крогстадъ... Подъ ледъ можетъ быть...
Нора. Вы не запугаете меня.

чудное видѣніе исчезло. Конецъ долженъ быть всегда эффектенъ, г-жа Линде; но *этого-то* я не могу никакъ втолковать Норѣ. Уфъ, какъ здѣсь жарко! (*Бросаетъ домино на стулъ и отворяетъ дверь въ кабинетъ*) Какъ? Здѣсь темно! Ахъ, да, конечно! Извините—(*Уходитъ въ кабинетъ и зажигаетъ двѣ свѣчи*).

Нора (*шепчетъ быстро, съ трудомъ переводя дыханіе*). Ну?

Г-жа Линде (*тихо*). Я говорила съ нимъ.

Нора. И онъ—?

Г-жа Линде. Ты должна все сказать своему мужу.

Нора (*беззвучно*). Я это знала.

Г-жа Линде. Тебѣ нечего бояться со стороны Крогштада, но переговорить съ мужемъ ты должна.

Нора. Я ему ничего не скажу.

Г-жа Линде. Такъ письмо скажетъ.

Нора. Благодарю. Кристина; я знаю теперь, что мнѣ дѣлать. Тсъ!

Гельмеръ (*выходитъ опять*). Ну, г-жа Линде, налюбовались вы его?

Г-жа Линде. Да, а теперь спокойной ночи!

Гельмеръ. Какъ, уже? А это ваше вязаніе?

Г-жа Линде (*беретъ его*). Мое; благодарю; я его чуть было не забыла.

Гельмеръ. Такъ вы вяжете?

Г-жа Линде. О, да.

Гельмеръ. Знаете что! Вы лучше бы вышивали.

Г-жа Линде. Да? Это почему?

Гельмеръ. Потому что это гораздо красивѣе. Вотъ посмотрите: вы держите вышиваніе лѣвою рукою и тяните нитку правою,—вотъ такъ,—дѣлая легкую большую дугу; не правда ли?

Г-жа Линде. Да, это такъ.

Гельмеръ. Напротивъ того вязаніе—это всегда такъ некрасиво; посмотрите-ка: прижатыя къ туловищу руки,—спицы, которыя подымаются и опускаются,—что-то китайское въ этомъ.—Ахъ, какое чудное шампанское намъ подавали!

Г-жа Линде. Спокойной ночи, Нора, и не будь больше упрямой!

Гельмеръ. Отлично сказано, г-жа Линде!

Г-жа Линде. Спокойной ночи, г. директоръ!

Гельмеръ (*провожая ее до двери*). Спокойной ночи, спокойной ночи; надѣюсь, что вы хорошо уснете сегодня. Я охотно бы васъ проводилъ—но вамъ не далеко идти. Спокойной ночи, спокойной ночи! (*Она уходитъ; онъ затворяетъ за нею дверь и возвращается*). Уфъ, наконецъ-то отдѣлались отъ нея! Она страшно скучна, эта женщина!

Нора. Ты не усталъ, Торвальдъ?

Гельмеръ. О нѣтъ, ничуть!

Нора. И тебѣ не хочется спать?

Гельмеръ. Совсѣмъ не хочется; я, напротивъ того, чувствую себя замѣчательно бодрымъ. А ты? Да, ты кажешься и усталою и сонною.

Нора. Да, я очень устала. Я пойду сейчасъ спать.

Гельмеръ. Вотъ видишь! Значитъ я былъ правъ, когда настаивалъ, чтобы уйти поскорѣе.

Нора. О, ты всегда правъ!

Гельмеръ (*цѣлуя ее въ лобъ*). Теперь моя птичечка говоритъ такъ, какъ будто она человѣкъ. Но ты замѣтила, какъ веселъ былъ сегодня вечеромъ Ранкъ?

Нора. Да? Неужели? Я не разговаривала съ нимъ.

Гельмеръ. И я также; но я давно не видалъ его въ такомъ хорошемъ расположеніи духа. (*Смотритъ минуту на нее, затѣмъ подходитъ къ ней*). Гмъ,—какъ пріятно вернуться домой, и быть съ тобою наединѣ, глазъ на глазъ!—Ахъ ты моя дорогая, ненаглядная женушка!

Нора. Не смотри такъ на меня, Торвальдъ!

Гельмеръ. Какъ мнѣ не смотрѣть на мое единственное сокровище? На мое счастье, мое, мое всецѣло, мое безраздѣльно?

Нора (*становится по другую сторону стола*). Ты не долженъ сегодня вечеромъ говорить со мною такимъ образомъ.

Гельмеръ (*идетъ за нею*). У тебя, какъ я вижу, тарантелла до сихъ поръ въ крови. Но это дѣлаетъ тебя еще болѣе привлекательною. Слушай, гости начинаютъ расходиться; (*тише*) Нора,—скоро во всемъ домѣ воцарится тишина.

Нора. Да, я надѣюсь.

Гельмеръ. Да, не правда ли, моя дорогая, ненаглядная Нора? Ахъ, знаешь ли, когда я бываю съ тобою въ обществѣ,—знаешь ли, почему я такъ мало говорю съ тобою, такъ далеко держусь отъ тебя, только отъ времени до времени смотрю на тебя украдкою,—знаешь ли, почему я это дѣлаю? Я воображаю себѣ тогда, что ты моя тайная возлюбленная, моя невѣста, обручившаяся со мною тайкомъ, и что никто не знаетъ о нашихъ отношеніяхъ.

Нора. Ахъ да, да, да! Я знаю, что мысли твои всегда со мною.

Гельмеръ. А когда мы уходимъ, и я окутываю шалью твои нѣжныя изящныя плечи,—вотъ эту чудную шейку,—я представляю себѣ, что ты моя молодая жена, что мы только что вернулись съ вѣнчанія и что я тебя впервые ввожу въ свой домъ, —что я въ первый разъ наединѣ съ тобою,—совершенно одинъ съ тобою, моя дорогая, юная, ненаглядная красавица! Весь этотъ вечеръ я не могъ думать ни о чемъ другомъ, только о тебѣ. Когда я увидѣлъ, какъ ты танцовала въ тарантеллѣ, манила къ себѣ и увлекала,—вся кровь кипѣла во мнѣ;—потому я такъ рано и увезъ тебя оттуда —

Нора. Уходи къ себѣ, Торвальдъ. Ты долженъ уйти отъ меня. Я не хочу ничего этого.

Гельмеръ. Что это значитъ? Отчего ты отстраняешься отъ меня, дорогая моя Нора? Развѣ я не твой мужъ?—*(Стукъ въ парадную дверь).*

Нора *(вздрагиваетъ).* Ты слышишь?

Гельмеръ. *(идетъ въ переднюю).* Кто тамъ?

Докторъ Ранкъ *(за дверью).* Это я. Могу я на минуту войти?

Гельмеръ *(тихо, съ неудовольствіемъ).* И чего ему понадобилось? *(Громко).* Подожди немного. *(Идетъ и отворяетъ).* Это очень мило съ твоей стороны, что ты не прошелъ мимо нашей двери.

Ранкъ. Мнѣ казалось, что я слышу твой голосъ, и не могъ удержаться, чтобы не заглянуть къ вамъ *(озирается кругомъ).* Ахъ, да, эти дорогія знакомыя комнаты! Какъ вамъ здѣсь обоимъ хорошо и уютно!

Гельмеръ. Да и ты, кажется, чувствовалъ себя здѣсь достаточно хорошо!

Ранкъ. Превосходно! И почему нѣтъ? Почему не брать отъ этой жизни все, что она даетъ? Во всякомъ случаѣ все, что можно взять. Вино было превосходно —

Гельмеръ. Особенно шампанское.

Ранкъ. И ты это замѣтилъ? Просто невѣроятно, сколько я его выпилъ.

Нора. И Торвальдъ также пилъ много шампанскаго.

Ранкъ. Да?

Нора. И послѣ этого онъ всегда бываетъ очень веселъ.

Ранкъ. Да и почему же не провести веселаго вечера послѣ хорошо проведеннаго дня?

Гельмеръ. Хорошо проведеннаго,—ну, этимъ я не могу похвастаться.

Ранкъ *(бьетъ его по плечу).* Но за то я могу.

Нора. Докторъ Ранкъ, вы навѣрное сегодня созывали консиліумъ?

Ранкъ. Именно.

Гельмеръ. Смотрите, смотрите, маленькая Нора говоритъ о консиліумахъ!

Нора. И васъ можно поздравить съ результатами его?

Ранкъ. Конечно.

Нора. Значитъ, осмотръ привелъ къ благопріятному заключенію?

Ранкъ. Къ самому благопріятному для врача и паціента,—къ увѣренности.

Нора. *(быстро, вопросительно).* Къ увѣренности?

Ранкъ. Да, въ самой полной увѣренности. Развѣ я не могъ позволить себѣ послѣ этого весело провести вечеръ?

Нора. Да, вы были совершенно въ своемъ правѣ, докторъ Ранкъ.

Гельмеръ. И я согласенъ съ этимъ; лишь бы тебѣ не пришлось раскаяться завтра.

Ранкъ. Ничто не дается даромъ въ этой жизни.

Нора. Докторъ Ранкъ,—вы, конечно, любите маскарады?

Ранкъ. Да, когда въ нихъ много комичныхъ костюмовъ.

Нора. Слушайте же: во что мы оба нарядимся на слѣдующій маскарадъ?

Гельмеръ. Ахъ, ты, легкомысленное созданіе,—ты уже сегодня думаешь о будущемъ маскарадѣ!

Ранкъ. Мы оба? Да, я вамъ сейчасъ скажу; вы будете изображать счастье.

Гельмеръ. Да, но изобрѣти-ка прежде костюмъ, который выражалъ бы это—

Ранкъ. Пусть жена твоя идетъ въ маскарадъ, одѣтая, какъ всегда, какъ она двигается по свѣту, какъ она ходитъ и стоитъ—

Гельмеръ. Это, положимъ, вѣрно сказано. А что же ты въ такомъ случаѣ будешь изображать?

Ранкъ. О, мой дорогой другъ, это для меня ясно, какъ день!

Гельмеръ. Ну?

Ранкъ. На слѣдующій маскарадъ я буду одѣтъ въ шапку-невидимку.

Гельмеръ. Вотъ странная фантазія!

Ранкъ. Есть такая большая черная шляпа—ты не слыхалъ о шапкѣ-невидимкѣ? Стоитъ ее надѣть—и дѣлаешься невидимымъ.

Гельмеръ *(сдерживая улыбку).* Да, ты правъ.

Ранкъ. Но я совершенно забылъ, зачѣмъ пришелъ. Гельмеръ, дай мнѣ сигару, одну изъ темныхъ гаванскихъ.

Гельмеръ. Съ величайшимъ удовольствіемъ! (*Протягиваетъ ему портсигаръ*)

Ранкъ *(беретъ сигару и обрѣзываетъ кончикъ)*. Благодарю.

Нора *(беретъ спичечницу)*. Позвольте предложить вамъ огня.

Ранкъ. Благодарю. *(Она держитъ спичку, онъ закуриваетъ)*. А теперь прощайте.

Гельмеръ. Прощай, прощай, милый другъ!

Нора. Спите хорошо, докторъ Ранкъ.

Ранкъ. Спасибо за пожеланіе.

Нора. Пожелайте мнѣ того же.

Ранкъ. Вамъ? Съ удовольствіемъ, если это вамъ угодно.—Спите хорошо. И спасибо за огонь. *(Онъ кланяется имъ обоимъ и уходитъ)*.

Гельмеръ (*шепотомъ*). Онъ слишкомъ много выпилъ.

Нора *(машинально)*. Очень можетъ быть. (*Гельмеръ беретъ изъ кармана ключи и идетъ въ переднюю*). Торвальдъ—куда ты?

Гельмеръ. Я хочу опорожнить ящикъ для писемъ; онъ до верху полонъ; завтра утромъ некуда будетъ всунуть газеты.

Нора. Ты хочешь работать сегодня ночью?

Гельмеръ. Ты знаешь, что я этого не хочу.—Что это значитъ? Кто-то возился у замка.

Нора. У замка?—

Гельмеръ. Да, несомнѣнно возился. Кто бы это былъ? Я никогда не думалъ, чтобы дѣвушка—? А вотъ сломанная шпилька. Нора, это твоя—

Нора *(быстро)*. Это, вѣрно, кто-нибудь изъ дѣтей—

Гельмеръ. Но ты, пожалуйста, отучи ихъ отъ этого. Гмъ, гмъ!—наконецъ я его открылъ *(вынимаетъ содержимое и кричитъ, отворяя дверь въ кухню:)* Елена,—Елена, затушите лампу въ передней. *(Заходитъ въ гостиную съ письмами въ рукахъ и затворяетъ дверь въ переднюю)*. Посмотримъ-ка посмотримъ. Какая тьма накопилась! *(Пересматриваетъ ихъ)*. Что это такое?

Нора *(у окна)*. Письмо! Ахъ нѣтъ, нѣтъ, Торвальдъ!

Гельмеръ. Двѣ визитныя карточки—отъ Ранка.

Нора. Отъ доктора Ранка?

Гельмеръ *(смотритъ на нихъ)*. Докторъ медицины Ранкъ. Онѣ лежали сверху; онъ должно быть, всунулъ ихъ, когда уходилъ.

Нора. Есть ли на нихъ что нибудь?

Гельмеръ. Надъ именемъ нарисованъ большой крестъ. Вотъ посмотри. Что за мрачная шутка! Онъ точно объявляетъ намъ о своей смерти.

Нора. Онъ именно это и дѣлаетъ.

Гельмеръ. Что ты говоришь? Развѣ ты знаешь? Развѣ онъ тебѣ что нибудь сказалъ?

Нора. Да. Онъ мнѣ говорилъ, что пришлетъ карточки въ знакъ прощанія, затѣмъ запрется и умретъ.

Гельмеръ. Мой бѣдный другъ! Я зналъ, что мнѣ не долго придется жить съ нимъ. Но такъ быстро,—и онъ прячется при этомъ, точно раненое животное.

Нора. Разъ это должно случиться, то уже лучше, чтобы оно случилось безъ словъ. Не правда ли, Торвальдъ?

Гельмеръ *(ходитъ взадъ и впередъ)*. Онъ такъ сроднился съ нами. Я не могу себѣ представить нашъ домъ безъ него.

Онъ, со своими страданіями и своимъ одиночествомъ, являлся какъ бы темнымъ фономъ, оттѣнявшимъ наше безоблачное счастье.—Ну, быть можетъ, такъ и лучше. Во всякомъ случаѣ, для него. *(Останавливается)*. А быть можетъ, и для насъ также. Нора. Теперь мы остались съ тобою совершенно вдвоемъ.—*(Обнимаетъ ее)*. Ахъ ты, моя дорогая жена, мнѣ кажется, что я все еще не достаточно крѣпко привязалъ тебя къ себѣ. Знаешь ли что, Нора, много разъ желалъ я, чтобы какое-нибудь несчастье грозило тебѣ, чтобы я могъ пожертвовать для тебя своею жизнью, кровью, всѣмъ, всѣмъ!

Нора *(вырывается изъ его объятій и говоритъ громко, рѣшительно)*. Теперь ты можешь читать свои письма, Торвальдъ.

Гельмеръ. Нѣтъ, нѣтъ, не сегодня ночью. Я хочу быть съ тобою, моя возлюбленная, моя жена.

Нора. Съ мыслью о смерти твоего друга—?

Гельмеръ. Ты права. Это извѣстіе взволновало насъ обоихъ; мрачная тѣнь прошла между нами, мысль о смерти, о концѣ. Эти мысли нужно разсѣять, а пока—пойдемъ каждый къ себѣ—

Нора *(бросаясь ему на плечи)*. Торвальдъ,—спокойной ночи! спокойной ночи!

Гельмеръ *(цѣлуетъ ее въ лобъ)*. Спокойной ночи, моя пташечка. Спи хорошо, Нора! А я пойду, почитаю письма. *(Идетъ со своими письмами въ кабинетъ и затворяетъ за собою дверь)*.

Нора *(въ безумномъ ужасѣ, мечется, хватаетъ домино Гельмера, запутывается въ него и шепчетъ быстро, и отрывисто)*: Никогда его больше не видѣть! Никогда! Никогда! Никогда! *(Надѣваетъ шаль на голову)*. Никогда не видѣть больше дѣтей! И его также. Никогда! никогда! — Ахъ, эта ледяная мрачная вода! И эта бездна!—Это—Ахъ, если бы только конецъ скорѣе наступилъ! Теперь онъ держитъ письмо въ рукахъ, читаетъ. О нѣтъ, нѣтъ; еще не теперь. Торвальдъ, прощай, прощайте, дѣти—*(она бросается въ переднюю: въ эту минуту Гельмеръ отворяетъ свою дверь и останавливается на порогѣ съ открытымъ письмомъ въ рукахъ)*.

Гельмеръ. Нора!

Нора *(громко вскрикиваетъ)*. Ахъ!

Гельмеръ. Что это значитъ? Знаешь ли, что написано въ этомъ письмѣ?

Нора. Да, я знаю. Дай мнѣ уйти! Дай мнѣ уйти!

Гельмеръ (*удерживая ее*). Куда ты хочешь идти?

Нора *(пробуетъ вырваться)*. Я не хочу, чтобы ты меня спасъ.

Гельмеръ *(отлетъ шагъ назадъ)*. Правда! Это правда, что онъ написалъ? Ужасно! Нѣтъ, нѣтъ, невозможно, чтобы это была правда.

Нора. Это правда. Я тебя люблю выше всего, всего на свѣтѣ!

Гельмеръ. Зачѣмъ эти нелѣпыя фразы?

Нора *(дѣлаетъ шагъ къ нему)*. Торвальдъ!

Гельмеръ. Ахъ ты, несчастная,— что ты надѣлала!

Нора. Дай мнѣ уйти. Ты не долженъ страдать изъ за меня. Ты не долженъ брать вины на себя.

Гельмеръ. Перестань играть комедію! *(Запираетъ парадную дверь)*. Здѣсь ты должна стоять и дать мнѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Понимаешь ли ты, что ты сдѣлала? Отвѣчай! Понимаешь ли ты?

Нора (*пристально смотритъ на него, не сводя глазъ, и говоритъ съ удареніемъ на каждомъ словѣ*). Да, теперь я начинаю все понимать.

Гельмеръ *(ходитъ взадъ и впередъ)*. Ахъ, какое ужасное пробужденіе! Во всѣ эти восемь лѣтъ, она, моя радость, моя гордость—лицемѣрка, лгунья,—хуже, хуже,—преступница!—О, какое безграничное безобразіе во всемъ этомъ! Фу, фу!

Нора (*молчитъ, не сводя съ него глазъ*).

Гельмеръ *(останавливается передъ нею)*. Я долженъ былъ догадаться, что нѣчто подобное случится. Я долженъ былъ предвидѣть это. Всѣ легкомысленныя правила твоего отца—! Молчи! Всѣ легкомысленныя правила твоего отца ты получила въ наслѣдство. Ни религіи, ни нравственности, ни чувства долга!—Ахъ, какъ наказанъ я теперь, что смотрѣлъ сквозь пальцы на все! Я сдѣлалъ это ради тебя; а ты такъ отплатила мнѣ!

Нора. А, такъ вотъ что!

Гельмеръ. Теперь ты уничтожила все мое счастье. Разрушила все мое будущее. Ахъ, какъ ужасна эта мысль! Я въ рукахъ безсовѣстнаго человѣка; онъ можетъ сдѣлать со мною, что захочетъ, потребовать отъ меня, что пожелаетъ, можетъ по желанію распорядиться мною, приказывать мнѣ;—я не смѣю и пикнуть. И я долженъ такъ низко пасть и погибнуть по винѣ легкомысленной женщины!

Нора. Когда я умру, ты будешь свободенъ.

Гельмеръ. Ахъ, ради Бога, безъ фразъ! Такія рѣчи были всегда наготовѣ и у твоего отца! Что мнѣ за польза будетъ, если ты даже умрешь, какъ ты говоришь? Это мнѣ ни капли не поможетъ. Онъ можетъ, несмотря на все, разгласить это дѣло, и тогда меня, чего добраго, заподозрятъ еще въ соучастіи. Подумаютъ, что я руководилъ тобою,—что это я заставилъ тебя поддѣлать чужую подпись! И за все это я долженъ благодарить тебя, тебя, которую я все время нашей совмѣстной жизни носилъ на рукахъ! Понимаешь ли какъ ты, ужасно поступила со мною?

Нора (*съ холоднымъ спокойствіемъ*). Да.

Гельмеръ. Это такъ невѣроятно, что я почти не въ силахъ ничего сообразить. Но нужно обдумать, что намъ теперь дѣлать. Сними шаль, сними ее, говорю я тебѣ. Я долженъ удовлетворить его тѣмъ или инымъ способомъ. Дѣло должно быть затушено во что бы то ни стало. Что же касается насъ обоихъ, то мы будемъ для виду жить по прежнему, какъ будто ничего между нами не случилось, но, конечно, только для виду. Ты останешься у меня въ домѣ, это само собою разумѣется. Но воспитывать дѣтей я тебѣ не позволю: я не могу ихъ довѣрить тебѣ.—Ахъ, быть поставленнымъ

въ необходимость говорить ей все это, ей, которую я такъ любилъ, которую я еще—! Нѣтъ, всему этому наступилъ конецъ. Теперь нечего уже говорить о счастьи; лишь бы спасти остатки, жалкіе обломки. *—(Звонокъ въ передней. Гельмеръ вздрагиваетъ).* Что это? Такъ поздно? Неужели ужасное уже—? Неужели онъ? Спрячься, Нора! Скажи, что ты больна. *(Нора стоитъ неподвижно. Гельмеръ идетъ и отворяетъ дверь)—*

Горничная *(полуодѣтая въ передней).* Письмо къ барынѣ.

Гельмеръ. Дайте сюда. *(Беретъ письмо и отворяетъ дверь).* Да, это отъ него. Я тебѣ его не дамъ; я самъ долженъ прочесть его.

Нора. Читай.

Гельмеръ *(подходитъ къ лампѣ).* У меня просто духъ захватываетъ. Быть можетъ, мы уже погибли, ты и я. Нѣтъ, нужно скорѣе узнать! *(Быстро вынимаетъ письмо, пробѣгаетъ нѣсколько строчекъ, смотритъ на приложенную къ нему бумагу и издаетъ радостный крикъ):* Нора!

Нора *(взглядываетъ на него вопросительно).*

Гельмеръ. Нора!—Нѣтъ, нужно еще разъ прочесть его.—Да, да, правда, правда! Я спасенъ! Нора, я спасенъ!

Нора. А я?

Гельмеръ. Ты также, конечно; мы спасены оба, ты и я. Вотъ посмотри. Онъ прислалъ тебѣ обратно твой вексель. Онъ пишетъ, что сожалѣетъ и раскаивается;—что счастливый переворотъ въ его жизни,—ахъ, все равно, что онъ тамъ ни пишетъ! Мы спасены, Нора! Никто не можетъ тебѣ ничего сдѣлать. Ахъ, Нора, Нора!—Нѣтъ, сначала надо уничтожить этотъ ужасный документъ! Дай, посмотрю — *(Бросаетъ взглядъ на подпись).* Нѣтъ, я не хочу смотрѣть. Пусть это будетъ для меня точно сонъ—! *(Рветъ въ клочки вексель и письмо, бросаетъ въ каминъ и смотритъ на огонь, пока все не сгораетъ).* Вотъ такъ; не осталось и слѣда.—Онъ пишетъ, что ты еще съ сочельника—! Ахъ, эти три дня были вѣрно ужасны для тебя, Нора!

Нора. Я вынесла тяжкую борьбу въ эти три дня. Торвальдъ.

Гельмеръ. И мучилась, и не видѣла другого исхода, какъ. Нѣтъ, не будемъ вспоминать всѣхъ этихъ ужасовъ! Будемъ только радоваться и повторять: все прошло! Но слушай же меня, Нора, ты какъ будто не понимаешь, что я говорю: все прошло! Что это за—за неподвижное выраженіе на твоемъ лицѣ? Ахъ моя бѣдная, маленькая Нора, я понимаю теперь, въ чемъ дѣло; ты думаешь, что я тебѣ не простилъ. Но я простилъ тебѣ, Нора, клянусь, я простилъ тебѣ все. Я знаю, что ты сдѣлала это изъ любви ко мнѣ.

Нора. Да, это правда.

Гельмеръ. Ты любила меня такъ, какъ жена должна любить своего мужа. Ты только не имѣла настоящаго понятія о средствахъ, къ которымъ прибѣгала. Но развѣ ты думаешь, что ты мнѣ менѣе дорога отъ того, что не умѣешь дѣйствовать самостоятельно? Нѣтъ, нѣтъ; положись только на меня, я буду совѣтовать тебѣ, руководить тобою. Я не былъ бы мужчиною, еслибы эта женская безпомощность не дѣлала тебя вдвойнѣ дороже въ моихъ глазахъ. Не обращай вниманія на рѣзкія слова, вырвавшіяся у меня въ минуту ужаса, когда я думалъ, что все обрушивается на насъ. Я простилъ тебѣ, Нора; клянусь, что я тебѣ простилъ.

Нора. Благодарю за прощеніе. *(Уходитъ въ дверь справа).*

Гельмеръ. Нѣтъ, останься—*(заглядываетъ въ дверь).* Чего тебѣ нужно въ альковѣ?

Нора *(изъ сосѣдней комнаты).* Снять маскарадный костюмъ.

Гельмеръ *(у открытой двери).* Да, сними, успокойся и соберись съ силами, моя маленькая испуганная пташечка! Спи спокойно, я буду всегда охранять и защищать тебя! *(Ходитъ вблизи двери взадъ и впередъ).* Ахъ, какъ наше гнѣздышко красиво и уютно, Нора! ты здѣсь въ полной безопасности, дорогая моя; я буду беречь тебя, какъ раненую голубку, которую я выхватилъ изъ когтей ястреба: я успокою твое бѣдное встревоженное сердечко. Мало по малу въ него вернется спокойствіе, Нора, повѣрь мнѣ. Завтра все будетъ казаться тебѣ совершенно въ иномъ видѣ; скоро все войдетъ въ свою прежнюю колею; мнѣ не нужно будетъ повторять, что я тебѣ простилъ, ты сама будешь это чувствовать. Какъ тебѣ могло даже прійти въ голову, что я оттолкну тебя или даже буду упрекать? Ахъ, ты не знаешь, каково сердце мужчины, Нора! Для мужчины всегда невѣроятно пріятно сознаніе, что онъ простилъ своей женѣ,—что онъ простилъ ей отъ полнаго и искренняго сердца. Она дѣлается для него послѣ этого какъ бы вдвойнѣ дороже; она какъ бы вновь родилась на свѣтъ черезъ него; она въ одно время и его жена, и его дитя. Вотъ чѣмъ ты бу-

дешь съ этихъ поръ для меня маленькое, беззащитное созданіе! Не бойся ничего, Нора; будь только всегда откровенна со мною: я буду твоею волею и твоею совѣстью—Что это значитъ? Еще не въ постели? Ты только переодѣлась?

Нора *(въ своемъ обыкновенномъ платьѣ)*. Да, Торвальдъ, я только переодѣлась.

Гельмеръ. Но почему теперь, такъ поздно?

Нора. Сегодня ночью я не буду спать.

Гельмеръ. Но, дорогая Нора—!

Нора *(смотритъ на часы)*. Еще не такъ поздно. Садись, Торвальдъ, намъ о многомъ нужно переговорить. *(Садится по одну сторону стола)*.

Гельмеръ. Нора,—что это значитъ? Это холодное выраженіе лица, это—

Нора. Садись. Нашъ разговоръ затянется. Много есть, о чемъ я должна переговорить съ тобою.

Гельмеръ *(садится за столъ противъ нея)*. Ты пугаешь меня, Нора. И я тебя не понимаю.

Нора. Нѣтъ, въ томъ-то и дѣло. Ты меня не понимаешь. И я также не понимала тебя,—до сегодняшняго вечера. Нѣтъ, пожалуйста, не прерывай меня. Ты только слушай, что я буду говорить.—Это ликвидація.

Гельмеръ. Что ты хочешь этимъ сказать?

Нора *(послѣ нѣкотораго молчанія)*. Теперь, когда мы сидимъ здѣсь другъ противъ друга, тебѣ не бросается въ глаза одна вещь?

Гельмеръ. Что же именно?

Нора. Мы уже восемь лѣтъ женаты. А ты развѣ не знаешь, что мы оба, ты и я, мужъ и жена, мы впервые говоримъ серьезно другъ съ другомъ?

Гельмеръ. Да, серьезно,—что это значитъ?

Нора. А между тѣмъ въ восемь лѣтъ,—нѣтъ, больше,—со времени нашего перваго знакомства, мы ни разу не обмѣнялись ни однимъ серьезнымъ словомъ о серьезныхъ вещахъ.

Гельмеръ. Неужели я долженъ былъ постоянно посвящать тебя въ заботы, въ которыхъ ты не могла оказать мнѣ никакой помощи?

Нора. Я не говорю о заботахъ. Я говорю, что мы ни разу не обсуждали съ тобою вдвоемъ серьезно ни одного вопроса.

Гельмеръ. Но, дорогая моя Нора, развѣ это годилось для тебя?

Нора. Вотъ когда мы коснулись самой сути. Ты никогда не понималъ меня.—Вы были страшно несправедливы относительно меня, сначала папа, потомъ ты.

Гельмеръ. Какъ! Мы оба,—мы, которые любили тебя больше всего на свѣтѣ?

Нора *(качаетъ головою)*. Вы никогда не любили меня. Вамъ обоимъ только казалось пріятнымъ быть влюбленными въ меня.

Гельмеръ. Но что это за слова, Нора?

Нора. Да, это совершенно вѣрно, Торвальдъ. Когда я жила у папы, онъ высказывалъ мнѣ всѣ свои мнѣнія, и я усвоивала ихъ; если мнѣ случалось думать иначе, я скрывала, потому что ему это не понравилось бы. Онъ называлъ меня своею куколкою и игралъ со мною, какъ я играла со своими куклами. И вотъ я переѣхала къ тебѣ въ домъ—

Гельмеръ. Что за выраженіе употребляешь ты, говоря о нашемъ бракѣ?

Нора *(тѣмъ же ровнымъ тономъ)*. Я хочу сказать, что я перешла отъ рукъ папы въ твои. Ты все устроилъ по своему вкусу, и я получила тѣ же вкусы, что и ты, или дѣлала видъ, что раздѣляю ихъ; иравно, хорошенько не разберу... я думаю, что тутъ было и то, и другое; одинъ разъ одно, одинъ разъ другое. Когда я теперь оглянусь назадъ, мнѣ кажется, что я жила здѣсь такъ, какъ живутъ бѣдные люди—изъ руки въ ротъ! Я жила тѣмъ, что забавляла тебя, Торвальдъ. Но ты этого хотѣлъ. Ты и папа, вы сильно согрѣшили противъ меня. Вы виновны въ томъ, что изъ меня ничего не вышло.

Гельмеръ. Нора, какъ ты несправедлива и неблагодарна! Развѣ ты не была здѣсь счастлива?

Нора. Нѣтъ, я никогда не была счастлива. Я это думала,—но этого никогда не было.

Гельмеръ. Не была—не была счастлива?

Нора. Нѣтъ, я была только весела. И ты былъ всегда такъ ласковъ со мною. Но нашъ домъ былъ всегда только кукольнымъ домомъ. Я была здѣсь твоею куколною женою, какъ была дома у папы его кукольною дочерью. А дѣти, тѣ были въ свою очередь моими куклами. Мнѣ было всегда очень пріятно, когда они прибѣгали играть со мною, такъ же точно, какъ и имъ было пріятно, когда я начинала играть съ ними. Вотъ въ чемъ состояло наше супружество. Торвальдъ!

Гельмеръ. Въ томъ, что ты говоришь, есть доля правды, хотя все это страшно преувеличено. Но теперь мы измѣнимъ все это. Время игръ прошло; теперь начнется время воспитанія.

Нора. Чьего воспитанія? Моего или дѣтей?

Гельмеръ. И твоего, и дѣтей, моя дорогая Нора.

Нора. Ахъ, Торвальдъ, ты не годишься въ воспитатели своей жены!

Гельмеръ. И это говоришь ты?

Нора. А я—развѣ я подготовлена для воспитанія своихъ дѣтей?

Гельмеръ. Нора!

Нора. Развѣ ты этого не говорилъ самъ часъ тому назадъ?—ты увѣрялъ, что никогда не довѣришь мнѣ ихъ воспитанія.

Гельмеръ. Въ минуту раздраженія! Какъ ты можешь обращать на это вниманіе?

Нора. Но это было сказано совершенно вѣрно. Я для этого не гожусь: эта задача не по моимъ силамъ. Нужно сначала разрѣшить другую. Я должна воспитать самое себя. Ты не способенъ оказать мнѣ какую-либо помощь въ этомъ отношеніи. Я должна быть одна. И поэтому я уѣзжаю отъ тебя.

Гельмеръ *(вскакиваетъ съ мѣста)*. Что ты сказала?

Нора. Чтобы правильно судить о себѣ и другихъ, я должна быть совершенно одна. Поэтому я не могу оставаться у тебя больше.

Гельмеръ. Нора! Нора!

Нора. Я хочу немедленно уйти. Кристина приметъ меня на ночь.

Гельмеръ. Ты съ ума сошла! Я тебѣ не позволю. Я запрещаю тебѣ уходить.

Нора. Никто не можетъ запрещать мнѣ что-нибудь теперь. Я беру съ собою то, что принадлежитъ мнѣ лично. Отъ тебя я ничего не хочу брать, ни теперь, ни послѣ.

Гельмеръ. Что это за сумасшествіе!

Нора. Завтра я уѣду домой,—т. е. къ себѣ на родину. Тамъ мнѣ легче будетъ заработать себѣ кусокъ хлѣба.

Гельмеръ. Ахъ ты, ослѣпленное неопытное созданіе!

Нора. Я *должна* пріобрѣсть опытность, Торвальдъ.

Гельмеръ. Оставить свой домъ, своего мужа, своихъ дѣтей! И ты не думаешь о томъ, что скажутъ люди?

Нора. До этого мнѣ нѣтъ никакого дѣла. Я знаю, что для меня это необходимо.

Гельмеръ. О, это возмутительно! И ты можешь измѣнять такимъ образомъ своимъ самымъ священнымъ обязанностямъ?

Нора. Что ты считаешь моими самыми священными обязанностями?

Гельмеръ. И тебѣ надо еще говорить это!? Развѣ у тебя нѣтъ обязанностей относительно мужа и дѣтей?

Нора. У меня есть еще и другія священныя обязанности?

Гельмеръ. У тебя ихъ нѣтъ. Какія могутъ быть у тебя другія обязанности?

Нора. Обязанности относительно себя самой.

Гельмеръ. Ты прежде всего жена и мать. Это важнѣе всего.

Нора. Неправда, я этому больше не вѣрю. Я думаю, что я прежде всего человѣкъ, такой же, какъ ты,—или, что я во всякомъ случаѣ постараюсь сдѣлаться имъ. Я знаю даже, что большинство стоитъ на твоей сторонѣ, Торвальдъ, и что подобные же взгляды высказываются и въ книгахъ. Но я не намѣрена больше довольствоваться тѣмъ, что говоритъ большинство и что написано въ книгахъ. Мнѣ необходимо самой хорошенько обдумать всѣ эти вопросы и разобраться въ нихъ.

Гельмеръ. Развѣ ты не можешь у себя дома уяснить себѣ свое положеніе? Развѣ у тебя нѣтъ неопровержимаго руководителя во всѣхъ этихъ вопросахъ? Развѣ у тебя нѣтъ религіи?

Нора. Ахъ, Торвальдъ, я право, хорошо не знаю, что значитъ религія!

Гельмеръ. Что ты говоришь?

Нора. Я знаю только то, что говорилъ пасторъ Гансенъ, когда я конфирмовалась. Онъ разсказывалъ намъ, что религія то и то. Когда я уйду отсюда и останусь одна, я обдумаю и этотъ вопросъ. Я хочу узнать, правду ли говорилъ пасторъ Гансенъ, или скорѣе, можетъ ли это быть правдою для *меня*.

Гельмеръ. Да это неслыханно, подобныя рѣчи въ устахъ такой молодой женщины! Но если религія не оказываетъ на тебя никакого вліянія, то попробую затронуть твою совѣсть. Какія у тебя нравственныя чувства? Или — отвѣчай мнѣ,— у тебя, можетъ быть, ихъ совсѣмъ нѣтъ?

Нора. Да, Торвальдъ, я не могу дать тебѣ на это опредѣленнаго отвѣта. Я и сама хорошо не знаю. Я въ полномъ недоумѣніи относительно этого. Я знаю одно, что я о многихъ вещахъ имѣю совершенно другое мнѣніе, чѣмъ ты. Я слышала дальше, что законы совсѣмъ не такіе, какъ я думала до сихъ поръ, но я никакъ не

могу согласиться съ тѣмъ, что законы эти справедливы. Женщина не имѣетъ права оградить отъ безпокойства своего стараго умирающаго отца, спасти жизнь своего мужа! Этому я не вѣрю.

Гельмеръ. Ты говоришь, какъ дитя. Ты не понимаешь общества, въ которомъ живешь.

Нора. Да, это правда. Но теперь я намѣрена войти въ составъ этого общества. Я хочу узнать: кто правъ, общество или я.

Гельмеръ. Ты больна, Нора, у тебя лихорадка; я, право, думаю, что ты не въ своемъ умѣ.

Нора. Я никогда еще не чувствовала такой ясности и увѣренности въ мысляхъ, какъ сегодня.

Гельмеръ. И ты, здраво разсудивши, покидаешь мужа и дѣтей?

Нора. Да.

Гельмеръ. Это можно объяснить только однимъ.

Нора. Чѣмъ же?

Гельмеръ. Ты меня больше не любишь.

Нора. Да, это правда.

Гельмеръ. Нора!—И это говоришь ты, ты!

Нора. Ахъ, Торвальдъ, мнѣ это такъ больно!—потому что ты былъ всегда такъ добръ ко мнѣ. Но я ничего не могу съ этимъ подѣлать. Я тебя больше не люблю.

Гельмеръ (*старается вернуть свое хладнокровіе*). И ты въ этомъ также совершенно увѣрена?

Нора. Да, совершенно. Поэтому-то я и не хочу оставаться здѣсь дольше.

Гельмеръ. А не сдѣлаешь ли ты мнѣ одолженія объяснить, какимъ образомъ и когда я лишился твоей любви?

Нора. Сейчасъ объясню. Это было сегодня вечеромъ, когда чудесное не проявилось, потому что я тогда увидѣла, что ты далеко не такой, какимъ я тебя до сихъ поръ считала.

Гельмеръ. Объясни свои слова. Я тебя не понимаю.

Нора. Я такъ терпѣливо ждала эти восемь лѣтъ, потому что, Господи Боже, я знала, что чудесное не можетъ проявляться каждый день. Наконецъ несчастіе это разразилось надо мною. Я рѣшила, что теперь именно должно проявиться чудесное. Увидѣвъ въ ящикѣ письмо Крогштада, я никакъ не думала, что ты подчинишься волѣ этого человѣка. Я была, напротивъ, увѣрена, что ты скажешь ему: дѣлайте, что хотите, разгласите вашу тайну, если вамъ угодно, — и когда бы онъ донесъ —

Гельмеръ. Да, что же тогда? Когда бы я отдалъ собственную жену на стыдъ и позоръ!

Нора. Я была твердо увѣрена, что какъ только онъ донесетъ—ты выступишь впередъ, возьмешь все на себя и скажешь: я виновенъ.

Гельмеръ. Нора!

Нора. Ты думаешь, можетъ быть, что я приняла бы отъ тебя такую жертву? О нѣтъ, само собою разумѣется, нѣтъ! Но, что могли значить мои увѣренія противъ твоихъ?—Это было то чудесное, котораго я ждала со страхомъ и трепетомъ. И чтобы помѣшать этому, я хотѣла лишить себя жизни.

Гельмеръ. Я съ радостью работалъ бы для тебя день и ночь, Нора, переносилъ бы всякія заботы и лишенія ради тебя. Но никто не жертвуетъ своей честью для того, кого любитъ.

Нора. Это дѣлали тысячи женщинъ.

Гельмеръ. О, ты говоришь и разсуждаешь, какъ неразумное дитя!

Нора. Пусть такъ. Но ты говоришь и разсуждаешь совершенно не такъ, какъ долженъ былъ бы говорить и разсуждать любимый мною человѣкъ. Когда прошелъ твой страхъ, — не относительно того, что угрожало мнѣ, а относительно того, чему ты самъ подвергался, —и когда вся опасность миновала, ты началъ вести себя совершенно такъ, какъ будто ничего не случилось. Я была попрежнему твоею маленькою пташечкою, твоею куколкою, которую ты намѣревался еще болѣе бережно носить на рукахъ, разъ она оказалась такою слабою и хрупкою. (*Встаетъ*). Торвальдъ, — въ эту минуту я поняла, что я восемь лѣтъ прожила съ чужимъ для меня человѣкомъ и имѣла отъ него троихъ дѣтей.—Я не могу безъ ужаса думать объ этомъ. Если бы я могла, я растерзала бы себя на части.

Гельмеръ (*глухо*). Я вижу это, я вижу это. Очевидно, между нами легла пропасть. — Ахъ, Нора, чѣмъ бы намъ ее заполнить!

Нора. Я не гожусь тебѣ въ жены такою, какая я теперь.

Гельмеръ. У меня достаточно силъ, чтобы измѣниться.

Нора. Очень можетъ быть,— если у тебя отымутъ куклу.

Гельмеръ. Разстаться — разстаться съ тобою! Нѣтъ, нѣтъ, Нора, я никакъ не могу освоиться съ этою мыслью.

Нора (*идетъ на право*). А между тѣмъ, это неизбѣжно. (*Возвращается въ*

„Нора“, д. III.

Нора. Спокойнаго сна, докторъ Ранкъ!

Ранкъ. Спасибо...

Нора. Пожелайте и мнѣ того же!

Ранкъ. Вамъ?! Ну, разъ вы хотите—спокойнаго сна...

пальто съ небольшимъ дорожнымъ мѣшкомъ въ рукахъ, который она кладетъ на стулъ у стола).

Гельмеръ. Нѣтъ, Нора, не теперь! Подожди до завтра.

Нора *(надѣваетъ шляпу).* Я не могу ночевать въ квартирѣ чужого мнѣ человѣка.

Гельмеръ. Но развѣ мы не можемъ жить, какъ братъ и сестра?

Нора *(завязываетъ ленты шляпы).* Ты отлично знаешь, что это не можетъ долго продлиться — *(накидываетъ на плечи шаль).* Прощай, Торвальдъ. Я не хочу прощаться съ дѣтьми. Я знаю, что они будутъ въ лучшихъ рукахъ здѣсь, чѣмъ если бы они жили со мною, такою, какая я теперь: я не могу принесть имъ никакой пользы.

Гельмеръ. Но потомъ, Нора,—потомъ—?

Нора. Почемъ знать? Я сама не знаю, что изъ меня выйдетъ.

Гельмеръ. Но ты моя жена, ты, такая, какъ ты есть и какая будешь.

Нора. Послушай, Торвальдъ,—я слышала, что если жена бросаетъ своего мужа такъ, какъ я тебя бросаю, то законъ освобождаетъ его отъ всякихъ обязательствъ относительно нея. Поэтому ты теперь совершенно свободенъ. Ты ничѣмъ не связанъ со мною, такъ же, какъ и я съ тобою. Съ обѣихъ сторонъ должна быть полная свобода. Вотъ возьми обратно свое кольцо. Отдай мнѣ мое.

Гельмеръ. Даже это?

Нора. Да, даже это.

Гельмеръ. Вотъ оно.

Нора. Такъ. Ну, теперь все кончено. Я кладу здѣсь ключи. Горничная знаетъ все, что есть въ домѣ, лучше, чѣмъ я. Завтра, когда я уѣду, Кристина придетъ сюда забрать вещи, которыя я привезла изъ дому. Она пришлетъ ихъ мнѣ.

Гельмеръ. Кончено, кончено! Нора, ты никогда не будешь больше думать обо мнѣ?

Нора. Я, конечно, буду часто думать о тебѣ, и о дѣтяхъ, и о домѣ.

Гельмеръ. Могу я писать тебѣ, Нора?

Нора. Нѣтъ, — никогда. Я тебѣ запрещаю.

Гельмеръ. Но я могу посылать тебѣ—

Нора. Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ ничего не нужно.

Гельмеръ. Помогать тебѣ, если ты въ чемъ будешь нуждаться.

Нора. Нѣтъ, говорю тебѣ. Я ничего не принимаю отъ чужихъ.

Гельмеръ. Нора,—развѣ я никогда не могу сдѣлаться близкимъ тебѣ человѣкомъ?

Нора *(беретъ дорожный мѣшокъ).* Ахъ, Торвальдъ, это могло бы быть только тогда, если бы случилось чудо!

Гельмеръ. Назови мнѣ это чудо!

Нора. Ты и я, должны были бы оба такъ сильно измѣниться, чтобы—Ахъ, Торвальдъ, я уже больше не вѣрю въ чудеса!

Гельмеръ. Но я буду вѣрить въ нихъ. Назови его. Такъ сильно измѣниться, чтобы—?

Нора. Чтобы наше сожительство обратилось въ бракъ. Прощай. *(Уходитъ черезъ переднюю).*

Гельмеръ (*бросается на стулъ передъ дверью и закрываетъ лицо руками).* Нора! Нора! *(Осматривается и встаетъ).* Пусто! Ея больше нѣтъ. *(Надежда озаряетъ его лицо).* Чудо—? *(Снизу доносится стукъ захлопываемой двери).*

ГЕДДА ГАБЛЕРЪ.

Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Іоргенъ Тесманъ, стипендіатъ по исторіи культуры.
Г-жа Гедда Тесманъ, его жена.
Юліана Тесманъ, его тетка—дѣвица.
Г-жа Эльвстедъ.
Ассессоръ Бракъ.
Эйлертъ Левборгъ,
Берта, служанка у Тесмановъ.

Дѣйствіе происходитъ на виллѣ Тесмановъ, въ западной части города.

(Большая красивая и со вкусомъ убранная гостиная, декорированная въ темный цвѣтъ. У задней стѣны широкая арка съ приподнятыми портьерами. Эта арка ведетъ въ меньшую комнату, убранную въ томъ же стилѣ, что и гостиная. У правой стѣны въ этой комнатѣ боковая дверь, которая ведетъ въ переднюю. У противоположной стѣны налѣво стеклянная дверь, также съ откинутыми портьерами. Черезъ стекла виднѣется часть крытой веранды и лиственныя деревья въ осеннемъ уборѣ. Посреди гостиной стоитъ овальный столъ, покрытый скатертью, со стульями вокругъ него. Спереди у правой стѣны широкая кафельная печка, кресло съ высокою спинкою, скамеечка для ногъ съ подушкою и два табурета. Въ углу направо угловая кушетка и маленькій круглый столикъ. На авансценѣ слѣва, немного отодвинутымъ отъ стѣны, стоитъ диванъ. Передъ стеклянною дверью фортепіано. По обѣимъ сторонамъ арки въ глубинѣ сцены стоятъ этажерки съ украшеніями изъ терракотты и майоликн.—У задней стѣны внутренней комнаты виднѣется диванъ, столъ и два стула. Надъ этимъ диваномъ виситъ портретъ краснваго пожилого человѣка въ генеральской формѣ. Надъ столомъ висячая лампа съ матовымъ молочнымъ колпакомъ.—Повсюду въ гостиной разбросаны букеты цвѣтовъ, въ вазахъ и стаканахъ, другіе букеты лежатъ на столахъ. Полъ въ обѣихъ комнатахъ покрытъ толстыми коврами.—Утреннее освѣщеніе. Солнце свѣтитъ черезъ стеклянную дверь).

(Юліана Тесманъ въ шляпѣ и съ зонтикомъ въ рукахъ, входитъ изъ передней въ сопровожденіи Берты, которая несетъ букетъ, завернутый въ бумагу. Дѣвица Тесманъ лѣтъ 65, съ пріятнымъ, добродушнымъ лицомъ, просто, но изящно одѣтая въ сѣрое платье для гулянія. Берта—довольно пожилая дѣвушка съ простоватою, нѣсколько деревенскою внѣшностью).

Юліана Тесманъ *(останавливается у двери, прислушивается говоритъ шепотомъ).* Нѣтъ, я никогда не подумала бы, что они еще не встали.

Берта *(также шепотомъ).* А я вамъ говорила, барышня. Подумайте только, какъ поздно вчера ночью пришелъ пароходъ. А что было бы еще послѣ того; О Господи Боже!— Сколько молодая барыня повозилась съ сундуками, выбирая свои вещи, прежде чѣмъ пошла спать.

Юліана Тесманъ. Да, да, пусть себѣ отдыхаютъ спокойно. Но свѣжаго утренняго воздуха надо впустить къ нимъ, прежде чѣмъ они встанутъ.

(Она подходитъ къ стеклянной двери и настежъ открываетъ ее).

Берта *(у стола, въ нерѣшительности, съ букетомъ въ рукѣ).* Ну, скажите на милость, гдѣ найти для этого букета подходящее мѣсто? Я думаю, лучше всего поставить его здѣсь, барышня. *(Ставитъ букетъ передъ роялемъ).*

Юліана Тесманъ. Да, теперь ты получила новыхъ господъ, милая моя Бер-

та. Одинъ Богъ знаетъ, какъ трудно мнѣ было разстаться съ тобою!

Берта *(съ плачемъ въ голосѣ)*. А мнѣ то каково, барышня! Что и говорить! Столько лѣтъ ѣла я вашу хлѣбъ-соль!

Юліана Тесманъ. Намъ надо спокойно относиться къ этому, Берта. Вѣдь ничего другого сдѣлать нельзя. Видишь, Іоргенъ долженъ имѣть тебя при себѣ. Ему это необходимо. Ты, вѣдь, привыкла ухаживать за нимъ съ малыхъ лѣтъ.

Берта. Да, но, барышня, мнѣ становится такъ тяжело на сердцѣ, какъ только вспомню ее, нашу больную, какъ она лежитъ тамъ дома, на своей постели. Она такая безпомощная, бѣдняжка! А теперь ей будетъ прислуживать новая горничная. Никогда въ мірѣ не съумѣетъ *она* ухаживать, какъ слѣдуетъ, за больною.

Юліана Тесманъ. Ну, я еще научу ее этому. И потомъ, понимаешь, я самое трудное буду дѣлать сама. О судьбѣ моей бѣдной сестры ты не безпокойся, дорогая моя Берта.

Берта. Да, но тутъ есть еще другое, барышня. Я такъ боюсь, что мнѣ не удастся поладить съ молодою барынею.

Юліана Тесманъ. О Господи Боже, сначала, конечно, могутъ быть маленькія недоразумѣнія...

Берта. Потому что она навѣрное страшно требовательна.

Юліана Тесманъ. Это ужъ конечно. Подумай! Дочь генерала Габлера! Къ чему она только не привыкла, когда живъ былъ генералъ! Помнишь, какъ она проѣзжала мимо насъ съ отцомъ? верхомъ? Въ длинной черной суконной амазонкѣ. Съ пером на шляпѣ?

Берта. Да, да, я отлично помню это. Но, клянусь Богомъ, вотъ ужъ никогда не думала въ то время, что изъ нея и кандидата найдетъ парочка!

Юліана Тесманъ. И я также.— Но вотъ еще что,—слышишь, Берта? я вспомнила: ты не должна больше называть Іоргена кандидатомъ. Ты должна говорить: докторъ.

Берта. Да, объ этомъ говорила и молодая барыня—сегодня ночью—какъ только вошла въ дверь. Такъ это правда?

Юліана Тесманъ. Да, конечно, правда! Подумай только, Берта—они сдѣлали его докторомъ тамъ, заграницею. Во время путешествія, понимаешь? Я объ этомъ не имѣла ни малѣйшаго понятія,—пока онъ самъ не разсказалъ мнѣ тамъ внизу, у пароходной пристани.

Берта. Да, да, онъ можетъ сдѣлаться чѣмъ угодно, конечно! При его умѣ! Но я никогда не думала, что онъ захочетъ лѣчить людей.

Юліана Тесманъ. Нѣтъ, нѣтъ, онъ не такимъ докторомъ сдѣлался, какъ ты думаешь.—*(Многозначительно киваетъ головою)*. Впрочемъ, тебѣ вскорѣ придется называть его еще другимъ именемъ, которое будетъ еще поважнѣе.

Берта. Неужели? Что же это такое, барышня?

Юліана Тесманъ *(улыбается)*. Гмъ!—объ этомъ ты скоро узнаешь.—*(Съ волненіемъ)*. Ахъ, Господи Боже,—если бы покойный Іохумъ могъ встать изъ своего гроба и увидѣть, что сдѣлалось изъ его маленькаго мальчика! *(Оглядывается)*. Но, послушай, Берта,—зачѣмъ ты это сдѣлала? Зачѣмъ сняла чехлы со всей мебели?

Берта. Это мнѣ пришказала барыня. Она не выноситъ чехловъ на мебели, сказала она.

Юліана Тесманъ. Развѣ они думаютъ сидѣть все время здѣсь,—цѣлый день?

Берта. Да, кажется. Такъ, по крайней мѣрѣ говорила барыня. Онъ же,—докторъ,—онъ ничего не сказалъ.

(Іоргенъ Тесманъ входитъ, напѣвая, справа въ заднюю комнату, съ пустымъ, открытымъ чемоданомъ въ рукѣ. Это средняго роста человѣкъ, съ моложавою наружностью, лѣтъ 33, нѣсколько полный, съ открытымъ, круглымъ, довольнымъ лицомъ, бѣлокурыми волосами и бородою. Носитъ очки и одѣтъ въ удобный, нѣсколько небрежный домашній костюмъ).

Юліана Тесманъ. Добраго утра, добраго утра, Іоргенъ!

Тесманъ *(въ аржѣ)*. Тетя Юля! Дорогая тетя Юля! *(Подходитъ и пожимаетъ ей руку)*. Уже у насъ—такъ рано по утру! А?

Юліана Тесманъ. Да, ты можешь себѣ представить, что мнѣ хотѣлось немного посмотрѣть на васъ.

Тесманъ. И ради этого ты даже не выспалась, какъ слѣдуетъ, сегодня ночью.

Юліана Тесманъ. Ну, это мнѣ все равно!

Тесманъ. Ты благополучно доѣхала съ пристани домой? А?

Юліана Тесманъ. Да, кое-какъ добралась,—славу Богу, Ассесоръ былъ

такъ любезенъ, что провелъ меня до самыхъ дверей.

Тесманъ. Намъ было очень непріятно, что мы не могли взять тебя съ собою въ экипажъ. Но ты, вѣдь, сама видѣла,—у Гедды было столько коробокъ, съ которыми приходилось возиться!

Юліана Тесманъ. Да, трудно было справиться съ ними. У нея было столько коробокъ!

Берта *(Тесману)*. Можетъ быть, мнѣ слѣдуетъ пойти къ барынѣ и спросить, не нужно ли ей въ чемъ-нибудь помощь?

Тесманъ. Нѣтъ, Берта, спасибо, не стоитъ этого дѣлать. Она сказала, что позвонитъ, какъ только ей понадобится помощь.

Берта *(уходя направо)*. Слушаю.

Тесманъ. Подожди, возьми съ собою и этотъ чемоданъ.

Берта *(беретъ)*. Я его снесу на чердакъ. *(Уходитъ черезъ переднюю).*

Тесманъ. Представь себѣ, тетя,—весь этотъ чемоданъ былъ у меня полонъ выписокъ. Просто невѣроятно, какую массу матеріаловъ я собралъ повсюду въ архивахъ. Все это старыя, удивительныя вещи, о которыхъ ни одна душа не имѣла понятія—

Юліана Тесманъ. Да, да, ты не даромъ провелъ время на своей свадебной поѣздкѣ, Іоргенъ.

Тесманъ. Ну, нѣтъ, этого нельзя сказать. Но сними же шляпу, тетя. Дай мнѣ. Я развяжу твои ленты. А?

Юліана Тесманъ *(въ то время, какъ онъ это дѣлаетъ)*. Ахъ, Господи Боже!—Мнѣ такъ и кажется, что ты опять съ нами, что ты дома, у насъ.

Тесманъ *(разсматриваетъ со всѣхъ сторонъ шляпу)*. Скажите, пожалуйста, какую нарядную, красивую шляпу ты себѣ сдѣлала!

Юліана Тесманъ. Я ее купила ради Гедды.

Тесманъ. Ради Гедды? А?

Юліана Тесманъ. Да, чтобы Гедда не стыдилась меня, если бы намъ пришлось идти вмѣстѣ съ нею по улицамъ.

Тесманъ *(гладитъ ее по щекѣ)*. Ты всегда думаешь обо всемъ, тетя Юля. *(Кладетъ шляпу на стулъ около стола)*. Ну и вотъ—знаешь,—сядемъ-ка мы сюда на диванъ и поболтаемъ немного до прихода Гедды. *(Они садятся. Она кладетъ свой зонтикъ въ уголъ дивана)*.

Юліана Тесманъ *(беретъ его за обѣ руки и смотритъ на него)*. Какъ страшно пріятно имѣть тебя опять передъ собою живымъ и здоровымъ, Іоргенъ! Милый ты мой, дорогой,—сынъ покойнаго Іохума!

Тесманъ. А мнѣ то какъ пріятно видѣть тебя опять, тетя Юля! Тебя, столько лѣтъ замѣнявшую мнѣ и мать, и отца!

Юліана Тесманъ. Да, я знаю, что ты продолжаешь любить своихъ старыхъ тетокъ.

Тесманъ. Нѣтъ никакого улучшенія въ здоровьѣ тети Рины? А?

Юліана Тесманъ. Ахъ, нѣтъ,—ей ужъ нечего ждать улучшенія, бѣдняжкѣ. Она лежитъ и теперь такъ, какъ лежала всѣ эти годы. Но лишь бы Господь Богъ сонзволилъ подольше оставить ее у меня! А то я не знаю, что мнѣ дѣлать съ своею жизнью, Іоргенъ. Въ особенности теперь, понимаешь, когда мнѣ не приходится больше заботиться о тебѣ.

Тесманъ *(хлопаетъ ее по спинѣ)*. Ну, ну, ну!—

Юліана Тесманъ *(перемѣняетъ внезапно разговоръ)*. Нѣтъ, но подумать только, что ты женатый человѣкъ, Іоргенъ! —И вдобавокъ, что именно ты женился на Геддѣ Габлеръ! На восхитительной Геддѣ Габлеръ! Подумай только! На ней, которая всегда была окружена столькими кавалерами!

Тесманъ *(напѣваетъ немного и улыбается съ довольнымъ видомъ)*. Да, я думаю, не мало у меня здѣсь добрыхъ друзей, которые завидуютъ мнѣ. А?

Юліана Тесманъ. А потомъ ты сдѣлалъ такое длинное свадебное путешествіе. Болѣе пяти—почти шести мѣсяцевъ—

Тесманъ. Ну, для меня это было одновременно и до нѣкоторой степени научнымъ путешествіемъ. Сколько архивовъ мнѣ пришлось изслѣдовать по дорогѣ! Какую массу книгъ я тѣмъ временемъ перечиталъ!

Юліана Тесманъ. Да, это конечно, правда. *(Задушевно: нѣсколько тише)*. Но послушай-ка, Іоргенъ,—развѣ у тебя нѣтъ ничего—ничего особеннаго разсказать мнѣ?

Тесманъ. О путешествіи?

Юліана Тесманъ. Да.

Тесманъ. Нѣтъ, я ничего другого не знаю, кромѣ того, о чемъ я уже писалъ тебѣ въ своихъ письмахъ. А что я получилъ тѣмъ временемъ степень доктора—объ этомъ я тебѣ уже разсказалъ вчера.

Юліана Тесманъ. Да, объ этомъ ты говорилъ, да. Но я хочу сказать,—развѣ у тебя нѣтъ какихъ-нибудь—какихъ-нибудь—особенныхъ надеждъ?

Тесманъ. Надеждъ?

Юліана Тесманъ. Господи Боже, Іоргенъ, —вѣдь я твоя старая тетка!

Тесманъ. Конечно, конечно, у меня есть надежды.

Юліана Тесманъ. Ну?

Тесманъ. Есть у меня вполнѣ основательная надежда сдѣлаться въ самомъ скоромъ времени профессоромъ.

Юліана Тесманъ. Профессоромъ, да—

Тесманъ. Или скорѣе это даже не надежда, а увѣренность. Но, дорогая моя тетя Юля, ты вѣдь и сама это знаешь.

Юліана Тесманъ *(улыбаясь)*. Конечно, я это знаю. Ты совершенно правъ. *(Перемѣняетъ тему разговора).* Но мы говорили о путешествіи.—Оно, должно быть, очень дорого обошлось тебѣ, Іоргенъ?

Тесманъ. Нѣтъ, ничего,—большая стипендія, выданная мнѣ, не мало помогла въ дорогѣ.

Юліана Тесманъ. Но я никакъ не могу понять, какъ тебѣ хватило на жизнь вдвоемъ съ нею?

Тесманъ. Да, да, не правда ли, это не такъ то легко понять? А?

Юліана Тесманъ. И притомъ, когда путешествуешь съ дамою, все обходится несравненно дороже, какъ говорятъ.

Тесманъ. Да, понятно,—все становится нѣсколько дороже. Но для Гедды это путешествіе было необходимо, тетя. Совершенно необходимо. Безъ этого невозможно было обойтись.

Юліана Тесманъ. Ну да, конечно, само собою разумѣется. Потому что свадебное путешествіе считается въ настоящее время обязательнымъ. — Но скажи мнѣ,—ты уже хорошенько осмотрѣлъ свою квартиру?

Тесманъ. Ну да, понятно! Я принялся за осмотръ, какъ только разсвѣло.

Юліана Тесманъ. И что же? Понравилось тебѣ?

Тесманъ. Превосходно! Удивительно! Я не понимаю только одного, что намъ дѣлать съ двумя пустыми комнатами между комнатою для прислуги и спальнею Гедды.

Юліана Тесманъ *(улыбаясь)*. Ахъ, дорогой мой Іоргенъ! Онѣ могутъ пригодиться—со временемъ!

Тесманъ. Да, конечно, ты права, тетя Юля. Потому что современемъ я, конечно, увеличу свою библіотеку.—А?

Юліана Тесманъ. Именно, мой дорогой мальчикъ. Я имѣла въ виду именно библіотеку.

Тесманъ. Я больше всего радуюсь теперь за Гедду. Еще когда мы были помолвлены, она часто говорила, что не желала бы нигдѣ жить, а только на виллѣ совѣтницы Фалькъ.

Юліана Тесманъ. Да, подумай только.—Нужно же было, чтобы ее объявили въ продажу, какъ только вы уѣхали.

Тесманъ. Да, тетя Юля, намъ везетъ. А?

Юліана Тесманъ. Но какъ все это дорого обошлось тебѣ, дорогой, милый мой Іоргенъ!

Тесманъ *(смотритъ на нее съ смущеніемъ)*. Да, очень дорого, тетя?

Юліана Тесманъ. Ахъ, да, Господи Боже!

Тесманъ. А какъ ты думаешь, сколько это будетъ стоить? Ну, хоть приблизительно? А?

Юліана Тесманъ. Нѣтъ, этого я сказать не могу, пока не получу всѣхъ счетовъ.

Тесманъ. Ну, къ счастью, ассесоръ Бракъ выговорилъ для меня довольно выгодныя условія. Такъ онъ писалъ самъ Геддѣ.

Юліана Тесманъ. Да, ты не безпокойся, мой милый мальчикъ.—За мебель и ковры я дала обезпеченіе.

Тесманъ. Обезпеченіе? Ты? Дорогая тетя Юля,—какого рода обезпеченіе могла ты дать?

Юліана Тесманъ. Я дала въ обезпеченіе свою ренту.

Тесманъ *(вскакиваетъ)*. Что? Ты дала въ обезпеченіе свою ренту—и тети Рины?

Юліана Тесманъ. Да, ничего другого нельзя было сдѣлать, видишь.

Тесманъ *(становится передъ нею)*. Но ты съ ума сошла. Тетя. Рента—да вѣдь это единственное твое средство существованія,—твое и тети Рины.

Юліана Тесманъ. Ну, ну,—не принимай этого такъ близко къ сердцу! Все это не больше, какъ формальность, понимаешь? Такъ говоритъ и ассесоръ Бракъ. Потому что это *онъ* такъ мило устроилъ все и хлопоталъ за меня. Это одна только формальность, говоритъ онъ.

Тесманъ. Да, очень можетъ быть. Но все же—

Юліана Тесманъ. Потому что теперь ты будешь получать собственное жалованіе. А если намъ и придется что-нибудь прилачивать, ну такъ что-жъ? Кое въ чемъ помочь вамъ вначалѣ? Мы будемъ только рады этому.

Тесманъ. Ахъ, тетя,—тебѣ никогда не надоѣдастъ жертвовать всѣмъ для меня!

Юліана Тесманъ *(встаетъ и кладетъ руки на его плечо)*. Развѣ у меня есть другая радость въ мірѣ, какъ сглаживать путь передъ тобою, дорогой мой мальчикъ? Предъ тобою, когда у тебя нѣтъ ни отца, ни матери, чтобы любить тебя. А теперь мы, вѣдь, стоимъ у цѣли. Иногда бывало трудно намъ, будущее казалось такимъ мрачнымъ. Но теперь, ты, слава Богу, преодолѣлъ всѣ препятствія, Іоргенъ.

Тесманъ. Да, просто удивительно, какъ все сдѣлалось само собою.

Юліана Тесманъ. Да,—и тѣ, которые были твоими противниками,— и хотѣли стать тебѣ поперекъ дороги, — они всѣ повергнуты ницъ. Они пали всѣ, Іоргенъ. Тотъ, который былъ опаснѣе всего для тебя,—онъ палъ ниже всѣхъ.—И теперь онъ, что посѣялъ, то и пожалъ,—несчастный человѣкъ!

Тесманъ. Ты слышала что-нибудь объ Эйлертѣ? Съ тѣхъ поръ какъ я уѣхалъ, конечно?

Юліана Тесманъ. Ничего не слышала, кромѣ того, что онъ издалъ новую книгу.

Тесманъ. Какъ. Эйлертъ Левборгъ? Теперь, недавно? А?

Юліана Тесманъ. Да, такъ говорятъ? Богъ знаетъ, есть ли въ ней дѣйствительно что-нибудь хорошее. Ну, когда *твоя* книга появится, мой милый мальчикъ,— тогда другое дѣло, Іоргенъ! Какое содержаніе твоей работы?

Тесманъ. О домашней промышленности въ Брабантѣ въ средніе вѣка.

Юліана Тесманъ. Нѣтъ, подумать только, что ты можешь писать о такихъ вещахъ!

Тесманъ. Впрочемъ, выходъ въ свѣтъ моей книги еще затянется. Видишь ли, мнѣ надо привести въ порядокъ весь тотъ громадный матеріалъ, который я привезъ съ собою.

Юліана Тесманъ. Да, собирать и приводить въ порядокъ—это дѣло какъ разъ по тебѣ. Не даромъ ты сынъ покойнаго Іохума.

Тесманъ. Я также отъ души радуюсь предстоящей работѣ. Въ особенности теперь, когда у меня есть свой собственный уютный домъ, въ которомъ я могу такъ спокойно работать.

Юліана Тесманъ. И главнымъ образомъ теперь, когда ты получилъ ее, ту, которой такъ жаждало твое сердце, дорогой Іоргенъ.

Тесманъ *(обнимаетъ ее)*. Ахъ, да, да, тетя Юля! Гедда—это лучшее изъ всего. *(Смотритъ по направленію двери)*. Кажется, она идетъ. А?

(Гедда входитъ слѣва, черезъ вторую комнату. Ей лѣтъ 29. Лицо и осанка—изящныя, благородныя. Цвѣтъ лица — матовой блѣдности. Глаза стальнаго сѣраго цвѣта, выражаютъ холодное, ясное спокойствіе. Волосы красиваго свѣтлаго каштанового оттѣнка. Она одѣта съ большимъ вкусомъ, въ нѣсколько свободный утренній костюмъ).

Юліана Тесманъ *(идетъ на встрѣчу Геддѣ)*. Добраго утра, дорогая Гедда! Отъ души привѣтствую тебя!

Гедда *(протягивая ей руки)*. Добраго утра, дорогая m-lle Тесманъ! Такъ рано съ визитомъ? Это очень любезно съ вашей стороны.

Юліана Тесманъ *(нѣсколько смущенная)*. Ну...—хорошо вы выспались въ своемъ новомъ домѣ?

Гедда. Ахъ, да, благодарю! Довольно хорошо!

Тесманъ *(смѣясь)*. Довольно хорошо! Нечего сказать, ты требовательна, Гедда. Ты спала, какъ сурокъ, когда я вставалъ.

Гедда. Къ счастью, да. Нужно, впрочемъ, привыкать ко всему новому, m-lle Тесманъ. Понемножку, мало по малу. *(Смотритъ налѣво)*. Уфъ,—горничная открыла дверь на балконъ! Здѣсь цѣлое море солнца.

Юліана Тесманъ *(направляется къ двери)*. Ну, такъ мы закроемъ ее.

Гедда. Нѣтъ, нѣтъ, не это. Милый Тесманъ, спусти занавѣски. Это смягчитъ свѣтъ.

Тесманъ *(у двери)*. Хорошо—хорошо!—Посмотри, Гедда! —Теперь у тебя и полутѣнь, и свѣжій воздухъ.

Гедда. Да, свѣжій воздухъ будетъ здѣсь не безъ пользы. Всѣ эти милые букеты—! Но, милая m-lle Тесманъ, отчего вы не садитесь?

Юліана Тесманъ. Нѣтъ спасибо. Теперь я знаю, что здѣсь все обстоитъ благополучно—слава Богу! И мнѣ уже пора идти домой—къ ней, которая лежитъ одна и ждетъ меня, бѣдняжка!

Тесманъ. Поклонись ей хорошенько отъ меня много, много разъ. И скажи, что я еще сегодня навѣщу ее, нѣсколько позже.

Юліана Тесманъ *(ищетъ въ карманъ платья)*. Да, да, непременно скажу. Но правда, Іоргенъ—я чуть было не забыла. У меня есть кое-что для тебя.

Тесманъ. Что же это такое, тетя? А?

Юліана Тесманъ *(вынимаетъ плоскій пакетъ въ газетной бумагѣ и протягиваетъ ему)*. Вотъ посмотри, мой дорогой мальчикъ.

Тесманъ *(разворачиваетъ)*. Ахъ, Господи Боже,—такъ ты ихъ спрятала для меня, тетя Юля? Какъ это, право, трогательно! А?

Гедда *(у этажерки направо)*. Въ чемъ дѣло, милый?

Тесманъ. Мои старые утренніе башмаки! Мои туфли!

Гедда. А, вотъ что! Помнится что ты часто вспоминалъ ихъ дорогою.

Тесманъ. Да, мнѣ такъ не доставало ихъ. *(Подходитъ къ женѣ)*. Вотъ посмотри на нихъ Гедда.

Гедда *(подходитъ къ печи)*. Нѣтъ, спасибо, меня это ни капли не интересуетъ.

Тесманъ *(слѣдя за нею)*. Подумай только,—тетя Рина, лежа, вышивала ихъ для меня. Такая больная, какъ она! Ахъ, ты и представить себѣ не можешь, какъ много воспоминаній связано у меня съ ними!

Гедда *(у стола)*. Но не для меня.

Юліана Тесманъ. Гедда совершенно права, Іоргенъ.

Тесманъ. Да, но мнѣ кажется... теперь—когда она принадлежитъ къ нашей семьѣ—

Гедда *(прерывая ее)*. Но съ этою горничною мы никогда не поладимъ, Тесманъ.

Юліана Тесманъ. Не поладите съ Бертою?

Тесманъ. Милая,—какъ это пришло тебѣ въ голову? А?

Гедда *(показываетъ)*. А посмотрите-ка. Она положила на стулъ свою старую шляпу.

Тесманъ *(испуганно, такъ что туфли падаютъ у него изъ рукъ)*. Но, Гедда—

Гедда. Подумай только, что если кто-нибудь это увидитъ!

Тесманъ. Но послушай, Гедда,—вѣдь это шляпа тети Юли.

Гедда. Да?

Юліана Тесманъ (*беретъ шляпу*). Да, конечно, это моя. И во всякомъ случаѣ она не стара, моя милая m-me Гедда.

Гедда. Я не присмотрѣлась къ ней достаточно, m-lle Тесманъ.

Юліана Тесманъ *(завязываетъ ленты шляпы)*. Я ее въ первый разъ только надѣла. Богъ свидѣтель, что я говорю правду!

Тесманъ. И она также очень красива. Просто восхитительна!

Юліана Тесманъ. У каждаго свой вкусъ, мой дорогой Іоргенъ. *(Оглядывается)*. Куда дѣвался мой зонтикъ?—А, вотъ онъ! *(Беретъ его.)* Потому что это также мой *(бормочетъ про себя)*, а не Берты.

Тесманъ. Новая шляпа и новый зонтикъ! Подумай только, Гедда!

Гедда. Они очень красивы и изящны.

Тесманъ. Да? Не правда ли? А? Но, послушай, тетя, посмотри хорошенько на Гедду, прежде чѣмъ уйдешь. Посмотри, какая *она* хорошенькая и изящная.

Юліана Тесманъ. Ахъ, милый, тутъ нѣтъ ничего новаго. Гедда была всегда восхитительна. *(Она кланяется и идетъ направо)*.

Тесманъ (*слѣдуя за нею*). Но ты замѣтила, какъ она пополнѣла и какъ расцвѣла? Какъ она поправилась во время путешествія?

Гедда *(переходя черезъ комнату)*. Ахъ, оставь!

Юліана Тесманъ *(останавливается и оборачивается)*. Поправилась?

Тесманъ. Да, тетя Юля. Тебѣ это не такъ видно теперь, когда она надѣла платье. Но *я* имѣю возможность—

Гедда *(у стеклянной двери, съ нетерпѣніемъ)*. Ахъ, никакой возможности ты не имѣешь!

Тесманъ. Это должно быть горный воздухъ въ Тиролѣ—

Гедда *(рѣзко, прерывая его)*. Я совершенно такая, какъ тогда, когда уѣзжала.

Тесманъ. Да, ты меня въ этомъ увѣряешь? Но это неправда. Развѣ и ты не замѣчаешь, тетя?

Юліана Тесманъ *(складываетъ руки и смотритъ на нее)*. Восхитительная, восхитительная—она восхитительная, эта Гедда! *(Подходитъ къ ней, обнимаетъ руками наклоняетъ ея голову и цѣлуетъ въ волосы)*. Да благословитъ Богъ Гедду Тесманъ и да хранитъ ее! Ради Іоргена!

Гедда *(тихонько освобождаясь изъ ея объятій)*. Ахъ, оставьте меня!

Юліана Тесманъ (*съ волненіемъ*). Каждый день буду я приходить къ вамъ обоимъ.

Тесманъ. Да, пожалуйста, тетя. А?

Юліана Тесманъ. До свиданья, до свиданья!

(*Уходитъ черезъ переднюю. Тесманъ провожаетъ ее. Дверь остается полуоткрытою. Слышно, какъ Тесманъ проситъ опять передать поклонъ теткѣ Ринѣ и благодаритъ за туфли*).

(*Тѣмъ временемъ Гедда ходитъ по комнатѣ, подымаетъ руки и ломаетъ пальцы, какъ бы въ ярости. Раздвигаетъ портьеры у стеклянной двери, останавливается передъ ней и смотритъ впередъ*).

(*Вскорѣ возвращается Тесманъ и закрываетъ за собою дверь*).

Тесманъ (*подымаетъ съ полу туфли*). Почему ты стоишь тамъ? На что смотришь, Гедда?

Гедда (*опять спокойно и сдержанно*). Я смотрю на листву. Какъ она пожелтѣла! Какъ поблекла!

Тесманъ (*заворачиваетъ туфли и кладетъ на столъ*). Да, вѣдь теперь уже сентябрь.

Гедда (*опять тревожно*). Да, подумай,—уже сентябрь.

Тесманъ. Тебѣ тетя Юля не показалась странною? Почти торжественною? Ты понимаешь, что съ нею случилось? А?

Гедда. Я ее почти не знаю. Она часто бываетъ такою?

Тесманъ. Нѣтъ, такою, какъ сегодня, я ее никогда не видалъ.

Гедда (*отходитъ отъ стеклянной двери*). Можетъ быть ты думаешь, что она приняла близко къ сердцу исторію съ шляпою?

Тесманъ. Ну нѣтъ! Можетъ быть она сначала и обидѣлась немного—

Гедда. Но и что за манера снимать шляпу въ гостиной? Это никогда не дѣлается.

Тесманъ. Можешь быть увѣрена, что тетя Юля этого больше не повторитъ.

Гедда. Да, а я еще заглажу мою вину передъ нею.

Тесманъ. Да, дорогая Гедда, сдѣлай это.

Гедда. Когда ты пойдешь къ нимъ, попроси ее прійти провести съ нами сегодняшній вечеръ.

Тесманъ. Хорошо, я это непремѣнно сдѣлаю. Но есть еще одна вещь, которою ты могла бы сильно обрадовать ее.

Гедда. Какая?

Тесманъ. Если бы ты могла заставить себя говорить ей „ты“. Ради меня, Гедда? А?

Гедда. Нѣтъ, нѣтъ, Тесманъ—ради Бога, не проси меня объ этомъ, я уже говорила тебѣ и раньше. Я попробую называть ее теткою. Но ничего больше сдѣлать не могу.

Тесманъ. Да, да, конечно. Только я думалъ, что теперь, когда ты принадлежишь къ семьѣ, ты—

Гедда. Гмъ!—Я, право, не знаю хорошенько—(*Переходитъ черезъ комнату и останавливается у стеклянной двери*).

Тесманъ (*немного спустя*). Что-нибудь тебѣ не нравится, Гедда? А?

Гедда. Я только смотрю на свой старый рояль. Онъ совсѣмъ не подходитъ къ остальной обстановкѣ.

Тесманъ. Въ первый же разъ, какъ я получу жалованье, мы обмѣняемъ его.

Гедда. Нѣтъ, нѣтъ, мѣнять не слѣдуетъ. Я не хочу отдавать его. Мы поставимъ его лучше во второй комнатѣ. А на его мѣсто здѣсь купимъ другой. Какъ только будетъ возможность, конечно.

Тесманъ (*нѣсколько смущенный*). Да, можно сдѣлать и такъ.

Гедда (*беретъ букетъ съ рояли*). Этихъ цвѣтовъ не было сегодня ночью, когда мы пріѣхали.

Тесманъ. Вѣрно тетя Юля принесла ихъ тебѣ.

Гедда (*разсматриваетъ букетъ*). Визитная карточка. (*Беретъ ее и читаетъ*). „Приду позже сегодня“. Угадай, отъ кого это?

Тесманъ. Не могу. Отъ кого бы это было? А?

Гедда. На карточкѣ написано: „Г-жа Эльвстэдъ“.

Тесманъ. Въ самомъ дѣлѣ? Г-жа Эльвстэдъ? М-ІІе Ризингъ, какъ ее раньше называли.

Гедда. Да, именно. Она съ торчащими во всѣ стороны волосами, которыми обращала на себя всеобщее вниманіе. Твоя прежняя страсть, какъ мнѣ говорили.

Тесманъ (*смѣясь*). Ну, страсть эта продолжалась не долго! И притомъ я тогда еще не зналъ тебя, Гедда. Но удивительно, что она въ городѣ.

Гедда. А что удивительнѣе, это что она нанесла намъ визитъ. Вѣдь я ее почти не знаю,—только съ пистипута.

Тесманъ. Да, и я также ее не видалъ—Богъ знаетъ, сколько времени. Какъ она выдерживаетъ тамъ наверху, въ такой трущобѣ! А?

Гедда (*обдумываетъ что-то, потомъ говоритъ внезапно*). Послушай, Тесманъ! Не тамъ ли живетъ гдѣ-то и онъ —онъ—Эйлертъ Левборгъ?

Тесманъ. Да, кажется, гдѣ то въ тѣхъ мѣстахъ.

(*Берта входитъ въ дверь изъ передней*).

Берта. Барыня, она здѣсь опять, та дама, которая уже приходила съ часъ назадъ и принесла цвѣты. (*Указываетъ*). Вотъ тѣ, что вы держите.

Гедда. А-а, она пришла? Попросите ее войти.

(*Берта отворяетъ дверь для г-жи Эльвстедъ и сама уходитъ. Г-жа Эльвстедъ небольшого роста, худенькая, съ хорошенькимъ, нѣжнымъ лицомъ; глаза свѣтло-голубые, большіе, круглые и нѣсколько выпуклые, съ испуганнымъ, вопросительнымъ выраженіемъ въ нихъ. Волоса необыкновенно свѣтлые, почти бѣло-желтые, и замѣчательно густые и вьющіеся. Она года на два моложе Гедды. Одѣта въ темное визитное платье, сшитое со вкусомъ, но не по самой послѣдней модѣ*).

Гедда (*идетъ привѣтливо навстрѣчу ей*). Добраго утра, милѣйшая г-жа Эльвстедъ! Какъ пріятно опять увидаться съ вами!

Г-жа Эльвстедъ (*нервно, стараясь овладѣть собою*). Да, давно уже мы не встрѣчались.

Тесманъ (*протягивая ей руку*). И мы также. А?

Гедда. Благодарю за восхитительный букетъ!

Г-жа Эльвстедъ. Ахъ нѣтъ, пожалуйста... Я еще вчера послѣ полудня хотѣла прійти къ вамъ, тотчасъ по пріѣздѣ. Но тутъ мнѣ сказали, что вы путешествуете—

Тесманъ. Развѣ вы только недавно пріѣхали въ городъ? А?

Г-жа Эльвстедъ. Я пріѣхала вчера около полудня. Ахъ, я пришла въ такое отчаяніе, когда узнала, что васъ нѣтъ дома.

Гедда. Въ отчаяніе? Почему?

Тесманъ. Но, моя дорогая, милая г-жа Ризингъ,—т. е. г-жа Эльвстедъ—

Гедда. Съ вами, надѣюсь, не случилось ничего дурного?

Г-жа Эльвстедъ. Нѣтъ, случилось. И я не знаю ни одного живого существа, кромѣ васъ, къ кому я могла бы обратиться.

Гедда (*кладетъ букетъ на столъ*). Пойдемъ, —сядемъ на диванъ.—

Г-жа Эльвстедъ. Ахъ, я слишкомъ встревожена, слишкомъ взволнована, чтобы сидѣть!

Гедда. Да, конечно, вы взволнованы. Но все же пойдемъ, сядемъ. (*Увлекаетъ г-жу Эльвстедъ на диванъ и садится рядомъ съ нею*).

Тесманъ. Ну? Итакъ, что же случилось, г-жа—

Гедда. У васъ случилось что-нибудь особенное?

Г-жа Эльвстедъ. Да,—и случилось и не случилось. Ахъ!—Мнѣ такъ хотѣлось бы, чтобы вы не перетолковали моихъ словъ въ дурную сторону—

Гедда. Но въ такомъ случаѣ лучше всего высказаться прямо, откровенно, г-жа Эльвстедъ.

Тесманъ. Вѣдь вы для этого же и пришли? А?

Г-жа Эльвстедъ. Да, да,—для этого именно. Такъ я вамъ скажу—если вы этого еще не знаете—Эйлертъ Левборгъ также въ городѣ.

Гедда. Развѣ Левборгъ—

Тесманъ. Нѣтъ, развѣ Эйлертъ Левборгъ вернулся? Представь себѣ, Гедда!

Гедда. О Господи Боже, вѣдь я слышу!

Г-жа Эльвстедъ. Онъ живетъ здѣсь уже цѣлую недѣлю. Подумайте, —цѣлую недѣлю! Въ этомъ опасномъ городѣ. Одинъ. Среди всего здѣшняго злого, возмутительнаго общества.

Гедда. Но, милѣйшая г-жа Эльвстедъ, — какое вамъ собственно дѣло до него?

Г-жа Эльвстедъ (*глядитъ на нее испуганно и говоритъ быстро*). Онъ былъ учителемъ у дѣтей.

Гедда. У вашихъ?

Г-жа Эльвстедъ. У дѣтей моего мужа. У меня своихъ нѣтъ.

Гедда. Значитъ, у пасынковъ.

Г-жа Эльвстедъ. Да.

Тесманъ (*нѣсколько колеблясь*). Развѣ онъ такъ—я не знаю, какъ бы мнѣ лучше выразиться—такъ—развѣ онъ на-

чалъ вести такую правильную жизнь, что ему можно было поручить воспитаніе дѣтей? А?

Г-жа Эльвстедъ. Въ послѣдніе два года о немъ нельзя было сказать ни одного дурного слова.

Тесманъ. Неужели? Представь себѣ, Гедда.

Гедда. Я слышу.

Г-жа Эльвстедъ. Ни малѣйшаго, увѣряю васъ. Ни въ какомъ отношеніи. Но все же—теперь, когда я знаю, что онъ здѣсь,—въ большомъ городѣ,—и что у него въ рукахъ столько денегъ... Теперь я смертельно боюсь за него.

Тесманъ. Но почему онъ не остался тамъ, наверху, гдѣ былъ? У васъ и вашего мужа? А?

Г-жа Эльвстедъ. Какъ только вышла въ свѣтъ его книга, ему не сидѣлось больше у насъ наверху.

Тесманъ. Ахъ, да, правда!—тетя Юля говорила мнѣ, что онъ выпустилъ новую книгу.

Г-жа Эльвстедъ. Да, большую новую книгу, излагающую развитіе культуры—въ цѣлой ея совокупности. Она вышла въ свѣтъ уже двѣ недѣли тому назадъ. И такъ какъ ее очень сильно раскупаютъ и очень много читаютъ—и такъ какъ она надѣлала много шуму—

Тесманъ. Такъ она надѣлала шуму? Значитъ, это что-нибудь, что сохранилось у него отъ хорошаго времени.

Г-жа Эльвстедъ. Вы хотите сказать отъ прежняго?

Тесманъ. Да, конечно.

Г-жа Эльвстедъ. Нѣтъ, онъ написалъ ее всю наверху, у насъ. Теперь—въ послѣдній годъ.

Тесманъ. Какъ это пріятно слышать, Гедда! Представь себѣ!

Г-жа Эльвстедъ. Ахъ, да, если бы только это продолжалось!

Гедда. Вы встрѣчали его здѣсь?

Г-жа Эльвстедъ. Нѣтъ, еще не встрѣчала. Мнѣ такъ было трудно достать его адресъ. И только сегодня утромъ мнѣ его дали.

Гедда (*смотритъ на нее испытующимъ взоромъ*). Въ сущности странно, какъ это вашъ мужъ—гм!—

Г-жа Эльвстедъ (*нервно вздрагиваетъ*). Мой мужъ? Какъ это?

Гедда. Почему посылаетъ онъ васъ въ городъ съ такимъ порученіемъ? Почему онъ не поѣхалъ самъ увидаться со своимъ пріятелемъ?

Г-жа Эльвстедъ. Ахъ нѣтъ, нѣтъ! —У моего мужа нѣтъ времени для этого. И потомъ,—мнѣ необходимо было сдѣлать кое-какія покупки.

Гедда (*слегка улыбаясь*). Ну, это другое дѣло!

Г-жа Эльвстедъ (*встаетъ быстро, встревоженная*). И я васъ такъ усердно прошу, г. Тесманъ, примите любезно Эйлерта Левборга, если онъ зайдетъ къ вамъ. А это онъ навѣрно сдѣлаетъ. Господи Боже,—вы были когда-то такими близкими друзьями. И притомъ вы занимаетесь однимъ и тѣмъ же предметомъ, одною и тою же наукою, — насколько я знаю.

Тесманъ. Да, во всякомъ случаѣ прежде.

Г-жа Эльвстедъ. Да, и поэтому я отъ всего сердца прошу васъ, чтобы и вы—вы также—наблюдали за нимъ. Ахъ, не правда ли, г. Тесманъ, вы мнѣ это обѣщаете?

Тесманъ. Да, отъ всего сердца, г-жа Ризингъ—

Гедда. Эльвстедъ.

Тесманъ. Я такъ охотно сдѣлаю для Эйлерта все, что въ моей власти. Можете положиться на меня.

Г-жа Эльвстедъ. Ахъ, какъ это хорошо съ вашей стороны! (*Пожимаетъ обѣ его руки*). Благодарю, благодарю, благодарю! (*Испуганно*). Потому что мой мужъ такъ дорожитъ имъ.

Гедда (*встаетъ*). Ты долженъ былъ бы написать ему, Тесманъ. А то онъ самъ по себѣ, можетъ быть, и не придетъ къ тебѣ.

Тесманъ. Да, да, это лучше всего, Гедда. А?

Гедда. И чѣмъ скорѣе ты это сдѣлаешь, тѣмъ лучше. Мнѣ кажется, слѣдуетъ написать немедленно, сейчасъ.

Г-жа Эльвстедъ (*умоляющимъ голосомъ*). Ахъ, если бы вы это сдѣлали!

Тесманъ. Я сейчасъ же напишу. Есть ли у васъ его адресъ, г-жа—г-жа Эльвстедъ?

Г-жа Эльвстедъ. Да. (*Вынимаетъ изъ кармана небольшую записку и протягиваетъ ему*). Вотъ онъ.

Тесманъ. Хорошо, хорошо. Такъ я пойду къ себѣ—(*Оглядывается*). Ахъ правда,—туфли! Вотъ они. (*Беретъ свертокъ и поворачивается, чтобы уходить*).

Гедда. Напиши же ему тепло, по дружески—и по длиннѣе.

Тесманъ. Да, непремѣнно.

Г-жа Эльвстедъ. Но ни слова о томъ, что я просила за него.

Тесманъ. Ну, это само собою разумѣется! А? (*Проходитъ черезъ заднюю комнату направо*).

Гедда (*подходитъ къ г-жѣ Эльвстедъ, улыбается и говоритъ вполголоса*). Вотъ и прекрасно. Теперь мы убили двухъ зайцевъ однимъ ударомъ.

Г-жа Эльвстедъ. Что вы хотите сказать?

Гедда. Развѣ вы не поняли, что я хотѣла удалить его.

Г-жа Эльвстедъ. Да, чтобы написать письмо—

Гедда. Да, и чтобы переговорить наединѣ съ вами.

Г-жа Эльвстедъ (*въ смущеніи*). Объ этомъ самомъ?

Гедда. Именно.

Г-жа Эльвстедъ (*со страхомъ*). Но тутъ ничего больше нѣтъ, г-жа Тесманъ! Рѣшительно ничего!

Гедда. Ахъ нѣтъ, тутъ есть нѣчто большее! Значительно большее! Настолько я понимаю. Идите сюда—сядемъ здѣсь и поговоримъ по душѣ. (*Она заставляетъ г-жу Эльвстедъ усѣсться на креслѣ передъ каминомъ, а сама садится на одинъ изъ табуретовъ*).

Г-жа Эльвстедъ (*съ тревогою, смотритъ на часы*). Моя дорогая, милая г-жа Тесманъ! Мнѣ уже слѣдовало бы уйти.

Гедда. Ахъ, спѣшить, право, нечего! —Ну? Разскажите же мнѣ теперь, какъ живется вамъ у себя дома.

Г-жа Эльвстедъ. Ахъ, именно этого вопроса мнѣ не хотѣлось бы касаться!

Гедда. Но не передо мною, дорогая! — Господи Боже, мы же жили вмѣстѣ въ институтѣ.

Г-жа Эльвстедъ. Да, но вы были классомъ старше меня. Ахъ, какъ страшно боялась я васъ тогда!

Гедда. Боялись меня?

Г-жа Эльвстедъ. Ахъ, да! такъ страшно боялась. Потому что каждый разъ, когда мы встрѣчались на лѣстницѣ, вы меня тянули за волосы.

Гедда. Неужели?

Г-жа Эльвстедъ. А разъ вы сказали, что спалите мнѣ ихъ.

Гедда. Ну, это была, конечно, шутка.

Г-жа Эльвстедъ. Да, но я была такъ глупа тогда!—А затѣмъ,—мы стали такъ далеки—такъ далеки другъ отъ друга. Нашъ кругъ общества былъ совершенно различный.

Гедда. Ну, а теперь мы постараемся сблизиться. Послушайте-ка, въ институтѣ мы говорили другъ другу „ты“. И мы называли другъ друга по именамъ—

Г-жа Эльвстедъ. Нѣтъ, въ этомъ вы ошибаетесь.

Гедда. Ну нѣтъ, конечно, нѣтъ! Я это такъ хорошо помню! Поэтому будемъ жить душа въ душу, какъ въ старые дни. (*Придвигаетъ свой табуретъ*). Вотъ такъ! (*Цѣлуетъ ее въ щеку*). Теперь говори мнѣ „ты“ и называй Гедда.

Г-жа Эльвстедъ (*пожимаетъ ей руку и гладитъ ее*). Какъ вы добры, какъ любезны! Къ этому я не привыкла.

Гедда. Да, да, да. И я тебѣ буду говорить „ты“, какъ прежде, и называть моей дорогой Торой.

Г-жа Эльвстедъ. Мое имя—Теа.

Гедда. Да, правда. Конечно. Я хотѣла сказать Теа. (*Смотритъ на нее съ участіемъ*). Такъ ты такъ мало привыкла къ добротѣ и любезности, Теа? Въ твоемъ собственномъ домѣ?

Г-жа Эльвстедъ. Ахъ, если бы у меня былъ свой домъ! Но у меня нѣтъ дома. И никогда не было.

Гедда (*смотритъ на нее нѣкоторое время*). Я подозрѣвала что-нибудь въ этомъ родѣ.

Г-жа Эльвстедъ (*смотритъ безпомощно впереди себя*). Да,—да,—да.

Гедда. Я никакъ не могу хорошенько припомнить теперь. Но не поступила ли ты сначала къ фогту въ качествѣ экономки?

Г-жа Эльвстедъ. Нѣтъ, скорѣе въ качествѣ гувернантки. Но его жена—первая жена — была больна, — и большею частью не вставала съ постели. Поэтому я должна была взять на себя и хозяйство.

Гедда. Но затѣмъ—въ концѣ концовъ—ты сдѣлалась хозяйкою дома.

Г-жа Эльвстедъ (*грустно*). Да, сдѣлалась.

Гедда. Постой... Сколько времени прошло съ тѣхъ поръ?

Г-жа Эльвстедъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я замужемъ?

Гедда. Да.

Г-жа Эльвстедъ. Пять лѣтъ.

Гедда. Совершенно вѣрно. Такъ оно и должно быть.

Г-жа Эльвстедъ. Ахъ, эти пять лѣтъ!—Или скорѣе послѣдніе два-три года!

Ахъ, если бы вы могли только себѣ представить—

Гедда *(ударяетъ ее слегка по рукѣ)*. Вы? Фи, Теа!

Г-жа Эльвстедъ. Нѣтъ, нѣтъ, я постараюсь говорить иначе.— Ахъ, если бы ты только могла себѣ представить —

Гедда *(мимоходомъ)*. Эйлертъ Левборгъ прожилъ также у васъ послѣдніе три года, не правда ли?

Г-жа Эльвстедъ *(смотритъ на нее неувѣренно)*. Эйлертъ Левборгъ? Да,— онъ прожилъ у насъ.

Гедда. Была ли ты знакома съ нимъ здѣсь, въ городѣ?

Г-жа Эльвстедъ. Нѣтъ, я его почти не знала. Т. е., я хочу сказать, что знала его только по имени.

Гедда. Ну, а тамъ наверху, въ горахъ,—онъ приходилъ къ вамъ въ домъ?

Г-жа Эльвстедъ. Да, онъ каждый день приходилъ къ намъ. Онъ, вѣдь, занимался съ дѣтьми. Потому, что я, въ концѣ концовъ, не была въ состояніи справиться со всѣми дѣлами одна, безъ помощи.

Гедда. Конечно, нѣтъ, понятно!—А твой мужъ? — Онъ, вѣроятно, часто разъѣзжаетъ по дѣламъ?

Г-жа Эльвстедъ. Да. Понимаешь, онъ, какъ фогтъ, долженъ объѣзжать свой округъ.

Гедда *(отклоняясь на спинку кресла)*. Теа,—бѣдная милая Теа, — теперь ты должна мнѣ разсказать все,—все, какъ оно есть!

Г-жа Эльвстедъ. Хорошо, спрашивай!

Гедда. Каковъ вообще твой мужъ. Теа? Я хочу сказать, — такъ, въ обращеніи. Что онъ, добръ къ тебѣ?

Г-жа Эльвстедъ *(избѣгая прямого отвѣта)*. Онъ, конечно, увѣренъ, что поступаетъ какъ нельзя лучше.

Гедда. Я думаю только, что онъ скинкомъ старъ для тебя. Онъ, должно быть, на двадцать лѣтъ старше?

Г-жа Эльвстедъ *(съ раздраженіемъ)*. Да, и это также. Одно съ другимъ. Все въ немъ противно мнѣ. У насъ нѣтъ ни одной общей мысли, рѣшительно ни одной, у него и у меня.

Гедда. Но все же онъ любитъ тебя? На *свой* ладъ?

Г-жа Эльвстедъ. Ахъ, я право, не знаю, что у него въ душѣ! Я, навѣрное, только полезна для него. И при томъ ему не дорого стоитъ содержать меня. Я дешева для него.

Гедда. Какія глупости ты говоришь!

Г-жа Эльвстедъ *(качаетъ головою)*. Иначе и быть не можетъ. По крайней мѣрѣ съ такимъ человѣкомъ, какъ онъ. Онъ, конечно, никого рѣшительно на свѣтѣ не любитъ, кромѣ себя. И, быть можетъ, еще немного дѣтей.

Гедда. И Эйлерта Левборта, Теа?

Г-жа Эльвстедъ *(взглядываетъ на нее)*. Эйлерта Левборга? Что это тебѣ пришло въ голову?

Гедда. Но, милая—мнѣ кажется, что разъ онъ посылаетъ тебя сюда въ городъ ради него—*(Улыбается еле замѣтно)*. И, кромѣ того, ты, вѣдь, сказала это сама Тесману.

Г-жа Эльвстедъ *(съ нервнымъ подергиваніемъ лица)*. Да? Да, правда, я это говорила. *(Съ внезапнымъ порывомъ, вполголоса)*. Нѣтъ, — не сегодня-завтра все равно придется сказать тебѣ. Это все равно выливетъ наружу.

Гедда. Въ чемъ дѣло, дорогая Теа?

Г-жа Эльвстедъ. Ну, коротко и ясно. Мой мужъ не имѣетъ никакого понятія о томъ, что я уѣхала.

Гедда. Неужели? Твой мужъ не знаетъ о твоей поѣздкѣ?

Г-жа Эльвстедъ. Конечно, нѣтъ. Да его и дома не было. Онъ былъ въ разъѣздахъ, и онъ также. Ахъ, я не въ силахъ была дольше выдержать, Гедда. Нѣтъ, я не могла. Такою одинокою, какою я чувствовала себя тамъ, наверху—!

Гедда. Ну? И что же?

Г-жа Эльвстедъ. Я уложила кое-какія мои вещи, понимаешь? Самое необходимое. Сдѣлала это втихомолку. А затѣмъ черезъ садъ ушла изъ дому.

Гедда. Безъ дальнѣйшихъ разсужденій?

Г-жа Эльвстедъ. Да. И потомъ по желѣзной дорогѣ уѣхала прямо сюда, въ городъ.

Гедда. Но, моя дорогая, добрая Теа, —какъ ты могла рѣшиться на это?

Г-жа Эльвстедъ *(встаетъ и начинаетъ ходить по комнатѣ)*. Да, но что же другое мнѣ было дѣлать?

Гедда. Но что же скажетъ твой мужъ, когда ты вернешься домой?

Г-жа Эльвстедъ *(у стола, смотритъ на нее)*. Къ *нему*, туда?

Гедда. Ну да, ну да!

Г-жа Эльвстедъ. Къ нему туда я никогда не вернусь.

Гедда *(встаетъ и подходитъ)*. Ты, значитъ, совершенно серьезно уѣхала навсегда изъ дому?

Г-жа Эльвстедъ. Да. Я не видѣла другого исхода для себя.

Гедда. Итакъ,—ты совершенно открыто ушла.

Г-жа Эльвстедъ. Ахъ, такого рода вещей нельзя надолго скрыть!

Гедда. Но какъ ты домаешь, что скажутъ о тебѣ, Теа?

Г-жа Эльвстедъ. Пусть себѣ говорятъ, что хотятъ! (*Садится усталая, съ выраженіемъ глубокой грусти, на диванъ*). Потому что поступить иначе я не могла бы.

Гедда (*послѣ краткаго молчанія*). Что же ты думаешь теперь предпринять? Чѣмъ займешься?

Г-жа Эльвстедъ. Этого я еще не знаю. Я знаю одно, что я *должна* жить тамъ, гдѣ живетъ Эйлертъ Левборгъ. Если *хочу* остаться жива.

Гедда (*придвигаетъ стулъ ближе къ столу, садится рядомъ съ нею и гладитъ ее по рукѣ*). Послушай, Теа,—какъ это случилось? Эта дружба—между тобою и Эйлертомъ Левборгомъ?

Г-жа Эльвстедъ. Ахъ, это произошло мало по малу. Я получила надъ нимъ какую-то власть.

Гедда. Да?

Г-жа Эльвстедъ. Онъ бросилъ всѣ свои прежнія привычки. И не потому, чтобы я просила его объ этомъ. Я никогда не осмѣлилась бы. Но онъ замѣтилъ, что такого рода вещи мнѣ противны. И онъ переставъ.

Гедда (*скрываетъ невольную презрительную улыбку*). Ты, значитъ, подняла его, какъ говорятъ, — ты, маленькая Теа!

Г-жа Эльвстедъ. Да, по крайней мѣрѣ онъ самъ это говоритъ. А онъ—съ своей стороны—онъ какъ бы сдѣлалъ изъ меня настоящаго человѣка. Онъ научилъ меня мыслить—и понимать то и другое.

Гедда. Онъ, можетъ быть, занимался и съ *тобою?*

Г-жа Эльвстедъ. О, нѣтъ, онъ не занимался въ собственномъ смыслѣ этого слова. Но онъ разговаривалъ со мною. Разговаривалъ безконечно много о разнаго рода вещахъ. И, наконецъ, наступило восхитительное счастливое время, когда я могла принять участіе въ его работѣ. Когда я получила позволеніе помогать ему—

Гедда. Такъ онъ далъ тебѣ это позволеніе?

Г-жа Эльвстедъ. Да, когда онъ писалъ что-нибудь, мы должны были всегда быть вмѣстѣ.

Гедда. Значитъ, какъ два добрыхъ товарища.

Г-жа Эльвстедъ (*оживленно*). Какъ два добрыхъ товарища, да. Представь себѣ, Гедда,—такъ говорилъ и онъ. Ахъ, я должна была бы чувствовать себя такою счастливою! Но я не могу. Потому что я не знаю, долго ли это продлится.

Гедда. Развѣ ты не вполнѣ увѣрена въ немъ?

Г-жа Эльвстедъ (*грустно*). Тѣнь женщины стоитъ между мною и Эйлертомъ Левборгомъ.

Гедда (*смотритъ пристально на нее*). Кто бы это могъ быть?

Г-жа Эльвстедъ. Не знаю. Какая-то женщина—изъ его прошлаго. Женщина, которую онъ никакъ не могъ забыть.

Гедда. Что же онъ говорилъ—объ этомъ?

Г-жа Эльвстедъ. Онъ только одинъ разъ, мимоходомъ, намекнулъ на это.

Гедда. Да? Но что же онъ сказалъ?

Г-жа Эльвстедъ. Онъ сказалъ, что, когда они разстались въ послѣдній разъ, она хотѣла застрѣлить его изъ пистолета.

Гедда. (*холодно, сдержанно*). Что за глупости! Такія вещи здѣсь не дѣлаются.

Г-жа Эльвстедъ. Нѣтъ. И поэтому я думаю, что это должна быть та рыжая пѣвица, которую онъ когда-то...

Гедда. Да, по всей вѣроятности.

Г-жа Эльвстедъ. Потому что я помню, о ней говорили, что она всегда ходитъ съ заряженнымъ оружіемъ.

Гедда. Ну, такъ это несомнѣнно она.

Г-жа Эльвстедъ (*ломаетъ руки*). Да, но представь себѣ, Гедда,—мнѣ вдругъ сказали, что пѣвица—опять пріѣхала въ городъ. Ахъ,—я пришла просто въ отчаяніе!

Гедда (*указывая на заднюю комнату*). Тише! Тесманъ идетъ къ намъ. (*Встаетъ и шепчетъ*). Теа,—все это должно остаться между тобою и мною.

Г-жа Эльвстедъ (*вскакивая*). Ахъ, да, да! Ради Бога—!

(*Іоргенъ Тесманъ входитъ справа, черезъ заднюю комнату, съ письмомъ въ рукѣ*).

Тесманъ. Письмо готово.

Гедда. Прекрасно. Но г-жа Эльвстедъ, кажется, хочетъ уходить. Подожди немного. Я проведу ее черезъ садовую дверь.

Тесманъ. Послушай, Гедда, — можетъ быть это сдѣлаетъ Берта?

Гедда (*беретъ письмо*). Я скажу ей.

(*Берта входитъ изъ передней*).

Берта. Ассесоръ Бракъ здѣсь и проситъ позволенія зайти къ господамъ.

Гедда. Да, просите его войти. И затѣмъ,—послушайте,—бросьте это письмо въ почтовый ящикъ.

Берта (*беретъ письмо*). Слушаю.

(*Она отворяетъ дверь для ассесора Брака и сама уходитъ.—Ассесоръ—господинъ 45 лѣтъ, коренастый но хорошо сложенный, съ эластическими движеніями. Лицо округленное, съ благороднымъ профилемъ. Волоса коротко остриженые, почти безъ просѣди, черные и слегка завитые. Глаза живые, играющіе. Брови густые, съ заостренными кончиками. Онъ одѣтъ въ изящный костюмъ для гулянья, но слишкомъ моложаво для его возраста. Употребляетъ лорнетъ, который отъ времени до времени подноситъ къ глазамъ*).

Ассесоръ Бракъ (*съ шляпою въ рукѣ, кланяется*). Вы мнѣ разрѣшаете такой ранній визитъ?

Гедда. Пожалуйста!

Тесманъ (*пожимая его руку*). Вы всегда у насъ дорогой гость. (*Представляетъ*). Ассесоръ Бракъ—m-lle Ризингъ—

Гедда. Ахъ—!

Бракъ (*кланяется*). Ахъ, очень радъ—

Гедда (*смотритъ на него и смѣется*). Какъ смѣшно смотрѣть на васъ при дневномъ свѣтѣ, ассесоръ!

Бракъ. Я кажусь пзмѣнившимся — вы это хотите сказать?

Гедда. Да, нѣсколько помолодѣвшимъ, какъ мнѣ кажется.

Бракъ. Отъ души благодарю за комплиментъ.

Тесманъ. Но что вы скажете о Геддѣ? А? Развѣ она не глядитъ цвѣтущею? Она просто—

Гедда. Ахъ, оставь меня наконецъ въ покоѣ! Поблагодари лучше ассесора за всѣ его хлопоты—

Бракъ. Ахъ что вы!—это доставило мнѣ только удовольствіе—

Гедда. Да, вы преданный человѣкъ. Но моя пріятельница съ нетерпѣніемъ ждетъ, чтобы мы ее выпустили. До свиданья, ассесоръ! Я сейчасъ вернусь.

(*Обоюдные поклоны. Г-жа Эльвстедъ и Гедда уходятъ черезъ дверь передней*).

Бракъ. Ну,—что же ваша жена, довольна?

Тесманъ. Да, мы не въ силахъ выразить вамъ нашу благодарность. Т. е., кое какія перестановки—то здѣсь, то тамъ—оказываются необходимыми, кое-какія перемѣны, какъ говорила жена. Чувствуется недостатокъ то въ томъ, то въ другомъ. Намъ придется пріобрѣсть кое-какія мелочи.

Бракъ. Да? Въ самомъ дѣлѣ?

Тесманъ. Но вы объ этомъ не безпокойтесь. Гедда сказала, что она сама позаботится о томъ, чего недостаетъ.—Можетъ быть, сядемъ? А?

Бракъ. Благодарю, охотно присяду на минуту. (*Садится у стола*). Есть одна вещь, о которой мнѣ хотѣлось переговорить съ вами, дорогой Тесманъ.

Тесманъ. Да? Ахъ, понимаю! (*Садится*). Теперь начинается, очевидно, серьезная часть пира. А?

Бракъ. Ахъ, въ настоящее время самый настоятельный вопросъ не денежный. Хотя я желалъ бы отъ души, чтобы мы устроились нѣсколько менѣе роскошно—

Тесманъ. Но это было совершенно невозможно. Подумайте только о Геддѣ, мой милый. Вы такъ хорошо ее знаете.—Я никакъ не могъ предложить ей мѣщанской обстановки.

Бракъ. Нѣтъ, нѣтъ,—въ этомъ-то вся сила.

Тесманъ. И затѣмъ,—къ счастью,—мнѣ не придется долго ждать, я скоро долженъ получить назначеніе.

Бракъ. Ахъ, видите ли,—такого рода вещи весьма часто затягиваются.

Тесманъ. Вы, можетъ быть, слышали что-нибудь объ этомъ? А?

Бракъ. О чемъ-либо совершенно опредѣленномъ я не слышалъ—(*Останавливается*). Но есть, правда, одна новость, которую я могу сообщить вамъ.

Тесманъ. Ну?

Бракъ. Вашъ старый пріятель, Эйлертъ Левборгъ, вернулся въ городъ.

Тесманъ. Я уже знаю объ этомъ.

Бракъ. Да? Какъ же вы это узнали?

Тесманъ. Она разсказала намъ, та дама, которая ушла съ Геддою.

Бракъ. Ахъ, вотъ какъ! Какъ же ея фамилія? Я не совсѣмъ разслышалъ.

Тесманъ. Г-жа Эльвстедъ.

Бракъ. Ага,—значитъ, это жена фогта. Да,—вѣдь онъ именно у нихъ прожилъ все это время.

Тесманъ. И представьте себѣ.—Я узнаю, къ своей величайшей радости, что онъ сдѣлался опять совершенно порядочнымъ человѣкомъ.

Бракъ. Да, говорятъ.

Тесманъ. И потомъ онъ выпустилъ въ свѣтъ новую книгу. А?

Бракъ. Да, можете себѣ вообразить!

Тесманъ. И эта книга возбудила общее вниманіе?

Бракъ. Она произвела просто невѣроятный шумъ.

Тесманъ. Представьте себѣ! Какъ это пріятно слышать! Онъ человѣкъ съ удивительными способностями.—А между тѣмъ я очень сожалѣлъ о немъ и былъ увѣренъ, что онъ погибъ навсегда.

Бракъ. Всѣ были такого же мнѣнія.

Тесманъ. Но я никакъ не могу понять, чѣмъ онъ теперь займется? Чѣмъ онъ будетъ жить, скажите на милость? А?

(*Гедда при послѣднихъ слова входитъ черезъ переднюю*).

Гедда (*Браку, смѣясь, нѣсколько презрительно*). Тесманъ вѣчно ходитъ и безпокоится о томъ, чѣмъ жить.

Тесманъ. Господи Боже!—Мы сидимъ и разговариваемъ о бѣдномъ Эйлертѣ Левборгѣ.

Гедда (*кидая на него быстрый взглядъ*). А? Вотъ что! (*Садится на кресло у камина и спрашиваетъ равнодушно*). Что же такое случилось съ нимъ?

Тесманъ. Да,—отъ наслѣдства у него, навѣрное, давно уже ничего не осталось. А по новой книгѣ онъ не можетъ, вѣдь, выпускать каждый годъ. А? Ну,—такъ мнѣ дѣйствительно очень интересно знать, что съ нимъ будетъ дальше.

Бракъ. Объ этомъ я могъ бы вамъ кое-что поразсказать.

Тесманъ. Ну?

Бракъ. Вы, можетъ быть, помните, что у него есть очень вліятельные родственники.

Тесманъ. Ахъ, къ сожалѣнію, родственники умыли себѣ руки, по отношенію къ нему.

Бракъ. Прежде его называли надеждою семьи.

Тесманъ. Да, прежде, да. Но затѣмъ онъ жестоко обманулъ ихъ надежды.

Гедда. Кто знаетъ? (*Слегка улыбается*). Тамъ, наверху, у фогта Эльвстеда, его заставили подняться—

Бракъ. А затѣмъ эта книга, которую онъ выпустилъ—

Тесманъ. Да, да, дай Богъ, чтобы они въ самомъ дѣлѣ тѣмъ или инымъ способомъ помогли ему.

Я только что написалъ ему. Слышишь, Гедда? Я попросилъ его прійти къ намъ сегодня вечеромъ.

Бракъ. Ну что же это? Вѣдь вы должны прійти сегодня вечеромъ ко мнѣ, на холостой ужинъ? Вы мнѣ это обѣщали вчера на пристани.

Гедда. Развѣ ты забылъ о своемъ обѣщаніи, Тесманъ?

Тесманъ. Совсѣмъ вылетѣло изъ головы.

Бракъ. Впрочемъ, вы можете быть совершенно покойны на этотъ счетъ: онъ къ вамъ не придетъ.

Тесманъ. Почему вы это думаете? А?

Бракъ (*нѣсколько колеблясь, встаетъ и опирается руками о спинку кресла*). Дорогой Тесманъ!—И вы также, г-жа Тесманъ!—Я никакъ не могу оставлять васъ дольше въ неизвѣстности относительно одной вещи, которая—которая—

Тесманъ. Которая относится къ Эйлерту?

Бракъ. И къ вамъ, и къ нему.

Тесманъ. Но говорите же, дорогой ассесоръ.

Бракъ. Вы должны быть подготовлены къ тому, что ваше назначеніе состоится далеко не такъ быстро, какъ вы желали и ожидали.

Тесманъ. (*вскакиваетъ съ безпокойствомъ*). Развѣ кто нибудь мѣшаетъ мнѣ? А?

Бракъ. Назначеніе поставлено въ зависимость отъ конкуренціи—

Тесманъ. Отъ конкуренціи! Представь себѣ, Гедда!

Гедда (*глубже погружается въ кресло*). А-а, вотъ что!—вотъ что!

Тесманъ. Но кто же стоитъ мнѣ на пути? Не можетъ же быть, чтобы это былъ—

Бракъ. Именно онъ, Эйлертъ Левборгъ.

Тесманъ (*всплескиваетъ руками*). Нѣтъ, нѣтъ—это совершено немыслимо! Совершенно невозможно! А?

Бракъ. Гмъ! А между тѣмъ съ этимъ приходится считаться.

Тесманъ. Но нѣтъ, ассесоръ Бракъ,—это, вѣдь, будетъ самою невѣроятною неделикатностью относительно меня! (*Размахиваетъ руками*). Да, потому что—подумайте только!—я вѣдь женатый человѣкъ. Мы женились съ этою надеждою въ

виду: я и Гедда. Затѣмъ, поѣхали заграницу и потратили массу денегъ. Потомъ еще взяли взаймы у тети Юли. Потому что, Господи Боже,—мнѣ это мѣсто было, такъ сказать, обѣщано. А?

Бракъ. Ну, ну, ну,- мѣсто вы, можетъ быть, еще получите,—но только съ помощью конкурса.

Гедда (*неподвижно въ креслѣ*). Представь себѣ, Тесманъ. — это точно спортъ.

Тесманъ. Но, дорогая Гедда, какъ ты можешь относиться къ этому такъ равнодушно?

Гедда (*по прежнему*). Я вовсе не отношусь равнодушно. Я дѣйствительно очень заинтересована исходомъ.

Бракъ. Во всякомъ случаѣ, г-жа Тесманъ, хорошо, что вы знаете, какъ обстоятъ дѣла,—т. е.—прежде чѣмъ вы отправитесь дѣлать тѣ маленькія покупки, о которыхъ говорили.

Гедда. Это ничего измѣнить не можетъ.

Бракъ. Въ самомъ дѣлѣ? Такъ, значитъ, нечего и говорить. Прощайте. (*Обращаясь къ Тесману*). Когда я выйду на свою вечернюю прогулку, я зайду за вами.

Тесманъ. Ахъ, да, да,—а то я запутаюсь, не зная дороги.

Гедда (*полулежа, протягиваетъ руку*). До свиданья, ассесоръ. Надѣюсь скоро опять увидѣться съ вами.

Бракъ. Благодарю! До свиданья!

Тесманъ. (*провожая его до двери*). До свиданья, дорогой ассесоръ! Отъ души прошу извинить меня—

(*Ассесоръ Бракъ выходитъ черезъ переднюю*).

Тесманъ (*расхаживая по комнатѣ*). Ахъ, Гедда,—никогда не смѣдуетъ пускаться въ приключенія. А?

Гедда (*смотритъ на него, улыбаясь*). А ты развѣ пускался?

Тесманъ. Да, видишь ли,—нельзя отрицать, я пустился въ приключенія, когда женился и устроился, съ однѣми только надеждами впереди.

Гедда. Ты, можетъ быть, и правъ.

Тесманъ. Ну,—нашъ уютный домъ, во всякомъ случаѣ, остался у насъ, Гедда. Подумай только,—тотъ домъ, о которомъ мы оба столько мечтали, — столько грезили, можно сказать! А?

Гедда (*встаетъ медлено, устало*). Мы разсчитывали бывать часто въ обществѣ,—устраивать пріемы.—

Тесманъ. Да, Господи Боже, — и какъ я радовался этому! Подумай только, —видѣть тебя хозяйкою — въ избранномъ кругу! А? Да, да, да!—А покамѣстъ намъ придется прожить нѣкоторое время въ уединеніи, Гедда. Вотъ, развѣ, тетя Юля заглянетъ отъ времени до времени къ намъ. —Ахъ, а для тебя жизнь должна была бы сложиться иначе—совершенно иначе!—

Гедда. Теперь, конечно, я прежде всего должна буду обходиться безъ ливрейнаго лакея.

Тесманъ. Ахъ да,—къ несчастью! Держать лакея,—объ этомъ теперь не можетъ быть и рѣчи, ты сама это понимаешь.

Гедда. А верховая лошадь, которую я собиралась завести?

Тесманъ (*испуганно*). Верховая лошадь!

Гедда. Теперь я о ней и думать не смѣю.

Тесманъ. Конечно, Боже сохрани! —Это само собою разумѣется.

Гедда (*начинаетъ ходить по комнатѣ*). Ну,—есть во всякомъ случаѣ *одна* вещь, которою я могу покамѣсть забавляться.

Тесманъ (*съ радостью*). Ахъ, слава Богу! Слава Богу! Что же это за вещь, Гедда? А?

Гедда (*у арки, смотритъ на него съ едва сдерживаемою насмѣшкою*). Мои пистолеты,—Іоргенъ!

Тесманъ (*въ страхѣ*). Пистолеты?

Гедда (*холодно*). Пистолеты генерала Габлера.

(*Идетъ черезъ заднюю комнату налѣво*).

Тесманъ (*бѣжитъ къ аркѣ и кричитъ*). Нѣтъ, Боже тебя сохрани, дорогая, милая Гедда, не трогай этихъ опасныхъ вещей! Ради меня, Гедда! А?

Дѣйствіе третье.

(Комната у Тесмановъ, та же что и въ первомъ дѣйствіи, только фортепіано вынесено и на мѣсто его поставленъ небольшой изящный письменный столикъ, съ полкой для книгъ. Около дивана налѣво стоитъ меньшій столъ. Большинство букетовъ вынесено. Букетъ г-жи Эльвстедъ стоитъ на большомъ столѣ на авансценѣ.—Послѣполуденное время).

(Гедда, одѣтая въ визитное платье для пріемовъ, одна въ комнатѣ; она стоитъ у откры-

той стеклянной двери и заряжаетъ пистолетъ. Другой подобный-же пистолетъ лежитъ въ открытомъ пистолетномъ ящикѣ на письменномъ столѣ).

Гедда (*глядитъ въ садъ и кричитъ*). Здравствуйте, г. ассесоръ!

Ассесоръ Бракъ (*голосъ его раздается изъ сада внизу*). Здравствуйте, г-жа Тесманъ!

Гедда (*подымая пистолетъ и прицѣливаясь*). Я сейчасъ застрѣлю васъ, ассесоръ Бракъ.

Бракъ (*кричитъ снизу*). Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Не стойте тамъ и не цѣлитесь въ меня.

Гедда. Вотъ что значитъ идти по окольнымъ дорожкамъ! (*Стрѣляетъ*).

Бракъ (*ближе*). Вы съ ума сошли!

Гедда. Ахъ, Господи Боже,—можетъ быть я попала въ васъ?

Бракъ (*все еще за сценою*). Оставьте эти глупости!

Гедда. Да входите же, ассесоръ!

(*Ассесоръ Бракъ, одѣтый въ вечернiй костюмъ, входитъ черезъ стеклянную дверь. На рукѣ у него легкое пальто*).

Бракъ. Кой чортъ,—вы все еще не оставили своего спорта? Во что вы стрѣляете?

Гедда. Ахъ, я просто стою и стрѣляю въ чистый воздухъ!

Бракъ (*беретъ спокойно пистолетъ у нея изъ рукъ*). Извините, сударыня, съ вашего позволенiя. (*Смотритъ на пистолетъ*). Ахъ, этотъ вотъ,—его я знаю хорошо. (*Оглядывается*). Гдѣ же вашъ ящикъ? А, вотъ онъ. (*Кладетъ въ него пистолетъ и запираетъ*). Потому что на сегодня этихъ шутокъ довольно!

Гедда. Да, но что же мнѣ дѣлать, скажите на милость?

Бракъ. У васъ сегодня не было никакихъ визитовъ?

Гедда (*закрывая стеклянную дверь*). Ни одного. Всѣ близкiе знакомые живутъ еще въ деревнѣ.

Бракъ. А Тесмана также нѣтъ дома?

Гедда (*у письменнаго стола, запираетъ ящикъ съ пистолетами въ столъ*). Нѣтъ. Тотчасъ послѣ обѣда онъ побѣжалъ къ тетушкамъ. Онъ не ждалъ васъ такъ рано.

Бракъ. Гмъ!—Какъ это я не подумалъ! Это было глупо съ моей стороны.

(*Гедда поворачиваетъ голову и смотритъ на него*). Почему глупо?

Бракъ. Ну да, потому что въ такомъ случаѣ я пришелъ бы сюда немножко—еще немножко раньше.

Гедда (*проходя черезъ комнату*). Но тогда вы никого бы не застали. Потому что я сидѣла у себя и переодѣвалась послѣ обѣда.

Бракъ. А развѣ нѣтъ въ вашихъ дверяхъ маленькой щелки, черезъ которую возможно вести разговоръ?

Гедда. Вы забыли устроить ее.

Бракъ. Это было также глупо съ моей стороны.

Гедда. Ну, а теперь сядемъ здѣсь. И будемъ ждать. Потому что Тесманъ навѣрное не такъ скоро вернется домой.

Бракъ. Да, да. Господи Боже, постараюсь быть терпѣливымъ!

(*Гедда садится въ уголку дивана Бракъ кладетъ свое пальто на спинку ближайшаго стула и садится, но оставляетъ въ рукѣ шляпу. Краткое молчанiе. Они смотрятъ другъ на друга*).

Гедда. Ну?

Бракъ (*въ томъ же тонѣ*). Ну?

Гедда. Это я спросила первая.

Бракъ (*наклоняется немного впередъ*). Да, дайте-ка поболтаемъ съ вами часокъ, г-жа Гедда.

Гедда (*откидываясь больше на диванъ*). Не кажется ли вамъ, какъ будто цѣлая вѣчность протекла съ того времени, вамъ мы послѣдній разъ разговаривали съ вами?—Да, нѣсколько словъ, сказанныхъ вскользь вчера вечеромъ и сегодня утромъ, не идутъ въ счетъ—

Бракъ. Вы говорите о разговорѣ—между нами двумя? Съ глазу на глазъ? Да?

Гедда. Ахъ, да! Именно.

Бракъ. Каждый день я только и думалъ о томъ, какъ бы вы скорѣе вернулись домой.

Гедда. И я также все время только этого и желала.

Бракъ. Вы? Въ самомъ дѣлѣ; г-жа Гедда? А я то былъ увѣренъ, что вы такъ много веселитесь, путешествуя.

Гедда. Да, нечего сказать!

Бракъ. Но вѣдь Тесманъ постоянно писалъ объ этомъ.

Гедда. Да, *онъ*. Потому что ему кажется, что нѣтъ ничего пріятнѣе на свѣтѣ, какъ ходить и копаться въ библіотекахъ, а затѣмъ сидѣть и списывать старые пергаменты,—или дѣлать что-либо другое въ томъ же родѣ.

Бракъ (*нѣсколько насмѣшливо*). Ну, да вѣдь это его призваніе въ здѣшнемъ мірѣ. По крайней мѣрѣ отчасти.

Гедда. Да, конечно. И тогда, конечно, можно. Но *я*! Ахъ нѣтъ, дорогой ассесоръ,—я страшно скучала!

Бракъ (*съ участіемъ*). Такъ это правда? Вы говорите серьезно?

Гедда. Да можете себѣ представить.—Почти полгода ни разу не встрѣтить человѣка, принадлежащаго хоть сколько-нибудь къ *нашему* кругу,—человѣка, съ которымъ можно было бы поговорить о своихъ собственныхъ дѣлахъ.

Бракъ. Да, да.—А для *меня* это было большое лишеніе.

Гедда. И затѣмъ, что было невыносимѣе всего—

Бракъ. Ну?

Гедда. Вѣчно и всегда быть—все съ однимъ и тѣмъ же—

Бракъ (*киваетъ одобрительно*). И поздно и рано,—да. Подумать только—во всевозможное время!

Гедда. Я сказала: вѣчно и всегда.

Бракъ. Ну пусть! Но съ нашимъ милымъ Тесманомъ, мнѣ кажется, можно еще—

Гедда. Тесманъ—спеціалистъ.

Бракъ. Безспорно.

Гедда. А путешествовать со спеціалистами нисколько не весело. Во всякомъ случаѣ путешествовать долго.

Бракъ. Даже и въ томъ случаѣ,—если спеціалиста *любятъ*?

Гедда. Уфъ, не употребляйте этого безобразнаго слова!

Бракъ (*съ удивленіемъ*). Это почему, г-жа Гедда?

Гедда (*полушутя, полусердито*). Да, побывали бы вы на моемъ мѣстѣ! Слышать разсказы объ исторіи культуры и утромъ, и вечеромъ—

Бракъ. Вѣчно и всегда—

Гедда. Да, да, да. А затѣмъ еще о кустарной промышленности въ средніе вѣка.—Трудно представить себѣ что-нибудь болѣе возмутительное!

Бракъ (*смотритъ на нее проницательно*). Но, скажите мнѣ,—какъ же я, наконецъ, долженъ понять, что—? Гмъ!—

Гедда. Что изъ меня и Іоргена Тесмана вышла пара,—вы это хотите сказать?

Бракъ. Ну да, выразимъ такъ мой вопросъ.

Гедда. Господи Боже, неужели это кажется вамъ удивительнымъ?

Бракъ. И да, и нѣтъ,—г-жа Гедда.

Гедда. Я, право, дотанцовалась до изнеможенія, дорогой ассесоръ. Мое время было уже на исходѣ... (*вздрагиваетъ слегка*). Ахъ нѣтъ! Я не это хочу сказать. Не хочу и думать объ этомъ.

Бракъ. Да у васъ и нѣтъ никакого повода думать такъ.

Гедда. Ахъ,—повода—(*Смотритъ пытливо на него*). А Іоргенъ Тесманъ—о немъ нельзя не сказать, что онъ порядочный человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Бракъ. И порядочный и основательный. Это внѣ всякаго спора.

Гедда. И чего-либо собственно смѣшного я не нахожу въ немъ.—Какъ *вы* думаете?

Бракъ. Смѣшного? Нѣ-тъ,—этого именно я не могу сказать.

Гедда. Ну вотъ! Но при этомъ онъ удивительно прилежный собиратель архивныхъ документовъ.—Весьма возможно, что современемъ онъ далеко двинется впередъ.

Бракъ (*смотритъ на нее неувѣренно*). Мнѣ казалось, что вы раздѣляли общее мнѣніе, будто изъ него выйдетъ современемъ необыкновенно выдающійся человѣкъ.

Гедда (*съ усталымъ выраженіемъ*). Да, я это думала.—И когда онъ сталъ ходить ко мнѣ и наконецъ началъ всѣми силами добиваться позволенья заботиться обо мнѣ.—Я не знаю, почему мнѣ не слѣдовало принять его предложеніе.

Бракъ. Нѣтъ, нѣтъ; разсматривая вопросъ съ *этой* стороны.

Гедда. Во всякомъ случаѣ это было наибольшее изъ всего, на что рѣшались другіе мои поклонники, дорогой ассесоръ.

Бракъ (*смѣясь*). Да, я, понятно, не могу отвѣчать за всѣхъ другихъ. Но что касается меня лично, то вы знаете, что я всегда питалъ—нѣкоторое уваженіе къ супружескимъ узамъ. Говоря вообще, г-жа Гедда.

Гедда (*шутливо*). Ахъ, ахъ, я, право, никогда не возлагала своихъ надеждъ на васъ!

Бракъ. Все, что я желаю, это имѣть хорошій, задушевный знакомый домъ, гдѣ я могъ бы оказывать услуги совѣтомъ и дѣломъ, и гдѣ мнѣ дано было бы позволеніе приходить и уходить—въ качествѣ испытаннаго друга—

Гедда. Хозяина дома, конечно?

Бракъ (*наклоняется*). Говоря откровенно—скорѣе хозяйки. Но затѣмъ, ко-

нечно, и хозяина. Знаете ли, такой—какъ бы лучше выразиться? — такой тройственный союзъ,—въ сущности, чрезвычайно пріятенъ для всѣхъ сторонъ.

Гедда. Да, я много разъ, во время путешествія, чувствовала недостатокъ въ третьемъ лицѣ. Уфъ,—вѣчно сидѣть съ глазу на глазъ въ купе—!

Бракъ. Къ счастью, свадебное путешествіе уже позади—

Гедда (*качаетъ головою*). Путешествіе можетъ длиться еще долго—долго. Я только добралась до остановочнаго пункта на дорогѣ.

Бракъ. Ну, такъ можно выскочить, г-жа Гедда, и немного подвигаться на свободѣ.

Гедда. Я никогда не выскочу.

Бракъ. Неужели никогда?

Гедда. Нѣтъ. Потому что всегда присутствуетъ кто-нибудь, кто—

Бракъ (*смѣясь*).—Кто смотритъ за вашими ногами, не правда ли?

Гедда. Именно.

Бракъ. Но, Господи Боже--

Гедда (*дѣлая рукой отстраняющій жестъ*). Я этого не люблю.—Я предпочитаю лучше сидѣть—гдѣ сижу. Съ глазу на глазъ.

Бракъ. Ну, тогда третье лицо можетъ присоединиться къ парочкѣ.

Гедда. Да, видите ли,—это уже будетъ нѣчто совершенно другое.

Бракъ. Испытанный, понятливый другъ—

Гедда—умѣющій разговаривать о всевозможныхъ жизненныхъ вопросахъ—

Бракъ—и не имѣющій въ себѣ никакихъ задатковъ спеціалиста.

Гедда (*вздыхая глубоко*). Да, это дѣйствительно облегченіе.

Бракъ (*слышитъ, какъ входная дверь открывается и закрывается*). Тройственный союзъ заключенъ.

Гедда (*вполголоса*). И поѣздъ двигается дальше.

(*Іоргенъ Тесманъ входитъ въ сѣромъ выходномъ костюмѣ и мягкой фетровой шляпѣ. У него цѣлая куча непереплетенныхъ книгъ подъ мышками и въ карманахъ*).

Тесманъ (*подходитъ къ столу у углового дивана*). Уфъ,—жарко было тащить—все это! (*Кладетъ книги на столъ*). Я буквально весь въ поту. Гедда! Нѣтъ, посмотри-ка сюда, посмотри!—А вы уже пришли, дорогой ассесоръ? А? Берта мнѣ ни слова объ этомъ не сказала.

Бракъ (*встаетъ*). Я пришелъ черезъ садъ.

Гедда. Что за книги ты принесъ?

Тесманъ (*стоитъ и перелистываетъ книги*). Это нѣсколько новыхъ спеціальныхъ сочиненій, которыя я долженъ былъ пріобрѣсть.

Гедда. Спеціальныхъ сочиненій?

Бракъ. Ага, это спеціальныя сочиненія, г-жа Тесманъ!

(*Бракъ и Гедда обмѣнивается улыбкою*).

Гедда. Развѣ тебѣ нужно еще больше спеціальныхъ сочиненій?

Тесманъ. Да, дорогая Гедда, ихъ никогда не можетъ быть слишкомъ много. Надо вѣдь, слѣдить за тѣмъ, что пишется и печатается.

Гедда. Да, конечно, надо.

Тесманъ (*перелистывая книги*). И видите—у меня есть здѣсь и новая книга Эйлерта Левборга. (*Протягиваетъ ее имъ*). Можетъ быть ты желаешь посмотрѣть на нее, Гедда?

Гедда. Нѣтъ, благодарю. Или—хорошо, можетъ быть, потомъ.

Тесманъ. Я перелисталъ ее немного по пути.

Бракъ. Ну, какою она вамъ показалась,—какъ спеціалисту?

Тесманъ. Меня просто удивляетъ, какъ хорошо поставлены имъ вопросы и какъ хорошо разработаны. Онъ никогда еще не писалъ ничего подобнаго. (*Собираетъ книги*). Но теперь я все это занесу къ себѣ. Какъ пріятно будетъ порыться въ нихъ! И потомъ я немного переодѣнусь. (*Браку*). Да, потому что намъ, вѣдь, не зачѣмъ сейчасъ же уходить? А?

Бракъ. О, конечно, нѣтъ!—это не къ спѣху.

Тесманъ. Ну, тогда я воспользуюсь этимъ временемъ. (*Уходитъ съ книгами, но въ дверяхъ останавливается и оборачивается*). Ахъ, правда, Гедда,—тетя Юля не можетъ прійти къ тебѣ сегодня вечеромъ.

Гедда. Не можетъ? Вѣроятно ея приходу мѣшаетъ исторія со шляпою?

Тесманъ. О, конечно, нѣтъ! Какъ ты можешь думать это о тетѣ Юлѣ? Подумай только!—Но тетя Рина такъ тяжело больна, что, видишь ли—

Гедда. Да, вѣдь, она всегда больна.

Тесманъ. Да, но сегодня ей было такъ страшно дурно, бѣдняжкѣ.

Гедда. Ну, тогда конечно, тетя Юля превосходно сдѣлала, что осталась. Я и сама справлюсь.

Тесманъ. И ты не можешь себѣ представить, какъ горячо радовалась тетя Юля,—что ты такъ поправилась дорогою.

Гедда (*вполголоса вставая*). Ахъ—эти вѣчныя тетушки!

Тесманъ. А?

Гедда (*подходитъ къ стеклянной двери*). Ничего.

Тесманъ. Да, да, да!

(*Идетъ черезъ заднюю комнату направо*).

Бракъ. О какой это шляпѣ вы говорили?

Гедда. Ахъ, это случилось сегодня утромъ съ m-lle Тесманъ. Она сняла шляпу и положила здѣсь на стулъ. (*Съ улыбкою смотритъ на него*). А я сдѣлала видъ, какъ будто приняла эту шляпу за шляпу нашей горничной.

Бракъ (*качая головою*). Но, милая г-жа Гедда, какъ могли вы это сдѣлать относительно такой славной старушки?

Гедда (*нервно расхаживая по комнатѣ*). Да, видите-ли,—на меня иногда находитъ сразу. И я не *могу* никакъ удержаться. (*Бросается въ кресло передъ каминомъ*). Ахъ, я сама не знаю, чѣмъ это объяснить!

Бракъ (*за ея кресломъ*). Вы не можете назвать себя счастливою, — вотъ въ чемъ вся суть.

Гедда (*глядитъ прямо передъ собою*). Я даже не знаю, почему я могла бы быть счастливою. Можетъ быть *вы* можете мнѣ это сказать?

Бракъ. Да, — между прочимъ потому, что только что получили домъ, который такъ сильно желали имѣть.

Гедда (*смотритъ на него и смѣется*). Такъ вы также вѣрите въ эту басню о моемъ желаніи?

Бракъ. Развѣ въ ней нѣтъ и слова правды?

Гедда. Нѣтъ, Боже сохрани,—частица правды есть.

Бракъ. Ну?

Гедда. Правда заключается въ слѣдующемъ: я заставляла Тесмана часто провожать меня домой прошлымъ лѣтомъ, когда возвращалась изъ гостей.

Бракъ. Къ несчастью,—мнѣ было совсѣмъ не по дорогѣ.

Гедда. Совершенно вѣрно. Вы прошлымъ лѣтомъ шли совершенно другими дорогами.

Бракъ. Стыдитесь, г-жа Гедда! Ну,—такъ вы и Тесманъ—

Гедда. Да, и вотъ мы разъ вечеромъ проходили мимо этого дома. И Тесманъ, бѣдняжка, просто выходилъ изъ себя, потому что не зналъ, о чемъ бы со мною заговорить. И вотъ мнѣ сдѣлалось жалко ученаго человѣка—

Бракъ (*улыбается съ сомнѣніемъ*). Неужели? Гмъ!—

Гедда. Нѣтъ, право, мнѣ стало жаль его. И вотъ—чтобы помочь ему выпутаться изъ бѣды—я начала совершенно легкомысленно говорить, какъ мнѣ хотѣлось бы жить здѣсь, въ этой виллѣ.

Бракъ. И больше ничего?

Гедда. Больше ничего.

Бракъ. Но, значитъ, потомъ?

Гедда. Да. Мое легкомысліе имѣло послѣдствія, дорогой ассесоръ.

Бракъ. Къ несчастью да,—это слишкомъ часто бываетъ съ нашимъ легкомысліемъ, г-жа Гедда.

Гедда. Благодарю. Но именно это увлеченіе виллою статской совѣтницы Фалькъ и представляетъ тотъ пунктъ, на которомъ мы сошлись оба, я и Іоргенъ, и поняли другъ друга. Оно привело насъ обоихъ къ помолвкѣ, и къ браку, и къ свадебной поѣздкѣ—ко всему вмѣстѣ. Да, да, ассесоръ,—что посѣешь, то и пожнешь—чуть было не сказала.

Бракъ. Это восхитительно! Но, въ сущности, вы о домѣ мало думали?

Гедда. Нѣтъ, видитъ Богъ, что этихъ мыслей у меня совсѣмъ не было.

Бракъ. Да, ну, а теперь? Теперь, когда мы обставили его такъ уютно для васъ?

Гедда. Уфъ! — Я слышу здѣсь во всѣхъ комнатахъ запахъ лавендовой воды и сушеныхъ розъ.—Но, можетъ быть, этотъ запахъ принесла съ собою тетя Юля.

Бракъ (*смѣясь*). Нѣтъ! Нѣтъ! Я думаю скорѣе, что запахъ этотъ остался послѣ покойной совѣтницы.

Гедда. Да, здѣсь чувствуется повсюду точно покойникъ. Это напоминаетъ о бальныхъ цвѣтахъ—на другой день послѣ бала. (*Складываетъ руки позади головы, откидывается на кресло и смотритъ на него*). Ахъ, милый ассесоръ,—вы и представить себѣ не можете, какъ ужасно буду я здѣсь скучать!

Бракъ. Развѣ жизнь не можетъ представить вамъ ещу ту или иную задачу, г-жа Гедда?

Гедда. Задачу, которая бы представляла для меня что-нибудь привлекательное?

Бракъ. Конечно, само собою разумѣется!

Гедда. Богъ знаетъ, какая бы это должна была быть задача. Я уже много разъ думала, что—*(Прерывая себя)*. Но изъ этого навѣрное ничего не выйдетъ, навѣрное ничего.

Бракъ. Кто знаетъ? Дайте мнѣ выслушать васъ.

Гедда. Если бы я могла заставить Тесмана заняться политикою,—вотъ о чемъ я думала.

Бракъ (*смѣясь*). Тесмана! Нѣтъ знаете ли что,—такая вещь, какъ политика—не подходитъ,—совсѣмъ не подходитъ къ нему.

Гедда. Нѣтъ, я также въ этомъ увѣрена.—Но если бы я тѣмъ не менѣе заинтересовала его политикою?

Бракъ. Но какое же удовлетвореніе дало бы это вамъ? Когда онъ совершенно не подходитъ для этой дѣятельности! Зачѣмъ же вамъ увлекать его на эту дорогу?

Гедда. Потому что я страшно скучаю, слышите? *(Немного времени спустя)*. Какъ вы думаете, развѣ нѣтъ никакой возможности сдѣлать современемъ Тесмана министромъ?

Бракъ. Гмъ!—Видите ли, дорогая г-жа Гедда,—чтобы сдѣлаться имъ, надо, во первыхъ, быть довольно богатымъ человѣкомъ.

Гедда (*встаетъ съ нетерпѣніемъ*). Да, вотъ въ чемъ суть. Во всемъ виноваты тѣ низменныя условія, въ которыя я попала.—*(Ходитъ по комнатѣ)*. Они то и дѣлаютъ самую жизнь такою жалкою. Просто на просто смѣшною.—Потому что это дѣйствительно такъ.

Бракъ. А я думаю, что вина заключается не въ этомъ.

Гедда. А въ чемъ же?

Бракъ. Вы никогда не переживали ничего дѣйствительно возбуждающаго.

Гедда. Т. е., вы хотите сказать, ничего серьезнаго.

Бракъ. Да, можно это назвать и такъ. Но теперь, быть можетъ, это серьезное наступитъ.

Гедда (*подымая голову*). Ахъ, вы думаете о всѣхъ этихъ непріятностяхъ изъ за злосчастнаго профессорскаго мѣста. Но это личное дѣло Тесмана. Я ни одного разу и не задумаюсь объ этомъ.

Бракъ. Нѣтъ, нѣтъ, оставимъ это въ покоѣ. Но если теперь вамъ представятся то—что—въ высокомъ стилѣ—называютъ серьезными—и отвѣтственными обязанностями? *(Улыбается)*. Если вамъ представятся новыя обязанности, моя милая г-жа Гедда?

Гедда (*съ гнѣвомъ*). Молчите! Вамъ никогда не придется этого видѣть.

Бракъ (*осторожно*). Мы поговоримъ объ этомъ черезъ годъ—самый крайній срокъ.

Гедда (*рѣзко*). У меня нѣтъ къ этому рѣшительно никакихъ наклонностей. Ни къ чему, налагающему на меня обязанности.

Бракъ. Неужели вы не имѣете, подобно большинству другихъ женщинъ, наклонности къ призванію, которое—?

Гедда (*около стекляной двери*). Ахъ, замолчите наконецъ, говорю я вамъ—! Много разъ уже я думала, что у меня есть наклонность только къ одной единственной вещи въ мірѣ.

Бракъ (*подходитъ ближе*). И какая же это вещь, смѣю спросить?

Гедда (*продолжая стоять на мѣстѣ, глядя въ открытую дверь*). Наклонность проскучать всю жизнь... Вотъ и узнали. *(Оборачивается, заглядываетъ въ заднюю комнату и смѣется)*. Да, совершено вѣрно. Вотъ и профессоръ.

Бракъ (*тихо, предостерегая*). Ну, ну, ну, г-жа Гедда!

(Іоргенъ Тесманъ, одѣтый въ вечерній костюмъ, въ перчаткахъ и съ шляпою въ рукѣ, входитъ справа черезъ заднюю комнату).

Тесманъ. Гедда, Эйлертъ Левборгъ не прислалъ отказа?

Гедда. Нѣтъ.

Тесманъ. Ну, значитъ, въ самомъ скоромъ времени онъ будетъ у насъ.

Бракъ. Неужели вы съ самомъ дѣлѣ думаете, что онъ придетъ?

Тесманъ. Да, въ этомъ я почти увѣренъ. Потому что это все только пустые слухи, то, что вы разсказывали здѣсь сегодня поутру.

Бракъ. Въ самомъ дѣлѣ?

Тесманъ. Да, по крайней мѣрѣ тетя Юля сказала, что она никакъ не можетъ повѣрить, чтобы онъ захотѣлъ стать мнѣ поперекъ дороги. Видите?

Бракъ. Ну, такъ, значитъ, все складывается какъ нельзя лучше.

Тесманъ (*кладетъ шляпу и перчатки на стулъ направо*). Да, но, право, мнѣ слѣдуетъ подождать его немного.

Бракъ. Времени у насъ довольно впереди. Никто не придетъ ко мнѣ раньше семи—половины восьмого.

Тесманъ. Ну, такъ мы можемъ посидѣть съ Гедоою и подождать до поры до времени. А?

Гедда (*переноситъ пальто и шляпу Брака на угольный диванъ*). А въ крайнемъ случаѣ г. Левборгъ можетъ удовлетвориться и моимъ обществомъ.

Бракъ (*хочетъ самъ нести вещи*). Ахъ, извините, ради Бога!—Что вы хотите сказать своимъ „въ крайнемъ случаѣ“?

Гедда. Если онъ откажется уйти съ вами и Тесманомъ.

Тесманъ (*глядитъ на нее съ сомнѣніемъ*). Но, дорогая Гедда,—развѣ ты находишь удобнымъ, чтобы онъ оставался здѣсь у тебя? Ты забыла, что тетя Юля не можетъ прійти сегодня къ тебѣ.

Гедда. Да, но за то придетъ г-жа Эльвстедъ. И мы втроемъ напьемся чаю.

Тесманъ. Ну, это другое дѣло!

Бракъ (*улыбается*). И это, быть можетъ, было бы для него наиболѣе полезнымъ время препровожденіемъ.

Гедда. Это почему?

Бракъ. Господи Боже, вы такъ много потѣшались надъ моими холостыми пирушками. Вы говорили, что они годятся только для людей съ твердыми принципами

Гедда. Но г. Левборгъ теперь также человѣкъ съ твердыми принципами. Обращенный грѣшникъ—

(*Берта выходитъ изъ передней*).

Берта. Барыня, какой-то господинъ проситъ позволенія войти—

Гедда. Просите.

Тесманъ (*тихо*). Я увѣренъ, что это онъ. Представьте себѣ!

(*Эйлертъ Левборгъ входитъ изъ передней. Это гибкій, худой человѣкъ, однихъ лѣтъ съ Тесманомъ, но глядитъ нѣсколько старше, съ изжитымъ лицомъ. Волосы и борода темнорусые, лицо удлиненное, блѣдное, съ двумя красными пятнами на скулахъ. Одѣтъ въ изящную, черную, совершенно новую визитную пару. Темныя перчатки и цилиндръ въ рукахъ. Останавливается вблизи двери и быстро кланяется. Кажется нѣсколько смущеннымъ*).

Тесманъ (*идетъ къ нему навстрѣчу и пожимаетъ его руку*). Ахъ дорогой Эйлертъ,—какъ пріятно, что мы, наконецъ, опять встрѣтились!

Эйлертъ Левборгъ (*говоритъ глухимъ голосомъ*). Спасибо за письмо. (*Приближается къ Геддѣ*). Вы мнѣ позволите пожать вамъ руку, г-жа Тесманъ?

Гедда (*пожимаетъ его руку*). Добро пожаловать, г. Левборгъ. (*Дѣлая жестъ рукою*). Я не знаю, знакомы ли вы, господа?

Левборгъ (*кланяясь слегка*). Кажется, ассесоръ Бракъ!

Бракъ (*такъ же*). Да. Около года тому назадъ—

Тесманъ (*Левборгу, кладя ему руку на плечо*). А теперь будь, пожалуйста, у насъ какъ дома, Эйлертъ. Не правда ли, Гедда?—Потому что ты, какъ я слышалъ, намѣренъ окончательно поселиться здѣсь. А?

Левборгъ. Да, это вѣрно.

Тесманъ. Ну, вотъ и отлично. Послушай,—я пріобрѣлъ твою новую книгу, но не имѣлъ еще времени прочесть ее.

Левборгъ. Ну, отъ этого ты можешь преспокойно избавить себя.

Тесманъ. Это почему?

Левборгъ. Потому что въ ней нѣтъ ничего особеннаго.

Тесманъ. Ну вотъ, — что ты говоришь!

Бракъ. Ее такъ хвалятъ со всѣхъ сторонъ, какъ я слышалъ.

Левборгъ. Этого именно я и хотѣлъ. И вотъ я написалъ книгу, которую одобряютъ всѣ.

Бракъ. Весьма благоразумно.

Тесманъ. Но, дорогой Эйлертъ—

Левборгъ. Потому что я хочу теперь попробовать создать себѣ опять положеніе въ свѣтѣ. Начать снизова.

Тесманъ (*въ нѣкоторомъ смущеніи*). Да, тебѣ этого хочется? А?

Левборгъ (*улыбается, кладетъ шляпу и вынимаетъ изъ кармана сюртука пакетъ, завернутый въ бумагу*). Но когда вотъ *это* появится,—Іоргенъ Тесманъ,—тогда ты возьми и прочти. Потому что это будетъ настоящая книга. Та, съ которою я самъ вполнѣ согласенъ.

Тесманъ. Да? Что же это такое?

Левборгъ. Это продолженіе.

Тесманъ. Продолженіе? Чего?

Левборгъ. Книги.

Тесманъ. Новой?

Левборгъ. Понятно.

Тесманъ. Но, дорогой Эйлертъ,—вѣдь она доведена до нашихъ дней.

Левборгъ. Совершенно вѣрно. А эта вотъ говоритъ о будущемъ.

Тесманъ. О будущемъ? Но, Господи Боже, кто же изъ насъ знаетъ что-либо о немъ?

Левборгъ. Никто не знаетъ—вѣрно. Но все же можно сказать о немъ кое-что. (*Открываетъ пакетъ*). Здѣсь ты увидишь—

Тесманъ. Но это не твой почеркъ—

Левборгъ. Я диктовалъ. (*Перелистываетъ бумаги*). Сочиненіе мое раздѣлено на два отдѣла. Въ первомъ говорится о будущихъ культурныхъ силахъ. А во второмъ—(*перелистываетъ дальше*). А вотъ въ этомъ—о движеніи культуры въ будущемъ.

Тесманъ. Удивительно. Мнѣ никогда не пришло бы въ голову писать объ этомъ.

Гедда (*у стеклянной двери, барабанитъ по стеклу*). Гмъ!—нѣтъ, нѣтъ!

Левборгъ (*заворачиваетъ опять бумаги и кладетъ пакетъ на столъ*). Я взялъ это съ собою, потому что думалъ прочесть тебѣ кое-что сегодня вечеромъ.

Тесманъ. Какъ это мило съ твоей стороны! Но сегодня вечеромъ—(*Взглядываетъ на Брака*). Я, право, не знаю, какъ бы это устроить—

Левборгъ. Ну, такъ до другого раза. Дѣло не къ спѣху.

Бракъ. Суть вся въ томъ, г. Левборгъ, что у меня именно сегодня маленькій званный вечеръ. Главнымъ образомъ для Тесмана, понимаете—?

Левборгъ (*ищетъ своей шляпы*). Ахъ,—я въ такомъ случаѣ не буду—

Бракъ. Нѣтъ, послушайте-ка. Не сдѣлаете ли вы мнѣ удовольствіе отправиться съ нами?

Левборгъ (*рѣзко и рѣшительно*). Нѣтъ, этого я не могу. Благодарю васъ за предложеніе.

Бракъ. Нѣтъ, право, идемте съ нами. Соберется небольшой избранный кружокъ. И, повѣрьте, у насъ будетъ „оживленно“, какъ говоритъ г-жа Гедда—г-жа Тесманъ.

Левборгъ. Я въ этомъ не сомнѣваюсь. Но все же—

Бракъ. Вы можете взять свою рукопись и читать ее Тесману у меня. Потому что у меня много комнатъ.

Тесманъ. Да, представь себѣ, Эйлертъ,—какъ это будетъ хорошо! А?

Гедда (*вмѣшивается*). Но если г. Левборгу этого не *хочется*. Я увѣрена, что г. Левборгу будетъ гораздо пріятнѣе остаться здѣсь и поужинать сегодня вечеромъ со мною.

Левборгъ (*глядя на нее*). Съ вами?

Гедда. И съ г-жею Эльвстедъ.

Левборгъ. А—а!—(*Небрежно*). Я ее мимоходомъ встрѣтилъ сегодня днемъ.

Гедда. Въ самомъ дѣлѣ? Да, она пріѣхала сюда. И поэтому вы обязательно должны остаться, г. Левборгъ. Потому что иначе ее некому будетъ проводить.

Левборгъ. Это правда. Очень вамъ благодаренъ, сударыня,—съ удовольствіемъ остаюсь.

Гедда. Такъ я сдѣлаю только распоряженіе—

(*Идетъ къ двери передней и звонитъ. Берта входитъ. Гедда говоритъ что-то тихо съ нею и показываетъ на заднюю комнату. Берта киваетъ головою и уходитъ.*

Тесманъ (*одновременно Эйлерту Левборгу*). Послушай, Эйлертъ,—о чемъ намѣренъ ты читать лекцію?—О новомъ содержаніи твоей книги—о будущемъ?

Левборгъ. Да.

Тесманъ. Потому что мнѣ разсказывали... тамъ... у книгопродавца, о твоемъ намѣреніи прочесть цѣлый радъ лекцій въ эту осень.

Левборгъ. Да, я дѣйствительно собираюсь прочесть цѣлый рядъ лекцій. Не ставь мнѣ этого въ вину, Тесманъ.

Тесманъ. Что ты! Боже меня сохрани!—Но—?

Левборгъ. Я отлично понимаю, что это можетъ быть тебѣ не на руку.

Тесманъ (*въ смущеніи*). Ахъ, я никакъ не могу требовать, чтобы ты ради меня—

Левборгъ. Но я подожду съ этимъ до твоего назначенія.

Тесманъ. Подождешь? Да, но—да, но—развѣ ты не хочешь выступать моимъ конкурентомъ? А?

Левборгъ. Нѣтъ. Я хочу только одержать надъ тобою побѣду. Въ общественномъ мнѣніи.

Тесманъ. Ахъ Господи Боже!—вотъ видите, значитъ, тетя Юля была совершенно права. Ахъ да!—я въ этомъ былъ всегда увѣренъ, Гедда. Представь себѣ—Эйлертъ Левборгъ не хочетъ становиться намъ поперекъ дороги.

Гедда (*холодно*). *Намъ*? Оставь меня, пожалуйста, въ сторонѣ.

(*Она идетъ въ заднюю комнату, гдѣ Берта ставитъ на столъ поднось съ графиномъ и стаканами. Гедда киваетъ одобрительно головою и опять входитъ въ гостиную. Берта уходитъ*).

Тесманъ (*одновременно*). Ну, а вы, ассесоръ Бракъ,—что скажете вы объ этомъ?

Бракъ. Ну, я долженъ сказать, что честь и побѣда—Гмъ!—это чрезвычайно хорошія вещи—

Тесманъ. Конечно, конечно. Но все же.—

Гедда (*съ холодною улыбкою глядитъ на Тесмана*). У тебя такой видъ, какъ будто бы тебя только что поразила молнія.

Тесманъ. Да,—да оно такъ и есть, —мнѣ кажется.—

Бракъ. Да вѣдь надъ нами дѣйствительно пронеслась гроза, сударыня.

Гедда (*указывая на заднюю комнату*). Не пожелаютъ ли господа зайти и и выпить стаканъ холоднаго пунша?

Бракъ (*смотритъ на часы*). На прощанье? Да это будетъ недурно.

Тесманъ. Превосходно, Гедда! Превосходно! Въ такомъ радужномъ настроеніи, въ какомъ я теперь нахожусь—

Гедда. Не угодно ли и вамъ, г-нъ Левборгъ?

Левборгъ (*отстраняя предложенный стаканъ*). Нѣтъ очень благодаренъ. Это не для меня.

Бракъ. Но, Господи Боже,—насколько я знаю, холодный пуншъ не ядъ.

Левборгъ. Можетъ быть, не для всѣхъ.

Гедда. Я покамѣстъ, постараюсь занять г. Левборга.

Тесманъ. Да, да дорогая Гедда, пожалуйста, займи его.

(*Онъ и Бракъ уходятъ въ заднюю комнату, садятся, пьютъ пуншъ, курятъ папиросы и разговариваютъ во время послѣдующей сцены. Эйлертъ Левборгъ продолжаетъ стоять у печки. Гедда подходитъ къ письменному столу*).

Гедда (*нѣсколько громче обыкновеннаго*). Если хотите, я покажу вамъ нѣсколько фотографій. Потому что Тесманъ и я—мы на возвратномъ пути проѣхали по Тиролю.

(*Она подходитъ съ альбомомъ въ рукахъ, который кладетъ на столъ около дивана, а сама садится въ углу его. Эйлертъ Левборгъ подходитъ ближе, останавливается и смотритъ на нее. Затѣмъ беретъ стулъ и садится по лѣвую ея руку, спиною къ задней комнатѣ*).

Гедда (*раскрываетъ альбомъ*). Видите эту группу скалъ, г. Левборгъ? Это Ортлеры. Тесманъ сдѣлалъ внизу надпись. Группа Ортлеровъ у Мерана.

Левборгъ (*не переставая смотрѣть на нее, говоритъ тихо и медленно*). Гедда Габлеръ!

Гедда (*быстро взглядываетъ на него*). Ну что вы! Тише!

Левборгъ (*повторяетъ тише*). Гедда Габлеръ!

Гедда (*смотритъ въ альбомъ*). Да, такъ меня когда-то называли. Тогда—когда мы были знакомы.

Левборгъ. И потомъ—и на всю жизнь—я, значитъ долженъ отучиться говорить Гедда Габлеръ.

Гедда (*продолжаетъ перелистывать альбомъ*). Да, должны. И мнѣ кажется, вамъ слѣдуетъ съ этимъ поспѣшить. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Левборгъ (*печальнымъ голосомъ*). Гедда Габлеръ замужемъ. И за кѣмъ? За Іоргеномъ Тесманомъ.

Гедда. Да,—вотъ что случилось!

Левборгъ. Ахъ, Гедда, Гедда,—какъ могла ты такъ низко пасть!

Гедда (*глядитъ на него сердито*) Ну! Только не это.

Левборгъ. Не что? Что ты хочешь сказать?

(*Тесманъ входитъ и подходитъ къ дивану*).

Гедда (*слышитъ, что онъ подходитъ, и говоритъ равнодушно*). А этотъ видъ, г. Левборгъ, изъ долины Ампеццо. Вотъ взгляните-ка на эти горныя вершины. (*Глядитъ дружелюбно на Тесмана*). Какъ называются эти удивительныя горныя вершины?

Тесманъ. Дай взглянуть. А-а, это Доломитныя горы.

Гедда. Совершенно вѣрно.—Это Доломитныя горы, г. Левборгъ.

Тесманъ. Послушай, Гедда,—я хотѣлъ только спросить, не принести ли вамъ сюда немного пунша? По крайней мѣрѣ тебѣ? А?

Гедда. Сдѣлай одолженіе, и нѣсколько пирожныхъ въ придачу.

Тесманъ. А папиросъ не нужно?

Гедда. Нѣтъ.

Тесманъ. Хорошо.

(*Онъ уходитъ въ заднюю комнату, на правую сторону. Бракъ, сидя въ задней комнатѣ, тщательно наблюдаетъ за Геддою и Левборгомъ*).

Левборгъ (*тихимъ голосомъ, какъ раньше*). Скажи же мнѣ, Гедда,—какъ ты могла это сдѣлать?

Гедда (*повидимому погруженная въ альбомъ*). Если вы будете продолжать говорить мнѣ „ты“, я перестану разговаривать съ вами.

Левборгъ. Развѣ я не могу говорить „ты“ теперь, когда мы одни?

Гедда. Нѣтъ. Вы можете, пожалуй, это думать, но говорить не позволяется.

Левборгъ. А-а, понимаю! Это оскорбляетъ вашу любовь—къ Іоргену Тесману?

Гедда (*съ улыбкой взглядываетъ на него*). Любовь? Ну это ужъ слишкомъ.

Левборгъ. Значитъ любви нѣтъ.

Гедда. Но нѣтъ также и невѣрности. Этого я ни за что не хочу.

Левборгъ. Гедда,—отвѣчай мнѣ только на одно—

Гедда. Тише!

(*Тесманъ выходитъ изъ задней комнаты съ подносомъ*).

Тесманъ. Вотъ вамъ. Много здѣсь хорошихъ вещей. (*Ставитъ подносъ на столъ*).

Гедда. Почему ты самъ прислуживаешь?

Тесманъ (*наливаетъ въ стаканы*). Потому что мнѣ показалось очень пріятно прислуживать тебѣ, Гедда.

Гедда. Но ты налилъ въ оба стакана. А между тѣмъ г. Левборгъ не хочетъ.—

Тесманъ. Но за то г-жа Эльвстедъ скоро придетъ.

Гедда. Ахъ, правда,—г-жа Эльвстедъ!

Тесманъ. Ты забыла о ней? А?

Гедда. Мы такъ погрузились въ разсматриваніе альбома. (*Показываетъ картину*). Помнишь эту маленькую деревушку?

Тесманъ. А-а, ту которая ниже Бреннеровскаго прохода. Въ ней намъ пришлось однажды переночевать—

Гедда —и встрѣтить столько веселыхъ туристовъ.

Тесманъ. Да, именно тамъ. Представь себѣ,—какъ намъ было бы пріятно, Эйлертъ, если бы *ты* былъ съ нами! Право!

(*Опять уходитъ и садится около Брака*).

Левборгъ. Отвѣчай мнѣ только на одинъ мой вопросъ, Гедда.

Гедда. Ну?

Левборгъ. И въ отношеніи ко мнѣ не было также любви? Ни одной искорки, —ни тѣни любви во всемъ?

Гедда. Да была ли въ дѣйствительности между нами любовь? Мнѣ, по крайней мѣрѣ, кажется, что мы были только двумя добрыми товарищами... Двумя настоящими задушевными друзьями. (*Улыбается*). Особенно вы отличались откровенностью.

Левборгъ. Все дѣлалось согласно вашей волѣ.

Гедда. Когда я подумалъ о томъ, что прошло, то должна сознаться, что въ прошломъ было нѣчто прекрасное, нѣчто въ высшей степени привлекательное,—нѣчто смѣлое, какъ мнѣ кажется, было—въ этой таинственной дружбѣ,—въ этомъ товариществѣ, о которомъ ни одно живое существо не имѣло понятія.

Левборгъ. Да, не правда ли, Гедда? —Когда я приходилъ къ вашему отцу послѣ обѣда—и генералъ садился у окна и погружался въ чтеніе газетъ—спиною къ намъ—

Гедда. А мы оба въ уголку дивана—

Левборгъ. Всегда съ однимъ и тѣмъ же иллюстрированнымъ журналомъ передъ нами.—

Гедда. За недостаткомъ альбома,—да.

Левборгъ. Да, Гедда,—и когда я исповѣдывался передъ вами; разсказывалъ вамъ о себѣ то, чего никто другой не зналъ до той поры; сидѣлъ передъ вами и признавался, что я выдѣлывалъ днемъ и ночью, какъ я сумасшествовалъ день за днемъ!—Ахъ, Гедда!—Какая сила въ васъ вынуждала меня признаваться въ подобныхъ вещахъ?

Гедда. Такъ вы думаете, что во мнѣ была особенная сила?

Левборгъ. Да. Чѣмъ же иначе объяснить все мое тогдашнее поведеніе? И всѣ эти загадочные вопросы, которые вы задавали мнѣ?

Гедда. И которые вы такъ хорошо понимали.—

Левборгъ. И какъ вы могли, сидя рядомъ со мною, задавать такіе вопросы?! Такіе смѣлые—

Гедда. Загадочные, хотите вы сказать.

Левборгъ. Да, но все же смѣлые. Спрашивать меня—о такихъ вещахъ?

Гедда. А какъ вы могли отвѣчать, г. Левборгъ.

Левборгъ. Да, вотъ этого именно я и не могу никакъ понять—теперь, когда подумаю обо всемъ. Но скажите мнѣ, Гедда, —развѣ не было любви въ основаніи этого союза? Развѣ у васъ не было желанія какъ бы очистить меня,—когда я искалъ у васъ убѣжища отъ себя, признаваясь въ своихъ грѣхахъ? Развѣ этого не было?

Гедда. Нѣтъ, не совсѣмъ.

Левборгъ. Что же, въ такомъ случаѣ, руководило вами?

Гедда. Развѣ вы находите совершенно необъяснимымъ, если молодая дѣвушка, по мѣрѣ возможности—тайкомъ—

Левборгъ. Ну?

Гедда. Охотно приподымаетъ завѣсу міра,—который—

Левборгъ. Который?—

Гедда—который, по общепризнанному мнѣнію, долженъ остаться для нея закрытымъ.

Левборгъ. Такъ вотъ что это было?

Гедда. И это! И это,—я почти въ этомъ увѣрена.

Левборгъ. Товарищество на почвѣ жажды жизни. Но почему же оно не могло продолжаться?

Гедда. Въ этомъ виноваты вы.

Левборгъ. Но вѣдь порвали вы, а не я.

Гедда. Да, потому что появилась опасность, что въ нашихъ отношеніяхъ произойдетъ перемѣна. Стыдитесь, Эйлертъ Левборгъ, какъ могли вы покуситься—на—на—на вашего смѣлаго товарища?

Левборгъ. *(ломая руки)*. Ахъ, почему вы не довели дѣла до конца? Почему не застрѣлили меня, какъ грозили?

Гедда. Я боялась скандала.

Левборгъ. Да, Гедда, вы, въ сущности, трусливы.

Гедда. Страшно труслива! *(Быстро перемѣняетъ тонъ)*. Но все сложилось какъ нельзя лучше для васъ. И затѣмъ вы такъ восхитительно утѣшались тамъ, у Эльвстедовъ.

Левборгъ. Я знаю, что повѣрила вамъ Теа.

Гедда. А вы, можетъ быть, кое-что повѣрили ей и о насъ двухъ?

Левборгъ. Ни единаго слова Она слишкомъ глупа, чтобы понять это.

Гедда. Глупа?

Левборгъ. Въ такого рода вещахъ она безспорно глупа.

Гедда. А я труслива. *(Наклоняется къ нему, не глядя ему въ глаза и говоритъ тише)*. А теперь я хочу повѣрить вамъ кое-что.

Левборгъ (съ *напряженнымъ вниманіемъ*). Ну?

Гедда. То, что я не осмѣлилась застрѣлить васъ тогда —

Левборгъ Что же? говорите.

Гедда.—было не самою большою моею трусостью—въ тотъ вечеръ.

Левборгъ *(смотритъ на нее минуту, понимаетъ и шепчетъ страстно)*. Ахъ, Гедда! Гедда Габлеръ! Теперь только начинаю я понимать, что скрывалось подъ нашимъ товариществомъ.—Ты и я.—Въ тебѣ была сильная жажда жизни—

Гедда *(тихо, бросая на него суровый взглядъ.)* Берегитесь! Не вѣрьте этому.

(Начинаетъ смеркаться. Берта отворяетъ дверь изъ передней).

Гедда *(захлопываетъ альбомъ и восклицаетъ, улыбаясь)*. Ну, наконецъ-то! Дорогая моя Теа!—Наконецъ-то ты пришла!

(Г-жа Эльвстедъ входитъ изъ передней. Она одѣта въ вечернее платье. Дверь за ней закрывается).

Гедда *(съ дивана, протягивая ей обѣ руки)*. Милая Теа,—ты и представить себѣ не можешь, какъ я тебя ждала.

(Г-жа Эльвстедъ мимоходомъ раскланивается съ мужчинами въ задней комнатѣ, подходитъ къ столу и протягиваетъ Геддѣ руку. Эйлертъ Левборгъ встаетъ и раскланивается съ г-жею Эльвстедъ молчаливымъ кивкомъ головы).

Г-жа Эльвстедъ. Можетъ быть мнѣ слѣдуетъ пойти и поговорить немного съ твоимъ мужемъ?

Гедда. О нѣтъ. Пусть себѣ сидятъ! Они сейчасъ пойдутъ своею дорогою.

Г-жа Эльвстедъ. Пойдутъ?

Гедда. Да они отправляются на холостую пирушку.

Г-жа Эльвстедъ *(быстро Левборгу)*. Но вы не идете?

Левборгъ. Нѣтъ.

Гедда. Г. Левборгъ остается съ нами.

Г-жа Эльвстедъ *(беретъ стулъ и садится рядомъ съ нимъ)*. Ахъ, какъ здѣсь хорошо!

Гедда. Нѣтъ, милая Теа, ты не туда сѣла. Садись возлѣ меня. Я хочу быть между вами.

Г-жа Эльвстедъ. Какъ хочешь.

(Она обходитъ вокругъ стола и садится на диванъ съ правой стороны Гедды. Левборгъ садится опять на прежній стулъ)

Левборгъ *(послѣ краткаго молчанія, Геддѣ)*. Развѣ не восхитительно сидѣть и смотрѣть на нее?

Гедда *(гладитъ ее слегка по волосамъ)*. Только смотрѣть?

Левборгъ. Да. Потому что мы оба —она и я—мы два настоящіе товарища. Мы вѣримъ безусловно другъ въ друга. И поэтому мы можемъ сидѣть и разговаривать такъ свободно другъ съ другомъ—

Гедда. Безъ загадочныхъ вопросовъ, г. Левборгъ?

Левборгъ. Ну —

Г-жа Эльвстедъ *(тихо прижимаясь къ Геддѣ)*. Ахъ какъ я счастлива, Гедда! Потому что—представь себѣ!—онъ говоритъ, что я также вдохновляла его.

Гедда *(глядитъ на нее, улыбаясь)*. Такъ онъ это говоритъ?

Левборгъ. И потомъ, то мужество не на словахъ, а на дѣлѣ, которымъ она обладаетъ, г-жа Тесманъ!

Г-жа Эльвстедъ. О Боже,—я—мужество!

Левборгъ. У нея невѣроятное мужество, — когда вопросъ касается товарища.

Гедда. Да, *мужество*, да. Счастлива та, у кого оно есть.

Левборгъ. Что вы хотите этимъ сказать?

Гедда. Тогда можно было бы еще жить. *(Внезапно встаетъ)*. Но теперь, дорогая Теа,—теперь ты должна выпить добрый стаканъ холоднаго пунша.

Г-жа Эльвстедъ. Нѣтъ, спасибо, я никогда не пью.

Гедда. Ну, такъ можетъ быть вы, г. Левборгъ.

Левборгъ. Спасибо, я также не пью.

Г-жа Эльвстедъ. Нѣтъ и онъ также не пьетъ.

Гедда *(глядитъ на него въ упоръ)* А если я этого хочу?

Левборгъ. Не поможетъ.

Гедда *(смѣясь)*. Такъ, значитъ, я, бѣдняжка, не имѣю никакой власти надъ вами?

Левборгъ. Не въ этой области,— нѣтъ.

Гедда. Говоря серьезно, вамъ слѣдовало бы немного выпить. Ради васъ самихъ.

Г-жа Эльвстедъ. Что ты, Гедда?

Левборгъ. Это почему?

Гедда. Или, говоря вѣрнѣе, ради другихъ.

Левборгъ. Да—?

Гедда. А то другіе могутъ подумать, что вы—въ сущности—не чувствуете себя совсѣмъ свободными — не вполнѣ увѣренными въ себѣ.

Г-жа Эльвстедъ *(тихо)*. Ну что ты, Гедда!

Левборгъ. Пусть себѣ думаютъ, что хотятъ,—мнѣ безразлично.

Г-жа Эльвстедъ *(радостно)*. Да, не правда ли?

Гедда. Я это такъ ясно видѣла по выраженію лица ассесора Брака только что.

Левборгъ. Что же вы видѣли?

Гедда. Онъ такъ насмѣшливо улыбнулся, когда вы не осмѣлились подойти къ ихъ столу.

Левборгъ. Не осмѣлился подойти! Я, понятно, предпочелъ остаться здѣсь и разговаривать съ *вами*.

Г-жа Эльвстедъ. Это было такъ естественно, Гедда.

Гедда. Но, конечно, это не пришло въ голову ассесору. И я также замѣтила, что онъ улыбнулся и взглянулъ на Тесмана, когда вы не рѣшились пойти съ ними на эту несчастную маленькую пирушку.

Левборгъ. Не рѣшился! Вы говорите, что я не рѣшился?

Гедда. Я этого не говорю. Но такъ понялъ вашъ отказъ ассесоръ Бракъ.

Левборгъ. Пусть себѣ понимаетъ, какъ хочетъ!

Гедда. Такъ вы, значитъ, не идете съ ними?

Левборгъ. Я остаюсь съ вами и Тесей.

Г-жа Эльвстедъ. Да, конечно, Гедда,—какъ ты могла думать иначе?

Гедда *(улыбаясь и кивая одобрительно Левборгу)*. Итакъ, твердъ, аки скала. Твердъ въ своихъ принципахъ во вѣки вѣковъ. Видишь, вотъ какимъ долженъ быть человѣкъ! *(Оборачивается къ г-жѣ Эльвстедъ и хлопаетъ ее по плечу)*. Ну, развѣ я не это тебѣ говорила, когда ты прибѣжала сегодня утромъ ко мнѣ такая разстроенная—

Левборгъ *(пораженный)*. Разстроенная!

Г-жа Эльвстедъ *(въ испугѣ)*. Но, Гедда,—Гедда—!

Гедда. Теперь ты сама видишь. Не зачѣмъ тебѣ было мучиться такимъ смертельнымъ страхомъ— *(Прерывая себя)*. Ну! Теперь постараемся повеселѣе провести втроемъ этотъ вечеръ.

Левборгъ *(вздрагиваетъ)*. Ахъ,— но что же это такое, г-жа Тесманъ?

Г-жа Эльвстедъ. Ахъ, Боже мой, Боже мой, Гедда! Что ты такое говоришь? Что ты дѣлаешь?

Гедда. Пожалуйста, потише! Этотъ противный ассесоръ не спускаетъ съ тебя глазъ.

Левборгъ. Значитъ въ смертельномъ страхѣ—изъ за меня—?

Г-жа Эльвстедъ (*тихо, жалобно*). Ахъ, Гедда—теперь ты сдѣлала меня такою несчастною!

Левборгъ (*глядитъ на нее нѣкоторое время въ упоръ. Его лицо сильно взволновано*). Такъ вотъ какова была товарищеская вѣра въ меня.

Г-жа Эльвстедъ (*умоляющимъ голосомъ*). Ахъ, дорогой другъ, ты сначала выслушай—!

Левборгъ (*беретъ полный стаканъ пунша, подымаетъ его и говоритъ тихо, подавленнымъ голосомъ*). За твое здоровье, Теа!

(*Онъ осушаетъ стаканъ, ставитъ его на столъ и беретъ второй*).

Г-жа Эльвстедъ (*тихо*). Ахъ, Гедда, Гедда,—зачѣмъ ты захотѣла это сдѣлать?

Гедда. Захотѣла? Я? Ты съ ума сошла?

Левборгъ. И за ваше здоровье также, г-жа Тесманъ. Благодарю за правду. Да здравствуетъ правда!

(*Онъ выпиваетъ весь стаканъ и хочетъ опять наполнить его*).

Гедда (*беретъ его за руку*). Ну, ну,—довольно на этотъ разъ! Не забывайте, что вы должны идти на пирушку.

Г-жа Эльвстедъ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Гедда. Тише. Они сидятъ и смотрятъ на тебя.

Левборгъ (*отставляетъ стаканъ*). Послушай, Теа,—будь наконецъ правдива—

Г-жа Эльвстедъ. Хорошо.

Левборгъ. Фогтъ зналъ, что ты ѣдешь за мною вслѣдъ?

Г-жа Эльвстедъ (*ломаетъ руки*). Ахъ, Гедда,—ты слышишь, о чемъ онъ спрашиваетъ?

Левборгъ. Такъ вы обсуждали съ нимъ вопросъ о томъ, что тебѣ слѣдуетъ поѣхать въ городъ присмотрѣть за мною? Такъ это, можетъ быть, самъ фогтъ прислалъ тебя сюда? Ага, вотъ что!—Я ему опять понадобился въ конторѣ? Или ему недоставало меня за карточнымъ столомъ?

Г-жа Эльвстедъ (*тихо, отворачивается*). Ахъ, Левборгъ, Левборгъ!

Левборгъ (*хватаетъ стаканъ и хочетъ его наполнить*). Выпьемъ и за здоровье стараго фогта!

Гедда. Нѣтъ, довольно! Не забывайте, что вы должны пойти съ Тесманомъ и почитать ему.

Левборгъ (*спокойно отставляетъ стаканъ*). Какъ это было глупо съ моей стороны, все это, Теа! Относиться къ этому такимъ образомъ,—вотъ что я хочу сказать. Не сердись на меня, милый, дорогой товарищъ. Ты вскорѣ увидишь,—и ты, и другіе,—что хотя я и палъ однажды—я съумѣю—Теперь я опять поднялся на ноги. Съ *твоею* помощью, Теа.

Г-жа Эльвстедъ (*сіяя радостью*). Ахъ, слава Богу—!

(*Бракъ смотритъ на часы. Онъ и Тесманъ входятъ въ гостиную*).

Бракъ (*беретъ шляпу и пальто*). Да, г-жа Тесманъ, нашъ часъ пробилъ.

Гедда. Вы правы.

Левборгъ (*встаетъ*). И мой также, г. ассесоръ.

Г-жа Эльвстедъ (*тихо, умоляющимъ голосомъ*). Ахъ, Левборгъ,—не дѣлай этого.

Гедда (*хватаетъ ее за руку*). Они тебя слышатъ.

Г-жа Эльвстедъ (*восклицаетъ тихо*). Ахъ!

Левборгъ (*Браку*). Вы такъ любезно приглашали меня—

Бракъ. Такъ вы идете съ нами?

Левборгъ. Съ большою благодарностью.

Бракъ. Я съ своей стороны также очень радъ—

Левборгъ (*беретъ свертокъ бумагъ въ карманъ и говоритъ Тесману*). Потому что мнѣ очень хочется показать тебѣ кое-что прежде, чѣмъ уйти.

Тесманъ. Ахъ, очень радъ!—Какъ это будетъ пріятно!—Но, послушай, дорогая Гедда, какъ же ты доставишь домой г-жу Эльвстедъ? А?

Гедда. А-а, это какъ нибудь сладится.

Левборгъ (*обращается къ дамамъ*). Г-жу Эльвстедъ? Я, конечно, вернусь назадъ и провожу ее. (*Подходитъ ближе*). Приблизительно часовъ въ десять, г-жа Тесманъ? Согласны?

Гедда. Конечно. Это будетъ какъ разъ во время.

Тесманъ. Ну, значитъ, все хорошо. Но меня не жди такъ рано, Гедда.

Гедда. Ахъ, милый, оставайся столько времени,—сколько хочешь!

Г-жа Эльвстедъ (*скрывая свой страхъ*). Г. Левборгъ—я, значитъ, останусь здѣсь, пока вы не зайдете за мною.

Левборгъ (*съ шляпою въ рукѣ*). Само собою разумѣется, сударыня.

Бракъ. Пойдемъ же, господа, на вечеринку. Я надѣюсь, что наша вечеринка будетъ очень оживленною,—какъ говоритъ нѣкая прекрасная дама.

Гедда. Ахъ, если бы эта прекрасная дама могла присутствовать на ней невидимкою!

Бракъ. Почему невидимкою?

Гедда. Чтобы услышать кое-что изъ вашихъ нефальсифицированныхъ оживленныхъ разсказовъ, г. ассесоръ.

Бракъ (*смѣется*). Не совѣтую дѣлать этого прекрасной дамѣ.

Тесманъ (*смѣется также*). Нѣтъ, нечего сказать, и пришло же тебѣ въ голову, Гедда! Представить себѣ только—

Бракъ. Ну, прощайте, прощайте, милостивыя государыни.

Левборгъ (*кланяется на прощанье*). Значитъ около десяти часовъ.

(*Бракъ, Левборгъ и Тесманъ уходятъ черезъ переднюю. Одновременно съ этимъ Берта выходитъ изъ задней комнаты съ зажженною лампою, которую она ставитъ на столъ гостинной, послѣ чего уходитъ туда, откуда пришла*).

Г-жа Эльвстедъ (*встаетъ и съ безпокойствомъ расхаживаетъ по комнатѣ*). Гедда,—Гедда,—что изъ этого выйдетъ?

Гедда. Въ десять часовъ—онъ придетъ за тобою. Я такъ ясно представляю его себѣ. Съ виноградною лозою въ волосахъ. Оживленный и довольный—

Г-жа Эльвстедъ. Ахъ, дай Богъ, чтобы такъ было!

Гедда. И тогда,—видишь ли,—тогда онъ получитъ власть надъ собою, тогда онъ будетъ свободнымъ человѣкомъ всю свою жизнь.

Г-жа Эльвстедъ. Ахъ Боже, да,—если бы только онъ пришелъ такимъ,—какимъ онъ представляется тебѣ.

Гедда. Онъ придетъ именно такимъ, только такимъ. (*Встаетъ и подходитъ ближе*). Сомнѣвайся въ немъ, сколько хочешь. Я вѣрю въ него. И теперь мы испытаемъ—

Г-жа Эльвстедъ. Съ тобою дѣлается что-то удивительное, Гедда.

Гедда. Да, это вѣрно. Я хочу хоть разъ въ жизни властвовать надъ человѣческою судьбою.

Г-жа Эльвстедъ. Развѣ у тебя этой власти нѣтъ?

Гедда. Нѣтъ—и никогда не было.

Г-жа Эльвстедъ. А надъ твоимъ мужемъ?

Гедда. Ахъ, стоитъ объ этомъ заботиться? Ахъ, если бы ты могла понять, какъ я бѣдна! А ты имѣешь полную возможность быть такою богатою. (*Страстно обнимаетъ ее*). Я, кажется, готова завидовать каждому волоску на твоей головѣ.

Г-жа Эльвстедъ. Оставь меня, Гедда, выпусти! Я боюсь тебя, Гедда.

Берта (*у арки*). Чайный столъ готовъ, сударыня.

Гедда. Хорошо, идемъ.

Г-жа Эльвстедъ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ. Я лучше пойду домой одна. Теперь, сейчасъ.

Гедда. Пустяки. Сначала напьешься чаю, глупенькая. А затѣмъ—въ десять часовъ—явится Эйлертъ Левборгъ—съ виноградною лозою въ волосахъ.

(*Она почти силою уводитъ г-жу Эльвстедъ черезъ арку*).

Дѣйствіе третье.

(Комната у Тесмановъ. Занавѣсъ арки сдвинутъ. Также занавѣси у стеклянной двери. Лампа, прикрытая абажуромъ, горитъ слабо на столѣ. Въ каминѣ, дверцы котораго открыты, горѣлъ огонь, который теперь почти потухъ).

(Г-жа Эльвстедъ, закутанная въ большой касторовый платокъ и съ ногами на скамеечкѣ, сидитъ близко около камина, свернувшись въ креслѣ. Гедда лежитъ одѣтая на диванѣ, прикрытая одѣяломъ, и спитъ).

Г-жа Эльвстедъ (*послѣ нѣкотораго молчанія, выпрямляется на своемъ креслѣ и внимательно прислушивается. Затѣмъ опять садится глубоко въ кресло и стонетъ*). Еще нѣтъ!—Ахъ Боже!—Ахъ Боже! еще нѣтъ.

(*Берта входитъ осторожно черезъ переднюю. Въ рукахъ у нея письмо*).

Г-жа Эльвстедъ (*оборачивается и быстро спрашиваетъ*). Ну, что?—кто нибудь приходилъ?

Берта (*тихо*). Да, только что дѣвушка принесла вотъ это письмо.

Г-жа Эльвстедъ (*быстро, протягивая руку*). Письмо. Дайте мнѣ его.

Берта. Нѣтъ, это письмо къ доктору, сударыня.

Г-жа Эльвстедъ. А-а!

Берта. Принесла его горничная барышни Тесманъ. Я кладу его сюда на столъ.

Г-жа Эльвстедъ. Да.

Берта (*кладетъ письмо на столъ*). Мнѣ кажется, лучше потушить лампу. Она только коптитъ.

Г-жа Эльвстедъ. Да, потушите. Вѣрно уже скоро разсвѣтетъ.

Берта (*тушитъ лампу*). Уже разсвѣло, сударыня.

Г-жа Эльвстедъ. Ахъ, Боже мой, уже свѣтъ! А онъ все еще не вернулся домой—!

Берта. Ахъ, Господи Боже мой!—Я была увѣрена, что оно такъ и будетъ.

Г-жа Эльвстедъ. Были увѣрены?

Берта. Да, когда я увидѣла, что извѣстное мнѣ лицо вернулось въ городъ, и когда онъ пошелъ съ ними... Потому что объ этомъ господинѣ многое приходилось слышать въ свое время.

Г-жа Эльвстедъ. Не говорите такъ громко. Вы разбудите барыню.

Берта (*подходитъ къ дивану и вздыхаетъ*). О, Боже сохрани,—пусть себѣ спитъ, бѣдняжка!—Не прикажете ли подложить дровъ въ каминъ?

Г-жа Эльвстедъ. Благодарю, во всякомъ случаѣ не для меня.

Берта. Ахъ, ахъ!

(*Тихо уходитъ черезъ переднюю*).

Гедда (*просыпается отъ шума, производимаго закрываемою дверью, и осматривается*).

Что это значитъ—?

Г-жа Эльвстедъ. Приходила горничная.

Гедда (*оглядывается*). Ахъ, сюда—! Да, теперь припоминаю—(*выпрямляется, сидя на диванѣ, вытягивается и протираетъ глаза*). Который часъ, Теа?

Г-жа Эльвстедъ (*глядитъ на часы*). Уже больше шести.

Гедда. Въ которомъ часу вернулся Тесманъ?

Г-жа Эльвстедъ. Онъ еще не вернулся.

Гедда. Еще не вернулся домой?

Г-жа Эльвстедъ (*подымается*). Никто еще не приходилъ.

Гедда. А мы сидѣли все время здѣсь и бодрствовали и ожидали до четырехъ часовъ—

Г-жа Эльвстедъ (*ломаетъ руки*). А *какъ* я ждала его!

Гедда (*зѣваетъ и закрываетъ ротъ рукою*). Ахъ да,—отъ этого мы могли бы благополучно избавить себя.

Г-жа Эльвстедъ. Ты хоть немного спала?

Гедда. Ахъ да... Я, кажется, довольно хорошо спала. А ты не спала?

Г-жа Эльвстедъ. Ни одной минуты. Я не могла, Гедда. Это было совершенно невозможно.

Гедда (*встаетъ и подходитъ къ ней*). Ну, ну, ну! Право, тутъ нечего пугаться. Я такъ хорошо представляю себѣ все случившееся.

Г-жа Эльвстедъ. Да что же ты думаешь? Не можешь ли ты мнѣ сказать?

Гедда. Ну, понятно, у ассесора пиръ невѣроятно затянулся—

Г-жа Эльвстедъ. Ахъ, Боже, да это навѣрное такъ. А все же—

Гедда. И вотъ, видишь ли, Тесманъ не захотѣлъ возвращаться домой и звонить и производить шумъ среди ночи. (*Смѣется*). Быть можетъ, онъ вдобавокъ не захотѣлъ показаться здѣсь—нѣсколько, такъ сказать, навеселѣ.

Г-жа Эльвстедъ. Но, милая,—куда же онъ могъ въ такомъ случаѣ пойти?

Гедда. Онъ, понятно, отправился къ теткамъ и тамъ улегся спать. Его старая комната у нихъ все еще стоитъ пустая.

Г-жа Эльвстедъ. Нѣтъ, къ нимъ онъ не могъ зайти. Потому что сейчасъ получено письмо отъ нихъ къ нему. Вотъ оно.

Гедда. Письмо? (*Смотритъ на адресъ*). Да, это рука тети Юли. Ну, значитъ онъ остался провесть ночь у ассесора. А Эйлертъ Левборгъ сидитъ—съ виноградною лозою въ волосахъ—и читаетъ.

Г-жа Эльвстедъ. Ахъ, Гедда, ты говоришь пустяки, болтаешь то, чему сама не вѣришь!

Гедда. Право, Теа, ты, страшная трусиха.

Г-жа Эльвстедъ. Да, я дѣйствительно трусиха, но подѣломъ.

Гедда. И какая у тебя смертельная усталость на лицѣ.

Г-жа Эльвстедъ. Да, я дѣйствительно смертельно устала.

Гедда. Ну, поэтому дѣлай такъ, какъ я говорю. Иди въ мою комнату и ложись на мою постель.

Г-жа Эльвстедъ. Ахъ, нѣтъ нѣтъ,— я все равно не засну.

Гедда. Навѣрное заснешь.

Г-жа Эльвстедъ. Да, но твой мужъ можетъ каждую минуту вернуться,—и потомъ мнѣ хотѣлось бы сейчасъ же узнать—

Гедда. Я скажу тебѣ, когда онъ вернется.

Г-жа Эльвстедъ. Ты обѣщаешь мнѣ это, Гедда?

Гедда. Да, можешь положиться на меня. Иди же и засни.

Г-жа Эльвстедъ. Благодарю. Такъ я пойду, попробую.

(Уходитъ черезъ заднюю комнату)

(Гедда подходитъ къ стеклянной двери и раздвигаетъ занавѣсъ. Дневной свѣтъ озаряетъ комнату. Затѣмъ она беретъ съ письменнаго стола маленькое ручное зеркало, оглядываетъ себя и приводитъ въ порядокъ свои волосы. Потомъ идетъ въ переднюю и нажимаетъ пуговку звонка).

(Берта входитъ въ дверь).

Берта. Что угодно барынѣ?

Гедда. Подложите, пожалуйста, дровъ въ каминъ. Мнѣ страшно холодно.

Берта. Сейчасъ,— мы мигомъ нагрѣемъ.

(Она подкладываетъ въ каминъ связку дровъ).

Берта. *(останавливается и прислушивается).* Кто-то позвонилъ у парадной двери, барыня.

Гедда. Такъ идите, отоприте. О каминѣ я сама позабочусь.

Берта. Онъ быстро разгорится.

(Уходитъ черезъ переднюю).

(Гедда становится на колѣни, на скамейку и кладетъ нѣсколько полѣнъ дровъ въ каминъ).

(Черезъ нѣкоторое время входитъ изъ передней Іоргенъ Тесманъ У него усталый и серьезный видъ. Онъ прокрадывается на цыпочкахъ къ аркѣ и хочетъ проскользнуть мимо занавѣсей).

Гедда *(у камина, не подымая глазъ).* Добраго утра!

Тесманъ *(оборачивается).* Гедда! *(Подходитъ ближе).* Но скажи же, ради Бога,—неужели ты такъ рано встала? А?

Гедда. Да, сегодня я очень рано встала.

Тесманъ. А я былъ такъ увѣренъ, что ты все еще лежишь и спишь. Представь себѣ, Гедда.

Гедда. Не говори такъ громко. Г-жа Эльвстедъ лежитъ у меня и спитъ.

Тесманъ. Развѣ г-жа Эльвстедъ осталась здѣсь на ночь?

Гедда. Да, вѣдь никто не пришелъ, чтобы провести ее домой.

Тесманъ. Это вѣрно: никто не пришелъ.

Гедда *(закрываетъ дверцу камина и встаетъ).* Ну, весело вамъ было у ассесора?

Тесманъ. Ты боялась за меня? А?

Гедда. Нѣтъ, мнѣ никогда не пришло бы въ голову бояться. Но я спрашиваю, весело ли было тебѣ у ассесора.

Тесманъ. Да, ничего себѣ. Одинъ разъ—можетъ быть весело. — Но пріятнѣе всего было сначала. Потому что тогда Эйлертъ читалъ мнѣ свое произведеніе. Мы пришли слишкомъ рано,—за часъ до начала,—представь себѣ! А у Брака было очень много дѣла по хозяйству. И вотъ Эйлертъ началъ читать мнѣ.

Гедда *(садится по правую сторону стола).* Ну? Разскажи же мнѣ—

Тесманъ *(садится на табуретъ у камина).* Нѣтъ, Гедда, ты не повѣришь, что это за вещь! Онъ никогда еще ничего подобнаго не писалъ. Представь себѣ!

Гедда. Ну, это меня ни мало не интересуетъ—

Тесманъ. Хочу тебѣ признаться въ одномъ, Гедда. Когда онъ прочиталъ мнѣ— злое чувство шевельнулось во мнѣ.

Гедда. Злое?

Тесманъ. Я сидѣлъ и завидовалъ Эйлерту, что онъ могъ написать такую вещь. Представь себѣ, Гедда!

Гедда. Да, да, могу себѣ представить!

Тесманъ. И знать, что онъ,—со всѣми своими врожденными богатыми способностями,—къ несчастью, совершенно неисправимый человѣкъ.

Гедда. Ты хочешь сказать, что у него больше мужества и энергіи, чѣмъ у другихъ?

Тесманъ. Нѣтъ, Господи Боже,— видишь ли, онъ не умѣетъ ставить границъ наслажденію.

Гедда. Во что же обратился вашъ пиръ—подъ конецъ?

Тесманъ. Мнѣ кажется, что онъ обратился въ концѣ концовъ въ настоящую вакханалію, Гедда.

Гедда. У него была виноградная лоза въ волосахъ?

Тесманъ. Виноградная лоза? Нѣтъ, виноградной лозы я непримѣтилъ. Но онъ

держалъ длинную, спутанную рѣчь о женщинѣ, воодушевлявшей его во время работы. Да, такъ выражался онъ о ней.

Гедда. Онъ называлъ ее?

Тесманъ. Нѣтъ, не называлъ. Но я думаю, что это должна быть обязательно она, г-жа Эльвстедъ. Навѣрное она!

Гедда. Ну,—гдѣ же ты разстался съ нимъ?

Тесманъ. По дорогѣ домой. Мы вышли,—послѣдніе изъ насъ,—одновременно. И Бракъ также вышелъ съ нами, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ. И тогда, видишь ли, мы рѣшили провести Эйлерта домой. Да, потому что онъ былъ сильно нагруженъ.

Гедда. Да, конечно.

Тесманъ. Но тутъ случилось нѣчто удивительное, Гедда. Или печальное, слѣдовало бы скорѣе сказать. Ахъ,—я почти стыжусь—ради Эйлерта—разсказывать объ этомъ—

Гедда. Ну, дальше—?

Тесманъ. Да, пока мы шли домой,—видишь ли, я случайно немного отсталъ... Не больше какъ на нѣсколько минутъ,—представь себѣ!

Гедда. Да, да, Господи Боже, и что же—?

Тесманъ. И когда я сталъ догонять своихъ спутниковъ—знаешь ли, что я нашелъ по дорогѣ? А?

Гедда. Нѣтъ, какъ я могу это знать?

Тесманъ. Но никому объ этомъ ни слова, Гедда, слышишь? Обѣщай мнѣ ради Эйлерта. *(Вынимаетъ пакетъ въ оберткѣ изъ кармана сюртука)!* Представь себѣ—вотъ что я нашелъ.

Гедда. Это не тотъ ли пакетъ, который онъ приносилъ къ намъ вчера вечеромъ?

Тесманъ. Да, да, это вся его драгоцѣнная, незамѣнимая рукопись. И онъ потерялъ ее—и ничего не замѣтилъ. Представь себѣ только, Гедда! Какъ печально—!

Гедда. Но почему же ты ему не отдалъ сейчасъ же пакета?

Тесманъ. Нѣтъ, я не посмѣлъ этого сдѣлать,—предполагая, что онъ—

Гедда. А ты никому не разсказалъ о своей находкѣ?

Тесманъ. О, конечно, нѣтъ! Я не сдѣлалъ этого ради Эйлерта, понимаешь?

Гедда. Значитъ, никто не знаетъ, что бумаги Эйлерта Левборга у тебя?

Тесманъ. Нѣтъ. И никто не долженъ объ этомъ знать.

Гедда. О чемъ ты разговаривалъ потомъ съ нимъ?

Тесманъ. Я больше съ нимъ не разговаривалъ. Потому что, когда мы повернули въ улицу, онъ, и еще кое-кто съ нимъ, ушли далеко впередъ. Представь себѣ!

Гедда. Да? значитъ, они проводили его домой.

Тесманъ. Да, должно быть проводили. И Бракъ тоже пошелъ своею дорогою.

Гедда. А куда же ты дѣвался потомъ?

Тесманъ. Я и нѣсколько другихъ, мы послѣдовали за однимъ изъ нашихъ веселыхъ спутниковъ и напились у него утренняго кофе. Или скорѣе слѣдовало бы сказать ночного кофе. А? Но какъ только я отдохну немного—и когда бѣдняжка Эйлертъ проснится, я долженъ буду сейчасъ пойти къ нему.

Гедда *(протягиваетъ руку за пакетомъ)*. Нѣтъ,—не отдавай его. Т. е., я хочу сказать, не отдавай его сейчасъ. Дай мнѣ сначала прочесть.

Тесманъ. Нѣтъ, милая моя, дорогая Гедда, я этого не смѣю, ей Богу не смѣю.

Гедда. Не смѣешь?

Тесманъ. Нѣтъ,—потому что ты можешь себѣ представить, въ какомъ отчаяніи онъ будетъ, когда проснется и замѣтитъ пропажу рукописи. Потому что, знаешь ли, у него нѣтъ копіи съ нея. Это онъ мнѣ самъ говорилъ.

Гедда *(смотритъ на него испытующимъ взоромъ)*. А развѣ нельзя вторично написать такую вещь? Написать ее вновь?

Тесманъ. Нѣтъ, я увѣренъ, что это не пойдетъ. Потому что, видишь ли,—вдохновеніе

Гедда.—Да, да,—понятно.—*(Небрежно)* Ахъ, правда,—тутъ есть письмо къ тебѣ!.

Тесманъ. Нѣтъ, представь себѣ—!

Гедда *(протягивая ему письмо)*. Его принесли сегодня утромъ.

Тесманъ. Отъ тети Юли. Что это могло бы быть? *(Кладетъ пакетъ съ бумагами на другой табуретъ, распечатываетъ письмо, пробѣгаетъ его и вскакиваетъ)*. Ахъ, Гедда,—она пишетъ, что бѣдняжка тетя Рина при смерти.

Гедда. Вѣдь этого ждали со дня на день.

Тесманъ. И что, если я хочу еще разъ повидаться съ нею, я долженъ поспѣшить. Я сейчасъ же побѣгу къ нимъ.

Гедда *(подавляя улыбку)*. Побѣжишь?

Тесманъ. Ахъ, дорогая моя Гедда, —если бы ты могла пересилить себя и пойти со мной! Представь себѣ!

Гедда (*встаетъ и говоритъ усталымъ голосомъ*). Нѣтъ, нѣтъ, и не проси меня. Я не хочу видѣть болѣзни и смерти. Избавь меня отъ всего этого безобразія.

Тесманъ. Хорошо, Господи Боже— (*Ищетъ кругомъ*). Гдѣ моя шляпа? Мое пальто? Ахъ, въ передней—! Я надѣюсь, что не прійду слишкомъ поздно, Гедда? А?

Гедда. Бѣги только, тогда—

(*Берта входитъ изъ передней*).

Берта. Ассесоръ Бракъ стоитъ за дверью и спрашиваетъ, можетъ ли онъ войти.

Тесманъ. Въ это время дня? Нѣтъ, теперь я никакъ не могу принять его.

Гедда. Но я могу. (*Бертѣ*). Проси ассесора войти.

(*Берта уходитъ*).

Гедда (*быстро шепотомъ*). Пакетъ, Тесманъ!

(*Она схватываетъ его съ табурета*).

Тесманъ. Да, отдай мнѣ его.

Гедда. Нѣтъ, нѣтъ, я его пока спрячу для тебя. (*Подходитъ къ письменному столу и кладетъ его на этажерку. Тесманъ торопится и не можетъ найти перчатокъ*).

(*Ассесоръ Бракъ входитъ изъ передней*).

Гедда (*киваетъ ему*). Ну, вотъ кто настоящая ранняя птичка!

Бракъ. Да, не правда ли? (*Тесманъ*). Развѣ вы уходите?

Тесманъ. Да, мнѣ необходимо пойти немедленно къ теткамъ. Представьте себѣ, —наша бѣдная больная лежитъ при смерти.

Бракъ. Ахъ, Господи Боже, неужели? Но вы не должны задерживаться изъ за меня. Въ такую серьезную минуту—

Тесманъ. Да, мнѣ дѣйствительно надо бѣжать.—Прощайте, прощайте!

(*Поспѣшно уходитъ черезъ переднюю*).

Гедда (*подходитъ ближе*). У васъ сегодня ночью было болѣе, чѣмъ весело, г. ассесоръ.

Бракъ. Я такъ и не раздѣвался. г-жа Гедда.

Гедда. И вы также?

Бракъ. Нѣтъ, какъ видите. Но что разсказалъ вамъ Тесманъ о ночныхъ событіяхъ?

Гедда. Ничего особенно интереснаго. Говорилъ только, что они потомъ пошли къ кому-то и пили кофе.

Бракъ. О кофе мнѣ уже разсказывали. Кажется, Эйлерта Левборга не было съ ними?

Гедда. Нѣтъ, они сначала довели его домой.

Бракъ. И Тесманъ также?

Гедда. Нѣтъ, но нѣсколько другихъ, какъ онъ говорилъ.

Бракъ. Іоргенъ Тесманъ поистинѣ славный малый, г-жа Гедда.

Гедда. Да, это безспорно. Но развѣ случилось еще что-нибудь?

Бракъ. Да, не безъ этого.

Гедда. Въ самомъ дѣлѣ? Сядемъ-ка, дорогой ассесоръ. Сидя, вамъ удобнѣе будетъ разсказывать.

(*Она садится по лѣвую сторону стола. Бракъ вблизи*).

Гедда. Ну, итакъ?

Бракъ. У меня была особая причина слѣдить за моими гостьми—или, лучше сказать, за частью моихъ гостей сегодня ночью.

Гедда. И между послѣдними былъ, можетъ быть, и Эйлертъ Левборгъ?

Бракъ. Надо признаться,—что да.

Гедда. Теперь вы меня очень заинтересовали.

Бракъ. Знаете ли вы, г-жа Гедда, гдѣ онъ и нѣсколько другихъ провели остатокъ ночи?

Гедда. Если это можно разсказать, такъ продолжайте.

Бракъ. Конечно, разсказать можно. Видите ли, они очутились на очень оживленномъ вечерѣ.

Гедда. Веселаго рода?

Бракъ. Да, самаго веселаго, какой можно себѣ представить.

Гедда. Дальше, г. ассесоръ, продолжайте свой разсказъ—

Бракъ. Левборгъ еще раньше получилъ приглашеніе, и онъ также. Я это отлично зналъ. Но онъ отказался прійти. Потому что теперь, какъ вы знаете, онъ сдѣлался совершенно новымъ человѣкомъ.

Гедда. Тамъ наверху у Эльвстедовъ, да. Но онъ все же пошелъ?

Бракъ. Да, видите ли что, г-жа Гедда,—на него, къ несчастью, снизошелъ особый духъ у меня сегодня вечеромъ—

Гедда. Да, п я слышала,что онъ у васъ одухотворился.

Бракъ. И одухотворился въ очень сильной степени. Ну вотъ онъ пришелъ къ другимъ мыслямъ, какъ мнѣ кажется. Потому что, мы мужчины, къ сожалѣнію, не всегда такъ тверды въ своихъ принципахъ, какъ бы слѣдовало.

Гедда. Ахъ, вы, конечно, ассесоръ Бракъ, составляете въ этомъ отношеніи исключеніе! Значитъ, Левборгъ—?

Бракъ. Да, однимъ словомъ,—въ концѣ концовъ онъ очутился въ апартаментахъ m-lle Діаны.

Гедда. M-lle Діаны?

Бракъ. M-lle Діана давала вечеръ—для избраннаго круга пріятельницъ и поклонниковъ.

Гедда. Съ рыжими волосами, да?

Бракъ. Именно.

Гедда. Нѣчто въ родѣ пѣвицы?

Бракъ. Да, нѣчто въ родѣ. И къ тому же ловкая охотница на мужчинъ—г-жа Гедда. Вы навѣрное слышали и о ней. Эйлертъ Левборгъ былъ когда-то однимъ изъ самыхъ ревностныхъ ея защитниковъ,—въ дни своего могущества.

Гедда. Чѣмъ же кончились ихъ отношенія?

Бракъ. Не особенно дружески, какъ говорятъ. M-lle Діана отъ нѣжнѣйшаго пріема перешла къ рукопашной—

Гедда. Съ Левборгомъ?

Бракъ. Да. Онъ обвинялъ ее или ея подругъ въ томъ, что онѣ обокрали его. Онъ увѣрялъ, что его портфель куда-то исчезъ. А также и разныя другія вещи. Однимъ словомъ, онъ разыгралъ возмутительную скандальную сцену.

Гедда. Къ чему же это привело?

Бракъ. Это привело къ всеобщей дракѣ между мужчинами и женщинами. Къ счастью, вскорѣ на сцену появилась полиція.

Гедда. Неужели призвана была и полиція?

Бракъ. Да. Но этотъ сумасшедшій Эйлертъ Левборгъ попалъ еще въ худшую бѣду.

Гедда. Какую бѣду?

Бракъ. Онъ оказалъ самое отчаянное сопротивленіе. Говорятъ, что онъ нанесъ пощечину одному изъ полицейскихъ и изорвалъ на клочки его мундиръ. Поэтому и ему пришлось отправиться въ участокъ.

Гедда. Откуда вы все это знаете?

Бракъ. Отъ самой полиціи.

Гедда *(глядитъ впереди себя)*. Такъ вотъ какъ все это произошло! Значитъ у него не было виноградной лозы въ волосахъ.

Бракъ. Виноградной лозы, г-жа Гедда?

Гедда *(мѣняя тонъ)*. Но скажите мнѣ теперь, г. ассесоръ, почему вы вчера такъ тщательно слѣдили за Эйлертомъ Левборгомъ и такъ старательно разспрашивали о немъ?

Бракъ. Во первыхъ, потому, что я не могу относиться равнодушно къ тому, если свидѣтелями будетъ показано, что онъ шелъ прямо отъ меня.

Гедда. Развѣ будутъ допрашивать и свидѣтелей?

Бракъ. Понятно. Впрочемъ, чему быть, того не миновать. Но мнѣ кажется, что я, какъ другъ дома, обязанъ доставить вамъ и Тесману полный отчетъ о его ночныхъ похожденіяхъ.

Гедда. Зачѣмъ вамъ это, г. ассесоръ?

Бракъ. Да потому что во мнѣ шевельнулось подозрѣніе, что онъ хочетъ воспользоваться вами какъ ширмою.

Гедда. Глупости, какъ могутъ приходить вамъ въ голову такія нелѣпости?

Бракъ. Ахъ, Господи Боже,—вѣдь мы не слѣпые, г-жа Гедда. Присмотритесь хорошенько къ тому, что дѣлается вокругъ. Эта г-жа Эльвстедъ,—она не такъ-то скоро уѣдетъ изъ города.

Гедда. Ну, если бы дѣйствительно между ними было что-нибудь, много есть домовъ, много мѣстъ, гдѣ они могли бы встрѣчаться.

Бракъ. Но нѣтъ ни одного порядочнаго дома. Всѣ приличные дома будутъ съ этого дня закрыты для Эйлерта Левборга.

Гедда. Вы хотите сказать, что и мой долженъ быть также закрытъ для него?

Бракъ. Да. Признаюсь, что мнѣ будетъ больше чѣмъ непріятно видѣть этого господина бывающимъ у васъ.—Видѣть, какъ онъ непрошенный, незванный, вторгается—

Гедда. Въ тройственный союзъ?

Бракъ. Именно. Для меня это будетъ равносильно тому, какъ если бы я остался бездомнымъ.

Гедда *(глядитъ на него, улыбаясь)*. Итакъ—быть единственнымъ пѣтухомъ въ курятникѣ—вотъ какова ваша цѣль?

Бракъ *(киваетъ медленно головою и понижаетъ голосъ)*. Да, такова моя цѣль. И за эту цѣль я буду всѣми силами бороться,—всѣми средствами, которыми располагаю.

Гедда *(перестаетъ улыбаться)*. Вы, конечно, опасный человѣкъ,—когда наступаетъ рѣшительная минута.

Бракъ. Вы думаете?

Гедда. Да, я начинаю это думать. И я отъ души рада—что вы пока тѣмъ

или инымъ способомъ не захватили меня въ свои когти.

Бракъ *(смѣется двусмысленно)*. Да, да, г-жа Гедда, вы, можетъ быть, и правы. Кто знаетъ, былъ ли бы я въ такомъ случаѣ въ состояніи примириться со многимъ и многимъ.

Гедда. Но теперь послушайте-ка ассесоръ Бракъ! Вы точно угрожаете мнѣ?

Бракъ *(вставая)*. О, далека отъ меня эта мысль! Тройственный союзъ, видите ли,—онъ долженъ заключаться и поддерживаться добровольно.

Гедда. И я того же мнѣнія.

Бракъ. Да, теперь я высказалъ все, что хотѣлъ. Я скоро вернусь. Прощайте, г-жа Гедда! *(Уходитъ черезъ стеклянную дверь)*.

Гедда *(вставая)*. Вы уходите черезъ садъ?

Бракъ. Да, это мой кратчайшій путь.

Гедда. Да, и въ то же время окольный.

Бракъ. Совершенно вѣрно. Я ничего не имѣю противъ окольныхъ путей. Въ свое время они могутъ быть даже пикантны.

Гедда. Когда въ васъ стрѣляютъ дробью, вы это хотите сказать?

Бракъ *(въ дверяхъ, смѣясь)*. Ахъ, кто же станетъ стрѣлять въ своихъ собственныхъ ручныхъ пѣтуховъ?

Гедда *(также смѣется)*. Конечно, нѣтъ, въ особенности, когда другихъ въ запасѣ нѣтъ—

(Они со смѣхомъ раскланиваются. Онъ уходитъ. Она затворяетъ за нимъ дверь).

(Гедда стоитъ нѣкоторое время съ мрачнымъ лицомъ, глядя въ окно. Затѣмъ она подходитъ къ противоположному окну и заглядываетъ за занавѣсы. Потомъ направляется къ письменному столу, беретъ пакетъ Левборга и начинаетъ перелистывать бумаги. Слышенъ громкій голосъ Берты изъ передней. Гедда оборачивается и прислушивается. Затѣмъ быстро кладетъ пакетъ въ ящикъ и запираетъ на ключъ. Эйлертъ Левборгъ въ пальто и съ шляпою въ рукѣ открываетъ дверь изъ передней. Выраженіе лица его взволнованное, возбужденное).

Левборгъ *(обращаясь лицомъ въ переднюю)*. А я говорю вамъ, что я долженъ войти и войду.—Войду, да и все.

(Онъ закрываетъ дверь, оборачивается, видитъ Гедду, тотчасъ овладѣваетъ собою и кланяется).

Гедда *(у письменнаго стола)*. Ну, г. Левборгъ, вы довольно поздно приходите за Теею.

Левборгъ. Или, иначе сказать, довольно рано прихожу къ вамъ. Прошу извинить меня.

Гедда. Кто вамъ сказалъ, что она у меня?

Левборгъ. Мнѣ сказали въ ея квартирѣ, что она не возвращалась домой цѣлую ночь.

Гедда *(подходитъ къ столу въ гостиной)*. А вы ничего не замѣтили на лицахъ слугъ, когда они говорили это?

Левборгъ *(смотритъ на нее вопросительно)*. На лицахъ слугъ?

Гедда. Я хочу сказать, не показалось ли вамъ, что они при этомъ подумали кое-что?

Левборгъ *(внезапно понимаетъ)*. Ахъ да, это правда! Я тяну и ее за собой въ пропасть. Впрочемъ, я ничего не замѣтилъ.—Тесманъ, вѣроятно, еще не всталъ?

Гедда. Нѣтъ,—я не думаю—

Левборгъ. Когда онъ вернулся домой?

Гедда. Очень поздно.

Левборгъ. Онъ вамъ что-нибудь разсказывалъ?

Гедда. Да, я слышала, что у ассесора Брака было очень весело.

Левборгъ. И вы больше ничего не слышали?

Гедда. Кажется, ничего больше. Впрочемъ, я была такая сонная—

(Г-жа Эльвстедъ показывается въ аркѣ).

Г-жа Эльвстедъ *(бросается къ нему)*. Ахъ, Левборгъ! Наконецъ—

Левборгъ. Да, наконецъ. И слишкомъ поздно.

Г-жа Эльвстедъ *(смотритъ со страхомъ на него)*. Почему слишкомъ поздно?

Левборгъ. Все теперь слишкомъ поздно. Я конченный человѣкъ.

Г-жа Эльвстедъ. Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Не говори этого.

Левборгъ. Ты сама это скажешь, когда услышишь—

Г-жа Эльвстедъ. Я не хочу ничего слышать.

Гедда. Быть можетъ вы хотите переговорить съ нею наединѣ? Въ такомъ случаѣ я уйду.

Левборгъ. Нѣтъ, оставайтесь—и вы также. Я прошу васъ объ этомъ.

Г-жа Эльвстедъ. Да, но я повторяю, что не хочу ничего слышать.

Левборгъ. Но я буду говорить не о ночныхъ приключеніяхъ.

Г-жа Эльвстедъ. Въ чемъ-же дѣло?

Левборгъ. Дѣло въ томъ, что наши пути должны теперь разойтись.

Г-жа Эльвстедъ. Разойтись?

Гедда (*невольно*). Я это знала.

Левборгъ. Потому что ты мнѣ больше не нужна, Теа.

Г-жа Эльвстедъ. И ты можешь стоять здѣсь и говорить мнѣ это! Я тебѣ больше не нужна! Такъ я не буду помогать тебѣ теперь, какъ прежде? Мы, значитъ, не будемъ больше работать вмѣстѣ?

Левборгъ. Послѣ всего, что случилось, я не буду больше работать съ тобою.

Г-жа Эльвстедъ (*въ отчаяніи*). На что мнѣ теперь моя жизнь?

Левборгъ. Попробуй жить такъ, какъ будто ты меня никогда не знала.

Г-жа Эльвстедъ. Но я этого не могу.

Левборгъ. Попробуй, можетъ быть и удастся, Теа. Вернись домой—

Г-жа Эльвстедъ (*съ негодованіемъ*). Ни за что на свѣтѣ! Тамъ, гдѣ ты будешь, буду и я. Я не позволю прогнать себя такимъ образомъ. Я не двинусь съ мѣста. Буду здѣсь съ тобою, когда выйдетъ книга.

Гедда (*вполголоса, съ волненіемъ*). Ахъ, книга,—да!

Левборгъ (*глядитъ на нее*). Книга моя и Теи. Потому что вопросъ въ ней... Потому что это такъ, она наша.

Г-жа Эльвстедъ. Да, я чувствую, что она наша. И поэтому я имѣю право быть здѣсь съ тобою, когда она выйдетъ. Я хочу видѣть, какъ она доставитъ тебѣ почетъ и уваженіе. И радость,—радость я хочу раздѣлить съ тобою.

Левборгъ. Теа,—наша книга никогда не выйдетъ.

Гедда. Ахъ!

Г-жа Эльвстедъ. Никогда не выйдетъ?

Левборгъ. Никогда не выйдетъ.

Г-жа Эльвстедъ (*съ ужаснымъ предчувствіемъ*). Левборгъ,—что ты сдѣлалъ съ рукописью?

Гедда (*внимательно глядитъ на него*). Да,—рукопись—?

Г-жа Эльвстедъ. Гдѣ она?

Левборгъ. Ахъ, Теа, не спрашивай меня объ этомъ!

Г-жа Эльвстедъ. Нѣтъ, нѣтъ, я хочу знать. Я имѣю право требовать отъ тебя немедленнаго отвѣта.

Левборгъ. Рукопись.—Ну хорошо, —я разорвалъ рукопись на тысячи кусковъ.

Г-жа Эльвстедъ (*кричитъ*). Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Гедда (*невольно*). Но это не—

Левборгъ (*глядитъ на нее*). Не правда, вы это хотите сказать?

Гедда (*овладѣвая собой*). Да, конечно. Разъ вы это сами говорите. Но все это звучитъ такъ странно—

Левборгъ. И все-же это правда.

Г-жа Эльвстедъ (*ломая руки*). Ахъ, Боже,—ахъ, Боже!—Разорвать въ куски свою собственную рукопись!

Левборгъ. Я въ дребезги разбилъ свою собственную жизнь. Могъ-же я разорвать на куски и свою рукопись—

Г-жа Эльвстедъ. И ты это сдѣлалъ сегодня ночью!

Левборгъ. Да, слушай. На тысячи кусковъ. И выбросилъ ихъ въ фіордъ. Далеко, далеко. Тамъ по крайней мѣрѣ много свѣжей соленой воды. Пусть плаваетъ по ней моя рукопись! Пусть ее гонятъ вѣтеръ и буря! А потомъ она потонетъ. Все глубже и глубже! Какъ и я, Теа.

Г-жа Эльвстедъ. Знаешь-ли ты, Левборгъ, что всю эту исторію съ книгою —я всю свою жизнь буду помнить ее, точно ты убилъ маленькаго ребенка.

Левборгъ. Ты права. Это точно дѣтоубійство.

Г-жа Эльвстедъ. Но какъ-же ты могъ—? Дитя, вѣдь, принадлежало и мнѣ.

Гедда (*почти неслышно*). Ахъ, дитя—!

Г-жа Эльвстедъ (*тяжело вздыхаетъ*). Итакъ, всему конецъ. Да, да, теперь я ухожу, Гедда.

Гедда. Но ты не уѣдешь еще?

Г-жа Эльвстедъ. Я сама не знаю, что сдѣлаю. Теперь все темно передо мною.

(*Уходитъ черезъ переднюю*).

Гедда (*послѣ нѣкотораго молчанія*). Вы, значитъ, не хотите проводить ее домой, г. Левборгъ.

Левборгъ. Я? По улицамъ города? Чтобы всѣ видѣли, что она разгуливала со мною?

Гедда. Я не знаю, что произошло собственно сегодня ночью. Но неужели нѣтъ никакой возможности пособить горю?

Левборгъ. Дѣло не въ одной этой ночи. Я это отлично знаю. Но вѣрно и то, что я не перенесу больше такого рода жизни. Начинать ее вновь я не могу. Жажду жизни, умѣніе противостоять ей,—вотъ что она уничтожила во мнѣ!

Гедда (*глядитъ передъ собою*). Эта маленькая дурочка запустила свои пальчики въ человѣческую судьбу.—(*Глядитъ на него*). Но все-же—какъ могли вы быть такъ безсердечны къ ней?

Левборгъ. Ахъ, не говорите, что я былъ безсердеченъ!

Гедда. Уничтожить однимъ взмахомъ руки то, что наполняло ея сердце въ теченіе долгаго, долгаго времени! И это еще не безсердечно?

Левборгъ. Вамъ я скажу правду, Гедда.

Гедда. Правду?

Левборгъ. Обѣщайте мнѣ сначала,—дайте мнѣ слово, что Теа никогда не узнаетъ того, что я повѣрю вамъ.

Гедда. Даю вамъ слово.

Левборгъ. Хорошо. Такъ я вамъ скажу, что это неправда, все, что я разсказывалъ ей здѣсь.

Гедда. То, что вы разсказывали о рукописи?

Левборгъ. Да. Я и не думалъ рвать ее на части. Не думалъ бросать въ фіордъ.

Гедда. Нѣтъ?—Но—гдѣ-же она?

Левборгъ. И тѣмъ не менѣе я уничтожилъ ее. Уничтожилъ до чиста, Гедда.

Гедда. Этого я не понимаю.

Левборгъ. Теа сказала, что то, что я сдѣлалъ, для нея все равно, какъ будто дѣтоубійство.

Гедда. Да,—она это сказала.

Левборгъ. Но убить своего ребенка—это еще не самое худшее, что отецъ можетъ сдѣлать съ нимъ.

Гедда. А что-же можетъ быть хуже? Это не самое худшее?

Левборгъ. Нѣтъ! Худшее было то, что я не разсказалъ Теѣ, щадя ее.

Гедда. А что-же было худшаго?

Левборгъ. Предположите, Гедда, что нѣкій человѣкъ,—къ утру—послѣ бурной ночи, проведенной въ кутежѣ, приходитъ домой къ матери своего ребенка и говоритъ ей: послушай,—я былъ тамъ то и тамъ-то, въ такихъ-то и такихъ-то мѣстахъ. И у меня былъ съ собою и нашъ ребенокъ. Въ такихъ-то и такихъ-то мѣстахъ. И ребенокъ пропалъ у меня. Совершенно пропалъ. Чортъ знаетъ, въ какія руки онъ попалъ. Кто продѣлалъ со мною эту штуку.

Гедда. Ахъ,—но въ концѣ концовъ—вѣдь это была только книга—

Левборгъ. Въ этой книгѣ была чистая душа Теи.

Гедда. Да, теперь я понимаю.

Левборгъ. И теперь вы также понимаете, что между мною и ею не можетъ быть больше общаго будущаго.

Гедда. Какою-же дорогою хотите вы идти?

Левборгъ. Никакою. Лишь бы это все кончилось. И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Гедда (*подходя ближе*). Эйлертъ Левборгъ,—послушайте—! Не могли-ли бы вы устроить такъ, чтобы—чтобы это произошло красиво?

Левборгъ. Красиво? (*Улыбается*). Съ виноградною лозою въ волосахъ, какъ вы нѣкогда представляли себѣ меня—?

Гедда. Ахъ нѣтъ! Виноградная лоза—въ нее я больше не вѣрю. Но все-же чтобы это было красиво! Хотя-бы одинъ разъ!—Прощайте! Вы уходите теперь. И не скоро вернетесь къ намъ.

Левборгъ. Прощайте, сударыня! Кланяйтесь отъ меня Іоргену Тесману.

(*Хочетъ уходить*).

Гедда. Нѣтъ, подождите. Я дамъ вамъ кое-что на память о себѣ.

(*Подходитъ къ письменному столу, открываетъ ящикъ и вынимаетъ ящикъ съ пистолетами. Подходитъ затѣмъ къ Левборгу съ однимъ изъ пистолетовъ*).

Левборгъ (*смотритъ на нее*). Это? Такъ вы *это* даете мнѣ на память?

Гедда (*медленно киваетъ головою*). Узнаете вы его? Онъ былъ когда-то направленъ противъ васъ.

Левборгъ. Лучше было-бы, если-бы вы тогда разрядили его.

Гедда. Вотъ онъ! Разрядите его теперь вы.

Левборгъ (*прячетъ пистолетъ въ карманъ*). Благодарю!

Гедда. Но только чтобы было красиво, Эйлертъ Левборгъ! Обѣщайте мнѣ это!

Левборгъ. Прощайте, Гедда Габлеръ.

(Уходитъ черезъ переднюю).

(Гедда прислушивается минуту у двери. Затѣмъ подходитъ къ письменному столу, вынимаетъ изъ него пакетъ съ рукописью, разсматриваетъ обложку, вынимаетъ наполовину нѣсколько листковъ и смотритъ на нихъ. Затѣмъ идетъ со всею рукописью къ камину и садится на кресло возлѣ него. Пакетъ лежитъ у нея на колѣняхъ. Нѣсколько минутъ спустя она отворяетъ дверцу камина и раскрываетъ пакетъ).

Гедда *(бросаетъ одну изъ тетрадей въ огонь и шепчетъ про себя).* Теперь я сжигаю твое дитя, Теа! – Ахъ, ты, кудрявая! *(Бросаетъ въ каминъ двѣ тетради).* Твое дитя и Эйлерта Левборга. *(Бросаетъ въ каминъ остальныя тетради).* Вотъ я сжигаю,—вотъ я сжигаю дитя!

Дѣйствіе четвертое.

(Та же гостиная у Тесмановъ. Вечеръ. Въ комнатѣ темнота. Задняя комната освѣщена лампою, висящею надъ столомъ. Занавѣсы у стеклянной двери сдвинуты).

(Гедда, одѣтая въ трауръ, ходитъ по темной комнатѣ, затѣмъ переходитъ въ заднюю комнату и поворачиваетъ налѣво. Слышны нѣсколько аккордовъ на фортепіано. Потомъ она опять выходитъ изъ за арки и направляется въ гостиную).

(Берта входитъ справа черезъ заднюю комнату съ зажженною лампою, которую ставитъ на столъ передъ угольнымъ диваномъ гостиной. Глаза у нея заплаканы, а на чепцѣ черная лента. Идетъ тихо и осторожно направо. Гедда подходитъ къ стеклянной двери, раздвигаетъ немного занавѣсы и заглядываетъ въ темноту)

(Нѣсколько времени спустя приходитъ изъ передней Ю. Тесманъ, одѣтая въ трауръ, въ шляпкѣ съ вуалью. Гедда идетъ ей навстрѣчу и протягиваетъ ей руку).

Ю. Тесманъ. Да, Гедда, я прихожу къ вамъ въ траурѣ. Потому что моя бѣдная сестра наконецъ испустила духъ.

Гедда. Я уже знаю это, какъ видите. Тесманъ прислалъ мнѣ записку.

Ю. Тесманъ. Да, онъ обѣщалъ мнѣ прислать. Но я все же считала, что Гедда,—сюда, въ домъ жизни,—я должна лично сообщить о смерти.

Гедда. Это очень любезно съ вашей стороны.

Ю. Тесманъ. Ахъ, Ринѣ не слѣдовало уходить отъ насъ именно теперь! Домъ Гедды не долженъ быть въ траурѣ въ это время.

Гедда *(отклоняя разговоръ).* Она умерла спокойно, т-Не Тесманъ?

Ю. Тесманъ. Ахъ, такъ спокойно, —такъ мирно ушла она отъ насъ. И потомъ какое это было для нея несказанное счастье, что она еще разъ могла увидѣть Іоргена. Могла хорошенько проститься съ нимъ. Онъ еще не вернулся домой?

Гедда. Нѣтъ. Онъ написалъ, чтобы я не ждала его. Но садитесь же, пожалуйста.

Ю. Тесманъ. Нѣтъ, спасибо, дорогая, милая Гедда. Я охотно посидѣла бы съ вами. Но у меня такъ мало времени. Теперь ее надо убрать и разукрасить возможно лучше. Надо, чтобы она легла въ гробъ какъ можно болѣе красивою.

Гедда. Не могу ли я чѣмъ-нибудь помочь?

Ю. Тесманъ. Ахъ, что вы! Къ такого рода вещамъ Гедда Тесманъ не должна и прикасаться. Не слѣдуетъ даже думать объ этомъ. Нѣтъ, не въ это время, нѣтъ.

Гедда. Ахъ, думать!—Надъ своими мыслями никто не властенъ.

Юліана Тесманъ *(продолжая).* Да, Господи Боже, такъ все идетъ на свѣтѣ. Дома у меня мы будемъ шить погребальныя одежды для Рины. А здѣсь навѣрное скоро также будутъ шить. Но это будетъ другого рода шитье,—слава Богу!

(Іоргенъ Тесманъ входитъ черезъ переднюю).

Гедда. Какъ хорошо, что ты, наконецъ вернулся!

Тесманъ. Ты здѣсь, тетя Юля? У Гедды? Представь себѣ?

Юліана Тесманъ. Я только что собиралась вернуться домой, мой дорогой. Что же ты все устроилъ такъ, какъ обѣщалъ?

Тесманъ. Нѣтъ, я, право, боюсь, что половину перезабылъ. Я завтра опять побѣгу къ тебѣ. Но сегодня моя голова совершенно забита. Я никакъ не могу собраться съ мыслями.

Юліана Тесманъ. Но, дорогой Іоргенъ, не принимай этого такъ близко къ сердцу.

Тесманъ. Да? Что ты хочешь сказать?

Юліана Тесманъ. Ты и въ горѣ

долженъ радоваться. Радоваться за то, что случилось. То же дѣлаю и я.

Тесманъ. Ахъ, да, да! Ты все думаешь о тетѣ Ринѣ.

Гедда. Теперь вы будете чувствовать себя очень одинокою, m-lle Тесманъ.

Юліана Тесманъ. Въ первые дни да. Но я надѣюсь, что это недолго будетъ продолжаться. Маленькая комнатка покойной Рины останется недолго пустою,—въ этомъ я увѣрена.

Тесманъ. Да? Кого же ты думаешь поселить въ ней? А?

Юліана Тесманъ. Ахъ, всегда найдется тотъ или иной больной, нуждающійся въ уходѣ, въ попеченіяхъ!

Гедда. Неужели вы въ самомъ дѣлѣ хотите взять на себя такой крестъ?

Юліана Тесманъ. Крестъ? Да проститъ вамъ Богъ, дитя мое,—это никогда не было крестомъ для меня.

Гедда. Но если теперь къ вамъ прійдетъ чужой человѣкъ, тогда—

Юліана Тесманъ. Ахъ, но съ больными людьми такъ быстро можно подружиться! А мнѣ такъ хочется имѣть кого-нибудь, ради кого стоило бы жить! Ну, слава Богу,—и здѣсь въ домѣ вскорѣ найдется та или иная работа для старой тетки.

Гедда. Ахъ, только, пожалуйста, не говорите о нашемъ домѣ!

Тесманъ. Да, представь себѣ, какъ восхитительно жилось бы намъ втроемъ, если бы—

Гедда. Если бы—?

Тесманъ *(тревожно)*. Ахъ, ничего! Все еще уладится. Будемъ надѣяться. А?

Юліана Тесманъ. Да, да. У васъ двоихъ есть еще о чемъ переговорить, какъ мнѣ кажется. *(Улыбается)*. А быть можетъ у Гедды есть о чемъ поразсказать тебѣ, Іоргенъ. Прощайте! Теперь я пойду домой къ Ринѣ. *(Оборачивается въ дверяхъ)*. Господи Боже, какою странною представляется мнѣ эта мысль! Теперь Рина одновременно и у меня, и у покойнаго Іохума.

Тесманъ. Да, представь себѣ, тетя Юля! А?

(Юліана Тесманъ уходитъ черезъ переднюю).

Гедда *(входитъ и проницательно смотритъ на Тесмана)*. Можно подумать, что ты принимаешь больше къ сердцу смерть тетки, чѣмъ она.

Тесманъ. Ахъ, тутъ не одна смерть! Меня страшно безпокоитъ Эйлертъ.

Гедда *(быстро)*. Развѣ съ нимъ случилось что-нибудь новое?

Тесманъ. Я хотѣлъ бѣжать къ нему послѣ обѣда и сказать, что рукопись въ сохранномъ мѣстѣ.

Гедда. Ну? И ты его не нашелъ дома?

Тесманъ. Нѣтъ. Его не было дома. Но затѣмъ я встрѣтилъ г-жу Эльвстедъ и она разсказала мнѣ, что онъ заходилъ къ намъ рано утромъ—

Гедда. Да, тотчасъ послѣ твоего ухода.

Тесманъ. И что онъ сказалъ, будто порвалъ рукопись на куски. А?

Гедда. Да, онъ увѣрялъ насъ въ этомъ.

Тесманъ. Но, Господи Боже, значитъ онъ совсѣмъ съ ума сошелъ. И ты, надѣюсь, не отдала ему назадъ рукописи, Гедда?

Гедда. Нѣтъ, онъ ея не получилъ.

Тесманъ. Но ты сказала ему, что она у насъ?

Гедда. Нѣтъ. *(Быстро)*. Ты, можетъ быть, сказалъ г-жѣ Эльвстедъ?

Тесманъ. Нѣтъ, я этого не сдѣлалъ. Но ему самому ты должна была сказать. Представь себѣ, что, если онъ въ отчаяніи наложитъ на себя руки? Дай мнѣ рукопись, Гедда. Я побѣгу сейчасъ къ нему. Куда ты ее положила?

Гедда *(холодно и неподвижно, опираясь на спинку кресла)*. У меня ея больше нѣтъ.

Тесманъ. У тебя ея больше нѣтъ? Ради Бога, что это значитъ?

Гедда. Я сожгла—все до тла.

Тесманъ *(вздрогнувъ отъ ужаса)*. Сожгла! Сожгла рукопись Эйлерта?

Гедда. Не кричи такъ громко! Горничная можетъ тебя услышать.

Тесманъ. Сожгла! Но, Боже милосердный—! Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!—это совершенно невозможно!

Гедда. Да, а между тѣмъ это правда.

Тесманъ. Но понимаешь ли, Гедда, что ты сдѣлала? Это беззаконное обращеніе съ чужою собственностью. Представь себѣ! Да, спроси хоть ассесора Брака,—и ты увидишь.

Гедда. Конечно, лучше всего будетъ, если ты ни съ кѣмъ не будешь говорить объ этомъ,—ни съ ассесоромъ Бракомъ и ни съ кѣмъ другимъ.

Тесманъ. Но какъ же ты могла сдѣлать такую неслыханную вещь? Какъ могло это прійти тебѣ въ голову? Какъ ты могла на это рѣшиться? Отвѣчай же мнѣ. А?

Гедда (*подавляетъ почти незамѣтную улыбку*). Я сдѣлала это ради тебя, Іоргенъ.

Тесманъ. Ради меня?

Гедда. Когда ты пришелъ утромъ и разсказалъ, что онъ читалъ тебѣ—

Тесманъ. Да, да, ну и что-же?

Гедда. Ты признался, что позавидовалъ ему.

Тесманъ. Ахъ, Господи Боже, этого не надо было понимать такъ буквально.

Гедда. Но все-же—Я не могла перенесть мысли, что кто-нибудь затмитъ тебя.

Тесманъ (*горячо съ смѣсью радости и сомнѣнія*). Гедда,—ахъ, неужели это правда?—Да, но—Да, но—я никогда еще не замѣчалъ, чтобы твоя любовь проявлялась такъ сильно.—Представь себѣ!

Гедда. Ну, такъ лучше тебѣ знать—что именно въ это время—(*рѣзко, прерывая себя*). Нѣтъ, нѣтъ,—ты можешь спросить объ этомъ у тети Юли. Она тебѣ все разскажетъ.

Тесманъ. Ахъ, мнѣ кажется, какъ будто я понимаю тебя, Гедда. (*Складываетъ руки*). Нѣтъ, Господи Боже,—неужели *это* возможно? А?

Гедда. Не кричи такъ громко! Горничная можетъ услышать тебя.

Тесманъ (*смѣясь, съ радостью*). Горничная! Нѣтъ, ты, право, восхитительна, Гедда! Горничная—вѣдь это Берта, Берта! Я самъ пойду и разскажу все Бертѣ!

Гедда (*въ отчаяніи ломаетъ руки*). Ахъ, я не вынесу,—я не вынесу всего этого!

Тесманъ. Чего, Гедда? Чего?

Гедда (*холодно, овладѣвъ собою*). Всего этого—смѣшного—Іоргенъ.

Тесманъ. Смѣшного? Развѣ такъ смѣшно, что я отъ души радъ? Но все-же—Быть можетъ, не стоитъ говорить Бертѣ.

Гедда. Ахъ нѣтъ, зачѣмъ ей это говорить?

Тесманъ. Нѣтъ, нѣтъ, еще не теперь. Но тетя Юля должна обязательно узнать это,—а также то, что ты начинаешь называть меня Іоргенъ. Представь себѣ! Ахъ, тетя Юля,—она такъ обрадуется, такъ обрадуется!

Гедда. Когда она узнаетъ, что я согжла рукопись Эйлерта Левборга—ради тебя?

Тесманъ. Нѣтъ, и это также правда. Объ этихъ бумагахъ, конечно, никто не долженъ знать. Но что ты сожгла ихъ для меня, Гедда,—часть этой радости надо удѣлить и тетѣ Юлѣ. Впрочемъ, хотѣлось-бы мнѣ знать, не случаются ли часто такого рода выходки у молодыхъ женщинъ? А?

Гедда. Можешь и объ *этомъ* спросить у тети Юли.

Тесманъ. Да, при случаѣ непремѣнно спрошу. (*Впадаетъ опять въ задумчивое настроеніе*). Нѣтъ, но—но эта рукопись! Господи Боже, страшно и подумать о бѣдномъ Эйлертѣ!

(*Г-жа Эльвстедъ, одѣтая какъ и во время перваго посѣщенія, въ шляпѣ и накидкѣ, входитъ черезъ переднюю*).

Г-жа Эльвстедъ (*кланяется быстро и говоритъ въ глубокомъ волненіи*). Ахъ, дорогая Гедда, не сердись на меня, что я опять пришла.

Гедда. Что случилось съ тобою, Теа?

Тесманъ. Развѣ съ Эйлертомъ Левборгомъ опять что-нибудь приключилось? А?

Г-жа Эльвстедъ. Ахъ да!—Я такъ страшно боюсь, чтобы съ нимъ не случилось несчастья.

Гедда (*хватаетъ ее за руку*). Ахъ, - неужели ты это думаешь!

Тесманъ. Нѣтъ, но, Господи Боже, —какъ могла прійти вамъ въ голову такая мысль, г-жа Эльвстедъ?

Г-жа Эльвстедъ. Да, потому что они говорили о немъ въ пансіонѣ—какъ разъ когда я вошла. Ахъ, сегодня о немъ ходятъ по городу самые невѣроятные слухи!

Тесманъ. Да, представьте себѣ, я это также слышалъ. А я могу засвидѣтельствовать, что онъ отправился прямо домой и легъ спать. Представьте себѣ!

Гедда. Ну,—а что-же говорили въ пансіонѣ?

Г-жа Эльвстедъ. Ахъ, я ничего не могла разобрать! Или они не знали ничего опредѣленнаго, или—они замолчали, какъ только увидали меня. А разспрашивать я не рѣшилась.

Тесманъ (*ходитъ тревожно по комнатѣ*). Будемъ надѣяться — будемъ надѣяться, что вы ослышались, г-жа Эльвстедъ.

Г-жа Эльвстедъ. Нѣтъ, нѣтъ, я увѣрена, что говорили о немъ. И затѣмъ я разслышала, что они упомянули о больницѣ или—

Тесманъ. О больницѣ?

Гедда. Нѣтъ,—это невозможно!

Г-жа Эльвстедъ. Ахъ, я такъ страшно испугалась за него! И вотъ я отправилась къ нему на квартиру и спросила о немъ.

Гедда. Какъ ты *могла* рѣшиться на это, Теа!

Г-жа Эльвстедъ. Да, а что мнѣ было другого дѣлать? Потому что я не въ силахъ была выдержать дольше неизвѣстность.

Тесманъ. Но вы его не застали дома, нѣтъ? А?

Г-жа Эльвстедъ. Нѣтъ. И слуги не могли ничего сказать о немъ. Онъ не приходилъ домой со вчерашняго вечера, говорили они.

Тесманъ. Со вчерашняго вечера? Представьте себѣ! Какъ-же могли они говорить это?

Г-жа Эльвстедъ. Ахъ, я могу думать только одно—что съ нимъ случилось что-нибудь ужасное!

Тесманъ. Послушай, Гедда,—что, если я пойду разузнаю въ разныхъ мѣстахъ?

Гедда. Нѣтъ, нѣтъ,—не мѣшайся въ это дѣло!

(*Ассесоръ Бракъ, съ шляпой въ рукѣ, входитъ черезъ переднюю, дверь которой Берта открываетъ и закрываетъ за нимъ. У него серьезный видъ. Онъ молча кланяется*).

Тесманъ. Ахъ, это вы, дорогой ассесоръ? А?

Бракъ. Да, мнѣ необходимо было зайти къ вамъ сегодня вечеромъ.

Тесманъ. Я вижу по васъ, что вы получили извѣщеніе отъ тети Юли.

Бракъ. Я получилъ и его, да.

Тесманъ. Не правда ли, какъ грустно это? А?

Бракъ. Видите-ли, дорогой Тесманъ, это грустно или нѣтъ, смотря по тому, какъ къ нему отнестись.

Тесманъ (*смотритъ робко на него*). Можетъ быть случилось еще что-нибудь?

Бракъ. Да, именно.

Гедда (*съ тревогою*). Что-нибудь печальное, ассесоръ Бракъ?

Бракъ. И это смотря по тому, какъ къ нему отнестись, сударыня.

Г-жа Эльвстедъ (*невольно вскрикиваетъ*). Ахъ, и это случилось съ Эйлертомъ Левборгомъ?

Бракъ (*взглядываетъ на нее*). Какъ это вамъ пришло въ голову? Вы можетъ быть, уже знаете—?

Г-жа Эльвстедъ (*въ смущеніи*). Нѣтъ, нѣтъ, я ничего еще не знаю; но—

Тесманъ. Но, ради Бога, говорите-же скорѣй!

Бракъ (*пожимаетъ плечи*). Ну, —къ несчастью;—Эйлертъ Левборгъ перевезенъ въ больницу. Онъ теперь уже навѣрное при смерти.

Г-жа Эльвстедъ (*громко вскрикиваетъ*). Ахъ Боже, Боже—!

Тесманъ. Въ больницу! И уже при смерти!

Гедда (*невольно*). Такъ скоро—!

Г-жа Эльвстедъ (*жалобно*). А мы, Гедда,—мы разстались, не примирившись!

Гедда (*шепчетъ*). Теа!—Теа!

Г-жа Эльвстедъ (*не обращая на нее вниманія*). Я должна пойти къ нему. Я должна еще разъ увидѣть его при жизни.

Бракъ. Это вамъ не удастся, сударыня. Къ нему никого не допускаютъ.

Г-жа Эльвстедъ. Но скажите же по крайней мѣрѣ, что съ нимъ случилось. Что все это значитъ?

Тесманъ. Да, потому что онъ самъ, конечно, не могъ—! А?

Гедда. Нѣтъ, могъ, я въ этомъ увѣрена.

Тесманъ. Гедда, какъ ты можешь—

Бракъ (*не спуская съ нея глазъ*). Вы, къ сожалѣнію, угадали, г-жа Тесманъ.

Г-жа Эльвстедъ. Ахъ, *какъ* это ужасно!

Тесманъ. Значитъ, самъ. Представьте себѣ!

Гедда. Застрѣлился?

Бракъ. Опять угадали, сударыня.

Г-жа Эльвстедъ (*стараясь овладѣть собою*). Когда это случилось, г. ассесоръ?

Бракъ. Сегодня послѣ обѣда. Между тремя и четырмя.

Тесманъ. Но, Господи Боже,—гдѣ онъ это сдѣлалъ? А?

Бракъ (*нѣсколько неувѣреннымъ тономъ*). Гдѣ? По всей вѣроятности въ своей квартирѣ.

Г-жа Эльвстедъ. Нѣтъ, не можетъ быть. Потому что я заходила къ нему между шестью и семью.

Бракъ. Ну, такъ, значитъ, въ другомъ мѣстѣ. Я навѣрное не знаю. Я знаю только, что его нашли. Онъ прострѣлилъ себѣ грудь.

Г-жа Эльвстедъ. Ахъ, какъ ужасна эта мысль! Какъ ужасно думать, что онъ могъ покончить съ собою такимъ образомъ!

Гедда (*Браку*). Такъ онъ выстрѣлилъ себѣ въ грудь?

Бракъ. Да,—такъ, какъ я сказалъ.

Гедда. Значитъ не въ високъ?

Бракъ. Въ грудь, г-жа Тесманъ.

Гедда. Да, да,—въ грудь тоже хорошо.

Бракъ. Это почему, сударыня?

Гедда (*уклончиво*). Ахъ нѣтъ,—пустяки!

Тесманъ. И рана опасна для жизни, говорите вы? А?

Бракъ. Рана положительно смертельна. По всей вѣроятности онъ уже скончался.

Г-жа Эльвстедъ. Да, да, я это предчувствую. Онъ уже скончался. Скончался! Ахъ, Гедда—!

Тесманъ. Но скажите мнѣ,—какъ вы это все узнали?

Бракъ (*сухо*). Черезъ одного изъ полицейскихъ, съ которымъ мнѣ пришлось разговаривать.

Гедда (*торжественно*). Наконецъ хоть одинъ подвигъ!

Тесманъ (*испуганно*). Господи, помилуй,—что ты говоришь, Гедда?

Гедда. Я говорю, что во всемъ этомъ есть красота.

Бракъ. Гмъ, г-жа Тесманъ—!

Тесманъ. Красота! Нѣтъ, представь себѣ!

Г-жа Эльвстедъ. Ахъ, Гедда, какъ ты можешь говорить о красотѣ въ такомъ дѣлѣ!

Гедда. Эйлертъ Левборгъ покончилъ всѣ счеты съ собою. У него хватило мужества исполнить то, что слѣдовало.

Г-жа Эльвстедъ. Нѣтъ, не думаю, что это случилось такимъ образомъ. Онъ сдѣлалъ это въ припадкѣ безумія.

Тесманъ. Онъ сдѣлалъ это въ отчаяніи.

Гедда. Нѣтъ, неправда. Я въ этомъ такъ увѣрена!

Г-жа Эльвстедъ. Да, да. Въ припадкѣ безумія. Совершенно какъ тогда, когда онъ разорвалъ въ куски нашу рукопись.

Бракъ (*съ удивленіемъ*). Рукопись? Вы говорите о рукописи? Развѣ онъ ее разорвалъ въ куски?

Г-жа Эльвстедъ. Да, разорвалъ.

Тесманъ (*шепчетъ*). Ахъ, Гедда, мы никогда не отдѣлаемся отъ этого!

Бракъ. Гмъ! Какъ это странно!

Тесманъ (*ходитъ по комнатѣ*). Представить себѣ, что Эйлерту пришлось такимъ образомъ разстаться со свѣтомъ! И такъ мало оставить по себѣ, что увѣковѣчило-бы его имя—

Г-жа Эльвстедъ. Ахъ, если-бы была возможность составить заново рукопись!

Тесманъ. Да, представьте себѣ, если-бы была возможность! Я не знаю, чего бы я не далъ—

Г-жа Эльвстедъ. Можетъ быть есть возможность, г. Тесманъ.

Тесманъ. Что вы хотите сказать?

Г-жа Эльвстедъ (*ищетъ въ карманѣ юбки*). Посмотрите сюда. Я спрятала тѣ клочки бумаги, которые у него были, когда онъ мнѣ диктовалъ.

Гедда (*дѣлаетъ шагъ впередъ*). Ахъ—!

Тесманъ. Такъ вы спрятали ихъ, г-жа Эльвстедъ? А?

Г-жа Эльвстедъ. Да, вотъ они. Я взяла ихъ съ собою, когда уѣзжала. И затѣмъ они остались въ карманѣ.

Тесманъ. Дайте мнѣ посмотрѣть.

Г-жа Эльвстедъ (*протягиваетъ ему пачку листковъ*). Но они въ такомъ безпорядкѣ. Такъ мало связи между ними.

Тесманъ. Представьте себѣ! А что, если намъ удастся разобраться въ нихъ? Можетъ быть, если мы будемъ другъ другу помогать—

Г-жа Эльвстедъ. Ахъ да, по крайней мѣрѣ попробуемъ—

Тесманъ. Намъ это удастся. Это должно удасться, Я свою жизнь посвящу этому дѣлу.

Гедда. Ты, Іоргенъ? Свою жизнь?

Тесманъ. Да, или скорѣе все время, какимъ могу располагать. Мои собственныя выписки—тѣ могутъ лежать покамѣстъ. Гедда,—ты понимаешь меня? А? Это я обязанъ сдѣлать ради памяти Эйлерта.

Гедда. Можетъ быть.

Тесманъ. Итакъ, дорогая г-жа Эльвстедъ, примемся за дѣло. Господи Боже, что за польза скорбѣть надъ невозвратимымъ. А? Постараемся успокоиться такъ, чтобы—

Г-жа Эльвстедъ. Да, да, г. Тесманъ, постараюсь, насколько могу.

Тесманъ. Ну, идите сюда. Просмотримъ его замѣтки. Гдѣ бы намъ сѣсть? Здѣсь? Нѣтъ, лучше въ задней комнатѣ. Извините, дорогой ассесоръ. Пойдемте со мною, г-жа Эльвстедъ.

Г-жа Эльвстедъ. Ахъ, Боже, если бы это было возможно!

(*Тесманъ и г-жа Эльвстедъ уходятъ въ заднюю комнату. Она снимаетъ шляпу и накидку. Оба садятся у стола подъ висячею лампою и углубляются въ разсматриваніе бумагъ. Гедда подходитъ къ камину и садится въ кресло. Вскорѣ послѣ того Бракъ подходитъ къ ней*).

Гедда (*вполголоса*). — Ахъ, ассесоръ,—какое облегченіе доставляетъ это событіе съ Эйлертомъ Левборгомъ!

Бракъ. Облегченіе, г-жа Гедда? Да, для него это, конечно, облегченіе—

Гедда. Я говорю: для меня. Облегченіе знать, что въ свѣтѣ можетъ дѣйствительно произойти нѣчто добровольно мужественное. Нѣчто, проникнутое сіяніемъ невольной красоты.

Бракъ (*улыбаясь*). Гмъ!—дорогая г-жа Гедда—!

Гедда. Ахъ, я знаю, что вы скажете. Потому что и вы нѣчто вродѣ спеціалиста,—и вы также.

Бракъ (*смотритъ въ упоръ на нее*). Эйлертъ Левборгъ былъ для васъ дороже, чѣмъ вы хотите признаться самой себѣ. Или я ошибаюсь?

Гедда. На такой вопросъ я вамъ не отвѣчу. Я знаю только одно, что у Эйлерта Левборга хватало мужества жить такъ, какъ ему хотѣлось. А теперь—этотъ великій подвигъ! Подвигъ, проникнутый такою красотою! У него хватило силы и воли удалиться съ жизненнаго пира — такъ рано.

Бракъ. Мнѣ очень жаль, г-жа Гедда, —но я вынужденъ разсѣять прекрасную иллюзію.

Гедда. Иллюзію?

Бракъ. Которая все равно была бы у васъ вскорѣ разрушена.

Гедда. Въ чемъ же дѣло?

Бракъ. Онъ застрѣлился—не добровольно.

Гедда. Не добровольно?

Бракъ. Нѣтъ. Исторія съ Эйлертомъ Левборгомъ случилась не совсѣмъ такъ, какъ я разсказывалъ.

Гедда (*съ напряженнымъ вниманіемъ*). Такъ вы о чемъ то умолчали? О чемъ-же?

Бракъ. Ради бѣдной г-жи Эльвстедъ я долженъ былъ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія.

Гедда. Какія-же?

Бракъ. Во-первыхъ, онъ уже умеръ.

Гедда. Въ больницѣ?

Бракъ. Да. И не приходя въ сознаніе.

Гедда. О чемъ же еще вы умолчали?

Бракъ. О томъ, что все это произошло не въ его квартирѣ.

Гедда. Ну, это положимъ, не имѣетъ значенія.

Бракъ. Вы не совѣмъ правы. Потому что я долженъ вамъ сказать—Эйлертъ Левборгъ былъ найденъ застрѣлившимся— въ будуарѣ m-elle Діаны.

Гедда (*хочетъ вскочить, но падаетъ опять въ кресло*). Это невозможно, ассесоръ Бракъ! Онъ не могъ пойти опять туда сегодня.

Бракъ. Онъ пошелъ туда послѣ обѣда. Онъ явился съ требованіемъ вернуть ему то, что, какъ онъ увѣрялъ, они взяли у него. Разсказывалъ безсвязно о какомъ-то ребенкѣ, который пропалъ—

Гедда. Ахъ, такъ вотъ почему—?

Бракъ. Я подумалъ, что онъ, можетъ быть, говорилъ о своей рукописи. Но ее, какъ я слышалъ, онъ самъ уничтожилъ. Значитъ, онъ, должно быть, говорилъ о портфелѣ.

Гедда. Должно быть. И его нашли тамъ—тамъ—?

Бракъ. Да, тамъ. Съ разряженнымъ пистолетомъ въ боковомъ карманѣ сюртука. Выстрѣлъ положилъ его на мѣстѣ.

Гедда. Въ грудь—да.

Бракъ. Нѣтъ,—онъ попалъ въ животъ,

Гедда (*смотритъ на него съ выраженіемъ отвращенія*). И это еще? Ахъ, ахъ, это смѣшное и пошлое, которое, точно проклятіе, ложится на все, къ чему я не прикасаюсь!

Бракъ. Это еще не все, г-жа Гедда. Есть еще нѣчто, что можетъ быть причислено къ разряду низменнаго.

Гедда. Что-же?

Бракъ. Пистолетъ, который онъ носилъ съ собою—

Гедда (*затаивъ дыханіе*). Ну, что-же?

Бракъ. Онъ, должно быть, укралъ его.

Гедда (*вскакивая*). Укралъ? Это неправда! Онъ его не укралъ.

Бракъ. Ничего другого нельзя предположить. Онъ долженъ былъ украсть его. —Тише!

(Тесманъ и г-жа Эльвстедъ встаютъ изъ-за стола въ задней комнатѣ и входятъ въ гостиную).

Тесманъ *(съ бумагами въ обѣихъ рукахъ).* Послушай, Гедда,—совершенно невозможно разсмотрѣть что-нибудь подъ висячею лампою. Представь себѣ.

Гедда. Могу себѣ представить.

Тесманъ. Можетъ быть ты позволишь намъ сѣсть у твоего письменнаго стола? А?

Гедда. Пожалуйста! (*Быстро*). Нѣтъ, подождите. Дайте, я уберу кое-что.

Тесманъ. Въ этомъ нѣтъ никакой надобности, Гедда. И такъ довольно мѣста.

Гедда. Нѣтъ, нѣтъ, дайте мнѣ немного убрать, говорятъ тебѣ. Я только перенесу это покамѣсть на фортепіано. Вотъ такъ.

(*Она беретъ изъ подъ этажерки какой-то предметъ, прикрывая его нотами, кладетъ еще нѣсколько листковъ сверху и переноситъ все налѣво въ заднюю комнату. Тесманъ кладетъ бумаги на письменный столъ, и ставитъ на немъ лампу съ угольнаго стола. Онъ и г-жа Эльвстедъ садятся оба за столъ и принимаются ревностно за работу. Гедда возвращается*).

Гедда (*становится за г-жею Эльвстедъ и гладитъ ее нѣжно по волосамъ*). Ну, милая Теа,—работа надъ памятникомъ Эйлерту Левборгу подвигается?

Г-жа Эльвстедъ *(смотритъ съ унынiемъ на нее).* О Боже! — ужасно трудно распутаться въ нихъ!

Тесманъ. Дѣло пойдетъ на ладъ. Навѣрное пойдетъ. А приводить въ порядокъ чужія бумаги—это самое пріятное для меня занятіе.

(*Гедда подходитъ къ камину и садится на одинъ изъ табуретовъ. Бракъ стоитъ около нея, опираясь на спинку кресла*).

Гедда (*шепотомъ*). Что вы говорили о пистолетѣ?

Бракъ (*тихо*). Что онъ былъ украденъ.

Гедда. Почему именно украденъ?

Бракъ. Потому что никакого другого объясненія невозможно было дать, г-жа Гедда.

Гедда. А, вотъ что!

Бракъ (*взглядываетъ на нее*). Эйлертъ Левборгъ заходилъ, конечно, сюда по утру. Не правда-ли?

Гедда. Да.

Бракъ. Вы были однѣ съ нимъ?

Гедда. Да, нѣсколько минутъ.

Бракъ. Вы не выходили изъ комнаты, пока онъ былъ здѣсь?

Гедда. Нѣтъ.

Бракъ. Вспомните хорошенько. Развѣ вы не выходили хотя бы на одну минуту?

Гедда. Да, можетъ быть на одну минуту—въ переднюю.

Бракъ. А гдѣ же стоялъ вашъ ящикъ съ пистолетами?

Гедда. Онъ стоялъ внизу на—

Бракъ. Ну, г-жа Гедда?

Гедда. Ящикъ стоялъ на письменномъ столѣ.

Бракъ. Ну, г-жа Гедда! А вы смотрѣли потомъ, тамъ ли оба пистолета?

Гедда. Нѣтъ.

Бракъ. Незачѣмъ и смотрѣть. Я видѣлъ пистолетъ, который былъ у Левборга. И я сейчасъ же узналъ его; это тотъ, который я видѣлъ вчера. Да и раньше также.

Гедда. Можетъ быть онъ у васъ?

Бракъ. Нѣтъ, полиція забрала его.

Гедда. Что же полиція будетъ съ нимъ дѣлать?

Бракъ. Искать собственника.

Гедда. И вы думаете, что она его откроетъ?

Бракъ (*наклоняется надъ нею и шепчетъ*). Нѣтъ, Гедда Габлеръ,—пока я буду молчать.

Гедда (*смотритъ робко на него*). А если вы не будете молчать — тогда что?

Бракъ (*пожимаетъ плечами*). Всегда есть выходъ, что пистолетъ былъ украденъ.

Гедда (*рѣшительно*). Лучше умереть!

Бракъ (*улыбаясь*). Такія вещи *говорятъ*. Но ихъ не исполняютъ.

Гедда (*не отвѣчая*). Ну, а если пистолетъ не украденъ? И если собственникъ будетъ найденъ? Тогда что?

Бракъ. Да, Гедда,—тогда выйдетъ скандалъ.

Гедда. Скандалъ?

Бракъ. Скандалъ,—да, — скандалъ, котораго вы такъ смертельно боитесь. Вы должны будете тогда, конечно, предстать передъ судомъ. И вы, и m-elle Діана. Она должна разсказать, какъ все это случилось,—что это такое—нечаянный выстрѣлъ

или убійство. Онъ хотѣлъ вынуть пистолетъ изъ кармана, чтобы пригрозить ей? и тогда пистолетъ самъ разрядился? Или же она вырвала у него пистолетъ изъ рукъ, застрѣлила его и тогда вложила пистолетъ обратно въ карманъ? Это, положимъ, похоже на нее. Потому что она дѣвица рѣшительная, эта m-lle Діана.

Гедда. Но вся эта отвратительная исторія не имѣетъ, вѣдь, *ко мнѣ*, никакого отношенія.

Бракъ. Вѣрно. Но вы должны отвѣтить на вопросъ, зачѣмъ вы дали пистолетъ Эйлерту Левборгу? И какія заключенія могутъ вывесть изъ того факта, что вы его дали ему?

Гедда (*наклоняетъ голову*). Это правда. Я объ этомъ не подумала.

Бракъ. Ну, къ счастью, нѣтъ опасности, пока я молчу.

Гедда (*смотритъ на него*). Я, значитъ, въ вашей власти, ассесоръ. Въ полной вашей власти.

Бракъ (*шепчетъ тише*). Дорогая Гедда,—повѣрьте мнѣ,—я не стану злоупотреблять своимъ положеніемъ.

Гедда. Я въ вашей полной власти. Завишу всецѣло отъ вашей доброй воли. Несвободна. Значитъ несвободна. (*Порывисто встаетъ*). Нѣтъ, этой мысли я не вынесу. Ни за что въ мірѣ.

Бракъ (*глядитъ полу-насмѣшливо на нее*). Люди всегда покоряются неизбѣжному.

Гедда (*смотритъ на него въ упоръ*). Да, можетъ быть.

(*Подходитъ къ письменному столу*).

Гедда (*сдерживаетъ невольную улыбку и говоритъ, подражая голосу Тесмана*). Ну? Какъ идутъ дѣла, Іоргенъ? А?

Тесманъ. Однъ Богъ знаетъ. Во всякомъ случаѣ, работы хватитъ на нѣсколько мѣсяцевъ.

Гедда (*по прежнему*). Нѣтъ, представь себѣ. (*Проводитъ слегка рукою по волосамъ г-жи Эльвстедъ*). Тебѣ это не странно, Теа? Теперь ты сидишь съ Тесманомъ, совершенно такъ, какъ сидѣла прежде съ Эйлертомъ Левборгомъ.

Г-жа Эльвстедъ. О Боже, если бы я могла такъ же точно воодушевить и твоего мужа.

Гедда. Это еще придетъ, — со временемъ.

Тесманъ. Да, знаешь ли что, Гедда, —мнѣ, право, кажется, что я начинаю ощущать нѣчто въ родѣ этого. Но иди посиди еще съ ассесоромъ.

Гедда. Развѣ я вамъ не могу ни на что понадобиться?

Тесманъ. Нѣтъ, рѣшительно ни на что. (*Поворачиваетъ голову*). Я надѣюсь, что вы будете настолько любезны и посидите немного съ Геддою, дорогой ассесоръ.

Бракъ (*бросая взоръ на Гедду*). Съ величайшимъ удовольствіемъ.

Гедда. Благодарствуйте. Но сегодня вечеромъ я устала. Я пойду и прилягу немного туда, на диванъ.

Тесманъ. Да, пожалуйста. А?

(*Гедда уходитъ въ заднюю комнату и опускаетъ за собой занавѣсы. Краткое молчаніе. Вдругъ она начинаетъ играть бурную мелодію танца на фортепіано*).

Г-жа Эльвстедъ (*вздрагиваетъ*). Уфъ,—что это такое?

Тесманъ (*бѣжитъ къ аркѣ*). Но, дорогая Гедда,—не играй танцевъ сегодня вечеромъ. Подумай о тетѣ Римѣ. И объ Эйлертѣ также.

Гедда (*просовывая голову въ отверстіе между занавѣсами*). И о тетѣ Юлѣ. И о всѣхъ вмѣстѣ. Теперь я буду вести себя тихо. (*Закрываетъ занавѣсы*).

Тесманъ (*у письменнаго стола*). Ей, конечно, непріятно видѣть насъ за этою печальною работою. Знаете ли что, г-жа Эльвстедъ? — Перебирайтесь вы къ тетѣ Юлѣ. Тогда я по вечерамъ буду приходить къ вамъ. И мы будемъ тамъ сидѣть вмѣстѣ и работать. А?

Г-жа Эльвстедъ. Да, это, кажется, будетъ лучше всего.

Гедда (*говоритъ изъ задней комнаты*). Я отлично слышу все, что ты говоришь, Тесманъ. Но какъ же я буду проводить здѣсь свои вечера?

Тесманъ (*перелистывая бумаги*). Ахъ, ассесоръ Бракъ будетъ навѣрное настолько любезенъ, что станетъ заходить къ тебѣ.

Бракъ (*сидя въ креслѣ, кричитъ весело*). Охотно, каждый вечеръ, г-жа Тесманъ. Мы вдвоемъ будемъ очень весело проводить время.

Гедда (*ясно и громко*). Нѣтъ, не льстите себя надеждою, ассесоръ. Вы единственный пѣтухъ въ курятникѣ—

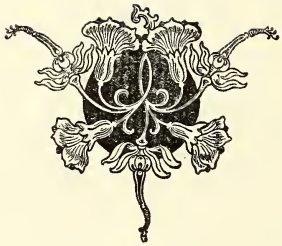
(*Раздается выстрѣлъ внутри. Тесманъ, г-жа Эльвстедъ и Бракъ вскакиваютъ со своихъ мѣстъ*).

Тесманъ. Ахъ, вотъ она опять возится со своими пистолетами!

(*Онъ раскрываетъ занавѣсы и вбѣгаетъ въ комнату. Тоже дѣлаетъ г-жа Эльвстедъ. Гедда лежитъ распростертая безжизненно на диванѣ. Суматоха и крики. Берта вбѣгаетъ разстроенная справа*).

Тесманъ (*кричитъ Браку*). Застрѣлилась! Прострѣлила себѣ високъ. Представьте себѣ!

Бракъ (*въ полуобморокѣ на креслѣ*). Ахъ, Боже, сжалься надъ нами,—такихъ вещей не дѣлаютъ.



ВРАГЪ НАРОДА.

Драма въ 5-хъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Докторъ **Томасъ Штокманъ**, врачъ на морскихъ купаніяхъ.

Г-жа **Штонманъ**, его жена.

Петра, ихъ дочь, учительница.

Эйлифъ }
Мортенъ } ихъ сыновья 13 и 10 лѣтъ.

Петеръ Штокманъ, старшій братъ доктора, городской голова и полиціймейстеръ, предсѣдатель правленія морскихъ купаленъ и т. д.

Мортенъ Кіиль, владѣлецъ кожевеннаго завода, пріемный отецъ г-жи Штокманъ.

Гофстадъ, редакторъ „Народнаго Вѣстника".

Биллингъ, сотрудникъ газеты.

Горстеръ, капитанъ корабля.

Аслаксенъ, типографъ.

Городскіе жители разныхъ сословій, нѣсколько женщинъ и толпа школьниковъ.

(Дѣйствіе происходитъ въ приморскомъ городѣ южной Норвегіи).

Дѣйствіе первое.

(Вечеръ. Гостиная доктора, меблированная не богато, но изящно. У боковой стѣны направо двѣ двери, изъ которыхъ болѣе отдаленная ведетъ въ переднюю, а ближайшая въ кабинетъ доктора. У противуположной стѣны, противъ двери въ переднюю, третья дверь, которая ведетъ въ остальныя комнаты семьи, посреди̇нѣ той же стѣны стоитъ печка, а ближе къ авансценѣ диванъ съ зеркаломъ надъ нимъ и овальнымъ столикомъ передъ нимъ, покрытымъ скатертью. На столѣ зажженная лампа съ абажуромъ. Въ глубинѣ сцены открытая дверь въ столовую. Видиѣется столъ, накрытый для ужина, съ висячею надъ нимъ лампою).

(Биллингъ сидитъ въ столовой у стола съ подвязанною подъ подбородкомъ салфеткою. Г-жа Штокманъ стоитъ около стола и протягиваетъ ему блюдо съ большимъ ростбифомъ. Остальныя мѣста у стола никѣмъ не заняты: посуда на столѣ въ безпорядкѣ, какъ будто послѣ оконченной ѣды).

Г-жа Штокманъ. Да, вы пришли немножко поздно, господинъ Биллингъ, такъ что вамъ придется довольствоваться холодными кушаніями.

Биллингъ (*кушая*). Все очень вкусно,—замѣчательно вкусно!

Г-жа Штокманъ. Вы знаете, какъ Штокманъ держитъ точность въ ѣдѣ.

Биллингъ. Но отъ этого мнѣ нисколько не хуже. Мнѣ даже кажется, что кушаніе болѣе вкусно, когда я могу сидѣть и ѣсть его одинъ безъ помѣхи.

Г-жа Штокманъ. Да, да. Если оно вамъ кажется вкуснымъ, то—(*смотритъ въ переднюю*). А вотъ идетъ навѣрное Гофстадъ.

Биллингъ. Кажется.

(Городской голова Штокманъ въ пальто, съ форменною фуражкою и съ палкою въ рукѣ, входитъ).

Городской голова. Желаю вамъ почтительнѣйше добраго вечера, невѣстушка!

Г-жа Штокманъ *(идетъ въ гостиную).* Добрый вечеръ! Такъ это вы? Какъ любезно съ вашей стороны заглянуть къ намъ!

Городской голова. Я какъ разъ проходилъ мимо. *(Заглядывая въ столовую).* Но у васъ общество, приглашенное общество.

Г-жа Штокманъ *(нѣсколько смущенная).* Не совсѣмъ такъ; это гости случайные. *(Быстро).* Не хотите ли войти и закусить?

Городской голова. Я? нѣтъ, спасибо, сохрани меня Боже! Горячая пища вечеромъ не для моего желудка.

Г-жа Штокманъ. Ну, ради одного раза—!

Городской голова. Нѣтъ, нѣтъ, сохрани Боже, я довольствуюсь всегда чашкою чая и кускомъ хлѣба съ масломъ. Это болѣе здорово, а также нѣсколько болѣе экономно.

Г-жа Штокманъ *(улыбаясь).* Вы, надѣюсь, не думаете, что Томасъ и я очень разсточительны?

Городской голова. Не вы, невѣстушка, не вы,—далека отъ меня эта мысль. *(Указываетъ на рабочій кабинетъ доктора).* Онъ, можетъ быть, не дома?

Г-жа Штокманъ. Да, онъ ушелъ прогуляться послѣ ужина,—онъ и мальчики.

Городской голова. Право, это должно быть очень полезно. *(Прислушивается).* А вотъ, кажется, онъ идетъ.

Г-жа Штокманъ. Нѣтъ, это не онъ. *(Стукъ въ дверь).* Войдите, пожалуйста.

(Редакторъ Гофстадъ входитъ изъ передней).

Г-жа Штокманъ. Ахъ, это вы, господинъ Гофстадъ! Такъ поздно...?

Гофстадъ. Да, извините, ради Бога, меня задержали въ типографіи. Добрый вечеръ, г. городской голова!

Городской голова *(кланяется нѣсколько натянуто).* Добрый вечеръ, г. редакторъ. Пришли, вѣроятно, по дѣламъ?

Гофстадъ. Отчасти. Дѣло въ одномъ вопросѣ, о которомъ я хочу поговорить въ своей газетѣ.

Городской голова. Понятно, я такъ и думалъ. Мой братъ очень дѣятельный сотрудникъ „Народнаго вѣстника“, какъ я слышалъ.

Гофстадъ. Да, онъ настолько любезенъ, что пишетъ въ „Народномъ Вѣстникѣ“ всякій разъ, когда хочетъ сказать слово правды о томъ или иномъ вопросѣ.

Г-жа Штокманъ *(обращаясь къ Гофстаду).* Но не желаете ли вы...? *(Указывая на столовую).*

Городской голова. Понятно, я нисколько не упрекаю его за то, что онъ пишетъ для того круга читателей, въ которомъ онъ надѣется найти возможно болѣе сочувствія. Да и я, впрочемъ, не имѣю въ сущности никакого основанія относиться враждебно къ вашей газетѣ, г. Гофстадъ.

Гофстадъ. Да, я тоже это думаю.

Городской голова. Вообще можно сказать, что въ нашемъ городѣ царитъ духъ мира, духъ согласія, настоящій гражданскій духъ, и это потому, что у насъ есть великое дѣло, вокругъ котораго мы можемъ сплотиться,—дѣло, которое дорого въ равной степени всѣмъ благонамѣреннымъ гражданамъ.

Гофстадъ. Купальное заведеніе, да?

Городской голова. У насъ наше новое, грандіозное, великолѣпное купальное заведеніе. Помяните мое слово! Заведеніе это сдѣлается главнымъ источникомъ существованія нашего города, г. Гофстадъ. Несомнѣнно!

Г-жа Штокманъ. То же говоритъ и Томасъ.

Городской голова. Какое необыкновенное оживленіе замѣчается въ городѣ въ эти послѣдніе два года! Въ карманахъ у всѣхъ звенятъ деньги, повсюду жизнь, движеніе. Дома и земли возрастаютъ съ каждымъ днемъ въ цѣнѣ.

Гофстадъ. А безработица уменьшается.

Городской голова. И это также, да. Налогъ для бѣдныхъ сильно понизился, къ великому удовольствію зажиточныхъ классовъ; онъ еще больше уменьшится, если лѣто будетъ благопріятствовать намъ въ этомъ году; если много пріѣзжихъ посѣтитъ нашъ городъ, много больныхъ, которые распространятъ славу о нашемъ заведеніи.

Гофстадъ. И надежды эти, насколько я слышалъ, оправдаются.

Городской голова. Да, много есть самыхъ благопріятныхъ указаній. Каждый день получаются запросы о квартирахъ и т. п.

Гофстадъ. Ну, и вотъ докторская статья будетъ какъ разъ у мѣста.

Городской голова. Развѣ онъ опять что-нибудь написалъ?

Гофстадъ. Статья написана имъ еще зимою; онъ рекомендуетъ наши купальни, изъясняетъ гигіеническія условія, существующія у насъ. Но я отложилъ на нѣкоторое время печатаніе этой статьи.

Городской голова. По всей вѣроятности оказалась какая-нибудь загвоздка?

Гофстадъ. Нѣтъ, нѣтъ, не въ этомъ дѣло, но я нашелъ лучше отложить печатаніе ея до весны, потому что публика только теперь начинаетъ задумываться надъ тѣмъ, гдѣ бы ей провести лѣто.

Городской голова. Совершенно вѣрно, вы замѣчательно хорошо сдѣлали, г. Гофстадъ.

Г-жа Штокманъ. Томасъ просто неутомимъ, когда дѣло идетъ о нашихъ городскихъ купальняхъ.

Городской голова. Оно и понятно. Онъ, вѣдь, служитъ въ купальномъ заведеніи.

Гофстадъ. И онъ главнымъ образомъ создалъ его.

Городской голова. Онъ, въ самомъ дѣлѣ? Да, мнѣ не разъ случалось слышать, что и другіе раздѣляютъ это мнѣніе. Но мнѣ кажется, что и *я* также принималъ не малое участіе въ этомъ предпріятіи.

Г-жа Штокманъ. Да, это всегда говоритъ и Томасъ.

Гофстадъ. Да и кто станетъ отрицать это, г. городской голова? Вы дали дѣлу ходъ, вы поставили его на практическую почву;—это мы всѣ знаемъ. Я хочу только сказать, что идея пришла впервые доктору.

Городской голова. Да, идей было всегда достаточно у моего брата въ теченіе его жизни,—къ сожалѣнію. Но когда оказывается, наконецъ, необходимымъ пустить эти идеи въ ходъ, тогда требуются люди другого закала, г. Гофстадъ. И я всегда думалъ, что по крайней мѣрѣ здѣсь въ домѣ—

Г-жа Штокманъ. Но, дорогой шуринъ.—!

Гофстадъ. Какъ можетъ г. городской голова—

Г-жа Штокманъ. Пойдемте въ столовую, г. Гофстадъ, и позвольте предложить вамъ что-нибудь закусить, а тѣмъ временемъ подойдетъ и мой мужъ.

Гофстадъ. Благодарю. Съ удовольствіемъ закушу немного. *(Входитъ въ столовую).*

Городской голова *(говоритъ тише).* Какъ удивительны бываютъ эти люди, вышедшіе изъ народа! Они никакъ не могутъ научиться вести себя тактично.

Г-жа Штокманъ. Стоитъ ли придавать этому значеніе? Развѣ вы и Томасъ не можете подѣлить между собою по братски эту честь?

Городской голова. Да, казалось бы; но нужно сказать, что не всѣ и не всякій удовлетворится такимъ раздѣломъ.

Г-жа Штокманъ. Глупости! Вы и Томасъ находитесь въ такихъ хорошихъ отношеніяхъ. *(Прислушивается).* А вотъ, кажется, и онъ! *(Идетъ и отворяетъ дверь въ переднюю).*

Докторъ Штокманъ *(смѣется и кричитъ за дверью).* Посмотри сюда, Катрина, вотъ тебѣ еще гость. Не правда ли, какъ это пріятно? Сдѣлайте одолженіе, войдите, капитанъ Горстеръ; повѣсьте пальто на вѣшалку. Ну, что вы медлите? Я надѣюсь, вы не собираетесь входить въ комнату въ пальто? Представь себѣ, Катрина, я поймалъ его на улицѣ и насильно втащилъ сюда; онъ отказывался идти.

Капитанъ Горстеръ *(входитъ и кланяется хозяйкѣ дома).*

Докторъ Штокманъ *(въ дверяхъ).* Войдите, мальчики! Они вернулись съ волчьимъ аппетитомъ! Идите сюда, капитанъ Горстеръ; отвѣдайте нашего ростбифа—

(Онъ вталкиваетъ Горстера въ столовую. Эйлифъ и Мортенъ также входятъ).

Г-жа Штокманъ. Но, Томасъ, развѣ ты не видишь?

Докторъ Штокманъ *(оборачивается у двери).* Ахъ, это ты, Петеръ? *(Подходитъ къ нему и протягиваетъ руку).* Какъ я радъ видѣть тебя!

Городской голова. Но, къ сожалѣнію, я долженъ сейчасъ уходить.

Докторъ Штокманъ. Пустяки! тотчасъ у насъ на столѣ появится пуншъ. Ты, надѣюсь, не забыла пуншъ, Катрина?

Г-жа Штокманъ. Конечно, нѣтъ. Вода уже налита и кипитъ. *(Она входитъ въ столовую).*

Городской голова. И пуншъ также?

Докторъ Штокманъ. Пойдемъ, сядемъ, устроимся поуютнѣе.

Городской голова. Спасибо, я никогда не принимаю участія въ попойкахъ.

Докторъ Штокманъ. Но это вовсе не попойка.

Городской голова. А мнѣ казалось — *(заглядываетъ въ столовую)*. Просто удивительно, какъ они могутъ пожирать всю эту ѣду!

Докторъ Штокманъ *(потирая руки)*. Развѣ не пріятно видѣть, какъ вся эта молодежь ѣстъ? У нея всегда, видишь ли, хорошій аппетитъ! Такъ оно и должно быть! Ѣды нужно побольше! Чтобы набраться силъ! Вотъ тотъ народъ, которому прійдется бороться въ будущемъ, пробивать себѣ дорогу, Петеръ.

Городской голова. Смѣю спросить, какъ они будутъ пробивать себѣ дорогу, какъ ты выражаешься?

Докторъ Штокманъ. Объ этомъ можешь спросить молодежь—когда наступитъ время. Мы этого, конечно не увидимъ. Само собою разумѣется. Такіе два старыхъ хрыча, какъ ты и я...

Городской голова. Ну, ну, ну! Это ужъ что-то слишкомъ странное названіе.

Докторъ Штокманъ. Ну, не сердись на меня, Петеръ. Нужно сказать тебѣ, что я сегодня страшно радъ и доволенъ. Я чувствую себя просто невыразимо счастливымъ среди этой прорывающейся наружу кипучей жизни. Въ какое чудное время мы живемъ! Вокругъ насъ точно зарождается совершенно новый міръ.

Городской голова. Ты это въ самомъ дѣлѣ находишь?

Докторъ Штокманъ. Ты, понятно, не можешь этого видѣть такъ хорошо, какъ я. Ты всю свою жизнь провелъ съ ними здѣсь, такъ что впечатлѣніе невольно сглаживается. Но я, который долженъ былъ всѣ эти годы сидѣть на сѣверѣ въ глуши, не встрѣтивъ почти ни разу чужого человѣка, который сказалъ-бы возбуждающее слово,—на меня это дѣйствуетъ такъ, какъ будто-бы я внезапно переселился въ кипящій жизнью міровой городъ.

Городской голова. Гм! Міровой городъ.

Докторъ Штокманъ. Я знаю, что здѣшнія дѣла ничтожны, мелки сравнительно съ тѣми, которыя совершаются во многихъ мѣстахъ. Но здѣсь есть жизнь, —предпріимчивость, безчисленное множество дѣлъ, которыя можно двигать впередъ и за которыя можно бороться; а это главное. *(Кричитъ)*. Катрина, развѣ почтальонъ еще не приходилъ?

Г-жа Штокманъ *(изъ столовой)*. Нѣтъ еще.

Докторъ Штокманъ. Какъ жизнь хорошо складывается теперь для насъ, Петеръ! Начинаешь цѣнить все это, когда проживешь столько времени, какъ мы, на сухоядѣніи.

Городской голова. О, да, конечно!

Докторъ Штокманъ. О, да, конечно! Ты можешь себѣ представить, какъ часто мы нуждались во многомъ тамъ въ горахъ. И какъ пріятно жить теперь въ полномъ довольствѣ! Сегодня, напримѣръ, у насъ былъ за обѣдомъ ростбифъ; да у насъ есть ростбифъ и на ужинъ. Не хочешь-ли ты попробовать немного? Или пойдемъ, я тебѣ хоть покажу его. Иди же!

Городской голова. Нѣтъ, нѣтъ, ни за что на свѣтѣ!

Докторъ Штокманъ. Ну, такъ иди сюда! Видишь, мы уже обзавелись и скатертью.

Городской голова. Да, я уже замѣтилъ это.

Докторъ Штокманъ. А вотъ и абажуръ. Видишь? Все это устроила Катрина. И это придаетъ такой уютный видъ комнатѣ. Развѣ ты этого не замѣчаешь? Стань только здѣсь;—нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ; не такъ. Вотъ такъ, да! Видишь ли, когда весь свѣтъ падаетъ въ это мѣсто, право, мнѣ кажется, будто комната наша получаетъ весьма изящный видъ. Неправда-ли?

Городской голова. Когда можно позволить себѣ такую роскошь—

Докторъ Штокманъ. Ахъ, да! Теперь я могу себѣ это позволить. Катрина говоритъ, что теперь я зарабатываю почти столько, сколько намъ нужно.

Городской голова. Почти, да—!

Докторъ Штокманъ. Но, вѣдь, ученый долженъ жить немного лучше, чѣмъ другіе. И увѣренъ, что всякій судья тратитъ въ годъ гораздо больше, чѣмъ я.

Городской голова. Да, и я также думаю это. Судья высшее начальство.

Докторъ Штокманъ. Но то же можно сказать и относительно простого торговца! Много есть простыхъ купцовъ, которые тратятъ въ десять разъ больше моего.

Городской голова. Да, все зависитъ отъ обстоятельствъ.

Докторъ Штокманъ. Я, правду сказать, и не расточаю безполезно деньги, Петеръ. Но мнѣ кажется, что я не долженъ отказывать себѣ въ удовольствіи видѣть у себя отъ времени до времени людей. Я такъ страшно нуждаюсь въ этомъ, видишь-ли. Я такъ долго сидѣлъ взаперти; для меня просто жизненная потребность

видѣть около себя молодыхъ, смѣлыхъ, веселыхъ людей, свободомыслящихъ людей, жаждущихъ дѣятельности, а таковы всѣ тѣ вотъ, что сидятъ тамъ въ столовой и съ такимъ аппетитомъ ужинаютъ. Я хотѣлъ бы, чтобы ты лучше узналъ Гофстада—

Городской голова. Да, кстати, Гофстадъ говорилъ мнѣ, что хочетъ напечатать одну твою статью.

Докторъ Штокманъ. Мою статью?

Городской голова. Да, о купальняхъ; статью, которую ты сочинилъ еще зимою.

Докторъ Штокманъ. А, та.—Но я не хочу, чтобы она была напечатана именно теперь.

Городской голова. Не хочешь? Но я нахожу, что это самое подходящее время.

Докторъ Штокманъ. Ты, можетъ быть, и правъ; при обыкновенныхъ обстоятельствахъ — *(Начинаетъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ).*

Городской голова *(глядя ему вслѣдъ)*. Что же такого можетъ быть необыкновеннаго при теперешнихъ обстоятельствахъ?

Докторъ Штокманъ *(останавливается)*. Да, Петеръ, я покамѣстъ никакъ не могу сказать тебѣ этого,—во всякомъ случаѣ не сегодня вечеромъ. Можетъ быть много, очень много необыкновеннаго въ существующихъ отношеніяхъ, а можетъ и ничего не быть. Весьма возможно, что это не больше, какъ воображеніе.

Городской голова. Надо признаться, что твои слова звучатъ крайне таинственно. Развѣ что-нибудь случилось? Что-нибудь, о чемъ я не имѣю никакого понятія? Смѣю думать, что я, какъ стоящій во главѣ управленія—

Докторъ Штокманъ. И я также смѣю думать, что я—ну, не будемъ цѣпляться другъ другу въ волоса, Петеръ.

Городской голова. Боже сохрани, у меня нѣтъ привычки цѣпляться кому-нибудь въ волоса, какъ ты говоришь. Но я имѣю право самымъ настоятельнымъ образомъ требовать, чтобы всѣ распоряженія давались и приводились въ исполненіе установленнымъ путемъ, чрезъ посредство установленныхъ закономъ властей. Я не допущу, чтобы кто-либо шелъ по окольнымъ дорожкамъ, заходилъ съ задняго хода.

Докторъ Штокманъ. Развѣ я иду по окольнымъ дорожкамъ, развѣ я захожу когда-нибудь съ задняго хода?

Городской голова. У тебя во всякомъ случаѣ врожденная страсть идти своимъ собственнымъ путемъ. А поступать такимъ образомъ въ благоустроенномъ обществѣ—совершенно невозможно. Въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ! Отдѣльныя лица должны подчиняться цѣлому, или, вѣрнѣе сказать, властямъ, обязаннымъ наблюдать за благомъ цѣлаго.

Докторъ Штокманъ. Весьма возможно. Но какое, чортъ побери, это имѣетъ отношеніе ко мнѣ?

Городской голова. Повидимому, этому ты никогда не научишься, мой добрый Томасъ. Но берегись, тебѣ прійдется еще когда-нибудь поплатиться за это, рано или поздно. Вотъ тебѣ и весь сказъ. Прощай!

Докторъ Штокманъ. Но ты съ ума сошелъ? Ты совсѣмъ не туда попалъ—

Городской голова. Я всегда попадаю туда, куда слѣдуетъ. Во всякомъ случаѣ, я долженъ раскланяться—*(Подходитъ къ столовой и кланяется)*. До свиданія, невѣстушка, до свиданія, господа! *(Уходитъ)*.

Г-жа Штокманъ *(входитъ въ гостинную)*. Онъ ушелъ?

Докторъ Штокманъ. Да, и притомъ въ сильнѣйшемъ гнѣвѣ.

Г-жа Штокманъ. Но, дорогой Томасъ, что-же ты опять ему сдѣлалъ?

Докторъ Штокманъ. Да рѣшительно ничего. Онъ же не можетъ требовать, чтобы я ему давалъ отчетъ раньше, чѣмъ наступило для этого время.

Г-жа Штокманъ. Въ чемъ-же долженъ ты ему отдавать отчетъ?

Докторъ Штокманъ. Гмъ, прекратимъ этотъ разговоръ, Катрина. Удивительно, что почтальонъ до сихъ поръ не пришелъ.

(Гофстадъ, Биллингъ и Горстеръ встаютъ изъ за стола и входятъ въ гостинную. Нѣсколько времени спустя входятъ Эйлифъ и Мортенъ).

Биллингъ *(потираетъ руки)*. Ахъ, чортъ побери, послѣ такого ужина чувствуешь себя совершенно новымъ человѣкомъ!

Гофстадъ. Г. городской голова былъ сегодня въ не совсѣмъ радужномъ настроеніи.

Докторъ Штокманъ. Это происходитъ отъ желудка; у него плохое пищевареніе..

Гофстадъ. Но онъ особенно плохо перевариваетъ всегда насъ въ „Народномъ Вѣстникѣ“.

Г-жа Штокманъ. А мнѣ казалось, что вы съ нимъ въ довольно хорошихъ отношеніяхъ.

Гофстадъ. Ахъ да, но это не болѣе какъ перемиріе!

Биллингъ. Именно, именно! Это слово превосходно выражаетъ данное положеніе дѣлъ.

Докторъ Штокманъ. Нужно помнить всегда, что Питеръ, бѣдняжка, одинокій человѣкъ. У него нѣтъ своего дома, гдѣ онъ могъ бы чувствовать себя хорошо; одни только дѣла, дѣла и дѣла! И затѣмъ этотъ проклятый жидкій чай, которымъ онъ вѣчно наливается. Ну, мальчики, поставьте-ка стулья около стола. Катрина, скоро ты намъ дашь пуншъ?

Г-жа Штокманъ (*идетъ въ столовую*). Сейчасъ принесу.

Докторъ Штокманъ. Садитесь здѣсь, на диванѣ, возлѣ меня, капитанъ Горстеръ. Такой рѣдкій гость, какъ вы—! Садитесь же, пожалуйста, друзья мои!

(*Гости садятся около стола. Г-жа Штокманъ вноситъ подносъ, на которомъ стоятъ: бензиновая кухня, стаканы, графинъ и т. п.*).

Г-жа Штокманъ. Вотъ аракъ, а вотъ здѣсь ромъ, а вотъ тутъ стоитъ коньякъ. Прошу каждаго наливать себѣ, что угодно.

Докторъ Штокманъ (*беретъ стаканъ*). Да, мы такъ и сдѣлаемъ. (*Смѣшиваетъ пуншъ*). А теперь давайте, возьмемъ сигары. Эйлифъ, ты знаешь, гдѣ стоитъ ящикъ, а ты, Мортенъ, возьми мою трубку. (*Мальчики идутъ въ комнату направо*). У меня есть подозрѣніе, что Эйлифъ иногда возьметъ да и стащитъ сигару, но я дѣлаю видъ, будто ничего не замѣчаю. (*Кричитъ*). Принеси еще мою ермолку, Мортенъ! Катрина, не можешь ли ты ему сказать, гдѣ она лежитъ? Ахъ, онъ ее нашелъ! (*Мальчики приносятъ требуемыя вещи*). Сдѣлайте одолженіе, друзья мои, берите. Что касается меня, то я держусь крѣпко трубки. Вотъ эта много пережила со мною бурь, тамъ, наверху, въ Норландѣ. (*Чокается*). За ваше здоровье! Ахъ, нечего и говорить, что гораздо пріятнѣе сидѣть здѣсь, такъ уютно и спокойно!

Г-жа Штокманъ (*сидитъ и вяжетъ*). Вы скоро уходите отъ насъ въ море, капитанъ Горстеръ?

Горстеръ. Надѣюсь на слѣдующей недѣлѣ покончить со всѣми приготовленіями.

Г-жа Штокманъ. И вы отправляетесь въ Америку?

Горстеръ. Да.

Биллингъ. Значитъ, вы не можете принять участія въ новыхъ выборахъ?

Горстеръ. Развѣ должны быть новые выборы?

Биллингъ. А вы этого не знали?

Горстеръ. Нѣтъ, я не вмѣшиваюсь въ эти дѣла.

Биллингъ. Значитъ, общественныя дѣла васъ совершенно не интересуютъ?

Горстеръ. Нѣтъ, я въ нихъ ничего не понимаю.

Биллингъ. А все же каждому слѣдуетъ подавать свой голосъ.

Горстеръ. Даже тѣмъ, которые въ этомъ ничего не понимаютъ?

Биллингъ. Не понимаютъ! Что вы хотите этимъ сказать? Общество точно корабль, всѣ находящіяся на немъ должны помогать управлять рулемъ.

Горстеръ. Можетъ быть это хорошо на землѣ, но на кораблѣ при такомъ образѣ дѣйствія ничего хорошаго не могло бы выйти.

Гофстадъ. Странно, что большинство моряковъ совершенно не интересуется тѣмъ, что дѣлается на сушѣ.

Биллингъ. Да, просто удивительно!

Докторъ Штокманъ. Моряки—точно перелетныя птицы; они чувствуютъ себя одинаково дома и на югѣ, и на сѣверѣ. Но именно поэтому, мы, люди суши, должны быть болѣе дѣятельны, г. Гофстадъ. Появится ли завтра что-нибудь интересное въ „Народномъ Вѣстникѣ“?

Гофстадъ. Собственно о городскихъ дѣлахъ ничего интереснаго не будетъ. Но послѣ завтра я намѣреваюсь напечатать вашу статью—

Докторъ Штокманъ. Ахъ, чортъ бы побралъ эту статью!... Нѣтъ послушайте, вы должны повременить съ нею.

Гофстадъ. Неужели? А между тѣмъ у насъ какъ разъ есть для нея мѣсто, и мнѣ казалось, что теперь самое подходящее время—

Докторъ Штокманъ. Да, да, вы, можетъ быть, и правы, но все же слѣдуетъ повременить. Я вамъ потомъ объясню—

(*Петра, въ шляпѣ и накидкѣ, съ пачкою тетрадей подъ мышкою, входитъ изъ передней*).

Петра. Добрый вечеръ!

Докторъ Штокманъ. Добрый вечеръ, Петра, это ты?

(Всѣ здороваются съ Петрою; она снимаетъ накидку и шляпу и кладетъ вмѣстѣ съ книгами на стулъ возлѣ двери).

Петра. Вы всѣ сидите здѣсь и благоденствуете, а я должна была столько ходить и работать.

Докторъ Штокманъ. Ну, а теперь благоденствуй и ты.

Биллингъ. Вы мнѣ позволите приготовить вамъ небольшой стаканъ пунша?

Петра (*подходитъ къ столу*). Благодарю, я лучше сама это сдѣлаю, вы всегда приготовляете слишкомъ крѣпкій пуншъ. Ахъ, знаешь что, папа, у меня есть къ тебѣ письмо! (*Подходитъ къ стулу, гдѣ находятся ея вещи*).

Докторъ Штокманъ. Письмо! Отъ кого?

Петра (*ищетъ въ карманѣ письмо*). Мнѣ его далъ почтальонъ какъ разъ, когда я выходила.

Докторъ Штокманъ (*встаетъ и идетъ ей на встрѣчу*). И ты только теперь приносишь его мнѣ!

Петра. У меня не было времени возвращаться назадъ. Ахъ, слава Богу, вотъ и оно!

Докторъ Штокманъ (*схватываетъ письмо*). Дай-ка взглянуть, дитя мое! (*Смотритъ на адресъ*). Да, совершенно вѣрно—!

Г-жа Штокманъ. Это то письмо, когораго ты такъ ждалъ, Томасъ?

Докторъ Штокманъ. Да, именно. Теперь мнѣ нужно сейчасъ пойти къ себѣ въ кабинетъ. Гдѣ бы я могъ найти свѣчу, Катрина? Въ моемъ кабинетѣ опять нѣтъ лампы!

Г-жа Штокманъ. Нѣтъ, лампа стоитъ и горитъ у тебя на письменномъ столѣ.

Докторъ Штокманъ. Хорошо, хорошо. Извините на минуту. (*Уходитъ въ комнату направо*).

Петра. Что можетъ быть въ этомъ письмѣ, мама?

Г-жа Штокманъ. Не знаю. Въ послѣдніе дни онъ постоянно спрашивалъ о почтальонѣ.

Биллингъ. Быть можетъ, какой нибудь иногородній паціентъ?

Петра. Бѣдный папа, онъ слишкомъ много работы наваливаетъ себѣ на плечи! (*Приготовляетъ пуншъ*). Ахъ, какъ вкусно!

Гофстадъ. Вы занимались сегодня и въ вечерней школѣ?

Петра (*пьетъ изъ стакана*). Два часа.

Биллингъ. А утромъ четыре часа въ институтѣ?

Петра (*садится у стола*). Пять часовъ.

Г-жа Штокманъ. И сегодня же вечеромъ ты должна поправлять тетрадки, какъ я вижу.

Петра. Да, цѣлую кучу.

Горстеръ. Какъ много у васъ дѣла!

Петра. Да, но это очень пріятно. Послѣ всей этой работы чувствуешь такую восхитительную усталость!

Биллингъ. Неужели это вамъ нравится?

Петра. Потомъ такъ хорошо засыпаешь.

Мортенъ. Ты, должно быть, очень грѣшна, Петра.

Петра. Грѣшна?

Мортенъ. Да, потому что ты работаешь слишкомъ много. Г. Рорлундъ говоритъ, что работа дается намъ въ наказаніе за наши грѣхи.

Эйлифъ (*свиститъ*). Какъ ты глупъ, что вѣришь въ такую чепуху!

Г-жа Штокманъ. Ну, ну, Эйлифъ!

Биллингъ (*смѣется*). Нѣтъ, это, право, восхитительно.

Гофстадъ. Такъ ты не желаешь такъ много работать, Мортенъ?

Мортенъ. Нѣтъ, не желаю.

Гофстадъ. Но чѣмъ же ты хотѣлъ бы сдѣлаться, когда выростешь?

Мортенъ. Мнѣ больше всего хочется быть викингомъ.

Эйлифъ. Но тогда тебѣ пришлось бы быть язычникомъ.

Мортенъ. Да, но почему же мнѣ не быть язычникомъ.

Биллингъ. Въ этомъ я совершенно согласенъ съ тобою, Мортенъ! И я говорю совершенно то же.

Г-жа Штокманъ (*дѣлаетъ ему знакъ*). Но, конечно, вы этого не думаете, г. Биллингъ?

Биллингъ. О, нѣтъ, я это думаю, чортъ меня побери! Я язычникъ и горжусь этимъ. Подождите немного, скоро мы всѣ сдѣлаемся язычниками.

Мортенъ. И тогда мы будемъ имѣть право дѣлать все, что хотимъ?

Биллингъ. Да, видишь ли, Мортенъ—

Г-жа Штокманъ. Ну теперь, мальчики, ступайте къ себѣ, у васъ навѣрное есть уроки на завтра.

Эйлифъ. Я охотно остался бы немного здѣсь.

Г-жа Штокманъ. Нѣтъ, и тебѣ нельзя, ступайте оба въ свою комнату.

(*Мальчики желаютъ спокойной ночи и уходятъ въ комнату налѣво*).

Гофстадъ. Неужели вы думаете, что мальчикамъ можетъ быть вредно слушать такія вещи?

Г-жа Штокманъ. Я, право, не знаю, но мнѣ это не нравится.

Петра. Мнѣ кажется, мама, что это совершенно нелѣпо съ твоей стороны.

Г-жа Штокманъ. Очень можетъ быть, но мнѣ это не нравится, по крайней мѣрѣ здѣсь, дома.

Петра. Такъ много неправды и дома, и въ школѣ. Дома надо молчать обо всемъ, а въ школѣ мы должны постоянно лгать дѣтямъ.

Горстеръ. Вы должны лгать?

Петра. Развѣ вы не знаете; что мы должны разсказывать много такого, чему совершенно не вѣримъ?

Биллингъ. Да, совершенно вѣрно.

Петра. Если бы у меня были средства, я сама открыла бы школу, въ которой все шло бы по иному.

Биллингъ. Ахъ, конечно, если бы были средства—!

Горстеръ. Если вы серьезно рѣшитесь это сдѣлать, m-lle Штокманъ, то я охотно представляю вамъ помѣщеніе у себя. Большой домъ моего покойнаго отца стоитъ почти пустой, въ нижнемъ этажѣ находится большая столовая—

Петра (*смѣется*). Очень вамъ благодарна, но изъ этого ничего не выйдетъ.

Гофстадъ. Ахъ, нѣтъ, m-lle Петра гораздо скорѣе сдѣлается журналистомъ, какъ мнѣ кажется. Кстати было ли у васъ время просмотрѣть англійскій разсказъ, который вы обѣщали перевести намъ?

Петра. Нѣтъ, пока нѣтъ. Но вы получите его въ срокъ.

(*Докторъ Штокманъ выходитъ изъ своего кабинета съ открытымъ письмомъ въ рукахъ*).

Докторъ Штокманъ (*потрясаетъ письмомъ*). Да, смѣю сказать, вотъ такъ новость для города!

Биллингъ. Новость?

Г-жа Штокманъ. Что за новость?

Докторъ Штокманъ. Большое открытіе, Катрина.

Гофстадъ. Неужели?

Г-жа Штокманъ. Которое ты сдѣлалъ?

Докторъ Штокманъ. Да, именно я. (*Ходитъ взадъ и впередъ*). Пусть они себѣ по обыкновенію говорятъ, что все это ерунда, бредъ сумасшедшаго! Но пусть только посмѣютъ подойти ко мнѣ! Ха, ха, ха, пусть только посмѣютъ, задамъ я имъ!

Петра. Но скажите же, наконецъ, папа, въ чемъ дѣло?

Докторъ Штокманъ. Да, да, дайте мнѣ только время и вы узнаете все. Какъ хорошо было бы, если бы Петеръ былъ здѣсь. Да, вотъ видите ли, какъ мы можемъ бродить вокругъ и около и судить объ окружающемъ, точно слѣпые кроты—

Гофстадъ. Что вы хотите этимъ сказать, г. докторъ?

Докторъ Штокманъ (*останавливается у стола*). Развѣ не существуетъ обще-распространенное мнѣніе, что нашъ городъ очень здоровое мѣсто?

Гофстадъ. Само собою разумѣется.

Докторъ Штокманъ. Необыкновенно здоровое мѣсто? Мѣсто, которое заслуживаетъ быть самымъ горячимъ образомъ рекомендованнымъ какъ больнымъ, такъ и здоровымъ?

Г-жа Штокманъ. Но, дорогой Томасъ—

Докторъ Штокманъ. И вотъ мы его всячески рекомендовали, расхваливали. Я написалъ о немъ цѣлый рядъ статей, цѣлый рядъ брошюръ—

Гофстадъ. Ну да, и что-жъ?

Докторъ Штокманъ. Это купальное учрежденіе которое называется, пульсомъ города, жизнью и энергіею города и—чортъ его знаетъ, какъ оно тамъ еще называлось—

Биллингъ. Однажды, на одномъ празднествѣ я его назвалъ бьющимся сердцемъ города.

Докторъ Штокманъ. Ахъ да и это было. Знаете ли, что представляетъ изъ себя въ дѣйствительности это грандіозное, великолѣпное, восхваленное купальное учрежденіе, стоющее столько денегъ, —знаете ли, что оно такое?

Гофстадъ. Ну, чѣмъ же оно можетъ быть?

Г-жа Штокманъ. Да, въ чемъ же дѣло?

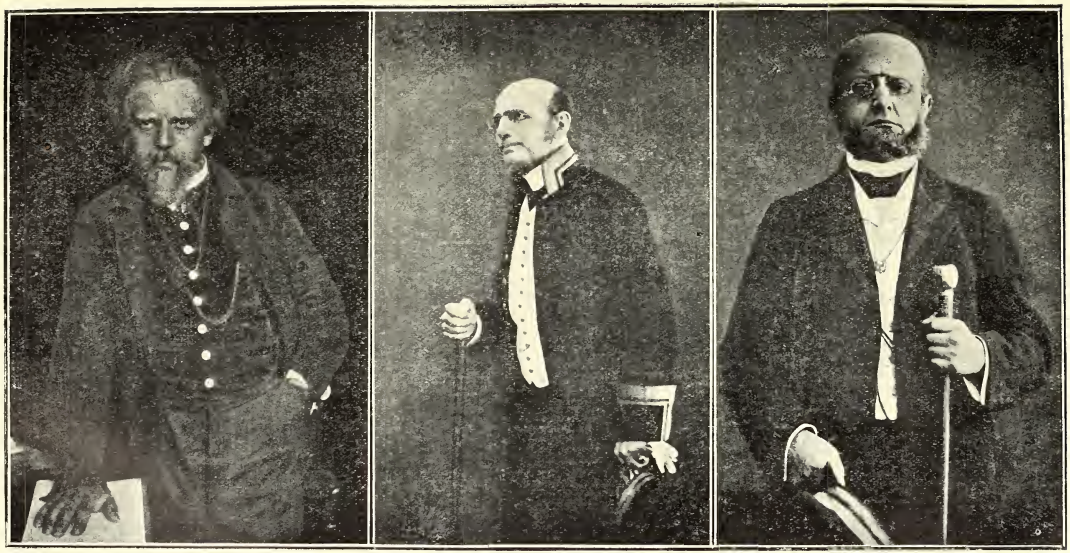
Докторъ Штокманъ. Все купальное заведеніе—очагъ заразы.

Петра. Купальни, папа!

Г-жа Штокманъ (*одновременно*). Наши купальни!

Гофстадъ (*тоже*). Но, г. докторъ—

Биллингъ. Совершенно невѣроятно!



Врагъ Народа.

Докторъ Штокманъ. Все купальное заведеніе отравленная могила, говорю я вамъ. Оно въ величайшей степени опасно для здоровья. Вся эта грязь наверху въ Мольденской долинѣ,—вся эта грязь, разпространяющая такое зловоніе,— она заражаетъ воду, которая помощью трубъ доставляется въ купальное заведеніе, и та же самая проклятая ядовитая грязь выступаетъ и на поверхности морского берега—

Горстеръ. Тамъ, гдѣ расположены купальни?

Докторъ Штокманъ. Именно тамъ.

Гофстадъ. Но какъ же вы въ этомъ убѣдились, г. докторъ?

Докторъ Штокманъ. Я самымъ добросовѣстнымъ образомъ изслѣдовалъ существующее положеніе дѣлъ. Ахъ, во мнѣ уже давно зародилось подозрѣніе о чемъ-либо подобномъ! Въ прошломъ году между прибывшими паціентами наблюдалось много странныхъ заболѣваній,—какъ тифозныхъ, такъ и гастрическаго характера—

Г-жа Штокманъ. Да, это правда.

Докторъ Штокманъ. Тогда мы подумали, что пріѣзжіе принесли эту заразу, но затѣмъ зимою мнѣ пришли въ голову другія мысли, и я сталъ изслѣдовать воду, насколько могъ

Г-жа Штокманъ. Такъ вотъ съ чѣмъ ты такъ долго возился!

Докторъ Штокманъ. Ты вѣрно говоришь, Катрина, что я долго возился. Но здѣсь мнѣ недоставало необходимыхъ научныхъ средствъ; поэтому я послалъ пробы какъ воды для питья, такъ и морской воды въ университетъ, чтобы получить точный анализъ изъ рукъ химиковъ.

Гофстадъ. И вы его теперь получили?

Докторъ Штокманъ (*указывая на письмо*). Вотъ онъ у меня. Онъ указываетъ на присутствіе испорченныхъ органическихъ веществъ въ водѣ,—инфузорій,— въ громадномъ количествѣ. Здѣшняя вода безспорно вредна для здоровья. Все равно, принимаешь ли ты ее внутрь или купаешься въ ней

Г-жа Штокманъ. Хорошо, что ты во время замѣтилъ это.

Докторъ Штокманъ. Да, конечно.

Гофстадъ. Что вы предполагаете предпринять, г. докторъ?

Докторъ Штокманъ. Конечно, я постараюсь исправить дѣло.

Гофстадъ. Развѣ есть возможность исправить его?

Докторъ Штокманъ. Да, полная возможность. Иначе все купальное заведеніе сдѣлается никуда негоднымъ,— погибнетъ. Но этого нечего бояться. Я знаю въ самыхъ мельчайшихъ подробностяхъ, что слѣдуетъ предпринять.

Г-жа Штокманъ. Но какъ же ты такъ долго держалъ это въ тайнѣ, милый Томасъ?

Докторъ Штокманъ. А развѣ лучше было бы, если бы я выбѣжалъ на улицу и сталъ кричать на всѣхъ перекресткахъ, раньше чѣмъ увѣрился въ справедливости своего предположенія? Нѣтъ, спасибо, я еще не настолько съ ума сошелъ.

Петра. Ну, но намъ здѣсь дома—

Докторъ Штокманъ. Ни одной живой душѣ я ничего не сказалъ, но завтра ты можешь побѣжать къ барсуку—

Г-жа Штокманъ. Но, Томасъ—!

Докторъ Штокманъ. Ну, ну, къ крестному, если хочешь. Да, теперь старику будетъ чему удивляться; онъ, вѣдь, думаетъ, что я немного спятилъ съ ума; ахъ да, много тутъ есть людей, которые думаютъ то же самое, я уже это замѣтилъ! Но теперь я покажу себя этимъ добрымъ людямъ; пусть полюбуются—! (*Расхаживаетъ по комнатѣ, потирая руки*). Какой переполохъ подымется въ городѣ, Катрина! Ты даже представить себѣ не можешь! Весь водопродъ долженъ быть проложенъ заново.

Гофстадъ (*вставая*). Весь водопроводъ—?

Докторъ Штокманъ. Да, понятно. Пріемныя трубы лежатъ слишкомъ низко, надо ихъ перенести на гораздо болѣе высокое мѣсто.

Петра. Значитъ, ты былъ правъ.

Докторъ Штокманъ. Да, ты помнишь, Петра, я возражалъ противъ постройки водопровода, какъ только они принялись за нее. Но тогда никто не хотѣлъ меня слушать. Ну теперь, конечно, я имъ задамъ хорошую встрепку; я, понятно! уже написалъ докладъ въ управленіе купаленъ; онъ лежитъ у меня готовымъ уже цѣлую недѣлю; я только поджидалъ этого письма. (*Указываетъ на письмо*). Но теперь его слѣдуетъ немедленно отправить по назначенію.

(*Уходитъ съ своей кабинетъ и выходитъ изъ него съ пакетомъ бумагъ въ рукахъ*). Вотъ онъ, цѣлыхъ четыре густо исписанныхъ листа! Къ нему нужно приложить и письмо! Послушай Катрина! Достань мнѣ, пожалуйста, конвертъ. Хоро-

шо; вотъ такъ;—отдай это—*(останавливается)*. Кой чортъ она называется? Ну, отдай это горничной, скажи, чтобы она сейчасъ же отнесла пакетъ городскому головѣ.

(Г-жа Штокманъ уходитъ съ пакетомъ черезъ столовую)

Петра. А какъ ты думаешь, папа, что скажетъ на это дядя Петеръ?

Докторъ Штокманъ. Что же онъ можетъ сказать? Насколько я знаю, онъ долженъ обрадоваться, что такая важная истина обнаружилась.

Гофстадъ. Вы мнѣ позволите напечатать маленькую замѣтку о вашемъ открытіи въ „Народномъ Вѣстникѣ“

Докторъ Штокманъ. Да, я буду вамъ за это очень благодаренъ.

Гофстадъ. Интересно, чтобы общество узнало объ этомъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Докторъ Штокманъ. Да, конечно.

Г-жа Штокманъ. *(возвращается)*. Она пошла съ письмомъ.

Биллингъ. Вы сдѣлаетесь, чортъ побери, первымъ человѣкомъ въ городѣ, г. докторъ!

Докторъ Штокманъ. (*съ довольнымъ видомъ расхаживаетъ по комнатѣ*). Пустяки, въ сущности я исполнилъ только свою обязанность. Я былъ просто счастливымъ кладокопателемъ; вотъ и все, но тѣмъ не менѣе—

Биллингъ. Гофстадъ, какъ вы думаете, не слѣдуетъ ли городу устроить въ честь доктора факельную процессію?

Гофстадъ. Я объ этомъ замолвлю словечко.

Биллингъ. А я переговорю объ этомъ съ Аслаксеномъ.

Докторъ Штокманъ. Нѣтъ, дорогіе друзья, оставьте это въ покоѣ, я не хочу, чтобы мнѣ оказывали какіе-либо знаки вниманія. Если управленіе купальнаго заведенія пожелаетъ увеличить мое жалованье, я рѣшительно возстану противъ этого. Катрина, я тебѣ это говорю заранѣе, — я не соглашусь на увеличеніе жалованья.

Г-жа Штокманъ. И ты будешь совершенно правъ, Томасъ.

Петръ (*подымая стаканъ*). За твое здоровье папа!

Гофстадъ и Биллингъ. За ваше здоровье, г. докторъ!

Горстеръ (*чокается съ докторомъ*). Да послужитъ ваше открытіе вамъ на радость!

Докторъ Штокманъ Благодарю, благодарю, друзья мои! Я такъ сердечно радъ! Ахъ, какъ пріятно чувствовать, что ты оказалъ пользу своему родному городу и своимъ согражданамъ. Ура, Катрина!

(Онъ обнимаетъ ее обѣими руками и начинаетъ кружиться съ ней по комнатѣ. Г-жа Штокманъ кричитъ и борется съ нимъ. Смѣхъ, аплодисменты и крики „ура“ въ честь доктора. Мальчики выглядываютъ изъ за двери).

Дѣйствіе второе.

(Гостиная у доктора. Дверь въ столовую закрыта. Предобѣденное время).

Г-жа Штокманъ. (*съ запечатаннымъ письмомъ въ рукахъ выходитъ изъ столовой, подходитъ къ крайней двери направо и стучитъ въ нее*). Ты дома, Томасъ?

Докторъ Штокманъ (*изнутри*). Да, я сейчасъ прійду. (*Входитъ*). Чего тебѣ нужно?

Г-жа Штокманъ. Письмо отъ твоего брата. (*Протягиваетъ его доктору*).

Докторъ Штокманъ. Ага посмотримъ! (*Разрываетъ конвертъ и читаетъ*). „Присланная рукопись при семъ прилагается—“ (*Читаетъ дальше про себя*). Гмъ—!

Г-жа Штокманъ. Что же онъ тебѣ отвѣчаетъ?

Докторъ Штокманъ. (*кладетъ бумаги въ карманъ*). Ничего, онъ только пишетъ, что самъ зайдетъ сегодня утромъ сюда.

Г-жа Штокманъ. Такъ ты, пожалуйста, не уходи изъ дому.

Докторъ Штокманъ. Да, это будетъ не трудно, потому что я раздѣлался съ своими утренними визитами.

Г-жа Штокманъ. Горю нетерпѣніемъ узнать, какъ онъ отнесется къ этому извѣстію.

Докторъ Штокманъ Ты увидишь онъ разсердится, что это открытіе сдѣлано мною, а не имъ.

Г-жа Штокманъ. Да, такъ и ты боишься этого!

Докторъ Штокманъ. Въ сущности, конечно, онъ обрадуется, это само собою разумѣется. Но все же—! Петеръ такъ страшно боится, чтобы кто-либо другой, а не онъ принесъ наибольшую пользу городу.

Г-жа Штокманъ. Знаешь ли что, Томасъ, ты могъ бы оказать ему любезность и раздѣлить съ нимъ честь открытія Нельзя ли сдѣлать видъ, какъ будто онъ навелъ тебя на слѣдъ—?

Докторъ Штокманъ. Да, конечно, это можно сдѣлать. Какъ только я устрою это дѣло—

Старикъ Мортенъ Кіиль (*высовывая голову изъ передней, бросаетъ испытующій взоръ въ комнату, улыбается и спрашиваетъ осторожно*). Это —это правда?

Г-жа Штокманъ. (*ему навстрѣчу*). Папа, это ты?

Докторъ Штокманъ. Тестюшка, скажите пожалуста! Добраго утра, добраго утра!

Г-жа Штокманъ. Войди же, папа.

Мортенъ Кіиль. Я войду, если это правда, иначе я уйду.

Докторъ Штокманъ. Что такое правда?

Мортенъ Кіиль. А эта твоя глупость съ водою, это првда?

Докторъ Штокманъ. Да, это совершенная правда; онъ откуда вы это узнали?

Мортенъ Кіиль (*входитъ*). Петра забѣгала ко мнѣ, когда шла въ школу.

Докторъ Штокманъ. Неужели?

Мортенъ Кіиль. Да, да, и вотъ она разсказала мнѣ—Я думалъ было одно время, что она смѣется надо мною; но это не похоже на Петру.

Докторъ Штокманъ. Какъ вамъ могла прійти въ голову такая мысль!

Мортенъ Кіиль. Ахъ, нельзя никому довѣрятся; не успѣешь осмотрѣться, какъ тебя уже одурачили. Но значитъ, это все правда?

Докторъ Штокманъ. Да правда. Но садитесь же, тестюшка. (*Заставляетъ его сѣсть на диванъ*). И развѣ это не счастье для города—?

Мортенъ Кіиль. (*съ трудомъ сдерживая смѣхъ*). Счастье для города?

Докторъ Штокманъ. Что я во время сдѣлалъ это открытіе?

Мортенъ Кіиль (*какъ прежде*). Ахъ, да!—Но я никогда не думалъ, что вы захотите устроить такую штуку своему собственному брату.

Докторъ Штокманъ. Штуку!

Г-жа Штокманъ. Но, дорогой папа—

Мортенъ Кіиль (*опираетъ руки и подбородокъ о набалдашникъ палки и бросаетъ на доктора лукавый взглядъ*) Но въ чемъ же дѣло? Разскажите. Въ водопроводъ попалъ какой-то звѣрь, не правда ли?

Докторъ Штокманъ. Да, бактеріи.

Мортенъ Кіиль. И этихъ звѣрей набралось тамъ большое количество, говорила Петра. Невѣроятно большое количество?

Докторъ Штокманъ. Да, ихъ можетъ быть сотни тысячъ

Мортенъ Кіиль. Но никто не можетъ ихъ видѣть,—не правда ли, никто?

Докторъ Штокманъ. Видѣть ихъ никто не можетъ.

Мортенъ Кіиль (*съ трудомъ сдерживая смѣхъ*). Чортъ меня побери, это наилучшее изъ всего, что вы когда-либо дѣлали!

Докторъ Штокманъ. Что вы хотите этимъ сказать?

Мортенъ Кіиль. Но никогда въ жизни вамъ не удастся убѣдить въ этомъ городского голову.

Докторъ Штокманъ. Ну, это мы еще посмотримъ.

Мортенъ Кіиль. Неужели вы думаете, что онъ можетъ оказаться такимъ безумцемъ?

Докторъ Штокманъ. Я надѣюсь что весь городъ окажется такимъ же безумцемъ.

Мортенъ Кіиль. Весь городъ! Да, можетъ статься. Но пусть берегутся; они такъ легко не отдѣлаются. Они хотятъ быть умнѣе, чѣмъ мы, старики, они выгнали меня изъ думы. Я говорю правду. Да, они забаллотировали меня какъ собаку, вотъ что они сдѣлали! Но теперь и имъ достанется перцу! Штокманъ, продолжайте свои штуки съ ними, продолжайте.

Докторъ Штокманъ. Но, тестюшка —!

Мортенъ Кіиль. Да заставьте ихъ солоно хлебать. (*Встаетъ*). Если вамъ удастся заманить въ эту западню городского голову и его друзей, я немедленно жертвую сто кронъ на бѣдныхъ.

Докторъ Штокманъ. Это очень любезно съ вашей стороны.

Мортенъ Кіиль. Вы знаете, что я богатствомъ не могу похвалиться, но если вамъ это удастся, я къ Рождеству пожертвую еще полсотни кронъ.

(*Редакторъ Гофстадъ входитъ изъ передней*).

Гофстадъ. Добраго утра! (*Останавливается*). Ахъ извините!

Докторъ Штокманъ. Пожалуйста, войдите, войдите!

Мортенъ Кіиль (*опять начинаетъ хохотать*). Онъ! И онъ съ вами?

Гофстадъ. Что вы хотите этимъ сказать?

Докторъ Штокманъ. Да, конечно, онъ со мною.

Мортенъ Кіиль. Я долженъ былъ знать объ этомъ. Такъ о вашемъ дѣлѣ будутъ писать въ газетахъ? Да, вы какъ разъ подходящій человѣкъ, Штокманъ. Ну переговаривайте на здоровье, я ухожу.

Докторъ Шокманъ. Ахъ, останьтесь еще немного, тестюшка!

Мортенъ Кіиль. Нѣтъ, нѣтъ, я ухожу. А вы продолжайте свою штуку возможно получше; вы на ней, чортъ побери, получите не мало барыша (*Уходитъ. Г-жа Штокманъ провожаетъ его*).

Докторъ Шокманъ. (*смѣется*). Представьте себѣ, — старикъ не вѣритъ ни одному слову изъ всего этого случая съ водопроводомъ.

Гофстадъ. Неужели? Такъ вы говорили объ этомъ дѣлѣ?

Докторъ Штокманъ. Да, мы именно о немъ говорили. Вы тоже запли по этому вопросу?

Гофстадъ. Да. Есть ли у васъ свободная минута, г. докторъ?

Докторъ Штокманъ. Конечно, дорогой Гофстадъ, я могу вамъ посвятить столько времени, сколько хотите.

Гофстадъ. Вы получили какое-нибудь извѣстіе отъ городского головы?

Докторъ Штокманъ. Покамѣстъ нѣтъ; онъ долженъ сейчасъ прійти сюда.

Гофстадъ. Я вчера вечеромъ много думалъ объ этомъ дѣлѣ.

Докторъ Штокманъ. Ну, и чтожъ?

Гофстадъ. Для васъ, какъ для врача, какъ для человѣка науки, этотъ случай съ водопроводомъ является какъ бы чѣмъ то отдѣльнымъ, независимымъ отъ чего-либо другого. Я хочу сказать: вамъ не приходитъ въ голову, что этотъ вопросъ тѣсно связанъ со множествомъ другихъ.

Докторъ Штокманъ. Какимъ же это образомъ? Но сядемъ-ка лучше, дорогой Гофстадъ, сюда на диванъ.

Гофстадъ (*садится на диванъ, докторъ на кресло по другую сторону стола*).

Докторъ Штокманъ. Ну, что вы хотите сказать?

Гофстадъ. Вы говорили вчера, что испорченная вода происходитъ изъ гніющихъ веществъ въ почвѣ.

Докторъ Штокманъ. Да, она вытекаетъ изъ отравленнаго болота тамъ наверху въ долинѣ Моле.

Гофстадъ. Извините, г. докторъ, а я думаю, что она вытекаетъ изъ совсѣмъ другого болота.

Докторъ Штокманъ. Что это можетъ быть за болото?

Гофстадъ. То болото, въ которомъ погрязла и гніетъ вся наша общественная жизнь.

Докторъ Штокманъ. Но чортъ побери, г. Гофстадъ, что такое вы говорите?

Гофстадъ. Всѣ городскія дѣла перешли мало по малу въ руки кучки чиновниковъ.

Докторъ Штокманъ. Ну положимъ, не всѣ они чиновники.

Гофстадъ. Да, но тѣ, которые не чиновники, во всякомъ случаѣ друзья и приверженцы чиновниковъ; все это люди богатые, представители старыхъ въ городѣ фамилій; вотъ кто правитъ и владѣетъ нами.

Докторъ Штокманъ. Да, но все это люди дѣловитые, умные—

Гофстадъ. Развѣ они доказали свою дѣловитость и умъ, когда проложили водопроводъ тамъ, гдѣ онъ теперь?

Докторъ Штокманъ. Да, конечно, это была большая глупость съ ихъ стороны, но глупость во всякомъ случаѣ поправимая.

Гофстадъ. Неужели вы думаете, что все такъ гладко пойдетъ?

Докторъ Штокманъ. Гладко или не гладко, но все же оно пойдетъ.

Гофстадъ. Да, если печать вступится въ это дѣло.

Докторъ Штокманъ. Въ этомъ нѣтъ надобности, мой дорогой: я увѣренъ, что мой братъ—

Гофстадъ. Извините меня, г. докторъ. Но я намѣренъ заняться обсужденіемъ этого вопроса.

Докторъ Штокманъ. Въ газетѣ?

Гофстадъ. Да, когда я взялъ на себя редакцію „Народнаго Вѣстника“, я

задался мыслью взорвать на воздухъ этотъ кружокъ старыхъ, упрямыхъ воротилъ, которые захватили въ свои руки всю власть надъ городомъ.

Докторъ Штокманъ. Вы сами разсказывали мнѣ, къ чему это въ концѣ концовъ привело. Вы чуть было не погубили газеты.

Гофстадъ. Да, тогда мы должны были сложить оружіе, совершенно вѣрно,— потому что намъ грозила опасность, что купальное заведеніе не осуществится, если гогданніе дѣятели падутъ. Но теперь купальное заведеніе стоитъ прочно на ногахъ, а мы все не можемъ обходиться безъ своихъ властителей.

Докторъ Штокманъ. Обходиться безъ нихъ мы можемъ, но мы обязаны имъ благодарностью.

Гофстадъ. Да, я совершенно съ вами согласенъ, мы обязаны имъ благодарностью, но журналистъ моего народническаго направленія не можетъ упустить изъ рукъ такой превосходный случай, какъ настоящій. Надо поколебать басню о непогрѣшимости нашихъ городскихъ правителей. Слѣдуетъ искоренить этотъ предразсудокъ, какъ и всякіе другіе.

Докторъ Штокманъ. Я отъ всего сердца согласенъ съ вами, г. Гофстадъ; если это предразсудокъ, онъ долженъ быть искорененъ.

Гофстадъ. Мнѣ очень не хотѣлось нападать на городского голову, такъ какъ это вашъ-братъ. Но вы, конечно, думаете такъ, какъ и я, что правда—прежде всего

Докторъ Штокманъ. Это само собою разумѣется (*Вспыхивая*). Но-все же! Но все-же—!

Гофстадъ. Не думайте дурно обо мнѣ, я не болѣе эгоистиченъ и не болѣе честолюбивъ, чѣмъ большинство людей.

Докторъ Штокманъ. Но милый мой, кто же это говоритъ?

Гофстадъ. Я, какъ вы знаете, вышелъ изъ народа и имѣлъ полную возможность узнать, чего больше всего недостаетъ низшимъ классамъ общества. Имъ недостаетъ участія въ управленіи общественными дѣлами, г. докторъ. Только это участіе развиваетъ способности и знанія, укрѣпляетъ чувство самоуваженія—

Докторъ Штокманъ. Я такъ хорошо понимаю васъ.

Гофстадъ. Да,—и вотъ мнѣ кажется, что журналистъ беретъ на себя тяжкую отвѣтственность, если упускаетъ изъ рукъ удобный случай даровать свободу массѣ малыхъ и угнетенныхъ. Я знаю, въ лагерѣ сильныхъ и богатыхъ это будутъ называть подстрекательствомъ къ бунту и т. п. Но пусть ихъ говорятъ на здоровье, что хотятъ! Лишь бы моя совѣсть была чиста, и я—

Докторъ Штокманъ. Да, именно такъ, дорогой Гофстадъ! Но все же—чортъ побери—! (*Раздается стукъ въ дверь*). Войдите.

(*Типографъ Аслаксенъ входитъ изъ передней. Онъ одѣтъ бѣдно, но прилично; въ черномъ сюртукѣ съ нѣсколько помятымъ бѣлымъ галстукомъ, въ перчаткахъ и съ фетровою шляпою въ рукѣ*).

Аслаксенъ, (*кланяется*). Извините, г. докторъ, что я такъ смѣло—

Докторъ Штокманъ (*встаетъ*). Скажите, пожалуйста,—вотъ и типографъ Аслаксенъ!

Аслаксенъ. Какъ видите, г. докторъ!

Гофстадъ (*встаетъ*). Вы пришли сюда за мною, Аслаксенъ?

Аслаксенъ. Нѣтъ, не за вами: я не зналъ, что встрѣчу васъ здѣсь. Нѣтъ, я пришелъ къ доктору.

Докторъ Штокманъ. Чѣмъ могу я вамъ служить?

Аслаксенъ. Правда ли то, что я слышалъ отъ Биллинга, будто докторъ на мѣреается устроить лучшій водопроводъ?

Докторъ Штокманъ. Да въ купальномъ заведеніи.

Аслаксенъ. Ну да, это я понимаю. Такъ я пришелъ сказать вамъ, что намѣренъ всѣми силами поддерживать это дѣло.

Гофстадъ (*доктору*). Видите?

Докторъ Штокманъ. Благодарю васъ отъ всего сердца. но—

Аслаксенъ. Потому что вамъ, можетъ быть понадобится помощь насъ, маленькихъ людей. Мы можемъ всегда образовать сплоченное большинство здѣсь въ городѣ; стоитъ намъ этого только пожелать. А всегда хорошо имѣть за собою большинство, г. докторъ.

Докторъ Штокманъ. Это безспорно вѣрно; но я совсѣмъ не понимаю, почему здѣсь необходимы какія-то особыя мѣры предосторожности. Мнѣ кажется, что такое ясное и справдливое дѣло—

Аслаксенъ. Ахъ нѣтъ! дѣло можетъ быть само по себѣ очень хорошее, но я прекрасно знаю мѣстныя власти; наши заправилы никогда не отнесутся благопріятно къ предложенію, исходящему отъ другихъ людей. И потому я думаю, что

было бы не дурно устроить маленькую демонстрацію.

Гофстадъ. Совершенно съ вами согласенъ.

Докторъ Штокманъ. Вы говорите демонстрацію? Да, но какого рода демонстрацію хотите вы устроить?

Аслаксенъ. Конечно, самую умѣренную, г. докторъ. Я всегда стою на сторонѣ умѣренности; потому что умѣренность—первая обязанность гражданина,—таково мое мнѣніе.

Докторъ Штокманъ. Вы извѣстны этимъ г. Аслаксенъ.

Аслаксенъ. Да, я надѣюсь, что имѣю право это утверждать. А это дѣло съ водопроводомъ представляетъ громадное значеніе для насъ, мелкихъ гражданъ города. Купальни обѣщаютъ сдѣлаться такъ сказать, маленькимъ золотымъ дномъ для города. Купальни должны намъ всѣмъ доставить средства жизни, въ особенности намъ, домовладѣльцамъ. Поэтому мы готовы всѣми силами поддерживать это учрежденіе. И такъ какъ я предсѣдатель общества домовладѣльцевъ—

Докторъ Штокманъ. Да?

Аслаксенъ. И такъ какъ я, кромѣ того, агентъ общества трезвости,—вамъ, докторъ, вѣрно извѣстно, что я убѣжденный защитникъ трезвости—

Докторъ Штокманъ. Да. Это понятно.

Аслаксенъ. Ну, отсюда ясно, что мнѣ приходится встрѣчаться съ массою людей. И такъ какъ я извѣстенъ, какъ разсудительный, благонамѣренный гражданинъ, —съ чѣмъ согласны и вы, докторъ,—то я пользуюсь въ городѣ извѣстнымъ вліяніемъ, обладаю, такъ сказать, нѣкоторою силою: хотя, быть можетъ, мнѣ не слѣдовало бы заявлять этого о себѣ.

Докторъ Штокманъ. Я это отлично знаю, г. Аслаксенъ.

Аслаксенъ. Да, вотъ видите, мнѣ не трудно будетъ составить адресъ, разъ въ немъ окажется необходимость.

Докторъ Штокманъ. Вы говорите адресъ?

Аслаксенъ. Да, нѣчто въ родѣ благодарственнаго адреса вамъ отъ гражданъ за то, что вы выяснили это общественное дѣло. Само собою разумѣется, что адресъ долженъ быть составленъ съ возможно большею умѣренностью, такъ чтобы не оттолкнуть ни городскихъ заправилъ, ни тѣхъ, кто вообще преклоняется предъ властью. И если только мы примемъ это во вниманіе, то надѣюсь, никто не поставитъ намъ въ упрекъ этотъ адресъ.

Гофстадъ. Даже если бы это не пришлось имъ по вкусу, то—

Аслаксенъ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, не надо никакихъ нападокъ на власти, г. Гофстадъ, никакой оппозиціи противъ людей, которые такъ сильно связаны съ нашей жизнью! Много пришлось мнѣ пережить на своемъ вѣку, и такой образъ дѣйствій не приводитъ никогда ни къ чему хорошему. Но разсудительныя и свободныя заявленія гражданъ,—кто же можетъ сказать что-нибудь противъ нихъ?

Докторъ Штокманъ (*пожимая ему руку*). Я не въ силахъ выразить вамъ, дорогой г. Аслаксенъ, какъ сильно радуетъ меня это общее сочувствіе монхъ согражданъ. Я такъ радъ,—такъ радъ! Послушайте, не выпьемъ ли мы съ вами рюмку хереса? Что вы на это скажете?

Аслаксенъ. Нѣтъ покорно благодарю, я никогда не употребляю спиртныхъ напитковъ.

Докторъ Штокманъ. Ну, въ такомъ случаѣ стаканъ пива; согласны?

Аслаксенъ. Нѣтъ, спасибо, г. докторъ, и этого не хочу; я никогда не пью такъ рано по утру. Но теперь я пойду въ городъ, переговорю кое съ кѣмъ изъ домовладѣльцевъ и подготовлю настроеніе.

Докторъ Штокманъ. Это чрезвычайно любезно съ вашей стороны, г. Аслаксенъ; но я никакъ не могу понять, почему необходимы всѣ эти подготовленія; мнѣ кажется, дѣло говоритъ само за себя.

Аслаксенъ. Вы знаете, г. докторъ что наши власти работаютъ нѣсколько медленно, но, конечно, Боже сохрани, я вовсе не говорю этого въ укоръ имъ.

Гофстадъ. Завтра мы ихъ немного подстрекнемъ въ газетѣ, Аслаксенъ.

Аслаксенъ. Но только не слишкомъ сильно, г. Гофстадъ. Дѣйствуйте съ умѣренностью, иначе вамъ никогда не удастся заполучить на свою сторону большинство. Повѣрьте моему совѣту, потому что мнѣ много пришлось испытывать на своемъ вѣку. А теперь я прощусь съ вами, г. докторъ. Теперь вы знаете, что мы, мелкіе граждане, будемъ во всякомъ случаѣ стоять за васъ горой. На вашей сторонѣ сплоченное большинство, г. докторъ.

Докторъ Штокманъ. Отъ души благодарю васъ дорогой г. Аслаксенъ. (*Протягиваетъ ему руку*). До свиданія, до свиданія!

Аслаксенъ. Вы пойдете со мною въ типографію, г. Гофстадъ?

Гофстадъ. Я потомъ прійду; у меня есть еще маленькое дѣло.

Аслаксенъ. Хорошо, хорошо! (*Кланяется и уходитъ. Докторъ Штокманъ провожаетъ его въ переднюю*).

Гофстадъ (*доктору, выходящему изъ передней*). Ну что вы скажите на это, г. докторъ? Не находите ли вы, что теперь наступило время очистить воздухъ и стряхнуть съ себя всю эту косность, половинчатость, трусость—

Докторъ Штокманъ. Вы намекаете на типографа Аслаксена?

Гофстадъ. Да, конечно. Онъ изъ тѣхъ людей, которые стоятъ, погруженные по шею въ болото, хотя во всѣхъ другихъ отношеніяхъ онъ, можетъ быть, и прекрасный человѣкъ. И вотъ изъ такихъ-то людей состоитъ наше большинство; они ходятъ, шатаются и колеблются изъ стороны въ сторону и въ силу разныхъ предосторожностей никогда не рѣшаются сдѣлать полнаго шага.

Докторъ Штокманъ. Да, но мнѣ кажется, что Аслаксенъ считался до сихъ поръ благонамѣреннымъ человѣкомъ.

Гофстадъ. Есть одна вещь въ немъ, которую я ставлю еще выше: это человѣкъ, увѣренный въ самомъ себѣ, умѣющій постоять за себя.

Докторъ Штокманъ. Я въ этомъ вполнѣ согласенъ съ вами.

Гофстадъ. Поэтому то я хочу воспользоваться случаемъ и потребовать нельзя, ли заставить благомыслящихъ людей города вмѣшаться въ городскія дѣла? Необходимо уничтожить здѣсь въ городѣ преклоненіе предъ авторитетомъ. Эта непростительная грандіозная ошибка съ водопроводомъ должна быть понята, какъ слѣдуетъ, всѣми гражданами, пользующимися правомъ голоса.

Докторъ Штокманъ. Хорошо, если вы думаете, что это принесетъ пользу обществу, то дѣлайте, какъ знаете, но не прежде, чѣмъ я переговорю съ братомъ о нашемъ дѣлѣ.

Гофстадъ. Я, во всякомъ случаѣ, напишу покамѣсть редакціонную статью. А если городской голова не захочетъ дать ходъ этому дѣлу?

Докторъ Штокманъ. Какъ вы можете это думать?

Гофстадъ. Думать не мѣшаетъ. Что тогда—?

Докторъ Штокманъ. Тогда я вамъ обѣщаю—послушайте,—тогда вы можете напечатать мою статью,—можете взять ее цѣликомъ съ собою.

Гофстадъ. Вы разрѣшаете? Это ваше послѣднее слово?

Докторъ Штокманъ (*протягивая ему рукопись*). Вотъ она; берите ее съ собою; во всякомъ случаѣ не лишнее будетъ, если вы прочитаете ее всю; а затѣмъ вернете мнѣ.

Гофстадъ. Хорошо, хорошо, исполню все. А теперь прощайте, г. докторъ.

Докторъ Штокманъ. Прощайте, прощайте! Да, вотъ видите, какъ все идетъ гладко, г. Гофстадъ, какъ гладко.

Гофстадъ. Гмъ!—поживемъ, увидимъ. (*Онъ кланяется и уходитъ черезъ переднюю*).

Докторъ Штокманъ. (*заглядываетъ въ столовую*). Катрина! А ты уже вернулась домой Петра?

Петра (*входитъ*). Да, я только что вернулась изъ школы.

Г-жа Штокманъ (*входитъ*). Онъ еще не приходилъ?

Докторъ Штокманъ. Петеръ? Нѣтъ, но я долго говорилъ съ Гофстадомъ. Онъ страшно увлекается моимъ открытіемъ. Да, вотъ видишь, потому что изъ него вытекаетъ пѣлый рядъ очень важныхъ послѣдствій, о которыхъ я сначала и не помышлялъ. И вотъ Гофстадъ предоставилъ въ полное мое распоряженіе свою газету, если въ ней окажется надобность.

Г-жа Штокманъ. Но развѣ ты думаешь, что она можетъ тебѣ понадобиться?

Докторъ Штокманъ. О, конечно нѣтъ. Но во всякомъ случаѣ можно гордиться тѣмъ, что на нашей сторонѣ находится свободомыслящая независимая печать. А знаешь что? У меня былъ еще одинъ посѣтитель: предсѣдатель общества домовладѣльцевъ.

Г-жа Штокманъ. Да? Зачѣмъ же онъ приходилъ?

Докторъ Штокманъ. Также чтобы поддержать меня. Они всѣ хотятъ поддержать меня, если предствится надобность. Катрина, знаешь ли, кто стоитъ за мною?

Г-жа Штокманъ. За тобою? Нѣтъ. Кто же стоитъ за тобою?

Докторъ Штокманъ. Сплоченное большинство.

Г-жа Штокманъ. Такъ то! это хорошо для тебя, Томасъ!

Докторъ Штокманъ. Да, конечно, это хорошо. (*Потираетъ руки, рас-*

хаживаетъ по комнатѣ взадъ и впередъ). Да, Господи Боже, какъ пріятно находиться въ братскомъ союзѣ со всѣми согражданами!

Петра. И при этомъ дѣлать столько хорошаго и полезнаго, отецъ!

Докторъ Штокманъ. И въ довершеніе всего приносить пользу своему собственному родному городу, вотъ что пріятно!

Г-жа Штокманъ. Кто-то позвонилъ.

Докторъ Штокманъ. Это навѣрное онъ—(*Раздается стукъ въ двери).* Войдите.

Городской голова. Штокманъ! (*входитъ изъ передней).* Добраго утра!

Докторъ Штокманъ. Здравствуй, Петеръ!

Г-жа Штокманъ. Здравствуйте, зять! Какъ идутъ дѣла?

Городской голова. Благодарю, помаленьку. (*Доктору).* Я получилъ вчера, по окончаніи присутствія, докладъ отъ тебя относительно проведенія воды въ купальное заведеніе.

Докторъ Штокманъ. Да, ты прочелъ его?

Городской голова. Прочелъ.

Докторъ Штокманъ. И что ты скажешь на это?

Городской голова (*бросая взглядъ въ сторону*). Гмъ—!

Г-жа Штокманъ. Пойдемъ, Петра. (*Она и Петра уходятъ въ комнату налѣво).*

Городской голова (*послѣ нѣкотораго молчанія).* Развѣ была какая-нибудь необходимость производить эти изысканія за моею спиною?

Докторъ Штокманъ. Да, пока я не увѣрился въ справедливости своего преположенія, я не могъ—

Городской голова. А теперь ты вполнѣ увѣрился?

Докторъ Штокманъ. Ты и самъ долженъ былъ убѣдиться въ этомъ.

Городской голова. И ты намѣренъ представить этотъ докладъ правленію купаленъ въ качествѣ оффиціальнаго документа?

Докторъ Штокманъ. Да, конечно. Необходимо дать этому дѣлу ходъ и возможно скорѣе.

Городской голова. Ты въ своемъ докладѣ употребляешь, по обыкновенію, рѣзкія выраженія. Ты, между прочимъ, говоришь, что мы систематически отравляемъ пріѣзжающихъ къ намъ на купанье гостей.

Докторъ Штокманъ. А скажи мнѣ ла милость, Петеръ, какъ это иначе назвать? Подумай только, мы предлагемъ отравленную воду какъ для купанья, такъ и для питья. И кому же? Бѣднымъ больнымъ, которые отовсюду стекаются сюда, довѣряя намъ, и платятъ громадныя деньги въ надеждѣ поправить свое здоровье.

Городской голова. И помощью твоихъ умозаключеній ты приходишь къ выводу, что мы должны, во первыхъ, устроить стокъ, который принималъ бы всѣ зараженныя нечистоты изъ Моледалена, и затѣмъ, что необходимо перестроить водопроводъ.

Докторъ Штокманъ. Да, а ты знаешь какой-либо другой исходъ? Я лично никакого другого не знаю.

Городской голова. Сегодня утромъ я зашелъ, какъ бы мимоходомъ, къ городскому архитектору, и заговорилъ какъ бы въ шутку объ этихъ предположеніяхъ, какъ о чемъ то, на что слѣдуетъ обратить вниманіе когда-либо въ будущемъ.

Докторъ Штокманъ. Когда-либо въ будущемъ?

Городской голова. Онъ, конечно, засмѣялся, услышавъ мое странное предложеніе. Далъ ли ты себѣ трудъ подумать, сколько будутъ стоить проэктированныя тобою перестройки? Согласно собраннымъ свѣдѣніямъ, понадобится расходъ въ нѣсколько сотъ тысячъ кронъ.

Докторъ Штокманъ. Неужели это обойдется такъ дорого?

Городской голова. Да, а теперь я перехожу къ худшему. Работа потребуетъ по крайней мѣрѣ двухъ лѣтъ времени.

Докторъ Штокманъ. Ты говоришь два года, цѣлыхъ два года!

Городской голова. Это наименьшій срокъ. А что намъ тѣмъ временемъ дѣлать съ купальнями? Закрыть ихъ, что-ли? Да, мы, конечно, будемъ вынуждены сдѣлать это. Или ты въ самомъ дѣлѣ воображаешь, что кто-нибудь пріѣдетъ къ намъ, когда распространится слухъ, что вода заражена?

Докторъ Штокманъ. Но, вѣдь, это правда, Петеръ, что она заражена.

Городской голова. И все это теперь, именно теперь, когда учрежденіе наше начало процвѣтать. Въ сосѣднихъ городахъ имѣются также нѣкоторыя специфическія достоинства, которыя могутъ обратить ихъ въ мѣста купаній. Какъ ты думаешь, развѣ они не постараются пустить

все въ ходъ, чтобы привлечь къ себѣ толпу нашихъ посѣтителей? Да это несомнѣнно. Мы останемся на мели. Все наше дорогое учрежденіе пойдетъ прахомъ, а ты будешь виновнымъ въ разореніи своего родного города.

Докторъ Штотманъ. Я виновникъ его разоренія!

Городской голова. Только одинъ купальни могутъ способствовать процвѣтанію города въ будущемъ и его благосостоянію. Это ты понимаешь такъ же хорошо, какъ и я.

Докторъ Штокманъ. Но какъ ты думаешь, что же надо дѣлать?

Городской голова. Изъ твоей статьи я никакъ не могъ вывесть заключенія, что положеніе дѣлъ въ купальняхъ такъ плохо, какъ ты его рисуешь.

Докторъ Штокманъ. Оно хуже, гораздо хуже въ особенности лѣтомъ, когда ко всему этому присоединяется жара.

Городской голова. Какъ я говорилъ уже раньше, я увѣренъ, что ты страшно преувеличиваешь. Хорошій врачъ долженъ умѣть принимать мѣры предосторожности, — онъ долженъ предупреждать дурныя послѣдствія вредныхъ вліяній, долженъ бороться съ ними, если они оказываютъ вредное дѣйствіе.

Докторъ Штокманъ. Да—? Ну что же дальше—?

Городской голова. Устроенный нами водопроводъ совершившійся фактъ и къ нему нужно относиться какъ къ таковому. Но, конечно, правленіе можно современемъ убѣдить подвергнуть разсмотрѣнію вопросъ, какимъ образомъ произвесть нѣкоторыя необходимыя улучшенія безъ большихъ денежныхъ жертвъ.

Докторъ Штокманъ. И ты думаешь, что я соглашусь на такую интригу?

Городской голова. Интригу?

Докторъ Штокманъ. Да, конечно, это будетъ интрига, обманъ, ложь, преступленіе относительно больныхъ, относительно всего общества.

Городской голова. Повторяю то, что говорилъ раньше; я никакъ не могъ убѣдить себя, что намъ дѣйствительно грозитъ какая-нибудь опасность.

Докторъ Штокманъ. Нѣтъ, ты убѣдился въ этомъ, иначе быть не можетъ. Мое изложеніе такое ясное и правдивое, это я отлично знаю! И ты это понимаешь такъ же хорошо, какъ и я, Петеръ, только не хочешь сознаться. Это ты заставилъ построить водопроводъ и купальни тамъ, гдѣ они теперь находятся; а именно этого, этой проклятой своей ошибки ты и не хочешь признать. Ты въ самомъ дѣлѣ воображаешь, что я не вижу тебя насквозь?

Городской голова. А если и такъ? Если я дѣйствительно охраняю всѣми силами свое достоинство, свою репутацію, то все это дѣлается ко благу города и— Безъ нравственнаго авторитета я не могъ бы руководить дѣлами такъ, какъ я нахожу необходимымъ для блага цѣлаго. Поэтому и по многимъ другимъ причинамъ для меня въ высшей степени важно, чтобы твоя брошюра не была вручена правленію купаленъ. Ради блага всего общества необходимо задержать ее въ нашихъ рукахъ. Затѣмъ я подвергну этотъ вопросъ разсмотрѣнію, и мы постараемся устроить все къ наилучшему; но никакимъ образомъ, ни единымъ словомъ не слѣдуетъ доводить до свѣдѣнія общества это роковое недоразумѣніе.

Докторъ Штокманъ. Да, но помѣшать этому теперь никакъ невозможно, мой дорогой Петеръ.

Городской голова. Но этому надо, этому слѣдуетъ помѣшать!

Докторъ Штокманъ. Но этого нельзя сдѣлать, говорю я тебѣ: слишкомъ многіе люди знаютъ объ этомъ!

Городской голова. Знаютъ объ этомъ! Кто же? Надѣюсь, что не эти господа изъ „Народнаго Вѣстника“, которые—?

Докторъ Штокманъ. Ну да, и они также. Свободомыслящая, независимая пресса позаботится о томъ, чтобы вы исполнили свой долгъ.

Городской голова (*послѣ краткаго молчанія*). Ты невѣроятно легкомысленный человѣкъ, Томасъ. Подумалъ ли ты, къ какимъ послѣдствіямъ приведетъ это для тебя самого?

Докторъ Штокманъ. Къ какимъ послѣдствіямъ? Къ послѣдствіямъ для меня?

Городской голова. Для тебя и для твоихъ, да.

Докторъ Штокманъ. Кой чертъ хочешь ты сказать этимъ?

Городской голова. Мнѣ кажется, что я одно время выказалъ себя относительно тебя услужливымъ и заботливымъ братомъ.

Докторъ Штокманъ. Да, это вѣрно, и я отъ души благодарю тебя за это.

Городской голова. Въ этомъ нѣтъ надобности. Я до нѣкоторой степени вынужденъ былъ поступать такъ для соб-

ственной пользы. У меня всегда была при этомъ надежда, что разъ я помогу тебѣ улучшить твое экономическое положеніе, я съумѣю тебя удержать, въ случаѣ надобности, въ извѣстныхъ границахъ.

Докторъ Штокманъ. Что ты говоришь? Такъ, значитъ, ты для собственной пользы—!

Городской голова. Отчасти, говорю я тебѣ. Для должностного лица всегда непріятно, когда его ближайшій родственникъ постоянно компрометинуетъ себя.

Докторъ Штокманъ. Такъ ты находишь, что я это дѣлалъ?

Городской голова. Да, къ несчастью, ты это дѣлалъ, самъ того не понимая. У тебя неспокойный, мятежный, воинственный духъ. У тебя притомъ несчастная страсть писать открыто о всякаго рода возможныхъ и невозможныхъ дѣлахъ. Какъ только тебѣ что-нибудь приходитъ въ голову, ты сейчасъ же выпускаешь либо статью, либо цѣлую брошюру.

Докторъ Штокманъ. Да, но развѣ это не долгъ гражданина сообщать обществу о всякой новой идеѣ, которая приходитъ ему въ голову?

Городской голова. Ахъ, общество совсѣмъ не нуждается въ новыхъ идеяхъ. Обществу лучше всего служатъ старыя, добрыя, признанныя всѣми идеи, которыя составляютъ его давнишнее достояніе.

Докторъ Штокманъ. И ты откровенно говоришь такія вещи?

Городской голова. Да, долженъ же я когда-нибудь откровенно поговорить съ тобою. До сихъ поръ я старался избѣгать этого, зная, до какой степени ты раздражителенъ; но теперь я скажу тебѣ всю правду, Томасъ. Ты не имѣешь никакого понятія, до какой степени ты вредишь самому себѣ своею порывистостью, своимъ безразсудствомъ. Ты жалуешься на мѣстныя власти, да, даже на само правительство,—обвиняешь ихъ,—утверждаешь, что они отстраняютъ тебя, преслѣдуютъ. Но какъ можешь ты ожидать другого,—такой всѣмъ мѣшающій человѣкъ, какъ ты?

Докторъ Штокманъ. Какъ, неужели я мѣшаю всѣмъ?

Городской голова. Да, Томасъ, съ тобою страшно трудно работать, это я самъ почувствовалъ на своей собственной спинѣ. Ты сейчасъ же переходишь всѣ границы, не обращаешь ни на что вниманія; ты какъ бы забываешь, что этимъ мѣстомъ врача при купальняхъ ты обязанъ мнѣ.

Докторъ Штокманъ. Этимъ мѣстомъ я обязанъ самъ себѣ! Я только одинъ имѣлъ на него право, никто другой! Я первый замѣтилъ, что этотъ городъ можетъ быть обращенъ въ цвѣтущій курортъ; и я былъ единственнымъ человѣкомъ, понимавшимъ это въ то время. Я стоялъ одиноко и боролся за эту идею въ теченіе многихъ, многихъ лѣтъ. И я писалъ и писалъ—

Городской голова. Безспорно. Но тогда не наступило еще настоящее время; объ этомъ ты не могъ судить тамъ въ горахъ изъ своего отдаленнаго уголка. Но, какъ только наступила подходящая минута, я немедленно, а со мною и другіе, взялись дѣло въ свои руки.

Докторъ Штокманъ. И такимъ образомъ испортили весь мой чудесный планъ. Теперь видно воочію, какъ вы тогда мудро поступали.

Городской голова. По моему мнѣнію, видно воочію только одно, что ты вновь ищешь исхода для своего воинственнаго духа. Ты идешь войною на своихъ начальниковъ; это твое всегдашнее обыкновеніе. Ты не выносишь никакой власти надъ собою. Ты глядишь косо на всѣхъ занимающихъ высшія общественныя должности; каждаго такого человѣка ты считаешь своимъ личнымъ врагомъ и всякій способъ нападенія кажется тебѣ одинаково хорошимъ. Но теперь я достаточно выяснилъ тебѣ, какіе интересы стоятъ на картѣ для цѣлаго города,—и, слѣдовательно, для меня также. И поэтому я говорю тебѣ, Томасъ, что буду настаивать упорно на томъ требованіи, которое сейчасъ предъявлю тебѣ.

Докторъ Штокманъ. Что это за требованіе?

Городской голова. Такъ какъ ты былъ достаточно болтливъ, чтобы разсуждать объ этомъ непріятномъ дѣлѣ съ людьми посторонними, не смотря на то, что это обстоятельство слѣдовало держать въ тайнѣ и сообщить его только правленію,—то теперь, конечно, замять это дѣло невозможно. Всевозможные слухи будутъ распространяться вокругъ насъ, а наши противники будутъ раздувать ихъ разнаго рода добавленіями. Поэтому необходимо, чтобы ты открыто опровергъ такого рода слухи.

Докторъ Штокманъ. Я! Какимъ образомъ? Я тебя не понимаю.

Городской голова. А вотъ какимъ образомъ: ты долженъ заявить, что послѣ новыхъ разслѣдованій ты пришелъ къ убѣжденію, что дѣло обстоитъ не такъ плохо, какъ ты сначала предположилъ.

Докторъ Штокманъ. А, такъ вотъ чего ты ожидаешь отъ меня!

Городской голова. Далѣе, мы ожидаемъ отъ тебя, что ты открыто и прямо выскажешь свое довѣріе правленію и заявишь увѣренность, что оно основательно и добросовѣстно исполнитъ все необходимое, чтобы предотвратить дальнѣйшія опасности.

Докторъ Штокманъ. Но вы никогда не будете въ состояніи этого достигнуть, если будете дѣйствовать помощью разнаго рода хитростей и палліативовъ. Я говорю это тебѣ прямо, Петеръ, это мое глубочайшее, искреннѣйшее убѣжденіе.

Городской голова. Какъ должностное лицо, ты не имѣешь права имѣть особое отъ другихъ убѣжденіе.

Докторъ Штокманъ. *(пораженъ)*. Не имѣю права?

Городской голова. Какъ должностное лицо, говорю я тебѣ. Въ качествѣ частнаго лица,—Боже сохрани, дѣло обстоитъ совершенно иначе. Но въ качествѣ подчиненнаго, служащаго лица, ты не имѣешь права высказывать убѣжденій, которыя идутъ въ разрѣзъ съ убѣжденіями твоихъ начальниковъ.

Докторъ Штокманъ. Это заходитъ слишкомъ далеко. Я, врачъ, научный дѣятель, не имѣю права—!

Городской голова. Дѣло, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, не можетъ быть названо чисто научнымъ; это дѣло сложное; это одновременно техническое и экономическое дѣло.

Докторъ Штокманъ. Ахъ, чертъ побери, пусть оно будетъ чѣмъ хочетъ! Я ночу имѣть право высказываться свободно о всевозможныхъ дѣлахъ въ цѣломъ мірѣ.

Городской голова. Сдѣлай одолженіе, высказывайся о чемъ хочешь, только не о дѣлахъ купаленъ. Это мы тебѣ запрещаемъ.

Докторъ Штокманъ. *(вскрикиваетъ)*. Вы запрещаете? Вы! Такіе люди, какъ—!

Городской голова. *Я* запрещаю тебѣ это! *Я*, твой главный начальникъ; а когда я запрещаю тебѣ что-нибудь, ты долженъ повиноваться.

Докторъ Штокманъ *(овладѣваетъ собою)*. Петеръ, если бы ты не былъ моимъ братомъ—

Петра *(открываетъ дверь)*. Отецъ, дольше терпѣть этого ты не долженъ.

Г-жа Штокманъ *(за ней)*. Петра, Петра!

Городской голова. Ахъ, насъ подслушивали!

Г-жа Штокманъ. Вы такъ громко говорили. Мы не могли не—

Петра. А я дѣйствительно стояла и слушала.

Городской голова. Это, въ сущности, и пріятнѣе для меня.

Докторъ Штокманъ *(подходитъ ближе)*. Ты только что говорилъ мнѣ о приказаніи и повиновеніи.

Городской голова. Ты принудилъ меня говорить съ тобою въ этомъ тонѣ.

Докторъ Штокманъ. Итакъ я долженъ открыто опровергнуть самого себя.

Городской голова. Мы считаемъ, что ты долженъ открыто сдѣлать заявленіе, но именно въ томъ духѣ, въ какомъ я требовалъ отъ тебя.

Докторъ Штокманъ. А если я теперь откажусь повиноваться?

Городской голова. Въ такомъ случаѣ мы сами напечатаемъ объявленія для успокоенія публики.

Докторъ Штокманъ. Прекрасно, тогда я буду писать противъ васъ. Я настою на своемъ; я докажу, что я правъ, а вы не правы. Что же вы тогда будете дѣлать?

Городской голова. Тогда, какъ бы я ни старался противодѣйствовать этому, ты получишь отставку.

Докторъ Штокманъ. Какъ!?

Петра. Отецъ, отставку!

Г-жа Штокманъ. Отставку!

Городской голова. Отставку отъ должности врача при купальняхъ. Я самъ вынужденъ буду просить, чтобы тебѣ былъ немедленно присланъ отказъ и чтобы ты былъ удаленъ отъ всякихъ сношеній съ купальнями.

Докторъ Штокманъ. И ты рѣшишься на это?

Городской голова. А кто же затѣялъ эту опасную игру, какъ не ты?

Петра. Дядя, это возмутительное обращеніе съ такимъ человѣкомъ, какъ отецъ!

Г-жа Штокманъ. Замолчи, Петра!

Городской голова *(смотря на Петру)*. А—а, такъ мы позволяемъ уже себѣ выражать мнѣнія! Да, конечно! *(Обращаясь къ г-жѣ Штокманъ)*. Невѣс-

тушка, вы, кажется, единственный разумный человѣкъ здѣсь въ домѣ. Употребите вліяніе, которое вы имѣете надъ вашимъ мужемъ, и заставьте его понять, къ какимъ послѣдствіямъ можетъ это привести какъ для его семьи—

Докторъ Штокманъ. Забота о моей семьѣ касается только меня, и никого другого.

Городской голова. — Какъ для его семьи, говорю я, такъ и для города, въ которомъ онъ живетъ.

Докторъ Штокманъ. Это *я* хочу добра городу! *Я* хочу раскрыть недостатки, которые раньше или позже всплывутъ на свѣтъ Божій. Ахъ, всѣ скоро убѣдятся, что я люблю свой родной городъ!

Городской голова. Ты, который, поддаваясь жалкому упрямству, хочешь уничтожить главный источникъ существованія города!

Докторъ Штокманъ. Да этотъ источникъ отравленъ, говорю я тебѣ! Ты съ ума сошелъ, что-ли? Мы живемъ тѣмъ, что торгуемъ гнилью и болотомъ! Все наше процвѣтаніе основано на лжи!

Городской голова. Все это воображеніе, а можетъ быть и нѣчто еще худшее. Человѣкъ, который позволяетъ себѣ такія возмутительныя инсинуаціи противъ своего родного города, долженъ быть врагомъ общества.

Докторъ Штокманъ (*бросаясь на него*). И ты смѣешь?...

Г-жа Штокманъ (*бросаясь между ними*). Томасъ!

Петра (*хватаетъ отца за руку*). Успокойся, папа!

Городской голова. Я не хочу подвергать себя насиліямъ; теперь ты предупрежденъ. Помни, что ты обязанъ сдѣлать для себя и твоихъ. Прощай! (*Уходитъ*).

Докторъ Штокманъ (*расхаживая по комнатѣ взадъ и впередъ*). Я долженъ выносить такое обращеніе съ собою! Въ моемъ собственномъ домѣ, Катрина! Что ты на это скажешь?

Г-жа Штокманъ. Конечно, это возмутительно и безобразно, Томасъ—!

Петра. Ну, если-бы дядя попался мнѣ—!

Докторъ Штокманъ. Это все моя вина, я уже давно долженъ былъ ощетиниться противъ нихъ,—показать имъ зубы,—начать кусаться!—И онъ осмѣлился назвать меня врагомъ общества, меня! Нѣтъ, этого я не оставлю безнаказаннымъ.

Г-жа Штокманъ. Но, дорогой Томасъ, сила въ рукахъ твоего брата.

Докторъ Штокманъ. Но на моей сторонѣ правда.

Г-жа Штокманъ. Ахъ да, правда! Какая польза тебѣ отъ твоей правды, если на твоей сторонѣ нѣтъ силы—?

Петра. Но мама, мама, какъ ты можешь говорить такія вещи?

Докторъ Штокманъ. Значитъ, въ свободномъ обществѣ нѣтъ никакой пользы имѣть правду на своей сторонѣ? Какія глупости говоришь ты, Катрина! А кромѣ того развѣ я не имѣю передъ собою свободомыслящую, независимую печать,—а за собою тѣсно сплоченное большинство? Развѣ это не достаточно силы?

Г-жа Штокманъ. Но Господи Боже, Томасъ, ты, надѣюсь, не думаешь—

Докторъ Штокманъ. Что я не думаю?

Г-жа Штокманъ. Идти противъ своего брата?

Докторъ Штокманъ. Кой чертъ хочешь ты, чтобы я дѣлалъ, если я не могу стоять за правду и право?

Петра. Да, и я тоже это спрашиваю.

Г-жа Штокманъ. Но это не принесетъ тебѣ рѣшительно никакой пользы: разъ они этого хотятъ, то они настоятъ на своемъ.

Докторъ Штокманъ. Ну, ну, подожди немного, Катрина, и ты увидишь, что я выиграю еще свою игру.

Г-жа Штокманъ. Да, ты достигнешь того, что получишь отставку, это, конечно, тебѣ удастся.

Докторъ Штокманъ. Но во всякомъ случаѣ, я исполню свою обязанность относительно своихъ согражданъ, относительно общества. Я, котораго они называютъ врагомъ общества!

Г-жа Штокманъ. Но относительно своей семьи, Томасъ, относительно насъ всѣхъ? Ты думаешь, что ты исполнишь свой долгъ относительно тѣхъ, о комъ ты долженъ заботиться?

Петра. Ахъ, не думай прежде всего и больше всего о насъ, мама!

Г-жа Штокманъ. Да, тебѣ легко болтать, ты въ случаѣ нужды можешь стоять и на собственныхъ ногахъ —Но вспомни о мальчикахъ, Томасъ, и подумай немного о себѣ самомъ и обо мнѣ!

Докторъ Штокманъ. Но мнѣ, право, кажется, что ты съ ума сошла, Катрина! Если-бы я такимъ жалкимъ и трусливымъ образомъ палъ къ ногамъ Пе-

тера и его проклятой своры, неужели ты думаешь, что я зналь-бы послѣ этого хоть одинъ счастливый день въ жизни?

Г-жа Штокманъ. Этого я не знаю, но да спасетъ насъ Господь Богъ отъ несчастья, которое мы будемъ переживать всѣ вмѣстѣ, если ты будешь продолжать упорствовать! Ты опять останешься безъ средствъ къ жизни, безъ вѣрныхъ доходовъ. Мнѣ кажется, что мы достаточно испытали этого горя въ прежніе дни; вспомни объ этомъ, Томасъ; подумай, какъ намъ жилось тогда.

Докторъ Штокманъ *(борясь съ собою и сжимая руки)*. И эта чиновничья душа можетъ навлечь на свободнаго честнаго человѣка такія напасти! Развѣ это не ужасно, Катрина?

Г-жа Штокманъ. Да, онъ безобразно поступилъ съ тобою, совершенно вѣрно. Но, Господи Боже мой, столько есть несправедливаго на свѣтѣ, чему приходится подчиняться! Вотъ мальчики, Томасъ! Посмотри на нихъ! Что станется съ ними? Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, ты никогда не рѣшишься—

(Эйлифъ и Мортенъ съ школьными книжками въ рукахъ входятъ въ комнату).

Докторъ Штокманъ. Мальчики! *(Черезъ нѣсколько минутъ оправляется и говоритъ твердымъ тономъ).* Хотя бы весь свѣтъ погибъ, я не подставлю своей шеи подъ ярмо. *(Направляется къ своему кабинету).*

Г-жа Штокманъ *(слѣдуетъ за нимъ)*. Томасъ,—что ты хочешь сдѣлать?

Докторъ Штокманъ *(у двери)*. Я хочу имѣть право глядѣть прямо въ глаза своимъ мальчикамъ, когда они сдѣлаются взрослыми свободными людьми. *(Уходитъ въ свой кабинетъ).*

Г-жа Штокманъ *(разражается рыданіями)*. Да поможетъ и утѣшитъ насъ всѣхъ Господь Богъ!

Петра. Папа молодецъ! Онъ не сдается.

(Мальчики спрашиваютъ съ удивленіемъ, въ чемъ дѣло. Петра дѣлаетъ имъ знакъ молчать).

Дѣйствіе третье.

(Контора редакціи „Народнаго Вѣстника“. Налѣво въ глубинѣ сцены входная дверь; направо у той-же стѣны другая дверь съ стеклянными окнами, которая выходитъ въ типографію. Въ стѣнѣ направо дверь. Посреди сцены большой столъ, наполненный бумагами, газетами и книгами. На авансценѣ слѣва окно; около окна конторка съ высокимъ стуломъ. Около стола разставлено нѣсколько креселъ, вдоль стѣнъ—нѣсколько стульевъ. Въ комнатѣ темно и неуютно. Кресла грязныя, изорванныя, мебель старая. Внутри типографіи видно, кикъ работаютъ два наборщика; издали доносится шумъ ручного пресса).

(Редакторъ Гофстадъ сидитъ у конторки и пишетъ. Немного времени спустя входитъ справа Биллингъ съ рукописью доктора въ рукахъ).

Биллингъ. Ну, я долженъ сказать—!

Гофстадъ *(продолжая писать)*. Вы прочли всю его рукопись?

Биллингъ *(кладетъ рукопись на конторку)*. Да, я прочелъ ее.

Гофстадъ. Вы не находите, что докторъ выражается энергично?

Биллингъ. Энергично! Чертъ меня побери, просто поразительно! Каждое слово поражаетъ съ такою силою, точно,—какъ-бы выразиться? точно—точно ударъ молота.

Гофстадъ. Да, но этотъ народъ нельзя свалить однимъ ударомъ.

Биллингъ. Совершенно вѣрно; но мы будемъ рубить,—одинъ ударъ за другимъ, пока вся эта ватага не погибнетъ. Когда я сидѣлъ тамъ и читалъ эту рукопись, мнѣ казалось, что я видѣлъ передъ собою наступающую революцію.

Гофстадъ *(оборачивается)*. Тише! Не говорите такъ громко, а то Аслаксенъ услышитъ.

Биллингъ *(понижая голосъ)*. Аслаксенъ мокрая курица, трусливый малый; въ немъ нѣтъ ни капли мужества. Но на этотъ разъ вы поставите на своемъ, не правда ли? Статья доктора будетъ помѣщена въ газетѣ?

Гофстадъ. Да, если только городской голова не сдастся на капитуляцію, тогда—

Биллингъ. Это было бы, чертъ побери, очень непріятно!

Гофстадъ. Ну, мы, къ счастью, можемъ всегда воспользоваться нашимъ положеніемъ, что бы не случилось. Если городской голова не согласится на предложеніе доктора, то противъ него возстанутъ всѣ мелкіе граждане,—все общество домовладѣльцевъ и многіе другіе съ ними.

Если-же онъ согласится на это предложеніе, тогда ему прійдется вступить въ борьбу со всей компаніей крупныхъ акціонеровъ, которые до сихъ поръ служили ему главной поддержкой—

Биллингъ. Ну да, да, конечно, потому что имъ прійдется въ такомъ случаѣ выплатить громадную сумму денегъ.

Гофстадъ. Да, да, совершенно вѣрно. Тогда, понимаете, заколдованный кругъ будетъ прорванъ и мы изо дня въ день будемъ объяснять нашему обществу въ газетѣ, что городской голова невѣжественъ и въ томъ, и въ другомъ отношеніи, и что всѣ городскія должности, требующія довѣрія, все мѣстное самоуправленіе должны быть переданы въ руки либераловъ.

Биллингъ. Чертъ побери, совершенно вѣрно! Я вижу это,—я вижу это; мы стоимъ какъ бы наканунѣ революціи.

(*Стукъ въ дверь*).

Гофстадъ. Тише! (*Кричитъ*). Войдите!

(Докторъ Штокманъ входитъ изъ двери налѣво въ глубинѣ сцены).

Гофстадъ *(идетъ ему на встрѣчу)*. А, вотъ и докторъ. Ну?

Докторъ Штокманъ. Печатайте мою статью, г. Гофстадъ!

Гофстадъ. Значитъ, сорвалось?

Биллингъ. Ура!

Докторъ Штокманъ. Печатайте, говорю я вамъ. Конечно, сорвалось. Но теперь они получатъ по своимъ заслугамъ. Теперь въ городѣ загорится война, г. Биллингъ!

Биллингъ. Война не на жизнь, а на смерть, надѣюсь! Съ ножомъ къ горлу, г. докторъ!

Докторъ Штокманъ. Статья эта только начало. У меня въ головѣ цѣлый рядъ проектовъ четырехъ, пяти другихъ статей. Но гдѣ-же Аслаксенъ?

Биллингъ *(кричитъ въ типографію)*. Аслаксенъ; идите сюда на минуту!

Гофстадъ. Четыре-пять другихъ статей, говорите вы? Объ этомъ самомъ вопросѣ?

Докторъ Штокманъ. О нѣтъ, далеко не объ этомъ. Я въ нихъ говорю о совершенно другихъ вещахъ. Но все исходитъ отъ водопроводовъ и отъ клоаки. Одно влечетъ за собою другое, понимаете? Это все равно, какъ если кто-нибудь начинаетъ разрушать старое строеніе,—совершенно все равно.

Биллингъ. Это правда, чертъ побери; разъ берешься за это дѣло, нельзя никакъ перестать, пока не снесешь всю рухлядь.

Аслаксенъ *(изъ типографіи)*. Какъ это снести? Надѣюсь, что докторъ не намѣренъ снести купаленъ?

Гофстадъ. Далеко отъ этого; не пугайтесь.

Докторъ Штокманъ. Нѣтъ, вопросъ идетъ о совершенно другихъ вещахъ. Ну, что скажете вы о моей статьѣ, г. Гофстадъ?

Гофстадъ. Я нахожу ее мастерски написанною.

Докторъ Штокманъ. Да, не правда ли—? Отъ души радуюсь вашимъ словамъ, отъ души радуюсь!

Гофстадъ. Она написана такъ ясно, такъ краснорѣчиво; не надо быть спеціалистомъ, чтобы понять, въ чемъ заключается сущность дѣла. Я увѣренъ, что всѣ просвѣщенные люди до единаго станутъ на вашей сторонѣ.

Аслаксенъ. И всѣ благоразумные также?

Биллингъ. И благоразумные и неблагоразумные,—да, я говорю о цѣломъ городѣ.

Аслаксенъ. Ну, такъ, значитъ, мы можемъ напечатать ее?

Докторъ Штокманъ. Да, конечно!

Гофстадъ. Она должна появиться завтра утромъ.

Докторъ Штокманъ. Да, чертъ побери, нельзя пропускать ни одного дня. Послушайте, г. Аслаксенъ, что я вамъ хотѣлъ сказать: вы должны взять статью подъ свою личную отвѣтственность.

Аслаксенъ. Возьму съ удовольствіемъ.

Докторъ Штокманъ. Присматривайте за нею, точно за золотомъ, слѣдите, чтобы не было никакихъ опечатокъ, потому что каждое слово имѣетъ громадное значеніе. И я самъ зайду попозже; быть можетъ, мнѣ удастся просмотрѣть корректуру.—Да, могу сказать, что я просто жажду увидѣть эту вещь въ печати,—увидѣть, какъ она сверкнетъ—

Биллингъ. Сверкнетъ,—да, точно молнія!

Докторъ Штокманъ. Какъ она подвергнется обсужденію всѣхъ просвѣщенныхъ гражданъ. Ахъ, вы не можете себѣ представить, что мнѣ пришлось вчера вытерпѣть! Мнѣ грозили и тѣмъ, и дру-

гимъ, хотѣли отнять у меня мои самыя священныя человѣческія права.

Биллингъ. Какъ? Ваши человѣческія права?

Докторъ Штокманъ. Хотѣли унизить меня, обратить меня въ негодяя, требовали, чтобы я поставилъ свою личную выгоду выше самыхъ глубокихъ, самыхъ священныхъ моихъ убѣжденій—

Биллингъ. Ну это, чортъ возьми, слишкомъ ужъ грубо!

Гофстадъ. Ну да, отъ этихъ людей можно всего ждать.

Докторъ Штокманъ. Но со мною имъ не удастся сладить; они увидятъ это написаннымъ чернымъ на бѣло. Теперь я брошу якорь въ „Народномъ Вѣстникѣ“ и буду ежедневно осыпать ихъ одною зажигательною статьею за другой.

Аслаксенъ. Да, но послушайте—

Биллингъ. Ура! Начинается война, начинается война!

Докторъ Штокманъ. Я ихъ сброшу на земь, я ихъ сокрушу, я уничтожу всѣ ихъ крѣпостныя сооруженія передъ лицомъ всѣхъ, всѣхъ благомыслящихъ людей! Клянусь, что я это сдѣлаю.

Аслаксенъ. Но дѣлайте это умѣренно, г. докторъ, поступайте съ умѣренностью.

Биллингъ. Ну нѣтъ, ну нѣтъ! Не жалѣйте динамита!

Докторъ Штокманъ *(продолжаетъ, не обращая ни на что вниманія)*. Потому что, видите ли вопросъ идетъ не объ одномъ только водопроводѣ, не объ одной клоакѣ. Нѣтъ, все общество должно быть очищено, дезинфекцировано.

Биллингъ. Вотъ настоящее слово!

Докторъ Штокманъ. Всѣ эти дураки должны быть прогнаны, понимаете? И это со всевозможныхъ мѣстъ! Передо мною открываются сегодня безконечные горизонты. Все это не вполнѣ ясно для меня теперь, но я съумѣю распутаться. Много есть молодыхъ, бодрыхъ духомъ знаменосцевъ; мы должны вызвать ихъ на свѣтъ Божій и взять ихъ подъ свое руководство, друзья мои; мы должны на всѣхъ форпостахъ поставить новыхъ командировъ.

Биллингъ. Слушайте, слушайте!

Докторъ Штокманъ. Стоитъ только держаться вмѣстѣ и все пойдетъ какъ по маслу! Весь переворотъ совершится въ одинъ мигъ, точно спускъ корабля. Не правда-ли, и вы въ этомъ увѣрены?

Гофстадъ. Я съ своей стороны увѣренъ, что мы имѣемъ полное основаніе надѣяться передать бразды правленія тѣмъ, кто имѣетъ на это право по закону.

Аслаксенъ. Стоитъ намъ дѣйствовать съ умѣренностью и мнѣ кажется, что тутъ опасности не можетъ быть.

Докторъ Штокманъ. Кой чертъ заботится о томъ, есть-ли тутъ опасность, или нѣтъ. Все, что я дѣлаю, я дѣлаю во имя правды, такъ, какъ велитъ мнѣ моя совѣсть.

Гофстадъ. Вы человѣкъ, который заслуживаетъ, чтобы его поддерживали, г. докторъ.

Аслаксенъ. Да, это вѣрно. Докторъ—истинный другъ города, истинный другъ общества.

Биллингъ. Докторъ Штокманъ, чертъ меня побери, истинный другъ народа, Аслаксенъ

Аслаксенъ. Я думаю, что общество домовладѣльцевъ скоро будетъ называть его этимъ именемъ.

Докторъ Штокманъ *(въ волненіи пожимая имъ руки)*. Благодарю, благодарю, мои дорогіе, вѣрные друзья; — какъ пріятно мнѣ слышать это;—мой братецъ изволилъ назвать меня совершенно иначе. Но клянусь честью, я заставлю его заплатить мнѣ съ лихвою. А теперь мнѣ пора идти къ одному бѣдному больному. Я еще вернусь, какъ обѣщалъ. Присмотрите хорошенько за рукописью, г. Аслаксенъ! И, ради Бога, не вычеркивайте ни одного изъ восклицательныхъ знаковъ. Лучше прибавьте нѣсколько новыхъ! Хорошо, хорошо, хорошо; будьте здоровы. До свиданія, до свиданія! *(Поклоны съ обѣихъ сторонъ. Онъ уходитъ)*.

Гофстадъ. Онъ можетъ сдѣлаться для насъ просто неоцѣненнымъ человѣкомъ.

Аслаксенъ. Да, пока онъ будетъ придерживаться вопроса о купальняхъ. Но какъ только онъ зайдетъ дальше, неблагоразумно будетъ слѣдовать за нимъ.

Гофстадъ. Гм! Все зависитъ отъ того—

Биллингъ. Чортъ возьми, какъ вы однако пугливы, Аслаксенъ!

Аслаксенъ. Пугливъ? Да, когда вопросъ касается мѣстныхъ властей, тогда я дѣйствительно пугливъ, г. Биллингъ; я научился страху въ школѣ жизни, вотъ что я вамъ скажу. Но дайте мнѣ возможность заниматься высшею политикою, стать въ оппозицію, хотя бы самому правительству, и вы увидите, пугливъ ли я.

Биллингъ. Нѣтъ, конечно, вы не въ этомъ отношеніи пугливы, нѣтъ,—но

въ этомъ именно и заключается противорѣчіе въ васъ.

Аслаксенъ. Я человѣкъ совѣстливый, вотъ въ чемъ вся суть. Нападая на правительство, я не приносилъ никакого вреда обществу, потому что, понимаете, эти управляющіе нами люди о моей оппозиціи совершенно не заботятся; они преспокойно остаются на своихъ мѣстахъ. Но мѣстныя власти... ихъ можно сбросить, и при всякой попыткѣ поколебать ихъ, является опасность, что во главѣ управленія станутъ неподходящіе люди, а это можетъ принести непоправимый вредъ, какъ для домовладѣльцевъ, такъ и для многихъ другихъ.

Гофстадъ. Ну, а воспитаніе гражданъ помощью самоуправленія? Вы объ этомъ не думаете?

Аслаксенъ. Когда человѣкъ получилъ нѣчто прочное въ руки, что слѣдуетъ оберегать, тогда онъ не можетъ обо всемъ думать, г. Гофстадъ.

Гофстадъ. Такъ я не желаю получать чего-бы то ни было прочнаго въ руки.

Биллингъ. Слушайте, слушайте!

Аслаксенъ (*улыбаясь*). Гм! *(Указываетъ на конторку).* На этомъ самомъ редакторскомъ стулѣ сидѣлъ передъ вами судья Стенсгортъ.

Биллингъ *(плюется)*. Тьфу, такой легкомысленный перебѣжчикъ!

Гофстадъ. Я не перебѣжчикъ и никогда не буду имъ.

Аслаксенъ. Политикъ никогда не долженъ говорить заранѣе, что онъ будетъ защищать то или иное дѣло въ будущемъ, а вы, г. Биллингъ, должны были-бы также наложить теперь печать молчанія на свои уста, потому что вы ищете мѣста секретаря въ управѣ.

Биллингъ. Я?

Гофстадъ. Неужели, Биллингъ?

Биллингъ. Ну да! — Но вы, конечно, понимаете, что я дѣлаю это лишь для того, чтобы позлить этихъ мудрыхъ господъ!

Аслаксенъ. Ну да, конечно, мнѣ нѣтъ до этого никакого дѣла. Но разъ меня упрекаютъ въ трусости, указываютъ на противорѣчіе въ моемъ поведеніи, то я хочу только указать на слѣдующее обстоятельство: политическое прошлое типографа Аслаксена открыто для всѣхъ и вся. И я ни на іоту не измѣнился, а только сдѣлался болѣе умѣреннымъ, понимаете? Мое сердце попрежнему принадлежитъ народу, хотя я не отрицаю, что мой разсудокъ склоняется нѣсколько въ пользу властей, да, конечно, въ пользу мѣстныхъ.

(Уходитъ въ типографію).

Биллингъ. Не слѣдовало-ли бы намъ отдѣлаться отъ него, Гофстадъ?

Гофстадъ. А знаете-ли вы кого-нибудь другого, кто будетъ давать намъ въ кредитъ бумагу и производить расходы по печатанію?

Биллингъ. Чистое проклятіе, что у насъ нѣтъ необходимаго оборотнаго капитала!

Гофстадъ *(садится у конторки)* Былъ бы у насъ оборотный капиталъ, тогда—

Биллингъ. Что если-бы вы обратились къ доктору Штокману?

Гофстадъ *(перелистывая бумаги)*. Что-бы намъ это могло помочь? Вѣдь у него ничего нѣтъ!

Биллингъ. Нѣтъ, но у него добрый человѣкъ въ рукахъ, старый Мортенъ Кіиль, барсукъ, какъ его называютъ.

Гофстадъ *(пишетъ)*. А вы такъ увѣрены, что у Кіиля есть что-нибудь?

Биллингъ. Да, чертъ побери, конечно, у него есть. И часть этого, несомнѣнно, достанется семьѣ Штокмана. Онъ долженъ-же подумать о томъ, чтобы обезпечить—по крайней мѣрѣ дѣтей.

Гофстадъ *(въ полуоборота къ нему)*. И вы на это разсчитываете?

Биллингъ. Разсчитываю-ли я? Конечно, я ни на что не разсчитываю.

Гофстадъ. И вы совершенно правы. И на эту должность въ управѣ вы тоже не разсчитывайте, потому что, увѣряю васъ, вы ея не получите.

Биллингъ. Неужели вы думаете, что я этого не знаю? Но это и хорошо, что я ея не получу. Такое пренебрежительное отношеніе возбуждаетъ духъ борьбы:—получаешь какъ-бы новый запасъ свѣжей желчи, а это необходимо въ такомъ захолустьѣ, какъ наше, гдѣ такъ рѣдко испытываешь что-нибудь возбуждающее.

Гофстадъ *(продолжая писать)*. Ахъ да! ахъ да!

Биллингъ. Ну,—они скоро услышатъ обо мнѣ!—Теперь я пойду къ себѣ и напишу воззваніе къ союзу домовладѣльцевъ. *(Уходитъ въ комнату направо).*

Гофстадъ *(сидя у конторки, грызетъ ручку пера и говоритъ медленно)*. Гм!—да, да. *(Раздается стукъ въ дверь).* Войдите!

Петра *(входитъ изъ двери налѣво, въ глубинѣ сцены)*.

Гофстадъ *(встаетъ)*. Какъ? Это вы? Вы пришли сюда?

Петра. Да, извините—

Гофстадъ *(придвигая ей кресло)*. Не угодно-ли вамъ присѣсть?

Петра. Нѣтъ, благодарю, я должна сейчасъ уходить.

Гофстадъ. Можетъ быть, вы пришли ко мнѣ съ чѣмъ-нибудь отъ вашего отца?

Петра. Нѣтъ, я пришла по личному дѣлу. *(Вынимаетъ книгу изъ кармана пальто и подаетъ ее)*. Вотъ англійская повѣсть.

Гофстадъ. Вы отдаете повѣсть назадъ?

Петра. Да, потому что я не хочу ее переводить.

Гофстадъ. Но вы мнѣ обѣщали?

Петра. Да, тогда я еще не читала ее. И вы также, конечно, ее не прочли?

Гофстадъ. Нѣтъ, вы, вѣдь, знаете, что я не понимаю по англійски, но—

Петра. Да, понятно, поэтому я вамъ и скажу, что вы должны поискать чего-нибудь другого. *(Кладетъ книгу на столъ)*. Это не годится для „Народнаго Вѣстника“.

Гофстадъ. Почему?

Петра. Потому что она стоитъ въ разрѣзъ съ вашими собственными мнѣніями.

Гофстадъ. Ну, изъ-за этого—

Петра. Вы меня все еще не понимаете. Суть повѣсти въ томъ, что сверхъестественная сила заботится о такъ называемыхъ добрыхъ людяхъ здѣсь въ свѣтѣ и въ концѣ концовъ устраиваетъ все на пользу ихъ,—а всѣ такъ называемые злые люди получаютъ заслуженное имъ наказаніе.

Гофстадъ. Но это и хорошо. Именно такого рода вещи публика читаетъ съ удовольствіемъ.

Петра. Но неужели вы согласитесь преподносить публикѣ такого рода чтеніе? Сами вы ни на іоту не вѣрите этому, вы отлично знаете, что въ дѣйствительности такъ не бываетъ.

Гофстадъ. Вы совершенно правы; но редакторъ не всегда можетъ поступать такъ, какъ ему хочется. Ему приходится въ менѣе важныхъ вопросахъ преклоняться передъ вкусами публики. Политика, вѣдь, главное дѣло въ жизни,—или во всякомъ случаѣ—въ газетѣ: и разъ я хочу заставить публику раздѣлять мои либеральныя прогрессивныя идеи, я не долженъ отпугивать ее отъ себя. Встрѣчая такого рода нравоучительный разсказъ въ фельетонахъ нашей газеты, читатели легче согласятся съ тѣмъ, что мы печатаемъ въ верхнихъ столбцахъ!—они становятся какъ-бы болѣе довѣрчивымъ.

Петра. Фу! Дѣйствовать такимъ подлымъ образомъ и разставлять сѣти своимъ читателямъ! Вѣдь вы, надѣюсь, не паукъ!

Гофстадъ *(улыбаясь)*. Благодарю за ваше хорошее мнѣніе обо мнѣ. Нѣтъ, это въ дѣйствительности образъ мысли Биллинга, а не мой.

Петра. Биллинга?

Гофстадъ. Во всякомъ случаѣ онъ излагалъ такого рода взгляды еще недавно. Это Биллингъ желаетъ такъ сильно напечатать эту повѣсть, я лично книги не читалъ.

Петра. Но какъ можетъ Биллингъ съ своими либеральными возрѣніями—?

Гофстадъ. А—! Биллингъ многосторонній человѣкъ. Теперь, какъ я слышалъ, онъ добивается мѣста секретаря въ управѣ.

Петра. Я этому не вѣрю, Гофстадъ! Какъ могла прійти ему въ голову такая вздорная мысль?

Гофстадъ. Да, можете спросить его объ этомъ.

Петра. Я никогда не подумала-бы этого о Биллингѣ.

Гофстадъ *(пристально смотритъ на нее)*. Такъ это для васъ такъ неожиданно?

Петра. Да, а можетъ быть не совсѣмъ. Ахъ, я въ сущности не знаю—

Гофстадъ. Мы, журналисты, многаго не стоимъ, m-lle Петра.

Петра. Вы говорите это искренно?

Гофстадъ. Иногда мнѣ такъ кажется.

Петра. Да, при обыкновенной будничной работѣ, это я еще понимаю, но теперь, когда вамъ предстоитъ впереди такое важное дѣло—!

Гофстадъ. Дѣло вашего отца? Вы о немъ говорите?

Петра. Да именно. Теперь, какъ мнѣ кажется, вы должны себя чувствовать человѣкомъ, который стоитъ больше, чѣмъ большинство другихъ людей.

Гофстадъ. Да, сегодня я чувствую нѣчто подобное.

Петра. Да, не правда-ли, что вы это чувствуете? Ахъ, какъ велико призваніе, избранное вами! Прокладывать путь для непонятыхъ истинъ и для новыхъ мужественныхъ идей;—да хотя-бы это: стоять безбоязненно впереди и выступать въ защиту человѣка, потерпѣвшаго несправедливость—

Гофстадъ. Въ особенности, если этотъ потерпѣвшій несправедливость человѣкъ,—гмъ!—я не знаю, право, какъ-бы мнѣ—

Петра. Такой честный и справедливый, вы это хотите сказать?

Гофстадъ *(тише)*. Въ особености, если онъ вашъ отецъ, вотъ что я хотѣлъ сказать.

Петра *(внезапно останавливается)*. Такъ вотъ что?

Гофстадъ. Да, Петра,—m-lle Петра!

Петра. Неужели это для васъ самое первое, самое важное? А не самое дѣло? Не дѣло? Не истина? Не увлеченіе великими благородными идеями моего отца?

Гофстадъ. Ну да, понятно, и это также.

Петра. Нѣтъ, благодарю, теперь вы проболтались, Гофстадъ, теперь я не повѣрю никогда вашему слову.

Гофстадъ. Неужели вы можете такъ сердиться на меня, главнымъ образомъ изъ-за того, что я дѣлаю все изъ-за васъ?

Петра. Я сердита на васъ за то, что вы поступили нечестно относительно моего отца. Вы говорили съ нимъ такъ, какъ будто истина и благо общества самое важное для васъ; вы одурачили отца и меня; вы не тотъ человѣкъ, за котораго себя выдавали. И этого я вамъ не прощу никогда—никогда!

Гофстадъ. Вы не должны были-бы говорить это такъ рѣзко, m-lle Петра, въ особенности теперь.

Петра. Почему именно теперь?

Гофстадъ. Потому что вашъ отецъ не можетъ обойтись безъ моей помощи.

Петра *(смотритъ на него сверху внизъ)*. Такъ вотъ вы какой! Фуй!

Гофстадъ. Нѣтъ, нѣтъ, я не такой, это у меня невольно сорвалось съ языка; не вѣрьте этому.

Петра. Я знаю, чему вѣрить. Прощайте!

Аслаксенъ *(изъ типографіи, быстро и таинственно)*. Чортъ побери, г-нъ Гофстадъ! *(Видитъ Петру)*. Ахъ, какъ это не кстати!

Петра. Книгу я положила тамъ, можете передать ее кому-либо другому. *(Направляется къ выходу)*.

Гофстадъ *(слѣдуетъ за нею)*. Но, m-lle Петра—

Петра. Прощайте. *(Уходитъ)*.

Аслаксенъ. Г. Гофстадъ, идите-ка сюда, послушайте, что я вамъ скажу!

Гофстадъ. Ну, въ чемъ дѣло?

Аслаксенъ. Городской голова стоитъ тамъ въ типографіи.

Гофстадъ. Вы говорите, городской голова?

Аслаксенъ. Да, онъ желаетъ переговорить съ вами; онъ вошелъ черезъ заднюю дверь, ему не хочется, чтобы его видѣли, понимаете?

Гофстадъ. Чего ему нужно? Нѣтъ, подождите, я самъ пойду—*(Подходитъ къ типографской двери, отворяетъ ее, кланяется и предлагаетъ городскому головѣ войти въ комнату)*. Смотрите, стойте на стражѣ, Аслаксенъ, чтобы никто—

Аслаксенъ. Понимаю. *(Уходитъ въ типографію)*.

Городской голова. Вы, конечно, не ожидали увидѣть меня здѣсь, г. Гофстадъ?

Гофстадъ. Конечно, я этого не ожидалъ.

Городской голова *(оглядывается)*. Вы здѣсь очень комфортабельно устроились, право, очень мило.

Гофстадъ. А—а!

Городской голова. Я прихожу такъ неожиданно, отымаю у васъ дорогое время.

Гофстадъ. Сдѣлайте одолженіе, г. городской голова, я къ вашимъ услугамъ. Но вы позволите мнѣ освободить васъ отъ вашей шляпы. *(Беретъ шляпу городского головы и кладетъ ее на стулъ)*. Не угодно-ли вамъ садиться, г. городской голова?

Городской голова (*садится у стола*). Благодарю.

Гофстадъ *(садится по другую сторону стола)*.

Городской голова. У меня была сегодня одна—очень крупная непріятность, г. Гофстадъ.

Гофстадъ. Въ самомъ дѣлѣ? Ахъ да, у васъ столько дѣлъ, что неудивительно, если—

Городской голова. Эта непріятность нанесена мнѣ докторомъ купаленъ.

Гофстадъ. Какъ, докторомъ?

Городской голова. Онъ сочинилъ нѣчто въ родѣ доклада правленію купаленъ относительно цѣлаго ряда важныхъ недостатковъ въ купальняхъ.

Гофстадъ. Неужели это правда?

Городской голова. Какъ, развѣ онъ вамъ объ этомъ ничего не говорилъ? А мнѣ казалось, онъ разсказывалъ вамъ—

Гофстадъ. Ахъ да, правда, онъ что-то говорилъ.

Аслаксенъ *(изъ типографіи)*. Дайте мнѣ, пожалуйста, рукопись!

Гофстадъ *(сердито)*. Гмъ! Она лежитъ на конторкѣ.

Аслаксенъ *(находитъ ее)*. А, вотъ она.

Городской голова. Видите, это именно то—

Аслаксенъ. Да, это докторская статья, г. городской голова.

Гофстадъ. Такъ вы о ней именно и говорили?

Городской голова. О ней. Какъ вы ее находите?

Гофстадъ. Я, вѣдь, не спеціалистъ, и притомъ я прочелъ ее такъ бѣгло—

Городской голова. Но вы всеже хотите ее напечатать.

Гофстадъ. Такому извѣстному человѣку я не могу отказать—

Аслаксенъ. А я не имѣю рѣшающаго голоса въ газетѣ, г-нъ городской голова.

Городской голова. Понятно!

Аслаксенъ. Я только печатаю то, что мнѣ даютъ въ руки.

Городской голова. Совершенно въ порядкѣ вещей.

Аслаксенъ. И поэтому я могу— *(Идетъ въ типографію)*.

Городской голова. Нѣтъ, останьтесь на минуту, г. Аслаксенъ. Съ вашего разрѣшенія, г. Гофстадъ—

Гофстадъ. Сдѣлайте одолженіе, г. городской голова.

Городской голова. Вы основательный, разсудительный человѣкъ, г. Аслаксенъ.

Аслаксенъ. Очень радъ, если г. городской голова такого хорошаго обо мнѣ мнѣнія.

Городской голова. И человѣкъ очень вліятельный въ обширныхъ кругахъ общества.

Аслаксенъ. Главнымъ образомъ, среди мелкаго люда.

Городской голова. Мелкіе плательщики наиболѣе многочисленны—здѣсь, какъ и вездѣ.

Аслаксенъ. Совершенно вѣрно!

Городской голова. И я не сомнѣваюсь, что вамъ извѣстно настроеніе большинства изъ нихъ, не правда-ли?

Аслаксенъ. Смѣю думать, что настроеніе ихъ мнѣ извѣстно, г. городской голова.

Городской голова. Да, — если, конечно, такое удивительное желаніе самопожертвованія господствуетъ среди менѣе состоятельныхъ жителей города, то—

Аслаксенъ. Какимъ образомъ?

Гофстадъ. Самопожертвованія?

Городской голова. То это служитъ прекраснымъ доказательствомъ развитія общественнаго духа, необыкновенно яснымъ доказательствомъ. Я чуть было не сказалъ, что я этого не ожидалъ. Но настроеніе публики вамъ болѣе извѣстно, чѣмъ мнѣ.

Аслаксенъ. Да, но, г. городской голова—

Городской голова. А городу прійдется принести не малыя жертвы.

Гофстадъ. Городу?

Аслаксенъ. Но я не понимаю,— вѣдь вопросъ идетъ только о купальняхъ!

Городской голова. Я сдѣлалъ приблизительный разсчетъ, что будутъ стоить измѣненія, предлагаемыя докторомъ купаленъ; это должно обойтись приблизительно въ 200,000 кронъ.

Аслаксенъ. Это громадная сумма денегъ, но—

Городской голова. Конечно, необходимо будетъ устроить городской заемъ.

Гофстадъ *(встаетъ)*. Но вы, конечно, не находите, что городъ—

Аслаксенъ. Неужели этотъ расходъ долженъ исходить изъ городской кассы? Изъ бѣдныхъ кармановъ мелкихъ гражданъ!

Городской голова. Да, почтеннѣйшій г. Аслаксенъ. Откуда-же взять нужныя средства?

Аслаксенъ. Объ этомъ должны позаботиться г. владѣльцы купаленъ.

Городской голова. Владѣльцы купаленъ не въ силахъ производить новыя затраты, они сдѣлали ихъ достаточно.

Аслаксенъ. То, что вы говорите, вѣрно, г. городской голова?

Городской голова. Я въ этомъ убѣдился. Если городъ желаетъ произвести эти обширныя перемѣны, онъ долженъ самъ заплатить за нихъ.

Аслаксенъ. Но, чортъ побери!—Извините!—Но это совершенно другое дѣло, г. Гофстадъ.

Гофстадъ. Да, это совершенно иное дѣло.

Городской голова. Но хуже всего то, что мы будемъ вынуждены закрыть года на два купальни.

Гофстадъ. Закрыть! Совсѣмъ закрыть?

Аслаксенъ. На два года!

Городской голова. Да, работы продлятся не менѣе двухъ лѣтъ, это наименьшій срокъ.

Аслаксенъ. Но, чортъ меня побери, мы никакъ не въ состояніи будемъ это выдержать, г. городской голова! Чѣмъ же мы, домовладѣльцы, будемъ тѣмъ временемъ жить?

Городской голова. На это, къ несчастію, чрезвычайно трудно отвѣтить, г. Аслаксенъ. Но что-же намъ другое дѣлать? Неужели вы думаете, что намъ удастся затянуть сюда хотя-бы одного паціента, если распространится слухъ, что вода у насъ испорчена, что мы живемъ на зачумленной почвѣ, что весь городъ—

Аслаксенъ. И все это не больше, какъ фантазія?

Городской голова. Какъ я ни желалъ, я не могъ заставить себя думать иначе.

Аслаксенъ. Да, но во всякомъ случаѣ это нисколько не извинительно со стороны доктора,—извините, г. городской голова.

Городской голова. Это печальная правда, то, что вы сейчасъ сказали, г. Аслаксенъ. Мой братъ былъ всегда, къ несчастію, страшно увлекающимся человѣкомъ.

Аслаксенъ. А вы хотѣли поддерживать его въ этомъ дѣлѣ, г. Гофстадъ?

Гофстадъ. Но кто могъ-бы подумать, что—

Городской голова. Я составилъ краткій отчетъ о положеніи дѣлъ, какъ оно представляется съ хладнокровной точки зрѣнія; я указываю здѣсь, какъ устранить возможные недостатки съ наименьшими расходами, такъ, чтобы они не были особенно отяготительными для кассы купаленъ.

Гофстадъ. Этотъ отчетъ съ вами, г. городской голова?

Городской голова (*ищетъ его въ карманѣ*). Я взялъ его на случай, если-бы вы—

Аслаксенъ (*быстро*). Чортъ побери, вотъ онъ!

Городской голова. Кто, мой братъ?

Гофстадъ. Гдѣ? гдѣ?

Аслаксенъ. Онъ идетъ черезъ типографію.

Городской голова. Вотъ досада! Я ни за что хочу встрѣчаться здѣсь съ нимъ, но между тѣмъ мнѣ надо переговорить съ вами объ этомъ дѣлѣ.

Гофстадъ (*указывая на дверь вправо*). Идите покамѣстъ туда.

Городской голова. Но—

Гофстадъ. Тамъ вы найдете только Биллинга.

Аслаксенъ. Скорѣе, скорѣе, г-нъ городской голова! Онъ идетъ сюда!

Городской голова. Хорошо, хорошо, постарайтесь поскорѣе отдѣлаться отъ него. (*Уходитъ черезъ дверь направо, которую Аслаксенъ открываетъ передъ нимъ и затѣмъ закрываетъ*).

Гофстадъ. Дѣлайте видъ, что у васъ какая-нибудь спѣшная работа, Аслаксенъ. (*Садится и пишетъ. Аслаксенъ начинаетъ перелистывать связку газетъ на стулѣ справа*).

Докторъ Штокманъ (*входитъ изъ типографіи*). Вотъ и я опять! (*Кладетъ на стулъ шляпу и палку*).

Гофстадъ (*продолжая писать*). Уже пришли, г. докторъ? Поспѣшите покончить ту работу, о которой мы говорили, Аслаксенъ. Время страшно дорого намъ сегодня.

Докторъ Штокманъ (*обращаясь къ Аслаксену*). До сихъ поръ нѣтъ корректуры, какъ я слышу?

Аслаксенъ (*не оборачиваясь*). Нѣтъ. Какъ вы могли думать, что корректура уже готова?

Докторъ Штокманъ. Нѣтъ, нѣтъ. Но вы понимаете, что во мнѣ говорить нетерпѣніе. Я не успокоюсь, пока не увижу своей статьи въ печати.

Гофстадъ. Гмъ! Для этого нуженъ добрый часъ. Не правда-ли, Аслаксенъ?

Аслаксенъ. Да, я боюсь, что такъ.

Докторъ Штокманъ. Хорошо, хорошо, дорогіе друзья; такъ я прійду опять; я прійду охотно и два раза, если понадобится. Такое великое дѣло,—благосостояніе цѣлаго города;—теперь, клянусь Богомъ, не время быть лежебокомъ. (*Хочетъ уходить, но останавливается и возвращается назадъ*). Нѣтъ, послушайте, мнѣ

нужно переговорить съ вами еще объ одномъ дѣлѣ.

Гофстадъ. Извините, но нельзя-ли сдѣлать это въ другое время?

Докторъ Штокманъ. Я скажу все въ двухъ словахъ. Я хотѣлъ сказать слѣдующее: видите-ли,—когда завтра прочтутъ мою статью въ газетѣ и узнаютъ, что я всю зиму въ тиши работалъ для блага города—

Гофстадъ. Но, г. докторъ—

Докторъ Штокманъ. Я знаю, что вы хотите сказать. Вы находите, что это была только моя обязанность, простой долгъ гражданина. Да, конечно; я это понимаю такъ-же хорошо, какъ и вы. Но мои сограждане, видите-ли,—Господи Боже!—эти славные люди такъ меня любятъ—

Аслаксенъ. Да, горожане васъ сильно любили до настоящаго времени, г. докторъ.

Докторъ Штокманъ. Да. Именно потому я боюсь, чтобы—вотъ что я хотѣлъ сказать: когда они прочтутъ эту статью, особенно неимущественные классы, они могутъ увидѣть въ ней призывъ взять въ будущемъ въ свои руки городскія дѣла.

Гофстадъ *(встаетъ)*. Гмъ, я не хочу скрывать отъ васъ—

Докторъ Штокманъ. Ага! Я такъ и думалъ, что тутъ что-то скрывается, но я не хочу объ этомъ и слышать. Если подготовляютъ что-нибудь въ родѣ этого—

Гофстадъ. Чего?

Докторъ Штокманъ. Ну, то или другое, — факельцугъ или торжественный обѣдъ, или подписка для какого-либо дара, или чтобы тамъ ни было, то обѣщайте мнѣ всѣми святыми, что вы этого не допустите. И вы также, г. Аслаксенъ,—слышите?

Гофстадъ. Извините, г. докторъ, мы можемъ вамъ сразу сказать всю чистую правду.

Г-жа Штокманъ *(въ шляпѣ и накидкѣ входитъ черезъ дверь налѣво, въ глубинѣ сцены)*.

Г-жа Штокманъ *(видитъ доктора)*. Да, совершенно вѣрно.

Гофстадъ *(идетъ навстрѣчу ей)*. Какъ? и г-жа Штокманъ пришла сюда?

Докторъ Штокманъ. Кой чортъ понадобилось тебѣ здѣсь, Катрина?

Г-жа Штокманъ. Тебѣ, конечно, не трудно догадаться, чего мнѣ здѣсь нужно.

Гофстадъ. Не присядете-ли вы? Или можетъ быть—

Г-жа Штокманъ. Благодарю, не безпокойтесь обо мнѣ. И вы не должны обвинять меня, если я прихожу и забираю съ собою Штокмана. Вѣдь я мать троихъ дѣтей, я должна вамъ это сказать.

Докторъ Штокманъ. Глупости, глупости, это мы и безъ тебя отлично знаемъ.

Г-жа Штокманъ. Ну, не видно, чтобы ты такъ много думалъ сегодня о женѣ и о дѣтяхъ, потому что ты не разхаживалъ-бы тогда такъ спокойно и не ввергалъ бы насъ всѣхъ въ несчастье.

Докторъ Штокманъ. Но ты совсѣмъ съ ума сошла, Катрина? Неужели человѣкъ, имѣющій жену и дѣтей, не имѣетъ права говорить правду, — не имѣетъ права быть полезнымъ и дѣятельнымъ гражданиномъ,—не имѣетъ права служить тому городу, въ которомъ живетъ!

Г-жа Штокманъ. Но всегда съ умѣренностью, Томасъ!

Аслаксенъ. Это и я всегда говорю: умѣренность должна быть во всемъ.

Г-жа Штокманъ. И поэтому вы грѣшите относительно насъ, г. Гофстадъ, когда отвращаете моего мужа отъ домашняго очага и дурачите его, вовлекая во все это.

Гофстадъ. Я никого не дурачу.

Докторъ Штокманъ. Дурачить! Какія ты глупости говоришь, какъ будто меня можно одурачить!

Г-жа Штокманъ. Нѣтъ, тебя дурачатъ! Я прекрасно знаю, что ты самый умный человѣкъ въ городѣ; но тебя такъ легко одурачить, Томасъ! *(Обращаясь къ Гофстаду)*. И подумайте только: онъ потеряетъ свое мѣсто при купальняхъ, если вы напечатаете то, что онъ написалъ.

Аслаксенъ. Неужели?

Гофстадъ. Да, но знаете-ли что, г. докторъ—?

Докторъ Штокманъ *(смѣется)*. Ха, ха! пусть попробуютъ! —Ахъ нѣтъ, они не посмѣютъ! Потому это за мною, понимаешь, сплоченное большинство!

Г-жа Штокманъ. Въ томъ то и несчастье, что оно у тебя есть.

Докторъ Штокманъ. Глупости, Катрина, иди домой, занимайся своимъ хозяйствомъ, а мнѣ не мѣшай заниматься общественными дѣлами. Какъ можешь ты бояться, когда я такъ увѣренъ и счастливъ? *(Потираетъ руки и начинаетъ ходить взадъ и впередъ)*. Правда и народъ восторжествуютъ, на это можешь по-

ложиться. Ахъ, я вижу, какъ всѣ либеральные граждане соединятся въ одно побѣдоносное войско! *(Останавливается около одного стула).* Что это? Какой чортъ принесъ сюда это?

Аслаксенъ *(смотритъ).* Вотъ тебѣ и разъ!

Гофстадъ. *(тоже смотритъ).* Гмъ!

Докторъ Штокманъ. Головное украшеніе начальства. *(Беретъ осторожно шляпу городского головы кончиками пальцевъ и подымаетъ ее).*

Г-жа Штокманъ. Шляпа городского головы.

Докторъ Штокманъ. А вотъ и начальническій жезлъ. Кой чортъ попали они сюда?

Гофстадъ. Ну да, теперь я—

Докторъ Штокманъ. Ахъ, понимаю, онъ приходилъ сюда, чтобы уговорить васъ. Ха, ха! Попалъ прямо въ цѣль, нечего сказать! И когда онъ увидѣлъ меня въ типографіи — *(Разражается хохотомъ).* Онъ убѣжалъ, г. Аслаксенъ?

Аслаксенъ *(быстро).* Ну да, убѣжалъ, г. докторъ.

Докторъ Штокманъ. Убѣжалъ, оставивъ жезлъ и—глупости! Петеръ никогда ни отъ кого не убѣжитъ. Но, чортъ побери, куда вы его дѣли? А,—конечно, туда. Теперь посмотри, полюбуйся, Катрина!

Г-жа Штокманъ. Томасъ,—умоляю тебя—!

Аслаксенъ. Берегитесь, г. докторъ!

Докторъ Штокманъ *(надѣваетъ на голову шляпу городского головы и беретъ его палку; затѣмъ подходитъ къ двери, открываетъ ее и кланяется, прикладывая руку къ козырьку фуражки. Городской голова входитъ, красный отъ злости. За нимъ входитъ Биллингъ).*

Городской голова. Что значитъ весь этотъ маскарадъ?

Докторъ Штокманъ. Будь почтителенъ, мой добрый Петеръ, теперь я представляю изъ себя начальство въ городѣ. *(Начинаетъ расхаживать взадъ и впередъ).*

Г-жа Штокманъ *(чуть не плачетъ).* Томасъ, перестань!

Городской голова *(слѣдуя за нимъ).* Отдай мнѣ мою шляпу и мою палку!

Докторъ Штокманъ *(по прежнему).* Если ты полицмейстеръ, то я бургмейстеръ. Я начальство надъ всѣмъ городомъ, понимаешь?

Городской голова. Сними шляпу, говорю я тебѣ, вспомни, что это форменная фуражка.

Докторъ Штокманъ. Глупости! Неужели ты думаешь, что пробудившійся народный левъ дастъ себя напугать форменной фуражкой? Да, потому что мы завтра устроимъ революцію въ городѣ, это ты долженъ знать. Ты грозилъ отставить меня, но теперь я отставлю тебя,—отставлю тебя отъ всѣхъ твоихъ должностей,—ты думаешь, что я этого не могу? Конечно, могу; за мною стоитъ цѣлая толпа побѣдоносныхъ общественныхъ силъ. Гофстадъ и Биллингъ будутъ громить въ „Народномъ Вѣстникѣ“, а типографъ Аслаксенъ двинется впередъ во главѣ всего общества домовладѣльцевъ—

Аслаксенъ. Этого я не сдѣлаю, г. докторъ.

Докторъ Штокманъ. Конечно, сдѣлаете.

Городской голова. Ага! А вы, г. Гофстадъ, быть можетъ, все же примкнете къ агитаціи?

Гофстадъ. Нѣтъ, г. городской голова.

Аслаксенъ. Нѣтъ, г. Гофстадъ не настолько безуменъ, чтобы идти и губить себя и газету ради одного воображенія.

Докторъ Штокманъ *(оглядывается).* Что все это значитъ?

Гофстадъ. Вы представили въ ложномъ свѣтѣ свое дѣло, г. докторъ, поэтому я никакъ не могу поддерживать его.

Биллингъ. Нѣтъ, послѣ того, что г. городской голова такъ любезно разсказалъ мнѣ тамъ, я—

Докторъ Штокманъ. Въ ложномъ свѣтѣ? Оставьте меня въ покоѣ съ этимъ. Напечатайте только статью, и я съумѣю отстоять справедливость своихъ взглядовъ.

Гофстадъ. Я ея не напечатаю. Я не могу, не хочу и не смѣю ее печатать.

Докторъ Штокманъ. Вы не смѣете! Что за глупости? Вѣдь вы редакторъ? А, смѣю думать, редакторы заправляютъ печатью.

Аслаксенъ. Нѣтъ, не редакторы, а подписчики, г. докторъ.

Городской голова. Къ счастью, да.

Аслаксенъ. Общественное мнѣніе, просвѣщенная публика, домовладѣльцы и т. п.—они управляютъ газетами и даютъ имъ тонъ.

Докторъ Штокманъ *(овладѣвая собою).* А всѣ эти силы противъ меня?

Аслаксенъ. Да, противъ васъ. Всѣ граждане разорятся, если ваша статья будетъ напечатана.

Докторъ Штокманъ. А, вотъ какъ!

Городской голова. Мою фуражку и мою палку!

Докторъ Штокманъ (*снимаетъ шляпу и кладетъ ее на столъ вмѣстѣ съ палкою*).

Городской голова (*беретъ фуражку и палку*). Скоро наступилъ конецъ твоей власти.

Докторъ Штокманъ. Конецъ еще не наступилъ. (*Обращаясь къ Гофстаду*). Такъ вы считаете совершенно невозможнымъ напечатать мою статью въ „Народномъ Вѣстникѣ“?

Гофстадъ. Совершенно невозможнымъ,—принимая, кромѣ того, во вниманіе и интересы вашей семьи.

Г-жа Штокманъ. Ахъ, пожалуйста, не заботьтесь о нашей семьѣ, г. Гофстадъ!

Городской голова (*вынимая бумагу изъ кармана*). Чтобы объяснить публикѣ дѣло, достаточно будетъ напечатать это оффиціальное разъясненіе. Вотъ оно.

Гофстадъ (*беретъ бумагу*). Хорошо, оно будетъ напечатано.

Докторъ Штокманъ. А мое нѣтъ? Вы воображаете, что можно заставить меня замолчать, что можно заглушить истину? Но вамъ это не удастся. Это не такъ легко сдѣлать, какъ вы воображаете. Г. Аслаксенъ, я васъ прошу взять мою рукопись и напечатать ее въ видѣ брошюры на мой собственный счетъ, за моею собственною отвѣтственностью. — Мнѣ нужно 500 экземпляровъ; нѣтъ, не 500, а 600.

Аслаксенъ. Хотя бы вы мнѣ предлагали полный кошелекъ золота, я бы никогда не рѣшился дать свою типографію для такого дѣла, г. докторъ. Я не смѣю этого дѣлать изъ за общественнаго мнѣнія. Вамъ не удастся напечатать ее ни въ одной типографіи цѣлаго города.

Докторъ Штокманъ. Такъ отдайте мнѣ ее назадъ.

Гофстадъ (*подаетъ ему рукопись*). Сдѣлайте одолженіе.

Докторъ Штокманъ (*беретъ шляпу и палку*). Во всякомъ случаѣ она будетъ опубликована; я прочту ее на большомъ народномъ собраніи; всѣ мои сограждане должны услышать голосъ истины!

Городской голова. Ни одно общество въ цѣломъ городѣ не дастъ тебѣ своего помѣщенія для такого употребленія.

Аслаксенъ. Ни одно; въ этомъ я глубоко увѣренъ!

Биллингъ. Нѣтъ, чортъ меня побери, если они это сдѣлаютъ!

Г-жа Штокманъ. Но это просто позорно. Какой стыдъ, какой срамъ! Отчего они всѣ возстаютъ такъ противъ тебя, всѣ до единаго?

Докторъ Штокманъ (*раздражительно*). Я тебѣ сейчасъ скажу. Потому что здѣсь въ городѣ всѣ мужчины старыя бабы вродѣ тебя; всѣ они думаютъ только о своихъ семьяхъ, а не объ обществѣ.

Г-жа Штокманъ (*хватаетъ его за руку*). Такъ я покажу имъ, что—что старая баба можетъ сдѣлаться мужчиною—разъ въ жизни. Потому что теперь я буду дѣйствовать за одно съ тобою, Томасъ!

Докторъ Штокманъ. Хорошо сказано, Катрина. Но я выскажу всю правду, клянусь спасеніемъ своей души! Если мнѣ не удастся найти помѣщенія, я найму барабанщика, который будетъ идти впереди меня по цѣлому городу, и я буду читать свою статью на всѣхъ перекресткахъ.

Городской голова. До такой степени безумія ты еще не дошелъ!

Докторъ Штокманъ. Нѣтъ, я это сдѣлаю!

Аслаксенъ. Ни одинъ человѣкъ въ цѣломъ городѣ не захочетъ идти рядомъ съ вами.

Биллингъ. Чортъ меня побери, если вамъ удастся заполучить хотя бы одного.

Г-жа Штокманъ. Только не сдавайся, Томасъ. Я попрошу мальчиковъ пойти съ тобою.

Докторъ Штокманъ. Вотъ превосходная мысль!

Г-жа Штокманъ. Мортенъ такъ охотно пойдетъ! А Эйлифъ также пойдетъ, и онъ также.

Докторъ Штокманъ. Да, и Петра пойдетъ съ нами. И ты, Катрина!

Г-жа Штокманъ. Нѣтъ, нѣтъ, я сама не пойду; но я буду стоять у окна и смотрѣть на тебя, вотъ что я сдѣлаю!

Докторъ Штокманъ (*обнимаетъ ее и цѣлуетъ*). Спасибо! Да, теперь мы попробуемъ вступить въ борьбу, господа! Посмотрю, въ силахъ ли подлые, негодные люди наложить печать на уста патріота, желающаго очистить общество! (*Уходитъ съ женою въ дверь слѣва, въ глубинѣ сцены*).

Городской голова (*качая головою*). Теперь онъ свелъ съ ума и ее.

Дѣйствіе четвертое.

(Большая старомодная зала въ домѣ капитана корабля Горстера. Открытая дверь въ глубинѣ сцены ведетъ въ переднюю. На лѣвой длинной стѣнѣ три окна: посреди̇нѣ противоположной стѣны небольшое возвышеніе, на которомъ стоитъ маленькій столъ съ двумя свѣчами, графиномъ для воды, стаканомъ и колокольчикомъ. Зала освѣщается, кромѣ того, ламночками, висящими между окнами. Налѣво, на авансценѣ, стоитъ столъ со свѣчею и стуломъ около него. Направо дверь и около нея нѣсколько стульевъ).

(Большое собраніе горожанъ всѣхъ сословій. Среди толпы виднѣется нѣсколько женщинъ и нѣсколько школьниковъ. Все большее и большее количество людей входитъ изъ глубины сцены, такъ что зала быстро наполняется).

Одинъ изъ гражданъ (*другому который стоитъ возлѣ него*). И ты пришелъ сюда сегодня вечеромъ, Ламстадъ?

Второй. Я присутствую на всѣхъ народныхъ собраніяхъ.

Третій. Такъ вы съ собою взяли и свистокъ?

Второй. Конечно, свистокъ со мною. А у васъ его нѣтъ?

Третій. Нѣтъ, есть. А шкиперъ Эвенсонъ хотѣлъ взять съ собою цѣлую большую трубу; такъ, по крайней мѣрѣ, онъ говорилъ.

Второй. Онъ мастеръ на эти выдумки, Эвенсонъ! (*Хохотъ въ толпѣ*).

Четвертый гражданинъ (*подходитъ*). Послушайте, скажите мнѣ, пожалуйста, что должно происходить здѣсь сегодня вечеромъ.

Второй. Докторъ Штокманъ собирается прочесть лекцію противъ городскаго головы.

Четвертый гражданинъ. Но вѣдь городской голова его братъ.

Первый. Это все равно. Докторъ Штокманъ ни передъ чѣмъ не останавливается.

Третій. Но вѣдь онъ неправъ. Такъ написано и въ „Народномъ Вѣстникѣ“.

Второй. На этотъ разъ онъ, должно быть, въ самомъ дѣлѣ неправъ, потому что ни общество домовладѣльцевъ, ни городской голова не захотѣли дать ему своихъ залъ.

Первый. Онъ не могъ достать себѣ даже залы купаленъ.

Второй. Ну, это само собою разумѣется!

Одинъ человѣкъ (*въ другой толпѣ*). Скажите мнѣ, пожалуйста, на чьей сторонѣ становиться въ этомъ дѣлѣ?

Другой человѣкъ (*въ той же толпѣ*). Слушайте, что говоритъ типографъ Аслаксенъ, и поступайте такъ, какъ онъ будетъ поступать.

Биллингъ (*съ портфелемъ подъ мышкою прокладываетъ себѣ путь черезъ толпу*). Извините, господа! Позвольте мнѣ пройти: я долженъ составить отчетъ для „Народнаго Вѣстника“. Благодарю васъ, благодарю! (*Садится у стола налѣво*).

Одинъ рабочій. Кто это такой?

Другой рабочій. Развѣ ты его не узнаешь? Это Биллингъ, работающій въ газетѣ Аслаксена.

(*Капитанъ Горстеръ вводитъ г-жу Штокманъ и Петру въ дверь направо въ глубинѣ сцены. За ними слѣдуютъ Эйлифъ и Мортенъ*).

Горстеръ. Я рѣшилъ, что семьѣ доктора удобнѣе всего сидѣть здѣсь, чтобы легче было уйти въ случаѣ нужды.

Г-жа Штокманъ. Развѣ вы думаете, что можетъ быть какая-нибудь непріятность?

Горстеръ. Нельзя ни за что поручиться.—Среди столькихъ людей—! Но вы можете спокойно сѣсть здѣсь.

Г-жа Штокманъ (*садится*). Какъ любезно было съ вашей стороны предложить Штокману эту залу.

Горстеръ. Разъ никто другой не хотѣлъ, то—

Петра (*которая также садится*). И это было очень мужественно съ вашей стороны, Горстеръ.

Горстеръ. Пустяки, для этого большого мужества не требуется.

(*Редакторъ Гофстадъ и типографъ Аслаксенъ входятъ одновременно и протискиваются черезъ толпу*).

Аслаксенъ (*подходитъ къ Горстеру*). Развѣ докторъ еще не пришелъ?

Горстеръ. Онъ ожидаетъ тамъ.

(*Движеніе толпы около двери въ глубинѣ сцены*).

Гофстадъ (*Биллингу*). А вотъ и городской голова, видите!

Биллингъ. Да, чортъ побери, онъ идетъ сюда!

(*Городской голова съ трудомъ прокладываетъ себѣ путь черезъ толпу, вѣжливо раскланиваясь направо и налѣво, и становится у стѣны налѣво. Немного позже входитъ докторъ Штокманъ въ дверь направо на авансценѣ. Онъ одѣтъ во фракъ съ бѣлымъ галстукомъ. Нѣсколько человѣкъ пробуютъ апплодировать, но апплоди-*

сменты заглушаются криками „тише“! Возстановляется тишина).

Докторъ Штокманъ (*вполголоса*). Ну, какъ ты себя чувствуешь, Катрина?

Г-жа Штокманъ. Мнѣ хорошо. *(Тише).* Только, пожалуйста, не раздражайся, Томасъ.

Докторъ Штокманъ. Ну, я съумѣю владѣть собою. *(Смотритъ на свои часы, подымается на возвышеніе и кланяется).* Прошло ужъ четверть часа сверхъ назначеннаго часа. Итакъ я начинаю. *(Вынимаетъ рукопись).*

Аслаксенъ. Надо сначала избрать предсѣдателя.

Докторъ Штокманъ. Нѣтъ, для этого нѣтъ никакой необходимости.

Нѣсколько голосовъ *(кричатъ).* Надо, надо!

Городской голова. Я также думаю, что необходимо выбрать руководителя преній.

Докторъ Штокманъ. Но я собраніе созвалъ для того, чтобы держать рѣчь, Петеръ.

Городской голова. Рѣчь врача купаленъ, быть можетъ, дастъ поводъ къ самымъ разнообразнымъ выраженіямъ мнѣній.

Нѣсколько голосовъ *(изъ толпы).* Предсѣдателя! Руководителя преній!

Гофстадъ. Повидимому, большинство слушателей требуютъ предсѣдателя.

Докторъ Штокманъ *(сдержанно).* Ну хорошо, пусть воля слушателей будетъ исполнена.

Аслаксенъ. Можетъ быть г. городской голова согласится взять на себя эту обязанность?

Три господина *(апплодируютъ).* Браво! браво!

Городской голова. Многія и легко понятныя причины заставляютъ меня отказаться отъ этого весьма лестнаго предложенія. Но, къ счастью, между нами есть человѣкъ, на которомъ сойдутся всѣ голоса. Я говорю о предсѣдателѣ общества домовладѣльцевъ, о господинѣ типографѣ Аслаксенѣ.

Много голосовъ. Да, да. Да здравствуетъ Аслаксенъ! Ура, Аслаксенъ!

Докторъ Штокманъ (*беретъ свою рукопись и сходитъ съ возвышенія*).

Аслаксенъ. Въ виду довѣрія, оказаннаго мнѣ моими согражданами, я не считаю возможнымъ отказаться—

(*Рукоплесканія и крики одобренія. Аслаксенъ всходитъ на возвышеніе*).

Биллингъ (*пишетъ*). Итакъ —„г. типографъ Аслаксенъ избранъ аккламаціею—“.

Аслаксенъ. Теперь, стоя на этомъ мѣстѣ, я прошу позволенія сказать нѣсколько словъ. Я, спокойный, мирный человѣкъ, стою всегда на сторонѣ разсудительной умѣренности и—и—умѣренной разсудительности; это извѣстно каждому, знающему меня.

Много голосовъ. Да, да. Аслаксенъ!

Аслаксенъ. Я въ жизненной школѣ, школѣ опыта, научился, что умѣренность—добродѣтель, больше всего украшающая каждаго гражданина—

Городской голова. Слушайте!

Аслаксенъ. — и что разсудительность и умѣренность приносятъ наибольшую пользу обществу. Поэтому я считаю своимъ долгомъ просить почтеннаго согражданина, созвавшаго настоящее собраніе, держать себя въ предѣлахъ умѣренности.

Одинъ человѣкъ (*стоя у двери*). Да здравствуетъ общество умѣренности!

Одинъ голосъ. Къ чорту его!

Новый голосъ. Тише! Тише!

Аслаксенъ. Никакихъ перерывовъ, господа!— Есть ли кто-нибудь желающій слова?

Городской голова. Г. предсѣдатель!

Аслаксенъ. Слово за господиномъ городскимъ головою Штокманомъ.

Городской голова. Въ виду близкихъ родственныхъ отношеній, въ какихъ, какъ уже извѣстно, я состою къ врачу купаленъ, мнѣ, конечно, пріятнѣе всего было бы не высказываться сегодня вечеромъ. Но положеніе, занимаемое мною въ заведеніи купаленъ, и забота о самыхъ существенныхъ интересахъ города вынуждаютъ меня внести одно предложеніе. Смѣю предположить, что ни одинъ изъ присутствующихъ гражданъ не желаетъ, чтобы неосновательныя и преувеличенныя заключенія о санитарномъ положеніи купаленъ и города распространились по всей странѣ.

Много голосовъ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Конечно, нѣтъ! Мы протестуемъ!

Городской голова. Поэтому я предлагаю, чтобы собраніе не допустило врача купаленъ прочесть свое изложеніе дѣлъ или произнесть рѣчь по этому вопросу.

Докторъ Штокманъ *(вспыхивая).*—Не допустило—! Что это такое?

Г-жа Штокманъ (*кашляетъ*). Гмъ! Гмъ!

Докторъ Штокманъ *(овладѣвая собою)*. Значитъ, меня не допускаютъ—

Городской голова. Въ своемъ отчетѣ въ „Народномъ Вѣстникѣ“ я уже ознакомилъ общество съ важнѣйшими фактами, такъ что всѣ благомыслящіе граждане могли легко составить себѣ свое сужденіе на этотъ счетъ. Изъ него явствуетъ, что предложеніе врача купаленъ заключаетъ въ себѣ не только выраженіе недовѣрія относительно всѣхъ лицъ, стоящихъ во главѣ города, но ставитъ себѣ цѣлью возложить на плательщиковъ городскихъ налоговъ совершенно излишній расходъ по меньшей мѣрѣ въ 100,000 кронъ. *(Выраженіе недовольства въ толпѣ. Раздается нѣсколько свистковъ).*

Аслаксенъ *(звонитъ въ колокольчикъ)*. Тише, господа! Я позволяю себѣ поддерживать предложеніе г. городского головы. Я также придерживаюсь того мнѣнія, что подъ агитаціею доктора скрывается задняя мысль. Онъ говоритъ о купальняхъ, но стремится въ сущности къ революціи; онъ хочетъ, чтобы управленіе городомъ перешло въ другія руки. Никто не сомнѣвается въ честныхъ намѣреніяхъ доктора, Боже сохрани, относительно этого не не можетъ быть двухъ мнѣній. Я также сторонникъ народнаго самоуправленія, но только въ томъ случаѣ, если оно не слишкомъ дорого стоитъ плательщикамъ налоговъ. Но въ этомъ случаѣ оно будетъ стоить слишкомъ дорого; и поэтому, чортъ меня побери,—извините,—если я на этотъ разъ стану на сторонѣ доктора Штокмана! Можно покупать и золото слишкомъ дорогою цѣною, таково мое мнѣніе.

(Живѣйшее одобреніе со всѣхъ сторонъ).

Гофстадъ. И я также чувствую себя вынужденнымъ дать отчетъ въ занятомъ мною положеніи. Агитація доктора Штокмана въ началѣ склонила многихъ на его сторону и я старался быть при этомъ возможно болѣе безпристрастнымъ. Но затѣмъ оказалось, что мы были введены въ заблужденіе ложнымъ изложеніемъ.

Докторъ Штокманъ. Ложнымъ!

Гофстадъ. Не вполнѣ достовѣрнымъ изложеніемъ. Разъясненіе г. городского головы доказало это. Я надѣюсь, что никто изъ присутствующихъ не сомнѣвается въ моемъ либеральномъ образѣ мыслей; направленіе „Народнаго Вѣстника“ относительно всѣхъ важныхъ политическихъ вопросовъ хорошо извѣстно всѣмъ. Но опытные и разсудительные люди научили меня понимать, что при обсужденіи чисто мѣстныхъ вопросовъ газета должна поступать съ крайней осторожностью.

Аслаксенъ. Совершенно согласенъ съ ораторомъ.

Гофстадъ. Относительно предстоящаго вопроса несомнѣнно, что общественное мнѣніе высказывается противъ доктора. Но въ чемъ-же заключается первая и самая важная обязанность редактора, господа? Не заключается-ли она въ томъ, чтобы дѣйствовать въ согласіи съ своими читателями? Развѣ онъ не получилъ какъ-бы молчаливое полномочіе работать безъ устали, непоколебимо, для блага своихъ единомышленниковъ? Или, можетъ быть, я въ этомъ отношеніи ошибаюсь?

Много голосовъ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Редакторъ Гофстадъ правъ.

Гофстадъ. Мнѣ стоило тяжкой борьбы порвать съ человѣкомъ, въ домѣ котораго въ послѣднее время я былъ такимъ частымъ гостемъ, — съ человѣкомъ, который до настоящаго дня пользовался такимъ глубокимъ уваженіемъ своихъ согражданъ,—съ человѣкомъ, единственный, въ сущности, недостатокъ котораго заключается въ томъ, что онъ повинуется гораздо больше внушеніямъ своего сердца, чѣмъ своей головы.

Нѣсколько разсѣянныхъ голосовъ. Это правда! Ура, докторъ Штокманъ!

Гофстадъ. Но моя обязанность относительно общества предписывала мнѣ порвать съ нимъ. Есть еще одно обстоятельство, которое побуждаетъ меня бороться съ нимъ и, если возможно, остановить его на томъ зловѣщемъ пути, на который онъ вступилъ:—это мысль о его семьѣ—

Докторъ Штокманъ. Держитесь водопровода и клоакъ!

Гофстадъ. Мысль о его супругѣ и его необезпеченныхъ дѣтяхъ.

Мортенъ. Это онъ говоритъ о насъ, мама?

Г-жа Штокманъ. Тише!

Аслаксенъ. Итакъ, я ставлю предложеніе г-на городского головы на голосованіе.

Докторъ Штокманъ. Нѣтъ надобности. Сегодня вечеромъ я вовсе не намѣренъ говорить о всемъ этомъ свинствѣ тамъ внизу въ купальномъ заведеніи. Нѣтъ. Вы услышите нѣчто совершенно другое.

Городской голова *(вполголоса)*. Что новаго выдумалъ онъ?

Пьяный человѣкъ (*у входной двери*). Я плачу налоги! Поэтому я также имѣю право высказывать свое мнѣніе! А я вполнѣ—твердо — непоколебимо убѣжденъ, что—

Нѣсколько голосовъ. Тише, тамъ!

Другіе. Онъ пьянъ. Вытолкайте его вонъ! *(Пьянаго выводятъ)*.

Докторъ Штокманъ. Слово за мною?

Аслаксенъ (*звонитъ въ колокольчикъ*). Слово за г. докторомъ Штокманомъ.

Докторъ Штокманъ. Нѣсколько дней тому назадъ никто не рѣшился бы внесть предложеніе, которое было внесено сегодня, никто не рѣшился бы надѣть на меня намордникъ. Я, какъ левъ, защищалъ бы свои священныя человѣческія права, но теперь это нисколько не затрагиваетъ меня, потому что существуютъ вещи, гораздо болѣе важныя, о которыхъ мнѣ необходимо переговорить съ вами.

(*Толпа тѣснѣе окружаетъ его. Среди нея показывается Мортенъ Кіиль*).

Докторъ Штокманъ (*продолжая*). Я много думалъ и много размышлялъ въ эти послѣдніе дни,—такъ долго размышлялъ и такъ много, что подъ конецъ все начало мутиться въ моей головѣ—

Городской голова *(кашляетъ)*. Гмъ!—

Докторъ Штокманъ. Но, наконецъ, все передъ моими глазами прояснилось; я ясно понялъ, въ чемъ заключается суть дѣла. Поэтому-то я стою здѣсь передъ вами сегодня вечеромъ. Я хочу сдѣлать вамъ, сограждане, важныя разоблаченія! Я сообщу вамъ открытіе совершенно другого сорта, несравненно болѣе важное, чѣмъ тотъ пустякъ, что нашъ водопроводъ отравленъ и что наши оздоравляющія купальни построены на зачумленной почвѣ.

Много голосовъ *(кричатъ)*. Не говорите о купальняхъ! Мы не хотимъ слышать о нихъ! Ни слова о нихъ!

Докторъ Штокманъ. Я уже сказалъ, что буду говорить о великомъ открытіи, сдѣланномъ мною въ эти послѣдніе дни,—объ открытіи, что всѣ наши духовные жизненные источники отравлены и что все наше общество построено на зачумленной почвѣ лжи.

Смущенные голоса *(вполголоса)*. Что онъ говоритъ?

Городской голова. Такая инсинуація—!

Аслаксенъ *(съ рукою на колокольчикѣ)*. Прошу оратора выражаться болѣе умѣренно.

Докторъ Штокманъ. Я любилъ свой родной городъ такъ горячо, какъ только можно любить свою родину, въ которой прожиты были молодые годы. Я не былъ еще старъ, когда уѣхалъ отсюда, и разстояніе, тоска по родинѣ и воспоминанія окружали какъ-бы ореоломъ и родной городъ, и его обывателей. *(Нѣсколько аплодисментовъ и выраженій одобренія)*.

Докторъ Штокманъ. Я прожилъ такимъ образомъ нѣсколько лѣтъ въ страшно-отдаленномъ уголку на сѣверѣ. Когда мнѣ приходилось вступать въ сношенія съ людьми, живущими тамъ и сямъ среди скалъ, мнѣ казалось иногда, что для этихъ несчастныхъ неразвитыхъ созданій гораздо было-бы лучше, если-бы имъ послали ветеринарнаго врача, вмѣсто такого человѣка, какъ я.

(Ропотъ въ залѣ).

Биллингъ *(кладетъ на столъ перо)*. Нѣтъ, чортъ меня побери, если я когда-нибудь слышалъ—!

Гофстадъ. Это издѣвательство надъ почтеннымъ крестьянствомъ!

Докторъ Штокманъ. Подождите только немного—! Надѣюсь, никто не подумаетъ, что я тамъ въ скалахъ забылъ свой родной городъ. Я спдѣлъ какъ-бы на яйцахъ, подобно орлицѣ, и все-же старался вылетѣть изъ гнѣзда. Доказательствомъ служитъ планъ купальнаго заведенія, устроеннаго здѣсь.

(Рукоплесканія и возгласы).

Докторъ Штокманъ. И когда въ концѣ концовъ судьба сжалилась надо мной и устроила мое возвращеніе домой,—да, сограждане, тогда мнѣ показалось, что всѣ мои желанія исполнены. Впрочемъ, нѣтъ, у меня было одно желаніе, горячее, неутолимое, пылкое,—служить на пользу родного города и родного общества.

Городской голова *(смотритъ вверхъ)*. Странно берется онъ за дѣло, —гмъ!

Докторъ Штокманъ. И вотъ я ходилъ по городу и жилъ, ослѣпленный

своимъ счастьемъ, но вчера утромъ,—нѣтъ, это было собственно третьяго дня вечеромъ,—мои духовные глаза широко открылись, и первое, что я замѣтилъ,—это невѣроятную глупость властей—

(Шумъ, крики, хохотъ. Г-жа Штокманъ громко кашляетъ).

Городской голова. Г. предсѣдатель!

Аслаксенъ (*звонитъ*). Въ силу возложенныхъ на меня полномочій—!

Докторъ Штокманъ. Мелочно привязываться къ сорвавшемуся слову, г. Аслаксенъ! Я только хотѣлъ сказать, что я внезапно замѣтилъ невѣроятную мерзость, которую позволяли себѣ власть имущіе люди тамъ внизу въ купальняхъ. Я долженъ сказать, что я не выношу вообще власть имущихъ людей;—я достаточно насмотрѣлся на нихъ въ свое время. Они похожи на козлять, которыхъ выпустили въ молодой садъ; они приносятъ повсюду безконечный вредъ и возстаютъ противъ всякаго свободнаго человѣка, какъ только онъ пробуетъ дѣлать шагъ впередъ,—мнѣ хотѣлось, чтобы намъ удалось ихъ истребить подобно тому, какъ истребляютъ вредныхъ животныхъ—

(*Безпокойство въ залѣ*).

Городской голова. Г. предсѣдатель, развѣ возможно допускать такія выраженія?

Аслаксенъ (*съ рукою на колокольчикѣ*). Г. докторъ—!

Докторъ Штокманъ. Не понимаю, какъ это я только теперь увидѣлъ этихъ господъ въ настоящемъ свѣтѣ! Вѣдь я почти каждый день имѣлъ передъ глазами такой прекрасный экземпляръ этой породы, моего брата Петера,—который стоитъ непоколебимо на одномъ мѣстѣ, погрузившись по уши въ предразсудки—

(*Хохотъ, шумъ и свистки. Г-жа Штокманъ сидитъ и кашляетъ*).

Аслаксенъ (*звонитъ изо всѣхъ силъ*).

Пьяный человѣкъ (*который тѣмъ временемъ вернулся*). Вы намекаете на меня? Да, потому что меня зовутъ дѣйствительно Петерсонъ: но, чортъ меня поберги, если я не—

Разгнѣванные голоса. Вонъ пьяницу! Вытолкайте его въ шею! (*Пьянаго выбрасываютъ вонъ*).

Городской голова. Кто это былъ?

Близъ стоящіе. Мы не знаемъ его, г. городской голова.

Второй. Онъ не изъ нашего города.

Третій. Это должно быть торговецъ изъ... (*Остальныхъ словъ нельзя разслышать*).

Аслаксенъ. Этотъ человѣкъ, очевидно, опьянѣлъ отъ баварскаго пива. Продолжайте, г. докторъ. Постарайтесь вести себя умѣреннѣе.

Докторъ Штокманъ. Ну, хорошо, сограждане, я перестану говорить о нашихъ руководящихъ лицахъ. Если кто либо, услышавши то, что я сказалъ, вообразитъ, что я сегодня вечеромъ намѣреваюсь напасть на этихъ господъ, онъ ошибется,—безусловно ошибется. Потому что я утѣшаю себя мыслью, что всѣ эти жалкіе старые остатки умирающаго образа мыслей сами съумѣютъ погубить себя. Они не нуждаются въ докторской помощи, чтобы ускорить свой смертный часъ. И не отъ такого рода людей грозитъ обществу наибольшая опасность; не они больше всего работаютъ надъ отравленіемъ нашихъ духовныхъ жизненныхъ источниковъ и надъ загрязненіемъ почвы подъ нашими ногами; не они являются самыми опасными врагами истинной свободы въ нашемъ обществѣ.

Крики со всѣхъ сторонъ. Кто же? Кто же? Назовите ихъ!

Докторъ Штокманъ. Да, можете быть увѣрены, что я ихъ назову! Потому что въ этомъ заключается то великое открытіе, которое я сдѣлалъ вчера. (*Повышаетъ голосъ*). Наиболѣе опасные враги истины и свободы среди насъ, это сплоченное большинство, да, проклятое, либеральное сплоченное большинство,—да, именно оно! Теперь вы это знаете.

(*Невѣроятный шумъ подымается въ залѣ. Большинство кричитъ, стучитъ ногами и свиститъ. Нѣсколько лицъ болѣе старшаго возраста обмѣниваются взглядами и пробираются къ двери. Г-жа Штокманъ въ испугѣ подымается со своего стула. Эйлифъ и Мортенъ съ угрожающими жестами подходятъ къ школьникамъ, которые шумятъ. Аслаксенъ звонитъ въ колокольчикъ и убѣждаетъ собраніе успокоиться. Гофстадъ и Биллингъ говорятъ оба, но словъ ихъ нельзя разслышать. Наконецъ, воцаряется тишина*).

Аслаксенъ. Я, какъ предсѣдатель, ожидаю, что ораторъ возьметъ назадъ свои необузданныя выраженія.

Докторъ Штокманъ. Ни за что въ мірѣ, г. Аслаксенъ. Именно сплоченное большинство въ нашемъ обществѣ отняло у меня свободу и хочетъ воспретить мнѣ высказать правду.

Гофстадъ. Большинство всегда имѣетъ право на своей сторонѣ!

Биллингъ. И истину также, чортъ побери!

Докторъ Штокманъ. Большинство никогда не имѣетъ права на своей сторонѣ, никогда, говорю я вамъ! Это одинъ изъ тѣхъ общественныхъ предразсудковъ, противъ которыхъ долженъ возстать всякій свободомыслящій человѣкъ. Кто образуетъ большинство жителей въ любой странѣ,—изъ кого оно состоитъ: изъ глупыхъ людей, или изъ умныхъ? Я думаю, мы скажемъ всѣ въ одинъ голосъ, что глупые люди составляютъ повсюду въ цѣломъ мірѣ страшно значительное большинство. Но, чортъ побери, нельзя-же признать правильнымъ, если глупые люди властвуютъ надъ умными!

(*Шумъ и крики*).

Докторъ Штокманъ. Да, да, вы можете перекричать меня, но вы не въ состояніи возразить мнѣ. Большинство имѣетъ за собою власть,—но не право. Право принадлежитъ мнѣ и немногимъ другимъ, избраннымъ лицамъ. Меньшинство всегда имѣетъ за собою право.

(*Опять подымается большой шумъ*).

Гофстадъ. Ха, ха, ха! Итакъ, съ третьяго дня докторъ Штокманъ обратился въ аристократа!

Докторъ Штокманъ. Я уже сказалъ, что я не хочу тратить и слова для той ничтожной, стоячей толпы, которая стоитъ сзади насъ, задыхаясь въ спертомъ воздухѣ. Сильно пульсирующая жизнь не имѣетъ съ нею ничего общаго. Я обращаюсь къ тѣмъ немногимъ избраннымъ среди насъ, которые усвоили себѣ всѣ молодыя, новыя, передовыя истины. Эти люди стоятъ какъ-бы впереди на аванпостахъ, такъ далеко впереди, что сплоченное большинство не въ состояніи добраться до нихъ,—и тамъ они борятся за истины, которыя слишкомъ новы, чтобы быть сознанными цѣлымъ свѣтомъ и обезпечить себѣ поддержку большинства.

Гофстадъ. А-а! Теперь докторъ сдѣлался революціонеромъ.

Докторъ Штокманъ. Да, чортъ побери, это вѣрно! Я революціонеръ, г. Гофстадъ! Я намѣренъ устроить революцію противъ лжи, гласящей, что большинство всегда обладаетъ истиною. Какими истинами проникается большинство, какія признаются имъ? Тѣ, которыя такъ широко распространились, что дошли уже до степени дряхлости. Но когда истина такъ одряхлѣла, она находится на пути, чтобы обратиться въ ложь.

(*Хохотъ и насмѣшливыя восклицанія*).

Докторъ Штокманъ. Да, да. Вѣрьте мнѣ или нѣтъ, какъ хотите. Но истины вовсе не представляютъ изъ себя такихъ Маѳусаиловъ, какъ обыкновенно воображаютъ. Всякая нормальная истина живетъ—позвольте—дайте мнѣ высказаться—обыкновенно 17, 18 лѣтъ, въ крайнемъ случаѣ 20, рѣдко дольше. И подобнаго рода престарѣлыя истины обыкновенно страшно худы и тощи. А тѣмъ не менѣе большинство начинаетъ именно въ это время интересоваться ими и навязывать ихъ обществу въ качествѣ здравой духовной пищи. Но много питательнаго матерьяла въ такой пищѣ; не имѣется, въ этомъ могу увѣрить васъ—а въ этомъ дѣлѣ я понимаю кое что, такъ какъ я врачъ. Всѣ эти истины, проповѣдуемыя большинствомъ, походятъ на старую прошлогоднюю селедку или на жесткій пересоленный окорокъ. Онѣ то и даютъ начало той нравственной цынгѣ, которая заражаетъ собою все общество.

Аслаксенъ. Мнѣ кажется, что почтенный ораторъ удалился далеко въ сторону отъ предмета.

Городской голова. Я раздѣляю мнѣніе г. предсѣдателя.

Докторъ Штокманъ. Мнѣ кажется, что ты одурѣлъ, Петеръ. Я ни на іоту не отступаю отъ программы, все время держусь ея, на сколько могу; я хочу сказать, что масса, большинство, это проклятое сплоченное большинство — именно оно отравляетъ всѣ наши духовные жизненные источники и зачумляетъ почву подъ нашими ногами.

Гофстадъ. Это дѣлаетъ великое, либеральное большинство народа, потому что оно преклоняется передъ безспорными, всѣми признанными истинами?

Докторъ Штокманъ. Ахъ, милѣйшій г. Гофстадъ, пожалуйста, не говорите о безспорныхъ истинахъ. Истины, которыя признаются массою и толпою, это тѣ самыя истины, за которыя боролись передовые люди въ дни нашихъ предковъ. Мы же, передовые люди, живущіе въ на-

стоящее время, мы не признаемъ ихъ больше; и я думаю, что такою безспорною истиною является и слѣдующая: ни одно общество не можетъ жить здравою жизнью, основываясь на такихъ устарѣлыхъ обветшалыхъ истинахъ.

Гофстадъ. Но вмѣсто того, чтобы стоять здѣсь и говорить какими-то загадками, гораздо интереснѣе было бы услышать, какими это старыми обветшалыми истинами мы живемъ?

(Крики одобренія со всѣхъ сторонъ).

Докторъ Штокманъ. О, я могъ бы перечислить цѣлую массу такой никуда негодной дряни; но прежде всего я хочу вамъ указать одну общепризнанную истину, которая въ сущности не что иное, какъ самая возмутительная ложь, но которою все же живутъ, какъ г. Гофстадъ и „Народный Вѣстникъ“, такъ и всѣ приверженцы „Народнаго Вѣстника“.

Гофстадъ. И это—?

Докторъ Штокманъ. Это то ученіе, которое вы приняли въ наслѣдство отъ вашихъ предковъ и безсмысленно возвѣщаете направо и налѣво; оно гласитъ, что крестьяне, толпа, масса—ядро народа, что въ нихъ воплощается народъ, что всякій обыденный человѣкъ, всѣ эти невѣжественные, неподготовленные члены общества имѣютъ такое же право осуждать и оправдывать, управлять и подавать совѣты, какъ и избранные люди, выдающіеся своимъ умомъ и способностями.

Билингъ. Ну, чортъ меня побери, если—

Гофстадъ *(одновременно кричитъ)* Граждане, обратите на это вниманіе!

Ожесточенные голоса. Ого, а мы развѣ не народъ? Развѣ одни знатные должны управлять страною?

Рабочій. Вонъ того, кто осмѣливается болтать такую чепуху!

Другія. Въ шею его!

Одинъ гражданинъ. *(кричитъ)*. Труби, труби, Эвенсонъ!

(Раздаются сильные звуки трубы, свистки и страшный шумъ въ залѣ).

Докторъ Штокманъ *(когда шумъ улегся)*. Но будьте наконецъ, благоразумными! Неужели вы не можете хоть разъ спокойно выслушать голосъ правды? Я вовсе не требую, чтобы вы всѣ сразу согласились со мною. Но я дѣйствительно совершенно искренно ожидалъ, что г. Гофстадъ признаетъ, что я правъ, какъ только хорошенько обдумаетъ данное положеніе дѣлъ.—Г. Гофстадъ, вѣдь, выдаетъ себя за свободнаго мыслителя.

Удивленые голоса *(тихо)*. Свободный мыслитель? Онъ? какъ, развѣ редакторъ Гофстадъ свободный мыслитель?

Гофстадъ. Докажите это, докторъ Штокманъ. Когда я заявлялъ это въ печати?

Докторъ Штокманъ *(подумавши)*. Нѣтъ чортъ побери, вы совершенно правы; до такой откровенности вы никогда не доходили. Нѣтъ, я васъ не буду больше прижимать къ стѣнкѣ, г. Гофстадъ. Пусть свободнымъ мыслителемъ буду я, потому что теперь, на основаніи естественно-научныхъ данныхъ, я хочу вамъ объяснить, что „Народный Вѣстникъ“ самымъ постыднымъ образомъ водитъ васъ за носъ, когда разсказываетъ, что вы, крестьяне, масса и толпа, истинное ядро народа. Это все не болѣе, какъ газетная ложь, понимаете? Крестьянство—не болѣе, какъ грубый матеріалъ, изъ котораго создается народъ.

(Ропотъ, хохотъ и волненіе, въ залѣ).

Докторъ Штокманъ. Развѣ то же самое не наблюдается и во всемъ остальномъ одушевленномъ мірѣ! Какая разница существуетъ между животными домашними, получающими хорошій уходъ, и животными, живущими въ дикомъ состояніи или оставленными безъ ухода? Посмотрите на обыкновенную крестьянскую курицу, много ли мяса въ такомъ жалкомъ куриномъ тѣлѣ? Только кожа и кости, больше ничего! А какія яйца она несетъ? Всякая обыкновенная ворона или галка несетъ не меньшія, чѣмъ она. А теперь посмотрите на какую нибудь испанскую или японскую курицу, пользующуюся превосходнымъ уходомъ, или возьмите для сравненія благороднаго фазана или индѣйку;—да, вотъ когда вы увидите разницу! А теперь я назову еще собакъ, съ которыми мы, люди, находимся въ такой близкой связи; представьте себѣ съ одной стороны простую крестьянскую собаку,—одну изъ тѣхъ безобразныхъ, худыхъ, косматыхъ дворняжекъ, которыя бродятъ по нашимъ улицамъ и пачкаютъ стѣны нашихъ домовъ. И поставьте теперь рядомъ съ такою дворняжкою пуделя, предки котораго въ теченіе цѣлаго поколѣнія жили въ знатномъ домѣ, гдѣ они получали утонченную пищу и имѣли возможность слушать гармоническіе голоса и музыку. Неужели вы не думаете, что мозгъ у пуделя разовьется совершенно иначе, чѣмъ у дворняжки? Это

вѣрно; на этотъ счетъ нельзя сомнѣваться. Вотъ такихъ-то культивированныхъ пуделей фокусники научаютъ самымъ невѣроятнымъ фокусамъ. Простая крестьянская дворняжка никогда не научится такимъ фокусамъ, что бы вы съ ней ни дѣлали—

(*Шумъ и смѣхъ вокругъ*).

Гражданинъ. (*кричитъ*). Такъ вы хотите теперь сдѣлать изъ насъ и собакъ?

Другой голосъ. Мы не животныя, г. докторъ!

Докторъ Штокманъ. Нѣтъ, клянусь спасеніемъ моей души, мы животныя, батюшка! Мы всѣ, сколько насъ ни есть, мы всѣ животныя, самыя настоящія! Но вѣрно одно: между нами найдется мало животныхъ благородныхъ породъ. Ахъ, ужасно большое разстояніе отдѣляетъ людей пуделей отъ людей дворняжекъ! И смѣшнѣе всего въ этомъ дѣлѣ то, что редакторъ Гофстадъ совершенно согласенъ со мною, пока дѣло идетъ о четвероногихъ животныхъ—

Гофстадъ. Я смотрю на нихъ такъ, какъ они есть.

Докторъ Штокманъ. Но какъ только я распространяю тотъ же законъ на двуногихъ, г. Гофстадъ немедленно останавливается; онъ не смѣетъ больше высказывать своихъ мнѣній, не можетъ доводить до конца своихъ собственныхъ мыслей; вотъ онъ и ставитъ вверхъ дномъ все ученіе и возвѣщаетъ въ „Народномъ Вѣстникѣ“, что крестьянская курица и дворняжка—самые прекрасные экземпляры всего животнаго царства. Но такъ всегда бываетъ съ людьми, у которыхъ въ крѣпкомъ тѣлѣ сидитъ плебейскій духъ, и которые не успѣли выработать себѣ умственнаго аристократизма.

Гофстадъ. Я не изъявляю притязаній на какой бы то ни было аристократизмъ. Я происхожу изъ простыхъ крестьянъ и горжусь тѣмъ, что вышелъ изъ того крестьянства, надъ которымъ здѣсь издѣваются.

Многіе рабочіе. Ура, Гофстадъ! Ура, ура!

Докторъ Штокманъ. Тотъ родъ крестьянства, о которомъ я говорю, находится какъ вверху, такъ и внизу; эти люди кишатъ вокругъ насъ,—даже среди высшихъ общественныхъ сферъ. Достаточно посмотрѣть на вашего миленькаго, чистенькаго городского голову! Мой братъ Петеръ такой же чистокровный крестьянинъ, какъ и тѣ, которые ходятъ въ деревянныхъ башмакахъ—

(*Смѣхъ и шиканіе*).

Городской голова. Я протестую противъ такого рода личныхъ намековъ.

Докторъ Штокманъ. (*не обращая вниманія*). И это не потому, что онъ, подобно мнѣ, происходитъ отъ стараго грознаго пирата изъ Помераніи, или изъ какой-нибудь мѣстности около Помераніи,—да, потому что мы изъ пиратскаго рода—

Городской голова. Нелѣпое преданіе, глупости!

Докторъ Штокманъ Но онъ таковъ, потому что мыслитъ всегда мыслями своихъ начальниковъ и сообразуетъ свои мнѣнія съ ихъ мнѣніемъ. Люди, поступающіе такимъ образомъ, представляютъ изъ себя духовныхъ плебеевъ; видите, вотъ почему и мой представительный братъ Петеръ имѣетъ въ дѣйствительности такъ мало аристократизма въ глубинѣ души,—и вотъ почему онъ такъ мало либераленъ.

Городской голова. Г. предсѣдатель—!

Гофстадъ. Такъ значитъ, одни аристократы либеральны у насъ. Это, дѣйствительно, совершенно новое освѣщеніе.

(*Хохотъ въ собраніи*).

Докторъ Штокманъ. Да, это принадлежитъ также къ числу моихъ новыхъ открытій. Къ нимъ принадлежитъ еще то, что либерализмъ почти тождественъ съ нравственностью. Поэтому, повторяю, со стороны „Народнаго Вѣстника“ совершенно непростительно день отъ дня провозглашать лживое ученіе, будто масса и толпа, сплоченное большинство, одни только либеральны и нравственны, —а что пороки и испорченность и разнаго рода духовное зло порождаются культурою, подобно тому, какъ всѣ нечистоты спускаются въ купальни изъ заводовъ Моледалена.

(*Шумъ и перерывы*).

Докторъ Штокманъ (*не обращая на нихъ вниманія, продолжаетъ горячо свою рѣчь*). А между тѣмъ, тотъ же „Народный Вѣстникъ“ позволяетъ себѣ проповѣдывать, что масса и толпа должны быть подняты на болѣе высокія ступени существованія! Чортъ поберн,—если ученіе „Народнаго Вѣстника“ дѣйствительно вѣрно, то поднять массу значитъ то же самое, что втолкнуть ее въ атмосферу заразы! Но, къ счастью, ученіе, будто культура деморализуетъ, не болѣе, какъ старый, унаслѣдованный отъ предковъ, народный предразсудокъ. Нѣтъ, отупѣніе, бѣдность, жалкія жизненныя условія,—вотъ что тя-

готѣетъ, какъ проклятіе, надъ народомъ, вотъ что деморализуетъ его! Въ домѣ, гдѣ не каждый день провѣтриваютъ комнаты, и не каждый день подметаютъ,—моя жена, Катрина, утверждаетъ, что полъ нужно каждый день и мыть,—но это вопросъ спорный;—ну, въ такомъ домѣ, говорю я, люди чрезъ два-три года теряютъ способность мыслить и дѣйствовать нравственно. Недостатокъ кислорода ослабляетъ отвѣтственность. А, видно, громадный недостатокъ кислорода существуетъ во многихъ домахъ здѣсь въ городѣ. Если городское, сплоченное большинство настолько безсовѣстно, что хочетъ основывать благосостояніе города на цѣлой цѣпи лжи и обмана—

Аслаксенъ. Такое грубое обвиненіе нельзя бросать въ лицо цѣлому обществу гражданъ.

Господинъ. Предлагаю предсѣдателю отнять слово у оратора.

Возмущенные голоса. Да, да! Это вѣрно! Лишить его слова!

Докторъ Штокманъ *(разражаясь гнѣвомъ)*. Тогда я буду провозглашать истину на всѣхъ перекресткахъ! Я буду писать въ газеты другихъ городовъ! Вся страна узнаетъ, какія мерзости дѣлаются тутъ, у насъ!

Гофстадъ. Докторъ какъ будто имѣетъ намѣреніе разорить городъ.

Докторъ Штокманъ. Да, я такъ сильно люблю свой родной городъ, что предпочитаю видѣть его въ концѣ разореннымъ, чѣмъ процвѣтающимъ на почвѣ лжи.

Аслаксенъ. Сильно сказано.

(Шумъ и свистки. Г-жа Штокманъ напрасно кашляетъ, докторъ не слышитъ больше ее).

Гофстадъ *(кричитъ средишума)*. Человѣкъ, желающій разорить цѣлое общество, долженъ быть врагомъ гражданъ.

Докторъ Штокманъ (*съ возрастающимъ волненіемъ*). Ничего дурного не произойдетъ, если лживое общество будетъ разорено! Оно должно быть сравнено съ землею, говорю я вамъ! Истреблены, какъ хищные звѣри, должны быть всѣ живущіе во лжи! Въ концѣ концовъ вы заразите всю страну! Вы доведете дѣла до того, что вся страна должна будетъ заслуживать истребленія. А если дѣла зайдутъ такъ далеко, то я воскликну отъ глубины своего сердца: пусть вся страна погибнетъ, пусть весь народъ будетъ истребленъ!

Одинъ человѣкъ (*въ толпѣ*). Онъ говоритъ, какъ настоящій врагъ народа.

Биллингъ. Чортъ побери, вотъ наконецъ, когда мы услышали настоящій гласъ народа!

Толпа (*кричитъ*). Да, да, да! Онъ народный врагъ! Онъ ненавидитъ свою страну! Онъ ненавидитъ весь народъ!

Аслаксенъ. Какъ гражданинъ и какъ человѣкъ, я глубоко взволнованъ тѣмъ, что мнѣ пришлось услышать. Докторъ Штокманъ разоблачилъ себя такъ, какъ я никогда и думать не могъ. Я, къ несчастію, вынужденъ присоединиться къ мнѣнію, высказанному только что однимъ изъ почтенныхъ согражданъ, и предлагаю воплотить это мнѣніе въ резолюцію. Вношу на обсужденіе слѣдующую формулу: „собраніе считаетъ врача купаленъ, доктора Томаса Штокмана, врагомъ народа“.

(Бурные „ура“ и крики одобренія. Многіе окружаютъ доктора и свистятъ ему въ лицо. Г-жа Штокманъ и Петра встаютъ. Мортенъ и Эйлифъ дерутся съ школьниками, которые также свистятъ. Нѣкоторые взрослые разнимаютъ ихъ).

Докторъ Штокманъ. (*свистящимъ*). Ахъ вы, дураки! Говорю вамъ, что—

Аслаксенъ (*звонитъ*). Слово не принадлежитъ больше доктору. Надо устроить настоящую баллотировку. И чтобы щадить личное чувство, я предлагаю сдѣлать ее письменною и безъименною. Есть у васъ чистая бумага, г. Биллингъ?

Билингъ. У меня есть голубая и бѣлая бумага.

Аслаксенъ (*спускается съ каѳедры*). Вотъ и хорошо, такимъ образомъ дѣло пойдетъ скорѣе. Разрѣжьте бумагу на кусочки.—Да, да, такъ! (*Обращаясь къ собранію*). Голубая бумага означаетъ нѣтъ, бѣлая—да. Я самъ буду обходить всѣхъ и собирать голоса.

(*Городской голова уходитъ изъ залы. Аслаксенъ и нѣсколько другихъ гражданъ обходятъ залу, собирая въ шляпы бумажки*).

Господинъ (*Гофстаду*). Послушайте, что это случилось съ докторомъ, чѣмъ объяснить его поведеніе?

Гофстадъ. Вы знаете, какимъ бѣшеннымъ онъ былъ всегда.

Другой господинъ (*Биллингу*). Послушайте, вѣдь вы бываете у нихъ въ домѣ, вы не замѣтили, чтобы онъ пилъ?

Биллингъ. Чортъ побери, право, не знаю, что и сказать! Пуншъ у него всегда на столѣ, когда кто-нибудь приходитъ.

Третій господинъ. Я скорѣе думаю, что онъ съ ума сошелъ.

Первый господинъ. Можетъ быть, у него въ семьѣ наслѣдственное умопомѣшательство.

Биллингъ. Весьма можетъ быть.

Четвертый господинъ. Нѣтъ, это просто на просто злоба, ничего больше: месть противъ того или другого.

Биллингъ. Онъ недавно просилъ объ увеличеніи жалованія, но его просьба не была уважена.

Всѣ господа *(въ одинъ голосъ)*. Ага! Тогда все понятно!

Пьяный человѣкъ *(въ толпѣ)*. Я хочу, чтобы мнѣ дали голубой билетъ. И бѣлый также!

Крикъ. Пьяница опять здѣсь! Вонъ его!

Мортенъ Кіиль *(приближаясь къ доктору)*. Ну, Штокманъ, вы видите теперь, къ чему приводятъ такого рода штуки.

Докторъ Штокманъ. Я исполнилъ свой долгъ.

Мортенъ Кіиль. Что же вы видѣли на кожевенныхъ заводахъ въ Моледанѣ?

Докторъ Штокманъ. Вы это слышали; я вамъ говорилъ, что оттуда исходятъ всѣ нечистоты.

Мортенъ Кіиль. Изъ моего завода также?

Докторъ Штокманъ. Къ несчастью, вашъ заводъ хуже всѣхъ.

Мортенъ Кіиль. И это вы напечатаете въ газетахъ?

Докторъ Штокманъ. Я ничего не оставлю подъ спудомъ.

Мортенъ Кіиль. Вы можете дорого заплатить за это, Штокманъ! *(Уходитъ)*.

Толстый господинъ *(подходитъ къ Горстеру, не кланяясь дамамъ)*. Ну, капитанъ, такъ вы предлагаете свой домъ врагамъ народа?

Горстеръ. Я думаю, что я могу распоряжаться, какъ угодно, моимъ имуществомъ, г. коммерсантъ.

Коммерсантъ. Въ такомъ случаѣ вы, конечно, ничего не имѣете противъ, если и я то же самое сдѣлаю съ моимъ.

Горстеръ. Что вы хотите сказать, г. коммерсантъ?

Коммерсантъ. Завтра вы услышите обо мнѣ. *(Уходитъ)*.

Петра. Не вашъ ли это хозяинъ, Горстеръ?

Горстеръ. Да, это коммерсантъ Викъ.

Аслаксенъ *(съ бумажками въ рукахъ, всходитъ на возвышеніе и звонитъ)*. Господа, я хочу сообщить вамъ результатъ баллотировки. Всѣми голосами противъ одного —

Молодой человѣкъ. Одинъ голосъ принадлежитъ пьяницѣ!

Аслаксенъ. Всѣми голосами противъ одного голоса пьяницы настоящее собраніе гражданъ объявило врача купаленъ, доктора Томаса Штокмана, врагомъ народа. *(Крики, апплодисменты)*. Да здравствуетъ наше старое, честное общество гражданъ! *(Новые апплодисменты)*. Да здраствуетъ нашъ дѣятельный, честный городской голова, который такъ благородно подавилъ въ себѣ голосъ крови! *(Ура!)*. Собраніе закрывается. *(Онъ спускается внизъ)*.

Биллингъ. Да здравствуетъ предсѣдатель!

Толпа. Да здравствуетъ типографъ Аслаксенъ!

Докторъ Штокманъ. Мою шляпу и пальто, Петра! Капитанъ, есть ли у васъ мѣсто для пассажировъ въ Новый Свѣтъ?

Горстеръ. Для васъ и для вашихъ всегда найдется мѣсто, г. докторъ.

Докторъ Штокманъ *(между тѣмъ, какъ Петра помогаетъ ему надѣть пальто)*. Хорошо. Пойдемъ, Катрина! Пойдемъ, дѣти! *(Беретъ свою жену подъ руку)*.

Г-жа Штокманъ. *(тихо)*. Томасъ, милый, пойдемъ лучше чернымъ ходомъ.

Докторъ Штокманъ. Никакихъ окольныхъ путей, Катрина! *(Повышая голосъ)*. Вы услышите еще о врагѣ народа прежде, чѣмъ онъ отряхнетъ прахъ отъ своихъ ногъ! Я не такъ добръ, какъ нѣкіе люди: я не говорю: прощаю вамъ, потому что вы не знаете сами, что творите!

Аслаксенъ *(кричитъ)*. Это возмутительное издѣвательство, докторъ Штокманъ!

Биллингъ. Это, чортъ побери—! Слышать такія вещи изъ устъ серьезнаго человѣка!

Грубый голосъ. И онъ еще смѣетъ угрожать!

Возмущенные голоса. Побьемъ его стекла! Бросьте его въ фіордъ!

Одинъ человѣкъ *(въ толпѣ)*. Трубите, Эвенсонъ! Трубите! Трубите!

(Звуки трубы, свистки и дикіе крики. Докторъ идетъ къ выходу со своею семьею. Горстеръ прокладываетъ имъ дорогу).

Вся толпа *(кричитъ вслѣдъ уходящимъ)*. Врагъ народа! Врагъ народа! Врагъ народа!

Биллингъ *(приводя въ порядокъ свои бумаги)*. Нѣтъ, чортъ меня побери, если я пойду сегодня пить пуншъ къ Штокманамъ!

(Публика бросается къ выходу. Шумъ распространяется за сценою: съ улицы доносятся крики: „Врагъ народа! Врагъ народа!“).

Дѣйствіе пятое.

(Рабочій кабинетъ доктора Штокмана. Вдоль стѣнъ книжныя полки и шкафы съ различнаго рода препаратами. Въ глубинѣ сцены выходъ въ переднюю; на авансценѣ слѣва дверь въ гостиную. На стѣнѣ направо два окна, въ которыхъ всѣ стекла выбиты. Посреди комнаты стоитъ письменный столъ доктора, покрытый бумагами и книгами. Комната въ безпорядкѣ. Утро).

(Докторъ Штокманъ, въ шлафрокѣ, въ туфляхъ и шапочкѣ на головѣ, стоитъ, наклонившись, и ищетъ что-то зонтомъ подъ однимъ изъ шкафовъ; наконецъ, онъ вытаскиваетъ камень).

Докторъ Штокманъ *(говоритъ черезъ открытую дверь въ гостиную)*. Катрина, я нашелъ еще одинъ камень!

Г-жа Штокманъ *(изъ гостиной)*. Ахъ, ты навѣрное найдешь еще цѣлую кучу.

Докторъ Штокманъ *(прибавляетъ этотъ камень къ цѣлой кучѣ другихъ)*. Я эти камни спрячу, какъ святыню. Эйлифъ и Мортенъ будутъ любоваться ими каждый день, а когда они выростутъ, то получатъ ихъ въ наслѣдство послѣ меня. *(Шаритъ подъ одной изъ книжныхъ полокъ)*. Ну, что она,—какъ ее тамъ называютъ?—Она, дѣвушка—еще не ходила за стекольщикомъ?

Г-жа Штокманъ Да, но онъ отвѣтилъ, что не знаетъ, можетъ ли прійти сегодня.

Докторъ Штокманъ. Вотъ увидишь. Онъ не посмѣетъ.

Г-жа Штокманъ. И Рандина думаетъ также, что онъ не посмѣетъ изъ-за сосѣдей. *(Говоритъ, повернувшись къ гостиной)*. Чего тебѣ надо, Рандина? А, вотъ что! *(Идетъ и немедленно возвращается)*. Вотъ письмо къ тебѣ, Томасъ!

Докторъ Штокманъ. Дай-ка сюда. *(Открываетъ и читаетъ)*. А, вотъ что!

Г-жа Штокманъ. Отъ кого это?

Докторъ Штокманъ. Отъ хозяина. Онъ отказываетъ намъ отъ квартиры.

Г-жа Штокманъ. Неужели это правда? Онъ, такой порядочный человѣкъ—

Докторъ Штокманъ *(глядя въ письмо)*. Онъ не смѣетъ иначе, говоритъ онъ. Ему это очень непріятно, но онъ не смѣетъ поступить иначе—изъ-за своихъ согражданъ,—принимая во вниманіе общественное мнѣніе, — онъ зависимый человѣкъ, боится навлечь на себя неудовольствіе нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ въ городѣ лицъ.

Г-жа Штокманъ. Вотъ видишь, Томасъ!

Докторъ Штокманъ. Да, да, вижу, вижу; они трусы, всѣ, живущіе здѣсь въ городѣ. Никто не смѣетъ поступать такъ, какъ ему хочется, всѣ принимаютъ во вниманіе мнѣніе другихъ. *(Бросаетъ письмо на столъ)*. Но для насъ это все равно, Катрина. Мы отправимся въ Новый Свѣтъ и тамъ—

Г-жа Штокманъ. Да, это рѣшено, Томасъ, что мы уѣзжаемъ отсюда?

Докторъ Штокманъ. Неужели ты думаешь, что я могу остаться здѣсь, послѣ того, какъ они пригвоздили меня къ позорному столбу, какъ врага народа, наложили на меня клеймо, разбили мои окна! А посмотри-ка сюда, Катрина, они сдѣлали дыру въ моихъ черныхъ брюкахъ.

Г-жа Штокманъ. Ахъ да, и это твои лучшіе брюки.

Докторъ Штокманъ. Никогда нельзя надѣвать лучшихъ своихъ брюкъ, когда выходишь бороться за свободу и истину. Да, конечно, ты понимаешь, что я ужъ не такъ много забочусь о своихъ брюкахъ, потому что ты всегда съумѣешь починить ихъ для меня. Но дѣло въ томъ, что толпа, чернь, осмѣлилась посягать на мою жизнь, какъ будто они равные мнѣ,—вотъ этого-то я никакъ не могу переварить, какъ бы ни старался.

Г-жа Штокманъ. Да, они были страшно грубы съ тобою, Томасъ, здѣсь въ городѣ; но неужели намъ нужно изъ-за этого уѣзжать совсѣмъ изъ страны?

Докторъ Штокманъ. Развѣ ты думаешь, что плебеи не такъ же наглы въ

другихъ городахъ, какъ здѣсь? Ахъ, они вездѣ одинаковы! Пустяки! Пусть бы себѣ собаки визжали, это еще наименьшее зло! Хуже всего то, что всѣ люди во всей странѣ рабы своихъ партій. И не въ этомъ еще суть, —такого рода положеніе дѣлъ существуетъ, быть можетъ, и на вольномъ западѣ. Тамъ также процвѣтаютъ сплоченное большинство, либеральное общественное мнѣніе и вся эта чертовщина. Но отношенія гораздо болѣе грандіозны, понимаешь? Они могутъ убить, но они не изводятъ медленною смертью, они не держатъ въ тискахъ живую душу своими мелочами, какъ здѣсь у насъ. И въ случаѣ нужды можно держаться и внѣ всего. *(Начинаетъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ).* Если бы я только зналъ, гдѣ можно купить за дешевую цѣну какой-нибудь дѣвственный лѣсъ, или какой-нибудь островокъ въ южныхъ моряхъ—

Г-жа Штокманъ. Подумай о мальчикахъ, Томасъ!

Докторъ Штокманъ(*останавливается*). Какая ты, право, странная, Катрина! Неужели ты предпочитаешь, чтобы мальчики выросли въ такомъ обществѣ, какъ наше? Ты сама видѣла вчера вечеромъ, что половина населенія сошла съ ума, и если и вторая половина не потеряла разсудокъ, то только потому, что имъ, къ сожалѣнію, нечего было терять.

Г-жа Штокманъ. Право, дорогой Томасъ, ты бываешь такъ неосторожень въ своихъ словахъ.

Докторъ Штокманъ. Ну! Развѣ неправда, что я сказалъ, развѣ они не переворачиваютъ вверхъ дномъ всѣ понятія, развѣ они не перепутываютъ въ одно ложь и правду? Развѣ они не называютъ ложью то, что, какъ мнѣ извѣстно, истина? Но что безумнѣе всего, это, что взрослые либеральные люди разсхаживаютъ среди толпы и воображаютъ и внушаютъ себѣ и другимъ, что они-то и есть настоящіе либералы! Послушала бы ты ихъ, Катрина!

Г-жа Штокманъ. Да, да, конечно, все это нелѣпо, но—

(*Петра входитъ изъ гостиной*).

Г-жа Штокманъ. Ты уже вернулась изъ школы?

Петра. Да, мнѣ отказали.

Г-жа Штокманъ. Отказали!

Докторъ Штокманъ. И тебѣ также?

Петра. Г-жа Бускъ мнѣ отказала, и я рѣшила, что мнѣ лучше всего сейчасъ уйти.

Докторъ Штокманъ. Отлично сдѣлала, клянусь Богомъ!

Г-жа Штокманъ. Кто могъ бы думать, что г-жа Бускъ окажется такою дурною женщиною!

Петра. Ахъ, мама! г-жа Бускъ вовсе ужъ не такая злая; я ясно видѣла, какъ ей это больно. Но она не смѣла поступать иначе, говорила она, и поэтому мнѣ было отказано.

Докторъ Штокманъ (*смѣется, потирая руки*). Она не смѣла поступать иначе, и она также! Ахъ, это, право, восхитительно!

Г-жа Штокманъ. Послѣ вчерашнихъ ужасныхъ событій еще и сегодняшнее!

Петра. Но это не одно. Ты еще кое-что услышишь, папа!

Докторъ Штокманъ. Ну, что же?

Петра. Г-жа Бускъ показала мнѣ не меньше трехъ писемъ, которыя она получила вчера утромъ—

Докторъ Штокманъ. Конечно безъименныхъ?

Петра. Да.

Докторъ Штокманъ. Да, конечно. Потому что подписаться они не посмѣли.

Петра. И въ нихъ было сказано, что одинъ господинъ, часто бывающій у насъ въ домѣ, разсказывалъ сегодня ночью въ клубѣ, что я придерживаюсь такихъ свободныхъ взглядовъ относительно разнаго рода вещей—

Докторъ Штокманъ. И ты, конечно, не отрицала этого?

Петра. Ну, конечно, въ этомъ ты не можешь сомнѣваться. Г-жа Бускъ сама придерживается довольно свободныхъ взглядовъ, когда мы сидимъ съ нею глазъ на глазъ, но когда вопросъ зашелъ обо мнѣ, она не рѣшилась удерживать меня у себя.

Г-жа Штокманъ. И подумайте, это говорилъ тотъ, который бываетъ у насъ въ домѣ! Вотъ видишь, что ты получилъ за свое гостепріимство, Томасъ!

Докторъ Штокманъ. Этой глупости мы не будемъ больше повторять. Поскорѣе укладывайся, Катрина; чѣмъ скорѣе мы уѣдемъ отсюда, тѣмъ лучше.

Г-жа Штокманъ. Тише! Мнѣ кажется, кто-то вошелъ въ переднюю. Пойди посмотри, Петра!

Петра (*отворяя дверь*). Ахъ, это вы, капитанъ Горстеръ? Сдѣлайте одолженіе, войдите!

Капитанъ Горстеръ (*изъ передней*). Здравствуйте! Я зашелъ узнать, какъ ваши дѣла.

Докторъ Штокманъ (*пожимая ему руки*). Благодарю, это очень любезно съ вашей стороны.

Г-жа Штокманъ. И благодарю за оказанную намъ помощь, капитанъ Горстеръ!

Петра. Но какъ же вы потомъ добрались до дому?

Горстеръ. Ну, кое-какъ удалось; я человѣкъ довольно сильный, а народъ вообще больше любитъ пускать въ ходъ языкъ, чѣмъ руки.

Докторъ Штокманъ. Да, развѣ неудивительно, до какой степени они трусливы и подлы, совершенныя свиньи! Идите сюда, я вамъ что-то покажу! Вотъ здѣсь собраны всѣ камни, которые они бросали намъ въ окно. Посмотрите-ка на нихъ! Во всей кучѣ съ трудомъ можно найти два настоящіе порядочные камня, все остальное мелкіе камешки. А между тѣмъ они стояли тамъ вокругъ и кричали, и клялись, что хотятъ меня убить; но когда пришлось дѣйствовать, дѣйствовать настоящимъ образомъ — нѣтъ, мало настоящихъ людей здѣсь въ городѣ!

Горстеръ. Ну чтожъ, на этотъ разъ вамъ это послужило на пользу, г. докторъ!

Докторъ Штокманъ. Конечно, да, но все же нельзя безъ раздраженія относиться къ этому, потому что, когда дѣло дойдетъ когда-нибудь до серьезной схватки, общественное мнѣніе побѣжитъ во всѣ лопатки, а сплоченное большинство разсѣется въ прахъ, точно мыльный пузырь, капитанъ Горстеръ. Вотъ именно объ этомъ и печально думать; мнѣ такъ больно при этой мысли. — Нѣтъ, чортъ побери, — въ сущности, все это глупости, больше ничего. Разъ они сказали, что я врагъ народа, то пусть я и буду врагомъ народа!

Г-жа Штокманъ. Ты никогда не будешь имъ, Томасъ.

Докторъ Штокманъ. Поклясться въ этомъ нельзя, Катрина. Злое слово дѣйствуетъ иногда, точно булавочный уколъ въ легкія. А это проклятое слово — я никакъ не могу отъ него отдѣлаться! Оно глубоко залегло мнѣ въ сердцѣ; оно лежитъ тамъ и разъѣдаетъ и сосетъ, точно какая нибудь кислота. И никакая магнезія не можетъ изгнать его.

Петра. Глупости, папа, ты долженъ былъ только смѣяться надъ этимъ.

Горстеръ. Наши горожане будутъ скоро думать совершенно иначе, г. докторъ.

Г-жа Штокманъ. Да, Томасъ, въ этомъ ты можешь быть увѣренъ.

Докторъ Штокманъ. Да, но тогда, можетъ быть, будетъ слишкомъ поздно. Ну, и пусть себѣ выпутываются, какъ знаютъ! Пусть себѣ сидятъ въ своемъ свинствѣ и раскаиваются, что заставили патріота бѣжать изъ родной страны! Когда вы выѣзжаете, капитанъ Горстеръ?

Горстеръ. Гмъ,—объ этомъ то собственно я и пришелъ переговорить съ вами.

Докторъ Штокманъ. Ну, развѣ случилось что-нибудь дурное съ пароходомъ?

Горстеръ. Нѣтъ, но дѣло въ томъ, что я на этомъ пароходѣ не ѣду.

Петра. Неужели и вамъ отказали?

Горстеръ (*улыбаясь*). Да, отказали.

Петра. И вамъ также!

Г-жа Штокманъ. Вотъ видишь, Томасъ!

Докторъ Штокманъ. И все это за правду. Ахъ, если бы только я могъ вообразить себѣ что-нибудь подобное—

Горстеръ. Только, пожалуйста, не безпокойтесь обо мнѣ. Я скоро найду себѣ мѣсто у какого нибудь другого иногороднаго хозяина.

Докторъ Штокманъ. А этотъ коммерсантъ Викъ, человѣкъ, такой богатый, независимый отъ всѣхъ и вся —! Тьфу, чортъ бы его побралъ!

Горстеръ. Вообще онъ хорошій человѣкъ, честный, справедливый; онъ сказалъ, что охотно удержалъ бы меня у себя, если бы только смѣлъ—

Докторъ Штокманъ. И онъ не посмѣлъ? Нѣтъ, я, право, этого не понимаю.

Горстеръ. Онъ сказалъ, что не такъ то легко, разъ принадлежишь какой-нибудь партіи—

Докторъ Штокманъ. Вотъ справедливое слово, сказанное честнымъ человѣкомъ! Партія, это точно ступа, которая толчетъ въ одно всѣ зерна, образуя изъ нихъ одну кашу, причемъ для нея все равно, какія это будутъ зерна.

Г-жа Штокманъ. Томасъ, не горячись!

Петра. Если бы вы не провожали насъ домой, этого, быть можетъ, не случилось бы.

Горстеръ. Я въ этомъ не раскаиваюсь.

Петра (*подавая ему руку*). Благодарю.

Горстеръ (*доктору*). Если вы окончательно рѣшились уѣхать, я посовѣтывалъ бы вамъ—

Докторъ Штокманъ. И отлично, лишь бы намъ отсюда выбраться.

Г-жа Штокманъ. Тише! Не стучитъ ли кто въ дверь?

Петра. Это, навѣрное, дядя.

Докторъ Штокманъ. Ага! (*Кричитъ*). Войдите!

Г-жа Штокманъ. Дорогой Томасъ, обѣщай же мнѣ по крайней мѣрѣ—

(*Городской голова Штокманъ входитъ изъ передней*).

Городской голова (*въ дверяхъ*). Ахъ, ты занятъ? Такъ я лучше въ другой разъ—

Докторъ Штокманъ. Нѣтъ, нѣтъ, входи, пожалуйста.

Городской голова. Но мнѣ хотѣлось переговорить съ тобою глазъ на глазъ.

Г-жа Штокманъ. Мы покамѣстъ перейдемъ въ гостиную.

Горстеръ. А я зайду въ другой разъ.

Докторъ Штокманъ. Нѣтъ, идите пока въ гостиную, мнѣ нужно хорошенько переговорить съ вами—

Горстеръ. Да, да, такъ я подожду.

(*Онъ слѣдуетъ за г-жею Штокманъ и Петрою въ гостиную*).

Городской голова (*не говоритъ ничего, но смотритъ на окна*).

Докторъ Штокманъ. Ты, можетъ быть, находишь, что здѣсь прохладно сегодня? Надѣнь шляпу.

Городской голова. Благодарю за разрѣшеніе. (*Надѣваетъ шляпу*). Мнѣ кажется, я вчера простудился, я стоялъ и дрожалъ отъ холода.

Докторъ Штокманъ. Да? А мнѣ казалось, тамъ было достаточно жарко.

Городской голова. Отъ души сожалѣю, что не въ моей власти было помѣшать этимъ ночнымъ скандаламъ.

Докторъ Штокманъ. У тебя есть еще что-нибудь сообщить мнѣ?

Городской голова (*вынимая большой пакетъ*). Я долженъ передать тебѣ этотъ документъ отъ правленія купаленъ.

Докторъ Штокманъ. Мнѣ отказали отъ должности?

Городской голова. Съ сегодняшняго дня. (*Кладетъ письмо на столъ*). Намъ это очень больно, но—правду говоря, —мы не смѣли поступить иначе изъ за общественнаго мнѣнія.

Докторъ Штокманъ (*улыбаясь*). Не смѣли? Этого слова я еще никогда не слышалъ отъ тебя до сегодняшняго дня.

Городской голова. Я хотѣлъ бы, чтобы ты хорошенько выяснилъ себѣ свое положеніе. Ты не можешь въ будущемъ разсчитывать ни на какую практику здѣсь въ городѣ.

Докторъ Штокманъ. Къ чорту практику! Но почему ты въ этомъ такъ увѣренъ?

Городской голова. Общество домовладѣльцевъ составило сегодня возваніе, которое переносится изъ дома въ домъ, по данному списку. Отъ всѣхъ благомыслящихъ гражданъ требуютъ, чтобы они не обращались за твоими услугами. И я увѣренъ, что ни одинъ отецъ семейства не откажетъ въ своей подписи. Никто не посмѣетъ, вотъ и все.

Докторъ Штокманъ. Никто, никто, я въ этомъ также не сомнѣваюсь. Но что же дальше?

Городской голова. Если бы ты позволилъ мнѣ дать тебѣ совѣтъ, я бы сказалъ, что ты долженъ удалиться на время изъ города.

Докторъ Штокманъ. Да, и мнѣ пришла въ голову мысль удалиться отсюда.

Городской голова. И когда ты поразмыслишь въ теченіе полугода и послѣ зрѣлаго обсужденія прійдешь къ рѣшенію въ нѣсколькихъ ясныхъ словахъ признать свое заблужденіе—

Докторъ Штокманъ. Тогда я могу надѣяться получить обратно свое мѣсто, да? Ты это не хочешь сказать?

Городской голова. Можетъ быть. Во всякомъ случаѣ, это невозможно.

Докторъ Штокманъ. Да. Но что скажетъ тогда общественное мнѣніе? Вы, вѣдь, не смѣете поступать, какъ желаете, изъ за общественнаго мнѣнія?

Городской голова. Общественное мнѣніе бываетъ чрезвычайно измѣнчиво. И, говоря правду, намъ въ высшей степени важно получить отъ тебя такого рода заявленіе.

Докторъ Штокманъ. Да, понятно, въ этомъ я не сомнѣваюсь. Но ты, надѣюсь, помнишь, чортъ поберп, что я тебѣ еще вчера говорилъ о всѣхъ этихъ ухищреніяхъ?

Городской голова. Но тогда твое положеніе было совершенно иное, гораздо болѣе благопріятное; тогда ты былъ увѣренъ, что весь городъ станетъ на твоей сторонѣ.

Докторъ Штокманъ. Да, а теперь я долженъ чувствовать, что весь городъ противъ меня.—(*Разражается гнѣвомъ*).

Но все равно, хотя бы самъ чортъ съ помеломъ сѣлъ мнѣ на шею, никогда, говорю я тебѣ, никогда.

Городской голова. Отецъ семейства не смѣетъ поступать такъ, какъ поступаешь ты. Ты не смѣешь этого дѣлать, Томасъ.

Докторъ Штокманъ. Я не смѣю? Есть одна единственная вещь, которую свободный человѣкъ не смѣетъ дѣлать,— и ты знаешь, что это такое?

Городской голова. Нѣтъ.

Докторъ Штокманъ. Понятно. Но я скажу тебѣ это: свободный человѣкъ не смѣетъ поступать по свински; онъ не смѣетъ поступать такъ, чтобы быть вынужденнымъ плевать самому себѣ въ лицо!

Городской голова. Все это звучитъ весьма вѣроятно, если-бы не было другого объясненія для твоего упрямства; но я тебѣ скажу—

Докторъ Штокманъ. Что ты хочешь этимъ сказать?

Городской голова. Ты это отлично понимаешь. Но какъ братъ и какъ благоразумный человѣкъ, я тебѣ совѣтую не полагаться слишкомъ смѣло на надежды и планы, которые, быть можетъ, скоро окажутся обманчивыми.

Докторъ Штокманъ. Но что значатъ всѣ твои слова?

Городской голова. Неужели ты дѣйствительно хочешь убѣдить меня, что не знаешь содержанія завѣщанія, составленнаго кожевникомъ Кіплемъ?

Докторъ Штокманъ. Я знаю, что тѣ небольшія крохи, которыя онъ имѣетъ, должны быть употреблены на устройство пріюта для старыхъ нуждающихся ремесленниковъ. Но какое мнѣ до этого дѣло?

Городской голова. Во первыхъ, вопросъ идетъ вовсе не о крохахъ. Кожевникъ Кіиль довольно состоятельный человѣкъ.

Докторъ Штокманъ. Я объ этомъ не имѣлъ никогда ни малѣйшаго понятія—

Городской голова. Гмъ! Въ самомъ дѣлѣ? Ты, значитъ, не имѣешь ни малѣйшаго понятія, что не малая часть его состоянія должна перейти къ твоимъ дѣтямъ, но такъ, что ты и твоя жена должны пользоваться рентами пожизненно. Развѣ онъ тебѣ этого не говорилъ?

Докторъ Штокманъ. Конечно, ни слова не говорилъ. Напротивъ, онъ постоянно металъ громы и молніи на слишкомъ высокое обложеніе. Но развѣ ты въ этомъ такъ увѣренъ, Петеръ?

Городской голова. Я получилъ эти свѣдѣнія изъ вполнѣ достовѣрнаго источника.

Докторъ Штокманъ. Ахъ, Господи Боже, значитъ, Катрина вполнѣ обезпечена и дѣти также? Это нужно скорѣе разсказать. (*Кричитъ*). Катрина! Катрина!

Городской голова (*удерживаетъ его*). Тише, не говори еще ни слова!

Г-жа Штокманъ. Что случилось?

Докторъ Штокманъ. Ничего, иди опять къ себѣ.

Г-жа Штокманъ (*закрываетъ дверь*).

Докторъ Штокманъ (*начинаетъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ*). Обезпечены! Представь себѣ, они всѣ обезпечены! И это на всю жизнь! Какое пріятное чувство испытываешь, сознавая себя обезпеченнымъ!

Городской голова. Но этого именно ты и не можешь сказать. Кіиль властенъ во всякое время уничтожить свое завѣщаніе.

Докторъ Штокманъ. Но этого онъ никогда не сдѣлаетъ, мой добрый Петеръ. Кіиль слишкомъ радуется моему нападенію на тебя и на твоихъ благомыслящихъ пріятелей.

Городской голова (*останавливается и смотритъ проницательно на него*). А! Это бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на многое!

Докторъ Штокманъ. На какое многое?

Городской голова. Значитъ, все это было заранѣе задуманнымъ маневромъ, Всѣ эти рѣзкія, безпощадныя нападки, которыя ты во имя правды—позволялъ себѣ относительно наиболѣе выдающихся людей города—

Докторъ Штокманъ. Ну что же, что же они?

Городской голова. Это все было не болѣе, какъ вознагражденіе за завѣщаніе стараго мстительнаго Мортена Кіпля.

Докторъ Штокманъ (*почти не въ силахъ говорить*). Петеръ—ты самый возмутительный плебей, какого мнѣ приходилось видѣть въ жизни!

Городской голова. Между нами все кончено. Твоя отставка безвозвратна, потому что у насъ есть теперь оружіе противъ тебя. (*Уходитъ*).

Докторъ Штокманъ. Тьфу, тьфу, тьфу! (*Кричитъ*). Катрина, надо вымыть полъ послѣ него! Пусть она прійдетъ сю-

да съ щеткою,—она—она, кой чортъ!—Она, та, что всегда ходитъ съ грязью на носу.—

Г-жа Штокманъ (*въ гостиной*). Тише, тише, Томасъ, не кричи такъ громко!

Петра (*также въ дверяхъ*). Папа, дѣдушка пришелъ и спрашиваетъ, можетъ ли онъ переговорить съ тобою наединѣ?

Докторъ Штокманъ. Да, конечно. (*Подходитъ къ двери*). Идите сюда, тестюшка.

(*Мортенъ Кіиль входитъ. Докторъ закрываетъ за нимъ дверь*).

Докторъ Штокманъ. Ну, въ чемъ дѣло? Садитесь, пожалуйста.

Мортенъ Кіиль. Не зачѣмъ. (*Оглядывается*). Нечего сказать, красиво у васъ сегодня, Штокманъ!

Докторъ Штокманъ. Да, не правда ли?

Мортенъ Кіиль. Красиво, нечего сказать! И свѣжаго воздуха у васъ также достаточно! Вы не терпите теперь недостатка въ кислородѣ, о которомъ вы такъ много говорили вчера. Вамъ о многомъ пришлось передумать сегодня, и совѣсть у васъ должна быть довольно чиста, не правда ли?

Докторъ Штокманъ. Да, конечно.

Мортенъ Кіиль. Могу себѣ представить! (*Ударяя себя по груди*). Но знаете ли, что скрывается здѣсь у меня?

Докторъ Штокманъ. Надѣюсь, что и у васъ тамъ скрывается также чистая совѣсть?

Мортенъ Кіиль. Пустяки! Нѣтъ, тутъ скрывается нѣчто получше. (*Вынимаетъ толстый портфель, раскрываетъ его и показываетъ цѣлую кучу бумагъ*).

Докторъ Штокманъ (*глядитъ на него съ удивленіемъ*). Акціи купальни!

Мортенъ Кіиль. Ихъ было не трудно скупить сегодня.

Докторъ Штокманъ. Такъ вы ходили и покупали ихъ?

Мортенъ Кіиль. Я ихъ накупилъ на всѣ деньги, которыя у меня имѣлись.

Докторъ Штокманъ. Но, дорогой тесть, при томъ ужасномъ положеніи, въ какомъ находятся въ настоящее время купальни—

Мортенъ Кіиль. Если вы будете вести себя, какъ благоразумный человѣкъ, вамъ опять удастся поставить купальни на ноги.

Докторъ Штокманъ. Да, вы сами видите, что я дѣлаю все, что возможно, но—народъ здѣсь просто одурѣлъ.

Мортенъ Кіиль. Вы говорили вчера, что наибольшая грязь выходитъ изъ моего кожевеннаго завода. Но, если это правда, то, значитъ, и мой дѣдушка, и мой отецъ до меня, и я, мы всѣ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ наполняли нечистотами городъ, заражали его, точно три ангела душегубца. Неужели вы думаете, что я допущу такой позоръ на своемъ имени?

Докторъ Штокманъ. Къ несчастью, вамъ прійдется съ этимъ примириться.

Мортенъ Кіиль. Нѣтъ, извините, я слишкомъ дорожу своимъ добрымъ именемъ и своею репутаціею. Народъ зоветъ меня барсукомъ, какъ я слышалъ. Барсукъ, это нѣчто въ родѣ свиньи; но я никогда не позволю имъ думать, что они правы. Я хочу жить и умереть чистымъ человѣкомъ.

Докторъ Штокманъ. А какъ же вы устроите это?

Мортенъ Кіиль. Вы должны очистить меня, Штокманъ!

Докторъ Штокманъ. Я!

Мортенъ Кіиль. Вы знаете, на какія деньги я скупилъ всѣ эти акціи? Нѣтъ, вы этого не можете знать, но теперь я вамъ скажу. Это тѣ деньги, которыя Катрина, Петра и внуки должны получить послѣ меня. Да, потому что, видите-ли, я кое-что отложилъ въ сторону.

Докторъ Штокманъ (*вспыливъ*). И вы идете и тратите Катринины деньги на такого рода вещи?

Мортенъ Кіиль. Да, всѣ деньги уложены въ купальни. А теперь посмотримъ, въ самомъ ли дѣлѣ вы такой сумасшедшій, какимъ кажетесь, Штокманъ. Утверждая, что бациллы и всякаго рода гадость выходятъ изъ моего кожевеннаго завода, вы все равно, что сдираете кожу съ Катрины, Петры и моихъ внуковъ; но этого не сдѣлаетъ ни одинъ почтенный отецъ семейства, если онъ окончательно не спятилъ съ ума!

Докторъ Штокманъ (*ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ*). Да, но я вѣдь спятилъ съ ума, я сумасшедшій человѣкъ.

Мортенъ Кіиль. Но такимъ бѣшеннымъ безумцемъ вы не можете быть, когда дѣло идетъ о женѣ и дѣтяхъ!

Докторъ Штокманъ (*останавливается передъ нимъ*). Почему вы не пришли и не переговорили со мною, пре-

жде, чѣмъ идти покупать весь этотъ ворохъ ни къ чему не годныхъ бумагъ?

Мортенъ Кіиль. Что сдѣлано, того ужъ не воротишь.

Докторъ Штокманъ (*съ тревогою ходитъ взадъ и впередъ*). Если бъ я не былъ такъ увѣренъ въ своемъ дѣлѣ—! Но я такъ глубоко убѣжденъ, что я правъ!

Мортенъ Кіиль (*машетъ портфелемъ*). Если вы не прекратите своихъ сумасбродствъ, то всѣ эти бумаги не будутъ стоить и гроша. (*Кладетъ портфель въ карманъ*).

Докторъ Штокманъ. Но, чортъ побери, должна же наука найти какое-нибудь предохранительное средство—

Мортенъ Кіиль. Т. е. вы хотите сказать для того, чтобы убить всѣхъ этихъ животныхъ?

Докторъ Штокманъ. Да, или сдѣлать ихъ безвредными.

Мортенъ Кіиль. Не испробовать ли вамъ какой-нибудь отравы для крысъ?

Докторъ Штокманъ. Ахъ, пустяки вы говорите!—Но всѣ говорятъ, что это плодъ моего воображенія. Можетъ быть, это въ самомъ дѣлѣ воображеніе. Ну и пусть! На здоровье имъ! Развѣ эта невѣжественная, безсердечная толпа не назвала меня врагомъ народа, развѣ она не готова была растерзать меня на куски?

Мортенъ Кіиль. А вспомните всѣ тѣ стекла, которыя они у васъ перебили.

Докторъ Штокманъ. Да, а потомъ эти обязанности относительно семьи! Надо переговорить объ этомъ съ Катриною; она такой знатокъ во всѣхъ этихъ вещахъ.

Мортенъ Кіиль. Вотъ и прекрасно! Выслушайте совѣтъ благоразумной жены.

Докторъ Штокманъ (*оборачиваясь къ Кіилю*). И какъ вы могли поступить такимъ безобразнымъ образомъ! Рисковать деньгами Катрины, поставить меня въ такое ужасное, мучительное положеніе! Когда я вижу васъ, мнѣ кажется, что я вижу самого чорта—!

Мортенъ Кіиль. Такъ я лучше уйду, но черезъ два часа опять заверну къ вамъ. Да или нѣтъ. Если нѣтъ, то акціи будутъ завѣщаны на благотворительныя учрежденія и это сегодня же.

Докторъ Штокманъ. А что же получитъ Катрина?

Мортенъ Кіиль. Не получитъ и гроша.

(*Дверь въ переднюю открывается; редакторъ Гофстадъ и типографъ Аслаксенъ показываются въ дверяхъ*).

Мортенъ Кіиль. Скажите, пожалуйста, и эти два здѣсь?

Докторъ Штокманъ (*съ удивленіемъ смотритъ на нихъ*). Что это значитъ? Какъ вы осмѣлились прійти ко мнѣ въ домъ?

Гофстадъ. Какъ видите, мы осмѣлились.

Аслаксенъ. Намъ нужно кое о чемъ съ вами переговорить.

Мортенъ Кіиль (*шепчетъ*). Да или нѣтъ, черезъ два часа.

Аслаксенъ (*бросая взглядъ на Гофстада*). Ага!

(*Мортенъ Кіиль уходитъ*).

Докторъ Штокманъ. Ну, что же вы мнѣ хотите сказать? Говорите покороче.

Гофстадъ. Я отлично понимаю, что вы разсердились за наше поведеніе во время вчерашняго засѣданія.

Докторъ Штокманъ. И вы называете это поведеніемъ? Да, нечего сказать, хорошее поведеніе. А я это называю недостаткомъ поведенія! Вы вели себя, какъ старыя бабы! Тьфу на васъ!

Гофстадъ. Называйте это, какъ хотите, но мы *не могли* поступить иначе.

Докторъ Штокманъ. Т. е., вы не *смѣли* поступить иначе—въ этомъ суть.

Гофстадъ. Да, если хотите.

Аслаксенъ. Но почему вы ни слова не сказали намъ передъ этимъ, не предупредили насъ? Не сдѣлали ни одного намека ни мнѣ, ни г. Гофстаду?

Докторъ Штокманъ. Намека, о чемъ?

Аслаксенъ. О томъ, что скрывалось за всѣмъ этимъ.

Докторъ Штокманъ. Я совершенно не понимаю, что вы хотите сказать.

Аслаксенъ (*таинственно кивая ему головою*). Неправда, докторъ Штокманъ, вы насъ отлично понимаете.

Гофстадъ. Теперь этого скрывать больше не зачѣмъ.

Докторъ Штокманъ (*смотря попеременно то на одного, то на другого*). Да, но чортъ бы васъ побралъ—!

Аслаксенъ. Смѣю васъ спросить, развѣ вашъ тесть не ходитъ по городу и не скупаетъ всѣ акціи купаленъ?

Докторъ Штокманъ. Да, дѣйствительно онъ скупалъ сегодня акціи купаленъ, но—?

Аслаксенъ. Было бы благоразумнѣе, если бы вы поручили это кому либо другому,—человѣку, который не находился бы съ вами въ такихъ близкихъ родственныхъ отношеніяхъ.

Гофстадъ. И потомъ вы не должны были выступать подъ своимъ собственнымъ именемъ. Никто не долженъ былъ знать, что нападеніе на купальни исходитъ отъ васъ. Вы должны были сначала посовѣтоваться со мною, докторъ Штокманъ.

Докторъ Штокманъ (*смотритъ въ раздумьи передъ собою; внезапная мысль озаряетъ его, и онъ говоритъ, какъ бы пробуждаясь отъ сна*). Неужели это мыслимо? Неужели такія дѣла дѣлаются?

Аслаксенъ (*улыбается*). Очевидно, что такія дѣла дѣлаются. Но ихъ нужно обдѣлывать тонко, понимаете?

Гофстадъ. И лучше всего, когда въ нихъ участвуютъ нѣсколько лицъ, потому что отвѣтственность отдѣльнаго лица всегда бываетъ меньше, если у него есть соучастники.

Докторъ Штокманъ (*овладѣвъ собою*). Одномъ словомъ, господа, чего вы хотите отъ меня?

Аслаксенъ. Это лучше всего объяснитъ вамъ г. Гофстадъ.

Гофстадъ. Нѣтъ, говорите лучше вы, Аслаксенъ.

Аслаксенъ. Дѣло въ томъ, что теперь, когда мы знаемъ въ чемъ суть, мы рѣшаемся предоставить въ ваше распоряженіе „Народный Вѣстникъ“.

Докторъ Штокманъ. Теперь вы рѣшаетесь. А общественное мнѣніе? Развѣ вы не боитесь, что оно возстанетъ противъ васъ и подыметъ цѣлую бурю?

Гофстадъ. Мы съумѣемъ справиться съ бурею.

Аслаксенъ. Но вы, докторъ, должны быть очень осторожны при поворотѣ фронта. Какъ только ваше нападеніе достигнетъ цѣли.

Докторъ Штокманъ. Т. е. какъ только я и мой тесть скупимъ всѣ акціи по достаточно дешевымъ цѣнамъ, вы это хотите сказать?

Гофстадъ. Конечно, главнымъ образомъ, научныя причины побуждаютъ васъ взять въ свои руки управленіе купальнями.

Докторъ Штокманъ. Понятно, научныя причины побудили мена заставить стараго барсука продѣлывать все это. И затѣмъ мы немножко подправимъ водопроводы и подчистимъ чуточку берегъ, такъ, чтобы это не стоило городской кассѣ и полукроны. Тогда дѣло пойдетъ на ладъ? Да, не правда ли?

Гофстадъ. Я думаю, въ особенности, если на вашей сторонѣ будетъ „Народный Вѣстникъ“.

Аслаксенъ. Въ свободномъ обществѣ пресса—сила, г. докторъ.

Докторъ Штокманъ. Да, конечно, и общественное мнѣніе также сила; а вы, г. Аслаксенъ, вы постараетесь взять на свою отвѣтственность „общество домовладѣльцевъ“.

Аслаксенъ. И общество домовладѣльцевъ, и общество трезвости. Будьте спокойны на этотъ счетъ.

Докторъ Штокманъ. Но, господа, право, я стыжусь, задавая вамъ этотъ вопросъ, но что вы потребуете въ вознагражденіе—?

Гофстадъ. Намъ, конечно, пріятнѣе всего было бы помогать вамъ безвозмездно, вы это понимаете. Но „Народный Вѣстникъ“ не стоитъ еще твердо на ногахъ; дѣла его находятся далеко не въ блестящемъ положеніи; закрывать газету какъ разъ теперь, когда можно принести столько пользы въ важныхъ политическихъ вопросахъ, мнѣ было бы очень непріятно.

Докторъ Штокманъ. Понятно, это было бы крайне непріятно для такого друга народа, какъ вы. (*Разражается гнѣвомъ*). Но вѣдь я врагъ народа, я! (*Бѣгаетъ по комнатѣ*). Но гдѣ я дѣлъ палку, чортъ побери, куда я положилъ палку?

Гофстадъ. Что это значитъ?

Аслаксенъ. Вы, надѣюсь, не хотите—

Докторъ Штокманъ. А если я вамъ не дамъ ни копейки изъ всѣхъ моихъ акцій? Вы не должны забывать, что мы, богатые люди, цѣнимъ каждый грошъ.

Гофстадъ. Но вы также не должны забывать, что дѣло съ акціями можно представить въ двоякомъ видѣ.

Докторъ Штокманъ. О да, вы какъ разъ подходящій для этого человѣкъ! Если я не прійду на помощь „Народному Вѣстнику“, все это дѣло представится вамъ въ мрачномъ свѣтѣ; вы тогда устроите настоящую охоту на меня,—могу себѣ представить,—будете гоняться за мною, какъ за дичью,—постараетесь задушить меня, какъ собака душитъ зайца.

Гофстадъ. Это законъ природы; каждый звѣрь ищетъ, что поѣсть.

Аслаксенъ. И надо брать пищу тамъ, гдѣ ее находишь, понимаете?

Докторъ Штокманъ. Такъ вы можете найти себѣ кое-что подходящее на дворѣ въ сточныхъ трубахъ. (*Ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ*). Потому что мы теперь увидимъ, чортъ побери, кто самый сильный изъ насъ троихъ! (*Находитъ дождевой зонтъ и размахиваетъ имъ*). Да, вотъ постойте—!

Гофстадъ. Вы, надѣюсь, не рѣшитесь драться съ нами!

Аслаксенъ. Будьте поосторожнѣе съ зонтомъ!

Докторъ Штокманъ. Убирайтесь вонъ черезъ окно, г. Гофстадъ!

Гофстадъ (*въ дверяхъ передней*). Вы совершенно сумасшедшій!

Докторъ Штокманъ. Вонъ черезъ окно, г. Аслаксенъ! Прыгайте, говорю я вамъ! Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Аслаксенъ (*бѣгая вокругъ письменнаго стола*). Умѣренность прежде всего, г. докторъ! Я слабый, больной человѣкъ! Я не въ силахъ такъ много выносить—(*Кричитъ*). На помощь, на помощь!

(*Г-жа Штокманъ, Петра и Горстеръ входятъ изъ гостиной*).

Г-жа Штокманъ. Но, Господи Боже, Томасъ, что здѣсь случилось?

Докторъ Штокманъ (*размахивая зонтомъ*). Прыгайте, говорю я вамъ, внизъ въ сточную трубу!

Гофстадъ. Нападеніе не безвинныхъ, безащитныхъ людей. Призываю васъ въ свидѣтели, капитанъ Горстеръ. (*Убѣгаетъ черезъ переднюю*).

Аслаксенъ (*не знаетъ что дѣлать*). Плохо тому, кто не знаетъ мѣстныхъ условій.—(*Ускользаетъ черезъ гостиную*).

Г-жа Штокманъ (*удерживая доктора*). Но сдержи же, наконецъ, себя, Томасъ!

Докторъ Штокманъ (*бросая зонтъ*). Ну ихъ къ чорту! Удрали!

Г-жа Штокманъ. Чего ты отъ нихъ хотѣлъ?

Докторъ Штокманъ. Потомъ узнаешь, теперь есть другія вещи, о которыхъ я долженъ подумать. (*Подходитъ къ столу и пишетъ на визитной карточкѣ*). Посмотри сюда, Катрина, что здѣсь написано?

Г-жа Штокманъ. Три большихъ *нѣтъ*; что это значитъ?

Докторъ Штокманъ. Это ты тоже узнаешь потомъ. (*Протягивая карточку*). Вотъ, Петра; пусть грязнуха побѣжитъ возможно скорѣе къ барсуку. Ну, скорѣй!

(*Петра уходитъ съ карточкою черезъ переднюю*).

Докторъ Штокманъ. Да, право, если меня сегодня не посѣтили всѣ послы чорта, то я, право, не знаю, что это значитъ. Но теперь и я также съ своей стороны заострю свое перо противъ нихъ, такъ что небу станетъ жарко; я обмакну его въ горечь и желчь! Задамъ я имъ перцу своею чернильницею!

Г-жа Штокманъ. Но вѣдь мы уѣдемъ отсюда, Томасъ.

(*Петра вновь возвращается*).

Докторъ Штокманъ. Ну?

Петра. Сдѣлано.

Докторъ Штокманъ. Хорошо—Ты говоришь объ отъѣздѣ,—нѣтъ, чортъ меня побери, если я уѣду! Мы остаемся, мы остаемся здѣсь, Катрина!

Петра. Мы остаемся?

Г-жа Штокманъ. Здѣсь въ городѣ?

Докторъ Штокманъ. Да, здѣсь поле битвы, здѣсь будетъ происходить сраженіе, и здѣсь я хочу побѣдить! Какъ только ты поправишь мои штаны, я пойду въ городъ и поищу квартиры! Намъ необходимъ кровъ на зиму.

Горстеръ. Вы можете получить его у меня.

Докторъ Штокманъ. Неужели?

Горстеръ. Да, конечно; у меня помѣщеніе большое, а я почти никогда не бываю дома.

Г-жа Штокманъ. Ахъ, какъ это любезно съ вашей стороны, Горстеръ!

Петра. Благодарю!

Докторъ Штокманъ (*пожимая ему руку*). Благодарю, благодарю! Значитъ, главная забота устранена. Такимъ образомъ, я съ сегодняшняго дня пріймусь за дѣло. А дѣла безконечно много, Катрина. Но хорошо, что у меня все время будетъ въ моемъ распоряженіи, потому что, видишь ли, я получилъ отставку отъ своей должности при купальняхъ.

Г-жа Штокманъ (*вздыхаетъ*). Ахъ да, я этого всегда ожидала!

Докторъ Штокманъ. И они, конечно, захотятъ отнять у меня и мою

практику. Но пусть себѣ дѣлаютъ, что хотятъ! Бѣдняковъ я всегда удержу за собою, тѣхъ, которые ничего не платятъ; ахъ, Господи Боже, они то больше всего и нуждаются во мнѣ! Но выслушать меня имъ прійдется, клянусь честью; я буду проповѣдывать имъ и во время и не во время, какъ сказано гдѣ-то въ писаніи.

Г-жа Штокманъ. Но, дорогой мой Томасъ, мнѣ кажется, что ты испыталъ на себѣ, какую пользу приносятъ эти проповѣди.

Докторъ Штокманъ. Ты, право, смѣшная, Катрина. Неужели я долженъ оставить поле битвы только потому, что общественное мнѣніе, сплоченное большинство и тому подобная чертовщина ополчились противъ меня? Нѣтъ, благодарю покорно! То, что я хочу, такъ просто, такъ понятно, такъ ясно. Я хочу только вбить въ головы простымъ людямъ, что либералы—злѣйшіе враги свободныхъ людей,—что партійныя программы убиваютъ всѣ молодыя, жизнеспособныя истины,—что всякаго рода компромиссы разрушаютъ основанія нравственности и справедливости, такъ что въ концѣ концовъ страшно становится жить. Да, какъ вы думаете, капитанъ Горстеръ, мнѣ удастся заставить народъ понять это?

Горстеръ. Очень можетъ быть, но я мало знаю толку въ этихъ вещахъ.

Докторъ Штокманъ. Да, видите ли, теперь выслушайте, что я вамъ скажу! Прежде всего надо истребить партійныхъ вождей, потому что партійный вождь все равно, что волкъ,—онъ точно голодный хищникъ;—для того, чтобы жить, онъ нуждается въ столькихъ-то штукахъ мелкаго скота въ годъ. Посмотрите-ка на Гофстада и Аслаксена. Сколько мелкаго скота погубили они на своемъ вѣку! Они или убиваютъ ихъ или разрываютъ на части такъ, что изъ нихъ не выходитъ ничего другого, кромѣ домовладѣльцевъ и подписчиковъ на „Народный Вѣстникъ“. (*Садится у конца стола*). Иди сюда, посмотри, Катрина, какъ прекрасно сіяетъ солнце сегодня, какъ прекрасенъ чудный, весенній воздухъ, которымъ мы сегодня дышимъ!

Г-жа Штокманъ. Да, если бы мы могли жить только солнечнымъ сіяніемъ и весеннимъ воздухомъ, Томасъ!

Докторъ Штокманъ. Ну, ты можешь тамъ сберегать, экономничать, и дѣло кое-какъ пойдетъ. Меня *это* меньше всего безпокоитъ. Нѣтъ, что хуже всего, это мысль, что я не знаю ни одного свободнаго благороднаго человѣка, который посмѣлъ бы послѣ моей смерти продолжать начатое мною дѣло.

Петра. Ахъ, не думай объ этомъ, папа, много еще времени впереди!—Посмотри, мальчики уже пришли.

(*Эйлифъ и Мортенъ входятъ изъ гостиной*).

Г-жа Штокманъ. Вы получили сегодня отпускъ?

Мортенъ. Мы дрались на перемѣнѣ съ другими мальчиками.

Эйлифъ. Это неправда, начали драться не мы, а они.

Мортенъ. И тогда господинъ Рорлундъ сказалъ, что намъ лучше всего остаться нѣсколько дней дома.

Докторъ Штокманъ (*сжимаетъ руки и вскакиваетъ изъ за стола*). Наконецъ, наконецъ, я нашелъ, клянусь Богомъ! Вашей ноги никогда не будетъ больше въ школѣ!

Мальчики. Никогда больше въ школѣ?!

Г-жа Штокманъ. Что ты говоришь, Томасъ!

Докторъ Штокманъ. Никогда, говорю вамъ, я самъ буду учить васъ! Но, конечно, не той ерундѣ, которую преподаютъ вамъ въ школахъ.

Мортенъ. Ура!

Докторъ Штокманъ. Я научу васъ сдѣлаться свободными, благородными людьми.—Послушай, ты должна помогать мнѣ, Петра.

Петра. Да, папа, можешь быть въ этомъ увѣренъ.

Докторъ Штокманъ. И мы устроимъ школу въ той самой залѣ, гдѣ они назвали меня врагомъ народа. Но насъ должно быть больше, я соберу для начала, по крайней мѣрѣ, двѣнадцать мальчиковъ.

Г-жа Штокманъ. Тебѣ не найти ихъ здѣсь въ городѣ.

Докторъ Штокманъ. Посмотримъ. (*Обращаясь къ мальчикамъ*). Знаете ли вы какихъ-нибудь уличныхъ мальчишекъ, настоящихъ оборвышей?

Мортенъ. О да, папа, я знаю ихъ много!

Докторъ Штокманъ. Вотъ и прекрасно! Приведи нѣсколькихъ ко мнѣ. Начну эксперименты съ дворняжекъ; между ними попадаются необыкновенно умныя головы.

Мортенъ. Но что же мы будемъ дѣлать, когда станемъ свободными и благородными людьми?

Докторъ Штокманъ. Тогда вы

прогоните далеко на западъ всѣхъ хищниковъ, мальчики.

(*Эйлифъ смотритъ задумчиво передъ собою. Мортенъ начинаетъ скакать и кричать: ура!*).

Г-жа Штокманъ. Ахъ, если бы эти самые хищники не прогнали тебя самого, Томасъ!

Докторъ Штокманъ. Ты съ ума сошла, Катрина! *Прогнать меня!* Теперь, когда я самый сильный человѣкъ въ городѣ.

Г-жа Штокманъ. Самый сильный—*теперь?*

Докторъ Штокманъ. Да, я смѣло повторяю это гордое слово и скажу прямо, что я теперь самый сильный человѣкъ въ мірѣ.

Мортенъ. О да!

Докторъ Штокманъ (*понижая голосъ*). Тише! Вы не должны никому говорить объ этомъ, но я сдѣлалъ важное открытіе.

Г-жа Штокманъ. Опять?

Докторъ Штокманъ. Да, конечно, конечно. (*Собираетъ ихъ вокругъ себя и говоритъ имъ таинственно*). Дѣло въ томъ, видите ли, что самый сильный человѣкъ тотъ, кто стоитъ совсѣмъ одинъ.

Г-жа Штокманъ (*улыбается и качаетъ головою*). Ахъ ты, Томасъ!

Петра (*ласково беретъ его обѣ руки въ свои*). Папа!

СТОЛПЫ ОБЩЕСТВА.

Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Консулъ **Берникъ.**
Г-жа Берникъ, его жена.
Олафъ, ихъ сынъ, 13 лѣтъ.
Марта Берникъ, сестра консула.
Іоганъ Теннесенъ, младшій братъ г-жи Берникъ.
Лона Гессель, его старшая сводная сестра.
Адъюнктъ **Рерлундъ.**
Коммерсантъ **Руммель.**
Купецъ **Вигеландъ.**
Купецъ **Зандштадъ.**
Дина Дорфъ, молодая дѣвушка въ домѣ консула.
Уполномоченный **Крапъ.**
Кораблестроитель **Ауне.**
Жена коммерсанта Руммеля.
Жена почтмейстера Гольта.
Жена доктора Люнге.
М-lle **Руммель.**
М-lle **Гольтъ.**
Граждане города и другіе обыватели, иностранные моряки, пассажиры съ пароходовъ и т. д.

Дѣйствіе происходитъ въ домѣ консула Берника въ небольшомъ прибрежномъ норвежскомъ городкѣ.

Дѣйствіе первое.

(Большой залъ въ домѣ консула Берника. На авансценѣ справа дверь, ведущая въ комнату консула; нѣсколько глубже въ той же стѣнѣ продѣлана другая такая же дверь. Посреди противоположной стѣны находится большая входная дверь. Задняя стѣна почти вся зеркальная съ открытою дверью на широкую лѣстницу, ведущую въ садъ, надъ которою протянута маркиза. Снизу лѣстницы видна часть сада, огороженная рѣшеткою съ небольшою калиткою въ ней. Вдоль рѣшетки улица, на противоположной сторонѣ которой построенъ рядъ выкрашенныхъ въ свѣтлую краску деревянныхъ домовъ. Лѣто; теплый солнечный день. Разные люди проходятъ мимо по улицѣ взадъ и впередъ; иные останавливаются и разговариваютъ; другіе дѣлаютъ закупки въ угловой мелочной лавочкѣ и т. д.)

(Внутри зала вокругъ стола сидятъ нѣсколько дамъ. Посреди у стола г-жа Берникъ, по лѣвую ея руку г-жа Гольтъ съ дочерью; затѣмъ г-жа Руммель и m-lle Руммель. Справа отъ г-жи Берникъ сидятъ: г-жа Люнге, Марта Берникъ и Дина Дорфъ. Всѣ дамы заняты женскимъ рукодѣліями. На столѣ лежатъ большія связки полуоконченнаго и выкроеннаго бѣлья вмѣстѣ съ другими предметами одежды. Въ глубинѣ, за маленькимъ столомъ, на которомъ стоятъ два горшка съ цвѣтами и стаканъ сахарной воды, сидитъ адъюнктъ Рерлундъ и читаетъ изъ книги съ золотымъ обрѣзомъ, но только такъ тихо, что лишь отдѣльныя слова доносятся до зрителей. Въ саду Олафъ Берникъ бѣгаетъ и стрѣляетъ изъ лука).

(Нѣсколько минутъ спустя входитъ кораблестроитель Ауне черезъ дверь направо въ сюртукѣ. Въ чтеніи происходитъ замѣшательство; г-жа Берникъ киваетъ ему головою и указываетъ на дверь слѣва. Ауне тихонько подходитъ къ ней и стучитъ слегка, съ перерывами. Управляющій Крапъ, съ шляпою въ рукѣ и бумагами подъ мышкою, выходитъ изъ комнаты).

Крапъ. Это вы стучали?

Ауне. Консулъ прислалъ за мною.

Крапъ. Да? Но онъ не можетъ принять васъ; онъ поручилъ мнѣ—

Ауне. Вамъ? Я желалъ бы лучше—

Крапъ. Онъ поручилъ мнѣ сказать вамъ это. Вы должны прекратить эти субботнія чтенія для рабочихъ.

Ауне. Да? Но мнѣ кажется, что я могу употреблять свое свободное время—

Крапъ. Вы не должны употреблять свое свободное время на то, чтобы сдѣлать рабочихъ никуда не годными въ рабочее время. Въ послѣднюю субботу вы говорили о вредѣ, который наносится рабочимъ нашими новыми машинами и новымъ способомъ работы на верфяхъ. Зачѣмъ вы это дѣлали?

Ауне. Я дѣлалъ это, чтобы поддержать общество.

Крапъ. Удивительно! А консулъ говоритъ, что вы занимались разрушеніемъ общества.

Ауне. Мое общество не общество г. консула, г. управляющій. Въ качествѣ предсѣдателя союза рабочихъ я долженъ—

Крапъ. Вы прежде всего завѣдующій работами на верфи консула Берника. Вы прежде всего должны исполнять свою обязанность по отношенію къ обществу, которое называется фирмою консула Берника,—потому что лишь оно доставляетъ намъ всѣмъ средства къ существованію.—Да, теперь вы знаете, что хотѣлъ сказать вамъ консулъ.

Ауне. Консулъ никогда не сказалъ бы это такимъ образомъ, г. управляющій. Но я отлично понимаю, кому обязанъ всѣмъ этимъ. Это все проклятые американскіе проходимцы! Рабочіе желаютъ, чтобы работа шла такъ, какъ они привыкли, и чтобы—

Крапъ. Да, да, да; я не имѣю права входить въ подробности. Теперь вамъ извѣстно мнѣніе консула, значитъ баста! Отправляйтесь обратно на верфь; вы тамъ, вѣроятно, нужны; я самъ приду въ скоромъ времени.—Извините, mesdames!

(*Онъ кланяется и уходитъ черезъ садъ на улицу. Ауне молча выходитъ въ дверь справа. Адъюнктъ во время предыдущаго разговора, который велся вполголоса, продолжалъ читать; теперь онъ прекращаетъ свое чтеніе и захлопываетъ книгу*).

Рерлундъ. На этомъ, дорогія слушательницы, кончается наша повѣсть!

Г-жа Руммель. Ахъ, какой поучительный разсказъ!

Г-жа Гольтъ. И такой нравственный!

Г-жа Берникъ. Такая книга наводитъ на многія размышленія.

Рерлундъ. Ахъ, да; она образуетъ благодѣтельный противовѣсъ всему, что, къ сожалѣнію, печатается теперь ежедневно въ журналахъ и газетахъ. Эта позолоченная и привлекательная внѣшность, которою облекается большой свѣтъ,—что скрывается въ сущности подъ нею? Пустота и гниль, если можно такъ выразиться. У этого свѣта нѣтъ подъ ногами ни одного нравственнаго основанія. Однимъ словомъ,—весь современный намъ большой свѣтъ—замуравленныя гробницы.

Г-жа Гольтъ. Да, это совершенно вѣрно!

Г-жа Руммель. Достаточно посмотрѣть на моряковъ—американцевъ, которые стоятъ въ настоящее время въ нашей гавани.

Рерлундъ. Ну, объ этомъ человѣческомъ сбродѣ я и говорить не хочу. Но даже въ высшихъ кругахъ—что мы видимъ въ нихъ? Повсюду сомнѣніе и истощающее всѣхъ безпокойство, тревога въ мысляхъ и неувѣренность во всѣхъ отношеніяхъ. Въ какомъ же видѣ можетъ сложиться при подобныхъ условіяхъ семейная жизнь? Какія дерзкія выходки позволяетъ себѣ тамъ духъ разрушенія относительно самыхъ высокихъ истинъ?

Дина (*не подымая глазъ*). Но развѣ тамъ не бываетъ и много великихъ, прекрасныхъ дѣлъ?

Рерлундъ. Великихъ дѣлъ—? Я не понимаю—

Г-жа Гольтъ (*въ ужасѣ*). Но, Дина—

Г-жа Руммель (*тѣмъ же тономъ*). Но какъ ты можешь, Дина!

Рерлундъ. Я не думаю, чтобы намъ было хорошо, если бы такого рода дѣла производились у насъ. Нѣтъ, возблагодаримъ лучше Бога, что у насъ все такъ, какъ теперь. Правда, и здѣсь между пшеницею ростутъ иногда, къ сожалѣнію, плевела; но мы честно стремимся по мѣрѣ возможности уничтожить ихъ. Вся суть въ томъ, милостивыя государини, чтобы сохранить общество въ чистотѣ,—чтобы отдалять отъ него все то непровѣренное, что желаетъ навязать намъ нетерпѣливое настоящее время.

Г-жа Гольтъ. А такого, къ несчастью, больше, чѣмъ нужно!

Г-жа Руммель. Да, въ прошломъ

году мы были на волоскѣ отъ того, чтобы провести къ городу желѣзную дорогу.

Г-жа Берникъ. Ну, этого Карстенъ не допустилъ!

Рерлундъ. Провидѣніе, г-жа Берникъ. Будьте увѣрены, что вашъ супругъ былъ лишь орудіемъ въ рукахъ высшей власти, когда отказался воспользоваться этимъ изобрѣтеніемъ.

Г-жа Берникъ. А между тѣмъ, сколько ему пришлось перенести упрековъ отъ газетъ. Но мы все забываемъ поблагодарить васъ, г. адъюнктъ. Это, право, очень любезно съ вашей стороны— жертвовать намъ столько времени.

Рерлундъ. Пустяки, теперь, на каникулахъ—

Г-жа Берникъ. Да, да, но все же это жертва, г. адъюнктъ.

Рерлундъ. Никогда не говорите этого, дорогая г-жа Берникъ. Развѣ вамъ всѣмъ не случается приносить жертвы ради хорошаго дѣла? И развѣ вы не приносите ихъ тогда охотно, съ радостною душою? Эти испорченные нравственно люди, надъ исправленіемъ которыхъ мы работаемъ, должны разсматриваться, какъ раненые солдаты на полѣ сраженія; вы, милостивыя государыни, діакониссы, сестры милосердія, которыя щипаютъ корпію для этихъ несчастныхъ погибшихъ людей, накладываютъ повязки на ихъ раны, лечатъ и ухаживаютъ за ними—

Г-жа Берникъ. Пріятно, должно быть, видѣть все въ такомъ прекрасномъ свѣтѣ!

Рерлундъ. Многое является въ этомъ отношеніи унаслѣдованнымъ, но многое можно также выработать въ себѣ. Надо только видѣть все при свѣтѣ серьезной жизненной задачи. Да, что вы скажете теперь, m-lle Берникъ? Не находите ли вы, что у васъ болѣе твердая почва подъ ногами съ тѣхъ поръ, какъ вы посвятили себя школьнымъ дѣламъ?

Марта Берникъ. Ахъ, я сама не знаю, что отвѣтить вамъ. Иногда, когда я вхожу въ школу, мнѣ хочется быть далеко, далеко отъ нея и носиться по бурнымъ волнамъ океана.

Рерлундъ. Да, видите ли, это все искушенія, дорогая m-lle Берникъ. Но передъ такими безпокойными гостьми надо запирать двери. По бурнымъ волнамъ океана,— это вы, конечно, сказали фигурально,—вы говорите о большомъ волнующемся обществѣ людей, въ которомъ погибаетъ такое множество ихъ. И неужели вы въ самомъ дѣлѣ придаете такую большую цѣну жизни, которая шумитъ и кипитъ тамъ, гдѣ-то далеко? Посмотрите внизъ на улицу. Тамъ люди расхаживаютъ, не смотря на знойные лучи солнца, и, обливаясь потомъ, хлопочутъ о своихъ мелкихъ дѣлахъ. Нѣтъ, намъ, конечно, живется теперь лучше, намъ, сидящимъ здѣсь въ тѣни, спиною къ той сторонѣ, откуда доносится шумъ.

Г-жа Берникъ. Да, о Господи Боже, вы совершенно правы!—

Рерлундъ. И въ такомъ домѣ, какъ этотъ, въ хорошемъ и чистомъ домѣ, гдѣ семейная жизнь представляется въ самомъ прекрасномъ свѣтѣ, гдѣ царитъ миръ и тишина.—(*Обращаясь къ г-жѣ Берникъ*). Къ чему вы прислушиваетесь, сударыня?

Г-жа Берникъ (*обратившись къ первой двери налѣво*). Какъ громко говорятъ они тамъ!

Рерлундъ. Развѣ случилось что-нибудь особенное?

Г-жа Берникъ. Не знаю, я только слышу чей-то голосъ въ кабинетѣ моего мужа.

(*Гильмаръ Теннесенъ съ сигарою во рту входитъ въ дверь направо, но останавливается при видѣ столькихъ дамъ*).

Гильмаръ Теннесенъ. Ахъ, извините.—(*Хочетъ уйти*).

Г-жа Берникъ. Нѣтъ, Гильмаръ, иди сюда, ты намъ нисколько не мѣшаешь. Чего тебѣ было нужно?

Гильмаръ Теннесенъ. Нѣтъ, я нечаянно сюда зашелъ. Добраго утра, господа! (*Обращаясь къ г-жѣ Берникъ*). Ну, что же изъ этого выйдетъ?

Г-жа Берникъ. Изъ чего?

Гильмаръ Теннесенъ. Вѣдь Берникъ созвалъ цѣлое собраніе.

Г-жа Берникъ. Да? Но въ чемъ же собственно дѣло?

Гильмаръ Теннесенъ. Ахъ, это все вопросъ о желѣзнодорожномъ дѣлѣ.

Г-жа Руммель. Нѣтъ, неужели это возможно?

Г-жа Берникъ. Бѣдняжка Карстенъ! неужели ему предстоятъ еще непріятности?

Рерлундъ. Но какъ же это могло случиться, г. Теннесенъ? Вѣдь консулъ Берникъ такъ ясно далъ понять въ прошломъ году, что онъ не желаетъ желѣзной дороги.

Гильмаръ Теннесенъ. Да, и мнѣ также казалось. Но я встрѣтился съ управляющимъ Крапомъ, и онъ мнѣ разсказалъ, что желѣзнодорожное дѣло всплыло опять на поверхность, и что Берникъ созвалъ на

совѣщаніе трехъ денежныхъ тузовъ нашего города.

Г-жа Руммель. Да, мнѣ казалось, какъ будто я слышу голосъ Руммеля.

Гильмаръ Теннесенъ. Да, конечно, Руммель тамъ, а также купецъ Зандштадъ и Миккель Вигеландъ,—святой Миккель, какъ его зовутъ.

Рерлундъ. Гмъ!

Гильмаръ Теннесенъ. Извините, г. адъюнктъ!

Г-жа Берникъ. А здѣсь было такъ хорошо, такъ мирно.

Гильмаръ Теннесенъ. Я съ своей стороны ничего не имѣю противъ того, чтобы здѣсь немного забурлило. Все же будетъ какое ни на есть развлеченіе!

Рерлундъ. Ну, безъ такого развлеченія пріятно обходиться.

Гильмаръ Теннесенъ. Все зависитъ отъ вкуса. Нѣкоторыя натуры нуждаются въ возбуждающей борьбѣ. Но такого рода борьбы трудно найти въ жизни маленькаго провинціальнаго городка, а между тѣмъ не всякому дано—(*Перелистываетъ книгу адъюнкта*). „Женщина, какъ слуга общества“. Что это за чепуха?

Г-жа Берникъ, О Боже, Гильмаръ, какъ ты можешь такъ выражаться? Ты, вѣдь, не читалъ книги.

Гильмаръ Теннесенъ. Нѣтъ, и не хочу ее читать.

Г-жа Берникъ. Ты, какъ видно, сегодня въ дурномъ расположеніи духа.

Гильмаръ Теннесенъ. Да, это вѣрно.

Г-жа Берникъ. Можетъ быть, ты дурно спалъ эту ночь?

Гильмаръ Теннесенъ. Да, я очень плохо спалъ. Я вчера сдѣлалъ маленькую прогулку здоровья ради. Затѣмъ отправился въ клубъ и прочиталъ описаніе путешествія на сѣверный полюсъ. Необыкновенно пріятно слѣдить за людьми въ ихъ борьбѣ съ стихіями; такое чтеніе укрѣпляетъ васъ, возбуждаетъ.

Г-жа Руммель. Но это не принесло вамъ пользы, г. Теннесенъ?

Гильмаръ Теннесенъ. Да, мнѣ это сильно повредило; я всю ночь пролежалъ, не будучи въ состояніи сомкнуть глазъ: мнѣ все казалось, что меня преслѣдуетъ отвратительный моржъ.

Олафъ (*появляется на садовой лѣстницѣ*). Какъ, дядя, тебя преслѣдовалъ моржъ?

Гильмаръ Теннесенъ. Это привидѣлось мнѣ во снѣ, дурачекъ! А ты все расхаживаешь здѣсь и играешь съ этимъ глупымъ лукомъ! Зачѣмъ ты не возьмешь настоящаго ружья?

Олафъ. О, я бы очень хотѣлъ, но—

Гильмаръ Теннесенъ. Потому что въ такомъ ружьѣ есть какой-нибудь смыслъ, чувствуешь, какъ нервы напрягаются каждый разъ, когда изъ него стрѣляешь.

Олафъ. И тогда я могъ бы застрѣлить и медвѣдя, дядя?—Но папа, навѣрное, не позволитъ.

Г-жа Берникъ. Зачѣмъ ты вбиваешь ему въ голову такія глупости, Гильмаръ?

Гильмаръ Теннесенъ. Гмъ! Да, вотъ какое поколѣніе воспитываютъ теперь! Болтаютъ все о разнаго рода упражненіяхъ и спортѣ,—Господи Боже мой!—но все, въ сущности, сводится къ игрѣ, никогда не принимаются за такое дѣло, которое заставило бы мужественно глядѣть въ лицо опасности. Не стой и не цѣлься въ меня своимъ лукомъ, негодяй! Онъ можетъ выстрѣлить.

Олафъ. Нѣтъ, дядя, въ лукѣ нѣтъ стрѣлы.

Гильмаръ Теннесенъ. Этого ты не можешь знать, можетъ быть въ немъ все таки есть стрѣла. Уберн ты его, говорю я тебѣ!—Чортъ побери, зачѣмъ ты не отправляешься въ Америку на одномъ изъ кораблей твоего отца? Тамъ ты могъ бы увидать охоту на буйволовъ или войну съ краснокожими.

Г-жа Берникъ. Нѣтъ, но, право, Гильмаръ—

Олафъ. Да я съ большою радостью отправился бы туда, дядя; и тамъ я, быть можетъ, встрѣтилъ бы дядю Іогана и тетю Лону.

Гильмаръ Теннесенъ. Гмъ, пустяки!

Г-жа Берникъ. Теперь можешь опять отправляться въ садъ, Олафъ.

Олафъ. Мама, а можно мнѣ выйти на улицу?

Г-жа Берникъ. Да, но только не заходи слишкомъ далеко.

(*Олафъ выбѣгаетъ черезъ калитку*).

Рерлундъ. Не слѣдовало бы вамъ вбивать въ голову ребенка такія вздорныя мысли, г. Теннесенъ!

Гильмаръ Теннесенъ. Да, вы хотите, чтобы онъ расхаживалъ здѣсь и обратился въ такого же домосѣда, какъ многіе другіе.

Рерлундъ. Но зачѣмъ же вы сами въ такомъ случаѣ не уѣзжаете?

Гильмаръ Теннесенъ. Я, съ моею болѣзнью? Ну, понятно, здѣсь въ городѣ ей не придаютъ большого значенія. Кромѣ того, существуютъ извѣстныя обязательства относительно общества, въ которомъ живешь. Долженъ же во всякомъ случаѣ остаться здѣсь кто-нибудь, кто высоко держитъ знамя идеи. Уфъ, теперь онъ опять кричитъ!

Дамы. Кто кричитъ?

Гильмаръ Теннесенъ. Право, не знаю. Они всѣ громко говорятъ тамъ, и это дѣйствуетъ непріятно на мои нервы.

Г-жа Руммель. Это, навѣрное, мой мужъ, г. Теннесенъ. Видите ли, онъ такъ привыкъ говорить въ большихъ собраніяхъ—

Ерлундъ. Но и другіе, какъ мнѣ кажется, не обладаютъ тихими голосами.

Гильмаръ Теннесенъ. О нѣтъ, Боже сохрани, когда вопросъ идетъ о томъ, чтобы защищать кошелекъ съ деньгами, то—все исходитъ здѣсь изъ мелочныхъ матеріальныхъ разсчетовъ. Уфъ!

Г-жа Берникъ. Во всякомъ случаѣ, теперь здѣсь живутъ лучше, чѣмъ прежде, когда все тратилось на развлеченія.

Г-жа Люнге. Развѣ тогда дѣйствительно такъ плохо жилось?

Г-жа Руммель. О да, повѣрьте мнѣ, г-жа Люнге. Вы можете себя считать счастливой, что не жили въ то время здѣсь.

Г-жа Гольтъ. Да, много перемѣнъ произошло съ тѣхъ поръ! Когда я вспоминаю дни своего дѣвичества—

Г-жа Руммель. Вспомните, что происходило четырнадцать, пятнадцать лѣтъ тому назадъ! Спаси насъ, Боже, и помилуй, что это была за жизнь! Тогда существовало и танцовальное общество, и музыкальное—

Марта Берникъ. И драматическое общество. Его я отлично помню.

Г-жа Руммель. Да, тамъ игралась ваша піеса, г. Теннесенъ.

Гильмаръ Теннесенъ (*изъ глубины сцены*). Ну, что объ этомъ вспоминать!

Ерлундъ. Піеса студента Теннесена?

Г-жа Руммель. Да. Это было задолго до того, какъ вы пріѣхали, г. адъюнктъ. Піеса, впрочемъ, шла только одинъ разъ.

Г-жа Люнге. Не въ этой ли піесѣ, какъ вы мнѣ разсказывали, вы играли роль первой любовницы, г-жа Руммель?

Г-жа Руммель (*бросая взглядъ на адъюнкта*). Право, я это хорошенько не припомню, г-жа Люнге. Но я отлично помню, какъ шумно и открыто жило тогда здѣшнее общество.

Г-жа Гольтъ. Да, я знаю такіе дома, гдѣ давалось по два большихъ обѣда въ недѣлю.

Г-жа Люнге. Сюда пріѣзжала также, какъ я слышала, и странствующая труппа актеровъ?

Г-жа Руммель. Да, это было хуже всего—!

Г-жа Гольтъ (*съ тревогою*). Гмъ, гмъ—!

Г-жа Руммель. Какъ, труппа актеровъ? Я этого не припомню.

Г-жа Люнге. Да, и эти люди позволяли себѣ такія ужасныя вещи! Но въ чемъ, собственно, суть того, что о нихъ разсказываютъ?

Г-жа Руммель. А, въ сущности, это все пустяки, г-жа Люнге.

Г-жа Гольтъ. Дорогая Дина, передай мнѣ, пожалуйста, холстъ.

Г-жа Берникъ (*въ то же время*). Дорогая Дина, попроси, пожалуйста, Катерину принести намъ кофе.

Марта Берникъ. И я пойду съ тобою, Дина.

(*Дина и Марта Берникъ уходятъ въ первую дверь слѣва*).

Г-жа Берникъ (*встаетъ*). Извините меня, пожалуйста, господа. Намъ, кажется, пріятнѣе будетъ пить кофе на воздухѣ.

(*Она спускается по садовой лѣстницѣ и накрываетъ столъ. Адъюнктъ стоитъ у двери и разговариваетъ съ нею. Гильмаръ Теннесенъ сидитъ на террасѣ и куритъ*).

Г-жа Руммель (*тихо*). О Боже, г-жа Люнге, какъ вы меня страшно напугали!

Г-жа Люнге. Я!

Г-жа Гольтъ. Да, но вѣдь вы сами начали разговоръ, г-жа Руммель.

Г-жа Руммель. Я? Нѣтъ, какъ вы можете это говорить, г-жа Гольтъ! Ни одного слова не вырвалось изъ моихъ устъ.

Г-жа Люгне. Но въ чемъ же дѣло?

Г-жа Руммель. Какъ вы могли начать говорить о—! Подумайте,—развѣ вы не видѣли, что Дина здѣсь?

Г-жа Люнге. Дина? Но, Господи Боже, развѣ что-нибудь случилось съ—?

Г-жа Гольтъ. И потомъ здѣсь въ домѣ! Развѣ вы не знаете, что это былъ братъ г-жи Берникъ?

Г-жа Люнге. Что же онъ сдѣлалъ? Я, вѣдь, ничего не знаю;—я только недавно пріѣхала сюда.

Г-жа Руммель. Такъ вы, значитъ, ничего не слышали—? Гмъ—! (*Обращаясь къ дочери*). Иди прогуляться въ саду, Гильда.

Г-жа Гольтъ. Иди также и ты, Нетта, и постарайся быть любезной съ бѣдняжкою Диною, когда она вернется.

(*М-lle Руммель и т-lle Гольтъ уходятъ въ садъ*).

Г-жа Люнге. Ну, что же было съ братомъ г-жи Берникъ?

Г-жа Руммель. Развѣ вы не знаете, какая гадкая исторія приключилась съ нимъ?

Г-жа Люнге. Развѣ съ студентомъ Теннесеномъ приключилась гадкая исторія?

Г-жа Руммель. Нѣтъ, Господи Боже, студентъ ея двоюродный братъ, г-жа Люнге, я говорю о ея родномъ братѣ.

Г-жа Гольтъ. О погибшемъ Теннесенѣ.

Г-жа Руммель. Его звали Іоганомъ. Онъ убѣжалъ въ Америку.

Г-жа Гольтъ. Долженъ былъ убѣжать, понимаете?

Г-жа Люнге. И съ нимъ случилась гадкая исторія?

Г-жа Руммель. Да, съ нимъ;—какъ же иначе назвать ее? Тутъ фигурировала мать Дины. Ахъ, я отлично, какъ сегодня, помню этотъ день. Іоганъ Теннесенъ находился въ конторѣ у старой г-жи Берникъ; Карстенъ Берникъ только что вернулся изъ Парижа—онъ еще не былъ помолвленъ—

Г-жа Люнге. Ну, а что же съ гадкою исторіею?

Г-жа Руммель. Да, вотъ видите ли, въ ту зиму проживала здѣсь въ городѣ драматическая труппа Мелера.

Г-жа Гольтъ. А въ этой труппѣ находились актеръ Дорфъ и его жена. Всѣ молодые люди были влюблены въ нее.

Г-жа Руммель. Да, одинъ Богъ знаетъ, откуда они брали, что она хорошенькая. Но вотъ однажды актеръ Дорфъ вернулся вечеромъ домой—

Г-жа Гольтъ. Совершенно неожиданно.

Г-жа Руммель. И нашелъ—нѣтъ, этого невозможно разсказывать.

Г-жа Гольтъ. Нѣтъ, г-жа Руммель, онъ ничего не нашелъ, потому что дверь изнутри была заперта.

Г-жа Руммель. Да, я это и хотѣла сказать; онъ нашелъ дверь запертою. И вы представьте себѣ, что тотъ, кто былъ внутри, долженъ былъ выпрыгнуть изъ окна.

Г-жа Гольтъ. Высоко, изъ окна мансарды.

Г-жа Люнге. И это былъ братъ г-жи Берникъ?

Г-жа Руммель. Да, конечно, это былъ онъ.

Г-жа Люнге. И онъ убѣжалъ въ Америку?

Г-жа Гольтъ. Да, онъ долженъ былъ убѣжать, понимаете?

Г-жа Руммель. Потому что затѣмъ открылось нѣчто почти столь же гадкое: представьте себѣ, онъ растратилъ кассу.

Г-жа Гольтъ. Но, вѣдь, этого не знаютъ навѣрное, г-жа Руммель; можетъ быть, это только слухи.

Г-жа Руммель. Нѣтъ, какъ можно такъ говорить—! Развѣ это не стало извѣстнымъ во всемъ городѣ? Но, вѣдь, старая г-жа Берникъ чуть не обанкротилась изъза этого дѣла. Это я слышала отъ самого Руммеля. Но, Боже меня сохрани, чтобы я—

Г-жа Гольтъ. Но во всякомъ случаѣ деньги эти не перешли въ карманъ madame Дорфъ, потому что она—

Г-жа Люнге. Да, что же случилось потомъ съ родителями Дины?

Г-жа Руммель. Дорфъ уѣхалъ, оставивъ жену и ребенка. Но madame была настолько нахальна, что прожила здѣсь еще цѣлый годъ. Выступить вновь на театральныхъ подмосткахъ она не посмѣла, а кормила себя тѣмъ, что стирала и шила—

Г-жа Гольтъ. А затѣмъ она попробовала устроить танцовальную школу, но школа, конечно, не пошла.

Г-жа Руммель. Какіе родители захотѣли бы довѣрить такой женщинѣ своихъ дѣтей? Но не долго протянула, впрочемъ, madame Дорфъ; она была слишкомъ нѣжна; тяжелая работа оказалась ей не по силамъ, у нея сдѣлалась чахотка, и она умерла.

Г-жа Люнге. Уфъ, вотъ ужъ дѣйствительно безобразная исторія!

Г-жа Руммель. Да, можете повѣрить, что Берникамъ жилось въ то время очень и очень тяжело. Это мрачное пятно на солнцѣ ихъ счастья, какъ выразился однажды Руммель. Поэтому никогда не говорите объ этихъ вещахъ въ этомъ домѣ, г-жа Люнге.

Г-жа Гольтъ. А также не говорите ни слова о сводной сестрѣ.

Г-жа Люнге. Развѣ у г-жи Берникъ есть сводная сестра?

Г-жа Руммель. Была—къ счастью, потому что теперь родство между ними

порвано. Да, вотъ ужъ была женщина, нечего сказать! Вообразите, она обрѣзала себѣ волосы и ходила въ дождь въ мужскихъ сапогахъ.

Г-жа Гольтъ. А когда сводный братъ—этотъ погибшій человѣкъ—убѣжалъ и весь городъ былъ, конечно, возмущенъ его поведеніемъ, знаете, что она сдѣлала? Она поѣхала къ нему.

Г-жа Руммель. Ахъ! А какой скандалъ она устроила прежде, чѣмъ уѣхала, г-жа Гольтъ!

Г-жа Гольтъ. Тише, не говорите объ этомъ.

Г-жа Люнге. О Боже! Неужели и она также устроила скандалъ?

Г-жа Руммель. Да, вотъ послушайте, г-жа Люнге. Берникъ только что обручился съ Бетти Теннесенъ. И какъ разъ въ ту минуту, когда онъ подъ руку съ нею входилъ въ домъ ея тетки, чтобы сообщить ей о помолвкѣ—

Г-жа Гольтъ. Теннесены не имѣли родителей, понимаете?

Г-жа Руммель. Лона Гессель встала со стула, на которомъ сидѣла, и дала ловкому и изящному Карстену Бернику такую пощечину, что у него въ ушахъ зазвенѣло.

Г-жа Люнге. Нѣтъ, я никогда ничего подобнаго не слышала!

Г-жа Гольтъ. Да, но все сказанное совершенно вѣрно.

Г-жа Руммель. Тогда она уложила свои сундуки и отправилась въ Америку.

Г-жа Люнге. Должно быть, она была влюблена въ него.

Г-жа Руммель. О да, конечно! Когда онъ вернулся изъ Парижа домой, она сразу вообразила, что изъ нихъ выйдетъ пара.

Г-жа Гольтъ. Но какъ могла она это вообразить! Берникъ, молодой, веселый свѣтскій человѣкъ, кавалеръ въ полномъ смыслѣ этого слова, любимецъ всѣхъ дамъ—

Г-жа Руммель. И всегда такой приличный—

Г-жа Гольтъ. И такой нравственный—!

Г-жа Люнге. Но что же предприняла эта m-lle Гессель въ Америкѣ?

Г-жа Руммель. Да, видите ли, это, какъ выразился однажды Руммель, покрыто мракомъ неизвѣстности, мракомъ, который врядъ-ли когда-либо разсѣется.

Г-жа Люнге. Что это значитъ?

Г-жа Руммель. Вы понимаете, конечно, что всѣ связи съ семьею у нея порваны; но въ городѣ все же стало извѣстно, что она въ Америкѣ пѣла за деньги въ трактирахъ.

Г-жа Гольтъ. И читала лекціи.

Г-жа Руммель. И издала какую-то совершенно безумную книгу.

Г-жа Люнге. Неужели?

Г-жа Руммель. Да, Лона Гессель также одно изъ пятенъ на семейномъ солнцѣ Берниковъ. Теперь вы все знаете. Богъ свидѣтель, что я вамъ разсказала это только съ цѣлью предостеречь васъ.

Г-жа Люнге. Да, будьте увѣрены, что я теперь буду поступать осторожно.— Но бѣдняжка Дина Дорфъ! Мнѣ, право, очень жаль ее.

Г-жа Руммель. Ну, нѣтъ, для нея это было настоящее счастье. Представьте себѣ, что сдѣлалось бы съ нею, если бы она осталась у своихъ родителей! Мы, конечно, всѣ занялись ею и наставляли на путь истины, насколько это было въ нашихъ силахъ. А затѣмъ m-lle Берникъ заставила припять ее сюда въ домъ.

Г-жа Гольтъ. Но съ нею было всегда очень трудно справиться. Оно, конечно, понятно: всѣ тѣ дурныя примѣры, которые она видѣла... Такой ребенокъ не можетъ быть похожъ на нашихъ собственныхъ дѣтей, на него нужно стараться дѣйствовать добротою, г-жа Люнге.

Г-жа Руммель. Тише, вотъ она идетъ. *(Громко).* Да, эта Дина чудная дѣвушка! Ахъ, это ты, Дина? А мы сидимъ здѣсь и кончаемъ свою работу.

Г-жа Люнге. Ахъ, какъ хорошо пахнетъ твой кофе, милая Дина! Такая чашка утренняго кофе—

Г-жа Берникъ. (*на садовой лѣстницѣ*). Пожалуйте пить кофе, господа!

(*М-lle Берникъ и Дина помогаютъ служанкѣ внести кофейную посуду. Всѣ дамы садятся вокругъ стола; онѣ съ преувеличенною любезностью разговариваютъ съ Диною. Немного времени спустя она отправляется въ залу и ищетъ свою работу*).

Г-жа Берникъ *(у кофейнаго стола)*. Дина, а ты не хочешь кофе?

Дина. Нѣтъ, благодарю, я не хочу.

(*Она садится и шьетъ. Г-жа Берникъ и адъюнктъ обмѣниваются нѣсколькими словами, затѣмъ послѣдній идетъ въ залу*).

Рерлундъ (*приблизившись къ столу, приводитъ что-то въ порядокъ на немъ и говоритъ вполголоса:*) Дина!

Дина. Что?

Рерлундъ. Почему вы не хотите сидѣть съ ними?

Дина. Потому что, какъ только я вошла съ кофе, я сейчасъ увидѣла по лицу пріѣзжей дамы, что онѣ разговаривали обо мнѣ.

Рерлундъ. А вы не замѣтили, какъ она любезно обращалась послѣ этого съ вами?

Дина. Но именно этого я не выношу.

Рерлундъ. Вы любите поступать наперекоръ другимъ, Дина.

Дина. Да.

Рерлундъ. Но почему же вы такая?

Дина. Такая ужъ уродилась.

Рерлундъ. А развѣ вы не могли бы попробовать измѣниться?

Дина. Нѣтъ.

Рерлундъ. Почему нѣтъ?

Дина (*смотритъ на него*). Я принадлежу къ числу нравственно погибшихъ людей.

Рерлундъ. Фу, Дина!

Дина. И моя мать также принадлежала къ числу нравственно погибшихъ людей.

Рерлундъ. Кто могъ сказать вамъ такую вещь?

Дина. Никто, онѣ никогда со мною не разговариваютъ. Почему онѣ не разговариваютъ? Онѣ всегда такъ со мною обращаются, какъ будто я разобьюсь въ куски, если только—ахъ, какъ я ненавижу эту ихъ доброту!

Рерлундъ. Дорогая Дина, я отлично понимаю, что вы чувствуете себя здѣсь какъ будто подавленною, но—

Дина. Ахъ, если бы мнѣ можно было уѣхать куда-нибудь подальше отсюда! Я сама съумѣла бы пробить себѣ дорогу, если бы только не жила среди людей, которые всѣ такіе—такіе—

Рерлундъ. Какіе?

Дина. Такіе приличные и нравственные.

Рерлундъ. Дина, вы это не говорите серьезно.

Дина. Ахъ, вы отлично понимаете, что я хочу сказать! Каждый день сюда приходятъ Гильда и Нетта, чтобы я брала ихъ себѣ въ образецъ. Я никогда не могу сдѣлаться такою приличною, какъ онѣ, да и не хочу быть такою. Ахъ, если бы я могла уѣхать куда нибудь далеко, я бы навѣрное, сдѣлалась хорошею, доброю!

Рерлундъ. Вы и теперь хорошая и добрая дѣвушка, дорогая Дина.

Дина. Но какую пользу приноситъ это мнѣ здѣсь?

Рерлундъ. Итакъ, вы хотите уѣхать. Вы серьезно думаете объ отъѣздѣ?

Дина. Я здѣсь не осталась бы и дня дольше, если бы не вы.

Рерлундъ. Скажите мнѣ, Дина,—почему вы любите бывать въ моемъ обществѣ?

Дина. Потому что вы научаете меня многому хорошему.

Рерлундъ. Хорошему? Развѣ то, чему я васъ научаю, вы называете хорошимъ?

Дина. Да, или скорѣе—вы ничему меня не учите; но когда я слышу, что вы говорите, мнѣ приходитъ въ голову столько хорошихъ вещей.

Рерлундъ. Что вы понимаете подъ словомъ хорошая вещь?

Дина. Я объ этомъ никогда не раздумывала.

Рерлундъ. Такъ подумайте хорошенько теперь. Что вы подразумѣваете подъ словомъ хорошая вещь?

Дина. Хорошая вещь это что-то великое и—находящееся далеко, далеко отсюда.

Рерлундъ. Гмъ!—дорогая Дина, я очень искренно озабоченъ вами.

Дина. Только это?

Рерлундъ. Вы, конечно, знаете, какъ безконечно дороги вы мнѣ.

Дина. Если бы я была Гильдою или Неттою, вы бы не боялись, чтобы кто-нибудь замѣтилъ вашу любовь.

Рерлундъ. Ахъ, Дина, вы такъ мало способны судить о тысячѣ препятствій, которыя становятся мнѣ на пути!—Когда человѣкъ является нравственною опорою общества, въ которомъ онъ живетъ, тогда... нельзя быть достаточно осторожнымъ. Если бы я былъ увѣренъ, что окружающіе съумѣютъ истолковать мои побудительныя причины.—Но это все равно, вы должны подняться на поверхность, я вамъ помогу подняться. Дина, рѣшимъ: когда я прійду—когда обстоятельства позволятъ мнѣ прійти—и скажу—вотъ моя рука, вы возьмете ее и согласитесь сдѣлаться моею женою? Вы мнѣ обѣщаете это, Дина?

Дина. Да.

Рерлундъ. Благодарю, благодарю! Потому что и для меня также—Ахъ, Дина, я васъ такъ люблю—! Тише, кто-то идетъ сюда. Дина, ради меня,—идите къ другимъ.

(*Она подходитъ къ кофейному столу. Въ ту же минуту коммер-*

санъ Руммель, купецъ Зандштадъ и купецъ Вигеландъ выходятъ изъ двери налѣво, въ сопровожденіи консула Берника, который несетъ въ рукахъ связку бумагъ).

Консулъ Берникъ. Ну, значитъ, дѣло рѣшенное?

Купецъ Вигеландъ. Да, съ Божьею помощью, пусть будетъ такъ.

Коммерсантъ Руммель. Да, дѣло рѣшенное, слово норвежца такъ же непоколебимо, какъ и скалы Доврефіельда, это вѣрно.

Консулъ Берникъ. И никто изъ насъ не долженъ отступать. Какое бы сопротивленіе мы ни встрѣтили, мы должны стоять на своемъ!

Коммерсантъ Руммель. Мы устоимъ или падемъ вмѣстѣ, Берникъ.

Гильмаръ Теннесенъ (*входитъ черезъ садовую дверь*). Вы говорите о паденіи? Позвольте спросить, что должно пасть, желѣзная дорога?

Консулъ Берникъ. Напротивъ, она должна пойти.

Коммерсантъ Руммель. На всѣхъ парахъ, г. Теннесенъ.

Гильмаръ Теннесенъ (*приближаясь*). Неужели?

Ерлундъ. Какимъ образомъ?

Г-жа Берникъ (*въ садовой двери*). Но, дорогой Карстенъ, въ чемъ же, собственно, дѣло?

Консулъ Берникъ. Ахъ, милая Бетти, развѣ это можетъ интересовать *тебя*? (*Обращаясь къ тремъ мужчинамъ*). Но теперь намъ нужно подготовить списки и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Само собою разумѣется, что мы прежде всего впишемъ самихъ себя. Положеніе, которое мы занимаемъ въ обществѣ, вмѣняетъ намъ въ обязанность выказать наибольшее усердіе въ этомъ отношеніи.

Купецъ Зандштадъ. Понятно, г. консулъ.

Коммерсантъ Руммель. Дѣло пойдетъ на ладъ, Берникъ; въ этомъ нечего сомнѣваться.

Консулъ Берникъ. Ахъ да, я нисколько не боюсь за исходъ этого дѣла. Мы должны дѣйствовать каждый въ кругу своихъ знакомыхъ, и когда намъ удастся заставить всѣ классы общества принять участіе въ этомъ дѣлѣ, тогда, само собою разумѣется, и община вынуждена будетъ внести свою лепту въ предпріятіе.

Г-жа Берникъ. Но, Карстенъ, ты долженъ же, наконецъ, разсказать намъ—

Консулъ Берникъ. Милая Бетти, вамъ, дамамъ, нѣтъ никакого дѣла до такого рода вопросовъ.

Гильмаръ Теннесенъ. Значитъ, ты хочешь дѣйствительно заняться желѣзнодорожнымъ дѣломъ?

Консулъ Берникъ. Да, конечно.

Ерлундъ. Но еще въ прошломъ году, г. консулъ—?

Консулъ Берникъ. Въ прошломъ году дѣло обстояло иначе. Тогда вопросъ шелъ о береговой линіи—

Купецъ Вигеландъ. Которая была бы совершенно излишнею, г. адъюнктъ, потому что у насъ есть пароходы.

Купецъ Зандштадъ. И она стоила бы намъ страшно дорого.

Коммерсантъ Руммель. Да, и она повредила бы самымъ существеннымъ интересамъ города.

Консулъ Берникъ. Главная суть въ томъ, что эта дорога не принесла бы пользы большинству общества, поэтому я возсталъ противъ нея и поэтому то рѣшено было устроить желѣзную дорогу, которая шла бы внутри материка.

Гильмаръ Теннесенъ. Да, но эта дорога не затронетъ окружающихъ городовъ.

Консулъ Берникъ. Но за то она затронетъ *нашъ* городъ, мой дорогой Гильмаръ, потому что мы проведемъ боковую дорогу къ ней.

Гильмаръ Теннесенъ. А, это уже новая выдумка!

Коммерсантъ Руммель. Да, и великолѣпная выдумка, не правда ли?

Ерлундъ. Гмъ!

Купецъ Вигеландъ. Нельзя отрицать, что Провидѣніе какъ будто нарочно подготовило почву для боковой дороги.

Ерлундъ. Неужели вы это серьезно говорите, г. Вигеландъ?

Консулъ Берникъ. Не могу не признаться, что я также считаю указаніемъ Провидѣнія слѣдующій фактъ: когда я прошлою весною поѣхалъ въ горы по дѣламъ, я случайно попалъ въ долину, въ которой никогда раньше не бывалъ. Меня тутъ сразу озарила мысль, что по этой долинѣ можно провести къ намъ боковую дорогу. Вернувшись домой, я попросилъ одного инженера проѣхаться по дорогѣ; вотъ его разсчеты и соображенія: никакого препятствія для проведенія дороги не оказалось.

Г-жа Берникъ (*показывается опять вмѣстѣ съ другими дамами у садовой двери*). Но, дорогой Карстенъ,

какъ ты могъ сохранить это въ тайнѣ отъ всѣхъ насъ?

Консулъ Берникъ. Ахъ, моя добрая Бетти, вы не могли бы понять всей совокупности дѣла. Я, впрочемъ, до настоящаго дня не разговаривалъ объ этомъ ни съ одною живою душою. Но теперь наступила рѣшительная минута, теперь надо дѣйствовать открыто, не щадя силъ. Да, хотя бы мнѣ пришлось пожертвовать всею жизнью для этого дѣла, я его заставлю идти впередъ.

Коммерсантъ Руммель. И мы пойдемъ съ тобою, Берникъ, можешь быть въ этомъ увѣренъ.

Рерлундъ. Неужели вы ожидаете такъ много пользы отъ этого предпріятія, господа?

Консулъ Берникъ. Да, я въ этомъ увѣренъ. Какой подъемъ духа возбудитъ это во всемъ нашемъ обществѣ! Представьте себѣ тѣ лѣсныя громадныя пространства, которыя сдѣлаются теперь доступными; представьте себѣ всѣ богатые рудники, которые можно подвергнуть обработкѣ, представьте себѣ рѣку, въ которой одинъ водопадъ низвергается на другой! Какую грандіозную фабричную дѣятельность можно основать въ такой мѣстности!

Рерлундъ. А вы не боитесь, что болѣе близкая совмѣстная жизнь съ испорченнымъ внѣшнимъ міромъ—

Консулъ Берникъ. Нѣтъ, будьте покойны на этотъ счетъ, г. адъюнктъ. Нашъ маленькій трудолюбивый городокъ покончится, славу Богу, на здоровой нравственной почвѣ. Мы всѣ дружно помогали дренажировать ее, если можно такъ выразиться; и мы будемъ стараться работать по прежнему въ этомъ направленіи, каждый на свой ладъ. Вы, г. адъюнктъ, будете продолжать свою полезную дѣятельность въ школѣ и домахъ. Мы, практическіе дѣятели, будемъ поддерживать общество, распространяя благосостояніе въ болѣе обширныхъ кругахъ его;—а наши дамы,—да, подойдите, пожалуйста, поближе, mesdames; вамъ это пріятно будетъ слышать,—наши дамы, наши жены и дочери,—продолжайте безмятежно работать въ области благотворительности, mesdames, и будьте помощницами и утѣшеніемъ для вашихъ близкихъ, какъ моя дорогая Бетти и Марта для меня и для Олафа.—*(Оглядывается).* Да, куда дѣвался сегодня Олафъ?

Г-жа Берникъ. Ахъ, теперь вакансіи, его никакъ нельзя удержать дома.

Консулъ Берникъ. Значитъ, онъ опять пошелъ впизъ къ водѣ? Ты увидишь, что изъ этого выйдетъ непремѣнно какое нибудь несчастье.

Гильмаръ Теннесенъ. Ба!—небольшая игра съ силами природы.

Г-жа Руммель. Какъ пріятно, г. Берникъ, видѣть въ васъ столько заботливости о вашей семьѣ.

Консулъ Берникъ. Ну, семья составляетъ основу общества. Хорошій домашній очагъ, честные и вѣрные друзья, небольшой тѣснозамкнутый кружокъ, на который никакіе нарушающіе міръ элементы не набрасываютъ своей тѣни. *(Управляющій Крапъ входитъ справа съ письмами и газетами).*

Управляющій Крапъ. Иностранная почта, г. консулъ, и телеграмма изъ Нью-Іорка.

Консулъ Берникъ (*принимая газету и телеграмму*). Ахъ, отъ хозяевъ „Indian Girl“.

Коммерсантъ Руммель. А, значитъ, почта пришла? Въ такомъ случаѣ, я долженъ проститься.

Купецъ Вигеландъ. И я также.

Купецъ Зандштадъ. Прощайте, г. консулъ.

Консулъ Берникъ. Прощайте, прощайте, господа, и не забывайте, что у насъ назначено собраніе въ пять часовъ пополудни.

Всѣ три. Да, конечно, само собою разумѣется. *(Уходятъ направо).*

Консулъ Берникъ (*читая телеграмму*). Нѣтъ, это чисто по американски. Нѣтъ, это просто возмутительно!

Г-жа Берникъ. О Боже, Карстенъ, въ чемъ дѣло?

Консулъ Берникъ. Вотъ посмотрите, г. Крапъ, прочитайте.

Управляющій Крапъ (*читаетъ*). „Дѣлайте возможно меньше исправленій; пришлите „Indian Girl“, какъ только будетъ готовъ къ отплытію; хорошее время года: пойдетъ въ крайнемъ случаѣ грузовымъ“. Ну, нечего сказать—!

Консулъ Берникъ. Пойдетъ грузовымъ! Вѣдь эти господа прекрасно знаютъ, что съ грузомъ этотъ корабль пойдетъ ко дну, какъ камень, лишь только наткнется на что-нибудь.

Рерлундъ. Да, нечего сказать, хорошія дѣла дѣлаются въ этомъ столь восхваляемомъ большомъ обществѣ.

Консулъ Берникъ. Вы совершенно правы, они не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на человѣческую жизнь, какъ только задѣта прибыль. *(Обращаясь*

къ Крапу). Можетъ ли „Indian Girl“ выйти въ море черезъ четыре—пять дней?

Управляющій Крапъ. Да, если купецъ Вителандъ согласится, чтобы мы прекратили работы на „Пальмовомъ деревѣ“.

Консулъ Берникъ. Гмъ, этого онъ никогда не сдѣлаетъ. Пожалуйста, просмотрите почту. Послушайте, вы не видали Олафа внизу на пристани?

Управляющій Крапъ. Нѣтъ, г. консулъ. *(Уходитъ въ первую комнату налѣво).*

Консулъ Берникъ *(опять просматриваетъ телеграмму).* Эти господа не задумываются поставить на карту восемнадцать человѣческихъ жизней.

Гильмаръ Теннесенъ. Ну, въ томъ-то и состоитъ призваніе моряка, чтобы бороться съ стихіями! Нервы должны сильно возбуждаться, когда чувствуешь, что между тобою и пучиною одна тонкая доска.

Консулъ Берникъ. Хотѣлъ бы я посмотрѣть на нашего судохозяина, который рѣшился бы на такой поступокъ. Ни одинъ, ни одинъ не рѣшился бы на него! *(Видитъ Олафа).* Ну, слава Богу, вотъ и онъ!

(Олафъ съ рыболовными снарядами въ рукахъ бѣжитъ по улицѣ и входитъ черезъ садовую калитку).

Олафъ *(еще въ саду).* Дядя Гильмаръ, я былъ внизу и смотрѣлъ на пароходъ.

Консулъ Берникъ. Такъ ты опять бѣгалъ на пристань?

Олафъ. Нѣтъ, я былъ только на лодкѣ. Представь себѣ, дядя Гильмаръ, сюда пріѣхала дѣлая компанія наѣздниковъ съ лошадьми и разнаго рода звѣрьми; кромѣ того, тамъ было много пассажировъ.

Г-жа Руммель. Неужели мы въ самомъ дѣлѣ увидимъ наѣздниковъ?

Рерлундъ. Мы? Этого я не думаю.

Г-жа Руммель. Нѣтъ, конечно, не мы, но—

Дина. Я очень бы хотѣла посмотрѣть на наѣздниковъ.

Олафъ. Да, и я также.

Гильмаръ Теннесенъ. Ахъ, ты плутъ! На что тамъ смотрѣть? Только одна дрессировка. Нѣтъ, нѣчто другое—видѣть, какъ гаучосъ мчится по пампасамъ на своемъ ржущемъ мустангѣ! Но, Боже мой, здѣсь въ маленькомъ городкѣ—

Олафъ *(подходитъ къ т-ше Берникъ).* Тетя Марта, смотри, смотри они идутъ сюда!

Г-жа Гольтъ. О, Боже мой, это въ самомъ дѣлѣ они!

Г-жа Люнге. Уфъ, эти безобразные люди!

(Толпа пассажировъ и городскихъ жителей показывается на улицѣ).

Г-жа Руммель. Это, кажется, настоящіе клоуны и фокусники. Посмотрите на ту, которая идетъ въ сѣромъ платьѣ, г-жа Гольтъ, она несетъ на спинѣ сумку.

Г-жа Гольтъ. Да, представьте себѣ, она несетъ ее на ручкѣ зонтика. Это, навѣрное, жена директора.

Г-жа Руммель. А вотъ и самъ директоръ, видите его, съ бородою. Онъ выглядитъ совсѣмъ, какъ разбойникъ. Не смотри на него, Гильда!

Г-жа Гольтъ. И ты также не смотри, Нетта!

Олафъ. Мама, директоръ кланяется намъ.

Консулъ Берникъ. Что это значитъ?

Г-жа Берникъ. Что ты говоришь, дитя?

Г-жа Руммель. Да, ей Богу, намъ кланяется и директорша!

Консулъ Берникъ. Нѣтъ, это ужъ слишкомъ нахально!

М-lle Берникъ *(съ невольнымъ восклицаніемъ).* Ахъ—!

Г-жа Берникъ. Что съ тобою, Марта?

М-lle Берникъ. Ахъ нѣтъ, ничего, мнѣ только показалось—

Олафъ *(кричитъ отъ радости)* Посмотрите, посмотрите, вотъ и другіе съ лошадьми и звѣрьями! Вотъ и американцы! Всѣ матросы съ „Indian Girl“—

(Слышна пѣсня „Iankee Dodle“ въ сопровожденіи кларнета и барабана).

Гильмаръ Теннесенъ *(закрываетъ объими руками уши).* Уфъ! Уфъ! Уфъ!

Рерлундъ. Я думаю, милостивыя государини, намъ слѣдуетъ удалиться, это неподходящее для насъ зрѣлище. Возвратимся опять къ нашей работѣ.

Г-жа Берникъ. Не лучше ли задернуть занавѣси?

Рерлундъ. Да, этого именно я и хотѣлъ.

(Дамы садятся на прежнія мѣста у стола. Адъюнктъ закрываетъ

дверь и задергиваетъ занавѣси передъ дверью и окнами; въ залѣ воцаряется полутемнота).

Олафъ *(выглядывая изъ окна)*. Мама, жена директора остановилась около водопровода и умываетъ лицо.

Г-жа Берникъ. Какъ, среди площади?

Г-жа Руммель. Среди бѣлаго дня!

Гильмаръ Теннесенъ. Ну, если бы я странствовалъ по пустынѣ и наткнулся на цистерну, я не обратилъ бы вниманія на то, что—уфъ, этотъ ужасный кларнетъ—!

Рерлундъ. Право, полиція должна была бы вмѣшаться.

Консулъ Берникъ. Ну, что вы, къ иностранцамъ нельзя относиться такъ строго; у нихъ нѣтъ того врожденнаго чувства приличія, которое заставляетъ насъ придерживаться извѣстныхъ границъ! Пусть они и разбираются въ этомъ, а намъ какое до этого дѣло? Все это безобразіе, все это возмущеніе противъ приличій, противъ добрыхъ правовъ, къ счастью, не имѣетъ ничего общаго съ нашимъ обществомъ.— Что это значитъ?

(*Пріѣзжая дама быстро входитъ чрезъ дверь направо).*

Дамы (*испуганно, вполголоса*). Наѣздница! Жена директора!

Г-жа Берникъ. Боже, что это значитъ?

М-lle Берникъ *(вскакивая)*. Ахъ—!

Пріѣзжая дама. Здравствуй, дорогая Бетти! Здравствуй, Марта! Здравствуй, зять!

Г-жа Берникъ (*съ крикомъ*). Лона!

Консулъ Берникъ (*отступая на шагъ назадъ*). Неужели!

Г-жа Гольтъ. Господи, сжалься надъ нами!

Г-жа Руммель. Но это невозможно—!

Гильмаръ Теннесенъ. Ну! Уфъ—!

Г-жа Берникъ. Лона—! Неужели это правда—!

Лона Гессель. Неужели это я? О да, конечно, это я; можете броситься всѣ мнѣ на шею, если хотите.

Гильмаръ Теннесенъ. Уфъ! Уфъ!

Г-жа Берникъ. И ты пріѣхала сюда, какъ—?

Консулъ Берникъ. И хочешь дѣйствительно выступить—?

Лона Гессель. Выступить! Какимъ образомъ выступить?

Консулъ Берникъ. Да, я хочу сказать—съ наѣздниками—

Лона Гессель. Ха, ха, ха! Ты съ ума сошелъ, зять. Ты думаешь, что я состою въ труппѣ наѣздниковъ? Нѣтъ; дѣйствительно, я пробовала свои силы во многихъ отдѣлахъ искусствъ и не разъ дурачила публику—

Г-жа Руммель. Гмъ!

Лона Гессель. Но скакать на спинѣ лошади я никогда еще не пробовала.

Консулъ Берникъ. Значитъ, ты не—

Г-жа Берникъ. Ахъ, славу Богу!

Лона Гессель. Нѣтъ, мы пріѣхали сюда, какъ всѣ другіе приличные люди, конечно, во второмъ классѣ, но къ этому мы привыкли.

Г-жа Берникъ. Ты говоришь: „мы“?

Консулъ Берникъ *(дѣлая шагъ впередъ)*. Какъ это мы?

Лона Гессель. Я и дитя, понятно.

Дамы *(вскрикивая)*. Дитя?

Гильмаръ Теннесенъ. Какъ?

Рерлундъ. Ну, я долженъ сказать—!

Г-жа Берникъ. О комъ говоришь ты! Лона?

Лона Гессель. Я говорю, конечно, о Джопѣ, у меня нѣтъ другихъ дѣтей, кромѣ Джона или Іогана, какъ вы называли его.

Г-жа Берникъ, Іоганъ—!

Г-жа Руммель *(обращаясь къ г-жѣ Люнге)*. Погибшій братъ.

Консулъ Берникъ (*съ недовѣріемъ*). Іоганъ съ тобою?

Лона Гессель. Ну да. конечно, конечно, я безъ него никогда не ѣзжу. Но какой у васъ всѣхъ печальный видъ! И вы сидите здѣсь въ полутемнотѣ и шьете что-то бѣлое.. Нѣтъ ли смертнаго случая въ вашей семьѣ?

Рерлундъ. Mademoiselle, вы находитесь здѣсь въ собраніи общества для исправленія нравственно испорченныхъ—?

Лона Гессель. *(вполголоса)*. Что вы говорите? Всѣ эти изящныя, приличныя дамы, нравственно—?

Г-жа Руммель. Ну, *теперь* я должна сказать—!

Лона Гессель. А, понимаю, понимаю, но, чортъ побери, это вѣрно г-жа

Руммель! А тамъ сидитъ и г-жа Гольтъ; Ну, мы три не помолодѣли съ тѣхъ поръ. Но послушайте, добрые люди, пусть нравственно погибшіе подождутъ до слѣдующаго дня, они отъ этого хуже не станутъ. Такой радостный часъ, какъ настоящій—

Рерлундъ. Возвращеніе домой не всегда бываетъ радостнымъ часомъ.

Лона Гессель. Да? Какъ же вы толкуете вашу библію, г-нъ пасторъ?

Рерлундъ. Я не пасторъ.

Лона Гессель. Ну, такъ вы будете имъ.—Но фу, фу, фу! Это нравственное бѣлье пахнетъ страшно скверно, совершенно, какъ саванъ! Я привыкла къ воздуху прерій.

Консулъ Берникъ. (*вытирая лобъ*). Да, здѣсь довольно душно.

Лона Гессель. Подождите, подождите, мы сейчасъ справимся съ склепомъ. (*Раздвигаетъ занавѣси*). Здѣсь долженъ быть яркій солнечный свѣтъ, когда сюда прійдетъ мой мальчикъ. Да, вы увидите юношу, который хорошо вымылся.

Гильмаръ Теннесенъ. Уфъ!

Лона Гессель (*открывая окна и двери*). Т. е., я хочу сказать, когда онъ умоется тамъ наверху въ гостинницѣ; потому что на пароходѣ онъ испачкался, какъ свинья.

Гильмаръ Теннесенъ. Уфъ! Уфъ!

Лона Гессель. Уфъ! Развѣ это не... не—(*Указывая на Гильмара, спрашиваетъ присутствующихъ*). Развѣ онъ по прежнему шатается здѣсь и говоритъ, уфъ?

Гильмаръ Теннесенъ. Я не шатаюсь; я хожу, чтобы излѣчиться отъ болѣзни.

Рерлундъ. Гмъ, милостивая государыня, я не смѣю дольше—

Лона Гессель (*замѣтивъ Олафа*). Это твой сынъ, Бетти?—Дай мнѣ свою лапу, мальчикъ, или можетъ быть ты боишься своей старой безобразной тетушки?

Рерлундъ. (*беретъ книгу подъ мышку*). Милостивыя государини, мнѣ кажется, что настроеніе сегодня не подходящее для дальнѣйшихъ занятій. Но завтра мы, конечно, соберемся опять?

Лона Гессель (*между тѣмъ, какъ гости встаютъ и прощаются*). Собирайтесь, собирайтесь, и я также буду на мѣстѣ.

Рерлундъ. Вы? Но извините, mademoiselle, что вы будете дѣлать на нашемъ собраніи?

Лона Гесселъ. Я буду провѣтривать его, г-нъ пасторъ.

Дѣйствіе второе.

(Зала въ домѣ консула Берника).

(Г-жа Берникъ сидитъ одна у рабочаго стола и шьетъ. Нѣсколько времени спустя входитъ консулъ Берникъ съ шляпою, перчатками и палкою въ рукахъ).

Г-жа Берникъ. Ты уже вернулся домой, Карстенъ?

Консулъ Берникъ. Да, я назначилъ здѣсь свиданіе.

Г-жа Берникъ. (*со вздохомъ*). Ахъ да, я думаю, что Іоганъ прійдетъ сюда.

Консулъ Берникъ. Я говорю о другомъ лицѣ. (*Ставитъ на столъ шляпу*). А гдѣ же сегодня всѣ дамы?

Г-жа Берникъ. У г-жи Руммель и Гильды нѣтъ времени, чтобы зайти.

Консулъ Берникъ. Такъ онѣ прислали отказъ?

Г-жа Берникъ. Да, у нихъ много работы дома.

Консулъ Берникъ. Понятно, и другія, конечно, также не прійдутъ?

Г-жа Берникъ. Да, онѣ также прислали сегодня отказъ.

Консулъ Берникъ. Это я могъ заранѣе сказать. Куда дѣлся Олафъ?

Г-жа Берникъ. Я позволила ему выйти немного прогуляться съ Диною.

Консулъ Берникъ. Гмъ, Дина, эта легкомысленная дѣвчонка! И какъ это она рѣшилась въ первый же вечеръ такъ много разговаривать съ Іоганомъ?

Г-жа Берникъ. Но, дорогой Карстенъ, вѣдь Дина не знаетъ—

Консулъ Берникъ. Да, но во всякомъ случаѣ у Іогана должно было хватить такта не выказывать ей особаго вниманія. Я видѣлъ, я замѣтилъ какими глазами смотрѣлъ на все это купецъ Вигеландъ.

Г-жа Берникъ (*кладетъ шитье на колѣни*). Карстенъ, можешь ты понять, зачѣмъ вернулись они домой?

Консулъ Берникъ. Гмъ! У него, вѣдь, тамъ ферма, которая, повидимому,

не особенно хорошо идетъ. А *она* говорила вчера, что они должны были переѣхать на другое мѣсто—

Г-жа Берникъ. Да, къ несчастью, такъ оно и должно быть. Но какъ она рѣшилась послѣдовать за нимъ! Послѣ того кроваваго оскорбленія, которое она нанесла тебѣ—!

Консулъ Берникъ. Ахъ не думай объ этихъ старыхъ исторіяхъ!

Г-жа Берникъ. Какъ я могу думать о чемъ-нибудь другомъ въ такое время? Онъ, вѣдь, мой братъ;—да, это не изъ-за него; но всѣ тѣ непріятности, которыя могутъ быть нанесены *тебѣ*—Карстенъ, я смертельно боюсь, чтобы—

Консулъ Берникъ. Чего ты боишься?

Г-жа Берникъ. Его не могутъ арестовать за деньги, которыя были украдены имъ у твоей матери?

Консулъ Берникъ. Ахъ, что за глупости! Кто можетъ доказать, что деньги были украдены?

Г-жа Берникъ. Ахъ, Боже мой, вѣдь, объ этомъ несчастіи знаетъ весь городъ; и, вѣдь, ты самъ говорилъ—

Консулъ Берникъ. Я ничего не говорилъ. Городъ не знаетъ ничего объ этомъ дѣлѣ, это все пустые слухи.

Г-жа Берникъ. Ахъ, какъ ты великодушенъ, Карстенъ!

Консулъ Берникъ. Ахъ оставь всѣ эти воспоминанія, прошу тебя! Ты не знаешь, какъ ты мучишь меня, растравляя старое. (*Ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ, затѣмъ бросаетъ въ сторону палку*). И зачѣмъ они вернулись домой какъ разъ теперь,—теперь, когда мнѣ необходимо поддерживать самое лучшее настроеніе въ городѣ и печати? Начнутъ писать корреспонденціи въ газеты сосѣднихъ городовъ! Какъ бы я ни отнесся къ нимъ, хорошо или дурно, все это будетъ обсуждаться и истолковываться вкривь и вкось. Начнутъ копаться въ прошломъ, подобно тому, какъ ты это дѣлаешь; въ такомъ обществѣ, какъ наше—(*Бросаетъ перчатки на столъ*). И нѣтъ у меня ни одного человѣка, съ которымъ я могъ бы переговорить и у котораго я могъ бы найти опору.

Г-жа Берникъ. Неужели ни одного, Карстенъ?

Консулъ Берникъ. Нѣтъ, кто же могъ бы это быть?—Получить ихъ себѣ на шею какъ разъ въ эту минуту! Нельзя сомнѣваться, что они устроятъ намъ скандалъ въ томъ, или иномъ видѣ—особенно, она. Какое это несчастье имѣть въ числѣ членовъ своей семьи такихъ людей!

Г-жа Берникъ. Да, я тутъ ничѣмъ не могу помочь.

Консулъ Берникъ. Чему ты не можешь помочь? Что ты въ родствѣ съ ними? Да, это совершенно вѣрно.

Г-жа Берникъ. Я также не просила ихъ возвращаться домой.

Консулъ Берникъ. Ну да, вотъ опять! Я не просила ихъ возвращаться домой, я не писала имъ; я не тянула ихъ домой, за волосы,—ахъ!—я знаю всю эту пѣсню наизусть.

Г-жа Берникъ (*разражаясь рыданіями*). Та такой недобрый —

Консулъ Берникъ. Ахъ! вотъ и отлично, плачь, пожалуйста, побольше, чтобы весь городъ узналъ объ этомъ и началъ болтать о насъ! Оставь всѣ эти глупости, Бетти! Садись тамъ, на террасу, сюда можетъ кто нибудь прійти. Или можетъ быть, тебѣ хочется, чтобы madame Берникъ видѣли съ красными глазами? Да, было бы восхитительно, если бы кто-нибудь вошелъ сюда и—Ну, я слышу, какъ кто-то идетъ въ корридорѣ, (*Раздается стукъ въ дверь*). Войдите!

(*Г-жа Берникъ уходитъ по садовой лѣстницѣ и садится на террасѣ съ вышиваніемъ въ рукахъ. Кораблестроитель Ауне входитъ справа*).

Кораблестроитель Ауне. Добраго утра, г. консулъ!

Консулъ Берникъ. Добраго утра; вы, конечно, догадываетесь, зачѣмъ я призвалъ васъ?

Кораблестроитель Ауне. Управляющій говорилъ мнѣ вчера, что г. консулъ недоволенъ—

Консулъ Берникъ. Я совсѣмъ недоволенъ ходомъ дѣлъ на верфи, Ауне. Вы никакъ не можете окончить работу съ потерпѣвшими крушеніе кораблями. „Пальмовое дерево“ давнымъ давно должно было отплыть въ море. Купецъ Вигеландъ каждый день приходитъ ко мнѣ и мучитъ меня; съ нимъ, вообще, страшно трудно имѣть дѣло.

Кораблестроитель Ауне. „Пальмовое дерево“ можетъ выйти въ море послѣ завтра.

Консулъ Берникъ. А-а, наконецъ! Американецъ „Indian Girl“, который стоитъ здѣсь пять недѣль и—

Кораблестроитель Ауне. Американецъ? А я понялъ, что мы должны

прежде всего заняться поправкою вашего корабля.

Консулъ Берникъ. Я не давалъ вамъ повода думать это. Надо было также возможно скорѣе спѣшить съ американцемъ, а между тѣмъ, вы ничего не дѣлали.

Кораблестроитель Ауне. Корабль совершенно сгнилъ въ своей нижней части, г. консулъ; чѣмъ больше мы его починяемъ, тѣмъ хуже.

Консулъ Берникъ. Виной всему не та причина, о которой вы упоминаете. Управляющій Крапъ сказалъ мнѣ всю правду. Вы не умѣете работать новыми машинами, которыя я доставилъ сюда, —или, вѣрнѣе, вы не хотите работать ими.

Кораблестроитель Ауне. Г. консулъ, мнѣ уже исполнилось пятьдесятъ лѣтъ. Я съ дѣтскаго возраста привыкъ работать старымъ способомъ.

Консулъ Берникъ. Которымъ мы теперь не можемъ пользоваться. Вы не думайте, Ауне, что это я дѣлаю изъ желанія получить больше прибыли; я въ прибыли не нуждаюсь; но я долженъ заботиться о томъ обществѣ, въ которомъ живу, и о томъ дѣлѣ, во главѣ котораго стою. И общество, и дѣло должны прогрессировать и подвигаться впередъ, иначе они погибнутъ.

Кораблестроитель Ауне. И я также стою на сторонѣ прогресса, г. консулъ.

Консулъ Берникъ. Да, для вашего ограниченнаго кружка, для рабочаго сословія. Ахъ, я прекрасно знаю васъ, какъ агитатора; вы держите рѣчи; вы возбуждаете народъ; но какъ только прогрессъ въ ощутительномъ образѣ представляется вамъ, напр. въ видѣ моихъ машинъ, вы сейчасъ же отворачиваетесь отъ него, вы пугаетесь.

Кораблестроитель Ауне. Да, я дѣйствительно пугаюсь, г. консулъ, я пугаюсь за судьбу той массы людей, у которыхъ машины отымутъ хлѣбъ. Г. консулъ такъ часто говоритъ о необходимости заботиться объ обществѣ; но я думаю, что у общества есть также свои обязанности. Какимъ образомъ наука и капиталъ могутъ вводить въ трудъ новыя открытія раньше, чѣмъ общество воспитаетъ поколѣніе, которое съумѣло бы воспользоваться ими?

Консулъ Берникъ. Вы слишкомъ много читаете и слишкомъ много размышляете, г. Ауне, это вамъ не приноситъ пользы; это заставляетъ васъ быть недовольнымъ своимъ положеніемъ.

Кораблестроитель Ауне. Дѣло не въ этомъ, г. консулъ, но я не могу выносить, чтобы честнымъ рабочимъ отказывали одному за другимъ, лишали ихъ куска насущнаго хлѣба, и все изъ-за этихъ машинъ.

Консулъ Берникъ. Когда открыто было книгопечатаніе, многіе писцы также остались безъ хлѣба.

Кораблестроитель Ауне. Интересно знать, г. консулъ, были бы вы рады изобрѣтенію книгопечатанія, если бы вы занимали какъ разъ въ это время должность писца?

Консулъ Берникъ. Я не послалъ за вами для того, чтобы спорить съ вами. Я пригласилъ васъ, чтобы сказать вамъ, что „Indian Girl“ долженъ быть готовъ къ отплытію на послѣзавтра.

Кораблестроитель Ауне. Но, г. консулъ—

Консулъ Берникъ. На послѣзавтра, слышите, въ тотъ же часъ, какъ и нашъ собственный пароходъ, ни однимъ часомъ позже. У меня есть свои причины спѣшить съ этимъ дѣломъ. Читали вы сегодняшія газеты? Ну, такъ вы знаете, что американцы опять надѣлали шуму. Эта возмутительная свора, въ концѣ концовъ, отравитъ весь городъ. Не проходитъ ни одной ночи, чтобы не было драки въ трактирахъ или на улицахъ; о всѣхъ другихъ безобразіяхъ я уже и не говорю.

Кораблестроитель Ауне. Да, это вѣрно, что народъ это плохой!

Консулъ Берникъ. А кто виноватъ во всемъ этомъ безобразіи, во всей этой сутолокѣ? Виноватымъ оказываюсь я! Да, изъ меня все это исходитъ. Эти журнальные писаки заявляютъ, что мы всю работу сосредоточиваемъ на „Пальмовомъ деревѣ“. Да, я, ставившій себѣ цѣлью примѣромъ дѣйствовать на своихъ согражданъ, долженъ выслушивать такія вещи. Этого просто невозможно вынесть. Я ничего не выиграю отъ того, что мое имя будутъ волочить по грязи.

Кораблестроитель Ауне. Имя г. консула пользуется такою хорошею славою, что ничто не можетъ повредить ему.

Консулъ Берникъ. Не теперь; именно въ настоящее время я нуждаюсь во всемъ уваженіи и благосклонности, которыми могутъ почтить меня мои сограждане. Я затѣялъ важное предпріятіе, какъ вы вѣроятно слышали, но если сложела-

тельнымъ людямъ удастся поколебать глубокое довѣріе, которымъ я до сихъ поръ пользовался, это можетъ приготовить мнѣ самыя величайшія затрудненія. Поэтому я хочу во что бы то ни стало избавиться отъ этихъ злостныхъ ядовитыхъ писакъ, и поэтому я назначилъ срокъ на послѣзавтра.

Кораблестроитель Ауне. Г. консулъ, вы могли бы съ такимъ же удобствомъ назначить срокъ на сегодня послѣ полудня.

Консулъ Берникъ. Вы хотите сказать, что я требую невозможнаго?

Кораблестроитель Ауне. Да, съ тѣми рабочими, которые у насъ имѣются—

Консулъ Берникъ. Хорошо, хорошо, въ такомъ случаѣ мы найдемъ другихъ.

Кораблестроитель Ауне. Неужели вы въ самомъ дѣлѣ думаете расчитывать еще нѣсколькихъ изъ старыхъ рабочихъ?

Консулъ Берникъ. Нѣтъ, я этого не думаю.

Кораблестроитель Ауне. Потому что, если вы это сдѣлаете, въ городѣ всѣ возмутятся вашимъ поступкомъ, возмутятся и газеты—

Консулъ Берникъ. Весьма возможно: пусть себѣ дѣлаютъ, что хотятъ. Но если „Indian Girl“ не будетъ готовъ къ отплытію послѣзавтра, я вамъ дамъ отставку.

Кораблестроитель Ауне(*вздрагивая*). Мнѣ? (*Смѣется*). Вы шутите, г. консулъ.

Консулъ Берникъ. Совѣтую вамъ на это не разсчитывать.

Кораблестроитель Ауне. Вы намѣрены меня разсчитать? Меня? Вы забыли, что мой отецъ и дѣдъ прослужили на верфи всю свою жизнь, что я самъ также—

Консулъ Берникъ. Кто же меня принуждаетъ къ этому?

Кораблестроитель Ауне. Вы требуете отъ меня невозможнаго.

Консулъ Берникъ. Ахъ, при доброй волѣ нѣтъ ничего невозможнаго. Да или нѣтъ? Отвѣчайте мнѣ опредѣленно, или вы немедленно получите отставку.

Кораблестроитель Ауне (*дѣлая шагъ впередъ*). Г. консулъ, вы хорошо обдумали, что значитъ давать отставку старому рабочему? Вы воображаете, что ему легко найти послѣ этого другую какую-нибудь работу? Ахъ да, онъ можетъ, конечно, найти ее, но развѣ этимъ все сдѣлано? Вамъ слѣдовало присутствовать хоть разъ въ домѣ такого отставленнаго рабочаго, когда онъ вечеромъ возвращается домой и ставитъ орудіе работы передъ дверью—

Консулъ Берникъ. А вы думаете, я съ легкимъ сердцемъ даю вамъ разсчетъ? Развѣ я не былъ всегда хорошимъ и справедливымъ хозяиномъ?

Кораблестроитель Ауне. Тѣмъ хуже, г. консулъ. Поэтому-то домашніе никогда не скажутъ, что вы неправы; они не рѣшатся мнѣ сказать что-нибудь, потому что не посмѣютъ, но они будутъ смотрѣть на меня, когда я не замѣчаю этого, и думать про себя: онъ, навѣрное, заслужилъ этого. Видите, этого — этого я не въ силахъ буду вынести. Я маленькій человѣкъ, но я привыкъ считаться первымъ среди своихъ. Мой скромный домъ представляетъ также маленькое общество, г. консулъ. Это маленькое общество я могъ поддерживать только потому, что моя жена вѣрила въ меня, и также потому, что мои дѣти вѣрили въ меня. А теперь все это разомъ рушится.

Консулъ Берникъ. Да, разъ нельзя поступать иначе, малое должно уступить большему; часть должна во имя Бога быть принесена въ жертву цѣлому. Другого отвѣта я не могу дать, и нигдѣ не поступаютъ иначе въ цѣломъ мірѣ. Но вы страшно упорный человѣкъ, Ауне! Вы противитесь мнѣ не потому, что не можете поступать иначе, но потому, что вы не желаете выказать во всемъ блескѣ превосходство машинъ надъ человѣческими руками.

Кораблестроитель Ауне. А вы, г. консулъ, твердо стоите на своемъ, такъ какъ знаете, что моей отставкою вы докажете печати свою добрую волю.

Консулъ Берникъ. А если и такъ? Вѣдь вы слышали отъ меня, какое глубокое значеніе имѣетъ для меня вопросъ: будетъ ли пресса преслѣдовать меня или относиться благосклонно ко мнѣ какъ разъ въ ту минуту, когда я работаю на пользу грандіознаго дѣла, которое должно принесть громадную пользу обществу. Что же мнѣ дѣлать? Могу ли я поступать иначе, чѣмъ поступаю? Могу прямо сказать вамъ, что вопросъ здѣсь идетъ о томъ, поддержать ли вашъ домъ, какъ вы выражаетесь, или, быть можетъ, поддержать сотни новыхъ домовъ здѣсь внизу, сотни домовъ, которые никогда не будутъ основаны, никогда не получатъ дымящагося очага, если мнѣ не удастся провести то, надъ чѣмъ я теперь работаю. Поэтому-то я вамъ и предоставилъ сдѣлать выборъ.

Кораблестроитель Ауне. Ну, если такъ, мнѣ нечего больше говорить.

Консулъ Берникъ. Гмъ, дорогой Ауне, мнѣ крайне жаль, что мы должны разстаться.

Кораблестроитель Ауне. Мы не разстанемся, г. консулъ.

Консулъ Берникъ. Какъ?

Кораблестроитель Ауне. И у простого человѣка можетъ быть что охранять здѣсь въ свѣтѣ.

Консулъ Берникъ. Да, конечно, конечно;—итакъ, вы мнѣ обѣщаете—

Кораблестроитель Ауне. „Indian Girl“ можетъ выйти въ море послѣ-завтра. (*Онъ кланяется и уходитъ направо).*

Консулъ Берникъ. Ага! удалось мнѣ, наконецъ, сломить упрямца! Это я считаю хорошимъ предзнаменованіемъ—

(Гильмаръ Теннесенъ съ сигарою во рту выходитъ черезъ садовую дверь).

Гильмаръ Теннесенъ *(у садовой двери).* Добраго утра, Бетти! Добраго утра, Берникъ!

Г-жа Берникъ. Добраго утра.

Гильмаръ Теннесенъ. А, ты плакала, какъ я вижу! Ты, значитъ, знаешь все?

Г-жа Берникъ. Что я знаю?

Гильмаръ Теннесенъ. Что скандалъ въ полномъ разгарѣ? Уфъ!

Консулъ Берникъ. Что это значитъ?

Гильмаръ Теннесенъ *(входитъ въ залъ).* Да, оба американца ходятъ по улицамъ и показываются въ обществѣ Дины Дорфъ.

Г-жа Берникъ *(слѣдуя за нимъ).* Но, Гильмаръ, это невозможно—?

Гильмаръ Теннесенъ. Къ несчастью, это полная правда. Лона была такъ безтактна, что позвала меня. Но я, конечно, сдѣлалъ видъ, что ничего не слышу.

Консулъ Берникъ. И это конечно, было замѣчено.

Гильмаръ Теннесенъ. Конечно, въ этомъ можешь быть увѣренъ. Народъ стоялъ тихо кругомъ и смотрѣлъ на нихъ. Казалось, вѣсть о пріѣздѣ американцевъ распространилась молніею по всему городу, —точно пожаръ въ западныхъ преріяхъ. Во всѣхъ домахъ стояли у оконъ люди и ждали, чтобы шествіе прошло мимо нихъ; они толпою тѣснились у гардинъ—уфъ! Да, извини, Бетти, но я долженъ сказать правду, она слишкомъ дѣйствуетъ на мои нервы; — если это продолжится, я рѣшусь предпринять болѣе продолжительное путешествіе.

Г-жа Берникъ. Но ты долженъ былъ заговорить съ нимъ, объяснить ему—

Гильмаръ Теннесенъ. Среди улицы! Нѣтъ, извини, пожалуйста. Но какъ эти люди осмѣливаются показываться здѣсь въ городѣ! Да надо ожидать, что печать выскажется противъ него; да, извини, Бетти, но—

Консулъ Берникъ. Печать? Ты говоришь печать; ты слышалъ намеки на этотъ счетъ?

Гильмаръ Теннесенъ. Нѣтъ, прямыхъ намековъ не было, но что-то въ родѣ. Я вышелъ вчера вечеромъ и отправился въ клубъ, все по причинѣ своей болѣзни. Тутъ я замѣтилъ по молчанію, воцарившемуся въ залѣ, что рѣчь шла объ нашихъ американцахъ. А тутъ явился безстыдникъ редакторъ Гаммеръ и поздравилъ меня съ пріѣздомъ моего богатаго кузена.

Консулъ Берникъ. Богатаго—?

Гильмаръ Теннесенъ. Такъ онъ выразился. Я, конечно, измѣрилъ его взглядомъ, вполнѣ заслуженнымъ, и далъ ему понять, что не имѣю никакого понятія о богатствѣ Іогана Теннесена. „Да“, сказалъ онъ, „что же тутъ такого удивительнаго! Въ Америкѣ всегда преуспѣваютъ тѣ люди, которые имѣютъ съ чего начать какое-нибудь дѣло, а вашъ кузенъ отправился по морю не съ пустыми рукамп“.

Консулъ Берникъ. Гмъ, сдѣлай мнѣ, пожалуйста, одолженіе—

Г-жа Берникъ *(съ огорченіемъ).* Вотъ видишь, Карстенъ—

Гильмаръ Теннесенъ. Я, во всякомъ случаѣ, провелъ изъ-за этой особы безсонную ночь. А онъ расхаживаетъ по городу съ такимъ лицомъ, какъ будто ничего дурного не сдѣлалъ. Почему онъ сразу не пропалъ? Просто невыносимо, какъ нѣкоторые люди бываютъ живучи!

Г-жа Берникъ. О Боже, Гильмаръ, какъ ты можешь такъ говорить!

Гильмаръ Теннесенъ. Но ему удалось выйти здравымъ и невредимымъ изъ всѣхъ желѣзнодорожныхъ крушеній, изъ всѣхъ нападеній калифорнскихъ медвѣдей, краснокожихъ индѣйцевъ, его даже ни разу не скальпировали. Уфъ! А вотъ и они.

Консулъ Берникъ *(выглядывая на улицу).* Олафъ также съ ними!

Гильмаръ Теннесенъ. Да, конечно, эти люди хотятъ напомнить народу, что

они принадлежатъ къ числу членовъ первой фамиліи нашего города. Посмотрите, посмотрите, всѣ зѣваки вышли изъ аптеки, смотрятъ имъ вслѣдъ и дѣлаютъ свои замѣчанія. Нѣтъ, этого зрѣлища мои нервы не въ силахъ вынести; какимъ образомъ человѣкъ при такихъ обстоятельствахъ можетъ высоко держать знамя идей, это—

Консулъ Берникъ. Они идутъ сюда. Послушай, Бетти, я требую, чтобы ты приняла ихъ самымъ дружелюбнымъ образомъ.

Г-жа Берникъ. Ты мнѣ это разрѣшаешь, Карстенъ?

Консулъ Берникъ. Да, конечно, да, конечно, и ты также, Гильмаръ. Надо надѣяться, что они не долго пробудутъ среди насъ.—А когда мы будемъ наединѣ съ ними—никакихъ намековъ!—Не слѣдуетъ никоимъ образомъ отталкивать ихъ.

Г-жа Берникъ. О, Карстенъ, какъ ты великодушенъ.

Консулъ Берникъ. Ну, ну, оставь это.

Г-жа Берникъ. Нѣтъ, дай мнѣ поблагодарить тебя и прости, что я была такъ вспыльчива съ тобою. Ахъ, ты имѣлъ полное право—

Консулъ Берникъ. Оставь, оставь; говорю я тебѣ!

Гильмаръ Теннесенъ. Уфъ!

(Іоганъ Теннесенъ и Дина, за ними Лона Гессель и Олафъ, приходятъ черезъ садъ).

Лона Гессель. Добраго утра! Добраго утра, дорогіе мои!

Іоганъ Теннесенъ. Ну, мы гуляли по городу и разсматривали старыя мѣста, Карстенъ.

Консулъ Берникъ. Да, мнѣ это говорили. Ты много нашелъ перемѣнъ, не правда ли?

Лона Гессель. Повсюду великіе и славныя дѣянія консула Берника. Мы были наверху въ саду, который ты подарилъ городу.

Консулъ Берникъ. Ну и что же?

Лона Гессель. „Даръ Карстена Берника“ написано у входныхъ воротъ. Да, все въ городѣ создано тобою—

Іоганъ Теннесенъ. И какіе у тебя хорошіе корабли! Я встрѣтился съ капитаномъ „Пальмоваго Дерева“. Это мой школьный товарищъ—

Лона Гессель. Да, ты построилъ также новую школу, устроилъ газовое освѣщеніе, водопроводы, всѣмъ этимъ они обязаны тебѣ, какъ я слышала.

Консулъ Берникъ. Ну, надо работать на пользу того общества, среди котораго живешь.

Лона Гессель. Да, это прекрасно, зять. Но пріятно видѣть, какъ народъ уважаетъ тебя. Я не тщеславна, ты это знаешь, но я не упускала случая напомнить тому или другому изъ встрѣчныхъ, съ которыми намъ пришлось разговаривать, о нашей принадлежности къ семьѣ.

Гильмаръ Теннесенъ. Уфъ!

Лона Гессель. А ты попрежнему продолжаешь говорить уфъ?

Гильмаръ Теннесенъ. Нѣтъ, я сказалъ гмъ—

Лона Гессель Ну, можешь говорить, что хочешь, бѣдняжка! Но вы сегодня совершенно одни?

Г-жа Берникъ. Да, сегодня мы одни.

Лона Гессель. Да, мы на площади встрѣтили нѣсколькихъ изъ этихъ нравственныхъ созданій; онѣ дѣлали видъ, какъ будто страшно спѣшили куда-то. Но мы все еще ни разу съ вами не переговорили, какъ слѣдуетъ; вчера здѣсь присутствовали тѣ три піонерши, а затѣмъ былъ еще этотъ пасторъ—

Гильмаръ Теннесенъ. Адьюнктъ.

Лона Гессель. Я называю его пасторомъ. Но какъ вы находите *мое* произведеніе? Измѣнился онъ за эти пятнадцать лѣтъ? Не правда ли, какимъ статнымъ малымъ сдѣлался онъ? Кто бы узналъ въ немъ того повѣсу, который когда-то убѣжалъ изъ дому?

Гильмаръ Теннесенъ. Гмъ!

Іоганъ Теннесенъ. Ахъ, Лона! Ты слишкомъ ужъ много меня восхваляешь!

Лона Гессель. Ну, нѣтъ! Я не могу не гордиться тобою! Господи Боже, вѣдь ты мое единственное произведеніе, такъ что я имѣю полное право хвастаться имъ. Да, Іоганъ, когда я подумаю, какъ мы оба начали тамъ свою жизнь съ нашими четырмя голыми лапами—

Гильмаръ Теннесенъ. Руками.

Лона Гессель. Я говорю лапами, потому что они были грязны.

Гильмаръ Теннесенъ. Уфъ—!

Лона Гессель. И притомъ онѣ были пусты.

Гильмаръ Теннесенъ. Пусты? Нѣтъ, на это я долженъ сказать—

Лона Гессель. Что ты долженъ сказать?

Консулъ Берникъ. Гмъ!

Гильмаръ Теннесенъ. Теперь я

долженъ сказать—уфъ! (*Уходитъ по садовой лѣстницѣ*).

Лона Гессель. Что сталось съ этимъ человѣкомъ?

Консулъ Берникъ. Ахъ, не обращай на него вниманія, онъ въ послѣднее время сдѣлался страшно нервнымъ. Но не хочешь ли прогуляться немного по саду? Ты ни разу еще не спускалась въ садъ, а у меня теперь какъ разъ одинъ часъ свободнаго времени.

Лона Гессель. Охотно, охотно; я очень часто переносилась мысленно въ вашъ садъ.

Г-жа Берникъ. Ты увидишь, что въ немъ произошли большія перемѣны.

(*Консулъ, его жена, Лона Гессель спускаются въ садъ, гдѣ ихъ видно гуляющими взадъ и впередъ во время послѣдующей сцены*).

Олафъ (*у садовой двери*). Дядя Гильмаръ, знаешь, что меня спрашивалъ дядя Іоганъ? Онъ спрашивалъ, не хочу ли я поѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Америку?

Гильмаръ Теннесенъ. Послушай, дурачекъ, ты все ходишь и прячешься въ юбкахъ своей матери.

Олафъ. Да, но этого больше не будетъ! Когда я сдѣлаюсь большимъ—

Гильмаръ Теннесенъ. Ахъ, глупости! Ты не чувствуешь никакого серьезнаго стремленія къ тѣмъ грандіознымъ подвигамъ, которые заключаются въ томъ, чтобы—(*Спускаются въ садъ*).

Іоганъ Теннесенъ (*Динѣ, которая сняла шляпу и, стоя направо въ дверяхъ, отряхаетъ пыль съ своего платья*). Вы сильно разгорячились отъ этой прогулки.

Дина. Да, это была восхитительная прогулка. Такой восхитительной прогулки я никогда не дѣлала.

Іоганъ Теннесенъ. Вы, можетъ быть, рѣдко ходите на утреннія прогулки?

Дина. Нѣтъ, я часто хожу гулять, но только съ однимъ Олафомъ.

Іоганъ Теннесенъ. Да? Можетъ быть вамъ пріятнѣе пойти прогуляться въ садъ, чѣмъ оставаться здѣсь?

Дина. Нѣтъ, мнѣ больше нравится оставаться здѣсь.

Іоганъ Теннесенъ. И мнѣ также. Мы, значитъ, рѣшимъ каждое утро совершать вмѣстѣ такую прогулку.

Дина. Нѣтъ, г. Теннесенъ, вы этого не должны дѣлать.

Іоганъ Теннесенъ. Что я не долженъ дѣлать? Вы мнѣ, вѣдь, обѣщали.

Дина. Да, но когда я подумаю обо всемъ, мнѣ кажется,—вы не должны выходить со мною.

Іоганъ Теннесенъ. Почему нѣтъ?

Дина. Да, вы посторонній человѣкъ, вы ничего не можете понять, но я должна сказать вамъ—

Іоганъ Теннесенъ. Ну!

Дина. Нѣтъ, я лучше ничего не скажу.

Іоганъ Теннесенъ. Да, конечно! Ахъ, нѣтъ, говорите, мнѣ вы можете говорить, что хотите.

Дина. Ну такъ я вамъ скажу, что я не такая, какъ всѣ другія дѣвушки. Во мнѣ есть нѣчто—нѣчто особенное. Поэтому вы не должны гулять со мною.

Іоганъ Теннесенъ. Но я ничего не понимаю во всемъ этомъ. Вы, вѣдь, не сдѣлали ничего дурного?

Дина. Нѣтъ, не я, но—; нѣтъ, я не хочу больше говорить объ этомъ. Вы узнаете объ всемъ отъ другихъ.

Іоганъ Теннесенъ. Гмъ!

Дина. Но я хотѣла спросить васъ о чемъ-то другомъ.

Іоганъ Теннесенъ. О чемъ же?

Дина. Въ Америкѣ, должно быть, такъ легко добиться хорошаго положенія, не правда-ли?

Іоганъ Теннесенъ. Нельзя сказать, чтобы это было особенно легко! Приходится терпѣть много непріятнаго и тяжко работать въ первое время.

Дина. Ну, работать я буду охотно.

Іоганъ Теннесенъ. Вы?

Дина. Я умѣю работать; я сильна и здорова, и тетя Марта меня многому научила.

Іоганъ Теннесенъ. Чортъ побери! Въ такомъ случаѣ, поѣдемъ съ нами!

Дина. Ахъ, теперь вы опять шутите; тоже самое вы говорили и Олафу. Но я хотѣла бы знать одно, какіе тамъ люди? Очень ли они...—какъ бы это выразиться? —очень ли они нравственны?

Іоганъ Теннесенъ. Нравственны?

Дина. То есть, я хочу сказать, такіе ли они приличные и порядочные, какъ здѣсь?

Іоганъ Теннесенъ. Ну, они во всякомъ случаѣ не такъ плохи, какъ думаютъ. Вы не должны бояться ихъ.

Дина. Вы меня не понимаете. Я именно желаю, чтобы они не были такъ ужъ очень приличны и нравственны.

Іоганъ Теннесенъ. Да? Почему же вы этого хотите?

Дина. Я хотѣла бы, чтобы они были естественны...

Іоганъ Теннесенъ. Да, да. Они именно такіе, какими вы хотите ихъ видѣть.

Дина. Въ такомъ случаѣ для меня было-бы очень хорошо переѣхать по ту сторону океана.

Іоганъ Теннесенъ. Конечно, это было-бы хорошо для васъ. Поэтому то вы и должны поѣхать съ нами.

Дина. Нѣтъ, съ вами я не хотѣлабы ѣхать; я предпочла бы ѣхать одной. Ахъ, я навѣрное добилась бы чего нибудь; я могла бы еще сдѣлаться честной, хорошей—

Консулъ Берникъ (*появляется внизу садовой лѣстницы рядомъ съ обѣими дамами*). Оставайтесь, оставайтесь; я принесу тебѣ, дорогая Бетти, ты такъ легко простуживаешься! (*Входитъ въ залъ и ищетъ шаль своей жены*).

Г-жа Берникъ (*изъ сада*). Ты также долженъ сойти сюда въ садъ, Іоганъ; мы спустимся внизъ, въ гротъ.

Консулъ Берникъ. Нѣтъ, теперь Іоганъ долженъ остаться здѣсь. Иди сюда, Дина, возьми шаль моей жены и отнеси ей. Іоганъ останется здѣсь со мной, дорогая Бетти; я хочу узнать у него кое-что о тамошнихъ отношеніяхъ.

Г-жа Берникъ. Да, да; но затѣмъ приходи къ намъ; ты знаешь, гдѣ насъ найти.

(*Г-жа Берникъ, Лона Гессель и Дина спускаются въ садъ налѣво*).

Консулъ Берникъ (*нѣсколько минутъ глядитъ вслѣдъ имъ, затѣмъ идетъ къ крайней двери налѣво, запираетъ ее, подходитъ къ Іогану, беретъ его за обѣ руки и крѣпко пожимаетъ ихъ*). Іоганъ, теперь мы одни; теперь я могу отъ души поблагодарить тебя!

Іоганъ Теннесенъ. Ну, что за глупости!

Консулъ Берникъ. Мой домъ, мой очагъ, мое семейное счастье, мое положеніе въ обществѣ—всѣмъ я обязанъ тебѣ!

Іоганъ Теннесенъ. Ну, это меня отъ души радуетъ, дорогой Карстенъ: значитъ, изъ всей этой безумной исторіи вышло что-нибудь хорошее.

Консулъ Берникъ (*опять пожимаетъ ему руки*). Благодарю, благодарю! Врядъ-ли можно найти одного человѣка изъ десяти тысячъ, который согласился бы сдѣлать то, что ты сдѣлалъ для меня!

Іоганъ Теннесенъ. Перестанемъ говорить объ этихъ пустякахъ! Развѣ мы оба не были въ то время молодыми и жизнерадостными? Одинъ изъ насъ долженъ былъ взять на себя вину.

Консулъ Берникъ. Но кто долженъ былъ ее взять на себя, какъ не виновный?

Іоганъ Теннесенъ. Остановись! Въ то время легче всего было взять на себя вину—невинному. Я былъ свободенъ тѣломъ и душою; родители мои умерли; работа въ конторѣ мнѣ смертельно надоѣла, такъ что я былъ отъ души радъ избавиться отъ нея. А у тебя, напротивъ того, жива была старушка—мать; и, кромѣ того, ты былъ втайнѣ помолвленъ съ Бетти, которая страстно любила тебя. Что бы съ нею сталось, если бы она узнала—?

Консулъ Берникъ. Правда, правда, правда; но—

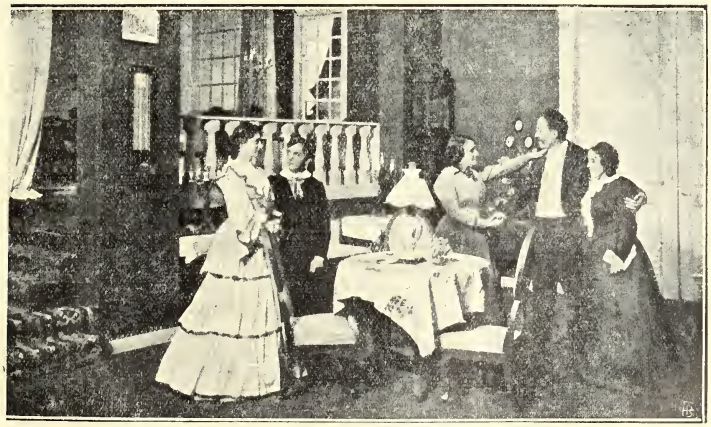
Іоганъ Теннесенъ. И развѣ не изъ-за Бетти ты прекратилъ твое ухаживанье за madame Дорфъ? Вѣдь, ты и отправился къ ней въ тотъ вечеръ только для того, чтобы порвать связь.—

Консулъ Берникъ. Да, въ тотъ несчастный вечеръ, когда этотъ пьяница вернулся домой—! Да, Іоганъ, все это дѣлалось изъ-за Бетти; но все же,—ты такъ великодушно принялъ все на себя и уѣхалъ.—

Іоганъ Теннесенъ. Оставь эти укоры совѣсти, дорогой Карстенъ! Мы рѣшили оба, что такъ должно быть; спасти тебя было необходимо—а ты былъ моимъ другомъ. Да, а этой дружбой я въ то время страшно гордился! Я здѣсь родился и жилъ, не выходя и не видя свѣта, какъ вдругъ ты вернулся домой изъ своего большого заграничнаго путешествія, побывавъ и въ Лондонѣ и въ Парижѣ, такой изящный, прекрасный, благородный! И ты избралъ меня своимъ близкимъ другомъ, хотя я былъ на четыре года моложе тебя;—да, ты это сдѣлалъ потому, что ухаживалъ за Бетти; теперь я понимаю все. Но какъ я тогда гордился твоимъ выборомъ меня въ друзья! И кто не гордился бы этимъ? Кто не согласился бы пожертвовать собой для тебя, въ особенности, когда вопросъ шелъ только о томъ, чтобы подвергнуться на мѣсяцъ сплетнямъ, и затѣмъ убѣжать далеко, далеко отсюда, на широкій Божій свѣтъ.

Консулъ Берникъ. Гмъ! дорогой Іоганъ, скажу тебѣ правду; вся эта исторія далеко не забыта.

Комедія любви
(1-й актъ).



Столпы общества.

Іоганъ Теннесенъ. Въ самомъ дѣлѣ? Ну, какое мнѣ дѣло до этого, разъ я буду опять спокойно сидѣть въ своей фермѣ!

Консулъ Берникъ. Ты, значитъ, уѣдешь обратно?

Іоганъ Теннесенъ. Само собой разумѣется.

Консулъ Берникъ. Надѣюсь, не скоро?

Іоганъ Теннесенъ. Возможно скорѣе. Я пріѣхалъ сюда только по желанію Лоны.

Консулъ Берникъ. Да? Какимъ же это образомъ?

Іоганъ Теннесенъ. Да, видишь-ли, Лона ужъ не молода, и въ послѣднее время мысль о родинѣ страшно мучила и привлекала ее; но она ни за что не хотѣла признаться мнѣ въ этомъ. (*Улыбается*). Какъ она могла рѣшиться оставить меня одного, легкомысленнаго малаго, въ Америкѣ, меня, который уже въ девятнадцать лѣтъ позволилъ себѣ—

Консулъ Берникъ. Ну и что-же?

Іоганъ Теннесенъ. Да, Карстенъ, теперь я долженъ сдѣлать признаніе, котораго отъ души стыжусь.

Консулъ Берникъ. Ты, надѣюсь, не сказалъ ей, какъ было дѣло въ дѣйствительности?

Іоганъ Теннесенъ. Да, это было не хорошо съ моей стороны, но я не могъ поступить иначе. Ты не имѣешь представленія о томъ, чѣмъ была для меня Лона. Ты никогда не могъ выносить ея; но для меня она была совершенно какъ мать. Первые годы, когда намъ такъ трудно жилось, ты и представить себѣ не можешь, какъ она много работала! И когда я нѣкоторое время пролежалъ больнымъ и ничего не могъ зарабатывать и ни въ чемъ не могъ помѣшать ей,—тогда она начала пѣть пѣсни въ кофейняхъ и читать лекціи, заставлявшія народъ хохотать; и затѣмъ она написала книгу, надъ которою она впослѣдствіи и плакала, и смѣялась,—и все для того, чтобы поддержать во мнѣ жизнь. И могъ ли я вынести, чтобы она ходила и мучилась, послѣ того какъ она столько вынесла и выстрадала изъ-за меня? Нѣтъ, я этого не могъ, Карстенъ. И тогда я сказалъ ей: поѣзжай одна, Лона; не бойся за меня; я не такой легкомысленный, какъ ты думаешь. И тогда—и тогда она узнала правду.

Консулъ Берникъ. Какъ же она отнеслась къ твоему признанію?

Іоганъ Теннесенъ. Ну, тогда она сказала, совершенно правильно, что разъ я не виновенъ, то ничто не мѣшаетъ мнѣ отправиться на родину вмѣстѣ съ ней. Но будь спокоенъ: Лона никому не выдастъ нашей тайны, а я также въ другой разъ не проговорюсь.

Консулъ Берникъ. Да, да, въ этомъ я совершенно увѣренъ.

Іоганъ Теннесенъ. Вотъ тебѣ моя рука. Прекратимъ, наконецъ, разговоръ о всѣхъ этихъ старыхъ исторіяхъ. Къ счастью, одинъ изъ насъ провинился только въ этомъ *одномъ* безумномъ поступкѣ. Теперь я хочу воспользоваться тѣми немногими днями, которые мнѣ приходится проводить здѣсь. Ты не повѣришь, какую чудную прогулку мы совершили сегодня утромъ! Кто бы повѣрилъ, что та маленькая дѣвочка, которая бѣгала здѣсь и играла ангеловъ въ театрѣ—! Но, послушай, скажи мнѣ,—что сталось затѣмъ съ ея родителями?

Консулъ Берникъ. Ахъ, дорогой, я ничего не могу больше разсказать, кромѣ того, что я тебѣ написалъ тотчасъ послѣ твоего отъѣзда. Да, ты, конечно, получилъ оба письма.

Іоганъ Теннесенъ. Ну да, конечно; я ихъ сохранилъ оба. Тотъ пьяница убѣжалъ тогда отъ нея?

Консулъ Берникъ. А затѣмъ въ пьяномъ видѣ убилъ себя.

Іоганъ Теннесенъ. И *она* умерла вскорѣ послѣ этого? Но, конечно, ты сдѣлалъ для нея все, что могъ сдѣлать въ тайнѣ?

Консулъ Берникъ. Она была горда, она никому ничего не сказала и ничего не захотѣла принять.

Іоганъ Теннесенъ. Ну, во всякомъ случаѣ, было хорошо съ твоей стороны, что ты взялъ въ свой домъ Дину.

Консулъ Берникъ. Да, конечно. Впрочемъ, на этомъ настояла Марта.

Іоганъ Теннесенъ. Такъ это была Марта? Да, Марта—это правда,—но гдѣ же она сегодня?

Консулъ Берникъ. Ахъ, она—-! Если она не въ школѣ, то, конечно, у своихъ больныхъ.

Іоганъ Теннесенъ. Такъ это Марта позаботилась о ней?

Консулъ Берникъ. Да, Марта всегда выказывала слабость къ педагогической дѣятельности. Поэтому-то она и заняла мѣсто учительницы въ народной

школѣ. Это была большая глупость съ ея стороны.

Іоганъ Теннесенъ. Да, она сильно поддалась; я еще вчера замѣтилъ это. Боюсь, что ея здоровье не выноситъ такихъ трудовъ.

Консулъ Берникъ. О, что касается здоровья, то его у нея хватитъ. Но это непріятно для *меня*: могутъ подумать, что я, ея братъ, не хочу содержать сестры.

Іоганъ Теннесенъ. Содержать? А я думалъ, что у нея собственное состояніе.

Консулъ Берникъ. Ни одной копѣйки. Ты помнишь, какая трудная пора наступила для моей матери, когда ты уѣзжалъ. Она нѣкоторое время продолжала вести свои дѣла съ моею помощью; но конечно, продолжать это долгое время было неудобно для меня. Тогда я вступилъ въ фирму въ качествѣ компаньона; но и это не помогло дѣлу. Тогда я взялъ на себя все,—и когда мы свели счеты, оказалось, что на долю матери не досталось ровно ничего. Когда мать вскорѣ умерла, Марта осталась также безъ гроша за душою.

Іоганъ Теннесенъ. Бѣдняжка Марта!

Консулъ Берникъ. Бѣдняжка? Это почему? Ты, надѣюсь, не думаешь, что я заставляю ее нуждаться въ чемъ-нибудь? Ахъ, нѣтъ! Смѣю сказать, что я былъ для нея всегда добрымъ братомъ. Она, конечно, живетъ вмѣстѣ съ нами и обѣдаетъ за нашимъ столомъ; жалованье, получаемое ею въ качествѣ учительницы, она тратитъ на то, чтобы одѣваться; она одинокая женщина, чего ей больше желать?

Іоганъ Теннесенъ. Гмъ! Мы такъ не разсуждаемъ въ Америкѣ.

Консулъ Берникъ. Ну да, охотно вѣрю тебѣ... въ такомъ возбужденномъ обществѣ, какъ американское. Но здѣсь, въ нашемъ маленькомъ кружкѣ, гдѣ, слава Богу, испорченность нравовъ не нашла себѣ еще доступа,—здѣсь женщины довольствуются, покамѣстъ, приличнымъ, хотя и скромнымъ положеніемъ. Впрочемъ, виновата во всемъ сама Марта: она давно бы могла достигнуть болѣе обезпеченнаго положенія, если бы захотѣла.

Іоганъ Теннесенъ. Ты хочешь сказать, что она могла бы выйти замужъ?

Консулъ Берникъ. Да. Ей представлялось не мало хорошихъ партій; ей не разъ дѣлали предложенія. Странно даже, право, сказать! Дѣвушка безъ всякихъ средствъ, уже немолодая и притомъ совсѣмъ не выдающаяся.

Іоганъ Теннесенъ. Не выдающаяся?

Консулъ Берникъ. Ну, конечно, я не ставлю ей этого въ вину. Я даже не желалъ бы,чтобы она была иною. Ты понимаешь,—въ такомъ большомъ домѣ, какъ нашъ,—всегда хорошо имѣть подъ рукою такого спокойнаго, уровновѣшеннаго человѣка, котораго можно въ случаѣ нужды употребить на то или иное дѣло.

Іоганъ Теннесенъ. Да, но *она*—?

Консулъ Берникъ. Она?—что ты хочешь этимъ сказать? Ну да, у *нея* есть конечно, чѣмъ интересоваться: я и Бетти, Олафъ и я. Люди не должны прежде всего думать о себѣ, въ особенности женщины. У всѣхъ насъ есть большее или меньшее общество, которое мы должны поддерживать и для котораго мы должны работать. По крайней мѣрѣ, такъ поступаю *я*. (*Указываетъ на управляющаго Крапа, подходящаго справа*). Да вотъ сейчасъ получишь доказательство. Ты думаешь, меня занимаютъ мои собственныя дѣла? Нисколько. (*Обращаясь быстро къ Крапу*). Ну?

Управляющій Крапъ (*вполголоса, указывая на связку бумагъ*). Всѣ купчія въ порядкѣ.

Консулъ Берникъ. Превосходно! Отлично!—Да, шуринъ, а теперь ты меня на нѣкоторое время извинишь. (*Вполголоса, пожимая ему руки*). Благодарю, благодарю, Іоганъ; и будь увѣренъ, что я всѣмъ готовъ служить тебѣ,—ну, ты меня понимаешь!—Пойдемъ, г. Крапъ. (*Уходятъ въ кабинетъ консула*).

Іоганъ Теннесенъ (*смотритъ нѣсколько минутъ ему вслѣдъ*). Гмъ! (*Онъ хочетъ спуститься въ садъ. Въ эту самую минуту Марта Берникъ входитъ справа съ маленькой корзиной на рукѣ*). А, вотъ и Марта!

Марта Берникъ Ахъ, Іоганъ, это ты?

Іоганъ Теннесенъ. Такъ рано, и уже за работой?

Марта Берникъ. Да. Подожди немного; сюда прійдутъ другіе. (*Хочетъ уйти на лѣво*).

Іоганъ Теннесенъ. Послушай, Марта, ты всегда такъ сильно спѣшишь?

Марта Берникъ. Я?

Іоганъ Теннесенъ. Вчера ты ушла отъ меня, такъ что я не могъ сказать ни одного слова; а сегодня—

Марта. Да, но—

Іоганъ. Прежде мы всегда были вмѣстѣ; мы въ дѣтствѣ постоянно играли другъ съ другомъ.

Марта. Ахъ, Іоганъ, сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ!

Іоганъ. Ну, Господи Боже, съ тѣхъ поръ прошло пятнадцать лѣтъ, ни больше, ни меньше. Ты, можетъ быть, находишь, что я очень перемѣнился съ тѣхъ поръ?

Марта. Ты? Ахъ да, и ты также; хотя все же —

Іоганъ. Что ты хочешь сказать?

Марта. Ахъ, ничего!

Іоганъ. Ты какъ будто не особенно радуешься свиданію со мною!

Марта. Я ждала тебя такъ долго, Іоганъ,—слишкомъ долго!

Іоганъ. Ждала? Ждала, что я вернусь?

Марта. Да.

Іоганъ. Но почему же ты ожидала, что я непремѣнно вернусь?

Марта. Чтобы искупить то, въ чемъ ты прегрѣшилъ.

Іоганъ. Я?

Марта. А развѣ ты забылъ, что ты оставилъ на родинѣ женщину, которая умерла въ нуждѣ и позорѣ по твоей винѣ? Ты забылъ, что по твоей винѣ лучшіе годы подрастающаго ребенка были испорчены?

Іоганъ. И это я долженъ выслушивать отъ тебя! Марта, развѣ твой братъ никогда—?

Марта. Что-же мой братъ могъ сдѣлать?

Іоганъ. Неужели онъ никогда—? Ну да, я хочу сказать, неужели онъ не находилъ слова извиненія для меня?

Марта. Ахъ, Іоганъ, ты вѣдь знаешь строгія правила Карстена.

Іоганъ. Гмъ! Да, конечно, конечно, я знаю строгія правила моего стараго друга Карстена. Но, вѣдь, это—! Ну!.. Я только что разговаривалъ съ нимъ. Мнѣ кажется, что онъ сильно перемѣнился.

Марта. Какъ ты можешь это говорить? Карстенъ былъ всегда замѣчательнымъ человѣкомъ.

Іоганъ. Да, я не то хотѣлъ сказать; но оставимъ это. Гмъ! теперь я понимаю, въ какомъ свѣтѣ ты представляла себѣ меня; ты все ходила и ждала возвращенія домой блуднаго сына.

Марта. Послушай, Іоганъ, я скажу, въ какомъ свѣтѣ я представляла себѣ тебя. (*Указываетъ на садъ*). Видишь ты ее? Ту, которая играетъ въ травѣ съ Олафомъ? Это Дина. Помнишь то, наскоро набросанное письмо, которое ты написалъ мнѣ, прежде чѣмъ уѣхать? Ты писалъ, что я должна вѣрить въ тебя. Я и вѣрила въ тебя, Іоганъ. Все то дурное, что разсказывали потомъ здѣсь о тебѣ, ты могъ совершить только въ минуту затменія, не думая о томъ, что дѣлаешь.

Іоганъ. Что ты хочешь сказать?

Марта Ахъ, ты меня и такъ отлично понимаешь. Ни слова больше объ этомъ! Но уѣхать ты долженъ былъ, начать вдали отъ насъ новую жизнь. Видишь-ли, Іоганъ, я замѣстила тебя здѣсь дома, я, подруга твоихъ дѣтскихъ игръ. Тѣ обязанности, которыя ты забылъ исполнить здѣсь или не могъ исполнить, я ихъ исполнила за тебя. Я говорю это тебѣ, чтобы ты не могъ упрекать себя въ чемъ-нибудь. Для бѣднаго покинутаго ребенка я сдѣлалась второю матерью. Я воспитала дѣвочку, на сколько могла хорошо—

Іоганъ. И пожертвовала для этого всею своею жизнью?

Марта. Я пожертвовала ею не даромъ, но ты пришелъ слишкомъ поздно.

Іоганъ. Марта, еслибы я могъ сказать—ну, во всякомъ случаѣ, позволь мнѣ поблагодарить тебя за твою вѣрную дружбу.

Марта (*грустно улыбаясь*). Гмъ! Да, теперь мы высказали другъ другу все, что у насъ было на душѣ, Іоганъ. Тише, кто-то идетъ. Прощай, я не могу теперь—

(*Она уходитъ черезъ крайнюю дверь налѣво. Лона Гессель входитъ изъ сада въ сопровожденіи г-жи Берникъ*).

Г-жа Берникъ (*еще въ саду*). Но, Господи Боже, Лона, что ты это задумала!

Лона Гессель. Оставь меня, говорю я тебѣ; я должна пойти переговорить съ нимъ.

Г-жа Берникъ. Но вѣдь это будетъ страшнѣйшій скандалъ! Ахъ, Іоганъ, ты еще здѣсь?

Лона Гессель. Убирайся отсюда, мальчикъ! Не стой здѣсь въ пыльномъ воздухѣ! Пойди въ садъ поболтать съ Диной.

Іоганъ. Да я это и хотѣлъ сдѣлать.

Г-жа Берникъ. Но—

Лона Гессель. Послушай, Іоганъ, ты хорошенько присмотрѣлся къ Динѣ?

Іоганъ. Да, кажется.

Лона Гессель. Да, ты хорошенько познакомься съ ней. Вотъ подходящая для тебя дѣвушка!

Г-жа Берникъ. Послушай, Лона—!

Іоганъ. Подходящая для меня?

Лона Гессель. Да, чтобы смотрѣть на нее,—вотъ что я хочу сказать. А теперь убирайся!

Іоганъ. Да, да, да, ухожу-съ большимъ удовольствіемъ. *(Спускается въ садъ).*

Г-жа Берникъ. Лона, я совершенно остолбенѣла. Ты, вѣдь, не можешь говорить это серьезно?

Лона Гессель. Отчего нѣтъ? Развѣ она не хороша, не молода, вообще, развѣ она не славная дѣвушка? Это какъ разъ подходящая жена для Джона. Такую именно ему и нужно въ Америкѣ; это нѣчто совсѣмъ другое, чѣмъ старая сводная сестра.

Г-жа Берникъ. Дина! Дина Дорфъ! —подумай только объ этомъ.

Лона Гессель. Я думаю прежде всего и больше всего о счастьи моего мальчика. Помочь ему я должна; самъ онъ никогда не будетъ въ состояніи помочь себѣ, онъ никогда не имѣлъ понятія о томъ, какъ нужно обращаться съ дѣвушками, вообще съ женщинами.

Г-жа Берникъ. Онъ? Іоганъ! Ну, мнѣ кажется, у насъ есть много печальныхъ доказательствъ.

Лона Гессель. Ахъ, чортъ побери всю эту глупую исторію! Но куда-же дѣвался Берникъ? Я хочу переговорить съ нимъ.

Г-жа Берникъ. Лона, ты этого не сдѣлаешь, говорю я тебѣ!

Лона Гессель. Нѣтъ, сдѣлаю! Если мальчикъ понравится ей, а она ему, —то они и получатъ другъ друга. Берникъ такой умный человѣкъ; онъ навѣрное найдетъ исходъ—

Г-жа Берникъ. И ты воображаешь, что эти американскія гнусности могутъ быть терпимы здѣсь—?

Лона Гессель. Пустяки, Бетти!

Г-жа Берникъ. Чтобы человѣкъ, такой какъ Карстенъ, съ его строгими нравственными принципами—

Лона Гессель. Глупости, они ужъ не такъ страшно строги!

Г-жа Берникъ. Какъ ты смѣешь это говорить?

Лона Гессель. Я смѣю говорить, что Берникъ нисколько не болѣе нравственный, чѣмъ всѣ другіе мужчины.

Г-жа Берникъ. Какъ глубоко все еще сидитъ въ тебѣ ненависть къ нему! Но зачѣмъ ты пріѣхала сюда, если никогда не могла забыть, что—? Я не понимаю, какъ ты осмѣлилась стать лицомъ къ лицу съ нимъ послѣ ужаснаго оскорбленія, которое ты ему когда-то нанесла!

Лона Гессель. Да, Бетти, тогда я вела себя очень дурно.

Г-жа Берникъ. А какъ великодушно онъ простилъ тебя,—онъ, который никогда ни въ чемъ не прегрѣшалъ! Потому что не *онъ* же былъ виновенъ, если ты все думала о немъ и строила себѣ какія-нибудь надежды на его счетъ. Но съ этого времени ты не переставала ненавидѣть меня. *(Разражается рыданіями).* Ты всегда завидовала моему счастью. А теперь ты вернулась сюда, чтобы взвалить все это на мои плечи,—чтобы показать, въ какую семью Карстенъ долженъ былъ вступить изъ-за меня. Да, все это обрушится на меня, и ты именно этого и хочешь. Ахъ, какъ это возмутительно съ твоей стороны! *(Уходитъ, плача, въ крайнюю дверь налѣво).*

Лона Гессель *(глядитъ ей вслѣдъ).* Бѣдняжка Бетти!

(Консулъ Берникъ выходитъ изъ кабинета).

Консулъ Берникъ *(еще въ дверяхъ).* Да, да, вотъ и хорошо, г. Крапъ, прекрасно! Отправьте 400 кронъ на прокормленіе бѣдныхъ. *(Оборачивается).* Лона! *(Подходитъ ближе).* Ты одна? Развѣ Бетти здѣсь нѣтъ?

Лона Гессель. Нѣтъ. Позвать ее?

Консулъ Берникъ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, оставь! О, Лона, ты не знаешь, какъ мнѣ хотѣлось переговорить откровенно съ тобой,—вымолить у тебя прощеніе!

Лона Гессель. Послушай, Карстенъ, не надо вдаваться въ сантиментальности. Это намъ совершенно не къ лицу.

Консулъ Берникъ. Ты должна меня выслушать, Лона! Я знаю, что ты подумала обо мнѣ, когда узнала правду о матери Дины. Но, клянусь тебѣ, это было лишь кратковременное увлеченіе; въ дѣйствительности я искренно и горячо любилъ когда-то тебя.

Лона Гессель. Какъ ты думаешь, зачѣмъ я вернулась домой?

Консулъ Берникъ. Что бы у тебя ни было въ мысляхъ,—умоляю тебя, не предпринимай ничего, прежде чѣмъ я оправдаю себя. Я могу это сдѣлать, Лона, я могу во всякомъ случаѣ представить извиненія и оправдать ими свое поведеніе.

Лона Гессель. Теперь ты боишься! —Ты говоришь, что когда-то любилъ меня. Да, ты не разъ увѣрялъ меня въ этомъ въ своихъ письмахъ, и, можетъ быть, это и была правда,—въ то время, когда ты жилъ далеко отсюда, въ великомъ и свободномъ свѣтѣ, который придавалъ тебѣ мужество развивать и въ себѣ великія и свободныя мысли. Ты, можетъ быть, и у меня находилъ больше характера, больше воли и самостоятельности, чѣмъ у большинства здѣшнихъ дѣвушекъ. И притомъ это было тайной между тобой и мной; никто не могъ смѣяться надъ твоимъ дурнымъ вкусомъ.

Консулъ Берникъ. Лона, какъ ты можешь думать—

Лона Гессель. Но когда ты вернулся домой, когда ты услышалъ насмѣшки, которыми со всѣхъ сторонъ осыпали меня,—когда ты услышалъ смѣхъ надъ тѣмъ, что называли здѣсь моими причудами—

Консулъ Берникъ. Ты, дѣйствительно, вела себя очень необдуманно въ то время.

Лона Гессель. Я дѣлала это только для того, чтобы позлить всѣхъ этихъ куколъ въ нарядныхъ платьяхъ и панталонахъ, которыя расхаживали по городу. А потомъ ты встрѣтился съ молодой, прекрасной актрисой—

Консулъ Берникъ. Это было простое ухаживаніе,—ничего больше, клянусь тебѣ, что нѣтъ и десятой доли правды въ тѣхъ слухахъ, которые ходили тогда обо мнѣ.

Лона Гессель. Пусть и такъ.— Но тутъ домой вернулась Бетти, хорошенькая, цвѣтущая; всѣ ухаживали за ней, —и когда стало извѣстно, что она унаслѣдуетъ всѣ деньги послѣ тетки, а мнѣ ничего не достанется—

Консулъ Берникъ. Да, теперь мы добрались до сути, Лона; и теперь ты услышишь отъ меня всю правду. Я не любилъ Бетти въ то время, я не порвалъ съ тобою изъ-за новаго увлеченія. Виною разрыва были только деньги; я былъ вынужденъ къ этому; я долженъ былъ обезпечить себѣ ихъ.

Лона Гессель. И ты смѣешь говорить это мнѣ прямо въ глаза?

Консулъ Берникъ. Да, я это дѣлаю. Выслушай меня, Лона.

Лона Гессель. И ты писалъ мнѣ, что непобѣдимая любовь къ Бетти овладѣла тобой, взывалъ къ моему великодушію, умолялъ меня, ради Бетти, умолчать обо всемъ, что было между нами.—

Консулъ Берникъ. Я долженъ былъ это сдѣлать,—говорю тебѣ.

Лона Гессель. Ну, клянусь Богомъ, въ такомъ случаѣ, я не сожалѣю, что повела себя такъ оскорбительно съ тобой—!

Консулъ Берникъ. Позволь мнѣ спокойно и хладнокровно изложить тебѣ, каково было въ то время положеніе дѣлъ. Моя мать стояла тогда, какъ ты помнишь, во главѣ нашего предпріятія; но она не имѣла рѣшительно никакого понятія о дѣлахъ. Меня поспѣшно вызвали изъ Парижа; время было критическое; я долженъ былъ двинуть дѣла и исправить погрѣшности. Но что же я нашелъ?—Я нашелъ то, что необходимо было держать въ глубокой тайнѣ,—почти совершенно разорившійся домъ. Да, онъ былъ наканунѣ разоренія, этотъ старый, солидный домъ, продержавшійся три поколѣнія сряду. Что-же я могъ дѣлать другого—я, сынъ, единственный сынъ, какъ не искать средствъ къ спасенію?

Лона Гессель. И ты спасъ домъ Берника на счетъ женщины?

Консулъ Берникъ. Ты знаешь прекрасно, что Бетти любила меня.

Лона Гессель. А я?

Консулъ Берникъ. Повѣрь мнѣ, Лона,—ты никогда бы не была счастлива со мной.

Лона Гессель. Такъ это забота о моемъ счастьи заставила тебя бросить меня?

Консулъ Берникъ. А ты думаешь, что я дѣйствовалъ такъ исключительно изъ-за эгоистическихъ разсчетовъ? Если бы я въ то время былъ одинъ, я съ радостью началъ бы сызнова все дѣло. Но ты не понимаешь, какъ тѣсно связанъ дѣловой человѣкъ съ тѣмъ дѣломъ, которое онъ получаетъ въ наслѣдство, и какую громадную отвѣтственность онъ береть при этомъ на себя. Знаешь ли ты, что счастье и горе сотенъ, даже тысячъ зависятъ отъ него? Развѣ ты не понимаешь, что все общество, которое ты и я называемъ своимъ, сильно бы потеряло отъ того, если бы домъ Берника обанкротился?

Лона Гессель. Значитъ ты ради блага общества въ теченіе пятнадцати лѣтъ поддерживалъ ложь?

Консулъ Берникъ. Ложь?

Лона Гессель. А развѣ Бетти знаетъ, что предшествовало ея союзу съ тобой?

Консулъ Берникъ. Неужели ты думаешь, что была бы какая-нибудь польза, если бы я разоблачилъ прошлое и тѣмъ причинилъ ей горе?

Лона Гессель. Ты спрашиваешь, была ли бы какая-нибудь польза? Да, да, ты, вѣдь, дѣловой человѣкъ; ты лучше меня понимаешь, что полезно, а что нѣтъ.—Но послушай, Карстенъ, теперь я также хочу переговорить съ тобою спокойно и хладнокровно. Скажи мнѣ,—дѣйствительно-ли ты чувствуешь себя теперь счастливымъ?

Консулъ Берникъ. Ты спрашиваешь, въ семьѣ?

Лона Гессель. Да.

Консулъ Берникъ. Да, я счастливъ, Лона. Ахъ, ты не напрасно была такимъ другомъ для меня, не напрасно принесла столько жертвъ! Смѣю сказать, что я съ каждымъ годомъ становился все болѣе и болѣе счастливымъ. Бетти одновременно и добра, и кротка. Мало по малу она приспособилась ко мнѣ, научилась приноравливаться къ особенностямъ моего характера—

Лона Гессель. Гмъ!

Консулъ Берникъ. Прежде у нея было въ высшей степени экзальтированное понятіе о любви; она никакъ не могла примириться съ мыслью о томъ, что любовь мало по малу переходитъ въ тихую дружбу.

Лона Гессель. А теперь она съ этимъ уже примирилась?

Консулъ Берникъ. Совершенно; ты, конечно, понимаешь, что ежедневное общеніе со мною не могло не оказать на нее вліянія и во многихъ отношеніяхъ образумило ее. Люди должны учить другъ друга понижать свои требованія, если хотятъ имѣть успѣхъ въ обществѣ, среди котораго живутъ. Это научилась понимать мало по малу и Бетти, и потому нашъ домъ сдѣлался образцовымъ для всѣхъ нашихъ согражданъ.

Лона Гессель. Но эти сограждане не имѣютъ никакого понятія о лжи?

Консулъ Берникъ. О лжи?

Лона Гессель. Да, о лжи, которую ты поддерживалъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ.

Консулъ Берникъ. И ты называешь это—?

Лона Гессель. Ложью называю я это. Тройной ложью: ложью относительно меня, ложью относительно Бетти и ложью относительно Іогана.

Консулъ Берникъ. Бетти никогда не требовала, чтобы я говорилъ ей объ этомъ.

Лона Гессель. Потому что она ничего не знала.

Консулъ Берникъ. И ты этого не потребуешь отъ меня,—ты этого не потребуешь изъ вниманія къ ней.

Лона Гессель. Ахъ, нѣтъ; я сумѣю перенести терпѣливо насмѣшки надъ собой; у меня для этого достаточно широкая спина.

Консулъ Берникъ. Іоганъ также не потребуетъ этого; онъ обѣщалъ мнѣ.

Лона Гессель. Но ты самъ, Карстенъ? Развѣ въ тебѣ не говоритъ внутренній голосъ, требующій, чтобы ты освободился отъ лжи?

Консулъ Берникъ. Ты хочешь, чтобы я добровольно жертвовалъ счастьемъ моей семьи и моимъ положеніемъ въ обществѣ!

Лона Гессель. Какое право имѣешь ты занимать то положеніе, которымъ пользуешься въ настоящую минуту?

Консулъ Берникъ. Пятнадцать лѣтъ я ежедневно зарабатывалъ себѣ частицу этого права—своимъ поведеніемъ, а также—помни это!—тѣмъ, какъ я работалъ и что я создавалъ.

Лона Гессель. Да, ты много работалъ и много принесъ пользы какъ себѣ, такъ и другимъ. Ты самый богатый, самый могущественный человѣкъ въ городѣ; передъ твоею волею всѣ твои сограждане не смѣютъ не преклоняться, потому что ты называешься человѣкомъ безъ сучка и задоринки; твой домъ считается образцовымъ;—твое поведеніе также. Но все это величіе, и ты вмѣстѣ съ нимъ покоитесь на трясинѣ. Можетъ наступить нѣкая минута, можетъ быть сказано нѣкое слово,—и ты, и твое величіе пойдутъ ко дну, если ты во время не обезопасишь себя.

Консулъ Берникъ. Лона,—что ты задумала?

Лона Гессель. Я хочу помочь тебѣ пріобрѣсти твердую почву подъ ногами.

Консулъ Берникъ. Месть! Ты хочешь отомстить мнѣ? Я такъ и предчувствовалъ! Но тебѣ это не удастся. Здѣсь

одинъ только человѣкъ имѣетъ право говорить,—а онъ молчитъ.

Лона Гессель. Іоганъ?

Консулъ Берникъ. Да, Іоганъ. Я буду отрицать все, кто бы ни сталъ обвинять меня. Меня хотятъ уничтожить, но я буду бороться не на жизнь, а на смерть. Тебѣ это не удастся, повторяю! Тотъ, кто могъ бы погубить меня, молчитъ—и скоро уѣдетъ отсюда.

Коммерсантъ Руммель и купецъ Вигеландъ входятъ справа).

Руммель. Добраго утра, добраго утра, дорогой Берникъ; мы зашли за тобой, чтобы идти вмѣстѣ въ коммерческое собраніе; у насъ сегодня засѣданіе по желѣзнодорожному вопросу; ты, конечно, помнишь.—

Консулъ Берникъ. Я теперь не могу. Мнѣ теперь никакъ невозможно.

Вигеландъ. Но вы должны пойти, г. консулъ!

Руммель. Ты долженъ, Берникъ! Многіе работаютъ противъ насъ. Редакторъ Гаммеръ и другіе настаиваютъ на необходимости провести береговую линію и утверждаютъ, что за новымъ предложеніемъ скрываются частные интересы.

Консулъ Берникъ. Ну, такъ объясните имъ—

Вигеландъ. Всѣ наши объясненія ничему не помогутъ, г. консулъ—

Руммель. Нѣтъ, нѣтъ, ты долженъ пойти самъ; тебя, конечно, никто не заподозритъ въ низкихъ замыслахъ.

Фрекенъ Гессель. Ну да, конечно!

Консулъ Берникъ. Я не могу, говорю я вамъ: мнѣ нездоровится;—или, во всякомъ случаѣ, прошу васъ,—дайте мнѣ собраться съ мыслями.

(Адъюнктъ Рерлундъ входитъ справа).

Рерлундъ. Извините, г. консулъ; я пришелъ сюда страшно возмущенный.

Консулъ Берникъ. Да, да, что съ вами?

Рерлундъ. Позвольте мнѣ задать вамъ одинъ вопросъ, г. консулъ. Съ вашего ли согласія молодая дѣвушка, нашедшая убѣжище подъ вашимъ кровомъ, показывается открыто на улицѣ въ обществѣ человѣка, который—

Лона Гессель. Какого человѣка, г. пасторъ?

Рерлундъ. Такого человѣка, котораго ей слѣдовало бы избѣгать больше, чѣмъ всѣхъ людей во всемъ мірѣ.

Лона Гессель. Ха, ха, ха!

Рерлундъ. Это дѣлается съ вашего согласія, г. консулъ?

Консулъ Берникъ *(ищетъ шляпу и перчатки)*. Я ничего этого не знаю. Извините; я спѣшу; мнѣ надо идти въ коммерческое собраніе.

Гильмаръ Теннесенъ *(выходитъ изъ сада и подходитъ къ крайней двери налѣво)*. Бетти, Бетти, послушай!

Г-жа Берникъ *(въ дверяхъ)*. Что такое?

Гильмаръ Теннесенъ. Спустись въ садъ и прекрати флиртъ, который извѣстная особа позволяетъ себѣ съ этою Диною Дорфъ. Мои нервы совсѣмъ разстроились, слушая ихъ.

Лона Гессель. Въ самомъ дѣлѣ? Что же говорила извѣстная особа?

Гильмаръ Теннесенъ. Ахъ! Онъ предлагалъ Динѣ отправиться съ нимъ въ Америку. Уфъ!

Рерлундъ. Возможно-ли это!

Г-жа Берникъ. Что ты говоришь?

Лона Гессель. Но это было-бы великолѣпно!

Консулъ Берникъ. Невозможно; ты навѣрное ослышался!

Гильмаръ Теннесенъ. Спроси его самъ. Вотъ идетъ парочка. Но оставьте меня въ сторонѣ.

Консулъ Берникъ. *(Руммелю и Вигеланду)*. Я иду за вами,—черезъ минуту.

(Коммерсантъ Руммель и купецъ Вигеландъ уходятъ направо. Іоганъ Теннесенъ и Дина входятъ изъ сада).

Іоганъ. Ура, Лона, она ѣдетъ съ нами!

Г-жа Берникъ. Но, Іоганъ,—безумный человѣкъ —!

Рерлундъ. Такъ это правда! Такой возмутительный скандалъ! Какими ухищреньями, какими обольстительными рѣчами удалось вамъ—?

Іоганъ. Ну, ну, милостивый государь, что это вы говорите?

Рерлундъ. Отвѣчайте мнѣ, Дина: это ваше намѣреніе,—это ваше твердое и свободное рѣшеніе?

Дина. Я должна уѣхать отсюда.

Рерлундъ. Но не съ нимъ—не съ нимъ!

Дина. Назовите мнѣ кого-нибудь другого здѣсь, у кого хватило бы мужества взять меня съ собой.

Рерлундъ. Ну, теперь вы узнаете также, кто онъ такой!

Іоганъ Теннесенъ. Не говорите!

Консулъ Берникъ. Ни слова больше!

Рерлундъ. Въ такомъ случаѣ я оказалъ-бы плохую услугу обществу, нравственность котораго я обязанъ охранять, и поступилъ бы непростительно относительно этой молодой дѣвушки, въ воспитаніи которой я принималъ также большое участіе и которая мнѣ—

Іоганъ. Берегитесь послѣдствій вашего поступка!

Рерлундъ. Она должна все узнать! Дина, это тотъ человѣкъ, который былъ виною несчастья и позора вашей матери!

Консулъ Берникъ. Г. адъюнктъ!

Дина. Онъ? (*Обращаясь къ Іогану Теннесену*). Это правда?

Іоганъ. Карстенъ, отвѣчай ты.

Консулъ Берникъ. Ни слова больше! Сегодня надо молчать.

Дина. Значитъ, правда!

Рерлундъ. Правда, правда! Скажу больше этого. Этотъ человѣкъ, къ которому вы относитесь съ такимъ большимъ довѣріемъ, убѣжалъ изъ дому не съ пустыми руками,—а съ кассою вдовы Берникъ,—это можетъ засвидѣтельствовать и консулъ.

Лона Гессель. Лжецъ!

Консулъ Берникъ. Ахъ!

Г-жа Берникъ. О Боже, о Боже!

Іоганъ (*бѣжитъ къ нему съ поднятою рукой*). И ты осмѣливаешься—!

Лона Гессель (*останавливая его*). Не бей его, Іоганъ!

Рерлундъ. Да, можете бить меня. Но правда должна быть высказана; а это правда. Консулъ Берникъ самъ говорилъ это, и весь городъ это знаетъ.—Теперь, Дина, вы знаете его!

(*Краткое молчаніе*).

Іоганъ (*тихо, хватая Берника за руку*). О, Карстенъ, Карстенъ, что ты надѣлалъ!

Г-жа Берникъ (*вполголоса, плача*). О, Карстенъ, какъ мнѣ больно, что я навлекла на тебя весь этотъ позоръ!

Купецъ Зандштадъ (*быстро входитъ справа и кричитъ, держась за ручку двери*). Вы должны, наконецъ, прійти, г. консулъ! Желѣзная дорога виситъ на волоскѣ.

Консулъ Берникъ (*какъ бы въ забытьи*). Что это значитъ? Что долженъ я?

Лона Гессель (*серьезно, съ удареніемъ*). Ты долженъ идти поддерживать общество, зять.

Зандштадъ. Да, пойдемъ, пойдемъ. Мы нуждаемся въ вашемъ нравственномъ вліяніи.

Іоганъ (*близко подходя къ Бернику*). Берникъ,—мы должны переговорить съ тобой завтра, глазъ на глазъ. (*Уходитъ черезъ садъ; консулъ Берникъ идетъ какъ бы противъ воли направо въ сопровожденіи купца Зандштада*).

Дѣйствіе третье.

Залъ въ домѣ консула Берника).

(Консулъ Берникъ, съ тростью въ рукѣ, выходитъ въ сильнѣйшемъ гнѣвѣ изъ крайней комнаты налѣво, оставляя позади себя дверь полуоткрытою).

Консулъ Берникъ. Вотъ такъ! Наконецъ-то дѣло приняло серьезный оборотъ! Онъ не скоро забудетъ, какъ я его проучилъ! (*Обращаясь къ кому-то, находящемуся въ сосѣдней комнатѣ*). Что ты говоришь?—А я тебѣ скажу, что ты неразумная мать! Ты извиняешь его, спускаешь ему всѣ его мерзкія штуки!—Не мерзкія штуки? А какъ ты называешь это? Уйти тихонько ночью изъ дому, отправиться въ море на рыбацкой лодкѣ, оставаться тамъ до самого утра и повергнуть меня въ такой смертельный страхъ, меня, у котораго и безъ того такъ много заботъ! И потомъ негодяй смѣетъ еще грозить мнѣ, что онъ убѣжитъ, куда глаза глядятъ, изъ дому! Да пусть только попробуетъ!—Ты? Нѣтъ, я этому охотно вѣрю; ты вообще такъ мало заботишься о томъ, хорошо ли ему или дурно. Я даже думаю, что если бы онъ погибъ, ты бы—!—Въ самомъ дѣлѣ? Да, но *у меня* есть дѣло, которое я долженъ завѣщать кому-нибудь послѣ себя; *мнѣ* вовсе не улыбается остаться бездѣтнымъ.—Никакихъ возраженій, Бетти! Все должно быть такъ, какъ я сказалъ; я назначаю ему домашній арестъ—(*Прислушивается*). Тише; надо, чтобы никто не замѣтилъ, что было между нами.

(*Управляющій Крапъ входитъ справа*).

Крапъ. Есть у васъ минута свободнаго времени, г. консулъ?

Консулъ Берникъ *(бросаетъ трость)*. Да, конечно, конечно. Вы пришли съ верфи?

Крапъ. Да, именно. Гмъ!

Консулъ Берникъ. Ну? Развѣ что-нибудь случилось съ „Пальмовымъ деревомъ“?

Крапъ. „Пальмовое дерево“ можетъ отплыть завтра, но—

Консулъ Берникъ. И „Indian Girl“ также? Я предчувствовалъ, что этотъ упрямецъ—

Крапъ. „Indian Girl“ можетъ также отплыть завтра, но—она далеко не пойдетъ!

Консулъ Берникъ. Что вы хотите сказать?

Крапъ. Извините, г. консулъ, дверь открыта, я боюсь, чтобы кто нибудь—

Консулъ Берникъ *(затворяетъ дверь)*. Вотъ такъ! Но что же вы хотите сказать такого, чего никто не долженъ слушать?

Крапъ. Дѣло въ томъ, что кораблестроитель Ауне рѣшилъ пустить ко дну „Indian Girl“ со всѣми людьми и грузомъ.

Консулъ Берникъ. Господи Боже! Неужели вы можете думать—?

Крапъ. Не могу иначе объяснить себѣ его поведенія, г. консулъ.

Консулъ Берникъ. Ну, такъ разскажите мнѣ въ немногихъ словахъ—

Крапъ. Сейчасъ. Вы знаете, какъ плохо шли работы на верфи съ тѣхъ поръ, какъ намъ прислали новыя машины и мы наняли новыхъ непривычныхъ рабочихъ.

Консулъ Берникъ. Да, да.

Крапъ. Но вчера, когда я пришелъ на верфь, я замѣтилъ, что работы на американскомъ суднѣ необыкновенно быстро подвинулись впередъ. Большая дыра на днѣ—вы знаете то прогнившее мѣсто—

Консулъ Берникъ. Да, да, ну что же?

Крапъ. Совершенно исправлена; по крайней мѣрѣ на видъ; все скрыто, ничего не видно; все кажется совершенно новымъ. Я слышалъ, что Ауне самъ цѣлую ночь при свѣчахъ работалъ надъ этой дырой.

Консулъ Берникъ. Да, да, ну и что же?

Крапъ. Я пошелъ туда, чтобы изслѣдовать на мѣстѣ, какъ обстоитъ дѣло; рабочіе въ это время завтракали, такъ что я могъ совершенно незамѣтно изслѣдовать судно какъ съ внутренней, такъ и съ внѣшней стороны: трудно мнѣ было спуститься въ нагруженный трюмъ, но все же удалось. И тутъ я увидѣлъ страшное мошенничество, г. консулъ.

Консулъ Берникъ. Я никакъ не могу повѣрить вамъ, г. Крапъ. Я никакъ не могу повѣрить такимъ ужасамъ объ Ауне.

Крапъ. Крайне сожалѣю объ этомъ, крайне сожалѣю,—но это чистѣйшая правда. Повторяю, я увидѣлъ страшное мошенничество. Нигдѣ нѣтъ ни одного кусочка новаго дерева, насколько я могъ замѣтить; все на скорую руку сбито, сглажено, прикрыто и т. п. Чистѣйшій обманъ! „Indian Girl“ никогда не дойдетъ до Нью-Іорка; она какъ камень пойдетъ ко дну!

Консулъ Берникъ. Но это ужасно! Какъ вы думаете, съ какою цѣлью онъ сдѣлалъ это?

Крапъ. По всей вѣроятности, онъ хочетъ доказать, что машины никуда не годны; хочетъ отомстить намъ; хочетъ заставить призвать назадъ старыхъ рабочихъ.

Консулъ Берникъ. И для этого жертвуетъ жизнью столькихъ людей?

Крапъ. Онъ недавно говорилъ: на борту „Indian Girl“ нѣтъ людей, тамъ только одни звѣри.

Консулъ Берникъ. Да, да, можетъ быть и такъ; но развѣ онъ ни во что цѣнитъ крупный капиталъ, который при этомъ погибнетъ?

Крапъ. Онъ относится далеко не благосклонно къ крупному капиталу, г. консулъ.

Консулъ Берникъ. Ахъ да, правда, онъ вѣчно возбуждаетъ смуты и волненія; но я никогда не считалъ его способнымъ на такой безсовѣстный поступокъ. Послушайте, г. Крапъ, это дѣло надо хорошенько изслѣдовать. Ни слова объ этомъ никому! Репутація нашей верфи можетъ сильно поколебаться, если такого рода слухи распространятся.

Крапъ. Само собой разумѣется, но—

Консулъ Берникъ. Во время обѣденнаго отдыха вы опять спуститесь внизъ; я долженъ вполнѣ увѣриться въ справедливости вашихъ словъ.

Крапъ. Вашъ приказъ будетъ исполненъ, г. консулъ. Но позвольте васъ спросить, какъ вы намѣрены тогда поступить?

Консулъ Берникъ. Конечно, за-

явлю объ этомъ дѣлѣ властямъ; мы не можемъ сдѣлаться соучастниками такого ужаснаго преступленія. Я хочу облегчить свою совѣсть. Да, кромѣ того, это произведетъ хорошее впечатлѣніе какъ на общество, такъ и на печать, когда увидятъ, что я отбрасываю въ сторону всѣ личные интересы и отдаю это дѣло въ руки правосудія.

Крапъ. Совершенно вѣрно, г. консулъ!

Консулъ Берникъ. Но прежде всего, надо добиться полной увѣренности А покамѣстъ молчать—

Крапъ. Ни слова не скажу, г. консулъ. А увѣренность вы получите. (*Уходитъ черезъ садъ внизъ на улицу*).

Консулъ Берникъ. (*Вполголоса*). Возмутительно! Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно,—немыслимо!

(*Онъ хочетъ идти въ кабинетъ, но въ эту минуту справа входитъ Гильмаръ Теннесенъ*).

Гильмаръ. Добраго утра, Берникъ! Ну, поздравляю тебя съ вчерашнею побѣдою въ коммерческомъ собраніи!

Консулъ Берникъ. Благодарю!

Гильмаръ. Я слышалъ, что это была блестящая побѣда—побѣда разумнаго гражданскаго духа надъ предразсудками и своекорыстіемъ,—точно походъ французовъ противъ кабиловъ. Удивительно, что ты послѣ вчерашняго непріятнаго столкновенія здѣсь—

Консулъ Берникъ. Да, да, оставь это!

Гильмаръ. Но рѣшительная битва еще предстоитъ.

Консулъ Берникъ. По желѣзнодорожному вопросу? Да?

Гильмаръ. Да. Ты знаешь, что задумалъ редакторъ Гаммеръ?

Консулъ Берникъ (*съ напряженнымъ вниманіемъ*). Нѣтъ! Въ чемъ же дѣло?

Гильмаръ. Онъ старается воспользоваться слухами, которые ходятъ по городу, и хочетъ написать статью о нихъ.

Консулъ Берникъ. Какими слухами?

Гильмаръ. Конечно, о покупкѣ крупныхъ имѣній вдоль боковой линіи.

Консулъ Берникъ. Что ты говоришь? Развѣ такіе слухи существуютъ?

Гильмаръ. Да, они ходятъ по всему городу. Я слышалъ это въ клубѣ, куда заходилъ на минутку. Одинъ изъ нашихъ адвокатовъ получилъ порученіе скупить всѣ лѣсныя имѣнія, всѣ рудники, всѣ водопады.

Консулъ Берникъ. А не говорится, для кого?

Гильмаръ. Въ клубѣ говорятъ, что это для какого-то иногороднаго общества, которое узнало случайно о твоихъ замыслахъ и поспѣшило скупить земли раньше, чѣмъ онѣ возвысятся. Какъ это низко, какъ это подло—уфъ!

Консулъ Берникъ. Подло?

Гильмаръ. Да, конечно, подло, что чужіе люди вторгнутся въ наши владѣнія. И нашелся же въ нашемъ городѣ адвокатъ, который согласился помогать имъ! Теперь, значитъ, вся выгода достанется иногороднимъ.

Консулъ Берникъ. Но вѣдь это все не больше, какъ пустые слухи.

Гильмаръ. А между тѣмъ слухамъ этимъ вѣрятъ, и завтра или послѣ завтра редакторъ Гаммеръ станетъ утверждать это, какъ фактъ. Тамъ въ клубѣ всѣ были страшно возбуждены. Я слышалъ, какъ нѣкоторые говорили, что если слухъ подтвердится, то они вычеркнутъ себя изъ списковъ.

Консулъ Берникъ. Невозможно!

Гильмаръ. Да? А какъ ты думаешь, почему эти торгашескія души согласились принять участіе въ твоемъ предпріятіи? Неужели ты воображаешь, что они сами не замышляли—?

Консулъ Берникъ. Невозможно, говорю я тебѣ! Въ нашемъ маленькомъ обществѣ должно быть настолько гражданскаго духа, чтобы—

Гильмаръ. Здѣсь? Ты теперь оптимистъ, и судишь о другихъ по себѣ. Но я, какъ довольно опытный наблюдатель —здѣсь нѣтъ ни одного человѣка,—конечно, за исключеніемъ насъ,—ни одного человѣка, говорю я, который держалъ бы высоко знамя идеи. (*Глядя въ глубину сцены*). Уфъ, вотъ опять они!

Консулъ Берникъ. Кто?

Гильмаръ. Оба американца. (*Глядятъ направо*). И съ кѣмъ это они идутъ? Да, клянусь Богомъ, они идутъ съ капитаномъ „Indian Girl!“ Уфъ!

Консулъ Берникъ. Зачѣмъ онъ имъ понадобился?

Гильмаръ. Ахъ, это какъ разъ подходящее для нихъ общество. Онъ былъ, должно быть, работорговцемъ или мор-

скимъ разбойникомъ; а одинъ Богъ знаетъ, что продѣлывали тѣ другіе во всѣ эти годы!

Консулъ Берникъ. Говорю тебѣ, что ты поступаешь въ высшей степени несправедливо, думая такъ о нихъ.

Гильмаръ. Да, теперь ты оптимистъ. Но они опять очутятся у насъ на шеѣ; поэтому я хочу во время—*(Уходитъ въ дверь налѣво).*

(Лона Гессель входитъ справа).

Лона Гессель. Ну, Гильмаръ, это это я прогоняю тебя изъ комнаты?

Гильмаръ. Вовсе нѣтъ; мнѣ надо спѣшить; я долженъ сказать нѣсколько словъ Бетти. *(Уходитъ въ крайнюю комнату налѣво).*

Консулъ Берникъ *(послѣ краткаго молчанія).* Ну, Лона?

Лона Гессель. Что?

Консулъ Берникъ. Какимъ кажусь я тебѣ сегодня?

Лона Гессель. Такимъ, какъ вчера. Одной ложью больше или меньше—

Консулъ Берникъ. Я долженъ тебѣ объяснить все. Гдѣ Іоганъ?

Лона Гессель. Онъ сейчасъ придетъ. Ему нужно было переговорить съ однимъ человѣкомъ.

Консулъ Берникъ. Послѣ того, что ты слышала вчера, ты понимаешь, что вся моя жизнь будетъ погублена, если правда всплыветъ на поверхность.

Лона Гессель. Я понимаю это.

Консулъ Берникъ. Само собою разумѣется, что я ни душою, ни тѣломъ не виновенъ въ томъ преступленіи, о которомъ здѣсь ходятъ слухи.

Лона Гессель. Понятно. Но кто же былъ воромъ?

Консулъ Берникъ. Никакого вора не было; никакихъ денегъ не было украдено; не пропало ни одной копѣйки.

Лона Гессель. Какимъ образомъ?

Консулъ Берникъ. Ни одной копѣйки, говорю я тебѣ.

Лона Гессель. А слухъ? Какимъ образомъ возникъ позорный слухъ, будто Іоганъ—?

Консулъ Берникъ. Лона, мнѣ кажется, что съ тобою я могу говорить по душѣ такъ, какъ ни съ кѣмъ другимъ; я ничего не скрою отъ тебя: *я* отчасти виновенъ въ томъ, что этотъ слухъ распространился.

Лона Гессель. Ты? И ты могъ поступить такъ относительно человѣка, который ради тебя—!

Консулъ Берникъ. Прежде чѣмъ осуждать, ты сначала вспомни, въ какомъ положеніи находились въ то время дѣла. Я тебѣ разсказывалъ вчера. Я вернулся домой и увидѣлъ, что моя мать запуталась въ цѣломъ рядѣ неудачныхъ предпріятій; со всѣхъ сторонъ несчастья сыпались на насъ; казалось, что все готово рушиться; нашъ домъ стоялъ на краю гибели. Я былъ легкомысленъ въ то время, къ тому же близокъ къ отчаянью. Лона, мнѣ кажется, что только изъ желанія забыться я вступилъ въ эту связь, которая заставила Іогана уѣхать.

Лона Гессель. Гмъ!

Консулъ Берникъ. Ты можешь себѣ представить, какіе слухи распространились по городу, какъ только вы оба уѣхали. Разсказывали, что это не первая легкомысленная продѣлка, въ которой онъ попался. Говорили, что Дорфъ получилъ большую сумму денегъ, чтобы молчать и убраться по добру по здорову; другіе утверждали, что эти деньги получила *она*. Въ то же время стало извѣстно, что нашему дому крайне трудно выполнить свои обязательства. И вотъ случилось, что оба эти слуха слились въ одно благодаря сплетнямъ. Когда оказалось, что она живетъ здѣсь въ страшной нуждѣ, тогда начали утверждать, что онъ забралъ эти деньги въ Америку. А затѣмъ слухи стали все болѣе и болѣе раздувать украденную сумму.

Лона Гессель. Ну, а ты, Карстенъ?

Консулъ Берникъ. Я схватился за эти слухи, какъ за якорь спасенія.

Лона Гессель. Ты распространилъ ихъ еще больше?

Консулъ Берникъ. Я не противорѣчилъ имъ. Требованія все возрасталн; необходимо было поскорѣе успокоить кредиторовъ: вся суть заключалась въ томъ, чтобы не допустить подозрѣній въ прочности дома: надо было заставить думать, что неожиданное несчастье нагрянуло на насъ, что надо только немного подождать, дать намъ время уладить дѣло, и тогда каждый получитъ свое.

Лона Гессель. И каждый получилъ свое?

Консулъ Берникъ. Да, Лона, этотъ слухъ спасъ нашъ домъ и сдѣлалъ меня такимъ, каковъ я теперь.

Лона Гессель. Значитъ ложь сдѣлала тебя такимъ, каковъ ты есть?

Консулъ Берникъ. Кому она въ то время могла повредить? Вѣдь Іоганъ сразу рѣшилъ, что онъ больше не вернется домой.

Лона Гессель. Ты спрашиваешь, кому это повредило? Загляни хорошенько вглубь твоей души и ты увидишь, что она повредила прежде всего тебѣ.

Консулъ Берникъ. Загляни кому угодно въ душу и ты увидишь, что въ душѣ каждаго человѣка находится темный уголокъ, въ который онъ не желаетъ дать заглянуть другимъ.

Лона Гессель. И вы называете себя столпами общества!

Консулъ Берникъ. У общества лучшихъ столповъ нѣтъ.

Лона Гессель. Какая же польза отъ того, что такое общество поддерживается? Что у васъ здѣсь стоитъ на первомъ планѣ? Показное благородство и ложь—больше ничего. Здѣсь живешь ты, первый человѣкъ въ городѣ, въ богатствѣ и довольствѣ, въ чести и силѣ—ты, который наложилъ пятно безчестія на невиннаго человѣка!

Консулъ Берникъ. Неужели ты думаешь, что я не чувствую глубоко своей вины передъ нимъ? Развѣ ты не думаешь, что я готовъ исправить сдѣланное мною зло?

Лона Гессель. Какимъ образомъ? Признавшись во всемъ?

Консулъ Берникъ. И ты могла бы этого потребовать?

Лона Гессель. А развѣ есть другой способъ исправить сдѣланное тобою зло?

Консулъ Берникъ. Я богатъ, Лона; Іоганъ можетъ потребовать отъ меня все, что пожелаетъ.

Лона Гессель. Да, попробуй предложить ему деньги; ты услышишь, что онъ тебѣ отвѣтитъ.

Консулъ Берникъ. Ты знаешь, въ чемъ заключаются его намѣренія?

Лона Гессель. Нѣтъ. Съ вчерашняго дня онъ не проронилъ ни одного слова. Кажется, что все совершившееся здѣсь обратило его сразу во взрослаго человѣка.

Консулъ Берникъ. Я долженъ переговорить съ нимъ.

Лона Гессель. Вотъ и онъ!

(*Іоганъ Теннесенъ входитъ справа*).

Консулъ Берникъ (*идя на встрѣчу ему*). Іоганъ!

Іоганъ (*отстраняя его*). Прежде буду говорить *я*. Вчера утромъ я далъ тебѣ слово молчать.

Консулъ Берникъ. Да, ты мнѣ обѣщалъ.

Іоганъ. Но тогда я не зналъ—

Консулъ Берникъ. Іоганъ, позволь мнѣ сказать два слова, чтобы объяснить тебѣ ходъ дѣла—

Іоганъ. Незачѣмъ; я отлично понимаю весь ходъ дѣла. Домъ находился въ то время въ затруднительномъ положеніи; и такъ какъ я былъ въ отсутствіи, а у тебя имѣлось подъ рукою беззащитное имя, которымъ ты могъ воспользоваться—Ну, я тебѣ не ставлю этого такъ ужъ сильно въ вину; мы тогда были оба молоды и легкомысленны. Но теперь мнѣ нужна правда, и теперь ты долженъ заговорить.

Консулъ Берникъ. А именно теперь я нуждаюсь во всемъ своемъ нравственномъ авторитетѣ,—и поэтому не могу говорить.

Іоганъ. Я ни мало не забочусь о тѣхъ выдумкахъ, которыя ты распустилъ обо мнѣ; ты другую вину долженъ взять на себя. Дина должна сдѣлаться моей женой здѣсь же; здѣсь же въ городѣ хочу я поселиться и жить съ нею.

Лона Гессель. Въ самомъ дѣлѣ?

Консулъ Берникъ. Дина! Ты хочешь жениться на Динѣ? Здѣсь въ городѣ?

Іоганъ. Да, именно здѣсь. Я хочу остаться здѣсь, чтобы пойти наперекоръ всѣмъ этимъ лжецамъ и сплетникамъ. Но чтобы я могъ пріобрѣсть ея согласіе, необходимо, чтобы ты освободилъ меня отъ даннаго тебѣ обѣщанія.

Консулъ Берникъ. Ты подумалъ о томъ, что разъ я беру на себя одну вину, я долженъ взять на себя и другую? Ты хочешь сказать, что я по своимъ торговымъ книгамъ могу доказать, что ты ничего безчестнаго не сдѣлалъ? Нѣтъ, я этого доказать не могу: наши книги велись тогда далеко не аккуратно. И даже если бы я могъ,—что бы я отъ этого выигралъ? Развѣ всѣ не будутъ смотрѣть на меня, какъ на человѣка, который нѣкогда спасся помощью лжи, а затѣмъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ поддерживалъ эту ложь и все другое, не дѣлая ни малѣйшей попытки разсѣять ее? Ты мало знаешь наше общество, иначе ты понялъ бы, что такое признаніе въ концѣ погубитъ меня.

Іоганъ. Я могу тебѣ отвѣтить на это только одно; я хочу жениться на дочери madame Дорфъ и жить съ ней здѣсь, въ городѣ

Консулъ Берникъ *(отирая со лба потъ)*. Выслушай меня, Іоганъ,—и ты также, Лона. Я нахожусь въ настоящее время далеко не въ обыкновенныхъ отношеніяхъ съ обществомъ. Я нахожусь въ такомъ положеніи, что, направивъ на меня этотъ ударъ, вы погубите меня, и не только меня, но и блестящія надежды на будущее того самаго общества, среди котораго протекло ваше дѣтство.

Іоганъ. А если я не направлю этого удара противъ тебя, я погублю счастье всей моей будущей жизни.

Лона Гессель. Говори дальше, Карстенъ.

Консулъ Берникъ. Слушайте меня дальше. Все это находится въ связи съ желѣзно-дорожнымъ вопросомъ, а желѣзно-дорожное дѣло вовсе не такое пустое, какъ вы, можетъ быть, думаете. Вы, конечно, слышали, что здѣсь вчера разсуждали о береговой линіи? За эту дорогу высказывалось здѣсь въ городѣ и въ особенности въ печати много голосовъ, и голосовъ притомъ весьма вѣскихъ; но я воспрепятствовалъ рѣшенію вопроса въ этомъ смыслѣ, такъ какъ береговая дорога помѣшала бы развитію пароходства вдоль береговъ.

Лона Гессель. Развѣ ты лично заинтересованъ въ развитіи пароходства?

Консулъ Берникъ. Да. Но никто не смѣлъ заподозрить меня; мое всѣми уважаемое имя служило мнѣ щитомъ и защитою. Я лично могъ бы еще вынести потерю; но городъ никогда не могъ бы оправиться послѣ нея. И вотъ рѣшено было провести внутреннюю линію. Послѣ этого рѣшенія я навелъ втайнѣ справки, можно ли провесть къ городу боковую дорогу.

Лона Гессель. Зачѣмъ же втайнѣ, Карстенъ?

Консулъ Берникъ. Вы слышали разговоры о большихъ закупкахъ лѣсныхъ участковъ, рудниковъ и водопадовъ?

Іоганъ. Да, это какое-то иногороднее общество—

Консулъ Берникъ. При теперешнемъ положеніи этихъ участковъ, они не представляютъ ровно никакой цѣны для своихъ отдѣльныхъ владѣльцевъ; и поэтому были проданы сравнительно очень дешево. Если бы съ покупкою подождали до проведенія боковой дороги, цѣна на землю удвоилась бы.

Лона Гессель. Хорошо, хорошо; но что же изъ этого?

Консулъ Берникъ. Теперь я долженъ сказать то, что можно истолковать совершенно различнымъ образомъ,—то, на что можно рѣшиться въ нашемъ обществѣ только въ томъ случаѣ, когда обладаешь уважаемымъ, безпорочнымъ именемъ, на которое можешь опереться.

Лона Гессель. Ну?

Консулъ Берникъ. Это *я* скупилъ всѣ эти земли.

Лона Гессель. Ты?

Іоганъ. Для себя самого?

Консулъ Берникъ. Да, на мой страхъ и рискъ. Если боковая дорога будетъ проведена—я милліонеръ, если нѣтъ—я разоренъ.

Лона Гессель. Это былъ рискованный шагъ съ твоей стороны, Карстенъ.

Консулъ Берникъ. Я рискнулъ всѣмъ своимъ состояніемъ.

Лона Гессель. Я не говорю о состояніи; но я говорю о томъ, что будетъ, когда откроется, что—

Консулъ Берникъ. Да, въ этомъ-то и заключается загвоздка. Обладая незапятнанной репутаціей, я могу спокойно взвалить это дѣло на свои плечи и, открыто признавшись во всемъ своимъ согражданамъ, сказать имъ: видите, чѣмъ я рискнулъ для блага общества.

Лона Гессель. Для блага общества?

Консулъ Берникъ. Да; и ни одинъ человѣкъ не рѣшится усумниться въ чистотѣ моихъ намѣреній.

Лона Гессель. Но тутъ есть люди, которые дѣйствовали болѣе открыто, чѣмъ ты, безъ заднихъ мыслей, безъ личныхъ разсчетовъ.

Консулъ Берникъ. Кто же это?

Лона Гессель. Конечно, Руммель, Зандштадъ и Вигеландъ.

Консулъ Берникъ. Для того, чтобы получить ихъ поддержку, я долженъ былъ посвятить ихъ въ это дѣло.

Лона Гессель И что же они?

Консулъ Берникъ. Они потребовали себѣ пятую часть прибыли.

Лона Гессель. Ахъ, эти столпы общества!

Консулъ Берникъ. А развѣ не само общество принуждаетъ насъ идти окольными путями? Что случилось бы, ес-

ли бы я не дѣйствовалъ втайнѣ? Всѣ набросились бы на это предпріятіе, каждый въ отдѣльности, всѣ старались бы урвать себѣ кусокъ, и все дѣло рушилось бы. Въ городѣ нѣтъ ни одного человѣка, кромѣ меня, который могъ бы стать во главѣ такого грандіознаго дѣла, какимъ обѣщаетъ быть это; кромѣ того, только иммигрирующія въ городѣ семьи обладаютъ большими дѣловыми способностями. Поэтому-то моя совѣсть въ этомъ отношеніи меня оправдываетъ. Только въ моихъ рукахъ эти имѣнія могутъ обратиться въ благословеніе для многихъ, которымъ они доставятъ хлѣбъ.

Лона Гессель. Я думаю, что ты въ этомъ отношеніи правъ, Карстенъ.

Іоганъ. Но я этихъ многихъ не знаю, а счастье всей моей жизни стоитъ на картѣ.

Консулъ Берникъ. Благосостояніе твоего родного города стоитъ также на картѣ. Если на поверхность всплывутъ вещи, которыя набросятъ тѣнь на мое прошлое поведеніе, то всѣ мои противники соединятся вмѣстѣ и дружно нападутъ на меня. Необдуманный шагъ юности нельзя никогда изгладить въ нашемъ обществѣ. Станутъ изслѣдовать всю мою жизнь послѣ этого случая, вытянутъ на свѣтъ Божій тысячу разнаго рода мелкихъ событій, будутъ толковать ихъ вкривь и вкось въ томъ же смыслѣ, какъ и случившійся со мною грѣхъ; меня буквально раздавятъ подъ тяжестью всякаго рода сплетенъ и слуховъ! Я долженъ буду отказаться отъ желѣзно-дорожнаго дѣла; а разъ я откажусь отъ него, оно рушится, и мнѣ придется одновременно разориться и потерпѣть гражданскую смерть.

Лона Гессель. Іоганъ, послѣ того, что ты услышалъ, ты долженъ уѣхать и молчать.

Консулъ Берникъ. Да, да, Іоганъ, ты долженъ это сдѣлать!

Іоганъ. Да, я уѣду и буду молчать; но я вернусь и тогда заговорю.

Консулъ Берникъ. Останься въ Америкѣ, Іоганъ; молчи, и я охотно подѣлюсь съ тобою—

Іоганъ. Оставь твои деньги при себѣ, но возстанови мое честное имя, мою репутацію!

Консулъ Берникъ. Пожертвовавъ своими!

Іоганъ. Какъ ты и общество выпутаетесь изъ этого, это ужъ ваше дѣло. Я долженъ убѣдить Дину выйти за меня замужъ—и я это сдѣлаю! Поэтому мнѣ надо еще завтра утромъ уѣхать на „Indian Girl“.

Консулъ Берникъ. На „Indian Girl“?

Іоганъ. Да. Капитанъ обѣщалъ взять меня съ собою. Я уѣду въ Америку, повторяю: я продамъ свою ферму и приведу въ порядокъ дѣла. Черезъ два мѣсяца я вернусь сюда.

Консулъ Берникъ. И ты тогда заговоришь?

Іоганъ. Тогда виновный долженъ будетъ взять вину на себя.

Консулъ Берникъ. Ты забываешь, что въ такомъ случаѣ мнѣ придется взять на себя такую вину, въ которой я совершенно не виновенъ.

Іоганъ. Кто пятнадцать лѣтъ тому назадъ воспользовался позорнымъ слухомъ?

Консулъ Берникъ. Ты доводишь меня до отчаянія! Но если ты заговоришь, я буду все отрицать! Я скажу, что это заговоръ противъ меня, месть; что ты пріѣхалъ изъ Америки только для того, чтобы выжать изъ меня деньги.

Лона Гессель. Стыдись, Карстенъ!

Консулъ Берникъ. Я въ отчаяніи, говорю я тебѣ; и буду бороться за свою жизнь. Я все буду отрицать, все!

Іоганъ. У меня два твоихъ письма. Я нашелъ ихъ въ сундукѣ вмѣстѣ съ другими бумагами. Сегодня утромъ я ихъ перечелъ; они не оставляютъ никакихъ сомнѣній.

Консулъ Берникъ. И ты хочешь ихъ опубликовать?

Іоганъ. Если это окажется необходимымъ—да.

Консулъ Берникъ. И черезъ два мѣсяца ты вернешься сюда?

Іоганъ. Надѣюсь. Вѣтеръ благопріятенъ. Черезъ три недѣли я буду въ Нью-Іоркѣ, если „Indian Girl“ не пойдетъ ко дну.

Консулъ Берникъ *(пораженный)*. Пойдетъ ко дну? Зачѣмъ „Indian Girl“ идти ко дну?

Іоганъ. Я думаю также, что опасности тутъ нѣтъ.

Консулъ Берникъ *(едва слышно)*. Пойдетъ ко дну!

Іоганъ. Да, Берникъ, теперь ты знаешь, что тебѣ предстоитъ; справляйся съ этимъ, какъ хочешь! Прощай! Можешь

поклониться Бетти, хотя она вела себя далеко не такъ, какъ слѣдуетъ вести себя сестрѣ. Но съ Мартою я хочу передъ отъѣздомъ повидаться. Она должна сказать Динѣ—она должна обѣщать мнѣ—*(Уходитъ въ крайнюю дверь налѣво).*

Консулъ Берникъ *(про себя).* „Indian Girl"—! *(Быстро).* Лона, ты должна помѣшать этому.

Лона Гессель. Ты видишь самъ, Карстенъ, у меня нѣтъ больше власти надъ нимъ. *(Уходитъ за Іоганомъ въ крайнюю дверь налѣво).*

Консулъ Берникъ *(погруженный въ тревожныя размышленія).* Пойдетъ ко дну—?

(Кораблестроитель Ауне входитъ справа).

Кораблестроитель Ауне. Извините, г. консулъ, могу ли я—?

Консулъ Берникъ *(быстро оборачиваясь).* Что вамъ нужно?

Кораблестроитель Ауне. Прошу разрѣшенія задать г. консулу одинъ вопросъ.

Консулъ Берникъ. Ну, хорошо, только поскорѣе.

Кораблестроитель Ауне. Я хотѣлъ спросить, твердо ли рѣшено, непоколебимо твердо,—что я получу отставку съ верфи, если „Indian Girl" не отправится въ море завтра?

Консулъ Берникъ. Зачѣмъ этотъ вопросъ? Вѣдь корабль готовъ къ отплытію.

Кораблестроитель Ауне. Онъ готовъ. А если онъ не былъ бы готовъ, получилъ ли бы я отставку?

Консулъ Берникъ. Зачѣмъ вы задаете всѣ эти безполезные вопросы?

Кораблестроитель Ауне. Мнѣ очень хотѣлось бы узнать это, г. консулъ. Отвѣчайте мнѣ, получилъ ли бы я тогда отставку?

Консулъ Берникъ. А вы видѣли когда-нибудь, чтобы я отказывался отъ даннаго слова?

Кораблестроитель Ауне. Значитъ, я завтра лишусь того положенія, которое занимаю въ своемъ домѣ и своей средѣ,—я лишусь своего вліянія на рабочихъ,—лишусь всякой возможности дѣйствовать полезно среди низшаго класса общества.

Консулъ Берникъ. Ауне, съ этимъ вопросомъ мы уже покончили.

Кораблестроитель Ауне. Въ такомъ случаѣ „Indian Girl" завтра отправится въ путь. *(Краткое молчаніе).*

Консулъ Берникъ. Послушайте, я не могу лично осмотрѣть все самъ, не могу быть отвѣтственнымъ за все;—вы увѣряете меня, что всѣ поправки сдѣланы должнымъ образомъ.

Кораблестроитель Ауне. Вы дали мнѣ слишкомъ короткій срокъ, г. консулъ.

Консулъ Берникъ. Но исправленія сдѣланы какъ слѣдуетъ, не правда-ли?

Кораблестроитель Ауне. Погода теперь хорошая, время лѣтнее. *(Краткое молчаніе).*

Консулъ Берникъ. Вы еще хотите что-нибудь сказать мнѣ?

Кораблестроитель Ауне. Мнѣ нечего больше говорить, г. консулъ.

Консулъ Берникъ. Итакъ,—„Indian Girl" отправится въ путь—

Кораблестроитель Ауне. Завтра утромъ?

Консулъ Берникъ. Да.

Кораблестроитель Ауне. Хорошо. *(Кланяется и уходитъ).*

Консулъ Берникъ *(стоитъ нѣсколько минутъ въ нерѣшительности: затѣмъ быстро подходитъ къ выходной двери, какъ бы желая призвать назадъ Ауне, но останавливается въ тревогѣ, держась за ручку двери. Въ ту же минуту дверь снаружи открывается и управляющій Крапъ входитъ въ комнату).*

Управляющій Крапъ *(вполголоса).* Ага, такъ Ауне былъ здѣсь! Онъ признался?

Консулъ Берникъ. Гмъ! Вы что-нибудь открыли?

Управляющій Крапъ. Къ чему? Развѣ по его лицу вы не могли видѣть, что у него совѣсть нечиста?

Консулъ Берникъ. Ну, что за глупости, этого по лицу никогда нельзя видѣть! Вы открыли что-нибудь, спрашиваю я?

Управляющій Крапъ. Ничего не могъ сдѣлать, было слишкомъ поздно; матросы готовились спустать корабль изъ верфи. Но именно эта поспѣшность ясно показываетъ, что—

Консулъ Берникъ. Это ничего рѣшительно не показываетъ. Значитъ, осмотръ былъ уже произведенъ?

Управляющій Крапъ. Понятно, но—

Консулъ Берникъ. Вотъ видите! Конечно, комиссія не нашла ничего предосудительнаго?

Управляющій Крапъ. Г. консулъ, вы прекрасно знаете, какимъ образомъ совершаются такого рода осмотры, въ особенности на верфи, пользующейся такимъ довѣріемъ, какъ наша.

Консулъ Берникъ. Это все равно; мы, значитъ, больше не отвѣтственны.

Управляющій Крапъ. Г. консулъ, неужели вы въ самомъ дѣлѣ не замѣтили по лицу Ауне, что—

Консулъ Берникъ. Я говорю вамъ, что Ауне меня совершенно успокоилъ.

Управляющій Крапъ. А я говорю вамъ, что я нравственно убѣжденъ въ томъ, что—

Консулъ Берникъ. Какое значеніе имѣетъ ваше убѣжденіе, г. Крапъ? Я знаю, что вы давно чувствуете непріязнь къ этому человѣку; но, желая ему насолить, вы должны избрать другой поводъ. Вы знаете, какъ важно для меня—или скорѣе для хозяевъ судна,—чтобы „Indian Girl“ отправился въ путь завтра утромъ.

Управляющій Крапъ. Хорошо, хорошо; пусть будетъ по вашему; но вскорѣ мы опять услышимъ о суднѣ—гмъ!

(Купецъ Вигеландъ входитъ справа).

Вигеландъ. Добраго утра, г. консулъ. Есть ли у васъ минутка свободнаго времени?

Консулъ Берникъ. Къ вашимъ услугамъ, г. Вигеландъ.

Вигеландъ. Да, я хотѣлъ только услышать, желаете ли вы, чтобы „Пальмовое дерево“ отправилось въ путь завтра утромъ?

Консулъ Берникъ. Конечно; это, вѣдь, рѣшенное дѣло.

Вигеландъ. Но капитанъ „Пальмоваго дерева“ только что былъ у меня и сообщилъ, что ожидается буря.

Управляющій Крапъ. Барометръ сильно упалъ со вчерашняго дня.

Консулъ Берникъ. Какъ, ожидается буря?

Вигеландъ. Во всякомъ случаѣ ожидается сильный вѣтеръ; но не противный, а наоборотъ.

Консулъ Берникъ. Гмъ! Да, какого же вы мнѣнія на этотъ счетъ?

Вигеландъ. Я скажу и теперь то, что сказалъ капитану, а именно, что судьба „Пальмоваго дерева“ находится въ рукахъ Провидѣнія. И, кромѣ того, кораблю придется переплыть сначала только Сѣверное море; а въ Англіи фрахтъ стоитъ такъ высоко, что—

Консулъ Берникъ. Да, мы, конечно, понесемъ большія потери, если будемъ ждать.

Вигеландъ. Вдобавокъ, судно чрезвычайно прочно, и кромѣ того, застраховано въ полной цѣнности. Во всякомъ случаѣ, рискъ гораздо большій для „Indian Girl“.

Консулъ Берникъ. Что вы хотите этимъ сказать?

Вигеландъ. Вѣдь она также отправляется завтра утромъ?

Консулъ Берникъ. Да, хозяева судна такъ сильно налегали на насъ, и, кромѣ того—

Вигеландъ. Ну, если эта старая руина можетъ двинуться въ путь,—и притомъ съ большимъ грузомъ,—то для насъ было бы позорно, если бы мы—

Консулъ Берникъ. Хорошо, хорошо! Съ вами судовые документы?

Вигеландъ. Со мной.

Консулъ Берникъ. Хорошо. Прошу васъ зайти въ мой кабинетъ съ г. Крапомъ.

Управляющій Крапъ. Хорошо; мы скоро справимся съ этимъ дѣломъ.

Вигеландъ. Благодарю.—А будущее мы предадимъ волѣ Божіей, г. консулъ.

(Уходитъ съ управляющимъ Крапомъ въ первую дверь налѣво. Адъюнктъ Ерлундъ входитъ черезъ садъ).

Ерлундъ. Ахъ, какъ это мнѣ удалось застать васъ дома въ этотъ часъ дня, г. консулъ?

Консулъ Берникъ *(задумавшись)*. Какъ видите.

Ерлундъ. Я пришелъ сюда собственно къ вашей женѣ. Мнѣ казалось, что она, можетъ быть, нуждается въ словѣ утѣшенія.

Консулъ Берникъ. Она, конечно, нуждается въ немъ. Но и мнѣ также хотѣлось переговорить съ вами.

Ерлундъ. Съ удовольствіемъ, г. консулъ. Но что съ вами? Вы такъ блѣдны, у васъ такой разстроенный видъ.

Консулъ Берникъ. Да? Неужели? Какъ же могло быть иначе,—послѣ всего, что мнѣ пришлось вынесть въ послѣдніе дни? Всѣ тѣ большія предпріятія, которыя затѣяны мною,—а затѣмъ желѣзно-дорожное дѣло. Послушайте; скажите мнѣ одно слово, г. адъюнктъ; позвольте мнѣ задать вамъ одинъ вопросъ.

Ерлундъ. Сдѣлайте одолженіе, г. консулъ.

Консулъ Берникъ. Мнѣ пришла въ голову одна мысль. Когда стоишь во главѣ такого большого дѣла, отъ котораго зависитъ благосостояніе стольких тысячъ людей,—что, если бы оно потребовало одну единственную жертву?

Ерлундъ. Что вы хотите этимъ сказать?

Консулъ Берникъ. Предположимъ, что кто нибудь захотѣлъ основать большую фабрику. Онъ знаетъ навѣрное, —потому что опытъ научилъ его этому, что раньше или позже работа въ этой фабрикѣ погубитъ нѣсколькихъ людей.

Ерлундъ. Да, на это можно всегда разсчитывать.

Консулъ Берникъ. Или возьмемъ, напримѣръ, человѣка, который затѣваетъ рудокопное дѣло. Онъ беретъ къ себѣ на службу какъ отцовъ семейства, такъ и молодыхъ жизнерадостныхъ людей. Развѣ онъ можетъ сказать себѣ съ увѣренностью, что всѣ эти люди останутся въ живыхъ и что никто изъ нихъ не погибнетъ жертвою шахтъ?

Ерлундъ. Къ сожалѣнію, ничего противъ этого нельзя возразить.

Консулъ Берникъ. Ну, такой человѣкъ знаетъ навѣрное, что предпріятіе, которое онъ намѣренъ пустить въ ходъ, будетъ несомнѣнно стоить жизни многихъ людей. Но это предпріятіе доставитъ пользу обществу; каждая человѣческая жизнь, принесенная въ жертву ему, увеличитъ благосостояніе многихъ сотенъ.

Ерлундъ. Ага, вы думаете о желѣзной дорогѣ,—о всѣхъ тѣхъ опасныхъ земляныхъ работахъ, взрывахъ скалъ и о всемъ томъ—

Консулъ Берникъ. Да, да, конечно; я думаю о желѣзной дорогѣ. И кромѣ того,—желѣзная дорога поведетъ къ основанію фабрикъ и рудниковъ. Но не думаете ли вы, что вмѣстѣ съ тѣмъ—?

Ерлундъ. Дорогой г. консулъ, вы, право, слишкомъ совѣстливы. Я думаю, что разъ вы отдадите дѣло въ руки Провидѣнія—

Консулъ Берникъ. Да, да, конечно, Провидѣнія—

Ерлундъ. Тогда съ васъ снимается всякая отвѣтственность. Можете смѣло строить желѣзную дорогу.

Консулъ Берникъ. Да, но теперь я приведу еще другой особенный случай. Предположимъ, что въ какомъ-нибудь опасномъ мѣстѣ заложена мина, которую нужно взорвать; если этой мины не взорвать, постройка желѣзной дороги не состоится. Предположимъ, инженеръ знаетъ, что рабочій, который зажжетъ мину, поплатится жизнью; но зажечь ее необходимо, и инженеръ обязанъ послать рабочаго, чтобы исполнить это.

Ерлундъ. Гмъ!

Консулъ Берникъ. Я знаю, что вы скажете. Инженеръ поступилъ бы великодушно, если бы взялъ факелъ и самъ отправился зажечь мину. Но такія вещи не дѣлаются. Онъ долженъ, слѣдовательно, пожертвовать жизнью одного изъ рабочихъ.

Ерлундъ. Этого не сдѣлаетъ никогда ни одинъ инженеръ у насъ.

Консулъ Берникъ. Ни одинъ инженеръ въ большихъ странахъ не задумается сдѣлать это.

Ерлундъ. Въ большихъ странахъ? Да, охотно вѣрю этому. Въ этихъ испорченныхъ и безсовѣстныхъ обществахъ—

Консулъ Берникъ. Ну, въ этихъ обществахъ много хорошаго.

Ерлундъ. И вы это можете говорить, вы, когда вы сами—?

Консулъ Берникъ. Въ большихъ обществахъ имѣешь достаточно мѣста для проведенія полезныхъ предпріятій; тамъ обладаютъ и мужествомъ для того, чтобы принести жертву въ пользу великаго дѣла; а здѣсь погибаешь подъ гнетомъ разнаго рода мелкихъ соображеній и пустяковъ.

Ерлундъ. Развѣ человѣческая жизнь пустякъ?

Консулъ Берникъ. Да, когда эта человѣческая жизнь грозитъ благосостоянію тысячъ.

Ерлундъ. Но вы придумываете совершенно невѣроятные случаи, г. консулъ! Я совершенно не понимаю васъ сегодня. И потомъ ваши указанія на большія общества,. Да, тамъ,—что значитъ тамъ человѣческая жизнь? Тамъ съ человѣческою жизнью обращаются какъ съ капиталомъ. Но *мы* стоимъ теперь на прямо противоположной нравственной точкѣ зрѣнія, насколько я понимаю. Посмотрите на почтенный классъ нашихъ судохозяевъ! Назовите мнѣ хоть одного судохозяина у насъ, который согласился бы ради собственной выгоды пожертвовать

чужою жизнью! И подумайте объ этихъ негодяяхъ большихъ обществъ, которые ради прибыли высылаютъ въ море одно негодное къ плаванью судно за другимъ—

Консулъ Берникъ. Я не говорю о негодныхъ къ плаванью суднахъ!

Рерлундъ. Но я говорю о нихъ, г. консулъ.

Консулъ Берникъ. Да, но къ чему всѣ эти фразы? Онѣ не относятся къ дѣлу.—Ахъ, эти ужасные, мелочные разсчеты! Если бы какой-нибудь генералъ у насъ долженъ былъ повесть въ огонь на разстрѣляные своихъ солдатъ, онъ провелъ бы послѣ этого не мало безсонныхъ ночей. Совершенно иное замѣчается въ другихъ мѣстахъ. Послушали бы вы, что онъ разсказываетъ о тамошнихъ дѣлахъ—

Рерлундъ. Онъ? Кто? Американецъ—?

Консулъ Берникъ. Ну да, конечно. Вотъ послушали бы, какъ въ Америкѣ—

Рерлундъ. Онъ здѣсь? И вы не говорите мнѣ ничего. Я сейчасъ—

Консулъ Берникъ. Это вамъ не поможетъ; вы съ нимъ ничего не подѣлаете.

Рерлундъ. Посмотримъ, посмотримъ! А вотъ и онъ!

(*Іоганъ Теннесенъ входитъ изъ комнаты налѣво*).

Іоганъ (*говоритъ, обернувшись къ открытой двери*). Да, да, Дина, пусть будетъ по вашему; но я все же не отказываюсь отъ васъ. Я вернусь и тогда между нами будетъ опять миръ.

Рерлундъ. Извините, но что вы думали сказать этими словами? Чего вы хотите?

Іоганъ. Я хочу, чтобы молодая дѣвушка, которую вы вчера возбудили противъ меня, сдѣлалась моей женой.

Рерлундъ Вашей—? И вы можете вообразить, что—?

Іоганъ. Я хочу, чтобы она была моей женой.

Рерлундъ. Теперь и вы должны узнать—(*Подходитъ къ полуоткрытой двери*). Госпожа Берникъ, сдѣлайте одолженіе, будьте свидѣтельницей... и вы также, m-lle Марта. Позовите и Дину. (*Видитъ въ дверяхъ Лону Гессель*). Ахъ, и вы здѣсь?

Лона Гессель (*въ дверяхъ*). Мнѣ можно войти?

Рерлундъ, Входите всѣ, кто хочетъ; чѣмъ больше, тѣмъ лучше!

Консулъ Берникъ. Что вы задумали?

(*Лона Гессель, г-жа Берникъ, Марта Берникъ, Дина и Гильмаръ Теннесенъ входятъ въ комнату*).

Г-жа Берникъ. Г-нъ адъюнктъ, несмотря на всѣ мои усилія, я не могла помѣшать ему—

Рерлундъ. *Я* помѣшаю ему.—Дина, вы легкомысленная дѣвушка. Но я не буду упрекать васъ. Вы слишкомъ долго лишены были здѣсь той нравственной опоры, которая должна была поддержать васъ. Я упрекаю себя самого, что не доставилъ вамъ раньше этой поддержки.

Дина. Теперь вы не должны говорить!

Г-жа Берникъ. Но въ чемъ же дѣло?

Рерлундъ. Нѣтъ, *теперь* именно я долженъ говорить, Дина, несмотря на то, что ваше поведеніе вчера и сегодня удесятерило для меня трудность этого заявленія. Но ради вашего спасенія всѣ другія соображенія должны отступить на задній планъ. Вы помните слово, которое я далъ вамъ. Вы помните, что вы обѣщали мнѣ отвѣтить, когда я найду, что часъ говорить насталъ. Теперь не время больше раздумывать, и поэтому—(*Обращаясь къ Іогану Теннесену*). Эта молодая дѣвушка, руки которой вы добиваетесь, моя невѣста.

Г-жа Берникъ. Что вы говорите!

Консулъ Берникъ. Дина!

Іоганъ. Она Ваша—?

Марта Берникъ. Нѣтъ, нѣтъ, Дина!

Лона Гессель. Ложь!

Іоганъ. Дина,—неужели этотъ человѣкъ говоритъ правду?

Дина (*послѣ краткаго раздумья*). Да.

Рерлундъ. Этимъ, я надѣюсь, прекращаются всѣ ухищренья сатаны. Шагъ, на который я рѣшился теперь для пользы Дины, можетъ быть оповѣщенъ всему нашему обществу. Я твердо увѣренъ, что этотъ шагъ не будетъ истолкованъ имъ въ дурную сторону. Но теперь, г-жа Берникъ, мы, кажется, лучше всего сдѣлаемъ, если уведемъ ее отсюда и постараемся успокоить ея взволнованную душу.

Г-жа Берникъ. Да, иди. О, Дина, какое это счастье для тебя!

(*Она уводитъ Дину налѣво; адъюнктъ Рерлундъ слѣдуетъ за ними*).

Марта Берникъ. Прощай, Іоганъ! (*Уходитъ*).

Гильмаръ Теннесенъ (*въ дверяхъ сада*). Гм! Надо сказать, что это—

Лона Гессель (*слѣдившая за Диной глазами*). Не падай духомъ, мальчикъ! Я останусь здѣсь и буду слѣдить за пасторомъ. (*Уходитъ направо*).

Консулъ Берникъ. Іоганъ, теперь ты не поѣдешь на „Indian Girl“.

Іоганъ. Нѣтъ, поѣду.

Консулъ Берникъ. Но ты не вернешься назадъ?

Іоганъ. Нѣтъ, вернусь.

Консулъ Берникъ. Послѣ этого? Зачѣмъ же тебѣ возвращаться послѣ этого?

Іоганъ. Чтобы отомстить всѣмъ вамъ; уничтожить столькихъ изъ васъ, сколько могу.

(*Уходитъ направо. Управляющій Крапъ и купецъ Вигеландъ выходятъ изъ комнаты консула*).

Вигеландъ. Теперь всѣ бумаги въ порядкѣ, г. консулъ.

Консулъ Берникъ. Хорошо, хорошо.

Крапъ (*вполголоса*). Значитъ, рѣшено, что „Indian Girl“ отплываетъ завтра утромъ?

Консулъ Берникъ. Рѣшено.

(*Уходитъ въ свой кабинетъ. Купецъ Вигеландъ и управляющій Крапъ идутъ направо. Гильмаръ Теннесенъ хочетъ слѣдовать за ними, но въ это время голова Олафа осторожно показывается изъ дверей налѣво*).

Олафъ. Дядя! Дядя Гильмаръ!

Гильмаръ. Уфъ, это ты? Почему ты не наверху? Ты, вѣдь, арестованъ.

Олафъ (*дѣлая шагъ впередъ*). Тише! Дядя Гильмаръ, знаешь новость?

Гильмаръ. Да, я знаю, что ты былъ сегодня высѣченъ.

Олафъ (*съ угрозой смотря на кабинетъ отца*). Онъ меня больше не ударитъ. Но знаешь ли, что дядя Іоганъ уѣзжаетъ завтра утромъ съ американцами?

Гильмаръ. Какое тебѣ до этого дѣло? Скорѣе бѣги къ себѣ наверхъ.

Олафъ. Я, можетъ быть, также отправлюсь когда-нибудь на буйволовую охоту, дядя.

Гильмаръ. Глупости! Такой маменькинъ сынокъ, какъ ты—

Олафъ. Да, подожди только; вотъ узнаешь кое-что завтра утромъ;

Гильмаръ. Дуракъ! (*Уходитъ въ садъ. Олафъ бѣжитъ обратно и затворяетъ дверь при видѣ управляющаго Крапа, выходящаго справа. Крапъ подходитъ къ кабинету консула и полуоткрываетъ дверь*).

Крапъ. Извините, что я опять безпокою васъ, г. консулъ; но мы получили извѣстіе, что ожидается страшная буря.

(*Ожидаетъ минуту, никакого отвѣта*).

Развѣ „Indian Girl“ должна отплыть, несмотря на все?

(*Краткое молчаніе*).

Консулъ Берникъ (*изъ своего кабинета*). „Indian Girl“ должна отплыть, несмотря на все.

(*Управляющій Крапъ затворяетъ дверь и уходитъ направо*).

Дѣйствіе четвертое.

(Зала у консула Берника. Рабочій столъ вынесенъ. Гроза; послѣобѣденное время; темнота все болѣе и болѣе усиливается въ теченіе слѣдующей сцены).

(Слуга зажигаетъ люстру; двѣ горничныя вносятъ горшки съ цвѣтами, лампы и свѣчи, которыя ставятся на столахъ и на выступахъ вдоль стѣнъ. Коммерсантъ Руммель, во фракѣ, въ перчаткахъ и бѣломъ галстукѣ, стоитъ въ залѣ и отдаетъ приказанія).

Коммерсантъ Руммель (*обращаясь къ слугѣ*). Вынесите лишнія свѣчи, Якобъ, черезъ одну. Зала не должна имѣть слишкомъ праздничный видъ: мы, вѣдь, должны застать ихъ какъ бы врасплохъ. А всѣ эти цвѣты—? Ахъ, нѣтъ; пусть они остаются; можно подумать, что они здѣсь стоятъ для ежедневнаго—

(*Консулъ Берникъ выходитъ изъ своего кабинета*).

Консулъ Берникъ (*въ дверяхъ*). Что это значитъ?

Руммель. Ахъ, ахъ, ты здѣсь? (*Обращаясь къ слугамъ*). Ну, можете пока уйти.

(*Слуги и горничныя уходятъ въ крайнюю дверь налѣво*).

Консулъ Берникъ (*подходитъ ближе*). Скажи мнѣ, пожалуйста, Руммель, что все это значитъ?

Руммель. Это значитъ, что наступилъ лучшій часъ твоей жизни. Городъ устраиваетъ сегодня вечеромъ шествіе съ знаменами въ честь самаго выдающагося своего гражданина.

Консулъ Берникъ. Что ты говоришь!

Руммель. Шествіе съ знаменами и съ музыкой! Мы хотѣли взять съ собой и факелы, но не рѣшились въ виду дурной погоды. Ну, за то мы устроимъ иллюминацію въ залѣ и это также произведетъ свое дѣйствіе, когда попадетъ въ газеты.

Консулъ Берникъ. Послушай, Руммель; я не хочу и слышать объ этомъ.

Руммель. Ну, теперь ужъ слишкомъ поздно; черезъ полчаса процессія будетъ здѣсь.

Консулъ Берникъ. Но почему ты не говорилъ мнѣ этого раньше?

Руммель. Именно потому, что я боялся, что ты станешь дѣлать возраженія. Но я вступилъ въ переговоры съ твоей женой; она разрѣшила мнѣ устроить здѣсь кое-что, а сама позаботилась объ угощеніи.

Консулъ Берникъ (*прислушиваясь*). Что это значитъ? Они, кажется, уже идутъ? Мнѣ послышалось пѣніе.

Руммель (*у садовой двери*). Пѣніе? Ахъ, это поютъ американцы. Они спускаютъ въ море „Indian Girl“.

Консулъ Берникъ. Спускаютъ! Да—; нѣтъ, я не могу сегодня вечеромъ, Руммель; я боленъ.

Руммель. Да, у тебя дѣйствительно плохой видъ. Но ты долженъ взять себя въ руки. Ты долженъ, чортъ побери, собраться съ силами! И я, и Зандштадъ, и Вигеландъ, мы придаемъ большое значеніе успѣху этой процессіи и очень много потрудились надъ нею. Наши противники вынуждены будутъ преклониться передъ общественнымъ мнѣніемъ, такъ ярко выраженнымъ. Городскіе слухи начинаютъ принимать все болѣе и болѣе опредѣленный характеръ; придется обязательно сказать нѣсколько словъ о скупкѣ имѣній. Ты долженъ непремѣнно еще сегодня вечеромъ при звукѣ пѣсенъ и рѣчей, подъ звонъ стакановъ, однимъ словомъ, во время праздничнаго настроенія, охватившаго общество, сообщить присутствующимъ, какъ много ты рисковалъ для блага этого самаго общества. Во время такого праздничнаго настроенія у насъ можно сдѣлать чрезвычайно много. Но такое настроеніе необходимо, иначе ничего не подѣлаешь.

Консулъ Берникъ. Да, да, да—

Руммель. Въ особенности, когда приходится касаться такого деликатнаго и опаснаго вопроса. Ну, ты носишь, слава Богу, имя, съ которымъ можно рѣшиться на все, Берникъ. Но послушай, что я тебѣ скажу; намъ необходимо немного сговориться. Студентъ Теннесенъ написалъ пѣснь въ честь тебя. Она начинается очень хорошо словами: „Знамя идеи держи высоко“. А на адъюнкта Рерлунда возложена обязанность произвести привѣтственную рѣчь. На нее ты, конечно, обязанъ отвѣтить.

Консулъ Берникъ. Я не могу говорить сегодня вечеромъ, Руммель. Не могъ-ли бы ты—?

Руммель. Невозможно, какъ бы я этого не хотѣлъ. Рѣчь будетъ, какъ ты можешь догадаться, обращена главнымъ образомъ къ тебѣ. Ну, можетъ быть, попадется и нѣсколько словъ, обращенныхъ къ намъ. Я уже разговаривалъ объ этомъ съ Вигеландомъ и Зандштадомъ. Мы думали, что ты можешь отвѣтить тостомъ въ честь преуспѣянія нашего общества; Зандштадъ скажетъ нѣсколько словъ о единеніи между различными классами общества; Вигеландъ произнесетъ небольшую рѣчь по поводу того, какъ желательно было бы, чтобы новое предпріятіе не потрясло нравственныхъ основаній, на которыхъ зиждется наше общество; а я думаю въ нѣсколькихъ подходящихъ словахъ напомнить о женщинахъ, болѣе скромная дѣтельность которыхъ представляетъ не малое значеніе для общества. Но ты меня не слушаешь—

Консулъ Берникъ. Нѣтъ, нѣтъ; конечно, слушаю. Но скажи мнѣ, какъ ты думаешь, очень ли бурно море сегодня?

Руммель. А, ты боишься за „Пальмовое дерево“? Оно, вѣдь, хорошо застраховано.

Консулъ Берникъ. Застраховано-то оно застраховано; но—

Руммель. И въ хорошемъ состояніи, а это самое важное.

Консулъ Берникъ. Гмъ! Если даже съ судномъ и случится что-нибудь, то отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы человѣческая жизнь находилась въ опасности. Можно потерять корабль, грузъ,—чемоданы, бумаги—

Руммель. Чортъ побери! Чемоданы и бумаги не представляютъ большого значенія.

Консулъ Бернике. Конечно, нѣтъ. Но я не это одно хотѣлъ сказать — Тише, они опять поютъ.

Руммель. Они поютъ на палубѣ „Пальмоваго дерева“.

(*Купецъ Вигеландъ входитъ справа*).

Купецъ Вигеландъ. Да, теперь „Пальмовое дерево“ отправляется въ путь. Добраго вечера, г. консулъ!

Консулъ Бернике. А вы, такъ хорошо знающій море, продолжаете утверждать, что —

Вигеландъ. Я вѣрю твердо въ одно, въ Провидѣніе, г. консулъ; кромѣ того, я былъ самъ на палубѣ и раздалъ нѣсколько небольшихъ трактатовъ, которые, надѣюсь, послужатъ имъ благословеніемъ.

(*Купецъ Зандштадъ и управляющій Крапъ входятъ справа*).

Купецъ Зандштадъ (*еще въ дверяхъ*). Да, если *это* удастся, то и все намъ удастся. Ахъ, кого я вижу? Добрый вечеръ, добрый вечеръ!

Консулъ Бернике. Что-нибудь случилось, г. Крапъ?

Крапъ. Я ничего не сказалъ, г. консулъ.

Зандштадъ. Весь экипажъ на „Indian Girl“ пьянъ. Я готовъ поклясться честью, что ни одного изъ этихъ животныхъ не выйдетъ живымъ изъ этого путешествія.

(*Лона Гессель входитъ справа*).

Лона Гессель (*консулу Бернику*). Я принесла тебѣ поклонъ отъ него.

Консулъ Бернике. Онъ уже сѣлъ на корабль?

Лона Гессель. Навѣрное сѣлъ. Мы разстались передъ гостинницею.

Консулъ Бернике. И его намѣреніе по прежнему твердо?

Лона Гессель. Непоколебимо, какъ скала.

Руммель (*глядя на окна*). Чортъ побери всѣ эти новомодныя изобрѣтенія. Я никакъ не могу спустить занавѣсы.

Лона Гессель. Развѣ ихъ нужно спускать? А я думала напротивъ.

Руммель. Сначала нужно спустить ихъ, m-lle. Да, вы, конечно, имѣете понятіе о томъ, что предстоитъ?

Лона Гессель. Конечно. Позвольте мнѣ помочь вамъ. (*Беретъ за шнурки*). Я спущу занавѣсъ для зятя,—хотя и гораздо охотнѣе подняла бы его вверхъ.

Руммель. Это вы можете сдѣлать потомъ. Когда садъ наполнится ликующей толпой, тогда занавѣсъ подымется, и всѣ могутъ заглянуть въ комнаты и увидѣть счастливую и удивленную неожиданнымъ посѣщеніемъ семью;—домъ гражданина долженъ быть похожъ на стеклянный шкафъ.

Консулъ Бернике (*хочетъ, повидимому, сказать кое-что, но быстро оборачивается и уходитъ въ свой кабинетъ*).

Руммель. Да, соберемся пока на послѣдній совѣтъ. Идите сюда, г. Крапъ; вы должны дать намъ нѣсколько фактическихъ разъясненій.

(*Всѣ мужчины уходятъ въ кабинетъ консула. Лона Гессель только что спустила занавѣсы передъ окнами и хотѣла сдѣлать то-же самое съ занавѣсью передъ открытой стеклянной дверью, когда Олафъ показывается внезапно на садовой лѣстницѣ; на плечи у него накинутъ пледъ, а въ рукахъ онъ держитъ узелокъ*).

Лона Гессель. А, Господи Боже мой, какъ ты испугалъ меня!

Олафъ (*прячетъ узелокъ*). Тише, тетя!

Лона Гессель. Ты выпрыгнулъ изъ окна? Куда ты спѣшишь?

Олафъ. Тише; не говори ничего. Я хочу къ дядѣ Іогану;—только на пристань, понимаешь?—Только попрощаюсь съ нимъ. Спокойной ночи, тетя. (*Бѣжитъ черезъ садъ*).

Лона Гессель. Нѣтъ, останься! Олафъ! Олафъ!

(*Іоганъ Теннесенъ, одѣтый по дорожному, съ сумкой черезъ плечо, осторожно входитъ въ дверь направо*).

Іоганъ Теннесенъ. Лона.

Лона Гессель (*оборачивается*). Какъ! Ты вернулся?

Іоганъ. Осталось нѣсколько минутъ времени. Я долженъ еще разъ повидаться съ ней. Мы не можемъ разстаться такимъ образомъ.

(*Марта Бернике и Дина, въ пальто, послѣдняя съ маленькимъ мѣшкомъ въ рукѣ, входятъ черезъ крайнюю дверь налѣво*).

Дина. Къ нему, къ нему.

Марта Бернике. Да, ты должна пойти къ нему, Дина!

Дина. Вотъ и онъ!

Іоганъ. Дина!

Дина. Возмите меня съ собой!

Іоганъ. Какъ—!

Лона Гессель. Ты хочешь?

Дина. Да, возьмите меня съ собой! Тотъ другой написалъ мнѣ, что онъ сегодня вечеромъ обнародуетъ передъ всѣми людьми—

Іоганъ. Дина,—вы не любите его?

Дина. Я никогда не любила этого человѣка. Я брошусь въ глубину фіорда, если буду объявлена его невѣстой! Ахъ, какъ онъ угнеталъ меня вчера своими высокомѣрными рѣчами! Какъ онъ заставлялъ меня чувствовать, что онъ возвышаетъ, меня, ничтожное созданіе, до своего уровня! Я не хочу, чтобы со мною обращались такимъ образомъ? Я хочу уѣхать. Могу ли я уѣхать съ вами?

Іоганъ. Да, да—тысячу разъ да!

Дина. Я не долго буду въ тягость вамъ. Помогите мнѣ только всплыть на поверхность; помогите мнѣ сначала немного—

Іоганъ. Ура, я съ радостью помогу вамъ, Дина!

Лона Гессель *(указывая на дверь консула)*. Не кричи; тише, тише!

Іоганъ. Дина, я буду носить васъ на рукахъ!

Дина. Этого я вамъ не позволю. Я сама хочу пробить себѣ дорогу; тамъ въ Америкѣ мнѣ это навѣрное удастся. Лишь бы мнѣ только уйти отсюда! Ахъ, эти женщины,—вы ихъ не знаете!—Онѣ также писали мнѣ сегодня; онѣ убѣждали меня вникнуть хорошенько, какъ велико мое счастье, и никогда не забывать, какъ много великодушія выказалъ онъ. Вчера и всѣ эти дни онѣ не переставали слѣдить за мной, чтобы убѣдиться, достойна ли я этой чести. Я ужасаюсь при одной мысли о всей этой безднѣ приличія!

Іоганъ. Скажите мнѣ, Дина, развѣ вы уѣзжаете только ради этого? А *я* для васъ ничего не значу?

Дина. Нѣтъ, Іоганъ, вы для меня представляете больше значенія, чѣмъ всѣ другія люди.

Іоганъ. О Дина—!

Дина. Всѣ говорятъ здѣсь, что я должна ненавидѣть и презирать васъ; что это моя обязанность; но я не понимаю такой обязанности и никогда не пойму.

Лона Гессель. Да тебѣ и не зачѣмъ понимать, дитя!

Марта Берникъ. Нѣтъ, ты не должна этого понимать; и поэтому ты послѣдуешь за нимъ, какъ его жена.

Іоганъ. Да, да!

Лона Гессель. Какъ? Теперь позволь мнѣ поцѣловать тебя, Марта! Отъ тебя я этого никогда не ожидала.

Марта Берникъ. Охотно вѣрю; потому что я и сама не ждала этого отъ себя. Но когда-нибудь это должно было вырваться наружу у меня. Ахъ, какъ сильно страдаемъ мы здѣсь подъ гнетомъ разнаго рода приличій и обычаевъ! Возмутись противъ этого, Дина! Сдѣлайся его женою. Пусть случится, наконецъ, что-нибудь такое, что станетъ въ разрѣзъ со всей этой благопристойностью.

Іоганъ. Что вы на это отвѣтите, Дина?

Дина, Да, я согласна сдѣлаться вашей женой.

Іоганъ. Дина!

Дина. Но сначала я хочу работать, сдѣлаться самостоятельнымъ человѣкомъ, совершенно такимъ же, какъ вы. Я не хочу быть вещью, котору берутъ.

Лона Гессель. Да, совершенно вѣрно; такъ и должно быть.

Іоганъ. Хорошо; я буду ждать и надѣяться.

Лона Гессель. И побѣдишь, мой милый! А теперь на корабль!

Іоганъ. Да, накорабль! Ахъ, Лона, дорогая сестра моя, на пару словъ; послушай—

(Онъ увоситъ ее въ глубину сцены и что-то быстро говоритъ ей).

Марта Берникъ. Дина, счастливица,—дай мнѣ посмотрѣть на тебя, поцѣловать тебя еще разъ,—послѣдній.

Дина. Далеко не послѣдній; нѣтъ, дорогая, милая тетя, мы еще увидимся.

Марта Берникъ. Никогда! Обѣщай мнѣ, Дина, никогда не возвращаться. *(Беретъ обѣ ея руки въ свои и смотритъ на нее)*. Теперь ты идешь на встрѣчу счастью, дорогое дитя мое,—за море. Ахъ какъ часто я въ школьной комнатѣ порывалась туда! Тамъ, должно быть, такъ хорошо; тамъ горизонтъ шире; облако несутся выше, чѣмъ здѣсь; тамъ надъ людскими головами вѣетъ свободный воздухъ—

Дина. О, тетя Марта, ты когда-нибудь послѣдуешь за нами.

Марта. Берникъ. Я? Никогда, никогда! Здѣсь у меня моя маленькая жизненная задача, и я думаю, что я и здѣсь могу еще зажить полною жизнью.

Дина. Я не могу и представить себѣ, что мнѣ придется разлучиться съ тобою.

Марта Берникъ. Ахъ, человѣку приходится со многимъ разлучаться, Дина. (*Цѣлуетъ ее*). Надѣюсь, что тебѣ никогда не придется испытать это, дорогое дитя мое. Обѣщай мнѣ сдѣлать его счастливымъ.

Дина. Я не хочу ничего обѣщать; я ненавижу обѣщаній; все должно быть такъ, какъ случиться.

Марта Берникъ. Да, да, это правда; оставайся такою, какова ты есть: искренной и вѣрной себѣ.

Дина. Я всегда такою останусь, тетя.

Лона Гессель (*прячетъ въ карманъ нѣсколько бумагъ, данныхъ ей Іоганомъ*). Хорошо, хорошо, мой дорогой мальчикъ. А теперь въ путь!

Іоганъ. Да, теперь нельзя терять времени. Прощай, Лона; благодарю тебя за всю твою любовь. Прощай, Марта; благодарю тебя также за твою вѣрную дружбу.

Марта Берникъ. Прощай, Іоганъ, прощай Дина! Будьте счастливы всю жизнь!

(*Лона Гессель и она провожаютъ ихъ до дверей въ глубинѣ сцены. Іоганъ Теннесенъ и Дина быстро проходятъ черезъ садъ. Лона Гессель затворяетъ дверь и опускаетъ занавѣсы*).

Лона Гессель. Теперь мы одни, Марта. Ты потеряла ее, а я его.

Марта Берникъ. Ты—его?

Лона Гессель. Ахъ, я еще тамъ наполовину потеряла его. Мальчикъ давно уже жаждалъ стать на собственныя ноги: поэтому я вбила ему въ голову, что страдаю тоскою по родинѣ.

Марта. Берникъ. Поэтому? Да, теперь я понимаю, почему ты пріѣхала. Но онъ скоро потребуетъ, чтобы ты вернулась къ нему обратно, Лона.

Лона Гессель. Старую сводную сестру,—на что она теперь нужна ему?—Мужчины сокрушаютъ все вокругъ себя, только бы достигнуть счастья.

Марта Берникъ. Да, это случается иногда.

Лона Гессель. Теперь мы будемъ дружно жить вмѣстѣ, Марта.

Марта Берникъ. Развѣ я могу быть чѣмъ-нибудь для тебя?

Лона Гессель. Кто же другой можетъ быть ближе мнѣ, чѣмъ ты? Мы двѣ пріемныя матери,—развѣ мы не потеряли обѣ своихъ дѣтей? Теперь мы остались однѣ.

Марта Берникъ. Да, однѣ. И поэтому я тебѣ скажу еще кое-что: я любила его больше всего на свѣтѣ.

Лона Гессель. Марта! (*Хватая ее за руку*). Неужели это правда?

Марта Берникъ. Вся моя жизнь заключается въ этихъ словахъ. Я любила его и ожидала его. Каждое лѣто ждала, что онъ вернется. И онъ вернулся;—но меня онъ не замѣтилъ.

Лона Гессель. Любила его! А между тѣмъ сама отдала ему счастье въ руки!

Марта Берникъ. Какъ я могла не отдать ему счастья въ руки, когда я любила его? Да я, любила его. Я всю жизнь жила только для него,—съ самаго дня его отъѣзда, Ты спросишь, какое основаніе было у меня надѣяться? Мнѣ кажется, что у меня было основаніе на это. Но когда онъ вернулся,—все какъ бы изгладилось изъ его памяти. Онъ не замѣтилъ меня.

Лона Гессель. Это Дина бросала на тебя тѣнь, Марта.

Марта Берникъ. Хорошо, что она это сдѣлала. Въ то время, какъ онъ уѣзжалъ, мы были однихъ лѣтъ; когда я увидѣла его опять,—о, ужасная минута!—тогда мнѣ стало сразу замѣтно, что я теперь старѣе его на десять лѣтъ. Онъ странствовалъ по свѣту подъ яркими лучами солнца, и съ каждымъ дыханіемъ воспринималъ въ себя молодость и здоровье; а я сидѣла все время здѣсь, жила изо дня въ день и все пряла, и пряла—

Лона Гессель. Нить его счастья, Марта.

Марта Берникъ. Да, я пряла золотую нить. Но никакой горечи нѣтъ во мнѣ! Не правда-ли, Лона, мы были для него двумя добрыми сестрами?

Лона Гессель (*обнимая ее*) Марта!

(*Консулъ Берникъ выходитъ изъ своего кабинета*).

Консулъ Берникъ (*обращаясь къ мужчинамъ, оставшимся въ кабинетѣ*). Да, да, дѣлайте, какъ знаете. Когда придетъ время, я съумѣю.—(*Закрываетъ дверь*). Ахъ, вы здѣсь? Послушай, Марта, ты должна немного пріодѣться. И скажи Бетти, чтобы она сдѣлала то-же. Я не желаю, конечно, никакихъ особенныхъ нарядовъ; надо надѣть какой-нибудь домашній изящный костюмъ. Но, пожалуста, поспѣшите.

Лона Гессель. И у васъ должны быть веселыя, счастливыя лица, и глаза должны сіять радостью.

Консулъ Берникъ. Олафъ также долженъ спуститься внизъ; я хочу, чтобы онъ стоялъ рядомъ со мною.

Лона Гессель. Гмъ! Олафъ—

Марта Берникъ. Я сейчасъ сообщу все Бетти. (*Уходитъ въ крайнюю дверь налѣво).*

Лона Гессель. Да, наконецъ-то наступила великая торжественная минута.

Консулъ Берникъ *(ходитъ съ тревогою взадъ и впередъ).* Да, наступила.

Лона Гессель. Въ такую минуту человѣкъ долженъ чувствовать себя гордымъ и счастливымъ, такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ это представляется.

Консулъ Берникъ *(глядя на нее).* Гмъ!

Лона Гессель. Мнѣ говорили, что весь городъ будетъ иллюминованъ.

Консулъ Берникъ. Да, они придумали нѣчто вродѣ этого.

Лона Гессель. Всѣ общества будутъ участвовать въ процессіи со своими знаменами. Твое имя будетъ сіять огненными буквами. Сегодня ночью во всѣ мѣстности будетъ телеграфировано: „окруженный своей счастливой семьей консулъ Берникъ принималъ привѣтствія своихъ согражданъ въ качествѣ одного изъ столповъ общества“.

Консулъ Берникъ. Такъ и будетъ; и будутъ кричать ура передъ моимъ домомъ, и толпа будетъ привѣтствовать меня здѣсь у дверей, а я буду вынужденъ кланяться и благодарить.

Лона Гессель. А-а, *вынужденъ*—!

Консулъ Берникъ. Неужели ты думаешь, что я чувствую себя счастливымъ въ настоящую минуту?

Лона Гессель. Нѣтъ, я не думаю, чтобы ты чувствовалъ себя такъ ужъ совсѣмъ счастливымъ.

Консулъ Берникъ. Лона, ты презираешь меня.

Лона Гессель. Еще нѣтъ.

Консулъ Берникъ. И ты не имѣешь на это права. Не имѣешь никакого права презирать меня!—Лона, ты не можешь понять, до какой степени одинокимъ стою я средн этого жалкаго, уродливаго общества,—какъ я долженъ былъ изъ года въ годъ понижать требованія, которыя предъявлялъ къ общественной дѣятельности, наполняющей всецѣло жизнь. Кажется, какъ будто я много сдѣлалъ, но правда ли это? Все это мелочи,—мишура. Но чего-нибудь большаго или другого здѣсь не потерпятъ. Если мнѣ и хотѣлось иногда сдѣлать шагъ впередъ, не обращая вниманія на господствующее настроеніе и на господствующіе взгляды, я оказывался безсильнымъ. Знаешь ли, что представляемъ изъ себя мы, мы, которыхъ считаютъ столпами общества? Мы—орудія общества, ни больше, ни меньше.

Лона Гессель. Почему ты только теперь замѣтилъ это?

Консулъ Берникъ. Потому что я много думалъ въ послѣднее время,—съ тѣхъ поръ, какъ ты вернулась:—и больше всего въ этотъ вечеръ.—Ахъ, Лона, почему я не зналъ тебя такъ хорошо тогда, —въ тѣ старые дни!

Лона Гессель. А что же измѣнилось бы отъ этого?

Консулъ Берникъ. Я никогда не выпустилъ бы тебя; никогда не отказался бы отъ тебя; а если бы ты стояла рядомъ со мной, я никогда не сдѣлался бы такимъ, какъ теперь.

Лона Гессель. А ты не думаешь о томъ, чѣмъ могла бы сдѣлаться для тебя *она*, та, которую ты избралъ вмѣсто меня?

Консулъ Берникъ. Я знаю одно, что она не сдѣлалась для меня той женой, въ которой я нуждался.

Лона Гессель. Потому что ты никогда не дѣлился съ ней своей жизненной задачей; потому что ты никогда не ставилъ себя съ ней въ правдивыя и свободныя отношенія; потому что ты допускаешь ее испытывать мученія совѣсти по поводу позора, который яко бы навлекъ на тебя однимъ изъ ея близкихъ.

Консулъ Берникъ. Да, да, да; въ основѣ всего лежатъ ложь и лицемѣріе.

Лона Гессель. Зачѣмъ же ты не порвешь со всей этой ложью и лицемѣріемъ?

Консулъ Берникъ. Теперь?—Теперь слишкомъ поздно, Лона.

Лона Гессель. Карстенъ, скажи мнѣ, какое удовлетвореніе даетъ тебѣ эта маска, которую ты постоянно носишь, этотъ обманъ?

Консулъ Берникъ. Мнѣ они не приносятъ никакого удовлетворенія. Я ничего не имѣю противъ того, чтобы погибнуть со всѣмъ этимъ лицемѣрнымъ обществомъ; но послѣ насъ выростаетъ новое поколѣніе; я работаю для своего сына; ему я готовлю дѣло, которое должно всецѣло охватить его. Наступитъ время, когда правда воцарится въ общественной жиз-

ни,—и тогда онъ съумѣетъ устроить для себя болѣе счастливую жизнь, чѣмъ его отецъ.

Лона Гессель. Съ ложью въ основаніи ея? Подумай только, что ты передаешь въ наслѣдство своему сыну.

Консулъ Берникъ *(съ подавленнымъ отчаяньемъ)*. Я передаю ему въ тысячу разъ болѣе тяжелое наслѣдство, чѣмъ то, о которомъ ты знаешь. Но когда-нибудь проклятіе должно быть снято съ меня. И однако—все же—*(Вспыльчиво)*. Зачѣмъ навлекли вы все это на мою голову! Но что случилось, того ужъ не воротишь. Теперь я долженъ идти впередъ. Вамъ не удастся сокрушить меня!

(Гильмаръ Теннесенъ. съ распечатанной запиской въ рукахъ, входитъ быстро справа, взволнованный).

Гильмаръ Теннесенъ. Но это ужасно! Бетти, Бетти!

Консулъ Берникъ. Что съ тобой? Они уже идутъ?

Гильмаръ. Нѣтъ, нѣтъ; но я долженъ непремѣнно переговорить съ кѣмъ-нибудь—*(Уходитъ въ крайнюю дверь налѣво)*.

Лона Гессель. Карстенъ,—ты говоришь, что мы пришли для того, чтобы сокрушить тебя. Такъ я скажу тебѣ теперь, каковъ этотъ блудный сынъ, отъ котораго ваше нравственное общество отстраняется, какъ отъ зачумленнаго. Онъ можетъ теперь обойтись безъ васъ, потому что онъ уѣхалъ.

Консулъ Берникъ. Но онъ вернется—

Лона Гессель. Іоганъ никогда не вернется; онъ уѣхалъ навсегда, и Дина уѣхала съ нимъ?

Консулъ Берникъ. Никогда не вернется? И Дина уѣхала съ нимъ?

Лона Гессель. Да, чтобы сдѣлаться его женою. Такимъ образомъ они оба бросаютъ перчатку въ лицо вашего добродѣтельнаго общества, какъ я когда-то—вотъ!

Консулъ Берникъ. Уѣхала,—и она также;—на „Indian Girl“!

Лона Гессель. Нѣтъ; такого дорогого для него существа онъ не рѣшилъ довѣрить непрочному судну. Іоганъ и Дина уѣхали на „Пальмовомъ деревѣ“.

Консулъ Берникъ. Ахъ, значитъ, все напрасно! *(Быстро подходитъ къ двери кабинета, открываетъ ее и кричитъ:* Крапъ, остановите „Indian Girl“; она не должна уѣзжать въ море сегодня вечеромъ!

Управляющій Крапъ. *(извнутри)*. „Indian Girl“ уже выѣхала въ море, г. консулъ.

Консулъ Берникъ *(закрываетъ дверь и говоритъ упавшимъ голосомъ)*. Слишкомъ поздно—и безполезно—

Лона Гессель. Что ты хочешь сказать?

Консулъ Берникъ. Ничего, ничего. Уиди отъ меня—!

Лона Гессель. Гмъ! Посмотри сюда, Карстенъ. Іоганъ поручилъ передать тебѣ, что онъ вѣряетъ мнѣ то имя и ту репутацію, которую онъ когда-то далъ тебѣ взаймы,—а также и ту репутацію, которую ты отнялъ у него во время его отсутствія. Іоганъ будетъ молчать; а я могу въ этомъ дѣлѣ распоряжаться по собственному усмотрѣнію. Вотъ, посмотри, я держу въ рукахъ оба твои письма.

Консулъ Берникъ. У тебя они! И теперь—и теперь ты хочешь—еще сегодня вечеромъ,—быть можетъ, во время шествія—

Лона Гессель. Я пришла сюда вовсе не для того, чтобы выдать тебя; но я хотѣла потрясти тебя такъ, чтобы ты добровольно заговорилъ. Мнѣ это не удалось. Такъ и покойся на своей лжи! Посмотри сюда; я рву на клочки оба твои письма. Возьми ихъ себѣ, эти клочки;—вотъ они. Теперь нѣтъ ничего, что могло бы свидѣтельствовать противъ тебя, Карстенъ. Теперь ты увѣренъ въ безопасности; будь же и счастливъ,—если можешь.

Консулъ Берникъ *(въ сильномъ волненіи)*. Лона,—зачѣмъ ты не сдѣлала этого раньше! Теперь слишкомъ поздно; теперь жизнь потеряла для меня всякую цѣну; я не могу больше жить послѣ этого дня.

Лона Гессель. Что же случилось?

Консулъ Берникъ. Не спрашивай меня.—Но все же я *долженъ* жить! Я *хочу* жить—для Олафа! Онъ долженъ все исправить, все искупить—

Лона Гессель. Карстенъ—!

(Гильмаръ Теннесенъ поспѣшно возвращается).

Гильмаръ. Никого нѣтъ нигдѣ; всѣ ушли; даже Бетти нѣтъ!

Консулъ Берникъ. Чего тебѣ нужно?

Гильмаръ. Я не смѣю передать этого тебѣ.

Консулъ Берникъ. Въ чемъ дѣло? Ты долженъ мнѣ сказать!

Гильмаръ. Ну, хорошо; Олафъ убѣжалъ на „Indian Girl".

Консулъ Берникъ *(отступая шагъ назадъ)*. Олафъ—на „Indian Girl"! Нѣтъ, нѣтъ!

Лона Гессель. Нѣтъ, убѣжалъ! Теперь я понимаю—; я видѣла, какъ онъ выпрыгнулъ изъ окна.

Консулъ Берникъ *(въ дверяхъ своего кабинета, кричитъ въ отчаяніи)*. Крапъ, остановите „Indian Girl" во чтобы то ни стало!

Управляющій Крапъ *(выходитъ изъ кабинета)*. Невозможно, г. консулъ. Какъ могло вамъ прійти это въ голову—?

Консулъ Берникъ. Мы должны остановить „Indian Girl"; тамъ Олафъ!

Крапъ. Что вы говорите!

Коммерсантъ Руммель *(выходитъ)*. Олафъ убѣжалъ? Невозможно!

Купецъ Зандштадъ *(выходитъ)*. Его возвратятъ съ лоцманомъ, г. консулъ.

Гильмаръ Теннесенъ. Нѣтъ, нѣтъ; онъ написалъ мнѣ. *(Показываетъ записку)*. Онъ сказалъ, что спрячется въ трюмѣ, пока корабль не выйдетъ въ открытое море.

Консулъ Берникъ. Я никогда больше не увижу его!

Руммель. Ну, что за глупости! Такой крѣпкій, хорошій корабль, только что исправленный—

Вигеландъ *(который также вышелъ изъ кабинета)*. Изъ вашей собственной верфи, г. консулъ!

Консулъ Берникъ. Я никогда больше не увижу его, говорю я вамъ. Я потерялъ его, Лона, и—теперь я вижу это,—я никогда не обладалъ имъ. *(Прислушивается)*. Что это такое?

Руммель. Музыка. Подходитъ процессія съ знаменами.

Консулъ Берникъ. Я не могу, я не хочу принимать кого-бы то ни было!

Руммель. Что ты говоришь? Это невозможно!

Зандштадъ. Невозможно, г. консулъ; подумайте, чѣмъ вы рискуете.

Консулъ Берникъ. Какое значеніе имѣетъ для меня все это теперь! Для кого мнѣ работать?

Руммель. Какъ ты можешь спрашивать? У тебя остались мы и общество.

Вигеландъ. Вѣрно сказано.

Зандштадъ. И консулъ, надѣюсь, не забудетъ, что мы—

(Марта Берникъ входитъ изъ крайней двери налѣво. Издали доносятся звуки музыки, которая все болѣе и болѣе усиливается).

Марта Берникъ. Процессія приближается; но Бетти нѣтъ дома; я не понимаю, куда она дѣлась—

Консулъ Берникъ. Ея нѣтъ дома! Вотъ видишь, Лона; никакой опоры ни въ радости, ни въ горѣ!

Руммель. Долой занавѣсы! Идите сюда, помогите мнѣ, г. Крапъ. Идите также сюда, г. Зандштадъ. Какъ жаль, что семья разошлась во всѣ стороны; совершенно противно программѣ.

(Занавѣсы раздвигаются на окнахъ и дверяхъ; виднѣется иллюминованная улица. Прямо передъ домомъ показывается большой транспарантъ, съ надписью: „Да здравствуетъ Карстенъ Берникъ, столпъ нашего общества!".

Консулъ Берникъ *(робко дѣлая шагъ назадъ)* Долой все это! Я не хочу этого видѣть! Тушите, тушите!

Коммерсантъ Руммель. Что съ тобой? Ты въ своемъ разсудкѣ?

Марта Берникъ. Что съ нимъ, Лона?

Лона Гессель. Тише!

(Говоритъ тихо съ нею).

Консулъ Берникъ. Долой эту насмѣшливую надпись, говорю я вамъ! Развѣ вы не видите, что всѣ эти свѣчи протягиваютъ къ намъ свои язычки?

Руммель. Нѣтъ, теперь я долженъ признаться—

Консулъ Берникъ. Ахъ, что вы понимаете—! Но я, я—! Весь этотъ свѣтъ —въ гробницѣ!

Крапъ. Гмъ!

Руммель. Знаешь ли что,—ты слишкомъ близко принимаешь это къ сердцу.

Зандштадъ. Мальчикъ прогуляется по Атлантическому океану,—затѣмъ вернется къ вамъ.

Вигеландъ. Надо довѣриться волѣ Всемогущаго, г. консулъ.

Руммель. А также прочности корабля, Берникъ; вѣдь нѣтъ никакихъ опа-

сеній, насколько я знаю, что онъ можетъ потонуть.

Управляющій Кранъ. Гмъ!

Руммель. Если бы это была одна изъ тѣхъ плавающихъ гробницъ, которыя такъ часто встрѣчаются въ большихъ обществахъ,—

Консулъ Берникъ. Я чувствую, что мои волосы посѣдѣютъ за этотъ часъ.

(*Г-жа Берникъ, съ большою шалью на головѣ, входитъ черезъ садовую дверь*).

Г-жа Берникъ. Карстенъ, Карстенъ, ты знаешь—?

Консулъ Берникъ. Да, конечно, знаю; но ты,—ты, которая ничего не видитъ,—ты, которая должна была материнскими глазами слѣдить за нимъ—!

Г-жа Берникъ. Но выслушай же—!

Консулъ Берникъ. Зачѣмъ ты не наблюдала за нимъ? Теперь я потерялъ его. Возврати мнѣ его, если можешь!

Г-жа Берникъ. Да, я могу; онъ у меня!

Консулъ Берникъ. Онъ у тебя!

Присутствующіе. Ахъ!

Гильмаръ Теннесенъ. Ну, я такъ и думалъ.

Марта Берникъ. Ты получилъ его обратно, Карстенъ!

Лона Гессель. Да, такъ и заслужи его теперь.

Консулъ Берникъ. Онъ у тебя! Ты говоришь правду? Гдѣ же онъ?

Г-жа Берникъ. Этого ты не узнаешь, пока не простишь его.

Консулъ Берникъ. Какое тамъ прощеніе—! Но какъ же ты узнала—?

Г-жа Берникъ. Ты думаешь, что мать не видитъ? Я была въ смертельномъ ужасѣ, чтобы ты чего-нибудь не узналъ. Два слова, сказанныя имъ вчера—; и когда его комната оказалась пустой, а его платье и ранецъ унесены—

Консулъ Берникъ. Ну что же—?

Г-жа Берникъ. Тогда я побѣжала и встрѣтила Ауне; мы оба сѣли на его парусную лодку; американское судно уже готово было отплыть въ море. Но, слава Богу, мы пришли во время:—взошли на корабль,—заставили обыскать трюмъ,—и нашли Олафа.—О, Карстенъ, ты не долженъ наказывать его!

Консулъ Берникъ. Бетти!

Г-жа Берникъ. И Ауне также!

Консулъ Берникъ. Ауне? Что ты знаешь о немъ? Развѣ „Indian Girl“ опять выѣхала въ море?

Г-жа Берникъ. Нѣтъ, въ томъ-то и суть—

Консулъ Берникъ. Говори, говори!

Г-жа Берникъ. Ауне былъ такъ же сильно взволнованъ, какъ и я; для обыска понадобилось много времени; сумерки сгустились, такъ что лоцманъ началъ дѣлать возраженія; тогда Ауне рискнулъ—отъ твоего имени—

Консулъ Берникъ. Ну?

Г-жа Берникъ. Остановить корабль до завтрашняго утра.

Управляющій Кранъ. Гмъ!

Консулъ Берникъ. Ахъ, какое невѣроятное счастье!

Г-жа Берникъ. Ты не сердишься?

Консулъ Берникъ. Ахъ, какое счастье, Бетти!

Коммерсантъ Руммель. Ты, право, слишкомъ совѣстливъ.

Гильмаръ Теннесенъ. Да, когда вопросъ идетъ о небольшой борьбѣ съ стихіями сейчасъ же—уфъ!

Управляющій Кранъ (*у окна*). Теперь процессія повернула въ ворота сада, г. консулъ.

Консулъ Берникъ. Да, теперь они могутъ прійти.

Руммель. Весь садъ полонъ людьми.

Зандштадъ. Вся улица запружена народомъ.

Руммель. Весь городъ на ногахъ, Берникъ. Это дѣйствительно возвышающая душу минута.

Вигеландъ. Примемъ все это съ смиренной душой, г. Руммель.

Руммель. Всѣ знамена развернуты. Какая процессія! А вотъ и распорядительный комитетъ съ адъюнктомъ Рерлундомъ во главѣ.

Консулъ Берникъ. Пусть они прійдутъ, говорю я вамъ!

Руммель. Но послушай; въ томъ взволнованномъ состояніи духа, въ какомъ ты находишься—

Консулъ Берникъ. Такъ что же?

Руммель. Я ничего не имѣю противъ того, чтобы говорить вмѣсто тебя.

Консулъ Берникъ. Нѣтъ, спасибо; сегодня вечеромъ я хочу говорить самъ.

Руммель. Но ты знаешь, что ты долженъ сказать?

Консулъ Берникъ. Да, будь спокоенъ, Руммель,—теперь я знаю, что я долженъ сказать.

(Музыка тѣмъ временемъ прекращается. Садовая дверь открывается. Адъюнктъ Ерлундъ во главѣ распорядительнаго комитета входитъ въ залъ, въ сопровожденіи двухъ слугъ, которые несутъ закрытую корзину. За ними появляются граждане города различныхъ сословій. Ихъ столько, что зала едва можетъ вмѣстить ихъ. Громадная толпа съ знаменами и флагами показывается въ саду и на улицѣ).

Адъюнктъ Ерлундъ. Высокоуважаемый г. консулъ! Я вижу по удивленію, выразившемуся на вашемъ лицѣ, что мы неожиданными гостьми вторгаемся къ вамъ, въ вашъ счастливый семейный кругъ, который группируется вокругъ вашего мирнаго очага, окруженный честными и дѣятельными друзьями и согражданами. Но мы чувствовали сердечную потребность принесть вамъ наши поздравленія. Не впервые случалось намъ приходить къ вамъ съ поздравленіями, но это никогда не совершалось въ такомъ громадномъ размѣрѣ. Мы много разъ приносили уже вамъ нашу благодарность за широкую нравственную основу, которую вы, какъ говорятъ, доставили нашему обществу. Въ настоящее время мы выражаемъ вамъ свой привѣтъ, какъ самому проницательному, неутомимому, безкорыстному гражданину, готовому принести всевозможныя жертвы,—выражаемъ его вамъ за то, что вы взяли на себя инициативу предпріятія, которое по мнѣнію всѣхъ знающихъ людей доставитъ могущественный толчекъ процвѣтанію и благосостоянію этого общества.

Голоса среди толпы. Браво, браво!

Адъюнктъ Ерлундъ. Г. консулъ, вы цѣлый рядъ лѣтъ служили для нашего города блестящимъ примѣромъ. Я не говорю о вашей образцовой семейной жизни, не говорю и о вашей безупречной нравственной репутаціи. О подобныхъ вещахъ можно говорить глазъ на глазъ, но никакъ не въ праздничной залѣ! Но я говорю о вашей гражданской дѣятельности, которая протекала на глазахъ у всѣхъ. Прекрасно снаряженныя суда выходятъ изъ вашихъ верфей и везутъ норвежскій флагъ въ отдаленныя моря. Многочисленные и счастливые рабочіе, трудящіеся подъ вашимъ руководствомъ, смотрятъ на васъ, какъ на отца. Создавая новыя отрасли дохода, вы доставили благосостояніе сотнямъ семей. Другими словами—вы столпъ этого общества въ самомъ обширномъ значеніи этого слова.

Голоса. Слушайте, слушайте, браво!

Адъюнктъ Ерлундъ. И именно это безкорыстіе, которымъ проникнута вся ваша дѣятельность, оказываетъ неотразимое вліяніе, особенно въ наше время. Теперь вы задумали создать для насъ—да, я, не задумываясь, произношу это прозаическое слово—желѣзную дорогу.

Многіе голоса. Браво! Браво!

Адъюнктъ Ерлундъ. Но это предпріятіе можетъ встрѣтить на пути своего осуществленія затрудненія, вытекающія главнымъ образомъ изъ эгоистическихъ разсчетовъ.

Голоса. Слушайте, слушайте!

Адъюнктъ Ерлундъ. Вамъ, конечно, не безъизвѣстно, что нѣкоторыя лица, не принадлежащія къ нашему обществу, предупредили трудолюбивыхъ гражданъ города и овладѣли нѣкоторыми преимуществами, которыя по праву должны были бы достаться намъ.

Голоса. Да, да! Слушайте!

Адъюнктъ Ерлундъ. Это грустное извѣстіе было, конечно, доведено и до вашего свѣдѣнія, г. консулъ. Тѣмъ не менѣе, вы неуклонно продолжали осуществлять ваше предпріятіе, прекрасно понимая, что гражданинъ государства не долженъ заботиться исключительно о пользѣ своего собственнаго города.

Различные голоса. Гмъ! Нѣтъ! нѣтъ! Да! да!

Адъюнктъ Ерлундъ. Мы чествуемъ сегодня вечеромъ человѣка, который является настоящимъ гражданиномъ въ государствѣ,—такого человѣка, какимъ должны были бы быть всѣ. Дай Богъ, чтобы ваше предпріятіе осуществилось и принесло счастье этому обществу! Желѣзная дорога можетъ дѣйствительно послужить къ тому, чтобы привозить къ намъ изъ-за границы вредные элементы, но она съ такою же быстротой можетъ избавить насъ отъ нихъ. А отъ вредныхъ элементовъ мы даже теперь не можемъ совершенно избавиться. Но что мы какъ разъ въ этотъ праздничный вечеръ, судя по слухамъ, самымъ счастливымъ образомъ и скорѣе, чѣмъ ожидали, избавились отъ нѣкоторыхъ подобныхъ элементовъ.

Голоса. Тише! тише!

Адъюнктъ Ерлундъ.—Это я считаю счастливымъ предзнаменованіемъ для нашего предпріятія. Если я касаюсь здѣсь этого пункта, то лишь для того, чтобы показать, что мы находимся въ домѣ,

въ которомъ этическія требованія ставятся выше семейныхъ узъ.

Голоса. Слушайте! Браво!

Консулъ Берникъ (*одновременно*). Позвольте мнѣ—

Адъюнктъ Рерлундъ. Только пару словъ, г. консулъ. Создавая такъ много для этого города, вы ни разу не увлеклись задней мыслью, что это можетъ доставить вамъ существенныя выгоды. Но скромное доказательство признательности со стороны вашихъ согражданъ вы не должны отвергать, тѣмъ болѣе въ настоящій многозначительный часъ, когда мы, по увѣреніямъ практическихъ дѣятелей, стоимъ передъ началомъ новой эпохи.

Многіе голоса. Браво! Слушайте, слушайте!

(*Адъюнктъ Рерлундъ даетъ слугамъ знакъ; они подносятъ ближе корзину; члены распорядительнаго комитета вынимаютъ и подносятъ одинъ за другимъ предметы, о которыхъ говорится ниже*).

Адъюнктъ Рерлундъ. Позвольте намъ, г. консулъ преподнесть вамъ этотъ серебряный кофейный сервизъ. Пусть онъ украшаетъ вашъ столъ, когда мы будемъ имѣть удовольствіе въ будущемъ собираться въ вашемъ гостепріимномъ домѣ, какъ мы это такъ часто дѣлали до сихъ поръ.

И васъ также, господа, оказавшихъ такую помощь первому гражданину нашего общества, мы просимъ принять на память этотъ небольшой даръ. Этотъ серебряный бокалъ предназначенъ вамъ, г. Руммель. Вы такъ часто въ краснорѣчивыхъ словахъ подъ звонъ бокаловъ защищали гражданскіе интересы этого общества; дай Богъ, чтобы вы часто находили достойные поводы для того, чтобы подымать и опорожнять этотъ бокалъ.— Вамъ, г. Завдштадъ, я передаю этотъ альбомъ съ фотографіями вашихъ согражданъ. Ваша извѣстная и признанная всѣми гуманность доставила вамъ возможность пріобрѣсть себѣ друзей во всѣхъ классахъ общества.—А вамъ, г. Вигеландъ, я подношу для украшенія вашего кабинета этотъ молитвенникъ на веленевой бумагѣ, въ роскошномъ переплетѣ. Подъ вліяніемъ лѣтъ, прожитыхъ вами, вы пріобрѣли себѣ возвышенное міросозерцаніе; ваша дѣятельность въ будничной жизни отличалась всегда благородствомъ, благодаря тому, что вы думали всегда при этомъ о будущей загробной жизни, о небѣ. (*Оборачивается къ толпѣ*). А теперь, друзья мои, да здравствуетъ консулъ Берникъ и его сотрудники! Ура, да здравствуютъ столпы общества!

Вся толпа. Да здравствуетъ консулъ Берникъ! Да здравствуютъ столпы общества! Ура, ура, ура!

Лона Гессель. Желаю тебѣ счастья, зять!

(*Молчаніе, полное ожиданія*).

Консулъ Берникъ (*начинаетъ серьезно и медленно*) Сограждане,— вашъ ораторъ заявилъ, что мы сегодня вечеромъ стоимъ передъ началомъ новой эпохи,—я надѣюсь, что такъ оно и будетъ. Но для того, чтобы это случилось, мы должны усвоить себѣ правду,—правду, которая до сегодняшняго вечера не имѣла нигдѣ пристанища въ нашемъ обществѣ.

(*Удивленіе среди присутствующихъ*).

Консулъ Берникъ, Я долженъ прежде всего отстранить тѣ похвалы, которыми вы, г. адъюнктъ, осыпали меня согласно обыкновенію, принятому при такого рода обстоятельствахъ. Я не заслуживаю ихъ; до настоящаго дня я никогда не былъ безкорыстнымъ человѣкомъ. Если я не всегда стремился къ денежной выгодѣ, то все же я въ настоящее время убѣдился, что побудительными причинами моихъ дѣйствій была жажда вліянія, могущества и почета.

Коммерсантъ Руммель (*вполголоса*) Что это онъ говоритъ?

Консулъ Берникъ. Передъ лицомъ моихъ согражданъ я все же не могу дѣлать себѣ упрековъ; такъ какъ я продолжаю думать, что и теперь могу стоять въ ряду самыхъ достойныхъ у насъ людей.

Много Голосовъ. Да, да, да!

Консулъ Берникъ. Но въ чемъ я упрекаю себя, это въ слишкомъ большой слабости, которая заставляла меня идти окольнымъ путемъ, такъ какъ, зная недостатокъ нашего общества, я опасался, чтобы оно не увидѣло нечистыхъ побужденій въ томъ, что я собирался предпринимать. А теперь я подхожу къ самой сути дѣла.

Коммерсантъ Руммель (*въ безпокойствѣ*). Гмъ—гмъ!

Консулъ Берникъ. Здѣсь ходитъ слухъ о скупкѣ большихъ земельныхъ владѣній въ странѣ. Эти имѣнія скупилъ всѣ я одинъ.

Сдержанные голоса. Что онъ говоритъ? Консулъ? Консулъ Берникъ?

Консулъ Берникъ. Они покамѣстъ находятся въ моихъ рукахъ. Конечно, я довѣрился во всемъ моимъ сотрудникамъ, гг. Руммелю, Зандштаду и Вигеланду, и мы согласились—

Коммерсантъ Руммель. Это неправда! Докажите,—докажите—!

Купецъ Вигеландъ. У насъ не было насчетъ этого никакого соглашенія!

Купецъ Зандштадъ. Нѣтъ, я долженъ сказать—

Консулъ Берникъ. Совершенно вѣрно; мы еще не успѣли сговориться о томъ, что я хочу разсказать. Но я твердо надѣюсь, что всѣ эти три господина согласятся со мною, когда я скажу слѣдующее: сегодня вечеромъ я пришелъ къ убѣжденію, что эти имѣнія должны быть предоставлены въ всеобщее пользованіе акціонерной компаніи; каждый, кто захочетъ, можетъ получить свою долю въ этихъ имѣніяхъ.

Много голосовъ. Ура! Да здравствуетъ консулъ Берникъ!

Коммерсантъ Руммель *(тихо консулу Бернику)*. Такая низкая измѣна—!

Купецъ Зандштадъ *(также)*. Одурачили насъ—!

Купецъ Вигеландъ. Ну, чортъ побери—! Ахъ, Боже, что я сказалъ!

Толпа *(передъ домомъ)*. Ура, ура, ура!

Консулъ Берникъ. Тише, господа. Я не имѣю права на всѣ эти привѣтствія; потому что то, что я теперь рѣшилъ, не входило вначалѣ въ мои разсчеты. Я намѣревался удержать все въ моихъ рукахъ; я и теперь продолжаю держаться убѣжденія, что эти имѣнія принесутъ наибольшую пользу, если останутся въ вѣдѣніе одного человѣка. Но этого человѣка можно избрать. И если вы пожелаете, я согласенъ управлять ими и посвящать этому дѣлу всѣ свои силы.

Голоса. Да! да! да!

Консулъ Берникъ. Но сначала мои сограждане должны узнать меня вполнѣ. Пусть каждый изслѣдуетъ самого себя, и рѣшимъ всѣ твердо, что съ сегодняшняго вечера начинается новая эра. Старое время со своими прикрасами, со своимъ лицемѣріемъ, со своей пустотой, со своими лживыми приличіями и жалкою трусливостью, пусть останется для насъ какъ-бы музеемъ, открытымъ для поученія; и этому музею мы подаримъ,— не правда-ли господа?—и кофейный сервизъ, и бокалъ, и альбомъ, и молитвенникъ на веленевой бумагѣ въ роскошномъ переплетѣ.

Коммерсантъ Руммель. Да, конечно!

Купецъ Вигеландъ *(бормочетъ)*. Разъ вы взяли все остальное, то—

Купецъ Зандштадъ. Сдѣлайте одолженіе!

Консулъ Берникъ. А теперь перейдемъ къ главному вопросу, который я долженъ обсудить съ нашимъ обществомъ. Здѣсь было сказано, что сегодня вечеромъ насъ покинули вредные элементы. Могу прибавить то, чего никто не знаетъ: тотъ человѣкъ, о которомъ говорятъ, уѣхалъ не одинъ; за нимъ послѣдовала, чтобы сдѣлаться его женой—

Лона Гессель *(громко)*. Дина Дорфъ!

Адъюнктъ Рерлундъ. Что?

Г-жа Берникъ. Что ты говоришь?

(Сильное волненіе).

Адъюнктъ Рерлундъ. Ушла? Убѣжала—съ нимъ! Невозможно!

Консулъ Берникъ. Чтобы сдѣлаться его женою, г. адъюнктъ. Скажу еще больше. *(Тихо)*. Бетти, соберись съ духомъ, постарайся перенести мужественно то, что я сейчасъ скажу. *(Громко)*. Я говорю: шапку долой передъ этимъ человѣкомъ, потому что онъ великодушно взялъ на себя чужую вину! Сограждане, я хочу совершенно избавиться отъ лжи; она чуть было не уничтожила во мнѣ всѣхъ честныхъ побужденій.—Вы узнаете все. Виновнымъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ былъ *я*.

Г-жа Берникъ. *(тихо, дрожа)*. Карстенъ!

Марта Берникъ *(также)*. Ахъ, Іоганъ—!

Лона Гессель. Ты, наконецъ, одержалъ надъ собою побѣду!

(Безмолвное удивленіе среди присутствующихъ).

Консулъ Берникъ. Да, сограждане, я былъ виновенъ, а онъ уѣхалъ. Теперь не въ человѣческихъ силахъ доказать несправедливость всѣхъ тѣхъ злыхъ и ложныхъ слуховъ, которые распространялись послѣ его отъѣзда. Но на это я не смѣю жаловаться. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ я поднялся благодаря этимъ слухамъ; если я теперь паду подъ ихъ бременемъ, это будетъ лишь отплатой за прошлую вину.

Адъюнктъ Рерлундъ. Какой ударъ! Первый гражданинъ нашего горо-

да—! (*Вполголоса г-жѣ Бернике*). Какъ я сожалѣю о васъ, г-жа Бернике!

Гильмаръ Теннесенъ. Какое признаніе! Ну, я долженъ сказать—!

Консулъ Бернике. Но сегодня вечеромъ не надо ничего рѣшать. Я прошу каждаго изъ васъ отправиться домой, —поразмыслить хорошенько, заглянуть въ глубь своей души. Когда вы совершенно успокоитесь, тогда только можно узнать, выигралъ-ли я въ вашихъ глазахъ тѣмъ, что сказалъ, или проигралъ. Прощайте. Мнѣ нужно раскаяться еще во многомъ, во многомъ; но это ужъ дѣло моей совѣсти. Спокойной ночи! Долой всѣ праздничныя украшенія! Мы чувствуемъ всѣ, что они не у мѣста.

Адъюнктъ Рерлундъ. Конечно, нѣтъ! (*Вполголоса г-жѣ Бернике*). Убѣжала! Она была, значитъ, совершенно недостойна меня. (*Вполголоса членамъ распорядительнаго комитета*). Да, господа, я думаю, что послѣ этого намъ лучше всего молча удалиться.

Гильмаръ Теннесенъ. Какъ же возможно при такихъ условіяхъ держать высоко знамя идеи?—Уфъ!

(*Новость сообщается шепотомъ изъ устъ въ уста. Всѣ участники процессіи удаляются черезъ садъ. Руммель, Зандштадъ и Вигеландъ уходятъ, горячо, но не громко споря. Гильмаръ Теннесенъ тихонько уходитъ направо. Консулъ Бернике, г жа Бернике, Марта Бернике, Лона Гессель, управляющій Крапъ остаются въ гостиной среди глубокаго молчанія*).

Консулъ Бернике. Бетти, можешь ты простить мнѣ?

Г-жа Бернике (*глядитъ, улыбаясь, на него*). Знаешь ли ты, Карстенъ, что только теперь, спустя много лѣтъ, ты, открылъ мнѣ радостную перспективу будущаго?

Консулъ Бернике. Какимъ образомъ—?

Г-жа Бернике. Всѣ эти годы я была убѣждена что когда-то обладала тобой, а затѣмъ потеряла. Теперь я знаю, что никогда не обладала тобой; но я съумѣю тебя завоевать.

Консулъ Бернике (*обнимая ее*). Ты уже теперь завоевала меня! Только благодаря Лонѣ я научился, какъ слѣдуетъ, понимать тебя. Но позови сюда Олафа.

Г-жа Бернике. Да, ты сейчасъ увидишь его.—Г-нъ Крапъ—! (*Она говоритъ тихо съ нимъ въ глубинѣ сцены. Онъ уходитъ черезъ садовую дверь. Во время послѣдующей сцены всѣ транспаранты и свѣчи въ домѣ тушатся*).

Консулъ Бернике (*вполголоса*). Благодарю, Лона, ты спасла самое лучшее во мнѣ—и для меня.

Лона Гессель. Развѣ я чего-нибудь другого хотѣла?

Консулъ Бернике. Да—или нѣтъ? Я никакъ не могу понять тебя.

Лона Гессель. Гмъ!

Консулъ Бернике. Развѣ тобой руководила не ненависть? Не жажда мщенія? Зачѣмъ ты въ такомъ случаѣ пріѣхала сюда?

Лона Гессель. Старая дружба не ржавѣетъ.

Консулъ Бернике. Лона!

Лона Гессель. Когда Іоганъ разсказалъ мнѣ объ этой лжи, я поклялась себѣ: герой моей молодости сдѣлается попрежнему свободнымъ и правдивымъ.

Консулъ Бернике. Ахъ, какъ мало я, жалкій человѣкъ, заслужилъ это отъ тебя!

Лона Гессель. О, если бы мы, женщины, спрашивали о томъ, заслуживаетъ ли кто-нибудь нашей преданности, Карстенъ—!

(*Кораблестроитель Ауне входитъ съ Олафомъ изъ сада*).

Консулъ Бернике (*идетъ навстрѣчу ему*). Олафъ!

Олафъ. Папа, обѣщаю тебѣ никогда больше не

Консулъ Бернике. Не убѣгать?

Олафъ. Да, да, обѣщаю тебѣ, папа!

Консулъ Бернике. А я обѣщаю тебѣ никогда не давать повода для бѣгства. Теперь ты имѣешь право рости не какъ наслѣдникъ моей жизненной задачи, а какъ человѣкъ, котораго ожидаетъ въ будущемъ собственная жизненная задача.

Олафъ. И имѣю право сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ хочу?

Консулъ Бернике. Да, имѣешь.

Олафъ. Благодарю. Такъ я не хочу дѣлаться столпомъ общества.

Консулъ Бернике. Да? Почему нѣтъ?

Олафъ. Нѣтъ, потому что, какъ мнѣ кажется, это должно быть страшно скучно.

Консулъ Бернике. Ты будешь самимъ собой, Олафъ; а до остального намъ нѣтъ дѣла.—А вы, Ауне—

Кораблестроитель Ауне. Я знаю, г. консулъ; я долженъ получить отставку.

Консулъ Берникъ. Мы будемъ попрежнему вмѣстѣ работать, Ауне; и простите мнѣ—

Кораблестроитель Ауне. Какъ это? Вѣдь корабль не идетъ въ море сегодня вечеромъ?

Консулъ Берникъ. Онъ не пойдетъ и завтра утромъ. Я далъ вамъ слишкомъ мало времени для поправокъ. Вы должны старательнѣе осмотрѣть его.

Ауне. Всѣ поправки будутъ сдѣланы какъ слѣдуетъ, г. консулъ,—съ помощью новыхъ машинъ!

Консулъ Берникъ. Хорошо. Но поправки должны быть сдѣланы основательно и честно. Многое здѣсь у насъ нуждается въ основательныхъ и честныхъ поправкахъ. Спокойной ночи, Ауне.

Ауне. Спокойной ночи, г. консулъ;—благодарю, благодарю, благодарю! (*Уходитъ направо*).

Г-жа Берникъ. Теперь они всѣ ушли.

Консулъ Берникъ. И мы остались. Мое имя не горитъ больше огненными буквами; свѣчи въ окнахъ погасли.

Лона Гессель. Ты желалъ бы зажечь ихъ опять?

Консулъ Берникъ. Ни за что въ мірѣ! До чего я дошелъ! Вы ужаснетесь, когда узнаете все. Теперь мнѣ кажется, будто я пришелъ въ себя послѣ отравленія и собираюсь съ силами. Но я чувствую,—я могу сдѣлаться опять молодымъ и здоровымъ. О, подойдите ближе,—станьте тѣснѣе вокругъ меня. Иди, Бетти! Иди, Олафъ, мой сынъ! И ты, Марта;—я тебя не замѣчалъ всѣ эти годы—

Лона Гессель. Нѣтъ, охотно этому вѣрю; ваше общество—общество холостяковъ; я не вижу въ немъ женщины.

Консулъ Берникъ. Правда, правда; и именно поэтому,—да, это рѣшено. Лона, ты не уѣдешь отъ Бетти и меня.

Г-жа Берникъ. Нѣтъ, Лона, ты не уѣдешь!

Лона Гессель Нѣтъ, какъ могла бы я уѣхать отъ васъ, молодой парочки, когда вы только теперь начинаете устраивать общую жизнь? Развѣ я не пріемная мать? Я и Марта, мы двѣ старыя тетки. —Куда ты смотришь?

Марта Берникъ. Какъ небо яснѣетъ! Какъ свѣтло на морѣ! „Пальмовому дереву“ сопутствуетъ счастье.

Лона Гессель. Оно и везетъ счастье.

Консулъ Берникъ. А намъ—намъ—предстоитъ длинная, серьезная, рабочая жизнь—въ особенности мнѣ. Но пусть она наступаетъ; я ея не боюсь. Сомкнитесь только вы тѣснѣе вокругъ, вы, преданныя и правдивыя женщины! Я также научился одному въ эти дни: столпы общества—женщины!

Лона Гессель. Плохой мудрости научился ты, зять. (*Кладетъ руку ему на плечо*). Нѣтъ, ты ошибаешься; правда и свобода—вотъ столпы общества!

Оглавленіе I тома.

стр.

Генрихъ Ибсенъ, этюдъ М. В. Лучицкой I

Катилина, драма въ 3 дѣйствіяхъ 1

Вожди на Гельголандѣ, драма въ 4 дѣйствіяхъ 31

Претенденты на престолъ, историческая драма въ 5 дѣйствіяхъ 62

Фру Ингеръ изъ Эстрота, драма въ 5 дѣйствіяхъ 123

Празднество въ Сольгаугѣ, драма въ 3 дѣйствіяхъ 169

Нора, драма въ 3 дѣйствіяхъ 195

Гедда Габлеръ, драма въ 4 дѣйствіяхъ 235

Врагъ народа, драма въ 5 дѣйствіяхъ 281

Столпы общества, драма въ 4 дѣйствіяхъ 333

BRIGHAM YOUNG UNIVERSITY
3 1197 21419 8563

Date Due

All library items are subject to recall 3 weeks from the original date stamped.

NOV 17 2003		
MAR 27 2012		

Brigham Young University